

ИСТОРИЯ
НОРВЕГИИ

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Это первое в советской и зарубежной науке систематическое изложение истории Норвегии с древнейших времен до конца 70-х годов нашего века с позиций исторического материализма. Авторы рассказывают о набегах и завоеваниях норвежских викингов, выясняют причины упадка страны в XIV—XV вв., а затем ее хозяйственного возрождения после Великих географических открытий, подробно останавливаются на крутом повороте в судьбе Норвегии, наступившем вслед за Великой французской революцией и поражением Наполеона в России. Примерно треть книги посвящена XX в., преобразению Норвегии в развитое промышленное государство, особенностям рабочего движения страны, социальным завоеваниям трудящихся, борьбе норвежского народа с немецко-фашистскими оккупантами, развитию отношений Норвегии с Советской страной. Книга заканчивается обзором важнейших достижений культуры норвежского народа.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Я. ГУРЕВИЧ,

А. С. КАН (ответственный редактор),

И. П. РОЗДОРЖНЫЙ,

В. В. РОГИНСКИЙ (секретарь редакции)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Норвегия — непосредственный сосед нашей страны на Крайнем Севере. Ее история представляет большой интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя. Многие столетия этой истории прошли в отстаивании норвежским народом своего права на независимость, в упорной борьбе с суровой природой, с частой угрозой голода. За сравнительно короткий срок, в последние два века, Норвегия из беднейшей окраины Западной Европы вышла по уровню душевого национального дохода в первый десяток стран мира. Сопrotивляясь более сильным соседям, норвежский народ сумел восстановить и отстоять свою государственную независимость и национальную, культурную самобытность. Самой спокойной и мирной из границ Норвегии издавна был ее рубеж на северо-востоке, размежеванный всего полтора столетия назад. «Норвежцы и русские соседствуют тысячу лет, и между этими народами и их странами не было серьезных конфликтов», — так начинает свой труд по истории русско-норвежских отношений норвежский ученый¹.

Предлагаемая читателю книга является первым опытом систематического освещения истории Норвегии с марксистских позиций на русском языке. Марксистское понимание истории Скандинавии, в частности Норвегии, опирается не только на исторический материализм вообще, но и на отдельные мысли, наблюдения и целые статьи классиков марксизма-ленинизма².

История Норвегии привлекает пристальный интерес исследователей своим своеобразием. Общие закономерности исторического процесса обнаруживались в ней глубоко специфично. В отличие от других германских народов жители Скандинавии не участвовали в Великих переселениях IV—VI вв. и в завоевании Римской империи — их экспансия, походы викингов, потрясла Европу в IX—XI вв. Намного позднее, чем в других странах Западной Европы, в Норвегии пачался переход от доклассового к раннефеодальному обществу, и самый процесс генезиса феода-

¹ Selnes K. Norge — Russland grannfolk gjennom tusen år. Oslo, 1972, s. 5.

² Подробный перечень их произведений читатель найдет в библиографии к отдельным разделам книги.

лизма шел особыми путями и не привел к складыванию феодального строя того типа, который нередко называют «классическим». Эпидемии чумы, «Черная смерть» XIV в., повсюду в Европе имели катастрофические последствия, но, пожалуй, в одной лишь Норвегии эти последствия ощущались столь долго и самым непосредственным образом отразились на социальной структуре: множество дворян, разорившись, растворилось в массе крестьян. Ослабленная и в экономическом и в социальном отношении, Норвегия не смогла сохранить свою политическую самостоятельность и оказалась в роли подчиненного и эксплуатируемого партнера в датско-шведско-норвежской, а затем в датско-норвежской унии. Не меньшее своеобразие имело историческое развитие страны и в начальный период нового времени. Первой из европейских стран Норвегия покончила — мирным путем — с землевладением феодального типа, в результате чего значительная масса дворянских земель перешла в руки бюргеров и богатых крестьян-бондов.

В Норвегии, таким образом, феодализм оказался изжитым еще на заре мануфактурной стадии капитализма. Это обстоятельство, несмотря на общую бедность, малонаселенность, изоляцию страны, сближало ее с передовыми западноевропейскими странами³. Буржуазная революция, через которую Норвегия закономерно прошла в 1814 г., отличалась здесь большим своеобразием. То была первая со времен Нидерландской XVI в. успешная национально-освободительная революция в Европе. Результатом ее явилось образование самостоятельного Норвежского государства и принятие, по меткому определению К. Маркса и Ф. Энгельса, самой демократической в тогдaшнем мире конституции⁴.

Норвежская революция, однако, осталась незавершенной: обретенная Норвегией самостоятельность — значительно большая, чем автономия (типа польской или финляндской в XIX в.), — все же не распространялась на внешнюю политику. Расторжение вынужденной унии со Швецией, совпавшее по времени с первой русской революцией и облегченное ею, было вместе с тем, по мнению В. И. Ленина, завершением буржуазной революции в Норвегии опять-таки мирным путем. Это мирное и демократическое осуществление норвежцами своего права на самоопределение вплоть до отделения не раз приводилось Лениным в пример⁵.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 87—88.

⁴ Там же, т. 14, с. 169; т. 22, с. 86.

⁵ См. особенно ленинские статьи «О праве наций на самоопределение» и «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 289—293 и т. 30, с. 99—106). Высказывания о Норвегии, вошедшие во 2-е и 3-е собрания сочинений В. И. Ленина, разобраны в юбилейных статьях Т. Хегны и К. Сельнеса. См.: *Lenin och den nordiska arbetarrörelsen*. Stockholm, 1970.

Восстановление частичной, а затем, в 1905 г., и полной самостоятельности на протяжении XIX — начала XX в. сопровождалось в Норвегии, как и во многих зависимых странах Европы, национально-культурным возрождением. Своеобразным плодом этого возрождения, преодоления долгой культурной зависимости от соседней Дании, явилось сосуществование двух равноправных и родственных, но все же разных литературных языков у одной нации — букмола и новонорвежского.

Норвегию первых десятилетий нашего века отличали от большинства европейских стран крайне высокие темпы запоздавшей индустриализации, сравнительно сильный (для Западной Европы) удельный вес иностранного капитала, долгое, сохранившееся поныне, преобладание импорта капитала над его вывозом. В отличие от большинства стран в Норвегии основой национальной финансовой олигархии стал капитал судовладельческий. Разнонаправленные торгово-судовладельческие интересы при отсутствии милитаристской традиции привели к зарождению норвежского пейтрализма. Жизнеспособности нейтралистской, пацифистской традиции способствовало сильное политическое влияние демократической мелкой буржуазии, а затем — рабочего класса.

Современная Норвегия — это страна государственно-монополистического капитализма в его реформистском, социал-демократическом варианте. Послевоенная Норвегия стала одним из пионеров программирования национальной экономики в условиях капитализма. Норвежские (и скандинавские в целом) трудящиеся добились от буржуазии в социальном отношении большего, чем трудящиеся таких крупных и развитых западноевропейских стран, как Англия, Франция, Италия, Испания. Норвежское рабочее движение отличается высокой организованностью и массовостью.

В условиях общего кризиса капитализма, осложненного циклическим кризисом середины 70-х годов, в Норвегии, как и в других буржуазных странах, растет активность организаций трудящихся в борьбе за социальные и демократические права, против наступления монополистического капитала, за прекращение гонки вооружений, за разрядку и прочный мир. Борьба по внутриполитическим вопросам тесно смыкается с борьбой за независимость от империалистических великих держав и их группировок, за сохранение национального суверенитета. Это нашло свое выражение в крупнейшем за всю послевоенную историю страны движении против вступления в «Общий рынок», оно достигло в Норвегии наибольшего, по сравнению с другими странами, размаха и успеха. Таким образом, и современная история Норвегии, сочетая в себе черты общего и особенного, оправдывает внимание исследователей.

Для советских людей история Норвегии интересна не только сама по себе, но также и в силу отмеченного мирного соседства наших стран на суше и на море. Уже «Повесть временных лет» начала XII в. знает норвежцев как особый народ «урмане» (т. е.

норманны). Мирные и добрососедские отношения между Россией и Норвегией установились еще в глубоком средневековье.

История хранит немало примеров делового интереса и дружественного отношения Норвегии к ее северо-восточному соседу. В столетие великих географических открытий именно порвежские (а не британские, как принято считать) купцы первыми проложили морской торговый путь на русский Север. Порвежские военные моряки участвовали в создании и боевых действиях петровского флота. В годину неурожая и военных блокад жители Северной Норвегии и русского Поморья не раз снабжали друг друга недостающими предметами первой необходимости. Торговля с Россией вообще помогала порвежцам ослабить их зависимость от своих основных западных партнеров — это обстоятельство отметил В. И. Ленин в интервью норвежскому инженеру Х. Лангсету 1920 г.⁶

На поворотных этапах, в критические моменты новой и новейшей истории Норвегии Россия, а впоследствии Советский Союз благоприятствовали ее национальным интересам. Союз Датско-норвежского государства и России, зародившись еще в конце XV в., стал к XVIII в. традиционным и способствовал укреплению международных позиций королевства после жестоких поражений XVII в. В пору наполеоновских войн, отделения от Дании и борьбы за самостоятельное Норвежское государство Россия как союзник Швеции сдерживала великодержавные устремления шведского короля, выступала за сохранение недавно обретенной норвежской автономии. В разгар шведско-норвежского конфликта 1905 г. русская дипломатия содействовала его мирной развязке и первой среди держав признала норвежское независимое государство. В первую мировую войну Россия старалась смягчить нажим своего союзника — Великобритании на нейтральную Норвегию.

Норвегия первой среди малых стран Западной Европы признала де-факто молодое Советское государство. Уже в 1920 г. славный норвежский полярник О. Свердруп по просьбе и на средства Советского правительства, выделенные по распоряжению В. И. Ленина⁷, возглавил экспедицию по спасению русского ледокола в Карском море. В августе 1921 г. Ленин оценивал отношения Советской России с Норвегией как образцовые для того трудного времени⁸. В тяжелые для Советской России годы неутомимая самоотверженная деятельность великого гуманиста Фриггофа Хансена спасла от голодной смерти тысячи и тысячи жителей Поволжья и Украины. В траурные январские дни 1924 г. норвежские рабочие выразили свою скорбь по ушедшему Ленину.

⁶ Ленинский сборник. М., 1975, т. XXXVIII, с. 324.

⁷ Там же, с. 311.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 111.

Когда в оккупированную нацистами Норвегию на каторжный труд и вымирание были привезены десятки тысяч советских военнопленных, простые норвежские труженики, сами терпевшие нужду, пришли к ним на помощь, рискуя собственной безопасностью. В годы второй мировой войны наши страны были союзниками. Советская Армия первой пачала освобождение Норвегии от ига оккупантов и их пособников — квислинговцев. Памятники советским воипам с выразительной надписью «Норвегия благодарит вас» поныне бережно сохраняются.

В послевоенные годы Советский Союз проводит в отношении Норвегии политику, основанную на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем, взаимовыгодного сотрудничества и уважения суверенитета своего северного соседа. Тем не менее правящие круги Норвегии под мнимым предлогом так называемой советской угрозы позволили заправилам НАТО втянуть свою страну в этот агрессивный блок, что, разумеется, не могло не наложить отпечаток на развитие советско-норвежских отношений. Однако, несмотря на это, имеются объективные условия, чтобы традиционные добрососедские отношения между обеими странами расширились и углублялись в интересах как их собственных, так и всей Северной Европы. Для этого необходимо совместными усилиями устранять все то, что мешает сотрудничеству между нашими странами.

Касаясь проблем Европейского Севера, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «... Нельзя закрывать глаза на то, что и здесь дают о себе знать деятельность Североатлантического блока, участие в нем отдельных скандинавских стран. Мы убеждены, что пути действительного укрепления безопасности Европейского Севера нужно искать не в активизации здесь блоковой политики. Главное — совместными усилиями находить такие решения, которые отвечали бы объективным интересам народов, служили бы делу мира»⁹.

Одна из задач данной книги — способствовать развитию научных и культурных связей между обеими странами. Изданием первого советского очерка истории Норвегии мы хотим не только познакомить с ней нашу общественность, но и оживить пока еще слабые связи с историками и вообще с учеными Норвегии. Разумеется, взгляды и оценки советских исследователей по некоторым аспектам истории Норвегии могут не совпадать с точкой зрения норвежских ученых. Но хотелось бы выразить надежду, что цель у нас общая — своими трудами способствовать исторически сложившимся традиционным отношениям добрососедства и сотрудничества между народами СССР и Норвегии.

⁹ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 367.

Редакция благодарит всех участников обсуждения рукописи и ее рецензентов, прежде всего Г. И. Анохина, А. К. Бондаря, Л. Л. Жданова, К. С. Зурабяна, В. И. Иванова, М. Г. Искрина, Н. И. Крымову, В. П. Неустроева, Л. В. Поздееву, М. Н. Соколова, В. Л. Якуба, а также Группу по всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории СССР и, не в последнюю очередь, — норвежские и датские учреждения, безвозмездно приславшие недостающие книги и иллюстрации.

Научно-организационная подготовка издания выполнена группой по истории скандинавских стран и Финляндии, а затем — сектором новой истории капиталистических стран Европы Института всеобщей истории АН СССР, бригадир — Е. В. Котова.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

НОРВЕЖСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Научная историография началась в Норвегии в XVIII в. и вследствие политического подчинения страны Дании была составной частью датской историографии. Правда, первым выдающимся историком, который дал общий обзор истории Норвегии, был исландец Тормод Торфеус (1636—1719), автор «Истории Норвегии» (на латинском языке, 1711¹). Другой исландец, Арни Магнуссон (1663—1730), знаменитый собиратель древнескандинавских рукописей, заложил основы источниковедения; датчанин Якоб Лангебек (1710—1775) пачал издание повествовательных памятников по истории Дании и Норвегии²; уроженцем Норвегии был, однако, Людвиг Хольберг (1684—1754), выдающийся драматург и, пожалуй, наиболее крупный историк северных стран того времени, автор «Описания Дании и Норвегии» (1729) и «Истории Датского государства» (1732—1735)³. В книгах Хольберга истории Норвегии уделено большое внимание, причем подчеркнута значимость страны в экономической жизни объединенного Датско-норвежского королевства. Основоположником собственно норвежской историографии считается Герхард Шёнинг (1722—1780), автор незавершенной «Истории Норвежского государства» (в 3-х томах, 1771—1781)⁴.

В канун освобождения Норвегии из-под датского владычества был основан норвежский университет в Кристиании (1811), и тем самым создавалась институциональная основа для самостоятельного развития исторической науки в стране. Несколько позже, в 1831—1832 гг., там же было учреждено Общество для изучения языка и истории норвежского народа. Наиболее известным историком из круга деятелей норвежской буржуазной революции 1814 г. («поколения 1814 г.») был Кристиан Магнус Фальсен, автор книг «История Норвегии при короле Харальде Прекрасноволосом и его

¹ *Torfaeus T. Historia rerum Norvegiarum. Havniae, 1711.*

² *Scriptores rerum Danicarum medii aevi. Havniae, 1772—1834.*

³ *Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Havniae, 1729; Idem. Danmarks Riges Historie. Havniae, 1732—1735.*

⁴ *Schoning G. Norges Riges Historis. Havniae, 1771—1781. Bd. 1—3.*

мужских потомках» (в 4-х томах, 1824) и «Право земельной собственности в Норвегии в его отношении к государственному устройству» (1815)⁵. Как видно даже из названия последней работы, Фальсен связывал особенности истории Норвегии с характером земельной собственности; эту специфику он видел в том, что в Норвегии никогда не получали развития лесное право, феодализм.

Уже в период становления самостоятельной исторической науки в Норвегии в конце XVIII — начале XIX в. отчасти определились те черты, которые остались присутствующими ей на всем пути дальнейшего развития: ограничение преимущественно национальной проблематикой, внимание в первую очередь к внутренней истории, к судьбам норвежской нации, национальных общественных и политических институтов, между тем как международные отношения, войны, история других стран занимали ученых лишь в незначительной мере.

Характерные черты норвежской историографии в XIX — начале XX в. — определение главного направления в истории Норвегии и создание обобщающих концепций. Выдвигавшиеся историками теории и их смена в значительной мере были обусловлены политической борьбой и идеологией определенных классов Норвегии. Центральной проблемой социальной и идейной жизни страны в тот период оставалась проблема национального освобождения — отсюда и проистекает преимущественный интерес ученых к эпохе независимости, т. е. к средним векам.

Историки «поколения 1814 г.» изображали период унии с Данией как время упадка и унижения Норвегии, а датское правление как «противозаконное». В противоположность этому социальное устройство независимой Норвегии в классическое средневековье (до XIV в.) они идеализировали: страна не знала дворянства, и монархия опиралась якобы на свободное крестьянство. Причину упадка этой общественной системы и подчинения страны Дании историки начала XIX в. усматривали в «ошибочной» политике несоборных королей XIII и XIV столетий.

История Норвегии в раннее средневековье и в период, предшествовавший Кальмарской унии (1397), оставалась в центре внимания норвежских ученых и в 40—50-е годы XIX в. Именно в пору древней государственной независимости, по их убеждению, были заложены основы норвежской нации, сложились ее индивидуальные черты. Разделяя в большей или меньшей степени тезис об исключительности развития Норвегии, эти исследователи стремились показать ее ведущую роль на скандинавском Севере в раннее средневековье, вклад норвежцев в мировую историю.

⁵ *Falsen C. M. Norges Historie under Kong Harald Haarfager og hans mandlige Descendenter. Christiania, 1824, Bd. 1—4; Idem. Norges Odelsret med Hensyn paa Rigets Constitution. Christiania, 1815.*

Столпы норвежской исторической школы в указанный период — Рудольф Кейсер (1803—1864) и Петер Андreas Мунк (1810—1863) — подчеркивали демократические традиции в раннем порвежском обществе. Появление в связи с походами викингов королевской власти привело, по их мнению, к противоречию между этой властью и демократическим патриархальным устройством. Идеалом для Кейсера являлось «равновесие» между монархией и народовластием, и, пока такое равновесие сохранялось, Норвегия, как он полагал, оставалась могучим государством. Нарушение «баланса сил» в пользу короля, происшедшее в XIII в., — таков источник последующего упадка страны и подчинения ее Дании⁶. Однако и в «датское время», согласно представлениям Кейсера и Мунка, сохранялась определенная преемственность в национальной жизни, культурном и общественном развитии норвежского народа. В построениях Кейсера нашел известное отражение конфликт между королевской властью и норвежским стортингом в 30-е годы XIX в. (не отсюда ли идея «равновесия» между монархией и народом?).

Ученик и продолжатель Р. Кейсера П. А. Мунк (его капитальное исследование — «История норвежского народа», 1851—1859)⁷ в большей мере признавал наличие имущественного неравенства и социальной борьбы в норвежском средневековом обществе. Не имея более возможности игнорировать острые социальные конфликты современности, норвежские историки после европейской революции 1848 г. были вынуждены, хотя бы отчасти, отказаться от романтической идеализации скандинавской древности, свойственной ученым первой половины XIX в.

В ранней истории порвежского государства Мунк видел столкновение двух правовых принципов: феодального и родового. Первый из этих принципов отстаивала королевская власть, претендовавшая на верховенство над страной и стремившаяся поставить всех подданных в положение своих вассалов. Этому принципу противостояло право одаля в интерпретации Мунка — свободной собственности родов на землю: за это право держались богатые и знатные землевладельцы, оказывавшие сопротивление королевской власти. Обострение внутренней борьбы приходится на вторую половину XII и начало XIII в. — королевская власть одерживает победу над противниками единства и независимости страны. Концепция Мунка оказала значительное влияние на последующую норвежскую историографию, представители которой вслед за ним исходили из мысли, что главной чертой истории средневековой Норвегии была борьба противоположных начал — государственного единства и местного сепаратизма, королей и знати.

⁶ *Keyser R. Norges Historie*. Kristiania, 1866—1870. Bd. 1, 2; *Idem. Norges Stats-og Retsforfatning i Middelalderen*. Christiania, 1867.

⁷ *Munch P. A. Det norske Folks Historie*. Christiania, 1852—1859. D. 1—4.

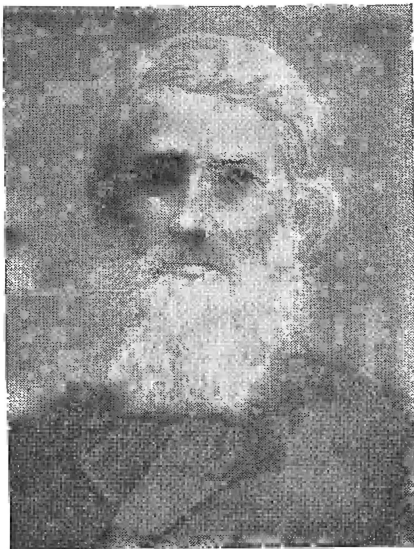
Вместе с тем в творчестве норвежских историков последней трети XIX в. отразились позитивизм и эволюционизм — излюбленные идеи европейской буржуазной общественной мысли того времени, неверие в возможность резких скачков в истории. Их представления о прошлом норвежского народа в большой степени определялись актуальными потребностями политической борьбы между противниками и сторонниками сохранения шведско-норвежской унии, борьбы, которая как раз в тот период приобрела особую остроту. Преимущественный интерес ученых предыдущего поколения к ранней истории Норвегии не разделялся новым поколением; центр тяжести исторического исследования переместился на «датскую эпоху», в особенности на период после 1536 г., когда с окончательной ликвидацией самостоятельных государственных институтов зависимость Норвегии от Дании стала наиболее ощутимой. В отличие от своих предшественников, подчеркивавших отрицательное влияние датско-норвежской унии на положение норвежского народа, историки последней трети XIX в. отмечали и благоприятные, на их взгляд, последствия этого объединения. Разногласия между «унионистами» и «антиунионистами» выражались в том, что первые (М. Биркеланн, Т. Аскехоуг⁸ и др.) отстаивали мысль о формировании норвежской нации и ее политическом подъеме в период унии, тогда как вторые (Э. Сарс) утверждали, что демократическая традиция в Норвегии нового времени унаследована от периода, предшествовавшего Кальмарской унии. Историки-«унионисты» видели носителей идеи национального подъема в буржуазии и чиновничестве, сформировавшихся именно в период датско-норвежской унии; Сарс же считал хранителем «старинной свободы» на протяжении всей «датской эпохи» крестьянство и полагал, что у крестьян демократические идеалы были впоследствии заимствованы «новыми классами».

Однако при всех противоречиях между указанными направлениями (их теории были связаны с политическими взглядами соперничавших тогда буржуазных группировок: либералов — «антиунионистов», примыкавших к партии «Венстре», и консерваторов — «унионистов» из партии «Хёйре») представители норвежской историографии конца прошлого века имели между собой немало общего. Все эти историки были эволюционистами: во главу своих буржуазно-националистических концепций они на первое место ставили такие социальные и идейные ценности, как «нация» и «свобода»; самые методы исследования, при известных индивидуальных различиях, были у них общими.

Крупнейшим норвежским историком XIX в. был Эрпст Сарс (1835—1917). Переход Сарса с позиций «скандинавизма» к норвежскому национализму нашел отражение и в эволюции его исто-

⁸ *Aschehoug T. II. Statsforfatningen i Norge og Danmark indtil 1814. Kristiania, 1866.*

рической концепции. Стремясь к всеобъемлющим построениям, Сарс недооценивал многообразие исторического развития, что делало его теории уязвимыми уже в полемике с историками консервативного направления. Тем не менее националистическая концепция Сарса оказала наибольшее влияние на норвежскую историографию конца XIX — начала XX в. Сарс выступал против «материалистического понимания общественной жизни», в котором обвинял своих оппонентов, сторонников консервативного направления, придававших значение таким факторам в истории, как природные условия, производство и т. п. Историю Сарс стремился понять в ее целостности, в гармонии. Вслед за Спенсером он

Эрст Сарс

видел в обществе и государстве организм, проходящий ряд стадий в своем естественном и неизбежном росте. Сарс представлял себе историческое развитие в виде медленного поступательного движения, без каких-либо резких скачков. Свойственные каждой эпохе политические и правовые учреждения, которым он уделял главное внимание, служили, по его убеждению, обществу или нации в целом, а их значение постепенно со временем изменялось. Пропуская оптимизмом, присущим норвежской буржуазии периода борьбы за полную национальную самостоятельность, историческая концепция Сарса имела в качестве своего главного звена идею прогресса, прежде всего прогресса духовного, морального и правового. Смысл исторического развития Норвегии, по Сарсу, заключается в достижении полной независимости.

Взгляды Сарса на конкретные проблемы истории Норвегии имели немало общего с теориями Кейсера и Мунка. Но впервые в норвежской историографии он создал концепцию истории Норвегии на всем ее протяжении, причем в постоянной связи с общеевропейской историей. Сарс стремился показать, в какие периоды история Норвегии приобрела специфические черты и выявлялась «диссонанс» с историей Европы и в какие она сближалась с ней, а также каким образом менявшийся характер этой взаимосвязи отражался на судьбах Норвегии. Так, сохранение Норвегией в средние века древнего общественного устройства привело, по мнению Сарса, к отставанию ее от остальной Европы

и в кошечном счете к зависимости от Дании; зато в новое время, когда началось общеевропейское движение к свободе и демократии, наличие в Норвегии соответствующих старинных традиций явилось определенным ее преимуществом.

Главная мысль Сарса (в его четырехтомном «Обзоре норвежской истории», 1873—1891) заключалась в том, что Норвегия, будучи в раннее средневековье наиболее аристократической страной в Скандинавии, затем в результате разгрома родовой знати монархией превратилась в наиболее демократическую страну Северной Европы и сохранила демократический общественный строй на всем протяжении своей истории вплоть до XIX в. При этом те самые факторы, которые послужили причиной ее слабости в период Кальмарской унии, — демократический характер ее устройства после падения аристократии, преобладание свободного крестьянства — в дальнейшем стали основой ее подъема: свобода норвежского крестьянина-бонда в глазах Сарса приобретала решающее значение для будущего страны, в крестьянах он видел «прочную и широкую основу» для достижения Норвегией национальной самостоятельности. В период датского господства, по убеждению Сарса, норвежский народ сохранял и развивал самобытное общественное устройство, и Норвегия никогда фактически не сливалась с Данией⁹.

В начале XX в. норвежские ученые стали проявлять больше интереса к экономической истории, однако поначалу они ограничивались преимущественно внесением поправок и уточнений в общую схему Сарса, не трогая ее по существу. Такова коллективная «История Норвегии для норвежского народа» (1909—1917), написанная при участии самого Сарса, Э. Херцберга, А. Бюгге, А. Тарангера, О. А. Ёнсена, И. Нильсена, по-прежнему сосредоточенная на политической и юридической проблематике¹⁰. Но и после того как разработанная Сарсом схема истории Норвегии была отвергнута представителями нового направления в норвежской историографии, последние частично восприняли его либерально-националистическую точку зрения, подчиняющую социальную историю «истории нации».

После расторжения в 1905 г. шведско-норвежской унии комплекс национальных исторических проблем перестал определять развитие норвежской историографии, на первый план выступили экономические и социальные вопросы. Ведущие историки, связанные с усиливавшимся в то время рабочим движением, испытали

⁹ *Sars E. Udsigt over den norske historie*. Christiania, 1873—1891. D. 1—4. Впрочем, серьезные расхождения были у Сарса с Херцбергом, ибо последний видел в средневековой истории Норвегии не конфликт разных социальных сил, а органическую гармонию; по его убеждению, аристократия была союзницей монархии и лидером народа: *Hertzberg E. En fremstilling af det norske aristokratis historie*. Christiania, 1869.

¹⁰ *Norges historie fremstillet for det Norske Folk*, Kristiania, 1909—1917. Bd. 1—6.

на себе влияние марксистской теории. Это влияние, особенно заметное в творчестве двух наиболее крупных норвежских историков текущего столетия: Халвдана Кута (1873—1965) и Эдварда Бюлля (1881—1932), дало им возможность в 1910—1920-х годах порвать с традиционными представлениями об истории средневековой Норвегии и выдвинуть новые плодотворные концепции.

На смену схеме Мунка—Сарса, согласно которой в основе истории Норвегии в средние века лежала борьба между знатью и опиравшейся на народ королевской властью, пришла та точка зрения, что подлинный антагонизм в норвежском обществе состоял в конфликте между крестьянством и господствующим классом крупных землевладельцев во главе с королем. Отвергнув тезис историков XIX в. об исключительности исторического развития Норвегии, Кут и Бюльль отмечали существенное сходство в социальной и политической эволюции Норвегии и других стран Европы (развитие ленной системы, преодоление раздробленности, рост крупного землевладения). Кут и Бюльль стремились осмыслить историю Норвегии в категориях классовой борьбы между крестьянами и землевладельческой аристократией в средние века, между крестьянами и буржуазией в новое время, подчеркивая экономическую основу этой борьбы¹¹.

Однако воздействие марксистской мысли на норвежскую историографию ограничилось, особенно у Кута, в основном признанием первостепенной важности экономического развития и роли классовой борьбы. Феодализм еще понимался им в обычном для западных историков того времени смысле — только в качестве правовой и политической системы. У Кута — правого реформиста — идея классовой борьбы вообще была подчинена националистической точке зрения, он слабо различал понятия «государство» и «нация»¹². В последний период долгой жизни Кута его интерес к социальной проблематике вообще ослаб¹³.

¹¹ См., в частности: *Koht H. Drivmakter i historia*. Oslo, 1950.

¹² *Koht H. Norsk bondereising*. Oslo, 1926 (2-e utg. Oslo, 1975). О взглядах Кута и Бюлля см.: *Dahl O. Historisk materialisme*. Oslo, 1974 (2-e utg.). Положительная роль Кута и Бюлля в скандинавской историографии уже в 20-е годы была отмечена советскими историками. Давая оценку работ VI Международного конгресса историков в Осло (август 1928 г.), Н. М. Лукин говорил, что, помимо советских историков, единственными учеными из участников конгресса, близкими к марксизму, были Кут и Бюльль (*The Journal of Modern History*, 1929, vol. 1, N 1, p. 81). При оценке воззрений этих ученых необходимо принимать во внимание, что оба они были активными деятелями Норвежской рабочей партии (хотя и разного направления). Кут также занимал видные посты в правительстве Норвегии: в 1935—1941 гг. он был министром иностранных дел и фактическим руководителем внешней политики страны. Считая себя марксистом, он, по собственному его признанию, не был склонен разделять материалистическое понимание истории. См.: *Koht H. Historikar i laere*. Oslo, 1951, s. 108, 160—161.

¹³ *Koht H. Kriseår i norsk historie*. Oslo, 1950—1955.

Новое понимание истории Норвегии в средние века вырабатывалось этими учеными в непосредственной связи с переоценкой исторических источников. Историки XIX в. строили свои концепции, опираясь преимущественно на изучение повествовательных памятников и законов. Но на рубеже XIX—XX вв. взгляд ученых на исландские саги как исторические источники резко изменился, доверие к ним было подорвано (работы Г. Сторма и других норвежских исследователей, в особенности шведского историка Л. Вейбюлля). Больше внимания стало уделяться социальной истории, и интерес в значительной мере переместился на анализ актового материала, данных археологии, топонимики, антропонимики, нумизматики, рунологии, истории искусства и религии¹⁴. Круг пошел дальше: в сагах XII и XIII вв. он видел уже не только искажения и анахронизмы, но отражение «партийной» точки зрения времени записи саг. Политически тенденциозная трактовка важнейших событий конца XII — начала XIII столетия — в «Саге о Сверрре» и у Снорри Стурлусона — перешла, по мнению Кута, в историографию XIX в., которая приняла на веру идею о том, что в основе развития Норвегии с IX по XIII в. находилась борьба между знатью и королевской властью; на самом деле, по Куту, только для специфической ситуации периода «гражданских войн» был характерен конфликт между частью знати и королями, опиравшимися на новый слой — служилое дворянство¹⁵. Стремление понять повествовательные памятники в свете идейно-политической жизни породившей их эпохи со времени Кута остается характерной чертой норвежской историографии (хотя ряд утверждений Кута, излишне прямолинейных, вызвал критику).

По-новому Кут и Бюль ставили вопрос о соотношении общего и специфичного в истории Норвегии. Укрепившись, королевская власть заложила основы феодализма в Норвегии (как и в других скандинавских странах). Страна утратила политическую независимость в XIV в. не потому, что в ней исчезла знать — оплот самостоятельности (так у Сарса), но вследствие того, что сменившее старую знать новое служилое дворянство по мере обособления от остального общества вынуждено было искать поддержки у братьев по классу в Швеции и Дании; союз аристократов трех северных стран, пишет Кут, послужил социальной основой их объединения, в рамках которого более слабая Норвегия неизбежно принуждена была играть подчиненную роль. Решающее значение крестьянства в истории Норвегии объясняется Кутом не ослаблением аристократии (мысль Сарса), а тем, что

¹⁴ Из числа норвежских археологов необходимо упомянуть А. Бреггера, Г. Густавссона, Х. Шетели, Я. Петерсена, Ш. Блиндхейм, а из специалистов по топонимике — М. Улсена.

¹⁵ *Køht H. Innhogg og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921; Idem. På leit etter liner i historia. Oslo, 1953.*

сила сопротивления бондов господствующему дворянству постоянно возрастала. Кут прослеживает классовую борьбу крестьян со времен Сверрира и вплоть до XIX в. По мнению Кута, история Норвегии не столь глубоко отличалась от общеевропейской истории, как полагали его предшественники, и развивалась по тем же линиям, что и вся Западная Европа. Ю. Скрейнер усматривал в отказе от идеи исключительности истории Норвегии главную заслугу Кута¹⁶.

Бюлль уделял большее внимание, чем Кут, экономическим проблемам средневековья, обнаружил более глубокое понимание природы феодального государства и церкви, чем это было характерно для западных медиевистов того времени. Трактовка им истории Норвегии в XI—XIII вв., в которой в качестве главных тем выделены экономика и социальный строй, обусловившие классовую борьбу, а равно и взаимоотношения церкви и народных масс, военное и финансовое устройство страны¹⁷, легла в основу дальнейшего изучения истории средневековой Норвегии историками в годы перед второй мировой войной и в послевоенный период. Бюлль был одним из основателей Института сравнительного изучения культур (в Осло).

Взгляды Кута и Бюлля по ряду конкретных вопросов средневековой истории Норвегии не раз встречали возражения специалистов. Тем не менее, по признанию виднейших норвежских историков, их концепции остаются наиболее ценным вкладом в историографию страны. О. Даль пишет даже о «коперниканском перевороте», совершенном Кутом в норвежской историографии¹⁸. По нашему мнению, то, что в современной норвежской научной литературе принято называть «материалистическим пониманием истории» Кута и Бюлля, вероятно, точнее было бы квалифицировать как экономический материализм.

Куту и Бюллю, как и некоторым их ученикам, присуща тенденция к упрощенной трактовке воздействия экономических отпознений на историческое развитие. Заметна эта тенденция, в частности, в произведениях видного представителя указанного направления, ученика Бюлля, Ю. Скрейнера (1903—1967), перу которого принадлежит ряд важных исследований по политической и экономической истории средневековой Норвегии. Пытаясь объяснить успех первого норвежского короля Харальда Прекрасноволосого в объединении страны материальными причинами, Скрейнер преувеличивал роль торговли в этом процессе: король

¹⁶ *Schreiner J. Gammelt og nytt syn på norsk middelalderhistorie.*— *Historisk Tidsskrift*, København, 1940, 10.R., Bd. 5.

¹⁷ *Det norske folks liv og historie gjennem tidene / Av E. Bull.* Oslo, 1931. Bd. 2. Это коллективное издание выделяется в норвежской историографии, в частности, тем, что в основу периодизации истории Норвегии в нем положены не веки политической истории, как обычно, а экономические и социальные критерии.

¹⁸ *Dahl O.* Op. cit., s. 68.

и ярлы, правившие в северо-западной и северной части побережья, будучи заинтересованы в защите важных торговых путей, по которым вывозили меха, шерсть и шкуры, якобы именно поэтому вступили между собой в союз, заложивший основу сотрудничества монархии и знати и возникновения государства как орудия их классового господства¹⁹. Гипотеза Скрейнера, не обоснованная материалом источников, мало убедительна, так как торговые интересы едва ли являлись определяющими в исторических процессах периода раннего средневековья.

Длительный и очень тяжелый экономический упадок, который переживала Норвегия начиная с XIV в., Скрейнер опять-таки стремился объяснить чисто экономическими факторами; в противовес прежним теориям, указывавшим на разрушительные последствия страшной эпидемии чумы («Черной смерти» в середине XIV в.), этот ученый искал ключ к решению проблемы во внешней торговле: спрос ганзейских купцов на продукты норвежского скотоводства (коровье масло) и ввоз ими большого количества зерна в Норвегию привел, как настаивал Скрейнер, к переориентации ее сельского хозяйства — от земледелия к скотоводству. Симптомы упадка земледелия в Норвегии Скрейнер обнаруживал задолго до эпидемии чумы²⁰. Однако и эти построения были отвергнуты последующей историографией, и более детальные исследования не подтвердили выдвинутых Скрейнером тезисов: именно чума нанесла сокрушительный удар по хозяйственным основам Норвегии, роль же ганзейцев в экспорте масла не была столь велика; данные, на которые ссылается этот ученый для доказательства мысли о перестройке сельского хозяйства до середины XIV в., были истолкованы им весьма спорным образом²¹.

Вряд ли преувеличением будет сказать, что в норвежской медиэвистике экономическая тематика ныне преобладает. Внутренняя колонизация, распределение земельной собственности, дроб-

¹⁹ *Schreiner J.* Olav den hellige og Norges samling. Oslo, 1929. Впрочем, еще до Скрейнера А. Бюгге выступил с гипотезой о том, что экономической причиной создания единого королевства явилась заинтересованность экспортеров строевого леса и сушеной рыбы в охране торговых путей от нападений датчан. См.: *Bugge A.* Den norske sjefarts historie. Oslo, 1923. Bd. 1. Теорию Скрейнера поддерживают П. С. Андерсен и А. Холмсен (*Andersen P. S.* Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800—1130. Bergen; Oslo; Tromsø, 1977, s. 78; *Holmsen A.* Nye studier i gammel historie. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976, s. 62 f.).

²⁰ *Schreiner J.* Pest og prisfall i senmiddelalderen. Et problem i norsk historie.— Avhandlinger utgitt af Det Norske Videnskaps-Akademie i Oslo. II. Hist.-filos. Kl., 1948, N 1.

²¹ *Weiki M.* Studien zum Hanse-Norwegen-Problem.— *Hansische Geschichtsblätter*, 1951, 70. Jg.; *Steen S.* Tusen års norsk historie. Oslo, 1958, s. 102, f.; *Bjorkvik H.* Nyare forskning i norsk seinmellomalder.— In: *Nytt fra norsk middelalder*. II (Norsk lektorlags faglig-pedagogiske skrifter, N 10). Oslo, 1970.

ление сельских дворов, процесс смены свободных крестьянских собственников арендаторами-лейлендингами, семейная и соседская община, картина эконоимического и демографического упадка Норвегии в XIV столетии — таковы центральные проблемы историографии (наряду с историей государственных и местных институтов, отношений между церковью и мопархией). Наибольшие успехи в этом отношении достигнуты локальными исследованиями, необходимость и плодотворность которых была продемонстрирована уже Бюллем. Как заметил современный норвежский историк, со смертью Куга ушел последний представитель «школы полихисторов»²² — ученый, занимавшийся практически всеми разделами истории Норвегии (с древнейших времен до новейших) и самыми разными ее аспектами. Нынешний этап развития норвежской медиевистики характеризуется преобладанием конкретных, частных исследований над обобщающими построениями. Подобное развитие отчасти объясняется усложнением работы историков в связи с появлением в поле их зрения как новых видов источников, так и новых проблем; углубленное изучение вопросов экономической истории неизбежно влечет за собой более узкую специализацию. Кроме того, за ломкой традиционных представлений в трудах Бюлля и Куга, естественно, последовало уточнение многих их выводов.

Наиболее крупный представитель современной медиевистики в Норвегии ученик Э. Бюлля — Андреас Холмсен. Инициатор и руководитель ряда научных проектов по упомянутым выше проблемам экономической истории, который поставил их на прочную основу локального исследования²³, Холмсен вместе с тем является почти единственным из современных норвежских ученых, отважившихся дать обзор истории Норвегии начиная с доисторической эпохи и вплоть до установления абсолютизма в Дании-Норвегии в 1660 г.²⁴ Решающее значение в историческом развитии Холмсен придает производительным силам. Их рост в раннее средневековье (прежде всего внутренняя колонизация) послужил источником социальной дифференциации общества и объединения страны. В противоположность ряду историков прошлого (Сарс, например, отрицал, что значительная часть крестьян были арендаторами уже в эпоху викингов) и паших дней (так, К. Хелле отрицает наличие доказательств роста слоя арендаторов в XII—XIII вв.) Холмсен не сомневается в том, что именно на протяжении XI—XIII вв. в Норвегии шел процесс превращения все-

²² *Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800—1130, s. 12.*

²³ *Holmsen A. Nye metoder innen en saerskilt gren av norsk historieforskning. — Historisk tidsskrift (далее — HT), 1940, Bd. 32; Idem. Gard, bygd, rike. Oslo, 1966.*

²⁴ *Holmsen A. Norges historie. Fra de eldste tider til eneveldets innførelse i 1660. Oslo, 1939 (2-e utg., 1949; 3-e utg., 1964; 4-e utg., 1971).*

возраставшего числа самостоятельных бондов-собственников в арендаторов чужой земли — лэйлендингов. В этом процессе, который вел к росту крупного землевладения и укреплению могущества господствующего класса, Холмсен (вслед за Бюллем) склонен усматривать одну из важнейших предпосылок социальных конфликтов конца XII — начала XIII в.

Укрепление политической власти господствующего класса после «гражданских войн» в XIII в., которые сопровождалось ростом угнетения крестьянства, не соответствовало, по мнению Холмсена, состоянию производства и привело к подрыву перенапряженного экономического базиса норвежского государства и в конечном счете к его упадку после «Черной смерти». Чума нанесла тяжелейший удар слабо развитой экономике страны, истощенной притязаниями крупного дворянства. Холмсен призывает развитие в Норвегии (в определенных формах) феодализма, понимаемого им, однако, преимущественно как ленная раздробленность, и считает, что ослабление государства произошло бы и без чумы, поскольку палицы были усиливавшиеся феодальные тенденции²⁵.

Холмсеном дана наиболее сбалансированная история Норвегии в средние века, обобщающая его собственные изыскания²⁶ и работы других исследователей. Трактровка норвежской средневековой истории современными учеными соединяет в себе и новый подход, прокламированный Кутом и Бюллем, и значительные его модификации в трудах их преемников — модификации, ставшие необходимыми в свете более детального и всестороннего анализа ряда актуальных проблем. Так, если зачинатели экономического материализма в норвежской историографии подчеркивали лишь противоречия между крестьянством и монархией на протяжении всей средневековой эпохи, то ныне исследователи склонны наряду с ними принимать во внимание и иные моменты, безусловно существенные в развитии страны со столь замедленным и противоречивым генезисом классового общества. Так, признается до определенного периода (до завершения «гражданских войн» конца XII — начала XIII в.) и наличие «функциональной связи» между свободными крестьянами и королевской властью, которая отчасти на них опиралась, используя их как военную силу и считаясь с их ролью в местном управлении. Точка зрения Е. А. Сейпа, придавшего этой стороне отношений между государством и бондами особое значение²⁷, оказала немалое влияние на историографию. Однако Сейп, склонный противопоставлять свое «социологическое» понимание истории «материалистическому», недооце-

²⁵ *Holmsen A. Norges historie*, 1971, s. 263, 280, 316 ff., 327, 346, 351, 371, 400.

²⁶ См. в особенности: *Holmsen A. Problemer i norsk jordeiendomshistorie*. — НТ, 1946—1948, Bd. 34.

²⁷ *Seip J. A. Problemer og metode i norsk middelalderforskning*. — НТ, 1940, Bd. 32.

пивает диалектики крестьянской свободы в Норвегии: личная свобода норвежских бондов, будучи бесспорным положительным отличием их от зависимых и бесправных крестьян других стран феодальной Европы, вместе с тем использовалась государством и господствующей частью общества в своих интересах. К тому же самое понятие «бонд», насколько можно судить на основании источников, было далеко от однозначности, ибо охватывало разные категории населения — от зажиточных «могучих» бондов до мелких хозяев, с трудом сводивших концы с концами, и надо полагать, что реальное содержание свободы для тех и других отнюдь не было одинаковым. Между тем Сейп говорит об «однородном крестьянском обществе».

Интенсивно изучая ряд аспектов эволюции земельной собственности в средние века, современные норвежские ученые большое внимание уделяют ее распределению и перераспределению (в частности, концентрации земель в руках церкви, светской знати и короля, переходу части земель короны во владение духовенства, вопросу о «пустующих дворах» после чумы и т. д.), но оставляют по сути дела без внимания проблему природы земельной собственности и ее специфики в Норвегии (и, шире, в Скандинавии) по сравнению с земельной собственностью в других странах средневековой Европы. Эта сторона вопроса изучалась историками-юристами XIX и начала XX в.: немецкими учеными К. фон Маурером, К. фон Амирой, Ф. Боденом, норвежцем А. Тарангером и др. Отсутствие интереса к одному из главнейших аспектов социальной действительности средневековья во многом обедняет труды современных норвежских специалистов. Этот недочет бросается в глаза и при ознакомлении с новыми обзорами истории Норвегии. Вообще можно заметить, что от характеристики производительных сил норвежские авторы прямо переходят к рассмотрению социальной стратификации, почти вовсе минуя проблему динамики социальных отношений.

К сожалению, норвежская медиевистика наших дней, как правило, обходит и социально-культурные проблемы. В частности, не предпринимается попыток возобновить обсуждение вопроса о степени христианизации средневекового норвежского общества — вопроса, остро дискутировавшегося в свое время в трудах Э. Бюлля²⁸ и Ф. Поске²⁹. Из-за невнимания к этой проблематике средневековое норвежское общество не рассматривается как целостность. Правда, подобные претензии высказаны в книге Арне Олда Ёнсена «От родового общества к государственному

²⁸ *Bull E. Folk og kirke i middelalderen. Studier til Norges historie. Kristiania; København, 1912.*

²⁹ *Paasche F. Kristendom og kvad. Kristiania, 1914; Idem. Møtet mellom hoddendom og kristendom i Norge. Oslo, 1958 (посмертное издание). О полемике между Бюллем и Поске см.: Norsk teologisk tidsskrift, 1915, N. R., Bd. 7, s. 155—160, 178—180.*

обществу»³⁰, но после широковещательных деклараций о приемлемом им якобы «новом», «социологическом понимании истории» автор целиком сосредоточился на роли католической церкви в преобразовании всех без исключения сторон социальной структуры Норвегии в XII—XIII вв. Тенденциозные построения А. О. Енсена были неблагоприятно встречены норвежскими историками³¹, и в связи с обсуждением его книги вновь был поставлен и ранее возникавший вопрос о том, в какой степени норвежская средневековая история может быть понята без учета внешних факторов, как самоовлекая³².

Нельзя отрицать наличие у современных норвежских историков интереса к теоретическим и методологическим вопросам, о нем свидетельствуют ряд статей и монографий³³ и участие этих историков в общескандинавских конференциях, специально посвященных исторической географии, которые проводятся ежегодно начиная с 1965 г.³⁴ После 1960 г. палицо и возрождение интереса к историческому материализму, к трудам его основоположников, к работам историков социалистических стран, а после 1970 г. — к советским работам по истории Скандинавии, хотя некоторые представители норвежской историографии порой отмежевываются от марксистской исторической мысли, подчеркивая ее «априоризм»³⁵. В связи с этим нельзя не обратить внимание на сдержанность по части обобщений, проявляемую ими в своих исследованиях и обзорах норвежской истории. Если в «Истории Норвегии» А. Холмсена с известной определенностью говорится о феодализме в Норвегии, сколь он ни специфичен, а в обзоре К. Хелле истории Норвегии в период между 1130 и 1319 гг. столь же определенно почти полностью отрицается возможность применения понятия «феодализм» к норвежским условиям³⁶, то в самоновейшей коллективной многотомной «Истории Норвегии»³⁷

³⁰ *Johnsen A. O. Fra aettesamfunn til statssamfunn. Oslo, 1948.*

³¹ См. критику его книги Е. А. Сейном в: НТ, 1950, Bd. 35.

³² *Andersen P. S. Vikingtid og rikssamling.*— In: *Nytt fra norsk middelalder. I (Norsk lektorlags faglig-pedagogiske skrifter, N 9). Oslo, 1969, s. 117 f.*

³³ *Dahl O. Noen teoretiske problemer i sosialhistorien.*— НТ, 1955, Bd. 37; *Idem. Om årsaksproblemer i historisk forskning. Oslo, 1956; Idem. Norsk historieforskning i 19. og 20. arhundre. Oslo, 1959.*

³⁴ *Studier i historisk metode. Oslo, 1966—1979. Bd. 1—14.*

³⁵ *Helle K. Tendenser i nyere norsk høymiddelalderforskning.*— НТ, 1961, Bd. 40; *Lundén K. Den materialistiske historieopfatningen, konfrontert med sociale endringer i Norge i tidlig mellomalder.*— ИТ, 1973, N 3. Любопытно, однако, что К. Лундена, который выражает сомнения в применимости исторического материализма к исследованию раннесредневековой Норвегии, К. Хелле критикует за «навязывание» именно этой теории истории Норвегии XII—XIII вв. См.: *Helle K. Nye og gamle synspunkter på det norske middelaldersamfunnet.*— *Heimen, 1977, N 4, s. 515 ff.*

³⁶ *Helle K. Norge blir en stat, 1130—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1974.*

³⁷ *Norges historie / Red. K. Mykland. Bd. 2. Rikssamling og kristning, 800—1177 / Av F. Gunnes. Oslo, 1976; Bd. 3. Norge under Sverreacten, 1177—1319 / Av K. Lundén. Oslo, 1976.*

социальные процессы XI—XIII вв. охарактеризованы весьма уклончиво: в самом деле, речь не идет о чем-либо более конкретном, нежели переход от «родового общества» к «государственному обществу» (вслед за Л. О. Ёнсеном?), хотя природа государственной власти в этом труде не трактуется абстрактно-юридически, ибо авторы признают, что укреплявшееся в указанный период государство служило в общем и целом интересам крупных землевладельцев и церкви. В томе IV труда (период 1319—1448 гг., авторы О. Имсен и Ё. Саннес) упоминается «тенденция к ленному распаду», которая усилилась в результате хозяйственной катастрофы, связанной с «Черной смертью», и под воздействием других европейских стран³⁸.

К. Лунден, автор III тома указанного обзора, в другой, более поздней своей работе возвращается к оценке норвежской монархии XII—XIV вв. Признавая правильность «функциональной теории» Сейпа, Лунден стремится сочетать ее с трактовкой королевской власти как органа аристократического господства в средневековой Норвегии. Решающий критерий определения социальной природы Норвежского государства того периода он видит в распределении доходов, взимаемых с населения: по предположительным расчетам, примерно треть земельных доходов переходила в руки церкви, светской знати и короны; следовательно, аристократия нуждалась в аппарате политической власти, который был бы способен в пределах всей страны гарантировать эксплуатацию крестьян и подавлять их сопротивление, не обнаруживая при этом тиранических поползновений. Вместе с тем Лунден придает большое значение функции королевской власти по осуществлению социального контроля, охране общественного порядка. Если Сейп указывал на то, что королю приходилось заботиться о примирении противоречий между светской и церковной фракциями аристократии, то Лунден подчеркивает важность противоречий и внутри каждой из этих фракций³⁹.

Понимание Лунденом социальной природы средневекового Норвежского государства как органа политического господства знати едва ли может вызвать серьезные возражения. Сомнения возникают по другой причине — вследствие одностороннего толкования отношений между аристократией и бондами. Исчерпывались ли эти отношения исключительно одной фискальной стороной, получением материальных доходов с податного населения? Была ли церковь заинтересована в государстве опять-таки только по финансовым причинам, как пишет Лунден? Разве гражданские войны последней четверти XII и начала XIII в. можно свести к

³⁸ Norges historie. Bd. 4. Avfolkning og union. 1319—1448 / Av S. Imsen, J. Sandnes. Oslo, 1977, s. 295, 340, 392—393. Подробнее см. об этом ниже, гл. IV.

³⁹ Lunden K. Det norske kongedømet i høgmellalderen (ca. 1150—1319). Funksjon, makt, legitimitet.— In: Om staten / Red. R. Slagstad. Oslo, 1978.

«конфликту из-за раздела ресурсов податного населения»?⁴⁰ Политическая власть оказывается при этом не более чем функцией хозяйства, но как раз применительно к средневековому обществу подобный подход настораживает, так как он игнорирует отношения личной власти, верховенства, зависимости и подданства. Разумеется, указанные черты социальных отношений несравненно яснее выступают в тех государствах средневековой Европы, где феодализм получил полное развитие. И все же и в Норвегии, феодализация которой была куда менее последовательной и полной, этот аспект социальных связей также имел место и нуждается в исследовании⁴¹.

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ

Изучение новой истории Норвегии, т. е. периода с 1660 г., когда в Датско-норвежском королевстве был установлен абсолютизм, началось в XIX в., на волне национально-революционного подъема 1814 г. Долгое время оно носило не академически научный, а публицистический характер. В нем прямо отражалась общественно-политическая борьба между буржуазно-чиновничьим консерватизмом, с одной стороны, и буржуазным либерализмом и мелкобуржуазным демократизмом — с другой.

В центре внимания идеологов этих движений и тесно связанных с партийной борьбой профессиональных историков были следующие проблемы: положение Норвегии в унии с Данией вплоть до 1814 г., характер событий 1814 г., когда Норвегия освободилась от власти Дании и обрела широкую автономию в унии со Швецией. К концу XIX в. историки занялись и периодом после 1814 г., прежде всего борьбой между консерваторами и национальными демократами как по вопросам внутреннего развития страны, так и по вопросам отношений со Швецией. Особую остроту дискуссии придавали все более обострившийся конфликт между Норвегией и Швецией и связанные с ним споры между норвежскими и шведскими историками вокруг событий 1814 г.

Разрыв шведско-норвежской унии в 1905 г. снял политическую остроту этих споров, которые все же в более академическом плане продолжают и поныне. В целом проблематика изучения новой истории Норвегии не оставалась неизменной и в XX в., вплоть до наших дней. Особое внимание историки стали уделять проблемам социально-экономического развития и рабочего движения.

⁴⁰ Ibid., p. 39 etc.

⁴¹ В обзоре не мог быть рассмотрен целый ряд конкретных исследований современных норвежских специалистов по средневековью, так как в центре нашего внимания были общие построения.

* * *

После 1814 г. за освещение новой истории взялись не столько профессионалы — профессора созданного в 1811 г. Кристианийского университета, сколько политические деятели, публицисты, ориентировавшие свои исторические сочинения на современные им проблемы норвежского общества. Центральной, пожалуй единственной, в то время проблемой была оценка датского периода. Резко критическое направление представлял видный деятель норвежского освободительного движения 1814 г. Николай Вергеланн (1780—1848). В 1816 г. он опубликовал антидатский исторический памфлет «Правдивый рассказ о политических преступлениях Дании против королевства Норвегии с 955 по 1814 г.» В 1830 г. вышли анонимные воспоминания Вергеланна, посвященные событиям 1814 г., прежде всего работе Государственного собрания в Эйдсволле, активным участником которого он был¹.

Антидатскую позицию занимали и два других автора, писавших на исторические сюжеты новейшего для них времени: чиновник и журналист Е. К. Берг (1775—1852) и политический деятель Г. П. Блум (1785—1869). Берг опубликовал много статей в журналах, Блум в 1823 г. написал одно из первых исследований о событиях 1814 г., изданное, правда, позднее². В этот же период сложилось и другое направление. С резкой критикой антидатских взглядов Н. Вергеланна выступил К. М. Фальсен (1782—1830), видный политический деятель, один из вождей «партии самостоятельности» на Эйдсволлском собрании.

В 1830—1840-х годах антидатское течение в исторической мысли постепенно слабело. На первый план выходили животрепещущие проблемы унии со Швецией. Обострялась борьба между крестьянской, мелкобуржуазной демократией и высшей, буржуазно-чиновничьей прослойкой общества. Идеолог демократической оппозиции и вместе с тем выдающийся поэт-романтик, сын Николая Вергеланна Херрик Вергеланн (1808—1845) стал одним из первых историков нового времени³.

Начав с издания школьных учебников по норвежской истории, Х. Вергеланн увлекся народными выступлениями проплого. В 1837 г. на страницах журнала «Статсборгерен» («Гражданин») он поместил очерк о крестьянском движении 80-х годов XVIII в. под руководством Лофтхуса, а затем, в 1842 г., выпустил о нем основанное на архивном материале монографическое ис-

¹ [Wergeland N.] Fortrolige Breve til en Ven, skrevne fra Eidsvold i Aaret 1814 af et Medlem af Rigsforsamlingen. Christiania, 1830.

² Blom G. P. Geschichte der Staatsveränderung Norwegen's im Jahre 1814. Leipzig, 1858; *Idem*. Norges Statsforændering i Aaret 1814. Christiania, 1860.

³ Vislie G. Historisk tenkning og Granskning hjaa Henrik Wergeland. Kristiania, 1915.

следование⁴. В своем исследовании по истории Эйдсволлской конституции Х. Вергеланн поставил поныне актуальные в науке проблемы, прежде всего проблему предпосылок событий 1814 г.⁵ Эти предпосылки Х. Вергеланн находил, с одной стороны, в национальной культуре крестьян-бондов, а с другой — в росте национального самосознания бюргерства и чиновничества. Внезапно-политические события, как и деятельность датского последнего принца Кристиана Фредерика, Вергеланн считал случайным, входящим фактором. Предвосхитив во многом концепцию Эрста Сарса, Хенрик Вергеланн стал основоположником так называемой патриотической, т. е. национально-демократической, традиции в освещении революционных событий 1814 г.

Против концепции Х. Вергеланна выступил видный политический деятель 1814 г., крупный предприниматель Якоб Оль (1773—1844). В 1844—1845 гг. вышли три тома его так называемых «Воспоминаний из истории Норвегии в 1800—1815 гг.», которые во многом обосновывали консервативную проиведскую тенденцию в трактовке событий 1814 г.⁶ В противоположность Х. Вергеланну Оль, сам будучи членом «унионистской», проиведской группировки в Эйдсволле, умалял внутренние предпосылки революции, сводил ее причины к внешнеполитическим обстоятельствам.

В середине XIX в. среди норвежской буржуазной интеллигенции распространились идеи скандинавской солидарности, скандинавизма. Свойственная раннему поколению историков-романтиков вражда к былым угнетателям — датчанам ослабла. Напротив, попытки норвежской правящей верхушки в 60-е годы сильнее подчинить Норвегию Швеции и крушение идей скандинавизма в ходе датско-прусской войны 1864 г. способствовали новому подъему национальных чувств норвежской интеллигенции. В норвежской историографии с конца 60-х годов усилилось размежевание между консервативным и буржуазно-демократическим направлениями. Последнее ориентировалось на новую оппозиционную либеральную партию «Вепстре», выступавшую за полное равенство Норвегии в унии со Швецией, а впоследствии и против самой унии.

В обстановке национального подъема на более высокую ступень поднялось и изучение истории — в 1869 г. было образовано Норвежское историческое общество, приступившее в 1870 г. к изданию «Исторического журнала» («Historisk Tidsskrift»).

Своеобразным итогом развития историографии Норвегии XIX в. стала первая многотомная история страны, выпущенная в

⁴ *Wergeland H. Almestalsmanden Christian Jensen Lofthus.*— In: *Wergeland H. Samlade Skrifter.* Oslo, 1926, IV: 4, s. 1—151.

⁵ *Wergeland H. Norges Konstitutions Historie.* Kristiania, 1841—1843. Н. 1—3.

⁶ *Aall J. Erindringer som Bidrag til Norges historie fra 1800 til 1815.* Kristiania, 1844—1845. Bd. 1—3.

свет в 1909—1917 гг. и предназначенная для широких слоев норвежских читателей. Выдержана она была в национально-демократическом духе школы Сарса. Разделы по новой истории были написаны О. А. Ёнсенем (т. 5 — 1660—1813 гг.) и Э. Сарсом (т. 6 — 1814—1905 гг.)⁷.

Виднейший историк, крупнейший представитель буржуазно-демократического направления, деятель партии «Венстре» Эрст Сарс еще в 70-е годы, как уже сказано выше, создал целостную позитивистскую концепцию исторического развития Норвегии⁸. К проблемам унии Норвегии и с Данией, и со Швецией Сарс подходил диалектически. Унии хороши лишь временно, лишь постольку, поскольку они готовят страну к разрыву самих же уний. Сарс полагал, что в конце эпохи унии с Данией, т. е. в начале нового времени, появились новые классы — буржуазия и чиновничество, которые и стали посетителями активного норвежского национального сознания под сильным влиянием крестьянства. Именно появление этого национального самосознания, по мнению Сарса, подготовило политическое отделение Норвегии от Дании. Сарс выступал против выдвигаемого консерваторами утверждения, будто норвежское национальное самосознание возникло лишь в ходе буржуазного антидатского движения 1809—1814 гг. как следствие особых условий — наполеоновских войн.

Сарс высоко оценивал итоги 1814 г., прежде всего Эйдсволлскую конституцию, считал, что именно благодаря национальному движению 1814 г. Норвегия в унии со Швецией заняла лучшее положение, чем того допускали условия Кильского мира. В то же время Сарс возражал против преувеличения изменений в норвежском обществе после 1814 г. Рассматривая норвежскую историю своего столетия, Сарс видел в ней продолжение борьбы двух различных обществ — крестьянского и буржуазно-чиновничьего, двух культурных традиций — исконно норвежской и датской.

Основными вопросами исторического развития Норвегии в XIX в. для Сарса были установление демократического образа правления и достижение национальной самостоятельности. Вехами в этом развитии Сарс считал 1830 г., когда началось сближение либералов с крестьянством, и 1884 г., когда партия «Венстре» впервые пришла к власти и в стране тем самым утвердился

⁷ Norges historie fremstillet for det Norske Folk. Kristiania, 1909—1917. Bd. 1—6.

⁸ О мировоззрении Сарса см.: *Mykland K. Grandeur et décadence. En studie i Ernst Sars historiske grunnsyn.* Oslo, 1955. Датский период истории Норвегии был рассмотрен Э. Сарсом: *Sars E. Norge under Foreningen med Danmark.* Christiania, 1858—1865. D. 1—3; *Idem. Udsigt over den Norske historie.* Christiania, 1873—1891. D. 1—4. Событиям 1814 г. и последующему развитию страны посвящены его работы: *Sars E. Norges politiske historie 1815—1885.* Kristiania, 1904; *Idem. Norges historie fremstillet for det norske folk.* Kristiania, 1913, 1909. Bd. 6, H. 1—2.

принцип парламентаризма. После 1884 г. в Норвегии на первое место выдвинулась судьба самой унии со Швецией, которая, к восторгу Сарса, и была разорвана в 1905 г.

Эта выдвинутая Сарсом «национально-демократическая» концепция норвежской истории, отражавшая взгляды буржуазно-демократических кругов, была в свое время наиболее передовой, причем не только для Норвегии, но и для всей Скандинавии. Она оказала сильное влияние на всю последующую норвежскую историографию, а сам Сарс стал кумиром оппозиционной радикальной интеллигенции Норвегии.

Все же, несмотря на огромное влияние Сарса, консервативное направление в профессиональной норвежской историографии не только не ослабло, но во второй половине XIX в. определенно укрепило свои позиции. Историки-консерваторы, хотя и оставались на «оборонительных» позициях и не создали общей концепции новой истории Норвегии, довольно успешно критиковали национально-демократическое направление, прежде всего Э. Сарса, за умозрительность и недостаточное внимание к историческим фактам и документам. Преимуществом консервативных историков были эмпирические архивные исследования конкретных проблем истории нового времени, выявление и привлечение новых, в первую очередь рукописных, источников, что делает их работы ценными и в наши дни.

В оценке событий 1814 г. консерваторы с определенными изменениями продолжали традиции «унионистской» прошведской партии, традиции Я. Оля и Г. П. Блума. Признавая положительное значение унии со Швецией, они все же выступали против шведских авторов-шовинистов, утверждавших в разгар конфликта, на исходе XIX в., что Норвегия была завоевана Швецией и что ее автономия «дарована» ей шведской короной. Историки-консерваторы симпатизировали «унионистской» партии 1814 г. и выводили норвежское национально-освободительное движение не из самобытной крестьянской идеологии, а из стремления части норвежской верхушки (чиновников и буржуа юго-востока страны во главе с графом Ведель-Ярлсбергом) к отделению от Дании и присоединению к Швеции. Антидатской направленности их работы уже не носили.

Ведущими учеными консервативного направления, занимавшимися проблемами новой истории, были Т. Х. Аскехоуг, М. Биркеланн, Й. Нильсен. Т. Х. Аскехоуг (1822—1909)⁹, юрист и политэконом, депутат стортинга, посвятил свою главную работу датско-норвежской монархии до 1814 г.¹⁰ В ней Аскехоуг старал-

⁹ *Seip A. L. Vitenskap og virkelighet. Sosiale, økonomiske og politiske teorier hos T. H. Aschehoug 1845 til 1882.* Oslo, 1973.

¹⁰ *Aschehoug T. H. Statsforfatningen i Norge og Danmark indtil 1814.* Christiania, 1866.

ся показать, что именно общественный строй и учреждения, сложившиеся в датский период, особенно на заключительном его этапе, создали предпосылки для образования Норвежского государства в 1814 г.

Видное место в норвежской исторической науке занял М. Биркеланд (1830—1896), несмотря на то что его исторические труды немногочисленны и большей частью опубликованы посмертно¹¹. Долгие годы он был директором Государственного архива, инициатором и организатором многих начинаний Норвежского исторического общества и так называемого Фонда публикаций источников (Kildeskrikkfondet). Научные интересы Биркеланда сосредоточивались на предыстории и истории 1814 г., а также последующего периода. Он первым исследовал историю созданного в 1811 г. Общества благоденствия Норвегии. Консервативные убеждения Биркеланда проявились и в том, что именно в чиновничестве он видел носителя преемственности в историческом развитии Норвегии до и после 1814 г. М. Биркеланд был самым последовательным сторонником и унионизма, и скандинавизма в норвежской историографии.

Особое место среди норвежских историков консервативного направления занимает Ингвар Нильсен (1843—1916), профессор географии и этнографии Христианейского университета, который внес большой вклад в изучение «новой» истории — XIX в. Неумолимый исследователь архивов, И. Нильсен поставил перед собой задачу в полном объеме показать международный фон событий 1814 г. Несмотря на положительное отношение к унии со Швецией, Нильсен с документами в руках вступил в полемику со шведскими историками-шовинистами. Он старался доказать равноправие Норвегии со Швецией по договорам 1814—1815 гг. и ее юридическое право расторгнуть унию¹². В ходе своих научных изысканий Нильсен работал в государственных архивах многих стран и дважды посещал Россию¹³. Нильсен подготовил и выпустил большое число документальных публикаций, посвященных предыстории¹⁴ и истории событий 1814¹⁵, прежде всего в диплома-

¹¹ *Birkeland M. Historiske skrifter*. Kristiania; Oslo, 1919—1925. Bd. 1—3.

¹² О деятельности Ингвара Нильсена в прессе см.: *Wasberg G. C. Forsvarstank og suverenitetsprinsip. Kretsen om Altenposten i den unionspolitiske debatt 1890 — mars 1905*. Oslo, 1963.

¹³ См. подробнее: *Рогинский В. В.* Архивные изыскания норвежского историка Ингвара Нильсена в России. — *Скандинавский сборник*. Таллин, 1975, вып. 20, с. 192—197.

¹⁴ *Aktstykker vedkommende Universitetets Oprettelse 1793—1813*. — In: *Historiske Samlinger*. Christiania, 1914, Bd. 3, s. 307—445.

¹⁵ *Nielsen Y. Bidrag till Norges historie i 1814. Afhandlinger og Aktstykker*. Christiania, 1881—1886. Bd. 1—3; *Indstilling og forslag fra den paa Eidsvold under 14-de Mai 1814 nedsatte finanskomite*. — In: *Historiske Samlinger*. Christiania, 1907, Bd. 2, s. 248—354.

тическом плане¹⁶, а также некоторым проблемам последующего развития Норвегии¹⁷.

В событиях 1814 г. Нильсен вслед за Олем отводил определяющую роль великим державам, которые и решили судьбу Норвегии¹⁸. Этот аргумент был направлен, с одной стороны, против национально-демократической концепции Э. Сарса, а с другой — против шведских шовинистов. В национально-освободительном движении самой Норвегии Нильсен ставил на первое место буржуазно-чиновничью оппозицию — появившуюся в 1809 г. группировку сторонников графа Ведель-Ярлсберга, в 1814 г. выступившую в Государственном собрании как «унионистская» партия. Именно Ведель-Ярлсберг стал главным героем Нильсена¹⁹. Тем не менее на начальном этапе событий 1814 г. ведущую роль Нильсен отводил датскому наследному принцу Кристиану Фредерику²⁰. Этот застрельщик и вождь норвежского национального движения руководствовался, однако, по Нильсену, династическими мотивами и расчетом на разрыв великих держав с Карлом Юхачом и на поддержку Англии. Критикуя концепцию Сарса, Нильсен писал о положительной роли «унионистской» партии, прошведской партии графа Веделя, утверждая, что уния со Швецией в то время не была опасна для норвежской самостоятельности и свободы — им угрожала как раз династическая политика Кристиана Фредерика. В пику шведским шовинистам Нильсен утверждал, что заключением Моссской конвенции с норвежцами шведы перечеркнули Кильский мирный договор. Всего явственнее консерватизм Нильсена проявился в его работах, посвященных истории Норвегии после 1814 г.²¹ Там автор рьяно защищал короля-реакционера Карла XIV Юхана против обвинений в том, что он хотел пересмотреть условия унии и полностью подчинить Норвегию Швеции.

¹⁶ Aktstykker vedkommende Konventionen i Moss 14-de August 1814. Christiania, 1894; Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Christiania i Aaret 1814. Christiania, 1895—1897. R. 1, 2; Diplomatisk Brevveksling om Norge mellem Wien og London (1814) og mellem Berlin og London.— In: Historiske Samlinger, Bd. 2, s. 489—549; Diplomatiske aktstykker fra 1814. Utgivne efter Originaler og Koncepter i Arkivet i St. Petersburg.— In: Historiske Samlinger, Bd. 3, s. 179—244.

¹⁷ Stormagternes Forhold til Norge og Sverige 1815—1819. Christiania, 1886; Aktstykker om Bodø sagen.— In: Historiske Samlinger. Christiania, 1900—1907, Bd. 1, 2.

¹⁸ *Nielsen Y.* Om konventionen i Moss.— HT, 1899, R. 3, Bd. 5, s. 1—144; *Idem.* Norge i 1814. Kristiania, 1904.

¹⁹ *Nielsen Y.* Grev Herman Wedel Jarlsberg og hans samtid 1779—1840. Kristiania, 1888. D. 1. 1779—1814; *Idem.* Lensgreve Johan Caspar Herman Wedel Jarlsberg 1779—1840. Christiania, 1901—1902. D. 1—3.

²⁰ *Nielsen Y.* Christian Frederik 1813—1814. Kristiania, 1915.

²¹ *Nielsen Y.* Af Norges nyere historie. Grev von Platens Statholderskab 1827—1829. Kristiania, 1875; *Idem.* Norges Historie efter 1814. Kristiania, 1882—1892. D. 1—3.

Успешный разрыв шведско-норвежской унии в 1905 г. снял политическую остроту с исторических споров о ней. В последующей академической разработке проблем революции 1814 г. важным толчком явился столетний юбилей событий, когда был выпущен ряд публикаций²² и сборников статей²³.

В новых условиях независимости началось сближение консервативных и либеральных (национально-демократических) взглядов на новую историю Норвегии. Вместе с появлением социалистического рабочего движения на разработку проблем новой истории страны определенное влияние стали оказывать идеи марксизма. Возникла даже так называемая марксистская школа Халвдана Кута и Эдварда Бюлля-старшего, о вкладе которых в медиэвистику уже говорилось. Хотя и Кут, и в особенности Бюль-старший признавали сильное влияние марксизма, было бы неверно считать их последовательными марксистами. Новой историей Норвегии много занимался Х. Кут. Он существенно развил национально-демократическую концепцию Сарса путем включения в нее понятия «классовая борьба», которую он в XIX в. сводил к борьбе бондов против буржуазно-бюрократической верхушки. Кут считал, что национальное и социальное являются двумя проявлениями движения по пути прогресса. Кут унаследовал и углубил интерес к движениям народных масс, продолжая традиции Х. Вергеланна и Э. Сарса. В то же время он рассматривал класс бондов нового времени как единое целое, недооценив его социальное расслоение.

Докторская диссертация Кута была посвящена позиции Швеции — Норвегии в датско-немецком конфликте 60-х годов XIX в.²⁴ Крестьянские движения XVIII в. были освещены в книге Кута «Восстание бондов», вышедшей в 1926 г.²⁵ Политические симпатии социал-демократа Кута к своим идейным предшественникам — либералам ярко проявились в написанной им трехтомной биографии одного из основателей и руководителей партии «Венстре», неоднократно премьер-министра Норвегии в 80—90-е годы XIX в., Юхана Свердрупа, — фактически истории партии «Венстре» в 50—90-е годы XIX в.²⁶

Вообще Кут был склонен к биографическому жанру — написал заключительный том «Норвежского биографического словаря», биографии видных норвежских литераторов XIX в.: Хенрика

²² Historiske Samlinger. Udgivne af Den Norske Historiske Kildeskriftkommission. Christiania, 1900—1914. Bd. 1—3.

²³ Til belysning av 1814. Kristiania, 1914; Eidsvold 1814. Kristiania, 1915.

²⁴ *Koht H.* Die Stellung Norwegens und Schwedens im deutsch-dänischen Konflikt. 1863—1864. Kristiania, 1908.

²⁵ *Koht H.* Norsk bondereisning. Oslo, 1926 (фр. пер.: *Koht H.* Les luttes des paysans en Norvège du XVIIe au XIXe siècles. Paris, 1929). Последнее норвежское издание 1975 г.

²⁶ *Koht H.* Johan Sverdrup. Kristiania (Oslo), 1918—1925. Bd. 1—3.

Вергеланпа (1908), Ибсена (1928—1929, расширенное издание 1954 г.). Особенностью творчества Х. Кута, отражавшей его политические взгляды умеренного социал-демократа, тяготевшего к традиционному крестьянскому норвежскому национализму, было то, что он одним из первых стал выпускать свои труды на лансмале, ярым поборником внедрения которого он являлся²⁷.

Важный вклад внес Х. Кут в разработку проблем буржуазной революции в Норвегии в 1814 г.²⁸ В отличие от большинства норвежских историков различных направлений Кут одним из первых признал события 1814 г. революцией, хотя и не смог осознать ее буржуазный характер в марксистском понимании. Он писал: «То, что произошло в Норвегии в 1814 г., было в действительности революцией. Маленький народ восстал против диктата великих держав и завоевал национальную независимость»²⁹. Во внутривосточной истории Норвегия 1814 г. Кут центральное место отводил идее «народного суверенитета», вокруг которой, по его мнению, и разгорелась борьба на Государственном собрании. Симпатии Кута — на стороне «партии самостоятельности», которая, по его мнению, правильно понимала «народный суверенитет» и выступала против поползновений принца Кристиана Фредерика к абсолютизму и против подчинения шведам, как того хотели граф Ведель-Ярлсберг и Н. Вергеланн.

В последние десятилетия своей жизни Х. Кут все реже возвращался к сюжетам нового времени. Одна из последних его работ научно-популярного характера была посвящена установлению абсолютизма в Датско-норвежском королевстве³⁰. Норвежская марксистская партийная критика, отдавая должное научным заслугам Кута, временами резко критиковала его за сведения исторического материализма к экономическому и особенно за правореформистские политические выводы из опыта исторического развития и классовых боев Норвегии³¹.

В 20—30-е годы XX в., по мере того как Норвежская рабочая партия вставала на открыто реформистский путь, «марксистское», т. е. социал-демократическое, и либеральное направления в историографии сблизились. Несмотря на ослабление партии «Венстре», как раз в области исторической науки историки-либералы занимали довольно сильные позиции и внесли большой

²⁷ См. также популярные очерки: *Koht H., Skard S. The Voice of Norway. New York, 1943*; норвежское издание: *Koht H., Skard S. Fridom og lov i norsk historie og litteratur. Oslo, 1948*.

²⁸ *Koht H. 1814. Norsk dagbok. Hundre aar efterpaa. Kristiania, 1914*; *Idem. Eit historisk syn på den norsk-svenske unionen.— NT, 1939, Bd. 31, s. 549—572*.

²⁹ *Koht H., Skard S. The Voice of Norway, p. 47*.

³⁰ *Koht H. Inn i einveldet 1657—1661. Kriseår i norsk historie. Oslo, 1960*.

³¹ Ср.: *Digernes I. Halvdan Koht og hans historiesyn.— Arbeideren, 1939, 17, 18, 19 aug.*

вклад и в разработку проблем нового времени. Среди них ведущее место занимали Я. Ворм-Мюллер, А. Бергсгор, В. Кейлхау и Сверре Стеен.

Профессор Якоб Ворм-Мюллер (1884—1963) был наиболее последовательным сторонником национально-либерального идеализма в духе Э. Сарса и партии «Венстре», что отражалось и в его научных работах. Докторская диссертация Ворм-Мюллера «Норвегия в годы бедствий (1807—1810 гг.)»³² была посвящена деятельности так называемой Правительственной комиссии для Норвегии. Основанная на норвежских и датских архивных первоисточниках работа важна для понимания предыстории 1814 г. На архивном материале построено и другое исследование, посвященное экономическому кризису в Норвегии после окончания наполеоновских войн³³. Позже Я. Ворм-Мюллер занялся изучением истории расторжения шведско-норвежской унии в 1905 г., опубликовал несколько статей³⁴.

Идеологическим преемником Э. Сарса выступил и Арне Бергсгор (1886—1954), по своему мировоззрению отчасти близкий Куту (он также писал свои работы на лапсмоле). В центре внимания Бергсгора, так же как Ворм-Мюллера, находился XIX век. В 1932 г. он выпустил большую и апологетическую биографию вождя крестьянского движения середины XIX в. У. Г. Уэлапна³⁵. Важный вклад в изучение проблем 1814 г. А. Бергсгор внес в годы фашистской оккупации³⁶. Патриотическая направленность его двухтомной работы, рассчитанной, однако, на широкий круг читателей, была своеобразным вкладом в освободительную борьбу.

Усматривая предпосылки движения 1814 г. в историческом развитии самого норвежского народа, А. Бергсгор развивал патриотическую традицию Сарса и Кута. Он, однако, оспаривал мысль последнего о том, будто Государственное собрание в Эйдсволле разделилось на партии по вопросу о «народном суверенитете». Бергсгор вернулся к традиционной точке зрения, что водоразделом было отношение к унии со Швецией, а это в свою очередь привело к дискуссии о компетенции собрания и о границах «народного суверенитета». Уже после смерти историка были опубликованы (и неоднократно переиздавались) его очерки истории Норвегии в XIX — начале XX в.³⁷

³² *Worm-Müller J. Norge gjennom nødsårene (1807—1810)*. Oslo, 1919.

³³ *Worm-Müller J. Christiania og krisen efter Napoleonskrigen*. Oslo, 1922.

³⁴ *Worm-Müller J. Idéer og mennesker. Utvalgte avhandlinger, artikler og taler utgitt til 70 årsdagen*. Oslo, 1954.

³⁵ *Bergsgård A. Ole Gabriel Ueland og bondepolitikken*. Oslo, 1932. Bd. 1, 2.

³⁶ *Bergsgård A. Aret 1814*. Oslo, 1943—1945. Bd. 1, 2.

³⁷ *Bergsgård A. Fra 17 mai til 9 april. Norsk historie 1814—1940*. Oslo, 1957; *Idem. Norsk historie 1814—1880*. Oslo, 1964; последнее издание 1975 г.

На либеральных позициях стоял и Вильгельм Кейлхау (1888—1954), по профессии юрист и экономист, но часто выступавший и на историческом поприще. Кейлхау активно выступал против марксизма, вернее, против «экономического материализма» Х. Кута, подчеркивал индивидуальное, неповторимое, не признавал исторических закономерностей. В либеральной «Жизни и истории народа Норвегии», подготовленной в конце 20-х — начале 30-х годов, именно Кейлхау написал 8, 9 и 10-ю части, освещавшие период с 1814 по 1920 г.³⁸ Идя вслед за Сарсом, даже подражая ему, восхваляя партию «Венстре», Кейлхау в отличие от Сарса ввел разделы по истории хозяйства, которые и составили лучшую часть работы³⁹.

В целом, по мнению Кейлхау, Норвегия развивалась эволюционно и «внешние события никогда не нарушали этого гармонического развития собственных сил нации»⁴⁰. При этом историк выступал откровенным апологетом «свободного» капитализма. Он писал: «Прогресс почти во всех отраслях производства и торговли был обязан частной инициативе, частному капиталу и частному управлению. Ни одна страна не обязана столь многим либеральным принципам XIX в., как Норвегия»⁴¹.

Своеобразным олицетворением сближения социал-демократического, либерального и умеренно консервативного направлений академической историографии явилась деятельность одного из ведущих историков Норвегии, профессора Сверре Стесна (р. 1898). Ученик левого социал-демократа Эдварда Бюлля-старшего, историк-либерал, близкий во многом даже к консерваторам, С. Стеен является одним из наиболее плодотворных авторов в области изучения нового времени. Он написал четыре тома «Жизни и истории норвежского народа», освещавшие период с 1500 по 1813 г.⁴² С 1951 г. Стеен начал издавать серию работ по истории Норвегии XIX в. под общим заглавием «Свободная Норвегия». Первый том был посвящен 1814 г., последующие — различным вопросам истории страны первой половины XIX в.⁴³

В 30-е годы в седьмом томе «Жизни и истории норвежского народа» С. Стеен придерживался в целом либерального взгляда на события 1814 г. Однако в поздних работах, в упомянутой

³⁸ Det norske folks liv og historie gjennom tidene. Oslo, 1929—1935. Bd. 8—10.

³⁹ В эмиграции написал очерк: *Keithau W. Norway in World History*. London, 1944.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 157.

⁴¹ *Ibid.*, p. 161.

⁴² Det norske folks liv og historie gjennom tidene. Oslo, 1930—1933. Bd. 4—7.

⁴³ *Steen S. Det frie Norge. 1814*. Oslo, 1951; см. также: *Idem. Det frie Norge. Lokalt selvstyre i Norges bygder. Første fasc.* Oslo, 1968; *Idem. Det frie Norge. Amt og stat 1837—1860*. Oslo, 1973; *Idem. Langsomt ble landet vårt eget. Oslo, 1969* (очерк истории Норвегии до 1814 г. включительно); *Idem. Drømmen om frihet (1814—1905)*. Oslo, 1973.

книге о 1814 г. Стеен выступил продолжателем консервативной традиции Я. Оля и И. Нильсена. Теперь он придавал решающее значение внешним событиям и фактически отрицал стремление норвежцев к независимости — в деятельности «партии самостоятельности» он усматривал лишь желание поддержать принца Кристиана Фредерика и впоследствии восстановить унию с Данией.

В первой половине XX в. вышли в свет работы по ранней истории отдельных общественно-политических движений и партий, причем с апологетическими целями. Представители социал-демократического направления, члены Норвежской рабочей партии, ставшей в 20-е годы наиболее сильной партией страны, выпустили научно-популярные работы, посвященные истории ЛРП и профсоюзного движения⁴⁴, а также демократическому движению конца 40-х — начала 50-х годов XIX в., проходившему под руководством Маркуса Тране⁴⁵.

В 1933 г. уже упоминавшиеся А. Бергсгор, Я. Ворм-Мюллер и Б. Ниссен, один из деятелей партии «Венстре», издали историю этой партии⁴⁶. Консервативный историк О. Йерлев опубликовал апологетическую трехтомную историю консервативной партии — «Хёйре» начиная с 1814 г.⁴⁷

С 20—30-х годов у норвежских исследователей значительно вырос интерес к проблемам экономической истории страны. В 1939 г. вышел первый общий курс истории хозяйства Норвегии⁴⁸, написанный медиевистом О. А. Ёнсенем, специалистом по истории норвежского крестьянства⁴⁹. Новая история освещена в этой работе неравномерно: более полно — XVII—XVIII вв., в то время как XIX—XX вв. — крайне бегло. В 20-е годы была подготовлена многотомная история норвежского мореплавания, важнейшей отрасли народного хозяйства страны⁵⁰.

Развитие норвежской историографии по новой истории после 1945 г. характеризовалось дальнейшим сближением буржуазно-либерального и буржуазно-консервативного направлений, все большим растворением в них социал-демократической исторпо-

⁴⁴ Det Norske Arbeiderpartis historie 1887—1937. Oslo, 1937—1939. Bd. 1, 2, *Ousland G.* Fagorganisationen i Norge. Arbeidernes faglige Landsorganisasjon. 1899—1924. Oslo, 1927; *Ousland G., Skard A.* Fagorganisasjonen i Norge. Oslo, 1949.

⁴⁵ *Friis J.* Markus Thrane. Kristiania, 1974; *Koht H.* Arbeiderrørsla av 1848 i Norge. Kristiania, 1914; *Overland O. A.* Thrannerbevaegelsen. Kristiania, 1903; *Saeter J.* Marcus Thrane. Hans liv og kamp for sosial rettferd. Oslo, 1942.

⁴⁶ *Worm-Müller J., Bergsgård A., Nissen B.* Venstre i Norge. Oslo, 1933.

⁴⁷ *Gjerløw O.* Norges politiske historie. Høires innsats fra 1814 til idag. Oslo, 1934—1936. Bd. 1—3.

⁴⁸ *Johansen O. A.* Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1939.

⁴⁹ *Johansen O. A.* Norges bønder. Utsyn over den norske bondestands historie. 2-c rev. utg. Oslo, 1936.

⁵⁰ Det norske sjøfarts historie fra de ældste tider til vore dager. Kristiania; Oslo, 1923. Bd. 1—3.

графии, тягой академической историографии к чисто эмпирическим исследованиям конкретных вопросов. Некоторые историки — Оттар Даль, Енс Аруп Сейп — проявляли, однако, большой интерес к методологическим проблемам, хотя и решали их с буржуазных позиций. В умеренно буржуазном духе была выдержана и появившаяся в начале 60-х годов новая многотомная «История нашего народа»⁵¹. Не случайно основным учебником по новой истории Норвегии стал курс М. Енсена, написанный после второй мировой войны с буржуазных позиций⁵². Лишь в 60-е годы вновь оживился интерес к марксизму и усилились как его влияние, так и его критика⁵³, особенно в области экономической истории⁵⁴. В 60-х годах была опубликована и апологетическая буржуазная история промышленности⁵⁵. Растущий интерес вызывали проблемы экономической и социальной перестройки норвежского сельского хозяйства в XVIII — XIX вв. — в статьях таких авторитетов, как А. Холмсен (см. выше) и Ингрид Семминген, и более молодых ученых — С. Дюрвика и Э. Эстерюда⁵⁶. У последнего заметно усвоение марксистской концепции развития капитализма в сельском хозяйстве. Сводный труд П. Боргедала (р. 1885) по истории норвежского сельского хозяйства в новое и новейшее время имел, однако, преимущественно технико-экономическое направление и буржуазно-апологетическую окраску⁵⁷.

Продолжали выпускать работы по истории рабочего и профсоюзного движения эпохи империализма социал-реформистские авторы: профессор Э. Бюль-младший (р. 1914)⁵⁸; видный публицист и ветеран НРП А. Сакариассен (р. 1898)⁵⁹. В 70-е годы развернул свою деятельность левый социалист Э. Лоренц (р. 1940), выпустивший сжатый, но весьма содержательный очерк рабочего движения в Норвегии на широком международном фоне

⁵¹ Vårt folks historie. Oslo, 1963—1964. D. 5—6.

⁵² Jensen M. Norges historie. 3-e utg. Oslo, 1962—1963. Bd. 1, 2.

⁵³ Ср. поучительное в этом смысле продолжение курса А. Бергсгора Э. Нербевиком (р. 1938): *Nerbevik J. Norsk historie 1870—1905*. Oslo, 1973; см. также: *Dahl O., Egge A. Marxism og empirisk forskning*.— НТ, 1975, N 1.

⁵⁴ *Elster J. Nytt perspektiv på økonomisk historie. Problemer og metoder i en samfunnsvitenskap*. Oslo, 1971.

⁵⁵ *Wasberg G. C., Svendsen A. S. Industriens historie i Norge*. Oslo, 1969.

⁵⁶ См. особенно статьи в журнале: *Scandinavian Economic History Review*. См. также: *Østerud Ø. Nytt perspektiv på det store hamskifte*.— НТ, 1975, N 2.

⁵⁷ *Borgedal P. Norges jordbruk i nyere tid*. Oslo, 1966—1968. Bd. 1—3; *Try H. Gardsskipnad og bondenæring. Sørlandsk jordbruk på 1800-talet*. Bergen, 1969.

⁵⁸ *Bull E. Arbeiderklassen i norsk historie*. 2-e utg. Oslo, 1948; *Idem. Norsk fagbevegelse. Oversikt over fagorganisasjonens utvikling*. Oslo, 1955 (2-e utg. 1968); *Idem. Arbeidermiljø under det industrielle gjennombrudd*. Oslo, 1958.

⁵⁹ *Zachariassen A. Fra Marcus Thrane til Martin Tranmæl*. Oslo, 1962; *Idem. På forpost*. Oslo arbeidersamfund 100 år 1864—1964. Oslo, 1964.

(в политико-идеологическом плане)⁶⁰ и опубликовавший подборку документов социалистического движения в Норвегии начиная с Маркуса Трапе⁶¹.

В центре интересов академической исторической науки остались проблемы политической истории Норвегии XIX в. Именно этим сюжетам и были посвящены исследования и статьи одного из наиболее крупных современных историков Норвегии, профессора Еиса Арупа Сейпа (р. 1905), специалиста по истории политических учреждений и идей. Буржуазный радикал (левый либерал) Е. А. Сейп придерживается теории факторов, в центре исторического развития у него — политика, эволюция политической мысли и политических институтов, хотя он отнюдь не умаляет значения других факторов, в частности экономического и социального. Тематика трудов Е. А. Сейпа — просвещенный абсолютизм⁶², норвежские политические учреждения XIX—XX вв., экономическая идеология правящих кругов XIX в.⁶³, методологические проблемы изучения истории⁶⁴. В 1974 г. вышел первый том его общего курса истории Норвегии после 1814 г., который не случайно был озаглавлен так же, как в свое время курс истории Норвегии Э. Сарса⁶⁵.

Внутриполитическую историю Норвегии после 1814 г. Сейп делит на три периода: первый — 1814—1884 гг. — господство чиновников, бюрократии, второй — 1884—1945 (!) гг. — эпоха промышленной буржуазии, многопартийной системы, третий — с 1945 г. — эпоха «однопартийного государства» Норвежской рабочей партии. Опираясь на исследовательскую работу своих современников, в частности на весьма ценную многотомную «Историю норвежского стортинга» (см. след. раздел), Сейп исподволь выступает против идеализации и схематизации норвежского исторического процесса XIX — начала XX в. Такая идеализация была в особенности присуща историкам-националистам — и буржуазно-демократическим (Сарс, Бергсгор), и социал-демократическим (Кут). В трактовке Сейпа новая история Норвегии оказывается крайне динамичной, базис и надстройка постоянно взаимодействуют («социальное часто оказывается связующим звеном между экономикой и политикой»), преодоление одной группы противоречий порождает новые. Субъективно, видимо, далекий от марксизма, Сейп — в частности с его толкованием событий 1814 г. —

⁶⁰ *Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. Norsk sosialisme i internasjonelt perspektiv.* Oslo, 1972. D. 1. 1789—1930.

⁶¹ *Thrane M. Arbeider forén dere! Politiske skrifter av Norges første socialist/ Utvalg og innledning av E. Lorenz.* Oslo, 1969; *Norsk sosialisme. En dokumentasjon.* Oslo, 1970.

⁶² *Seip J. A. Tcorien om det opinionsstyrte enevelde.* Oslo, 1958.

⁶³ *Seip J. A. Tanke og handling i norsk historie.* Oslo, 1968.

⁶⁴ *Seip J. A. Fra embedsmannstat til ett partistat og andre essays.* Oslo, 1963.

⁶⁵ *Seip J. A. Utsikt over Norges historie.* Oslo, 1974. Bd. 1. Tidsrommet 1814—ca. 1860.

значительно ближе современным историкам-марксистам, чем экономический материалист Халвдан Кут⁶⁶.

Итоги изучения норвежской истории нового времени подведены в многотомном издании «История Норвегии», подготовленном под руководством бергелского профессора Кнута Мюккланда (р. 1920)⁶⁷. В целом это издание выдержано в традиционном духе, хотя по сравнению с предшествовавшими подобными изданиями периодизация приближена к общеввропейской. Так, 7-й том (автор — К. Мюккланд) открывается 1648 г., т. е. Вестфальским миром, а не 1660 г., как в прежних работах. Следующий том традиционно начинается окончанием Великой Северной войны в 1720 г., но завершается 1784 г. (автор — С. Дюрвик). 9-й том охватывает период с 1784 по 1814 г. (автор — К. Мюккланд). 10-й том описывает события по 1851 г. — также нетрадиционная дата для периодизации истории Норвегии (автор — Ф. Сёйстеред). 11-й том доводит изложение до 1884 г. (автор — Х. Трю), следующий том, написанный профессором Пером Фуглумом, завершается не 1905 г., как было бы традиционно, а 1919 г. — итогами первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что большинство названных авторов — специалисты по экономической истории.

Из новейших работ, посвященных периоду абсолютизма, можно отметить исследование того же К. Мюккланда об изменении формы правления в Датско-норвежском королевстве — смене аристократической олигархии самодержавием⁶⁸. Норвежской внешней торговле в XVII — начале XVIII в. — экспорту норвежского леса в Англию посвящено фундаментальное исследование профессора Бергенского университета Стейна Твейте (р. 1930)⁶⁹. В 1976 г. вышла монография архивистки Дагню Ергсен (р. 1907) о датско-норвежской внешней политике в конце XVII в., в годы так называемой войны за пфальцское наследство⁷⁰.

Проблема 1814 г. остается одной из центральных в историографии по новой истории Норвегии. К 150-летию революции, однако, была лишь переиздана небольшая научно-популярная работа либерального публициста и историка Б. Ниссена⁷¹ и издана популярная иллюстрированная антология Г. К. Васберга⁷².

⁶⁶ Ibid., p. 7—12.

⁶⁷ Norges historie / Red. K. Mykland. Oslo, 1976—1978. Bd. 7—12.

⁶⁸ Mykland K. Skiftet i forvaltningsordningen i Danmark og Norge i tiden fra omkring 1630 og inntil Frederik den Tredjes død. Bergen; Oslo, 1967.

⁶⁹ Tveite S. Engelsk norsk trelasthandel 1640—1710. Bergen; Oslo, 1961.

⁷⁰ Jørgensen D. Danmark-Norge mellom stormaktene 1688—1697: dansk-norsk sjøfart og utenrikspolitikk under den pfalziske arvefølgekrig. Oslo, 1976. См. рец.: Новая и новейшая история, 1978, № 5.

⁷¹ Nissen B. A. Året 1814. 2 opplag. Oslo, 1964.

⁷² Wasberg G. C. Historien om 1814. En beretning i dokumenter, sitater og illustrasjoner. Oslo, 1964.

В 1967 г. К. Мюкклан также выпустил сравнительную антологию выдержек из работ норвежских, датских и шведских историков XIX—XX вв., посвященных 1814 г.⁷³ Из научных монографий можно отметить объемистые исследования «Каперство и мореплавание в 1807—1814 гг.» Ю. Н. Теллссена⁷⁴ (р. 1901) и «Взгляды норвежцев на Данию и датчан в 1814 г. и в первые годы самостоятельности» К. Нюгора⁷⁵. Еще в 1945 г. Э. Эстведт выпустил биографию одного из виднейших деятелей норвежского освободительного движения, «отца» Эйдсволлской конституции Кристиана Магнуса Фальсена⁷⁶.

Центром работ вышло с 1945 г. и по истории Норвегии первой половины XIX в., не считая уже упомянутых трудов С. Стеена. Интерес исследователей прежде всего был направлен на крестьянскую оппозицию в стортинге: такова книга Ю. Мюрволла об отношении либерально-оппозиционной газеты «Morgenbladet» к крестьянской оппозиции в 30—50-е годы⁷⁷. Отношение самой крестьянской оппозиции к либерализации духовно-религиозной жизни страны в 1840-е годы стало темой диссертации Оге Скуллеруда⁷⁸. Скандинавизму в Норвегии в 30—40-х годах было посвящено фундаментальное исследование Ё. Саннеса⁷⁹.

Значительно больше внимания в послевоенные годы уделяли норвежские историки проблемам политического развития страны во второй половине XIX в.— борьбе консерваторов с либералами по вопросам демократизации государственного строя Норвегии, установления парламентаризма и отношений со Швецией⁸⁰. Вышел целый ряд научных биографий политических деятелей того периода: А. М. Швейгора, Х. Р. Аструна, Ю. Стеена, Ф. Стагга, О. Рихтера, Г. Кнудсена, К. Микельсена⁸¹. Первая победа молодой партии «Венстре», одержанная в стортинге в 1869 г.,— проведение закона о ежегодных сессиях парламента — исследована

⁷³ Omkring 1814. En antologi / Ved K. Mykland. Oslo, 1967.

⁷⁴ Tønnessen J. N. Kaperlast og skipsfart 1807—1814. Oslo, 1955.

⁷⁵ Nygaard K. Nordmenns syn på Danmark og danskene i 1814 og de første selvstendighetsår. Oslo, 1960.

⁷⁶ Østvedt E. Christian Magnus Falsen. Linjen i hans politikk. Oslo, 1945.

⁷⁷ Myhrvold J. «Morgenbladet» og bondcopposisjonen 1838—1857. Oslo, 1949.

⁷⁸ Skullerud A. Bondcopposisjonen og religionsfriheten i 1840 årene. Bergen; Oslo; Tromsø, 1971.

⁷⁹ Sanness J. Patriotet, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen for 1848. Oslo, 1948.

⁸⁰ Обзор литературы по этому периоду см.: *Nerbøvik J.* Norsk historie, s. 192—210.

⁸¹ Lund C. A. M. Schweigaard som stortingspolitiker. Oslo, 1958; *Scvåg R.* Statsråd II. R. Astrup. Oslo, 1967; *Sunnanu O.* Johannes Steen. Statsminister og parlamentarisk førar. Oslo, 1967; *Idem.* Johannes Steen. Politikeren frå 1880-åra. Oslo, 1969; *Svare B.* Fredrik Stang. Oslo, 1939—1950. Bd. 1, 2; *Fuglum P.* Ole Richter. Oslo, 1957—1964. Bd. 1, 2; *Nissen B. A.* Gunnar Knudsen. Oslo, 1957; *Wyller T. C.* Christian Michelsen: politikeren. Oslo, 1975.

дочерью Е. А. Сейпа — Аншой-Лисой Сейп (р. 1933)⁸². А. Кортведт выпустил объемистую монографию о борьбе консерваторов (хэйре) против установления парламентаризма в 1880—1884 гг.⁸³ Политическая агитация крупнейшего норвежского поэта и демократа Бьёрнстjerne Бьёрнсона в те же годы стала предметом небольшой книги Х. Лервика (р. 1932)⁸⁴. Проунионистской агитации консервативной группировки вокруг газеты «Афтенпостен» в 1890—1905 гг. посвящена защищенная в шведском Упсальском университете диссертация Г. К. Васберга⁸⁵.

Естественным развитием изучения новой истории Норвегии в послевоенные годы явилось множество новых специальных исследований и публикаций по заключительному (согласно марксистской периодизации) этапу новой истории Норвегии — от образования независимого Норвежского государства до 1918 г.⁸⁶ Здесь следует назвать историко-партийные работы Т. Ослави и Ё. Нербёвика⁸⁷, историко-дипломатические — Р. Уманга и Т. Матисена⁸⁸, исследования по истории Норвегии в годы первой мировой войны Н. Эрвика, Т. К. Вюллера, Ю. Скрейнера и особенно У. Ристе⁸⁹.

Примечательной чертой послевоенной норвежской литературы по новой истории является растущий интерес к отношениям Норвегии с царской Россией, к взаимодействию русской и норвежской культур. После аннотированных статей А. Доз, О. А. Ёнсена и филолога-слависта У. Брока (работавшего в советских архивах в конце 20-х годов)⁹⁰ увидела свет монография по истории пограничного с Россией Финмарка⁹¹. Наконец, видный норвежский

⁸² *Seip A. L. Forspill til parlamentarisme. Haffner-saken 1869.* Oslo, 1968.

⁸³ *Kaartvedt A. Kampen mot parlamentarismen 1880—1884. Den konservativt politikken under vetostriden.* Oslo, 1956 (2-e utg. Bergen, 1967).

⁸⁴ *Lervik H. Bjørnstjerne Bjørnsons politiske agitasjon 1880—1884.* Oslo, 1969.

⁸⁵ *Wasberg G. C. Forsvarstanke og suverenitetsprinsipp. Kretsen om Aftenposten i den unionspolitiske debatt 1890 — mars 1905.*

⁸⁶ Ср.: *Похлебкин В. В.* О развитии и современном состоянии исторической науки в Норвегии. — Вопросы истории, 1956, № 9, с. 210; *Pauskaas K.* Litteraturen om 1905. Oslo, 1956.

⁸⁷ *Aasland T. Fra arbeiderorganisasjon til mellomparti.* Oslo, 1961; *Idem.* Fra landmannsorganisasjon till bondeparti. Oslo, 1974; *Nerbøvik J.* Antiparlamentariske stramdrag i Norge 1905—1914. Oslo, 1969.

⁸⁸ *Omang R.* Norge og stormaktene 1906—1914. Oslo, 1957. Bd. 1; *Idem.* Norsk utenrikstjeneste. Oslo, 1955—1959. Bd. 1, 2; *Mathisen T.* Svalbard i internasjonal politikk 1871—1925. Oslo, 1951.

⁸⁹ *Ørvik N.* The Decline of Neutrality 1914—1971. London, 1971; *Wyller T. C.* Utvidelsen av statens myndighetsområde i Norge under første verdenskrig. — NT, 1960, Bd. 39, N 4, s. 321—337; ср.: Вопросы истории, 1960, № 12, с. 199—201; *Schreiner J.* Norsk skipsfart under krig og høykonjunktur 1914—1920. Oslo, 1963; *Riste O.* The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965.

⁹⁰ *Broch O.* Arkivstudier i Russland mai — juni 1928. — Avhandlingar utgivne av Det norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 1928, II, N 4b.

⁹¹ *Johnsen O. A.* Finnmarkens politiske historie. Kristiania, 1923.

историк-славист Корс Сельнес выпустил очерк русско-норвежских отношений с древности до 1814 г.⁹² Свежий материал содержится в сжатом обзоре русско-норвежских связей в Заполярье на страницах краеведческого журнала «Оттар» (г. Тромсё)⁹³.

Составной частью успешно развивающейся норвежской славистики являются книги и статьи исследователей литературных связей норвежского и русского народов. Наиболее известен среди этих литературоведов Мартин Наг, давший популяризатор также и советской культуры в Норвегии⁹⁴.

ИЗУЧЕНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ¹

До конца второй мировой войны изучение самоновейшего в то время отрезка истории Норвегии сосредоточивалось на периоде первой мировой войны и предвоенного десятилетия. В остальном преобладали историко-публицистические сочинения с небольшим научным аппаратом и ярко выраженной политической тенденцией — шла ли речь об истории норвежского рабочего движения, о норвежских правах на арктические земли (Шпицберген, Восточная Гренландия и пр.), экономических кризисах межвоенного времени или текущей внешней политике Норвегии². Накал политических страстей, диапазон идейного размежевания были в тогдашней Норвегии с ее острыми хозяйственными трудностями, частыми правительственными кризисами, сравнительно (с другими скандинавскими странами) радикальным рабочим движением весьма велики. Сильнее, чем в других северных странах, было и влияние марксизма на левую интеллигенцию: группа «К свету» («Mot dag») и одноименный журнал 1921—1936 гг. Показатель этого влияния — редкая в тогдашней

⁹² Selnes K. Norge-Ryssland. Grannefolk gjennom tusen år. Oslo, 1972. См. рец.: Новые книги за рубежом по общественным наукам, 1972, № 12.

⁹³ Naboer ved Ishavet. Gløtt fra norsk-russisk samkvem gjennom tidene.— Ot-tar, 1977, N 94/95.

⁹⁴ См., например: Nag M. Hamsun i russisk åndsliv. Oslo, 1969; Kjetsaa G. Maksim Gorkij i Norge. Oslo, 1975. См. также библиографические указатели по норвежской славистике: Egeberg E. Norsk litteratur om de slaviske og baltiske folks kultur. Oslo, 1973, 1976.

¹ По недостатку места оставляем вне рассмотрения последования и обзорные труды по новейшей истории Норвегии, как и по истории этой страны вообще, принадлежащие зарубежным норвежским ученым.

² По истории страны в целом см.: Christensen O. A. R. Det hendte igår. Oslo, 1933; Det norske folks historie gjennom tidene. Oslo, 1935—1938. Bd. 10, 11 (автор томов — либеральный экономист и историк В. Кейлхау); Johnsen O. A. Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1939; по отдельным вопросам и темам см.: Det norske Arbeiderpartis historie / Ed. H. Koht. Oslo, 1937—1939. Bd. 1, 2; Smedal G. Erhvervelse av statshoihet over polarområ-der. Oslo, 1930; Skeje J. Grønlandssaken. Oslo, 1931; Hambro E. Norge og Folkeforbundet. Oslo, 1938.

Западной Европе левосоциалистическая «Рабочая энциклопедия» с большим числом марксистских статей на исторические темы и с опорой на БСЭ³. Первым опытом осмысления новейшей истории Норвегии и ее рабочего движения с коммунистических позиций явились брошюра У. Шефлю «Красная нить норвежской истории» и особенно очерк «От Лассалля к Лепшну» Арвида Хапсена⁴.

С конца 30-х годов начался отход левой интеллигенции от марксизма и общее поправление норвежской общественно-политической мысли. Германская оккупация осложнила этот процесс. Подцензурная историческая литература, выходящая в Норвегии, избегала актуальных сюжетов. Кратковременный «подъем» испытала профашистская и фашистская публицистика, фальсифицировавшая события новейшей истории (сам «фюрер» В. Квислинг, Ф. Халворсен). Эмигрантская публицистика в Англии, Швеции, США сплотилась на антифашистских буржуазно-демократических позициях, освещая с этих позиций события норвежской и всемирной истории (Х. Кут, А. Урдинг, Я. Ворм-Мюллер, Ф. Поске, К. Фрам — псевдоним натурализовавшегося в Норвегии немецкого левого социал-демократа В. Брандта⁵). Голос норвежских коммунистов находил путь к народу через многочисленные подпольные газеты и листовки.

Исследование новейшей истории Норвегии началось фактически с работы Следственной комиссии 1945 г., выяснявшей поведение и меру ответственности политических, военных и гражданских властей страны в трагическом 1940 г., а также деятельность норвежского правительства в изгнании. Широкий круг военно-дипломатических вопросов, связанных с предысторией и историей второй мировой войны, с судьбами страны в годы войны, и составлял главную тематику новейшей истории Норвегии в послевоенной норвежской историографии примерно до конца 50-х годов⁶.

Двухтомное «Заключение Следственной комиссии 1945 года» с девятью приложениями (в трех томах) явилось первым вкладом официозных историков в изучение внешней и военной политики Норвегии накануне и в годы второй мировой войны⁷. К «Заключению

³ Arbeidernes lexikon. Oslo, 1932—1936. Bd. 1—6 (издавалось той же группой «К свету»). См. запись беседы с одним из ведущих представителей группы «К свету», А. Ордингом (Урдингом), посетившим СССР в 1931 г. (Борьба классов, 1934, № 6/7, с. 157—158).

⁴ Schefflo O. Den røde tråd i Norges historie. Oslo, 1925; Hansen A. Fra Lassalle til Lenin. Oslo, 1929.

⁵ См.: Кут Х. Новые исторические работы в Норвегии.— Вопросы истории, 1947, № 11.

⁶ См., например: Humaniora norvegica. Oslo, 1950—1960. Vls 1—4.

⁷ Innstilling fra Undersøkelseskommisjonen av 1945. Oslo, 1946—1947. D. 1, 2; Bilag. Oslo, 1947. Bd. 1—3. Об этой комиссии см.: Похлебкин В. В. О развитии и современном состоянии исторической науки в Норвегии.—

чению» вплотную примыкает и трехтомная официозная «Норвегия в войне», написанная ответственными участниками событий и вышедшая под редакцией крупного историка Сьерре Стеена (см. о нем выше), одного из семи членов названной комиссии⁸. Наибольшие споры, естественно, вызвала оценка правительственной политики до германского нападения 9 апреля 1940 г., а также переговоры коллаборационистского президиума стортинга с оккупационными властями в июне — сентябре 1940 г. о создании «государственного совета», т. е. коллаборационистского правительства в Норвегии. Были осуждены военно-техническая неподготовленность страны по вине гражданских властей, правительства, внешнеполитические просчеты последнего накануне вторжения (притушение бдительности). Более сурово — не как опьяченные, а как антиконституционные — были осуждены действия президиума стортинга летом 1940 г. При всей резкости суждений Следственной комиссии норвежский парламент, как известно, в конечном счете сдупогласно воздержался от привлечения политиков 1940 г. к суду.

Параллельно им, в противовес «Заключению» Следственной комиссии, увидел свет целый ряд мемуарных и историко-публицистических книг о войне и ответственности за поражение 1940 г. В одних действия довоенных политиков брались под защиту, часто ими самими: наиболее известны книги бывшего министра иностранных дел, выдающегося историка Х. Кута⁹. В других, напротив, заключения Следственной комиссии отвергались как чересчур мягкие, апологетические по отношению к коллаборационистским органам власти в оккупированной Норвегии 1940 г. — Административному совету и Верховному суду¹⁰. Насыщенные драматическими событиями военные годы вскоре стали предметом новых документальных публикаций¹¹. Среди них были и небольшие издания норвежской компартии. Вместе с историко-публицистическими произведениями коммунистов и левых социа-

Вопросы истории, 1956, № 9, с. 208—209; *Kan A. C.* Обзор исследований и мемуаров о внешней политике Норвегии в годы второй мировой войны. — В кн.: *Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией*: В 3-х кн. М., 1966, кн. 1, с. 410—411, 420.

⁸ *Norges krig 1940—1945*. Oslo, 1947—1950. Bd. 1—3. Об этом издании см. также: *Посков А. М.* Норвежская историческая литература о движении Сопротивления в 1940—1945 гг. — В кн.: *Критика новейшей буржуазной историографии*: Сборник статей. Л., 1967, с. 365—366.

⁹ *Kohf H.* *Norsk utanrikspolitikk fram til 9. April 1940*. Oslo, 1947; *Idem.* *Fra skanse til skanse*. Oslo, 1947.

¹⁰ См., например: *Bonnevie Th.* *Høyesterett og riksrådsforhandlingene*. Oslo, 1947.

¹¹ *Norges forhold til Sverige under krigen*. Oslo, 1947—1950. Bd. 1—3; *Regjeringen og Hjemmefronten under krigen*. Oslo, 1948; *Norske aktstykker til okkupasjonens forhistorie*. Oslo, 1950; *Altmark-saken 1940*. Oslo, 1953.

листов эти издания давали классовую оценку недавнего прошлого, критиковали не только умеренно коллаборационистские круги и буржуазное руководство Внутреннего фронта, но и лондонское эмигрантское правительство, в частности, за сдерживание боевых форм антифашистского Сопротивления¹².

Новую злободневность теме второй мировой войны, точнее, причинам катастрофы 9 апреля придали политические споры вокруг вступления Норвегии в НАТО. Его сторонники, естественно, аргументировали необходимость этого шага нежизнеспособностью, обреченностью довоенного нейтралитета при всей его строгости со стороны Норвегии¹³. Напротив, противники участия в НАТО, пацифисты буржуазного или социал-демократического толка, выискивали и разоблачали отклонения самого норвежского правительства от провозглашенного им нейтралитета в 1940 г., видя (как выяснилось после новых исследований, ошибочно) в проамериканских симпатиях правительства и в действиях западных держав главные причины катастрофы¹⁴.

Развернувшаяся с конца 40-х годов «холодная война» способствовала повому политическому поправлению норвежских историков. Буржуазные и социал-демократические авторы книг и статей по новейшей истории Норвегии теперь, как в 1939—1940 гг., практически не отличались друг от друга в своих общих — антикоммунистических и антисоветских — установках. Марксистское направление в исторической литературе 40—50-х годов сошло на нет. Давние связи норвежских историков с коллегами и научными учреждениями англосаксонских стран, усилившиеся в годы второй мировой войны и эмиграции, теперь приобрели в значительной мере тот же пронатовский характер.

Подобные правые тенденции в той или иной степени проявились в уже названных ранее официозных и юбилейных обобщающих трудах с разделами по новейшей истории Норвегии: 9-м томе «Истории нашего народа», четырехтомной истории норвежских профсоюзов, книгах Э. Бюлля-младшего и А. Сакариассена по истории рабочего класса и рабочего движения¹⁵, трехтомных воспоминаниях бывшего норвежского министра иностранных дел Т. Ли о военных годах и др., не говоря уже о памфлетах Хокона Ли, Е. Салнеса и т. д. В собственно новейшей истории еще

¹² Vårt partis politikk under krigen. Oslo, 1945; Vårt partis politikk etter krigen. Oslo, 1945; *Krog H.* 6te kolonne. — ? Oslo, 1946.

¹³ *Ordning A.* Norsk utenrikspolitikk. Oslo, 1949; *Ørvik N.* The Decline of Neutrality 1914—1941. Oslo, 1953.

¹⁴ См., например, предисловие Ю. Шарфенберга к вышеупомянутому сборнику: *Norske aktstykker til okkupasjonens forhistorie; Maseng E.* 1905 og 1940. Oslo, 1953; *Normann H.* Vollgraven. Oslo, 1955.

¹⁵ Vårt folks historie. Oslo, 1961. Bd. 9 (автор тома — К. А. Р. Кристенсен); *Skar A.* Fagorganisasjonen under okkupasjonen. Oslo, 1949; *Bull E.* Arbeiderklassen i norsk historie. Oslo, 1948; *Idem.* Norsk fagbevegelse. Oslo, 1955; *Zachariassen A.* Frå Marcus Thrane til Martin Tranmael. Oslo, 1962, 1977.

преобладала военная тематика. Стали, например, издаваться много томное военно-историческое описание норвежской кампании 1940 г., история действий норвежского военно-морского флота в годы войны (автор — Э. А. Стеен), был выпущен сборник кратких биографий всех погибших в борьбе за свободу страны — в четырех томах¹⁶.

В 50-х годах выдвинулись ведущие норвежские специалисты по истории военного периода, прежде всего профессор университета в Осло Магне Скодвин. Он сосредоточил внимание на немецко-фашистской стратегии и оккупационной политике в Норвегии и после нескольких содержательных статей выпустил книгу (докторскую диссертацию) о становлении фашистского оккупационного режима в Норвегии с апреля по сентябрь 1940 г.¹⁷ Последующее развитие оккупационных порядков, гражданские формы борьбы общественных организаций страны против попыток ее фашизации исследовал другой авторитетный послевоенный историк и политолог, профессор Томас Вюллер, одно время директор Института государственного управления при университете Осло¹⁸. Широкую известность получили основанные на свежих, преимущественно немецких, источниках (включая записи бесед с участниками событий) книги юриста Сверре Хартмана по разным вопросам предыстории и истории оккупации. От официального направления, например от Скодвина, Хартман отличался методическими слабостями, сенсационностью своих пафодок и вместе с тем более критическим подходом к норвежским руководителям предвоенных и военных лет (последнее, впрочем, больше проявилось в его работах 60-х годов — см. ниже¹⁹).

В 50-е годы вышли также в свет капитальные исследования Н. Эрвика о роли и месте Норвегии в торговом противоборстве Англии и Германии периода «страшной войны» (хотя еще и без привлечения английских архивов), а также вскоре умершего С. Хельстадли — об организации и действиях военных сил норвежского Внутреннего фронта²⁰.

¹⁶ *Krigen i Norge 1940*. Oslo, 1952—1963. Bd. 1—11; *Steen E. A. Norges sjøkrig 1940—1945*. Oslo, 1954—1969. Bd. 1—6; *Våre falne 1939—1945*. Oslo, 1949—1951. Bd. 1—4.

¹⁷ *Skodvin M. Striden om okkupasjonsstyret i Norge fram til 25. september*. Oslo, 1956. См. также дискуссию автора с С. Стееном и С. Хартманом (НТ, 1957, N 1, 2).

¹⁸ *Wyller T. C. Fra okkupasjonsårenes maktkamp*. Oslo, 1953; *Idem. Nyodning og motstand*. Oslo, 1958.

¹⁹ *Hartmann S. Spillet om Norge*. Oslo, 1958. Сокр. рус. пер. в кн.: В сетях шпионажа. М., 1965, с. 151—351.

²⁰ *Ørvik N. Norge i brennpunktet*. Oslo, 1953. Bd. 1; *Kjeldstadli S. Hjemmeslytterne*. Oslo, 1959. Критические замечания об этих и вышеупомянутых книгах см.: *Самоейкин Е. М. Расстоптаный нейтралитет*. М., 1971, с. 229 и след.; *Носков А. М. Норвегия во второй мировой войне 1940—1945*. М., 1973, с. 7 и след.

Завершение послевоенного восстановления страны, зримые успехи ее экономики, примечательные особенности государственно-монополистического регулирования (составление первых в своем роде «национальных счетов», среднесрочное программирование экономической политики правительства) вызвали к жизни уже в 50-х годах ряд работ по самоновейшей экономике Норвегии, отчасти официозного характера, например П. Бьерве²¹. Продолжала выходить партийно-публицистическая литература за и против участия в НАТО.

Что касается истории довоенной (межвоенной) Норвегии, то она вплоть до конца 50-х годов освещалась преимущественно в рамках обзорно-обобщающих трудов с широким хронологическим охватом и имела буржуазно-апологетический или просто официозный характер. Таковы, помимо уже упомянутых, юбилейные издания в связи с долгим царствованием (1905—1957), а затем кончиной популярного монарха Хокона VII, по истории норвежских банковских учреждений, железных дорог, телеграфа, китобойного промысла, рыботорговли (вяленой треской!), отдельных городов, фирм, организаций, Академии наук и т. п.²² В празднично-юбилейных многотомных изданиях не было недостатка и в 60-х годах, особенно по случаю 150-летия образования Норвежского государства и принятия Эйдсволлской конституции (1814—1964)²³. При всем их буржуазно-демократическом пафосе они были порождением консервативного направления в национальной историографии.

С конца 50-х годов в развитии норвежской историографии начали сказываться перемены общественно-политического порядка: повелевшие интеллигенции и особенно молодежи, рост антипатловской и антиядерной оппозиции в правящей НРП и ее молодежной организации; в начале 60-х годов образовалась Социалистическая народная партия (СНП) — на базе левого крыла НРП; возникли новые, левосоциалистические журналы и прогрессивное издательство «Пакс» (с одноименным журналом). Возродился интерес к марксистской литературе. Все это заметно усилило тягу к изучению раннего, межвоенного этапа новейшей истории Норвегии. Собственно, лишь с конца 50-х годов указанный этап стал предметом научного исследования, и М. Скодвин

²¹ *Bjerve P. J. Planning in Norway 1947—1956.* Amsterdam, 1959; марксистский анализ см. в кн.: *Холм Х. Заработная плата, жизненный уровень и классовые различия в Норвегии.* М., 1959; см. также более позднюю работу видного норвежского экономиста-практика: *Lukrust O. Norges økonomi etter krigen.* Oslo, 1965 (*Samfunnsøkonomiske studier*, N 12).

²² См. о них норвежские разделы реферативного журнала «*Excerpta historica nordica*» (Vls 1—4. Copenhagen, 1955—1965).

²³ *Dette er Norge 1814—1964.* Oslo, 1964. Bd. 1—3; *Det norske Storting gjennom 150 år.* Oslo, 1964. Bd. 1—4.

еще и в 1964 г. утверждал, что межвоенное время составляет «целину с точки зрения профессионально-исторической»²⁴.

В центре внимания исследователей оказались прежде всего вопросы истории рабочего движения. Коммунистическая печать использовала 40-летие социалистической революции в России для популяризации темы «Октябрь и Норвегия»²⁵. Провозвестником нового радикально-политического интереса к межвоенным десятилетиям явилась полумемуарная книга левого социал-демократа Т. Бюлля о названной выше интеллигентской группе «К свету» (одно время входившей в компартию и Коминтерн) — фактически ее реабилитация (1955)²⁶. На рубеже 50—60-х годов увидела свет серия монографий и статей по межвоенному периоду — преимущественно кандидатских диссертаций. Отметим основанную на архивном материале статью Э. Бюлля-младшего о важном политическом соглашении НРП и Крестьянской партии 1935 г., расчленившем норвежским социал-демократам путь к власти²⁷; книгу И. А. Росета о первом опыте социал-демократического правительства в Норвегии — трехнедельном кабинете Хорнсруда 1928 г., в которой автор широко использовал устные сообщения главных участников событий (протоколы ЦК и парламентской фракции НРП межвоенного периода пропали в годы войны)²⁸. Росет (р. 1948) — ученик медиевиста Ю. Скрейпера — был традиционной фигурой; любопытнее К. Лангфельдт (р. 1925), одно время член компартии, специалист широкого профиля, выпустивший в соавторстве в Женеве реформистскую историю I Интернационала. Пас в данной связи интересуется его дважды вышедшая и в известной мере рубежкая книга «Московские тезисы в норвежской политике», иначе говоря, история обсуждения и формального одобрения 21-го условия приема в Коминтерн большинством Норвежской рабочей партии в 1920—1921 гг.²⁹ В другой своей книге, посвященной рабочим советам в Норвегии и выпущенной левосоциалистическим издательством «Пакс», Лангфельдт открыто связывал свое изложение с актуальными политическими задачами. Движение советов в Норвегии 1917—1918 гг., возникшее под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, автор противопоставлял, в частности, правому

²⁴ См.: *Detle og Norge*, Bd. 3, s. 485.

²⁵ См. на русском языке статью председателя КПН: *Лёблиен Э.* Рабочий класс Норвегии и Октябрьская революция. — *Международная жизнь*, 1957, № 10.

²⁶ *Bull T.* Mot dag og Erling Falk. Oslo, 1955.

²⁷ *Bull E.* Kriseforliket mellom Bondepartiet og DNAP i 1935. — *NT*, 1959, N 2. См. о ней: *Вопросы истории*, 1960, № 9, с. 498.

²⁸ *Roset I. A.* Det norske Arbeiderparti og Hornsruuds regjeringsdannelse i 1928. Oslo, 1962. Близка по духу и книга ветерана правого крыла НРП: *Fostervoll K.* Norges sosial-demokratiske Arbeiderparti 1921—1927. Oslo, 1969.

²⁹ *Langfeldt K.* Moskvaesene i norsk politikk. Oslo, 1961.

реформизму современной НРП³⁰. С марксистско-ленинских позиций проблематика не только революционного подъема 1917—1918 гг., но и всего межвоенного периода была рассмотрена в первом томе (второй не вышел) «Истории Коммунистической партии Норвегии», написанном Юстом Липпе³¹.

В конце 60-х годов в норвежской историографии по новейшей истории появилось еще одно примечательное имя — Х. Ф. Даль (р. 1939). В прошлом активист левосоциалистической организации норвежских студентов, сотрудник печатных органов СНП «Ориентеринг» и «Кюштраст», он обратился едва ли не первым среди профессиональных историков к широкому критическому пересмыслению 30-х годов, идеологии и политики правящей партии НРП с левосоциалистических позиций³².

В 60-х годах ослабла монополия пронатовской официальной концепции в освещении внешней политики межвоенных лет. Важнейшим продуктом этого правого направления было двухтомное военно-историческое исследование правого социал-демократа Н. Эрвика по истории норвежской политики безопасности в 1920—1939 гг.³³ Обстоятельное исследование Эрвика служило, однако, антинародному делу дальнейшей милитаризации и подчинения страны империалистическим целям НАТО.

В более благоприятном климате разрядки и улучшения советско-норвежских отношений настала пора и для объективного рассмотрения такого важного аспекта довоенной внешней политики страны, как ее отношения с СССР, которые тот же Эрвик практически игнорировал. К первому визиту главы Советского правительства в Норвегию был приурочен исследовательский труд активиста общества «Норвегия — СССР» Э. Даниельсена, охвативший весь межвоенный период³⁴. Имея ограниченный доступ к архивам, автор, конечно, далеко не исчерпал важную тему.

Во второй половине 60-х годов в серии «Исследования по современной истории Норвегии» стали одна за другой выходить монографии и сборники статей как уже признанных, так и молодых ученых по разным вопросам второй мировой войны. В основе их лежали часто дипломные сочинения и кандидатские диссертации, защищенные при университете Осло, преимущественно под руководством профессора Скодвипа, ведущего авторитета в этой области. В целом авторы, уточняя отдельные существенные вопросы норвежской внешней политики, стратегии великих держав, развития Сопrotивления, в 60-х годах еще не покидали русла

³⁰ *Langfeldt K.* Det direkte demokrati. Rådsrepublikk eller parlamentarisme? Oslo, 1966.

³¹ *Norges Kommunistiske partis historie.* Oslo, 1963. Bd. 1.

³² *Dahl H. F.* Fra klassekamp til nasjonal samling. Oslo, 1969.

³³ *Ørvik N.* Sikkerhetspolitikken 1920—1939. Oslo, 1960—1961. Bd. 1, 2.

³⁴ *Danielsen E.* Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen. 1917—1940. Oslo, 1964.

официозной буржуазно-демократической концепции гражданского мира и национального единства под эгидой якобы «беспартийного» Внутреннего фронта в годы оккупации³⁵.

60-е годы были наиболее благоприятными в новейшей истории Норвегии — порой, когда благосостояние страны в целом и основной части ее населения выросло сильнее, чем когда-либо прежде. Традиционная репутация Норвегии как сдва ли не идеальной буржуазной демократии, избегающей «крайностей» капитализма и коммунизма, да к тому же еще и прочно идущей в латовской упряжке, привлекла растущее внимание к изучению послевоенного развития страны в плане поначалу социологическом и политологическом.

В числе первых исторических трудов была монография уже известного Т. К. Вюллера «Политика освобождения» — о предьстории первого послевоенного правительства Норвегии, а именно коалиционного кабинета Герхардсена. Вюллер пытался объяснить псевдачу лидера Внутреннего фронта П. Берга в качестве претендента на пост премьеря летом 1945 г. То была типично буржуазная работа, исходявшая из постулата об общенародной поддержке Внутреннего фронта, что и было отмечено радикальной критикой (Т. Сулхейм³⁶). В ином, радикально-критическом, ключе было написано исследование одной из первых внешнеполитических проблем послевоенной Норвегии — проблемы признания и непризнания франкистской Испании: автор Э. Бенум весьма реалистически показал расстановку внутрипорвежских сил по этому вопросу и конечное торжество правящих центров над общественностью — «национального эгоизма» над «антифашистским идеализмом»³⁷.

Впрочем, исторические работы по послевоенной тематике и притом радикально-критического направления в 60-х годах еще были сравнительно редки. Скодвин в 1964 г. писал: «Время после второй мировой войны еще не стало предметом исторического исследования, не считая немногих разрозненных просек»³⁸. Больше их стало в конце десятилетия. К их числу следует отнести важную и в своем роде поваторскую книгу видного норвежского коммуниста (юриста по образованию) Ханса Клевена о классово-структуре норвежского общества, в большей своей части

³⁵ Norge og den 2. verdenskrig. Studier i norsk samtidshistorie. См. ее первый выпуск: Norge og den annen verdenskrig. Mellom nøytrale og allierte. Oslo, 1968. Принципиально с тех же позиций, но в более критическом духе освещал военный период уже названный выше С. Хартман (*Hartmann S. Nytt lys over kritiske faser i Norges historie under annen verdenskrig.* Oslo, 1965).

³⁶ *Wyller T. C. Frigjøringspolitikk.* Oslo, 1963; ср.: *Solheim T. Politisk og personleg maktkamp i frigjøringsåret.*— Fossegrimen, 1964, Н. 1.

³⁷ *Benum E. Maktcentra og opposisjon. Spaniasaken i Norge i 1946 of 1947.* Oslo, 1969.

³⁸ См.: Dette er Norge, Bd. 3, s. 485.

посвященную именно послевоенной Норвегии³⁹. Академическая социология, подводя итоги разительному подъему страны за послевоенные десятилетия, выступила с коллективным двухтомником «Норвежское общество» — первой систематической попыткой охарактеризовать важнейшие стороны этого общества и жизни населения⁴⁰. Появились в 60-х годах и публицистического плана, разные по направлению книги, остро и метко раскрывавшие те или иные стороны классового господства буржуазии и в целом аппарата власти в Норвегии. Можно назвать в этой связи работы Г. А. Ринга «Кто будет владеть Норвегией?» и особенно народного социалиста О. Хеллевика «Стортинг — социальная элита?»⁴¹.

В ряде буржуазных норвежских или норвежско-американских социологических трудов 60-х годов исследовались причины и условия «гармонического» функционирования норвежской демократии: равновесие власти большого «четыреугольника» — парламента и правительства, политических партий и общественных организаций экономического профиля. Таковы книги П. Ставанга, Х. Валена и Д. Каца⁴², а также многочисленные статьи С. Роккана о соотношении «количественной демократии выборов и корпоративно построенной демократии переговоров», т. е. о соотношении сил между государственными или коммунальными властями в пределах той или иной территории и иными «группами давления», в первую очередь монополиями национальными и международными⁴³.

Поляризация общественных сил по вопросам внешней политики, возросшая в первой половине 60-х годов оппозиция участию в НАТО, массовые организованные кампании против вступления в ЕЭС, ядерного вооружения и ядерных испытаний, войны в Индокитае и других империалистических акций вызвали к жизни политически «ангажированную» публицистику и гуманитарную научно-популярную литературу по вопросам «атлантической» внешней политики Норвегии. Наступательный, критически разоблачительный характер носили книги К. Энхольм, Х. Лёвеса, Х. Стокманна, Л. Порсхольта, брошюры Х. Ландмарка и Х. Клевена по вопросам интеграции в «Общем рынке», Ю. Омлид по

³⁹ *Kleven H. Klassestrukturen i det norske samfunnet. Oslo, 1965.*

⁴⁰ *Det norske samfunn. Oslo, 1969—1975. Bd. 1, 2.*

⁴¹ *Ring G. A. Hvem skal eie Norge? — Oslo, 1969; Bratland P. Hvem har magt i Norge? Oslo, 1965; Ingebrigtzen A. De som styrer Norge. Oslo, 1968; Hellevik O. Stortinget — en sosial elite? Oslo, 1969.*

⁴² *Stavang P. Parlamentarisme og magtbalanse. 1945—1961. Oslo, 1964; Valen H., Katz D. Political Parties in Norway. A Community Study. Oslo, 1967.*

⁴³ Сущность многократно изложенной в разных коллективных (в значительной мере американских) трудах концепции Роккана см.: *Rokkan S. «Votes Count, Resources Decide». Refleksjoner over territorialitet vs. funksjonalitet i norsk og europeisk politikk. — In: Makt og motiv. Oslo, 1975.*

истории вовлечения страны в НАТО⁴⁴. Официозные авторы-патроны вынуждены были «обороняться» и оправдывать избранный курс (книги и брошюры обоих министров иностранных дел Х. М. Ланге и К. Фрюденлунда, Э. Лёкена, Ю. Ё Холста, А. О. Брунтланна и др.)⁴⁵.

Современная — 70-х годов — норвежская историческая мысль работала и развивалась в условиях дальнейшего обострения всех противоречий государственно-монополистического капитализма. Левая публицистика разных оттенков снова и снова ставила вопрос об общем кризисе капитализма, угрожающем огнем самой природной среде, окружающей человека, обличала изъятые и даже несостоятельность «государства благоденствия». Возросшие филипповские возможности новой нефтедобывающей державы подвели более прочную базу и под начинания историков. Норвежские историки включились в осуществление нескольких, частью общесверных коллективных трудов — так называемых проектов, в том числе и по новейшей истории. В 70-х годах усилился интерес к микросоциальной истории — изучению отдельных мелких групп и районов в их прошлом и настоящем, а также ранее игнорировавшихся слоев населения, например подростков, женщин, нетрудоспособных, окраинных жителей, к изучению всеобщей истории, истории развивающихся стран и норвежских связей с ними. Историки сильнее прежнего потянулись к сотрудничеству с другими дисциплинами: социологией, этнографией, вычислительной математикой, больше озабочены практической «отдачей» своих изысканий, прямой помощью учебно-воспитательной работе в школе⁴⁶. Марксистское и левосоциалистическое направления в норвежской историографии — в их разных оттенках — закрепили свои позиции, заставив и буржуазную науку перенять новую проблематику. Например, известный историк-медиевист А. Холм-

⁴⁴ *Enholm K. Norge -- en NATO-base. Oslo, 1967; Løvås H., Stokland P. 20 lange år. En studie i opportunisme. Oslo, 1965; Porsholt L. Truer Sovjet Vesten? Oslo, 1967; Landmark K. Ikke gi det bort. Fellesmarkedet og Norges selvstendighet. Oslo, 1967; Kleven P. I. Er Norge til salgs? Oslo, 1964; Amlid J. Ut av kurs. Oslo, 1966.* Особо следует назвать книгу о так называемом пасхальном бунте 1958 г. — выступлении социал-демократической оппозиции, главным образом внепарламентской, — против ядерного вооружения бундесвера: *Hoffmann F. Påskeoprøret 1958. Oslo, 1966.*

⁴⁵ *Lange H. M. Norges vei til NATO. Oslo, 1966; Frydenlund K. Norsk utenrikspolitikk i etterkrigstidens internasjonale samarbeid. Oslo, 1966; Løchen E. Norway in European and Atlantic Cooperation. Oslo, 1964; Idem. Norge og Fellesmarkedet. Oslo, 1967; Holst J. J. Norsk sikkerhetspolitikk i strategisk perspektiv. Oslo, 1967. Bd. 1, 2; Brundtland A. O. Sikkerhetspolitisk omprøving? Oslo, 1968.*

⁴⁶ См. статьи Э. Бюлля, У. Ристе в связи со столетним юбилеем норвежского исторического журнала (НТ, 1970, N 3, 4); см. также: *Langholm S. On the Scope of Micro-History. — Scandinavian Journal of History, 1976, vol. 1 — 2.*

сен (см. выше) в газетном интервью к своему 70-летию заявил в 1976 г.: «Я интересуюсь массами, пародом... Вот перед нами подлинные движущие силы истории»⁴⁷.

Коротко остановимся прежде всего на трудах общего порядка с разделами и проблемами по новейшей истории, а также охватывающих всю ее. Судя по 13-му тому ранее упомянутой коллективной «Истории Норвегии», а также по предисловию к этому изданию, перед нами очередное обобщение в социал-реформистском духе⁴⁸. Еще с половины 60-х годов заметно усилился интерес норвежских (как и вообще северных) исследователей к вопросам философии и методологии истории⁴⁹, а также ее периодизации; появился целый ряд книг норвежских авторов по методологии истории (О. Даль, С. Лангхольм), по истории экономической и по методологии ее изучения (К. Лунден, Ф. Сейерстед)⁵⁰, в том числе с марксистских и близких к марксизму позиций (Р. Т. Энестведт, Х. Бернтсен, Ё. Эльстер)⁵¹. Вышел в свет трехтомный марксистский труд Х. Клевена «Господствующий класс»⁵². Автор рассматривает структуру власти в антагонистических обществах, в особенности при капитализме, в частности при монополистическом и государственно-монополистическом капитализме, в главных капиталистических странах и в самой Норвегии.

Обобщающие труды по новейшей истории Норвегии по-прежнему остро партийны, «ангажированы», привязаны к задачам и проблемам сегодняшнего дня. Так, «бунт» молодежи и волна левого радикализма вызвали к жизни книгу видного буржуазного юриста-международника профессора Ф. Кастберга «Право и революция в Норвегии», где прослеживаются революционные и контрреволюционные выступления в стране в XIX—XX вв.⁵³ Престарелый корифей норвежского «эстеблишмента» скептически оценивает при этом перспективы путчистских замыслов норвежских леваков. Устойчивая антинаатовская оппозиция в стране, пейтралистские настроения, тяга к укреплению национального суверенитета (ярко проявившаяся в исходе плебисцита 1972 г.)

⁴⁷ Цит. по: *Solheim T. I solnedgangstiden*. Oslo, 1976, s. 9.

⁴⁸ *Norges historie*. Oslo, 1976. Bd. 1, s. 5—6; Bd. 13. *Klassekamp og fellesskap 1920—1945*.

⁴⁹ См. межскандинавскую серию: *Studier i historisk metode*. Århus, 1966 etc.

⁵⁰ *Dahl L. Grunntrekk i historieforskningens metodlaere*. Oslo, 1976; *Langholm S. Historisk rekonstruksjon og begrunnelse*. Oslo, 1973; *Lunden K. Økonomi of samfunn*. Oslo, 1972; *Sejersted F. Historisk introduksjon til økonomien*. Oslo, 1972.

⁵¹ *Enestvedt R. T. Dialektikk og samfunnsvitenskap*. Oslo, 1973; *Berntsen H. Den historiske materialismen og dens historiske betingelser*. Oslo, 1976; *Elster J. Nytt perspektiv på økonomisk historie. Problemer og metoder*. Oslo, 1971.

⁵² *Kleven H. Den herskende klasse*. Oslo, 1976—1977. Bd. 1—3.

⁵³ *Castberg F. Rett og revolusjon i Norge*. Oslo, 1974.

заставляют поборников НАТО «освежать» аргументацию, снова и снова доказывать нежизнеспособность политики нейтралитета и неприсоединения, ее историческую обреченность, несовместимость с крупными глобальными конфликтами современности⁵⁴. Показательны в этом смысле переиздание на английском языке старой книги Н. Эрвика «Упадок нейтралитета» и его многочисленные статьи, например «Самостоятельность Норвегии от Эйдсволла до НАТО»⁵⁵.

К референдуму 1972 г. был приурочен очерк С. С. Нильсона по истории норвежских референдумов 1905—1926 гг.⁵⁶ Возрастающее народнохозяйственное и стратегическое значение норвежских владений в Арктике вызвало к жизни ряд книг норвежских международников по этой проблеме (О. Г. Скагестада, В. Эстренга и др.)⁵⁷, включая сюда и связанные с нею советско-норвежские взаимоотношения. Книги эти, зовущие норвежцев к «бдительности» и «жесткости», выполняют явный натовский заказ.

60-е и начало 70-х годов стали, как оказалось, зенитом влияния норвежской Партии центра — бывшей Крестьянской, той представитель П. Бортен возглавлял в 1965—1971 г. буржуазное коалиционное правительство. Естественно появление очерков (деятеля Партии центра Б. В. Габрисльсена) по истории этой партии после 1920 г.⁵⁸ В уже названном ранее очерке по истории норвежского рабочего движения Э. Лоренца главное место уделено, естественно, новейшему времени. Автор — народный социалист — перемежает принципиальную (хотя порой и явно левацкую) критику правых социал-демократов с правореволюционными нападками на коммунистов. Важные первоисточники по истории социалистического и коммунистического движения в Норвегии воспроизводит также упомянутая выше антология того же Лоренца «Норвежский социализм»⁵⁹. В значительной мере антологией является и юбилейное издание компартии к своему 50-летию, включающее ряд выступлений, воспоминаний, интервью деятелей компартии⁶⁰.

⁵⁴ Norsk sikkerhetspolitikk. Oslo, 1974; Transatlantisk krise: Europa og Amerika i 1970-årene. Oslo, 1974; Frydenlund K. NATO og Norge etter 25 år. Oslo, 1975; Norwegian Foreign Policy Studies. Oslo, 1975.

⁵⁵ Ørvik N. The Decline of Neutrality 1914—1941. London, 1971; *Idem*. Norsk selvstendighet fra Eidsvold til NATO. — Norsk militært tidsskrift, 1971, N 2. Впоследствии автор вышел из НРП, эмигрировал в Канаду и критикует правящую на его родине партию справа: Ørvik N. Kampen om Arbeiderpartiet. Oslo, 1977.

⁵⁶ Nilson S. S. Politisk avstand ved norske folkeavstemninger. Oslo, 1972.

⁵⁷ Skagestad O. G. Norsk polarpolitikk. Hovedtrekk og utviklingslinjer, 1905—1974. Oslo, 1975; Østreng W. Det politiske Svalbard. Oslo, 1975.

⁵⁸ Gabrielsen B. V. Menn og politikk. Senterpartiet 1920—1970. Oslo, 1970.

⁵⁹ Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. En innføring. Oslo, 1972—1974. D. 1, 2; Norsk sosialisme. En dokumentasjon. Oslo, 1970.

⁶⁰ 50 år i kamp. NKP 1923—1973. Oslo, 1973.

В области изучения межвоенного периода главным событием явилось осуществление межскандинавского проекта «Кризисы и кризисная политика на Севере в межвоенное время». Норвежские участники проекта — историки как буржуазного, так и левосоциалистического, «неомарксистского» толка — критически оценили антикризисную политику правящей НРП в 30-х годах и степень ее влияния на выход страны из кризиса⁶¹.

В 70-е годы увидели свет и два синтеза межвоенного развития: «История Норвегии в 1905—1940 гг.» нынешнего председателя Социалистической левой партии (СЛП) Бёрге Фюрре (р. 1937) и «Норвегия между войнами. Общество в кризисе и конфликте 1918—1940 гг.» плодovitого Х. Ф. Даля. Обе книги выдержали по два издания⁶². Упор в них сделан на связи социально-экономических процессов с политическими (Фюрре), на классовой борьбе и социальных конфликтах как основном содержании исторического процесса 20—30-х годов. В частности, «исторический поворот» НРП в первой половине 30-х годов оценивался как поворот вправо, как отказ от классовой борьбы, как погоня за голосами средних слоев. То обстоятельство, что левосоциалистический труд Фюрре увенчал собой трехтомник по новой истории Норвегии, начатый в 1958 г. типично буржуазно-либеральной книгой А. Бергсгора, само по себе свидетельствует о радикализации норвежской историографии за последнее 20-летие. Напротив, очерк престарелого С. Стеена «На свою ответственность» — история страны в первое 20-летие независимости, до 1925 г., идеализирует «доброе старое время» и весьма традиционен⁶³.

Тематика работ по довоенной истории стала теперь значительно шире. На смену обзорным работам с большим временным охватом пришли первые исследования по социально-экономической истории, истории экономической политики и мысли, крупных хозяйственных, в частности крестьянских и профсоюзных, организаций, отчасти еще не изданные и в целом критические как по отношению к либеральным политикам 20-х годов, так и к социал-демократическим 30-х годов⁶⁴. Подстегиваемое бурными событиями на левом крыле норвежской политической жизни ру-

⁶¹ *Kriser og krisepolitik i Norden under mellankrigstiden*. Uppsala, 1974; *Hanisch T. The Economic Crisis in Norway in the 1930s: A Tentative Analysis of Its Causes.*— *Scandinavian Economic History Review*, 1978, vol. XXVI, N 2.

⁶² *Furre B. Norsk historie 1905—1940*. Oslo, 1972; *Dahl H. F. Norge mellom krigene. Det norske samfunn i krise og konflikt 1918—1940*. Oslo, 1973.

⁶³ *Steen S. På egen hand. Norge etter 1905*. Oslo, 1976.

⁶⁴ *Furre B. Mjølk, bønder og tingmenn. Studiar i organisasjon og politikk kring omsetninga av visse landbruksvarer 1929—1930*. Oslo, 1971; *Sejersted F. Ideal, teori og virkelighet*. Oslo, 1973; *Seim J. Hvordan Hovedavtalen av 1935 ble til. Staten, organisasjon og arbeidsfreden 1930—1935*. Oslo, 1972; *Dahl H. F. Hallo-hallo: Kringkastingen i Norge 1920—1940*. Oslo, 1975.

бежа 60—70-х годов, продолжалось, как правило с левосоциалистических позиций, изучение истории рабочего движения.

Так, П. Меурсет, ответственный сотрудник аптинатовской «Орпентеринг», один из основателей левосоциалистической СНП и издатель сочинений Маркса, частично преодолевая аптикоммунизм своих предшественников, разобрал спор 1921—1923 гг. между интернационалистами (коминтерновцами) и центристами в НРП. «Развитие на левом фланге норвежской политики, — писал он в предисловии, — придало новую актуальность тому, что происходило в норвежском и международном рабочем движении в межвоенное время»⁶⁵. Революционные выступления норвежского пролетариата — на крайнем севере страны в ходе всеобщей стачки 1921 г. и на крайнем юге во время мирового экономического кризиса 30-х годов — исследованы А. Кристенсеном и соответственно П. У. Юхансеном. Книги выпущены — знаменное время! — социал-демократическим издательством «Тиден»⁶⁶.

Спорная фигура П. Фюрюботна (1890—1974), одного из лидеров КПН в 20—40-х годах, после войны по разным причинам оставалась в тени. Т. Титлстад, сын близкого соратника Фюрюботна, впервые получив доступ к его архиву, в многотомной биографии осветил ранее неизвестные аспекты истории коммунистического движения в Норвегии 30-х — начала 40-х годов. Слабой стороной этой бившей на сенсацию биографии Фюрюботна является идеализация последнего с правореволюционистских позиций⁶⁷.

Полезным делом явилось издание сборника статей с биографическим очерком другого деятеля норвежской компартии 20-х годов, Улафа Шеффо (1883—1943)⁶⁸. Участию норвежских добровольцев в интербригадах посвящена книга И. Устведта⁶⁹.

Норвежская историография пополнилась новыми ценными исследованиями по истории буржуазных партий 20—30-х годов: правого Отечественного фронта во главе с Ф. Нансеном и К. Микельсеном; Христианской народной партии — первой профессиональной политической партии в Северной Европе; норвежских либералов-венстре и их отношения к политическому соглашению НРП и Крестьянской партии 1935 г.⁷⁰ Не ослабевал

⁶⁵ *Maurseth P. Fra Moskva-teser til Kristiania forslag.* Oslo, 1972.

⁶⁶ *Kristensen A. Da verdensrevolusjonen banket på i Hammerfest.* Oslo, 1976; *Johansen P. O. Menstadskonflikten 1931.* Oslo, 1977.

⁶⁷ *Titlestad T. Peder Furubotn 1890—1938.* Oslo, 1975; *Idem. Stalin midt imot. Peder Furubotn 1938—1941.* Oslo, 1977 etc.

⁶⁸ *Olav Scheffo som politiker og menneske.* Oslo, 1974.

⁶⁹ *Ustvedt Y. Arbeidere under våpen. Norske frivillige i den spanske borgerkrig.* Oslo, 1975.

⁷⁰ *Norland A. Hårde tider. Fedrelandslaget i norsk politikk.* Oslo, 1973; *Lomeland A. K. Kristelig folkeparti bliver til.* Oslo, 1971; *Bjørgum J. Venstre og kriseforliket.* Oslo, 1970.

интерес к истории норвежского фашизма 30—40-х годов. Молодые исследователи левого толка показали связь фашистов с другими правыми группировками, сочувствие широких буржуазных кругов фашизму, пропихивание его идеологии в среду норвежской буржуазии⁷¹.

Труды по истории довоенной внешней политики сосредоточивались вокруг Арктики — как в плане норвежско-датского конфликта из-за Восточной Гренландии, так и в плане советско-норвежских отношений в Заполярье (см. выпе)⁷². Что касается проблематики второй мировой войны, то в 70-е годы были созданы для ее изучения новые возможности благодаря раскрытию в первую очередь британских архивов, а также и некоторых норвежских фондов. Целый ряд общественных факторов — сплочение левых сил, ослабление долголетней политической изоляции коммунистов — существенно поколебал господствующие представления и концепции об участии страны в войне.

Наиболее показательна в этом смысле коллективная монография под редакцией уже знакомого нам Х. Ф. Дала «Война в Норвегии»⁷³. Книга сознательно направлена против буржуазной картины войны (например, в очерке К. А. Р. Кристенсена⁷⁴), на раскрытие классовых противоречий в оккупированной Норвегии и развенчание ходячих мифов: о всеобщем сплочении против захватчика сразу после 9 апреля, о стортинге как оплоте борьбы за правое дело, о национальном единстве всех норвежцев в годы оккупации, о Внутреннем фронте как боевой и грозной для врага организации, о благополучном в целом положении норвежцев в годы войны. В книге показаны широкое и взаимовыгодное сотрудничество крупной промышленной буржуазии с оккупантами, соответственно пассивная, враждебная антифашистскому саботажу и диверсиям линия руководства норвежского Внутреннего фронта как органа в первую очередь имущих классов страны, сравнительно широкое распространение квислинговского влияния, наконец, авангардная роль коммунистов в вооруженной борьбе с врагом на оккупированной территории.

Эти тезисы были развиты и подкреплены документально в ряде монографий, исследовательских статей и прочих изданий. Прежде всего отметим подробный очерк событий «невероятных суток»

⁷¹ *Brevig H. O. Nasjonal Samling — fra parti til sekt 1933—1937*. Oslo, 1970; *Fra idé til dom. Noen trekk fra utviklingen av Nasjonal samling*. Bergen, 1976; *Hejdal O. Quislings stilling ved den norske legasjon i Moskva juni 1927 — desember 1929*. — HT, 1974, N 2; *Sovgaard N. A. Fire forfattere og norsk fascisme*. Oslo, 1973 etc.

⁷² *Blom I. Kampen om Eirik Raudes land. Pressgruppetilittikk i Grønlandsspørsmålet 1921—1931*. Bergen, 1972; *Sjelust S. Nordområdet: et sikkerhetspolitisk problem?* — In: *Etterkrigs historie*. Oslo, 1972, Bd. 3.

⁷³ *Krigen i Norge* / Red. H. F. Dahl. Oslo, 1974.

⁷⁴ *Christensen C. A. R. Dåd. Med livet som innsats i krigstidens Norge*. Oslo, 1965; *Idem. Norge under okkupasjonen*. Oslo, 1965.

9) апреля 1940 г. журналиста Б. Бьёрнсена⁷⁵. «Белая книга о 1940 г.», выпущенная группой авторов по решению ЦК компартии, убедительно показала тесное сотрудничество норвежской буржуазии с оккупантами весной—летом 1940 г.⁷⁶ Т. Валеп в книге «Они наживались на войне» разоблачил норвежских промышленников военных лет⁷⁷. Помогают понять особенности норвежского Сопротивления книга вышеупомянутого Т. Титлестада о Фюрюботне и его роли в организации вооруженной, партизанской борьбы с врагом⁷⁸, воспоминания Т. Сулхейма, основанные на его дневниках военных лет⁷⁹, статья О. К. Гримнеса о малой роли саботажа и диверсий в норвежском Сопротивлении по сравнению с датским⁸⁰.

Новые исследования — особенно недавняя книга Гримнеса — восстановили сложный путь образования руководящих органов Внутреннего фронта. Эти анонимные органы состояли преимущественно из буржуазных деятелей, оставшихся в стране и выдвинувшихся уже в первые месяцы оккупации благодаря своей умеренно коллаборационистской линии. Фактически им удалось возглавить Сопротивление в общенациональном масштабе — за вычетом самостоятельно действовавших коммунистов — лишь с 1943 и даже 1944 г.⁸¹ Новые исследования действий «Милорга» — военной организации Внутреннего фронта — в отдельных районах страны убедительно показали, что главным видом действий все же была разведка⁸².

Восстановлению подлинной картины обстоятельств и событий 1940 г. способствовала многолетняя оживленная дискуссия между профессором Магне Скодвином и государственным стипендиатом Сверре Хартманом по следующим вопросам: было ли нападение гитлеровцев 9 апреля действительно неожиданным для нор-

⁷⁵ *Bjornsen B.* Det otrolige døgnet. Oslo, 1977.

⁷⁶ *Hvitboka om 1940.* Norges Kommunistiske Parti. Oslo, 1975.

⁷⁷ *Valen T.* De tjente på krigen. Hjemmefronten og kapitalen. Oslo, 1974. См. также: Новая и новейшая история, 1975, № 5, с. 224.

⁷⁸ *Tittestad T.* I kamp, i krig. Peder Furubotn 1942—1945. Oslo, 1977.

⁷⁹ *Solheim T.* I solnedgangstiden. Oslo, 1976.

⁸⁰ См. статью О. К. Гримнеса в сборнике: Norge og den annen verdenskrig. Motstandskamp, strategi og marinepolitikk. Oslo, 1972.

⁸¹ *Kluge R.* Norge og den annen verdenskrig. Hjemmefrontledelsen tar form. Kretsen dannes sommeren 1941. Oslo, 1970. Реабилитации руководства Внутреннего фронта служат воспоминания бывшего генерального секретаря фронта Туре Ельсвика: *Gjelsvik T.* Hjemmefronten. Den sivile motstand under okkupasjonen 1940—1945. Oslo, 1977; *Grimnes O. K.* Hjemmefrontens ledelse. Oslo, 1977.

⁸² *Berg R., Lindhjem P.* Militaer motstand i Rogaland og Vestfold. Oslo, 1972. О том же говорят и новые документальные очерки из истории Сопротивления и, к сожалению, весьма успешной борьбы гестапо с ним — П. Хапсона, Р. Ульстейна, А. Эксендаля. Ср. также очерк о действиях партизан на Крайнем Севере по заданию советского командования: *Erikssen H. K.* Partisaner i Finnmark. Oslo, 1969.

вежской стороны; как оценивали проблемы безопасности и обороны страны ведущие норвежские офицеры перед 9 апреля; условия капитуляции норвежской армии 7 июня 1940 г.; позиция высшего норвежского офицерства после 7 июня⁸³.

Что касается периода «страшной войны» до 9 апреля, то многолетняя полемика по этой проблематике была в 1976 г. подытожена на международном симпозиуме в Осло, организованном норвежскими историками. Симпозиум вновь убедительно показал германский захват Дании и Норвегии как агрессию в полном смысле слова, с ничтожной долей превентивности, а скандинавские планы западных держав — как выражение их (особенно Франции) стратегической и политической слепоты, слабости и взаимных разгласий. М. Скодвин настаивал на невозможности для Норвегии в условиях того времени сохранить нейтралитет — обе воюющие стороны к апрелю 1940 г. «не могли себе позволить верить в него»⁸⁴.

Исследования 70-х годов посвящены также внешней политике норвежского эмигрантского правительства в Лондоне, о которой раньше приходилось судить лишь по воспоминаниям его членов и сжатому официальному отчету Ю. Пюгорсволла. У. Ристе выпустил свое двухтомное исследование об участии Норвегии в антигитлеровской коалиции, особо выделив ее сотрудничество с Великобританией⁸⁵. В отдельной статье Ристе на обильных архивных материалах показал готовность правительств Рузвельта и Черчилля после нападения Германии на СССР предоставить Советскому Союзу незамерзающие порты в Северной Норвегии и вместе с тем отсутствие у советской стороны территориальных претензий такого рода к Норвегии⁸⁶.

Книга Н. М. Удгора — ученика П. Эрвика, построенная на несколько иных, более узких материалах, чем книга Ристе, охватила, однако, весь период войны. Несмотря на свою крайнюю «атлантическую» ориентацию, Удгор показал отсутствие у СССР стремления включить Норвегию в свою «сферу влияния», получить от нее незамерзающую гавань и пр.⁸⁷ Исследование по истории освобождения Финмарка в 1944—1945 гг., проведенное

⁸³ *Hartmann S. Søkelys på 1940. Var Sovjet farligare enn fienden?* Oslo, 1971.

⁸⁴ *Skodvin M. Norwegian Neutrality and the Question of Credibility.*— *Scandinavian Journal of History*, 1977, vol. 2, N 1/2, p. 145. Весь журнал состоит из материалов симпозиума. См.: Новая и новейшая история, 1977, № 3, с. 205—207.

⁸⁵ *Riste O. «London-regjeringa», Norge i krigsalliansen 1940—1945.* Oslo, 1973, 1979. Bd. 1, 2.

⁸⁶ *Riste O. Free Ports in North Norway: a Contribution to the Study of Franklin Delano Roosevelt's Wartime Policy towards the USSR.*— *Journal of Contemporary History*, 1970, vol. 5, N 4.

⁸⁷ *Udgaard N. M. Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy. A Study of Norway's Foreign Relations. November 1940 — February 1948.* Oslo, 1973. См. рец.: Новая и новейшая история, 1974, № 1.

подполковником Х. Сандвиком, основательнее и подробнее, чем в предшествующей литературе (норвежской и советской), показало, как успешно и дружески сотрудничали между собой советская и норвежская администрации на освобожденной части самой северной норвежской провинции⁸⁸.

Однако главным достижением норвежской историографии по новейшей истории является начатое в 70-х годах систематическое изучение отдельных проблем послевоенной истории Норвегии. Центр этих исследований — Исторический институт университета в Осло. В течение первой половины 70-х годов было выпущено четыре сборника преимущественно дипломных работ и кандидатских диссертаций по широкому кругу вопросов правительственной политики 1945—1969 гг. — внутренней и внешней, с упором на первое послевоенное десятилетие и на экономическую политику⁸⁹. Фактически ведется коллективная работа — «проект» — по этой тематике. С учебной целью выпущен также двухтомный сборник документов по послевоенной истории страны — внутренней и внешней⁹⁰. Многие начинающие историки — участники вышеозначенного «проекта» по послевоенной истории освещают ее с левосоциалистических позиций, критикуют правительство НРП. Таковы, например, статьи по истории принятия антикоммунистических чрезвычайных законов 1950 г., об отношении НРП к обобществлению средств производства, о происхождении «холодной войны» (Норвегия и «доктрина Трумэна»).

Более систематичный и цельный характер носит коллективное обобщение политической истории Норвегии в двадцатилетнее правление НРП — 1945—1965 гг. Книга озаглавлена «Рост и благосостояние», она подготовлена и проконсультирована преимущественно уже известными авторами, близкими к НРП⁹¹. Книга включает обширные статьи по экономической и промышленной политике Норвегии, о ее роли и месте в «западном сотрудничестве», отношениях с развивающимися странами. Отдельные статьи посвящены «левым силам в норвежской политике» и сплочению буржуазных партий. Итоговая статья в оптимистическом духе обобщает главные тенденции послевоенного общественно-политического развития страны, размежевываясь при этом с истолкованием тех же проблем как у буржуазных (Е. А. Сейп), так и у левосоциалистических авторов (Э. Лоренц). Перед нами квалифицированный образец современной правосоциалистической историографии по новейшей истории.

⁸⁸ *Sandvik H. Frigjeringen av Finnmark, 1944—1945. Oslo, 1975.*

⁸⁹ *Etterkrigshistorie. Oslo, 1970—1974. Bd. 1—4.*

⁹⁰ *Kilder til modern historie. Oslo, 1970—1972. Bd. 1, 2.*

⁹¹ *Vekst og velstand. Norsk politisk historie 1945—1965. Regjering og opposisjon under Arbeiderpartistyre / Red. T. Bergh, H. Ø. Pharo. Oslo, 1977.*

Острые проблемы современного государственно-монополистического капитализма в Норвегии: ее место в капиталистической Европе, взаимоотношения государства и многонациональных концернов, слабости норвежского «общества благоденствия», разрушение природной среды капитализмом — все это находит отражение в обильной научно-политической публицистике 70-х годов — как официозной, так и оппозиционной, преимущественно левосоциалистической. Выделим в этой связи новые издания «Пакса»: книги А. Сейерстада, Д. Тангена, О. Брокса, Х. Сэтры, сборники «Миф об обществе благоденствия» и особенно «НПП — от народного движения к опоре государства», не говоря уже о литературе за и особенно против вступления в ЕЭС⁹².

Ряд новых исследовательских и учебно-популярных книг посвящен политическим процессам, учреждениям, организациям. Среди последних заслуживают внимания неоднократно переизданная «Политическая азбука» правореформистского толка, с предисловием Э. Герхардсена, а также университетское пособие Л. Мьелхейма, специалиста по послевоенной истории норвежских политических партий⁹³.

Впервые подверглись монографическому исследованию крупные события истории страны после 1945 г. Такова посвященная расколу НПП в 1961 г. диссертация Квама, написанная под руководством профессора Е. А. Сейпа⁹⁴. Обращает на себя внимание солидная — для столь животрепещущего сюжета — база архивных и устных источников: автор работал в фондах обеих партий, имел доступ к частным архивам братьев Герхардсен и не только их. Квам явно сожалел о пропущенном расколе и осуждает крайне правое крыло в руководстве НПП 50-х годов (Х. Ли, К. Нурдаля, Х. М. Ланге), ответственное за раскол. Многолетней политической борьбе вокруг строительства крупнейшего государственного промышленного предприятия послевоенной Норвегии «Норшк Ерверк» посвящено основательное исследование Т. Грэнли «Железо и политика»⁹⁵.

⁹² *Economic Planning in Norway. Methods and Models*. Oslo, 1971; *Jerman G., Nyquist F. R.* Det nye Norge. En introduksjon til Norges industri ved begynnelsen av 1970-årene. Oslo, 1970; *Seierstad A.* Norge og den internasjonale storkapitalen. Oslo, 1970; *Idem.* Norge og oljen. Oslo, 1973; *Tangen D.* Makt og eiendom. Oslo, 1975; *Brox O.* Hva skjer i Nord-Norge? Oslo, 1972; *Sætra H.* Populismen i norsk sosialisme. Oslo, 1971; Myten om velferdsstaten. Søkelys på norsk sosialpolitikk. Oslo, 1970, 1973; DNA — fra folkebevegelse til statstøtte. Oslo, 1973; EF — Norges vei? Forhandlingresultatet satt i perspektiv. Oslo, 1972; Folkebevegelsen mot norsk medlemskap i Fellesmarkedet. Folkebevegelsens melding. Oslo, 1972.

⁹³ *Johnsrud O., Sandberg T.* Politisk ABC. Oslo, 1969, 1972, 1978; *Mjeldheim L.* Politiske prosessar og institusjonar. 2-c utg. Bergen, 1974.

⁹⁴ *Kvam R.* DNA mot splittelse. Da venstrefløyen ble ekskludert og SF stiftet. Oslo, 1973.

⁹⁵ *Grønlie T.* Jern og politikk 1945—1955. Oslo, 1973.

Другие книги о недавних политических кризисах рубежа 60—70-х годов написаны журналистами — очевидцами и участниками событий: это бывший председатель СНП Ф. Густавсен, это А. Финстад, описавший предысторию буржуазного коалиционного правительства⁹⁶, Х. Сёребё и П. Васботн, изложившие, каждый по-своему, историю отставки его премьера Бортена и распада коалиции⁹⁷.

Послевоенная внешняя политика, внутривнутриполитическая борьба и общественное мнение по вопросам внешней политики и военных дел стали предметом ряда исследований. Прежде всего это книга молодого политолога Т. Корицинского, активиста СНП и антиатомной кампании 60-х годов⁹⁸. В своем анализе внешнеполитических взглядов норвежских избирателей за послевоенную четверть века он показал зависимость партий от их руководства, недопредставленность внутривнутрипартийных оппозиционных течений в стортинге и вопреки ходячим мнениям доказал радикализм избирателей по вопросам участия в НАТО, помощи развивающимся странам по сравнению с парламентариями.

После разоблачительных очерков 60-х годов по истории вовлечения Норвегии в НАТО и контрочерков самих организаторов этого акта были исследованы, на большей или меньшей архивной базе, крупные вопросы норвежской внешней политики второй половины 40-х годов. Раньше других вышло официальное историко-дипломатическое исследование профессора Скодвина, написанное по поручению МИД Норвегии. В книге «Север или НАТО?» автор проследил переход руководителей норвежского МИД (в том числе умершего в 1970 г. Х. М. Ланге) от ориентации на скандинавский оборонительный союз к «атлантической» альтернативе с октября 1947 до февраля 1949 г.⁹⁹ Скодвин, в частности, показал, что решение норвежского правительства вступить в НАТО меньше всего вытекало из состояния советско-норвежских отношений.

Важным дополнением к работе Скодвина явилось исследование его ученика К. Э. Эриксона о внутривнутрипартийной борьбе в НРП по вопросу о внешнеполитическом курсе страны с начала 1948 до начала 1949 г.¹⁰⁰ Автор показал, что разногласия по вопросу внешнеполитической ориентации Норвегии после ее ос-

⁹⁶ *Gustavsen F. Rett på sak. Oslo, 1968; Idem. Kortene på bordet. Oslo, 1979; Finstad A. G. Fra dragkamp til samspill. Oslo, 1970.*

⁹⁷ *Serebø H. Slik sprakk koalisjonen. Oslo, 1971; Vassbotn P. Lekkasje og forlis. Om regjeringen Bortens fall. Oslo, 1971.*

⁹⁸ *Koritzinsky T. Velgere, partier og utenrikspolitikk. Analyse av norske holdninger 1945—1970. Oslo, 1970.*

⁹⁹ *Skodvin M. Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og alliansespørsmålet 1947—1949. Oslo, 1971.*

¹⁰⁰ *Eriksen K. E. DNA og NATO. En redegjørelse for debatten og vedtakene i Det norske Arbeiderparti 1948—1949. Oslo, 1972.*

туре, о норманнских походах, о варяго-русской проблеме), либо Датского государства позднего средневековья и раннего нового времени, либо, наконец, Объединенных королевств Швеции и Норвегии для «новейшего» периода¹. Едва ли не единственным опытом исследования истории русско-норвежских отношений оставалась до конца XIX в. статья-публикация академика П. Г. Буткова в 1837 г.²

Внимание русской публицистики впервые специально обратилось на Норвегию в конце наполеоновских войн, в связи с ее переходом из-под многовековой власти Дании в унию со Швецией в 1814 г. (статьи в «Историческом, статистическом и географическом журнале», в «Духе журналов», позже в «Северном архиве» и др.). Вторично — и уже в несравненно большем объеме — Норвегия привлекла внимание русских междунаrodnиков и юристов, когда в 1905 г. расторгла унию со Швецией³. Мирное расторжение шведско-норвежской унии с соблюдением и уважением демократической процедуры, а затем экономическая зависимость молодого Норвежского государства от Англии обсуждались в нескольких полемических статьях В. И. Лейна (см. с. 678).

На рубеже XIX—XX вв. появилась специальная русская литература о Норвегии. Она еще носила сугубо прикладной характер, занималась современной ей норвежской действительностью и отдельными ее сторонами: сельским хозяйством, морскими промыслами и портами, социальной помощью, борьбой с пьянством, состоянием школьного дела и вооруженных сил, развитием пограничной с Россией губернии Финмарк, освоением ничейных заполярных областей, в частности Шпицбергена⁴.

Научно-исследовательские публикации по истории Норвегии стали чаще выходить у нас, собственно, лишь в 900-х годах. Их тематика — либо русско-норвежские отношения, преимущест-

¹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: В 5-ти томах. М., 1966—1967; *Pochlobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917.*— *Scandinavica*, 1962, Nov., vol. 1, N 2; Политическая история скандинавских стран и Финляндии в XIX и XX веках: Указатель литературы на русском языке. Турку; Тампере, 1973.

² Бутков П. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами.— Журнал Министерства внутренних дел, 1837, кн. 2.

³ См. особенно: *Нольде В. Э.* Начало и конец шведско-норвежской унии. СПб., 1906 (отдельный оттиск из «Журнала Министерства юстиции», 1906, № 2, 3); *Теплов В.* Расторжение шведско-норвежской унии. СПб., 1905 (отдельный оттиск из «Русского вестника», 1905, № 11, 12).

⁴ *Крюков Н. А.* Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; *Беш В. К.* Промыслы у Лофотенских островов. СПб., 1897; *Ганзен И.* Общественная самопомощь в Дании, Швеции и Норвегии. СПб., 1898; *Он же.* Трудовая помощь в скандинавских государствах. СПб., 1899; *Минулов И. Р.* Монопольная система питейной торговли и народное образование в гор. Бергене. СПб., 1904; *Шидловский А. Ф.* Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912.

вещно пограничные, включая предысторию соглашения 1826 г.⁵, либо раннее норвежское средневековье, опять-таки в сопоставлении с англосаксонскими (П. Г. Виноградов) или древнерусскими порядками (Е. Щепкин, И. Яковкин)⁶. Все это журнальные статьи. Что же касается монографий и публикаций книжного объема, то в них норвежский материал использовался и в XIX в., и позже вплоть до середины нашего века наряду с иным, скандинавским, и в рамках более широкой темы. Таковы известные исследования по истории балтийского вопроса: международных отношений в Северной Европе XIV—XVII вв. Г. В. Форстена, фундаментальные публикации из Копенгагенского архива Ю. Н. Щербачева, наконец, исследование К. Ф. Тиалдера о поездках скандинавов в сказочные страны Беломорья, основанное на исландских сагах о норвежских королях⁷. Популяризаторами истории Норвегии, как и других скандинавских стран, были знаменитый киевский историк И. В. Лучицкий, перу которого принадлежали крупные статьи по истории этой страны в энциклопедиях Брокгауза и Ефрона и Граната, а также его жена — переводчица М. Лучицкая.

В послеоктябрьский межвоенный период научно-исследовательская работа в области скандинавской истории почти полностью прекратилась, за вычетом норманнской проблемы: лишь отдельные ленинградские историки — подвижница Э. А. Рыздзевская (1890—1944) и молодой И. П. Шаскольский — в 30-х годах, возобновив разработку традиционной русской тематики по истории Норвегии, стали изучать ее средневековый аграрный строй и взаимоотношения с Русью⁸. Вместе с тем победа социалистической революции в России, образование Коммунистического

⁵ *И* п *Чулков П.* К истории разграничения России с Норвегией. — Русский архив, 1901, № 1; *Голубцов Н.* К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910; *Кларан А.* К истории русского Севера. Русско-норвежские отношения. — Известия Архангельского общества изучения русского Севера, 1910, № 11, 12, и др.

⁶ *Vinogradoff P.* Geschlecht und Verwandtschaft im altnorwegischen Recht. — Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1909, Bd. 7; *Щепкин Е.* К вопросу о порядке престолонаследия древнорвежских конунгов: Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 164—216; *Яковкин И. И.* Закупы Русской Правды. — Журнал Министерства народного просвещения, 1913, апрель — май.

⁷ *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884; *Он же.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893—1894. Т. 1, 2; Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене, 1326—1690. М., 1893 и др.; *Тиалдер К. Ф.* Поездки скандинавов в Восточное море. СПб., 1906.

⁸ См., например: *Рыздзевская Е. А.* Некоторые данные по истории земледелия в Норвегии и Исландии в IX—XIII вв. — Исторический архив, 1940, т. 3, с. 3—70; *Она же.* Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 323—330 (написано в 1940 г.). Результаты изысканий Шаскольского издааны после войны — см. ниже.

Интернационала и активность его норвежской секции привели к значительному удлинению и российско-норвежских связей. Новости норвежской внутренней политики и рабочего движения часто сообщались и комментировались, как правило, самими норвежскими авторами в брошюрах, журнальных статьях на страницах «Коммунистического Интернационала», «Красного Интернационала профсоюзов», «Мирового хозяйства и мировой политики», «Международного рабочего движения», «Интернационала молодежи» и др. Норвежские профессиональные историки первыми среди историков стран Северной Европы стали выступать на страницах советских справочных (Э. Бюль) и периодических изданий (А. Урдин, Х. Кут⁹). В конце 20-х годов норвежские (как, впрочем, и шведские) историки работали в Центральном архиве РСФСР над отбором для фотоконирования документов по истории своей страны. Один из первых коллективных выездов советских историков за границу состоялся именно в Норвегию в 1928 г. — на VI Международный конгресс историков.

В названных ранее журналах, а также в «Международной жизни» и «Вестнике НКВД» выступали по текущим вопросам хозяйства и политики Норвегии советские международники, практические работники, начиная с первого советского скандинависта в области новейшей истории Я. Е. Сегала (умер в 1956 г.). Их перу принадлежали и редкие книги по скандинавской и норвежской тематике¹⁰.

Драматическая судьба Норвегии в годы второй мировой войны — гитлеровская оккупация, режим Квислинга, движение Сопротивления — вызвала к жизни новую советскую публицистическую литературу военных лет. В ближайшие послевоенные годы сюда добавились популярные политико-экономические очерки (А. С. Доброва, В. В. Похлебкина и др.). Вместе с тем количественный рост и расширение тематики послевоенной советской историографии распространились и на Норвегию. Уже в 1945 г. начал свои публикации по русско-норвежским отношениям времем независимого средневекового Норвежского государ-

⁹ Беседа с норвежским историком А. Ордигом (Урдингом). — Борьба классов, 1931, № 6—7; позже: Кут Х. Новые исторические работы в Норвегии. — Вопросы истории, 1947, № 11.

¹⁰ Сегал Я. Е. Рабочее движение в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия). М., 1927; Келлер Б. А. По Швеции и Норвегии: Впечатления путешественника. М.; Л., 1929; Войтинский П. Принудительный арбитраж и канадская система в Европе. М., 1928, гл. II (по Норвегии); Сабанин А. В. Россия и Шницберг: Опыт исторического исследования. — Вестник НКВД, 1921, № 5—6; Кобецкий М. Раскол в Норвежской рабочей партии. — Коммунистический Интернационал, 1923, № 28—29. Я. Е. Сегал выступал и под псевдонимом С. Гальсеп. См.: Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917—1965). — Scandinavica, 1966, vol. 1, N 4.

ства XIII—XIV вв. И. П. Шаскольский¹¹. В 1946 г. средневековая Норвегия, ее внутренняя история привлекли внимание выдающегося советского медиевиста А. И. Неусыхина. В своей докторской диссертации, посвященной варварскому обществу Западной Европы V—VIII вв., а впоследствии в книге на ту же тему он привлекал норвежские сопоставления, хотя и из вторых рук — по трудам немецкого историка XIX в. К. Маурера. Эти параллели с общественными установлениями у континентальных германцев, сделанные рукой основателя советской школы специалистов по раннему западноевропейскому средневековью, охватили емкий круг проблем свободы и несвободы, их градаций, семейно-родовых и поземельных отношений. Проблема своеобразия перехода от бесклассового к классовому обществу у древних норвежцев была тем самым поставлена¹².

Двинулась вперед и разработка новой истории Норвегии. В 1947 г. была защищена первая советская (и русская) диссертация по истории Норвегии — О. К. Рыковской, посвященная, в соответствии с уже отмеченной выше традицией, борьбе Норвегии за расторжение унии со Швецией. В 1952 г. была защищена первая советская диссертация по новейшей истории Норвегии — молодого международника В. В. Похлебкина — о политике социал-демократического правительства второй половины 30-х годов¹³. То были признаки поворота советских историков к специальному исследованию норвежской тематики.

Устойчивость этих интересов была подтверждена рядом интересных и поныне сохраняющих свое значение публикаций того же В. В. Похлебкина: большой и первой в своем роде статьей о норвежской исторической науке, статьей о влиянии первой русской революции на политическую обстановку в Норвегии в пору расторжения ею унии, наконец, документальной публикацией, в которой убедительно показано благожелательное отношение царского правительства к Норвежскому государству в пору его конфликта 1905 г. со Швецией¹⁴.

¹¹ *Шаскольский И.* Посольство Александра Невского в Норвегию.— Вопросы истории, 1945, № 1; *Он же.* Договоры Новгорода с Норвегией.— Исторические записки, 1945, т. 14; *Он же.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв., с. 42—62.

¹² *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 182—202.

¹³ *Рыковская О. К.* Борьба Норвегии за независимость: Авторсф. канд. дис.— Известия Академии наук СССР. Сер. истории и философии. М., 1948, т. V, № 1; *Похлебкин В. В.* Антинародная и антинациональная политика правящих кругов Норвегии накануне второй мировой войны (1935—1939 гг.): Авторсф. канд. дис. М., 1952.

¹⁴ *Похлебкин В. В.* О развитии и современном состоянии исторической науки в Норвегии.— Вопросы истории, 1956, № 9; *Он же.* Политическая обстановка в Норвегии в 1905—1907 гг. и влияние на нее первой русской

Одновременно, в том же столь плодотворном для советской исторической науки 1956 г., когда вышел и первый выпуск «Скандинавского сборника», прочитал свой доклад в стенах Института истории АН СССР (где защищались и вышеупомянутые кандидатские диссертации) молодой медиевист А. Я. Гуревич. Отныне он надолго посвятил себя систематическому исследованию поземельного и общественно-политического устройства Норвегии в раннее и классическое средневековье, а впоследствии, со второй половины 60-х годов, также и ее (и западноскандинавской в целом) духовной культуры. Плодами этих занятий стали не только первая советская докторская диссертация специально по истории Норвегии (1961), но и пять книг: две по этой диссертации, одна — популярная о походах норманнов-викингов и две — об исландских сагах разного жанра¹⁵. Особый интерес, какой вызвали работы Гуревича сначала у нас в стране, а затем и за рубежом (частичный норвежский перевод его книги «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» вышел в 1977 г.), объясняется их проблемностью. На исландско-норвежском в первую очередь материале (судебники, саги, стихи скальдов, датские археологии, топонимики и пр.) советский историк проверил действие общих закономерностей разложения первобытнообщинного строя, генезиса классового феодального общества, сущности феодальной формации вообще. Воззрения историка в ходе более чем 20-летних трудов менялись. Начав с выделения и заострения общefeодальных черт в норвежском средневековье (ср. полемическое название его книги 1967 г., приведенное выше), Гуревич в последующих работах подчеркивает незавершенность и слабость норвежского феодализма, так и не преодолевшего наследие доклассового варварского общественного строя.

Опираясь частично на исследования Гуревича, но также самостоятельно привлекая древнорвежские судебники (в переводе), другой советский медиевист, А. Р. Корсуцкий, четко и выпукло показал процесс замедленного образования раннефеодального государства у норвежцев, в рамках более общего исследования¹⁶. Отдельные направления раннесредневековой норвежско-исландской проблематики продолжили уже в 70-х годах молодые

революции.— Скандинавский сборник. Таллин, 1956, вып. 1; Россия и образование норвежского независимого государства. М., 1958.

¹⁵ Первая статья по норвежской тематике: *Гуревич А. Я.* Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье.— Средние века. М., 1956, вып. 8; *Он же.* Очерки социальной истории Норвегии в IX—XII веках: Автореф. докт. дис. М., 1961; *Он же.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967 (см. рец.: Средние века. М., 1971, вып. 34); *Он же.* Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977; *Он же.* Походы викингов. М., 1966 (есть польский и эстонский переводы); *Он же.* История и сага. М., 1972; *Он же.* «Эдда» и сага. М., 1979.

¹⁶ *Корсуцкий А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

ученые — филолог Т. Н. Джаксон и историк В. А. Закс¹⁷. Тем обиднее, что последующие столетия истории Норвегии — с XIV по XVIII в. — остаются белым пятном в советской скандинавистике, если не считать обзорных статей того же Гуревича и нескольких страниц в историко-этнографическом очерке Г. И. Анохина¹⁸. Последний, используя норвежскую научную литературу, особенно труды Института сравнительного изучения культур в Осло, и разнообразные первоисточники — от средневековых законов до современных земельных переписей, показал устойчивые традиции взаимопомощи у норвежских крестьян-хуторян.

Наиболее успешное развитие получило в 60—70-х годах изучение новейшей и современной истории Норвегии. В центре внимания тут оказалась эпопея второй мировой войны. Начало было положено первыми научными очерками военных действий в период «страшной войны», включая норвежскую кампанию 1940 г., на северном участке советско-германского фронта, воспоминаниями советских участников движения Сопротивления в Норвегии и освобождения норвежского Севера советскими войсками¹⁹, статьями А. Миронова, И. Барсукова об антифашистском движении Сопротивления²⁰. Дальнейшая разработка стимулировалась новыми публикациями источников в Норвегии и некоторым облегчением доступа к советским архивным фондам по второй мировой войне. Положительную роль сыграло создание в Институте истории АН СССР Сектора истории внешней политики и международных отношений (1960 г.). Здесь была подготовлена и защищена в 1966 г. докторская диссертация А. С. Кана по внешней политике скандинавских государств во время войны²¹. Спустя несколько лет Е. М. Самотейкин специально разработал вопросы внешней политики Норвегии между мировыми войнами и предысторию нападения на нее Германии²², военный историк А. М. Носков — вопросы общего и военно-экономического положения Норвегии в годы войны и оккупации, включая политику

¹⁷ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов европейской части СССР X—XIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1978; Закс В. А. Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII—XIII вв. — Скандинавский сборник. Таллин, 1975, вып. 20.

¹⁸ Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971. См. рец.: Советская этнография, 1972, № 3.

¹⁹ Прохтор Д. М. Война в Европе 1939—1941 гг. М., 1963; Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941—1944 гг.). М., 1963; Через фиорды / Сост. В. Г. Коршунов. М., 1964; Норвежские были: Воспоминания о борьбе против фашизма / Сост. М. Искрин. М., 1964.

²⁰ Миронов А. Норвегия. — В кн.: Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962, гл. XIV; Барсуков И. И. Печать норвежских коммунистов в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. — Скандинавский сборник. Таллин, 1964, в. 8.

²¹ Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967. См. рец.: Новая и новейшая история, 1968, № 4.

²² Самотейкин Е. М. Растоптаный нейтралитет. М., 1974.

немецко-фашистских властей и движение Сопrotивления²³. Норвегия заняла главное место и в докторской диссертации А. М. Носкова. В этой работе впервые у нас были использованы для изучения новейшей истории Норвегии не только советские, но и западноевропейские архивы²⁴.

Интерес все более широкого круга советских историков, экономистов, международников с годами вызвали социально-экономическое развитие послевоенной Норвегии, ее рабочее движение, внешняя политика, отношения с СССР и США. Не касаясь работ с общескандинавской тематикой²⁵, остановимся лишь на научных трудах, специально посвященных современной, в широком смысле, Норвегии. После первых, уже не чисто публицистических очерков норвежской экономики были на протяжении второй половины 60-х и 70-х годов защищены четыре кандидатские диссертации по экономическому развитию и государственно-монополистическому регулированию в Норвегии²⁶. Нельзя обойти ряд статей и брошюр В. Д. Мартынова, где освещены проблемы норвежского сельского хозяйства, кооперации, сельскохозяйственного образования²⁷. Комплексный анализ всей послевоенной экономики предпринял в небольшой монографии Ю. В. Андреев²⁸.

Более углубленно изучались политические аспекты рабочего движения послевоенной Норвегии: Г. Н. Пироговым — Норвежская рабочая партия и Л. А. Капитоновым — Социалистическая партия²⁹. В кандидатской диссертации Капитонова впервые были разобраны перемены в социальной структуре Норвегии под влиянием научно-технической революции.

²³ Носков А. М. Норвегия во второй мировой войне 1940—1945. М., 1973.

²⁴ Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977.

²⁵ Целются в виду в первую очередь книги по внешней политике: П. Н. Рысакова, покойного В. Прокофьева (Юдинцева), Ю. П. Голошубова, В. С. Котляра, Л. С. Воронкова; по рабочему движению: О. К. Тимашковой, К. С. Зурабьяна; по государственному устройству, праву и правонарушениям: М. А. Моголовой, Л. Л. Анапан; по внешнеэкономическим связям и интеграции: Ю. В. Пискулова, Л. Д. Градобитовой; по экономической географии: Л. Н. Карпова и др.

²⁶ Кошентаевский В. С. Норвегия: Экономика и внешняя торговля. М., 1957; Андреев Ю. В. Структурные сдвиги в экономике Норвегии и Дании после второй мировой войны: Автореф. канд. дис. М., 1965; Орлова В. Я. Новые направления в экономической статистике Норвегии после второй мировой войны: Автореф. канд. дис. М., 1971; Саар К. А. Государственно-монополистическое регулирование экономики малых стран Западной Европы в условиях империалистической интеграции (на примере Норвегии): Автореф. канд. дис. Рига, 1978; Желобова Т. Г. Особенности послевоенного государственно-монополистического регулирования экономики Норвегии: Автореф. канд. дис. М., 1978.

²⁷ См., например: Мартынов В. Д. Сельское хозяйство Норвегии. М., 1969.

²⁸ Андреев Ю. В. Экономика Норвегии. М., 1977.

²⁹ Пирогов Г. Н. Рабочее движение в Норвегии после второй мировой войны (1956—1963 гг.): Автореф. канд. дис. М., 1964; Он же. Рабочее движе-

Последнее 20-летие сопровождалось некоторыми достижениями также в области новой и довоенной новейшей истории Норвегии. С изданием первой серии документов по истории внешней политики России XIX в. открылись новые возможности изучения норвежского вопроса в политике великих держав, а также и норвежских событий 1814 г. в целом. Параллельно со статьёй историка-русиста Л. Я. Павловой, где в центре находилась фигура замечательного русского дипломата, военного и будущего декабриста М. Ф. Орлова³⁰, на всесоюзных конференциях скандинавистов выступил В. В. Рогинский с докладами по норвежскому вопросу в русско-скандинавских отношениях 1812—1813 гг. и о событиях 1814 г. в Норвегии как буржуазной революции национально-освободительного характера³¹.

Ленинградские историки М. И. Белов, Т. А. Алимова занялись русско-норвежским сотрудничеством в области полярных исследований, русско-норвежской поморской торговлей (с опорой на советские монографии по истории освоения русского европейского Севера)³². В статье Р. Ш. Ганелина и особенно в кандидатской диссертации и статье П. Э. Бациса исследовались экономические и политические отношения России и Норвегии, причем Бацис довел это исследование до кануна Октябрьской революции³³. Отношения обеих стран оказались оживленнее, чем считалось прежде, а в годы первой мировой войны — просто дружествен-

ные в Норвегии в первые послевоенные годы (1945—1949 гг.).— В кн.: Рабочее движение в скандинавских странах и Финляндии. М., 1965, и другие статьи; *Капиталов Л. А.* Борьба внутри норвежской социал-демократии и образование Социалистической пародной партии (конец 50-х — начало 60-х годов): Автореф. канд. дис. М., 1970, и статьи.

³⁰ *Павлова Л. Я.* Шведско-датско-норвежский конфликт 1814 года и Россия (дипломатическая миссия М. Ф. Орлова).— Новая и новейшая история, 1972, № 1.

³¹ *Рогинский В. В.* «Норвежский вопрос» в русско-скандинавских отношениях в 1812—1813 гг.— Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, ч. 1; *Он же.* События 1814 года в Норвегии как буржуазная революция.— Тезисы докладов Шестой Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973, ч. 1.

³² См., например: *Белов М. П.* Связи Советской России и Норвегии в Арктике в первые годы Советской власти.— Скандинавский сборник. Таллин, 1967, вып. 15; *Алимова Т. А.* Сотрудничество ученых России и Скандинавии в исследовании северных районов Европы (конец XIX — начало XX вв.).— В кн.: История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973; *Он же.* Русская крестьянская поморская торговля с Северной Норвегией (первое десятилетие XIX века).— Скандинавский сборник. Таллин, 1977, вып. 22; *Она же.* Новые работы по истории русско-норвежских связей.— История СССР, 1978, № 4.

³³ *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. с. 144—163; *Бацис П. Э.* Русско-норвежские отношения в 1905—1917 гг.: Автореф. канд. дис. М., 1973; *Он же.* Россия и нейтральная Норвегия (1914—1917 гг.).— Новая и новейшая история, 1972, № 6.

ными, причем Россия среди держав Антанты была сторонницей более осторожного и мягкого отношения к норвежским уступкам германскому нажиму. Состояние шпицбергенского вопроса в начале XX в.—переговоры держав, включая Россию и Норвегию, о статусе архипелага — было с советской стороны заложено исследовано В. М. Пасецким³⁴. Скандинавские, в том числе норвежские, связи большевиков в годы первой мировой войны исследовал, правда лишь на русском материале, Г. Д. Петров — биограф А. М. Коллоптай³⁵.

Возвращаясь тем самым к послеоктябрьскому периоду, надо прежде всего указать на статью В. Проскурина о влиянии Октября на норвежский рабочий класс³⁶ — тема, заслуживающая продолжения. Межвоенные советско-норвежские отношения выборочно отражены в многотомной публикации «Документы внешней политики СССР», исследованы в дипломатическом плане (вопрос о признании) в статьях Р. Ф. Карповой и других³⁷, более основательно, в историко-экономическом плане, — В. А. Шишкиным, в аспекте научных и культурных связей — покойным А. Е. Иоффе. Последний довел изучение советско-норвежских отношений до начала 30-х годов включительно (предвоенные годы освещены в вышеназванной книге Е. М. Самотейкина)³⁸. Впрочем, во всех университетских курсах по истории средних веков, нового и новейшего времени, по историографии новой истории, в авторитетной «Истории международного рабочего и национально-освободительного движения» (ВИИ при ЦК КПСС), во многих томах советской «Всемирной истории», в коллективных монографиях о революциях 1848—1849 гг., Великой Октябрь-

³⁴ Пасецкий В. М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVIII—XX веков. Л., 1964; см. также: Деманов Р. В. Договор 1920 года о демилитаризации Шпицбергена. — Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. юрид. наук, 1968, № 1, с. 73—79.

³⁵ Петров Г. Д. А. М. Коллоптай в годы первой мировой войны. — История СССР, 1968, № 3, и другие статьи.

³⁶ Проскурин В. Октябрьская революция и рабочий класс Норвегии. — Учен. зап. Вильгской школы профдвижения ВЦСПС, 1968, вып. 3, с. 183—195.

³⁷ Карпова Р. Ф. Советские отношения со скандинавскими странами. — Скандинавский сборник. Таллин, 1965, вып. 10; Она же. Признание СССР де-юре Норвегией, Швецией и Данией. — Скандинавский сборник. Таллин, 1967, вып. 12, с. 92—104; Сорокин В. В. Значение советско-норвежских торговых переговоров в 1920—1921 гг. для развития Мурманских рыбных промыслов. — Учен. зап. Мурманского гос. пед. ин-та, 1964, т. V; Киселев А. А. Концесии на европейском Севере СССР. — Вопросы истории. 1972, № 7.

³⁸ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. М., 1969; Она же. Становление советско-скандинавских экономических отношений (1917—1923 гг.). — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв., с. 164—203, и другие работы того же автора; Иоффе А. Е. Внешняя политика Советского Союза 1928—1932 гг. М., 1968; Она же. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932. М., 1975.

ской революции, из истории международной пролетарской солидарности, о II Интернационале имеются специальные разделы или материалы, посвященные событиям в Норвегии. То же можно сказать и о наших новейших изданиях по истории философии, литературы и пр. Книжки и статьи научного и научно-художественного жанра неоднократно посвящались великим норвежцам: математику П. Абелю, наиболее популярным у нас полярникам Ф. Нансену и Р. Амундсену, великому драматургу Г. Ибсену, великому живописцу-экспрессионисту Э. Мунку, этнографу и путешественнику Т. Хейердалу.

* * *

Изучение скандинавских литератур в России началось в XVIII в. в связи с рассмотрением проблем образования Древнерусского государства. Эти проблемы сохраняли свою актуальность и в XIX в., и не случайно поэтому долгое время в центре внимания ученых находились песни Эдды, поэзия скальдов и саги, а исследование этих памятников имело прежде всего историко-этнографические и лишь во вторую очередь филологические цели. Что же касается национальной норвежской литературы, то знакомство с ней началось позже и имело совершенно иные идеологические и научные основания.

Традиции социально-исторического изучения национальных литератур Скандинавии были заложены в России революционно-демократическими критиками, в частности В. Г. Белинским, оставившим ряд высказываний о датских и шведских писателях. Как это убедительно показал В. В. Похлебкин, 30—40-е годы XIX в. вообще были порой первого «открытия» скандинавских литератур и Скандинавии в целом для русской интеллигенции³⁹. Однако молодая норвежская литература вошла в поле зрения русской публики лишь при вторичном «открытии» ею Скандинавии — на исходе XIX в. С глубоким восхищением писали тогда о Скандинавии, не в последнюю очередь о Норвегии, русские публицисты, ученые и просто туристы. «Для многих представителей русской либеральной буржуазии Скандинавия являла собой именно тот образцовый европейский мир, с которым «новая» буржуазно-либеральная Россия должна была и могла сравняться, тогда как «старая», т. е. «франко-германская Европа», с ее рабочим движением и продажной буржуазией, с ее войнами и стачками, тревожила русскую интеллигенцию и либералов и казалась менее приемлемой моделью для России, чем

³⁹ *Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917.*— *Scandinavica*, 1962, vol. 1, N 2, p. 97.

опрятный и миролюбивый мелкобуржуазный рай Скандинавии»⁴⁰.

Пора переводов, постановок, изучения норвежских прозаиков и драматургов настала в России на рубеже веков: еще в начале 90-х годов ибсеновские пьесы не находили отклика в сердцах русских зрителей. На протяжении 90-х и 900-х годов были переведены почти все драмы Ибсена и издааны первые собрания его сочинений. В эти же годы Россия познакомилась с творчеством Б. Бьёрнсона, К. Гамсуна, А. Гарборга, Ю. Лн, С. Обстфеллера, Г. Хейберга, А. Хьеллаша и др. Появляются Собрания сочинений норвежских писателей, их произведения выходят в дешевом издании «Универсальная библиотека». Критические очерки о норвежских писателях знаменитого датского критика Г. Брандеса стали известны в России уже с 1887 г.⁴¹

Помимо массы статей в периодических изданиях, отдельными книгами появляются исследования об Ибсене Н. Мировича, П. Минского, М. Лучицкой и др. Я. В. Абрамов выпускает сопоставительное исследование об Ибсене и Бьёрнсоне, Н. Я. Абрамович посвящает специальную работу К. Гамсуну, Ф. де ла Барт Собранию сочинений Г. Хейберга предпосылает интересную статью об этом писателе⁴² и т. п. Большинству из этих работ присущи мистико-идеалистические представления о творчестве норвежских авторов. Подлинно научное, материалистическое истолкование произведений Ибсена и некоторых других писателей Норвегии дала русская марксистская критика в лице Г. В. Плеханова и А. В. Луначарского⁴³.

Отдавая должное художественному дарованию норвежских писателей своего времени, разоблачительной силе и нравственному пафосу их произведений, марксистские критики убедительно раскрывали противоречивость их общественного сознания и ее исторические причины. Так, Плеханов отмечал, что идейное бунтарство ибсеновских драм имеет абстрактный и формальный характер, закономерно связанный с характером сформировавшейся его мелкобуржуазной среды. В своей известной статье «Сын доктора Стокмана» Г. В. Плеханов обнажил реакционную индиффе-

⁴⁰ Ibid., p. 107.

⁴¹ Брандес Г. Генрик Ибсен.— Русская мысль, 1887, кн. XI; Брандес Г. Собр. соч.: В 12-ти томах. СПб., 1896.

⁴² Мирович П. Генрик Ибсен. СПб., 1892; Минский П. Генрик Ибсен. СПб., 1897; Лучицкая М. Генрик Ибсен. Киев, 1901; Абрамов Я. В. Ибсен и Бьёрнсон. СПб., 1897; Абрамович Н. Я. Кнут Гамсун. М., 1910; Де ла Барт Ф. Гуннар Гейберг.— В кн.: Гейберг Г. Собр. соч.: В 2-х томах. М., 1911; Чулков Г. Анархистские идеи в драмах Ибсена. СПб., 1907; Мерзковский Д. С. Ибсен.— В кн.: Вечные спутники. СПб., 1907; Айхенвальд Ю. Этюды о западных писателях. М., 1910.

⁴³ Плеханов Г. В. Генрик Ибсен, сын доктора Стокмана.— В кн.: Искусство и литература. М., 1948; Луначарский А. В. Ибсен и мещанство.— В кн.: Мещанство и индивидуализм. М., 1923.

анскую сущность антирабочей проповеди, содержащейся в драме К. Гамсуна «У врат царства»⁴⁴.

В противоположность марксистам буржуазно-символистская критика искала в произведениях скандинавских авторов не социально-обличительные мотивы и нравственные идеи, а проблемы «рока», «чистой красоты», «иррациональных сил духа» и т. п. Г. Чулков рассматривал Ибсена как анархиста по отношению к обществу и как ницшеалца в этике. Д. Мерещковский считал норвежского драматурга певцом «чистой красоты», мистиком, натуралистом и приписывал ему отвращение к людям, ненависть к демократии и родному народу. Ю. Айхенвальд, П. Абрамович и другие восхищались индивидуализмом Гамсуна, его субъективизмом и мещанской проповедью «свободы инстинктов».

Исход этого спора был решен в конечном счете победой социалистической революции в России. Советские литературоведы опирались в своей работе на все лучшее, что было создано скандинавистами⁴⁵. Наиболее передовая их часть во главе с А. В. Луначарским занялась, в частности, пересмотром и переоценкой скандинавского литературного наследства. Рассматривая драматургию Ибсена, исследователи ставили в центр своего внимания национальные и социальные истоки его творчества, выясняли особенности ибсеновского реализма и художественного мастерства, вскрывали причины и пути изменения художественного стиля писателя и т. д.⁴⁶

Опубликованное в СССР письмо Ф. Энгельса к П. Эрсту от 5 июля 1890 г.⁴⁷ помогло известному историку литературы Ф. П. Шиллеру выработать марксистскую концепцию литературного процесса в скандинавских странах второй половины XIX в. Охарактеризовав творчество Г. Ибсена, Б. Бьёрпсона, Ю. Ли, А. Хьелланна, А. Гарборга, К. Гамсуна и некоторых других норвежских авторов, он указал, что в 1870-х и начале 1880-х годов в литературе Норвегии преобладал критический реализм с некоторыми уклонами в сторону натурализма, а в 1880-х и 1890-х годах устанавливается уже господство своего рода «пос-

⁴⁴ О спорах среди русских писателей начала XX в. вокруг оценки творчества их норвежских собратьев по перу см.: *Шатков Г. В.* М. Горький и скандинавские писатели. — В кн.: Горький и зарубежная литература. М., 1961; *Шарышкин Д. М.* Блок и Ибсен. — Скандинавский сборник. Таллин, 1963, вып. 6; *Он же.* Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. с. 86—89.

⁴⁵ См.: *Неустроев В. П.* Проблемы советского литературоведения в области скандинавистики. — В кн.: Советское литературоведение за пятьдесят лет. М., 1967.

⁴⁶ *Луначарский А. В.* Генрик Ибсен. — Литературный критик, 1934, № 12; *Берковский П. Я.* Ибсен — мастер идеологической драмы. — На литературном посту. 1928, № 15—16; *Сергионова З.* Хенрик Ибсен. — Литературная учеба, 1938, № 3; *Неустроев В.* Историческая драма Ибсена: Канд. дис. М., 1938, и др.

⁴⁷ Литературное наследство, 1931, т. 1.

ледовательного натурализма», чтобы затем перейти в импрессионизм и символизм⁴⁸.

Предложенная Ф. Шиллером периодизация творчества Ибсена не получила в дальнейшем признания. Так, уже С. Игнатов в своей «Истории западноевропейского театра нового времени» отмечал, что ибсеновской драматургии присущи на разных этапах лишь отдельные элементы натурализма и символизма и что в своей основе она реалистична «от начала до конца»⁴⁹. В послевоенный период советское ибсеноведение смогло привести новые убедительные аргументы в поддержку тезиса о реалистической основе драм норвежского классика. П. Я. Берковский находил в романтических произведениях Ибсена историческую достоверность, а в произведениях на темы буржуазного XIX в. — социально-критический подход, резко отличающий писателя как от натуралистов, так и от символистов. В 50-е и 60-е годы против приписывания Ибсену социал-дарвинизма и мистического фатализма выступили В. Г. Адмони и Г. Н. Храповицкая⁵⁰.

В. Г. Адмони проследил идейное развитие творчества великого драматурга, его отношение к событиям европейской революции 1848 г., к транзитному движению и Парижской Коммуне, к религиозным учениям Хауге и Кьеркегора, к философии Гегеля и Ницше и другим объективным и субъективным факторам, определявшим литературную деятельность писателя. Вслед за Плехановым и Луначарским Адмони вскрыл противоречия Ибсена и объяснил их не столько его индивидуальными особенностями, сколько настроениями, господствовавшими в западноевропейской литературе конца XIX в.

В последующие десятилетия особый интерес советских исследователей норвежской классической литературы привлекали вопросы русско-норвежских литературных связей, в частности «судьба» Ибсена в России, а также структура ибсеновских драм⁵¹. Наряду с Ибсеном наибольший интерес вызывают по-прежнему творчество Гамсуна⁵² и драматургия Б. Бьёрнсона⁵³.

⁴⁸ Шиллер Ф. История западноевропейской литературы нового времени: В 3-х томах. М., 1936, т. 2, с. 341.

⁴⁹ Игнатов С. История западноевропейского театра нового времени. М.; Л., 1940, с. 290.

⁵⁰ Берковский П. Я. Ибсен: Статьи о литературе. М.; Л., 1962; Адмони В. Г. Путь Ибсена к реалистической драме. Дис. М., 1946; *Он же*. Генрик Ибсен. М., 1956, и др.; Храповицкая Г. И. Драматургия Г. Ибсена 80—90-х годов: Автореф. канд. дис. М., 1965, и др.

⁵¹ Яковский М. О. Ибсен на русской сцене. — В кн.: Ибсен Г. Собр. соч. М., 1958, т. 4; Шайкеевич Б. А. Драматургия Ибсена в России. Ибсен и МХАТ. Киев, 1968; *Он же*. Ибсен и русская культура. Киев, 1974; Шарыпкин Д. Ибсен в русской литературе (1890-е годы). — В кн.: Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973.

⁵² Сучков Б. Л. Кнут Гамсун. — В кн.: Лики времени. М., 1976, т. 2; Евнина Е. М. Западноевропейский реализм на рубеже XIX — XX веков. М., 1967; Храповицкая Г. Н. Основные принципы создания характера в дра-

В настоящее время на русском языке опубликованы почти все основные памятники древнескандинавской словесности, значительно расширено и качественно улучшено издание шедевров норвежской литературы. Последняя с успехом издается и на языках других народов СССР, в особенности народов Прибалтики. С предисловиями и комментариями разного рода были изданы Собрания сочинений и отдельные произведения Г. Ибсена, Б. Бьёрнсона, А. Хьеллланга, К. Гамсуна, С. Унсет, а также Р. Нильсена, С. Хуля, Ю. Боргепа, Н. Грнга, Э. Болстада, С. Эвсенму, Т. Нотреос, И. Свинсоса, И. Хагеруп, С. Хельмебакка и многих других авторов, особенно если учесть различные сборники и антологии. Предисловия к этим публикациям, написанные М. И. Стеблин-Камским, В. Г. Адмони, Г. В. Шатковым, В. Л. Сучковым, Н. И. Крымовой, В. П. Неустровым, В. П. Берковым и другими скандинавистами, дают в своей совокупности определенное представление о развитии норвежской литературы в древности и за последние 150 лет, об эстетических идеалах писателей нового времени, отношении критического реализма к модернизму в XX в., о традициях борьбы за мир в творчестве ряда авторов, о становлении социалистического сознания и нового реалистического метода в искусстве некоторых мастеров слова, о народности этого искусства. Одновременно в советской скандинавистике начались систематизация накопленного материала и разработка более общих проблем истории норвежской литературы⁵⁴. В последние десятилетия литература Норвегии усиленно исследуется с марксистских позиций также литературоведами ГДР и ПНР.

ме К. Гамсуна «Монах Венд». — В кн.: Проблемы жанра и композиции в литературе Западной Европы и Америки. М., 1976, и другие статьи того же автора; *Шарышкин Д. М.* Гамсуна. — В кн.: История западноевропейского театра. М., 1970, т. 5.

⁵³ *Адмони В. Г.* Бьёрнсон. — В кн.: История западноевропейского искусства. М., 1970, т. 5.

⁵⁴ См., например: *Брауде Л. Ю.* Сказочники Скандинавии. Л., 1974, и др.; *Григорьева Л. Г.* Творчество Хейрика Вергеланга и его место в норвежском романтизме. — В кн.: Незученные страницы европейского романтизма. М., 1975; *Самарин Р. М.* Норвежская литература. 1874—1917 гг. — В кн.: Курс лекций по истории зарубежных литератур XX века. М., 1956, т. 1; *Неустров В. П.* Норвежская литература. Генрик Ибсен. — В кн.: История зарубежной литературы конца XIX — начала XX в. М., 1968; *Он же.* Норвежская литература. Пурдаль Гринг. — В кн.: История зарубежной литературы после Октябрьской революции. М., 1969, ч. 1. 1917—1945; *Он же.* Генрик Ибсен и проблемы романтизма. — Скандинавский сборник. Таллин, 1964, вып. 9; *Шатков Г. В.* Основные проблемы литературы датского и норвежского Сопротивления (1940—1945). — Там же. Таллин, 1969, вып. 14, и другие статьи того же автора.

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ
СТРОЙ

Скандинавский полуостров, в западной и северной частях которого длинной узкой полосой тянется Норвегия, — самый крупный в Европе. Его протяженность — почти две тысячи километров. Рельеф его сложился при отступлении и таянии ледника. Большая часть Норвегии гористая. С северо-востока на юго-запад простираются Скандинавские горы. Их гранитные скалы обнажены, но кое-где покрыты вечными снегами и ледниками. Густая сеть коротких, но быстрых и многоводных рек с частыми порогами и водопадами прорезает горы. Горы круто обрываются в Норвежское море, которое врзается в берега многочисленными узкими глубокими фьордами; эти заполненные морем огромные трещины в каменистом теле полуострова углубляются в пещо на десятки и сотни километров. У берегов Норвегии разбросаны почти полторы тысячи островов. Еще и ныне без малого половина площади Скандинавского полуострова занята лесами, на севере — хвойными, на юге — смешанными; в древности же ими была покрыта большая часть территории. На крайнем севере полуострова преобладает тундра.

Полуостров столь велик и тянется с севера на юг на столь значительное расстояние, что на его территории встречаются разные климатические зоны. На севере климат суровый, полярный, тогда как на западе он умеренный, океанический. Благодаря теплоте атлантического течения Гольфстриму климат Норвегии более мягкий, чем других стран, расположенных в тех же широтах. Здесь обильны осадки, зима мягкая, а лето прохладное. Впрочем, на протяжении тысячелетий климат менялся. Горы, валуны, густые леса, бедность почв и значительная высота над уровнем моря, равно как и обилие холодных талых вод вследствие весеннего таяния снегов, всегда служили препятствием для распространения земледелия. Даже и в наши дни лишь 3% всей площади Норвегии занята под вспашкой, в более ранние времена — и того меньше. Там, где земледелием все же занимались, приходилось обычно очищать почву от камней, выжигать или рубать леса. Обилие осадков и короткий вегетационный пери-

од — причина того, что из хлебных злаков норвежцы предпочитали возделывать быстро созревающие сорта ячменя и овса. Урожайность всегда была низкой, а методы обработки почвы вплоть до сравнительно недавнего времени оставались весьма примитивными.

Напротив, природные условия благоприятствовали занятию скотоводством. На горных настигах — сстерах сообща пасли скот жители соседних хуторов. Заготовка кормов для зимнего стойлового содержания скота была наиболее трудоемким занятием сельских хозяев. Наряду со скотоводством и земледелием на протяжении всей истории Норвегии важное место среди промыслов населения принадлежало охоте на зверя и птицу и рыбной ловле. Издавна был известен норвежцам и китобойный промысел. За Полярным кругом добывали тюленей. Жители Севера — саамы (лопари) разводили в тундре оленей, охотились на пушного зверя, птицу, собирали птичьи яйца и пух.

Норвегия, как и другие скандинавские страны, — морская страна. Снежные горы, ледники, фьорды и горные речки разделили страну на разобщенные мелкие районы. Связь между ними поддерживалась преимущественно по морю. Характерно, что самое название страны *Noregr* (*Norðvegr*) означало, по-видимому, «северный путь» по морю вдоль побережья. Природные условия определили и характер расселения обособленными хуторами, мелкими поселками, подчас далеко разбросанными один от другого. Даже и ныне по плотности населения Норвегия занимает в Европе предпоследнее место, уступая «первенство» в этом отношении одной лишь Исландии. Только в отдельных приморских районах Норвегии сельское население жило несколько теснее, и только здесь возникали города.

Горный ландшафт Скандинавского полуострова предопределил и границу между Норвегией и Швецией, большая часть ее пролегает по горному хребту, в местности, не заселенной и поныне¹.

* * *

Древнейшие следы пребывания человека на территории Норвегии, обнаруженные археологами, восходят к послеледниковому периоду². Ледник начал таять в Норвегии 11—15 тыс. лет назад, и в течение нескольких тысячелетий большая часть территории очистилась от льда. Распространение растительности, характерной для тундры, а затем и лесов и появление некоторых

¹ Подробнее о природно-географическом положении Норвегии см.: *О Дела Э. Скандинавия*. М., 1962.

² Наука не исключает возможности существования человеческой жизни на Скандинавском полуострове в период между третичным и четвертич-

диких животных (олень) благоприятствовали расселению здесь человека. Судя по археологическим находкам, первобытные жители Норвегии применяли еще плохо обработанные мелкие кремневые орудия, в том числе наконечники для стрел, а также костяные гарпуны, что свидетельствует об их занятии охотой. На крайнем севере Норвегии, на побережье Ледовитого океана, уже в то время жили люди, промышленно охотившиеся на тюленей (так называемая культура Комса)³. По-видимому, по мере таяния ледника это население стало распространяться на юг вдоль берега⁴. На северо-западе Норвегии жили охотники на оленей. На местах их поселений (в Фосна, близ Кристиансунна) наряду с примитивными орудиями из кремня и кварца обнаружены следы очагов. Эти люди уже умели переправляться через фьорды на небольших лодках из дерева и кожи и ловить рыбу. Рассеянное по побережью население жило в суровых климатических условиях послеледниковой эпохи (субарктический и бореальный периоды). На протяжении тысячелетия здесь не был заметен хозяйственный прогресс. По характеру употребляемых жителями Норвегии орудий мы должны отнести их к *позднему палеолиту и раннему мезолиту*⁵.

Некоторое смягчение климатических условий и дальнейшее распространение лесов на территории Скандинавского полуострова благоприятствовали расселению увеличивавшегося числа жителей, а возможно, и притоку переселенцев с юга. В этот период, к которому в Скандинавии относится культура Маглемосе (названная по месту находки остатков древнего поселения на датском острове Зеландия), люди стали пользоваться камнем для изготовления более крупных орудий, чем прежде. Появляются каменные топоры и кирки. Однако среди находок преобладают изделия из кости и рога, что дало основание археологам назвать этот период в Скандинавии «веком кости». Но обработка этих изделий производилась при помощи кремня, и поэтому другое название периода — «век кости и камня». Применение камня и усовершенствование методов его обработки способствовали прогрессу в изготовлении орудий труда и оружия. Вследствие этого

ным обледенениями, тем более что в некоторых частях полуострова, в частности кое-где на западном побережье Норвегии, земля была свободна от льда; однако никаких следов человека от этой эпохи не сохранилось. См.: *Nordhagen R. De senkvartaere klimavækslinger i Nordeuropa og deres betydning for kulturforskningen. Instituttet for sammenlignende kulturforskning, Oslo, 1933.*

³ Комса — местность в районе Атла в Финмарке. Вопрос о датировке культуры Комса остается спорным, древность ее определяют временем от 14 тыс. до 9 тыс. лет.

⁴ Нет единого мнения среди ученых о том, из какой части Европы пришли на Скандинавский полуостров первые его жители. См.: *Rydbeck O. The Earliest Settling of Man in Scandinavia.— Acta Archaeologica, 1930, vol. 1.*

⁵ *Freundt E. A. Komsa-Fosna-Sandarna. Problems of the Scandinavian Mesolithicum.— Acta Archaeologica, 1948, vol. 19.*

кремнь начинает вытеснять кость в качестве важнейшего материала для производства орудий, в то время как из кости продолжают делать более мелкие изделия. Такое изменение отчасти обнаруживается в находках так называемых кьёккенмёддингов, или «кухонных отбросов», в прибрежных частях Скандинавского полуострова. Они представляют собой огромные скопления отходов пищи первобытных людей: раковин, костей животных и птиц и т. п.⁶ В пещере Свартхола в Виста, близ Ставангера, такая куча имеет в поперечнике около полуметра. В некоторых других местах кьёккенмёддинги при длине до 150 м достигают высоты в 2 м. находку в Свартхола относят примерно к рубежу IV и III тысячелетий до н. э.

В пещере Свартхола обнаружены кости до 50 различных видов диких животных, среди которых преобладают кости кабана, лося и оленя; обитатели этой стоянки — охотники, рыболовы и собиратели моллюсков питались также мясом тюленей, морской птицы, рыбой. Ими уже была приручена собака, что имело важное значение для охоты. Они знали голчарное дело: найдены осколки примитивных горшков. Среди орудий отмечается новый, более совершенный вид каменного топора (колуи типа Нествет, по местности близ Осло)⁷, паконечники для стрел, костяные рыболовные крючки. Размеры кьёккенмёддингов свидетельствуют о чрезвычайно длительном пребывании людей в одном и том же пункте побережья. В силу характера своих занятий население меняло места охоты и рыболовства, но имело постоянные стоянки, где проживали большие родовые коллективы.

Древнейшее из обнаруженных поселений на территории Норвегии (Трепа в Хелгелашпе) датируется приблизительно V тысячелетием до н. э. Дома, имевшие овальную форму (диаметром 4—6 м), опирались, по-видимому, на деревянные столбы. В центре дома был расположен очаг из камней. Группа таких домов, вероятно, служила пристанищем для рода. Улучшение орудий труда вследствие повышения роли камня в их изготовлении способствовало тому, что население Норвегии стало расселяться с морского побережья во внутренние части вдоль фьордов и дальше в глубь страны, не отрываясь, однако, окончательно от моря, игравшего большую роль в его жизни.

Недостаток кремня на Скандинавском полуострове вынуждал население искать другой материал, пригодный для изготовления орудий. В отдельных районах стали применять твердые кристаллические породы камня. Там, где имелся подходящий камень, начиналась интенсивная его добыча. Например, с острова Бемло (западное побережье Норвегии), где добыча камня производи-

⁶ См.: Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973, с. 187 и след.

⁷ Датировка: 5—2 тыс. лет до н. э.

лась в течение тысячелетия, каменные орудия распространялись на значительное расстояние и выменивались жителями других районов.

На охоту на диких зверей, дававшую главные средства к существованию, человек мог отважиться выходить только совместно с другими людьми. Зачастую охота велась крайне примитивными методами. Например, охотники загоняли оленей на край обрыва, с которого заставляли их прыгать и разбиваться. Бросая камни в тулостей, их подгоняли к берегу, где избивали дубинками⁸. С целью привлечь лосей, медведей и других животных к месту охоты их изображениями покрывали скалы; этой своеобразной охотничьей магии обязаны своим происхождением натуралистические рисунки, обнаруженные во многих прибрежных местностях⁹. Сохранились и образцы пещерной живописи, где иногда наряду с изображениями животных встречаются и изображения людей. Отдельные сцены толкуют как ритуальные танцы.

В эпоху неолита внешние условия жизни на Скандинавском полуострове существенно улучшились. Установился влажный и теплый «атлантический» климат, средняя годовая температура была на 2° выше, чем теперь. В горах Норвегии леса начинались на 200 м выше, чем в наши дни; выше начиналась и линия снегов. В южных областях Скандинавии (Дания, Южная Швеция, примыкающая к ней часть Норвегии) наблюдался значительный прогресс в материальной жизни человека, возможно отчасти связанный с новыми переселениями с юга. Показателями этого прогресса явились новые формы погребений: в III тысячелетии до н. э. некоторые распространение получают дольмены — огромные погребальные сооружения. Племена, характеризующиеся подобными памятниками материальной культуры, уже знали скотоводство и земледелие. Они подвергали каменные орудия тщательной шлифовке, гончарные изделия поражают законченностью своих форм. Эта мегалитическая культура затронула в основном лишь юг и юго-восток Норвегии. Однако мегалитические сооружения на территории Норвегии имели гораздо более скромные размеры, чем в Дании. Несколько позднее, во второй половине III тысячелетия до н. э., здесь же распространяются новые предметы, прежде всего каменные боевые топоры с отверстиями для рукоятки. Население, характеризующееся «культурой боевых топоров», ученые причисляют уже к индоевропейцам.

⁸ Такие охотничьи приемы сохранились в Северной Норвегии еще в конце XIX в.

⁹ Особенно замечательны скальные изображения в Рингенсе, в Пурфьорде. Здесь на скале на берегу моря изображено до двухсот оленей, бегущих к воде. Сюда их, по-видимому, загоняли охотники каменного века, так что олени падали с обрыва и разбивались.

В остальных районах Норвегии человеческое общество все еще оставалось на более примитивной стадии развития, известной в археологии под названием «арктического каменного века». Как и в период кьёккенмёддинггов, жители северной и западной частей страны были охотниками и рыбаками. Но теперь у них большее распространение получили орудия из твердых пород камня, а также мелкие изделия из сланца (наконечники стрел, ножи, кинжалы). Изрядное количество украшений из янтаря (из стран Прибалтики) свидетельствует о связях между народами, жившими в различных частях Скандинавского полуострова: на стадии охотничьего хозяйства население было очень мобильно. Все же эти охотники и рыбаки в III тысячелетии до н. э. уже начали осваивать скотоводство и земледелие. Некоторые историки предполагают, что переход от чисто охотничьей культуры к зачаточному земледелию был совершен в Норвегии вследствие переселения на ее территорию новых племен, достигших более высокой ступени развития. В пещерах Западной Норвегии в конце каменного века жили люди, на стоянках которых обнаружены кости домашних животных и отпечатки ячменя на глиняной посуде. Например, в местности Рускенес, близ Бергена, среди костей диких оленей и тюлений найдены кости домашнего скота (быков, овец и свиней). Очевидно, жители во время своих охотничьих экспедиций забирали с собой домашних животных. Таким образом, ведение домашнего хозяйства, связанного со скотоводством и земледелием, систематически прерывалось в интересах охоты. Поселения в тот период были групповыми: так, в Карлеботне (Варангер-фьорд на Баренцевом море) на небольшой площади было расположено около сотни жилищ. Люди жили в землянках.

В середине II тысячелетия до н. э. Скандинавский полуостров вступает в *бронзовый век*. Культура бронзы пришла сюда из Южной Европы и получила распространение преимущественно лишь в Дании и части Швеции. Первоначально скандинавы приобретали бронзовые изделия у народов, живших южнее, выменивая их на янтарь, позднее же стали изготавливать их и сами. В Норвегии изделий из бронзы было чрезвычайно мало¹⁰, и орудия труда по-прежнему изготавливались из камня. На этом основании некоторые ученые вообще сомневаются в применимости к северным областям Скандинавии понятия «бронзовый век»¹¹. Но культура бронзового века характеризуется не только наличием бронзы, но и рядом других существенных явлений, имевших место и в Норвегии в эту эпоху. Прежде всего получило дальней-

¹⁰ До настоящего времени обнаружено всего несколько сотен предметов из бронзы, преимущественно украшений и оружия.

¹¹ Weibull L. Det arkeologiske tæperiodsystemet.— In: Weibull L. Nordisk historia. Forskningar och undersökningar. Stockholm, 1948, Bd. 1.

шее распространение земледелие; к ячменю и пшенице, известным еще в каменный век, присоединились овес, просо, лен. В отдельных частях Скандинавии мотыгу стало смеять деревянное рало. Дальнейшие успехи наблюдаются в скотоводстве, лошадь стала домашним животным. В некоторых погребениях обнаружены остатки шерстяной одежды, указывающие на улучшение ткацкого искусства.

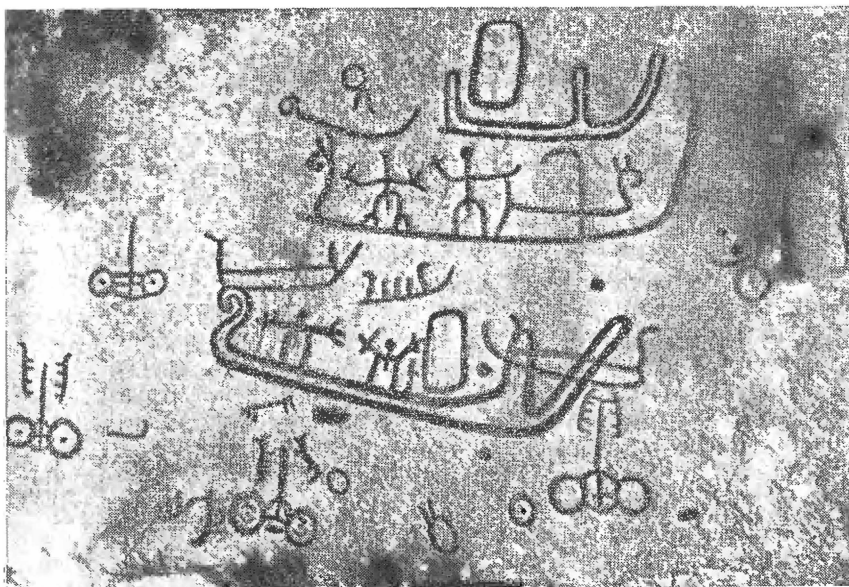
Эти важные изменения в хозяйстве были связаны с переменами и в духовной жизни населения. Возникли новые формы погребений, свидетельствовавшие о сдвигах в представлениях о загробной жизни — насыпи из земли или камней, воздвигавшиеся над могилами отдельных лиц, причем, в отличие от Дании, в Норвегии в могилы обычно не клали украшения или оружие¹². Около начала I тысячелетия до н. э. погребения исчезают и сменяются кремацией, которая оставалась господствующим обычаем до конца бронзового века. Вместо натуралистических наскальных изображений каменного века, служивших нуждам охотников на диких зверей, теперь появляются символические картины, на которых, как правило, встречаются условные изображения кораблей, вооруженных или сражающихся людей, процессий, оружия и особенно часто круга, обозначающего Солнце. Такие высеченные на скалах картины имели культовое назначение. Ученые пришли к выводу, что они связаны с поклонением Солнцу — источнику плодородия. На то, что эти картины играли роль в религиозных церемониях земледельческого народа, указывают, в частности, встречающиеся на них изображения пахарей, повозок спряженных лошадьми и быками¹³. Среди фигур участников процессий, высеченных на скалах, часто одна фигура имела большие размеры, чем остальные; не исключено, что она символизировала вождя или жреца. Вероятно, вожди осуществляли и функции жрецов. Над их-то погребениями, по-видимому, и воздвигались насыпи и курганы.

Энеолитическая культура неравномерно охватила разные части Норвегии: на севере и в лесных высокогорных районах в течение тысячелетий удерживалась культура неолита.

Значительные изменения в жизни населения Норвегии произошли в середине I тысячелетия до н. э. Ухудшились климатические условия: наступил новый, «субатлантический» период, характеризующийся понижением среднегодовой температуры, лето сделалось более коротким, влажным и холодным, вершины гор вновь покрылись вечным льдом и снегом, исчезли или стали

¹² В Норвегии часто камни над могилой укладывались таким образом, что они напоминали контуры корабля, который они должны были символизировать. Очевидно, существовало представление, что покойник в загробном мире совершал путешествие по морю.

¹³ *Almgren O. Hällristningar och kultbruk. Stockholm, 1926—1927.*

Наскальная живопись бронзового века

редкими некоторые животные, изменилась флора Скандинавского полуострова. Вследствие этого неизбежно должны были измениться привычные методы земледелия и скотоводства. В то время как прежде домашних животных можно было оставлять на подпожном корму в течение всего года, теперь возникла необходимость в стойловом содержании скота в зимнее время и в заготовке кормов. Снижение урожайности вызывало голодовки. Часть населения переселилась в южные районы страны.

Другим важным фактором, который определил снижение уровня материнской культуры в Норвегии по сравнению с предшествующим бронзовым веком, была изоляция народов Скандинавии от основных очагов культуры в Средиземноморье, обусловленная переселениями кельтских племен по Средней Европе. Прекратился приток бронзовых изделий. В этих неблагоприятных условиях в Норвегии начался *железный век*¹⁴. Применение железа имело значительные преимущества, главным из которых была гораздо большая распространенность этого металла, чем бронзы, и сравнительная несложность его обработки. Если бронзу

¹⁴ В отличие от большинства ученых А. Бреггер отказывается видеть связь между черементами в климате и нововведениями в хозяйстве Норвегии в этот период. См.: *Brogger A. W. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo, 1926, S. 29—31, 141.*

скандинавы ввозили из других стран, то железо (из болотной руды) они постепенно стали добывать сами. Лишь при переходе к обработке железа в Норвегии пачался подминый век металла и возникли возможности для развития земледелия, игравшего до того подчиненную роль. Однако железный век наступил здесь позднее, чем в южных странах, и первоначально из железа изготовлялись только оружие и мелкие предметы обихода (ножи, булавки). Орудия труда все еще оставались преимущественно каменными, деревянными и костяными¹⁵.

В суровой обстановке раннего железного века происходит переход к более прочной оседлости населения, которое возводит теперь постоянные жилища — первые в Норвегии сельскохозяйственные усадьбы. Они служили местом жительства обширных производственных коллективов, охватывавших ряд семей. Главную роль в их хозяйстве играло разведение скота, вследствие чего участки земли, которыми они пользовались, были весьма значительных размеров. Борьба с пеласковой природой вынуждала людей силачиваться и совместными усилиями возделывать почву и заготавливать фураж для скота на зиму. Насколько можно судить на основании раскопанных бедных погребений, относящихся к последним столетиям до н. э., в этот период в Норвегии не существовало богатой знати, которая возвышалась бы заметно над массой соплеменников.

К тому же времени относятся первые письменные свидетельства о жителях Скандинавского полуострова. Около 330—320 гг. до н. э. греческий путешественник и географ Пифей из Массилии посетил Северную Европу и оставил сведения о ней. Сохранившиеся небольшие отрывки из его сочинения не дают возможности точно установить, в каких именно странах он побывал, но ученые полагают, что Пифей провел некоторое время на северо-западном побережье Норвегии¹⁶. По его сообщению, северные народы занимались земледелием, причем молотили зерно не на открытом воздухе, как на юге, а в помещениях; они изготовляли перебродивший напиток из зерна и меда. Среди народов, которые он посетил, Пифей называет ингевонов и тевтопов, последние жили в Ютландии и впоследствии при переселении на юг вместе с кимврами столкнулись с римлянами в 114—102 гг. до н. э. Уже при этом первом появлении скандинавских племен на исторической арене они были названы германцами. Наимено-

¹⁵ *Rygh O. Om den aeldre Jernalder i Norge.*— In: *Aarboeger for nordisk Oldkyndighed og Historie.* København, 1869.

¹⁶ По мнению большинства ученых, страна, названная Пифеем «Тулс», или *Ultima Thule*, «край земли»,— это Норвегия, однако высказывалось предположение, что Пифей посетил Исландию или один из Шетландских островов. См.: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.

вашие «германцы» не прилагалось самими этими народами к себе и, несомненно, охватывало различные племена, часто ничем не связанные между собой¹⁷. Представление о «расовой чистоте» древнего населения Скандинавского полуострова и опирающаяся на него теория о скандинавском происхождении германских народов¹⁸ не находят подтверждения в археологическом материале, который, напротив, убеждает в том, что даже в самые ранние эпохи жизни людей на этой территории здесь не существовало единого этнического типа.

Объединение стран Средиземноморья под властью Рима открыло новые возможности для установления связей между этой частью Европы и Скандинавией. В первой половине II в. н. э. греческий географ Птолемей упоминает племена, жившие в Юго-Восточной Норвегии. Основные пути, по которым совершался торговый и культурный обмен, шли по Рейну и Дунаю; немаловажную посредническую роль играли племена фризов и готов. Скандинавские воины, подобно представителям других германских племен, служили на границах Римской империи¹⁹. От первых четырех столетий нашего летоисчисления в Норвегии сохранились многочисленные находки римских изделий из бронзы (сосуды) и железа (оружие)²⁰. Оружие, некоторые предметы обихода и орудия труда производились на месте по римским образцам. Именно в этот период жители Норвегии научились добывать руду из болот и изготавливать из железа орудия труда и воины. Появляются железный топор, кирка, серп. Мотыга была главным сельскохозяйственным орудием. Употребление железных орудий открыло новые возможности для развития земледелия, расширения площади обрабатываемой земли путем расчисток новых участков и создания хозяйств на каменистой почве, в лесных районах и т. п. Мореходство, своими успехами также обязавшее распространению железных орудий, стало важным занятием населения ряда прибрежных районов. Человек отныне несколько меньше зависел от природы и мог успешнее вести борьбу за существование.

Показателем культурного развития скандинавских племен служат рунические письменности, древнейшие памятники которой относятся к началу III в. Надписи рунными на камнях, скалах, оружии, утвари делались и другими германцами, но большая

¹⁷ *Hachmann R.* Die Germanen. München; Genf; Paris, 1971.

¹⁸ *Kossinna G.* Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft. Würzburg, 1912.

¹⁹ В Эстлаппе открыты погребения с полным набором римского оружия, часто с бронзовой урной для праха.

²⁰ Найдены также клады римских серебряных монет, относящиеся к концу II — началу III в. (серебряные денарии) и к середине IV в. (золотые солиды). Характер кладов свидетельствует о том, что привозимые в Скандинавию монеты не применялись здесь в качестве средств обмена.

часть их обнаружена на Скандинавском полуострове. Руны²¹ считались магическим средством, к которому прибегали для колдовства. Чтобы добиться победы, избежать отравления, погубить врага, совершить благополучное путешествие по морю, залечить рану, обрести красноречие и мудрость и для многого другого, нужно было, по убеждению древних германцев, начертать определенные руны. Этому убеждению держались и их потомки на протяжении многих веков. Так, в одной из песней «Старшей Эдды» — крупнейшего собрания эпических песней скандинавских племен (запись XIII в.), сказано: «Если хочешь одержать победу, ты должен знать руны победы» (*sigrúnar*) («Речи Сигдривы», 6). На могильной плите из Этгьюм (Западная Норвегия, VI—VII вв.) рунические письмена вырезаны с целью охрानить покой мертвеца и призвать месть на убийцу. Руны на оружии должны были придать ему силу. Надписи, сделанные рунами, часто предназначались для загробного мира, поэтому камни с такими надписями зарывали в землю. Характерны эпитеты, которыми называют себя люди, делавшие рунические надписи: «опасное знающий», «хитрый», «искусный», «не подверженный колдовству», «жрец». Представление о рунах как магическом средстве сохранялось чрезвычайно долго, еще в исландских сагах, рисующих норвежцев и исландцев IX—XI вв. и записанных в XIII в. Так в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне» рассказывается, как Эгиль (он жил в X в.) вырезал на жерди рунами заклятье, направленное против норвежского конунга Эйрика Кровавая Сегира, чтобы «духи, которые населяют эту страну, блуждали без дороги и не нашли себе покоя, пока они не изгонят из Норвегии конунга Эйрика и Гунхильда», его жену.

Лишь в более позднее время руны стали употребляться для памятных надписей, не имевших магического назначения. С IX в. вместо «старших рун» распространились «младшие руны», алфавит из 16 знаков. Происхождение рунических письмен вызывает споры в науке, и до сих пор не выяснено, на основе какого алфавита (латинского, греческого или одного из южноиталийских) они возникли и у какого из германских племен (готов, маркоманнов и др.) впервые появились. В то время как у других

²¹ Алфавит «старших рун» состоит из 24 знаков и по первым шести рунам называется футарк:

Ƶ Ʀ Ʀ Ʀ Ʀ < Ʒ Ʀ N Ʀ i z ʒ Ʒ Ʒ z ʌ Ʒ M Ʀ Ʀ Ʀ Ʀ Ʀ Ʀ Ʀ
 f u r a r k g w h n t j é p r s t v e m l n g d o

Каждая руна имела название — слово, включавшее в себя обозначаемый рунной звук. Вот некоторые из названий рун: f — fé, скот, имущество; a — áss, бог; g — gefa, дар; w — vin, пастбище; j — jár, год; s — soln, солнце; m — maip, человек; o — óral, наследство, земля. Слово руна, rún, значило не только «знак», «буква», но и «тайна».

германских народов руны сравнительно рано были вытеснены латинской письменностью (в связи с христианизацией), в Скандинавии они были в употреблении в течение всего I тысячелетия²².

Положение Норвегии на периферии Западной Европы, вдали от важнейших очагов античной культуры, слабые связи ее с другими странами, сложные природные условия, затруднявшие хозяйственный прогресс, обусловили замедленность ее развития в эпоху первобытнообщинного строя. Поэтому его разложение началось здесь позднее, чем у других народов, и, как мы увидим, растянулось на длительное время.

В конце IV—V в. разрушилась, а затем и окончательно пала под ударами вторжений варварских племен Римская империя. Скандинавия не входила в состав Римского государства и не подверглась таким завоеваниям, какие испытали в тот период Италия, Галлия, Британия, Испания и некоторые другие страны Европы. Тем не менее и Северная Европа в известной мере была втянута в общее движение германских и других варварских народов, известное под названием Великого переселения. Ряд германских племен, завоевавших отдельные провинции Римской империи (готы, лангобарды), происходили из Скандинавии или, во всяком случае, приписывали себе такое происхождение. Готский историк Нордаг (VI в.) назвал Скандинавский полуостров родиной германских народов (*officina gentium, vagina nationum*). Скандинавские воины принимали участие в войнах, связанных с варварскими завоеваниями на континенте: в разных частях Скандинавского полуострова обнаружены многочисленные богатые клады золотых монет того времени.

С конца IV в. усилилось проникновение новых германских племен в Норвегию. В это время в западные ее районы переселяются племена гаргов (или хордов) и ругиев, ранее живших в Средней Европе. Память об их вторжениях сохранилась в названии приморских областей Хурдаланн и Ругаланн. Эти переселения на территорию Норвегии, возможно, были как-то связаны с завоеванием племенами англов и саксов Британии: археологами установлена значительная близость материальной культуры Норвегии и Англии в период варварских завоеваний. Таким образом, население Норвегии, рост которого в железный век, естественно, ускорился, еще более возросло в результате новых вторжений.

²² Не так давно найденные при раскопках в Бергене многочисленные рунические надписи на разных предметах свидетельствуют о том, что и долгое время после принятия христианства, еще и в XII—XIV вв., норвежцы часто прибегали к руническому письму. См.: Гуревич А. Я. Находки новых рунических надписей в Норвегии.— Вопросы истории, 1965, № 1, с. 195—196; *Liestøl A. The Litterate Vikings.— Proceedings of the Sixth Viking Congress. London, 1971.*

Подобно тому как и во всей Европе после варварских завоеваний возросла роль земледелия и произошел окончательный переход к прочной оседлости, в Норвегии в это же время широко распространились сельскохозяйственные усадьбы. Первоначально они возникали преимущественно лишь в наиболее удобных для земледелия местах, по постепенному населению, вооруженное железными топорами и кирками, проникает и в ранее непригодные для поселения районы, корчует леса, расчищает каменистые участки и осваивает на этих заимках новые дворы. Природные условия на большей части территории страны не благоприятствовали созданию деревень. Так как земледельцем можно было заниматься лишь на незначительных пространствах, то селились преимущественно обособленными дворами, часто отделенными один от другого лесом, горой или фьордом. Обычно эти дворы были значительных размеров, в их пределах возводилось два или несколько домов. Археологами обнаружены остатки строений длиной от 10 до 40 м (иногда более 50 м) и шириной 5—10 м, сооруженных из камней и земли (лес для постройки жилищ стал применяться позднее). В таких больших домах, зачастую разделенных на несколько помещений, жили не индивидуальные («малые») семьи, а более широкие родственные коллективы, насчитывавшие по несколько десятков человек, вместе с некоторым числом зависимых людей²³.

Эти коллективы, как можно предположить, представляли собой патриархальные большие семьи или домовые общины. Во главе большой семьи стоял отец, управлявший хозяйством, вместе с ним жили его братья и сыновья со своими семьями, а иногда и дочери с мужьями и детьми. После смерти главы домовой общины раздел хозяйства не производился, братья продолжали вести его совместно, и лишь по мере возрастания числа членов общины отдельные семьи могли выселяться из нее, основывая новые дворы. Благодаря исключительной преемственности и устойчивости аграрных поселений на территории Норвегии ученым удается изучить их древнейшую историю по данным топонимики. Древнейшие норвежские дворы сплошь и рядом имеют названия, оканчивающиеся на -vín (пастбище, луг) и на -heimr (жилище). Дальнейшее расселение сопровождалось созданием новых дворов, для названий которых характерны термины -land (земля) и -setr (место поселения) и позднее -staðir (место поселения). Как показал М. Улсен, эти новые усадьбы возникали в результате выселения из первоначальных больших дворов избыточного населения, зачастую заводившего свои хозяйства далеко от отцовской усадьбы и, возможно, сохранявшего с нею связи.

²³ Подробнее см.: Гуревич А. Я. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики. — Советская археология, 1960, № 4.

В отличие от них сравнительно мелкие владения с названиями на *lund* (расчетка, запялка) нередко были владениями рабов и других зависимых людей²⁴.

Патриархальная большая семья, состоявшая обычно из представителей трех поколений ближайших родственников, долгое время была основной хозяйственной ячейкой норвежского общества²⁵. Члены большой семьи вели совместное хозяйство, и земля, которую они обрабатывали, считалась их общей собственностью, называемой *одаль*.

Основной фигурой в древнорвежском обществе был *бонд* (*búandi, búiði*). Этот термин лучше оставить без перевода, потому что любой перевод его: «крестьянин», «земледелец», «домохозяин», «глава семьи» — неизбежно обидает подлинное его содержание. *Бонд* не был, в отличие от позднейшего крестьянина, только сельским хозяином; помимо земледелия, скотоводства, домашнего ремесла и других промыслов, он участвовал в общественной жизни, был полноправным членом общества, народного собрания и боевого ополчения. У него в подчинении находились не одни лишь члены его семьи, но и рабы и другие зависимые люди.

После перехода к вполне оседлому земледелию скотоводство в жизни норвежцев продолжало играть крупную роль. Хозяйство норвежцев в этот период, как и впоследствии, имело сложную и рядом не столько земледельческую, сколько скотоводческую направленность. Отсутствие достаточного количества скота затруднило бы и обработку земли; в условиях малоплодородной и каменистой почвы необходимость в удобрениях была крайне велика. Во многих районах страны, где было возможно земледелие, существовала система обработки почвы, при которой — вследствие наличия значительного количества скота при сравнительно небольших размерах пахотных участков — земля настолько тщательно уваживалась, что ее не нужно было оставлять под пар²⁶. В исторических памятниках, относящихся к более позднему времени, шесть и даже двенадцать коров в усадьбе рисуются как средняя норма обеспечения хозяйства²⁷. Естественно, что в этих условиях для *бондов* представлял огромную важность вопрос об использовании лесов и пастбищ для нужд

²⁴ *Olsen M. Farms and Fences of Ancient Norway. Oslo, 1928, p. 74, 121, 122, 156.*

²⁵ Сведения о больших семьях сохранились еще в записях обычного права, дошедших до нас в поздних редакциях (XII и XIII вв.), а отчасти и в исландских сагах, записанных в XIII в.

²⁶ Даже в тех районах, где на единицу пахотной площади приходилось несколько меньше скота, поле оставляли под пар не каждый третий год, а реже — на четвертый, пятый и даже на шестой год.

²⁷ В записях обычного права устанавливалось, что на каждую единицу пахотной земли *бонд* должен был иметь определенное число голов крупного рогатого скота.

животноводства. Домохозяйства, расположенные неподалеку друг от друга, вместе пасли скот осенью и весной и заготавливали корм на зиму, когда животных переводили на стойловое содержание. На лето скот перегоняли на так называемые «верхние» пастбища, горные луга — сетыры, где пасли свои стада жители данного района. Существовало выражение, что на сетере «рог должен встретить рог и копыто — копыто»: каждый местный домохозяин мог пасти здесь своих животных. Эти угодья были общей собственностью — альменнингом («принадлежащее всем людям»). Из альменнинга общинники могли выделять в свое пользование участки, когда им не хватало земли. Из более поздних памятников явствует, что земля, входившая ранее в альменнинг, должна была принадлежать тому, кто первым стал ее обрабатывать.

Таким образом, хотя в Норвегии и не могла получить распространения поземельная община того типа, какая существовала у большинства народов Европы в средние века (с так называемой «системой открытых полей»), тем не менее и здесь сельскохозяйственные дворы объединялись в общины, совместно пользовавшиеся угодьями, необходимыми для разведения домашних животных. Домовые общины, занимавшие отдельные усадьбы, входили в более обширные коллективы, вне которых было бессмысленно ведение хозяйства. Обособленное поселение отнюдь не исключало общины²⁸.

Наряду с земледелием и скотоводством в жизни норвежцев большую роль играли рыболовство и морской промысел. На определенную часть года жители некоторых северных приморских районов покидали свои усадьбы и вместе со скотом перебирались ближе к берегу, где занимались рыбной ловлей и охотой.

В юго-восточных и северных областях Норвегии (Эстланд и Тренеланд) земли для поселения было достаточно, здесь возникли сравнительно крупные усадьбы. В южной и западной частях страны поселения были расположены теснее, и люди стали проникать во внутренние районы уже в V—VI вв. Здесь охота была важным подспорьем для жителей, испытывавших недостаток в пахотных землях. В то время в Западной Норвегии уже существовали дворы, в которых жили по нескольку домохозяев, порознь пользовавшихся участками пашни, по сообща — угодьями. В памятниках права такие небольшие общины, ограниченные пределами одного или нескольких дворов, назывались *grend* (поселение соседей). Различия в экономическом развитии северной, юго-восточной и западной частей Норвегии сохранялись на всем протяжении ее истории.

²⁸ См.: *Анохин Г. П.* Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971.

О родовых связях норвежцев сохранились сведения в источниках, записанных в более позднее время. Сородичи до шестой степени родства были связаны воедино правом (и обязанностью) получать (соответственно платить) возмещение — вергельд или обязанностью мстить за убитого, оказанием взаимной помощи в судебных и других делах, а также участием в наследовании имущества. Однако главную роль в осуществлении всех этих функций играли ближайшие родственники, составлявшие большую семью. В особенности это касается наследования: имущество после смерти отца переходило к его сыновьям или дочерям, внукам, родным братьям или сестрам, причем оно, как правило, не подлежало разделу, а доставалось целиком ближайшему из названных родственников; лишь при отсутствии всех этих членов большой семьи его могли получить более дальние сородичи, приобретшие это право в определенном порядке, в зависимости от степени близости к покойному и от принадлежности к мужской или женской линии (первая пользовалась преимущественным правом перед второй). Земельное владение — одаль нельзя было отчуждать за пределы домовой общины.

Члены домовой общины были равны между собой, подчинялись лишь авторитету отца, сочетавшего функции главы хозяйства с отправлением языческих религиозных обрядов. На территории древнейших норвежских усадеб обнаружены погребения, над которыми возводились курганы или водружались надгробные камни: это должно было обеспечить в загробном мире благополучие главы домовой общины, в кругу которой он, по тогдашним представлениям, оставался таким образом и после смерти.

Имущественные различия между домохозяйствами могли быть весьма велики вследствие неодинаковых размеров земельного владения, количества скота, рабочих рук и т. д. Это фактическое неравенство не приводило, однако, к социальному расслоению, и все свободные соплеменники обладали полноправием²⁹. Бонды не состояли в зависимости от предводителей, знатных лиц, которые имели более богатые усадьбы и многочисленных рабов и располагали дружинами, занимаясь войнами, грабежом и торговлей. Тем не менее уже существовали усадьбы, уступавшие по своим размерам дворам преуспевавших хозяев. Некоторые из этих небольших усадеб носили характерные названия, указывавшие на то, что их обитатели происходили из рабов или занимали подчиненное положение в обществе³⁰. Такие мелкие хозяйства, как

²⁹ В названиях многих древних дворов можно обнаружить указания на богатство, независимость и могущество их обладателей: Rikheim (Богатый дом), Adalheim (Жилище благородного), Storheim (Большой дом), Gladvin (Жилище радости), Fagrvin (Прекрасная обитель) и др.

³⁰ Таковы названия дворов Kotland (Участок с хижинной), Traelastadir (Поселение раба). Такие хозяйства были расположены неподалеку от крупных усадеб, от владельцев которых эти мелкие земледельцы зависели.

свидетельствует топонимика, в V—VI вв. получили некоторое распространение.

Окончательное оседание жителей Норвегии на землю и расселение их по отдельным усадьбам способствовало обособлению мелких районов, между которыми не существовало почти никаких связей. Вместе с тем общинное пользование лесами, горными пастбищами, угодьями для охоты и рыбной ловли вызывало необходимость в создании организации, в рамках которой местное население могло бы разрешать возникавшие споры, следить за соблюдением обычаев, искать защиты от нападения извне. Поскольку род, который раньше давал защиту своим членам, уже разрушался и в одной и той же местности селились люди из разных родов, такие функции могла осуществлять только территориальная организация. От V—VII вв. сохранились следы обширных укреплений, представлявших собой каменные валы, возведенные на возвышенных местах. В их пределах не было никаких строений: здесь укрывалось на время вражеского нападения население целого района. Жители отдельных местностей, связанные хозяйственными интересами и принадлежностью к одному племени, собирались в этих пунктах на совместные сходки. На собраниях принимались решения об уплате за те или иные проступки, о наказаниях за воровство, разрешались споры; так складывались обычаи, действовавшие потом на протяжении столетий. Эти собрания, на которых улаживались подобные «дела», назывались тингами³¹. Жители округа собирались также для отправления религиозных обрядов, так как они почитали общее божество. Такие сборища происходили в священных рощах и других открытых местах, здесь же пахотились канища, где совершались жертвоприношения и обряды.

Наряду с мелкими территориальными единицами складываются и более обширные объединения, включавшие по несколько таких местностей и называвшиеся фюльками. В основе их также лежала принадлежность к одному племени, проживание на общей территории, причем по мере расселения жителей фюлька по дворам последний признак делался более существенным, нежели первый. Необходимость возникновения фюлька в значительной мере диктовалась потребностями обороны³². Поэтому в названиях некоторых фюльков содержится корень *þórk* — «защитный (пограничный) лес» (например, Хейдмарк в Упланде). Такие фюльки существовали в этот период в восточной части Норвегии, где между ними не было какого-либо единства; между тем восемь фюльков, прилегавших к Тропхеймс-фьорду, срав-

³¹ По-древиснорвежски *þing* означает «дело», «вещь», «собрание».

³² Первоначально значение термина «*fylki*» было не только «народ», но и «войско». Современное «*fylke*» означает крупную область, провинцию.

нительно рано, может быть уже в VII в., выработали общее право, вследствие чего вся область стала называться Трёндалаг, или Тренслег («право трендов») и возмил общий типг³³. Но, помимо общих типгов, никакой центральной власти, стоявшей над несколькими фюльками, еще не существовало.

Иным было положение в пределах отдельного фюлька. В V—VI столетиях возрастает роль военных предводителей из родовой знати — хёвдингов, возглавлявших ополчение своего фюлька. Памятниками их могущества служат большие курганы. Некоторые из них имели в поперечнике до 50 м. Крупнейший курган во всей Северной Европе Ракнехауген в Раумарики (на юго-востоке Норвегии, недалеко от границы со Швецией) достигает 100 м в поперечнике и 19 м в высоту. Среди вещей, обнаруженных в погребениях хёвдингов, имеются оружие западноевропейского образца, золотые украшения, в частности кольца, которые, как гласят предания и героические песни скандинавов, вожди раздавали своим воинам в награду за верную службу. Иногда курганы возводились не над захоронениями вождей, а в память о них (если хёвдинг погиб вдали от родины)³⁴.

В немалой мере могущество хёвдингов основывалось на торговле по Северному морю. Норвежцы обменивались с фризцами, державшими в своих руках торговлю в этом районе. Из Норвегии вывозили меха и шкуры, ввозили металлические и стеклянные изделия фризского и фрякского изготовления, ткани, вино и другие товары, удовлетворявшие потребности верхушки общества. Значительная часть курганов расположена в прибрежных областях страны, особенно в Вестланде, население которого испытало на себе значительное фрякское влияние. Норвежские хёвдинги совершали грабительские экспедиции через Северное море, в частности, на Оркнейские и Шетландские острова, и в Прибалтику. Опираясь на боевые дружины и располагая значительными богатствами, накопленными на войне и в результате торговли, хёвдинги начинают устанавливать свое верховенство над населением отдельных фюльков, а затем и более обширных областей Норвегии. Нордаг рассказывает, что к остготскому королю Теодориху примкнул Родульф (или Рольф), который был королем над гаротами и ругиями Западной Норвегии. Если этот

³³ Согласно старой точке зрения, древнейшим типгом для всего Тренслэга был Эйратинг, а в более позднее время им стал Фростатинг. Однако Ё. Саллес отстаивает иную точку зрения: именно Фростатинг был древнейшим общим типгом Тренслэга или большей его части, Эйратинг же выступил в качестве главного типга области уже в историческое время, в связи с созданием Норвежского королевства. См.: *Sandnes J. Trøndelags eldste politiske historie.*— ПТ, 1967, Bd. 46.

³⁴ Таков и Ракнехауген: когда его раскопали, оказалось, что в нем нет ни погребения, ни вещей. Как и некоторые другие курганы, он представлял собой грандиозный памятник в честь могущественного вождя.

рассказ справедлив, то из него следует, что уже в конце V — начале VI в. в Вестланне складывались предпосылки политического объединения, носившего, по-видимому, характер племенного союза; однако это объединение было, судя по всему, непрочным и временным. Крупнейшие курганы юго-востока страны высятся как молчаливые свидетели могущества хёвдингов Вестфолла (западное побережье Осло-фьорда), потомки которых впоследствии объединили Норвегию. В Треншелаге подобного роста власти знати в этот период не замечается, но и здесь укрепляются роды зажиточных бофдов.

Таким образом, хотя Норвегия в целом состояла из ряда независимых областей, в некоторых из них уже начиналась политическая консолидация под властью хёвдингов, возвысившихся над массой бофдов³⁵.

³⁵ Некоторые фюльки назывались «*riki*» («власть», «королевство»), например Раумарики, Рингерики, Раарки в Упланде. Эти области, находившиеся в подчинении хёвдингов, не были еще, однако, государствами, как их называют некоторые норвежские историки. См.: *Kohf II. Innhogg og utsyn i norsk historie*. Kristiania, 1924, s. 12—16.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВ (конец VIII — первая половина XI в.)

Как мы видели, висдрение культуры железа имело принципиально важные последствия для норвежского общества. Главные из них — окончательное стаповление оседлого земледелия и расселение основной массы норвежцев отдельными сельскохозяйственными дворами. Сколь ни важны были скотоводство и — для населения прибрежных районов, а это были наиболее заселенные части страны, — морские промыслы, все же структурообразующим фактором в дальнейшей истории социального строя Норвегии явилось именно земледелие на небольших участках, которым занимались семьи, обитавшие в обособленных усадьбах. Этим фактором определялся весь образ жизни норвежцев на протяжении позднего железного века. Им определялись и более широкие социальные связи, которые выходили за рамки узких семейных мирков, — связи соседства, отношения между жителями одного округа и области, их право и характер самоуправления. Картина мира, лежащая в основе мировосприятия скандинава, в конечном счете диктовалась той моделью, какую давала жизнь в усадьбе. Мир людей, как он воспринимался в ту эпоху, именовался «срединной усадьбой», Мидгардом (Midgardr); то был благоустроенный мир культуры. Вокруг него находился мир несвоенной и враждебной стихии, хаоса, Утгард (Útgardr), «то, что расположено за пределами усадьбы»; этот мир населяли чудовища и великаны. Такая картина мира получала и религиозную санкцию, и пад миром людей возвышалась «усадьба богов», Асгард (Ásgardr), враждовавших с великанами и защищавших от них «срединный мир». Подобная структура мироустройства нашла отражение в скандинавской мифологии. Хотя эти мифы известны нам из более поздних памятников (прежде всего из песней «Старшей Эды»), они, несомненно, возникли намного раньше¹.

¹ Частично мифы, нашедшие отражение в эдических песнях, иллюстрируются изображениями на камнях с руническими надписями, которые воздвигались в скандинавских странах в эпоху викингов. О глубокой древности скандинавской картины мира свидетельствует то, что представление о мире людей как о «срединной усадьбе» было общим для всех германских народов.

Общественный строй скандинавов в VIII—IX вв. отличался еще большей архаичностью. Деление общества на знать, свободных полноправных бондов и зависимых людей, рабов папомниает структуру древнегерманского общества времен Цезаря и Тацита. Тем не менее в недрах традиционного варварского социального строя уже начинались существенные изменения. Укрепление земледельческой культуры, расширение площади возделываемой земли (при всей ее ограниченности, особенно ясной при сравнении Норвегии с другими странами Европы) и создание новых дворов при одновременном росте населения (о чем, по-видимому, свидетельствуют исследования погребений этого периода, ставших более многочисленными) приводили к новому процессу — к начавшемуся разделу больших семей, из которых выделялись индивидуальные хозяйства малых семей.

Первоначально производились разделы хозяйства, не сопровождавшиеся окончательным выделением участка земли из общего владения; со временем, однако, отдельные семьи начинали вести самостоятельное хозяйство. Происходивший раздел общей собственности на землю — одаля не приводил тем не менее к превращению его в индивидуальную собственность в прямом смысле, так как даже и долгое время спустя сородичи — бывшие члены большой семьи или их потомки — сохраняли преимущественно право приобретения земельного участка в случае отчуждения его хозяином (или его потомками) и право возвращения его себе. Следовательно, эти сородичи, называемые одальмапам, не утрачивали права собственности на землю, находящуюся до раздела во владении большой семьи, и недаром в записях правовых обычаев указывается, что одальман, желавший выкупить ранее проданную им землю, должен был заявить: «Я передал землю другому, но право одаля принадлежит мне». Таким образом, земля не превращалась в объект купли-продажи. Одаля значил не только «владение», но и «вотчина», «родина». Бонды, которые издавна пасели и возделывали свои участки, располагали на них могилы предков и веряли их охране языческих богов, были теснейшим образом связаны с этими землями. Таковую органическую связь семьи с ее владением невозможно было разорвать, и земельные владения не стали предметом свободного отчуждения на протяжении всего средневековья².

Тем не менее разделы больших семей способствовали росту имущественного неравенства бондов. К этому же результату приводили и расчистки новых участков земли. Раскопки погребений VIII—IX вв. дают представление о возросшем богатстве части бондов: вместе с покойником или с его прахом (если производилось сожжение) в могилу клали значительное число предме-

² Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977, гл. I.

тов домашнего обихода, утварь, оружие, орудия труда, причем по сравнению с предшествующим временем возросло число изделий из железа.

Выделение малых семей, хозяйств отдельных бондов пужно связать с другим явлением огромного значения: история Норвегии перестает быть безымянной. Завершается «доисторическая» эпоха, начинается время, когда на исторической арене выступают индивидуумы³. Мы впервые слышим имена людей, которые тогда жили. Их сохранили названия многих дворов, основанных в тот период, и рунические надписи на камнях, которые были воздвигнуты в память о бондах и войнах. Сохранили их и рассказы о первых поселенцах в Исландии — выходцах из Норвегии: будучи записаны намного позднее, эти сообщения тем не менее имели историческую основу, и «Книга о заселении» — уникальнейший исторический памятник, благодаря которому нам известно обо всех бондах, поселившихся в Исландии в конце IX — начале X в. (здесь названы сотни имен). О многих норвежцах, притом не только знатного происхождения, узнаем мы из «Книги об исландцах» Ари Торгилссона и из исландских саг и песней скальдов. Разумеется, появление человеческой индивидуальности в поле зрения историка Норвегии было обусловлено прежде всего тем, что в его распоряжении начиная с IX—X вв. оказываются исторические памятники иного типа, нежели одни только данные археологии, которые, при всей их колоссальной важности, анонимны. Но ведь и самый факт появления этих новых источников — свидетельство возросшей роли отдельного человека, вследствие чего его имя считается достойным упоминания.

И действительно, в то время большее значение приобрели поступки отдельных лиц, уже не связанных традицией и коллективными установками, которые оставляли мало места для личной инициативы. Если ведение сельского хозяйства в старых районах Норвегии неизбежно подчиняло бондов рутинной традиционной жизни, аграрным сезонам и извечному ритуалу, то переселения на новые земли (не племен, но отдельных небольших групп людей), торговля, военные предприятия требовали активности индивидуумов. Принадлежность к роду, семье, кругу соседства выдвигала на первый план те качества человека, которые благоприятствовали его включению в коллектив, принятию им обычаев и дисциплины последнего. Напротив, формы деятельности, приобретающие теперь особое значение, апеллировали к инициативе и находчивости отдельного лица, способного ориентироваться и действовать вне привычных, «от века» заведенных условий. Создавались новые эталоны социального поведения.

³ Holmsen A. Norges historie. Fra de eldste tider til eneveldets innførelse i 1660. Oslo; Bergen; Tromsø, 1974, s. 102.

Все это необходимо принимать во внимание при изучении походов викингов. Скандинавские историки говорят даже об «эпохе викингов», называя так период с конца VIII и до середины XI в. То было время чрезвычайно широкого развертывания человеческой активности, направленной за пределы собственной страны: военных набегов и морских плаваний, грабежей и пиратства, торговли и мирной колонизации. Но наряду с этой экспансией на территории самой Норвегии продолжалась прежняя жизнь и исподволь подготавливались и происходили перемены, отчасти связанные с активностью викингов⁴.

Нам уже известно, что задолго до начала походов викингов норвежцы совершали торговые поездки за море, поддерживая связи с фризами, главным узлом торговли которых, тесно переплетавшейся с пиратством, был Хедебю в Шлезвиге. Богатые погребения под курганами на юго-востоке и на западе Норвегии свидетельствуют о том, что заморские походы и торговля приносили хёвдингам немало богатств. Таким образом, походы, которые приобрели необычайный размах в IX — начале XI в., были подготовлены предшествующим развитием и послужили соответственно продолжением более ранних экспедиций.

И тем не менее на Западную Европу походы викингов обрушились как неожиданное бедствие, какого она не испытывала на протяжении нескольких столетий, со времени варварских завоеваний. Первые удары были нанесены по Англии. Около 790 г. «Англосаксонская хроника» упоминает о первом появлении воинственных северян на побережье, а в июне 793 г. язычники, как она их неизменно называет, подвергли ограблению богатую церковь в Линдисфарне в Нортумбрии (Северная Англия)⁵. Так начались почти ежегодные морские набеги датчан и норвежцев

⁴ Термин «викинг» (vikingr) не вполне объяснен. Средневековые скандинавы более позднего времени называли так пиратов и грабителей. В самую же эпоху внешней экспансии пире в ходу был термин «viking», означавший военный поход (встречаются рунические надписи в память о людях, которые «погбли в викинге»). Что касается этимологии слова «викинг», то одни ученые связывают его с Виком — норвежской областью, которая примыкает к Осло-фьорду; другие — со словом «vík» — «бухта», «залив» (викинг — тот, кто укрывается в заливе с целью совершить внезапное нападение). Связывали термин и с древнеанглийским «wic» (от лат. — «vicus») — «торговое место», «лагерь», «город». Согласно наиболее авторитетному толкованию Ф. Аскеберга, термин «викинг» происходит от глагола «víkja» — «отклоняться», «поворачивать»: викинг — это человек, покинувший родину, морской воин, ушедший за добычей. См.: *Askeberg F. Norden och kontinenten i gammal tid. Studier i forngermansk kulturhistoria. Uppsala, 1944, s. 121 ff., 140 ff., 182 f.; Jones G. A History of the Vikings. New York; Toronto, 1968, p. 75 f.*

⁵ Несколько лет спустя в память об этом разрушительном набеге жители Линдисфарна воздвигли камень, на котором изображены викинги в кольчугах, размахивающие боевыми топорами и мечами.

на Англию⁶, перекинувшись вскоре на Гебридские острова, побережье Ирландии и Уэльса. Викинги убивали местных жителей, даже если они не оказывали им сопротивления, которое обычно было малоуспешным, так как нападавшие отличались необычайной воинственностью и отвагой⁷. Захваченный скот они гнали к берегу моря, где закалывали его, все награбленные ценности вывозились, строения разрушались и поджигались. Пленников продавали в рабство.

Наряду с разбоем викинги занимались и торговлей. Обычно молодые люди, сыновья зажиточных или знатных бояров, снаряжали корабли, погружали на них товары и, набрав дружину из наиболее воинственных сверстников, отправлялись в заморскую экспедицию. Прибыв в тот или иной пункт, они открывали торговлю, а по окончании ее нередко падали на местных жителей, предавая все вокруг смерти и разграблению. Обычно викинги уходили в экспедицию весной, а на зиму возвращались домой вместе с награбленными богатствами и выручкой от торговли. В эпоху викингов торговые связи Норвегии с другими странами, в особенности с Англией, значительно расширились и интенсифицировались.

Ни в период, предшествовавший походам викингов, ни на протяжении своей последующей истории скандинавские народы, пожалуй, не играли столь заметной роли в жизни всей Европы, как в IX—XI вв. Скандинавские дружины и купцы появляются в Англии и Ирландии, во Франции, Испании и Южной Италии, в Германии, на Руси и в Византии.

В страны Восточной Европы, в частности на Русь и в Византию, совершали поездки с торговыми и военными целями норманны-викинги преимущественно из Швеции. Но есть сведения и об участии норвежцев в сношениях с Восточной Европой. В начале IX в. установился великий торговый путь из прикаспийских стран по Волге через Восточную Европу в Балтийское море. По этому пути в IX—X в. в Северную Европу стали в большом количестве привозиться чеканившиеся в Средней Азии восточными (куфические) серебряные монеты. В основном поток восточного серебра направлялся в Швецию и на южные берега Балтики, но достигал и Норвегии, на территории которой найдены несколько сотен восточных монет; найдены также изделия ближне-

⁶ Так как в ранних нападениях на Англию главную роль играли датчане, то англосаксы называли данами всех скандинавов, появлявшихся в их стране, хотя среди них наряду с выходцами из Дании были и норвежские викинги.

⁷ Среди викингов особенно выделялись берсерки, могучие и свирепые воины, приходившие во время битвы в такое иступление, что они выли, кусали свои щиты и сбрасывали с себя одежду; они считались неуязвимыми, пребывание их в дружине конунга служило признаком его силы и славы.

восточного художественного ремесла. Все это позволяет думать, что и норвежцы участвовали в торговле по Волжскому пути.

Когда на рубеже IX и X вв. установился второй великий торговый путь Восточной Европы, путь «из варяг в греки», и здесь стали совершать торговые поездки норвежцы. Поскольку оба торговых пути скрещивались на берегах р. Волхов и далее шли на Балтику по общему направлению, Новгород с X в. стал важным центром торговли со скандинавскими странами. В сагах сохранились сведения о торговых поездках норвежцев в Новгород. Возможно, норвежцы ездили с торговыми целями и дальше в глубь русских земель по пути «из варяг в греки» и даже добравшись до Византии; в Норвегии найдено несколько византийских монет. В русских землях найдено несколько норвежских монет XI в. Однако, по всей видимости, Русь была для Норвегии скорее зоной транзита товаров из Ближнего Востока и Византии; здесь археологи обнаружили много изделий скандинавского ремесла IX—XI вв., но в их числе нет ни одной вещи норвежского происхождения (все вещи явно изготовлены в Швеции или на Руси по шведским образцам).

По пути «из варяг в греки» норвежцы в X—XI вв. ездили в русские земли и Византию и в качестве воинов-наемников; в наемных варяжских отрядах русских князей в Новгороде, Киеве, Смоленске, Чернигове, в отрядах, в основном состоявших из шведов, служили также и норвежские викинги. Известно, что в середине XI в. в дружине киевского князя Ярослава служил норвежский викинг Харальд Сигурдарсон, по возвращении в Норвегию ставший норвежским королем (Харальд Суровый Правитель). Известно также, что еще до него Олав Трюгтвассон, Олав Харальдссон (Святой) и его сын Магнус, временно покинувшие родину по политическим причинам, находили пристанище при дворе киевских князей и оттуда возвращались в Норвегию для занятия трона. Установилась даже династическая связь — дочь киевского князя Ярослава Мудрого Елизавета стала женой норвежского короля Харальда Сурового Правителя.

Норвежские воины-наемники добравшись и до самого большого и богатого города того времени — до Константинополя (они его так и называли «Большое укрепление»), где их охотно принимали на службу в варяжскую дружину византийских императоров. Служба эта нашла отражение в сагах.

Первый этап походов викингов, характеризующийся эпизодическими грабительскими набегами на чужие земли, вскоре сменился вторым: началась колонизация ряда областей и стран. Преодолев сопротивление кельтского населения, норвежские завоеватели основали королевства в Дублине и на острове Мэн. Они укрепились на Оркнейских островах, заселили Шетланд-

ские⁸, Фарерские острова, Исландию и часть побережья Гренландии. Викинги (датчане вместе с норвежцами) завоевали Северную и Восточную Англию. Скандинавские колонисты в конечном счете смешались с покоренным имп населением, но эта ассимиляция началась не сразу. В Ирландии, восточная часть которой подпала под власть норвежского хёвдинга Торгисла около 840 г., завоеватели не занимались земледелием. Они обложили данью ирландцев, жили торговлей и войной, составив, таким образом, господствующий слой общества. Напротив, на острове Мэй норвежцы стали селиться по обычаям своей родины — дворами. Чисто норвежские поселения возникли на Оркнейских островах. Здесь вскоре укрепилась власть правителя островов — ярла, окруженного большой дружиной, необходимой для охраны островов и войны против соседней Шотландии. Выходцы из Норвегии, переселившиеся на Фарерские и Шетландские острова, занимались преимущественно овцеводством, рыболовством, ловлей птиц, тогда как зерно и некоторые другие продукты привозились из Норвегии.

Во второй половине IX в. (около 870 г.) началось заселение норвежцами Исландии. Сохранившиеся исторические источники дают возможность с исключительной ясностью представить картину ее колонизации. Так как на острове до того жило лишь немного отшельников-ирландцев, заселение носило мирный характер. Выходцы из Норвегии и из норвежских колоний на Британских островах (среди них преобладали знатные лица и зажиточные боуды) переселялись со своими семьями, сородичами, рабами и вольноотпущенниками⁹. Они занимали обширные земли, основывая нередко по несколько дворов. Некоторые семьи захватили чрезвычайно значительные (по исландским масштабам) владения. Приблизительно к 930 г. приморские части острова были заселены¹⁰. Дальнейшие переселенцы получали землю от первых колонистов.

Среди исландских хёвдингов выделялись люди — предводители местного населения, влияния которых укреплялось вследствие того, что они же совершали религиозные обряды в принадлежавших им языческих храмах, посещаемых всеми жителями этой местности. Так, в Исландии с самого начала возник общест-

⁸ Норвежская колонизация Шетландских и Оркнейских островов началась еще до походов викингов.

⁹ Например, Уин Мудрую сопровождали, как рассказывает сага, много именитых и знатных мужей и все ее родичи, не говоря о слугах и рабах.

¹⁰ Число переселенцев в Исландию из Западной Норвегии было настолько велико, что, как сообщают позднейшие источники, король Харальд Прекрасноволосый (см. ниже) пытался запретить дальнейшую эмиграцию, но, убедившись в безуспешности этой меры, установил подать на переселенцев. Переселялись в Исландию также выходцы из Ирландии, Шотландии и с островов Северной Атлантики, а возможно, и из других скандинавских стран.

венный строй, при котором решающее влияние на все дела принадлежало хёвдингам и годи¹¹. Сверх того они владели кораблями; по океану и поддерживались сношения с Норвегией, жизненно необходимые для поселения острова. Исландцы были по преимуществу скотоводами; земледелие на острове было слабо развито, и зерно в основном ввозили из Норвегии. Немаловажную роль в экономике Исландии играли морские промыслы. Жители ее принимали деятельное участие в походах викингов в другие страны, совершали ряд смелых экспедиций, увлечавшихся, в частности, открытием некоторых пунктов побережья и островов Северной Америки на рубеже X—XI вв. До 1264 г. Исландия сохраняла свою самостоятельность, после чего была присоединена к Норвежскому государству, но и на протяжении всего предшествующего периода ее историческое развитие тесно переплеталось с историей Норвегии.

Внешняя экспансия норманнов распространялась и в других направлениях. Они старались подчинить своей власти и северных соседей — племена саамов (лопарей, илп, как они их называли, финнов), живших на побережье Ледовитого океана. Против саамов предпринимались военные экспедиции. Часть саамов оказалась в даннической зависимости от норвежцев. К концу IX в. относится рассказ Оттара, одного из норвежских хёвдингов, записанный английским королем Альфредом во время посещения Оттаром Англии, — это вообще первое прямое свидетельство из уст норвежца, которое сохранилось от эпохи викингов. Оттар жил в Халогаланде, на севере Норвегии, за Полярным кругом, и севернее, по его утверждению, никто из норвежцев не селился. Владел он большими стадами скота, преимущественно оленей. Пахотной земли было у него немного, и видную роль в его хозяйстве играли морской промысел и охота. «По главнейшее его богатство — дань, которую ему платят финны», — записал Альфред со слов Оттара. В состав дани входили купья меха, меховая одежда, олени и медвежьи шкуры, птичье перо, китовый ус, корабельный капат, на изготовление которого шли тюленьи и моржовые

¹¹ Тем не менее все исландские боуды были полноправными, свободными людьми, не находившимися в зависимости от хёвдингов и участвовали в местных тингах, равно как и в общенорвежском алттинге. Даже те переселенцы, которым пришлось взять землю у первых колонистов, не превратились в их арендаторов и держателей и свободно распоряжались своими участками. Исландский общественный строй вплоть до конца эпохи викингов представлял собой своеобразное сочетание демократии и аристократических тенденций. Последние возобладали в XII в., когда хёвдинги скопили в своих руках крупные владения и стали подчинять себе мелких крестьян. В «век Стурлугов» (вторая половина XII — первая половина XIII в.), получивший свое название от имени наиболее могущественного рода исландских хёвдингов, между знатыми семьями разгорелась ожесточенная междоусобная борьба, которая и привела в конце концов к падению исландского «народоправства».

шло шкуры. Оттар совершал торговые поездки на восток вплоть до Белого моря, в страну Бьярмию. Свои богатства он сбывал в Дании и Англии. Путь вдоль побережья Норвегии (в его рассказе впервые и встречается это название) из Халогаланда в Скирингсسالль (торговый пункт на юге Норвегии), отнимал, по словам Оттара, целый месяц.

Несколько позднее сбор дани с саамов («финский побор») перешел под контроль королевской власти, и этот источник доходов приобрел видное место среди всех поступлений, которые присваивали норвежские короли.

По пути, описанному Оттаром, в последующее время, в X—XII вв., норвежцы стали ездить к берегам Белого моря, в Бьярмию. Рассказы о поездках в Бьярмию, страну сказочных богатств, содержатся преимущественно в сагах. Поскольку достоверных сведений о местонахождении Бьярмии сохранилось немного, в исторической литературе делались попытки поместить эту страну во многие пункты северной половины Восточной Европы. Однако из заслуживающих доверия источников совершенно очевидно, что реальная Бьярмия находилась на восточном побережье Белого моря, в нижнем течении Северной Двины, где жило какое-то небогатое финно-угорское племя, занимавшееся охотой и рыболовством¹². Норвежцы, совершавшие плавания в Бьярмию, вели с населением меновую торговлю, скупая пушнину, или же производили грабительские набеги на местные селения. Поездки норвежцев в Бьярмию, видимо, велись регулярно; известно, что последняя поездка произошла в 1222 г.

Источники о плаваниях викингов в Новый Свет немногочисленны и весьма своеобразны. Летописных свидетельств о посещениях скандинавами Америки нет, и главный источник — саги, запись устной многовековой традиции; исторические факты в них нередко преобразованы творческим воображением сказителей.

Плавания в Америку, по сагам, совершали грекляндцы — потомки норвежцев и исландцев. Вероятно, поиски леса, топлива, мехов, железной руды привели грекляндских колонистов к берегам Нового Света. Около 986 г. исландец Бьярни Херьюльссон отплыл на Грекляндию, и его корабль буря отнесла на запад. Бьярни увидел какую-то землю, но к ней не пристал («Сага о грекляндцах»). Через несколько лет отплыл из Грекляндии на запад Лейв, сын Эйрика Рыжего, грекляндского первопоселенца. Лейв открыл берега новых земель: Хеллюланд (Земля плоских камней), Марклянд (Лесная земля) и Винлянд (Виноградная страна). О трех землях повествует «Сага о грекляндцах», а «Сага об Эйрике Рыжем» говорит лишь об открытии Винланда. Более поздние саги объясняют название Винланд тем, что здесь скандинавы нашли дикий виноград. В Винлянде норманны зимовали

¹² *Туандер К. Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1905.

и вступали в контакты с аборигенами (скрепингами — коренными жителями Америки, эскимосами или индейцами). Таково начало традиции о появлении скандинавов в Новом Свете. Датировать это событие точно невозможно, можно допустить, что оно произошло около 1000 г.

Саги повествуют о возвращении Лейва и о плаваниях его последователей в Винланд (всего известны шесть экспедиций). Все они относятся к первым годам XI в.

1121 г. датируется последнее известие о колонии скандинавов в Винланде. Затем судьба колонистов покрывается мраком. Ничего не известно о конце колонии. Локализация Винланда — предмет поисков и гипотез на протяжении столетий. Нет недостатка в многочисленных фальсификациях о Винланде, из которых упомянем о так называемом Кенсингтонском камне, открытом в 1898 г., и о пашуменской «Карте Винланда» (или Иезельской карте), опубликованной в США в 1965 г.

В 1965 г. норвежский этнолог и археолог Хельге Ингстад открыл на острове Ньюфаундленд следы поселка, который он приписывает скандинавам. Радиоуглеродный анализ угля и золы культурного слоя показал, что они относятся к началу XI в. — это совпадает с предположительной датировкой письменных памятников. Индейцы и эскимосы до появления европейских колонизаторов не знали металлургии, между тем как Ингстад обнаружил остатки кузнца. Весьма возможно, что скандинавы основали, кроме поселения на Ньюфаундленде, и иные поселения в Америке. Имеются данные о находках канадских археологов на полуострове Улгана (Лабрадор) следов поселенцев из Скандинавии. Однако Ингстад не обнаружил ни погребений, ни оружия, ни керамики, ни предметов культа, типичных для скандинавского общества XI в., и поэтому ряд ученых (канадский археолог Плюме и др.) полагают, что открытые на Ньюфаундленде руины поселка относятся к эскимосской дорсетской культуре. Нет недостатка в самых фантастических определениях местонахождения Винланда, который помещают на Кубе, в Мексике, Парагвае, Чилинзии и на Аляске.

Распространенный в современной литературе тезис, будто Колумб знал о плаваниях викингов в Новый Свет и стремился отыскать Винланд, несостоятелен. Все четыре экспедиции Колумб предпринял в тропической зоне, а не в высоких широтах¹³.

Наибольшая активность норвежских викингов приходится на IX в. Изменения, происшедшие за это время в самой Норвегии (см. ниже), обусловили известное сокращение походов в X в.

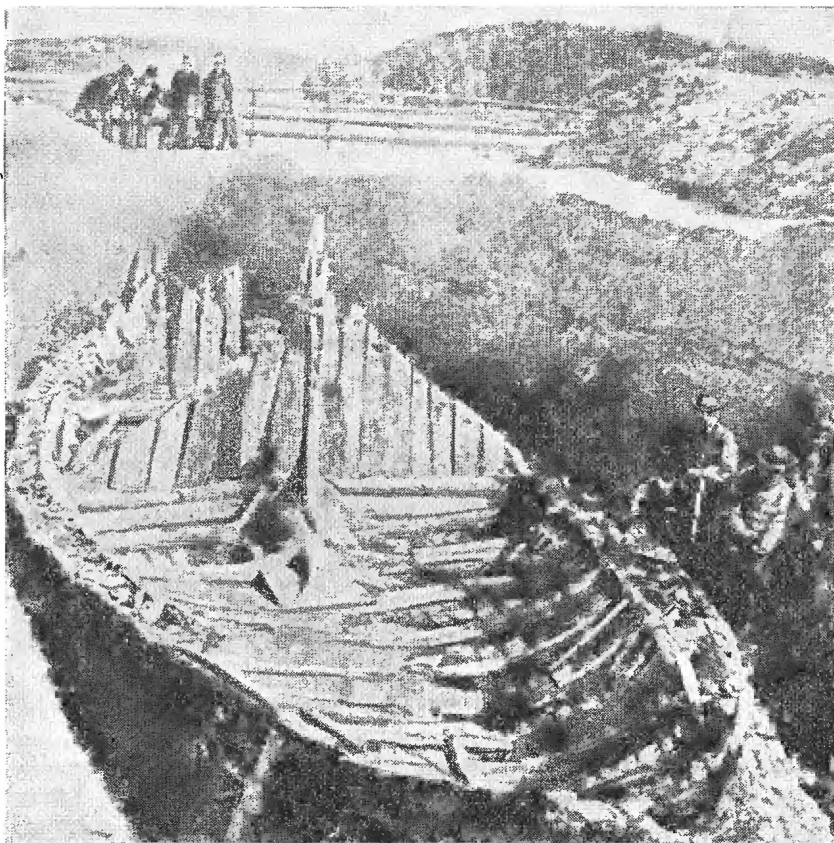
¹³ См.: Кован М. А. Открыл ли португалец Америку? — В кн.: История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973; *Он же*. Знал ли Колумб о плаваниях викингов в Новый Свет? — Известия Всес. геогр. об-ва, 1977, вып. 4; Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.

Клад серебряных монет из Орстада, XI в.

Со своей стороны, заморские экспедиции и колонизация оказали сильное влияние на внутреннее положение в стране. Хотя и прежде Норвегия не была полностью изолирована от внешнего мира, однако воздействие западноевропейской материальной и духовной культуры, политических и социальных институтов никогда еще не было так велико, как в эпоху викингов. Грабежи и торговля с другими странами способствовали притоку в Норвегию драгоценных металлов и монет¹⁴, украсивший (в особен-

¹⁴ Денежное обращение было развито в ту эпоху в Норвегии очень слабо, и накопленные сокровища зачастую превращались в клады (см.: *Skaarre K. Coins and Coinage in Viking-Age Norway*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976). Клады (преимущественно серебра) было так много, что некоторые археологи называют время викингов «серебряным веком» в Северной Европе. Зарытые в землю сокровища, как правило, не изымались более: согласно представлениям язычников-скаandinav, в драгоценных металлах как бы материализовались могущество, счастье, удача их обладателей, и поэтому, спрятав сокровища, они наилучшим образом обеспечивали свое благополучие. «Сага об Эгиле» рассказывает, как Эгиль, получив в свое время от английского короля два ящика с серебром, в старости закопал их в землю, а рабов, которые помогали ему запрягать сокровища, умертвил. В основе подобных представлений о роли драгоценностей

Корабль из Гокстада

ности английского и франкского производства) и других богатств. Оружие, изготовлявшееся в Норвегии, достигло высокого совершенства, и легенды неоднократно упоминают о чудесных мечах, которыми были вооружены прославившиеся герои. Чрезвычайных успехов достигло кораблестроение; на своих ладьях викинги избороздили все омывающие Европу моря и смело отправились на просторы Северной Атлантики.

Некоторые из кораблей викингов сохранились до нашего времени в погребениях. Дело в том, что в ту эпоху существовал обычай хоронить покойников со всем необходимым для загробной жизни имуществом. Поэтому в обнаруженных многочислен-

в обеспечении «везенья» их обладателей лежит идея магической сопряженности этих предметов и внутренней сущности человека.

ных погребениях содержатся одежды, украшения, оружие, сельскохозяйственный инвентарь, приспособления для ремесла, кости принесенных в жертву домашних животных, в женских могилах — кухонная утварь, сосуды и многое другое. В погребениях знатных лиц найдены и ладьи или целые корабли, в которые укладывалось все это имущество вместе с трупом. Согласно религиозным представлениям того периода, человек после смерти совершал поездку в царство мертвых, где нуждался во всех предметах, окружавших его при жизни¹⁵. Погребения в корабле — специфическая форма, применявшаяся только в родах могущественных и прославленных вождей. Подобные погребения обнаружены в районе Ослофьорда, а также в Западной и Северной Норвегии. Помимо курганных захоронений, обломки кораблей викингов найдены на дне фьордов и залпов, где они затонули тысячу лет назад.

Наиболее впечатлительно из них погребение в Усеберге, где под высоким могильным холмом найден корабль, богато украшенный резьбой и панноиспанный всякого рода сокровищами (сохранилась лишь часть их, так как впоследствии могила подверглась ограблению), среди которых особый интерес представляет повозка, принадлежавшая, очевидно, похороненной здесь «королеве». Все вещи искусно отделаны и свидетельствуют о высоком уровне декоративного ремесла, достигнутом на скандинавском Севере к первой половине IX в. Вместе с «королевой»¹⁶ в Усеберге была погребена еще одна женщина, очевидно рабыня, убитая для того, чтобы она сопровождала свою госпожу в загробный мир и прислуживала ей так же, как она делала это при жизни.

* * *

Экспансия викингов изучается чрезвычайно интенсивно. Богатейшие данные археологии и топонимики, свидетельства нумизматики и рунологии, сообщения знаменитых хронистов и арабских писателей, первые письменные свидетельства Севера, поэзия норвежских и исландских скальдов, которая, несмотря на то что была записана намного позднее, сохранилась в том первоначаль-

¹⁵ Исландец Спорри Стурлусон в предисловии к истории норвежских королей («Круг земной», XIII в.) делил древнее время в Скандинавии на «век сожжений», когда тела умерших предавали огню, а над погребениями воздвигали памятные камни, и «век курганов», в которых хоронили конунгов вместе с их вооружением и прочими предметами. Обычай класть в могилу имущество умершего, объясняет Спорри, вызван повелением бога Одина: каждый в Вальгалле (палате, где Один принимал героев, павших на поле битвы) должен владеть тем имуществом, которое он закопал в землю. Один повелел также, чтобы над погребениями знатных людей воздвигались курганы и памятные камни. Так, после смерти бога Фрейра, который, по преданию, был конунгом в Швеции, все его сокровища спрятали в курган.

¹⁶ Существует предположение, что это Аса, бабка объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого.

пом виде, в каком возникла в IX—XI вв., другие памятники письменности XII—XIII столетий, содержащие указания на более ранние времена, всесторонне исследованы специалистами. Ныне мы немало знаем о повседневной жизни и обычаях скандинавов, об их кораблях и вооружении, походах и плаваниях, открытиях и завоеваниях, международных связях, об их верованиях и мировосприятии¹⁷. Не составляет большой трудности наметить основные формы, которые принимала скандинавская экспансия, ее этапы и направления. Более или менее ясны последствия викингской активности для народов и стран, на которые нападали викинги, равно как и для развития и самого норвежского общества. Многие, разумеется, остаются туманным и спорным, и новые находки археологов могут изменить устоявшуюся, казалось бы, картину или внести в нее существенные поправки¹⁸.

Иначе обстоит дело с предпосылками и причинами широкой и многообразной экспансии скандинавов. Не то чтобы историки вообще не сумели предложить ее объяснения. Напротив, высказан целый ряд теорий. Но, как известно, чем крупнее историческое явление, чем более важные последствия оно имело, тем труднее поддается оно однозначному толкованию, тем шире «амплитуда» объяснений, которые дают ему историки, придерживающиеся разных взглядов на исторический процесс. Не избежала разнобоя в истолковании и экспансия викингов. Расхождения в оценке ее причин в большой мере обуславливаются тем масштабом, который применяется при подходе к этой и в самом деле сложной проблеме.

Если походы викингов рассматривать в общем контексте отношений варварского мира с более развитыми народами — наследниками античной цивилизации, то их можно истолковать как последний этап германских нашествий, как вторую волну варварской экспансии в Европе¹⁹. Подобно тому как первая волна — Великие переселения народов в IV—VI вв. — привела к созданию новых государств на Западе, так и вторая волна — нападения скандинавов в IX—XI вв. — в конечном итоге имела те же последствия: возникли викингские королевства в завоеванных странах и областях и первые государства в самой Скандинавии. И точно так же, как после первой волны нашествий германцы приобщились к европейской культуре, восприняли хри-

¹⁷ Подробнее см.: Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

¹⁸ Значительные коррективы в трактовке экспансии викингов были сделаны после исследования ранних городских центров в Швеции (Бирка), Дании (Хедебю) и Норвегии (Скирпигссаль). Точно так же изучение остатков военных лагерей (Треллеборг, Аггерсборг и др.) в Дании, которые относятся к рубежу X и XI вв., заставило ученых по-новому оценить уровень развития скандинавов того периода.

¹⁹ Musset L. Les invasions: le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe — XIe siècles). Paris, 1965.

странство и вступили на путь феодального развития, скалднаны по окончании эпохи викингов из язычников стали превращаться в христиан и не остались чуждыми новым социальным порядкам, уже торжествовавшим в остальной Европе, сколь ни своеобразным было и впоследствии их культурное, идеологическое и социально-политическое развитие.

Оценивая походы викингов в подобном широком сопоставительном плане общеевропейской истории, можно было бы сказать, что в основе этой экспансии лежали, видимо, процессы разложения варварского общества с его родовым строем, рост общественного неравенства и выделение воинственной знати, которая и возглавила нападения на другие народы. Успехам экспансии весьма способствовало то состояние внутренней слабости, в каком находились страны, ставшие объектом нападений: глубокий кризис Римской империи в первом случае и неустойчивость разединенных и раздираемых междоусобицами западноевропейских королевств, отсутствие сильной центральной власти во втором случае. Франкское государство в IX в. переживало распад, вызванный ростом самостоятельности крупных феодальных владетелей; Англия в то время не была политически объединена, а в королевстве на северо-востоке ее, в Нортумбрии, которая являлась объектом наиболее яростных атак викингов, шла ожесточенная внутренняя борьба.

Указанное объяснение походов викингов исходит из констатации закономерности в развитии варварских народов, а именно: на определенном этапе перехода от докалассового строя к раннеклассовому развертывается широкая завоевательная экспансия. Эта экспансия, с одной стороны, вызывалась внутренним распадом традиционного общественного строя скалднавов, с другой — ускоряла его, так как завоевания, грабежи, сбор дани с покоренных, торговля, шедшая рука об руку с пиратством, благоприятствовали укреплению высшего слоя, способствовали зарождению феодализма в странах Севера.

Недостаточность этого, в основе своей правильного, как нам представляется, объяснения причин походов викингов заключается в том, что оно слишком общо, так сказать, «глобально». Оно не учитывает в должной мере специфических условий, которые в ту эпоху сложились в скалднавских странах. Поэтому нельзя уклониться при истолковании викингской экспансии от применения и более узкого, «скандинавского» масштаба. При таком подходе выясняется, что эта экспансия в контексте истории Норвегии была одним из проявлений внутреннего роста норвежского общества.

Как уже было упомянуто, окончательное формирование аграрного строя в Норвегии в связи с распространением культуры железа сопровождалось расчистками земель, созданием новых сельскохозяйственных дворов в тех районах, которые ранее ос-

тавались незаселенными. В свете этих изменений становится более многозначительным тот факт, что во время экспансии предшествовали мирные переселения на острова Северной Атлантики бондов, которые здесь продолжали вести приблизительно тот же образ жизни, что и у себя дома²⁰. Мы можем предположить, что недостаток пригодной для поселения и обработки земли на родине побудил многих норвежских бондов искать ее за пределами Норвегии. Таким образом, внешняя колонизация явилась прямым продолжением колонизации внутренней.

Поэтому ряд историков высказывают мнение, что одной из причин экспансии норвежцев в указанный период был земельный голод. Имеются косвенные указания на то, что численность населения в Норвегии возрастала (сама внутренняя колонизация не служит ли тому доказательством?). И хотя топонимика свидетельствует о возникновении большого числа новых усадеб в Норвегии как раз на начальной стадии эпохи викингов, очевидно, одна внутренняя колонизация не могла удовлетворить растущую потребность. Дело в том, что развитие сельского хозяйства шло не в качественном, но почти исключительно в количественном отношении: техника возделывания земли и в то время, и много позднее оставалась весьма примитивной²¹. То, что начиная с VIII и вплоть до X в. западные области Норвегии покинуло большое число жителей, которые нашли свою новую родину за морем, видимо, указывает на наличие относительной перенаселенности, вызванной отсталостью сельского хозяйства²².

Что касается военной экспансии, нападаений на другие страны, пиратства, наемничества, то руководящая роль здесь принадлежала знатым предводителям, хотя в их отряды охотно вступали сыновья бондов, рассчитывавшие на легкую добычу и приближение к славе вождя. Такие вожди в случае успеха добивались большого авторитета и собирали в своих руках немалые богатства, которые использовались в первую очередь для рекрутирования более обширных дружин, ибо верную службу воинов мож-

²⁰ Но все-таки не всегда вполне тот же, ибо на островах Северной Атлантики в то время было трудно заниматься земледелием, и роль скотоводства здесь была еще большей, чем в Норвегии.

²¹ Главное сельскохозяйственное орудие — рало; плуг был редкостью. Силом и рало землю возделывали вручную при помощи мотыги или топора.

²² Правильной системы севооборотов норвежцы не знали. Источники свидетельствуют, что правильное удобрение почвы обеспечивалось преимущественно хорошим удобрением — оном вытравливанием благодаря наличию значительного количества скота.

²³ Показательно в частности то, что первые переселенцы в Исландию захватывали очень обширные пространства. Между тем они не были в состоянии их освоить, довольствуясь основанием одного или нескольких

дворов. Важнейшей причиной этого была высокая стоимость земли в Норвегии, обусловленная земельным голодом, который гнал их из Норвегии. Исландия была для них более дешевой, так как там было много свободной земли, чем они действительно могли пустить в хозяйственный оборот.

но было обеспечить, только щедро раздавая им драгоценные металлы, кольца, заястья, оружие, пышные одежды и другие редкие предметы, каких они не могли приобрести у себя на родине. Война, грабеж, торговля давали богатство, но это богатство приобретало социальную ценность постольку, поскольку могло быть использовано как средство повышения общественного престижа. Высказывавшаяся некоторыми историками мысль, что накопленные в походах викингов богатства затем на родине у них вкладывались в земельную собственность, ни на чем не основана и является неправомерным переносом на весьма своеобразные отношения раннего средневековья явлений, которые имели место много веков спустя²³. Викинги, в том числе и их предводители, не были ни крупными землевладельцами, ни их прямыми предшественниками (см. ниже).

Это не значит, что возвышение воинственной знати не было связано с внутренним развитием самого норвежского общества. Но для того чтобы правильно понять эту связь и избежать неоправданных упрощений, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что само по себе выделение знати не обязательно служит показателем процесса классовобразования. Вспомним, что и в более ранние эпохи в Норвегии появлялась социальная верхушка — так было, в частности, в эпоху бронзы. Однако затем, с переходом к железному веку, эта знать, отличавшаяся пышностью погребений, исчезла. То же самое наблюдаем мы и в соседней Швеции, где в период Вендель (VI—VII вв.), судя по археологическому материалу, существовала богатая «аристократия», зашаманявшая высокое общественное положение; но и она затем сходит на нет. Дело не в самом факте наличия социальной элиты — весь вопрос заключается в том, каковы материальные и общественные основы ее могущества. Война и торговля давали вождям возможность окружить себя дружиной и вести роскошный образ жизни будь то в эпоху бронзы в Норвегии, или в период Вендель в Швеции, или в начальный период викингской экспансии. Но эта знать не превращалась в господствующий класс общества (даже в самом примитивном смысле) и не устанавливала своей власти над соплеменниками и соотечественниками. Поэтому с изменением обстановки — скажем, с исчезновением возможности для дальнейших завоеваний и грабежей, с перемещением путей торговли, которые эта знать не могла долее контролировать, — она неизбежно теряла свое общественное положение. Стабильным, исторически перспективным существование такой

²³ П. Сойер обратил внимание на то, что драгоценные металлы, доставшиеся норвежским викингам на Западе, вообще долгое время не попадали к ним на родину: викинги, очевидно, предпочитали тратить эти богатства за ее пределами. См.: *Sawyer P. H. The Age of the Vikings*. London, 1962, p. 198 ff.

социальной верхушки могло стать лишь при наличии определенных условий, в первую очередь при возникновении новых форм производственных отношений и соответствующих им форм собственности. Ни того, ни другого Норвегия в эпоху викингов не знала. Как мы далее увидим, господствующий класс в средневековой Норвегии формировался (в более поздний период) за счет других групп и слоев, знать же эпохи викингов к тому времени исчезает, преемственности между теми и другими не существовало.

Нет оснований полагать, что экспансия викингов была вызвана начавшимся процессом классовобразования в Норвегии или в соседних скандинавских странах. Общество бондов, которые вели самостоятельное хозяйство и ни от кого ни в каком отношении не зависели, и хёвдинггов, источники богатства которых находились преимущественно за пределами страны, не имеет ничего общего даже с раннефеодальным обществом. Как уже подчеркивалось, социальный строй Норвегии того времени в существенных своих чертах напоминает традиционное германское общественное устройство. Внутреннее развитие этого консервативного общества шло до крайности медленно, и до тех пор пока оно не пришло в интенсивное взаимодействие с более развитыми обществами Европы, далеко опередившими его на пути генезиса феодализма, едва ли возможно говорить о процессе классовобразования в Норвегии. Такой процесс начался у вторгшихся в Римскую империю германских племен после их расселения и смешения с покоренным населением. Эти вторжения и переселения нанесли репающий удар старому общественному строю германцев. Но походы викингов, при всем их размахе, не приводили к перемещению скандинавских племен на новые территории, и поэтому преемственность между старым и новым была здесь качественно иной — преодоление традиционного социального строя в Северной Европе могло совершиться лишь с огромным трудом и в течение длительного периода. Таким образом, зарождение классового строя не было предпосылкой или причиной походов викингов, скорее, оно оказалось одним из отдаленных последствий этой экспансии.

«Крестьянская» мирная колонизация некоторых островов Северной Атлантики, по-видимому, началась еще до эпохи викингов. Сама же викингская экспансия характеризовалась в первую очередь военными нападениями, и у нее имелись свои особые предпосылки. Если социальной предпосылкой нападений на другие страны — Англию, Ирландию, Северную Францию — было наличие воинственных и жаждавших добычи и славы хёвдинггов и их дружин, то материальной предпосылкой таких атак явилось небывалое для Европы того периода развитие кораблестроения у скандинавов. Норвежцы занимались мореплаванием на протяжении многих столетий, о чем свидетельствуют как наход-

ки их ладей, так и наскальная живопись. Но в предшествующий период на кораблях и лодках можно было плавать вдоль берегов, не удаляясь от них; теперь же технические усовершенствования в судостроительном деле позволили отплывать далеко в открытое море. Викинжский корабль, в отличие от своих предшественников, имел не только весла, но и руль и мачту с парусом; устойчивость ему придавал киль; борта его были спланы из узких гибких дубовых планок, связанных со шпангоутами, такие корабли не боялись ударов океанских волн, отличались значительной быстроходностью, могли пристать практически к любому берегу, глубоко заходить в устья рек и почти совсем не зависели от течений и ветров. Корабли, найденные в курганах Юго-Восточной Норвегии (они датируются концом IX — началом X в.), имели длину 20—23 м при ширине 4—5 м и управлялись 11—16 парами весел. Но у викингов существовали и более крупные суда, обладавшие значительной грузоподъемностью²⁴.

Наличие таких кораблей закрепляло за скандинавами, прежде всего именно за норвежцами, безраздельное морское превосходство²⁵. И лишь наличие подобных кораблей сделало для них возможным развернуть в широких масштабах наступление на страны Запада, гарантируя внезапность нападения и большую мобильность боевых отрядов. Жители стран, которые подвергались атакам, в панике бежали от викингов. Нередко казалось, что нападают целые полчища их, хотя на самом деле отряды викингов, особенно в первый период походов, были численно невелики: викинги достигали успеха именно в силу высокой подвижности их судов и беспримерной дерзости, с какой они совершали свои набеги. Оружие их — мечи, копья, боевые топоры, луки со стрелами — отчасти было собственного изготовления, но нередко они пользовались прославленными франкскими мечами. Даже сравнительно небольшая дружина смелых викингов могла причинить значительный ущерб противнику.

Однако викинги не ограничивались военными нападениями. Они охотно вступали в торговые сношения с местными жителями, сбывая награбленное и приобретая изделия, которые не производились у них на родине. Поэтому не следует думать, что ширатство парализовало торговые связи Северной Европы, наоборот, именно в этот период торговля на Балтийском и Северном морях переживает небывалый подъем. Возникают первые скандинавские торговые пункты международного значения, которые

²⁴ В конце X — начале XI в. иногда строили корабли с 30 и более парами весел. Такой корабль мог перевозить изрядное число воинов. Более крупных кораблей не строили: их размеры лимитировались длиной киля, который изготовляли из ствола одного дерева.

²⁵ Только английский король Альфред сумел построить флот, способный соперничать с флотом скандинавов, совершавших в конце IX в. непрерывные нападения на берега Англии.

отчасти превращаются в поселения городского типа. Хотя в Норвегии это развитие не зашло так далеко, как в Швеции, где крупнейшим торговым центром была Бирка, или в Дании, на юге которой находился знаменитый порт Хедобю, тем не менее и в Южной Норвегии в то время существовало значительное по тогдашним масштабам торговое поселение — Скирингсаль (или Кауланг, что и значит «торговое место», «торжище»).

Таким образом, потребность в новых землях и источниках существовавшая, жажда добычи, торговля, неизбежно в ту эпоху сопровождавшаяся пиратством, расцвет судостроительной техники и мореходства — вот основные предпосылки экспансии викингов. На эти факторы обычно и указывается в специальной литературе²⁶. К этому добавляют еще «дух страстей» и «поиски приключений» — явления вполне реальные. Человек, всю жизнь просидевший в своем дворе, никуда не выезжая, не пользовался высоким уважением. Из рунических надписей мы знаем о семьях, члены которых пали в битвах в самых разных концах тогдашнего мира. На кольчуге одного викинга, пайдепой археологами, выбиты рунами названия стран, в которых он побывал: Греция, Иерусалим, Исландия, Сёркланд (страна сарацинов, т. е. мусульман, — Северная Африка, Испания?). Английский король Альфред в конце IX в. записал рассказ посетившего его норвежца Отгара: как уже упоминалось, жил он на севере Норвегии, а плавания совершал вдоль всего побережья страны, в Данию и в Англию. «Последний викинг» на норвежском престоле, Харальд Суверовый Правитель, до того как стать королем Норвегии, служил в варяжской гвардии при византийском императоре, восстал в Италии и Сицилии и побывал на Руси, голову же свою он сложил в битве при Стамфордбридже, близ Йорка, где 25 сентября 1066 г. была разбита вторгшаяся в Англию норвежская армия. Это событие и знаменует конец эпохи викингов.

Открывшийся перед норманнами широкий мир привлекал их своей непохожестью на то, что было привычно видеть у себя дома, не в меньшей степени, чем богатствами и более благоприятными условиями жизни.

И все же, перечислив упомянутые выше факторы, мы вряд ли вполне убедительно объясним экспансию викингов. Историческое явление — движение людей, руководствующихся какими-то идеями, мыслями, представлениями, чувствами. Если, как уже было сказано, эта экспансия, несмотря на все длительно и пе-

²⁶ Поток специальных работ, посвященных отдельным проблемам эпохи викингов, а также общих обзоров истории скандинавских народов все время непрерывно возрастает. Из новых книг назовем: *Simpson J. Everyday Life in the Viking Age*. London, 1967; *Jones G. Op. cit.*; *Foote P., Wilson D. M. The Viking Achievement*. London, 1970; *Capelle T. Die Wikinger*. Stuttgart, 1971; см. также: *The Vikings*. Uppsala, 1978.

подволю складывавшиеся предпосылки, разразилась внезапно²⁷, то приходится предположить, что ко времени ее начала, на рубеже VIII и IX вв., скандинавы, в частности норвежцы, должны были пережить перелом и в духовной сфере, перелом, который побудил многих из них порвать с привычным консервативным образом жизни. Каковы эти внутренние стимулы массового движения?²⁸

Имеющиеся памятники — рунические надписи, поэзия скальдов, произведения изобразительного искусства той поры, погребения, другие данные археологии, как нам представляется, дают возможность для некоторых заключений, хотя бы и гипотетических.

Начнем с погребений. Способ обращения с покойником, погребальные обряды отражали идеи о загробном мире, религиозные представления людей. Как свидетельствуют данные раскопок, в период, предшествовавший началу походов викингов, на протяжении VII и VIII вв., в Норвегии наблюдалось постепенное упрощение обрядов захоронения, что, вероятно, было связано с проникновением и влиянием христианства. Если, согласно языческим представлениям скандинавов о загробном мире, переселившиеся в него ведут существование, во многом сходное с земной жизнью, и поэтому в могилу клали разные предметы, которые могли ему там пригодиться, то по христианскому учению душа покойного предстает нагой пред творцом. Начало эмиграции в другие страны, где давно уже господствовала церковь, казалось бы, должно было привести к усилению воздействия христианской религии на скандинавов и еще более упростить формы погребения.

В действительности же произошло прямо противоположное. Начало эпохи викингов охарактеризовалось возвратом к чисто языческим погребальным обрядам. Могилы викингов заполняются самыми разнообразными предметами: оружием, украшениями, утварью, одеждами. Выше упоминались княжеские захоронения в курганах вместе с кораблями, готовыми к отплытию в царство

²⁷ Любопытно резкое изменение тона западных авторов в отношении скандинавов. В первом упоминании о скандинавах в литературе эпохи Каролингов — стихотворении Павла Диакона (ок. 783 г.) — датский конунг Зигфрид высмеивается как беспомощный дикий варвар, во всем уступающий цивилизованному подданному Карла Великого. Но всего 10 лет спустя (т. е. после начала скандинавских атак на берега Англии) под пером англосакса Алкуина скандинавы предстают в виде бича божьего, посланного народам в наказание за их грехи. «От севвера откroется бедствие на всех обитателей сей земли», — цитирует Алкуин мрачное пророчество библейского пророка Иеремии и полагает, что пророчество это начинает сбываться. См.: *Andersson Th. M. The Viking Image in Carolingian Poetry.* — In: *Les relations littéraires franco-scandinaves au Moyen Age. Actes du Colloque de Liège.* Paris, 1975, p. 217 sq.

²⁸ Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Начало эпохи викингов. (Проблемы духовной жизни скандинавов IX века: Факты и гипотезы). — *Скандинавский сборник.* Таллин, 1967, вып. 12.

мертвых. Они не являлись исключениями; не только знатное лицо, но и человека более скромного статуса и достатка старались снарядить в мир шой всем необходимым для того, чтобы они в чем не испытывал нужды. Археологи обращают особое внимание даже не на наличие в захоронениях драгоценностей, а на то, что могилы содержат огромное количество вещей, находившихся в повседневном употреблении. Это невозможно объяснить одним только ростом численности населения или увеличением богатств знати. Начало эпохи викингов ознаменовалось возрождением язычества, «языческой реакцией», охватившей все слои населения Норвегии. Эта реакция представляла собой форму противодействия религиозным влияниям, шедшим из стран, на которые напали норманны. По справедливому суждению норвежских ученых, возрождение язычества отражало рост самосознания норвежцев²⁹: столкнувшись с другими народами, с иной культурой и мировоззрением, жители Севера лучше, сильнее осознавали свою самобытность и старались ее отстоять перед лицом христианского учения о жизни и смерти.

Другое явление, которое обращает на себя внимание при изучении культуры начального этапа эпохи викингов, — это качественные сдвиги в скандинавском изобразительном искусстве. С давних времен у германцев, и скандинавов в том числе, в искусстве преобладал «звериный стиль». Излюбленный предмет изображений на камне, кости, дереве, металле — животные. Но трактовка анималистических мотивов в VI—VII вв. и в VIII—IX вв. была глубоко различна. Произведения первого периода исследователи характеризуют как «вялые», «анемичные», им присуща монотонность — создается впечатление, что «звериный стиль», получивший большие стимулы к развитию во времена Великих переселений, впоследствии истощил заложенные в нем жизненные силы³⁰.

Начиная с VIII в. в Скандинавии быстро распространяется новый стиль. Он также основывался на анималистических мотивах, но находился в разительном контрасте с выдохшимся и выгоражившимся предшествующим стилем. На смену ему приходили исполненные напряженности и силы изображения животных, фантастичные и символические. Эти изображения лишены объективного масштаба, одни части тела даются в преувеличении по сравнению с другими. Наиболее характерный мотив этого перио-

²⁹ *Shetelig H.* Préhistoire de la Norvège. Oslo, 1926, p. 216 sq.; cp.: *Birkeli F.* Norske steinkors i tidlig middelalder. Et bidrag til belysning av overgangen fra norrøn religion til kristendom.— Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Kl., Ny ser., N 10. Oslo, 1973.

³⁰ *Shetelig H.* Classical Impulses in Scandinavian Art from the Migration Period to the Viking Age. Oslo, 1949, p. 104; *Holmquist W.* Germanic Art during the First Millennium A. D.— In: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 90. Stockholm, 1955, s. 58 ff.; *Klindt-Jensen O., Wilson D. M.* Vikingetidens kunst. København, 1965.

да так называемый «хватаящий зверь», существо с большой головой и маленьким телом, с развитыми цепкими лапами. Фигуры зверей свертываются в тугие узлы и застывают в угрожающих загадочных позах. В других же случаях они динамичны. В фигуре «хватаящего зверя» ничего не осталось от былой стилизации и элитности предшествующего периода — изображения этого странного зверя на брошках и других украшениях, на деревянных панелях и изукрашенных столбах далеки от натурализма и гротескны, они пугают и веселят в одно и то же время. «Хватаящий зверь», встречающийся повсеместно на предметах этого периода, очевидно, был особенно популярным художественным мотивом, который разрабатывался разными мастерами и находил живой отклик в разных слоях общества. Но наряду с ним вошли в моду и другие изображения: фигура так называемого «большого зверя» (некоего подобия льва), борющегося со змеем. Все эти изображения опять-таки поражают огромной напряженностью и силой. Таковы же и резные головы драконов и других сказочных существ, которыми украшали столбы в жилищах, штевни кораблей, изголовья кроватей. Диким оскалом пасти эти фантастические существа должны были отпугивать злых духов. Искусство и магия были неразделимы в ту эпоху, эстетическое воздействие на зрителя являлось лишь одной и, по-видимому, не основной функцией изображения: предметы искусства должны были помогать людям в их жизненной борьбе, приносить удачу и отгонять недобрые силы. Произведения резчиков и иных мастеров нередко имели также и культовое, религиозное значение.

Жизнь давала новые мощные импульсы для развития искусства. Неимоверно возросшие мобильность и агрессивная активность населения скандинавских стран находили свой выход и в сфере духовной деятельности. Исключительная эмоциональность и экспрессивность изображений, беспокойство и напряженность искусства начального этапа эпохи викингов являют собой полную противоположность искусству предшествующего периода. Как видим, изменения в изобразительном искусстве, ознаменовавшие начало эпохи викингов, перекликаются со сдвигами в религиозной сфере, показателем которых являлась «языческая реакция».

Бурный подъем изобразительного искусства не единственный симптом глубокой перестройки мирозерцания и жизненных установок норвежцев в ту пору. Одновременно наступает расцвет скальдической поэзии, наиболее изощренной в формальном отношении не только у германских народов, но и во всей Европе в средневековую эпоху. Скальдическая поэзия родилась в Норвегии, после заселения Исландии получила широкое распространение среди жителей острова и достигла в IX—X вв. исключительного расцвета и совершенства.

Германская поэзия героической поры характеризуется употреблением кеннингов, специфических метафорических оборотов и выражений, в которых обозначаемое понятие передается при посредстве других понятий, смежных или противоположных. Такие кеннинги применялись не одними скальдами, они встречаются как в англосаксонской поэзии, так и у скалдшавов в песнях «Старшей Эдды». Но нигде не используются они столь интенсивно, как именно в поэзии норвежских и исландских скальдов. Кеннинг мог быть относительно простым (двучленным), типа «дорога китов» (что означает «море») или «яшень битвы» («воин»), или более сложным, как, например, «лебедь пота пшца раш» (т. е. «ворон», ибо «пшца раш» — это «меч», а «пот меча» — «кровь»); но кеннинг мог быть и еще более распространенным, четырех-, пяти- и даже семичленным. Ограничимся одним примером. Выражение «метатель огня выюги ведьмы лупы коня корабельных сараев» — это один из бесчисленных кеннингов воина. В корабельных сараях норманны держали свои ладьи, когда втаскивали их на берег. «Ночь корабельных сараев» — «корабль», «луна корабля» — «щит» (обычно во время плаванья викинги вешали свои круглые щиты по бортам корабля). «Ведьма щита» — «кошь», «выюга кошей» — «битва», «огонь битвы» — «меч», а «метатель меча» — «воин».

Поэтическая фигура кеннинга не отражает непосредственно действительности, она совершенно условна. Поэтому «древом битвы» мог быть назван не только герой, но и трус, а «расточителем сокровищ» — не один лишь щедрый вождь, но и бедняк. В более позднее время кеннинги с именами языческих богов применялись для обозначения христианских персонажей³¹. Назначение кеннингов состояло в том, чтобы сделать поэтический язык приподнято пышным, необычным и богатым. Эти его качества ясно видны и сами по себе, особенно бросаются в глаза, когда скальдические стихи встречаются в контексте исландских саг, в которых они по большей части и сохранились: исключительно прозрачный, простой, кажущийся близким к разговорному прозаический язык саги находится в резком контрасте с вычурно изысканным языком скальда; «абсолютная проза» саги сопоставляется с «абсолютной поэзией», и это со- и противопоставление порождает сильнейший художественный эффект (теряющийся в переводе, так как поэзия скальдов практически непереводаема).

Но кеннинги, вообще поэзия скальдов имели и мифологическую, и магическую основу. Дело в том, что многие кеннинги исходили из мифов и без знания их попросту были бы непонятны. Употребление кеннинга с мифологическим содержанием создавало как бы второй план изображения: поступки людей, их подвиги, походы, сражения, проявленные ими щедрость и другие качества

³¹ *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии. Л., 1967, с. 98.

(таковы обычные сюжеты скальдических песней) приобретали новое, более высокое звучание на фоне мифа о богах или сказания о древних героях. Сиюминутное, единичное событие воспринималось благодаря этому в связи с извечными сакральными образцами. Магическая же функция слова заключалась в том, что, согласно убеждениям норманнов той поры, слово, в особенности поэтическое, могло оказать свое благотворное или зловерное воздействие на того, кому оно было адресовано. Хвалебная песнь, исполненная скальдом перед лицом вождя и в его честь, не просто прославляла его, но и упрочивала, «увеличивала» его удачу, тогда как хулительная песнь могла послужить причиной неприятностей, болезней и даже смерти.

Пыне восприятие скальдической песни затруднено не только широким применением кеннингов. У нее в высшей степени необычный порядок слов, подчиненный требованиям аллитерации (начальной рифмы, созвучия начальных звуков в ключевых словах строки) и простирающийся вплоть до того, что два и более предложения могли быть перенесены между собой³². Но то, что для нас представляет трудно решаемый ребус, очевидно, было доступно пониманию норманнов эпохи викингов и вызывало у них эстетическое наслаждение.

Кеннинги и другие формальные утонченные приемы в поэзии скальдов во многом близки системе изобразительных средств, применявшейся в искусстве резчиков. В обоих случаях перед нами — сложнейшее искусство орнаментации. Одинаковым было и отношение авторства: как резчик, так и скальд, не выдумывая содержания своих произведений, изощрялись в варьировании орнаментальных или словесных узоров. Сходство идет дальше, ибо и в изобразительном, и в поэтическом искусстве той поры мы встречаемся с одним и тем же принципом: сосредоточение внимания художника не на целом, а на одной или нескольких деталях, причем эта частности, эпизод, отдельно взятое качество персонажа призваны представить целое. В упомянутых особенностях поэзии скальдов и искусства резчиков и орнаменталистов начальной стадии эпохи викингов, на наш взгляд, можно видеть отражение существенных особенностей общественного сознания норманнов, еще во многом родственного мифопоэтическому сознанию «примитивных» народов.

³² Вот образчик тмесица — переплетения фраз в скальдических виссах (перевод М. И. Стебляк-Камского):

«Безжал, мпогге способны
на меньшее, — я слышал,
что голод волков на Востоке, — чем коупг,
жители Эзля, — прекратилась» (скальд Оттар).

Выделенные разрядкой и курсивом слова образуют отдельные фразы. Таким образом, в этой виссе переплетаются три фразы.

Существенно, однако, подчеркнуть другое обстоятельство. Подобно тому как перелом в искусстве датируется как раз тем временем, когда началась викингская активность, точно так же и первые известные нам образчики скальдической поэзии восходят к IX в. Традиция приписывает создание скальдического стиля легендарному поэту Браги Старому, хотя вполне возможно, что скальдическая поэзия приобрела основные черты, впоследствии ей присущие, еще задолго до него. Но даже если Браги и не был новатором, лишенным предшественников, именно на рубеже VIII и IX вв. в развитии искусства стихосложения происходит резкая перемена, своего рода мутация, которая привела к возникновению ряда стилистических новшеств, характерных для скальдического стиля³³. Не сохранилось ни одного имени поэта до Браги, тогда как начиная с него мы знаем имена сотен скалдов. Видно, именно в это время возникает и понятие авторства применительно к скальдической песни. Если так, то и в этом факте можно усмотреть симптом роста самосознания норманнов, вызванного большим обособлением личности в рамках коллектива, чем это наблюдалось в предшествующий период. Вспомним высказанную ранее мысль об утрате историей Норвегии полной «анонимности» именно в канун эпохи викингов!

Но и другие существенные перемены в культуре норманнов относятся к тому же периоду. Как раз в канун эпохи викингов происходит переход от старшего рунического алфавита, состоявшего из 24 знаков, к младшему, упрощенному до 16 знаков, причем, что особенно важно, старшие руны были достоинством общегерманским, тогда как руны младшие — чисто скандинавским явлением. Поскольку рунические письмены имели прежде всего религиозно-магическое применение, то можно предположить, что и в этой «реформе» рунической письменности выразились сдвиги в общественном сознании норманнов.

Наш поневоле беглый обзор ряда явлений духовной жизни норманнов, таких, как формирование скальдической поэзии, переход к новому стилю изобразительного искусства, смена футарка младшими рунами, «языческая реакция», приводит к заключению, что все эти существенные сдвиги в культуре оказываются — в историческом плане — синхронными, все они произошли в конце VIII или начале IX в. В это же самое время появляется новый тип морского судна — результат длительных конструктивных исканий скандинавских мастеров-корабелычиков. И в это же время начинается широкая экспансия норманнов в другие страны. То был период поистине глубоких перемен в жизни народов Скандинавии, перемец, затронувших как материальную, так и духовную их жизнь. Все эти перемены, падо полагать, исподволь давно подготавливались. Но обнаружились они в виде своего рода

³³ *Lie H. Skaldestil-studier. — Maal og minne, 1952.*

скачка, который произошел на протяжении жизни одного-двух поколений. Этот резкий взрыв должны были ощутить как сами норманны, так и народы, с которыми они пришли в интенсивное соприкосновение и многообразное взаимодействие.

Очевидно, столкновение с новым для них внешним миром породило у норманнов чувство огромной внутренней напряженности, вызванной ощущением сильнеешего контраста «своего» и «чужого». Осознание этого контраста приводило к интенсивным искажениям в сфере духовной культуры. Внешний мир, перед которым они выступали в качестве смертельной опасности (на Западе стала популярной молитва: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»), в свою очередь воспринимался жителями Севера как угроза их внутренней сущности и самобытности. Эта угроза привычному строю жизни, старой религии и обычаям имела результатом «языческую реакцию». Картины ужаса, ярости, неукротимой энергии и героического пафоса, которые мы находим в изображениях мастеров из Усеберга или на рупических камнях и которые перекликаются с образами скальдической поэзии (и, прибавим, с мотивами песней «Старшей Эдды», хотя она и сохранилась в позднейшей записи), выражают одновременно и страх перед враждебными силами, и волю их обуздать.

Искусство и поэзия были важными стимулами для норманнов, воплощая их новые этнические идеалы и жизненные установки³⁴. Перемены в материальном существовании скалдинавов, их возросшая потребность в новых землях, в товарах, жажда добычи толкали их на экспансию. Вместе с тем эти перемены сопровождалась ломкой общественного сознания. Явления столь разнородные, как агрессивная воинственность и отвага, проявленные в дальних плаваниях, и высокий расцвет изобразительного и поэтического искусства, имели некоторые общие истоки.

Религиозные представления скандинавов нам известны преимущественно из песней «Старшей Эдды», записанных в Исландии в XIII в. Однако нет серьезных оснований сомневаться в том, что мифы о богах — Торе, Одина, Локи, Фрейре, Фрейе и др. — восходили к гораздо более ранней эпохе. Но время викингов, видимо, наложило свой отпечаток на облик некоторых мифологических персонажей. В особенности это касается Одина, бога войны и воинов.

³⁴ В дружинах конунгов, как правило, были скалды, и самое название основного скальдического размера — «дроткветт» означает «дружинный», или «княжеский», стиль. Точно так же и резчики, и другие мастера сосредотачивались в первую очередь при дворах знати. Перед битвой скальд нередко исполнял песню о древних героях, и он же веселил дух вождя и воинов во время пира. Насколько серьезным и жизненно важным делом считалось поэтическое искусство, явствует из того, что покровителем его был сам Один — верховное божество скандинавов.

Одип, покровитель героев, которых он после их гибели на поле битвы забирает в свои чертоги — в Вальгаллу, отличается хитростью и коварством. Вызывая битвы, он сам в них не участвует, а победы часто дарует несправедливо. Один — бог, в котором боевое неистовство сочетается с поэтическим цестушением. Он выступает под самыми разными именами и способен бесконечно изменять внешность, но обычно его представляли в виде одноглазого бородатого старика в надвинутой на лоб шляпе и в синем плаще. Один похитил у великанов мед поэзии и, принеся самого себя в жертву себе же, приобрел знание магических рун и заклинаний. Таким образом, война, мудрость, поэтический дар, колдовство, шаманизм сочетаются в Одине, со временем выдвинуемся в качестве главы всей семьи богов — асов.

При сравнении с Одином Тор выглядит простодушным. Судя по именам, которые в ту пору давали поворожденным, Тор пользовался исключительной популярностью, и его покровительством хотели заручиться. Торстейн, Торбьёрн, Торсэйр, Торольв, Торгрим, Торир, Торарни, Торлейв, Торфинн и т. п. — имена с частицей Тор постоянно встречаются в сагах. Тора почитали как главного противника великанов и чудовищ, сил Утгарда, с которыми он вел постоянные войны. Его оружие — молот Мьёлльнир, который, равно как и молния и гром, символизирует его силу, мужество и ответственность. Но культ Тора, как полагают, был связан и с плодородием.

Рядом с Одином и Тором мы постоянно видим в мифах о богах самого коварного из скандинавских мифологических персонажей — Локи, зачинщика зла, погубившего светлого бога Бальдра. Но Локи подчас и помогает Тору всяческими уловками. В пророчествах о конце мира (песнь «Прорицание вёльвы» в цикле «Старшей Эдды») сказано, что в решающей схватке асов с великанами Локи будет на стороне злых сил, тем более что многие чудовища — Мировой Волк Фенрир, Мировой Змей Ёрмунганд и владычица преисподней Хель — его порождения. В этой завершающей схватке Тор, сразив Змея, обречен погибнуть и сам, как и другие боги. Северная мифология мрачна, хотя трагические ее топа перилетаются с комизмом, который, впрочем, еще более рельефно оттеняет сумрачность северного языческого мироощущения.

В отличие от асов — Одина, Тора и других богов — Ньёрд, Фрейр и Фрейя принадлежат к семейству ванов — божеств плодородия. Фрейр дарует людям богатство и мир. Возможно, ваны были еще древнее, чем асы, с которыми они, согласно мифу, первоначально воевали, а затем примирились и заключили союз. В представлениях о ванах сохранились следы весьма архаических брачных обычаев.

Говоря о языческой религии скандинавов, необходимо подчеркнуть, что в основе ее лежала не вера в богов (в том смысле

ле, в каком христиане верят в бога-творца, признавая его всемогущество, милосердие и благодать), а культ, система ритуалов и жертвоприношений, при посредстве которых осуществлялась связь людей с божеством. В ответ на принесенные ему жертвы бог был обязан оказать помощь и покровительство своим поклонникам, верным, и самое слово «tíu», которое впоследствии, в христианскую эпоху, стали применять для обозначения веры, в языческую эпоху значило «верность», прочтённую из взаимной поддержки³⁵.

³⁵ Подробнее см.: Старшая Эдда. Древнескандинавские песни о богах и героях. М.; Л., 1963; *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии; *Он же.* Миф. Л., 1976; *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М., 1979.

ОБРАЗОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (конец IX — начало XIII в.)

Торгово-грабительскими и переселенческими морскими экспедициями викингов далеко не исчерпывалось содержание общественного развития Норвегии в раннее средневековье. Одновременно и в связи с внешней экспансией внутри страны начался процесс складывания государственной власти.

Процесс зарождения и формирования раннеклассового общества и государства в Норвегии, как и везде, охватывает завершающую стадию упадка родового строя и начальную стадию перехода к социально-дифференцированному порядку. Этот порядок имеет определенные черты сходства с дофеодальным и раннефеодальным обществами в других странах Европы. Однако феодальный строй не достиг в Норвегии стадии полной зрелости. Приобретение Норвежским королевством облика феодальной монархии в период классического средневековья было вызвано не только потребностями господствующего класса — светского и особенно духовного (католической церкви), но в неменьшей мере влияниями со стороны более развитых европейских государств; об органическом росте феодализма как определенной социальной системы, пронизывающей всю толщу общества, говорить трудно¹. Характерной чертой раннего государства в Норвегии в отличие от раннефеодальных королевств Европы было то, что основная масса крестьянства не была полностью отсечена от местного управления и от участия в защите страны; возникший господствующий класс не сумел лишить бондов — сельское население личной свободы и превратиться в группу, которая бы последовательно прервала все связи, непосредственно соединявшие короля и рядовых подданных. Эксплуатация крестьянских ресурсов в значительной мере осуществлялась при посредстве королевской власти. Поэтому слабо развитый характер феодальных отношений в Норвегии выразился и в преобладании публично-правовых

¹ Здесь автор главы несколько ограничивает свои выводы, к которым пришел в книге «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (М., 1967). Ср. также: Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.

(государственно-правовых) функций над частнопровыми, которые возобладали в большинстве феодальных государств Европы.

Первая форма политического объединения Норвегии — установление над большей частью ее населения власти одного монарха — выросла из экспансии викингов, во всяком случае с нею связана. Могущество мелких конунгов и ярлов в период повышенной агрессивности, естественно, укрепилось; эта агрессивность могла быть направлена не только вовне, но и на население самой Норвегии. Первым конунгом, который подчинил своей власти значительную часть страны, был Харальд Харфагр (Прекраснополосый), правитель Вестфолла, области в Восточной Норвегии. Вестфоллом издавна правила династия Инглингов, согласно легендам и поэме «Инглингаталь» норвежского скальда Тьодольва, находившаяся в родственных отношениях со шведскими королями. Курганы с погребениями в кораблях, о которых шла речь выше, Усеберг и ему подобные — свидетели того, что в IX в. Инглинги, поддерживавшие широкие контакты с другими странами, достигли значительного могущества. Это могущество возросло, как можно утверждать, именно в связи с внешней экспансией. Таким образом, начало объединения Норвегии явилось одним из моментов викингской экспансии и приобрело форму завоевания западных и северных областей страны конунгом, утвердившимся в восточной ее части.

Это не означает, что военный предводитель, которому удалось утвердиться в Норвегии, и в дальнейшем вел себя как завоеватель. Хотя многим из них приходилось преодолевать сопротивление местной знати, короли должны были заручиться поддержкой боюдов; обычно претендент являлся на областные тинги и просил их участников согласиться с его верховенством; при этом нередко ему приходилось идти на некоторые уступки. Лишь король, провозглашенный на тингах, пользовался авторитетом и чувствовал себя относительно прочно.

Наука не располагает бесспорными данными ни относительно хода завоевания Норвегии Харальдом, ни о времени, когда оно было осуществлено. Решающая битва в Хаврсфьорде (Юго-Западная Норвегия) произошла, вероятно, незадолго до 900 г. (раньше историки датировали ее 872 г.)². Противники Харальда — местные хёвдингги были разбиты, и Харальд имел все основания называть себя (так во всяком случае именует его скальд Торбьёрн, воспевший эту победу) «властителем норвежцев». Правители ряда

² Хронология событий истории Норвегии в раннее средневековье весьма неточна, а во многих случаях гадательна. Объясняется это тем, что основные источники по политической истории Норвегии — саги, помимо малой их достоверности (применительно к периоду до XII в.), почти вовсе не содержат ясных временных указаний. Отдельные даты удается установить на основании анализа исторических памятников Западной Европы и сопоставления их с сагами.

областей Норвегии лишились самостоятельности, признав верховенство завоевателя, либо были изгнаны или погибли. Отдельные историки придавали большое значение заинтересованности Харальда и ярлов Хладира (ныне Тронхейма), правивших северными областями страны, в установлении контроля над торговым путем, который шел вдоль побережья Норвегии³. Такая заинтересованность не исключена, по все же вряд ли есть основания придавать торговле решающее влияние в процессе создания предпосылок первоначального политического объединения.

В отдельных областях Норвегии на протяжении всего X в. сохранялись тем не менее местные князья, и кое-кто из них тоже именовался конунгами. Однако эти мелкие конунги, не принадлежавшие к роду Харальда Прекрасноволосого, не имели и прав на норвежский престол. Более поздняя сага рисует одного из конунгов Восточной Норвегии в облике хозяина, который лично наблюдал за сельскими работами, правил населением своего района, но был совершенно лишен и широты кругозора, и высоких политических амбиций, присущих королям Норвегии⁴. Оказывая противодействие норвежскому королю, поскольку тот пытался лишить их власти и влияния, мелкие конунги вместе с тем не обнаруживали честолюбивых притязаний подчинить страну собственной власти в противовес представителю рода Харфагров (потомков Харальда). Эти местные правители были главным оплотом партикуляризма.

В этой связи встает нелегкий вопрос о сакральной природе королевской власти в Норвегии в дохристианскую эпоху. Многие историки считают, что норвежские короли рассматривались населением как посетители священного пачала. В сагах и в песнях скальдов идет речь о происхождении королей от языческих богов (или о том, что древние скандинавы принимали своих первых королей за богов); когда, однако, сложились эти королевские родословные, остается неясным. Сохранились предания об отдельных Инглингах, которых народ в древности приносил в жертву богам для того, чтобы обеспечить всеобщее процветание; рассказывается, что после смерти одного из королей тело его было расчленено и части его были погребены в разных областях, так что все жители могли пользоваться благополучием, магически связанным с его особой. Существовала вера в «удачу» короля, которая возростала вследствие ритуальных жертвоприношений и возлияния на шипах («за конунга, за мир и урожай»). Считалось, что эту «удачу» король мог распространить и на своих приближенных, в частности посредством награждения их оружием, гривнами и дру-

³ *Schreiner J. Trøndelag og rikssamlingen.— Vid.-Akad. Avhandlingar, 1928. Bd. 2. N 3; Idem. Olav den hellige og Norges samling. Oslo, 1929; Kohf II. Harald Harfagre og rikssamlinga. Oslo, 1955. См. выше, с. 17—18.*

⁴ *Heimskringla: Oláfs saga helga, 1, 33.*

ними ценностями (вера в магическую партиципацию лиц и вещей, которыми они владели). Ученые, придерживавшиеся гиперкритической позиции в отношении достоверности источников, отвергают эти толкования, считая их результатом переноса христианских представлений в более раннее время⁵.

Харальд Прекрасноволосый, собственно, лишь поставил под свою личную власть ряд областей Норвегии, преимущественно приморских, создав в них опорные пункты. Это объединение было довольно поверхностно и лишено прочной социальной основы. По существу произошло только расширение власти местного князя на другие территории, но ни органов управления, на которые он мог бы опереться, ни общественной группы, которая поддержала бы его, будучи заинтересована в объединении государства, не существовало. Харальд захватил владения побежденных противников в Юго-Западной Норвегии, но в целом страна оставалась, как и до того времени, совокупностью разрозненных областей с собственными обычаями и порядками, с совершенно автономным самоуправлением, которое осуществлялось на сходках поселения — тингах.

Власть первых королей Норвегии была слабо обеспечена материальными ресурсами. Побыры взимались лишь с северных соседей норвежцев — саамов, но и эти контрибуции первоначально, как явствует из рассказа Оттара, присваивали отдельные могущественные правители, а не короли Норвегии⁶. Бонды никаких налогов не платили, и идея принудительного обложения даже и в более позднее время, как мы увидим, встречала в народе упорное сопротивление. Понятие свободы в этом обществе предполагало отсутствие каких бы то ни было проявлений зависимости, и уплата подати была бы воспринята бондами как посягательство на их владельческие права. В этих условиях единственной формой материальной поддержки правителя были угощения, подарки, в которых выражалась взаимность, эквивалентность отношений между бондами и конунгами. Конунг получал угощение от местных жителей, пересезжая из одного района в другой; бонды устраивали пиры для прибывших в их местность государя и его дружины. Эти пиры в языческое время носили религиозно-магический характер. Прямое общение между народом и правителем было существенным условием благополучия страны, равно как и отправления королем его полномочий.

⁵ *Baetke W.* Yngvi und die Ynglingar. Eine quellenkritische Untersuchung über das nordische «Sakralkönigtum». — Sitzungsberichte der Sächs. Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl., 1964, Bd. 169, II. 3.

⁶ Стоит отметить, что Оттар, посетивший Англию в самом конце IX в. т. е. именно в то время, когда Харальд Харфагр боролся за подчинение Норвегии, ни словом не упомянул королю Альфреду, который записал его рассказ, ни о Харальде, ни вообще о процессе политического объединения страны.

Для норвежцев той эпохи имела значение не столько отвлеченная идея королевской власти, сколько личность конкретного монарха: вместе с ним необходимо было совершать возлияния языческим богам. Конунг обеспечивал мир и процветание, бонды снабжали его необходимым, и эти припасы потреблялись ими совместно с ним во время пиров; торжественная трапеза принадлежала к центральным институтам этого общества⁷. Термин «veizla» — «вейцла» (древненорв. — «пир») со временем приобрел значение технического термина: как мы увидим далее, вейцла могла превратиться в «кормление», передаваемое королем своему приближенному. Но подобное превращение началось вряд ли ранее XI в. Пока же существенным источником материальных средств короля, помимо военной добычи и предоставляемых бондами угощений, были доходы с его собственных владений. Как и другие крупные, по норвежским меркам, собственники, короли имели в своих сельских усадьбах рабов и съемщиков земли (арендаторов), которые пасли скот и возделывали небольшие участки земли за уплату продуктовых оброков.

Хотя монету в Норвегии начали чеканить на рубеже X и XI вв. (более регулярной чеканка стала в середине и во второй половине XI в.), большой роли денежное обращение не играло. Начиная с Харальда Сурового Правителя норвежские государи систематически занимались чеканкой монеты, и поэтому участники торговых сделок неохотно ее принимали, предпочитая прямой обмен товара на товар.

Не обладали норвежские правители и судебной властью. Наряду с тингами отдельных округов в IX и начале X в. сложились областные тинги. Короли, способствовавшие их организации, посещали тинги, но судебная власть оставалась у бондов. Влиятельный и почитаемый король мог оказать давление на участников собрания и добиться выгодного для себя решения, но нормой по-прежнему было самоуправление бондов. Естественно, что наиболее зажиточные и влиятельные бонды и местная знать имели решающее влияние на судебные дела и вообще на самоуправление.

Функции предводителя всех вооруженных сил страны также далеко не сразу сосредоточились в руках конунга. В отдельных областях существовали самостоятельные воинские ополчения, участие в них принимали все мужчины, и обладание оружием было неотъемлемым признаком свободного человека. В Норвегии, стране приморской, особое значение для обороны имел флот. Жители отдельных прибрежных районов, в которых концентрирова-

⁷ В разных частях Норвегии, как и в других скандинавских странах, сохранились от той эпохи многочисленные топонимы — Huseby; то были опорные пункты, посещаемые королями во время их сезонных разъездов по стране, сюда бонды свозили продукты, и здесь устраивались пиры для конунга и его свиты. См.: *Steinnes A. Utskyld.* — НТ, 1953, Bd. 36; *Idem. Husebyar.* Oslo, 1955.

лась главная масса населения, сообща снаряжали боевые корабли для охраны страны от набегов викингов и других беспокойных соседей. Ополчения возглавляли представители местной знати, родовитые «могучие бонды».

Таким образом, первоначальное объединение Норвегии было непрочным. Это стало заметным еще при жизни Харальда Прекрасноволосого, когда вспыхнули раздоры между его сыновьями; когда же он умер⁸, усобицы усилились. Братья не признали единовластия нового конунга Эйрика Кровавой Секиры, которому в конце концов пришлось бежать из Норвегии; он сумел захватить престол в викингских колониях на Британских островах, в Йорке. Положение в Норвегии несколько стабилизировалось после перехода власти к младшему сыну Харальда Прекрасноволосого Хакону Доброму. Он воспитывался в Англии, при дворе англосаксонского короля Этельстапа, где и принял христианство. Однако попытки его распространить новое вероисповедание в Норвегии натолкнулись на упорное противодействие бондов и были Хаконем оставлены. В отличие от своего отца и братьев Хакон Воспитанник Этельстана получил власть в стране не как завоеватель — его признали тинги разных частей страны, а он, очевидно (так во всяком случае рассказывают позднейшие саги), пошел на уступки их требованиям и не притеснял народ — отсюда его прозвище «Добрый». При Хаконе укрепляется правопорядок в стране, регулярно созываются областные тинги, сложение которых относится к более раннему времени. Тинги оказывали поддержку Хакону, благодаря этому ему удалось упорядочить и оборону страны. При нем народное ополчение стало под начало конунга.

Но в качестве военного вождя король не пользовался неограниченной властью, в отдельных случаях ополчение отказывалось следовать за ним или даже выступало против него. Боевой силой, на которую король мог всецело рассчитывать, оставалась его дружина. Разумеется, ее численность возрастала: наличие в стране верховного правителя привлекало в ряды его дружины молодых людей, искавших славы, добычи и высокого положения. Могущество короля в то время и измерялось в первую очередь размерами его дружины.

Король уже стал отчасти средоточием общественных интересов, близость к нему служила средством возвышения, способствовала поднятию социального престижа⁹. Но это воздействие короля на окружение еще не было институциональным, оно в большей мере определялось его личностью: королю, которого считали

⁸ Время смерти Харальда точно не установлено. По мнению одних историков, Харальд умер около 945 г., по расчетам других — около 928 или 932 г.

⁹ *Пекарчик С.* Вера в судьбу. Группа, индивид, эталоны поведения. (Некоторые выводы из источников эпохи викингов). — Средние века. М., 1971, вып. 34.

удачливым, охотно служили; если же наступал голод (явление, в высшей степени частое в стране со столь ограниченными ресурсами и слабо развитыми производительными силами, как Норвегия) или народ подвергался иным бедствиям, то в них охотно винили того же правителя — его, как полагали, оставила магическая «удача».

Из изложенного выше можно видеть, что королевская власть в IX—X вв. оставалась в Норвегии относительно малоэффективной и вряд ли была способна оказывать заметное преобразующее влияние на внутренние отношения. Никакого управленческого аппарата в распоряжении короля не было. Поручения короля выполняли его приближенные, королевскими усадьбами, разбросанными в разных частях страны, управляли личные его слуги. Иными словами, король не был еще в состоянии создать собственный механизм власти, и все сообщения саг о таком грешат анахронизмом.

Характер раннего государства в Норвегии на первоначальной стадии определялся, следовательно, тем, что в стране еще отсутствовало социальное «разделение труда». Функции хозяйственные, военные, религиозные, административные не были последовательно дифференцированы. Бонды являлись не только сельскими хозяевами, но и членами народных собраний, участниками воинского ополчения, в их руках сосредоточивалось местное управление. Языческий культ отправлялся в капищах, которые принадлежали знати или «могучим бондам», никакого особого жречества норвежцы не знали. Свобода бонда реально выражалась в его полноправии, ничем не ущемленном ни в личном, ни в имущественном отношениях.

Важно вновь подчеркнуть, что ни в тот период, ни в более позднее время земля в средневековой Норвегии не представляла собой объекта свободного распоряжения и отчуждения. Право собственности на землю, которая переходила из поколения в поколение в пределах одной и той же семьи, выражалось в обладании ею, причем на семейное владение не смотрели лишь как на объект, вещь — в нем видели скорее некое продолжение личности его обладателей, с которыми они находились в нерасторжимом организеском единстве. Термин «*bodal*», «*одаль*», которым обозначалась эта наследственная собственность, имел вместе с тем и смысл «родина», «вотчина» (см. гл. II); этот термин общего происхождения и с понятием «благородство», «знатность», т. е. «полноправие»; личные и имущественные права образовывали нерасторжимое единство и равно считались неотъемлемыми качествами члена общества. Подобная структура собственности — показатель замедленной имущественной дифференциации — вместе с тем была и немаловажным препятствием на ее пути. Такой общественный строй, отличавшийся высокой сопротивляемостью, устойчивостью по отношению ко всякого рода переменам, традиционалистский

по самым своим основам, служил барьером на пути укрепления государственности.

Для понимания дальнейшего развития раннего государства в Норвегии существенно иметь в виду реальность внешней опасности. Уже первому объединителю — Харальду Прекрасноволосому пришлось организовать военную экспедицию против викингов. На протяжении X в. Норвегия неоднократно подвергалась нападениям датчан и разрозненных викингов, которые хозяйничали на Балтийском море. Одно время Норвегия оказалась даже в зависимости от датских королей. Таким образом, необходимость организации обороны страны ощущалась весьма остро. При всей своей зачаточности королевская власть воспринималась жителями Норвегии как сила, противостоящая такой же силе в других странах. Уже существовало сознание, что только король способен представлять общие интересы норвежцев перед остальным миром. Показательно, что как раз в конце IX в. в источниках впервые встречается наименование страны — *Noregr*, и с этого же времени в поэзии скальдов наряду с наименованиями жителей отдельных областей Норвегии, отчасти восходящими к именам племен (трэнды, ругиц, хорды и др.), появляется имя «норвежцы», «норманны» как общее обозначение всех жителей Норвежского королевства. Было бы неверно придавать большое значение этим явлениям, так как разобщенность оставалась и впредь весьма сильной, но вряд ли возможно вовсе или пренебрегать. Какие-то черты общенорвежского самосознания уже существовали и в моменты внешней опасности делались актуальными. Королевская власть могла или воспользоваться в своих интересах.

Около 960 г. Хакоп Добрый погиб во время вторжения в Норвегию его племянника Харальда Серого Плаща (сына Эйрика Кровавой Секиры), которому при поддержке датского конунга удалось захватить власть. Харальд Серый Плащ правил страной подобно своему деду — как завосатель. Он отнимал усадьбы у своих противников, вымогал поборы у населения. Совершив поход в Бьярмию, Харальд получил дополнительные значительные богатства от грабежей, которым подверг тамошнее население. Все это давало ему средства привлекать в свою дружину новых воинов. Иными словами, первые конунги Норвегии, за исключением Хакона Доброго, мало чем отличались от предводителей викингов, которые устанавливали свое господство в захваченных странах. Они, собственно, и были викингами, ибо карьера многих норвежских конунгов не только в X, но, как мы далее увидим, и в первой половине XI в. начиналась за морем, в завоевательных походах и грабительских экспедициях или на службе у иноземного государя. Оборона Норвегии от нападений викингов, она сама управляли ею подчас подобными же методами.

Положение Харальда Серого Плаща осложнялось тем, что он подчинил себе Норвегию с датской помощью. Укрепившись же,

он старался охранить свою самостоятельность от притязаний на верховенство со стороны датского короля. В этой борьбе он пал (ок. 970 г.). Власть над страной перешла к ярлу из Хладира Хакону Сигурдарсону, пользовавшемуся поддержкой короля Дании. Последний рассматривал ярла как своего вассала, хотя и не вмешивался во внутренние дела Норвегии, но крайней мере до тех пор, пока ярл платил ему дань в знак подданства и выполнял военную службу по его приказанию. Так, во время войны между Данией и Германией в 70-е годы X в. ярл Хакон выставил норвежский флот: война шла из-за контроля над важными морскими путями, центром которых был датский балтийский порт Хедебу, и в защите их от посягательств германского императора Оттона II был заинтересован и сам ярл.

Показательно, что датский король Харальд Синезубый, проводя у себя дома политику христианизации, терпимо относился к тому, что ярл Хакон и его подданные оставались язычниками. Население Норвегии продолжало упорно держаться веры своих отцов. По словам скальда, ярл Хакон исправно совершал жертвоприношения старым богам, и поэтому в стране царил мир. Таким образом, ярл Хакон выполнял также и религиозные функции короля. Тем не менее королевского титула он себе не присваивал. Считалось, что королем Норвегии может быть только представитель рода Харальда Прекрасноволосого.

В остальном ярл постепенно стал держаться вполне независимо и старался избавиться от датского верховенства. Это неизбежно вело к военным действиям, и около 985 г. на Норвегию напал флот из Йомсборга, полулегендарной балтийской крепости датских викингов. Хакон собрал ополчение со всей Норвегии, и опасный враг был разбит, 25 кораблей викингов были захвачены¹⁰, остальные обратились в бегство. Победа укрепила положение ярла Хакона, и он стал вести себя как всемогущий правитель и злоупотреблять своей властью по отношению к населению. Саги сохранили жалобы бондов на вымогательства и правонарушения, учиненные ярлом. В результате около 995 г. бонды Тренпелага восстали против ярла Хакона, он был убит собственным рабом, а на престол с согласия населения вступил Олав Трюггвасон, знаменитый викинг, представитель рода Харальда Прекрасноволосого, как раз в это время явившийся в Норвегию из Англии.

Несмотря на то что Норвегия была расположена на окраине средневекового мира, она не была изолирована от стран Европы, дальше продвинувшихся по пути политического и социального

¹⁰ Морские битвы в то время у скандинавов заключались в том, что флоты противников, построившие в определенном порядке, сближались и корабли брали друг друга на бордаж; целью боя было высадить дружину на борт вражеского корабля и уничтожить его команду в рукопашном бою, захватив самый корабль. Это называлось «очистить корабль».

развития. Проводниками европейского влияния были в первую очередь норвежские монархи. Вступая на норвежский престол после того, как они провели молодость в более цивилизованных и феодализованных государствах, эти короли стремились укрепить свою власть, используя в этих целях накопленную за рубежом добычу, а равно и приобретенный там политический опыт. В конце X и в первой трети XI в. короли Олав Трюггвасон (995—999 или 1000) и Олав Харальдссон (Святой) (1015—1028) последовательно проводили политику искоренения самостоятельности местных князей, и важнейшим средством этой политики явилась христианизация⁴¹.

Не говоря уже о том, что христианская церковь в Норвегии, как и везде в Европе, способствовала торжеству монархического принципа, переход к новой вере существенно подрывал основы власти старой знати, под чьим контролем был языческий культ. Разрушая капища богов и запрещая жертвоприношения, оба Олава сознательно ликвидировали триединство «культ — тинг — правитель», на котором держалось местное самоуправление. Из источников явствует, что и население ощущало связь между своей независимостью и старыми культурами. Христианизация Норвегии, проводившаяся королями с большой решительностью и жестокостью, привела к гибели части старой знати и конфискации ее владений; представители знати, уцелевшие в этой кровопролитной борьбе, были вынуждены вступать на службу к норвежскому королю. Однако, проводя христианизацию, короли прибегали не только к насилию. Имеются указания на то, что в целях обращения влиятельных людей в новую веру Олав Харальдссон подчас даровал им владения и привилегии. Со времени Олава Харальдссона можно говорить о норвежской церкви как учреждении, установленном во всей стране и подчиненном королю.

Переход от старых культов к новому (о перемене в самих религиозных верованиях приходится говорить с большой осторожностью) отразился и на институте вейцлы. Если прежде вейцла была сакральным пиром, трапезой, на которой встречались конунг и бонды и которая обеспечивала, по их убеждению, благополучие и мир в стране, то вместе со сменой культа отпала обязательность присутствия монарха на этих кормлениях. Отныне вейцла представляла собой не что иное, как способ обеспечения короля и его служивых людей материальными ресурсами. Короли продолжали свои разъезды по стране, необходимость которых вызывалась уже только потребностями управления и невозможностью перевозки продуктов на дальние расстояния. Но король мог и вовсе не посещать пиры в той или иной местности, а передать право сбора при-

⁴¹ Одним из древнейших памятников христианизации служит камень с рунической надписью из местности Кули (Нордмёре), свидетельствующий о принятии новой религии (на тинге?) в бытность на престоле Олава Трюггвасона или Олава Харальдссона.

пасов своему приближенному. То были своего рода ленные пожалования, заключающиеся, однако, в наделении ленника не землями, а поступлениями от жителей, которые по-прежнему сохраняли право собственности на свои владения.

Другим существенным отличием этих пожалований от феодалов в более феодализованных странах Европы было то, что пожалования эти в Норвегии, как и в других скандинавских странах¹², не приобретали наследственного характера: лицо, которое с разрешения короля обладало полными правами облагать население той или иной местности податями, пользовалось этой привилегией лишь на протяжении срока своей службы или пожизненно, но без права передать эту привилегию по наследству. С течением времени раздача *вейцл* выросла в целую систему материального обеспечения служилых людей короля, причем в зависимости от ранга должностного лица или дружинника размер кормления был большим или меньшим¹³. Ненаследственный характер скандинавского *лена-вейцл* имел самую прямую связь со структурой господствующего слоя и его отношением к центральной власти. Его ядро образовывали члены королевской дружины. «*Hird*» — так первоначально называлась дружина, и затем это название перешло на королевский двор (как социальное окружение короля). Невозможность превратить *вейцл* в свое полное достояние и закрепить ее в обладании семьи привязывала *вейцламанов* — держателей *вейцл* к престолу.

Древненорвежская *вейцла* находит аналогии в других странах Севера. Близки к ней отношения, складывавшиеся в тот же период и в Киевской Руси, где распространились так называемые «*окняжение*» и «*обоярение*» крестьянских земель, а затем и система «*кормлений*». нечто сходное наблюдалось и в англосаксонской Англии, где еще раньше получил развитие институт *бокленда*. Однако социальное развитие Англии пошло иначе, чем в Скандинавии, и *бокленд* из пожалования права сбора продуктовых поступлений и судебных доходов вскоре превратился в ленное наследственное пожалование поместий. *Вейцла* же в Норвегии надолго удержала свои примитивные черты, отличающие ее от феода франкского типа.

Но и введение подобной системы не происходило безболезненно для *бондов*. С изменением культа и прекращением регулярных непосредственных контактов короля с наследием *вейцла* утратила черты взаимности, эквивалентности: на смену торжественному пиру, в котором наглядно воплощалось единство правителя с народом, пришел односторонний сбор податей должностным лицом короля. Эта перемена, сливавшаяся в сознании *бондов* с уничто-

¹² *Lie M. H. Lensprincippet i Norden. Kristiania, 1907; Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. København, 1968 (2-e udg.).*

¹³ *Hirdskrå. Norges gamle Love indtil 1387. Christiania, 1848, Bd. 2.*

женнем капищ и изображений старых богов, воспринималась как насилие и поругание всех традиций.

В сагах, записанных в XIII в., содержится рассказ об «отнятии одаля» Харальдом Прекрасноволосым у всего населения страны: вследствие этой тотальной конфискации боуды превратились якобы в арендаторов короля и были выпущены платить ему за пользование своими землями. То, что эти сообщения не отражают подлинных действий первого объединителя страны, давно показано в норвежской историографии¹⁴. Но какова фактическая основа этих рассказов? Видимо, эти сообщения саг пужно сопоставить с показаниями других источников, в частности с песнями скальдов. В них Норвегия неоднократно названа одалем короля, «наследственным семейным достоянием» королевского рода. Трактовка государства как «отчины», или «вотчины», его главы относится ко времени короля Олава Харальдссона. По-видимому, укрепление королевской власти и изменения в системе вейдл,

упомянутые выше, породили идею верховенства короля над всем населением и его земельными владениями; эта идея королевского суверенитета не могла, однако, найти адекватного юридического и терминологического выражения (ибо римское право оставалось чуждым сознанию средневековых скалдинов) и интерпретировалась единственно возможным и наиболее естественным для них образом, а именно в виде «воспоминания» о будто бы пмевшей место узурпации королем-объединителем всего одаля боудов. Тот факт, что ппры-вейдлы, некогда устраиваемые населением для короля и его дружины на началах добровольности, с XI в. стали смеяться припудительным обложением, расценивался боудами как

Олав Святой.
Изображение на кости, XIV в.

¹⁴ Обзор точек зрения см.: Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии, с. 93—117.

насилие и узурпация. В действительности, разумеется, земельные владения основной массы сельских жителей (исключая усадьбы опальных магнатов и их сторопников) оставались в их собственности. Но обязанность содержать на свой счет короля и его людей и в самом деле была возложена на население и вызывала его недовольство. Это недовольство выразилось и в неоднократных случаях сопротивления бондов фискальным требованиям королевских слуг¹⁵.

Со времени Олава Харальдссона можно с известной определенностью говорить о социальной группе, на которую опирался король. В состав ее включались крупные бонды и малоимущие представители знати, рассчитывавшие на королевской службе улучшить статус и укрепить свое материальное положение. Наличие у Олава Харальдссона (как и у его предшественника Олава Трюггвасона) значительных богатств, накопленных во время викингских походов, привлекало к королю искателей наживы. Наконец, короли-христианизаторы использовали поддержку посадского или духовенства.

Тем не менее прочной социальной опоры королевская власть создать для себя еще не сумела, что незамедлительно и обнаружилось.

Усиление королевской власти, приобретение ею новых прав и полномочий, расправа с язычеством и его приверженцами, вообще политика открытого разрыва со старыми порядками, которую Олав Харальдссон проводил более решительно и последовательно, нежели его предшественники, породили глубокую вражду между ним и значительной частью старой знати, нашедшей поддержку у многих бондов. Знать перешла на сторону Кнута Могучего, короля Дании и Англии, который претендовал также на верховенство над Норвегией. Норвежские хёвдинги предпочитали далекого чужеземного государя самовластному правителю из дома Харфагров, вмешивавшемуся в их дела. Высказывалось предположение, что еще до захвата Олавом Харальдссоном норвежского престола между ним и Кнутом существовала договоренность, согласно которой Олав, служивший в качестве наемника в Англии, откажет в поддержке английскому королю, а за это Кнут, добившийся в ту пору власти над Англией, передаст ему в управ-

¹⁵ Педавпо А. Холмсен высказал предположение, что сообщения саг об «отнятии одаля» и замене его податями отражают попытку Харальда Прекрасноволосого заставить бондов содержать на свой счет королевскую дружину; рассказ в «Саге о Хаконе Добром» о том, будто бы этот король, вступая на престол, «возвратил одаля» бондам, по мнению Холмсепа, нужно толковать как замену податей службой в ополчении. См.: *Holmssen A. Nye studier i gammel historie*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976, s. 84—96. Кажется, однако, что при подобной интерпретации переоценивается «преломляющая сила» саг, запись которых к тому же произошла лишь через три столетия после изображаемых ими событий.

Гибель Олава Святого. Фреска, ок. 1300 г.

ление Норвегию или ее часть. Однако Олав правил страной в качестве самостоятельного государя, что в конце концов и привело к конфликту между ним и Кнутом Могушим¹⁶.

После поражения в войне против Дании Олаву Харальдссону пришлось покинуть Норвегию и бежать в Швецию, а оттуда дальше — на Русь, к киевскому князю Ярославу. Попытка Олава вернуть себе престол завершилась его гибелью в битве при Стикластадире (29 июля 1030 г.). Но в высшей степени символично, что это поражение короля в конце концов обернулось принципиально важной победой монархии над традиционным кре-

¹⁶ *Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800—1130. Bergen; Oslo; Tromsø, 1977, s. 116 f.*

стьянским обществом. Мятеж и убийство короля сопровождалось установлением датского верховенства над Норвегией, в условиях которого преимущества отечественной королевской власти стали очевидны, и спустя немного времени авторитет покойного Олава настолько возрос, что церковь могла провозгласить его святым, покровителем норвежских королей и даже «вечным королем Норвегии» (perpetuus rex Norvegiae). Идея сакральной королевской власти получили новое обоснование. Вместе с тем этот акт продемонстрировал наличие новой важной опоры у королевской власти — церкви.

Норвегия в церковном отношении первоначально была подчинена архиепископам Северной Германии. Католические священники в окружении норвежского короля были выходцами из Англии. Но политика, проводившаяся духовенством, прежде всего способствовала укреплению норвежской монархии. В свою очередь и церковь шла у короля поддержку, в том числе и материальную. В отличие от духовенства других стран Запада, клир в Норвегии не мог рассчитывать на лирикий приток пожертвований населения и на передачу в его пользу массы земельных владений. Отчуждению наследственных участков земли препятствовало право одаля, и попытки духовенства отменить эти ограничения большим успехом не увенчались. Владения церкви и монастырей, которые вскоре стали основываться в Норвегии, были составлены преимущественно из пожалований королей. Впоследствии они росли за счет подарков знати, а также в результате закладов недвижимой собственности бедными людьми, которые не сумели выкупить свои участки, и путем расчистки новых территорий. Далеко не сразу сумма церковь добиться и введения десятины (лишь в первой половине XII в.).

Христианизация ознаменовала новый этап в развитии Норвежского государства. Появилась идеологическая опора его, в лице духовенства в норвежском обществе возникла сила, последовательно борющаяся против старых языческих порядков, которые пропизывали всю традиционную социальную структуру. Если прежде социально-правовая община (округ тинга) была вместе с тем и культурной общиной, то теперь это единство было разбито, поскольку церковные приходы строились уже по новой схеме, не совладавшей с системой типгов.

Наряду с духовенством, тесно связанным с монархией, значительную роль в стране стали играть должностные лица короля — лендрманы. В функции лендрмана входила в первую очередь организация ополчения, в котором должно было принимать участие население. Выполнение этих военно-организационных функций неизбежно влекло за собой вмешательство лендрманов в местное самоуправление, хотя обычное право и ставило им определенные препоны. Наряду с лендрманами роль должностных лиц играли управители владений короля — армапы. Но если армапы всецело

зависели от своего господина, были людьми невысокого социального статуса, нередко рабами или потомками рабов, то лендрманы занимали сравнительно самостоятельное положение, поскольку у большинства из них были собственные, довольно крупные владения. Дело в том, что лендрманами назначались преимущественно представители старой знати, которые изъявляли готовность служить королю. Таким образом, институт лендрманов, возможно созданный по английским образцам, был плодом компромисса между королевской властью и частью старой знати.

Некоторые ученые высказывали мнение, что «родовая знать» более или менее органично и без особых затруднений приспособилась к новым государственным порядкам, вследствие чего якобы можно говорить о преемственности между социальной верхушкой скандинавского общества периода, предшествовавшего возникновению государства, и господствующей группой более позднего времени. Изучение источников рисует более сложную картину. Могущество людей, возвысившихся в эпоху викингов, основывалось на войне, грабеже, торговле, отчасти на использовании труда рабов, между тем как аристократическая верхушка в Норвегии в XI—XII вв. состояла из людей, находившихся на службе короля, которому они нередко были обязаны своим возвышением; доходы они получали частью от пожалованных им вейдл, частью — от арендаторов их собственных владений, тогда как рабы по большей части уже исчезли. Преемственность старой и новой знати в ряде случаев могла иметь место, но в целом то были две весьма различные социальные группы. Значительная часть старой знати погибла в борьбе против усилившейся королевской власти, и в сагах сохранились многочисленные рассказы о драматичных конфликтах между королем и его дружинниками, с одной стороны, и магнатами, пытавшимися сохранить свою самостоятельность — с другой.

То, что на протяжении XI и XII вв. среди лендрманов было немало родовитых людей, относительно независимых от короля благодаря своему богатству, положению в обществе, характеризует определенный этап в истории норвежской монархии и вместе с тем отчасти раскрывает тайну ее неустойчивости. Короли не могли опираться только на свою дружину, состоявшую по большей части из людей невысокого происхождения, или на духовенство, сравнительно немногочисленное и не оказывавшее еще глубокого влияния на население. Старая знать, органически связанная с традиционными социальными отношениями, оставалась сильной, поскольку и старые доклассовые порядки трансформировались в новый, более глубоко дифференцированный строй лишь медленно и с большим трудом. В Норвегии оказался невозможным тот решительный переворот в отношениях собственности и производства, какой произошел во Франкском государстве: силы «социальной инерции» проявили здесь огромную сопротивляемость.

Значительная масса бондов не превратилась в зависимых крестьян и продолжала вести самостоятельное хозяйство на собственной земле. И хотя реальное содержание их свободы и полноправия пачинало изменяться (см. ниже), норвежские бонды разительно отличались от подневольных вилланов и сервов других стран Европы того времени.

С этой существенной чертой общественного строя Норвегии, очевидно, и нужно связывать особенности ее государственного устройства в XI—XII вв. У королевской власти в Норвегии были определенные преимущества по сравнению с ослабленной и лишенной широкой опоры королевской властью в странах развитого феодализма. Норвежские короли не потеряли непосредственной связи с массой народа, поскольку между ними и этой массой не вырос могущественный класс крупных сеньеров, которые подчинили бы себе большинство крестьян и присвоили политические полномочия. В частности, король Норвегии в отличие от многих западных государей не зависел полностью и целиком от вооруженной поддержки благородных вассалов и располагал ополчением народа¹⁷.

Но и старая знать сохраняла с бондами традиционные связи, поскольку не феодализировалась и, следовательно, не жила за счет их эксплуатации. Поэтому она была способна вовлекать их в свою борьбу против тех королей, которые чрезмерно, на ее взгляд, усиливались. Мы уже видели, что в решающей схватке между Олавом Харальдсоном и «могущественными людьми» Норвегии, которые перешли на сторону датского короля Кнута Могучего, большинство бондов сражались против своего короля. И это петрудно объяснить, если вспомнить, что в качестве посетителя новшеств выступал именно король: он безжалостно искоренял языческие культы, а заодно и их приверженцев, он посягал на институт родовой мести, весьма живучей у скандинавов, он упорядочивал сбор кормлений и раздавал вейцлы своим приближенным. Дорожившее своими традициями крестьянское общество отрицательно встречало эти нововведения.

Правда, вскоре после гибели Олава Святого национальная монархия была восстановлена, сын его Магнус был возвращен из Киева на родину и возведен на престол (в 1035 или 1036 г.). Но при этом он (точнее, хьвдинги, которые правили от имени малолетнего короля) был вынужден обещать соблюдение обычаев страны и вольностей бондов и знати и отменить часть податей, введенных датскими правителями. Все эти компромиссы были временными, положение монархии в большей степени по-прежнему зависело от личности короля. Когда могучий викинг Харальд

¹⁷ О «функциональных связях» между королевской властью и бондами см.: *Seip J. A. Problemer og metode i norsk middelalderforskning.*— In: *Norske historikere i utvalg.* Oslo, 1969. Bd. 2. Samfunnsmakten brytes, s. 123—174. См. выпис, с. 20—21.

Сигурдарсон, единоутробный брат Олава Святого, возвратившись из заморских походов, в 1046 г. разделил власть над Норвегией с Магнусом Добрым, а затем стал ее единовластным государем, конфликты между королевской властью и народом вновь обострились. Харальд вполне заслужил прозвище Суровый Правитель: огнем и мечом он подавил выступления бондов, пытавшихся сохранить независимость и не желавших платить ему подати; он истребил тех хёвдингов, которые не склонились пред ним; духовенство находилось у него в полном подчинении.

При Харальде Сигурдарсоне в большей мере, чем при его предшественниках, стала заметной роль торговых центров в стране. Традиция приписывает ему основание Осло, служившего базой как для борьбы против Дании, так и для развертывания внешней торговли, поставленной под королевский контроль. Харальд упорядочил чеканку норвежской монеты и превратил ее в королевскую регалию. Показательно, что со своими дружинниками он расплачивался деньгами. При нем же началась и порча монеты.

Гибелью Харальда Сурового во время похода на Англию (1066 г.) завершается эпоха викингов. Прозвище его сына и преемника на престоле Олава — «Спокойный» (или «Бонд») не менее символично, чем прозвище самого Харальда. Наступает мирный период, во время которого культурные контакты с Западом усиливаются. Именно ко времени правления Олава Спокойного (1066—1093) относится рост городов, традиция приписывает ему основание Бергена; при нем строятся первые каменные церкви в Норвегии (до этого в стране существовали только деревянные церкви оригинальной конструкции). В это же время в Норвегии оформляется церковная организация с четырьмя епископствами, подчиненными архиепископству в Гамбурге — Бремене (до 1104 г., когда было основано архиепископство в датском Лунде).

Внешняя политика Норвегии вновь стала более агрессивной при Магнусе Голопогом (1093—1103), когда были подчинены Оркнейские острова и велась война в Ирландии, и при его сыне Сигурде, стяжавшем себе в результате участия в крестовых походах прозвище «Крестonosец» (1103—1130). При нем была введена церковная десятина, и церковь, уже располагавшая пожалованными ей владениями, теперь получила более солидную материальную основу.

Начиная с 30-х годов XII в. институциональная неустойчивость монархии проявлялась в то и дело вспыхивавших усобицах между претендентами на престол и окружавшими их кликами. Неупорядоченность наследования, разумеется, не была подлинной причиной этих конфликтов¹⁸, — невыработанность процедуры пе-

¹⁸ *Bjorgo N. Samkongedømme kontra einekongedømme.* — НТ, 1970, Bd. 49; *Blom G. A. Samkongedømme-Enekongedømme-Håkon Magnussons hertug-*

редачи власти сама по себе служит симптомом слабости монархии, слабости, в сохранении которой определенная часть знати была заинтересована. В последней четверти XII в. внутренняя смута стала все более выходить за пределы ограниченного круга социальной верхушки и вылилась в конце концов в борьбу, захватившую широкие слои населения. Эта борьба известна в истории Норвегии под названием «гражданских войн», или движения биркебейперов («березовоногих», «лапотников»).

Но прежде чем обратиться к рассмотрению этой борьбы, нужно вкратце остановиться на тех сдвигах в положении бондов, которые наложили свой отпечаток на ход и исход гражданских войн.

Как мы уже знаем, норвежский бонд оставался лично свободным. Однако конкретное содержание его свободы медленно, так сказать, подспудно, но неуклонно изменялось и сужалось. В основе этого процесса находился раздел больших семей, который начался, видимо, еще в канун эпохи викингов и растянулся на столетия, насколько можно судить по памятникам права¹⁹. Однако как реальная социальная и хозяйственная единица большая семья уже не существовала, уступив место малой, индивидуальной семье. Если в составе большой семьи, которая охватывала три поколения ближайших родственников, а также зависимых людей, мужчины занимались и хозяйственной деятельностью, и другими формами общественной активности, то для главы малой семьи прежнее сочетание производственной и общественной деятельности оказывалось все менее возможным. Бонды из полноправных деятельных членов общества, участников народных собраний и ополчения все более силой жизни превращались в крестьян, поглощенных трудом и лишь в ущерб своему хозяйству отрывавшихся для исполнения общественных обязанностей непроизводственного характера.

Из источников видно, что многие бонды уклонялись от исполнения этих публичных обязанностей — военной службы и посещения тинга (путь на тинг и обратно в природных условиях Норвегии и при рассеянном хуторском характере поселений нередко занимал длительное время). В конце концов королевской власти пришлось реорганизовать областные тинги, и из собраний всех взрослых мужчин они превратились в собрания представителей бондов, причем этих представителей со временем стали назначать не сами бонды, а духовенство и местные служилые люди²⁰. Вме-

dømme.— Det kongelige norske videnskabers selskab, Skrifter, 1972, N 18; Helle K. Norge blir en stat, 1130—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1974, s. 37 ff.

¹⁹ В норвежских «областных законах», записанных в XII—XIII вв., еще можно обнаружить явные реликты большесемейной традиции — в порядке наследования, уплаты и получения возмещений за убийство родственника, вообще в том, как изображена в этих законах структура родственных отношений.

²⁰ Helle K. Konge og gode menn i norsk riksstyring ca. 1150—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1973.

сте с тем центр тяжести в военном деле стал все явственнее перемещаться с ополчения народа на профессиональное конное войско рыцарского типа — процесс, который за два-три столетия до того начался и гораздо интенсивнее совершался во Франкском государстве, а затем и в других феодализовавшихся странах. Хотя бонды и не были полностью избавлены от воинской службы, но частично вместо явки в ополчение они могли уплатить подать, и таким образом в Норвегии появился первый постоянный налог²¹.

Эти процессы имели глубокие последствия и для бондов, и для государства в целом. Начать с того, что в более ранний период право ношения оружия, как и право судить и обсуждать общественные дела, являлось вместе с тем и обязанностью: бонд должен был участвовать в ополчении и в самоуправлении. Права и обязанности не были разделены, не противопоставлялись, ибо в эпоху викингов они еще образовывали прочное, нерасторжимое единство, в котором и выражалась свобода-полноправие члена общества. Теперь же, как мы видим, отрицательная сторона этих прав выступала на первый план, ибо стала ощущаться их обременительность; более тяжкими сделались повинности, которые население должно было нести в пользу государства. Но, стремясь избавиться от исполнения этих повинностей, бонды тем самым объективно отказывались от пользования своими правами. Внутреннее содержание традиционной свободы норвежских бондов стало изменяться таким образом, что из свободы-полноправия она отчасти вырождалась в свободу-неполноправие. То же была зависимость сеньориально-вотчинного типа, распространенная тогда в Европе, а свобода, неотъемлемой стороной которой стала эксплуатация бондов государственной властью и группировавшимися вокруг нее силами.

Подчеркивая незавершенность этого развития, тем не менее нужно видеть в нем проявление растущего общественного разделения труда между широкой массой крестьян, с одной стороны, и военной и управленческой верхушкой — с другой. Этот процесс было бы неосторожным толковать упрощенно — как последовательное распадение общества на крестьянство и господ, ибо в действительности он был намного сложнее. Дело в том, что социальное расслоение шло в среде самих бондов. Как раз в XI—XII вв. наряду с рядовыми свободными и падшими появляется новая социально-правовая прослойка — хольды (*höldar*), наиболее состоятельные и дееспособные сельские хозяева, которые отличались от основной массы бондов сохранением полноправия и активным участием в общественной жизни. Хольды не столько

²¹ Этот налог так и назывался «leidangr» (первое значение — «вооруженное ополчение»). См.: *Johnsen O. A. Die wirtschaftlichen Grundlagen des ältesten norwegischen Staates.* — In: *Wirtschaft und Kultur. Festschrift zum 70. Geburtstag von A. Dopsch.* Leipzig, 1938.

абсолютно возвысились над бондами, приобретя какие-либо новые привилегии²², сколько остались на уровне прежнего полноправия, тогда как прочие бонды явственно деградировали в социально-юридическом, а отчасти и в имущественном отношении. Но вследствие подобного размывания прежде более однородного слоя бондов хольды оказались в положении привилегированных. Полноправие стало привилегией, тогда как обычная свобода приобрела оттенок неполноправия, своего рода государственной зависимости.

Вместе со всеми этими переменами должна была измениться и социальная база королевской власти. Королю отныне приходилось рассчитывать не столько на народное ополчение, члены которого могли к тому же обладать лишь довольно примитивным оружием, сколько на профессиональное рыцарство. В судебных и административных вопросах король имел дело не с массой бондов, а с элитой — «могучими бондами», «лучшими бондами», хольдами. Аристократизация государства сделала определенные успехи.

Но если, с одной стороны, часть бондов стремилась избавиться от несения публичных повинностей, то, с другой — она не могла не страдать от ущемления своей свободы, и это порождало недовольство. Поскольку центр тяжести в государственных делах перемещался «кверху», поскольку основную роль в управлении стали играть могущественные люди, приближенные короля, усиливался их нажим на бондов, росли поборы, притеснения и произвол, факторы, порождавшие широкое социальное брожение.

Во второй половине XII в. заметно возрос удельный вес той части крестьян, которые уже не являлись собственниками своих наделов. Либо это были разорившиеся бонды (при крайней отсталости и консервативности сельского хозяйства разорение легко могло постигнуть весьма многих), либо люди, которым пришлось снимать земли у церкви или светских собственников и у других крестьян, либо поселенцы на вновь расчищенных территориях, которые к тому времени были объявлены собственностью короля. Таким образом, слой лейлендингов — арендаторов земли стал существенным компонентом общества. Лейлендинга нельзя приравнять к зависимым держателям в других странах феодальной Европы, но некоторые элементы личного неполноправия в ту эпоху неизбежно сопровождали материальную зависимость. В условиях господствовавшего в Норвегии натурального хозяйства эксплуатация арендаторов усиливалась незначительно, и антагонизм между лейлендингами и крупными землевладельцами вряд ли мог приводить к серьезным вспышкам борьбы между ними. Основным социальным противоречием, которое порождало

²² Таково мнение К. Маурера. См.: *Maurer K. Die norwegischen hölðar. — Sitzungsberichte der königlich Bayer. Akademie der Wissenschaften. Philol.-philol. Cl. (1889), München, 1890, Bd. 2, H. 2.*

конфликты, было противоречие между боярами и государственной властью²³.

Норвежское общество XI—XII вв. включало уже и городских жителей. Города, спорадически игравшие роль в экономической жизни Норвегии еще в эпоху викингов, стали развиваться с конца XI в. и вскоре сделались центрами иностранного, преимущественно немецкого, проникновения. В результате королевская власть, державшая внешнюю торговлю под своим контролем, но пуждавшаяся в материальных средствах, которые ей могли гораздо легче предоставить богатые чужеземные предприниматели, нежели скромные норвежские купцы, была принуждена идти на широкие уступки иностранцам (см. подробнее ниже).

Таким образом, на протяжении XII в. неуклонно происходили изменения, которые в конце концов породили широкий и сложный социально-политический кризис. Социальный протест бедняков и обездоленных; недовольство бондов; конфликт между старой знатью, возглавляемой лендрманами, и «повыми людьми», которые выдвинулись на государственной службе и были обязаны возвышением только королю; противоречия между разными областями страны, отстаивавшими свои традиции и относительную самостоятельность; рост противоположности между городским и сельским населением — все эти конфликты еще более осложнились вмешательством в норвежские дела соседних держав и борьбой между норвежской монархией и католической церковью, которая везде в Западной Европе в XII в. добивалась более независимого положения по отношению к государственной власти (отголоски борьбы за инвеституру и конфликта между империей и папством в конце XII в. достигли и Севера). Тянувшееся уже десятилетиями соперничество претендентов на престол переросло в гражданскую войну.

На первом этапе гражданских войн (конец 70-х — начало 80-х годов XII в.) против группировки лендрманов, возглавляемой их ставленником — королем Магнусом и его отцом — ярлом Эрлингом Кривым и поддерживаемой высшим клиром, выступали самозванец Сверрир и его приверженцы — биркебейнеры, деклассированные элементы, выходцы из пизов. Сверрир выдавал себя за незаконнорожденного сына конунга из династии Харфагров. В отличие от предшествовавших самозванцев, он оказался способным политиком, опытным демагогом, одаренным и удачливым

²³ Напротив, некоторые норвежские историки склонны видеть основную причину гражданских войн в экономическом развитии страны в XII в., в особенности подчеркивая превращение значительной части независимых бондов в арендаторов. См.: *Holmsen A. Norges historie. Fra de eldste tider til eneveldets innførelse i 1660.* Oslo; Bergen; Tromsø, 1974, s. 220. 237; *Norges historie.* Oslo, 1976, Bd. 2, s. 358, 407; Oslo, 1976, Bd. 3, s. 209 ff, 271 ff. Не смазывается ли при этом своеобразие социального развития Норвегии? Ср., однако: *Helle K. Norge blir en stat, s. 27 ff.*

воспачальником. В противоположность королю Магнусу Эрлингсону, который всецело зависел от знати, Сверрир охотно прибегал к социальной пропаганде, обещая примкнувшим к нему беднякам передать им, в случае победы, высшие должности и богатства ландрманов. Однако к Сверриру примкнула и часть знати, недобольной правлением ярла Эрлигга и короля Магнуса. Своими успехами в борьбе с противниками Сверрир во многом был обязан произведенным им преобразованиям в военной области. При нем были возведены первые каменные укрепления в Норвегии — в Нидаросе и Бергене. Норвегия — страна, в которой уже и в силу характера местности негде особенно широко развернуться коннице; к тому же содержание тяжксловооруженного рыцарства обходилось весьма дорого. Тем не менее роль кавалерии при Сверрире возросла. Он отказался от малоподвижного боевого строя сухопутного войска «свиныйей»²⁴, руководство которым в ходе битвы было мало эффективным, и вводил в действие отдельные небольшие маневренные отряды, что дало ему возможность добиться победы в пескольких боях, в которых численное превосходство было на стороне противника.

Новую тактику Сверрир применил и в морских битвах. Принятое на Севере построение флота (корабли выстраивались в ряд, причем песколько кораблей, стоявших рядом, были связаны между собой канатами, что давало выгоду при оборонительной тактике, но, естественно, лишило их мобильности) было заменено самостоятельным маневрированием отдельных судов. Военные преобразования Сверрира имели результатом перемещение центра тяжести с малодисциплинированного народного ополчения на отряды профессиональных воинов, какими стали биркебейсеры, и изменение роли военачальника. Согласно старой скандинавской традиции, главный бой развертывался вокруг знамени конунга, который мог, собственно, только подавать пример личного мужества, и войско сражалось до тех пор, пока был жив и сражался сам конунг. Сверрир предпочитал личному участию в схватке на одном узком се участке общее руководство битвой. В результате его войско могло перейти в контратаку даже после неудачного начала боя, тогда как прежде это было невозможным ни в тактическом отношении, ни психологически: войско, не видевшее в первых рядах сражавшихся своего вождя, обычно разбегалось. Едва ли можно сомневаться в том, что многие из тактических новшеств Сверрир заимствовал в других странах²⁵.

Сверрир не остановился перед тем, чтобы пойти на открытый разрыв с церковью, и пренебрег даже папским отлучением. Свои

²⁴ Построение «свиныйей» представляло собой сплоченный отряд пешех воинов, идущих в бой клипом, прикрываясь щитами. Возможности маневрирования при таком построении были очень ограниченными, равно как и возможность противостоять натиску тяжеловооруженных всадников.

²⁵ Norges historie, Bd. 3, s. 104 ff.

притязания на власть он обосновывал ссылками на «Законы святого Олава», т. е. на старинные традиции, в защите которых бонды видели условие сохранения своих вольностей, тогда как Магнус Эрлингссон опирался на новый закон о престолонаследии (1163 г.), принятый при активном участии высшего духовенства и ставивший монархию под контроль церкви.

Летом 1179 г. пал Эрлинг Кривой, а песколькими годами позже в результате успешных военных действий Сверриру удалось захватить норвежский престол (в 1184 г., когда погиб и Магнус Эрлингссон). Характерно, однако, что при этом его приверженцы биркебейнеры, захватив государственные должности и земельные владения, отнятые у истребленных или оттесненных ими представителей знати, возвысились и порвали с крестьянским движением. Впервые в истории Норвегии в такой мере произошло сплочение социальной верхушки вокруг престола: высочки, всем обязанные королю, видели в прочной монархической власти гаранта своего господствующего положения. Поддерживавшие же их крестьяне ничего от смены династии не получили и, разочарованные, продолжали бунтовать, но их выступления, как и мятежи, поднятые новыми самозванцами, были жестоко подавлены.

Сверррр умер в 1202 г. в разгар борьбы. При его преемниках в расправе над восставшими бондами принимали участие как биркебейнеры (из пренебрежительной клички это слово стало теперь почетным званием), так и их противники — баглеры (приверженцы «церковной партии», от «bagall» — «епископский посох»).

Сохранилось немало суждений современников о Сверрире. Эти высказывания принадлежат его врагам из церковных кругов и предельно отрицательны: «орудие дьявола», «дерзкий узурпатор», «богохульник», «богоотступник», «дьявольский священник», «черт» (последнее суждение принадлежит папе Иннокентию III). Мыслившим традиционно представителям духовенства личность Сверрира была непонятна и чужда, и естественно было объяснять поведение этого человека связью его с нечистой силой. Соответственно и его решающую победу в морской битве над королем Магнусом Эрлингссоном английский хронист приписывает «дьявольскому вмешательству». Но, как гласит «Сага о Сверрире», даже враги его признавали, что на их памяти подобного человека не было в Норвегии.

В норвежской историографии нового времени высказывались различные оценки Сверрира как человека и политика. В нем видели последовательного борца против аристократии, революционера и даже провозвестника своего рода «коммунизма» (П. А. Мунк), представителя демократической монархии (Э. Сарс), социального новатора, «первого человека нового времени» (А. Бюгге), прозорливого политика, стоявшего на уровне современной ему европейской государственно-правовой мысли (Ф. Поске). В противоположность этим оценкам Э. Бюллер, Ю. Скрейнер и А. Холмсен

видели в Сверрире не столько радикального обновителя, сколько энергичного продолжателя традиционной политики норвежской монархии XII в., ориентировавшейся на крупных землевладельцев. Х. Кут называл политику Сверрира антиаристократической, так как, по его мнению, он покончил с союзом королевской власти со знатью; новое в правлении Сверрира Кут усматривал в том, что при нем началась борьба монархии против знати²⁶. Есть основания полагать, что Сверрир руководствовался в своей деятельности не столько какой-то разработанной последовательной политической или идеологической программой, сколько поступал, исходя из практических нужд и требований обстановки. Признавая его выдающиеся личные качества как воспальщика и государственного деятеля, пужно подчеркнуть, что одной из первейших забот Сверрира было содержание постоянного профессионального войска, для чего требовались все более высокие подати, и упрочение фискального и судебного аппарата не могло не стоять в центре его внимания. Объективным результатом его борьбы явилось упрочение государства.

Но это упрочение произошло не сразу, и борьба между баглерами и биркебейцерами, временно создавшими обособленные королевства (биркебейцеры — в Треннелаге и Вестланне, баглеры — в Эстланне), равно как и борьба против мятежников — претендентов на престол и восставших крестьян тянулась довольно долго. Последние выступления завершились во второй половине 20-х годов XIII в.

К середине XIII в. положение королевской власти укрепились, враждовавшие между собой группировки знати достигли примирения, сложилась привилегированная верхушка общества, в которую входили светские и церковные крупные землевладельцы, приближенные короля и его служилые люди, обладатели королевских пожалований, а также часть хольдов. Симптоматично, что в памятниках XIII в. хольды названы «рыцарями». Со времени гражданских войн в Норвегии появился институт так называемых сюсельманов, служилых людей короля, которые сосредоточивали в своих руках контроль над местным управлением, сбор налогов и военную власть. В отличие от знатных лендрманов сюсельманы были люди незнатные, преданные королю, которому они всецело были обязаны своим возвышением.

Одновременно король стал назначать судебных чиновников — лагманов, которые до этого времени выбирались бондами. Институт сюсельманов и лагманов серьезно подорвал местное самоуправление бондов, подчинив его государству. Потеряв прежнее влияние на общественные дела, крестьянство было в основном

²⁶ Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Проблемы социальной борьбы в Норвегии во второй половине XII — начале XIII в. в норвежской историографии. — Средние века. М., 1959, вып. 14.

низведепо до положения простых производителей, за счет которых жила новая аристократия, но преимуществу группировавшаяся вокруг престола.

Памятники права XIII в. при характеристике аграрных отношений исходят из деления на земельных собственников и арендаторов, и хотя это деление не совпадало с противоположностью между знатью и крестьянами (поскольку немалая часть последних тоже являлась земельными собственниками), оно было отныне более существенным и отражало действительное положение, нежели старое членение общества на знать, полноправных бондов и рабов, сохранившееся по традиции в записях права отдельных областей страны.

Никогда до этого времени Норвежское государство в такой степени не приближалось по структуре и организации, как и по своему оформлению, к европейским феодальным королевствам. Из гражданских войн вышло государство, которое завершило ранний этап своего развития.

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, что вряд ли было бы справедливо рассматривать историю раннефеодального государства в Норвегии как чисто внутренний, самодовлеющий процесс. Ее можно понять, только учитывая и общеевропейское развитие, от которого исходили мощные и многообразные стимулы. Самый институт королевской власти в немалой степени сформировался здесь под западным влиянием. Важнейшей опорой королевской власти, источником определенных организационных образцов и идеологической санкцией ее явилась церковь (что мешало возникновению острых конфликтов между ней и монархией). Северогерманская традиция, восходящая к архаическим временам варварства, и феодальная государственность католической Европы — таковы два полюса того силового поля, в котором складывалось раннее государство в Норвегии ²⁷.

²⁷ О соотношении внутренних и внешних факторов в социально-политической истории Норвегии этого периода см.: *Helle K. Tondenser i nyere norsk høymiddelalderforskning.*— *Nytt fra norsk middelalder.* II. Oslo, 1970, s. 29 ff.

РАСЦВЕТ НОРВЕЖСКОЙ МОНАРХИИ В XIII В.

Из гражданских войн норвежская монархия вышла окрепшей. Основанной Сверриром династии удалось утвердиться на престоле. Отныне норвежские короли правили как наследственные государи божьей милостью. Правда, в ту пору Сверрира Хакону IV Хакон-ларсону, коронованному в то время, когда борьба между биркебейнерами и баглерами еще продолжалась, в первый период своего царствования пришлось столкнуться с сопротивлением части аристократии. Наиболее драматичным эпизодом борьбы этого периода был мятеж могущественного герцога Скули. Скули правил страной при короле Хакоме в качестве ярла, затем герцога и в свое время приложил немало сил для упрочения внешнеполитического положения Норвегии и для сплочения аристократии вокруг престола. Герцог обладал огромными лесами и доходами и породнился с королем, который взял в жены его дочь. Когда же в 1239 г. Скули попытался захватить престол, свергнув Хакона, то не смог заручиться поддержкой знати и потерпел поражение. Его побег не удался, и он был убит (в 1240 г.). Несмотря на то что Скули был более крупной личностью, чем сам король, потребность господствующего класса в прочном режиме и в монархическом авторитете была столь велика, что Хакоп справился с выступлением непокорного герцога и добился умиротворения Норвегии. Со времен Харальда Прекрасноволосого ни один норвежский король не занимал престола такое же долгое время, как Хакоп IV («Старый»), — почти столетия, с 1217 по 1263 г. В 1247 г. высшее духовенство, получившее от короля подтверждение своих юрисдикционных и иных привилегий, согласилось с принципом наследственности монархии, а в 1260 г. был принят новый закон о престолонаследии, который окончательно закрепил эту форму правления.

XIII век вошел в историю Норвегии под названием «эпохи расцвета». Именно в это время страна переживает заметный подъем, экономический, политический, культурный. Последний особенно бросается в глаза. Продолжается строительство замечательных деревянных церквей; они не имеют параллели в других странах и вместе с тем обнаруживают следы влияния англосаксонской

или англонормандской церковной архитектуры. В городах, которые наконец становятся существенным фактором общественной жизни (Тандарос — Тронхейм, Берген и др.), возводятся большие каменные романские соборы; их строят и украшают приглашенные из-за границы мастера. Во второй половине столетия в норвежскую церковную архитектуру начинает проникать готический стиль. Переводятся французские рыцарские романы. Крепнут культурные связи с ведущими странами феодальной Европы. Под иноземным влиянием меняются моды. Норвежская знать приобретает западный лоск. На смену старым героическим воинским идеалам приходят рыцарские утонченность и обходительность, придворные нравы и обычаи, церемониалы и ритуалы, куртуазность (а с нею появляется и термин «kurteiss» — от французского «courtois»). Наряду с привычным германским напитком — пивом за столом знати появляется привозное вино; среди предметов импорта значатся тонкие ткани и иные предметы роскоши. В норвежских городах постоянно звучит иностранная, прежде всего английская и немецкая, речь.

Все это не означало, однако, что с древнескандинавскими традициями было покончено. В церквях и соборах романская скульптура соседствует с резными изображениями драконов, некогда украшавшими штевни викингских кораблей. «Сага о Хаконе Хаконарсоне» рассказывает, что перед смертью этот государь приказал развлекать себя чтением, но не романов о рыцарях или любовных историй, а саг о норвежских конунгах. Эти саги отчасти были написаны в Исландии, но в конце XII и в XIII в. саги составляются и в самой Норвегии. Исторические повествования записывались как на древнорвежском языке, так и по-латыни. Эти сочинения, продолжавшие самобытную норвежско-исландскую традицию, отчасти отразили и континентально-европейское влияние. Под прямым воздействием католической житийной литературы сочинялись легенды о святом конунге Олаве. Старое и новое, местное и европейское сосуществовали и переплетались¹. С 70-х годов XIII в. ярла стали титуловать «герцогом» (как мы видели, этот титул sporadически применялся и в первой половине века), лендрмапов — «баронами», а дружинников короля — «рыцарями», и всех их вместе — «господями»².

Средневековье — эпоха всякого рода «зеркал», и в Норвегии около середины века появляется «Королевское зеркало» (Konungs skuggsjá). На западный манер, хотя и на древнорвежском языке, в нем в форме диалога между отцом и сыном излагаются поучения для юного государя. Норвежская монархия приближается, по крайней мере своей парадной стороной, к средневековой

¹ Kinck H. E. Storhetstid. Kristiania, 1922. См. ниже, с. 586—587.

² В 1308 г. король Хакон V упразднил титулы ярла и лендрмапа, покончив тем самым с последственными традициями аристократов.

феодалной монархии. Процедуры коронации монарха и сопровождавшие их пиры и празднества обставляются с большой пышностью и торжественностью.

Хотя в народе жила память о языческих временах, христианизация сделала немалые успехи. В «Саге о баглерах» содержится любопытное сообщение об одном кузнеце, которого в первые годы XIII в. посетил незнакомец, велевший ему подковать его коня. Кузнец был поражен как гигантскими размерами лошадиных копыт, так и рассказом гостя о том, что предыдущую ночь он провел в другой части страны, а вечером того же дня намерен быть на границе со Швецией. На прощанье всадник открыл ему, что он не кто иной, как сам Один, и ныне навсегда покидает Норвегию³. Языческим богам более нечего было делать в стране.

В то время как в отношении быта, материальной, а отчасти и духовной культуры Норвегия приобщалась к западному средневековому миру, делаясь его провинцией, в некоторых других отношениях, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, она шла впереди стран Европы. Раньше, чем во Франции или Англии (не говоря уже о переживавших углублявшийся политический беспорядок Германии и Италии), равно как и других скандинавских странах, в Норвегии появилось общегосударственное законодательство.

До XIII в. в стране действовали старые областные уложения, записи права и обычаев, которые имели много общего с «варварскими правдами» германцев: «Законы Фростатинга» — для Северо-Западной Норвегии, Треннелага; «Законы Гулатинга» — судебник для Юго-Западной Норвегии; «Законы Боргартинга» и «Законы Эйдсватинга» — для Юго-Восточной Норвегии. Наряду со старыми нормами, истоки которых восходили к догосударственному периоду, в эти сборники на протяжении XII и XIII вв., когда записывалось и редактировалось право (передававшееся в более раннее время в устной традиции), были внесены поправки и дополнения, продиктованные изменившимися условиями: разделы о полномочиях короля, о правах и привилегиях духовенства, об обязанности населения по отношению к монарху и церкви и др. Вместе с тем, стремясь обеспечить себе верность бондов той или иной области, короли давали им некоторые льготы, опять-таки зафиксированные в судебныхниках. Окончательный вид «областные законы» приняли в 60-е годы XIII в. Однако вскоре после этого королем Магнусом, сыном Хакона Старого, был принят «Ландслов», закон, общий для всей страны. Он был провозглашен на собрании знати и прочих служилых людей в 1273 г. и утвержден затем на областных тингах на протяжении нескольких последующих лет. «Ландслов» покончил с правовой раздробленностью областей. В результате норвежская монархия получила важное сред-

³ Kongesoger. Sverre-soga, Baglarsoger. Oslo, 1962, s. 253 f.

ство более действенного юридического контроля над подданными. Этот контроль осуществлялся магманами и сюсельманами, чиновниками, всецело подчиненными центральной власти.

Нужно, впрочем, отметить, что и общенорвежский закон по содержанию своему не был всецело нововведением. В основу его в большой мере были положены все те же старые судебники, преимущественно «Законы Гулатинга». В короле не видели творца права, и сам он вряд ли осознавал себя в качестве такового: он мог лишь «улучшать» действующее право, не порывая с традицией. Недаром Магнуса VI Хаконарсона (1263—1280) именовали «Lagabaetir», Исправитель Законов. Точно так же законодательные нововведения норвежских королей той эпохи именовались «rettarbaetr», «дополнения к праву», «улучшения права». Таким образом, правовая инициатива принимала облик усовершенствования и пополнения освященной временем традиции, хотя при Хаконе V Магнуссоне (1299—1319) законодательные функции короля получают большее признание. Как видим, и в юридической сфере общественной жизни новое не вытесняло решительно старое.

Но этот традиционализм не должен заслонить тех сдвигов, которые происходили в праве. Новое законодательство окончательно отменило наследие предшествовавшей эпохи — кровную месть, и преследование преступников сделалось исключительным правом служилых людей короля. В XIII в. было покончено с такими устаревшими приемами судебной процедуры, как испытание раскаленным железом для выяснения виновности обвиняемого или для доказательства законнорожденности. Главное же новшество заключалось в том, что законодательная инициатива, которая прежде принадлежала бондам, отныне стала исключительной прерогативой короля. Почти одновременно с «Ландсловом» было принято специальное законодательство для городов. Законодательство Магнуса Хаконарсона несет на себе отпечаток более абстрактной юридической мысли, нежели сугубо конкретные и казуистичные положения старого права. В числе «лучших людей», участвовавших в выработке «Ландслова», были лица, которые получили юридическое образование в Европе, знатоки римского и канонического права⁴.

В XIII в. Норвежское государство достигает своих максимальных территориальных размеров. Емтлани, область, расположенная на границе между Норвегией и Швецией, со времен Сверрира входил в состав Норвегии. Власти норвежского короля подчинялись Шетландские и (частью) Оркнейские острова. В 1260-е годы было покончено с самостоятельностью Исландии. Норвежские короли издавна имели виды на этот остров, но им долго не удавалось добиться признания их верховенства исландцами.

⁴ Канцлер Бьярни Лодинссон (80-е годы XIII в.) был магистром и профессором университетов Болоньи и Парижа.

Теперь население Исландии, жестоко страдавшее от непрестанных усобиц магнатов, вынуждено было принять чиновников норвежского короля Хакона. Этому способствовал ряд обстоятельств: возросла зависимость Исландии от Норвегии в церковном отношении (духовенство острова паходилось под управлением норвежского архиепископа), равно как и экономическая зависимость, поскольку у исландцев отсутствовал собственный флот, и важнейшие продукты, в которых население постоянно нуждалось, ввозились из Норвегии. Норвежские короли умело пользовались раздорами между знатными исландцами, привлекая часть их к себе на службу и используя их в качестве орудий для осуществления своей политики подчинения Исландии. Выступая гарантом сохранения внутреннего мира в Исландии и обещая палатить ежегодный привоз необходимых товаров на норвежских судах, король добился того, что в 1262 г. на альтинге была принята присяга верности норвежскому монарху; в течение следующих двух лет ее принесли жители всего острова. Старое право Исландии было заменено новыми законодательными уложениями 1271—1273 гг. и 1281 г. Страной стали управлять королевские чиновники. Вместе с Исландией под власть короля Норвегии перешла и колонизованная исландцами Гренландия.

На северо-восточной окраине Норвегии с IX в. стали облагаться данью живущие там саамы. В те времена небольшие родовые группы саамов, занимавшиеся кочевым оленеводством и охотой, расселялись на большом пространстве от Ледовитого океана до Ботнического залива и до Онежского и Ладожского озер (включая северную половину Швеции и Финляндии), т. е. жили и в зоне тундры, и в лесной полосе. Норвежские власти распространили обложение данью на саамов тундровой зоны — современной области Финмаркен, непосредственно прилегавшей к северо-восточной окраине норвежской области Халогаланд (где частично также жили саамы). К XIII в. норвежские короли обложили данью и саамское население в тундре соседнего с Финмаркеном Кольского полуострова. Побережье Финмаркена, имевшее благоприятные условия для приморского рыболовства, постепенно заселялось норвежскими крестьянами-рыбаками.

В XII—XIII вв. в саамскую тундру с юга стали проникать повгородские данщики, к тому времени уже обложившие данью огромную территорию от Балтики до Белого моря и до Урала, заселенную финно-угорскими племенами (включая и живших в лесной и лесотундровой зоне саамов). Новгородские данщики (одновременно с норвежскими) обложили данью саамов Кольского полуострова, а затем распространили сбор дани и на западную часть саамской тундры — на территорию Финмаркена. Уже в первой половине XIII в. саамы Финмаркена и Кольского полуострова платили одновременно две дани — Новгороду и Норвегии.

Тогда же, в первой половине XIII в., в Финмаркен стали проникать карелы, осваивавшие пространства от Белого моря до Ботнического залива и далее на север в поисках удобных мест для пушной охоты и рыбной ловли. Появление карел в Финмаркене резко обострило политическую обстановку в этой пограничной области; норвежские чиновники пытались собирать здесь дань и с карел, но карелы, являясь подданными Новгорода, оказывали сопротивление норвежским сборщикам. Государственные интересы Норвегии и Новгорода встретились, в тундре Финмаркена начались вооруженные столкновения.

Управлявший Новгородским государством Александр Невский решил добиться мирного разрешения конфликта с Норвегией. В 1251 г. в Тропхейме, а затем в Новгороде состоялись переговоры об урегулировании отношений в пограничных областях, закончившиеся заключением первого договора между Русью (Новгородским государством) и Норвегией⁵. Договор положил начало постоянной системе отношений между двумя государствами, ставшими с тех пор соседями на Крайнем Севере Европы. Он узаконил реально сложившуюся к середине XIII в. ситуацию — сбор дани и порвежцами, и новгородцами со всей территории саамской тундры — и Финмаркена, и Кольского полуострова; все это пространство от западной границы Финмаркена — Люшген-фьорда и до восточного берега Кольского полуострова (кроме уже имевшего русские поселения юго-восточного побережья полуострова) официально стало общим округом по сбору дани с саамов обоими государствами — Норвегией и новгородской Русью. Общий округ по сбору дани просуществовал до начала XVII в.

С 70-х годов XIII в. и до 20-х годов XIV в. политическая обстановка в саамской тундре обострялась, новгородские подданные — карелы в Финмаркене возобновили столкновения с норвежскими данщиками и поселенцами. В то время как с норвежской стороны продолжалось освоение побережья Финмаркена, с русской стороны стало осваиваться поморами-промышленниками из Подвигья северное побережье Кольского полуострова. К началу XIV в. на западном берегу Варагер-фьорда возникло селение Варгё (пыне Вардё), ставшее на протяжении многих веков крайним пограничным поселением норвежской территории. Видимо, тогда же к Варагер-фьорду подошли, промышляя у побережья Кольского полуострова, и русские поморы. Так, в начале XIV в. у южного берега Варагер-фьорда стихийно установилась фактическая граница территорий, колонизованных обеими сторонами.

Для прекращения вооруженных столкновений в Финмаркене в 1326 г. в Новгороде был заключен второй договор Норвегии

⁵ Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию. — Вопросы истории, 1945, № 4, с. 112—116.

с Русью, была закреплена уже реально сложившаяся сухопутная граница двух государств. Договор не содержал точных географических указаний о местонахождении границы, но скорее всего она проходила у южного берега Варангер-фьорда, там, где она в сохранившихся источниках известна с 70-х годов XVI в., т. е. на Паз-реке (впадающей в Варангер-фьорд); граница эта является в настоящее время старейшей из современных государственных границ нашей страны⁶. Граница Норвегии и России на протяжении многих веков была мирной границей, никогда не нарушавшейся войнами.

* * *

Управление Норвегией заметно модернизировалось. Если прежде королю было необходимо лично разъезжать по областям для того, чтобы осуществлять контроль над населением, собирать подати и выполнять функции военного предводителя, то теперь он был в состоянии поручить часть своих полномочий чиновникам. Возрастает объем государственной переписки, из центральной канцелярии короля, которая оформляется именно в это время (канцелярию обслуживали духовные лица, возглавляемые канцлером, хранителем королевской печати), исходит большое число предписаний местным властям.

Время от времени созывается совет королевства (riksmøte) для обсуждения и решения важнейших дел. В это собрание входили «все лучшие люди страны»⁷: лендманны (число их в XIII в. было ограничено 10—15 лицами), лагманны и сюельманны, а равно и епископы и аббаты. Но кроме них, от каждой епархии назначались «лучшие бонды», обычно по 12 человек. Соответственно решения совета королевства рассматривались как получившие одобрение не одной только светской и церковной знати и служилых людей короля, но и бондов. Подобные собрания изредка созывались начиная с середины XII в., первое — в 1152/53 г. в связи с учреждением архиепископства, затем в 1163/64 г. для принятия закона о престолонаследии. Более частым стал их созыв при Хаконе Старом. Наряду с этим Хакон IV и Магнус VI Хаконарсон созывали и собрания одних лишь магнатов, без приглашения «лучших бондов» (начиная с 70-х годов их вообще не приглашали на совет). Норвежский совет королевства (его функции в основном сводились к подаче советов государю и к одобрению его решений) не превратился в какое-

⁶ *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией.— Исторические записки, 1945, т. 14, с. 44—51; *Он же.* Русско-норвежский договор 1326 года.— Скандинавский сборник. Таллин, 1970, вып. 15, с. 63—71.

⁷ *Helle K.* Konge og gode menn i norsk riksstyring ca. 1150—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1972.

либо подобие сословного парламента, решения которого не могли обладать законной силой без участия горожан. Тот факт, что, несмотря на свой преимущественно аристократический состав, совет королевства не ограничивал власти короля и не стал обязательным институтом, как нельзя лучше характеризует отношение социальной элиты к государственной власти в период после завершения гражданских войн. Эта особенность государственного управления Норвегии связана, конечно, и со слабостью городов, и с неразвитостью налоговой системы (известно, что в других странах средневековой Европы сословное представительство занималось прежде всего вотивированием налогов). В более позднее время роль государственных собраний в Норвегии не только не возросла, но и сократилась по сравнению с XIII столетием.

Большее значение имел для управления страной узкий совет короля (*Kongsråd*), в который входили высшие чины и королевские приближенные. В частности, он действовал в качестве регентского совета в годы малолетства монарха, например в первые годы царствования Эйрика Магнуссона (1280—1299).

Местное управление во всевозрастающей степени переставало быть самоуправлением. Суд, сбор податей, военное ополчение, охрана порядка — короче, вся власть на местах сосредоточивалась в руках королевских чиновников, сюзельманов и лагманов. Численность представителей бондов, которые должны были посещать областные тинги, неуклонно сокращалась, равно как и менее реальным становилось их участие в обсуждении дел. То, что бонды время от времени посылали своих уполномоченных на государственные совещания, отличает Норвегию от более феодализованных стран той эпохи и свидетельствует о сохранении некоторых демократических традиций; но, во-первых, уполномоченные не избирались крестьянами, а назначались местными властями и духовенством, во-вторых, их роль на этих совещаниях была пассивной: их присутствие лишь придавало собранию видимость представительного.

Пожалуй, еще более существенным признаком «модернизации» государственной жизни со второй половины XII и в XIII в. явилась частичная замена воинской службы бондов в ополчении уплатой лейданга, первого светского налога в Норвегии (помимо церковной десятины). Эта реформа, диктовавшаяся и непосредственной заинтересованностью казны, и потребностью государства в создании профессионального войска, более эффективного, нежели крестьянское ополчение, имела далеко идущие социальные последствия. Независимо от того, была такая замена желательна для бондов или нет, пужно полагать, что объективно освобождение крестьян от повинности, несение которой отрывало их, и нередко надолго, от хозяйства, дало положительные экономические результаты. Вместе с тем эта реформа способствовала дальнейшему вытеснению крестьянства из общественной жизни,

лишала его влияния на управление и углубляла то размежевание социальных функций между классом воинов и классом сельских тружеников, которое намного раньше и более последовательно произошло в крупных странах Европы и определило их феодальное развитие. Однако в отличие от Швеции в Норвегии бонды не были полностью освобождены от воинской повинности, в особенности от обязанности на свои средства выставлять боевые корабли.

Как уже было сказано, господствующий класс в XIII в. спланируется вокруг короля. О его организации и структуре некоторое представление дает «Дружинный устав» (*Hirdskrá*), регулировавший статус и отношения внутри светской части верхушки общества. Такой устав существовал уже при Сверрире (но не сохранился). То, что устав XIII в. (его редакцию датируют 70-ми годами) именуется «дружиной» (*hird*), собственно, не вполне соответствовало этому названию. Речь шла не о боевом отряде, подчиненном королю, а о разных категориях в составе норвежского рыцарского сословия, которое оформляется в это время и приобретает ту степень зрелости и обособленности, которая вообще была доступна светским господам в Норвегии. Служилая аристократия группируется непосредственно под главенством короля в относительно замкнутую корпорацию. Члены ее, принадлежавшие к разным рангам, получали вейцлы — кормления разной доходности и обладали неодинаковыми привилегиями. Однако привилегии эти, в частности фискальные, были более ограниченными, чем привилегии шведских господ в том же XIII в.⁸

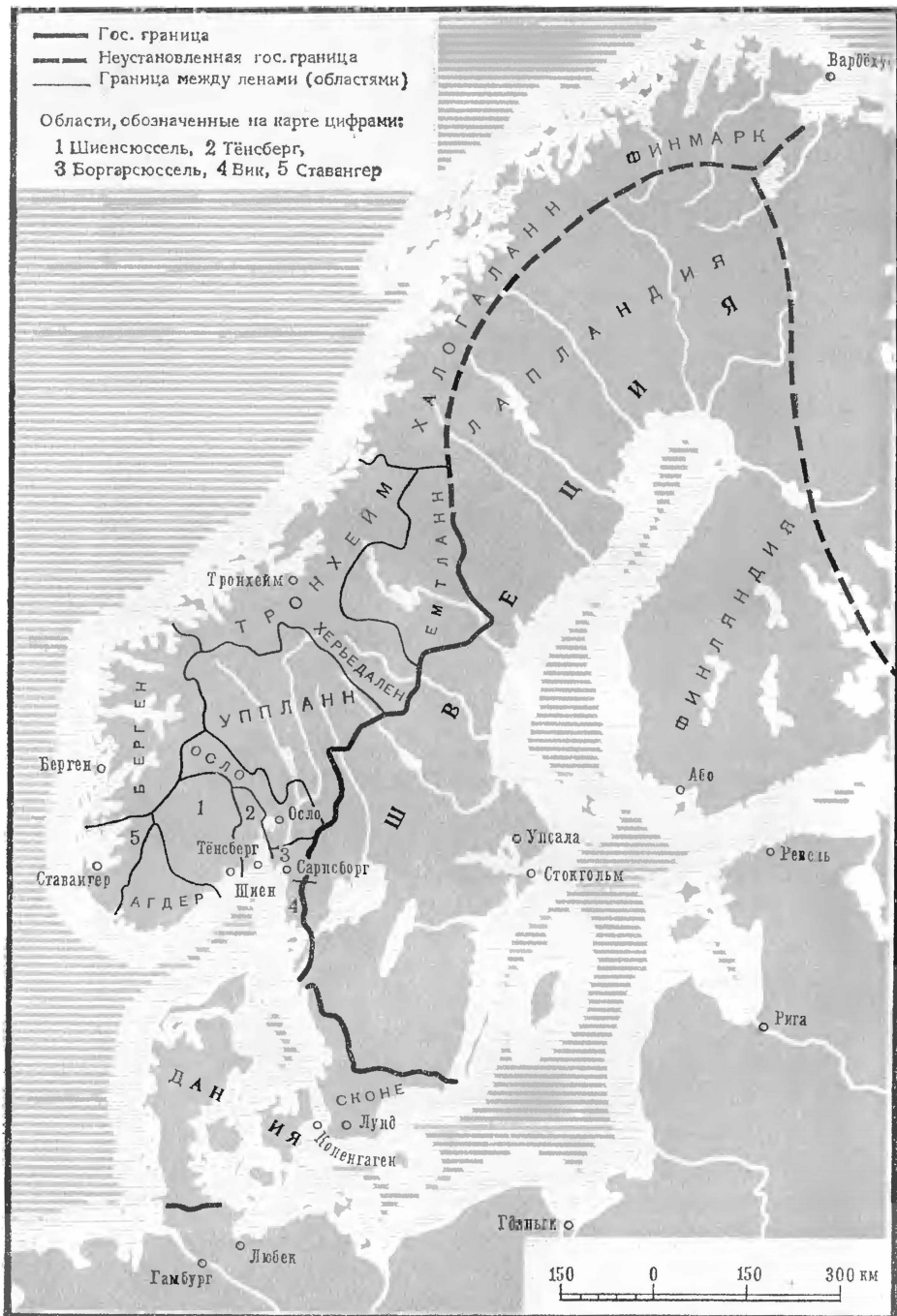
Хирд возглавляли герцог и ярл, далее шли леендрманн и стольники-скутильсвейны (*skutillsveinn* — от *skutill* — «блюдо» и *svicinn* — «мальчик», «слуга» — первоначально обозначение человека, служившего при особе короля, затем — почетный титул). Основную часть хирда составляли дружинники, охранявшие особу короля. Ниже их в иерархии стояли «гости» (*gestir*), выполнявшие полицейские функции, и кажи (*kertisveinar* — «те, кто носит свечи»); кроме того, в хирд входили духовные лица из окружения короля, канцлер, конюший, знаменосец, казначей и некоторые другие придворные чины и сановники. Все они были связаны с королем присягой личной верности. Помимо рыцарской службы, члены хирда должны были выполнять и иные поручения, в частности всякого рода административные обязанности. Часть рыцарей постоянно находилась при дворе, другие сидели в своих усадьбах. Принадлежность к хирду давала, помимо материальных выгод, высокий престиж, и поэтому многие могущественные люди стремились вступить в ряды служилых воинов короля⁹. Численность хирда на протяжении XIII в. возрастала. Как

⁸ *Blom G. A. Kongemakt og privilegier i Norge inntil 1387. Oslo, 1967, s. 280 f.*

⁹ В 1300 г. Хакон V пожаловал титулы хирдманнов духовным лицам.

Походы норвежских викингов

Норвегия XIV—XV вв.

полагают, она превысила 3 тыс. человек. Вооружение стольников — панцирь, кольчуга, шлем, перчатки и чулки из стали, меч, копье, щит, кольчужная попона боевого коня — было такое же, как у рыцарей в других странах.

Представители высших категорий аристократии должны были по приказу короля выставлять на собственный счет определенное число вооруженных лиц в зависимости от своего ранга и размеров вейдлы, которые были им пожалованы. Символично, что в «Дружинном уставе», как и в «Ландслове», к вейдлам и сюслам — должностям, занимаемым сюсельманами, применяется термин «клен». Несение рыцарской службы обеспечивалось пожалованным вейдцлы, доходов, собираемых с местного населения, или сюслы, часть поступлений с которой ее обладатель имел право оставлять в собственном распоряжении. И хотя эти ленные пожалования, в отличие от западноевропейских феодалов, не были наследственными, фактически они обычно переходили от отца к сыну точно так же, как мог наследоваться аристократический титул.

Господствующий класс в Норвегии не имел таких же основ для своего развития, какими располагали феодалы континента или соседних скандинавских стран. Невозможность создания крупных собственных имений, отсутствие укрепленных замков (укреплены были только королевские и епископские резиденции), ограниченность материальных ресурсов для содержания тяжело-вооруженной рыцарской конницы да и сами природные условия — все это, помимо главного — специфики отношений между господами и крестьянами (см. ниже), ставило существенные преграды на пути формирования феодального рыцарства. Поэтому социальная верхушка в Норвегии со времени завершения гражданских войн и проявляла тенденцию сплотиться вокруг короля и использовать укрепляющийся государственный аппарат в интересах упрочения собственного положения; монарх же получал в свое распоряжение практически всех аристократов страны, которые так и именовались — служилые люди короля (*handgengnir menn*).

Но отношения между светской знатью и монархом не всегда отличались гармоничностью. В периоды, когда личная власть была прочной, хирд был ему покорен; во времена же малолетства королей аристократы проявляли склонность злоупотреблять своим привилегированным положением не только во зло рядовым подданным, которых они незаконно обирали и притесняли, но и в ущерб короне. Так было в начале XIV в., при короле Хаконе V Магнуссоне, когда могущественные люди стали окружать себя дружинами вооруженных слуг и заставлять бондов и мелких служилых людей вступать под их покровительство, принося им присягу верности. Закон V был принужден принять строгие меры для обуздания подобных попользований светской знати, вызвавших крестьянское восстание: королевскими поста-

повлениями 1308 г. самовластие аристократов было несколько ограничено¹⁰. Некоторые ученые полагают, что этот король, реорганизуя и укрепляя государственное управление и внедряя в него чиновничество, имел перед собой пример современной ему Франции Филиппа IV Красивого¹¹. Политика Хакона V не имела антиаристократической направленности (как полагали Р. Кейсер и П. А. Мунк), она уредила управление¹².

Западные ученые склонны отрицать наличие феодализма в Норвегии или говорить о его слабости. При этом в старой историографии акцент делается на особенностях юридического порядка, в частности на отсутствии последственности имен норвежских служилых людей. Ныне эта жесткая позиция несколько смягчена. Так, К. Хелле, резюмируя взгляды современных норвежских историков по вопросу о наличии феодальных тенденций в стране в XIII в., пишет следующее: в определенной мере существовало «внешнее сходство между норвежской аристократией, входившей в хирд, и европейской феодальной аристократией», ибо вступление в хирд сопровождалось принесением присяги верности, подобной вассальной присяге, служилые люди короля получали европейские титулы. Сходство отчастишло глубже внешних форм: отношение служилых людей к норвежскому королю и «реально было отношением вассалитета», поскольку наличие верности и служба, преимущественно военная, с одной стороны, и покровительство — с другой; эта служба вознаграждалась экономическими привилегиями, которые соответствовали феодальному бенефицию, — пожалованиями земель и государственных доходов. Титулы и пожалования до известной степени были «фактически последственными». Центробежные тенденции, проявлявшиеся в конце «высокого средневековья», выглядят как тенденции феодальной раздробленности. Хелле напоминает вывод Х. Кута о том, что во всей Скандинавии около 1300 г. феодальная знать упрочила свое решающее влияние на государственное управление¹³. Однако, продолжает Хелле, феодальные тенденции проявились в Норвегии в тот период в ограниченной мере. Отношения личной зависимости «не пролизывали норвежское общество», затрагивая лишь связи служилых людей с королем. Владельцы лесов и вейд не располагали, подобно вассалам в других европейских странах, юрисдикционной властью.

¹⁰ Текст постановления см.: *Norske middelalderdokumenter*. Bergen; Oslo; Tromsø, 1973, s. 246 ff.

¹¹ *Norges historie*, av S. Imsen. Oslo, 1977, Bd. 4, s. 13 f., 53 ff.; ср.: *Norges historie*, av K. Lundén. Oslo, 1976, Bd. 3, s. 435.

¹² *Schreiner J. Retterboten av 1308*.— *Hundre års historisk forskning*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1970, s. 111—129. Ср.: *Benedictow O. Konge, hird og retterboten av 1308*.— *HT*, 1972, Bd. 51.

¹³ *Kohl H. Det nye i norderlendsk historie kringom år 1300*.— *Scandia*, 1931, Bd. 4.

Земельная собственность в Норвегии не подвергалась феодальным разделам. В той мере, в какой можно было бы говорить о феодальных чертах общественной жизни в Норвегии, это относится только к ее политическому устройству¹⁴.

Нельзя не признать, что изложенная точка зрения отличается от старых позиций норвежской историографии большей гибкостью и разносторонностью подхода к проблеме. Тем не менее и ее основу составляет традиционное понимание феодализма как чуждого строя. Но феодализм не равнозначен политической анархии и не исчерпывается наличием унитарной иерархической системы. Представляется более существенным социологический критерий, выходящий за рамки юридического анализа, а именно наличие общественного разделения социальных функций между классом профессиональных воинов, монополизирующих управление (и духовенства, контролирующего идеологическую жизнь), с одной стороны, и классом трудящихся, отесненных от политической деятельности и лишённых полноправия, с другой — разделения, при котором на плечи трудящихся возложено бремя материального содержания господствующей группы, будь то в виде повинностей и оброков, присваиваемых отдельными земельными собственниками, будь то в виде платежей и служб государственно-правового, фискального характера, присваиваемых опять-таки представителями военной и церковной элиты. Если руководствоваться этим критерием, то, признавая относительную неразвитость феодальных отношений в Норвегии и глубокую специфику ее социального строя, нужно вместе с тем принять во внимание наличие в ней в изучаемый период определенных тенденций феодального развития в обществе в целом. Особенности положения как господствующего сословия, так и bondов Норвегии невозможно игнорировать, но они вряд ли должны затемнять известное типологическое сходство ее социальной структуры с феодализмом в других странах Европы.

Могущество норвежской монархии в XIII в. в немалой мере определялось тем, что она пользовалась поддержкой и светских, и церковных магнатов. Мы уже знаем, что строгая наследственность королевской власти была установлена в согласии высшего духовенства. Но сотрудничество светской и церковной властей не протекало в обстановке безоблачности. Конфликт между ними, столь характерный для Западной Европы того времени, произошел в Норвегии в 70—80-е годы XIII в. Наличие у высшего духовенства юридических и фискальных привилегий (эти привилегии были подтверждены так называемым примирением в

¹⁴ *Helle K. Norge blir en stat, 1130—1319.* Bergen; Oslo; Tromsø, 1974, s. 193, 205 f.; ср.: *Sandnes J. Norges historie.* Oslo, 1977, Bd. 4, s. 241: «рыцарский строй и феодальное общество европейского типа коснулись Норвегии только как слабая, поверхностная рыба».

Тёнсберге 1277 г.)¹⁵ вызывало недовольство светских аристократов.

Роль церкви как учреждения и как идеологической силы была чрезвычайно велика. Духовенство являлось главным проводником учения о монархии божьей милостью, которое, освящая авторитет светской власти, ставило ее под контроль церкви. Относительно того, в какой мере церкви удалось искоренить языческие верования и традиции и подчинить население своему влиянию, мнения ученых расходятся. Одно, в частности Ф. Поске, склонны подчеркивать глубокое проникновение христианской идеологии и морали в духовную жизнь общества, тогда как Э. Бюллер считал это влияние менее эффективным и всеобъемлющим, нежели в других странах¹⁶. Нужно признать, что эта проблема недостаточно изучена (и не только применительно к Норвегии: мы толком не знакомы с «народным христианством» в средневековой Европе в целом).

* * *

За политическим и культурным фасадом Норвегии «периода расцвета» скрывалась повседневная хозяйственная жизнь. Были ли и ей присущи черты прогрессивного развития? Здесь в первую очередь наше внимание привлекают города. То было время бурного подъема и роста городов и городского строя средневековой Европы. Именно в развитии городов, торговли, ремесла таились новые силы, которые в дальнейшем преобразили всю жизнь феодального мира.

Торговля, как мы знаем, играла немалую роль в жизни Норвегии уже в раннее средневековье; она являлась неотъемлемой стороной викингской активности. В эпоху викингов возникают в Норвегии первые торговые центры. В последующее время их смеяют новые города. Говоря о средневековом городе, мы имеем в виду прежде всего, разумеется, центр ремесла и торговли. Но в возникновении и развитии городов в ту эпоху наряду с чисто экономическими факторами значительную роль играли и другие моменты. Уже в XII в., если не ранее, норвежские короли проводили большую часть года в своих усадьбах, расположенных в тех приморских пунктах, куда прибывали корабли (в частности, в Тронхейме—Нидаросе). Здесь возводились укрепления. В городах располагались епископские резиденции и основывались монастыри. Естественно, что близ короля и церковных магнатов селились, помимо их приближенных и слуг, те, кто был занят их обслуживанием,— торговый люд, ремесленники. Сюда же сво-

¹⁵ Текст см. в кн.: *Norske middelalderdokumenter*, s. 136 ff.

¹⁶ *Paasche F. Kristendom og kvad. Kristiania, 1914; cp.: Johnsen A. O. Fra aetatesamfunn til statssamfunn. Oslo, 1948; Bull E. Folk og kirke i middelalderen. Kristiania; København, 1912.*

ились продукты, собранные в собственных владениях короля и знати или полученные в качестве податей. Значительная часть этих продуктов потреблялась на месте, но известная доля их вывозилась в другие области или за море. Аристократы нуждались в предметах роскоши, тонких тканях, меде, вине, шпелле, оружии, красивой посуде, которые можно было приобрести только за рубежом¹⁷. Таким образом, изменения в политической и церковной жизни страны оказывали прямое влияние на развитие города.

Городская печать Бергена 1276 г.

Показательно, что в период гражданских войн второй половины XII — начала XIII в. борьба шла в первую очередь за овладение тем или иным городом. Областные тинги, а затем и общегосударственные собрания созывались теперь в городах. Нидарос был церковной столицей страны (резиденцией архиепископа), Берген, а с конца XIII в. Осло — центром государственного управления (столицы в строгом смысле слова в ту пору еще не существовало). Иностранцы хронисты XII в. называли шесть норвежских городов: Берген (наиболее крупный и значительный торговый центр страны), Каунанг (Тронхейм — Нидарос), Конунгахелла, Борг, Тёнсберг и Осло. Впоследствии к ним прибавились Ставангер, Хамар, Шиец, Боргунн. Однако общая численность городского населения едва ли превышала несколько тысяч человек.

Внутренняя торговля, преимущественно мшоявая, оставалась в руках сельских жителей. Крупные боуды, как и аристократы, нередко обладали собственными кораблями, на которых совершали поездки вдоль норвежского побережья. Многие из них занимались рыбной ловлей, и экспорт рыбы имел немалое значение для хозяйства страны. Вывозились также масло, шкуры, меха, строевой лес. В норвежском переводе легенды о Тристане и Изоль-

¹⁷ Шпеллеца и вино пужны были также для церковных нужд. Сохранилось письмо архиепископа Нидаросского, адресованное папе Григорию IX, в котором архиепископ спрашивает, можно ли изготовлять облатки для причастия из низких сортов зерна и давать причащающимся вместо вина другие напитки: шпеллеца и вина не доставало. Папа отвечает запретом, так как в грубом хлебе и шиве «нет благодати» (1233 г.) (Diplomatarium Norvegicum, I, N 16).

де («Сага Тристрама и Исонды», 1226 г.)¹⁸ рассказывается о норвежских купцах, которые привезли в Англию «много добра: песцовые и белчиьи шкурки, мех бобра и черного соболя, моржовые клыки и медвежьи шкуры, кречетов, серых и белых соколов, воск, бычью и козью кожу, вяленую рыбу, смолу, ворвань, серу и разные другие товары, добываемые на севере». Паряду с товарами из Норвегии здесь названы продукты Исландии и Гренландии, привозимые в Берген. За такими товарами приезжали в Норвегию купцы из Англии, Германии, датчане, шведы, голландцы. В эти же страны, равно как и на Русь и к островам Северной Атлантики, направляли свои корабли норвежские купцы. Активную роль во внешней торговле играли епископы, аббаты, светские магнаты и сам король.

Характерной чертой норвежского города была относительная слабость ремесла. Правда, в городах жили и работали ремесленники разных специальностей: сапожники (наиболее многочисленный разряд ремесленников), портные, ткачи, мясники, мельники, кузнецы, оружейники, гребенщики. В законодательстве о городах, принятом при Магнусе Хаконарсоне, перечислено до 20 ремесленных профессий. Королевская власть предписывала лицам одной специальности селиться по соседству в том или ином конце города, что облегчало ее контроль над ними. Город стоял под управлением королевского чиновника и не представлял собой самоуправляющейся коммуны. Цеховых корпораций норвежские горожане не образовывали, и гильдии, существовавшие как в городах, так и за их пределами, были объединениями взаимопомощи религиозного характера, но не союзами мастеров.

С той же целью контроля государство воспринимало розничную торговлю вне городов, стремясь сосредоточить ремесло и обмен в их стенах. Полноправными членами городского сообщества, участниками городского тинга, считались только постоянные жители города — домовладельцы и землевладельцы, так же как и в сельской местности. Город как центр торгово-ремесленной активности медленно и с немалым трудом обретал собственное лицо.

Профессиональный купец в норвежском городе — это преимущественно иностранец, чаще всего англичанин или, начиная с середины XIII в., немец, уроженец одного из северогерманских городов, в первую очередь Любека. Отечественные торговцы располагали весьма скромными средствами, что затрудняло их конкуренцию с чужеземными купцами¹⁹.

¹⁸ Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подготовил А. Д. Михайлов. М., 1976, с. 217.

¹⁹ Точка зрения, согласно которой норвежские суда, продемонстрировавшие свое превосходство в эпоху викингов, с тех пор мало совершенствовались и были плохо приспособлены к перевозке крупных партий товаров, тогда как англичане и немцы плавали на кораблях, обладавших большей грузоподъемностью, ныне в норвежской историографии поставлена под

Но, пожалуй, решающей причиной усиления влияния чужеземного купечества в норвежских городах и вообще в порвежской торговле явилась общая хозяйственная бедность страны, в особенности хроническая нехватка зерна. Его могли предоставить по выгодным ценам и в большом количестве немецкие купцы. В обмен они вывозили рыбу. Наиболее крупным центром экспорта вяленой рыбы и сельди в Норвегии стал Берген. В 1250 г. Хакоп Хаконарсон заключил торговый договор с любекскими купцами²⁰; в 70-е годы они получили значительные привилегии, которые были возобновлены и расширены в конце столетия. От временного пребывания в Бергене немцы стали переходить к зимовкам в этом порту, приобретать здесь дома, но тем не менее освобождались от податей и других публичных повинностей, которые несли норвежцы. Попытки властей заставить иностранных купцов исполнять эти повинности вызывали отказ немцев продолжать торговлю с Норвегией, а так как потребность в подвозе хлеба и в денежных ссудах сделалась в тот период острее, то правительству пришлось идти на уступки. Так было, в частности, в 80-е годы. Экономическая зависимость Норвегии от городов Северной Германии становилась все заметнее. В 1294—1296 гг. немецкие купцы добились новых привилегий, включая свободную торговлю по всей стране (как в городах, так и в рыночных местах за их пределами). Новые привилегии, возможно продиктованные стремлением норвежской монархии заручиться поддержкой северонемецких городов в конфликте с Данией, последовали в начале XIV в.²¹

Дипломатические интересы, стремление приобрести дополнительные денежные средства норвежские короли нередко ставили выше интересов самостоятельного экономического развития страны. Эти обстоятельства обуславливали непоследовательность их политики по отношению к немецкому купечеству. Так, в 1342 г. король Магнус Эйрикссон изгнал всех немцев из Норвегии и захватил их имущество, но уже в следующем году, получив от них денежную ссуду, восстановил их привилегии. В это время в Бергене уже существовала постоянная контора любекских купцов, подобно немецким торговым подворьям в других странах, с которыми ганзейцы вели оживленную торговлю. Бергенские горожане сетовали: их город настолько переполнен иностранными купцами и перекупщиками, что местные торговцы не в состоянии ничего продать. Самостоятельные ремесла и торговля в Норвегии в этих условиях свертывались.

сомнение. См.: *Lorentzen B. Det Norsk-Tyske Hansaproblem.— Bergens Historiske Forenings skrifter, 1956—1957, Bd. 61; Blom G. A. Hansaen og Norden. En litteraturoversikt.— NT, 1973, s. 83.*

²⁰ Текст договора см.: *Norske middelalderdokumenter, s. 92 ff.*

²¹ *Det nordiske syn på forbindelsen mellem Hansestaedterne og Norden. 2. oplag. Aarhus, 1972.*

Мы не располагаем какими-либо прямыми данными, чтобы судить о численности населения Норвегии в «эпоху величия». Исходя из косвенных указаний, ученые высказывали предположения на этот счет, но цифры, названные разными историками, резко расходятся: А. Стейннес предлагал (правда, в качестве минимума) 150—200 тыс. жителей, Э. Сарс — 300 тыс., Е. Саппес — от 320 до 470 тыс. (для первой половины XIV в.), О. А. Елсен — 400 тыс., К. Лунден — не менее 460 тыс., П. А. Мунк — около полумиллиона человек. Но если абсолютная численность населения страны неясна, то более достоверен его рост на протяжении XIII в. Об этом свидетельствует топонимика: продолжалась расчистка земель, возникало большое число новых сельских дворов; делились старые усадьбы, принадлежавшие индивидуальным владельцам. Однако к тому же времени относятся и свидетельства о нехватке рабочей силы и о наличии заброшенных дворов.

Земледелие оставалось отсталым. Его вели на сравнительно небольших участках и, главное, с помощью весьма примитивных орудий труда, преимущественно вручную, вскапывая почву мотыгой. Плуг встречался нечасто, и некоторые ученые даже полагают, что в пахотных средствах в то время наблюдался регресс. Основные зерновые злаки — ячмень и овес, в меньшей степени — рожь; пшеницу не выращивали. Хлеба производили мало, и его зачастую недоставало²². Сельское хозяйство имело преимущественно скотоводческий уклон, и заготовка фуража для зимнего стойлового содержания домашних животных составляла чуть ли не главное занятие крестьянства.

Наряду с сельским хозяйством занимались рыбной ловлей, охотой и домашним ремеслом. Натуральное хозяйство было отнюдь не изжито, так что и в это время нередко в качестве платежного средства фигурировали домашние животные. Голод был частым гостем в Норвегии.

В XIII в. в большей части страны крупное землевладение уже преобладало. Прежде всего это было землевладение церкви. Крестьянские дарения земель в пользу духовенства и монашеских были распространены в Норвегии, как и в других европейских странах²³. Но зачастую бонды не были склонны окончательно отказываться от своих владений. Пользуясь правом одаля, бонд мог выкупить проданный или заложенный участок даже по истечении длительного времени, правом выкупа пользовались и его сородичи. Без их согласия отчуждение владения было невозможно. Еще в середине XII в., когда церковь добилась за-

²² Правильный севооборот, подобный трехполью, широко не практиковался, и приемлемый уровень урожайности (сам-три считался хорошим урожаем) достигался путем обильного уваживания почвы, благо скота было много.

²³ Norges historie, Bd. 3, s. 282.

конодательного разрешения дарений, была сделана оговорка в законе, что дарить без ведома наследников можно только $\frac{1}{4}$ благоприобретенного имущества, но не одаль²⁴. Таким образом, сохранность института одалля, объясняющаяся явучеством докласовых общественных порядков в условиях полного развития феодализма и слабости римского влияния, способствовала тому, что некоторые крестьяне возвращали себе отчужденные было усадьбы. Тем не менее обедневшим боядам приходилось продавать или закладывать свои участки без реальной надежды их впоследствии выкупить. Было немало людей, которые лишились земель в результате конфискаций в наказание за проступки, за неуплату податей и по другим причинам. Землевладение церкви, помимо королевских дарений, как раз росло в немалой мере за счет накопления ею заложенных и выкупленных крестьянских земель. Так, монастырь Мункелив в Бергене в XIII и первой половине XIV в. приобрел значительные земельные владения, из них лишь 10% было ему подарено, 25% перешло в его собственность при пострижении землевладельцев в монашество с одновременной передачей их дворов, около 30% приобретенных монастырем земель было им куплено и более 35% получено в залог без последовавшего затем выкупа²⁵. Вследствие этого церковные и монастырские владения в XIII—XIV вв. состояли преимущественно из рассеянных по разным местам дворов, а нередко включали отдельные части дворов. По частям, иногда чрезвычайно мелкими долями, духовенство и монахи накапливали большие земельные богатства²⁶. В тот период не редкостью были

Статуя епископа из собора в Тронхейме, конец XIII в. Фрагмент. Дерево

²⁴ Frostafjings-lov, III, 17; IX, 3, 4, 18.

²⁵ Всего с 1223 по 1349 г. монастырь приобрел 635 $\frac{1}{2}$ маматебольей земель. Mamatebol — хозяйство, с которого уплачивается оброк, достаточный для содержания одного человека в течение месяца. См.: Codex diplomaticus Monasterii Sancti Michaelis Bergensis diocesis vulgo Munkaliv dicti / Ed. P. A. Munch. Christiania, 1845.

²⁶ Церковь стремилась приобретать не только пахотные земли, но и прочие

монастыри, владевшие по 400—500 и более крестьянских дворов.

Первыми жертвователями земель в пользу духовенства были короли. Их пожалования были столь значительны, что размеры королевского землевладения, несмотря на существенное пополнение его за счет конфискаций и распространение верховенства монарха на общинные земли (крестьяне, поднявшие целину на альменшанге, считались королевскими лейлендингами), к XIII в. резко сократились. Многие приходские церкви были сооружены богатыми землевладельцами и даже отдельными бондами на своих землях и первоначально находились в их собственности.

Трудность изучения процесса превращения католической церкви в крупнейшего собственника состоит прежде всего в том, что до XIV в. не составлялись дарственные грамоты и описи владений. Сделки носили преимущественно устный характер; они заключались при свидетелях. Указания на рост церковного землевладения, содержащиеся в законодательных и повествовательных памятниках XII и XIII вв., неполны и неконкретны.

Наряду с церковью крестьянские земли прибирала к рукам и светская знать, сплошь и рядом прибегавшая к насилью. Не последнюю роль в этом процессе играли королевские чиновники, злоупотреблявшие своей властью в целях захвата владений «маленьких людей»²⁷. К концу XIII в. большая часть земельной площади, находившейся под обработкой, уже принадлежала крупным собственникам, хотя в отдельных областях их доля была неодинаковой. Крупная собственность была широко распространена в Западной Норвегии, а также в районах, окружавших города. Например, вокруг Осло в XIV в. до $\frac{3}{4}$ всей земли принадлежало церкви²⁸. В Треннелаге около половины крестьянских дворов находилось в собственности архиепископа. Крестьянское землевладение сохранялось по большей части в горных и труднодоступных районах, где оно подчас преобладало. В областях же с наиболее благоприятными условиями для земледелия свободных бондов-собственников осталось значительно меньше²⁹. В целом по Норвегии, по предположительным расчетам Х. Бьёрквика, к началу XIV в. церковь присвоила до 40% всех земель под обработкой, т. е. примерно столько же, сколько оставалось в собственности крестьян и горожан (35—40%), тогда как светской знати принадлежало примерно 15—20% земли, а королю — ос-

угодия. Среди приобретений архиепископа Нидаросского в первой половине XV в. луга, леса, рыбные ловли составляли более 20%. См.: Aslak Bolts jordebog / Udg. af P. A. Munch. Christiania, 1852.

²⁷ Landslov, VII, 7.

²⁸ Biskop Eysteins jordebog over det geistlige gods i Oslo bispedømme (Den røde Rog) / Udg. af H. J. Huitfeldt. Christiania, 1879.

²⁹ Skappel S. Det norske jordleievcsens geografiske utbredelse i eldre tid og overgangen fra leie til selveie.— NT, 1934, Bd. 30, s. 221—224.

тальные 4—7%³⁰. Поэтому и размеры, и ценность земли стали выражаться в чинше: владение оценивалось в определенном числе маркеболей, эресболей (марка и эре — денежные единицы), маматеболей и т. п. Раздел об аренде земли — самый обширный во всем «Ландслове».

Возникновение слоя лейлендингов отнесется к более раннему периоду. В научной литературе не раз высказывалось мнение, что эта категория играла немаловажную роль в социальных отношениях уже во времена первого объединения Норвегии (Р. Кейсер, Э. Сарс). Напротив, другие историки, не отрицая наличия аренды в эпоху викингов, тем не менее считают, что более существенную роль в экономической жизни страны лейлендинги стали играть лишь

в XII и в особенности в XIII в. (А. Холмсен, К. Лундсен)³¹. Столь противоположные взгляды оказались возможными благодаря скудности данных источников: отсутствие для эпохи, предшествующей XIII—XIV столетиям, актового материала делает по существу гадательными любые построения как относительно времени появления аренды, так и путей становления слоя арендаторов и их абсолютной или относительной численности. Тем не менее можно отважиться на некоторые утверждения.

Во-первых, в эпоху викингов (и в еще более ранний период) зависимое население состояло не столько из арендаторов свободного происхождения, сколько из рабов и вольноотпущенников, на этот счет имеется достаточно указаний и в записях права, и в сагах. Между тем, как явствует из памятников XIII в., нормальным способом использования земли в то время являлась

Землевладелец и лейлендинг.
Миниатюра-заставка
из рукописи Уложения Магнуса
Лагабётира, XIII в.

³⁰ Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. Bd. 7, s. 664 ff.; *Helle K. Norge blir en stat*, s. 158.

³¹ Обзор точек зрения на историю лейлендингов см.: *Helle K. Tendenser i nyere norsk høymiddelalderforskning*.— *Nytt fra norsk middelalder*, II. Oslo, 1970, s. 17 ff.; *Idem. Norge blir en stat*, s. 158 ff. Обзор положения арендаторов в средневековой Скандинавии в целом см. в кн.: *Lindkvist T. Landborna i Norden under äldre medeltid*. (Studia Historica Upsaliensis 110). Uppsala, 1979.

сдача ее в аренду лейлендингам, которые не пахотились в личной зависимости. Во-вторых, анализ областных судебных актов и «Ландслова» дает основание утверждать, что отношение к лейлендингам с течением времени изменилось. На более ранней стадии среди собственников, которые сдавали землю в аренду, равно как и среди лиц, которые ее арендовали, были люди самого разного положения и достатка. К первым относились не только зажиточные владельцы, заинтересованные в использовании мелких арендаторов, но и маломощные барды, вынужденные сдавать часть своей земли или даже всю ее, так как были лишены средств ее обрабатывать. Среди арендовавших в свою очередь были и такие, которые не имели собственного участка, и относительно богатые хозяева, стремившиеся еще более расширить свою запашку. Иными словами, отношения между владельцами и арендаторами тогда еще не носили антагонистического характера, скорее то были отношения внутри слоя крестьян. Но на более поздней стадии, в конце XII и в XIII в., положение меняется. В источниках этого времени сдающий землю в аренду выступает, как правило, в облике состоятельного хозяина или крупного собственника, тогда как арендатор — это бедный человек, мелкий крестьянин, подчас вообще лишенный земли, а то и скота и орудий труда, и отношения между ними уже мало напоминают старую межкрестьянскую аренду. Эти отношения более не строились на основаниях равенства, хотя лейлендинг и считался с формальной точки зрения свободным человеком. В качестве лица, не владеющего собственной землей, он был лишен ряда прав, которыми обладали землевладельцы. Кроме того, вряд ли может внушать сомнения то, что в средневековом обществе при политическом господстве аристократии маленький человек, бедняк, сидящий на чужой земле, не был в состоянии отстоять свою независимость.

Крестьяне, которые утратили право собственности на свои дворы, зачастую по-прежнему обрабатывали ранее принадлежавшие им участки в качестве лейлендингов, уплачивая оброк крупному землевладельцу. В XII в. размеры ландскюльда — платежа за арендуемую землю — в каждом конкретном случае устанавливались устным соглашением сроком на один год, после чего могли быть изменены. В XIII в. законный срок соглашения был удлиннен до трех лет. Краткосрочность действия сделки была неблагоприятна для лейлендинга, постоянно зависевшего вследствие этого от произвола собственника земли, который мог изменить размеры платежа или передать землю другому лейлендингу.

Обычно, однако, лейлендинг оставался на одном и том же дворе в течение длительного срока.

В XIII в. в зависимости от доходности крестьянского двора стал устанавливаться государственный поземельный налог — лей-

данг³². Лейданг сначала имел характер поголовного налога, в качестве поземельной подати он впервые упоминается в «Ландслове». Поскольку земельные собственники опасались его увеличения, то размеры чинша, взимаемого с лейлендингов, стали более постоянными. Таким образом, величина земельной арендной платы стала фактически регулироваться государственной властью. В Восточной Норвегии, например, размер ландскюльда составлял $\frac{1}{6}$ дохода крестьянина. В монастырских писцовых книгах Западной Норвегии размеры землевладения обычно оценивались по количеству получасмого с земли дохода; единицей счета служили поступления от арендаторов, дававшие пропитание одному человеку в течение месяца (маматеболь или монедсматсболь), причем в ее состав входили масло, зерно, рыба, шкуры, соль и другие продукты, а также деньги. В Восточной и Северной Норвегии размеры земли определялись в маркеболях; один маркеболь соответствовал трем монедсматсболям. Епископство Осло к середине XIV в. владело землей, оценивавшейся более чем в 500 маркеболей, бергенский епископ — землей, оценивавшейся приблизительно в 1200 маркеболей³³. Самым богатым церковным земельным собственником был архиепископ Нидаросский, во владении которого находилось 2 тыс. дворов или их частей (не менее 3 тыс. маркеболей).

Хотя непосредственно повышение ландскюльда было затруднительным, земельные собственники находили другие возможности усиления эксплуатации лейлендингов: они вводили дополнительные платежи при сохранении неизменным основного чинша. В особенности получили распространение угощения, которые

Мужская голова
из собора в Тронхейме,
конец XIII в. Камень

³² Landslov, VII, 7; III, 6; *Steinnes A. Leidang og landskyld*.— In: *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*, II. Hist.-Filos. Kl. Christiania, 1927.

³³ *Registrum praediorum et reddituum ad ecclesias diocesis Bergensis sacculo p. C. XIV pertinentium, vulgo dictum «Bergens Kalvskind»*/Udg. af P. A. Munch. Christiania, 1843.

должен был устраивать лейлендинг для собственника, и «подарки», взимавшиеся при передаче земли или перезаключении соглашения об ее использовании. Управляющие владениями короля, церкви и светской знати брали взятки с крестьян и всячески их притесняли.

В странах, где крестьяне находились в личной зависимости от сеньеров, они практически последственно пользовались землями, и держателя, который исправно нес все повинности, владелец не имел права согнать с участка. Зависимый крестьянин как бы «срастался» с наделом, который из поколения в поколение обрабатывала его семья. Краткосрочность аренды норвежского лейлендинга — свидетельство необеспеченности его прав на землю. Можно сказать, что за свою независимость лично свободный лейлендинг расплачивался юридическим бесправием в поземельном отношении. Объяснение этого явления нужно, по-видимому, искать в особенностях социально-экономического строя Норвегии. При относительной слабости господствующего класса и в условиях, когда крестьянское хозяйство функционировало практически самостоятельно, вне контроля землевладельца, который ограничивался лишь сбором платы продуктами, закрепление участка земли за лично свободным крестьянином могло бы представить угрозу собственническим правам землевладельца. В ограничении срока, на который заключалась сделка с лейлендингами, крупные землевладельцы усматривали гарантию сохранения своей собственности.

Мы применяем понятие «аренда» к отношениям между собственниками и лейлендингами, сознавая, что в средневековом обществе эти отношения не могли сохранять чисто договорно-юридический характер, обрстая личными и внеэкономическими атрибутами. Тем не менее отличие норвежской аренды лейлендинга от крестьянского зависимого держания в более феодализованных странах Европы совершенно очевидно. В Норвегии мы не находим барщинной системы, развитого внеэкономического принуждения, частновотчинной юрисдикции и личной неволи крестьян. В отсутствии этой феодальной несвободы заключалось определенное преимущество лейлендингов, но с хозяйственной точки зрения они немало проигрывали. Не имея правовой обеспеченности, лейлендинг не был заинтересован в улучшении хозяйства, и это не могло не мешать развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

В Норвегии сохранилась значительная масса мелких собственников крестьянского типа. Но и их положение существенно изменилось. Многие из них владели только частью своего двора, а за другую платили ландсключд крупному землевладельцу. В пределах одной усадьбы силовы и рядом оказывалось по несколько хозяев. Это было результатом раздела семьи, купли-продажи и других сделок, связанных с усилившейся мобилизацией земель.

Многие полусобственники-полулейлендинги со временем вообще утрачивали свои владения и всецело превращались в арендаторов-держателей. Слой одалманов, сравнительно многочисленный в предшествовавший период, сократился настолько, что во многих фюльках их не считывали и дюжины³⁴. Доступ в их число был облегчен: если раньше право одаля приобретал лишь тот земельный собственник, предки которого владели землей на протяжении трех (в Тренслэге) или даже пяти (в Вестлэнде) поколений, то «Ландслов» установил, что право одаля предоставлялось уже после 60 лет обладания землей. Владельцы земель, приобретенных в результате королевских пожалований или полученных в счет уплаты вергельда, также приобрели права одалманов. Но, с другой стороны, был сокращен срок, в течение которого владельца одаля, продавший свою землю, мог ее выкупить: он был ограничен также 60 годами. Таким образом, хотя право одаля стало более доступным для многих новых собственников, в частности для тех, кто получил землю от короля, это право стало легче утратить. Мелкие одалманы частично разорялись и лишались своих прав, тогда как зажиточные собственники прочно сохраняли приобретенные привилегии. Среди них главную роль играли землевладельцы, близкие по своему положению к аристократической верхушке общества.

Крестьяне — владельцы усадеб, не превратившиеся в лейлендингов, также подвергались эксплуатации. Тяжелым бременем ложились на всех бондов многочисленные службы и повинности, которые они обязаны были исполнять в пользу государства. Наряду с кормлениями — веичмой крестьяне должны были предоставлять в распоряжение короля лошадей и транспорт, давать постой его людям. Все бонды, за исключением самых маломощных, исполняли работы по ремонту дорог, строительству мостов, укреплениям и королевским дворам. Крестьяне прибрежных районов строили и снаряжали на свои средства корабли для охраны страны, обеспечивая их экипажем. Помимо этого, все подданные должны были в случае надобности нести сторожевую службу и ездить с поручениями короля. Часть этих обременительных повинностей исполнялась также в пользу духовенства. В совокупности все платежи, палог, ренты и повинности, а также церковные поборы и судебные штрафы отнимали у крестьян немалую часть производимого ими продукта³⁵.

Чрезвычайно активная роль, которую играла в эксплуатации крестьян государственная власть, была характерной чертой социального строя Норвегии. Светские и церковные магнаты, не

³⁴ Frøsta Þings-lov, IV, 8; XIII, 24; XIV, 7; XV, 11.

³⁵ См.: Norges historie, Bd. 3, s. 243 ff. (автор — К. Лунден). К. Хелле составляет эту картину «чрезмерно мрачной». См.: *Helle K. Nye og gamle synspunkter på det norske middelaldersamfunnet.* — Heimen, 1977, Bd. 17, N 4, s. 515.

располагавшие системой внеэкономического принуждения по отношению к крестьянам, прибегали к помощи государства и его органов. Через посредство государственной власти эксплуатация распространялась на слои крестьян, не находившихся в положении лейлендингов. Таким образом, неразвитость в Норвегии личной власти сеньеров как бы «компенсировалась» сосредоточением внеэкономических функций в руках короля, что в свою очередь обеспечивало ему прочную поддержку со стороны основной части господствующего класса, прежде всего мелких и средних рыцарей. Господствующий класс лишь частично существовал за счет доходов с лейлендингов в собственных земельных владениях. В немалой мере положение его представителей в обществе определялось королевской службой, выполнение которой давало доходы в виде поступлений с вейдов и лендов, судебных и палоговых сборов и прямых вымогательств с подчиненного им населения. Поскольку есть основания говорить о феодальных отношениях в Норвегии, постольку приходится подчеркивать их государственно-правовую природу (в отличие от частносеньериальной формы феодализма в крупных странах Европы).

Если давать общую характеристику норвежского общества XIII в. и попытаться приложить к нему привычное определение, то мы столкнемся с трудностью: без насилия над понятиями вряд ли возможно назвать его как-то однозначно. Норвегия оставалась обществом с разными социально-экономическими укладами. Тенденции феодализации, выявившиеся в тот период более определенно, нежели прежде, не возобладали во всех сторонах жизни. Доклассовые порядки отчасти сохранялись в виде слоя свободных бондов, который численно сократился, но тем не менее остался довольно значительным.

* * *

Можно отметить определенное противоречие между блеском норвежской монархии, сумевшей сплотить вокруг себя господствующий класс, централизовать управление и добиться территориального расширения государства, и экономическим положением страны, в котором черты развития (рост городов, впрочем немногочисленных и небольших, некоторый подъем ремесла и торговли, продолжавшееся освоение новых земель) переплетались с признаками застоя (в производительных силах в сельском хозяйстве) и углублявшейся зависимостью страны от чужеземного купеческого капитала (засилье немцев в норвежских городах). Норвежское государство нуждалось в прочной материальной базе, но последняя была далеко не такова. На протяжении XIII в. это противоречие не выявилось в полной мере и не привело еще к кризису, но мы увидим далее, что в следующем столетии разразилась подлинная катастрофа.

УПАДОК НОРВЕГИИ. ОТ УНИИ СО ШВЕДИЕЙ К УНИИ С ДАНИЕЙ (XIV—XV ВВ.)

«Эпоха величия» длилась недолго. И это объяснимо. У норвежской монархии не доставало средств для того, чтобы сохранять свою внутреннюю прочность и выступать «на равных» в концерте скандинавских государств. Слишком ограниченными были материальные ресурсы, которыми она могла распоряжаться. Собственно, недостаточность этих ресурсов в какой-то мере способствовала временному укреплению монархии: аристократия, власть которой над крестьянами была слабо развита, не имея возможности поддерживать должный образ жизни за счет одной лишь эксплуатации собственных владений, спланивалась вокруг короля и использовала государственную службу в своих интересах. Но дальнейшее укрепление позиций знати неизбежно порождало центробежные тенденции и стимулировало поползновения служилых людей превратить свои должности в орудия частной власти — их собратья по классу в соседних странах подавали им в этом отношении наглядный пример. Отставание в развитии норвежских городов, которое благоприятствовало засилью немцев в торговле и в свою очередь закреплялось этим засильем, означало, что главным источником доходов государства оставались поборы с крестьян, но их положение, как мы видели, было в высшей степени сложным.

Если на протяжении XIII столетия неустойчивость основы, на которой покоилось «величие» норвежского королевства, не проявлялась с особой силой, то в следующем веке ситуация изменилась и во второй его половине страна пережила беспрецедентную катастрофу. Эпидемия чумы, обрушившаяся на Европу в середине XIV в., унесла значительную часть населения и сопровождалась потрясениями хозяйственной, социальной и политической жизни. Чума повсеместно сыграла свою роль в обострении того кризиса, который переживал европейский феодализм в XIV в. И все же можно утверждать, что ни одна страна не пострадала от «Черной смерти» в такой степени, как Норвегия, и нигде последствия ее не были столь же длительными.

Прокатившись по континенту в 1347—1349 гг., чума появилась в Норвегии летом 1349 г. Из Бергена, куда ее завезли на английском корабле, она быстро распространилась по всей стране. Губительные результаты чумы были чрезвычайно отягчены тем, что эпидемия неоднократно возобновлялась во второй половине столетия. Современник — автор «Исландских ашвалов» утверждал, что в Норвегии выжила только треть ее жителей¹. Трудно сказать, какая доля населения страны действительно погибла, эпидемия с неодинаковой силой свирепствовала в разных областях, но ученые высказывали предположение, что погибло от трети до половины порвежцев. Огромная детская смертность, вызвавшая возвратом эпидемии в конце 50-х и в начале 70-х годов XIV в., обусловила сокращение прироста населения на протяжении долгого времени². В отдельных областях вплоть до XVI в. численность жителей не достигала уровня, на котором население находилось до 1349 г.

Причины экономического упадка Норвегии в XIV и XV вв. явились предметом длительной научной дискуссии. Некоторые ученые придерживаются мнения, что источником катастрофического упадка Норвегии была не только убыль населения, вызванная эпидемиями, но и существенное ухудшение климатических условий в Скагдиавии: увеличение влажности, понижение среднегодовой температуры. Эти факторы, которые дали о себе знать еще в конце предыдущего столетия и действовали в течение долгого времени, сказались сильнее всего в северных и горных частях Норвегии, вызвав уход бродов из этих районов³. Однако «климатическая теория» упадка Норвегии остается только гипотезой, нуждающейся в дальнейшей проверке и во всяком случае не способной объяснить всей суммы фактов. Между тем прямые последствия чумы, несмотря на ограниченность имеющихся источников (никакой статистики, естественно, тогда не велось), вряд ли можно оспаривать.

Правда, некоторые историки указывают на наличие кризисных тенденций в хозяйстве Норвегии еще во второй половине XIII и в первой половине XIV в. (сокращение площади возделываемой земли, падение ландскюльда). Однако им удалось обнаружить лишь спорадические явления такого рода в период, предшествовавший чуме⁴. Ранее подобную точку зрения выска-

¹ Самих исландцев чума мпловала, так как прервалось морское сообщение между Норвегией и Исландией.

² *Myklebust P. Svartedauden. Pestar og reproduksjon.*— NT, 1954—1956, Bd. 37.

³ *Bull E. Klimaskifte og nedgang i Noreg i seinmiddelalderen.*— Syn og segn, 1925; *Utterström G. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History.*— *Scandinavian Economic History Review*, 1955; *Sandnes J. Norges historie.* Oslo, 1977, Bd. 4, s. 149 ff., 163 ff.

⁴ *Sandnes J. Landskyldfallet og mannedauden.*— NT, 1968, Bd. 47.

зывает известный норвежский историк Ю. Скрейнер. Но он не ограничивался констатацией забрасывания дворов в период до 1349 г. Сокращение пашпи он объяснял развитием животноводства, которым, по его словам, крестьянам стало выгоднее заниматься в связи с возросшим экспортом масла ганзейцами⁵. Скрейнер игнорировал тот кардинальный факт, что сельское хозяйство в Норвегии в тот период было в основе своей патуральным (мало того, патурально-хозяйственные черты экономики усилились) и что поэтому крайне сомнительно, чтобы рыщочная конъюнктура могла послужить главной или единственной причиной его перестройки. Кроме того, Скрейнеру не удалось доказать, что после «Черной смерти» действительно резко возрос вывоз ганзейцами масла из Норвегии⁶. Памятники права XIII в., в которых содержатся постановления, запрещающие уход рабочей силы из сельской местности, вряд ли правильно толковать вслед за Скрейнером, как свидетельства забрасывания дворов, ибо эти предписания имели в виду бродячий люд, а не хозяев-болдов⁷.

Следствием чумы было расстройство всей традиционной хозяйственной системы Норвегии. Масса земель запустела: их пекому было возделывать. Цены на землю резко снизились, катастрофически сократились доходы землевладельцев, церкви и государства. Исследователями собран убедительный материал на этот счет⁸.

Если сопоставить цены на землю в южной части Норвегии до 1349 г., когда они были относительно стабильными, и во второй половине XIV в., то окажется, что их падение составляло 60—75%. Еще в XV в. в окрестностях Осло цены на участки не превышали половины цены, по которой они шли до чумы. Резкое сокращение поступлений десятины зерном в этот период не менее показательное. Епископство Осло, например, получило в конце XIV в. приблизительно лишь 40% десятины, взимавшихся в начале века. Соответственно сократилась, видимо, доля земель, которые возделывались в то время. В других районах положение было еще хуже.

⁵ Schreiner J. Pest og prisfall i seinmiddelalderen. Et problem i norsk historie.— Avhandlingar utgitt af Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II. Hist.-Filos. Kl. Oslo, 1948, N 4.

⁶ Wetki M. Studien zum Hanse-Norwegen-Problem.— Hansische Geschichtsblätter, 1951, 70 Jg., S. 50 f. Cp.: Lunden K. Hanseatene og norsk økonomi i seinmellomalderen.— HT, 1967, N 2.

⁷ Steen S. Tusen års norsk historie. Oslo, 1958, s. 102. См. выше, с. 48.

⁸ См.: Holmsen A. Norges historie. Oslo, 1971, s. 332 ff.; Bjørkvik H. Øydegardar og ny busetjing i Noreg og Sverige i seinmellomalderen.— HT, 1966, Bd. 45; Idem. Nyare forskning i norsk seinmellomalder.— Nytt fra norsk middelalder. II. Oslo, 1970, s. 70 ff.; Bjørkvik H., Dybdahl A. Øydegardar og øydegardsgranskning i Noreg.— Nasjonale forskningsoversikter. Det nordiske ødegårdsprosjekt. København, 1972, s. 148 ff.

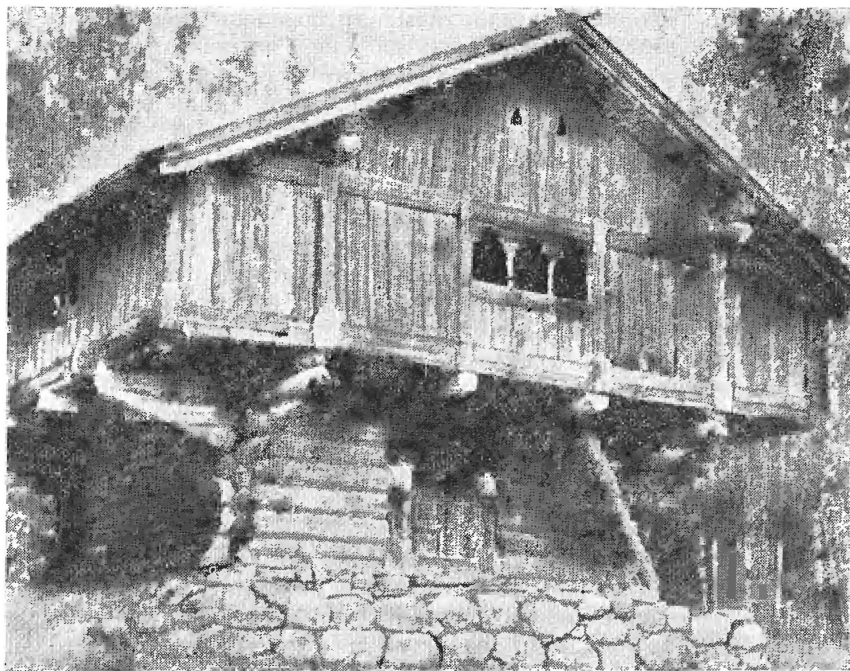
Ландскюльд — арендная плата, получаемая землевладельцами с лейлендингов, также составляла после «Черной смерти» только небольшую часть того, что платили крестьяне в первой половине XIV столетия. Архиепископство в Нидаросе потеряло 3/4 доходов со своих земель. Такие же цифры существуют и для некоторых других церковных и монастырских учреждений. Кое-где собирали 1/5, 1/6 и 1/10 прежнего ландскюльда. Но со значительного числа крестьянских усадеб вообще не поступало никаких доходов: их никто не арендовал и не обрабатывал. Запустение дворов дшилось весьма долго. Из 2500 участков (дворов и частей дворов), принадлежавших архиепископству, в 30-е годы XV в. около половины не давали никакого дохода. Во владениях крупного светского землевладельца Винцента Люнге еще в 1535 г. 25% дворов числилось пустующими. И это отнюдь не было исключением. В стране на протяжении нескольких поколений оставались в запустении тысячи крестьянских усадеб. По предположительным расчетам, из примерно 55 тыс. крестьянских дворов было заброшено от 30 до 35 тыс.⁹

Землевладельцы лишились возможности повышать арендные платежи. Им приходилось подчас передавать земли лейлендингам на льготных условиях. В целях привлечения крестьян в свои владения и восстановления хозяйства в заброшенных усадьбах они шли на то, чтобы лейлендинг в течение некоторого времени вовсе не платил за землю, но зато расчистил бы заросшую пашню, поправил разрушившиеся или обветшалые постройки, обзавелся скотом. Аренда земли стала, как правило, пожизненной и даже наследственной. Некоторые землевладельцы уступали часть двора крестьянину в собственность на условии, чтобы он обрабатывал всю землю и с другой ее части уплачивал ландскюльд. Подобно этому и короли передавали пустовавшие дворы в собственность тем крестьянам, которые брались их возделывать и платить палогн¹⁰. Во многих дворах, в которых продолжали вести хозяйство, под обработкой находилась только часть пашни, остальная земля была превращена в пастбище либо заросла лесом.

Поскольку земельные собственники испытывали острейший недостаток в рабочих руках, а наемные слуги требовали увеличить плату, королевская власть в интересах землевладельцев добивалась того, чтобы понизить плату и принудить всех работоспособных людей, не имевших собственного хозяйства, наниматься на работу по ранее существовавшим расценкам. Королевские чиновники на местах подвергали наказаниям работников, покидавших своих хозяев. Этим людям запрещалось заниматься торговлей: прежде минимум средств, которыми нужно было обладать для того, чтобы иметь право отплыть в торговую поездку, со-

⁹ Sandnes J. Norges historie, Bd. 4, s. 100—104.

¹⁰ Diplomatarium Norwegicum, II, N 963; XIV, N 112.

Крестьянская усадьба XIV—XV вв.

ставлял три марки; во второй половине XIV в. он был повышен до 12, а затем и до 15 марок. Королевским чиновникам было предписано ежегодно высылать из городов мужчин и женщин, не имеющих постоянной работы⁴¹. Таким образом, в Норвегии, как и в Англии, после «Черной смерти» появляется своего рода «рабочее законодательство», вызванное стремлением крупных землевладельцев выйти за счет трудящихся из хозяйственного кризиса, с тем, однако, важным различием, что в Англии это законодательство со временем стало составной частью политики, благоприятствовавшей первоначальному накоплению капитала, тогда как в Норвегии оно было лишь признаком экономического упадка.

Для того чтобы уяснить характер катастрофы, обрушившейся на Норвегию, напомним особенности ее экономики. Убыль населения в стране вряд ли была большей, чем у соседей. Но, как известно, сельское хозяйство Норвегии было ориентировано преимущественно на скотоводство, а не на земледелие. Уход за домашними животными, в особенности заготовка фуража на зиму

⁴¹ *Johnsen O. A. Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1939, S. 148 f.*

были очень трудоемким занятием, требовалось много рабочей силы. И до чумы кормов сплошь да рядом не хватало до весны, так что, когда скот выгояли на пастбища, приходилось выводить и даже выносить животных из зимних помещений: они настолько были истощены, что не держались на ногах. После массовых эпидемий заготовка кормов для стойлового содержания скота сделалась почти невозможной, рабочих рук не было. В результате происходил массовый падеж скота, а это в свою очередь вызывало голод и новый рост смертности населения.

Впоследствии скотоводство постепенно оправилось от нанесенного ему удара, животноводческая направленность сельской экономики стала еще более выраженной. Зерно ввозили из-за рубежа, и зависимость страны от хлебного импорта, находившегося в руках немецкого купечества, усилилась. Возросло значение рыболовства, охоты и других промыслов. Производительные силы в сельском хозяйстве оставались на прежнем примитивном уровне и даже переживали регресс. Вместо ячменя, главной зерновой культуры в предшествовавший период, стал распространяться овес, который требовал меньшей обработки¹².

Связи между отдельными районами были ослаблены, бонды жили теперь в большей изоляции, чем до чумы. Масса крестьян не имела возможности поддерживать с рынком регулярные связи. Господство натурального хозяйства в Норвегии было настолько значительно, что не только ландскюльд, но и государственные и церковные налоги, как правило, уплачивались в натуре. Дежежная система переживала серьезный кризис, правительство еще шире, чем в более раннее время, прибегало к порче монеты, и поэтому участники торговых сделок неохотно ее принимали, предпочитая прямой обмен товарами. Итальянский торговец Пьетро Кверини, побывавший на Лофотенских островах в начале 30-х годов XV в., рассказывал, что рыбаки не пользуются деньгами¹³. В большом ходу была иностранная, преимущественно любекская, монета. Весовой состав порвежской марки в отдельных областях страны стал неодинаковым, что в свою очередь свидетельствует об ослаблении торговых связей между ними. Усилился натуральный обмен. Страна обладала богатыми природными ресурсами, но леса и рудные залежи в тот период еще не разрабатывались, а рыболовство давало доход в первую очередь экспортерам рыбы — немецким купцам.

В то время как в ряде других стран «Черная смерть» в конечном счете губительно сказалась лишь на части феодальных владений и существенно не задержала развития торговли и городов, в Норвегии, купечество и города которой были слабыми

¹² *Hasund S. Korndyrkinga i Noreg i eldre tid.— Bidrag til bondesamfundets historie. Oslo, 1933, Bd. 1, s. 190 ff.*

¹³ *Vårt folks historie. Oslo, 1963, Bd. 4, s. 50.*

и находились в крайне неблагоприятных условиях из-за политики королевской власти и засилья немецких купцов, подобный прогресс оказался невозможным. Если в некоторых европейских странах кризис XIV—XV вв. выразился в противоречивом сочетании регрессивных и прогрессивных явлений в экономике¹⁴, то для Норвегии он явился самой настоящей хозяйственной катастрофой, особенно значительной потому, что упадок продолжался на протяжении приблизительно двух столетий.

Экономический упадок сказался на общественной структуре. Поскольку доходы норвежской аристократии были более скромными, нежели в других скандинавских странах, сильное их сокращение (порой на 80%) коренным образом подорвало материальное благополучие преобладающей части дворянства¹⁵. Многочисленные мелкие собственники не были в состоянии далее существовать за счет поземельной подати; если и прежде они нередко сами вели свое хозяйство, то теперь это стало их главным занятием, а для исполнения государственной и военно-рыцарской службы у них неоставалось ни средств, ни досуга. Следует помнить, что рыцарская служба требовала больших расходов. Многие мелкие дворяне превратились в бондов. Лишь крупные земельные собственники, доходы которых были значительно выше, избежали подобного «окрестьянивания». В их руки перешло имущество части разорившихся мелких землевладельцев¹⁶. В начале XIV в. в Норвегии насчитывалось до 300 семей рыцарей, в начале XVI в. их оставалось вряд ли более 60. Многие «госнода» оказались в положении захудалых собственников.

Сильно сократилось число священнослужителей. Во время чумы вымерли все норвежские епископы, кроме одного; еще в 1371 г. в биргерской епархии, где ранее насчитывалось до 300 священников, осталось в живых не более 40. Многие церкви были закрыты. Доходы духовенства как с церковных земель, так и в виде десятин резко упали. Однако с конца XIV в. церковь прилагает усилия, направленные на улучшение своего экономического положения: производятся описи земель, принадлежавших духовенству, и собираемых с них доходов, принимаются меры к восстановлению заброшенных дворов и улучшению управления владениями. Возросло число земельных и иных дарений в пользу церкви и монастырей. Потрясенные обрушившимися на них бедствиями, в которых видели божью кару за грехи, люди старались обеспечить себе избавление от загробных мук. Контроль

¹⁴ См.: *Barø M. A. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики.* М., 1973. с. 175 и след.

¹⁵ *Holmsen A. Norges historie*, s. 341.

¹⁶ *Holmsen A. Problemer i norsk jordeiendoms historie.*— ИТ, 1947, Bd. 34, s. 241.

церкви над духовной жизнью страны укрепился¹⁷. Католическое духовенство не утратило своих позиций в общественной жизни страны, даже напротив: вследствие ослабления королевской власти его влияние возросло, расширилась церковная юрисдикция, епископы стали постоянными и деятельными участниками риксрода.

Чрезвычайно сузились материальные ресурсы государства. Налоговые поступления сократились в такой же степени, как и рента (в прямой связи с величиной которой они находились). Настойчивые попытки королевской власти повысить налоги, например введение удвоенных налогов с обрабатываемых земель, не дали желаемых результатов и приводили к возмущениям бопдов. В распоряжении короля со второй половины XIV в. находились крайне ограниченные средства. Показательно письмо юной королевы Маргариты ее мужу Хакобу VI (1370 г.), в котором она, между прочим, писала: «Дорогой господин, я и мои слуги сильно нуждаемся в еде и питье и не получаем их в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить свои самые необходимые потребности. И потому прошу я Вас, мой дорогой господин, найти выход из этого положения и улучшить его, дабы те, кто паходится при мне, не покинули бы меня из-за голода...»¹⁸.

Такого рода жалобы не единичны. Порча монеты не могла поправить пошатнувшихся финансов. С целью увеличить налоги правительство запрещало забрасывать усадьбы и под угрозой штрафа обязывало каждого крестьянина возделывать участок земли не менее определенного размера, либо передавало дворы тем, кто соглашался платить с них налог. Но денег все равно не хватало, и приходилось принимать налоги в натуре. Накопление в руках короля, как и представителей знати, значительного количества сельскохозяйственных продуктов, преимущественно продуктов животноводства, собранных в виде налогов и арендных платежей, создавало у них заинтересованность в сбыте этих продуктов. Основными скупщиками были опять-таки пемецкие купцы, всецело господствовавшие в норвежской торговле в XIV—XV вв. и еще более увеличившие свое влияние на корону вследствие роста ее финансовой зависимости от них.

Королю приходилось сокращать государственный аппарат. В отдельных районах осталось по одному стюсельману, иногда же в ведении одного стюсельмана оказывалось по несколько округов, что в немалой мере усиливало самостоятельность чиновни-

¹⁷ Тем не менее еще и в следующем столетии духовенство жаловалось на живучесть языческих обычаев среди сельского населения.

¹⁸ Vårt folks historie, Bd. 4, s. 9. После смерти в 1363 г. королевы Бланки Намюрской (жены короля Магнуса VII) при описи ее наследства оказалось, что она оставила лишь кое-какую утварь и немного белья (Norges historie, Bd. 4, s. 273 f.).

ков и ослабляло контроль за ними со стороны центральной власти. Вместе с тем органы местного самоуправления, переживавшие ранее упадок, вновь стали играть значительную роль, так как зависимость их от властей в изменившихся условиях снизилась. Ослабление экономических связей между областями страны шло одновременно с ослаблением государственного единства. Влияние на местах перешло в руки представителей крупной знати или верхушки бондов, заправлявших на областных тингах. Распалась и давно уже подорванная старая система обороны страны, основанная на ополчении бондов и их повинности строить и снаряжать корабли.

Некоторые историки говорят о переходе Норвегии к «децентрализованному менеему управлению»¹⁹. Упадок экономической и политической жизни в Норвегии имел губительные последствия для ее самостоятельности. Измельчавшее, чрезвычайно сократившееся численно дворянство и прежде не могло тягаться с аристократией других скандинавских стран, которая обладала большими богатствами, широкими политическими привилегиями, укрепленными замками и отличалась от норвежских дворян своей воинственностью. Со второй половины XIV в. после всех потрясений дворяне Норвегии были уже не способны контролировать общественную жизнь и воспринять участие в стране феодалов из соседних государств. Более того, норвежские дворяне искали их поддержки. Многие норвежские земельные собственники давно породнились с выходцами из Дании и Швеции, которые использовали изменившуюся обстановку для усиления своих позиций в Норвегии. Общность сословных и классовых интересов, имущественные и личные связи между дворянами трех скандинавских государств в этот период укрепились²⁰. Для Норвегии создалась реальная угроза подчинения более могущественным соседям. «Мрачное время» — так нередко называют исследователи этот период²¹.

* * *

Упадку Норвегии в немалой мере способствовало все более активное вовлечение ее в межскандинавские конфликты. Именно на этой арене относительная слабость норвежской монархии обпаружилась с наибольшей ясностью. В результате Норвегия, будучи втянута в унию с другими государствами Севера, оказалась в ней в наиболее невыгодном положении и в конце концов утратила свою независимость.

¹⁹ Norges historie, Bd. 4, s. 280, 295, 392.

²⁰ Koht H. Norsk historie i lys frå aettelhistorie.— In: Koht H. På leit etter liner i historia. Oslo, 1953, s. 76 f.

²¹ Hamre L. Norsk historie frå omlag år 1440 til 1513. Forelesingar. Oslo, 1968, s. 1.

Еще в начале XIV в. в кругах высшего шведского и датского дворянства обнаружилась тенденция к объединению трех скандинавских государств под властью одного правителя. «Образцовый рыцарь» Эрик, брат короля Швеции Биргера Магнуссона, создал из своих владений феодальное герцогство, части которого входили в пределы трех скандинавских королевств. Герцог Эрик держал в своих руках ключевые позиции, дававшие ему возможность играть активную политическую роль в Швеции, Дании и Норвегии. Ему удалось получить в жены Ингеборг, единственную дочь и наследницу последнего государя из старшего норвежского королевского рода Хакона V, который стремился найти в Швеции союзницу против Дании. Таким образом, герцог Эрик рассчитывал на получение норвежского престола. Однако его конфликт с Биргером закончился тем, что герцог попал в его руки и погиб (1318 г.). Вскоре и сам король Биргер был низложен своими противниками из числа мятежных крупных феодалов, которые возвели на шведский престол трехлетнего сына Эрика — Магнуса. От его имени герцогиня Ингеборг, опиравшаяся на дворянство, стала править в Швеции и в Норвегии, где в это время умер Хакон V.

Так в 1319 г. Норвегия оказалась в унии с наиболее сильной из северных держав. Это была персональная уния: оба государства сохраняли самостоятельное управление и законодательство; общим был лишь монарх, который должен был пребывать то в Швеции, то в Норвегии.

Когда Магнус VII Эрикссон (1319—1355) вырос и взял власть в свои руки, он продолжил политику, проводившуюся отцом. Однако он встречал противодействие со стороны норвежской аристократии, опасавшейся объединения со Швецией. В 1343 г. уния временно распалась. Это противодействие дворянства удалось в известной мере победить Хакону VI (1355—1380), сыну Магнуса VII. В 1362 г. Хакон VI был провозглашен шведским королем. Вскоре после этого он вступил в брак с дочерью датского короля Вальдемара IV Маргаритой, имея целью впоследствии объединить все три скандинавских государства. Такая политика с самого начала не сулила ничего хорошего Норвегии, внутреннее положение которой, как мы знаем, резко ухудшилось именно в тот период. Династический союз Норвегии с Данией привел к разрыву шведской аристократии с Хаконем, который, однако, не хотел отказываться от своих притязаний на утраченный им шведский престол. В результате Норвегия была вовлечена в борьбу против Швеции, где королем был провозглашен немец Альбрехт Мекленбургский. Еще более серьезным было то обстоятельство, что, когда в 1367 г. северогерманские ганзейские города начали войну против Дании и установили блокаду ее побережья, они распространили свои враждебные действия и на Норвегию. После понесенного Данией поражения в 1370 г. был заключен Штраль-

вундский мир²², и норвежское правительство должно было подтвердить привилегии ганзейцев, которые вскоре были еще более расширены, так как королева Маргарита использовала (в 1376 г.) их помощь в приобретении датской короны для своего сына Олава. В 1380 г. Олав стал также королем Норвегии. Он послал титул «короля Дании и Норвегии и законного наследника Швеции».

Руководящее положение в обоих королевствах занимала властная Маргарита (1353—1412), королева, обладавшая выдающимися государственными способностями²³. После прекращения династии в связи со смертью Олава IV (1387 г.) она, казалось бы, должна была утратить всякое правоопосаждение для того, чтобы в дальнейшем влиять на политику. Однако ее авторитет в глазах духовных и светских господ был столь высок, что она была провозглашена правительницей в обоих королевствах и добилась возведения на престол Норвегии своего внучатого племянника Эрика Померанского (1389 г.). В результате нового восстания шведской знати против короля Альбрехта Мекленбургского Маргарита с помощью дворян и церкви приобрела власть и над Швецией. Политика Маргариты вызвала войну мекленбургских городов Росток и Висмара против всех трех скандинавских государств, в ходе которой немецкие ордены («вителинцы», *Vitalienbrüder*) разграбили Берген. Наконец, в 1396 г. Эрик Померанский был провозглашен королем Дании и Швеция. Когда в 1397 г. он достиг совершеннолетия, Маргарита созвала духовных и светских господ из трех королевств на общий коронный совет в Кальмаре (Швеция), и здесь после коронации Эрика (17 июня) был провозглашен «вечный мир и союз» Дании, Швеции и Норвегии (13 или 14 июля). Было установлено, что сына короля следовало избирать на престол во всех трех государствах, а в случае, если король умрет, не оставив сына, должна быть создана общая коллегия для избрания короля. Три королевства брали обязательство оказывать взаимную поддержку в войне («выступать как единое королевство») и совместно действовать в международных делах, по внутреннее устройство их оставалось неизменным, и законы должны были издаваться в каждой стране отдельно.

Союз, судя по всему, не был должным правовым образом оформлен; во всяком случае никто из представителей Норвегии не привнес к сохранившемуся документу унии своей печати и ни один из трех государственных советов его не ратифицировал. Кроме того, на собрании в Кальмаре отсутствовали все норвеж-

²² Собственно, в Штральзунде ганзейцы подписали мир с Данией (24 мая 1370 г.), а временный мир с Норвегией был подписан ими в Бодусе (1 июля того же года). Окончательный договор Хакон VI заключил с ганзейскими городами в августе 1376 г. в Калундборге.

²³ *Kohf H. Dronning Margareta og Kalmarmunionen. Oslo, 1956; Linton M. Drottning Margareta. Fullmäktig fru och rätt husbonde. Århus, 1974.*

ские епископы. Уния фактически основывалась на признании Эрика общим королем и на том, что управление тремя государствами находилось в руках Маргариты²⁴.

Тем не менее заключение Кальмарской унии означало для Норвегии шаг на пути ее подчинения власти датских феодалов. Еще до 1397 г. норвежским архиепископом был назначен датчанин, датчанами были и епископы Ставангерский и Бергенский. Некоторые ленды в Норвегии Маргарита передала датским и немецким феодалам. Норвежский королевский совет — с XIV в. обычно именуемый государственным советом (riksråd) — не созывался более в полном составе, государственная печать находилась в Копенгагене, обязанности канцлера Норвегии стал исполнять датчанин — епископ Осло. Маргарита перемещала сюзеренов из одной сюезмы в другую, норвежские аристократы в своем большинстве были вообще отстранены от управления. Датское правительство проявляло интерес к Норвегии главным образом как к источнику финансовых средств. Вводились новые налоги при сборе которых чиновники допускали всяческие злоупотребления. Продолжалась порча монеты. Норвежский народ должен был оплачивать расходы короля Эрика, связанные с войной против Гольштинии и ганзейцев, которые не желали примириться с введением им в 1429 г. зупдских пошлин со всех проходящих через датские проливы судов. В ответ на эту меру ганзейцы покинули Берген, а вскоре город был вновь разграблен и сожжен пиратами-венецианцами. Войны, которые вела Дания, принесли Норвегии один только ущерб. Король Эрик был принужден заключить мир с ганзейцами, возобновить все их привилегии, в том числе свободу от уплаты пошлин, опять-таки во вред Норвегии.

Таким образом, разоренная и ослабленная хозяйственным кризисом Норвегия, правящий класс которой и численностью своей, и богатством уступал господам в Дании и Швеции²⁵, не была способна отстаивать свою самостоятельность.

Эпоха в четыре с небольшим столетия, на протяжении которых Норвегия находилась в унии с Данией (1380—1814), может быть разделена на три периода. Каждый из этих периодов характеризуется особым положением Норвегии по отношению к Да-

²⁴ Подробнее см.: История Швеции. М., 1974, с. 116 и след.

²⁵ Когда после своей коронации король Эрик посвятил в рыцари более 130 юных дворян, то среди них было всего лишь 12 или 15 норвежцев. На совете знати трех стран, созванном в 1401 г., присутствовали 112 рыцарей, в том числе только 8 норвежцев. Современные исследователи отмечают, что целью Маргариты было не столько замешать в управлении норвежских дворян датскими (ибо и в самой Дании она использовала на службе иностранцев, преимущественно немецкого происхождения), сколько создать себе опору в лице послушных и исполнительных вассалов и чиновников. См.: Vårt folks historie, Bd. 4, s. 30. Однако результат был тот же самый: Норвегия превращалась в подчиненного, второстепенного члена Кальмарской унии.

Крестьянское войско. Гравюра XVI в.

нии. В первый период, закончившийся в 1536 г., Норвегия, несмотря на все усиливающуюся зависимость от чужеземных господ, еще сохраняла свое правительство. Провозглашенная в 1536 г. реформация открыла период полного подчинения страны датской монархии и дворянству. Экономический подъем, ставший особенно заметным в XVII в., послужил основой, на которой развернулась борьба норвежского народа за свои национальные интересы, составляющая содержание третьего периода — с 1660 г.

* * *

Кальмарская уния 1397 г., выгодная лишь королю²⁶ и высшему датскому и шведскому дворянству, встречала сопротивление со стороны широких слоев населения как в Швеции, так и в Норвегии. Торговая политика Дании на Балтийском море и стремление датских феодалов установить в Швеции свои порядки вызвали в 1434 г. мощное восстание шведских крестьян и горнорабочих против датских правителей под руководством Энгельбректа Энгельбректссона. Дворянство, воспользовавшееся народ-

²⁶ Король Ханс Датский на рубеже XV—XVI вв. говорил об унии: «Жирная Норвегия (он имел в виду масло, вывозившееся из нее в большом количестве) должна кормить меня, богатая Швеция одевать, а воинственная Дания защищать».

ным движением для восстановления независимости Швеции, временно расторгло унию с Данией.

Успешное восстание шведов нашло отклик в Норвегии. Крестьянство юго-восточной части страны, воодушевленное движением Энгельбректа и, без сомнения, слышавшее о гуситских войнах в Чехии, поднялось в 1436 г. против крупных землевладельцев и датских чиновников, которых было особенно много в районе Осло. Восставших возглавил дворянин Амунд Сигурдссон Болт. Норвежское дворянство, подобно шведскому, попыталось использовать восстание для создания самостоятельного правительства. На собрании членов Государственного совета (риксрода) совместно с Амундом и представителями крестьян было принято решение обратиться к королю Эрику с просьбой соблюдать впредь право и законы Норвегии, не назначать на светские и церковные должности иностранцев, вернуть в страну государственную печать, находившуюся в Копенгагене, и отменить незаконные цалоги. Однако последствием этого восстания были лишь замена части датских чиновников норвежскими и временное усиление влияния норвежского риксрода на управление страной. Положение крестьянства не изменилось, что, естественно, должно было привести к новым конфликтам. Уже в 1438 г. население Телемарка и соседних областей восстало под предводительством бонда Хальварда Гротона. Крестьяне по-прежнему боролись против своих господ и датских наместников. Восстание быстро распространилось, и парод двинулся на Осло, но датский наместник и норвежские дворяне, опасавшиеся собственных крестьян больше, чем датского короля, общими усилиями подавили это слабо организованное выступление. Несколько годами позднее в этих же районах вновь вспыхнули крестьянские волнения.

Шведские и норвежские аристократы извлекли выгоду из народных выступлений и выпудили у короля Эрика согласие на то, чтобы каждая из стран унии управлялась собственным правительством. На престоле Эрика сменил его племянник Христофор Баварский (1442—1448). Швеция вскоре стала по существу независимым государством, хотя формально и входила в унию до 1523 г., между тем как экономическая отсталость и политическая слабость Норвегии обрекали страну на зависимость от более могущественной Дании.

В середине XV в. в норвежском риксроде боролись сторонники прошведской и продатской ориентации, но в конце концов на норвежский престол вступил представитель Ольденбургской династии датский король Кристиан I. Стремясь закрепить за собой корону, Кристиан опубликовал хартию, которой обязывался регулярно посещать страну, соблюдать норвежские законы, править вместе с риксродом, оставлять в Норвегии государственные доходы, полученные с ее поселения, лены и замки передавать в управление одним лишь норвежцам; монархия объявлялась вы-

борной²⁷. В действительности же правление Кристиана I (1448 — 1481), руководствовавшегося династическими интересами, было временем дальнейшего подчинения Норвегии Дании. Король, который появился в Норвегии за более чем 30-летний период своего царствования всего 6 раз, вызывал членов норвежского риксрода в Копенгаген или решал норвежские дела в датском риксроде вообще без участия норвежцев и использовал полученные из Норвегии средства в интересах Дании и своих лично. Мало того, нуждаясь в деньгах для выдачи замуж своей дочери, Кристиан I заложил в 1469 г. шотландскому королю принадлежавшие Норвегии Шетландские и Оркнейские острова, которые никогда уже не были впоследствии выкуплены²⁸. Кристиана I недаром прозвали «бездонным кошельком»: ему постоянно не хватало денег, так как он добивался своего избрания герцогом Шлезвига и графом Гольштинии, а также приобретения короны Швеции.

Правление этого короля причинило ущерб Норвегии и в другом отношении. При нем исчезли последние следы сопротивления королевской власти засилью ганзейцев, что вызвало сильное недовольство норвежского купечества и привело к трагическим событиям. В ответ на новое подтверждение королем ганзейских привилегий в 1455 г. бергенцы захватили несколько немецких торговых кораблей. Ганзейцы взяли за оружие, убили епископа Торлейва, начальника гарнизона Бергена Олава Пильссона и его сына, более 60 священников и горожан, сожгли старинный монастырь Мункельв. Однако пастырьственные действия иностранных купцов не вызвали репрессий со стороны Кристиана I, так как он рассчитывал получить у ганзейцев денежные субсидии.

Проникновению иностранных (датских и немецких) аристократов на высшие государственные должности в Норвегии и задача им Кристианом I норвежских менов способствовали все большему раздроблению страны, лишенной центральной власти, которая могла бы умерять произвол чиновников на местах. Правление страной находилось в руках начальников крепостей (Акерсхус, Бергенхус, Бохус), контролировавших отдельные области.

На рубеже XV и XVI вв. королевская власть в Дании начала проводить политику абсолютизма, стремясь к большей самостоятельности в отношениях с отдельными группировками дворянства и в особенности к ослаблению политического влияния его верхушки. Хотя датские короли и жаловали при своем вступ-

²⁷ Кристиан был провозглашен королем Норвегии в 1449 г., но шведская партия дворянства поддержала шведского короля Карла Кнутссона. После отказа последнего от притязаний на норвежский престол Кристиан был коронован в качестве государя Норвегии. В 1450 г. была вновь подтверждена уния Дании и Норвегии. Формально оба королевства считались равноправными, но показательно, что тексты трактата были написаны по-датски. Текст см.: Norske middelalderdokumenter, s. 454—455.

²⁸ В это же время прекратились связи между Норвегией и Гренландией.

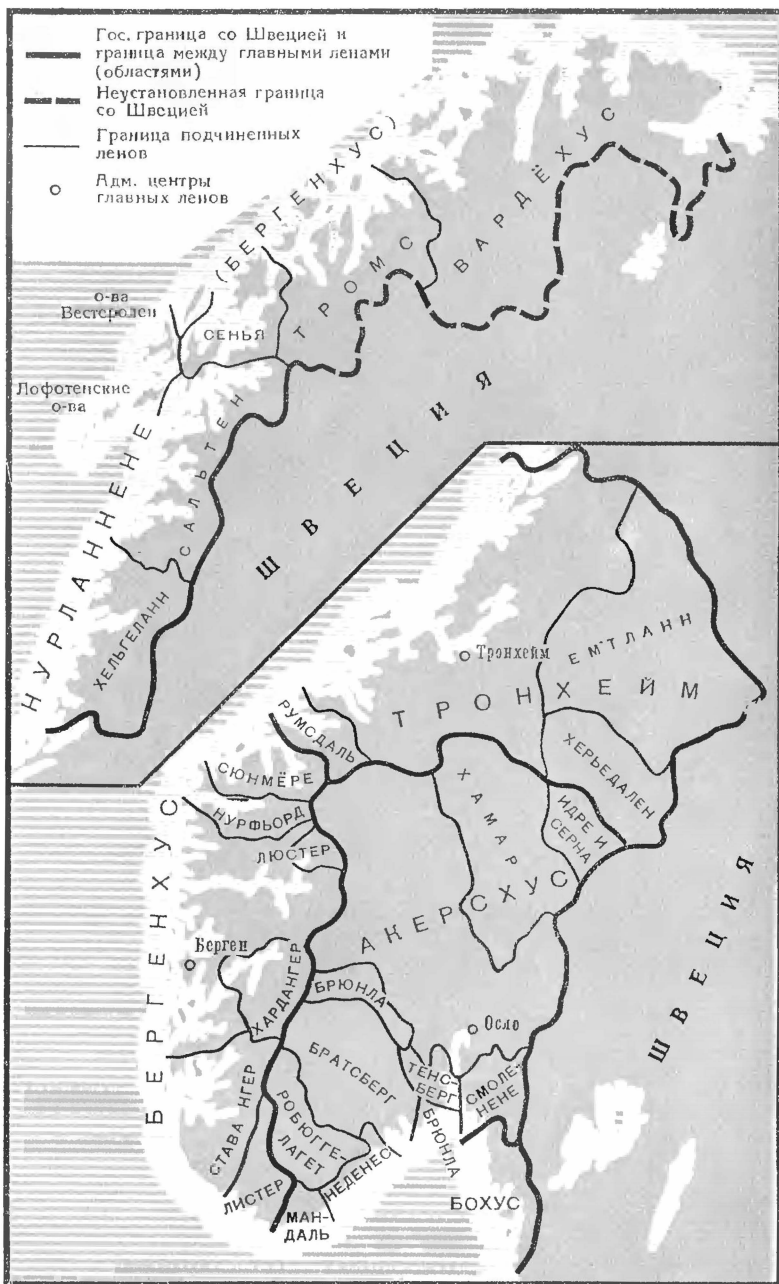
лении на престол хартии норвежскому народу, содержавшие обещания, аналогичные тем, которые в свое время дал Кристиан I, они вели себя в Норвегии как неограниченные монархи, тем более что захудалое и частично вымиравшее норвежское дворянство было политически совершенно бессильным и в отличие от датских дворян не могло чинить серьезных препятствий авторитарному правлению²⁹. Король Ханс (1483—1513) установил контроль над владельцами ленов и предпочитал назначать чиновниками людей незнатного происхождения, которые были бы всем обязаны королю и всецело от него зависели. Наиболее ревностным проводником абсолютистской политики в Норвегии явился наместник датского монарха Хенрик Круммедиге, родом из голштинской знати, член датского и норвежского риксродов. Он сознательно использовал в интересах короля вражду между высшей аристократией и бондами.

Стремясь выкачать из страны как можно больше доходов, Ханс привлекал иностранное купечество в Норвегию, заключил торговые договоры с Англией и нидерландскими городами, пожаловал их купцам такие же вольности, какими пользовались ганзейцы. Если прежде Берген играл монопольную роль в торговле с Исландией, то теперь право свободно торговать в ней получили английские купцы, что сократило доходы бергенцев. В этот период немецкая Ганза начала терять свое господствующее положение в североевропейской торговле и оказалось возможным нарушение ее монополии в Норвегии. Тем не менее позиции ганзейцев оставались очень сильными, так как страна по-прежнему нуждалась во ввозе зерна, а собственное норвежское купечество не могло конкурировать с иностранцами, вложившими огромные капиталы. Бюргеры Осло жаловались, что не могут получить никаких товаров от бондов, которые говорили: «Если немцы их не захотят взять, вы их получите. Но если немцы пожелают забрать их, вам ничего не достанется». Отставание Норвегии по уровню экономического развития от передовых стран Европы сохранялось.

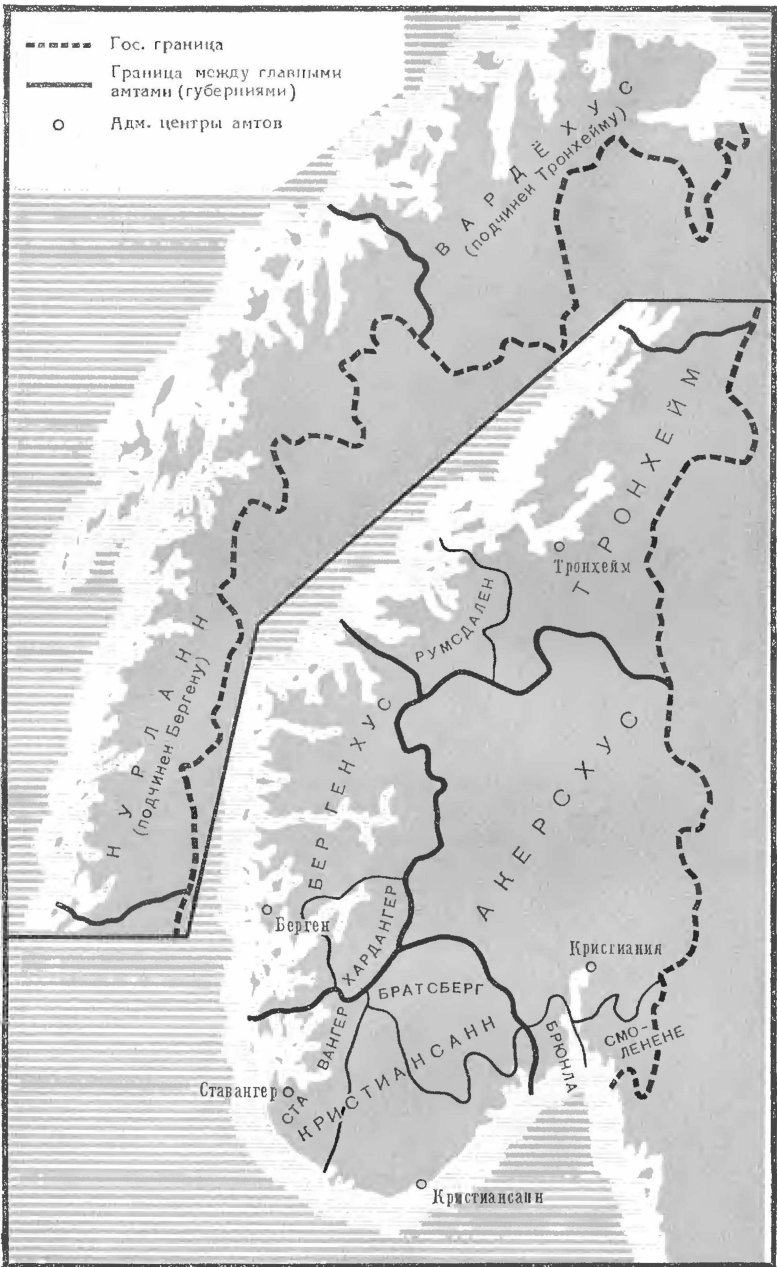
Начало абсолютистского правления в Норвегии означало прежде всего увеличение налогов и поборов. Обложение крестьянского двора более чем удвоилось. Многие бонды были не в состоянии уплатить налоги; дворы хозяев, отказывавшихся погасить недоимки, безжалостно опустошались, на крестьян налагались штрафы, и применялись другие репрессии, вплоть до казней. Недовольство крестьян вылилось в новые возмущения³⁰. В 1496 г. крестьянами был убит ленник датского короля, на

²⁹ *Petersen E. L. Monarchy and Nobility in Norway in the period around 1500.— Mediaeval Scandinavia, 1974, vol. 7.*

³⁰ О жалобах бондов на бесчинства и вымогательства господ и их чиновников см.: *Norske middelalderdokumenter, s. 480 ff.*

Норвегия около 1560 г.

Норвегия около 1680 г.

следующий год — слуга одного из знатных господ, который особенно безжалостно с ними расправлялся. Вскоре поднялось восстание бондов, которое охватило всю Юго-Западную Норвегию, от Сунмере до Хуралаппа, а затем и юго-восток страны. Возглавил восстание тот самый дворянин, слугу которого убили возмущенные бонды, — Кнут Альвссон, связанный родством с прежней норвежской королевской династией. Незадолго перед тем король конфисковал у него лен: Кнут Альвссон был связан со шведскими мятежниками и находился в личной вражде с могущественным Хенриком Круммединге³¹. Повстанцы завладели крепостями Акерсхус и Тешбергсхус. Их выступлению против податного гнета Кнут Альвссон пытался придать антидатскую направленность. Он потребовал от короля, чтобы датчане покинули Норвегию.

Король Кристиан II. 1515 г. Масло

Одновременно развернулось освободительное движение в Швеции под руководством Степа Стуре, и королю Хансу, который напрягал все силы для того, чтобы сохранить в унии Швецию, приходилось тяжело. Однако Кнут Альвссон попал в ловушку, приготовленную для него Хенриком Круммединге, и был предательски убит (1502 г.), а лишенное руководства восстание было подавлено. Введение новых налогов³² королевским наместником герцогом Кристианом (будущим королем Кристианом II) вызвало в 1507 г. восстание крестьян Упланна, также безжалостно подавленное. Обычно восстания норвежских крестьян происходили под лозунгом соблюдения старых порядков, которые они называли «Законами святого Олава».

В период Кальмарской унии выступление против власти дат-

³¹ *Benedictow O. J. Knut Alvsson og hans vei til opprør.* — НТ, 1974.

³² Собственно, то был старый налог, взимавшийся некогда взамен угодья, которое бонды устраивали королю во время его разъездов по стране (см. выше гл. III); но, поскольку датские монархи редко посещали Норвегию, налог не взимался, и требование его уплаты герцогом Кристианом было воспринято населением как незаконное нововведение и вызвало возмущение.

ского короля в одной из подвластных ему стран сопровождалось восстанием и в другой. Как мы видели, подъем освободительного движения в Швеции в XV — начале XVI в. обычно порождал соответствующий отклик в Норвегии; неиспроверженные короля в Швеции приводило к утрате им и норвежского престола. И тем не менее, когда после учиненной Кристианом II (1514—1523) резни — «Стокгольмской кровавой бани» (ноябрь 1520 г.) шведский народ поднялся под руководством Густава Эрикссона Васы и добился окончательного расторжения унии (1523 г.)³³, норвежские дворяне, как и горожане, оказались неспособными возглавить освободительное движение. В риксроде преобладали дворяне датского происхождения, имевшие земли в обеих странах. В ответ на требование норвежских представителей ставить во главе крепостей и лесов лишь норвежцев Кристиан II возразил: «Дворянство в Норвегии почти полностью вымерло».

Дворянский риксрод требовал не разрыва с Данией, а предоставления Норвегии большей самостоятельности в рамках унии. Но и в этом отношении среди членов риксрода не было единодушия. Не прекращалось соперничество между церковными и светскими землевладельцами, и часть дворян во главе с Винсентом Люнге стояла за реформацию и секуляризацию церковных имуществ³⁴. Противоречия в среде аристократов подчас отодвигали на второй план борьбу против Дании³⁵. Что касается норвежского бюргерства, то оно было еще чересчур слабым и малочисленным для того, чтобы возглавить борьбу за национальные интересы, к тому же ведущую роль в городах играли немцы и датчане. В Норвегии не существовало силы, которая бы способна руководить движением за освобождение страны от усиливавшегося ипоземного господства.

Политика датских королей в начале XVI в. требовала огромных средств, и они выкачивались из Норвегии. Это провоцировало новые волнения. Но теперь фискальные требования затрагивали не одно лишь простонародье. Для успешного ведения войн в новых условиях были необходимы наемные солдаты, вооруженные огнестрельным оружием, и король стал облагать налогами также дворян и духовенство. Превратив служилые земли, держатели которых несли службу королю, в так называемые расчетные лены, т. е. требуя от своих вассалов вместо службы денежных платежей, и заменяя знатных дворян людьми небогатого происхождения, Кристиан II ослаблял аристократию. Недовольство ее вызывали и абсолютистские замыслы короля.

³³ См.: История Швеции, с. 150 и след.

³⁴ Начавшаяся в эти годы под влиянием проповеди Мартина Лютера реформа церкви была использована государственной властью в Германии и других странах Европы в целях укрепления своего влияния и для конфискации земель и иных богатств церкви.

³⁵ *Kohf II. Vincens Lunge contra Henrik Krummedige. 1523—1525. Oslo, 1950.*

Карта Скандинавии И. Циглера 1532 г.

Дворянская реакция, начавшаяся в Дании после свержения Кристиана II, который пытался создать себе независимое положение по отношению к аристократии путем ограничения ее привилегий и противопоставления ей бюргерства, распространилась и на Норвегию. Возведенный на престол датскими дворянами голштининец Фредерик I (1524—1533), столкнувшись с рядом внутренних и внешнеполитических затруднений и опасаясь перехода Норвегии на сторону Швеции, обещал норвежскому риксроду увеличить его самостоятельность, давать лены исключительно норвежским землевладельцам и соблюдать старинные права населения и церкви, отстаивая католицизм против лютеранской ереси. Но, укрепив свое положение, Фредерик I начал бесконтрольно хозяйничать в Норвегии. Лены, после 1523 г. конфискованные норвежским риксродом, вновь были розданы представителям датской аристократии. Сопротивление возглавил норвежский архиепископ Олав Энгельбректссон, пытавшийся противопоставить датскому королю свергнутого Кристиана II и использовать помощь шведов. Вспыхнувшая в Дании гражданская война («графская распря») как будто способствовала восстанию в Норвегии. Однако архиепископ Олав заботился прежде всего об интересах католической церкви, спасти которую от короля-протестанта можно было, лишь отстаивая независимость страны.

Экономическая слабость Норвегии была причиной ее бессилия в военном отношении, поэтому поднятое Олавом восстание на Севере было безуспешным. Сопротивление продолжалось вплоть до 1537 г., когда архиепископу пришлось покинуть страну. Его бегству предшествовало провозглашение датским риксродом лютеранской реформации и постановление (реCESS) короля Кристиана III (30 октября 1536 г.) о том, что Норвегия пачечно утрачивает статус самостоятельного королевства³⁶. Страна лишилась собственного государственного совета, а норвежские лены заняли датские господа.

Расторжение Кальмарской унии означало для Швеции национальную независимость, но для Норвегии — окончательное превращение в датское владение. Подчинение страны Дании было тем тягостнее, что оно усилилось в период, когда в передовых странах Европы происходила национальная государственная консолидация и началось развитие капиталистических отношений. Датское господство тормозило экономический и политический прогресс Норвегии.

³⁶ Показательна мотивировка этого решения: «И поскольку Норвежское королевство ныне настолько обеднело и лишилось силы, что население Норвежского королевства не в состоянии содержать господина и короля... то вверде оно будет состоять под властью короны Дании, так же как и другие страны, Ютландия, Фюль, Зеландия или Сконе, и будет называться не королевством, но составной частью Датской державы и на всякие времена будет подвластно датской короле». См.: *Holmsen A. Nye studier i gammel historie*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976, s. 47.

РЕФОРМАЦИЯ. НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА. НОРВЕГИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКОЙ ДЕРЖАВЫ (1536—1660 ГГ.)

Проведенная в Норвегии лютеранская реформация не была подготовлена предшествовавшим общественным развитием, так как местное бюргерство, которое в других странах принимало в реформации активное участие, было еще недостаточно развито для того, чтобы отстаивать требование «дешевой церкви». Поэтому сторонников реформации в Норвегии до 1536 г. было немного. Преобразование церковного строя диктовалось преимущественно экономическими и политическими интересами короля и датского дворянства, стремившихся захватить церковные имущества. В скандинавских странах, как и в Германии, лютеранство было поставлено на службу дворянам. После отстранения католических епископов началась секуляризация их владений, а также земель закрываемых монастырей. Переход в руки короля тысяч крестьянских дворов, принадлежавших прежде духовенству и монахам, а также десятиц, церковных штрафов, богатейшей церковной утвари привел к многократному увеличению доходов казны. После реформации в собственности короля сосредоточилось до 45% всех крестьянских дворов в Норвегии. Часть этих земель была передана датским дворянам. Если мы вспомним, что католическая церковь была крупнейшим землевладельцем, более богатым, нежели король и дворяне, вместе взятые, то станут понятнее как причины норвежской реформации, так и огромное ее значение для дальнейшего развития страны.

На Норвегию было распространено датское церковное устройство — ординация, богослужение отправлялось на датском языке. Введение реформации в Исландии и на Фарерских островах способствовало подчинению этих старых норвежских колоний Дании. Важнейшим итогом реформации в Норвегии было усиление власти датского короля и дворян, из числа которых король назначал и суперинтендантов — протестантских епископов, являвшихся такими же государственными служащими, как и лица, ведавшие светскими делами. Часть суперинтендантов и пасторов были в прошлом католическими священниками. От них требовалась в первую очередь не глубокая приверженность учению Лютера, а преданность королю.

Реформация не встретила поддержки у широких слоев населения Норвегии. Помимо отмеченной выше неразвитости слоя горожан, это объяснялось и другими причинами. Консерватизм хозяйственной жизни крестьян порождал недоверие ко всяким повешествам, особенно если они исходили от датского правительства. В последние годы перед реформацией католическое духовенство во главе с Олавом Энгельбректссоном было по сути дела единственной силой, пытавшейся возглавить сопротивление подчинению страпы датской короне¹. Новые священники-лютеране были в большинстве датчанами. Считалось, что прихожане-протестанты имеют право выбирать себе священника, однако, согласно королевскому предписанию, пастор должен был получить образование в Копенгагене и практически назначался властями. В отличие от других стран, принявших реформацию, в Норвегии богослужение было переведено не на национальный язык, а на язык господ-датчан. В Норвегии были введены датские постановления о церковных десятинах, не учитывавшие старые правила о выделении в пользу бедняков четвертой их части, и из-за этой «части бондов» на протяжении XVI в. шла постоянная борьба между крестьянами и протестантским духовенством. Закрытие монастырей, в которых бедняки и больные находили помощь и пропитание, нанесло им тяжелый удар. Реформация отменила культ святых, в которых народ привык видеть своих заступников и целителей; длительное неодобрение вызывало и уничтожение религиозных изображений в храмах.

В этих условиях новая государственная церковь не могла сразу же укрепить свои позиции. Большим влиянием она стала пользоваться в конце XVI в., когда окрепло норвежское бюргерство, склонное принять протестантское учение. Король, который в первый период проведения реформы был заинтересован преимущественно в том, чтобы поставить духовенство себе на службу и присвоить огромные богатства католической церкви, старался осуществлять эти перемены по возможности постепенно. Но со второй половины столетия королевская власть стала вмешиваться в богословские вопросы и выступать в качестве высшей инстанции в разрешении споров между приверженцами различных направлений в реформации. Что касается католиков, то их высылали из страны, конфискуя имущество. Хотя Норвегия и не была глубоко затронута коллективными психозами, подобными преследованиям ведьм, какие охватили в тот период равно и католические, и протестантские государства Европы, все же и в ней начиная с 90-х годов XVI в. было проведено до 500 ведовских процессов и сожжено некоторое число женщин по обвинению в сношениях с нечистой силой.

¹ Koht H. Olav Engelbriktsson og sjolvstende-tapet, 1537, Oslo, 1951.

После прекращения в 1536 г. «графской распри» в Дании значительная часть дворянства сплотилась вокруг короля, который поэтому мог успешно продолжать политику централизации. Полное включение Норвегии в состав Датского государства, предусмотренное «рецессом» 1536 г., практически означало упразднение норвежского риксрода. Отныне все вопросы управления Норвегией решались королем и государственным советом в Копенгагене. Датские феодалы получили возможность неограниченно ее эксплуатировать, управляя ленами, на которые делилась страна. Но король, стремившийся проводить политику абсолютизма, приступил к реорганизации системы ленов. Владельцы ленов из самостоятельных господ все более превращались в высших чиновников короля, находившихся в его непосредственном подчинении и получавших часть доходов, которые они собирали с населения. Наряду с четырьмя крупнейшими «замковыми ленами», которые охватывали большую часть Норвегии (лены с центрами в крепостях Бохус, Аверсхус, Бергенхус, Стейнвиксхольм — в Тронхейме; Финмарк входил в лен Вардейхус), в Норвегии существовало значительное число мелких ленов, стоявших под управлением должностных лиц, тогда как сами ленники обычно пребывали в Дании.

Реорганизация ленов диктовалась как политикой централизации, проводившейся Кристианом III (1537—1559) и Фредериком II (1559—1588), так и чрезвычайно возросшими после реформации доходами, собираемыми ленниками (в виде ландскюльда, налогов и иных поборов)². Поэтому исчезли лены, которые отдавались во владение дворянам с правом присвоения ими всех доходов, собираемых с населения лена, и преобладающей формой

Священник Сёрен Йенсен.
Надгробное изображение
с первой и второй семьями.
Эпитафия XVI в.

(маленькие фигуры в белом — дети, умершие в младенчестве; фигурка в черном — единственный сын, который пережил отца).

² Остается не вполне ясным, каков был реальный рост обложения, так как одновременно происходила «революция цен» — резкое их повышение после притока в Европу большого количества драгоценных металлов из незадолго до того открытой Америки. См.: *Lunden K. Agrartilhove ca. 1600—1720.* — ИТ, 1969, Bd. 48, N 4, s. 245.

пожалования стал, как уже упоминалось ранее, «расчетный лен»; большую часть сборов получал король, а леннику, подчас незнатному лицу, оставлялся определенный процент. Установление «расчетных ленов» было связано не только с возрастанием сборов, но и с изменением характера поступлений: паряду с продуктами сельского хозяйства, рыболовства, охоты, промышленными и другими изделиями с середины XVI в. сборы стали уплачиваться и в денежной форме («чрезвычайные налоги»), и это сделало возможным более строгий учет доходов ленников.

Ранее аристократы исполняли рыцарскую службу и были свободны от палогобложения; XVI век в Европе — эпоха наемных армий, распространения огнестрельного оружия, и король приобрел право требовать платежи от дворян взамен их личной службы, которая отныне утратила свою былую ценность. Возросла роль служилых людей — ленников-фогтов, непосредственно ведавших фискальными и другими делами. Вместе с тем эти фогты все более превращались в чиновников, подчиненных самому королю³. В то же время лены приобрели настоящие границы, стали административными округами.

Рост доходов казны и ленников вызывался не только переходом в их руки секуляризованных земель, но и развитием торговли, промышленности и сельского хозяйства в XVI в. Глубокая и длительная экономическая депрессия XIV и XV вв. была наконец преодолена, и, несмотря на ряд неблагоприятных условий — контроль иностранных купцов над норвежской торговлей, датское политическое господство, сопряженное с засильем чужеземных феодалов, растущими палогами и иными сборами, — в Норвегии начался хозяйственный подъем.

Хотя сельскохозяйственная техника оставалась в основном неизменной, XVI век характеризовался освоением новых земель, корчевкой и расчисткой заросших пространств, возобновлением хозяйства во многих усадьбах, остававшихся заброшенными в течение двух столетий⁴. Правительство поощряло этот процесс. Так, Кристиан III предписал жителям Треннелага возделывать заброшенные земли на правах собственников за уплату палого. Спрос на зерно и рост цен на продукты земледелия и животноводства в период «революции цен» стимулировали крестьян в их хозяйственной деятельности. Тем не менее Норвегия по-прежнему не могла обеспечить себя хлебом, и ввоз его из-за границы вследствие увеличения несельскохозяйственного населения еще более возрос. Зерно ввозили теперь не только ганзейцы, но и купцы из других стран, предлагавшие его по более низким ценам. Кре-

³ *Fladby R. Fra lensmannstjener til kongelig majestets foged.* Oslo, 1963.

⁴ См.: *Анохин Г. И.* Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, с. 99 и след.

Ловля, вяление и копчение лосося. Гравюра XVI в.

стьянство должно было производить больше продуктов прежде всего потому, что с него взимались повышенные арендные платежи и правительственные налоги. Вследствие этого увеличение производства не сопровождалось повышением благосостояния большинства крестьян, чей прибавочный продукт поглощался казпой. Часто сборы продолжали взыскиваться в натуре, и поэтому рост крестьянского производства далеко не всегда способствовал усилению его связей с рынком. Хозяйство норвежских крестьян в своей основе оставалось натуральным. Денег у крестьян было очень мало, и шли они главным образом на уплату палогов. Имели место случаи, когда в ответ на попытки правительства заменить военную службу денежными взносами крестьяне просили не делать этого.

Наряду с сельским хозяйством рыба давала средства к существованию значительной части населения. Рыбаки Северной Норвегии, где сельское хозяйство играло второстепенную роль, занимались своим промыслом по старинке и вымещивали рыбу на хлеб и другие продукты у купцов Бергена, прежде всего у пемцев, у которых они находились в постоянной кабале, беря товары в задаток будущего улова. Не менее тяжелой была их зависимость от продавцов соли, от владельцев судов и сетей. Как уже было сказано, XVI век — время быстрого роста цен в Европе, вызванного главным образом притоком драгоценных металлов из Нового Света. Но цены на хлеб в Норвегии росли быстрее, чем

на рыбу, и положение рыбаков ухудшилось. Кроме того, мелким рыбакам было трудно конкурировать с появившимися в то время крупными предпринимателями, которые поставили ловлю и засол рыбы на широкую ногу. Многим рыбакам приходилось отказываться от самостоятельного промысла и превращаться в работников богатых хозяев. Рыболовство и торговля рыбой все в большей степени сосредоточивались в руках бюргеров Бергепа и Тронхейма, которые начали энергично вытеснять ганзейцев и экспортировать рыбу.

С конца XVI — начала XVII в., пользуясь соперничеством между нидерландскими, немецкими, английскими и другими иностранцами, которые спешили воспользоваться благоприятными условиями в Норвегии, отечественное купечество усиливало собственные позиции. Правда, в его среде видное место занимали иммигранты: выходцы из Нидерландов, Англии, Шотландии, Германии, Дании становились норвежскими бюргерами. Об успехах норвежского купечества, в частности, красноречиво свидетельствуют таможенные списки Эресунва. В первой половине XVI в. через пролив ежегодно проходило всего лишь по нескольку норвежских судов, в период между 1605 и 1620 гг. — в среднем 97 кораблей в год, а в 1635 г. — 302 норвежских корабля. Значительная часть судов принадлежала бергенским судовладельцам и купцам. При этом необходимо учесть, что норвежцы вели торговлю не только на Балтике, но и на Северном море, омывающем юг страны. Еще большее число судов ежегодно прибывало в Норвегию из других стран. Наиболее оживленные торговые связи поддерживались с Северной Германией, Данией, Нидерландами, Англией и Шотландией.

Важную роль во внешней торговле Норвегии стала с XVI в. играть и торговля с соседней Россией. Вдоль побережья Северной Норвегии и Кольского полуострова плавали в XIV—XVI вв. русские данщики, собиравшие дань с саамов Финмарка. Но только с середины XVI в. установились регулярные торговые сношения между Норвегией и Россией. Главной предпосылкой для этого явилось развернувшееся в середине XVI в. интенсивное промысловое освоение северного (мурманского) побережья Кольского полуострова (до того лишь в небольшой степени эксплуатировавшегося русскими промышленниками). С середины XVI в. Мурман стал ежегодно привлекать на время путины со всего побережья Белого моря целые флотилии рыболовных судов, на Мурманском берегу возникли первые постоянные русские поселения: Печенга (Печепгский монастырь), Кегор (Цып-Наволок) и первый город — Кола. Купцы-мореплаватели из соседней Норвегии первыми в Западной Европе начали вести торговлю в русских поморских поселениях Мурмана. Не англичане, как это принято считать в западноевропейской историографии, а норвежские купцы первыми проложили торговый путь на Север России.

Берген ок. 1570 г. Гравюра

Английские торговые корабли, пришедшие в пограничные с Норвегией русские селения на Мурмане, уже нашли там норвежские суда⁵.

Центром торговли с русскими приморскими селениями стал пограничный город Вардё, но ведущую роль в торговле играли купцы из Бергена и Тронхейма. С 70-х годов XVI в. торговые операции норвежских купцов в основном переместились в Колу, где для норвежцев был устроен гостинный двор. Отдельные норвежские купцы ездили в XVI—XVII вв. и дальше на восток, торговали в Холмогорах, Архангельске, Сумском посаде.

В 60—70-е годы XVI в. вслед за норвежцами по морскому пути на Север России устремились купцы из ведущих торговых держав Западной Европы — из Англии и Нидерландов, а также из Германии, Франции, Дании. Вдоль берегов Норвегии стал во второй половине XVI и в XVII в. проходить один из важнейших морских торговых путей Европы.

Дания, подчинив Норвегию, пыталась взять этот путь под свой контроль, как это издавна было с балтийскими проливами. В 70—80-е годы XVI в. датское правительство пыталось силой воспрепятствовать иностранным торговым судам совершать плаванья в русские владения. Когда эти действия потерпели неудачу, датские власти (с середины 1580-х годов) принудили все иностранные корабли, проходившие вдоль Норвегии и мимо Вардё в Россию, уплачивать пошлину в датскую казну.

Резко возросшая значимость ранее бедного и пустынного северного побережья, прилежавшего к новому торговому пути, побудила датское правительство обратить большее внимание и на само побережье, и на лежащую за ним территорию. И тут обнаружилось существование общего округа по сбору дани с саамов, т. е. давно вошедшее в обычай право и русских, и владевших с конца XIV в. Норвегией датских властей одновременно взимать дань с саамов со всей территории саамской тундры — от западной границы Финмарка до восточного побережья Кольского полуострова⁶. Обстоятельства, вызвавшие возникновение этого института, и русско-норвежские договоры 1251—1326 гг., его узаконившие, были к концу XVI в. забыты обеими сторонами. Право сбора дани с саамского населения всего Кольского полуострова датское правительство с 80-х годов XVI в. стало трактовать как основание для территориальных притязаний на Кольский полуостров. Присоединение Кольского полуострова к Норвегии могло дать возможность Дании еще более усилить свой контроль над северным путем в Россию. Возник дипломатический

⁵ *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 48—50.

⁶ *Holmsen A.* Finnskatt, finneleidang og nordmannsleidang. — In: *Holmsen A.* Gard, bygd, rike. Oslo; Bergen; Tromsø, 1966, s. 161—178.

конфликт, затянувшийся на несколько десятилетий. Русское правительство отклонило эту датскую претензию. В основном в 1602 г. общий округ по сбору дани прекратил свое четырехвековое существование; после этого конфликт постепенно стал затухать⁷.

Подъем норвежской торговли, связанный с экспортом продуктов рыболовства и животноводства, в меньшей мере объясняется и появлением новой отрасли хозяйства — лесного дела. С XVI в. лес становится источником богатства Норвегии. Первоначально лесопиление было подсобным промыслом в хозяйствах крупных землевладельцев и крестьян в отдельных приморских районах, где лес скупали или выменивали на товары иностранцы. Вскоре спрос на строевой лес, которым в тот период изобилвала Норвегия, и на пиломатериалы⁸ резко возрос, особенно со стороны голландцев, и началась широкая вырубка лесов. Вдоль реки она распространилась в глубь страны; в отдельных районах леса стали исчезать, вследствие чего свободная рубка леса была запрещена. Бревна сплавлялись к морю по рекам, в устьях которых выросли населенные пункты, со временем превратившиеся в города.

В это время лесное дело стало вестись на новых началах. Его все более забирали в свои руки богатые горожане, вкладывавшие в производство значительные капиталы. Они скупали лесные участки, строили крупные лесопилки, приводимые в действие водой, и на собственных судах экспортировали продукцию. Бонды со временем были из торговли лесом вытеснены, и для того, чтобы заняться лесным промыслом, требовалось разрешение властей⁹. Лесное дело привлекало много рабочих рук, и сплошь и рядом крестьяне, их сыновья, а также батраки и рыболовы на определенное время или совсем уходили на лесоразработки и лесослав. Государство использовало рост лесопильной промышленности и лесного экспорта в своих интересах. С 1545 г. король стал требовать каждую десятую доску с лесопилок и превратился в крупнейшего экспортера, хотя «королевские доски» обычно были низкого качества и иностранцы неохотно их покупали. Кроме того, король пользовался правом преимущественной покупки лес-

⁷ Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. М., 1955, с. 652.

⁸ Развивающееся рыболовство требовало поставки большого числа бочек.

⁹ Еще в 1490 г. на риксроде в Осло отмечалось, что крестьяне владеют собственными кораблями, на которых вывозят за границу доски, строевой лес и другие изделия, чем причиняют духовенству и дворянам «большой и гибельный вред». Вред этот, говорилось далее, заключался в том, что крестьяне не заботятся о земледелии, так что многие дворы остаются заброшенными и зарастают лесом, и их собственники не получают доходов. Риксрод запретил бондам вести внешнюю торговлю, им было разрешено торговать лесом лишь в пределах страны и только на мелких судах. См.: *Johnsen O. A. Norwegische Wirtschaftsgeschichte*. Jena, 1939, S. 158.

ных материалов. Дворяне были освобождены от уплаты десятины досками, как и от других налогов. Возросший вывоз леса за границу, производившийся преимущественно голландцами (хотя правительство и пыталось направить лесной экспорт исключительно в Данию), ослаблял позиции ганзейцев в норвежской торговле, так как немецкие купцы не были заинтересованы в приобретении леса.

Другой новой отраслью хозяйства, также организовавшей как крупное производство, была горнодобывающая промышленность. Повысившийся в XVI в. спрос на металлы, в особенности в связи с многочисленными войнами Датско-норвежского государства, сопровождался усиленной разведкой горных недр страны. В 20-е годы началась широкая добыча меди в Сельйорде (в Телемарке), железа (в районах Осло, Акера, Шиена и др.); в более позднее время наряду с железом и медью¹⁰ стали добывать серебро (Конгсберг). Горнорудная промышленность вызвала большой спрос на уголь, который выжигали из дерева отчасти наемные рабочие, но более всего крестьяне, получавшие за эту работу небольшую плату либо исполнявшие повинности по приказу короля. Опустошение лесов вследствие развития горного дела пошло ускоренными темпами. Добывающая промышленность развивалась при прямом вмешательстве и участии государства. Королевская власть раздавала монополии крупным предпринимателям, среди которых были епископы (до реформации), саксонские горные мастера и датские и порвежские горожане. В 1624 г. было создано «Железное общество», получившее право вести разработки руды по всей Норвегии, но вскоре его монополия была отменена, так как оно не было в состоянии использовать все запасы железа. Ряд рудников первоначально находился в собственности государства, а впоследствии перешел в распоряжение частных лиц и компаний.

Таким образом, эконоический подъем, начавшийся в XVI и продолжавшийся в XVII в., сделал возможным зарождение капиталистического предпринимательства. Элементы буржуазных отношений, сильные в горной и лесной промышленности, были заметны и в рыболовстве и в торговле. Эксплуатация наемной рабочей силы получила широкое распространение, хотя не влекла за собой полного отделения производителя от своего хозяйства: часто занимались лесным делом и работали в рудниках крестьяне, не порывавшие с земледелием. Но и в сельском хозяйстве труд батраков использовался довольно широко.

Однако развитие эконоики шло противоречивыми путями. Наряду с зарождением капиталистических отношений в Норвегии впервые в XVI в. появляются ремесленные цехи. Их запоз-

¹⁰ С 40-х годов XVII в. наибольшее значение приобрела добыча меди в Квикне (в Хедмарке).

данье объясняется тем, что, как мы знаем, до этого времени ремесло в норвежских городах находилось преимущественно в руках немцев, монопольное положение которых мешало развитию отечественной промышленности. В 1508 г. иностранным ремесленникам было предписано либо покинуть страну, либо принять норвежское подданство. В результате многие пемецкие мастера уехали из Осло, Тёнсберга и Тронхейма; в 1558 г. их судьбу разделили пемецкие ремесленники в Бергене, но часть их приняла условия правительства и осталась, растворившись среди местных бюргеров.

Лишь с уничтожением засилья иностранных мастеров норвежские ремесленники смогли создать свои корпорации. В 60-е годы появляется цех бергенских золотых дел мастеров, его устав был утвержден королем в 1599 г. К этому времени в Бергене возникли цехи портных, цирюльников, хлебопеков и других, несколько цехов—в Осло, в XVII в.—в Тронхейме. В прочих городах ремесленники в цехи не организовывались. Создание цехов преследовало цель сосредоточить ремесло в городах. Тем не менее в сельской местности, вопреки королевским запретам, существовало множество ремесленников. Королевская власть, утверждавшая цехи, вмешивалась в отношения между ними, регулировала цены на ремесленные изделия, заработную плату и т. д. В большинстве своем ремесленники были мелкими, многие мастера работали без помощи учеников и подмастерьев.

Ремесло все же было развито недостаточно, и короли приглашали в Норвегию иностранных специалистов и предпринимателей, располагавших большими капиталами. Но теперь иностранцы, как правило, делались норвежскими подданными, оседали в норвежских городах и вливались в ряды отечественного бюргерства, составляя его высший слой. Иммиграции буржуазных элементов в Норвегию способствовали политические и религиозные конфликты и преследования в Германии, Нидерландах, Франции, Англии и других странах в эпоху реформации и католической реакции.

Экономический подъем привел к некоторому повышению уровня жизни населения, что сказалось и в быту: традиционные формы жилищ, домашней обстановки, одежды стали изменяться, у порвежцев возникли новые потребности. В городах кое-где стали возводить каменные строения (правда, в небольшом числе; как правило, дома по-прежнему строили из дерева). В жилищах появились печи вместо открытых очагов, дым которых выходил через отверстия в крыше; в окнах — стекла. В это время расширился ввоз в страну, наряду с зерном, солодом, мукой, солью, таких товаров, как ткани, вина, мыло, стекло, табак, фрукты. Немаловажным новшеством была водка, и современники жаловались на распространение пьянства и сопровождавших его бесчинств, на то, что многие прихожане вместо посещения церкви

зачастиги в кабаки и что даже среди пасторов встречается немало пьяниц.

Показателем подъема явился рост населения, численность которого примерно к середине XVI в. достигла уровня, существовавшего до «Черной смерти». Предполагают, что за протяжении XVI в. население увеличилось со 180—200 тыс. человек до 400 тыс., а в начале второй половины XVII столетия составляло около полумиллиона человек. При этом в городах число жителей утроилось, с 10 тыс. до 30 тыс., преимущественно за счет иммиграции и притока ремесленного люда из сельской местности.

Однако норвежский народ извлек очень скромные выгоды из хозяйственного прогресса, так как Датское государство и дворянство еще более усилили его эксплуатацию. Главное ее бремя, как и прежде, ложилось на крестьян. Большинство их оставалось на положении лейлендингов и вело хозяйство на землях крупных землевладельцев; таких хозяев в начале XVII в. было до 25 тыс., тогда как свободных собственников насчитывалось 11 тыс., хотя этот слой несколько увеличился в результате освоения ранее заброшенных усадеб. Почти половина лейлендингов сидела во владениях короны и церкви¹¹, 13% — на землях дворян (преимущественно датских); но около 17% лейлендингов пахотились в зависимости от чиновников, бюргеров, богатых одалманов. Среди последних были хозяева, которые к своим последственным владениям присоединили арендованные ими усадьбы и обладали иногда 10 и даже 20 дворами. Эта «аристократия бондов», державшая в зависимости от себя многочисленных лейлендингов, хусменов (работников, наделенных участками или жилищами) и других бедняков, застумила место почти исчезнувшего норвежского дворянства, многие представители которого, как мы знаем, вошли в число бондов¹². Зажиточные крестьяне извлекали выгоды из благоприятной рыночной конъюнктуры в период «революции цен», богатели на торговле лесом и скупали или брали в залог земли разорявшихся собственников. Слой малоземельных крестьян все увеличивался, чему в немалой степени способствовали разделы старых больших дворов, ставшие особенно частыми в период развития товарно-денежных отношений. Только 25% земли обрабатывали сами владельцы.

Социальные и имущественные контрасты в норвежском обществе стали резче. В XIV и XV вв. Норвегия была крестьянской страной, в которой не существовало ни сколько-нибудь влиятельного дворянства, ни значительного городского населения (если не говорить об иностранцах-аристократах и купцах). В XVI в. в этой по-прежнему аграрной стране все более дифференцировавшемуся крестьянству противостояли дворяне, вновь

¹¹ Протестантские пасторы получали государственные земли.

¹² *Fladby R. Norges historie*. Oslo, 1977, Bd. 6, s. 240 ff.

собранные в своих руках немалые владения, и богатевшее бюргерство, в среде которого появились уже буржуазные элементы. Среди дворянства ведущие положения занимали теперь выходцы из Дании. Например, семья Круммедиге, обосновавшаяся в Вестфолле в 40-е годы XV в., была собственницей более чем 270 дворов или частей дворов, разбросанных в разных частях страны. Уже упоминавшийся ранее Хенрик Круммедиге в начале XVI в. чрезвычайно увеличил свои владения как в Норвегии, так и в Дании¹³.

В связи с общим подъемом товарно-денежных отношений и возросшим в XVI в. спросом на землю собственники стремились извлечь как можно больше доходов из своих владений. С этой целью вводились дополнительные поборы: вступительные взносы сверх ежегодного ландскюльда; платежи, вносившиеся каждый третий год; платежи, возникшие из обязанности крестьянина принимать у себя и угощать земельного собственника, и др. Хотя фактически крестьянская аренда была наследственной, старые законы о трехлетнем сроке сдачи земли не были отменены, и крупные собственники использовали их для увеличения чрезвычайных поборов. Наследников умершего лейлендинга собственник земли принуждал вносить более высокую плату либо сгонял их с участков. Попытки вмешательства правительства¹⁴ были малоэффективными. Во второй половине XVI в. наблюдается тенденция к повышению ландскюльда. Крестьяне страдали от засилья чиновников и королевских управляющих, слабо контролируемых из-за отсутствия правительства в Норвегии.

Наряду с увеличением поземельных платежей дворяне стремились распространить на Норвегию барщинную систему, существовавшую в Дании. Кое-где в южной части страны им удалось принудить лейлендингов исполнять еженедельные отработки на барских дворах. Но барщиннообязанных крестьян в Норвегии было немного, а попытки крупных земельных собственников установить судебную власть над своими арендаторами натолкнулись на сопротивление вольнолюбивого крестьянства, опиравшегося на вековые традиции личной свободы, и на нежелание королевской власти расширять привилегии дворян. Отсутствие крупного барщинного поместья, неблагоприятные условия для развития земледелия и исторически сложившиеся порядки способствовали тому, что крепостничество так и не внедрилось в Норвегии.

¹³ *Benedictow O. J. Hartvig Krummedikes jordegods*. Oslo; Bergen; 1970.

¹⁴ В 1604 г. Кристиан IV постановил, что «каждый крестьянин, который снимает двор и платит ландскюльд или первоначальный взнос, должен сохранять двор в течение жизни, и его нельзя передать другому». Но одновременно было подтверждено предписание закона Магнуса Лагбеттира о краткосрочной аренде, что открывало возможность для всяческих злоупотреблений.

Датско-норвежское дворянство вело наступление на крестьян по другой линии. Не получив полного удовлетворения от секуляризации монастырских и епископских земель, так как они в значительной части остались в собственности короны, дворяне хотели расширить свои владения за счет крестьян и использовали тяжелое материальное положение многих из них. На протяжении XVI столетия происходит превращение дворов обедневших одальманов в арендные владения. С целью облегчить и ускорить этот процесс дворянство неоднократно поднимало вопрос об отмене права одала и преимущественной покупке земли одальманами; в 1548 г. дворяне выдвинули требование, чтобы «купи-продажа земли не зависела от столь многих условий, как до сих пор». Но королевская власть не могла пойти на такую меру, сознавая, что она не прошла бы безболезненно.

В период укрепления абсолютной монархии король заботился прежде всего об увеличении доходов государства. К многочисленным прежним повинностям и поборам в XVI в. прибавились новые и очень тягостные. Монополия коропа на разработку горных богатств страны была сопряжена с введением обязательной повинности крестьян безвозмездно или за жалкое вознаграждение рубить лес и выжигать древесный уголь, возить руду, снабжать продовольствием мастеров, работавших на рудниках и литейных заводах. Сверх того бондов заставляли строить дома в королевских усадьбах, работать по возведению укреплений, возделывать в обязательном порядке пустовавшие дворы. XVI и XVII века, когда Дания вела многочисленные войны, были временем дальнейшего роста государственных налогов. Не довольствуясь постоянными налогами, правительство вводит всякого рода дополнительные поземельные и подушные платежи. Для упорядочения раскладки этих поборов крестьянские усадьбы были классифицированы на несколько категорий в зависимости от их платежеспособности: «полный двор», «половинный двор», «пустующий двор» (обычно — четверть «полного» двора). Однако налоги подчас были столь велики, что многие дворы забрасывались хозяевами, материальные возможности которых не соответствовали чрезмерным фискальным требованиям. Как и в прежнее время, король мог взыскивать с крестьян угощения во время поездки по стране, но поскольку датские монархи посещали Норвегию редко, они добились предоставления этого угощения их наместникам. Со временем угощение было превращено в налог, уплачивавшийся до начала XVI в. в виде продуктов, а впоследствии — деньгами и тканями. Введение новых чрезвычайных налогов неоднократно вызывало сопротивление крестьян: так, они отказывались платить их в 1491 и 1529 гг.

Новая волна крестьянских выступлений на протяжении XVI в. была ответом на усиление эксплуатации норвежского народа государством, дворянами и чиповничеством. Население

страдало не столько от постоянно растущих налогов, так как обесценение денег несколько умеряло их тяжесть, сколько от всяческих притеснений чиповников, ленников, иностранных мастеров. В 40-е годы XVI в. крестьяне Телемарка, принуждаемые нести повинности по обслуживанию медных рудников, подняли восстание против ленников и фогтов короля. Восставшие действовали сплоченно: против королевских войск, направленных на подавление их выступления, поднялись вооруженные жители нескольких соседних приходов. Возмущение было подавлено оружием, крестьянских вожakov подвергли казни, на участников мятежа наложили тяжелые штрафы. Нужно отметить, что в отличие от более раннего времени, когда выступления крестьян часто возглавлялись выходцами из дворян, в XVI в. крестьянские восстания имели собственных руководителей¹⁵.

Не менее серьезным было движение в Тренселаге в 1573—1578 гг., где бонды из Геуладалена пожаловались королю на введение незаконных поборов. Приказ короля произвести расследование крестьяне поняли как поддержку их требований и отказались платить налоги. Волнения охватили большую часть Тренселага. Ленник Людвиг Мунк казнил крестьянских вожakov. Однако крестьяне не примирились с новыми податями после прекращения восстания и продолжали борьбу в судах до тех пор, пока правительство не согласилось отменить эти налоги, реабилитировать казненных руководителей восстания и приказало расправившемуся с ними Людвигу Мунку уплатить бондам возмещение. При этом Мунк, в прошлом статхолдер (паместник) Норвегии, лишился своего лена. Несколькими годами позже такая же участь постигла другого ленника, Эрика Мунка, у которого король отобрал лен по жалобе крестьян, так как он не только притеснял бондов, но и причинил ущерб казне. Злоупотребляя своей властью, ленники и другие официальные лица налагали на подчиненное им население непомерные штрафы с тем, чтобы вынудить их заложить свою землю. Статхолдер Аксель Гюлденшерн в 1590 г., отмечая распространенность таких вымогательств, просил короля запретить подобную практику.

Во второй половине XVI и в XVII в. крестьяне то и дело подавали жалобы королю на усиление эксплуатации и возбуждали тяжбы в судах. Правда, ленники и фогты подчас расправлялись с жалобщиками, раскрывавшими перед правительством их махинации, но угроза новых выступлений была настолько сильна, что при введении поборов властям неоднократно приходилось по этим вопросам вступать в переговоры с населением на тингах, и были случаи, когда бонды наотрез отказывались удовлетворить их притязания. Местные тинги вновь стали органами крестьянского сопротивления, с которыми королям приходилось считать

¹⁵ Kohl H. Norsk bondercising. 2-c utg. Oslo, 1975, s. 84 ff.

ся: стремясь укрепить свое влияние в Норвегии, датские монархи заверяли норвежских подданных, что желают придерживаться «Законов святого Олава», а по старинным норвежским обычаям повый палог мог быть введен лишь с согласия народа. Упорно сопротивляясь датским нововведениям, крестьяне пытались оградить себя от разорения и сохранить остатки тех вольностей, которые и в эпоху унии отличали социальный строй Норвегии. Тем не менее в XVII в. абсолютной монархии удалось нанести крестьянским типам тяжелый удар, запретив их самовольные собрания и подачу коллективных петиций. Крестьяне отныне имели право подавать лишь индивидуальные жалобы на типгах, созываемых королевскими ленниками или другими чиновниками¹⁶.

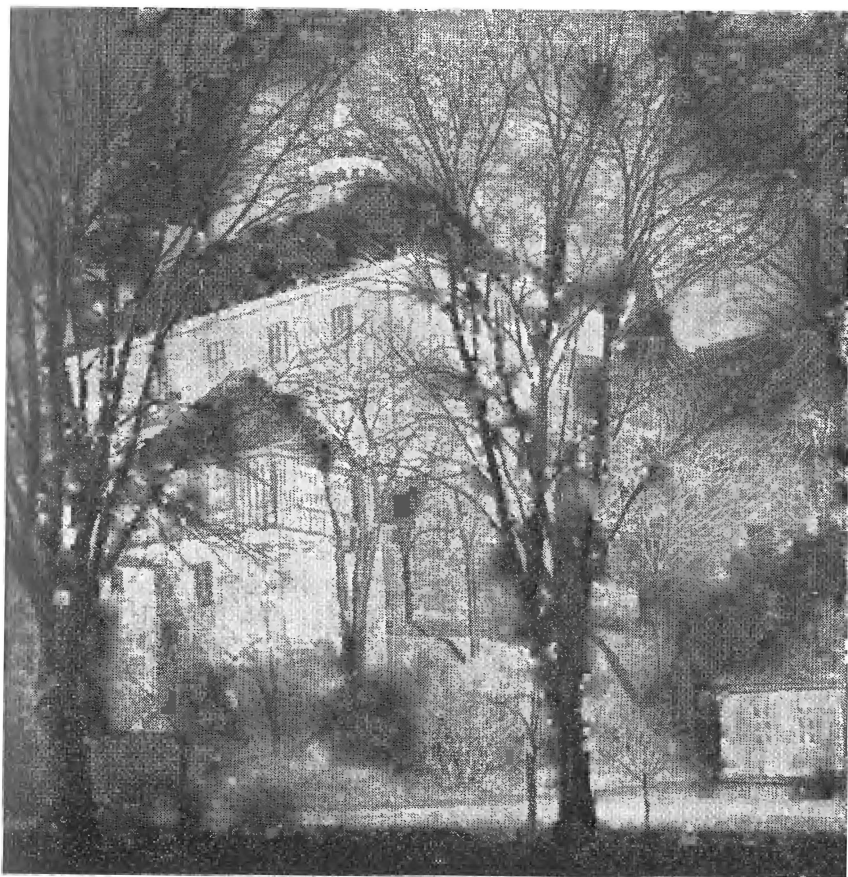
Неспособность крестьян властям проявлялось и во время военных действий. Когда соперничество между Данией и Швецией (Фредерик II стремился подчинить себе Швецию, а король последней, Эрик XIV, хотел захватить Норвегию, и оба осаривали контроль над Балтикой) привело к Северной Семилетней войне (1563—1570), военные операции происходили в значительной мере на норвежской земле, и страна от них серьезно страдала. Шведский король пытался привлечь норвежцев на свою сторону, однако бесчинства шведских отрядов в Тропхейме восстановили население против них. Защищая свои хозяйства от грабежей наемных солдат, бонды изгоняли их со своей территории. В то же время крестьяне Восточной Норвегии, отказываясь воевать против шведских соседей, по собственному страху и риск заключали с ними мирные соглашения («крестьянские примирения»); до споров между господами им было мало дела¹⁷. Нежелание участвовать в чуждых им войнах норвежские бонды проявляли и в XVII в.

Одним из последствий Северной Семилетней войны, не приведшей к территориальным изменениям, было то, что датское правительство, стремясь укрепить свое влияние в Норвегии и умиротворить ее население, пошло на создание в стране некоего подобия центрального управления, давно отсутствовавшего. В 1572 г. была учреждена должность статхолдера (штатгальтера) Норвегии, который должен был представлять интересы короля и осуществлять власть от его имени. В обстановке экономического подъема, благодаря которому роль Норвегии в унии возросла, эта реформа должна была привести к политической активизации норвежского дворянства¹⁸. В конце XVI в. Кристиан IV (1588—

¹⁶ *Johnsen O. A. De Norske staender.— Videnskabs-Selskabets Skrifter. II. Hist.-Filos. Kl. Christiania, 1906, s. 50 ff.; Анохин Г. И. Указ. соч., с. 148.*

¹⁷ «Крестьянские примирения» к тому времени имели длительную историческую традицию. См.: *Lindberg F. Bondefreder under svensk medeltid.— Historisk tidskrift, Stockholm, 1928, 48 Arg., N. 1; Kohn H. Norsk bondereising, s. 133 ff.*

¹⁸ С. Сундхеллен предостерегает, однако, против преувеличения значения института статхолдера на первом этапе его существования. См.: *Sup-*

Крепость Акерсхус (ныне в Осло), XIV — начало XVII в.

1648) расширил привилегии норвежских дворян и предоставил им ряд государственных постов. Эти пожалования были сделаны на собрании сословий, которые отныне стали созываться королем, постоянно нуждавшимся в деньгах и шедшим поэтому на известные уступки дворянству и бюргерам. На собраниях, созванном в 1594 г., присутствовали представители всех четырех сословий: дворян, духовенства, бюргеров и боилов. Однако вскоре крестьян перестали вызывать на сословные собрания. Одновременно они окончательно были отстранены от участия в судопроизводстве на местах, так как судьями стали одни лишь королев-

phellen S. Opprettinga av ein norsk stathaldarinstitusjon i 1572. Ny samling av Noreg? — ИТ, 1979, Bd. 58.

ские чиновники — лагманы и присяжные писцы (sogenskriverne).

То, что с Норвегией теперь приходилось больше, чем прежде, считаться, пашло свое выражение, между прочим, в изменении поведения монарха. Кристиан IV в отличие от своих предшественников часто посещал страну. Он поставил под еще более строгий контроль местные лепы, назначал чиновниками норвежцев, поощрял сословие горожан, способствовал строительству флота. При нем был издан кодекс норвежского права (1604)¹⁹. В своей основе он представлял собой старый «Ландслов» Магнуса Лагабётира с добавлениями и «улучшениями» последующего времени; однако если «Ландслов» XIII в. считался фиксацией народного права, то свод законов 1604 г. рассматривался как королевское законодательство; он был напечатан в переводе на датский язык. После пожара, уничтожившего в 1624 г. Осло, по приказу Кристиана IV был заложен новый город, названный Кристианией²⁰. Он же основал город Кристиансунн.

Однако проводившаяся Кристианом IV агрессивная внешняя политика, втянувшая Норвегию вместе с Данией в серию войн (на протяжении полувека, между 1610 и 1660 гг., Датско-норвежское государство участвовало в пяти войнах), свела на нет положительные результаты его внутренних преобразований и имела губительные последствия для страны. Датско-шведские противоречия после войны 1563—1570 гг. достигли крайнего обострения; наряду с борьбой за господство на Балтийском море причиной новых конфликтов было стремление Швеции установить, а Дании сохранить контроль над Северной Норвегией и Финмарком.

Так называемая Кальмарская война (1611—1613) опять происходила отчасти на территории Норвегии. Норвежцы не хотели воевать, статхолдер жаловался на то, что они непокорны и склонны к мятежу. Согнанные для нападения на шведов, крестьяне разбежались по домам, пропускали через свою область шведские отряды, не оказывая им сопротивления. Но в то же время крестьяне продемонстрировали способность защитить свою землю от врагов: отряд шотландских наемников, шедших через Гудбрандсдален к шведской границе, в августе 1612 г. был атакован местными жителями, забросавшими его с горы камнями и стволами деревьев, и почти полностью уничтожен. Этот эпизод («битва при Крингене»), не имевший большого значения для хода военных операций, остался в памяти норвежцев как свидетельство народного патриотизма и свободолюбия. Война закончилась тем, что Дания удержала все свои владения. Для народа Норвегии

¹⁹ Kong Christian den Fjerdes Norske Lov-bog af 1604 / Udg. af E. Hallager, F. Brandt. Christiania, 1855.

²⁰ Название «Кристиания» сохранялось за столицей Норвегии до 1925 г., когда город вновь был переименован в Осло.

**Кристиан IV при закладке города
Кристиании в 1624 г. Рисунок**

войла означала новые тяготы, так как содержание наемных армий стоило очень дорого. Между тем от старинной системы всеобщего ополчения — лейданга давно уже оставались лишь воспоминания. Поэтому правительство прибегло к новой организации армии. Согласно постановлению сословий от 1628 г., каждые четыре «полных» двора должны были выставить одного полностью вооруженного солдата. Однако на практике эта система набора солдат была осуществлена лишь позднее, в 1640-е годы.

Успехи Кристиана IV были недолговечны; его вмешательство в Тридцатилетнюю войну (в 1625—1629 гг.) привело к поражению Дании²¹. Норвегия не была непосредственно затронута военными действиями, но норвежские моряки и солдаты должны были служить в вооруженных силах короля, а народ вновь испытывал рост налогового бремени. Хотя в годы Тридцатилетней войны Швеции удалось установить контроль над большей частью Бал-

²¹ См.: История Швеции. М., 1974, с. 188—189.

тийского побережья, выход из Балтики на запад оставался в руках Дании.

Спор о контроле над Балтийским морем склонился в пользу Швеции в результате последней войны, которую вел Кристиан IV. В этой войне (1643—1645) Норвегия приняла более активное участие, чем в предыдущих войнах. Назначенный в 1642 г. статхолдером Ганнибал Сехестед, зять короля, хорошо подготовился к важным действиям, усилил флот и завербовал большую боеспособную армию, воспользовавшись законом 1628 г. Во главе воинских частей были поставлены иностранные офицеры. Кроме того, Сехестед собрал огромный налог с населения. Норвежцы одержали ряд побед в боях на шведской границе, дальше которой, однако, бонды отказывались идти. Тем не менее импено Норвегия должна была расплачиваться за поражения, попавшие в этой войне Данией: мир в Бремсебру (август 1645 г.) был куплен ценой уступки шведам Емтланда и Херьедалена, а также островов Эазель и Готланд; Швеция расширила свое право беспопытного прохода судов через Эресунн.

Важная роль, сыгранная Норвегией в «Ганнибаловой войне» (как назвали в Норвегии войну 1643—1645 гг. по имени статхолдера), дала Сехестеду возможность добиваться у Кристиана IV согласия на большую самостоятельность страны. Налоговое дело было реформировано, а государственные доходы, ранее отсылавшиеся из Норвегии в Копенгаген, в 1647 г. было разрешено частично оставлять в распоряжении статхолдера и комиссии, ведавшей финансовыми и военными делами. Роль Норвегии в составе датско-норвежской монархии в финансовом отношении в этот период также чрезвычайно возросла, и доходы, получаемые казной с Норвегии, помимо (почти вдвое) превышали поступления из Дании, экономика которой была подрвана войнами²². Однако в политике Сехестеда, направленной на создание самостоятельного норвежского правительства, датский риксрод усмотрел угрозу влиянию датского дворянства и целостности унии. Король Фредерик III (1648—1670) отказался от поддержки планов Сехестеда, который в 1651 г. был смещен со своего поста, а полномочия статхолдера были сужены. Тем не менее одновременно были созданы некоторые местные учреждения, занимавшиеся руководством горным и лесным делом, причем среди чиновников было немало норвежских горожан.

Новая война против Швеции (1657—1660) опять-таки, несмотря на успехи норвежцев, принесла стране большой ущерб вследствие поражений, которые потерпели датские войска. По Роскильдскому миру (февраль 1658 г.) король Фредерик III уступил шведам не только Емтланд и Херьедален, отвоеванные было

²² *Petersen E. J. Fra domaenestat til skattestat. Syntese og fortolkning. Odense, 1974, s. 30 f.*

норвежцами, но и Треннелаг и Бохуслен, а также датские территории восточнее Зунда. Швеция, достигшая наивысшего расцвета своего могущества на скандинавском Севере, вела в Норвегии пропаганду с целью отколотить ее от Дании. В результате возобновившихся в том же году военных действий, в ходе которых норвежцы героически обороняли крепость Халден, Треннелаг был возвращен Норвегии, а Борнхольм — Дании, но и Копенгагенский мир (май 1660 г.), заключенный при вмешательстве Англии, Франции и Нидерландов, сохранил в силе положение, при котором Норвегия и Дания более не имели общей сухопутной границы. Это обстоятельство благоприятствовало требованиям создания в Норвегии более самостоятельной администрации.

В понесенных Датско-норвежским государством поражениях народ винил датское дворянство, антагонизм между знатью и буржуазией чрезвычайно усилился. Изменившееся соотношение классовых сил создало предпосылки для перехода к абсолютизму.

НОРВЕГИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКО-НОРВЕЖСКОЙ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

Начало 60-х годов XVII в. стало переломным в истории Датско-норвежского королевства. Тяжелое поражение в войне со Швецией, территориальные утраты обострили внутренние противоречия. Экономическое положение серьезно ухудшилось. Образовался большой государственный долг: для покрытия военных расходов правительство неоднократно прибегало к займам в Амстердаме и Гамбурге. В долг осуществлялись поставки оружия и военного снаряжения. Упал авторитет правящей аристократической олигархии и одновременно выросла популярность короля Фредерика III, лично руководившего обороной Копенгагена во время шведской осады. Против аристократов были и вооруженные силы страны — подчинявшиеся королю наемное войско и буржуазная милиция, созданная в ходе войны.

В сентябре 1660 г. в Копенгагене было созвано собрание сословий из представителей дворянства, духовенства и бюргерства одной Дании. Представителей Норвегии не пригласили. Горожане под руководством копенгагенского бургомистра Ханса Нансена — предка знаменитого норвежского исследователя Севера Фритьофа Нансена — и священники во главе с епископом Хансом Сване сообща выступили против дворянства, требуя ликвидации его привилегий. Фредерик III через своего приближенного Ганнибала Сехестеда тайно поддержал горожан и духовенство. Под этим мощным нажимом аристократический Государственный совет — риксрод был упразднен, и монархия (13 октября) была провозглашена наследственной, в том числе и по женской линии¹. После того как представители сословий разъехались из Копенгагена, король осуществил второй шаг на пути к установлению самодержавия. Был разработан так называемый «Акт самодержавного наследственного правления, или Акт суверенитета», и 10 января 1661 г. представители датских сословий и провинций, не собираясь и не обсуждая, подписали поодиночке этот

¹ В Норвегии, как уже говорилось, королевская власть была наследственной с XIII в.

документ. Таким образом в Датско-норвежском королевстве был установлен абсолютизм.

При провозглашении наследственной монархии в Копенгагене Норвегия особо не упоминалась. В августе 1661 г. в Кристиании были собраны представители норвежских сословий, чтобы одобрить происшедшие в государственном строе изменения и подписать «Акт суверенитета». В отличие от датского норвежское собрание состояло из четырех сословий, причем крестьяне-бонды были самыми многочисленными — 460 человек из 550. Дворян было всего 18 человек — яркое подтверждение упадка этого сословия в Норвегии. Последнее в истории страны сословное собрание одобрило самодержавную форму правления: его члены дали присягу, которую принял от них 15-летний последний принц Кристиан, и подписали «Акт суверенитета».

Однако значение собрания не сводилось к этому. Представители окрепшего норвежского бюргерства выдвинули на нем программу национальных требований. Наряду с требованием значительного расширения городских привилегий представители зарождающейся норвежской буржуазии заявили о желании иметь в стране свою коммерц-коллегию, Верховный суд и Академию, или университет, которые давали бы уроженцам Норвегии равную с датчанами возможность получать высшее образование и делать карьеру². Спустя сто лет именно эти пункты вновь легли в основу норвежской национальной программы. В 1661 г. самодержавное правительство оставило эти требования без всякого внимания, лишь даровав главным городам Норвегии хозяйственные привилегии.

Отдельные собрания сословий были проведены год спустя и на входивших в состав Норвегии островных территориях — Исландии и Фарерах.

Установление абсолютизма в Датско-норвежском королевстве было закреплено особым конституционным актом. В 1665 г. Фредерик подписал «Королевский закон», составленный его талантливым секретарем, сыном копенгагенского вишоторговца Педером Шумахером — графом Гриффенфельдом. Единственные ограничения, какие закон накладывал на самодержавную монархию, сводились к верности аугсбургскому (лютеранскому) вероисповеданию, запрету изменять «Королевский закон» и нарушать территориальную целостность государства. Опубликован «Королевский закон» был лишь в 1709 г.

Стремясь расширить свою социальную базу, самодержавный король открыл горожанам Дании и Норвегии доступ к высшим должностям в государстве и дал право владеть землей наравне

² *Johnsen O. A. De Norske stænder. Bidrag til oplysning om folkets deltagelse i statsanliggender fra reformationen til enevældet (1537—1661). Kristiania, 1906, s. 323.*

с дворянами. Установление абсолютизма не изменило классового характера государства. Господствующим классом остались дворяно-помещики. Целью датско-норвежского абсолютизма оставалось обеспечение господства феодального, точнее дворянско-помещичьего, класса в новых исторических условиях. Однако общество в целом уже во многом утратило натуральные и патриархальные черты, товарно-денежные отношения стали важнейшим фактором общественного развития. Установление абсолютизма было прогрессивным явлением, поскольку политическая централизация способствовала дальнейшей экономической консолидации, развитию товарно-денежного хозяйства, разрушению территориальных, экономических, социальных и политических перегородок старого феодального общества. В конечном счете объективно абсолютизм способствовал становлению капиталистических отношений, победе нового, более прогрессивного социально-экономического строя³.

Главной опорой Датско-норвежского королевства было, повторим, землевладельческое дворянство, но не старинное, феодальное, а новое, бюрократическое, ряды которого король сознательно расширял способными выходцами из податных сословий.

Доступ в первое сословие через посредство государственной службы был узаконен при сыне Фредерика III — Кристиане V (1670—1699) так называемыми Табелями о рангах 1671 и 1693 гг. Их составители вдохновлялись прогрессивными для того времени идеями французских буржуазных юристов о служении государству как условии дворянского достоинства, об особом «дворянстве мантии», не уступающем «дворянству шпаги». Предусмотренные Табелями три высших ранга чиновников и офицеров получали наследственное дворянство, нижестоящие ранги — личное⁴. Кристиан V впервые ввел в Датско-норвежском королевстве и титулатуру графов и баронов для высшей знати, чем еще более умалил старинные феодальные семьи, не имевшие и не получившие, как правило, этих титулов. В Норвегии было создано два графства — Ларвик и Ярлсберг и один баронат — Розендаль.

Сила датского абсолютизма в Норвегии основывалась на широком использовании внутринорвежских классовых противоречий: между крестьянами и горожанами, между крупными купцами-оптовиками и розничными торговцами, между привилегированными старыми городами и возникшими в XVII—XVIII вв. так называемыми складскими местами, фактически новыми городами, не имевшими еще городского статуса, между зажиточным

³ Любопытно, что Энгельс в не предназначенных для печати заметках «К „Крестьянской войне“» даже назвал абсолютистский переворот в 1660 г. в Дании победой буржуазной революции. См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 21, с. 417.

⁴ *Bartholdy N. G. Adelsbegrebet under den ældre enevoldte. Sammenhengen med privilegier og rang i tiden 1660—1730.* — *Historisk Tidsskrift, København*, 1971, Bd. 5, II. 3, s. 648—650.

крестьянством (удельсбондами)⁵ и сельской беднотой (мелкими арендаторами-хусменами, батраками и т. п.). Феодално-абсолютистское государство, будучи в копечном счете выразителем интересов датского дворянства как класса в целом, выступало в подвластной ему стране как своего рода надклассовая сила, как посредник и судья во внутринорвежских конфликтах.

Важной вехой в становлении и укреплении абсолютистской формы правления было введение коллегий. Уже во время войны 1658—1660 гг. были созданы Адмиралтейская коллегия для управления военно-морским флотом и Военная коллегия. Сбором налогов ведала коллегия со старинным названием «Рентная камера». Она же была и государственным казначейством, пока во второй половине XVIII в. эти функции не разделились. Контроль за экономикой был возложен на Коммерц-коллегию. Для координации и согласования деятельности коллегий был образован Тайный совет (Scheimerådet, или Konseilet). Была введена также должность подчиненного самому королю генерал-прокурора, в обязанности которого входили защита устоев самодержавия, борьба с антиправительственными выступлениями, а также контроль за чиновниками. Высшая судебная власть перешла от упраздненного риксрода к Верховному суду (Høyesterett) — коллегии, где председательствовал сам король.

Следствием этих административных реформ была еще большая централизация, поскольку теперь все бразды сходились в Копенгаген. Для Норвегии все это означало еще большую интеграцию в составе двуединой монархии. В 1666 г. окончательное решение судебных дел было перенесено в Копенгаген. Старинные судебные собрания местных жителей — тинги разного вида — постепенно перестали созываться либо превратились в государственные органы, где голоса крестьянских заседателей мало что значили. Утвержденный в 1687 г. общенорвежский свод законов (Norges Lag) имел в основе не норвежское, а датское происхождение. Представленный норвежской законодательной комиссией проект свода законов, основанный на местных кодексах, был отклонен королем Кристианом V и переработан с возможно большим приближением к датскому своду законов.

Серьезные изменения претерпела и местная администрация. В Дании и Норвегии вместо средневековых ленов были введены более крупные единицы — амты, во главе которых стояли гражданские губернаторы — амтманы. Амтманы в отличие от прежних ленников не имели военной власти, которая перешла к командирам местных полков и комендантам крепостей, непосредственно подчинявшихся Копенгагену. Из их ведения были изъяты сбор налогов и управление коронными владениями. Амтман яв-

⁵ Древненорвежское слово «одал» звучало в датско-норвежском языке нового времени как «удель». См. раздел о языке в гл. XVI.

лился, однако, высшим правительственным чиновником в управляемом амте, которому подчинялась местная администрация. Норвегия была поделена на четыре большие области — главные, или стифтамты: Акерсхус (юго-восток страны), Кристиансандр (юг), Бергенхус (запад) и Тронхейм (север). Во главе их находились стифтамтманы. Они осуществляли руководство амтманами. Стифтамтманам подчинялись управлявшие городами и также назначавшиеся королем бургомистры и их советники. Выборные от горожан имели лишь ограниченное влияние на составление городских бюджетов.

В период абсолютизма в Норвегии были введены и некоторые новые общенорвежские должности — управляющий таможенными, два управляющих дорогами (Generalveimestere), управляющий церковью. Менее всего перемены затронули управление в сельской местности — сохранились ирские форты и судьи (Sorenskriver), пасторы и сельские старосты (Bondelensman). Существенным отличием от прежних времен было то, что форты и судейские теперь окончательно стали чиновничьими, получившими твердое, хотя и небольшое государственное жалованье.

При почти полном отсутствии местных дворян-помещиков в Норвегии установилось всевластие чиновников. Бюрократия пополнялась представителями всех социальных слоев, кроме крестьянства. На службу в Норвегию копенгагенское правительство назначало выходцев из Дании и герцогств, в то время как уроженцы Норвегии нередко оказывались в Дании. Так, ко времени отделения Норвегии от Дании в 1814 г. среди норвежских чиновников оказалось 156 датчан, а в Дании — 208 урожденных норвежцев.

Формально и после установления абсолютизма Норвегия осталась королевством, исторически объединенным с Данией личной унией и равноправным с ней. В определенной степени после 1661 г. положение Норвегии даже улучшилось по сравнению с периодом 1536—1661 гг. До установления абсолютизма датский король избирался датской знатью, подписывал ограничивавшую его перед датским рикеродом «канитуляцию» и тем самым становился королем Норвегии, не принимая перед ней никаких обязательств. Отныне вместо прямой зависимости от датской феодальной знати Норвегия наравне с самой Данией подчинялась самодержавному наследственному монарху.

Конечно, интересы Норвегии по-прежнему оказывались на втором плане. Копенгагенское правительство считало ее, повторяем, северной провинцией единого государства. Свойственная абсолютизму политика централизации приводила к тому, что на первый план ставились интересы даже не самой Дании, а ее столицы — Копенгагена.

Однако в силу размеров Норвегии, ее трудной доступности и пограничного положения, сильных отличий хозяйства и общест-

венного строя от датских порядков копенгагенское правительство было вынуждено сохранять общепорвежский пост наместника (stattholder). Наместниками назначались члены датской королевской фамилии Ольденбургов, представители младших ветвей царствующего дома или же видные датские сановники, кровными узлами связанные с ним. Ипогда вместо наместника в Норвегию назначался вице-наместник, как правило, также высокопоставленный чиновник королевства.

Непосредственно после установления абсолютизма, в 1663 г., наместником Норвегии стал один из крупнейших государственных деятелей Дании второй половины XVII в., внебрачный сын Фредерика III Ульрих Фредерик Гюлленлёве, который управлял страной с небольшими перерывами вплоть до своей смерти в 1704 г. Политика, проводимая Гюлленлёве, была направлена на улучшение местной администрации, по никоим образом не на расширение норвежской самостоятельности. В XVIII в. пост наместника долгое время оставался позанятым. В конце столетия, ввиду возрождения в Швеции планов захвата Норвегии, наместниками несколько раз назначались датские принцы.

Вторая половина XVII—XVIII в. были порой относительно быстрого развития Норвегии. Возобновившийся еще в XVI в. рост населения, благоприятствуемый почти столетним отсутствием войн (1718—1807), продолжался. Если в 1665 г. здесь было 440 тыс., то в 1720 г. — уже 540 тыс. человек. По данным первой переписи, проведенной в стране в 1769 г., в Норвегии насчитывалось 724 тыс. человек (не считая 4 тыс. военных, переписью не охваченных). Если прибавить к этому Исландию с 46 тыс. жителей и Фарерские острова с 4750 жителями, то в целом население Норвегии (775 тыс.) немногим уступало населению Дании (786 тыс.). Перепись 1801 г. показала, что общее население королевства Норвегии составляло 936 тыс. жителей (собственно Норвегия — более 883 тыс., Исландия — 47 тыс., Фареры — 5 тыс.) и превышало население собственно Дании (без герцогств), где проживало около 926 тыс. человек. Таким образом, к началу XIX в. Норвегия по населению почти не уступала метрополии.

Подавляющая часть жителей страны жила в сельской местности. В 1769 г. в городах жило всего 64 747 жителей, или 8,9% от общего числа. К 1801 г. доля горожан несколько уменьшилась, до 8,8%, хотя в абсолютных цифрах городское население выросло до 77 642 жителей⁶.

Во второй половине XVII—XVIII в. в Норвегия происходил дальнейший рост капиталистического уклада, причем не столько благодаря внутреннему рынку, сколько тесным экономическим связям страны с передовыми государствами Европы, где в большей или меньшей степени уже победили новые производственные

⁶ См., в частности: Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 33.

отношения, — Нидерландами и Великобританией. Отгеснив гапзейцев, голландцы деятельно развивали торговлю с Норвегией: ввозили колониальные товары и, главное, крайне необходимую для норвежского рыболовства соль.

Важнейшей статьей норвежского экспорта стала в XVII в. рыба: сельдь, треска, палтус. Постоянно расширялся вывоз леса, важнейшего в то время строительного и особенно судостроительного материала, в котором беспредельно нуждались морские державы⁷. Внешнеторговые интересы побуждали складывающуюся буржуазию Норвегии и Дании конкурировать с англичанами и голландцами, используя острое соперничество между ними. Британский Навигационный акт 1652 г., отстранив голландцев от перевозок норвежского леса в Великобританию, способствовал тем самым росту датско-норвежского торгового флота. Активно использовало Датско-норвежское государство также европейские войны второй половины XVII в., когда суда воюющих держав надолго исчезали из норвежских гаваней. Именно в годы войн экспортеры и судовладельцы пейтрального Датско-норвежского королевства получали самые значительные прибыли, которые фактически явились частью первоначального накопления капитала.

Серьезный ущерб был нанесен норвежскому торговому флоту Великой Северной войной. Затем последовал непродолжительный период застоя, во время которого удалось возместить потери. Новое ужесточение меркантилистской и протекционистской политики в 1730-х годах, твердая политика неучастия в международных конфликтах, использование сложившейся благоприятной конъюнктуры привели к росту собственного судостроения и выдвиганию норвежского торгового флота на одно из первых мест в мире. Крупные столкновения великих держав: англо-французская война 1755—1763 гг., Североамериканская война за независимость в 1775—1783 гг., новая война между Англией и революционной, а затем наполеоновской Францией способствовали дальнейшему росту норвежского тоннажа. В 1776 г. торговый флот насчитывал 546 судов общим водоизмещением 24 300 талов, а в 1806 г. — уже 1450 судов, 70 тыс. талов, с экипажем в 11 тыс. человек⁸. Это было лишь вдвое меньше торгового тоннажа Франции.

Для облегчения мореплавания начали воздвигаться маяки. Первый маяк — Фердер — был построен в 1696 г. на острове у входа в Осло-фьорд, следующий — Квитсой — на одноименных островах вблизи Ставангера в 1700 г. Однако их было немного к 1800 г. — всего восемь маяков.

Норвежская лесоторговля продолжала расти и в XVII в. Англия, Нидерланды, Дания, северо-западные немецкие земли нуждались в сосне, ели и других породах для судостроения, свайных

⁷ *Tveite S. Engelsk-norsk trelasthandel 1640—1740. Bergen; Oslo, 1961.*

⁸ *Keilhau W. Norway in World History. London, 1944, p. 137.*

построек при строительстве домов и пр. В 1670 г. из Кристиании было вывезено более миллиона досок. С 1662 г. вся лесоторговля с границей была сосредоточена в городах. Зажиточно бюргеры покупали коронные владения, устраивали там лесопилни, причем в таких масштабах, что возникла угроза для прибрежных лесов. Государство было вынуждено вмешаться и в 1688 г. ввело строгое распределение зон вырубки и ограничение числа лесопилен. Это привело к концентрации производства. Крупное лесопильное производство представляло собой сложный процесс рубки, перевозки (путем волока или сплава), распиловки и погрузки готовых досок на суда. Все это требовало значительных средств и было не по карману крестьянину или мелкому бюргеру. Именно в норвежском лесопилении появились первые капиталистически предприниматели, сколотившие большие по тем временам состояния. — М. Лаурицсон, В. Нильсон. А. Мадсен.

Во второй половине XVII в. начался и подлинный подъем норвежской металлургии. Определенную роль в этом сыграл приток квалифицированной рабочей силы из разоренной Тридцатилетней войной Германии. Организаторами предприятий были сами короли или привилегированные компании на паях — примитивные акционерные общества, и лишь после 1660 г. появились предприятия, принадлежавшие одному владельцу. Эти предприятия производили металл, а также различного рода вооружение — пушки, ядра. Подавляющая часть владельцев-пайщиков состояла из датчан, голландцев, немцев и англичан.

Основные потребительские товары производились в XVII в., как правило, ремесленниками или же ввозились из-за границы. Но уже в 1661 г. и особенно 1672 г. в Датско-норвежском королевстве были введены таможенные тарифы, отражавшие веяния меркантилизма. Они поощряли создание мануфактур, т. е. крупных предприятий, которым предоставлялись исключительные привилегии на производство и сбыт товаров. Однако отсутствие в этот период необходимых капиталов и крайняя узость внутреннего норвежского (и датского) рынка приводило подавляющее большинство этих предприятий к разорению. Примером может служить бурная деятельность голштинца Эргена Тормёлена, поселившегося в Бергене около 1670 г. и получившего там должность коммерц-директора. В 80-х годах с разрешения властей Тормёлен построил кожевенный завод, солеварню и мыловарню, предприятия по производству парусины, канатов, гвоздей, пороха. Затем он получил право даже выпускать банкноты, имевшие хождение на части норвежской территории. Но постепенно все предприятия Тормёлена пришли в упадок.

В 1686 г. была основана первая в Норвегии мануфактура по производству бумаги, затем один из богатеев Крпстиансанна Герхард Тресков основал первую маслособойню. К концу XVII в. в городах появились канатные и табачные мануфактуры, солеварни,

Однако привозные иностранные товары неизменно были дешевле и лучшего качества. Подрывала норвежскую промышленность и постоянная контрабанда, с которой при пререзанной береговой линии почти невозможно было тогда бороться.

На протяжении всей второй половины XVII и вплоть до 80-х годов XVIII в. политика копенгагенского правительства во всех сферах производства и обмена в основном сводилась к меркантилизму и протекционизму. Правительственные регламентации и надзор распространялись на промышленность и торговлю, горное дело, металлургию, лесопиление, даже на рыболовный промысел, где, в частности, на протяжении XVII и почти всего XVIII в. были запрещены такие нововведения, как невод и перемет.

Самодержавная политика регламентации, централизации и унификации часто, хотя и не всегда, ударяла по интересам Норвегии. Одной из самых тяжелых для Норвегии мер был указ 1735 г. о так называемой хлебной монополии, согласно которому ввоз зерна в южную и главную половину страны был разрешен только датским экспортерам. Этот указ часто вызывал пехватку хлеба, в 1740 и 1770 гг. его приходилось отменять, поскольку неурожай создавал угрозу голода в Норвегии. Искусственно поддерживались высокие цены на хлеб, что давало дополнительные прибыли датским помещикам, в интересах которых и был принят указ. Сдерживался и рост норвежской торговли там, где она вступала в конкуренцию с датской — так, лишь особые, привилегированные датские компании могли вести торговлю с норвежскими Финмарком, Исландией и Гренландией.

Зависящее от капризов северной природы, часто полуголодное существование редкого населения северных губерний Норвегии в XVIII в. нередко облегчалось морским подвозом зерна и муки русскими поморами. Так возникла в годы Великой Северной войны поморская торговля (*romorhandel*), сначала запрещаемая, затем терпимая и, наконец, в 1787 г. легализованная датскими властями. Торговля эта была в значительной мере «клинринговой»: русское зерно и кожа оплачивались норвежской рыбой и пушниной. С торжеством капитализма и развитием единого внутринорвежского рынка в XIX в. она утратила свое значение и вновь активизировалась лишь в годы первой мировой войны (см. гл. VIII—IX). Своеобразным порождением поморской торговли стал профессиональный русско-норвежский жаргон (*Russensorsk*), который старики в Финмарке до второй мировой войны еще помнили⁹.

Составная часть норвежского королевства — Гренландия была заново колонизована на средства бергенских купцов под руко-

⁹ *Selnes K. Norge-Russland. Grannefolk gjennom tusen år. Oslo, 1972, s. 209—215.*

подством священника — норвежца Хауса Эгеде в 20—30-х годах XVIII в.

Напротив, меркантилистская политика принесла свои плоды в норвежской металлургической и металлообрабатывающей промышленности, которая по окончании Великой Северной войны оказалась на грани краха из-за конкуренции Швеции — крупнейшего экспортёра железа в тогдашней Европе. Копенгагенское правительство пошло на встречу норвежским железопромышленникам и в 1730 г. запретило ввоз иностранного железа в Норвегию и Данию, где своей металлургической промышленности не было. Однако уже во второй половине XVIII в. «парпиковые» условия привели к тому, что в техническом отношении норвежская металлургия стала значительно отставать от шведской. Основанные к середине XVIII в. норвежские предприятия по производству сахара испытывали конкуренцию со стороны копенгагенских, которые могли продавать свою продукцию по всему королевству. К тому же сырьё норвежские предприятия могли покупать только у датской Вест-Индской компании.

По норвежским интересам ударяли и некоторые другие защитительные мероприятия копенгагенского правительства. Так, для поощрения копенгагенских промышленников были повышены пошлины на ввозимый в Норвегию английский текстиль, что вызвало ответные меры англичан против норвежского леса, ввозимого на норвежских судах. Апогеем меркантилистской политики было создание в 1739 г. «Норвежской компании», получившей монополию на эксплуатацию всех природных богатств страны. Сам король стал одним из ее пайщиков. Однако предприятие окончилось крахом: начинания в области лесоторговли, металлургии, производства товаров широкого потребления не удались. Единственным прочным достижением этого общества явилось создание довольно развитой стекольной промышленности¹⁰.

Чиновники с женами. Рисунок 1762 г.

¹⁰ Wasberg G. C., Svendsen A. S. *Industriens historie i Norge*. Oslo, 1969, s. 36—37.

Впрочем, еще в конце XVIII в. более 80% населения страны занималось сельским хозяйством. Во второй половине XVII—XVIII в. в Норвегии произошло значительное перераспределение земельной собственности. До 1660 г. основная часть земель пахотилась во владении короны. В итоге неудачных войн со Швецией финансы королевства оказались в плачевном состоянии. Государственный долг достиг 5 млн. риксдалеров — громадной по тем временам суммы. Народ был истощен войнами и чрезвычайными налогами, чиновники годами не получали жалованья. Правительство страны видело выход лишь в передаче кредиторам — богатым голландским купцам и предпринимателям, финансистам из Любека и Гамбурга — коронных земель. В Норвегии таким способом за 1660—1679 гг. было отчуждено земли на 1,3 млн. риксдалеров. Огромные владения получили голландцы братья Марселле, голштинец Иохум Ирэнс, датские богачи. Те в свою очередь перепродавали свои владения местным дельцам и чиновникам, которые составили новый, уже по сути буржуазный землевладельческий слой, жестоко эксплуатировавший крестьян-арендаторов путем значительного повышения арендной платы. Однако происходившее во всей Западной Европе относительное падение цен на сельскохозяйственные продукты, с одной стороны, а с другой — большие прибыли, которые давал капитал, вложенный в лесопиление, судоходство и торговлю, побуждали собственников-крестьян продавать свои земли арендаторам, особенно в ходе второй волны такой распродажи — после новой неудачной войны со Швецией в 1679 г. В Эстланне, в области Хедмарк, например, где в 1658 г. лишь 18% крестьян владели землей, в 1723 г. их было уже 80%. В Вестланне и Нурланне процесс шел медленнее.

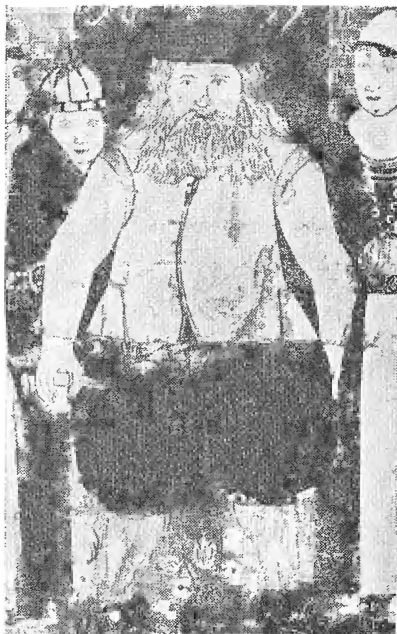
Таким образом, в сельской Норвегии складывалась новая социальная структура, скорее свойственная капиталистическому обществу. Прежде всего норвежское дворянство фактически исчезло — среди 550 членов собрания норвежских сословий 1661 г. было всего только 18 дворян. Одни дворянские роды вообще вымерли, другие, мелкопоместные, превратились в крестьян и утратили дворянское звание.

Во второй половине XVII—XVIII в. особенно заметным стал процесс имущественного и социального расслоения крестьянства. Верхний слой крестьянства составляли бонды, на правах частной собственности владевшие наследственным уделом с особыми правами на эту землю родственников в случае отчуждения, — так называемые удельсьбонды (*odelsbønder*), либо арендовавшие землю у короны или помещика (лейлендинги). В XVII—XVIII вв. удель по-прежнему подчинялся праву майората, единонаследия. Особенностью удела было, в частности, то, что в случае его продажи прежний владелец мог в принудительном порядке выкупить его назад. Право на удель (*odelsrett*) и право на усадьбу (*åsetesrett*) имел в семье старший сын, остальные же родственники, как

правило, оставались при нем на положенши работников. Стремясь преодолеть возникшие в связи с этим социальные трудности, правительство в 1769 г. ограничило единонаследие в праве на усадьбу, а в 1771 г. — и в праве на удел. По закону 1771 г. право удела к тому же давалось любому владельцу, если он сам или его прямые потомки владели землей в течение 10 лет, право же принудительного выкупа удела было уменьшено до 15 лет¹¹.

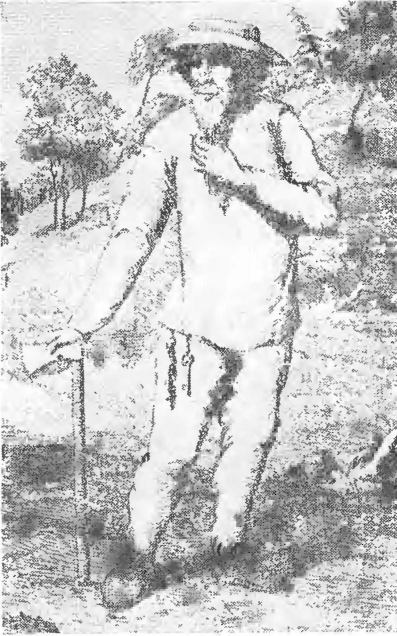
Заметно вырос в XVIII в. слой хусменов — мелких арендаторов на земле зажиточных крестьян или городских богатых. Рост этого социального слоя был вызван, с одной стороны, ростом населения, с другой — невозможностью в то время получить работу в городе. Имущественные градации среди хусменов были довольно широкими. Они могли держать коров, овец, коз, свиней, кур, иногда имели и лошадей. Бонды, заинтересованные в освоении целины, часто селили на ней хусменов. В одних местах хусмен должен был расплачиваться отработками, в других — деньгами. Иногда хусменам давалась лишь изба на территории хутора, они вели подсобное хозяйство, батрачили у хозяина или зарабатывали на стороне. Правовое положение хусменов было крайне непрочным: в XVII — первой половине XVIII в. бонды могли по своему произволу отбирать освоенные хусменами участки. Лишь в 1752 г. хозяевам надлежало в письменной форме закреплять свои отношения с хусменами.

Гораздо ниже хусменов стояли пролетарии, не имеющие ни земли, ни постоянного места жительства, ни постоянной работы, — подешные батраки (*daglciere*), долгосрочные батраки (*indester*) и прислуга (*tjenere*). Они зарабатывали на жизнь сезонными работами у бондов, на лесоразработках или рыбной ловле. В совокупности хусмены и бедняки составляли сельский предпродолетариат, к началу XIX в. уже весьма многочисленный. По переписи

Крестьянин Бьёри Фрейсак с семьей.
Фреска 1699 г.

¹¹ Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1974, с. 172—173.

Крестьянин из Вестланна.
Гравюра ок. 1752 г.

си 1801 г., собственники и зажиточные арендаторы (лейлендинги) составляли 40%, а хумены и пиже их стоявшие — уже 42%, те и другие с членами семей. Если же брать лишь глав семей, расслоение окажется еще разительнее: соответственно 83 тыс. и 203 тыс. человек¹².

Расслоение крестьянства в условиях слаборазвитых производительных сил и в городе, и в сельской местности побуждало бедноту к эмиграции. Тысячи молодых крестьянских парней, в особенности из южных районов страны, уезжали в Данию, Нидерланды или Англию, где нанимались в военный и торговый флот. Эта эмиграция принимала иногда столь крупные размеры, что правительство несколько раз пыталось законодательным путем приостановить ее, впрочем безуспешно. Некоторые норвежцы достигали па-

чужбине высокого положения. Так, известный голландский адмирал Корнелиус Крюйс, ставший в начале XVIII в. одним из сподвижников Петра I в создании русского военно-морского флота, происходил из бедной южнонорвежской крестьянской семьи. Процесс этой ранней эмиграции продолжался вплоть до 70-х годов XVIII в., когда бурно растущий норвежский торговый флот стал поглощать избыточную рабочую силу¹³.

В течение XVII — первой половины XVIII в. росла податная, фискальная эксплуатация норвежских крестьян. Бюрократизация государственного аппарата, усложнение его функций, рост числа чиновников, непомерно высокие расходы на содержание войска и королевского двора требовали все большего поступления денег в казну. К растущим денежным поборам с крестьянства добавлялись обязательные работы, в частности на строительстве крепостей и дорог, а также натуральные поставки. В 1762 г. государство, чтобы погасить государственный долг, ввело чрезвычайный

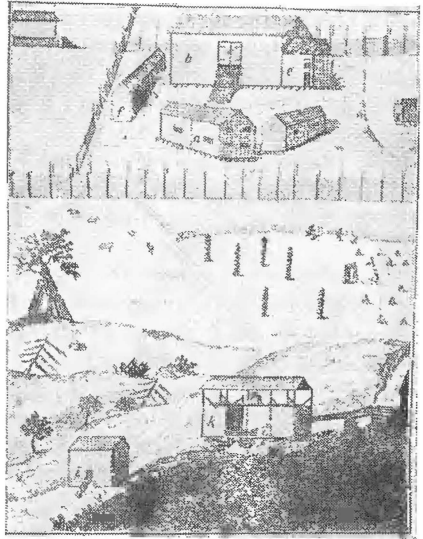
¹² Анохин Г. И. Указ. соч., с. 173; Kleven H. I. Klassestrukturen i det norske samfunnet. Oslo, 1963, s. 46.

¹³ Selnes K. Op. cit., s. 205 etc.

подушный налог — один риксдалер в год в течение 12 лет. Ежегодный сбор в 450 тыс. риксдалеров превосходил поступления со всех остальных прямых налогов, вместе взятых.

Подушный налог в сочетании с неурожаем и низким уловом рыбы положили конец долготерпению крестьян-рыбаков в Вестланде. Их выступления в 1763—1765 гг. получили название «войны стриларей» (*Strilekriegen*). Волнения носили античиновничий характер, поскольку крестьяне связывали рост налогов с жадностью и злоупотреблениями чиновников и не теряли веры в «справедливого короля». В 1764 г. крестьяне-рыбаки целых приходов стали отказываться платить налоги, а в следующем году предприняли поход на Берген, где подали петиции властям. Движение стриларей увенчалось частичным успехом. Несмотря на репрессии властей, чрезвычайные налоги были отменены.

В целом по стране классовая борьба в последней трети XVIII в. продолжала обостряться. Происходили волнения также среди горнорабочих и городской бедноты. Восстало крестьянство южных районов страны, где его интересы сталкивались не только с чиновниками, но и с горожанами. Расширение городских привилегий Арендала и Кристиансанда во внутренних районах страны привело к тому, что крестьяне не могли больше продавать лес иностранцам и покупать у них хлеб и прочие товары, минуя посредников-бюргеров. Это вызвало сильное подорожание. Недовольство особенно обострилось в 80-х годах и привело к так называемому движению Люфтхуса — по имени самого видного его руководителя. Защиточный крестьянин из Южной Норвегии Кристиан Елсец Люфтхус (1750—1797), владелец лесозащиты, стремился внедрить в сельское хозяйство передовые приемы, за что даже был удостоен премии от научного общества в Тронхейме. Люфтхус неоднократно ездил в Копенгаген с жалобами на горожан и чиновников, организовывал античиновничьи демонстрации. Арест Люфтхуса вызвал новые волнения. После затянувшегося процесса Люфтхус был приговорен к пожизненному заключению и в 1797 г. умер в тюрьме. После 1814 г. он был оправдан и стал национальным героем.

Крестьянская усадьба.
Гравюра ок. 1761 г.

a — жилой дом, *b* — амбар, гумно,
c — сушильня, *d* — хлев,
e — мельница, *h* — лесозащиты

Своеобразным идеологическим отражением процесса обуржуазивания верхушки крестьянства стало возрожденческое религиозное движение конца XVIII — начала XIX в., получившее по имени его основоположника и лидера название «хаугеанства». Хаус Нильсен Хауге (1771—1824) — выходец из многодетной крестьянской семьи на юге страны, в молодости был батраком, кузнецом, столяром, после чего с успехом занимался торгово-предпринимательской деятельностью. В 1796 г. мистически настроенный Хауге начал выступать с «боговдохновенной», по его убеждению, проповедью религиозного возрождения, странствуя по стране. Не выходя формально за рамки лютеранского протестантизма, он, однако, действовал в обход местного духовенства, обличал пороки государственной церкви, чиновников и горожан. Хауге требовал от верующих мирян самостоятельного чтения Евангелия, религиозно-нравственного «очищения» в целях достижения так называемой «святости», подтверждения веры делами и дел верой. Этим Хауге сильно напоминал британских пуритан XVII в. Свойственный хаугеанству крестьянский ультраационализм, антирационализм, подчеркивание порвежской исконности, противопоставление «истинных порвежцев», бондов, пришельцам, горожанам и чиновникам, объективно и субъективно отражали растущее самосознание норвежского зажиточного крестьянства, превращавшегося уже в буржуазный слой и вступавшего в конкурентную борьбу с горожанами. Хаугеанцы отличались высоким трудолюбием и предприимчивостью, поддерживали друг друга с помощью своеобразных религиозно-хозяйственных опорных пунктов в виде своих усадеб. Хаугеанское движение получило главное распространение в Вестланне и Трешеллаге. Античиновничья, антибюргерская направленность проповедей Хауге вызывала раздражение власть имущих. В 1797—1804 гг. он десять раз подвергался арестам, а в 1804 г. на десять лет попал в тюрьму. Популярность хаугеанства не ослабела вплоть до событий 1814 г.¹⁴

Рост производительных сил и внешней торговли, особенно со второй половины XVIII в., появление частных мануфактур и торговых компаний означали усиление городской буржуазии. Она формировалась как из урбанистов страны, так и выходцев из Дании, Шлезвиг-Гольштейна, Нидерландов, Германии, Англии, Шотландии. Рост рядов бюрократии в центре и на местах при абсолютизме способствовал превращению ее в особый социальный слой. Несмотря на политику Коопенгагена, стремившегося к возможно более тесному сближению составных частей королевства, местное чиновничество независимо от своего происхождения начинало пропитаться чисто норвежскими интересами. Происходило постепенное слияние местного королевского чиновничества

¹⁴ *Nodtvedt M. Rebirth of Norway's Peasantry. Folkleader Hans Nielsen Haug. Tacoma (Wash.), 1965.*

Хаугеанцы, Картина А. Тидеманна, 1852 г. Масло

с городской буржуазией и верхним сельским слоем. Все яснее стали осознаваться норвежская самобытность, отличие норвежских интересов от датских. Посителем развивающегося норвежского самосознания выступила молодая интеллигенция. Условия абсолютистского государства — полицейский надзор и цензурный гнет — мешали политическому оформлению национального движения, и оно долгое время проявляло себя лишь в области культуры. В 1760-х годах в норвежских городах стали выходить газеты, сделавшиеся рупором национальной идеи. В 1760 г. в Тронхейме было создано Королевское норвежское научное общество, объединившее видных представителей интеллигенции всей страны. В него входили, в частности, видный историк Герхард Шёнинг и епископ Юхан Гуннерус, бывший также естествоиспытателем.

Одним из показателей зарождения норвежского национального самосознания был интерес к древней истории страны, эпохе сильного и независимого государства. Изучая ту эпоху, наиболее дальновидные представители буржуазной интеллигенции пришли к убеждению, что Норвегия должна быть не датской провинцией, а самостоятельным государством. В 1770-е годы Герхард Шёнинг в своей незавершенной «Истории Норвежского государства» нарисовал яркую картину Норвегии эпохи викингов¹⁵. Уже в самом заглавии книги содержался призыв к борьбе. Не случайно труд Шёнинга вызвал раздражение датских властей. Именно по поводу этой книги реакционер Хёт Гульдберг, глава копенгагенского правительства в 1772—1784 гг., произнес знаменательные слова: «Нет никаких норвежцев. Все мы — граждане датского государства»¹⁶.

В 70-е годы в Норвегии вновь, как сто лет назад, заговорили о необходимости создания своего банка и университета, причем этой идее сочувствовала не только буржуазия, но и чиновничество. Желание, в частности, иметь собственный банк отражало стремление обеспечить экономическую автономию Норвегии, так как речь шла не о простом филиале датского Курантбанка, а о национальном учреждении, совершенно независимом от датского и равном ему по капиталам¹⁷.

Важной вехой в истории Дании и Норвегии XVIII в. стало короткое, но яркое правление временщика Струупзе. После Фредерика IV, союзника Петра I в Северной войне, большинство датско-норвежских королей XVIII в. по своим личным качествам были не способны управлять государством и передоверяли эти заботы министрам — бюрократической олигархии, выдвинувшей ряд крупных государственных деятелей (например, Бернсторфы — дядя и приемщик). Кристиан VII (1766—1808) был душевно-

¹⁵ См.: *Dahl O. Norsk historieforskning i 19. og 20. århundre*. Oslo, 1959, s. 5.

¹⁶ Цит. по: *Ordning J. Norges historia från äldsta tid till våra dagar*. Malmö, 1949, s. 159.

¹⁷ *Birkeland M. Historiske skrifter*. Oslo, 1925, t. 3, s. 58—73.

большим человеком, и в 1770—1772 гг. полнота власти оказалась в руках его лейб-медика и любовника королевы Каролины Матильды немца И. Ф. Струэнзе, последователя французских просветителей. Став неограбщенным правителем, Струэнзе провел ряд реформ в духе просвещенного абсолютизма, однако скоро пал жертвой заговора, и почти все его реформы были отменены¹⁸.

Благодаря введенной Струэнзе свободе печати увидел свет ряд брошюр, книг и газет, где содержалась критика положения страны и выдвигались норвежские требования к центральной власти. Одним из наиболее питересных изданий была небольшая, в 112 страниц, книжечка «Благие мысли благомыслящего гражданина», изданная в первый год свободы печати под псевдонимом Филорорвагус — «Любящий Норвегию». Автор книги — чиновник Эвеп Хаммер, впоследствии занимавший пост амтмана, считал, что развитие богатой от природы Норвегии тормозится торговой монополией Дании и большими расходами на центральную администрацию. Норвегия, по его мнению, должна получить собственный университет, общенорвежские учреждения под руководством местных жителей для управления экономикой и торговлей, включая собственный банк в Кристиании для выпуска ассигнаций. Хаммер также требовал отмены ограничений во внешней торговле страны, прежде всего с Англией. Сходные мысли выдвинул в своей брошюре норвежский предприниматель Густав Стрёмбу, особенно папирвапний на создание национального банка. Тогда же, в 1771 г., епископ Гуннерус предложил собирать деньги на создание университета.

То были еще не политические, а экономические требования, но в них просматривалось стремление к автономии страны. Эти требования не были выполнены реакционным правительством, сменившим Струэнзе. В последнюю четверть XVIII в. недовольство порвежцев несколько утихло, поскольку успешная внешняя политика нейтральной Дании в период войны США за независимость и Великой французской революции способствовала расцвету порвежской торговли. Однако поднятые в начале 1770-х годов вопросы не были сняты с повестки дня и вновь, как мы увидим, выдвинулись в период революционной ситуации 1807—1813 гг. Между тем кризис крепостничества, развитие капиталистических отношений и производительных сил, уже переросших рамки меркантилизма, обострение классовой борьбы сельского населения, зарождение норвежского национализма — идеологии молодой норвежской буржуазии — заставили копенгагенское правительство после ухода реакционера Гульдберга и прихода к власти либерального регента кронпринца Фредерика (1784) начать широкую политику реформ в Датско-норвежском королевстве. Было улуч-

¹⁸ См.: Коган М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струэнзе: Лекция. Л., 1972.

шпо управление Норвегией, больше должностей в стране стало представляться местным уроженцам. Главными же оказались реформы именно в хозяйственной сфере. В 1788 г. была отменена датская хлебная монополия для южной части Норвегии, разрешена свободная торговля с Исландией, год спустя — с Фипмарком. В 1797 г. был принят разработанный норвежским юристом Кристианом Колбьерсенем новый таможенный тариф для Датско-норвежского государства. Он отменял запреты на импорт и частично — на экспорт. Тарифные ставки были уменьшены и разрешено свободный ввоз сырья. Новый тариф оказался самым либеральным в Европе.

Фритредерская политика правительства вместе с благоприятной международной конъюнктурой первых лет XIX в. привели к невиданному расцвету и датской, и норвежской внешней торговли и мореплавания, к громадным прибылям торгового патрициата. Общая стоимость норвежского экспорта определялась в 8 млн. риксдалеров ежегодно, фрахт приносил норвежским судовладельцам в зависимости от конъюнктуры от 2 млн. до 10 млн. риксдалеров. Норвегия имела постоянно положительный торговый баланс, хотя расходы на закупки хлеба за границей были значительны. Экспорт из Норвегии шел в Великобританию, а импорт — в основном из Дании и Северной Германии.

Именно в конце XVIII — начале XIX в. в Норвегии окончательно сложилась раннекапиталистическая социальная структура, оформились свойственные ей основные классы: торгово-мануфактурная буржуазия, средние, т. е. мелкобуржуазные, слои города, предпролетариат, который состоял из рабочих мануфактур, горных, металлургических и лесопильных заводов. Составным отрядом норвежского пролетариата были моряки. Далекое, как мы видели, шло расслоение основного — сельского — населения, к которому можно отнести и рыбаков. Налицо были социально-экономические предпосылки для обретения внутренней самостоятельности.

Уния с Данией на рубеже XVIII—XIX вв. не была обременительна для Норвегии, и поэтому вплоть до 1807 г. никакого движения за отделение и даже за автономию не было. Внешнеэкономические интересы обеих частей монархии совпадали, но лишь временно, поскольку в поддержании торговых связей с Англией Норвегия была заинтересована значительно больше, чем Дания. Решающую роль в обострении датско-норвежских отношений сыграли вовлечение государства в конфликт великих держав в 1807 г. и внезапно открывшаяся для Швеции осуществить уже давно замысливаемые планы отторжения Норвегии от Дании.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. Норвегия, как мы знаем, не раз оказывалась театром военных действий в датско-шведских войнах. Имея двух опасных противников — Швецию

на севере и гольштейн-готтортских герцогов на юге, копенгагенское правительство того времени старалось сохранять нейтралитет в войнах между великими западными державами — лавировало сначала между Англией и Нидерландами, а затем между Англией и Францией. Дания преследовала две основные цели — возвращение утраченных в пользу Швеции датских и норвежских территорий и решение в свою пользу шлезвиг-гольштейнского вопроса¹⁹. В 1665 г. Дания-Норвегия оказалась втянутой в короткую войну с Англией на стороне Нидерландов. Изменение международной обстановки в конце 60-х годов — сближение Англии и Нидерландов против Франции — заставило датское правительство искать новых союзников (Австрию), готовя реваншистскую войну против Швеции. С 1673 г. вернувшийся в Норвегию наместник Гюлленслёве стал активно готовить страну к войне: формировались новые полки, вводились чрезвычайные налоги. В 1675 г. начались военные действия, которые в датской историографии называются «Сконской войной», а у норвежцев — «войной Гюлленслёве». В Норвегии военные действия велись с южной границы и к северу от горного массива Довре. Война шла с переменным успехом — несколько раз датчане вторгались в Сконе, а норвежцы — в Бохуслен и Емтланд, были успехи и у шведов. В Норвегии «война Гюлленслёве», кстати не пользовавшаяся популярностью, вызвала чувства, с одной стороны, раздражения, с другой — национальной гордости за успехи, одержанные порвежской армией. Исход войны был решен союзником шведов Людовиком XIV за пределами Скандинавии. Лундский мир 1679 г. оставил все по-прежнему²⁰. После него в политике обоих северных государств временно возобладала тенденция к сближению.

Взаимные противоречия Копенгагена и Стокгольма оказались, однако, сильнее тенденции к сближению. В 1699 г. возникла Северная лига — антишведская коалиция в составе Дании-Норвегии, России и Саксонии — Польши²¹. Неудачное для Дании начало Северной войны, Травендальский мир 1700 г. на девять лет вывели ее из войны. Однако тысячи норвежских солдат и моряков были фактически проданы королем противникам Франции и проливали кровь на полях сражений войны за испанское наследство. Полтавская победа Петра I и последующее возобновление русско-датского союза вновь втянули Норвегию в военные действия. В 1710 и 1711 гг. порвежская армия дважды пыталась вторгнуться в Бохуслен. Серьезные испытания на долю норвежцев выпали в 1716—1718 гг., когда шведы пытались захватить их страну.

¹⁹ Речь шла в первую очередь о распространении датской власти на весь Шлезвиг.

²⁰ См.: История Швеции. М., 1974, с. 231—232.

²¹ См.: *Возгрип В. С.* Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697—1716 гг.): Автореф. канд. дисс. М., 1977.

Во времена шведского великодержавия земли западного соседа не переставали манить правящую верхушку Стокгольма. Осуществить присоединение Норвегии пытался во время войн с Данией еще Карл X Густав. Во второй период Великой Северной войны мысль о завоевании и присоединении Норвегии появилась у Карла XII, потерпевшего поражение от России и утратившего шведские владения в Прибалтике. В 1716 г. шведская армия во главе с самим королем-полководцем перешла границу. После бесплодной осады Акерсхуса и неудачной попытки взять Фредриктен, узнав о разгроме норвежским флотом под командованием знаменитого Турдешельда шведского конвоя с припасами, Карл XII снял осаду. В 1718 г. в Норвегию вторглись уже две шведские армии — основные силы под командованием короля двинулись на Фредриктен, северная армия под командованием генерала Армфельта направилась к Тронхейму. 11 декабря под Фредриктеном шведский король был убит, и военные действия фактически прекратились. Началось всеобщее отступление, застигнутое для армии Армфельта трагедией: шведы были застигнуты в горах снежной бурей и во множестве замерзли. Смерть Карла XII, окончательный крах шведского великодержавия, установление затем режима сословного парламентаризма на длительное время похоронили идею присоединения Норвегии к Швеции.

После Копенгагенского мира со Швецией 1720 г. Дания-Норвегия, как уже отмечалось, основные усилия прилагала к тому, чтобы окончательно урегулировать готторпский вопрос. Какое-то время его неразрешенность представляла серьезную опасность для Дании, поскольку гольштейн-готторпской династии удалось утвердиться в Швеции, а затем и в России. Во время Семилетней войны, как известно, недолго правивший император Петр III начал свое царствование с объявления войны Дании. Однако Екатерина II пошла на соглашение с Копенгагеном; между Россией и Данией-Норвегией был заключен в 1765 г. союзный договор. Самостоятельное Гольштейн-Готторпское герцогство было упразднено и уступлено датской короне (1767).

С середины XVIII в. в центре внимания Датско-норвежского государства встала со всей остротой проблема сохранения нейтралитета в начавшихся англо-французских войнах за господство на море и в колониях. Датские и норвежские суда, плававшие в Средиземном море и в заокеанские колонии с французскими грузами, стали подвергаться нападениям английских каперов. В то же время в отличие от других нейтралов традиционная зависимость от «владычицы морей», наличие мелких, но важных датских колоний за океанами, тесные торговые связи между Норвегией и Англией заставляли Копенгаген вести крайне осторожную политику. Датско-норвежское королевство дважды вступало в так называемые союзы вооруженного нейтралитета,

как многосторонние в 1780 г. и 1801 г., так и в двухсторонние, прежде всего с Россией. Участники вооруженного нейтралитета без особого успеха организовывали коопирование своих торговых судов. И в отношениях, и соглашениях, прежде всего с Англией, копенгагенское правительство руководствовалось заботой о внешней торговле и мореплавании обеих частей королевства²². Например, был заключен целый ряд договоров с североафриканскими государствами и с Османской империей для обеспечения безопасного плавания датских и норвежских судов по Средиземноморью. Теперь на средиземноморский рынок пошли норвежский лес и рыба. Дания выплачивала средиземноморским пиратам ежегодную контрибуцию в виде оружия и военного снаряжения, использовавшегося ими против других государств. Таким оригинальным способом Копенгаген устранял нежелательных конкурентов.

Важное значение для Норвегии имело также соглашение со Швецией об окончательном определении границы между королевствами, подписанное в 1751 г. Если южная граница, установленная по Копенгагенскому миру 1660 г., не вызвала никаких споров, то установление границы на севере, где ее фактически не было, создало сложности. В районах крайнего Севера отсутствовало оседлое население, жили здесь кочевые племена лопарей-саамов. По договору 1751 г. Норвегия получила прибрежные районы Кауксёйно и Карасёк, прочие саамские районы остались под властью Швеции. Был урегулирован вопрос о налогообложении саамов: они должны были платить налоги не более чем одному государству — или Дании-Норвегии, или Швеции. Кроме того, за оленеводами было сохранено право на кочевку через границу в зависимости от времени года.

В 70-х годах XVIII в. в Швеции, где при Густаве III был восстановлен полуабсолютистский государственный строй, вновь стали возрождаться планы присоединения Норвегии. На рубеже 70—80-х годов король обдумывал разные варианты экспансионистского плана: то он замыслил военную аннексию Норвегии, то рассчитывал, повторив походы XVII в. и вторгнувшись в Данию с юга, «получить Норвегию в Копенгагене», то, наконец, путем дипломатических переговоров заставить датский двор «добровольно» обменять Норвегию на шведские владения в Северной Германии. Осуществлению этих планов мешал традиционный русско-датский союз, и шведская дипломатия всячески старалась расколоть его. В 1791 г., когда в Стокгольме велись переговоры о заключении русско-шведского союзного договора, Густав III от-

²² *Feldbæk O. Dansk neutralitetspolitik under krigen 1778—1783. København, 1971.*

кровенно высказал русскому посланнику О. Штакельбергу мысль о желательности присоединения Норвегии к Швеции²³.

Следующий шведский король, Густав IV Адольф, унаследовал стремление присоединить Норвегию, ставшее к этому времени, по мнению историков, главной линией в шведской внешней политике, хотя по вполне понятным причинам это стремление не афишировалось²⁴. Вопрос о Норвегии неоднократно всплывал в переговорах Швеции и с республиканской Францией в 1798 г., и царской Россией в 1799—1800 гг. В 1801 г. после крутого поворота в делах Европы Густав IV Адольф обдумывал возможность путем сближения с Францией Наполеона Бонапарта и Пруссией заставить Копенгаген обменять шведскую Померанию на Норвегию. События 1807 г. — Тильзитский мир России с Францией, затем нападение англичан на Копенгаген и насильственный уход датско-норвежского флота в Англию — вывели Данию из состояния многолетнего нейтралитета и создали возможность для разрыва Норвегии с Данией.

²³ Штакельберг — Остерману, 9(20) мая 1791 г. — Архив внешней политики России, ф. Спешения России со Швецией, оп. 96/6, д. 791, л. 9.

²⁴ *Johnson S. Sverige och stormakterna 1800—1804. Lund, 1957; Рогинский В. В. Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978, с. 45.*

БУРЖУАЗНАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1814 Г. В НОРВЕГИИ

Отзвуки той очистительной бури, которую вызвала Великая французская революция 1789—1794 гг., докатились и до северной окраины Европы. В целом идеи революции были благожелательно встречены норвежской интеллигенцией и образованным бюргерством, которые были подготовлены к их восприятию в силу ряда причин, в частности благодаря тесным экономическим связям с буржуазной Англией. В Норвегии созрел капиталистический уклад, он занимал ведущее, хотя и не преобладающее положение. Безоговорочное подчинение датскому абсолютизму все больше становилось помехой дальнейшему развитию Норвегии. Перед страной стояла одна из задач буржуазной революции, а именно национально-освободительная, — задача создания норвежского самостоятельного государства. Социально-экономические задачи были отодвинуты на второй план постольку, поскольку норвежская буржуазия к началу XIX в. уже обладала значительной долей классового господства и ее хозяйственные интересы неплохо защищало датское самодержавие в условиях благоприятной для нейтрального Датско-норвежского королевства конъюнктуры. На время норвежские устремления к большей самостоятельности были забыты. Однако внезапное ухудшение международной обстановки в 1807 г., отказ датского правительства от нейтралитета и вступление в войну были чреваты важными последствиями для Норвегии.

Летом 1807 г. Россия не только вышла из антинаполеоновской коалиции, но и вступила в союз с Наполеоном. В ответ на это, желая запугать Александра I и одновременно обезопасить себя от возможных неприятностей в будущем, англичане послали к Копенгагену свой флот. Дании было предложено передать ее военные корабли на «хранение» Великобритании. В Лондоне не без оснований опасались, что датские и норвежские суда в случае возможной оккупации Дании французами будут использованы для усиления вражеских военно-морских сил. Когда принц-регент Фредерик отказался удовлетворить это требование, англичане подвергли Копенгаген трехдневной бомбардировке (2—5 сентяб-

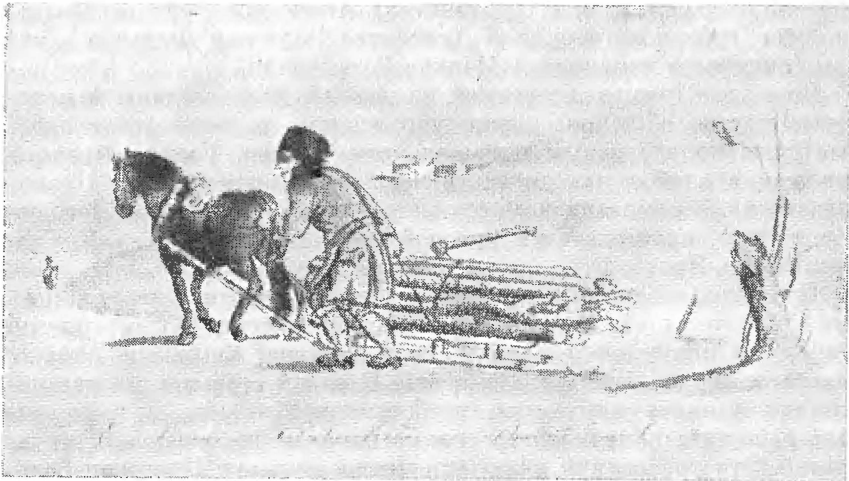
ри) и высадили десант у столицы, принудив датчан капитулировать и сдать крупный датско-норвежский военно-морской флот, который был затем уведен в Англию. После столь агрессивных действий Великобритании Датско-норвежское королевство объявило ей войну, вступило в союз с наполеоновской Францией и присоединилось к континентальной блокаде, провозглашенной французским императором в 1806 г.

Но Норвегии это решение, как и новый тур в англо-французской экономической войне, ударило особенно больно: были прерваны жизненно важные торговые связи с Великобританией; больше того, британский военно-морской флот почти полностью разорвал связи Норвегии с Данией и другими странами континента, откуда норвежцы могли получать продовольствие. Первые годы континентальной блокады, когда ее тяжесть легла на Норвегию, остались в памяти народа как «годы бедствий»¹. Разрыв с Великобританией прежде всего ударил по той части страны, которая играла наибольшую роль во внешней торговле, — по юго-восточным областям Акерсхус и Кристиансанн. Здесь проживало около половины населения страны, было приписано 84% норвежского торгового флота. Отсюда вывозили 92% леса, здесь же находились почти все металлургические и стекольные заводы. Прекращение экспорта в Великобританию лишало Норвегию значительной доли денежных поступлений, на которые закупались необходимые продовольственные товары. Сократилось и поступление в страну так называемых колониальных товаров (кофе, сахара и пр.).

Важнее, однако, были перебои в подвозе продуктов первой необходимости: ведь примерно треть потребляемого норвежцами зерна ввозилась из Дании или через нее датскими же купцами. Урожай 1807 г. в целом по стране, кроме Эстланпа, был неплохой, но резкое сокращение ввоза обострило продовольственный вопрос. Было введено централизованное снабжение продовольствием. Власти старались всячески поощрить доставку зерна через Скагеррак — пролив, разделяющий обе части королевства. Морские перевозки специально премировались, но хлеба все равно не хватало. Так, в 1808 г. в губернию Акерсхус была ввезена всего одна пшестая от нормального ежегодного ввоза, и в условиях неурожая этого года там разразился настоящий голод. Из-за роста цен на продовольствие и нехватки денег пострадали больше всего низшие слои общества — городская беднота, рабочие-лесорубы и хусмены. Следствием были болезни и рост смертности. В 1807 г. в Норвегии умерло 20 тыс. человек, в 1808 г. — 24 тыс., в 1809 г. — 32 тыс. человек, т. е. 2—3% населения.

Что касается северных провинций страны, то туда как раз в

¹ *Worm-Müller J. S. Norge gjennom nødsårene (1807—1810). Christiania, 1918.*

Крестьянин — возчик руды. Перевозка дров. Рисунки начала XIX в.

это время были разрешен ввоз зерна и других продуктов из Архангельска — так называемая «поморская торговля», сыгравшая важную роль в спасении жителей Финмарка и Тромса от голодной смерти². По указу Александра I архангельскому военному гу-

² Kraft S. Pomorhandelen på Nordnorge under 1800-talets förra hälft. Tromsø; Oslo, 1968; Лимова Т. А. Русская крестьянская поморская торговля с

бернатору М. П. Дезину от 22 ноября (4 декабря) 1807 г. было разрешено вывозить из Архангельска зерно для снабжения Норвегии — единственное исключение из действовавшего с 1806 г. запрета вывозить русский хлеб³.

В этих условиях землевладельцы, естественно, старались выращивать теперь больше продовольственных культур, в том числе картофеля. Многие крестьяне, занимавшиеся лесным промыслом, вернулись к хлебопашеству. Безработица в городах и на лесоразработках вызвала приток рабочей силы в сельское хозяйство, и, таким образом, бедствия страны способствовали еще большему обогащению зажиточного крестьянства.

Английская блокада и начавшаяся в 1808 г. война со Швецией серьезно затруднили сполнения Копенгагена с Норвегией. В условиях фактической обособленности Норвегии датское правительство вынуждено было пойти на создание уже 24 августа 1807 г. временной самостоятельной общенорвежской администрации — Правительственной комиссии (Regjeringskommission). Председателем комиссии был назначен родственник короля — принц Кристиан Август Аугустенбургский, членами стали три видных норвежца: стифтамтман (губернатор) Акерсхуса Гебхарт Мольтке, член губернского суда в Акерсхусе Эневольд Фальсен, амтман (окружной начальник) Маркус Розенкранц.

Вслед за Правительственной комиссией были созданы и некоторые другие общенорвежские учреждения, в частности верховные суды по уголовным и гражданским делам. Государственное снабжение хлебом пахотилось в ведении независимой от Правительственной комиссии комиссии по продовольствию (Provideringss-kommission), председателем которой стал норвежец — граф Герман Ведель-Ярлсберг.

Правительственная комиссия не была правительством в полном смысле слова. Вместе с тем ее полномочия были гораздо шире, чем полномочия обычных наместников. Комиссия, однако, вскоре оказалась между двух огней. С одной стороны, на нее нажимали «снизу» норвежцы, требовавшие быстрых и действенных решений, направленных на устранение возникающих трудностей. Эти требования включали предоставление Норвегии большей внутренней и внешней свободы. С другой стороны, двор и коллегия в Копенгагене были совершенно не склонны ограничивать свою власть в Норвегии, предоставлять Правительственной комиссии полную самостоятельность. Сложность положения комиссии объяснялась еще и тем, что ее члены — норвежцы, хоро-

Северной Норвегией (первое десятилетие XIX века). — Скандинавский сборник. Таллин, 1977, вып. 22, с. 45—54.

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. XXIX, с. 1325—1326. См. также: Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее — ВПР). Сер. первая. М., 1963, т. 4, док. 54.

шо зная чаяния и требования норвежской буржуазии, плоть от плоти которой они были, не решались, кроме Веделя, преступить границы лояльности по отношению к датской короле.

Зимой 1808 г. на Норвегию обрушилось новое испытание. Шведский король Густав IV Адольф во имя давних планов захвата Норвегии фактически бросил на произвол судьбы Финляндию и сосредоточил основные силы на норвежском фронте⁴. Временно шведы заняли территорию к востоку от р. Гломмы, но ценой больших усилий норвежцам удалось уже в конце апреля оттеснить шведов. У Товсеруда был разбит корпус графа Мёрнера, у Трангена полковник Гап был взят в плен со своим корпусом. Густав IV Адольф, плахируя высадку на датском острове Зеландия, не имел большие возможности наступать, и постепенно кампания приняла позиционный характер.

Военные успехи вызвали определенный национальный подъем в стране, гордость за армию, но одновременно выросли и антидатские настроения. Норвежцы считали, что копенгагенское правительство мало того, что вело политику, противоречившую экономическим интересам страны, в час военной опасности оставило Норвегию в одиночестве. Горожане Эстланна, особенно тесно связанные с Англией, не могли к тому же не видеть, что их шведские конкуренты продолжают пользоваться всеми выгодами торговли с Англией. Интересы метрополии явно вступили в противоречие с норвежскими. Выразителем последних стал граф Ведель-Ярлсберг, один из нескольких еще сохранившихся в Норвегии аристократов, англоман, конституционалист. 21 декабря 1808 г. Ведель был назначен членом Правительственной комиссии вместо умершего Эневольда Фальсена. Уже в феврале 1809 г. от имени Правительственной комиссии и принца Кристиана Августа королю было послано три записки, являющиеся составленными по инициативе Веделя.

Авторы записок настаивали на проведении особой норвежской внешней политики, объясняемой тяжелым положением страны. Они даже угрожали королю: если в течение двух месяцев Норвегия не получит эффективной помощи от Дании, то будет вынуждена заключить сепаратное перемирие с Англией и Швецией. Принц Кристиан Август уже с весны 1809 г. вошел в сношения со шведским подполковником Георгом Адлерснарре, одним из руководителей готовившегося свержения Густава IV Адольфа, и заключил с ним перемирие, позволившее заговорщикам спрятать войска с фронта и двинуть их к Стокгольму. Мартовский государственный переворот в Швеции, переросший в буржуазную революцию, изменил расстановку сил на Севере Европы, открыв для Швеции путь к примирению с Россией, Францией и Данией.

⁴ *Trulsson S. British and Swedish Policies and Strategies in the Baltic after the Peace of Tilsit in 1807. Lund, 1976.*

В это время в правящих кругах скандинавских стран вырисовывались три возможных варианта будущей политической структуры Севера: сохранение статус-кво; образование новой общескандинавской унии в составе Дании, Норвегии, Швеции; отпадение Норвегии от Дании и шведско-норвежская уния. Возможные изменения облегчались тем, что на шведский престол летом 1809 г. был избран престарелый бездетный герцог Карл Сюдерманландский (Сёдерманландский) под именем Карла XIII и предстояли выборы престолонаследника, важные по своим внешнеполитическим последствиям.

Душой «великоскандинавской» группировки был принц Кристиан Август. Его целью было объединение всех трех государств под скипетром датского короля Фредерика VI (бывшего кронпринца-регента), причем каждое из них должно было получить конституцию. В определенной степени этот замысел был предпочтительнее позднейшего скандинавизма. Однако в правящих кругах Швеции 800-х годов этот план поддержки не получил. Гораздо популярнее в Швеции была идея объединения с Норвегией. Для достижения этой цели следовало избрать престолонаследником правителя Норвегии Кристиана Августа либо помочь норвежским противникам унии с Данией захватить власть, обещая им выполнение их национальных требований.

Что касается самой Норвегии, то вся политически сознательная часть норвежского общества сходилась в своем нежелании возврата к довоенным порядкам⁵. Идея унии со Швецией нашла горячих сторонников преимущественно среди зажиточного бюргерства Эстланда, поскольку ее осуществление означало мир с Англией и отмену континентальной блокады. Лидером просведской группировки, естественно, стал граф Ведель. В других частях страны недовольство было слабее, здесь мечтали об изменении статуса страны без разрыва с Данией и при условии выполнения традиционной норвежской программы (банк, университет), а кроме того, образования самостоятельного норвежского военно-морского флота. Норвежцы добивались также отмены монополии Копенгагена на торговлю со странами Азии и Африки, замещения административных постов в Норвегии только уроженцами страны, расходования палоговых поступлений в пределах Норвегии.

Подъем антидатского движения в Норвегии пришелся на вторую половину 1809 г. В августе Ведель собрал богатейших людей страны для обсуждения создавшегося положения и сообщил им шведские предложения. Вопрос о разрыве с Данией обсуждался и на встрече, созванной видным промышленником Джоном Коллеттом в Кристиании, где участвовали даже Кристиан Август

⁵ *Wollchæk S.* 1808–1814. Norges uafhængighet eller landets selvstændighet. Fredrikshald, 1926.

и Фредерик Гессенский, командующий норвежской армией, двоюродный брат Фредерика VI. Правительственной комиссии была подана петиция за подписью 89 крупных экспортеров и заводчиков Эстланна. В ней прямо было высказано требование вести самостоятельную политику в интересах Норвегии.

Национальные требования норвежской буржуазии были обнародованы. Поздней осенью 1809 г. один из видных оппозиционеров, Якоб Оль, издал небольшую книжку «Патриотические идеи», где в осторожной форме изложил претензии Норвегии к Дании. Тогда же антидатская агитация началась и вне Эстланна. Представители девяти торговых домов Тронхейма выступили в печати с резкой критикой «датского правительства» за проводимую им торговую политику. Любопытно, что Правительственная комиссия осудила резкость формулировок, но отнюдь не их содержание. Однако антидатская пропаганда затрагивала сравнительно небольшой круг бюргерства. Среди крестьянства, которое неприязненно относилось к горожанам, она успехом не пользовалась, хотя национальные настроения стали захватывать и его. В популярной личности монарха, в свое время отменившего крепостное право в Дании, крестьяне по привычке видели защитника от произвола чиповников и горожан.

Апогеем национальной волны, поднявшейся в Норвегии в 1809 г., было создание в самом конце года Общества благоденствия Норвегии⁶. 29 декабря 1809 г. 28 богатых бюргеров Эстланна во главе с принцем Фредериком Гессенским призвали создать общество, которое «действовало бы на благо Норвегии в литературном и экономическом отношении». Основной задачей общества, как гласило обращение инициаторов, должна была стать пропаганда передовых методов в сельском хозяйстве. Однако под влиянием Веделя, горячо поддержавшего идею общества, обращение получило более патриотическую направленность, о Дании в нем не было ни слова. Формально общество не носило политического характера, но в Копенгагене понимали, что оно не похоже на обычные сельскохозяйственные общества, появившиеся в разных странах Европы в XVIII в. Общество осталось чуждо массе населения, объединило лишь оппозиционную богатую верхушку. Годовой взнос составлял значительную сумму, недоступную по тем временам для подавляющего большинства норвежцев, — 10 риксдалеров. Членами общества стали около 2 тыс. богачей.

Для правящих кругов Копенгагена серьезность положения по ту сторону Скагеррака не была тайной, и датское правительство поспешило принять меры, чтобы избежать возможной потери Норвегии. Уже в апреле 1809 г. вместо внезапно выведенного из Правительственной комиссии Гебхарта Мольтке, посланного

⁶ *Oeverland O. A. Selskabet for Norges Vel. Kristiania, 1909; Hasund S. Det Kongelige Selskab for Norges vel. Gjøvik, 1941.*

стифтамтманом на датский остров Фюн, его преемником, а также стифтамтманом в Акерхусе был назначен один из высших чиновников королевства Фредерик Кос, ярый сторонник сохранения датско-норвежского единства.

Кос последовательно проводил в жизнь эту линию, быстро отеснив от дел коллег по Правительственной комиссии. На принца Кристиана Августа Кос и сам король оказали давление, чтобы побудить его к активным военным действиям против Швеции. Цель была ясна — скомпromетировать Кристиана Августа перед шведами. В августе 1809 г. принцу был дан формальный приказ разорвать перемирие, немедленно вторгнуться в Швецию и захватить Гетеборг, но к этому времени шведский риксдаг успел избрать его престолонаследником. Незадолго до того, 24 июля, состоялось драматическое заседание Правительственной комиссии — положение осложнилось еще и тем, что англичане прервали морское сообщение с Архангельском и подвоз русского зерна. Вопреки настояниям Коса комиссия признала вторжение в Швецию невозможным и решительно высказалась в пользу перемирия со Швецией и Англией и освобождения торговли от уз континентальной блокады. Комиссия с тревогой отметила, что, если эти меры не будут приняты, стране грозит восстание. В свою очередь готовый на уступки Кристиан Август заявил, что примет шведское престолонаследие только с одобрения Фредерика VI и после заключения мира⁷. Кос лично отправился в Копенгаген, где получил согласие короля на основные предложения комиссии.

Для того чтобы задобрить крестьянство, датский двор даже пошел на снижение налогов, несмотря на вызванные войной расходы. Положения континентальной блокады стали применяться в Норвегии с меньшей строгостью, и вывоз леса за год утроился. Вновь заработали лесопилы и горные заводы. Вырос и ввоз из Англии: именно в это время колониальные товары стали предметом широкого потребления.

Новый кратковременный бум, вызванный ослаблением континентальной блокады, принес наибольшие прибыли судовладельцам, поскольку объем торгового флота в 1807—1809 гг. уменьшился из-за каперства и конфискации судов в английских портах. Хозяйственную жизнь Норвегии охватила лихорадка. Возникли и лопались огромные состояния. Непрерывно обесценивались бумажные деньги-ассигнаты, состоятельные люди стали вкладывать их в недвижимость. Особенно больно финансовая лихорадка ударила по тем, кто раньше купил землю, пользовавшуюся правом удела, т. е. возможного принудительного выкупа прежним владельцем — удельсьменом. В свое время такой хутор мог быть куплен, к примеру, за тысячу риксдалеров, а теперь он в принудительном порядке выкупался за ту же тысячу бумаж-

⁷ Carlsson S. Svensk historia. Stockholm, 1970, D. 2, s. 254.

ных риксдалеров, равноценных 150 старым (серебряным) риксдалерам.

Несмотря на инфляцию и банкротства, сельское хозяйство процветало, зажиточные крестьяне богатели. Оживившийся товарооборот способствовал росту таможенных доходов, которые из-за падения стоимости ассигнаций стали взиматься с 1811 г. только в серебре. Кристиансбургская таможня на юге страны дала казне в 1808 г. всего 52 200 риксдалеров, а в 1812 г. — уже 468 тыс., в Бергене рост был еще более разительным — с 28 тыс. до 551 тыс. В целом условия жизни после 1809 г. улучшились, что несколько приглушило антидадские настроения. Мероприятия королевского правительства нанесли удар по планам Вегеля и его сторонников.

Тем временем Швеция заключила с Россией и Францией мир, уступив России Финляндию и присоединившись к континентальной блокаде. 10 декабря 1809 г. в Йёнчепинге на основе принципа статус-кво был заключен мирный договор между Данией-Норвегией и Швецией. В январе 1810 г. Кристиан Август смог покинуть Норвегию, став шведским последним принцем под именем Карла Августа. Нового наместника пока король не назначил, принц Фредерик Гессенский стал лишь вице-наместником. Новый шведский кронпринц продолжал оставаться сторонником объединения трех северных стран, но осуществить это у него не было ни способностей, ни времени. В мае 1810 г. он внезапно умер.

Шведам вновь понадобился престолонаследник. Первоначально в шведских правящих кругах обсуждались кандидатуры датского наследного принца Кристиана Фредерика и даже самого короля Фредерика VI, однако, как известно, избран был в конечном счете наполеоновский маршал Ж. Б. Бернадот, принявший имя Карла Юхана⁸. Он сразу же фактически стал главой государства и с самого начала сумел завязать хорошие отношения с победителем Швеции — Александром I, дал ему ясно понять, что не собирается бороться за Финляндию и вместо нее хотел бы получить Норвегию. Образование сильного полуостровного скандинавского государства, неуязвимого с суши, как нельзя лучше вписывалось в выдвинутую в XVIII в. доктрину «естественных границ», приверженцем которой был Бернадот. Поэтому он быстро воспринял захватническую «густавианскую» традицию в отношении Норвегии и поставил своей главной внешнеполитической целью овладение ею.

Шведское окружение Бернадота по-разному представляло себе присоединение Норвегии. Группировка во главе с министром иностранных дел Ларсом фон Энгестрёмом была настроена откровенно экспансионистски и стремилась завоевать Норвегию военным путем. Шведско-норвежскую унию они мыслили себе как

⁸ См.: *Рогинский В. В.* Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978, с. 56 и след.

копию датско-норвежской, т. е. как шведское господство над Норвегией. Более либерально настроенная группировка во главе с деятелями революции 1809 г. Г. Адлерсварре и Б. фон Платеном делала ставку на антидатское движение в Норвегии и считала, что будущая уния должна стать объединением двух равноправных королевств — Швеции и Норвегии со своими конституциями и внутренней самостоятельностью⁹.

Кронпринц Карл Юхан, не отказываясь от идеи военного завоевания, старался приобрести доверие антидатских кругов Норвегии, обещая им конституцию и внутреннюю автономию. Под руководством Адлерсварре, ставшего теперь губернатором в Западной Швеции, развернулась разведывательная и агитационно-пропагандистская деятельность шведов в приграничных районах Норвегии.

События на европейском континенте — обострение русско-французских отношений к 1812 г. и стремление Швеции воспользоваться предстоящим конфликтом в своих интересах — втянули норвежский вопрос в политику великих держав. В силу условий союзного договора Швеции с Россией (24 марта (5 апреля) 1812 г.) первой гарантировалось присоединение Норвегии. Россия и Швеция занялись подготовкой экспедиции против Дании — верной союзницы Наполеона, и лишь недостаток средств и отказ Великобритании помочь материально привели к ее срыву. В тяжелые месяцы Отечественной войны 1812 г. совместная экспедиция вновь была отложена, а на самостоятельное вторжение в Норвегию Карл Юхан не решался, пока не определился исход русской кампании Наполеона и не было согласия Англии на присоединение Норвегии к Швеции¹⁰.

Поражение Наполеона в России изменило положение в Европе. Швеция поспешила разорвать дипломатические отношения с Францией и удвоила усилия с целью заставить Данию без войны уступить Норвегию. Правительство России поддержало демарш Швеции в Копенгагене, русская дипломатия содействовала заключению англо-шведского союзного договора от 3 марта 1813 г., по которому и Англия согласилась на переход Норвегии к Швеции. В апреле 1813 г. на это согласилась и Пруссия, заключившая со Швецией союзный договор. Вместе с тем русская дипломатия стремилась предотвратить вооруженный конфликт между скандинавскими государствами и привлечь Данию — в недавнем прошлом векового союзника России — на сторону антинаполеоновской коалиции. Александр I считал, что норвежский вопрос должен быть решен в пользу Швеции, но мирным путем и при условии «полной компенсации» Дании. Если бы это оказалось

⁹ *Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande.* Lund, 1957.

¹⁰ *Рогинский В. В. Указ. соч.*

невозможным, то окончательное решение вопроса царь желал отложить до прекращения войны¹¹.

В мае 1813 г., после высадки шведских войск в Померании, русской дипломатии пришлось оказать давление на Карла Юхана, чтобы убедить его не выступать против Дании, а присоединиться к борьбе с Наполеоном. Однако Вернадот и союзники не добились уступок от Копенгагена. В июле 1813 г. были заключены новый франко-датский договор и военная конвенция, и вскоре после этого были разорваны отношения между Данией и Россией. Фредерик VI слепно верил в полководческий гений Наполеона и рассчитывал, что в предстоящей кампании союзники потерпят поражение и норвежский вопрос будет снят с повестки дня.

После Лейпцигского сражения (16—19 октября 1813 г.) Карл Юхан повел возглавляемую им Северную армию союзников к датским границам. После незначительных столкновений датчане отступили, согласившись начать мирные переговоры со шведами.

Переговоры в голштейнском городе Киле решили, казалось бы, судьбу Норвегии. 14 января 1814 г. свершилось подписание исторического Кильского трактата, по которому датский король отказывался от прав на Норвегию в пользу короля Швеции, но сохранял за собой древние норвежские владения — Исландию, Гренландию и Фарерские острова. Текст договора был предварительно одобрен Россией¹².

* * *

С 1810 г., как мы видели, внутреннее и внешнее положение Норвегии несколько разрядилось. Революционная ситуация в стране смягчилась, но не исчезла. Экономическое положение Норвегии стало немного лучше благодаря ослаблению английской блокады. Восстановилась связь с Данией. Копенгаген вернулся к проводившейся ранее политике единого государства. Была ликвидирована относительная автономия страны: в 1810 г. временная Правительственная комиссия была распущена, через некоторое время упразднили и комиссию по продовольствию. В то же время датское правительство афишировало свою готовность пойти на уступки норвежской буржуазии в частных вопросах.

Еще в 1809 г. в прессе стал обсуждаться университетский вопрос¹³. Граф Ведель и два богатейших предпринимателя Эстлан-

¹¹ ВПР, М., 1970, т. 7, док. 8, 9, 37, 48, 58, 71, 83, 88, 102, прим. 143; *Monérén F. W. Kring 1812 års politik*. Stockholm, 1927.

¹² *Angeberg. Le congrès de Vienne*. Paris, 1864, v. 1, p. 90—100. О предшествующих переговорах см.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1906, т. 121, с. 225—234; ВПР, т. 7, док. 204, 207, 210, 212, 213, прим. 279, 280, 281; *Norregård G. Freden i Kiel*. København, 1954; *Weibull J. Op. cit.*

¹³ *Aktstykker vedkommende Universitetets Oprettelse 1793—1813* / Utg. Y. Nielsen.— In: *Historiske Samlinger*. Kristiania, 1914, Bd. 3, s. 307—445.

на Педер Анкер и Юханнес Трапе пожертвовали по тысяче риксдалеров на премию для того, кто напишет лучший труд, обосновывающий необходимость создания норвежского университета. Премию получила в феврале 1810 г. диссертация чиновника из Кристиансанда Николая Вергелаша «Мнемозина», где речь шла не только о проблеме университета, но и утверждалась идея самобытности и независимости норвежского государства. Фактически «Мнемозина» стала одним из наиболее ярких программных документов норвежского национального движения. Организацию университета взяло в свои руки Общество благоденствия Норвегии. С большим энтузиазмом по всей стране в течение двух лет проходил сбор средств на университет. Фредерик VI, осведомленный о размахе движения, считал за благо уступить, надеясь умиротворить норвежскую буржуазию. 2 сентября 1811 г. он подписал указ о создании университета Норвегии, который получил его имя — Королевский университет имени Фредерика¹⁴. Так, незадолго до буржуазной революции было осуществлено давнее чаяние буржуазно-чиновничьей верхушки страны.

Однако передышка оказалась недолгой. Уже в 1812 г. норвежский вопрос вновь стал на повестку дня. Внешняя политика, проводимая Копенгагеном, медленно, но неуклонно вела страну в тушик. Экономическое положение вновь ухудшилось. Финансы королевства оказались расстроеными до такой степени, что 5 января 1813 г. правительство было вынуждено провести девальвацию, равнозначную признанию государственного банкротства. С 1807 по 1813 г. стоимость бумажных денег относительно серебра упала в 12 раз.

В 1813 г., как уже было показано, опасения Копенгагена за судьбу Норвегии вновь получили реальные основания и Фредерик VI решил послать в Кристианию наместником датского наследного принца Кристиана Фредерика, своего племянника, молодого, но уже искушенного в политике человека, обладавшего к тому же хорошими связями среди норвежских богатеев. По официальным инструкциям, Кристиан Фредерик получал большую самостоятельную власть в случае, если связи с Копенгагеном прервутся, и право создать новую правительственную комиссию. Новый наместник всячески старался выбить почву из-под антидатских настроений. Вместе с ближайшими советниками — крупным предпринимателем Карстеном Анкером и стифтамтманом Треннелага Тюгесоном — принц наметил программу либеральных реформ, включая создание автономного правительства страны. Наместник предпринял агитационную поездку по Норвегии, встречался с представителями различных слоев. 15 декабря 1813 г. в Кристиании было создано собрание из 72 богатейших норвежцев,

¹⁴ Лишь в 1930 г. университет был переименован и стал называться «Университет Осло».

частично избранных горожанами. Непосредственной задачей собрания было обсуждение вопроса о создании норвежского банка. Хотя припятый проект был отложен, значение самой встречи было очень велико, поскольку она во многом предвосхитила события 1814 г. В центре внимания собравшихся был экономический и политический кризис, охвативший Датско-норвежское королевство. Высказывались уже откровенно мятежные призывы провозгласить независимость и выбрать принца Кристиана Фредерика королем Норвегии.

Кристиан Фредерик

Зимой 1813/14 г. страна жила в преддверии революционных событий. Резко обострившаяся пужда предвещала и классовые столкновения. Столичный пастор Клаус Савельс со страхом отмечал в своем дневнике, что накануне нового 1814 г. на улицах Кристиании появились листовки с угрозами в адрес богатей. Первые недели года прошли в напряженном ожидании известий из Килля, в пересказах тревожных слухов. 24 января в норвежскую столицу прибыл официальный курьер с известием о подписании мирного договора. Кристиану Фредерику датский король повелел оставить Норвегию и возвратиться в Данию. Весть о передаче Норвегии под власть шведской короны была с негодованием и возмущением принята всеми слоями народа и самим пameстником. Первоначально принц намеревался в ведомо своего дяди — короля Дании — и в силу права наследования провозгласить себя королем Норвегии при сохранении неизменной формы правления — наследственной и абсолютной монархии. Впоследствии Кристиан Фредерик и король Дании рассчитывали восстановить единое Датско-норвежское государство (Кристиан Фредерик действительно был королем Дании под именем Кристиана VIII в 1839—1848 гг.).

Стремясь прозондировать почву, принц предпринял поездку из Кристиании в Тронхейм и вернулся другой дорогой¹⁵. Повсюду он встречал восторженную поддержку своих краспоречивых призывов к отпору шведским захватчикам, но не своих притязаний

¹⁵ *Linvald A. Christian Frederik og Norge 1814. De store beslutninger mellem Kielfreden og Eidsvoldmødet januar-februar. København, 1962.*

на самодержавную власть в Норвегии. Норвежская буржуазия отнюдь не собиралась оставаться политически столь же бесправной, как во времена унии с Данией. Идея пародного суверенитета, выдвинутая французским Просвещением и Великой французской революцией, т. е. политической власти буржуазии, глубоко укоренилась в умах норвежских буржуа и чиновников. В Норвегии началась революция¹⁶.

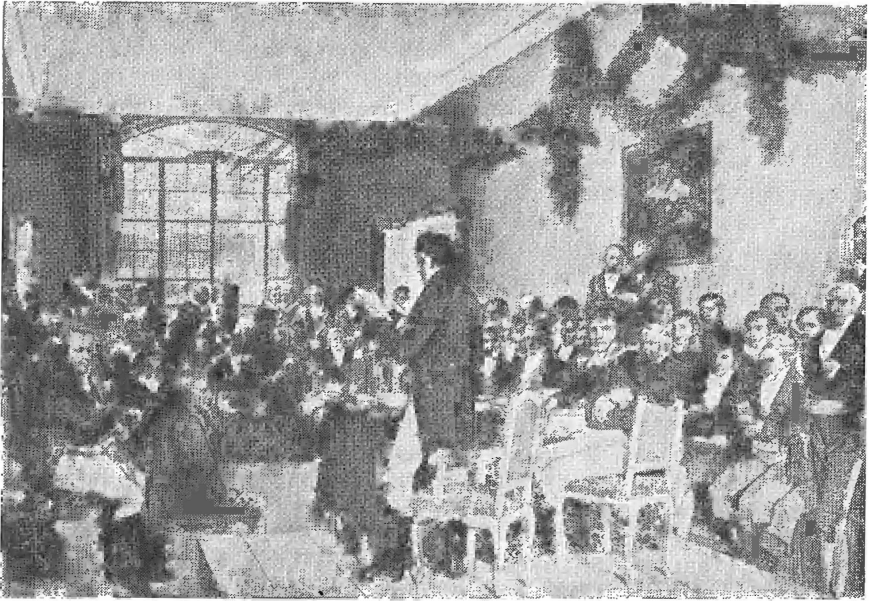
По пути в столицу принц созвал 16 февраля в Эйдсволле так называемое «собрание notableй» (notabelmøte) из 21 человека — видных предпринимателей (6), высших чиновников (8) и офицеров (7), живших в юго-восточной части страны; 8 человек из 21 были уроженцами Дании. В соответствии с итогами совещания принц 19 февраля обратился к народу с призывом поддержать требование государственной самостоятельности Норвегии, принести ему присягу верности как правителю (regent) страны и прислать выборных на государственное, или учредительное, собрание (Rigsforsamling) для принятия конституции и избрания главы государства¹⁷. Кристиан Фредерик таким образом признал и принял принцип пародного суверенитета.

2 марта было сформировано первое за триста лет норвежское правительство — Правительственный совет (Regjeringsraadet), переименованный уже после принятия конституции страны, 19 мая, в Государственный совет (Statsraadet). В его состав вошли семь человек, в том числе главы вновь созданных пяти департаментов-министерств: финансов — генерал-майор Ф. Г. Хакстхаузен, возглавлявший также военное ведомство (General — og Kommisariat kollegiet), внутренних дел — амтман Юнас Коллетт, торговли — купец Нильс Оль, экономики — предприниматель Карстен Анкер (близкий друг принца, в чьем эйдсволлском имении и состоялось февральское совещание), юстиции — амтман М. У. Соммербельм. В правительство вошли также заместитель Хакстхаузена Карстен Танк и директор норвежского отделения датского Государственного банка Маркус Розенкранц, брат датского министра иностранных дел. Был создан и комитет из трех членов (не вошли в Правительственный совет) — епископ Ю. Бек, профессора Н. Тресков и Г. Свердруп — для руководства народным образованием и церковными делами. За собой принц сохранял иностранные дела. Новый флаг самостоятельной Норвегии выражал чаяния правителя: датский белый крест на красном поле, с норвежским львом у древка.

Первый акт буржуазной национально-освободительной революции совершился. Внешнеполитическая ситуация ей благопри-

¹⁶ *Bergsgård A. Året 1814. Oslo, 1943—1945. Bd. 1—2; Koht H. 1814. Norsk dagbok. Hundre aar efterpaa. Kristiania, 1914; Nissen B. A. Året 1814. Oslo, 1964; Omkring 1814. Oslo, 1967.*

¹⁷ *Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Christiania i Aaret 1814/Utg. Y. Nielsen. Christiania, 1897, R 2, s. 11—13.*

Заседание Государственного собрания в Эйдсволле, 1814 г.

ятствовала: внимание всей Европы было приковано к Франции, где происходили решающие бои между союзниками и Наполеоном.

25 февраля 1814 г. в городских и сельских церквях собрания прихожан приносили присягу, что будут защищать самостоятельность Норвегии и «готовы отдать свою жизнь и кровь для любимой родины». Одновременно начались выборы в Государственное собрание. В каждой сельской общине (округе) имевшие ценз оседлости чиновники, крестьяне-бонды (собственники и арендаторы земли), купцы и фабриканты-предприниматели в возрасте старше 25 лет избирали по два выборщика, причем один обязательно должен был быть бондом. Затем в каждом амте собрание выборщиков избирало трех депутатов, среди них — одного бонда. Кроме того, от Бергена было избрано четыре депутата; от Кристиании, Кристиансандна и Тронхейма — по два; от остальных торговых городов — по одному. Наконец, своих представителей направили в собрание армия и флот, причем не только офицеров, но и простых солдат и матросов. Всего в Государственное собрание было избрано 112 человек, сравнительно молодых, в среднем 40—43 лет; 54 — от сельской местности, 26 — от городов, 28 — от армии, 4 — от флота. По своей социальной принадлежности больше половины депутатов — 59 человек — были чинов-

никами (включая пасторов и учителей), 16 — купцами и промышленниками, 37 — крестьянами. Таким образом, преобладающее влияние в Государственном собрании имели чиновники, тесно связанные с торгово-промышленной буржуазией, но занимавшие относительно самостоятельную позицию.

В Государственном собрании не были представлены широкие народные массы — жители городов, не имевшие прав бюргеров, т. е. рабочие, слуги, матросы торгового флота. В сельской местности многочисленные хусмены и другие категории сельского полупролетариата и пролетариата также не получили доступа в собрание. Государственное собрание имело отчетливо выраженный классовый характер, и именно поэтому даже не обсуждало принципиальных вопросов об изменении социальных условий.

Государственное собрание открылось 10 апреля 1814 г. в поместье Карстена Анкера — Эйдсволл, куда съехались делегаты со всей страны, кроме отдаленных Тромса и Нурланна. Хотя основная задача собрания заключалась в разработке и принятии конституции страны, вопросом не меньшей важности в глазах депутатов и всей норвежской общественности было будущее положение страны — ее государственно-правовой статус. Собрание сразу же раскололось на две неравные партии. Большинство выступало за немедленное установление независимого государства — «партия самостоятельности». За ее спиной стоял датский наместник — принц Кристиан Фредерик¹⁸. Она включала представителей чиновничества и крестьянства. Ее вожаками стали сельский судья Кристиан Магнус Фальсен, сын члена Правительственной комиссии Эпевольда Фальсена¹⁹, профессор философии Георг Свердруп, сельские судьи К. Дирикс и В. Кристи. Представители крупнейшего города страны, Бергена, примкнули к «партии самостоятельности». Меньшинство, около 30 человек, стояли за унию со Швецией при условии полного равенства сторон. Во главе «партии унии» стал, естественно, граф Ведель-Ярлсберг. В нее вошли видные оппозиционеры — богатый предприниматель Педер Анкер, первый председатель Государственного собрания и зять Ведель-Ярлсберга, железнодорожник Якоб Оль, пастор Николай Вергеланн. Партию поддерживали купцы и предприниматели Эстланна, для которых, впрочем, вопрос о правовом статусе страны был менее важен, чем восстановление торговых отношений с Англией. Вопрос решился голосованием 19 апреля, и «партия самостоятельности» одержала верх большинством в один голос²⁰.

Уже в первые дни работы Эйдсволлского собрания был создан конституционный комитет во главе с К. М. Фальсеном. Наиболее

¹⁸ *Seip J. A. Utsikt over Norges historie*. Oslo, 1974, Bd. 1, S. 18, 21.

¹⁹ *Østvedt E. Christian Magnus Falsen. Linjen i hans politikk*. Oslo, 1945.

²⁰ *Bergsgård A. Norsk historie 1814—1880*. Oslo, 1964, s. 22—23.

активными членами комитета были Ведель и Н. Вергелани, представивший собственный проект конституции, профессор Г. Свердруп, внесший много исправлений и дополнений, К. Дирикс, знаток конституционных актов Европы и Северной Америки, морской капитан П. Моцфельдт, глубоко осведомленный в государственном праве Великобритании.

16 апреля Государственное собрание без серьезных разногласий приняло основные положения будущей конституции Норвегии — страна становилась свободным, независимым и неделимым королевством. Народ через своих представителей осуществлял законодательную власть и право налогообложения, король — исполнительную власть. Судебная власть отделялась от законодательной и исполнительной и вверялась особым, независимым судам. В Норвежском королевстве устанавливался принцип свободы печати и религии, запрещалось в будущем предоставлять новые наследственные привилегии. Таким образом, в основу норвежской конституции закладывались не только разработанные видным французским просветителем Монтескье и швейцарским юристом XVIII в. Де Лоллом умеренно-либеральные принципы разделения властей, но и демократический принцип Руссо — суверенитет народа.

На основе этих принципов конституционный комитет приступил к срочной разработке основного закона. Были использованы основные законы других государств: конституция США 1787 г., французская конституция 1791 г., шведская — 1809 г., испанская — 1812 г. Комитет использовал и средневековое норвежское законодательство, чтобы теснее привязать новый основной закон к национальной традиции. Конституция стала синтезом передового конституционного опыта буржуазных стран Европы и США и отечественного законодательства. Поэтому было бы неверно говорить об ее подражательном характере²¹.

В конституционный комитет был передан целый ряд проектов, составленных депутатами Государственного собрания. Наи-

²¹ *Seip J. A. Op. cit., p. 39—41; Lagerroth F. Sverige och Eidsvollsförfattningen. Lund, 1973.*

Кристиан Магнус Фальсен.
Картина К. Фогта. Масло

более основательным и радикальным был проект, подготовленный Фальсеном и его другом, уроженцем Дании, лектором университета Ю. Г. Адлером в 250 параграфах, который и был положен в основу будущей конституции. Однако этот проект подвергся основательной переработке в духе приближения его к стилю старых норвежских законов и стал более умеренным. Так, были вычеркнуты содержащиеся в нем положения о праве собственности и остальных «естественных и неотъемлемых» правах человека, заимствованные из конституций других стран, прежде всего из французской «Декларации прав человека».

2 мая комитет предложил окончательный проект на обсуждение собрания. Многодневные споры разгорались вокруг устройства парламента страны, получившего древненорвежское название «стортинг». Фальсен в своем проекте предложил двухпалатный стортинг, состоящий из высшей палаты — одельстинга, избиравшейся всеми имевшими право голоса гражданами, и высшей палаты — лагтинга, куда допускались лишь богачи. Обе палаты наделялись правом взаимного вето, что фактически отдавало власть в руки богатой верхушки норвежского общества. Конституционный комитет не согласился со столь значительным ограничением влияния чиновников и бондов. Предложение Фальсена — Адлера подверглось сильным изменениям, одельстинг и лагтинг оказались подразделенными единого стортинга. Если в этом вопросе собрание оказалось радикальнее комитета, то в отношении вопроса об избирательных правах оно проявило резко выраженный классовый консерватизм. В проекте комитета указывались лишь две категории людей, не имевших избирательных прав, — рабочие и слуги. Собрание еще более сузило круг избирателей.

12—16 мая проект конституции находился на окончательной доработке в редакционном комитете, в состав которого входили активные деятели «партии самостоятельности»: К. Дирикс, Г. Свердруп и сельский судья Л. Вейдеман. Исходя из обсуждения в собрании, комитет внес ряд изменений, носивших явно консервативный характер. В частности, оказалось выброшенным положение о свободе религии, а также внесены ограничения в раздел о свободе печати. 16 мая конституция в окончательном виде была одобрена Государственным собранием, а на следующий день, 17 мая, состоялась торжественная церемония подписания ее всеми депутатами²². С того дня и по настоящее время Эйдсволлская конституция остается, естественно с серьезными изменениями, основным законом Норвегии²³. В тот же день, 17 мая, популярный в Норвегии принц Кристиан Фредерик был избран

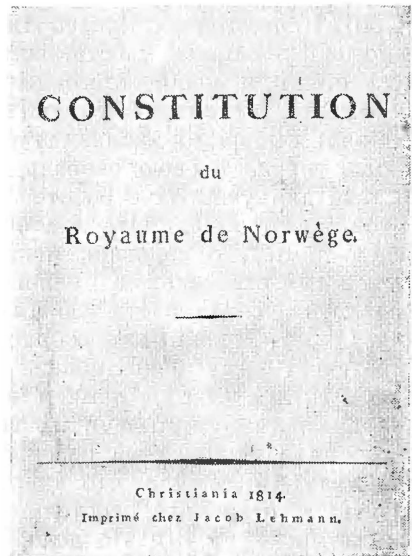
²² Grunnloven vår med andre dokumenter av nasjonal viktighet. Oslo, 1953, s. 61—71; Constitution du Royaume de Norvège. Christiania, 1814.

²³ См.: Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. с. 713—738 (в редакции 1954 г.).

королем Норвегии. 17 мая отмечается как День независимости страны.

Согласно конституции королевство Норвегия провозглашалось «свободным, независимым и неделимым государством», имеющим «монархическую, ограниченную и наследственную» форму правления (§ 1). Господствующей религией провозглашалось лютеранство, запрещалось пребывание в стране иезуитов, монахов и евреев (§ 2). Исполнительная власть вручалась королю, обладавшему широкими полномочиями. Король мог «принимать и отменять указы касательно торговли, палогов, ремесел, промышленности и полиции, лишь бы они не противоречили конституции и законам, принятым стортингом» (§ 17). Король являлся главнокомандующим сухопутными и морскими силами королевства (§ 25), он имел право «собирать войска, начинать войну, заключать мир, устанавливать и разрывать союзы и припимать послов» (§ 26). Король был также главой церкви (§ 16). Он сам назначал Государственный совет — правительство страны из граждан Норвегии, которым исполнилось 30 лет. Совет должен был состоять по меньшей мере из пяти человек, обязательно по членов стортинга. Внутри правительства портфели распределялись также королем (§ 28). Член правительства — государственный советник — одновременно являлся главой соответствующего департамента — министерства, работой которого он руководил, и в его обязанности входило непременно присутствовать на заседаниях Государственного совета, где обсуждались дела, связанные с областью его деятельности (§ 30). Все указы короля и официальные письма контрассигновывались тем лицом, которое в силу своей должности занималось соответствующими делами (§ 35).

Избирательным правом в стортинг обладали те достигшие 25 лет и проживавшие в стране в течение пяти лет норвежские граждане, которые являлись в прошлом или настоящим чиновниками или владели землей или арендовали землю в течение пяти лет в сельской местности. В городах право голоса получали бюргеры и те из жителей, кто имел в городе или в порту дом или участок земли стоимостью не меньше 500 риксдалеров серебром

Титульный лист издания конституции 17 мая 1814 г.

(§ 50). Иначе говоря, к выборам допускались и мелкие крестьяне-налогоплательщики, собственники и арендаторы, и городские ремесленники, и мелкие торговцы ²⁴.

Выборы в стортинг осуществлялись косвенным путем. В городах один выборщик избирался от 50 избирателей. Собрание выборщиков города в свою очередь выбирало четвертую часть своего состава для участия в работе стортинга. Выборщики мелких городов могли объединяться в общие собрания от нескольких городов (§ 57). В сельской местности один выборщик выбирался от каждого ста человек, имеющих право голоса, и в стортинг посылалась десятая часть собрания выборщиков от каждой губернии (§ 58). Право быть избранным распространялось на тех избирателей, кому исполнилось 30 лет и кто жил в стране не менее 10 лет (§ 61), причем избранными не могли быть члены правительства, занятые в их ведомствах чиновники, офицеры и лица, находившиеся на содержании королевского двора (§ 62). Конституция гласила, что «народ осуществляет законодательную власть в стортинге, состоящем из двух палат — лагтинга и одельстинга» (§ 49). На деле, однако, стортинг большей частью заседал (и заседает до сих пор) как одна палата и разделялся надвое лишь при принятии законов (см. ниже). При этом четверть своих депутатов стортинг избирал в лагтинг, а остальные три четверти оставались членами одельстинга (§ 74). Стортинг собирался раз в три года, причем король не мог распустить его сессию досрочно, ранее чем через три месяца после открытия. Стортинг получал право принимать и отменять законы, устанавливать налоги, делать займы от имени государства, контролировать финансы государства, выделять средства на оборону страны, утверждать цивильный лист королевской семье, знакомиться с делами Государственного совета, его постановлениями, кроме тех, которые касались военных дел, знакомиться с договорами, заключаемыми королем с иностранными государствами, за исключением секретных, приглашать для отчета любое лицо, связанное с делами государства, за исключением короля и его семьи, проверять списки назначений, выбирать пять ревизоров для проверки финансовых счетов государства, предоставлять норвежское подданство иностранцам (§ 75).

Конституция устанавливала следующий порядок принятия законов. Предварительно проект закона вносился членом собрания или членом правительства в одельстинг. В случае его принятия одельстингом проект передавался лагтингу. Если законопроект отвергался лагтингом, то он отсылался с обоснованиями в одельстинг на новое рассмотрение. В случае повторного отклонения проекта законопроект передавался на обсуждение общего

²⁴ *Scip J. A. Op. cit., s. 42.*

собрания стортинга, где он мог быть принят двумя третями голосов (§ 76). Принятый закон направлялся на подпись королю, и если король не подписывал его, то принятие откладывалось до следующего стортинга. В случае принятия законопроекта третьим по счету стортингом он становился законом без одобрения короля (§ 77).

Государственные должности в Норвегии могли занимать лишь норвежские граждане, исповедующие лютеранскую религию, принесшие присягу на верность конституции, говорящие на языке страны и, кроме того, отвечающие целому ряду ограничительных условий. В виде исключения иностранцам разрешалось занимать преподавательские должности в университете и гимназиях, должности врачей, норвежских консулов за границей (§ 93). Вводились нормы буржуазного правосудия: «Никто не может быть осужден иначе, как по закону, наказан иначе, как по суду. Допрос с применением пытки никогда не может иметь место» (§ 96). Аресты могли проводиться только согласно закону (§ 99). Относительно печати конституция гласила: «Печать должна быть свободна». Затем, однако, говорилось о судебном преследовании за открытое и сознательное печатное выражение «пешовиновения законам, презрения к религии, к нравственности или к конституционным властям и сопротивление их приказаниям» или «за ложные и лживые обвинения» против кого-либо. Но «каждому дозволено свободно высказываться по поводу государственного управления и по всякому иному вопросу» (§ 100). Впредь запрещалось вводить новые ограничения в свободе торговли и промышленности (§ 101). Пережившее себя право единонаследия и выкупа земельной собственности родственниками владельца (*odelsrett, åttesrett*)²⁵ сохранялось, хотя специально оговаривалось, что ближайшие стортинги должны определить дальнейшие условия их существования (§ 107). Специальный параграф оговаривал запрет учреждать новые графства, баронаты, феодальные вотчины — фиденкомиссы (§ 108). Вводилась обязанность для всех граждан страны защищать родину «без различия происхождения или имущественного состояния» (§ 109).

Принятие конституции 17 мая было не только апогеем революции в Норвегии, но и исключительным событием во всей Европе, на которую уже опускались сумерки Реставрации. В 1857 г. в статье «Бернарот» Карл Маркс отмечал: «Представители нации, собравшиеся в Эйдсволле 17 мая 1814 г., приняли действующую по сей день и самую демократическую в современной Европе конституцию»²⁶. Того же мнения держался и Ф. Энгельс, как видно из его письма к П. Эрнсту от 1890 г.: «...когда во всей Европе победа над Наполеоном оказалась победой реакции над

²⁵ См. гл. VII.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 169.

революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, внушала еще такой страх, что восстановленная легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию,— в это время Норвегии удалось ввести у себя гораздо более демократическую конституцию, чем все существовавшие тогда в Европе»²⁷.

Государственное собрание рассматривало также тяжелое финансовое положение, в котором находилась Норвегия. Избранный с этой целью финансовый комитет предложил, чтобы собрание уполномочило правительство выпустить на 14 млн. риксдалеров бумажных денег — ассигнаций — для покрытия расходов государства до созыва первого стортинга. Кроме того, собрание гарантировало всю массу ассигнаций, находившихся в обращении, по курсу один далер ассигнациями за 35 шилл. серебром. Однако финансовые трудности не могли быть преодолены при помощи печатных станков: остро не хватало звонкой монеты.

Работа Государственного собрания проходила в необычно благоприятной международной обстановке, поскольку в первые месяцы 1814 г. великие державы и Карл Юхан были по-прежнему заняты борьбой с Наполеоном. Принц Кристиан Фредерик прекрасно понимал необходимость скорейшего международного признания самостоятельной Норвегии. Однако его февральское обращение к главам великих союзных держав и к Наполеону с просьбой признать новое государство, естественно, осталось без ответа²⁸.

Норвежцы начали также неофициальные переговоры со Швецией и Данией, предлагая признать независимость Норвегии. Однако главную надежду Кристиан Фредерик и норвежское руководство возлагали на Великобританию, особенно на ее торговые круги, связанные с Норвегией. Принц отправил в Лондон добиваться признания и поддержки члена Правительственного совета Карстена Анкера. Но еще до его приезда британский министр иностранных дел Каслри заявил Карлу Юхану, что его правительство не отступится от принятых перед Швецией обязательств. Анкер развил тем не менее бурную деятельность, стремясь расположить в пользу Норвегии британское общественное мнение. В этом он преуспел: английские газеты сочувственно писали о норвежцах, оправдывали их действия, в нижней и верхней палате парламента раздавались речи с призывом признать Норвегию²⁹. Все же большинство британского парламента под-

²⁷ Там же, т. 37, с. 351.

²⁸ Кристиан Фредерик — Александру I, 22 февраля 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1814, д. 6370, л. 1 и об. Письма Кристиана Фредерика министру иностранных дел Великобритании Каслри, Фридриху-Вильгельму III, прусскому королю, императору Австрии Францу I и Наполеону опубликованы: *Nielsen Y. Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission...*, R. 2, s. 14—16.

²⁹ СМ.: *Réflexions sur l'état actuel de la Norvège*. Londres, 1814.

держало политику правительства. Избегая официальных переговоров с Анкером как представителем «мятежников», официальный Лондон дал понять, что готов содействовать заключению такого компромиссного соглашения со Швецией, которое обеспечило бы Норвегии широкую автономию в рамках шведско-норвежской унии.

Вступление союзных армий в Париж, отречение Наполеона, Реставрация во Франции развязали руки союзникам и Карлу Юхану в отношении Норвегии. Первоначально главы союзных стран и Швеции видели в норвежских событиях лишь козни Фредерика VI, стремившегося, по их мнению, сохранить Норвегию за Ольденбургским домом. Шведский наследный принц горячо убеждал Александра I и союзных монархов применить силу против Дании. Однако те больше склонялись к мирному решению вопроса. В конце апреля было решено послать на Север специальную союзническую миссию четырех великих держав-победительниц — России, Англии, Австрии, Пруссии — для урегулирования конфликта³⁰. Представителем России был назначен молодой талантливый генерал-майор М. Ф. Орлов, будущий декабрист. Он оказался душой переговоров. В Копенгагене союзные представители вели беседы с Фредериком VI и министром иностранных дел Дании Н. Розенкранцем, после чего убедились, что события в Норвегии вызваны отнюдь не датскими кознями и что правительство Дании, испуганное норвежской революцией, теперь само готово на все, чтобы урегулировать конфликт. Из Дании уполномоченные направились в Кристианию; 1 июля начались их переговоры с принцем Кристианом Фредериком (королем его признавали только сами норвежцы) и членами норвежского Государственного совета. К этому времени Карл Юхан с армией вернулся в Швецию и стал деятельно готовиться к походу в Норвегию. Союзные уполномоченные заняли позицию посредников между Норвегией и Швецией. М. Ф. Орлов уже при первой встрече с норвежцами заявил, что союзники «готовы предложить свои добрые услуги, чтобы определить привилегии норвежского народа, лишь бы все было основано на мирном объединении со Швецией»³¹.

Для норвежского правительства и для самого Кристиана Фредерика к этому времени стала уже совершенно ясна неизбежность унии со Швецией. Для принца речь шла теперь о том,

³⁰ Павлова Л. Я. Шведско-датско-норвежский конфликт 1814 года и Россия (Дипломатическая миссия М. Ф. Орлова). — Новая и новейшая история, 1972, № 1, с. 138—148; документы, связанные с союзной миссией, опубликованы: ВПР. М., 1970—1972, т. 7—8; Aktstykker vedkommende Konventionen i Moss 14de August 1814. / Utg. Y. Nielsen. Christiania, 1894; Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission..., R. 1—2.

³¹ М. Ф. Орлов — К. В. Нессельроде, 3 июля 1814 г. — Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission..., R. 2, s. 208—210.

чтобы достойно сойти со сцены, норвежские же министры стремились сохранить завоевания революции, прежде всего конституцию, и получить как можно более широкую самостоятельность в рамках унии. Карл Юхан также был склонен идти на компромисс и сдаться. Приближался Вепский конгресс, и бывший генерал якобинской республики опасался за свое положение.

Тем не менее посредническая миссия представителей союзников оказалась безуспешной, поскольку шведы в качестве предварительного условия потребовали передачу крепостей в восточной части Норвегии и не соглашались признать Эйдсволлскую конституцию. В конце июля начались военные действия. То была последняя в истории внутрискандинавская война и последняя война в истории Швеции.

Норвежская армия численно была вдвое меньше шведской, гораздо хуже вооружена, экипирована и снабжена продовольствием. Кроме того, у шведов был опыт военных действий, ими командовал один из крупных полководцев своего времени. Норвежские солдаты, как признают современники, были охвачены патриотическим подъемом, однако командование и офицеры были построены пессимистически. Карл Юхан был осведомлен о местонахождении норвежской армии, ее оперативных планах. Вскоре после начала шведского наступления в восточных районах сдалась 4 августа пограничная крепость Фредрикстен, Кристиан Фредерик отдал приказ очистить левый берег р. Гломмы. Однако не везде шведы одерживали верх. В двух столкновениях у Ллера и Скоттеруда норвежцам удалось разбить корпус генерала Гана, отступивший с большими потерями.

Обе стороны не были заинтересованы в продолжении военных действий. Кристиан Фредерик окончательно убедился в безнадежности борьбы и фактически передал всю полноту власти в руки Государственного совета. Карл Юхан, несмотря на одержанные успехи, ясно представлял невыгодность затягивания войны. После непродолжительных переговоров 14 августа 1814 г. между Норвегией и Швецией была заключена конвенция в Моссе³². Карл Юхан обещал уважать норвежскую конституцию со всеми теми изменениями, которых потребует шведско-норвежская уния, а норвежцы соглашались избрать шведского короля на норвежский престол. Окончательное решение должен был принять чрезвычайный стортинг. Согласно секретной статье конвенции Кристиан Фредерик обещал отречься от престола и покинуть Норвегию. Хотя формально Московская конвенция была поражением для норвежцев, фактически и в главном в сложившихся условиях она оказалась им выгодной. Во-первых, сохранялось основное завоевание революции — Эйдсволлская конституция, во-вторых, шведско-норвежская уния должна была основываться не на условиях

³² Хрестоматия по новой истории: В 3-х томах. М., 1965, т. 2, с. 258—259.

Кильского договора, а на соглашении норвежцев со Швецией.

Уже в начале июля Государственный совет Норвегии начал обсуждать предстоявшие в случае унии со Швецией изменения Эйдсволлской конституции. После прекращения военных действий и прибытия в норвежскую столицу шведских уполномоченных норвежцы готовили эти изменения, одновременно обсуждая их со шведами. Карл Юхан настаивал на конституционном расширении власти короля, который бы не только командовал норвежской армией, но и натурализовал иностранцев и, главное, мог назначать шведов на должности в Норвегии, кроме священников и судей. Шведы предлагали ввести должность генерал-губернатора страны — шведа, который фактически становился главой норвежского правительства. Норвежская сторона, напротив, старалась при пересмотре конституции урезать власть будущего короля и вообще по возможности придать новой унии характер добровольного и равноправного с обеих сторон акта.

7 октября собрался внеочередной стортинг, а 10 октября депутация стортинга приняла торжественное отречение короля Кристиана Фредерика: исполнительная власть была официально передана Государственному совету. После недолгих, но довольно острых дебатов и переговоров со шведскими уполномоченными стортинг 4 ноября принял измененную, так называемую Ноябрьскую конституцию Норвегии. Военные и внешнеполитические полномочия короля были ограничены. Внешняя политика Объединенных королевств целиком, однако, отходила в ведение шведского министерства иностранных дел — Норвегия такого министерства не имела, ее подданные лишь использовались па шведской дипломатической и особенно консульской службе. Король получил право назначать в Норвегию вице-короля, или наместника (stattholder), представлявшего отсутствующего монарха. Не получив важного права натурализации иностранцев, король, однако, не мог и назначить шведа на должность в Норвегии (кроме должности наместника). Но он сохранил пост главнокомандующего, назначал и увольнял членов правительства (Государственного совета), губернаторов, епископов, чиновников центральных ведомств³³. Наконец, уния сделала необходимым выделение из состава норвежского Государственного совета его стокогльмского отделения при особе короля — трех членов из десяти, включая и формально первого так называемого государственного министра (statsminister). При обсуждении шведским Государственным советом, т. е. правительством, норвежских или общих шведско-норвежских дел, он пополнился указанной тройкой. Соответственно при обсуждении общих вопросов в Кристиании норвежское правительство пополиялось тремя шведскими членами.

³³ *Seip J. A. Op. cit., s. 47; Carlsson S. Svensk historia, D. 2, s. 273.*

4 ноября 1814 г. стортинг избрал престарелого Карла XIII королем Норвегии. Шведские представители потребовали, чтобы норвежская конституция была представлена ему на одобрение, но стортинг отклонил и это предложение. Крайняя уступчивость со стороны кронпринца Карла Юхана была продиктована его нежеланием обострять отношения с норвежцами, коль скоро главная стратегическая цель его политики была достигнута: Швеция и Норвегия объединились под властью одного монарха. Правитель Швеции надеялся в дальнейшем постепенно сузить самостоятельность Норвегии и сплотив ее королевства в единый государственный организм, т. е. полностью подчинить Норвегию Швеции. В 1815 г. шведский риксдаг принял так называемый Риксакт, перечислявший условия унии и припятый позже также стортингом³⁴.

События 1814 г. в Норвегии с полным правом могут быть названы буржуазной революцией, национально-освободительной по своему характеру. Норвежская революция 1814 г. была направлена против датского и шведского господства, на национальное самоутверждение. Особенностью революции было отсутствие каких-либо значительных контрреволюционных сил внутри страны. Сторонники сохранения абсолютизма, прежде всего сам принц Кристиан Фредерик, быстро перешли на конституционно-монархические позиции. Другой особенностью революции было то, что буржуазия Норвегии уже до 1814 г. обладала значительной долей экономической власти, но политически же оставалась бесправной. Датско-норвежская абсолютная монархия бюрократического типа оставила в наследство новому государству сильный и относительно самостоятельный слой чиновничества, тесно связанный с торгово-промышленной буржуазией. Именно городская торгово-промышленная буржуазия и чиновничество стали главными движущими силами норвежской буржуазной революции. Крестьянство, крупнейший класс страны, еще не выступило в 1814 г. на политической арене самостоятельно, хотя Государственное собрание и стортинг 1814 г. включили значительную группу крестьян.

События 1814 г. были скачком в истории Норвегии, важным звеном в осуществлении буржуазной революции, как и в завершении перехода от феодализма к капитализму. В 1814 г. был решен основной вопрос: власть в стране перешла от датской короны к верхнему слою буржуазии и бюрократии. В Норвегии было создано автономное буржуазное государство.

В конечном счете глубинной основой норвежской революции как национально-освободительной был опосредованный через социально-политические отношения конфликт между потребностями производительных сил Норвегии, нуждавшихся для своего

³⁴ *Alin O. Den svensk-norska unionen. Stockholm, 1889, D. 1, s. 131—135.*

развития в государственной независимости, и иностранным господством, в прошлом датским и в будущем шведским. В. И. Ленин подчеркивал, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»³⁵. Норвежская национально-освободительная революция была первым и главным шагом на пути к созданию независимого буржуазного государства. Ее можно поставить в один ряд с другими буржуазными национально-освободительными революциями мануфактурного периода развития капитализма — Нидерландской революцией конца XVI в., североамериканской войной за независимость в XVIII в., испанской революцией 1808—1812 гг., освободительными войнами в Латинской Америке первой половины XIX в.

Волна европейской реакции не докатилась до Севера: события в Норвегии при их мирном течении вряд ли могли настроить силы реакции в Европе. Победа норвежской революции на фоне общеевропейской феодально-монархической Реставрации объясняется как периферийным положением страны, так и необычайно благоприятным стечением внешних обстоятельств: продолжающейся войной на континенте, неустойчивым положением главного противника — шведского кронпринца Бернадота, нежеланием России чрезмерно усиливать Швецию, традиционными экономическими связями другой державы-победительницы — Великобритании с Норвегией, наконец, «конституционной» дипломатией Александра I в те годы.

Вместе с тем именно внешние условия были причиной того, что Норвегия не смогла добиться полной независимости. Ведущие европейские державы выступили за присоединение Норвегии к Швеции. В. И. Ленин писал: «Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе»³⁶.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

³⁶ Там же, с. 291.

ОТ МАНУФАКТУРНОГО К «СВОБОДНОМУ» КАПИТАЛИЗМУ. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ (1815—1850-е ГОДЫ)

Норвежская буржуазная революция совершилась в сугубо мелкобуржуазной менцпской и патриархально-крестьянской стране. Капиталистический уклад в виде рудников и мануфактур, торговых домов и судовладельческих обществ, играя ведущую роль в экономике, все же оставался как бы оазисом в пустыне отсталости. Ф. Энгельс, посетивший Норвегию гораздо позже, в конце века, писал, что там «мелкое крестьянство и мелкая буржуазия, с небольшой примесью средней буржуазии... представляют собой нормальное состояние общества в течение многих столетий»¹. Практически полное отсутствие дворянства (формально упраздненного актом стуртинга в 1821 г.) и малочисленность буржуазии оборачивались в сельских районах страны, по определению молодого Энгельса, такими явлениями, как «дофеодальное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность и добропорядочность»². Эти черты наглядно воспроизводит, например, исторический роман норвежского писателя С. Хуля «Заколдованный круг», имеющийся в русском переводе.

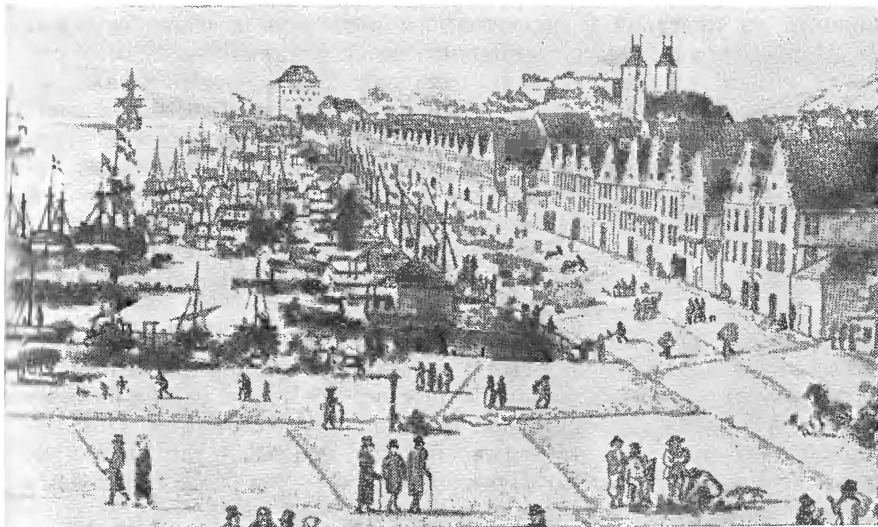
Общей бедностью, скудостью жизненных условий — о них читатель может составить представление по русским переводам биографий математика Абея и драматурга Ибсена³ — норвежцы могли поспорить в Западной Европе разве что с исландцами и ирландцами. Многовековое иностранное господство, естественно, сказалось и на развитии норвежской нации — Эйдсволлская конституция была написана по-датски, этим языком еще долго пользовались за отсутствием собственного литературного языка почти все норвежские писатели и ученые (см. гл. XVI).

Тем не менее именно в рассматриваемые десятилетия на основе политических завоеваний 1814 г., в тесной связи с общеевропейским промышленным переворотом подготовлялся после-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 87.

² Там же, т. 4, с. 51.

³ См.: Оре А. Замечательный математик Нильс Хесприк Абель / Пер. с англ. М., 1961; Хейберг Х. Гесприк Ибсен / Пер. с норв. М., 1975.

Набережная в Бергене с домами и складами ганзейцев.
Акварель 1816 г.

дующий «прорыв» капиталистического способа производства в основных отраслях народного хозяйства Норвегии и замечательный скачок в культурном развитии народа, проявившийся с наибольшей силой в норвежской классической литературе второй половины века.

Норвежское автономное государство начало свое существование в тяжелых условиях. После заключения общеевропейского мира в 1815 г. «золотые времена», существовавшие для норвежской экономики до 1807 г., не вернулись в Норвегию. Целых два десятилетия хозяйство страны пребывало в глубоком застое. Семь лет войны и блокады, финансовое банкротство Датско-норвежского королевства, периодический голод нанесли тяжелые удары по благосостоянию страны. К тому же послевоенный общеевропейский экономический кризис, начавшийся с Англии, особенно больно ударил по Норвегии. Расширившиеся за годы былого процветания лесопиление и лесоторговля, горное дело, морское судоходство не имели спроса в условиях мира.

Главный покупатель норвежского леса — Великобритания в годы континентальной блокады стала ввозить лес из принадлежавшей ей Канады и повысила пошлины на норвежский лес. Вдобавок мировые цены на лес значительно упали. Кризис в лесопромышленности и лесоторговле разорил ряд старых торговых домов. Имущество их перешло к кредиторам — англичанам и немцам либо к предпринимателям нового поколения, происхо-

дившим из крестьян и сколотившим состояние в годы блокады.

Металлургические и стекольные заводы также терпели трудности сбыта, поскольку после отделения Норвегии датский рынок, основной для этих заводов, оказался огражден высокими пошлинами. В Швеции же была развита своя промышленность этого рода. До начала 40-х годов в Норвегии вообще не возникало новых предприятий. Особенно сильно спад в металлургической и стекольной промышленности ударил по Эстлапну и Треннелагу, где были расположены основные предприятия. Многие ведущие фирмы разорились, выросла безработица, мануфактурные рабочие возвращались на хутора.

Но самой острой проблемой стали финансовые трудности, усугубившиеся после революции. В стране обращалась масса бумажных денег, частью оставшихся с датских времен, а также банкноты, выпущенные под гарантию Эйдсволлского собрания. Покупательная стоимость их постоянно падала. В 1816 г. стортинг принял решение учредить Банк Норвегии для восстановления стабильности валюты. Банк был уполномочен выпускать банкноты, по номинальной стоимости выкупаемые за серебро. Для обеспечения новой валюты стортинг пытался создать серебряный фонд, но введенные с этой целью чрезвычайные налоги не оправдали ожиданий. Только в 1822 г. удалось приостановить инфляцию, с нового, 1823, года приступить к размену на серебро и затем в течение 20 лет медленно, но неуклонно повышать обменную ставку. К 1842 г. паритет был восстановлен: бумажные деньги уравнились с серебряными, Норвегия перешла к серебряному стандарту⁴. Однако оздоровление финансов путем многолетней дефляции причиняло до 1842 г. значительные трудности в деловой жизни и даже тормозило в определенной степени развитие капитализма в стране. Дополнительной причиной финансовых и одновременно внешнеполитических осложнений служил вопрос о выплате Норвегией ее доли в общем датско-норвежском государственном долге, о чем подробнее ниже.

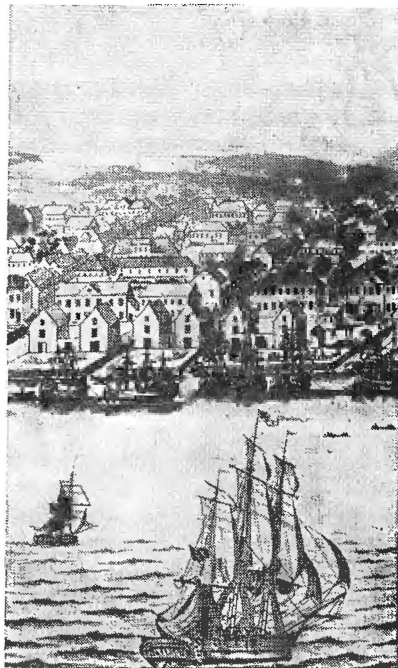
Серьезные трудности в течение некоторого времени после 1814 г. испытывало и рыболовство, поскольку западноевропейские государства, ранее ввозившие норвежскую рыбу, сами занялись этим промыслом в Западной Атлантике.

Единственная, но зато охватывающая 80% населения отрасль — сельское хозяйство — не только не захирела, но, наоборот, процветала. Крестьянское хозяйство в основном оставалось натуральным. Поэтому бодды, прежде всего богатые и средние, не ощутили на себе последствий кризиса. Из них пострадали лишь крестьяне-лесопромышленники. Цены на сельскохозяйственные продукты были достаточно высокими, урожай после 1814 г. были, как правило, хорошими. Все это способствовало дальней-

⁴ Norsk historisk leksikon. Oslo, 1974, s. 68—69.

нему расслоению норвежского крестьянства, ослаблению общинных связей. Напомним, что норвежские крестьяне (см. гл. VII) раньше едва ли не всех остальных крестьян Европы овладели культурными землями своей страны: в 1820 г. более двух третей земельной собственности уже принадлежало крестьянам. Скупка ими земель короны и чиновников продолжалась. К 1835 г. уже 70% крестьян в среднем по стране стали собственниками обрабатываемых ими земель⁵.

Застой в промышленности и судоходстве вызвал приток рабочей силы в сельское хозяйство — возобновилось освоение целины. Широкий размах приняло выращивание картофеля, быстро ставшего одним из главных продуктов питания населения и ликвидировавшего угрозу голода в Норвегии. Зажиточное крестьянство стало уделять внимание новым, передовым приемам земледелия, применять усовершенствованные орудия труда, гораздо шире использовать удобрения. Это в свою очередь способствовало росту производства и улучшению качества продукции. В целом, однако, капиталистическая перестройка сельского хозяйства все еще оставалась делом будущего. Ее сдерживали пережитки феодализма и меркантилизма: бремя поземельных налогов, законодательные рогатки для крестьянского предпринимательства, кабальное рабочее законодательство (принуждение сельских бедняков к труду по найму), общинное землепользование (лесами, пастбищами, водоемами), а кое-где также чересполосица и отсюда принудительный севооборот. Только в 1821 г., гораздо позже, чем в Швеции и Дании, стортинг принял первый акт об огораживании общинных земель, положив начало аграрному перевороту⁶.

Кристиансанн в 1824 г. Гуашь

⁵ *Borgedal P. Norges jordbruk i nyere tid. Oslo, 1968, Bd. 3, s. 84—85.*

⁶ *Holmsen A. The Transition from Tenancy to Freehold Peasant Ownership in Norway.—Scandinavian Economic History Review, 1964, vol. 9, N 2, p. 162.*

* * *

Уже с конца 20-х годов кризис постепенно стал преодолевать-ся. Норвежский экспорт леса вновь стал расти. Об этом свидетельствуют следующие данные (в тыс. ластов):

Год	Вывоз леса	Год	Вывоз леса
1804—1806	260	1838	241
1815—1819	161	1839	272
1820—1825	170	1840	266
		1841	263
1826—1829	191	1842	267
1830—1835	198	1843	265
1836	232	1844	286
1837	228	1845	284

Источник: *Lieberman S. The Industrialisation of Norway 1800—1920. Oslo, 1970, p. 84.*
1 ласт = 2600 кв.

Теперь основным рынком сбыта лесоматериалов стала Франция. Если в 1805 г. их экспорт из Норвегии во Францию составлял всего 5500 ластов, а в Великобритании — 148 тыс., то в 1829 г. соответственно 49 тыс. и 47 500 ластов, а в 1839 г. — 60 тыс. и 51 тыс. ластов. Это в свою очередь благоприятно отразилось на возрождении торгового флота страны. Рост норвежского торгового флота в 1815—1860 гг. характеризуют следующие данные:

Год	Число судов *	Тоннаж (в тыс. нетто-т) *	Экипаж ** торгового флота
1815	1673	148	Нет свед.
1820	1672	125	
1830	2031	135	
1835	2272	151	11 279
1844	3348	233	16 422
1850	3696	284	19 037
1860	5287	532	33 014

Источник: * *Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 363 (tab. 175), ** Ibid., s. 80 (tab. 56).*

Быстро были преодолены и трудности со сбытом рыбы: победа капиталистических отношений в Западной Европе, рост городских, прежде всего беднейших, слоев населения — пролетариата — увеличивали потребность в таком дешевом продукте пита-

ния, как рыба. Вскоре объем рыбного экспорта количественно удвоился. Уния также благоприятно сказалась на норвежском рыболовстве, нашедшем в Швеции новый рынок сбыта (см. ниже).

Вырос экспорт рыбы в Россию. Для Норвегии большое значение имел новый торговый договор Объединенных королевств с Россией в 1817 г., согласно которому норвежская рыба могла ввозиться через русские порты Балтийского моря с уплатой льготной, половинной, пошлины. С этого времени из Кристиансанда, Ставангера, Бергена в Санкт-Петербург, Ригу, Либаву, Ревель, а также в порты находившейся под властью российской короны автономной Финляндии ежегодно отправлялось значительное число судов с норвежской рыбой, в основном сельдью. По данным российского консула в Кристиансанде, ввоз соленой сельди из Норвегии в Россию только за 1817—1830 гг. вырос с 40 тыс. до 119 тыс. бочек⁷.

Дальнейшее развитие получила после 1814 г. и так называемая поморская торговля между северными провинциями Норвегии — Финмарком, Тромсом, Нурланном — и Архангельской губернией. В Норвегию ввозились в основном рожь, а также пшеница и овес (зерном и мукой), что было крайне важно для районов, обладавших скудными природными ресурсами. Из Норвегии в Архангельскую губернию везли в основном рыбу, которая потреблялась не только на Севере, но и во внутренних районах России. Кроме этого, из России в безлесную Северную Норвегию ввозились лес, свечи, пенька, капаты, полотно, равендук (вид ткани), соль, а из Норвегии в Россию — мех лисицы и выдры. Поморская торговля велась отчасти в виде прямого обмена в норвежских портах между местными рыбаками и русскими поморами. Занимая скромное место в торговой жизни всей Норвегии (ввоз — 5%, вывоз — 6%), она имела жизненно важное значение для северных районов Норвегии⁸.

Торговля через Балтийское и Белое моря регулировалась договорами, заключенными между Россией и Швецией — Норвегией в 1817, 1828, 1834 гг. По договору 1817 г., например, свободная русская торговля в городах Северной Норвегии была разрешена в течение одного летнего месяца и в других местах — в течение 15 дней. Норвегия получила право вывозить по Белому морю 25 тыс. четвертей зерна с уплатой пошлины лишь за 5 тыс. четвертей. Россия снизила вдвое пошлину на норвежский китовый жир. Однако норвежских купцов договор не удовлетворил,

⁷ АВПр, ф. Административные дела II — 3, 1801—1830, д. 8/28, л. 40, 123, 134—135.

⁸ Kraft S. Nord-Norge i de förenade konungarikenas handelstraktater med Rysland. Lund, 1954; *Idem*. Pomorhandelen på Nordnorge under 1800 talets förra hälft. Tromsø; Oslo, 1968. См. рецензии на эти работы. — Скандинавский сборник. Таллин, 1956, вып. 1, с. 226—236; История СССР, 1970, № 6, с. 188—189.

так как не были снижены пошлины на рыбу. Новые значительные льготы в торговле с Россией предоставил Норвегии трактат 1828 г. Но к этому времени выявилось стремление стортинга, вопреки жизненным интересам норвежского Севера, вообще закрыть его для свободной торговли с Россией и тем открыть возможности для посреднической прибыли торговой буржуазии Южной Норвегии. Возникли шведско-норвежские разногласия, так как шведские власти, уступая пожеланиям России в поморской торговле, обеспечивали льготы для шведской торговли с русской Финляндией.

Лишь в 40-х годах медленно стала возрождаться и норвежская промышленность. В ней все еще преобладали мелкие мануфактурные предприятия и ремесленные мастерские. Важным шагом на пути к торжеству капиталистического предпринимательства была отмена в 1839 г. цехового устройства. Способствовала развитию капитализма и окончательная стабилизация финансов к началу 40-х годов. Уже в 1842 г. недалеко от столицы на р. Акер был открыт одноименный механический, т. е. металлообрабатывающий и судостроительный, завод с подъемным краном на паровой тяге⁹.

Затем подобные предприятия появились в Бергене и Тронхейме. Они выпускали на иностранных станках всевозможные инструменты, инвентарь, простейшие машины из дешевого привозного английского железа. Последнее, наряду с английским коксом, служило сырьем и для новых чугунолитейных заводов. Дни старинных горных заводов-имений, производивших дорогостоящее древесно-угольное железо, были сочтены. В 1845—1849 гг. возникло несколько хлопкопрядильных и ткацких фабрик на р. Акер и около Бергена, стали появляться новые предприятия фабричного типа в пищевой, стекольной и керамической отраслях. В Норвегии начался промышленный переворот.

Экономическому подъему способствовал и таможенный договор со Швецией 1825 г. (Mellomrikslov) с последующими дополнениями. За исключением черной металлургии, металлообрабатывающей и стекольной промышленности все отрасли норвежского пародного хозяйства выиграли от отмены или сокращения вдвое пошлин во взаимной торговле¹⁰. Шведский рынок сбыта был значительно крупнее норвежского.

Несмотря на хронические финансовые трудности, ежегодные государственные доходы Норвегии постепенно росли — с 1,4 млн. серебряных далеров (риксдалеров) в 20-х годах до 3,5 млн. в 1838 г. Государственный долг, достигавший в 1843 г. громадной по тем временам суммы в 5,2 млн. далеров серебром, к 1850 г.

⁹ Wasberg G. C., Svendsen A. S. *Industriens historie i Norge*. Oslo, 1969, s. 60.

¹⁰ *Ibid.*, p. 61—62; Bergsgård A. *Norsk historie 1814—1880*. Oslo, 1964, s. 53, 57, 95—96.

уменьшился до 2,8 млн. О парастающем хозяйственном подъеме свидетельствовал и рост населения, в особенности городского (в тыс. человек):

Год	Все население	Население в сельской местности	Население в городах	% городского населения
1801	883 487	805 845	77 642	8,8
1815	885 431	798 827	86 604	9,8
1825	1 051 318	937 120	114 198	10,9
1835	1 194 827	1 065 825	129 002	10,8
1845	1 328 471	1 166 596	161 875	12,2
1855	1 490 047	1 292 232	197 815	13,3

Источник: Historisk statistikk 1968, s. 33 (tab. 13).

* * *

В политическом отношении Норвегия после 1814 г. представляла собой конституционную монархию, где у власти стояли не дворянство и аристократия — таких социальных слоев в Норвегии просто не осталось, — а чиновничество и городская буржуазия — торговый патрициат. Эти социальные слои вплоть до конца 30-х годов имели большинство в стортинге. Высшее чиновничество — бюрократия — представляло собой в Норвегии относительно самостоятельный слой, который старался упрочить сложившийся общественно-политический порядок. В первые полтора десятилетия после революции именно чиновничество вело за собой все остальные слои населения. Какие-либо серьезные внутриполитические конфликты в этот период отсутствовали, и на первый план выступили отношения со Швецией, точнее с общим королем Объединенных королевств.

На всем протяжении своего долгого царствования Карл Юхан, король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Юхана (1818—1844), всячески старался пересмотреть и урезать Эйдсволлскую конституцию. Считая эту конституцию слишком демократической, король хотел расширить свою власть в Норвегии и тем по возможности сблизить государственный строй Норвегии и Швеции, укрепить унию. Однако стортинг действовал в ином направлении. Уже в 1815 г. он впервые принял закон об упразднении дворянства и отмене всех дворянских привилегий. Поскольку, как известно, дворян в Норвегии было ничтожно мало, этот акт носил скорее символическое значение и в конечном счете был направлен против дальнейшего сближения со Швецией, где дворянство сохраняло влияние. Акт норвежского парламента был продолжением и развитием буржуазной револю-

ции 1814 г. Карл Юхан понимал, что отмена дворянства в Норвегии срывает его планы создать там новое дворянство и усилить этим королевскую власть. В качестве наследного принца он добился отлагательного вето. В 1818 г. стортинг повторно принял этот закон, а Карл XIV Юхан, только что вступивший на престол, отказался утвердить его. К 1821 г., когда закон готовили к принятию в третий раз и согласно Эйдсволлской конституции он болсе не нуждался в одобрении короля, Карл XIV Юхан пустил в ход все доступные средства, чтобы удержать стортинг от утверждения закона. Он даже пытался взывать к членам Священного союза, не без основания указывая на революционный характер закона об отмене дворянства. Король сам прибыл в норвежскую столицу, стянул к ней войска и стал даже подумывать о государственном перевороте — изменении конституции без согласия и одобрения стортинга. Однако, види, что великие державы вовсе не намерены вмешиваться в дела Северной Европы и что норвежцы готовы отстаивать завоевания своей революции, Карл XIV Юхан вновь решил уступить. 1 августа 1821 г. закон об упразднении дворянства был принят в третий раз и вступил в силу.

Тогда же Карл XIV Юхан стал разрабатывать законопроект о поправках к Эйдсволлской конституции. В 1824 г. он предложил стортингу предоставить королю не болсе не менее как право абсолютного вместо отлагательного вето, право досрочного роспуска стортинга, право назначения председателей и товарищей председателей обсих его палат, право увольнения всех чиновников без следствия и суда, право на созыв заседаний стортинга раз в пять лет вместо трех, право определять его повестку дня, право создавать в Норвегии потомственное дворянство и т. п. Эти требования — всего 13 — были единодушно осуждены норвежской печатью и отклонены стортингом 16 мая 1824 г., несмотря на уговоры и запугивания Карла XIV Юхана. На следующий день десятилетия годовщина принятия Эйдсволлской конституции впервые торжественно была отмечена в норвежской столице явно в пику королю, а в 1826 г. вся Норвегия торжественно отметила день 17 мая вывешиванием флагов и иллюминацией.

После того как 17 мая 1827 г. члены стортинга во главе с его президентом К. Крогом приняли участие в патриотическом банкете, а столичные студенты освистали в театре шведскую пьесу, стокгольмский двор разгневался всерьез. Наместник А. Сандельс был смещен, на его место назначен другой — швед Б. фон Платеп, сторонник более тесного объединения обих стран. Норвежцам было предложено на выбор праздновать дни заключения Мосской конвенции — 14 августа или принятия конституции с униатскими изменениями — 4 ноября. Напуганный стортинг решил болше не отмечать день 17 мая. Однако уже в 1829 г. Студенческое общество организовало в столице круп-

ную патриотическую демонстрацию, которая по приказу Б. фон Платена была разогнана полицией и копытыми войсками. Многие демонстрации были распы. Возмущение было столь велико, что стортинг потребовал отставки фон Платена. Король понял, что дело зашло слишком далеко. Б. фон Платен был отозван без замены, и с тех пор день 17 мая навсегда стал признанным национальным праздником норвежского народа. Инцидент 1829 г. вошел в историю под названием «боя на Рыночной площади» (Torgslaget).

В отношениях между Швецией и Норвегией на протяжении всего периода унии то вспыхивали, то затихали споры вокруг условий и самого характера унии, т. е. о степени зависимости Норвегии от Швеции. Если норвежская точка зрения сводилась к тому, что шведско-норвежская уния — плод добровольного объединения двух равноправных государств на основе Мосской конвенции, респектив чрезвычайного стортинга в ноябре 1814 г. и Риксакта, то шведы считали, что Норвегия была передана шведскому королю по Кильскому мирному договору и лишь потом Швеция согласилась пойти на уступки, признав Эйдсволлскую конституцию. Для Швеции были очевидны ее первоначальное положение в унии и право в известной степени контролировать норвежские внутренние дела.

Уже в самом начале унии, в 1819 г. небольшое происшествие вызвало осложнение в шведско-норвежских отношениях — так называемое дело Будё¹¹. В местечке Будё (Нурлапп) английские торговцы осуществляли незаконную, с точки зрения норвежцев, торговлю. Их товары были конфискованы норвежскими властями. Однако англичане сумели справиться с таможенной охраной и вывезли все свои товары в Англию. Путем фальшивых документов торговцы убедили лондонское правительство в своей правоте, и оно через британского посланника в Стокгольме потребовало возмещения понесенных убытков. Министр иностранных дел Швеции — Норвегии Ларс фон Энгестрём пошел на уступки: Норвегии пришлось выплатить британским купцам 18 тыс. ф. ст. Уже в 1821 г. стортинг выразил протест против этого решения, поскольку дело Будё рассматривалось им как внутреннее дело Норвегии. Через шесть лет, в 1827 г., стортинг, используя тот же инцидент и собрав необходимую документацию, потребовал создания для Норвегии отдельного дипломатического представительства — миссий и консульств. Стортинг также потребовал, чтобы норвежский государственный министр в Стокгольме участвовал во всех дипломатических переговорах, касавшихся Норвегии. В 1830 г. депутат стортинга Юнас Алтон Ельм предложил рассматривать внешнеполитические дела, ка-

¹¹ Aktstykker om Bodøsaken / Udg. Y. Nielsen. — Historiske Samlinger. Christiania, 1900, Bd. 1, s. 113—464.

сающиеся Норвегии, в норвежском Государственном совете. Кроме того, Ельм предложил, чтобы шведско-норвежские консулы пазначались не только шведским правительством, но и норвежским. Предложения Ельма были сочтены слишком дерзкими и не получили поддержки в стортинге. Впоследствии, однако, оказалось, что именно они составили норвежскую программу пересмотра унии.

Первым внешнеполитическим испытанием для Норвегии после вступления в унию стала проблема выплаты ею части государственного долга Датско-норвежского королевства. Этот вопрос обострил, с одной стороны, отношения Швеции — Норвегии с Данией и великими державами, с другой — отношения между Швецией и Норвегией. Кильским мирным договором было предусмотрено, что Швеция, присоединив к себе Норвегию, обязуется выплатить часть государственного долга прежнего Датско-норвежского королевства пропорционально народонаселению и ресурсам Норвегии.

Сразу же после Вепского конгресса, летом 1815 г., начались затяжные переговоры между датчанами и порвежцами; шведы при этом заняли позицию стороннего наблюдателя, заявив, что не имеют к датско-порвежскому спору никакого отношения. В 1816 г. датский король Фредерик VI обратился за посредничеством к великим державам, позиции которых оказались далеко не одинаковыми. Если Австрия сразу же стала на сторону Дании, то Александр I первоначально поддержал Швецию — Норвегию, которых он рассматривал как своих союзников. В посланиях стортингу Карл Юхан весьма мягко уговаривал порвежцев пойти на некоторые уступки датчанам, одновременно в письмах главам великих держав подчеркивая, что порвежская революция 1814 г. освобождает Швецию от обязательств по Кильскому договору перед Данией. В конце концов суть дела сводилась к сумме выплаты. Датское правительство соглашалось удовлетвориться 6 млн. риксдалеров серебром, что было, однако, чрезмерно для бедной Норвегии.

Видя упорство Швеции — Норвегии, Россия была вынуждена под давлением Австрии, Пруссии, Великобритании согласиться на обсуждение вопроса. В Лондоне совещались послы великих держав, затем вопрос рассматривался на заседаниях Лахепского конгресса, решившего серьезно предупредить Карла XIV Юхана. Король Швеции — Норвегии был в конечном счете склонен к уступкам, но в тот момент занял твердую позицию и отверг право великих держав на вмешательство. Весной 1819 г. он даже провел военные маневры в Сконе, угрожая Дании. Одновременно король обратился за посредничеством к Великобритании. В итоге напряженных переговоров в сентябре было заключено соглашение, по которому Норвегия обязывалась выплатить Дании 3 млн. риксдалеров серебром в течение 10 лет. Теперь обострились отно-

шения между королем и норвежским стуртингом, который продолжал упорствовать и уступил лишь в 1821 г.¹²

Союзнические отношения Объединенных королевств с могущественным соседом — Российской империей — принесли Норвегии ощутимые плоды уже в 20-х годах. Если шведско-норвежская граница на севере была установлена еще по договору 1751 г. (см. гл. VII) и в 1809 г. финляндская часть ее стала русско-норвежской границей, то на Крайнем Севере у России и Норвегии не было установленной границы. В течение ряда столетий три округа на побережье Варангер-фьорда (Нейден, Пасвик и Пейсеп-Печенга) считались общими (faelles distrikter). Это была почти не заселенная местность, где кочевали несколько десятков семей лопарей-саамов, находившихся либо в российском, либо в норвежском подданстве. Использовали эту территорию и жители русской Колы и норвежского Вадсё. Неопределенность вызывала трения и даже столкновения между жителями и властями. Поэтому в начале 20-х годов в Стокгольме и Петербурге были начаты переговоры о разграничении. Переговоры шли в целом успешно, и в 1825 г. представители России и Норвегии демаркировали границу на месте. При этом западная, большая часть «общих районов» отошла к Норвегии, восточная, меньшая — к России. 14 мая 1826 г. в Петербурге было подписано соответствующее соглашение¹³.

Однако разграничение, проведенное представителями центральных властей, местным русским властям показалось неудовлетворительным. Так, Архангельское генерал-губернаторство, в чьем ведении были северо-западные окраины России, настаивало на пересмотре соглашения, указывая на его неудобства для местных жителей. Положение осложнилось и тем, что власти автономной Финляндии выдвинули перед Петербургом пожелание, чтобы финские саамы получили доступ к Ледовитому океану для ловли рыбы и чтобы на норвежском берегу им было разрешено создавать стоянки для судов и склады. Между представителями России — Финляндии и Швеции — Норвегии в 30-х годах начались долгие, запутанные и далеко не гладкие переговоры о возможных изменениях границы и допуске финских саамов к океану, так в конце концов ничем и не завершившиеся.

Поначалу эти переговоры почти не оказали никакого влияния на взаимоотношения Швеции — Норвегии и России. Вопросы, которые на них рассматривались, имели местное значение и никоим образом не затрагивали интересов государств в целом. Возникшие в их ходе планы обмена территорий имели своей целью

¹² Stormagternes Forhold til Norge og Sverige 1815—1819 / Utg. Y. Nielsen. Christiania, 1886; Aktstykket frå oppgjerda millom Noreg og Danmark etter 1814 / Utg. H. Koht. Oslo, 1925.

¹³ См.: *Н и Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией.* — Русский архив, 1901, № 1, с. 143—157.

лишь скорейшее урегулирование возникших осложнений. Однако уже с 30-х годов Финмаркский вопрос — так именовался весь комплекс проблем — стал приобретать иные масштабы. В Швеции и Великобритании, чьи отношения с Россией как раз в тот период обострились из-за восточного вопроса, стали приписывать России намерение овладеть незамерзающим Варангер-фьордом и создать здесь паправленную против Англии военно-морскую базу. Одними из творцов этого вымысла были английский вице-консул в Хаммерфесте Д. Р. Кроу и шотландский путешественник С. Лейнг. С тех пор легенда о русских притязаниях на Северную Норвегию стала новым звеном в мифе о так называемой русской угрозе Северу, распространявшемся чуть ли не с XVII в. Следует отметить, что всю беспочвенность этих утверждений уже тогда видели трезвомыслящие наблюдатели, например амтман Финмарка О. Э. Бук, предпринявший в 1840—1841 гг. путешествие по северным районам Норвегии и России¹⁴.

* * *

Как было видно по упорному противодействию стортинга королевским покушениям на Эйдсволлскую конституцию, буржуазно-демократические общественные силы, выросшие в ходе революции 1814 г., не исчезли в Норвегии и за годы европейской Реставрации. Буржуазно-демократическое, или, по припятому у норвежских историков определению, национально-демократическое, движение оживилось после 1830 г. под влиянием Июльской революции во Франции, национально-освободительной революции в Бельгии и польского восстания. При этом в Норвегии сформировались два крыла оппозиционного движения, городское и крестьянское. В отличие от других западноевропейских стран, включая соседние Данию и Швецию, в Норвегии основной конфликт развивался между правящей буржуазно-чиновничьей верхушкой, с одной стороны, и мелкобуржуазной городской интеллигенцией и крестьянством — с другой.

С конца 20-х годов началась деятельность одного из вождей оппозиции, поэта-романтика, юриста, историка и журналиста Хенрика Вергеланна (1808—1845), сына активного деятеля Эйдсволлского собрания Николая Вергеланна. Впервые имя Х. Вергеланна стало известно всей стране в связи с «боем на Рыночной площади»: 19-летний юноша, один из руководителей Студенческого общества, организовавшего патриотическую манифестацию, демонстративно отослал свой разорванный шпагой мундир комен-

¹⁴ Ср.: *Palmstierna C. F. Sverige, Ryssland och England 1833—1885. Kring November-traktatens förutsättningar*. Stockholm, 1932; *Kraft S. Nord-Norge i de Förenade konungarikenas handelstraktater med Ryssland* (см. рец.: Скандинавский сборник, вып. 1, с. 226 и сл.); J. R. Crowe's Report from Christianity of 31 December 1856.— НТ, 1967, N 2, s. 130—154.

данту крепости Акерсхус, протестуя против напесенного оскорбления. Идя вслед за отцом, Хенрик Вергеланн стал глашатаем норвежского мелкобуржуазного национализма. Он энергично выступал за преодоление датского культурного засилья, за развитие самобытной норвежской культуры. В то же время он был чужд идеям культурной изоляции, которые порой проповедовались в Норвегии. Вергеланн ратовал за развитие международных культурных связей, симпатизировал демократическим движениям и национально-освободительной борьбе в других странах. Героями стихов Х. Вергеланна были Костюшко и Боливар, Байроп и О'Коппел. Вергеланн писал о борьбе поляков и ирландцев за свободу, возмущался реакцией в Испании, дискриминацией евреев в Норвегии.

Хенрик Вергеланн

С начала 30-х годов Вергеланн в редактируемых им газетах «Фолькебладет» («Народный листок») и «Статсборгертен» («Гражданин») воспевал норвежских бойцов как олицетворение исконной норвежской демократии. В 1830—1839 гг. он выпускал газету «Фор альмуен» («Для крестьянства»), предназначенную для сельских жителей, с 1839 по 1845 г. — обращенную к беднейшим слоям городского населения газету «Фор арбейдерклассен» («Для рабочего класса»). Он писал о тяжелом положении бедноты, возмущался политическим бесправием рабочих. «Хусменам и работникам предоставляется честь быть оруженосцами у сыновей зажиточных крестьян и умирать за родичу — вот и все их гражданские права. У них нет права голоса как на выборах местных властей, так и в стортинг», — писал он в статье «Норвежский работник как гражданин»¹⁵. Неудивительно, что вокруг Х. Вергеланна сформировалась передовая учащаяся молодежь 30-х годов, позже основавшая Общество патриотов. Молодежь эта в большинстве своем принадлежала к имущим слоям, верхам общества — бюрократии, буржуазии, духовенству, однако отвергала ох-

¹⁵ *Mohr O. L. Henrik Wergeland og arbeiderne. Oslo, 1958, s. 33.* О Х. Вергеланне см.: *Григорьева Л. Г. Творчество Хенрика Вергеланна и его место в норвежском романтизме.* — В кн.: *Неизученные страницы европейского романтизма.* М., 1975, с. 129—155.

ранительную консервативную позицию «отцов»¹⁶. Видным представителем демократического лагеря был редактор газеты «Гранскер» («Исследователь») историк Кр. Доо (1809—1877). В своей газете он призывал к установлению парламентского режима по образцу Англии, к участию министров в дебатах стортинга, введению суда присяжных, к полному равенству Норвегии со Швецией и ее предельной самостоятельности в составе унии. Именно Доо наиболее полно сформулировал ту программу, вокруг которой впоследствии объединилась партия «Венстре».

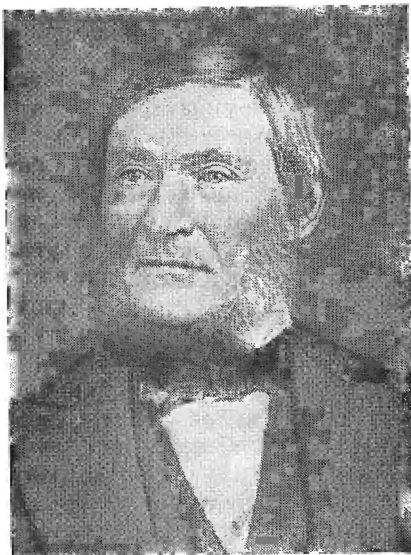
В противовес усиливающемуся национально-демократическому движению сплотился в 30-е годы и консервативный лагерь — лагерь правящих кругов Норвегии. Социальной основой норвежского консерватизма были, повторяем, городской торговый патрициат, крупные промышленники и чиновничество, заинтересованные в сохранении существующих социально-политических отношений и даже видевшие в унии их оплот, а в емком шведском рынке сбыта — источник обогащения.

Борьба сил прогресса и консерватизма нашла свое выражение в столкновении двух равно романтических культурных течений, условно называемых «норвежским», т. е. ориентировавшимся на крестьянскую культуру, и «датским» — буржуазно-чиновничьим, городским. В 1832 г. консервативные элементы из молодой буржуазно-чиновничьей интеллигенции объединились вокруг выделившегося из Студенческого общества кружка под названием Норвежская студенческая ассоциация, который стал издавать журнал «Видар» (Видар — сын бога Одина), замененный в 1836 г. газетой «Ден конститушонелле» («Конституционалист»). Их идеологом стал талантливый поэт-романтик Юхан Вельхавен (1807—1873), убежденный консерватор, сторонник сохранения сословной розни, выразитель эстетского взгляда на задачи искусства. Лидером консервативного крыла стортинга стал в 1842 г. молодой юрист и экономист, редактор «Конституционалиста» А. М. Швейгор. Если в политической области Швейгор, убежденный сторонник сохранения унии со Швецией, близкий к королевскому наместнику С. Лёвеншёльдту, выступал против всяких перемен, за безусловное сохранение власти в руках правящей буржуазно-бюрократической верхушки, то в хозяйственной области Швейгор неожиданно оказался гораздо радикальнее, чем либералы-«патриоты». Он был поборником индустриализации Норвегии, строительства шоссейных и железных дорог. В 40—50-х годах именно Швейгор добился упразднения протекционистских пошлин, торговых монополий и цеховых привилегий, тормозивших развитие торговли и промышленности¹⁷.

¹⁶ См.: *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968, S. 94—102.

¹⁷ *Lund C. A. M.* Schweigaard som stortingspolitiken. Oslo, 1958.

Руководимые Вергеланном и Доо демократы называли себя патриотами, а своих консервативных противников — «интеллигентами» за их сословные предрассудки и пренебрежение к традициям народной, в первую очередь крестьянской, культуры. Оба названия закрепились и в норвежской историографии. Впоследствии из группировки «патриотов» выросла либеральная партия «Венстре» (венстре — левые), а из «интеллигентов» — консервативная партия «Хёйре» (хёйре — правые).

Уле Габриель Уэллани

Политически активная часть норвежского общества не ограничивалась узкими рамками имущих или образованных слоев. Раньше, чем в подавляющем большинстве европейских стран, самостоятельной политической и притом прогрессивной силой явилось здесь крестьянство. «Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это придает всему развитию... совсем другой фон»¹⁸, — писал Ф. Энгельс. В первые годы после образования национального государства крестьяне еще выдвигали в депутаты стортинга чиновников, священников, учителей¹⁹. Некоторые слои крестьянства были вообще недовольны стортингом и правительством: здесь в новой форме проявилась старая вражда боцдов к горожанам. Временно стали популярны даже абсолютистские идеи, наивный крестьянский роялизм. В 1818 г. произошли волнения в Эстланне — сотни крестьян двинулись на Кристианию, чтобы разогнать стортинг и дать королю абсолютную власть. Поход крестьян был без труда рассеян. В конце 20-х годов сказались изменения в имущественном положении крестьян, обогатившихся в период депрессии. В 1827 г. депутат стортинга Ён Неергор предпринял агитационную поездку по стране, не без успеха призывая крестьян оторваться от пассивности в политической жизни.

В 1833 г. в стортинг впервые была избрана большая группа крестьян и крестьянской интеллигенции во главе с сельским учителем популярным У. Г. Уэлланном — 45 депутатов из 96. Винов избравшая оппозиция требовала строгой экономии государствен-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 88.

¹⁹ Proch M. Op. cit., S. 94—102.

ных средств, освобождения крестьян от всех чрезвычайных налогов, снижения постоянного поземельного палого, усиления парламентского контроля над чиновниками всех рангов, введения местного самоуправления, почти исчезнувшего в Норвегии во времена абсолютизма, особенно в сельской местности. В 1836 г. стортинг под нажимом крестьянских депутатов вторично принял закон о введении весьма широкого самоуправления в городах и сельской местности (законопроект 1833 г. был отклонен королем). В 1837 г. закон был утвержден королем и вступил в силу. Отныне избираемые населением (на тех же основаниях, что и при выборах в стортинг) приходские, городские и окружные советы (*formannskap*) стали управлять всеми делами сельских приходов, городов и даже целых округов (*formannskapsdistrikter*). Власть королевских чиновников на местах была заменена властью избранных жителей местного населения — коммунальным самоуправлением. С одной стороны, реформа 1837 г. была продолжением дела 1814 г., с другой — отзвуком Июльской революции 1830 г. во Франции и в особенности британской избирательной реформы 1832 г.: закон о коммунальном представительстве отчасти строился на английских и шотландских образцах.

Крестьянским депутатам поначалу была свойственна неорганизованность, ограниченность кругозора, явная культурная отсталость по сравнению с чиновниками и буржуа. Часто они проявляли узость сословных интересов и религиозную нетерпимость — явный пережиток средневековья. Так, они не соглашались ввести в конституцию положение о свободе вероисповедания, противились (до 1851 г.) допуску евреев в страну, скупались вотиrowать средства на содержание университета и профессуры.

В 30-е годы характер столкновений между норвежцами и королем изменился. Теперь и норвежское правительство, и его опора в стортинге — консерваторы все в большей степени переходили от конфронтации к сближению с королем, хотя некоторые спорные вопросы и оставались. Резкие нападки оппозиции на правительство заставляли консервативных сторонников последнего дорожить унией, в которой консерваторы, повторяем, не без основания видели оплот существующих социально-политических отношений и своего господства в Норвегии. Вместе с тем правящие круги сами стремились к частичным изменениям условий унии в пользу большей норвежской самостоятельности. Оппозиционное же национал-демократическое течение при поддержке крестьянства все громче выступало за коренные изменения отношений со Швецией, за полное равенство с нею.

Победу крестьян на выборах в стортинг в 1833 г. Карл XIV Юхан хотел было использовать для новой попытки урезать Эйдсволлскую конституцию. Одряхлевший король рассчитывал на традиционное недоверие крестьян к чиновничеству, на их роялистские чувства. Однако здесь короля ждало разочарование. В 1834 г.

норвежский Государственный совет (т. е. правительство) по согласованию со стортингом представил Карлу XIV Юхану меморандум с предложением допустить одного из своих членов к обсуждению дипломатических вопросов в шведском Государственном совете. Король согласился удовлетворить требования норвежцев. Государственный министр Норвегии (см. выше) отныне присутствовал на заседаниях шведского правительства при решении всех дел, касающихся Норвегии, и внешнеполитических вопросов с правом совещательного голоса. В 1836 г. право назначения консулов было передано созываемому для этой цели шведско-норвежскому Государственному совету, и отныне консулы должны были подчиняться не только шведской «торговой палате», но и норвежскому министерству финансов. Однако норвежцы не были этим удовлетворены.

Крайне оппозиционный стортинг 1836 г. не только отказался рассматривать королевские предложения о поправках к конституции, что вызвало кризис в отношениях с короной, но и одобрил заключение конституционной комиссии стортинга, где выдвигалось требование устранить неравенство между Норвегией и Швецией в целом, а в частности по престижному вопросу — о государственном и торговом флаге. В 1821 г. у Норвегии появился новый торговый флаг — на прежний флаг вместо белого был помещен синий прямой крест (см. гл. VIII). Однако норвежские торговые суда в Средиземном море и у берегов Африки должны были плавать под шведским флагом, так как этот флаг признавали алжирские и марокканские бей, промышлявшие пиратством, но не нападавшие на суда тех держав, которые платили им отступное, в частности Швеции. После завоевания Алжира Францией пиратство в этих районах прекратилось, но норвежские торговые суда продолжали плавать под шведским флагом.

Поряду с правом повсеместного поднятия норвежского торгового флага депутаты оппозиции требовали для Норвегии собственного военного флота и полного равенства с партнером по унии в отношении государственного герба и титулования короля. Однако последний, раздраженный парламентским вето по ряду его предложений, внезапно распустил стортинг. Распуск в нарушение конституции вызвал единогласный протест сплоченного стортинга. Спустя три недели последний был созван вновь и с тех пор никогда (в отличие от других парламентов Северной Европы) не распускался досрочно.

Король поставил удовлетворение норвежских требований в зависимости от более равномерного распределения финансовых и военных обязательств обоих королевств. Идя навстречу норвежцам, Карл XIV Юхан в 1836 г. впервые назначил также на пост заместителя норвежца, престарелого графа Г. Веделя-Ярлсберга, в 1814 г. лидера «партии униопистов». После смерти графа в

1840 г. новым наместником был назначен опять-таки норвежец, также член Эйдсволлского собрания, консерватор Северин Лёвеншёльд. Назначения норвежцев на высший пост в стране отражали попытки короны привлечь консервативную верхушку, которая все больше тяготела к сближению со Швецией, чтобы удержаться у власти. В 1837 г. норвежские торговые суда получили право плавать под своим флагом во всех морях.

Выборы 1839 г. несколько уменьшили число крестьянских депутатов в стортинге — до 35 человек, в то время как чиновники получили 52 мандата. Однако стортинг вновь отверг последнее предложение короля об изменении конституции.

В 1839 г. во время пребывания в норвежской столице Карл XIV Юхан подписал указ о создании комитета по делам унии в составе четырех шведов и четырех норвежцев для «уточнения и изменения» Риксакта, т. е. договора об условиях унии, в соответствии с пожеланиями стортинга. В конце 1844 г., уже при новом короле Оскаре I, комитет представил законопроект из 150 статей. Формально проект исходил из равенства и независимости двух королевств в их внутренней политике при полном их единстве перед иностранными государствами. По сути же дела он усиливал шведское превосходство: сохранялось единое министерство иностранных дел и дипломатическое представительство, фактически шведское; намечалось создание единого военного министерства, особого министерства по общим для обеих стран вопросам, постоянного объединенного Государственного совета, который должен был стать над шведским и норвежским правительствами; создание объединенного конгресса из равного числа депутатов риксдага и стортинга как высшей инстанции по отношению к парламентам обеих стран. Главная уступка норвежцам заключалась в формальном признании, что министром иностранных дел мог быть норвежец и что ответственность министр отныне нес бы перед союзным Государственным советом. Консервативное правительство Норвегии в целом не возражало против такого изменения условий унии. Однако проект разочаровал и оппозиционную часть стортинга, и шведское общественное мнение, не склонное тогда даже к формальному уравниванию с партнером по унии.

После уступок либерального Оскара I норвежцам в отношении военного флага, герба, титулатуры и т. п. (флаг этот с 1844 г. должен был быть либо шведским, либо норвежским с одинаковым знаком унии у древка) спор об условиях унии затих на все время нового царствования, т. е. до конца 50-х годов. С тем большей остротой велась в парламенте и вне его на протяжении 40-х годов борьба по чисто внутренним вопросам.

Чрезвычайно актуальной в связи с приходом в политическую жизнь норвежского крестьянства стала языковая проблема. Образованные слои общества — чиновничество, буржуазия, интеллиген-

ция — разговаривали на слегка измененном в устной речи датском литературном языке, а широкие массы сельского населения — на бесписьменных диалектах, восходивших к древнорвежскому языку. Вопрос о языке превратился в вопрос политический. Буржуазные демократы во главе с Х. Вергеланном выступали за коренную реформу датского литературного языка, за приближение его к народным диалектам и создание подлинно народной литературы, доступной широким слоям народа. В «Истории норвежской конституции» Вергеланн утверждал, что за 400 лет унии с Данией лишь крестьянство сохранило чистоту языка. «Интеллигенты» же во главе с Вельхавеном отвергали «вульгарный» язык низших классов, считали невозможным допустить его в литературу.

Единомышленники Вергеланна с 1833 г. стали издавать научные «Сборники норвежского народного языка и истории». В том же 1833 г. Андреас Файе, приходский пастор и глава учительской семинарии, под впечатлением трудов братьев Гримм собрал и издал «Норвежские предания», куда вошли древнескандинавские мифологические сказания²⁰. Два других норвежских фольклориста — Петер Кристен Асбьёрссон (1812—1885) и Ёрген Му (1813—1882) — прославились собиранием народных сказок и песен. В 1839 г. Якоб Оль издал перевод исландских саг XIII в. о норвежских королях.

На протяжении 30—40-х годов был основан ряд научных обществ, журналов, продолжающихся изданий по истории, археологии, языку и литературе норвежского народа. Одновременно Р. Кейсер, П. А. Мунк, К. Ланге и другие создали так называемую норвежскую историческую школу, призванную парадом с чисто исследовательскими задачами служить делу национального возрождения путем изучения древнего и самобытного прошлого Норвегии, всемерного выдвижения норвежско-исландского вклада в древнескандинавскую и европейскую культуру (см. историографическое введение).

Наиболее крайние поборники национального возрождения не довольствовались перспективой медленной норвегизации принятого в стране датского литературного языка. Школьный учитель-самоучка Ивар Осен (1813—1896) посвятил свою жизнь искусственному созданию нового литературного языка, взяв за основу западнонорвежские крестьянские диалекты. Главные споры сторонников и противников «лансмол» — так называемый языковый спор — развернулись, впрочем, в последние десятилетия века (см. гл. XVI). В 30—40-е годы норвежская интеллигенция, особенно университетские круги, увлекалась идеями скандинавской солидарности — скандинавизма, зародившегося в Дании. Приверженцы скандинавизма, или панскандинавизма, обычно буржуаз-

²⁰ См.: Брауде Л. Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974, с. 32 и след.

ные либералы по своей идеологии, призывали к всемерному сближению народов Северной Европы вплоть до их государственно-го объединения. Студенты и профессора университетов Копенгагена и Лунда, Кристиании и Упсалы, а также Гельсингфорса (представители шведскоязычных верхов населения Финляндии) регулярно собирались на торжественные встречи. Соответствующую кампанию вели и многие либеральные газеты.

Скандинавизм оказал определенное влияние на обе группировки норвежской буржуазной интеллигенции — «патриотов» и «интеллигентов». Однако они по-разному восприняли скандинавизм. Молодые «патриоты», т. е. демократы, объединившиеся в Студенческом обществе, видели в скандинавизме развитие национально-романтических идей 1830-х годов, включая необходимость сближения с народными низами. Видными представителями скандинавизма среди «патриотов» были профессор философ-гегельнец М. Монрад и историк Доо. В 1844—1845 гг. многие «интеллигенты», т. е. консерваторы, также восприняли идеи скандинавизма, их главой стал журналист О. М. Редер, издававший в эти годы «Конституционалиста». У норвежских консерваторов скандинавизм призван был служить укреплению унитаристских уз и государственной центральной власти в самой Норвегии, противостоянием крестьянскому «коммунализму» с его выдвиганием местных, провинциальных интересов. Кроме того, скандинавизм идейно подпирал культурную ориентацию «интеллигентов» на Данию. Это направление усилилось в 1846 г., когда во главе «Конституционалиста» стал публицист Г. А. Крог, перешедший к консерваторам из рядов «патриотов». Крог был рьяным последователем ультраскандинавизма в его датском истолковании и считал борьбу датчан за Шлезвиг кровным делом всех скандинавов.

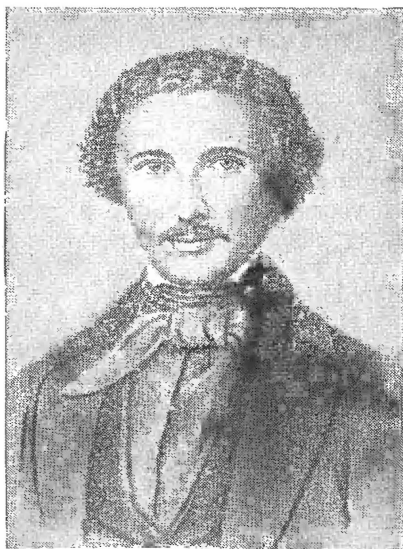
В Норвегии влияние скандинавизма ограничивалось средой интеллигенции и студенчества и уменьшилось в конце 40-х годов как вследствие неудачи датских национал-либералов в их борьбе за Шлезвиг, так и ввиду отказа Оскара I провести в Швеции назывшуюся избирательную реформу. Скандинавизм способствовал расколу демократической оппозиции в Норвегии. Справедливо усматривая в скандинавизме средство усиления зависимости Норвегии от Швеции, часть «патриотов» резко критиковала его на страницах либеральной газеты «Моргенбладет» и многих провинциальных газет²¹.

В 50-х годах, после возникновения в Европе новой войны между великими державами, Крымской, скандинавизм обнаружил еще одну опасную для норвежских национальных интересов сторону — русофобию. Англия и Франция, используя жутел русской угрозы и враждебность передовой скандинавской общест-

²¹ Sanness J. Patriotet, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848. Oslo, 1959.

нежности к реакционному царизму, склоняли стокгольмское правительство к военному выступлению против России. Усилия западных держав были поддержаны Оскаром I, который действовал даже в обход своего дипломатического ведомства, стремившегося сохранить нейтралитет Объединенных королевств. Инспирированная королем газетная кампания в духе скандинавской солидарности — больше, правда, в Швеции, чем в Норвегии, — внушала мысль о грозящем нападении с востока и надежды на возврат Филляндии под шведскую власть²². Эта авантюристическая шумиха и тайная дипломатия едва не втянули Скандинавию в войну. 21 ноября 1855 г., когда исход последней уже был предрешен, король Оскар заключил с Англией и Францией договор, по которому те гарантировали шведско-норвежскую территорию от захвата Россией. Договор, естественно, испортил отношения Стокгольма с Петербургом, хотя реального значения ни тогда, ни позже не имел: ни Николай I, ни его преемники не претендовали на земли будь то Швеции или Норвегии. Парижский мир положил конец реваншистским замыслам второго Бернадота, вскоре умершего (в 1859).

Европейские революции 1848—1849 гг. получили непосредственный отклик в Норвегии. Известия о свержении монархии во Франции вызвали в Кристиании демонстрации, продолжавшиеся с 11 по 14 марта 1848 г. Наиболее радикальные депутаты оппозиции на стортинге предложили выразить недоверие консервативному правительству и протест против остатков абсолютизма в управлении страной. Однако умеренные либералы, напуганные размахом революционного движения в странах континента, перешли на сторону консерваторов и поддержали правительство. Имущие классы в целом были также напуганы развернувшимся под непосредственным влиянием европейских революций народным движением, руководимым молодым школьным учителем и журналистом Маркусом Трапе (1817—1890).

Маркус Трапе

²² Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm, 1939.

М. Тране родился в семье торговца. Накануне революционных событий он путешествовал по Франции и Германии, где увлекся учением утопических социалистов, прежде всего Сен-Симона и Вейтлинга. На Тране оказали также влияние труды Р. Оуэна, Прудона, Л. Блана, движение чартистов. Несмотря на симпатии к социалистическим идеям, М. Тране не выступал за изменение форм собственности, выдвигая на первый план идеи нравственного усовершенствования в духе христианского социализма. Он, однако, добивался коренных преобразований политического строя страны — его демократизации, защищал и социальные интересы народных низов.

В начале 1848 г. М. Тране начал редактировать небольшую газету в г. Драммен «Драмменс Адresse» («Drammens Adresse»), которую в кратчайший срок превратил в самый радикальный орган в Норвегии. Через нее он распространял идеи французского утопического социализма, разъяснял крестьянам необходимость овладеть всей полнотой политической власти, не деля ее с буржуазией и бюрократией, пропагандировал объединение промышленных и сельскохозяйственных рабочих с хусменами ради общей борьбы против богатей. Газета Тране требовала избирательного права для наименее привилегированных слоев. Сам Тране считал консерваторов и либералов одинаково враждебными народным массам, стремился к созданию самостоятельной рабочей партии по примеру чартистов и к замене конституционной монархии республикой.

За свои статьи Тране был лишен права издания газеты. Тогда он начал практически организовывать трудящихся. В отличие от крупных стран Европы — Англии, Франции, Германии, где уже возникла относительно крупная промышленность и сложился пролетариат, в Норвегии численность промышленных рабочих составляла всего 12 тыс. человек. Поэтому в основном Тране обращался к сельскохозяйственному пролетариату, численность которого составляла 145 тыс. человек. Кроме того, в Норвегии было 47 тыс. рабочих лесных промыслов и рыбаков, а также 60 тыс. хусменов.

Тране объезжал города и хутора Норвегии, пропагандируя среди рабочих и хусменов идею объединения. Уже в 1848 г. в Драммене Тране организовал первый рабочий союз, а в мае 1849 г. Тране начал там издавать новую газету «Арбейдерфоренингс блад» («Листок рабочих объединений») ²³. К сентябрю 1849 г. в Норвегии было уже создано 49 таких союзов с тысячами членов, в 1850 г. — 273 союза, а их численность составила более 20 тыс. человек. Вначале движение, явно под влиянием чартизма, огра-

²³ См. отрывки из нее в кн.: Хрестоматия по новой истории: В 3-х томах. М., 1965, т. 2, с. 264—266.

иницировалось сбором подписей под петициями королю и стортингу с требованиями демократических преобразований: введения всеобщего избирательного, прямого и прогрессивного налогообложения, воинской повинности для всех слоев населения, отмены ввозных пошлин на хлеб, пенсий по старости, улучшения положения хусменов и доступного кредита сельским трудящимся, постройки жилья для рабочих за государственный счет. Под петицией удалось собрать более 12 тыс. подписей.

В июле 1850 г. под руководством Трапе в Кристиании состоялся первый съезд рабочих объединений Норвегии — «рабочий стортинг», как со злобой писала о нем пресса имущих классов. На этом съезде, правда в осторожной форме, раздавались призывы к вооруженному восстанию. Хотя сам Трапе и руководители движения выступили против таких крайностей, имущие классы и власти были напуганы, тем более что в провинции пачинались волнения. В 1851 г. организации транитариев были запрещены, их лидеры, в том числе и Трапе, арестованы. Однако аресты вызвали вспышку вооруженных волнений под руководством соратника Трапе — Хальстейна Кнудсопа. Во многих местах сельская беднота захватывала принадлежавшие богатым горожанам и крестьянам земли, делила их между собой, вырубала частные леса. Основной силой были хусмены. Волнения были подавлены с помощью войск. Трапе и 123 его соратникам было предъявлено обвинение в подстрекательстве к бунту. Почти все были приговорены к тюрьме или каторжным работам. Отбыв четыре года в тюрьме, Трапе эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где принимал участие в рабочем движении и сотрудничал в местной рабочей печати на скандинавских языках. Объединения транитариев распались.

Рабочее движение возродилось в Норвегии спустя несколько десятилетий, после того как в стране развернулась широкая индустриализация и вырос массовый промышленный пролетариат.

В политическом отношении движение под руководством М. Трапе способствовало расколу среди крестьянства. Сельская буржуазия — стурбонды были напуганы требованиями преобразовать систему кабального найма хусменов. Однако среднее крестьянство во главе с Уэлашном сочувствовало некоторым общедемократическим требованиям транитариев, и его представители оставались в оппозиции правительству.

В противовес пропаганде транитариев имущие слои выдвинули искусного поборника частной благотворительности — приходского священника и кандидата теологии Хоноратуса Халлинга. Уже в 1848 г. он начал издавать газету «Для бедных и богатых» («For Fattig og Riig»). Выступая с христианско-мистическими проповедями среди бедных слоев населения, Халлинг одновременно развернул широкую благотворительную деятельность. По его иници-

циативе в Кристиании были созданы для рабочих отделение сберегательного банка, больничные кассы, закупочная компания. Халлинг также открыл в столице читальный зал и библиотеку, доступные широким слоям населения. Норвегия к тому времени успела стать страной поголовной грамотности. При всем положительном значении этих мероприятий основной целью Халлинга было удержать трудящихся города и деревни от политического протеста, убедить в необходимости классового мира и подчинения бедных богатым.

НОРВЕГИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НАЧАЛО ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Как мы видели, уже в 40-х годах XIX в. в Норвегии стали возникать фабричные предприятия в различных отраслях, знаменовавшие собой начало промышленной революции. В 50-е годы этот процесс продолжался, а в 60-х годах в Норвегии началась подлинная капиталистическая индустриализация. Апогей ее в рассматриваемый период пришлось на вторую половину 90-х годов.

Еще на рубеже 80—90-х годов такому прощительному наблюдателю, как Фридрих Энгельс, бросалась в глаза отсталость Норвегии: «Лишь в самое последнее время в стране начали sporadически появляться кое-какие ростки крупной промышленности». «Люди здесь, то есть в сельской местности, красивы, сильны, смелы, ограничены и — фанатически религиозны»¹. Однако за пятилетие 1895—1899 гг. число новых промышленных предприятий и общая численность промышленных рабочих выросли, как никогда ранее за тот же срок. Мощность двигателей в промышленности увеличилась на 6¼%, экспорт промышленных товаров — на 30%².

В целом на протяжении второй половины XIX в. Норвегия из страны аграрной стала аграрно-индустриальной: доля экономически активного населения, занятого в сельском, рыболовном и лесном хозяйствах, снизилась до 40%, доля городского населения в общей массе выросла до 28%, число промышленных рабочих — почти всемерно (население в целом — в 1,5 раза). Экспорт увеличился в 4 раза, импорт — в 9, валовой национальный продукт с 1865 г. — в 2,5 раза³.

Главными предпосылками создания крупной капиталистической индустрии в Норвегии были наличие богатых природных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 352, 373.

² Wasberg G. C., Svendsen A. S. Industriens historie i Norge. Oslo, 1969, s. 108—110.

³ Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 30, 33, 77, 91, 251.

ресурсов, как сырьевых (леса, минералы), так и энергетических (огромное число водопадов); устранение меркантилистских и протекционистских пережитков времен абсолютизма, вплоть до полной свободы внешней торговли (таможенный тариф 1873 г.) и между Объединенными королевствами (таможенная конвенция 1874 г. — *mellomrikslov*); наконец, начавшийся в последней четверти XIX в. приток в Норвегию капиталов из-за границы, прежде всего из Англии. Важное значение для преобразования промышленности страны имели научные открытия и, что самое главное, их широкое практическое внедрение — паровые машины (пила, пароход, паровоз), механическая и химическая целлюлоза, получение азотной кислоты из воздуха, консервирование пищевых продуктов, гарпунная пушка и т. д.

Характерной особенностью индустриализации в Норвегии была активная роль буржуазного государства. Исповедуя идеологию экономического либерализма, т. е. принципиального невмешательства государства в хозяйственную жизнь, норвежские правящие круги с помощью своих идеологов — юристов и профессоров — сильно видоизменили ее применительно к местным условиям (решительное преобладание мелкого производства, редкое население, острая нехватка капиталов, привычный авторитет чиновников, бюрократии). Так сложилась в 50—70-х годах «норвежская система» экономического либерализма: инициатива новых крупных предприятий и начальное их финансирование исходили от непосредственно заинтересованных лиц, групп и целых коммун, но государство активно им помогало, выступая как организатор и в особенности как подрядчик. Сами же предприятия, даже в случае решающего участия того же государства, неизменно получали частнопредпринимательскую форму (акционерной компании)⁴.

Другой особенностью норвежской индустриализации, по крайней мере на ее начальной стадии, была ведущая роль внешнего рынка по сравнению с узким внутренним. В первую очередь индустриализовались отрасли, работавшие на экспорт. Так случилось во второй половине XIX в. с лесной и деревообрабатывающей промышленностью, чьи предприятия строились в устьях славных рек. Это были, как правило, крупные фабрики, работавшие как на прямом использовании силы воды, так и с применением паровых двигателей, действовавших на своем топливе — опилках. С 70-х годов в Норвегии приступили к производству механической древесной массы, а в 80-е годы XIX в. — также химической целлюлозы для изготовления бумаги. Именно в целлюлозно-бумажной промышленности Норвегии образовалась одна из первых крупнейших компаний, получившая общеевропейскую известность, — «Боррегор».

⁴ *Scip J. A.* «Det norske system» i den økonomiske liberalismes klassiske tid (1850—1870). — НТ, 1959, N 1, s. 1—58.

В металлургической промышленности второй половины XIX в. основные усилия были направлены на цветную металлургию — создавались медеплавильные и никелеплавильные заводы. Налаживалась добыча и обработка серного колчедана. Во второй половине XIX в. в Норвегии сложилась пищевая промышленность — строились заводы по производству спирта, марганца, маслобойные и сыроваренные фабрики, работавшие поначалу только на внутренний рынок. Внутренний рынок обслуживала и старейшая отрасль норвежской промышленности — текстильная.

В связи с промышленной революцией стали преобразоваться и традиционные отрасли норвежского хозяйства, имевшие европейское значение, — судоходство, рыболовство, китобойный промысел. Таковы, в частности, рыбоконсервные и жировытапливающие заводы, занятые переработкой добычи рыболовных и китобойных судов. Во второй половине XIX в. норвежские суда все в большей степени обслуживали международные перевозки; объем фрахта бурно рос после отмены в 1850 г. британского Навигационного акта и перехода всех развитых стран к свободной торговле. В 1880 г. норвежский флот насчитывал 8100 судов и по тоннажу вышел на третье место в мире. Рост норвежского флота в 60—70-е годы еще шел за счет парусного флота. Рост парусного тоннажа продолжался вплоть до 1890 г. в основном за счет средних — от 500 до 1000 т — и крупных — от 1000 до 2000 т — судов. Однако в 90-е годы пароходы начали теснить парусники. Общее число парусных судов и их общий тоннаж уменьшались. Век парусного флота подходил к концу — его не смогли продлить и появившиеся в 80-е годы парусные гиганты (2—4 тыс. т). Если в 1870 г. тоннаж пароходов по сравнению с парусным тоннажем был незначителен, то в 1900 г. пароходы составляли уже около трети всего норвежского тоннажа⁵.

Таблица 1. Норвежский флот в 1860—1900 гг.

Год	Весь флот		Парусные		Пароходы	
	число судов	тоннаж, тыс. нетто-т	число судов	тоннаж, тыс. нетто-т	число судов	тоннаж, тыс. нетто-т
1860	5287	532	5287	532	—	—
1870	6993	974	6875	961	118	13
1880	8095	1319	7791	1461	334	58
1890	7432	1706	6760	1503	672	203
1900	6813	1508	5642	1003	1171	505

Источник: Historisk statistikk 1968, s. 363 (tab. 175).

⁵ Historisk statistikk 1968, s. 369 (tab. 183); s. 370 (tab. 184).

Рыболовство также продолжало развиваться быстрыми темпами: рос рынок сбыта как в самой Норвегии, так и в других европейских странах. Главными потребителями норвежской рыбы продолжали оставаться Испания, Португалия и Италия. Изменялись и орудия лова — внедрялись новые, сделанные из более прочных материалов сети, гораздо больше стали применяться переметы. К концу XIX в. появились уже первые мотоботы с бензиновыми двигателями. Благодаря этому резко возросла дальность рейсов судов, не зависевших теперь от капризов ветра. Скачком в развитии китобойного промысла стало изобретение в 1868 г. моряком Швеции Фойном из Вестхолла гарпунной пушки, которая позволяла удерживать раненого кита на привязи. Первое время китобойи развернули активный лов вдоль норвежского побережья, однако здесь их интересы припили в столкновение с интересами рыбаков (киты пригиали стаи рыб к берегу, и уменьшение численности этих морских животных грозило уменьшить уловы рыбы). В 1904 г. стортинг запретил китобойный промысел у норвежских берегов, и тот переместился к берегам Антарктики.

Индустриализация и общее оживление деловой жизни постоянно требовали улучшения и усовершенствования средств транспорта и связи. По всей стране строились шоссе, туннели и мосты. После 1870 г. ежегодно сооружалось около 200—300 км дорог с твердым покрытием. Шоссе соединили разделенные горами Эстланд и Вестланд. Вторая половина XIX в. в Норвегии стала также периодом довольно бурного строительства железных дорог, особенно сложного в условиях изрезанной фиордами горной страны. Первый поезд между Кристианией и Эйдсволлом был пущен в Норвегии 1 сентября 1854 г. Эта железная дорога была построена английской компанией под руководством инженера Роберта Стефенсона, сына знаменитого изобретателя. К концу 60-х годов в стране было шесть небольших железных дорог общей протяженностью 360 км, а к концу XIX в. сеть железных дорог насчитывала 2 тыс. км, т. е. все еще меньше, чем в сравнительно небольшой по площади Дании, не говоря о Швеции⁶. Если вначале железнодорожное строительство было отдано иностранным компаниям, то потом государство фактически взяло все строительство в свои руки. О размахе соответствующих работ свидетельствуют следующие цифры (в км) (см. таблицу на с. 297). Несмотря на большое строительство железных дорог и шоссе, основным видом внутреннего транспорта оставалось каботажное морское сообщение.

Важные изменения происходили в организации связи. В 1854 г. появилась первая норвежская почтовая марка. 1 января 1855 г. в Норвегии была пущена первая электротелеграф-

⁶ Lieberman S. The Industrialization of Norway 1800—1920. Oslo, 1970, p. 123.

Год	Железные дороги	Дороги с твердым покрытием
1855	68	16 476
1860	68	17 933
1870	359	20 058
1880	1115	22 494
1890	1562	25 484
1900	2057	28 591

Источник: Historisk statistikk 1968, s. 410 (tab. 200); Ibid., s. 415 (tab. 205).

ная линия, а уже в 1870 г. их общая протяженность достигла 5700 км. Как и в большинстве европейских стран, и почта, и телеграф стали государственной монополией. Заполярный городок Хаммерфест первым в Норвегии уже в начале 90-х годов получил уличное электроосвещение. С внедрением электричества стал преобразоваться и городской транспорт: в 1894 г. по улицам Кристиании были пущены первый трамвай.

Высокими темпами в последние десятилетия XIX в. росли товарообороты норвежской внешней торговли, причем основным партнером Норвегии оставалась Великобритания. Традиционными статьями экспорта были в Норвегии лес, металл, рыба, а также предоставление фрахтовых услуг норвежским торговым флотом для других стран. В целом именно эти четыре отрасли и составляли почти весь экспорт, и обеспечивали около четверти национального дохода. В сложившихся условиях промышленный капитал оттеснил и подчинил себе торговый капитал: промышленники взяли в свои руки оптовую торговлю. В Норвегии, где испытывался острый недостаток свободных капиталов, возникали частные акционерные бапки (первый — в 1848 г.), кредитовавшие промышленность, судоходство, внешнюю торговлю, в 1899 г. их было уже 55⁷. Утверждение капитализма в Норвегии позволило ей провести дальнейшую стабилизацию денежной системы. Вслед за Швецией и Данией Норвегия перешла в 1875 г. от серебряного к золотому стандарту: место серебряных риксдалеров заняла золотая кропа, равная по стоимости одной четверти прежнего риксдалера и состоящая из 100 эре (десятичная система). Главным средством обращения стали новые банкноты, свободно обменивавшиеся на золото по твердому номиналу. Переход к золотому стандарту сопровождался скандинавской валютной унией 1875 г. — первым крупным актом экономического сотрудничества стран Северной Европы. Участники договорились о едином золотом стандарте и о свободном обращении их монет (в 1901—1905 гг. также банкнот) в пределах Скандинавии.

⁷ Jensen M. Norges historie 1814—1905. Oslo, 1963, s. 140—141.

Важной чертой развития норвежской экономики последних десятилетий XIX в. стал ввоз капитала, прежде всего английского, а также в меньших объемах — германского и французского. Для Норвегии в сравнении с другими скандинавскими странами ввоз капиталов имел гораздо большее значение, поскольку она была гораздо беднее своих соседей. Как уже упоминалось, британцы финансировали строительство первых железных дорог в Норвегии. Крупнейшее норвежское предприятие «Боррегор» в конце XIX в. фактически принадлежало англичанам.

Вступив в пору капиталистического развития, Норвегия упростила свои связи с западноевропейским капитализмом в целом. Начиная с экономического кризиса 1857 г. Норвегия стала синхронно испытывать мировые циклические кризисы перепроизводства.

Уже в 60—70-х годах число мельчайших предприятий с численностью рабочих до пяти человек стало сокращаться⁸. В 90-х годах крупные промышленные предприятия практически монополизировали производство или сбыт некоторых видов продукции в масштабах района или даже всей страны. Тогда же возникли и первые картели, однако в целом Норвегия все еще находилась на домонополистической стадии капитализма⁹.

Норвежское сельское хозяйство к началу рассматриваемого периода оставалось все еще примитивным и слабо втянутым в товарно-денежные отношения. Основную массу крестьян составляли мелкие собственники земли, не эксплуатировавшие чужого труда. Но в сельском хозяйстве к этому времени существовали уже и малочисленные капиталистические хозяйства: зажиточное крестьянство и владевшие сельскими именьями горожане эксплуатировали батраков и хусменов. Во второй половине XIX в. в сельское хозяйство Норвегии быстро проникали товарно-денежные отношения, поскольку рост промышленности, городов и рабочих поселков увеличивал спрос на сельскохозяйственную продукцию. Толчок развитию сельского хозяйства в стране дал рост цен на продукцию в 50—70-х годах XIX в., именно в этот период завершается товаризация этой отрасли экономики: крестьяне все больше производили на продажу, добывались дальнейшего увеличения урожайности и продуктивности скота. Внедрялись новые методы обработки полей, шире стали применяться удобрения, а в последней четверти XIX в. быстро росло число сельскохозяйственных машин (например, жнекосилок — в 27 раз)¹⁰. Норвегия уже на три четверти снабжала себя зерном.

В отличие от многих стран Западной и Восточной Европы в Норвегии главные пережитки, мешавшие развитию капитализма в сельском хозяйстве, были не феодальными, а дофеодальными, патриархально-общинными: чересполосность пашен и лугов,

⁸ *Lieberman S. Op. cit., p. 186.*

⁹ *Kleven H. I. Klassestrukturen i det norske samfunnet. Oslo, 1965, s. 86.*

¹⁰ *Nerbovik K. J. Norsk historie 1870—1905. Oslo, 1973, p. 213 (tab. 3).*

находившихся в индивидуальном владении, и коллективное соседское владение лесами, пастбищами и прочими угодьями. Раздел коллективных владений и консолидация чересполосных индивидуальных владений происходили в Норвегии гораздо медленнее, чем в Дании и даже в Швеции. Однако аграрный переворот был сильно ускорен законом об огораживаниях 1857 г.; отныне огораживания производились в принудительном порядке по требованию хотя бы одного совладельца. Уже в 90-х годах норвежское сельское хозяйство воспринималось приезжими русскими специалистами как во многих отношениях образцовое¹¹.

Падение европейских цен на хлеб, вызвавшее удешевлением доставки зерна из-за океана, заставило крупных сельских хозяйств перестраивать производство, вводить рационализацию и даже механизацию. Сельские хозяева, прежде всего крупные, стали пересориентироваться с зернового хозяйства на животноводство — отрасль, где иностранная конкуренция была слабее, а уровень цен — устойчивее. В Норвегии, как и в других скандинавских странах, возникают капиталистические животноводческие хозяйства и молочные фермы. В 80-х годах в Норвегии появляются первые маслобойни с механической центрифугой, крестьяне создают сбытовые и потребительские кооперативы. Заинтересованность в росте производства и повышении качества продукции, в использовании передовых методов заставляла крестьян применять свои общеобразовательные и прикладные знания. По всей Норвегии открывались сельскохозяйственные школы (Высшая сельскохозяйственная школа под Осло — еще в 1859 г. на правительственные средства).

Процесс товаризации сельского хозяйства неизбежно ускорял расслоение крестьянства, в условиях Норвегии издавна весьма неоднородного в имущественном отношении, вытеснял беднейшую часть сельского населения, особенно хуemenов, в города. Доля городского населения постоянно увеличивалась. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Год	Общая численность населения	Население в сельской местности	Городское население	% городского населения
1855	1 490 047	1 292 232	197 815	13,3
1865	1 701 756	1 435 464	266 292	15,6
1875	1 806 900	1 480 480	326 420	18,1
1890	2 000 917	1 526 788	474 129	23,7
1900	2 240 032	1 612 382	627 650	28,0

Источник: Historisk statistikk 1968, s. 33 (tab. 13).

¹¹ Крюков Н. Д. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; Jordskifteverket gjennom 100 år 1858—1958. Oslo, 1959, s. 173—182, 383.

Особенно разительным был рост населения столицы — Кристиании с 30 тыс. жителей в 1855 г. до 228 тыс. в 1899 г. — треть всего городского населения. Если в начале века промышленное производство кормило всего 6% населения страны, то через сто лет — 29%; в торговле в 1801 г. было занято 2% населения, а в 1900 г. — почти 15%¹².

Важнейшим среди социальных последствий индустриализации был рост промышленного пролетариата. Однако этот рост не был непрерывным: в тяжелые кризисные годы, например в конце 1870-х — начале 1880-х годов или в первой половине 1890-х годов, общее число рабочих сокращалось, восстанавливаясь в годы экономического подъема. Промышленная революция привела к тому, что общее число рабочих, занятых в «сухопутных» отраслях, к 1885 г. превысило численность моряков торгового флота. В связи с развитием железнодорожного транспорта увеличился отряд железнодорожников. Рост рабочего класса Норвегии во второй половине XIX в. характеризуют следующие данные (в тыс. человек):

Год	Промышленные рабочие	Личный состав торгового флота	Железнодорожные рабочие и служащие
1860	20,6	33,0	Нет свед.
1870	34,5	40,0	»
1880	43,4 *	46,6	1,7
1890	63,8	58,2	2,7
1900	79,6	49,9	4,5

Источники: Historisk statistikk 1968, s. 77 (tab. 52); s. 80 (tab. 56); s. 410 (tab. 200).

* Данные на 1879 г.

Рост рядов пролетариата замедлялся массовой эмиграцией, прежде всего в Северную Америку. Эмиграции способствовали в 40—50-е годы религиозные, а затем политические преследования, в конце 60-х годов — неурожай, аграрный кризис 80-х годов. Буржуазная перестройка сельского хозяйства усилила эмиграционное движение, апогей которого пришелся как раз на это время. К примеру, в одном 1882 г. эмигрировало более 30 тыс. норвежцев. По приблизительным подсчетам, с 1836 г. (начало эмиграции) и по 1915 г. из Норвегии выехало около 750 тыс. человек — громадная цифра относительно общей численности населения (см. выше). В 1910 г. в одних только Соединенных Штатах Америки насчитывалось 400 тыс. урожденных норвежцев и 900 тыс. граждан США норвежского происхождения, чьи родители были норвежцами.

¹² *Nerbøvik K. J. Op. cit.*

Особенность норвежской индустриализации была, между прочим, в том, что возникающая промышленность размещалась, как правило, вне главных городских центров, и поэтому для Норвегии было характерно появление большого числа рабочих поселков. Рост численности городского населения происходил не только и не столько за счет рабочего класса, а за счет средних слоев — торговцев, ремесленников, чиновников, служащих, интеллигенции, лиц свободных профессий. Социальную верхушку норвежского общества, как и прежде, составляли промышленники, судовладельцы, купцы, верхний слой бюрократии.

Во внутриполитической жизни Норвегии в 50—60-е годы продолжалась борьба между буржуазно-демократическим лагерем, с одной стороны, и консерваторами — с другой. Она шла по все более смыкавшимся друг с другом вопросам — демократизации политической жизни страны и предоставления Норвегии больших прав в рамках шведско-норвежской унии.

«Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с вырождающимся немецким мещанином», — писал позднее Энгельс. В малом мире норвежской средней буржуазии, как он представлял из пьес Ибсена, «люди еще обладают характером и инициативой»¹³. Этот подмеченный Энгельсом сравнительный демократизм норвежской средней буржуазии XIX в. помогает понять, почему в тогдашней Норвегии долго отсутствовала обычная в других странах социально-политическая грань между либералами и буржуазными демократами. Их размежевание началось лишь с приходом оппозиции к власти и проявилось в неоднократных расколах партии «Венстре» (см. ниже).

Обстановка 50-х годов не благоприятствовала, однако, прогрессивным политическим преобразованиям. Имущие слои были поглощены и увлечены хозяйственным подъемом, обогащением. Под впечатлением европейских революций и движения Тране буржуа и зажиточные крестьяне сильно поправились. Либеральные экономические реформы Оскара I, его уступки национальному самолюбию норвежцев (к сказанному в гл. IX можно добавить учреждение норвежского ордена для награждения отличившихся), общескандинавская враждебность буржуазно-либеральных кругов к царской России — все эти обстоятельства на какое-то время примирили норвежцев с монархом, унией и самой Швецией.

Лишь к концу 50-х годов буржуазно-демократические круги норвежского города вновь перешли в наступление — стали требовать дальнейших реформ, направленных на демократизацию государственного управления, введения парламентской ответственности правительства и практического осуществления равенства

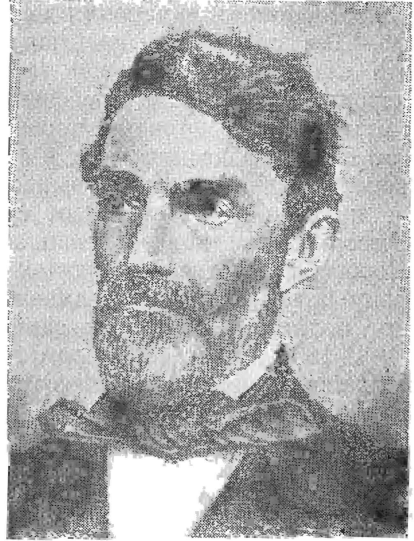
¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 88.

ва Норвегии со Швецией. Вождь буржуазных демократов, один из виднейших политических деятелей Норвегии второй половины века и создатель партии «Венстре», адвокат Юхан Свердруп (1816—1892) пришел к соглашению с руководителем крестьянской оппозиции в стортинге У. Г. Уэланном, за которым продолжала идти наиболее демократическая часть крестьянских депутатов. В 1859 г. 30 депутатов стортинга под руководством Свердрупа, его юного соратника Юханнеса Стеена и Уэланна создали Общество реформ (Reformforening). Это была первая попытка оппозиции организовать, причем не просто в стенах парламента, но в общенациональных масштабах — с отделениями общества па местах. Политическая программа Общества реформ состояла в требовании ежегодного созыва сессий стортинга, дальнейшего расширения прав местного самоуправления, введения суда присяжных, реформы народного просвещения и отделения церкви от школы. Конечной целью Свердрупа и его сторонников продолжало оставаться создание ответственного перед парламентом правительства, т. е. введение парламентаризма. Против Общества реформ ополчилась вся правая, консервативная пресса, демагогически обвиняя Свердрупа в насилии, поскольку тот отстаивал принцип подчинения меньшинства большинству при голосовании по программным вопросам. Спустя несколько лет Общество реформ распалось. Его значение как предтечи партии «Венстре» было в том, что оно способствовало активизации крестьянско-демократической оппозиции и сплочению ее вокруг «триумвирата» — вождей-демократов города: Ю. Свердрупа, Ю. Стеена и вождя крестьян У. Г. Уэланна.

На рубеже 50—60-х годов вновь обострился вопрос о шведско-норвежской унии, причем в отличие от предшествующего периода борьба развернулась между стортингом, с одной стороны, и норвежским и шведским правительствами — с другой. Внутриполитическая борьба в Норвегии и борьба норвежцев за полное равенство со Швецией, таким образом, оказались как бы слиты, несмотря на то что точки зрения и норвежских консерваторов, и шведских шовинистов, настаивавших на большей зависимости Норвегии от Швеции, были различны. Теперь самым острым вопросом стало сохранение королевского наместничества в Норвегии — унизирующая для страны должность, явно показывающая ее зависимое положение, хотя с 30-х годов наместниками были норвежцы. Норвежские демократы справедливо рассматривали пост наместника не только как символ подчинения Швеции, но и как один из оплотов власти консерваторов.

Именно в это время общественное мнение Норвегии явственно размежевалось по вопросу об унии. Консервативное крыло буржуазии и чиновников в самом отставании принципа самостоятельности Норвегии видело опасность революции. Идеи скандинавизма (см. гл. IX) находили отклик у норвежских кон-

серваторов отчасти потому, что эти деятели в более тесном сближении со Швецией видели гарантию против такой революции. Способствовал усилению проунионистских настроений в Норвегии и пропагандировавшийся прессой жупел русской угрозы Северной Европе. Имперо во время Крымской войны, в 1854 г., впервые по инициативе норвежских консервативных кругов и при поддержке либералов власти стали праздновать день 4 ноября — принятие в 1814 г. стортингом унии со Швецией (см. гл. VIII) — вместо 17 мая. Консервативное крыло стортинга готово было пойти навстречу новым шведским притязаниям в смысле более тесного слияния обеих стран, что вело Норвегию к еще большему подчинению шведам. Консерваторы под руководством К. Х. Швейгера (младшего) сплотились, добиваясь усиления королевской власти и такого изменения Риксакта, которое уступавливало бы большую централизацию власти и в Норвегии, и в Швеции для противодействия «простому народу».

Юхан Свердруп

В 1859 г. стортинг принял закон об упразднении должности наместника. Вступивший незадолго до этого на престол король Карл XV (1859—1872) по примеру Оскара I был готов пойти на уступки норвежцам и негласно одобрил новый закон, чтобы не обострять обстановку. Однако решение стортинга впервые с 1814 г. вызвало резкое недовольство правящих кругов Швеции, в особенности дворянской палаты шведского сословного парламента — риксдага. Под давлением риксдага Карл XV пошел на попятную и наложил вето, и, хотя новый наместник с 1856 г. больше не назначался, популярность дома Бернадотов в Норвегии круто упала. Именно с этого времени началась та ожесточенная борьба между шведами и норвежцами вокруг условий унии, которая в конце концов привела в 1905 г. к ее разрыву.

Шведский риксдаг, возмущенный действиями стортинга, потребовал в 1860 г. создать новый комитет по пересмотру условий унии в целях большего слияния обеих королевств. Шведы требовали реорганизации дела обороны, расширения прав короля в военных вопросах, учреждения совместного парламента, восстановления наместничества. Шведы протестовали против якобы

одностороннего изменения норвежцами условий унии — Риксакта — без одобрения шведским риксдагом. Стортинг ответил на это принятым 23 апреля 1860 г. историческим обращением к королю, в котором провозглашалось, что, «оставаясь верным заключенному договору, норвежский народ никогда не пренебрегал своими обязанностями в отношении Швеции и шведского народа; оставаясь верным выраженной в основном законе свободе, он никогда не отречется от своей чести и самостоятельности»¹⁴. Вместе с тем консервативная часть стортинга и правительство Норвегии не отвергали возможность пересмотра Риксакта в сторону более тесного объединения обоих королевств, но при условии полного формального равноправия сторон.

В 1861 г. шведский премьер-министр Де Геер выдвинул предложение пересмотреть Риксакт и создать общий шведско-норвежский парламент пропорционально народонаселению и доле участия каждой стороны в государственных расходах. Это предложение должно было увековечить первенствующее положение Швеции, и поэтому оно было отвергнуто норвежцами. Односторонняя ликвидация стортингом наместничества вызывала длительные споры со Швецией на протяжении 60-х годов. В последний раз стортинг отверг шведские предложения о восстановлении наместничества в 1871 г. В 1872 г. Оскар II, вступив на престол, утвердил принятое в третий раз изменение конституции, признав, что вопрос о наместничестве касается только Норвегии.

В конце 60-х годов вновь наметилась консолидация городской и крестьянской оппозиций под знаком совместной борьбы за парламентаризм. В 1869 г. Ю. Свердруп блокировался с новым лидером крестьянской оппозиции в стортинге школьным учителем Сёренем Ябеком (1814—1894). Депутат стортинга с 1845 г., мелкобуржуазный демократ, симпатизировавший трудящимся слоям населения, сторонник свободы торговли С. Ябек в 1865 г. основал по датскому примеру организацию «Друзья крестьян» (Bondevennene) с центром в г. Мандаль и с отделениями по всей стране. Вплоть до 1879 г. он был редактором ее печатного органа «Фолькетиденде» (Folketidende). Программа Ябека включала борьбу против чиновников и «денежной аристократии», расширение избирательных прав в пользу малоимущих слоев населения, экономии государственных средств. Блок Ябека со Свердрупом и буржуазно-демократической оппозицией города положил начало последующему формированию буржуазно-демократической парламентской партии «Венстре» — «Левой». Помимо расширения прав стортинга, оппозиция выступала за расширение прав местного самоуправления, за полное фактическое равенство Норвегии в унии со Швецией и против любых шагов, направ-

¹⁴ Цит. по: *Clason S. Historisk redogörelse för unionsfrågans tidigare skeden.* Stockholm, 1898, s. 42—46.

ленных на слияние Норвегии и Швеции. В 1859 г. была одержана первая победа: 81 голосом против 30 был принят закон о ежегодных сессиях парламента вместо одного раза в три года.

На выборах в стортинг 1870 г. венстре получили убедительное большинство и отныне могли увереннее противодействовать укреплению унии со Швецией. В 1871 г. стортинг отклонил предложения совместного шведско-норвежского комитета по делам унии, направленные на создание общих для обеих стран учреждений.

Сплочение буржуазно-демократического лагеря побудило буржуазно-консервативные и бюрократические круги поспешить с созданием своей парламентской фракции, названной хейре — правыми в противовес венстре. Их лидером стал К. Х. Швейгор (младший). Естественно, в 60—70-е годы эти парламентские группировки не были еще партиями в современном понимании. Депутаты стортинга объединялись как по своей социальной принадлежности, так и в силу приверженности определенным программным установкам. Сами понятия «венстре» и «хейре» впервые были применены в избирательной кампании 1874 г.

В 70-е годы наиболее острым в политической жизни Норвегии стал вопрос о парламентаризме, т. е. создании ответственного перед стортингом правительства страны, опирающегося на парламентское большинство.

Для венстре введение парламентаризма, поскольку они располагали большинством мест в стортинге, означало бы двойную победу — демократизацию политической жизни и достижение большей самостоятельности Норвегии.

Еще в 1859 г. представитель буржуазных демократов К. Моцфельдт внес в парламент законопроект о допущении членов правительства к заседаниям стортинга с правом совещательного голоса, что должно было стать первым шагом к ответственности министров перед стортингом. Консервативное крыло стортинга резко воспротивилось установлению «тирании большинства», как говорил один из лидеров консерваторов, профессор политэкономии Т. Х. Аскехоуг. Консерваторы оказали поддержку правительству, возглавлявшемуся адвокатом Ф. Стангом с 1861 по 1880 г. Борьба, разгоревшаяся между либерально-демократическим большинством парламента — венстре и консерваторами — хейре, которых поддерживал Ф. Станг, завершилась победой левых. В 1870 г. стортинг большинством голосов (80 против 29) принял законопроект о допуске министров к парламентским дебатам, т. е. изменил соответствующую статью конституции. По совету Ф. Станга король наложил вето.

В 1874 г. после новых выборов спорный закон был принят вторично, а в 1877 г. — в третий раз, однако незначительные редакционные изменения формально дали повод правительству считать это принятие вторым. Консерваторы, видя, что власть может

ускользнуть из их рук, развернули яростную пропаганду в печати, утверждая, что законопроект Свердрупа ведет Норвегию к социализму и республике, полагая напугать этим отсталую часть крестьянства. Однако выборы 1879 г. принесли новую победу венстре, и законопроект в третий, а фактически в четвертый раз был принят в 1880 г. 92 голосами против 20, причем на этот раз за него голосовали даже некоторые члены партии «Хейре». Король Оскар II под влиянием Ф. Стагга отказался и на этот раз утвердить закон. Вето короля было оглашено в стортинге, и Ю. Свердруп, избранный его председателем, предложил принять резолюцию об объявлении закона действительным на основе соответствующей статьи конституции, что и было принято 9 июня 1880 г.

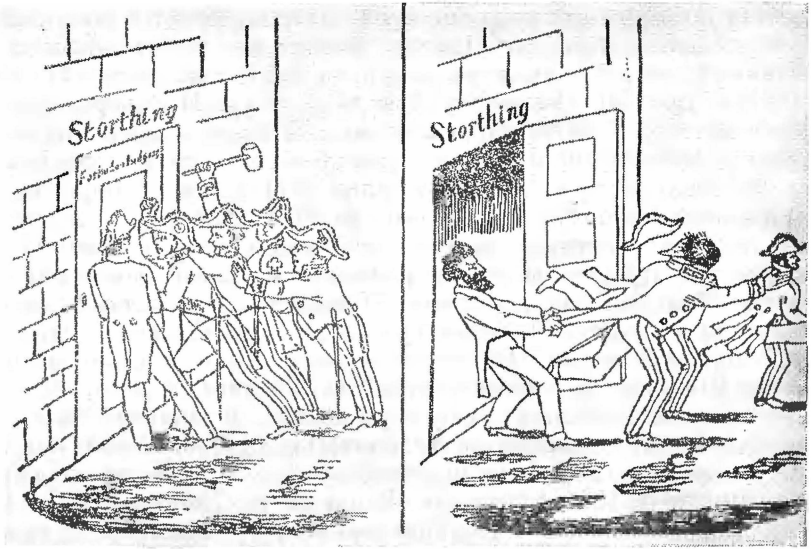
Тем не менее правительство Норвегии отказалось признать закон действующим, поскольку, по его мнению, закон изменял конституцию и потому нуждался в одобрении короля. Консервативные юристы университета в Кристиании, которым на рассмотрение был передан вопрос, со своей стороны, доказывали, что в конституционных вопросах право королевского вето является абсолютным. Парламентская борьба вокруг допущения министров к дебатам не оставила равнодушными массы горожан, чьи симпатии были на стороне венстре. Тысячные демонстрации приветствовали Ю. Свердрупа, либерально-демократических депутатов по всей стране встречали с почестями. На некоторое время день 9 июля стал своего рода праздником. Радикальная парламентская программа венстре создала им, особенно за пределами Норвегии, репутацию республиканцев¹⁵.

Разногласия по этим вопросам в самом правительстве привели к отставке более умеренного консерватора Ф. Стагга. Премьер-министром стал убежденный консерватор и сторонник укрепления позиций королевской власти Кристиан Август Сельмер. Реакционная политика правительства Сельмера обостряла противоречия между либерально-демократическим лагерем и консерваторами¹⁶. Уже в 1880 г. стортинг потребовал привлечения к судебной ответственности членов правительства, по инициативе которых король налагал вето. Однако Государственный суд (Riksretten)¹⁷ принял сторону короля. Правительство Сельмера продолжало отвергать принимаемые стортингом законопроекты: о демократической реорганизации армии и об оплате из государст-

¹⁵ См. например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 83; см. также: *Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Abo, 1969, s. 40—41.

¹⁶ *Kaartvedt A.* Kampen mot parlamentarismen 1880—1884. Den konservative politikken under vetostriden. Bergen, 1967.

¹⁷ Государственный суд состоит из членов Верховного суда и членов ландтинга. Судит министров и депутатов парламента за должностные правонарушения.

Политическая карикатура 1872 г.
(Изменение позиции правительства по вопросу о допуске министров
в стортинг)

вешних средств отрядов добровольного народного ополчения, не подчиненного королю. Оба законопроекта явно имели антиунионистские цели. В 1881 г. правительство отвергло законопроект о понижении имущественного ценза для избирателей.

Выборы 1882 г., проходившие, кстати, необычайно активно¹⁸, дали венстре 83 места в парламенте, за консерваторами и умеренными осталось лишь 31 место¹⁹. Лагтинг, в частности, теперь состоял из одних членов партии «Венстре». Новый стортинг опять выдвинул предложение о возбуждении судебного процесса против правительства. Одельстинг 30 марта 1883 г. представил обвинительный акт, а 18 мая Государственный суд приступил к слушанию дела. Процесс продолжался около года и завершился признанием почти всех членов кабинета виновными в «антинародных» действиях, в злоупотреблении королевским veto, в неявке на заседания стортинга. Суд приговорил их к лишению портфелей. Положение в стране обострилось, поскольку в правящих кругах высказывались опасения, что в случае отка-

¹⁸ В выборах участвовало 72% избирателей (72 тыс. из 99 тыс. человек, имевших право голоса), в выборах 1879 г.— 49%. См.: Historisk statistikk 1968, s. 631 (tab. 360).

¹⁹ Число депутатов стортинга с 1815 по 1879 г. увеличилось с 87 до 114 человек. См.: Bergsgård A. Norsk historie 1814—1880. Oslo, 1964, s. 241.

за короля признать решение суда в стране будет провозглашена республика и уния со Швецией разорвана. В сложившихся условиях Оскар II считал за благо не идти на риск. 11 марта 1884 г. премьер Сельмер получил отставку. Премьер-министром стал сначала К. Швейгор, а затем — Э. Станг (младший) — умеренные консерваторы. Однако положение их было непрочным.

24 июня 1884 г. король уступил окончательно, поручив формирование кабинета вождю венстре Ю. Свердрупу. 2 июля того же года в стортинге занял свои места первое ответственное перед ним правительство, опиравшееся на либерально-демократическое большинство депутатов. Принцип буржуазного парламентаризма восторжествовал в Норвегии, таким образом, раньше, чем в Дании и Швеции. Отныне ее зависимость от короля, а значит и от Швеции, значительно ослабла. В лице партии «Венстре» победила норвежская мелкобуржуазная, в значительной мере крестьянская, демократия, исторически прогрессивная при всех ее, по выражению Ленина, «мещанских ограниченностях»²⁰.

Именно в 1884 г. партии «Венстре» и «Хейре» окончательно сформировались как общенациональные, со своим представительством в парламенте. Созданные Ябеком общества «Друзья крестьян» в основном составили местные отделения партии «Венстре». За ней шли представители интеллигенции: адвокаты, школьные учителя, радикально настроенные студенты, а также многие предприниматели. Наиболее видными идеологами партии стали поэт Бьёрнстjerne Бьёрнсон и историк Эрст Сарс. Определенное влияние оказывала партия «Венстре» и на рабочих (см. ниже). По своему составу партия была, таким образом, крайне неоднородной, что вскоре привело ее к расколу. Лидером консервативной партии «Хейре» стал юрист из Кристиансанна, умеренный консерватор Эмиль Станг (1834—1912), сын Фредерика Станга. Социальной базой партии были не только бюрократическо-чиновничьи круги, но и крупная и средняя буржуазия, зажиточное крестьянство. Как видим, социальная база обеих партий частью совпадала.

Первое правительство партии «Венстре» (1884—1889) провело ряд реформ: было расширено избирательное право (1884), введен суд присяжных по рассмотрению уголовных дел (1887), реорганизована на более демократических началах армия (законы 1885 и 1887 гг.). Управление начальными школами было передано из рук пасторов в руки выборных школьных советов. В 1885 г. после ожесточенной дискуссии в печати искусственно воссозданный «сельский язык» («лансмол») был уравнен в правах с языком горожан — датско-норвежским «государственным языком» («риксмолом»). Языковый спор, однако, не затихал (см. гл. XVI).

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 293.

Все же победа партии «Венстре» оказалась непрочной в силу нараставших в ней разногласий. Левое крыло партии, представители городских средних слоев, оказалось недовольным уже первыми мероприятиями Свердрупа. Проведенная в 1884 г. реформа по расширению избирательного права сохранила имущественный ценз. Право голоса получили те, кто имел определенный, облагаемый налогом доход (500 крон в сельской местности, 800 крон в городах). Число избирателей выросло на 38 500 человек, но еще 224 тыс. человек, т. е. 70% взрослых мужчин, остались без права голоса. В частности, к выборам не была допущена основная масса рабочих (см. ниже). Представители передовой интеллигенции — Генрик Ибсен, Бьёрнстjerne Бьёрсон, Александр Хьелланн — были недовольны влиянием на Свердрупа клерикальных кругов (в правительство Свердруп включил своего племянника — пастора).

В 1888 г. венстре раскололись на радикальных, или чистых, венстре, которых возглавил Юханнес Стеен (1827—1906), и на умеренных венстре, во главе которых остался Свердруп, скончавшийся в 1892 г. Расколом венстре воспользовались хёйре, которые в 1889 г. образовали новый кабинет во главе с Э. Стангом. Однако правительство консерваторов продержалось всего до 1891 г., когда на выборах чистые венстре получили 65 мест, хёйре — 35, а умеренные венстре — 14 мест. Новое правительство чистых венстре возглавил Юханнес Стеен.

Придя к власти, чистые венстре выдвинули программу, нацеленную на установление независимой консульской службы для Норвегии, которой должен был руководить министр иностранных дел Норвегии, а не Швеции. Хёйре, со своей стороны, выступали за создание объединенной унитаристской внешнеполитической и консульской службы с полным равноправием для норвежцев и шведов и под руководством единого шведско-норвежского министра иностранных дел. Швеция, где в это время у власти стояло консервативное, шовинистическое правительство Э. Г. Бустрёма, соглашалась лишь на попеременное замещение поста общего министра иностранных дел, требуя взамен значительных уступок со стороны норвежцев в конституционных, таможенных и военных вопросах. Программа чистых венстре в Норвегии непосредственно диктовалась глобальными внешнеэкономическими устремлениями норвежской торгово-судовладельческой буржуазии и проникнута духом буржуазного национализма, игравшего в то время прогрессивную роль. В. И. Ленин позже писал: «...несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии»²¹.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 291.

Новое обострение споров между Швецией и Норвегией из-за условий унии произошло в середине 80-х годов, сразу же вслед за победой парламентаризма в Норвегии. В 1885 г. риксдаг изменил 11-ю и 12-ю статьи шведской конституции, значительно ограничив внешнеполитические прерогативы короля в пользу премьер-министра Швеции и министра иностранных дел, т. е. в пользу шведского Государственного совета (правительства). Этим у короля Швеции и Норвегии отнималось право непосредственного руководства внешней политикой Соединенных королевств. Теперь дипломатические сношения полностью находились в ведении министра иностранных дел, ответственного не перед шведско-норвежским королем, а перед шведским риксдагом. Реформа усиливала положение Швеции и явно умаляла интересы Норвегии. Вырос вес Швеции в смешанном совете министров по внешнеполитическим делам (*ministerielle stadsråd*), где теперь было три шведа — премьер, министр иностранных дел в качестве докладчика и еще один шведский министр — против одного норвежского премьера. Начавшиеся переговоры между шведским и норвежским представителями не привели к компромиссу, но стоили популярности уступчивому вождю венстре Ю. Свердрупу.

Норвежские требования были обоснованы особой комиссией стортинга, которая показала нужду Норвегии в собственной консульской службе. В докладе комиссии, представленном стортингу 20 октября 1891 г., единогласно признавалось, что интересы национального судоходства и морской торговли требуют передачи консульской службы в полное распоряжение Норвегии и назначения на важнейшие консульские посты исключительно норвежцев. 1 марта 1892 г. стортинг принял резолюцию о том, что организация собственной консульской службы вовсе не нарушает интересов унии и подлечит компетенции норвежского правительства²². 10 марта стортинг вотировал кредиты на создание норвежской консульской службы. Однако король Оскар II наложил вето на это решение. Шведский риксдаг 14 марта 1892 г. объявил о неразрывности дипломатических и консульских вопросов. Неудача 1892 г. побудила правительство Ю. Стеена уйти в отставку. Его сменил консервативный кабинет Э. Станга, выступавший за новые переговоры со Швецией.

Норвежские венстре выступали за изменение формы унии: они считали, что уния должна ограничиваться сотрудничеством между Норвегией и Швецией в деле обороны полуострова и что они должны иметь общего короля. Создание норвежских консульств венстре рассматривали как своего рода программу-минимум, их программой-максимум в тот момент было создание пор-

²² См. в марксистской литературе: *Piotrowski B. Walka norwegów o rozwiązanie unii politycznej ze Szwecją (1884—1907)*. Poznań, 1974, s. 66 etc.

нежского министерства иностранных дел, ответственного только перед стортингом. При этом некоторые из идеологов венстре — видный либеральный публицист, юрист-международник Сигурд Ибсен (сын великого норвежского писателя) и знаменитый норвежский историк Эрнст Сарс — видели окончательную цель борьбы норвежского народа в полном расторжении унии²³. Консерваторы-хёйре выступали за укрепление унии, за сохранение общего министерства иностранных дел при условии большего равенства партнеров, но в консульской программе они сближались с венстре: интересы норвежских судовладельцев, и мелких, и крупных, здесь совпадали. В отличие от радикалов консерваторы не хотели идти на обострение со Швецией и выступали за решение спорных проблем путем переговоров.

Норвегия предпринимала и целый ряд вспомогательных мер, направленных на решение консульской проблемы. В 1893 г. стортинг отказал в кредитах на содержание шведско-норвежского консульства в Вене как совершенно бесполезного для Норвегии, что было определено в бюджете на 1894 г. Кроме того, стортинг отказал в уплате норвежской доли в секретный фонд шведского министерства иностранных дел. Тогда же стортинг решил снять знак унии с норвежского флага, цивильный лист (ежегодное содержание) короля был уменьшен с 336 тыс. крон до 156 тыс., а цивильный лист кронпринца — с 80 тыс. до 30 тыс. крон.

В 1894—1895 гг. шведские шовинисты в риксдаге перешли в контрнаступление: из Швеции стали раздаваться призывы к применению силы в случае каких-либо односторонних шагов норвежцев. В 1894 г. риксдаг вотировал военные кредиты — явно против Норвегии, а на следующий год была принята резолюция с требованием решительного пересмотра условий унии в пользу дальнейшего усиления зависимости Норвегии от Швеции и сближения обоих королевств. Под давлением протекционистских кругов риксдаг также денонсировал таможенную конвенцию (Mellomriksloven) с Норвегией 1874 г. как якобы односторонне выгодную последней.

Угроза со стороны Швеции уменьшила популярность радикально настроенных чистых венстре, выступавших за решительные действия. На выборах в стортинг в 1894 г. верх одержали более умеренные сторонники решения проблемы путем переговоров со Швецией. 13 ноября 1895 г. был создан очередной шведско-норвежский комитет по пересмотру условий унии, в который вошли семь шведов и семь норвежцев. Комитет заседал почти три года, обсуждая три различных варианта решения спорных вопросов: 1) сохранение общего министерства иностранных дел, дипломатической службы и консульств; 2) разделение кон-

²³ См.: *Sunnandå O. Johannes Steen. Statsminister og parlamentarisk førar.* Oslo, 1967.

сульств при сохранении общего министерства иностранных дел, посольств и миссий; 3) разделение всех внешнеполитических органов — министерства, посольств и миссий, консульств. Шведские представители выступали за первый вариант, в то время как среди норвежцев единства не было. Работа и этого комитета оказалась бесплодной: к компромиссу прийти не удалось. Выборы 1897 г. вновь дали большой перевес чистым венстре (в дальнейшем — просто венстре) — они получили 79 мест против 35, полученных консерваторами. 26 марта 1898 г., после доклада норвежских членов комитета стортингу о неудаче переговоров, парламент в третий раз принял и ввел в действие закон о снятии знака ушки с норвежского флага. Этот «дерзкий» акт вызвал новое резкое обострение в отношениях между Швецией и Норвегией — коалиционное правительство Хагерупа, стремившееся к переговорам, было вынуждено теперь уступить место второму кабинету чистых венстре Ю. Стеена, который находился у власти вплоть до 1902 г.

Перед лицом возможного вооруженного конфликта со Швецией окрепшая норвежская нация сплотилась. Венстре и хейре временно объединились вокруг программы вооружений — был значительно обновлен и увеличен военно-морской флот, выпущены оборонные займы. На границе со Швецией сооружались укрепления: старые крепости были модернизированы, построены новые. Вдоль берегов также возводились укрепления. Армия была снабжена современной артиллерией. Твердость норвежцев побудила шведское правительство пойти на новые переговоры. Оно пыталось вызвать к великим державам, одновременно пугая норвежцев старым жупелом русской угрозы Северной Европе (то были годы наступления царизма на финляндскую автономию). Поддержку Швеция нашла при дворе кайзеровской Германии, в то время как в Петербурге, несмотря на осуждение норвежских «республиканцев», решительно отказывались от какой-либо поддержки воинственных намерений Швеции²⁴.

В тот же период особую популярность в Норвегии приобрели буржуазно-пацифистские идеи. Их горячо пропагандировал, в частности, Бьёрнстерне Бьёрнсон. В 1890 г. норвежский стортинг стал первым парламентом в мире, который большинством голосов принял резолюцию в пользу международных соглашений о применении арбитража, т. е. третейского разбирательства всех международных конфликтов. Тогда же стортинг послал делегатов на первую межпарламентскую конференцию, сделав, кстати, это, в отличие от других участников, за государственный счет. В 1897 г., накануне первой Гаагской мирной конференции (об ограничении вооружений), стортинг снова принял единодушную резолюцию в пользу подписания договоров об арбитраже. Имён-

²⁴ *Jungar S. Op. cit.*

но в знак признания этих шагов стортинга богатейший шведский промышленник, изобретатель динамита Альфред Нобель выделил по завещанию премию за укрепление мира и поручил регулярное присуждение ее специальному комитету, назначаемому стортингом. Комитет начал свою деятельность с 1901 г., но, как показала история, далеко не всегда Нобелевские премии мира действительно присуждались тем, кто их заслуживал²⁵.

Конiec XIX в. ознаменовался также рождением нового и весьма перспективного фактора в политической жизни Норвегии. После разгрома движения М. Трапе прошло несколько десятилетий, прежде чем рабочее движение организовалось на новой социальной основе. В Норвегии, как было сказано выше, в итоге промышленного переворота и начавшейся индустриализации, создания предприятий тяжелой и легкой промышленности, притока в нее рабочей силы из сельской местности сложился промышленный пролетариат. Положение нового социального класса было во второй половине XIX в. очень тяжелым. Постоянная резервная армия безработных, частично, правда, уменьшаемая эмиграцией, отсутствие социального страхования, крайне низкий уровень питания и жилья — таков был удел норвежского рабочего в первые десятилетия после начала промышленной революции. Рабочий день составлял не менее 12 часов в день, широко был распространен женский и детский труд. Так, в 1875 г. около 10% занятых в промышленности не достигали 15 лет.

В 50—60-е годы стали создаваться первые воспитательно-благотворительные объединения рабочих (*arbeidersamfund, arbeiderforeninger*), продолжавшие традиции Х. Халлинга (см. гл. IX). Одной из крупнейших организаций такого рода было Рабочее общество Кристиании. Определенное косвенное влияние оказали на рабочее движение в Норвегии Парижская Коммуна и деятельность I Интернационала. В 1870-х годах вслед за участвовавшими стачками (особенно в 1872 г.) для постоянной защиты классовых интересов рабочих были основаны профессиональные союзы: первый из них был образован типографчиками в 1872 г. в Кристиании и в Бергене. На рабочих собраниях выдвигались политические дискуссии, в ходе которых уже выдвигались социалистические идеи. В Кристиании выступал высланный из Дании за связь с I Интернационалом Мариус Янцеп, которого поддержал студент Олаус Фьёртофт. Оба они возглавили Объединение норвежских рабочих (*Norske Arbeiders Forening*). Фьёртофт опубликовал на страницах столичной газеты «Фрам» («Вперед») Устав I Интернационала, пропагандировал идеи марксистского учения.

²⁵ См. также: *Кан А. С.* Нейтралитетские традиции во внешней политике скандинавских государств.— Новая и новейшая история, 1962, № 4, с. 72—73.

Однако подъем рабочего движения в первой половине 70-х годов, ограниченный одной столицей, оказался недолгим. К концу десятилетия многие организации распались или подчинились руководству партии «Венстре», став фактически ее филиалами. Новый подъем рабочего движения начался в 80-х годах, когда в Норвегии было образовано 62 профсоюза, частью уже в общенациональном масштабе. В начале десятилетия председатель союза норвежских типографчиков Кристиан Хультерман Кнудсен (1845—1929) развернул агитацию за создание самостоятельной партии. С 1884 г. под руководством Кнудсена стала выходить газета «Ворт арбейде» («Наш труд»), переименованная в 1886 г. в «Сосиал-демократен». На страницах этой газеты велась агитация за создание и объединение рабочих организаций.

В 1885 г. в Кристиании было создано первое социал-демократическое объединение (Den Social-Demokratiske forening), а по его примеру — другие в провинциальных городах, например в Ставангере. В противовес им в 1885 г. под руководством буржуазного либерала (венстре) Ю. Кастберга был создан Объединенный норвежский рабочий союз (De forenede norske Arbeidersamfund). Однако буржуазии не удалось воспрепятствовать созданию партии рабочего класса. В 1887 г. на съезде в Арендале 19 рабочих организаций объединились в политическую общенорвежскую Объединенную рабочую партию (Det forenede Arbeiderparti). В принятой учредительным съездом программе содержались лишь общедемократические требования: ввести законодательство по охране труда, предоставить всеобщее право голоса, отменить косвенные налоги. Специфически пролетарским было положение об обязанности повой партии поддерживать забастовки. Иных четких классовых требований в программе не было. По примеру многих социал-демократических партий Западной Европы того времени членство в партии было как индивидуальное, так и коллективное. Таким образом, Рабочая партия стала не только общенациональным политическим рабочим центром, но и профсоюзным.

Основание НРП «следует считать историческим поворотом в норвежском рабочем движении, прежде всего потому, что был сделан решающий шаг к образованию самостоятельной классовой партии, к политическому становлению рабочего класса как такового», — замечает норвежский историк-коммунист²⁶.

Норвежские социал-демократы включились в международное рабочее движение. В 1889 г. партия послала представителей на Учредительный Парижский конгресс II Интернационала, а не на параллельный конгресс крайних оппортунистов (поссибилистов)²⁷. В 1891 г. на V съезде она получила новое название —

²⁶ Norges Kommunistiske partis historie. Oslo, 1963, Bd. 1, s. 7—8.

²⁷ Ср. мнения Энгельса по этому поводу: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 37, с. 179; т. 22, с. 78.

Норвежская рабочая партия (Det norske Arbeiderparti), сохраняющееся и поныне. Была принята новая социалистическая программа, марксистская в своей основе, фактически повторявшая Эрфуртскую программу германских социал-демократов. Основные требования норвежской социал-демократии, как и других западноевропейских стран, состояли во введении всеобщего избирательного права и установлении 8-часового рабочего дня. В новую программу были включены пункты об овладении политической властью, об уничтожении классов и классового господства. Вместе с тем отсутствовало понятие диктатуры пролетариата.

Кристиан Хультерман Кнудсен

В последнее десятилетие XIX в. Норвежская рабочая партия оставалась довольно слабой. Партия и рабочее движение в целом продолжали следовать за

частыми венстре, возглавлявшими антиунионистское движение, — национальный вопрос заслонял для многих рабочих социальные проблемы. Поскольку большинство рабочих до 1898 г. не имели права голоса, у НРП вплоть до 1903 г. не было своих депутатов в стортинге. Вместе с тем определенных успехов в привлечении на свою сторону рабочего класса НРП все же добилась. Росли число и размеры профессиональных союзов. Все чаще происходили забастовки и заканчивались победой. В 1889 г. была учреждена общенациональная профсоюзная организация, формально непартийная, но тесно примыкавшая к НРП — Центральное объединение профсоюзов Норвегии (ЦОИН) (Landsorganisasjonen). Поначалу ЦОИН охватывало лишь малую часть рабочего класса²⁸.

В 1892 г. были приняты закон о фабричной инспекции, который устанавливал государственную инспекцию на всех заводах, законы о запрете детского труда, регулировании почтового труда и труда по праздникам. В 1894 г. был принят закон о государственном страховании от несчастных случаев. В конце 90-х годов очередной кабинет венстре под давлением рабочего класса назначил комиссию для рассмотрения положения рабочих.

²⁸ Bull E. Norsk fagbevegelse. Oslo, 1955, s. 79 etc.

РАСТОРЖЕНИЕ НЕРАВНОПРАВНОЙ УНИИ. НОРВЕГИЯ В ПЕРИОД ДОВОЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1900—1918 ГГ.)

Циклический кризис 1900 г., явившийся гранью двух стадий в развитии мирового капитализма, «свободной» и монополистической, лишь ненадолго замедлил индустриализацию Норвегии. Подъем возобновился в середине 900-х годов и продолжался по 1916 г. В конце рассматриваемого периода, т. е. на исходе первой мировой войны, Норвегия стала страной индустриально-аграрной, во-первых, и страной монополистического капитализма, во-вторых¹.

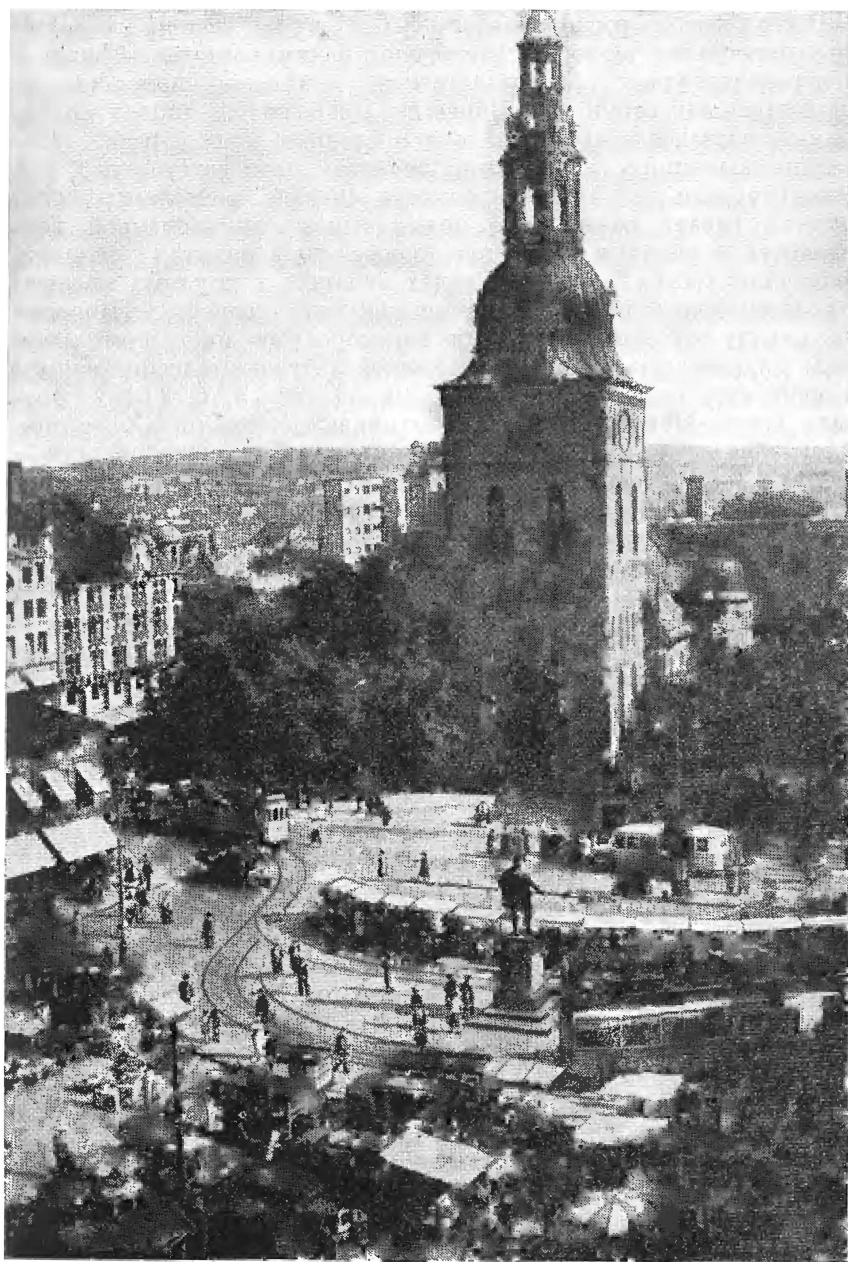
На протяжении 1905—1916 гг. объем промышленного производства вырос на 83%, а валовой национальный продукт — на 55%². Наряду с уже известными предпосылками индустриализации добавились новые: образование внутреннего рынка для крупной промышленности, изобретения, наилучшим образом применимые именно в норвежских условиях (рудные богатства в сочетании с дешевой электроэнергией), общее ускорение развития мирового капитализма и неограниченный приток капиталов из-за границы. Ускорились темпы роста промышленного пролетариата: за 1900—1913 гг. он почти удвоился в численности (с 79 тыс. до 144 тыс. человек³), несмотря на не ослабевавшую вплоть до мировой войны эмиграцию (по 17—20 тыс. человек ежегодно). Хотя даже в конце периода относительно наибольшая часть самостоятельного населения все еще была занята в сельском, рыбном и лесном хозяйствах (более 42%) и подавляющее большинство норвежцев (71%) по-прежнему проживало в сельской местности, все-таки уже в 1910 г. удельный вес промышленного производства вместе со строительством, энергетикой, горнодобывающей промышленностью в валовом национальном продукте составил 25%, в то время как на сельское, лесное и рыбное хозяйство приходилось 23%⁴.

¹ В ленинских «Тетрадах по империализму» находим данные и по Норвегии. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 74, 199.

² Furre B. Norsk historie 1905—1940. Oslo, 1972, s. 16.

³ Jensen M. Norges historie. Fra 1905 til våre dager. Oslo, 1971, s. 15.

⁴ Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 94 (tab. 62); s. 57 (tab. 33); s. 36 (tab. 17); s. 33 (tab. 13).

Рыночная площадь в Кристиании, начало XX в.

Всего быстрее росли в начале XX в. новые, молодые отрасли промышленности — химическая и электрохимическая, цветная и электрометаллургия, гидроэнергетика. «Заметное изменение в промышленной структуре Норвегии произошло,— пишет современный исследователь,— только в последние годы первого десятилетия нынешнего века, когда развитие производства дешевой электроэнергии для промышленности сделало возможным появление в стране совершенно новых типов промышленной деятельности и впервые привлекло иностранный капитал для нужд промышленности»⁵. В 1900-х годах началось в крупных масштабах промышленное использование гидроэлектроэнергии. Порвежцы наряду со шведами стали европейскими пионерами этого дела. Гидроэлектростанция порвежской азотнохимической фирмы «Норск гидро» (Norsk Hydro) — на 30 тыс. л. с. (1905 г.) — была крупнейшей в Европе. Уже накануне нового XX в. появилось первое предприятие электрохимической промышленности — фабрика по производству карбида. Однако подлинный расцвет норвежской электропромышленности наступил в 900-х годах. Благодаря получению «норвежской селитры», т. е. азотной кислоты, прямо из воздуха было налажено крупное производство удобрений и сырья для красителей, взрывчатых веществ и пр. Параллельно с электрохимией создавалась и электрометаллургия — производство алюминия, цинка, никеля и ферросплавов. Продолжался и рост старых отраслей промышленности. Судоходство перешло от парусников к пароходам: в 1914 г. совокупный тоннаж пароходов и первых теплоходов превысил парусный в 3 раза⁶. Одновременно происходила сильная концентрация торгового флота в собственности крупных компаний («редерий»), которые занимались в основном транскеанскими рейсами. Так, основанное в 1911 г. акционерное общество «Норвежская африко-австралийская линия» (Den norske Afrika — og Australia-linje) вместе с компанией Фэрнлей — Эгер (Fearnley and Eger) в 1914 г. располагало тоннажем в 270 тыс. т⁷, т. е. 10% торгового флота страны. Последний имел важное значение для всей экономической жизни Норвегии: фрахт приносил около 30% экспортных доходов страны⁸.

Китовый промысел, в том числе в Антарктике, также стал крупным капиталистическим предприятием. Общие доходы от него только за шесть лет нового века увеличились с 4,5 млн. кроп в сезон 1907/08 г. до 36 млн. кроп в 1912/13 г.⁹

Продолжалось развитие сухопутных коммуникаций. Протя-

⁵ Lieberman S. The Industrialization of Norway 1800—1920. Oslo, 1970, p. 160—161.

⁶ По данным: Historisk statistikk 1968, s. 363 (tab. 175).

⁷ Jensen M. Norges historie. Fra 1905 til våre dager, s. 14.

⁸ Furre B. Op. cit., s. 25.

⁹ Historisk statistikk 1968, s. 184 (tab. 128).

жесткость железнодорожной сети увеличилась с 1900 г. до начала первой мировой войны на 50%¹⁰. В 1902 г. в Норвегии было 9 автомобилей. К концу мировой войны их число превысило 4800¹¹.

Для первых десятилетий нового века характерна концентрация промышленного, а также банковского дела и в значительно меньшей степени — сельскохозяйственного производства. Число акционерных обществ в промышленности достигло в 1910 г. 1600, а в вошном 1917 г. превысило 2950 по сравнению с 351 в 1891г.¹²

Число коммерческих банков с 1900 по 1913 г. увеличилось с 76 до 116, сумма вкладов в них — с 257 млн. до 592 млн. крон, собственный капитал — соответственно с 68 млн. до 126 млн. крон¹³. В период довоенного империализма Норвегия оставалась страной-должником и зависела от иностранного капитала. Характеризуя Норвегию того времени, В. И. Ленин в 1916 г. писал, что «ни развития вообще, ни роста операций финансового капитала в частности, ни скупки Норвегии англичанами „самоопредельские“ и отделение Норвегии не стало!»¹⁴. В 1909 г. из 295 млн. крон, помещенных в норвежские промышленные предприятия, 114 млн. крон, или почти 39%, принадлежало иностранцам. В отдельных отраслях промышленности удельный вес иностранного капитала, главным образом британского и шведского, был еще более ощутим. В электрохимических предприятиях он составил 85%, в горной промышленности — 80%¹⁵.

Таким образом, в Норвегии начала нового века были налицо некоторые признаки монополистического капитализма. По уровню концентрации производства и капитала страна еще сильно отставала от других развитых малых стран Западной Европы и вплоть до первой мировой войны не вывозила в сколько-нибудь крупном объеме капитала. Вместе с тем норвежский капитализм в целом достиг уровня, соответствующего империалистической стадии, тесно переплелся с международным финансовым капиталом. Норвежские частные банки совместными усилиями с промышленными и судовладельческими компаниями обеспечили еще перед войной и особенно во время войны львиную долю потребных для индустриализации весьма крупных капиталовложений: после 1904 г. накопление капитала в стране впервые за всю ее историю обгоняло темпы роста населения¹⁶. В Норвегии

¹⁰ Ibid., s. 410 (tab. 200).

¹¹ Ibid., s. 416 (tab. 207).

¹² Wasberg G. C., Svendsen A. S. Industriens historie i Norge. Oslo, 1969, s. 147.

¹³ Norges Kommunistiske partis historie. Oslo, 1963, Bd. 1, s. 30.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 106.

¹⁵ Stonehill A. Foreign Ownership in Norwegian Enterprises. Oslo, 1965, p. 36.

¹⁶ Jörberg L. Den industriella utvecklingen i de nordiska länderna 1850—1914. Lund, s. d., s. 66.

1910-х годов был палицо уже национальный финансовый капитал¹⁷.

Ускорение промышленного и в целом хозяйственного развития Норвегии побуждало ее ко все более упорной борьбе за полное равенство в унии со Швецией. Именно те круги норвежской буржуазии, эконоическое влияние которых возрастало, притязали на более значительную и непосредственную роль при решении внешнеполитических вопросов. Норвегия, гораздо сильнее заинтересованная в океанском судоходстве по всему земному шару, чем Швеция, добивалась также соответствующей реорганизации консульской сети за границей. Разную внешнеполитическую окраску все больше приобретал и традиционный нейтралитет обоих партнеров: Швеция тяготела к кайзеровской Германии, Норвегия же — к Британской империи. В Швеции, как уже говорилось, заметно выросли с конца XIX в. великодержавные, шовинистические тенденции. В условиях одновременного роста буржуазно-националистических тенденций в Норвегии давние разногласия из-за условий унии неизменно обострялись и вновь перерастали в конфликт. Он, однако, смягчался общими экономическими интересами норвежских промышленников и финансирующих их шведских банкиров. В особенности стокгольмский банк Валленбергов активно участвовал в развитии молодой норвежской электропромышленности¹⁸.

Последняя попытка договориться по спорным вопросам внешнеполитического представительства была сделана в 1902—1904 гг., когда заседал очередной комитет по делам унии, созданный по шведской инициативе. Швеция в принципе согласилась на создание самостоятельной норвежской консульской службы. Эта уступка, наряду с усилением в Объединенных королевствах враждебности к царской России (в связи с ограничением автономии Финляндии при Николае II), укрепила позицию норвежских сторонников компромисса и сохранения унии.

Одновременно еще с конца 90-х годов вновь усилились разногласия внутри правящей партии «Венстре» (см. гл. X). Чистые венстре¹⁹, особенно после введения в Норвегии всеобщего избирательного права (1898 г. — для мужчин), делали упор во внутренней политике на социальные реформы: в порядок дня были поставлены прогрессивный подоходный налог, страхование по болезни, пенсии по старости. Это встречало сопротивление правого крыла венстре, недовольного к тому же радикальной программой венстре по вопросу унии — их требованием уредить

¹⁷ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 30.

¹⁸ Gasslander O. History of Stockholm's Enskilda Bank to 1914. Stockholm, 1962, vol. 1, p. 451.

¹⁹ Со времени раскола в 1888 г. чистые венстре все чаще именовались просто «венстре».

норвежское министерство иностранных дел. Вследствие этих разногласий влиятельные венстре — писатель Б. Бьёрнсон, юрист С. Ибсен (сын писателя), судовладелец Кристиан Микельсен — накануне парламентских выборов 1903 г. порвали со своей партией и выдвинули идею национальпой коалиции для создания более прочных предпосылок полюбовного решения спора со Швецией. Их поддержали консерваторы — хейре. Возникла временная группировка — Коалиционная партия (Samlingspartiet), победившая на выборах. Венстре с их радикальным требованием отдельного министерства иностранных дел, т. е. фактической независимости Норвегии, потерпели неудачу и уступили власть коалиционному правительству хейре Ф. Хагеруна²⁰.

Однако даже примирительная позиция норвежской крупной буржуазии не удовлетворила шведских шовинистов. Согласно договоренности в последнем комитете по делам унии каждый парламент — стортинг и риксдаг — должен был принять тождественный закон о консульской службе. Соответствующий законопроект, составленный премьер-министром Швеции Э. Бустрёмом в 1904 г., предусматривал, однако, сохранение за общим министром иностранных дел права контроля, а в известных случаях и смещения неугодного норвежского консула. В начале 1905 г. возмущенный стортинг отклонил эти неравноправные требования, получившие название «вассальных». В феврале того же года шведско-норвежские переговоры были прерваны, и в обеих столицах произошла смена кабинетов²¹.

Новый норвежский премьер, правый либерал К. Микельсен (1857—1925), включил в свое коалиционное правительство также венстре и хейре (март 1905 г.). Правительство решило принять закон о консульской службе в одностороннем порядке, не дожидаясь соглашения со шведами, и после вероятного королевского вето расторгнуть унию. Компромиссные предложения Стокгольма уже не обсуждались, и в мае 1905 г. стортинг в обстановке патриотического подъема по всей стране единогласно принял закон о норвежской консульской службе. Начавшаяся революция в России оказывала свое вдохновляющее действие и на норвежцев²². Последовали вето Оскара II (27 мая) и отставка правительства Микельсена в расчете на невозможность для короля назначить другое норвежское правительство и, следовательно, выполнить свои обязанности главы государства. Король не принял отставки кабинета, признав тем самым свое бессилие. Стортинг использовал сложившуюся ситуацию как конституционное

²⁰ *Jensen M. Norges historie 1814—1905. Oslo, 1963, s. 196—197.*

²¹ См. также: *История Швеции. М., 1974, с. 403—405.*

²² См.: *Похлебкин В. В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905—1907 гг. и влияние на нее первой русской революции. — Скандинавский сборник. Таллин, 1956, вып. 1.*

основание для того, чтобы расторгнуть унию. На пленарном заседании 7 июня была единогласно принята резолюция о расторжении унии — расторжение мотивировалось беспособностью короля, признанной им самим, сформировать новое правительство в Норвегии. Стортинг передал полномочия короля правительству Микельсена и вместе с тем обратился к Оскару II с просьбой разрешить одному из шведских принцев занять норвежский престол. Против обращения голосовали пять депутатов-социалистов²³.

Решение стортинга о расторжении унии (которое В. И. Ленин позже охарактеризовал как революцию, как завершение буржуазной революции²⁴) вызвало негодование шведских консерваторов. Король решительно протестовал против односторонних действий норвежцев и созвал чрезвычайную сессию риксдага, но заявил, что Швеция первой не применит военную силу против Норвегии. Риксдаг потребовал от Норвегии, чтобы решение стортинга было подтверждено всенародным плебисцитом в Норвегии, после чего условия расторжения унии должны были стать предметом особых шведско-норвежских переговоров. Норвежское правительство приняло предложенный шведами порядок действий. В августе 1905 г. проведенный в Норвегии референдум одобрил разрыв унии (только 184 человека голосовало против).

В сентябре 1905 г. в шведском городке Карлстаде с трудом и не без примиряющего вмешательства великих держав (главным образом России и Франции) было достигнуто соглашение об условиях мирного расторжения унии (Карлстадская конвенция, окончательно подписанная 26 октября 1905 г.). Норвежцы приняли почти все шведские требования начиная с главного — срыть вновь возведенные ими укрепления вдоль шведской границы. По обе стороны границы устанавливалась нейтральная демилитаризованная зона от Северного моря до 61° северной широты.

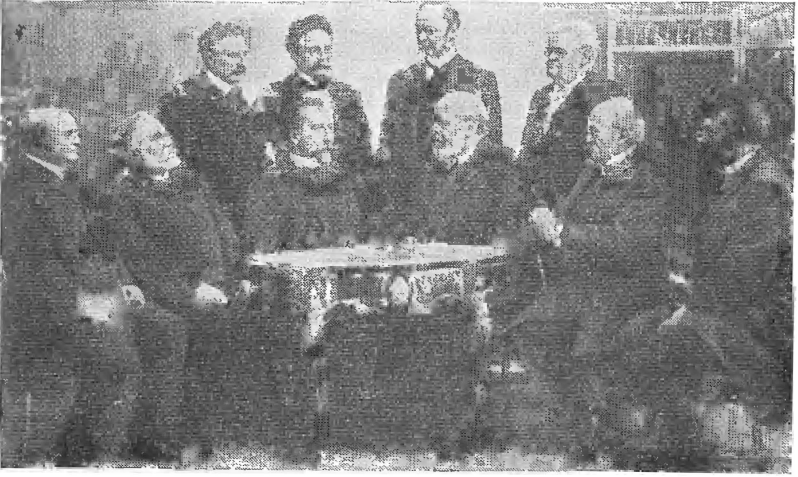
В связи с отказом шведских Бернадотов занять норвежский престол он был предложен принцу Карлу Датскому (зятю английского короля), который потребовал всенародного одобрения своей кандидатуры. Новый плебисцит в ноябре 1905 г. обнаружил преобладание монархических настроений в Норвегии над республиканскими (259 тыс. голосов против 69 тыс.)²⁵. 18 ноября датский принц под именем Хокона VII был избран на норвежский престол. Так закончился последний этап буржуазной революции в Норвегии — достижение государственной независимости²⁶. «...Отделение в обстановке политической свободы и демократизма», — писал впоследствии В. И. Ленин, приводя мирное

²³ *Jensen M. Norges historie 1814—1905*, s. 204.

²⁴ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 389—390.

²⁵ *Nilson S. S. Politisk avstand ved norske folkeavstemninger*. Oslo, 1972, s. 20—21.

²⁶ *Norges Kommunistiske partis historie*, Bd. 1, s. 19—20.

Правительство Кристиана Микельсена, 1905 г.
Премьер — третий слева в первом ряду

расторжение унии — исключение в эпоху империализма — как пример демократического решения национального вопроса²⁷.

Мирному расторжению унии помогли два дополнительных обстоятельства: с одной стороны, все великие державы на этот раз были единодушны в стремлении к скорой и мирной развязке, хотя порвежские надежды на активную британскую поддержку и не оправдались²⁸; с другой — энергичное выступление шведского рабочего класса, возглавляемого социал-демократами, в защиту прав порвежского народа, против пасивистского продления унии²⁹.

Благожелательно отнеслась к Норвегии Россия, кстати первой из великих держав признавшая независимость Норвегии «во всей ее территориальной целостности» 29 октября. Еще в июне, в разгар шведско-порвежского спора, царское правительство твердо решило не участвовать в возможном пакете великих держав на Норвегию³⁰, тем паче что шведское правительство со времен Крымской войны связало Объединенные королевства гарантийным (Ноябрьским) договором с Англией и Францией, явно враждебным России (см. с. 289).

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 291.

²⁸ См. новейшее исследование: Luntinen P. The Baltic Question 1903—1908. Helsinki, 1975, p. 52—55, 67—68.

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 293.

³⁰ АВПР, ф. II. Департамент, I — 5, оп. 408, д. 1345, л. 136—138.

* * *

Исторические события 1905 г. временно сплотили норвежские буржуазные партии. После достижения независимости, однако, буржуазный правительственный блок умеренных венстре и консерваторов подвергался растущей критике слева по вопросам экономической и социальной политики, в том числе критике со стороны радикальной части самих венстре (Г. Кнудсен) и выделившейся из них партии рабочих демократов (Ю. Кастберг). На выборах 1906 г. правящая коалиция потерпела поражение. Радикальные, или просто венстре, выдвинувшие программу социальных реформ, получили абсолютное большинство мандатов, социал-демократы удвоили число своих мандатов (с 5 до 10). После выборов коалиционный кабинет во главе с популярным Микельсеном остался у власти, однако его преемник — умеренный венстре Ёрген Лёвлани (министр иностранных дел в 1905 г.) уже в начале 1908 г. был припущден к отставке совместными усилиями радикального большинства венстре и социал-демократов³¹. Однопартийный кабинет венстре возглавил судовладелец Гуннар Кнудсен (1848—1928).

Главным спорным вопросом стал вопрос о концессиях. Норвегия как раз в 900-е годы переживала бурный процесс индустриализации (см. выше). Постоянно расширялась промышленная эксплуатация водопадов и других естественных богатств страны, горных и лесных, в большинстве случаев при участии иностранного капитала. Особенно быстро шло строительство гидроэлектростанций. Согласно официальному сообщению, в ноябре 1906 г. 77% мощности построенных гидроэлектростанций находились в руках иностранного капитала³². Растущий контроль частного, в особенности иностранного — английского, шведского, немецкого, капитала над естественными богатствами страны мало волновал тесно связанную с ним крупную промышленную буржуазию. Однако средние слои, не участвовавшие в этой предпринимательской горячке, были обеспокоены происходящим.

В 1906 г. под давлением оппозиции был принят временный закон о концессиях для иностранцев на строительство крупных плотин — «панический закон» (*panikkloven*). Фактически он преграждал путь иностранному капиталу к сооружению электростанций. Разработка нового, всеобъемлющего концессионного законодательства велась несколько лет в обстановке острой политической борьбы. Радикальное ядро партии «Венстре» при поддержке социал-демократов (НРП) требовало государственного вмешательства и жесткого контроля за всяким отчуждением водопадов, рудников, лесных участков. Правое крыло венстре склонялось лишь

³¹ *Furre B.* Op. cit., p. 47—48.

³² *Wasberg G. C., Svendsen A. S.* Op. cit., s. 111.

к ограниченному вмешательству, направленному против иностранного капитала, но не стеснявшему отечественных предпринимателей. В 1909 г. был принят ряд радикальных концессионных законов. Они вводили самый принцип правительственного соглашения (концессии) на приобретение водонадов и рудников, а отчасти и лесов частными лицами. Концессии были сделаны срочными (60—80 лет), и государство оставило за собой право безвозмездного возврата всех сооружений по истечении этого срока. Столь жесткое условие распространялось и на иностранных, и на отечественных концессионеров. Приток нового иностранного капитала в Норвегию надолго сократился.

Законы 1909 г. стали предметом резких нападок хёйре и правого крыла венстре, обвинявших правительство в нарушении «священного принципа частной собственности». Перед парламентскими выборами 1909 г. правое крыло венстре оформилось в партию «свободомыслящих» венстре и по примеру 1903 и 1906 гг. блокпировалось с консерваторами. На выборах эти партии имели успех и образовали два коалиционных кабинета с консервативными премьерами В. Куновым (1845—1924) и Е. Братли (1856—1939), которые находились у власти соответственно до 1912 и до 1913 гг. Однако консерваторы так и не успели пересмотреть пеналитный им закон о безвозмездной национализации концессий по истечении срока их действия. На очередных выборах в 1912 г. хёйре и «свободомыслящие» потерпели поражение — 24 мандата вместо 65 (из 123): масштаб поражения объяснялся мажоритарной избирательной системой, издавна принятой в Норвегии. Наряду с партией «Венстре», получившей абсолютное большинство в новом стортинге, крупный успех имела НРП, увеличившая число своих мандатов с 11 до 23. Второе правительство венстре с тем же премьер-министром Г. Кнудсеном оказалось самым устойчивым из всех норвежских кабинетов с 1884 до 1945 г. и продержалось у власти до 1920 г.

Венстре продолжили начатую ими политику социальных и политических реформ. Так, была осуществлена политическая эмансипация женщин. Имущая часть женщин получила право голоса на коммунальных выборах (1901 г.), а затем на парламентских (1907 г.). Позже — также в два приема — получили избирательные права и остальные женщины (в 1910 г. — на коммунальных выборах, а в 1913 г. — на парламентских).

* * *

В начале 900-х годов важным фактором политической жизни Норвегии уже было социалистическое рабочее движение. Индустриализация, высокая в целом экономическая конъюнктура страны в 1905—1915 гг., мощный революционный взрыв в России 1905—1907 гг., уход в прошлое национального вопроса, отвлекав-

шего массы от классовой борьбы, — все это благоприятствовало подъему рабочего движения. Норвежская рабочая партия стала массовой (1900 г. — 12 тыс., 1910 г. — 57 тыс., 1918 г. — 94 тыс. человек³³). В стортинге она занимала перед первой мировой войной уже 23 места, за нее голосовали более 26% избирателей. Партия представляла собой самостоятельную политическую силу, а не просто партпера венстре. Социал-демократы контролировали также Центральное объединение профсоюзов Норвегии, которое в конце войны уже охватывало большинство промышленных рабочих, причем ряды ЦОИИ стремительно росли (в 1900 г. — около 5 тыс., в 1913 г. — 64 тыс., в 1918 г. — 107 тыс. человек)³⁴. Профсоюзы начали превращаться из чисто профессиональных в отраслевые, производственные. Они располагали немалыми денежными средствами. Фабриканты вынуждены были признать их право выступать от имени трудящихся. Стали практиковаться коллективные договоры, причем уже в масштабе целых отраслей производства: первый договор был заключен в 1907 г. между профсоюзом металлистов и Национальным объединением работодателей.

Рабочий класс Норвегии только в 900-х годах научился стачечной борьбе в крупном масштабе. Оружием предпринимателей стали локауты. Широкую известность получила забастовка на деревообделочных заводах «Боррегор» в Эстфолле в 1907 г., на которую предприниматели ответили локаутом всех рабочих бумажной промышленности страны (около 6 тыс. человек), но через неделю были вынуждены уступить требованиям рабочих о повышении заработной платы. В 1911 г. работодатели опять перешли в наступление и в ответ на забастовку горняков объявили массовый локаут 32 тыс. рабочих в различных отраслях, продолжавшийся шесть-семь недель и прекращенный лишь после вмешательства правительственного посредника.

Пажим со стороны рабочего движения заставил предпринимателей в предвоенные годы пойти на некоторое повышение заработной платы (реальный рост в среднем на 1% в год), а правительство — продолжить разработку социального законодательства, начатую уже на исходе прошлого века. Однако рабочий день составлял все еще 10-12 часов (10-часовой рабочий день был узаконен лишь в 1915 г.). Из отдельных социальных мероприятий отметим зачатки обязательного страхования по болезни (закон 1909 г. для низкооплачиваемых), закон об общественном контроле над условиями труда на предприятиях (*fabrikktilsynslov*, 1909 г.), страхование от несчастных случаев для рыбаков (*manntalstrygden*, 1908 г.), наконец, меры по защите крестьянской земли от промышленных компаний (закон 1909 г. о концессиях).

³³ *Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. Oslo, 1974, D. 2, s. 245.*

³⁴ *Ousland G. Fagorganisasjonen i Norge. Oslo, 1949, Bd. 1, s. 629.*

Теневой стороной достигнутых успехов было усиление оппортунизма в руководстве НРП и профсоюзов. Социалистическая идеология продолжала распространяться среди рабочих, партийная программа сохраняла в целом марксистский характер, однако практически все свое внимание рабочие вожди уделяли ближайшим целям движения, главным орудием борьбы считали парламент, особенно после первых успехов НРП на выборах. Руководство ее в начале XX в. отчасти состояло из мелкобуржуазных социалистов немарксистского толка (адвокат Людвиг Мейер, пастор Альфред Эриксен), шедших на поводу у венстре. Позже во главе НРП вновь встали самостоятельные и более близкие к марксизму К. Хорнерюд, О. Ниссен, К. Х. Кнудсен, К. Еппесен, А. Эгед-Ниссен. Однако и новое руководство, за отдельными исключениями, держалось оппортунистического курса, в особенности председатель ЦОПН У. Лиан. Реформизм руководства НРП был открыто продемонстрирован на первом чрезвычайном съезде партии в 1911 г. Съезд отверг проект новой принципиальной программы, предложенный К. Грейпом и поддержанный М. Трапмелем (см. ниже). Проект был серьезным шагом вперед в идейном развитии норвежской социал-демократии по сравнению с действующей программой 1891 г. После съезда один из руководителей НРП, К. Еппесен, писал в газете «Сосиал-демократен», что партия принципиально стоит на реформистских позициях, «является партией реформ» и видит средство к достижению своих целей в парламентской деятельности; конкретные требования НРП направлены на смягчение наиболее тяжелых пороков капитализма, для выполнения их партия готова сотрудничать с буржуазными политиками, в первую очередь с венстре. Программа НРП, подчеркивал сам Еппесен, является оппортунистической³⁵.

Между тем в условиях бурной индустриализации и быстрого пополнения рабочего класса вчерашними крестьянами-бедняками крепки революционные силы рабочего движения. Силы эти были в основном двойного происхождения — молодежные организации Рабочей партии и так называемая профсоюзная оппозиция 1911 г. Социал-демократический союз молодежи (ССМ) был создан в Норвегии еще в 1903 г. На первых порах его критика руководства НРП часто носила анархистский характер. ССМ свою особую задачу видел в антивоенной пропаганде. У революционной молодежи Норвегии, еще весьма малочисленной (число членов ССМ не достигало 1500 человек), не было четкой программы и слишком велик груз анархо-синдикалистских взглядов (например, лозунг «социальной всеобщей забастовки» как пути к власти). Верные руководству НРП местные молодежные организации (коллективно входившие и в партию, и в ССМ) порывали с «мятежным» союзом. С другой стороны, и анархистское крыло ССМ по швед-

³⁵ Lorenz E. Op cit. Oslo, 1972, D. 1, s. 97.

скому примеру порвало с НРП и ССМ, образовав в 1909 г. Младосоциалистический союз Норвегии (Norges ungsosialistisk Forbund), который активно действовал еще несколько лет. Большинство его членов затем вернулось в ССМ или вошло в левое крыло профсоюзного движения. Тем временем произошло некоторое ослабление трений ССМ с новым руководством НРП. Вожди ССМ и левого крыла НРП — Кюрре Грейп и Улаф Шеффо — постепенно преодолевали свои прежние анархистские взгляды и становились на позиции революционного марксизма. Главным рупором этих стремлений стала основанная в 1912 г. газета нового Объединенного союза молодежи «Классекампей» («Классовая борьба»). Решительный поворот норвежских левых социал-демократов к революционному марксизму произошел еще, таким образом, до войны³⁶.

Однако основным оплотом радикальных тенденций в рабочем движении стала так называемая Профсоюзная оппозиция 1911 г. (Fagopposisjonen, 1911), носившая ярко выраженный синдикалистский характер. Синдикалисты (профопозиция) появились во всех скандинавских странах, но наибольшее влияние получили в Норвегии. Они требовали создания производственных профсоюзов, отказа от коллективных договоров и применения исключительно боевых средств борьбы — забастовок, в том числе из солидарности, обструкций, бойкота, саботажа, «социальной всеобщей стачки» как средства свержения капитализма. По мнению лидеров этой оппозиции, профсоюзы не должны были ограничиваться задачами защиты повседневных интересов своих членов, но «стать фактором революционной борьбы», непосредственно и активно участвовать в борьбе с капитализмом. Профопозиция в отличие от синдикалистов в других странах не отрицала политической борьбы и роли рабочей партии, а также парламентской деятельности, в которой видела вспомогательное средство для агитации и пропаганды³⁷. Наиболее известным во всей Скандинавии синдикалистом стал норвежский рабочий маляр Мартин Транмель (1879—1967) — великолепный организатор и агитатор.

По сравнению с рабочими партиями Дании и Швеции норвежские левые социал-демократы имели большее влияние в своей партии. Здесь, писала А. М. Коллонтай Н. К. Крупской позднее, в 1915 г., «есть прекрасное „левое крыло“ и вообще партия построена радикальнее двух других скандинавских стран..»³⁸.

Среди предпосылок формирования внешней политики Норвегии ведущее место занимали интересы внешней торговли, судоходст-

³⁶ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 37—43; *Rognes A. T. Ungdomsforbundets gjennombrudd.*— *Tidsskrift for Arbeiderbevegelsens historie*, Oslo, 1976, N 1.

³⁷ См. новейшие статьи: *Holm J. Noen synspunkter på Den norske fagopposisjon.*— *HT*, 1976, N 1, s. 73—94; *Bjergum J. Fagopposisjonen av 1911.*— *Tidsskrift for Arbeiderbevegelsens historie*, Oslo, 1976, N 1, s. 63—131.

³⁸ Центральный партийный архив, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1604, л. 1.

во и фрахта. Тесная связь между интересами судоходства и внешней политикой была характерной чертой независимой Норвегии после 1905 г.: консульской службе отдавалось предпочтение перед дипломатической. Норвежская крупная буржуазия — судовладельцы и промышленники, импортеры и экспортеры — больше всего зависела и ориентировалась на крупнейшую морскую державу — Англию. Важнейшими внешнеполитическими условиями развития страны считалось также поддержание добрососедских отношений с другими великими державами: важным торговым партнером — Германией и ближайшей соседкой — Россией. На первых порах сильное влияние на внешнюю политику оказывали также и пацифистские, и мелкобуржуазные взгляды, выраженные словами писателя Б. Ёёрнсона: «Лучшая внешняя политика — вообще не иметь внешней политики». Однако действительность вскоре рассеяла эти иллюзии.

Стремлению норвежского правительства и стортинга к постоянному нейтралитету формально противоречил и до, и после 1905 г. Ноябрьский трактат 1855 г., направленный против России³⁹. В ноябре 1906 г. Норвегия предложила России, Германии, Франции и Англии начать переговоры о признании нейтралитета и территориальной неприкосновенности Норвегии с одновременной отменой договора 1855 г. касательно ее. После длительных переговоров 2 ноября 1907 г. между Норвегией и четырьмя великими державами был заключен Христианский гарантийный договор, по которому Норвегия получила международное признание своей неприкосновенности, однако из-за британских возражений в нем была опущена гарантия нейтралитета. Фактически Норвегия продолжала придерживаться нейтральной политики. Шведско-норвежские отношения, временно испорченные расторжением унии, не улучшились, так как в Стокгольме сочли новый договор направленным против Швеции. Зато в русско-норвежских отношениях он явился отрядным фактором, тем более что среди великих держав именно Россия в лице министра иностранных дел А. П. Извольского была инициатором Христианского договора⁴⁰.

К переговорам держав Северного моря о сохранении статуса в этом районе (Берлинская декларация 1908 г.) Норвегию не привлекли, ссылаясь на уже заключенный Христианский договор⁴¹. Однако это не означало, как порой принято считать, отстранения независимой Норвегии от международной политики.

Больше всего интересовал Норвегию статус Шпицбергена, переговоры о котором велись в 1909—1914 гг. Главными партнера-

³⁹ *Mathisen T. Nøytralitetstanken i norsk politikk fra 1890 — årene og til Norge gikk med i Folkeforbundet.* — НТ, 1952, N 1, s. 30—60.

⁴⁰ См.: История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 619.

⁴¹ См. подробнее: *Omang R. Norges mellomfolkelige stilling etter avslutningen av Integritetstraktaten.* — НТ, 1952, N 3.

ми на этих переговорах выступали три северные державы — Россия, Норвегия и Швеция⁴². Хотя Норвегия официально не выдвигала требования о присоединении Шпицбергена к своим владениям, ее проекты клонились к установлению такого правопорядка на архипелаге, при котором она получала как бы мандат держав на его управление. Царское правительство же в первую очередь добивалось объявления Шпицбергена никому не принадлежащей территорией, одинаково доступной для промышленной эксплуатации всех народов и постоянно нейтральной. Дальнейшие переговоры велись о проекте конвенции по правовому положению Шпицбергена, и в основу проекта легли указанные русские принципы. Начало мировой войны сорвало эти переговоры, ход которых, однако, несколько не омрачил ни тогдашних, ни последующих русско-норвежских отношений.

В обстановке обострения межимпериалистических противоречий и в связи с Балканскими войнами Швеция, Норвегия и Дания в совместной декларации от 21 декабря 1912 г. выступили с одинаковыми правилами нейтралитета.

Первая мировая империалистическая война подвергла нейтралитет Норвегии серьезному испытанию. Ранее торжественно признанные великими державами права нейтралов без зазрения совести нарушались, в особенности на море, вследствие союзнической блокады Германии и подводной войны со стороны немцев⁴³. В начале войны норвежская армия удовлетворяла лишь минимум требований по защите нейтралитета. Персонал военно-морского флота Норвегии был достаточно обучен, но нуждался в кораблях больших и средних размеров для патрулирования западного и северного побережья страны. Слабо вооруженная, Норвегия принадлежала, однако, к той категории нейтралов в Европе, буржуазия которых располагала капиталами, товарными и сырьевыми ресурсами. Нейтралитет предоставил ей широкие возможности для наживы. Норвежская буржуазия впрямь желала сохранения нейтралитета до конца войны и находилась под постоянным страхом, что одна из группировок насильственно втянет страну в войну. Директоры Национального банка Нью-Йорка С. Мак-Робертс и В. Рич после своего разговора 6 мая 1916 г. с членами норвежского правительства Г. Кнудсенем, Н. Иленом и другими по этому поводу писали президенту банка Ф. Вандерлигу: «В то время как их симпатии откровенно на стороне союзников, они открыто заявляют, что намерены отстаивать строгий нейтралитет и выжать из ситуации все деньги, которые только могут»⁴⁴.

⁴² См. подробнее: *Mathisen T. Svalbard i internasjonal politikk 1871—1925. Oslo, 1954; Пассецкий В. М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века.* — В кн.: Русские арктические экспедиции XVIII—XX веков. Л., 1964.

⁴³ Ср.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 36, с. 331.

⁴⁴ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) СССР, ф. 624, оп. 1, д. 68, л. 2.

Нейтральное положение Норвегии представляло определенные выгоды и для обеих воевавших группировок, приобретавших при ее посредстве дефицитные материалы. Нейтралы Европы превратились в отдушины для воюющих государств, поэтому их нейтралитет и терпели⁴⁵.

4 августа 1914 г. Норвегия официально объявила о своем нейтралитете в войне между великими державами. В связи с неопределенностью позиции Швеции и слухами о немецком давлении на скандинавские страны державы Антанты, по предложению Англии, тут же поспешили заверить Норвегию, что в случае примосопия Германией давления с целью заставить ее отказаться от нейтралитета они поддержат ее. 8 августа последовало шведско-норвежское соглашение о взаимном нейтралитете и неппадении. Обе страны обязались консультироваться между собой и ни при каких условиях, даже если бы одна из них оказалась втянутой в войну, не поднимать оружия друг против друга. Соглашение смягчило натянутость, оставшуюся после событий 1905—1907 гг.

Царская Россия также была заинтересована в сохранении мира на Скандинавском полуострове, чтобы быть уверенной за безопасность своего северного фланга. Скандинавские страны с самого начала войны приобрели для России существенное значение не только с точки зрения непосредственной торговли с ними, но и как перевалочный пункт. Через них, прежде всего через Швецию, осуществлялся транзит важнейших грузов в Россию и обратно. Сохранение мира с Россией являлось и постоянной заботой норвежской внешней политики совершенно независимо от тогдашней военной конъюнктуры.

Норвегия сразу оказалась под давлением противоположных интересов воюющих держав. За 1914—1916 гг. ее товарооборот и с Германией, и с Англией вырос, причем преобладать стал импорт из Англии и стран Западного полушария и экспорт (и реэкспорт) в Германию. Норвежцы поставляли немцам руду и рыбу. Интересы союзников требовали прекращения снабжения Германии из Скандинавии как материалами скандинавского происхождения, так и со временем товарами собственно местного производства, чтобы не допускать бреши в британском кольце блокады Германии.

В течение всей войны норвежский торговый флот больше всего страдал от немецких подводных лодок и минных полей, блокировавших побережье стран Антанты. Основной же дипломатический нажим на норвежцев исходил от Англии. Британское блокадное ведомство начало с противодействия провозу «контрабанды» на нейтральных судах. Норвежские судовладельцы должны были

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 160; Кан А. С. В. И. Ленин, Советская Россия и нейтральные государства Европы. — В кн.: Ленинская внешняя политика Советской страны 1917—1924 гг. М., 1969, с. 168—170.

давать обязательства, что груз, который они везут, не предназначен для Германии. Всем норвежским судам приходилось по пути из Америки и других частей света заходить в английские гавани для проверки, причем для входа в Северное море как закрытую зону требовалось разрешение британских властей. В странах Антанты были составлены так называемые черные списки, в том числе и норвежских фирм, торговавших с Германией и подлежавших бойкоту. Постепенно решив задачу пресечения реэкспорта, союзники, невзирая на протесты нейтралов, в том числе и норвежцев, стали бороться уже с экспортом собственно скандинавских товаров в Германию.

От Норвегии англичане добивались права преимущественной покупки ряда норвежских товаров (рыбы), ранее шедших в Германию, либо полного запрета их продажи немцам (медная руда). Используя то обстоятельство, что 85% снабжения норвежских рыбных промыслов необходимым сырьем, прежде всего горючим, шло из британских или находившихся под британским контролем источников, Англия под угрозой прекращения этих поставок добилась заключения соответствующего соглашения с Норвегией (5 августа 1916 г.). Сущность его заключалась в том, что норвежское правительство наложило запрет на экспорт всех вновь добываемых или изготавливаемых рыбных продуктов (кроме консервов). Исключение составили не более 15% улова, но с гарантией, чтобы в его добыче не использовались материалы (опять-таки топливо) из зоны, находившейся под контролем Англии и ее союзников⁴⁶.

Так было положено начало «отраслевым» соглашениям на правительственном уровне, которые были заключены и по другим видам продукции. Норвегия оказалась втянута в британскую блокадную систему, что вызвало немецкие репрессии — норвежский торговый флот, обслуживавший преимущественно интересы союзников, подвергся усиленному потоплению германскими подводными лодками. Стремясь уладить конфликт с обеими враждующими сторонами (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.), Норвегия прежде всего пошла навстречу Антанте, издав 13 октября 1916 г. постановление, запрещающее подводным лодкам воюющих сторон находиться в территориальных водах страны, за исключением плохой погоды или аварии, но в таких случаях — в надводном состоянии и с поднятым национальным флагом: при нарушении этих правил допускалось применение военных мер. Продажа норвежского сырья немцам, однако, продолжалась, что вызвало новый нажим со стороны Англии — прекращение экспорта британского угля в Норвегию (декабрь 1916 г.).

⁴⁶ Riste O. The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965, p. 103, 158.

В январе 1917 г., после смягчения норвежцами своих жестких требований к подводным лодкам воюющих стран, немцы примирились с зависимостью норвежского экспорта в Германию от контроля со стороны Антанты. В феврале после прекращения экспорта норвежского серпного колчедана в Германию снято было и британское угольное эмбарго⁴⁷.

В связи с преимущественной ориентацией нейтральной Норвегии на «хозяйку морей» — Англию, союзницу России, русско-норвежские отношения военных лет развивались благоприятно⁴⁸. Подозрения царским дипломатам относительно норвежского особочинства германским попыткам нарушить морские коммуникации России совершенно не подтвердились. В дальнейшем с начала 1916 г. царская дипломатия попыталась с помощью западных союзников подготовить присоединение Норвегии к Антанте, что было вызвано русскими опасениями шведского выступления на стороне Германии. Однако усилия русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова получить у союзников действительную поддержку для создания из Норвегии противовеса Швеции, если бы последняя выступила против России, вскоре прекратились, ибо само шведское выступление не состоялось. В итоге Норвегия не представляла ценности в качестве союзника ни для одной из воюющих сторон, так как ввиду своей военной неподготовленности оказалась бы слишком тяжелой обузой. Россия, принимая участие в блокадных мероприятиях Англии, играла в них второстепенную роль. Когда британский пажим на Норвегию особенно усиливался, в частности на рубеже 1916—1917 гг., российский МИД обращался к Англии с просьбой более мягкого отношения к скандинавскому нейтралу.

Постепенно нейтралитет Норвегии принимал все более проанглийский характер. Объявление Германией неограниченной подводной войны и новое соотношение сил после вступления США в войну диктовали норвежцам необходимость дальнейших уступок Антанте. В апреле 1917 г. норвежское правительство втайне согласилось передать громадный торговый тоннаж страны англичанам и французам для обслуживания сравнительно безопасных линий на условиях фрахта или реквизиции. Торговля же между Англией и Норвегией велась теперь под британским конвоем и в основном на британских судах.

Вступив в войну, США потребовали от нейтралов полного прекращения их экспорта в Германию, запретили осенью 1917 г. всякий вывоз товаров в нейтральные страны до заключения с каждой из них особых соглашений. Англия поддержала Америку, отменила отраслевые соглашения и настаивала на еще более

⁴⁷ *Keilhau W. Norge og verdenskrigen. Oslo, 1927, s. 151—152.*

⁴⁸ См. подробнее: *Бацис П. Э. Россия и нейтральная Норвегия (1914—1917 гг.). — Новая и новейшая история, 1972, № 6.*

жесткой блокадной политике. Норвежской делегации во главе с полярным исследователем Ф. Нансеном после девятимесечных переговоров в Вашингтоне пришлось уступить американским требованиям (соглашение от 30 апреля 1918 г.), Норвегия установила новые ограничения и запреты в экспорте в Германию, но полностью его все же не прекратила. Однако Антанта уже не удовлетворилась одним лишь участием Норвегии в блокаде Германии и потребовала от нее военных мер. Поэтому заключительным просоюзническим актом Норвегии стало минирование норвежских вод «выртык» к мниному заграждению Антанты в Северном море (октябрь 1918 г.). Германия уже не успела протестовать. Все вышеуказанное дало основание норвежскому историку У. Ристе озаглавить свою книгу о Норвегии в первой мировой войне «Нейтральный союзник»⁴⁹.

К мировой войне Норвегия не подготовилась: отсутствовали как запасы дефицитных товаров, особенно продовольствия, от подвоза которого она сильно зависела, так и опыт государственного регулирования хозяйства. Никто не ожидал долготечного хода войны. Условия военного времени потребовали от норвежского правительства немедленного вмешательства в экономическую жизнь. Началось государственное регулирование капиталистического хозяйства путем экспортных лицензий, контроля над ценами, правительственных закупок и распределения дефицитного сырья, а во второй половине войны — также путем регламентации сельскохозяйственного производства и рациионирования потребления.

Паника и спад наблюдались лишь в самые первые месяцы. Запрет размена банкнот на золото, объявленный в первые дни норвежским государственным банком, оставался в силе. В августе 1914 г. 28% членов профсоюзов были полностью или частично безработными⁵⁰. Скоро, однако, воюющие страны завалили норвежские фирмы заказами, были установлены полугосударственные страховые премии для морского судоходства, экономика быстро стала входить в полосу военной конъюнктуры.

Индекс промышленного производства (1938 г. = 100) в «максимальный» — 1916 — год достиг 67,3 (1913 г. — 59,1), однако рост по отдельным отраслям, а именно экспортным, был много больше: так, индекс для деревообрабатывающей промышленности составил 126,3 (в 1913 г. — 101,4), горнометаллургической — 24,8 (1913 г. — 20,2), металлообрабатывающей — 84,9 (1913 г. — 78,4), химической — 59,4 (1913 г. — 44,0), пищевой — 83,9 (1913 г. — 63,8)⁵¹. С ростом объема и стоимости экспорта и фрахта всего быстрее росли, естественно, прибыли экспортеров и судовладельцев.

⁴⁹ Riste O. Op. cit.

⁵⁰ Furre B. Op. cit., s. 84.

⁵¹ Historisk statistikk 1968, s. 212 (tab. 135).

В 1914—1916 гг. валовые доходы от фрахта увеличились с 211,5 млн. до 1062,7 млн. крон. Лихорадочно создавались новые акционерные общества. В 1915 г. было основано 1167 таких обществ с основным капиталом в 187 млн. крон, а в 1916 г. — 1597 с основным капиталом в 1500 млн. крон. В 1917 г. в Норвегии насчитывалось 8795 акционерных обществ с общим капиталом 1686,5 млн. крон⁵². Хозяйственный подъем, грондерство, военная спекуляция привели к огромному накоплению денег, в частности у так называемых «гуляшбаров» — нуворишей. Норвежские деловые круги стали вкладывать деньги в новые общества за границей, например в царской России и даже в Мексике и Бразилии. Избыток капиталов привел к учреждению новых коммерческих банков. Число их с 1914 по 1918 г. увеличилось почти на 75, внесенный акционерный капитал — с 77 млн. до 510 млн. крон, срочные вклады в них — с 581 млн. до 2497 млн. крон⁵³.

Главным торговым партнером Норвегии оставалась воюющая Англия, от которой все больше отставал второй партнер — Германия. Норвежский экспорт в Россию вырос за 1914—1916 гг. почти в 9 раз (по стоимости)⁵⁴. Платежный баланс Норвегии во время войны стал активным. Быстро развивалась спекуляция товарами и биржевыми ценностями. Спекулянты («гуляшбароны»), боясь дальнейшей инфляции, стремились вложить свои капиталы в новые предприятия. Курс акций норвежских предприятий вырос (в 3 раза), в особенности судоходных обществ (в 6 раз). Побочным следствием этого явился и частичный выкуп у иностранцев акций норвежских предприятий: в 1919 г. лишь

**THE NORWEGIAN-RUSSIAN
TRADING Co. A/S**

КОНТОРА в ХРИСТИАНИИ
(Норвегия):
ROSENKRANTZGATEN 17, III
Телефонъ 25146,
Почт. адресъ: „Russiade“.

○

*Импортъ .: Экспортъ
Агентура .: Коммисія*

○

КОНТОРА в ПЕТРОГРАДѢ:
(Игорь Певчевскій)
АЛЕКСАНДР. ПЛОЩ. 57, КВ. 6.
Телефонъ 313-35,
Почт. адресъ: „Традигольде“.

ОТДѢЛЕНІЯ вЪ МОСКВѢ
и ХАРЬКОВѢ.

**НОРВЕЖСКО-РУССКОЕ
ТОРГОВОЕ АКЦИОНЕРНОЕ О-ВО**

**Рекламное объявление
«Русско-норвежского торгового
общества», 1917 г.**

⁵² Скандинавия. Швеция, Норвегия, Дания: Справочная книга для русских импортеров и экспортеров. Стокгольм, 1918, с. 178.

⁵³ Historisk statistikk 1968, s. 492—493 (tab. 252).

⁵⁴ Ibid., s. 320—321 (tab. 165).

15% акций в промышленности находилось в руках иностранцев по сравнению с 39% в 1909 г.⁵⁵

С лета 1916 г. вследствие блокады экономическое положение Норвегии резко ухудшилось, кончился период «процветающего нейтралитета»⁵⁶. Быстро росли цены на потребительские товары, в особенности на продовольствие; истощались запасы промышленного сырья и топлива, а от этого сокращалось производство во многих отраслях. В 1917 г. индекс промышленного производства поднялся до 56,6 (1913 г. — 59,4; 1938 г. = 100)⁵⁷. На минах и торпедах погибли норвежские моряки: всего за время войны — около 2 тыс. человек. Было потоплено 889 судов — половина довоенного торгового тоннажа⁵⁸.

Норвежское буржуазное государство постепенно усиливало свое вмешательство в хозяйственную жизнь, сотрудничество с частнокапиталистическим сектором. Уже в 1914 г. был учрежден ряд комиссий — по вопросам торговли, промышленности, судоходства, а позже особые министерства продовольствия (Provianteringsdepartement, 1916 г.) и снабжения промышленности (Industriforsyningsdepartement, 1917 г.). Была основана государственная судоходная компания, государство приобрело несколько шахт, начало строить электростанцию в Гломфьорде. Весной 1915 г. была установлена государственная монополия на импорт зерна, чтобы контролировать ценообразование в этой сфере. Схожая монополия на ввоз сахара была введена в 1917 г. В 1915—1916 гг. были установлены максимальные цены на наиболее дефицитные товары, а в 1917 г. был принят закон о регулировании цен, что привело к появлению черного рынка с более высоким уровнем цен. Нормирование потребления вступило в силу лишь с 1 января 1918 г. и продолжалось до лета 1919 г.

Заработная плата рабочих все сильнее отставала от роста цен на предметы широкого потребления. Власти брали сторону фабрикантов в трудовых конфликтах и даже приняли временный закон о принудительном государственном арбитраже в подобных случаях (1916 г.). Тяжким бичом для трудящихся стала дороговизна. Массовое движение против нее в Норвегии развернулось под прямым влиянием русской Февральской революции (см. ниже): 6 июня 1917 г. по стране прокатились демонстрации, вынудившие правительство выделить крупную сумму (215 млн. крон до 1920 г.)⁵⁹ для помощи бедноте.

В разгар войны (1915 г.) в стране были проведены первые выборы в стортинг с участием женщин и коммунальные выборы. Выборы показали рост влияния социал-демократов, которые по

⁵⁵ Furre B. Op. cit., s. 90, 94.

⁵⁶ Riste O. Op. cit.

⁵⁷ Historisk statistikk 1968, s. 212 (tab. 135).

⁵⁸ Riste O. Op. cit., p. 238 (tab. 4, 5).

⁵⁹ Furre B. Op. cit., s. 89.

В ожидании удешевленной распродажи пицци из ресторана

числу голосов почти догнали правительственную партию «Венстре» (32 и 33%), но при мажоритарной системе получили только 19 мандатов (из 123) против 74 у венстре⁶⁰.

Норвежская социал-демократия в годы войны поддерживала «охрану нейтралитета», т. е. голосовала за военные кредиты,

⁶⁰ Ibid., s. 319 (tab. 19).

и соблюдала «гражданский мир» с национальной буржуазией. Однако по мере расширения империалистической бойни, с ростом материальных тягот и нужды трудящихся, наконец, под влиянием революционных социалистов других стран, в особенности шведских и русских, стало усиливаться левое крыло НРП. Партийный съезд 1915 г. показал возросшее его влияние: вопреки воле парламентской фракции НРП съезд принял резолюцию против военных ассигнований.

Норвежские революционные социалисты участвовали в международном движении интернационалистов. Во время Циммервальдской конференции шведские делегаты, представлявшие Швецию и Норвегию, вошли в состав левой группы, возглавляемой В. И. Лениным. Вождь большевистской партии с большим интересом следил за ростом революционного крыла в НРП, критикуя его вместе с тем за пацифистские настроения и порой за пассивность⁶¹. Само сотрудничество русских социал-демократов с норвежскими началось гораздо раньше, еще в 1901 г., когда почтмейстер г. Вардё, знаменитый впоследствии А. Эгед-Ниссен, стал переправлять в Россию через Архангельск нелегальную русскую литературу. В годы первой русской революции в социал-демократической типографии Вардё печатались русские революционные брошюры⁶². Среди большевиков теснее всего с норвежскими левыми в годы мировой войны были связаны А. М. Коллонтай, а также другие русские иммигранты, жившие в Норвегии и сотрудничавшие в местной рабочей печати, участвовавшие в собраниях левых социалистов. Судя по письму А. М. Коллонтай к П. К. Крушской из Кристиании от 13 августа 1915 г., норвежские левые социалисты еще до Циммервальдской конференции поддерживали известный Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», написанный Лениным⁶³. Печатный орган союза молодежи «Классекампеп» уже в начале 1916 г. отказался от пацифистской позиции «сломавшего ружья» и поддержал ленинскую установку на вооружение пролетариата⁶⁴. Тем временем в голодающих массах нарастал протест против политики «гражданского мира». Трудящиеся требовали немедленных действий для облегчения своего бедственного положения, против дороговизны и спекуляции. Эти требования получили поддержку и четкую формулировку в выступлениях союза молодежи и профсоюзной оппозиции⁶⁵, в особенности поздней весной 1917 г., уже под впечатлением Февральской революции в России.

⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 340; т. 30, с. 131, 140, 142, 151, 159, 160; т. 49, с. 200—201, 395.

⁶² *Egede-Nissen A. Et liv i strid*. Oslo, 1945; Дашков Ю. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971, с. 28 и сл.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1672, л. 1—1 об.

⁶⁴ *Norges Kommunistiske partis historie*, Bd. 1, s. 64—66; *Futrell M. Northern Revolutionary Underground*. London, 1963.

⁶⁵ *Lorenz E. Op. cit.*, D. 1, s. 110—112.

НОРВЕГИЯ В МЕЖВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ. НАЧАЛО ПЕРЕХОДА ОТ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА К ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ

20—30-е годы XX в. — бурный период истории Норвегии. Главным его содержанием было дальнейшее усиление частномонополистических объединений капиталистов и созревание предпосылок для возникновения государственно-монополистического капитализма, а затем утверждение ряда элементов последнего. Этот процесс протекал на фоне тяжелых кризисных потрясений в экономике, обострения классово-борьбы, существенных перестановок на политической сцене. Одним из главных итогов двадцатилетия было укрепление прогрессивных сил, упрочение позиций рабочего движения, превращение его в важный фактор национальной жизни.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В КОНЦЕ И ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После окончания мировой войны экономическое положение Норвегии оставалось весьма сложным. Высокого уровня достигла инфляция, причиной чего были спекулятивные операции буржуазии в годы войны и иностранный демпинг после войны. Правительство Кнудсена преднамеренно не ввело после окончания войны запретительных ввозных пошлин, идя навстречу узким интересам судовладельческой буржуазии и капиталистов стран Апеннины. Общая стоимость импорта в 1919—1920 гг. возросла по сравнению с 1909—1910 гг. более чем втрое¹.

Тяжелым грузом на экономику страны легла особая проблема закупок спиртных напитков в странах — импортерах норвежской рыбы. В Испании, Португалии и Франции закупалось соответственно 500 тыс., 850 тыс. и 400 тыс. литров напитков в год, что позволяло обеспечить сбыт рыбы в эти страны. Однако запрет

¹ Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 256—259 (tab. 153).

военных лет на продажу спиртных напитков в Норвегии ограничивал возможность реализации приобретенного за границей вина и подрывал развитие норвежского рыболовства. Хейре требовали отмены «сухого закона», но на референдуме в 1919 г. за его продление высказалось большинство участников голосования (490 тыс. против 305 тыс. человек)².

Война и порожденные ею проблемы вызвали обострение классовых противоречий. Капиталисты беспословно обогатились на военной конъюнктуре. Для масс она обернулась дороговизной, снижением жизненного уровня. «Золотая мельница намолотила новые миллионы акционером, судовладельцам, лесным баронам и спекулянтам,— говорилось в отчете ЦОПН за 1917 г.— Вместе с тем это были годы жестокой дороговизны, когда цены на все товары росли и росли не только из месяца в месяц, но и из недели в неделю, изо дня в день»³. Стоимость жизни в конце 1917 г. поднялась на 125% против довоенной, а зарплата — на 77%⁴.

Дороговизна в первую очередь тяжело отразилась на рабочих промышленности внутреннего рынка, мелком чиновничестве, полупромлетарских слоях города и деревни. В конце 1916 г. возникло движение против дороговизны. Выдвигались требования усилить прямое государственное регулирование экономики, контроль над ценами на важнейшие товары и субсидирование производства важнейших из них, снизить наполовину цены на топливо и т. д. Для того чтобы помешать возможному саботажу со стороны капиталистов, предлагалось запретить любое прекращение или сокращение производства.

Февральская революция в России подхлестнула движение против дороговизны. В мае 1917 г. лидеры ЦОПН предъявили правительству ряд новых требований, направленных на улучшение положения трудящихся. После того как правительство отказалось выполнить эти требования, 6 июня 1917 г. состоялась первая в истории Норвегии всеобщая забастовка, сопровождавшаяся демонстрациями и собраниями⁵. Под нажимом рабочего класса правительство приняло специальные меры по регулированию цен и выделило государственные субсидии для смягчения последствий дороговизны на сумму, вдвое меньшую той, которую требовали профсоюзы. В некоторых отраслях была повышена заработная плата рабочим.

Весть о победе пролетарской революции в Петрограде была встречена трудящимися Норвегии с восторгом. Так, участники митинга в крупнейшем театральном зале Христиании 30 ноября 1917 г. приняли резолюцию со словами приветствия и поддержки

² *Gjerløw O. Norges politiske historie. Oslo, 1936, Bd. 3, s. 192.*

³ *Arbeidernes faglige landsorganisation. Beretning for aaret 1917. Kristiania, 1918, s. 1.*

⁴ *Bull E. Norsk fagbevegelse. Oslo, 1955, s. 116.*

⁵ *Norges Kommunistiske partis historie. Oslo, 1963, Bd. 1, s. 76—77.*

русским революционерам, требую немедленного признания «социалистического правительства, которое первым проявило действительное стремление к миру»⁶. Революционные настроения охватили широкие слои народа: прежде всего промышленный пролетариат, рыбаков и отчасти мелкое крестьянство. Резко расширилось забастовочное движение. Рабочие явочным порядком устанавливали 8-часовой рабочий день. Однако профсоюзные вожди — реформисты удерживали рабочих от более решительных действий, запугивали их возможностью интервенции Антанты в случае революции.

Адам Эгге-Ниссен

Высшим проявлением революционного подъема в Норвегии явилось движение рабочих советов, начатое металлистами столичных предприятий. Зимой 1917—1918 г. в Христиании, Бергене, Тронхейме, Ставангере, Драммене и других городах по образцу русских Советов были созданы советы рабочих депутатов, которые ставили целью осуществить требования рабочих. Делегаты в советы избирались на предприятиях, часто против воли оппортунистического руководства местных рабочих организаций. Советы боролись против дороговизны и спекуляции, за регулярное снабжение населения продовольствием, за введение 8-часового рабочего дня. Они требовали «передачи им контроля над промышленностью, сельским хозяйством, рыболовными предприятиями, транспортной системой и торговлей, равно как и передачи в руки советов всей общественной и административной власти»⁷. Путь к достижению своих целей советы видели в массовых действиях вне парламента, направляемых из единого центра. В 1918 г. начали создаваться и солдатские советы.

Норвежские советы ограничились, однако, нажимом на местные власти в интересах трудящихся и не ставили перед собой задачу завоевания государственной власти.

Численность рабочих советов к весне 1918 г. достигла 60—70 тыс. человек, и в марте 1918 г. они провели в Христиании

⁶ Цит. по: Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение: В 2-х томах. М., 1958, т. 2, с. 396.

⁷ *Левалин Э.* Рабочий класс Норвегии и Октябрьская революция.— *Международная жизнь*, 1957, № 10, с. 64; *Bull E. Norsk fagbevegelse*, s. 119—120.

Мартин Транмель

свою общенациональную конференцию. Руководил ею рабочий-металлист, левый социал-демократ Сигурд Сименсен. Социал-демократический Союз молодежи активно участвовал в движении за создание советов, тогда как оппортунистическое руководство НРП и профсоюзов отмежевалось от него. Практически созыв этой конференции оказался высшей точкой движения. После установления 8-часового рабочего дня в промышленности весной 1918 г. советы занимались контролем за распределением продуктов и летом 1918 г. прекратили свою деятельность⁸. В. И. Ленин в «Письме к рабочим Европы и Америки» особо отмечал размах советского движения именно в Норвегии⁹.

По мере нарастания классовой борьбы укреплялась революционная левая оппозиция в рядах Норвежской рабочей партии, возглавлявшаяся Кюрге Грешпом, Мартином Транмелем и Адамом Эгед-Ниссенем. Эгед-Ниссен первым среди деятелей норвежского рабочего движения уже в конце 1917 г. посетил красный Петроград, беседовал с В. И. Лениным и его соратниками, присутствовал на заседании Петроградского Совета. Вернувшись на родину, Эгед-Ниссен, не жалея сил, распространял правду о Советской России и советском строе.

На состоявшемся в конце марта 1918 г. 23-м съезде НРП левое крыло одержало победу. В принятой съездом основной резолюции (о тактике) говорилось: «Как партия революционной классовой борьбы социал-демократия не может признать право имущих классов на экономическую эксплуатацию и угнетение рабочего класса, даже если эту эксплуатацию и угнетение поддерживает большинство народного представительства (т. е. стортинга. — *Ред.*). Норвежская рабочая партия должна поэтому оставить за собой право применить революционные массовые действия в борьбе за экономическое освобождение рабочего класса»¹⁰. Председателем

⁸ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 79 etc; Langfeldt K. Det direkte demokrati. Oslo, 1966, s. 39—40.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 456.

¹⁰ Det 20. Aarhundrede, 1922, N 14, s. 334.

партии был избран Кюрре Греш, генеральным секретарем — Мартин Транмель. Новое руководство не было однородным. Наряду с наиболее последовательным коммунистом Кюрре Грешом оно включало также центристов (Уле Лиан — председатель ЦОПН) и синдикалистов (М. Транмель). Однако в обстановке революционного подъема в Европе вдохновляемая героической борьбой пролетариата Советской России, Германии, Финляндии, НРП в целом перешла на революционные, классовые позиции. Чрезвычайный съезд партии в июне 1919 г. большинством голосов решил примкнуть к Коммунистическому Интернационалу. 21 июля того же года норвежский рабочий класс участвовал в международной всеобщей стачке солидарности с Советской Россией, протестуя против политики интервенции и блокады. Особенно успешно и единодушно стачка прошла в Ставапгере — промышленном центре на юго-западе страны¹¹.

Кюрре Греш

Под нажимом рабочего движения и в особенности советов предприниматели были вынуждены пойти на уступки. В 1918 г. наряду с введением 8-часового рабочего дня было осуществлено дальнейшее повышение заработной платы. Правительство либералов — венстре, пытаясь ослабить боевые настроения рабочего класса, даже образовало комиссию для рассмотрения вопросов «социализации». Как писала газета Норвежского объединения предпринимателей, «речь идет о том, чтобы дать рабочим почувствовать и понять, что работодатели охвачены решимостью создать наилучшие социальные условия»¹².

Учитывая настроения масс, партия консерваторов «Хёйре» в июне 1918 г. выступила под лозунгом решения таких национальных задач, как обеспечение норвежского нейтралитета в войне, повышение производства, принятие мер против дороговизны, обещающая «спокойный переход к более равным условиям жизни и вытекающему из этого большому социальному довольству»¹³. Вме-

¹¹ Friheten, 1919, 24 aug.

¹² Цит. по: Bull E. Norsk fagbevegelse, s. 122.

¹³ Цит. по: Gjerløw O. Op. cit., s. 179.

сте с тем партия крупной буржуазии требовала скорейшей ликвидации созданных во время войны государственных предприятий и государственного регулирования хозяйства в целом.

Парламентские выборы осенью 1918 г. выявили поляризацию политических сил. Консерваторы вместе со «свободомыслящими» венстре, построившие предвыборную кампанию на запугивании избирателей антикоммунистическими лозунгами, получили прирост голосов (30% против 29% в 1915 г.). Правительственная либеральная партия понесла потери (вместе с поддерживавшими ее «рабочими демократами» она получила 33% голосов против 37% в 1915 г.). За НРП проголосовало 31% избирателей против 32% в 1915 г. Из-за мажоритарной избирательной системы НРП получила лишь 18 мандатов (венстре и «рабочие демократы» — 54, хёйре с союзниками — 50), что усилило существовавшие в партии антипарламентские настроения.

После выборов 1918 г. сформировать правительство было предложено лидеру партии «Хёйре» Халворсену. Тот в соответствии с решениями последнего съезда своей партии пытался создать буржуазное коалиционное правительство парламентского большинства, но успеха не достиг. У власти остались венстре.

Таким образом, несмотря на серьезное обострение классовых противоречий, в стране не возникло революционной ситуации. Буржуазия сумела уступками ослабить боевые построения рабочего класса. С вступлением Норвегии в период усиленной индустриализации в стране вырос новый, сильный слой промышленной буржуазии, который проявлял большую гибкость по отношению к пролетариату. Богатства, накопленные норвежской буржуазией, как промышленной, так и торгово-судовладельческой, особенно в годы мировой войны давали ей возможность пойти на некоторые уступки и этим усиливали ее способность маневрировать. Крупная буржуазия сохраняла значительное влияние в средних слоях общества — среди мелких крестьян, торговцев, рыбаков, используя связи, налаженные во времена совместной борьбы за полную национальную независимость. Дух «национальной общности» насаждался и в годы мировой войны. Перед норвежским крестьянством не стояли задачи борьбы за землю, и оно не выступало союзником пролетариата. Норвежский пролетариат, несмотря на свою организованность и силу, не имел прочных революционных традиций. В годы революционного подъема лозунги коренных общественных преобразований получили и в Норвегии широкое распространение. Их поддержала такая массовая партия, какой была к тому времени НРП. Она, однако, не сумела стать на последовательно революционные позиции (см. ниже).

Наряду с тактикой маневрирования и уступок перед лицом нарастающего революционного движения буржуазия прибегала к репрессиям. Предприниматели отвечали на выступления рабочего класса длительными локаутами, которые охватывали целые от-

расли промышленности или даже группы отраслей. В 1920 г. из-за забастовок и в основном из-за локаутов было потеряно почти 1200 тыс. чел.-дней, т. е. вдвое больше, чем в 1919 г., и в 10 раз больше, чем соответственно в 1917 и 1918 гг.¹⁴ Обострение классово-вой борьбы привело к активизации служащих, формированию ими своих профсоюзных организаций. Профсоюзы железнодорожников и работников связи вступили в ЦОПН. Железнодорожники были первой группой государственных служащих, которые в 1920 г. провели массовую забастовку.

Экономическое наступление буржуазии сопровождалось усилением позиций ее правых сил. В 1920 г. из партии «Вепстре» выпала часть членов, организовавших затем Крестьянскую партию («Бупнепарти»). Эта партия представляла главным образом интересы крупных и зажиточных сельских хозяев. По общеполитическим вопросам она была близка партии «Хёйре».

Премьер-министр Г. Кнудсен вместе со своей партией стремился играть роль промежуточной силы и пользовался поддержкой то со стороны социалистов, то «Хёйре». Однако уже в 1920 г. правительству ушло в отставку, когда стортинг не поддержал его предложений относительно расходов на дорожное строительство, предполагавших известные уступки трудящимся. В июле 1920 г. было сформировано консервативное правительство Халворсена, проводившее последовательно антирабочую политику.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

В начале 20-х годов Норвегия представляла собой уже относительно развитую индустриальную страну. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, была запята третья часть населения. Это соотношение сохранилось и в 30-е годы. Вместе с тем произошло увеличение доли промышленности в валовом национальном продукте, существенно изменилась ее структура. На основе крупных, отечественных и иностранных, капиталовложений было осуществлено техническое переоснащение бумажно-целлюлозной, электрометаллургической и химической промышленности. В то же время металлообрабатывающая, машино- и судостроительная отрасли находились в застое.

К 1930 г. электрометаллургия, которая давала, в частности, более 10% мирового производства алюминия¹⁵, прочно заняла одно из ведущих мест в норвежской промышленности. Наиболее самостоятельными были никелевые фабриканты, которые в середине 20-х годов вели даже упорную, хотя и безуспешную борьбу за овладение канадскими никелевыми компаниями.

¹⁴ *Wasberg G. C., Svendsen A. S. Industriens historie i Norge. Oslo, 1969, s. 168.*

¹⁵ *Svendsen A. Norsk industrihistorie. Oslo, 1955, s. 77.*

В межвоенный период осуществлялось и ускоренное строительство гидроэлектростанций. Мощность их только за 1922—1939 гг. выросла в полтора раза¹⁶. Был обновлен рыболовный флот; за 20 межвоенных лет число открытых моторных судов увеличилось втрое, а палубных — в полтора раза. Это способствовало повышению ежегодного улова рыбы с 600 тыс. т перед первой мировой войной до 1 млн. т. перед второй¹⁷. В сельском хозяйстве также происходил процесс капиталистической рационализации и внедрения новой техники. В течение 30-х годов тракторный парк увеличился втрое (до 2800 единиц), число электродвигателей — в полтора раза (до 25 000 единиц), применение искусственных удобрений за весь межвоенный период почти утроилось¹⁸.

Ускоренными темпами развивались транспорт и связь, увеличился (в 2,5 раза) тоннаж торгового флота, особенно танкерного. В середине 20-х годов начались регулярные автомобильные перевозки грузов и пассажиров. К 1930 г. протяженность автобусных маршрутов составила 32 тыс. км, за следующее десятилетие к ним добавилось еще 16 тыс. км. В связи с процессом автомобилизации потребление бензина за 1918—1939 гг. увеличилось почти в сто раз¹⁹. В 1920—1925 гг. ежегодный прирост валового национального продукта составил 0,8%, а в 1926—1930 гг. вследствие механизации и рационализации производства, а также улучшения конъюнктуры он достиг даже 5,1%²⁰.

Межвоенный период был периодом укрепления позиций крупных монополистических объединений разного типа, утверждения их господствующего положения в экономике. Вместе с тем в 30-е годы возобновился рост государственного и коммунального секторов в парадном хозяйстве. Вновь усилилось проникновение иностранного капитала. Он помещался преимущественно в уже существующие промышленные предприятия. Доля иностранного капитала в акционерном капитале страны выросла с 7% в 1919 г. до 16% в 1936—1937 гг.²¹ Наиболее сильные позиции занял французский капитал. С 1929 по 1939 г. размер французских капиталовложений увеличился, остались неизменными позиции английского капитала, несколько сократился объем американского, вдвое упала доля шведского и в 7 раз — германского. Крупнейший норвежский концерн «Норшк гидро», утроивший за эти годы выпуск азотных удобрений и прочих нитритов, почти полностью перешел в руки иностранных капиталистов: в 1939 г. доля нор-

¹⁶ Historisk statistikk 1968, s. 241 (tab. 147).

¹⁷ Ibid., s. 120, 169, 174 (tab. 116).

¹⁸ Ibid., s. 147, 149 (tab. 96, 98).

¹⁹ Derry T. K. A History of Modern Norway. 1814—1972. Oxford, 1973, p. 330; Dahl H. F. Norge mellom krigene. Oslo, 1973, s. 12.

²⁰ Myrvoll O. Økonomiske utviklingstendenser i Norge. Fra 1929 til 1954. Bergen, 1954, s. 16.

²¹ Furre B. Norsk historie 1905—1940. Oslo, 1972, tab. 7, s. 308.

вежского капитала составляла в нем всего несколько процентов²². На американские деньги был сооружен крупный электротехнический концерн и т. д.

Благодаря процессу технического перевооружения пародного хозяйства валовой национальный продукт (пересчитанный в постоянных ценах) увеличивался в 20—30-е годы в среднем такими же темпами, как в 1900—1916 гг.²³

Однако это не могло существенно ослабить удары острых кризисов, сотрясавших пародное хозяйство страны с перерывами вплоть до середины 30-х годов.

Первый послевоенный экономический кризис разразился осенью 1920 г., когда произошло резкое ухудшение международной конъюнктуры. Норвегия, тесно привязанная к мировому рынку, пострадала от этого особенно сильно. В конце 1921 г. треть торгового флота стояла на приколе. На 30% по сравнению с 1920 г. сократилось промышленное производство. Произошло обесценение кроны и вдвое поднялся курс иностранной валюты, особенно доллара. Вырос дефицит платежного баланса. В 1920—1926 гг. валовой национальный продукт из расчета на душу населения производительных возрастов уменьшался ежегодно на 0,6%²⁴.

Крайне болезненно протекал кризис в сельском хозяйстве. В особенно трудном положении оказались мелкие крестьяне, которые обзавелись хозяйствами в период дороговизны. Цены на все сельскохозяйственные продукты упали наполовину, на древесину — втрое. Почти прекратилась порубка леса, что еще больше ухудшило положение тех мелких хозяев, которые получали дополнительный заработок как лесорубы. Несмотря на общее падение цен в 20-х годах, задолженность крестьян возросла с 635 млн. крон в 1915 г. до 1296 млн. крон в 1926 г.²⁵ Если в 1920 г. было продано за долги всего 500 дворов, то в 1925 г. — уже 2 тыс., в 1929 г. — около 4 тыс., а в 1932 г. — около 6500 дворов²⁶.

Кризис привел к разорению многих сельских коммун. Уход населения в промышленность был невозможен, более того, в сельскую местность устремилась значительная часть потерявших работу промышленных рабочих. Когда коммуны, желая улучшить свое финансовое положение, повышали налоги, то, согласно принятому в 1923 г. закону, они переходили под контроль государства и временно теряли право на самоуправление. В 1928 г. около 110 тыс. глав семейств получили от коммун пособия по бедности, отчего долги коммун катастрофически выросли. Отчаянное поло-

²² *Derry T. K. Op. cit.*, p. 329.

²³ *Historisk statistikk 1968*, s. 91 (diagr. 16).

²⁴ *Historisk statistikk 1968*, s. 212; *Derry T. K. Op. cit.*, p. 305.

²⁵ *Ordning J. Norge från 1906 till 1940*. Stockholm, 1949, s. 372.

²⁶ *Furre B. Op. cit.*, tab. 16, s. 316.

жение большей части сельского населения побудило в 1926 г. Крестьянский союз (Norges Bondelag) — организацию зажиточных крестьян — заявить о срочной необходимости «принять меры для предотвращения полного экономического краха»²⁷.

Не удалось народное хозяйство Норвегии выйти в конце 20-х годов из состояния застоя, как осенью 1930 г. на нее обрушился мировой экономический кризис.

Валовой национальный продукт упал за 1931 г. на 8%, промышленное производство сократилось на 22%. В 1932 г. четверть тошняка торгового флота оказалась на приколе²⁸. Прекратили платежи 47 частных банков, среди них такие крупные, как «Норшкэ кредитбанк» и «Бергенс приватбанк». Обострился давний кризис в лесном и сельском хозяйстве.

Капиталистическая экономика Норвегии оказалась бессильной перед новыми испытаниями. Буржуазные правительства 20-х годов пытались смягчить послевоенный кризис с помощью денежной политики, избрав курс дефляции, повышения золотого содержания норвежской кроны. Была поставлена задача восстановить золотой паритет кроны 1875 г., что было достигнуто лишь в 1928 г. Обеспечивая устойчивые доходы капиталистам, эта политика на деле обескровливала экономику, сдерживала рост производства и занятость. Дефляционные меры особенно широко применялись во второй половине 20-х годов, при либеральном кабинете Мувинкеля и консервативном — Люкке. В 1927 г. под давлением сельскохозяйственных рабочих, мелких крестьян и рыбаков стортинг создал специальную комиссию для рассмотрения положения в области финансовой политики. Комиссия оказалась беспособной решить проблему, социал-демократы не добились пересмотра дефляционной финансовой политики, уступив членам комиссии от партии «Хёйре».

Кризисные годы тяжело сказались на положении трудящихся. Небывалые масштабы приняла безработица, превышавшая в 1932—1934 гг. 30% членов профсоюзов и ни разу в 20—30-е годы не спускавшаяся ниже 10-процентной границы. Многие люди оставались без работы в течение весьма продолжительного времени — по полгода и более. Безработица тяжелее всего ударила по молодежи, а также по неквалифицированным рабочим.

В период кризиса значительная часть населения страдала от недоедания. Тяжелые условия жизни привели и к падению все еще высокой рождаемости. Если в 1920 г. в одной семье насчитывалось в среднем четыре ребенка, то к концу 30-х годов эта цифра сократилась до трех. В 1931/32 бюджетном году 315 тыс. норвежцев — каждый девятый! — получали пособие по бедности²⁹. Были

²⁷ *Dejte er Norge 1814—1964*. Oslo, 1963, Bd. 1, s. 401.

²⁸ *Furre B.* Op. cit., s. 191.

²⁹ *Dahl H. F.* Op. cit., s. 11, 41.

выпущены специальные продовольственные карточки, по которым ведомства социального обеспечения в коммунах предоставляли нуждавшимся продовольствие.

Повсеместно сокращалась номинальная заработная плата. По данным Объединения предпринимателей, средняя дневная заработная плата составляла: в 1921 г. — 18,5 кроны, в 1922 г. — 14,07, в 1923 — 13,1, в 1925 г. — 15,2, в 1927 г. — 12,17 и в 1929 г. — 11,59 кроны³⁰. Только с 1936 г. заработная плата в промышленности начала понемногу расти. Наряду с понижением зарплаты происходило, правда, снижение потребительских цен и стоимости жизни, что позволяло имевшим работу, как правило, сохранять реальную зарплату на прежнем уровне, а иногда и добиваться ее увеличения. В целом за 1914—1939 гг. реальная заработная плата (дневная выручка рабочих-мужчин) в промышленности выросла на 40%³¹. Модернизация экономики проводилась так, что не требовала использования дополнительных резервов рабочей силы. Вместе с тем она означала сохранение и даже повышение уровня жизни для имевших работу трудящихся.

МАССОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 1920-Х ГОДОВ

Экономические кризисы способствовали обострению классовой борьбы. Буржуазия усилила нажим на позиции пролетариата, что вынудило профсоюзы перейти к обороне, сосредоточиться на защите элементарных условий продажи рабочей силы. Постоянная массовая безработица и относительно высокий уровень реальной заработной платы занятых на производстве объективно вызывали противоречия в рядах трудящихся, вели к ослаблению их единства, снижению боевого духа, вносили элементы раздоров в профсоюзное движение. Часть союзов выступала за предоставление работы лишь организованным трудящимся, между тем как только имевшие работу могли вступить в профсоюз.

Весной 1921 г. Объединение предпринимателей решило снизить немедленно заработную плату на 33%, еще на 25% — осенью. В знак протеста 8 мая забастовали моряки, их поддержали портовые рабочие, а 26 мая по призыву ЦОПН началась всеобщая забастовка — самый крупный и острый трудовой конфликт в истории страны. В нем участвовало 120 тыс. человек (при общем членстве в ЦОПН — 140 тыс. человек)³². Широкую известность получили события в заполярном городке Хаммерфесте, где бастующие рабочие взяли в свои руки всю полноту власти³³. Руководство

³⁰ Dette er Norge 1814—1964, Bd. 1, s. 400.

³¹ Furre B. Op. cit., p. 310—311.

³² Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 118.

³³ Cp.: Kristensen A. Da verdensrevolusjonen banket på i Hammerfest. Oslo, 1976.

профсоюзов не привлекло к общей борьбе лишь государственных и коммунальных служащих, персонал предприятий, принадлежавших самим рабочим организациям, медперсонал и другие небольшие группы. Предприниматели бросили против рабочих штрейкбрехерскую организацию «Общественная помощь Норвегии» (Samfundsvernet), провозгласившую своей целью защиту существующего строя. На крупнейших предприятиях и в портах штрейкбрехеров охраняли вооруженная полиция и войска. Была объявлена и частичная мобилизация. Между войсками и рабочими происходили стычки. Одновременно велись переговоры сторон с участием премьер-министра и государственного посредника. Объявив локаут, капиталисты сумели нанести чувствительный удар профсоюзам.

8 июня стачка была прекращена. Зарботная плата моряков снижена, хотя и меньше, чем требовали предприниматели. Всего в 1921 г. эта мера коснулась 40 тыс. человек, а в 1922 г. — еще 80 тыс. человек. В ряде отраслей был уменьшен и оплачиваемый отпуск — с 12 до 8 дней³⁴.

Поражение всеобщей забастовки привело к резкому сокращению численности профсоюзов: за 1921 г. она упала на треть. Руководители Норвежской рабочей партии и профсоюзов согласились на принятие временного закона о принудительном государственном арбитраже в трудовых конфликтах (1922 г.). Вместе с тем отдельные отраслевые профсоюзы продолжали борьбу с хозяевами. Уже 1924 год стал рекордным по числу потерянных вследствие конфликтов рабочих дней — более 5 млн.³⁵

В 1923—1924 гг. состоялась крупная забастовка рабочих-металлистов. Предприниматели считали ее «незаконной», поскольку бастующие выступали против сокращения зарплаты, обоснованного снижением стоимости жизни. Из-за локаута и забастовок солидарности в конфликт вновь оказалось вовлеченным большинство промышленных рабочих. Предприниматели направили основной удар по профсоюзам металлистов и разнорабочих тяжелой промышленности. Металлисты, однако, бастовали в течение семи месяцев и добились своего: вместо 5-процентного сокращения заработной платы она была повышена на 5%.

В течение последующих нескольких лет буржуазия продолжала наступление на рабочий класс. Общее сокращение заработной платы достигало в 20-х годах 30—40%, против забастовочного движения неизменно применялись массовые локауты (наиболее значительным был локаут в 1926 г., продолжавшийся месяц), вводились чрезвычайные законы против рабочего класса. В 1927 г. вновь был принят временный закон о принудительном арбитраже

³⁴ *Сегал Я.* Рабочее движение в скандинавских странах. М., 1927, с. 239—241.

³⁵ *Historisk statistikk* 1968, s. 84 (tab. 60).

и одновременно «тюремный закон», предусматривавший тюремное заключение за противодействие или оскорбление штрейкбрехеров в случае «незаконной» стачки. Этот закон вызвал особое негодование рабочих, и в 30-х годах они добились его отмены.

Особой остроты достигла борьба рабочих ряда отраслей за право на организацию в профсоюзы. Созданный в 1927 г. профсоюз лесных и сельскохозяйственных рабочих натолкнулся на открытое нежелание сельских работодателей иметь дело с членами профсоюзов, вести коллективные переговоры об условиях труда. Между рабочими и хозяевами возникали острые конфликты, против бастующих рабочих вновь использовались штрейкбрехеры и полиция. Укрепление новой организации, рост ее рядов позволили добиться распространения системы коллективных договоров и на рабочих лесной промышленности; сельскохозяйственные рабочие добились лишь частичных успехов.

В 1928 г. вспыхнула крупная забастовка в строительной промышленности в знак протеста против решения принудительного арбитража о значительном сокращении заработной платы. Рабочий класс поддержал и эту «незаконную» стачку; она закончилась успехом и нанесла смертельный удар принудительному арбитражу — через год он был упразднен.

ДВА РАСКОЛА НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НОРВЕГИИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 20-Х ГОДАХ

Норвежское рабочее движение выступало в 20-е годы под революционными лозунгами, ведя активную борьбу за жизненные интересы трудящихся, усиливая давление на позиции буржуазии. Съезды НРП в 1919 и 1920 гг. и конгресс ЦОПН в 1920 г., на котором также впервые победило революционное крыло, высказались за «диктатуру рабочего класса, советскую систему и массовые действия». Рабочая партия послала своих представителей на II конгресс Коминтерна. Революционный курс нового руководства НРП встречал сопротивление правого крыла партии, что привело к ее первому расколу. В конце 1920 г. из партии вышли возглавляемые Алдерсом Буэном и Магнусом Шильсеном правые социал-демократы. В начале 1921 г. они оформились в Социал-демократическую рабочую партию Норвегии. Состоявшийся в марте того же года 25-й съезд НРП принял «21 условие приема в Коминтерн», хотя и (по договоренности с руководством Коминтерна) сопроводил это принятие рядом существенных оговорок³⁶.

³⁶ Ср.: Norsk sosialisme i dokumenter. Oslo, 1970, s. 60. Petrick F. Die 21 Aufnahmebedingungen der Kommunistischen Internationale und die Norwegi-

Принятие «21 условия» явилось крупной победой коммунистического авангарда НРП. Напомним, что «21 условие» было утверждено II конгрессом Коминтерна в 1920 г. Главными среди этих условий были принципиальное признание диктатуры пролетариата, полный разрыв с реформистами и центристами, сочетание легальных и нелегальных приемов борьбы, принцип демократического централизма в партийной жизни, безусловная верность пролетарскому интернационализму.

В составе Коммунистического Интернационала НРП оказалась (относительно численности своего рабочего класса) самой крупной фракцией после РКП(б). Ее боевой дух, революционный энтузиазм, солидарность с пролетариатом Советской России привлекали внимание В. И. Ленина, не раз, как известно, выступавшего в печати по разным вопросам норвежской политической жизни. В 1920 г. он дважды давал интервью деятелям НРП. Ленин оптимистически оценивал перспективы прогрессивных преобразований в Норвегии. Он полагал, что социалистическая революция в Норвегии, как и в других странах Западной Европы, когда время для нее настанет, «совершится легче, чем у нас»³⁷. Ленин высоко оценил деятельность Норвежской рабочей партии в пору ее пребывания в составе Коминтерна³⁸.

Революционная НРП поставила, таким образом, своей конечной целью установление власти рабочего класса в форме республики советов и социалистическое преобразование общества. Вместе с тем партия вела борьбу за решение назревших общедемократических задач, за удовлетворение неотложных нужд трудящихся.

Однако деятельность НРП осложнялась неухаживающей внутрипартийной дискуссией, обострившейся после смерти председателя партии Гренпа (февраль 1922 г.). Сторонники центристов Транслея и Ливана начали кампанию против Исполкома Коминтерна, возражая против его требования централизации и дисциплины, а также против партийного руководства профсоюзами. Транслевцы отстаивали принцип коллективного членства в партии, выступали против проведения антирелигиозной кампании, против тактики единого фронта и лозунга рабоче-крестьянского правительства. Разногласия коснулись и Союза молодежи, где против линии Коминтерна выступали транслевцы, возглавляемые Хоконном Мейером. К центристам примкнул и социалистический студенческий кружок «Мут даг» («К свету») адвоката Э. Фалька, издававший одноименный журнал. Линию Исполкома Коминтер-

sche Arbeiterpartei.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, № 3, S. 292—301.

³⁷ Интервью В. И. Ленина Я. Фрипсу.— Ленинский сборник. М., 1970, т. XXXVII, с. 243.

³⁸ Интервью В. И. Ленина Х. Лангсету.— Ленинский сборник. М., 1975, т. XXXVIII, с. 325.

на с воодушевлением защищали наиболее сознательные члены руководства НРП и Союза молодежи, стоявшие тогда на партийных, коммунистических позициях, в том числе Улаф Шеффо, член Исполкома Коминтерна³⁹.

Попытки со стороны ИККИ примирить оба крыла партии на основе их подчинения решениям Коминтерна успеха не имели. Летом 1922 и летом 1923 г. расширенные пленумы ИККИ принимали особые постановления по норвежскому вопросу⁴⁰. Руководство Коминтерна проявило терпение и готовность пойти навстречу норвежским товарищам. «Мы не можем исключить всю партию. Ибо это все же жизнеспособное рабочее движение... — говорил на втором пленуме Исполкома О. В. Куусинен, — Хорошая основа для революционной рабочей партии, хорошее начало. И — по скандинавским меркам — норвежские товарищи являются хорошими коммунистами. Лучших нет во всей Скандинавии»⁴¹. Однако в руководстве НРП с февраля 1923 г. преобладали трамелевцы: председатель Оскар Торп, генеральный секретарь — Э. Герхардсен, редактор центрального органа — М. Трамель, фактический лидер партии. Под их нажимом чрезвычайный съезд НРП 2 ноября 1923 г. большинством голосов (169 против 103) отклонил предложения ИККИ и тем фактически поставил себя вне Интернационала. Учитывая, однако, популярность среди трудящихся идей коммунизма, диктатуры пролетариата, интернациональной солидарности, в особенности со Страной Советов, руководство НРП продолжало представлять свою партию как коммунистическую (до 1927 г.), сохранило в программных документах революционные марксистские положения, некоторые из них — вплоть до начала второй мировой войны.

Поскольку большинство чрезвычайного съезда НРП отошло, по сути дела, от основных принципов коммунистического движения и заняло по ряду вопросов реформистские позиции, меньшинство делегатов, верных позициям Коминтерна, решило 4 ноября 1923 г. основать новую партию и впредь именовать ее Коммунистической партией Норвегии (КПН) (секцией III Интернационала). В тот же день центристское большинство делегатов объявило о выходе НРП из Коминтерна.

Председателем правления КПН был избран Сверре Стёстад (депутат стортинга, в прошлом строительный рабочий), генеральным секретарем — Педер Фюрюботп (с 1925 г. — председатель), редактором центрального органа — У. Шеффо. Он же остался председателем парламентской фракции партии⁴². Главной опорой КПН явились бывшие организации НРП на Западе и Севере

³⁹ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 131.

⁴⁰ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 289—292, 383—387.

⁴¹ Центральный партийный архив ИМЛ.

⁴² Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 163, 167.

страны (Берген, Тромсхейм). Велико было ее влияние в профсоюзах металлистов, деревообделочников, мясников. Членство в компартии в отличие от НРП было только индивидуальным. На 1 января 1924 г. она насчитывала около 14 тыс. членов (НРП — 40 тыс. членов). Молодой партии предстояло создать в столице центральный аппарат и печатный орган⁴³.

В своей первой программе действий 1923 г. КПН ставила следующие задачи: вести агитацию за сплочение рабочих, крестьян и рыбаков, невзирая на политические и иные различия, во имя защиты их жизненных интересов и в целях создания правительства рабочих и крестьян; добиваться создания на предприятиях органов пролетарского единого фронта, а также сплочения крестьян и рыбаков в боевые антикапиталистические организации; агитировать в профсоюзах за решительное сопротивление любому понижению зарплаты и за присоединение ЦОПН к Красному Интернационалу профсоюзов; поднимать массы на активную поддержку пролетарской революции в Германии, противодействовать любым попыткам норвежской буржуазии включиться в антисоветские действия мировой буржуазии; пробуждать бдительность масс в отношении растущих в Норвегии фашистских организаций, призывать к вооружению рабочих, рыбаков и крестьян, к демократизации вооруженных сил и чистке их от реакционной офицерской касты⁴⁴.

КПН выражала готовность сотрудничать с двумя другими рабочими партиями в рамках единой организации, сохраняя свое членство в Коминтерне. В действительности, однако, между тремя рабочими партиями началась открытая борьба, хотя иногда осуществлялось и частичное сотрудничество, например в стортинге. Возглавившийся центристами пленум ЦОПН принял в октябре 1924 г. решение о том, что профсоюзы должны быть «вне взаимной борьбы между тремя политическими рабочими партиями», и потребовал признания «независимости профсоюзов»⁴⁵. Объективно это служило интересам НРП, пользовавшейся в профсоюзах наибольшим влиянием. Линия на «независимость» была подтверждена конгрессом ЦОПН в 1925 г.

Крайне неблагоприятные условия 20-х годов, сложившиеся в связи с продолжительным экономическим спадом, создали на пути рабочего движения дополнительные трудности. Они заставили рабочий класс расходовать свой революционный заряд на борьбу за сохранение элементарных условий существования, нанесли серьезный удар по единству и силе его организаций. В обстановке кризиса численность ЦОПН сократилась с 1920 по 1927 г. на 33%. Прежний уровень членства был восстановлен только в 1931 г.

⁴³ Ibid., s. 160—166.

⁴⁴ Norsk sosialisme i dokumenter, s. 83—85.

⁴⁵ См.: *Сегал Я.* Указ. соч., с. 276.

Норвежские профсоюзы неоднократно выдвигали требование о развитии связей с советскими профсоюзами⁴⁶. В 1928 г. в Копенгагене был подписан договор о сотрудничестве между профсоюзами Норвегии, Финляндии и СССР. Под нажимом со стороны руководства шведских и датских профсоюзов лидеры ЦОИИ оттягивали его ратификацию. В поддержку договора высказались профсоюзы чернорабочих, переключников, сельскохозяйственных рабочих и рабочих лесной промышленности, а также местные профсоветы в Осло, Бергене, Тронхейме и некоторых других местах. Однако большинство профорганизаций склонялось к поддержке позиции руководства ЦОИИ.

Противоборство между различными партиями и группами в рабочем движении вызывало недовольство трудящихся. Откликаясь на эти настроения, КПН в конце 1925 г. выдвинула лозунг создания на федеративных началах рабочей партии по типу английской лейбористской партии. Транмель выступил с контрпроектом объединения всех трех партий, предусматривавшим возвращение как коммунистов, так и социал-демократов в НРП. Переговоры последней с КПН, проводившиеся при посредничестве председателя ЦОИИ Г. Ольсена, окончились безрезультатно.

В августе 1926 г. НРП начала переговоры о воссоединении с социал-демократами, которые велись при содействии секретари Социалистического интернационала. Эти переговоры завершились принятием решения об объединении, которое и было осуществлено в 1927 г. на компромиссной основе ценой сдвига Рабочей партии вправо. НРП перестала называть себя коммунистической партией и исключила из программы пункт о диктатуре пролетариата. Был подтвержден принцип коллективного членства профсоюзов в НРП. Достигнутое объединение не устранило, однако, многих фактических разногласий между его участниками. «Неясные слова в объединительной программе были подобраны так искусно, что их можно было толковать по-разному»⁴⁷, — замечает историк И. Росет.

В 1927 г. объединенная ЦРП добилась крупного успеха на выборах, получив голоса 37% избирателей (59 мест в стортинге из 150). После того как попытка «Буншепарти» создать коалиционное буржуазное правительство из-за отрицательной позиции встрестре не принесла успеха, король поручил сформировать правительство деятелю Рабочей партии Хорнсерюду. Выступая в стортинге с программным заявлением, Хорнсерюд сказал, что, хотя существующее соотношение сил препятствует глубоким социальным переменам, правительство «намерено во всех своих действиях руководствоваться интересами рабочего класса и всего трудового

⁴⁶ См. также: *Dahl H. F. Op. cit., s. 58; Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 174.*

⁴⁷ *Roset I. A. Det norske Arbeiderparti og Hornsruuds regjeringdannelse i 1928. Oslo, 1962, s. 35.*

народа и облегчать и подготавливать переход к социалистическому обществу»⁴⁸. На этот вызов буржуазия ответила обструкцией. Начался перевод капиталов за границу, после чего два из трех крупнейших банков страны («Кредитбанк» и «Бергенс приватбанк») оказались на грани краха. Был предложен план спасения этих банков, который нуждался в гарантиях правительства. После того как последнее отказалось сделать это, большинство стортинга по инициативе венстре отказало ему в доверии. Просуществовав всего 18 дней, правительство НРП вынуждено было уйти в отставку, уступив место правительству венстре во главе с крупным судовладельцем Ю. Л. Мувинкелем (1928—1931).

Буржуазные партии использовали этот эпизод для дискредитации НРП, преподнося его как «крушение социализма» и вместе с тем как успешный отпор реальной угрозе революции. Лидеры НРП, в свою очередь, расценили происшедшее как доказательство ошибочности их надежд на использование буржуазной демократии в интересах рабочего класса. Усиление внепарламентского влияния НРП было объявлено главным средством к достижению ее целей⁴⁹. Такие настроения были положительно восприняты компартией.

В принципиальной программе 1930 г. (составленной, кстати сказать, известным историком Эдвардом Бюлием-старшим, видным деятелем НРП) говорилось: «Партия должна основываться на марксизме и на том опыте, какой приобретен борьбой во всех странах, борющихся за социальную революцию; должна быть готова в переходный период решающей борьбы употребить организованную силу всего рабочего класса, чтобы сокрушить сопротивление буржуазии и обеспечить строительство социалистического общества». Программа была принята съездом НРП в марте 1930 г. Съезд задним числом одобрил образование рабочего правительства 1928 г. и вместе с тем постановил, чтобы в будущем руководство партии не соглашалось на создание правительства, не будучи уверено в возможности проведения самостоятельной политики и осуществления важных сдвигов в направлении социализма⁵⁰.

Что касается КПН, то, несмотря на все трудности партийного строительства и выработки собственной политической линии после раскола 1923 г., она неизменно стремилась возглавлять борьбу рабочих против наступления буржуазии на их жизненные интересы⁵¹. Партии помогал Коммунистический союз молодежи во

⁴⁸ Цит. по: Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 227.

⁴⁹ *Bull E. Norsk fagbevegelse*, s. 99—100.

⁵⁰ *Norsk sosialisme i dokumenter*, s. 100; *Zachariassen A. Fra Marcus Thrane til Martin Tranmael*. Oslo, 1962, s. 271.

⁵¹ История международного рабочего и национально-освободительного движения: В 3-х частях. 2-е изд. М., 1969, ч. II, с. 355—356.

главе с Гепри В. Кристансенем, избранным позже, в 1931 г., на пост председателя ККН. Центральным печатным органом ее был «Норгес коммунистблад», позднее — газета «Арбейдере» (вплоть до запрета компартии гитлеровцами в 1940 г.). Коммунисты и комсомольцы возглавляли 7-месячную стачку металлистов 1923—1924 гг., ряд «незаконных» забастовок конца 20-х годов, вели антимилитаристскую пропаганду среди солдат и военнообязанных. Буржуазное государство отвечало на это судебными преследованиями. В 1924 г. при решающем участии коммунистов и комсомольцев были учреждены массовый Рабочий спортивный союз, сразу же примкнувший к Красному Спортинтерну, норвежское отделение Международной организации помощи борцам революции (МОИП). В 1926 г. коммунисты организовали Новую профсоюзную оппозицию (позже известную под названием «Революционной профопозиции») в целях сплочения левых сил рабочего класса. В годы стабилизации капитализма коммунисты были в первых рядах борцов против реакционного антирабочего законодательства.

К сожалению, серьезные трудности причиняла партии острая внутрипартийная борьба, вызванная наличием правооппортунистического ликвидаторского крыла (У. Шефло), с одной стороны, и левосектантских ошибок (Н. Фюрюботт, А. Хансен) — с другой. Эта борьба стоила партии немалой части ее членов: к 1929 г. численность ККН сократилась до 6 тыс. человек⁵².

ПЕРЕГРУППИРОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ БУРЖУАЗИИ. НОВЫЕ ПАРТИИ

Одним из последствий обострения классовой борьбы в Норвегии, усложнения общественно-политических отношений явилось образование многочисленных новых организаций и союзов. Среди них было большое число общенациональных: в 1920 г. — 70, в 1930 — 211, в 1937 — 282⁵³.

Последствия этого «организационного взрыва» были неоднозначными. Создавая условия для активизации общественно-политической жизни, он в то же время способствовал выдвигению на первый план второстепенных социальных проблем.

Возникли и новые политические партии. В 1920 г. образовалась Крестьянская партия («Бундепарти»), которая объявила себя защитником экономических, социальных и культурных интересов всего сельского населения. К ней постепенно перешла половина сторонников венстре. Выступая от имени всего крестьян-

⁵² Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 240.

⁵³ Dahl H. F. Op. cit., s. 13.

ского населения, «Бундепарти» в первую очередь представляла его верхушку. В 20-е годы, выдвигая националистические лозунги, «Бундепарти» примыкала к партии «Хёйре». Крестьянская партия яростно выступала против революционных сил в рабочем движении, боролась против профсоюзного движения в лесном и сельскохозяйственном секторах. Позже, однако, укрепилось влияние либерального крыла, связанного в прошлом с велстре. Партия постепенно эволюционировала к центру.

Еще с половины 20-х годов в Норвегии стали возникать различные правые организации с антисоциалистической и антикоммунистической программой: штрейкбрехерские («Самфусверпет»), военизированные («Лейдаг»), женские («Норвежские Лотты»). Наибольшим влиянием среди крупной буржуазии пользовался антисоциалистический «Отечественный союз» («Федреландслагет»), основанный в 1925 г. поляриком Ф. Хансеном.

Весной 1933 г. бывший министр обороны в правительстве Крестьянской партии — майор в отставке Видкун Квислинг, тайне уже связанный с германскими нацистами, создал, по сути дела, фашистскую партию «Национальное сплочение» («Нашунал самлинг»).

Питательной средой для норвежского фашизма были недовольство части мелкой буржуазии, крестьян, служащих парламентаризмом, их неверие в способность существовавших партий преодолеть кризисную ситуацию, а также антикоммунизм и традиционная вражда к НРП. Сначала «Нашунал самлинг» выступила под лозунгом национального объединения, т. е. сплочения сил буржуазии. Ее первая программа мало чем отличалась от программы других буржуазных партий. В 1933 г. Квислинг призывал «Бундепарти» образовать национальный блок в целях установления контрреволюционной диктатуры. На выборах квислинговцы блокировались списками со «свободомыслящими» (правые либералы), «Бундепарти» и частично с партией «Хёйре», по это не принесло им ни одного мандата и лишь 2,2% голосов. Весной 1934 г., в преддверии коммунальных выборов, квислинговцы стали добиваться установления более тесного сотрудничества со своими союзниками. Соответствующее соглашение было подписано между «Нашунал самлинг», «Бундепарти», «свободомыслящими» и «Федреландслагет». Однако осенью блок распался, поскольку «Бундепарти» была заинтересована в получении денег из фонда буржуазных партий, к которому квислинговцы не допускались. Вскоре за «крестьянами» последовали и «свободомыслящие».

«Нашунал самлинг», лишившаяся связей с другими партиями, перешла на экстремистские позиции, к явному фашизму и антисемитизму. По образцу гитлеровских штурмовых отрядов формировались штурмовые группы — «хирды», был создан «боевой союз» по подобию эсэсовского. После провала на выборах

1936 г. (1,8% голосов) в партии началась внутренняя борьба, которая привела к ее фактическому распаду в 1937 г.

Интересы разных групп крупной и средней буржуазии представляли в межвоенное двадцатилетие консервативная партия «Хёйре» и либеральная партия «Венстре». В позициях обеих партий имелись существенные различия в отношении текущих спорных вопросов — «сухого закона», социальных реформ и лансмона. В вопросах экономической политики их позиции совпадали: они выступали за продолжение дефляции, а также за государственную помощь крупным банкам.

Промежуточное положение между хёйре и венстре занимала партия «свободомыслящих», которая пользовалась поддержкой представителей зажиточного сельского населения и городских средних слоев. «Свободомыслящие» (принявшие с 1933 г. название «Народная партия свободомыслящих») в большинстве случаев выступали вместе с хёйре и несколько раз участвовали с ними в правительстве. Однако превратиться в широкую, объединяющую партию центра они не сумели и в конце 30-х годов прекратили свою деятельность. Сходная судьба постигла в 30-е годы стоявших левее венстре «рабочих демократов» (с 1921 г. — Радикальная народная партия) — по существу радикальную фракцию венстре. Эта партия, руководимая Ю. Кастбергом, выступала с программой социально-экономических реформ, прежде всего в области сельского хозяйства. РИП рассматривала свою программу как альтернативу марксистским лозунгам революционного, социалистического преобразования общества.

Одновременно в лагере буржуазных партий происходила известная перегруппировка, объективной целью которой было усилить сопротивление рабочему движению, отвлечь массы от острых социальных проблем абстрактными лозунгами социальной справедливости, национального единения, христианско-религиозного возрождения. Именно с такими лозунгами выступила Христианско-народная партия, образовавшаяся в 1933 г. (попытки ее создания предпринимались ранее, в 1924 и 1927 гг.) в масштабе губернии Хурдаланн (Хураланн).

Поводом для создания партии явилось недовольство в христианских кругах атеистическими настроениями, быстро распространявшимися в послевоенном норвежском обществе, а также расхождения перед выборами в стортинг между отдельными группировками в партии «Венстре» по вопросам церковной политики. Лидера либеральной партии — премьер-министра Мувишкеля его противники осуждали за то, что он не принадлежал к государственной лютеранской церкви. В предвыборной программе новая партия определяла свои цели следующим образом: защита христианских и национальных ценностей в церкви, школе, на производстве и во всей культурной жизни; установление социальной справедливости в соответствии с христианскими идеалами; все-

мерная поддержка трезвости; поддержка «всех хороших отраслей экономики», работа о безработных, бедствующих крестьянах и рыбаках; «обеспечение спокойствия и уверенности в трудовой сфере»; «истеричное отношение к нарушению законов и порядка»⁵⁴.

В 1930 г. был изменен избирательный закон, что позволило различным партиям блокироваться и выставлять общие списки на выборах в стортинг. Буржуазные партии отныне соединяли голоса своих избирателей против НРП. Перед лицом расколотого рабочего класса буржуазный лагерь чувствовала себя достаточно прочно. В течение всего межвоенного периода в стране действовали только правительства парламентского меньшинства, часто сменявшие друг друга: за 20 лет было сформировано 13 кабинетов.

Межвоенные годы были в значительной степени наполнены борьбой между партиями по ряду вопросов общественной и культурной жизни, в том числе о языковой реформе. Особый интерес к этим вопросам проявляли венстре, которые активно добивались осуществления своих первоначальных лозунгов, включая требования о едином норвежском языке и культуре, а также о полном отказе от производства и продажи спиртных напитков. Наиболее активную поддержку венстре получали от крестьян и рыбаков Сёрланна и Вестлаппа. Венстре были главными борющимися орфографических реформ 1907, 1917 и 1938 гг. Эти реформы взаимно приближали правописание обоих литературных языков страны (см. гл. о культуре).

Борьба по языковому вопросу была порождена в XIX в. движением за полную национальную самостоятельность и культурную самобытность. За лозунгами языкового и культурного единства часто стояли и демократические требования большего социального равенства. «Безусловно, языковая борьба была борьбой социальной, порожденной прежде всего специфическими региональными различиями в Норвегии, — пишет левосоциалистический историк Х. Ф. Даль. — Речь шла о том, какую региональную и социальную базу следует избрать для национальной общности»⁵⁵. Вместе с тем призывы культивировать общенорвежский язык (samnorsk) на базе новонорвежского были реакционной утопией: большинство промышленных рабочих, интеллигенции, горожан считали родным языком «книжный» — риксмол.

Политические группы, выступавшие под националистическими лозунгами, направляли свое острие против «внутреннего врага» — рабочего движения. Организации и группы, принадлежавшие к рабочему движению, оставались вне националистической волны, в частности в целом сторонились языкового спора. «В главном направлении норвежской политики межвоенного периода обозначен-

⁵⁴ *Lomeland A. R. Kristelig Folkeparti blir til. Oslo, 1971, s. 98.*

⁵⁵ *Dahl H. F. Op. cit., s. 23.*

ние „национальный“ имело, бесспорно, значение „антисоциализма“, политики, направленной против Рабочей партии», — отмечает тот же Х. Ф. Даль⁵⁶.

В начале 20-х годов важное место в жизни страны занял вопрос об отношении к производству и продаже спиртных напитков. «Сухой закон», продленный в 1919 г., вызвал резкое увеличение контрабанды, тайного самогонварения и злоупотребления медицинскими рецептами. В 1921 г. у контрабандистов было конфисковано 600 тыс. л алкоголя, однако большая часть не была перехвачена. В течение нескольких лет число обнаруженных случаев самогонварения увеличилось в 10 раз. «Сухой закон» вызвал обратный эффект: среднестатистическое потребление алкоголя значительно возросло. Одновременно запрет на потребление спиртных напитков повредил внешней торговле страны. Под ударом оказался важный для Норвегии экспорт рыбы в Испанию, Португалию и Францию, связанный со встречной закупкой Норвегией вина в этих странах.

Борьба вокруг «сухого закона» вызвала некоторую передвижку в политическом лагере. Например, малоимущее рыбацкое население Северной Норвегии стало переходить на сторону хейре, которые выступали за отмену запрета. Разногласия вызвали правительственные кризисы (1921, 1923 и 1924 гг.). В 1926 г. был проведен новый референдум, на котором большинство высказалось против продления «сухого закона». Вместо него была установлена винная монополия полугосударственного характера.

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Выборы в стортинг в октябре 1930 г. привели к улучшению позиций буржуазных партий, сообщая выступивших против Рабочей партии, которую они объявили врагом парламентской демократии. НРП с ее радикальными лозунгами добилась на этот раз лишь малого прироста голосов, что означало их процентное уменьшение и сокращение числа мандатов до 47.

Либеральное правительство Мувинкеля предприняло ряд мер по стабилизации экономического положения. Для спасения банков был получен кредит из Великобритании. Вновь была введена государственная монополия на торговлю зерном, несколько облегчившая положение отечественных производителей, приняты законодательные меры для поощрения дальнейшего создания новых мелких хозяйств и обеспечения их жизнеспособности. В основе финансовой политики следующего правительства, сформированного «Буннепарти» и стоявшего у власти в разгар экономического

⁵⁶ Ibid., s. 31.

кризиса (1931—1933), была отмена золотого стандарта, проведенная 24 сентября 1931 г., через три дня после Англии — ведущего торгового партнера Норвегии. В остальном внутривнутриполитическая линия «Буннепарти» ничем существенным не отличалась от курса венстре и не могла сколько-нибудь значительно смягчить удары экономического кризиса.

«Буннепарти» была особенно враждебна к рабочему движению. Ее лидеры — Колстад и Хунсейд — требовали ограничения свободы стачек и государственной охраны для штрейкбрехеров. Мероприятия «Буннепарти» вели к ухудшению положения большинства касс и всего дела социального обеспечения. Правительство использовало полицию и войска для срыва забастовок (в Юлуссе, Рансфьорде, Докка и др. местах) и провело закон, по которому лица, получавшие пособия от коммуни, не могли быть избраны в качестве доверенных лиц на коммунальных выборах. Этот оскорбительный закон касался более 125 тыс. избирателей⁵⁷. «Буннепарти» добилась того, что семь видов бойкота, которые применялись рабочими в их экономической борьбе, были объявлены незаконными. Она требовала также установления полицейского контроля над профсоюзными выборами. Именно в эти годы возникли уже известные организации полуфашистского и фашистского толка, которые вербовали сторонников среди крестьянства и городской мелкой буржуазии, демагогически нападая на «процентное рабство».

Распространение мирового экономического кризиса на Норвегию повлекло за собой новый нажим предпринимателей на профсоюзы с целью добиться их согласия на крупное снижение заработной платы. В ответ рабочие выдвинули лозунг 7-часового рабочего дня без уменьшения дневной зарплаты, желая этим содействовать ослаблению безработицы. В апреле 1931 г. капиталисты объявили локаут, который коснулся 80—90 тыс. человек. В августе ЦОПН призвало к забастовке солидарности, и в конфликт оказались вовлеченными около 100 тыс. человек. Работа возобновилась только в сентябре. Вследствие локаута и забастовок было потеряно свыше 7,5 млн. человеко-дней — вдвое больше, чем во время всеобщей стачки 1921 г.⁵⁸ Решение о прекращении забастовки было принято лишь после третьего голосования в рабочих организациях.

Одним из острых эпизодов развернувшейся борьбы было столкновение между локаутированными рабочими и полицией, охранявшей штрейкбрехеров в южнонорвежском приморском поселке Менстад (пригород Порсгруппа). Демонстрация протеста, организованная Революционной профсоюзной оппозицией 8 июня 1931 г., после короткой рукопашной схватки разогнала полицию,

⁵⁷ *Ordning I. Op. cit.*, s. 384.

⁵⁸ *Statistisk årbok for Norge 1938*. Oslo, 1939, s. 184.

пустившую было в ход пожарные шланги с водой. Поддержанный другими буржуазными политиками, министр обороны Квислинг направил в Менстад воинское подразделение и три военных корабля. Организаторы демонстрации подверглись судебным преследованиям и были осуждены на разные сроки — до 10 месяцев тюрьмы. Однако штрейкбрехеры, вооруженная полиция, войска и военные суда под разными предлогами были отозваны из Менстада, где они были встречены почти всеобщим бойкотом⁵⁹.

В сентябре 1931 г. полугодовой массовый локаут в стране был прекращен государственным посредником. Реформистское руководство ЦОИИ продолжало попытки смягчить последствия кризиса путем полюбовного соглашения с организациями предпринимателей и ради этого было готово идти на уступки. Вопреки решениям конгресса ЦОИИ, состоявшегося в феврале 1932 г., профсоюзные лидеры согласились заключить с предпринимателями двухгодичные коллективные договоры, предусматривавшие снижение заработной платы на 6—8%.

Безработица, охватывшая в начале 1932 г. 42% организованных рабочих, удручающе действовала на трудящихся. Распространялись настроения отчаяния и безысходности, подрывавшие боевую активность и солидарность рабочих. В профсоюзах вновь пачала усиливаться тенденция к преимущественной защите интересов организованных лиц наемного труда, противопоставляющую их неорганизованным⁶⁰. Снизился уровень забастовочного движения.

В годы кризиса возникла своеобразная организация для защиты интересов крестьян — «Помощь сельскому населению в связи с кризисом» (Bygdefolkets Krisehjelp). Она представляла собой союз крестьян-должников, объединившихся для борьбы с кризисом, против действий кредиторов, дефляционной политики. Главным направлением деятельности организации были выступления против принудительных аукционов. В политическом отношении она не имела четкого профиля: часть ее членов тяготела к «Бундепарти», часть — к Рабочей партии. Летом 1933 г. она качнулась в сторону фашистской «Национал самлинг», что привело к ее развалу.

В этих условиях у наиболее сознательной части трудящихся, в том числе среди безработных, находила широкий отклик самоотверженная борьба коммунистов. Именно активисты КПН вели за собой безработных Менстада в 1931 г., организовали знаменитый «голодный поход» безработных в столицу летом 1932 г.

С обострением бедствий кризиса возобновился рост влияния ЦРП. На муниципальных и коммунальных выборах в 1931 г. она

⁵⁹ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 264—267.

⁶⁰ Arbeidernes Faglige Landorganisasjon. Kongressen 1934. Dagsorden og Protokoll. Oslo, 1934, s. 152.

получила 36% голосов. Вновь стали расти профсоюзы. ЦОПН насчитывало в 1931 г. 144,5 тыс. членов, в 1933 г. — 157,5 тыс., в 1939 г. — 352 тыс. человек⁶¹.

Неудача НРП с ее радикальными лозунгами на предшествовавших выборах и общая обстановка в стране и за ее пределами благоприятствовали росту реформистских настроений. Многие рабочие считали, что годы напряженной забастовочной борьбы не привели к коренному улучшению их положения, что в прямой схватке с капиталом перевес оставался на стороне буржуазии. Фронтальное противоборство с предпринимателями, с капиталистической системой в условиях сложившегося соотношения сил не позволило продвинуться вперед и в решении текущих задач, облегчить тяготы, связанные с экономическим кризисом. В этой обстановке Норвежская рабочая партия стала искать пути, ведущие к выходу из экономического кризиса и улучшению положения трудящихся в рамках существующего строя. Развивая свои прежние лозунги борьбы против безработицы, НРП выдвинула в 1933—1934 гг. подробный «план преодоления кризиса».

Антикризисный план НРП предусматривал развитие государственного сектора, внедрение элементов плановой экономики. Предполагалось осуществить с помощью государства «национальную индустриализацию», которая удвоила бы промышленную продукцию в течение 5—10 лет. Основой новой промышленности должны были явиться современные металлургические предприятия, сооруженные на базе местного сырья, источников энергии, капиталов и рабочей силы⁶². Большое место в плане было уделено мероприятиям по борьбе с безработицей. Новые рабочие места предполагалось получить путем расширения жилищного и дорожного строительства и освоения новых земель. Для уменьшения чрезмерной зависимости страны от неустойчивого мирового рынка намечалось в известной мере переориентировать производство на внутренний рынок.

Свой план НРП провозгласила важным звеном в продвижении к новому обществу; в ходе этого продвижения «определенные новые изменения внутри буржуазной экономической системы создадут необходимую основу для дальнейшего концептированного наступления рабочего класса»⁶³. Стержнем программы НРП была популярная в то время на Западе идея государственного вмешательства в частнокапиталистическую экономику. Социал-демократические пропагандисты плаповой экономики ссылались на успехи социалистической реконструкции — первого пятилетнего плана в Советском Союзе, на необходимость использовать этот опыт⁶⁴.

⁶¹ *Furre B.* Op. cit., s. 314, tab. 13.

⁶² *Det norske Arbeiderpartis Krisepplan 1934.* Oslo, 1935.

⁶³ *Ibid.*, s. 7.

⁶⁴ *Dahl H. F.* Op. cit., s. 45—46.

Антикризисные планы Норвежской рабочей партии и привлекали массы потому, что обещали коренную реорганизацию капиталистической системы, от которой страдали трудящиеся.

Одновременно руководители НРП усилили нападки на компартию. В глазах мелкой буржуазии это служило гарантией того, что «социализм» НРП не будет сопровождаться «ужасами коммунизма». Лозунг «весь народ за работу», под которым НРП агитировала за свою антикризисную программу, прикрывал окопательный переход партии к реформизму и классовому сотрудничеству.

После своего предвыборного съезда в 1933 г. НРП выдвинула лозунг завоевания большинства избирателей и исполнительной власти как соответствующий новой ориентации партии и призванный поддержать веру членов и сторонников партии в возможность прийти к власти парламентским путем. На деле же само руководство НРП по-прежнему не питало надежды на приход к власти и рассматривало призыв к ее завоеванию как чисто пропагандистский⁶⁵.

Реформистская программа НРП позволила ей на парламентских выборах 1933 г. привлечь на свою сторону часть мелкой буржуазии и крестьян, желавших решительных мер по обузданию капиталистической стихии рынка, но боявшихся революционных преобразований. Буржуазные партии не стали выступать единым блоком на выборах, опасаясь создания двух противоборствующих фронтов и резкого обострения классовой борьбы.

Выборы 1933 г. принесли крупную победу социал-демократам. Рабочая партия получила 500 тыс. голосов (40%), из них 329 тыс. — в сельской местности. Сельскохозяйственные рабочие, рабочие лесной промышленности и мелкие крестьяне поддержали

Предвыборный плакат НРП 1933 г.

⁶⁵ Bull E. Kriseforliket mellom Bondepartiet og Det norske Arbeiderpartiet i 1935. — НТ, 1959, N 2, s. 123—124.

программу НРП. На стороне НРП были и многочисленные безработные. Непримириемое отношение НРП к норвежским фашистам-квислинговцам способствовало сплочению вокруг нее подавляющей части организованного рабочего класса.

Однако буржуазное большинство в стортинге после выборов 1933 г. сохранилось. Сформированное после выборов новое правительство Мувиנקеля продолжало проводить пассивную экономическую политику в духе традиционного либерализма. Другие партии склонялись к принятию более широких антикризисных мер. В частности, «Буннепарти» требовала полного пересмотра экономического курса, ссылаясь на тяжелые последствия кризиса для сельского населения. Однако партия колебалась в определении тактических путей такого пересмотра. Летом 1934 г. она вела тайные переговоры с правокстремистскими группами, включая «Нашупал самлинг» Квислинга, о создании «национального блока»⁶⁶. Спустя полгода она стала склоняться к поддержке программы НРП в обмен на проведение аграрной политики, соответствующей линии «Буннепарти».

СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НОРВЕЖСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

В 1935 г. на основе компромисса с «Буннепарти» Норвежская рабочая партия сформировала правительство парламентского большинства во главе с Ю. Нюгорсволом. Соглашение, достигнутое между двумя партиями, способствовало стабилизации буржуазно-демократических порядков и ослаблению фашистской опасности.

Норвежская рабочая партия, образовав правительство, начала проводить в жизнь провозглашенную ею программу. Правительство добилось выделения значительных средств для осуществления мер по борьбе с кризисом. Был учрежден фонд для поддержки предприятий, созданы государственный промышленный банк, специальная государственная комиссия для планирования работы новых предприятий, централизован сбыв зерна, молока, рыбы. Был принят закон о создании государственного фонда для выравнивания местных налогов, улучшивший экономическое положение коммун; создан специальный комитет по социальным вопросам, приступивший к разработке пенсионного и трудового законодательства; был значительно улучшен и расширен закон об охране труда.

В 1937 г. правительство приняло меры к увеличению производства в промышленности, обслуживающей внутренний рынок, а также к расширению научно-технических исследований. Было создано министерство промышленности, усилен контроль над тре-

⁶⁶ Dahl H. F. Op. cit., s. 48.

Правительство Норвежской рабочей партии 1935 г.
Второй справа — министр юстиции Трюгве Ли,
четвертый — премьер-министр Ю. Пюгореволл,
пятый — министр иностранных дел Х. Кут

стами. За счет отчислений от доходов предприятий в промышленности были организованы специальные фонды, призванные улучшить обеспечение предприятий, а также рабочих и служащих в периоды экономических затруднений и спада производства.

С весны 1935 г. Норвегия стала постепенно выходить из кризиса, что в конечном счете объяснялось общим улучшением мировой экономической конъюнктуры. Гонка вооружений в Европе повышала спрос на норвежское стратегическое сырье — целлюлозу, цветные металлы, продукцию химической промышленности. Промышленное производство возросло с 1935 по 1939 г. на 23%⁶⁷. Стоимость норвежского экспорта увеличилась на треть, доход от судоходства — на две трети. Повысились цены на сельскохозяйственные товары.

Улучшение конъюнктуры на мировом рынке способствовало сокращению безработицы. Правительство начало осуществлять весьма обширную программу дорожного строительства и выделяло кредиты многим предприятиям, обязав их путем расширения объема производства обеспечить определенное число новых рабочих мест. За 1935—1937 гг. около 100 тыс. человек получили работу, и все же вплоть до 1944 г. безработица не была ниже 10%

⁶⁷ Historisk statistikk 1968, s. 212.

от общего числа организованных рабочих. Уровень жизни трудящихся поднялся в 30-х годах весьма скромно.

Правительство Рабочей партии осуществило ряд социальных реформ. За 1935—1940 гг. расходы на социальные нужды увеличились вдвое⁶⁸. В 1936 г. был принят новый закон о пособиях по безработице, который охватил 500 тыс. лиц наемного труда. Важным мероприятием было введение для всех рабочих и служащих ежегодных оплачиваемых отпусков продолжительностью в девять дней.

В 1936 г. был принят и новый закон о пенсиях для престарелых, однако пенсии выплачивались лишь лицам, достигшим 70 лет и не имевшим никаких источников дохода. Минимальный размер пенсии составлял 480 крон в год в городской и 360 крон в сельской местности, причем коммуны могли за свой счет повышать эти размеры. Почти половина поступлений в пенсионный фонд по старости обеспечивалась введением специального налога.

Мероприятия правительства способствовали некоторому улучшению положения в сельской местности. В результате распахки новых земель и применения принятого в 1928 г. закона «об экспроприации», по которому государство имело право экспроприровать необрабатываемую землю, ежегодно возникало от 500 до 2 тыс. новых хозяйств⁶⁹.

Усилилось влияние рабочих организаций в коммунах и в их аппарате. Число коммун, управляемых представителями рабочих партий, непрерывно увеличивалось. В 1922 г. их было 35, в 1937 г. — 200⁷⁰. Это были в основном коммуны в густонаселенных промышленных районах. Здесь происходила постоянная и острая борьба за контроль над местными органами власти.

НРП получила правительственную власть в пору оживления хозяйственной конъюнктуры в стране и на мировом рынке, поэтому успехи, достигнутые ею в проведении своей политики, в значительной части не зависели от нее, хотя и не помешали ей нажить крупный политический капитал. «Норвегия оправилась в результате изменения конъюнктуры; антикризисные планы появились слишком поздно, чтобы оказать какое-либо воздействие; кроме того, их пытались осуществлять только в ограниченной мере. Но они создали новый образ мыслей, а с ним и новое доверие»⁷¹.

В 1935 г. были разработаны правила урегулирования трудовых конфликтов, закрепленные в форме «основного соглашения» между Союзом предпринимателей и ЦОПН. Была создана такая процедура переговоров по вопросам неправового характера (т. е. не связанным с толкованием коллективного договора — функций

⁶⁸ *Derry T. K. Op. cit.*, p. 327.

⁶⁹ *Harris G. Progressive Norway. Washington, 1939, p. 187.*

⁷⁰ *Dahl F. II. Op. cit.*, s. 77.

⁷¹ *Ibid.*, s. 49—50.

трудового суда), которая затрудняла открытый конфликт и позволяла обойтись без государственного вмешательства.

Лидеры Рабочей партии и ЦОПН делали все возможное, чтобы предотвратить открытые выступления рабочих и этим, как открыто пишет реформистский историк Д. Филип, «лишить буржуазию оснований для обвинения правительства в неспособности сохранить мир в обществе»⁷². Несмотря на все усилия реформистской пропаганды, забастовочная борьба по-прежнему носила весьма острый характер. В 1937 г. прошли крупные стачки транспортных, сельскохозяйственных рабочих и рабочих лесной промышленности. Правда, социал-демократы сумели предотвратить всеобщие забастовки, но тем не менее число конфликтов в 1936—1939 гг. было весьма значительным:

Год	Число конфликтов	Число участников	Число потерянных человеко-дней
1935	103	3500	169 000
1936	176	15 300	396 000
1937	195	28 785	1 014 000
1938	248	24 045	567 000
1939	81	15 978	860 000

Источник: Statistisk årbok for Norge 1938. Oslo, 1938, s. 117; Statistisk årbok for Norge 1946—1948. Oslo, 1948, s. 321.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НРП И КОМПАRTИЕЙ НОРВЕГИИ

VII конгресс Коминтерна имел огромное значение для деятельности Коммунистической партии Норвегии, открыв перед ней перспективу роста и борьбы за интересы рабочего класса. Идеи VII конгресса нашли отражение в работе V съезда КПН, состоявшегося в апреле 1936 г. К этому времени сложилось руководящее ядро ЦК КПН: А. Эгге-Шиссен (председатель), Г. В. Кристиансен (генеральный секретарь), Э. Лёвлин (секретарь), Ю. Странд-Юхансен, О. Ли и др. Съезд принял решение в пользу объединения партии со всеми левонастроенными рабочими в рамках Норвежской рабочей партии, чтобы превратить ее в революционную партию. Участие коммунистов в деятельности Рабочей партии должно было осуществляться через их работу в профсоюзах — коллективных членах ПРП. Президиум съезда обратился с письмом, подписанным видными профсоюзными работниками, к руководству и съезду ПРП с предложением начать переговоры об организационном слиянии обеих партий. Одновременно съезд

⁷² Philip D. Le mouvement ouvrier en Norvège. Paris, 1958, s. 292.

одобрил предложение КПН выступить на выборах в некоторых округах совместно с НРП, выставив общие списки, а в остальных округах поддержать кандидатов НРП (на выборах 1936 г. КПН получила лишь 0,3% голосов). По руководству Рабочей партии отвергло все предложения коммунистов⁷³.

Несмотря на отрицательную позицию лидеров НРП, предложение о достижении единства обеих рабочих партий получило большую поддержку в среде рабочего класса. В мае 1937 г. совместная конференция партийных работников КПН и НРП Телемаркского округа призвала руководство обеих партий вступить в переговоры об установлении единства. Это предложение было поддержано местными организациями обеих партий и профсоюзами ряда других районов страны. В 1937—1938 гг. между руководством партий велись переговоры о единстве действий и образовании Объединенной рабочей партии, однако они не дали результата. В 1938 г. НРП вступила в Социалистический Интернационал.

После 1935 г. компартия неоднократно заявляла о готовности защищать правительство НРП от любых нападок справа, добиваясь одновременно вместе с левым крылом правящей партии проведения более радикальной политики в интересах беднейших слоев населения. Деятельность норвежских коммунистов в те годы была также направлена на создание антифашистского единого фронта, в поддержку усилий Советского Союза на международной арене. Коммунисты явились инициаторами широкой кампании помощи испанским республиканцам. Именно они, в частности, взяли на себя небезопасное дело вербовки и отправки в Испанию норвежских добровольцев в нарушение принятого стортингом запрета. Первые норвежцы прибыли в Испанию в конце 1936 г.⁷⁴

Кампания солидарности с испанским народом расширила связь коммунистов с левой норвежской интеллигенцией, в частности с крупнейшими норвежскими писателями-антифашистами 30-х годов — Нурдалем Григом и Арнурльфом Эверлапом.

Что касается Норвежской рабочей партии, то после прихода к власти ряды ее, естественно, выросли и численность партии к концу 1939 г. достигла 170 тыс. человек. Число членов ЦОПН составляло в то время 350 тыс. человек, увеличившись за пять лет в 2 раза. В ноябре 1939 г. состоялся 31-й съезд Рабочей партии, на котором были приняты некоторые существенные поправки правого толка к ее принципиальной программе, в частности снято положение о том, что партия основывается на марксизме⁷⁵. Был подтвержден полный отказ партии от «диктатуры в какой-либо форме».

⁷³ Коммунистический Интернационал, 1936, № 11/12, с. 130; 1938, № 5, с. 113—118.

⁷⁴ Norges Kommunistiske partis historie, Bd. 1, s. 301 etc.; *Ustvedt Y. Arbeidene under våpen. Norske frivillige i den spanske borgerkrig.* Oslo, 1975.

⁷⁵ *Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie.* Oslo, 1974, D. 2. 1930—1973, s. 73—75; *Zachariassen A.* Op. cit., s. 391.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОРВЕГИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Песмотря на провозглашенный Норвегией нейтралитет в первой мировой войне, политика этой страны по существу носила проантантовский характер. Поэтому при послевоенном переделе мира правящие круги Норвегии откровенно рассчитывали на возмещение своих потерь, на вознаграждение со стороны держав-победителей. У молодой норвежской буржуазии при всей ее слабости было явное желание приять участие в империалистическом переделе мира, чтобы укрепить свои позиции, расширить сферу своего влияния. В первую очередь в этом были заинтересованы владельцы крупных судоходных, китобойных и зверобойных компаний, а также горнопромышленники. Притязания на получение новых владений норвежская буржуазия собиралась удовлетворить без применения силы, поскольку это малое государство не могло состязаться в военной области с другими империалистическими государствами. Норвежские капиталисты понимали, что им не приходится рассчитывать на получение какой-либо из бывших германских колоний или, например, части русского побережья Баренцева моря. Вот почему предметом норвежских притязаний были необитаемые земли на севере — в арктических областях и на юге — в Антарктике. В первую очередь норвежское правительство сосредоточило свои усилия на получении «ничьей» земли — архипелага Шпицберген (норв. Свальбард).

Как известно, начало первой империалистической войны сорвало переговоры о статусе Шпицбергена, в которых активно участвовали Норвегия, Швеция и Россия. Внешнеполитическая изоляция молодой Советской России, наряду с прогерманской позицией Швеции в годы минувшей войны, способствовала решению шпицбергенского вопроса в пользу Норвегии. Так называемый Шпицбергенский трактат, или Парижский договор, от 9 февраля 1920 г. передал Норвегии суверенитет над архипелагом и над более южным островом Медвежий, однако с двумя важными оговорками. Во-первых, все участники договора, включая будущих, получали равные с норвежцами права на разработку природных ресурсов архипелага и его территориальных вод. Во-вторых, архипелаг не мог использоваться в военных целях ни самой Норвегией, ни с ее согласия другими державами. Он становился постоянно демилитаризованной и нейтрализованной территорией⁷⁶.

⁷⁶ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1938, вып. 9, с. 53—61.

Первоначально договор был подписан лишь великими державами-победительницами, тремя скандинавскими государствами и некоторыми другими. Советская Россия, которую не приглашали на конференцию по Шпицбергенскому вопросу в Париже, заявила Норвегии протест против заключенного договора и подчеркнула, что он никак не связывает РСФСР. Норвежский суверенитет над Шпицбергеном и островом Медвежий был признан нашей страной лишь в 1924 г., одновременно с юридическим признанием СССР Норвегией. Только после этого, а также после подписания договора Норвегией с Германией архипелаг в 1925 г. был официально объявлен составной частью королевства (СССР подписал Парижский договор в 1935) ⁷⁷.

Послевоенная Норвегия заявила, что будет верна своему участию в блоках великих держав и сохранит нейтралитет в случае нового вооруженного конфликта. Такой внешнеполитический курс подкреплялся в глазах норвежцев опытом мировой войны и пользовался их широкой поддержкой. Он предполагал дальнейшее расширение сотрудничества с нейтральными скандинавскими соседями Норвегии и, в частности, преодоление неприязненного отношения к Швеции, унию с которой Норвегия расторгла в 1905 г. За годы войны отношения между Норвегией и Швецией заметно улучшились, несмотря на их противоположную внешнеполитическую ориентацию. Трудности, создававшиеся морской блокадой, толкали эти страны к налаживанию внутрискандинавского товарообмена. В 1919 г. в Норвегии, так же как в Дании и Швеции, были созданы общественные организации «Нурден», которые должны были содействовать взаимному ознакомлению и поощрять северное сотрудничество ⁷⁸.

Прологом к послевоенному внешнеполитическому сотрудничеству было достижение договоренности об общей позиции Норвегии, Швеции и Дании при обсуждении и подготовке проекта статута будущей международной организации — Лиги наций в 1919 г. Войдя в эту организацию в качестве членов-соучредителей с 1920 г., Норвегия, Швеция и Дания проводили согласованный курс. Вступление в Лигу наций означало, во всяком случае формально-юридически, ограничение нейтралитета Норвегии, как и других малых членов Лиги. Поэтому в первые годы существования этой организации некоторые норвежские политические деятели неизменно подчеркивали в своих заявлениях, что, вступив в Лигу наций, Норвегия перепровернула свой статус нейтральной страны. Учитывая проантантовский, враждебный Советскому

⁷⁷ *Сабатин А. В.* Россия и Шпицберген: Опыт исторического исследования. — Вестник НКВД, 1921, № 5/6, с. 28—53; *Mathisen T.* Svalbard in International Politics 1871—1925. Oslo, 1954.

⁷⁸ *Lindgren R. E.* Norway — Sweden. Union, Disunion and Scandinavian Integration. Princeton, 1959.

Союзу характер Лиги наций в 20-х годах, норвежское рабочее движение также было в этот период противником Лиги, и Норвежская рабочая партия последовательно голосовала в стортинге против участия Норвегии в этой организации.

В работе Лиги наций Норвегия вместе с другими скандинавскими нейтралами участвовала весьма активно. Крупнейшие политические и общественные деятели страны, начиная с Фригьофа Нансена, представляли ее в Лиге наций. Норвегия вместе с другими северными странами стремилась превратить Лигу во всепятьтельную надгосударственную организацию. Она добивалась расширения состава Лиги, чтобы сделать ее универсальной организацией, требуя скорейшего принятия держав, проигравших первую мировую войну. Она добивалась сужения полномочий Совета Лиги, расширения прав Ассамблеи Лиги, в частности передачи ей контроля над бюджетом этой международной организации. Норвежцы требовали установления ответственности Совета перед Ассамблеей, распространения принудительной третейской (арбитражной) процедуры на все международные споры, осуществления всемерного и скорейшего сокращения вооружений⁷⁹.

Стремление Норвегии и других нейтралов узаконить мирное разрешение международных споров осуществилось преимущественно лишь в рамках их собственных взаимоотношений. Начиная с 1925 г. Норвегия заключила со своими соседями несколько соглашений о мирном разрешении взаимных споров. Важнейшим среди них было соглашение со Швецией (утвержденное стортингом в 1927 г.), распространившее принцип арбитража на все споры, включая неправовые, между обеими странами. Однако принцип Лигой наций по инициативе в основном скандинавских стран Общей акт о мирном разрешении международных споров (1928) так и не получил фактической силы в международных отношениях.

Такою же неудачу в 20-х годах потерпели норвежские (и скандинавские) усилия добиться разоружения под эгидой Лиги наций. Норвежский общественный деятель Кристиан Ланге (лауреат Нобелевской премии мира) был видным экспертом Лиги по разоружению. Желая «подать пример» другим державам, скандинавы на протяжении 20-х годов существенно сократили свои и без того скромные вооруженные силы. Норвежское рабочее движение, с его нацифистской традицией, подмеченной еще в годы первой мировой войны В. И. Лениным, вплоть до начала 30-х годов выступало за полное разоружение страны. Норвегия фактически отказалась от кадровой армии и перешла к почти символической вооруженной «охране нейтралитета». Военный бюджет это-

⁷⁹ Казакова Н. А. Скандинавские страны и Лига наций. — Вопросы истории, 1974, № 4; Ørvik N. Sikkerhetspolitikken 1920—1939. Oslo, 1960, Bd. 1.

го времени не достигал даже 1% ее валового национального продукта, число офицеров сократилось примерно до 1500 человек, а сроки обучения пехотинцев — до двух с половиной месяцев⁸⁰.

Однако и в «пацифистскую» эру 20-х годов Норвегия по собственной вине дважды попадала в конфликтные ситуации и терпела поражения. Современные норвежские историки объясняют их дипломатической неопытностью администрации: Норвегия по существу не имела опыта самостоятельной внешней политики с XIV в. до 1905 г.

В одном случае конфликт был вызван норвежским движением трезвенников. Под их нажимом был проведен упоминавшийся выше референдум о запрете крепких напитков, давший победу сторонникам «сухого закона» (1919). Такой закон — против торговли напитками крепче 12° — был принят стортингом и вызвал контрмеры со стороны винопроизводящих стран — Франции, Испании, Португалии, традиционных потребителей норвежской рыбы. Резко подняв взимые пошлины на рыбу, эти страны объявили «торговую войну» Норвегии. Норвегия вынуждена была закупать у своих средиземноморских партнеров изрядное количество крепких напитков без права их реэкспорта, лишь бы обеспечить снижение пошлин на свою рыбу. Это ускорило — правда, после нового референдума (1926) — отмену «сухого закона».

В другом случае конфликт был вызван норвежскими притязаниями на восточное побережье Гренландии. Этот гигантский остров до 1814 г. входил в состав королевства Норвегии, которое само было подвластно датским королям, и после 1814 г. остался в руках Дании. Датчане освоили только западное побережье Гренландии, а на восточном бывали преимущественно норвежские рыболовы и зверобой. После первой мировой войны датское правительство получило от великих держав официальное признание своего суверенитета над всей Гренландией. Однако Норвегия медлила с таким признанием, добываясь от датчан договорного закрепления особых норвежских интересов в восточной части острова. В датско-норвежском соглашении о Восточной Гренландии (1924), предоставлявшем норвежцам равные права в этом районе с датчанами на 20 лет, вопрос о суверенитете был обойден. Оба государства с тех пор усилили свою деятельность в Восточной Гренландии. Весной 1931 г. так называемый Совет Ледовитого океана при норвежском правительстве, рассматривая Восточную Гренландию как ничью землю, организовал частную экспедицию для ее захвата. Спор по обоюдному согласию Дании и Норвегии был передан на решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Тем временем норвежское правительство задним числом одобрило оккупацию, а в 1932 г. расширило ее. Норвежское рабочее движение решительно осудило эту затею как

⁸⁰ *Furre B. Op. cit., tab. 5, s. 307; Ørvik N. Op. cit., Oslo, 1961, Bd. 2.*

империалистическую, как прояски правых сил⁸¹. Суд в Гааге в 1933 г. решил дело в пользу Дании.

В 1929 г. Норвегия провозгласила свой суверенитет над островом Ян-Майен, к северу от Исландии, не встретив ширьких возражений. Однако норвежские притязания на отдельные части Западной Антарктики — острова Буве (1928) и Петра I (1931), а позже на сектор материковой Антарктиды — Землю Королевы Мод (1939) — не получили признания других заинтересованных стран⁸². В частности, СССР в начале 1939 г. особой нотой зарезервировал свою точку зрения относительно этих норвежских притязаний⁸³.

Советско-норвежские отношения, вообще говоря, носили добрососедский характер еще до официального признания СССР Норвегией. Правда, под нажимом Антанты Норвегия в разгар гражданской войны, в конце 1918 г., официально отозвала из России свою миссию, к посредническим услугам которой иногда прибегало Советское правительство. Уже в 1920 г. Норвегия проявила интерес к восстановлению торговых связей с Россией, сильно выросших за годы первой мировой войны. Так называемое Временное советско-норвежское соглашение об экономических отношениях от 2 сентября 1921 г. означало признание Советского государства де-факто и устанавливало между обоими партнерами более благоприятные отношения, чем между Советской Россией и другими скандинавскими странами⁸⁴. Среди ленинских писем, интервью и телефонограмм послеоктябрьского времени сохранилось несколько, свидетельствующих о заинтересованности главы Советского правительства развитием экономического и культурного сотрудничества с Норвегией⁸⁵.

Укреплению советско-норвежских взаимоотношений содействовала деятельность знаменитого норвежца Ф. Хансена по оказанию помощи Советской России в годы гражданской войны и послевоенной разрухи. Вряд ли найдется другой буржуазный общественный деятель Запада, который бы сделал для оказания

⁸¹ *Blom I.* Nasjonal reising. Pressgruppedpolitikk i Grønlandsspørsmålet 1924—1931. Bergen, 1972, Bd. 1—2.

⁸² *Skagestad O. G.* Norsk polarpolitikk. Hovedtrekk og utviklingslinjer 1905—1974. Oslo, 1975, s. 46—52.

⁸³ См.: *Молодцов С. В.* Современное международно-правовое положение Антарктики. М., 1954, с. 19.

⁸⁴ *Карпова Р. Ф.* Советские отношения со скандинавскими странами 1920—1923 гг.—Скандинавский сборник. Таллин, 1965, вып. 10, с. 135—170; *Сорокин В. В.* Значение советско-норвежских торговых переговоров в 1920—1921 гг. для развития мурманских рыбных промыслов.—Учен. зап. Мурманского гос. пед. ин-та. Мурманск, 1964, т. V, с. 221—244; *Danielsen E.* Norge-Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen. 1917—1940. Oslo, 1964.

⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 485; т. 52, с. 190; т. 53, с. 111; т. 54, с. 278; Ленинский сборник, т. XXXVIII, с. 311—312, 324—325, 362—363, 398.

гуманной помощи молодой Стране Советов столько, сколько сделал Нансен. Правда, первая его попытка в 1919 г. помочь Советской России продовольствием и медикаментами разбилась о неприемлемые условия, выставленные Антантой. Вслед за тем Нансен в качестве верховного комиссара Антанты по репатриации военнопленных посетил Советскую Россию (1920 г.) и на месте ознакомился с положением в стране и ее проблемами. Под его руководством из России в Западную Европу было репатрировано около 450 тыс. немецких, австрийских и прочих военнопленных. Назначенный в 1921 г. верховным комиссаром Лиги наций по делам русских беженцев, Нансен не дал превратиться себя в орудие белоэмигрантской верхушки, содействовал репатриации желающих вернуться на родину, помогал расселению и трудоустройству полуторамиллионной массы русских людей, отдав им значительную часть своей Нобелевской премии мира (1923 г.).

Однако главная заслуга Нансена перед народами России заключалась в организации им международной кампании по сбору средств для помощи голодающим Поволжья и Украины в 1921—1923 гг. В качестве главного уполномоченного Международной конференции Красного Креста Нансен заключил два соглашения с правительством РСФСР об оказании помощи голодающим⁸⁶. За время работы нансеновской миссии в России были спасены от голодной смерти бесчисленные жизни взрослых и в особенности детей. IX Всероссийский съезд Советов в 1921 г. и Совнарком СССР в 1923 г. в особых документах выразили признательность народов Советской России Нансену⁸⁷. Только нехватка денежных средств помешала успеху деятельности Нансена по переселению армянских беженцев в Ближнего Востока в Советскую Армению в конце 20-х годов. Норвежская общественность — через особый Комитет помощи голодающим и правительство — внесла весомый вклад в международную кампанию помощи жертвам голода в России 1921—1922 гг. Всего в Норвегии было собрано 3,2 млн. крон — крупная по тем временам сумма⁸⁸.

Укрепление международного авторитета Советского государства, а также заинтересованность норвежских деловых кругов в развитии связей с Советским Союзом поставили на повестку дня вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений. В ходе переговоров по этому вопросу норвежское правительство выдвинуло некоторые предварительные условия признания СССР де-юре, потребовав, в частности, признания Советским Союзом суверенитета Норвегии над Шпицбергом, удовлетворения финансовых претензий норвежских граждан и др. Поскольку в

⁸⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1960, т. IV, № 201—202.

⁸⁷ Там же, № 334.

⁸⁸ См.: Комаров Ю. Д. Предисловие к книге: Нансен-Хейер Л. Книга об отце / Пер. с пор. Л., 1974; Даниельсен Э. Фрнтлоф Нансен — друг Советской России. — Вопросы истории, 1965, № 9.

ходе переговоров норвежское правительство заверяло, что интересы Советской России на Шпицбергене (в частности, право на эксплуатацию угольных шахт) не будут нарушены, Советское правительство дало согласие признать суверенитет Норвегии над этим архипелагом, а остальные условия норвежской стороны отклонило⁸⁹.

15 февраля 1924 г. Норвегия направила ноту о признании Советского Союза де-юре, с удовлетворением принятую правительством СССР. Позже, 15 декабря 1925 г., между СССР и Норвегией был подписан договор о торговле и мореплавании, предусматривавший развитие консульских и торговых отношений, регулировавший вопросы судоходства⁹⁰. Все это заложило прочную основу отношений между обеими странами. Развитие торговли, регулярные кредитные гарантии норвежского правительства на оплату советских закупок рыбы, эксплуатация Советским Союзом угольных шахт на Шпицбергене и деятельность норвежских зверобойных концессий в Белом море, дружеские визиты в Норвегию советских военных кораблей, сотрудничество в изучении Севера, участие ледокола «Красин» в поисках экспедиции Амундсена, довольно широкие культурные связи — таков разно-сторонний характер советско-норвежского сотрудничества на протяжении 20-х годов⁹¹.

Советское правительство придавало большое значение и политическим отношениям с Норвегией и заботилось об их развитии. Советский Союз стремился содействовать независимой внешней политике Норвегии, помешать ее вовлечению в лагерь империалистических противников СССР. Для этого Советское правительство выступило с рядом инициатив.

Одной из существенных проблем политических отношений с Норвегией Советское правительство считало заключение пакта о нейтралитете и ненападении по примеру таких же пактов, подписанных с рядом соседних и других стран. Значение этих пактов состояло в том, что они подрывали цели локального заговора империалистов, способствовали укреплению безопасности Советского Союза и других, соседних с СССР, стран. Основываясь на принципе мирного сосуществования и сотрудничества государств с различными системами, эти пакты содействовали миру и добрососедским отношениям между заключившими их странами.

Впервые вопрос о таком пакте с Норвегией был поставлен в порядке зондажа полпредом СССР в Осло в беседе с премьером

⁸⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. VII, № 55.

⁹⁰ Там же, № 51; т. VIII, № 410.

⁹¹ Карпова Р. Ф. Признание СССР де-юре Норвегией, Швецией и Данией.— Скандинавский сборник. Таллин, 1967, вып. 12, с. 92—106; Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры 1917—1932. М., 1975, с. 116, 261 и др.; Киселев А. А. Концессии на европейском Севере СССР.— Вопросы истории, 1972, № 7.

и министром иностранных дел Норвегии 3 ноября 1926 г. В начале 1928 г. глава либерального правительства Мувишкель внес контрпредложение о заключении арбитражного договора⁹². Считая это предложение недостаточным, Советское правительство снова выдвинуло идею заключения пакта о ненападении, включившего взаимное обязательство не участвовать во враждебных союзах и соблюдать нейтралитет при возникновении вооруженных конфликтов с третьей стороной.

В результате длительных переговоров к осени 1930 г. наметился определенный прогресс: Советское правительство соглашалось одновременно с пактом о ненападении подписать и конвенцию о согласительной процедуре, норвежцы отказались от принципа арбитража и склонялись к принятию предложенной советской стороной редакции обоих документов⁹³. Однако норвежское правительство затягивало окончательный ответ, а затем сообщило, что согласно подписать лишь конвенцию о согласительной процедуре.

После прихода к власти в мае 1931 г. правительства Крестьянской партии («Буннепарти») советско-норвежские отношения ухудшились⁹⁴. Под предлогом борьбы с экономическим кризисом правительство Колстада приняло меры к сокращению торговли с Советским Союзом (ухудшение условий государственных кредитных гарантий норвежского экспорта, сокращение закупок сибирского леса и др.) и к ограничению прав советского торгпредства. Норвежские буржуазные газеты, поддерживавшие политику правительства, подняли в этот период шумную кампанию по вопросу о «советском демпинге», против ввоза в Норвегию ряда советских потребительских товаров. 14 ноября 1931 г. НКВД СССР заявил поверенному в делах Норвегии в Москве протест в связи с этой кампанией⁹⁵.

С отставкой правительства Крестьянской партии в марте 1933 г. советско-норвежские отношения при новом кабинете Мувишкеля вернулись в нормальное русло; были отменены дискриминационные меры в отношении советского экспорта, резко сократились случаи нарушения норвежскими судами советских территориальных вод и соответственно протестов по этому поводу с советской стороны. Однако привлечь Норвегию к конвенции об определении агрессии, заключенной в 1933 г. СССР с рядом сопредельных государств, не удалось. Бесплодным оказался и новый обмен мнениями о пакте ненападения в 1933—1934 гг., хотя норвежский премьер-министр относился к нему гораздо положи-

⁹² Документы внешней политики СССР. М., 1966, т. XI, № 49.

⁹³ Там же. М., 1967, т. XIII, № 334.

⁹⁴ Там же. М., 1968, т. XIV, № 358 и др.

⁹⁵ Там же, № 339.

тельнее, чем его коллеги в Швеции и Дании⁹⁶. Торговля между Норвегией и Советским Союзом, несмотря на отмену ограничений и нормализацию политических отношений, сокращалась и вновь стала расти лишь перед самой войной⁹⁷.

Между тем мировой экономической кризис ухудшил международное положение Норвегии. Попытаясь смягчить надвигавшийся кризис, Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Нидерланды и Люксембург заключили в конце 1930 г. так называемую «конвенцию Осло» о ценовыравнивании таможенных тарифов без заблаговременно-го взаимного предупреждения. С заключением этой конвенции, которую позже подписала и Финляндия, возникло понятие «группы держав Осло». Это понятие приобрело определенный политический смысл накануне второй мировой войны в условиях нарастающей агрессии со стороны фашистских государств, когда перед народами встал вопрос о необходимости принятия мер по укреплению мира и коллективной безопасности.

В норвежских общественно-политических кругах 30-х годов все шире распространялась тревога за судьбы страны, все меньше оставалось места нацифистским иллюзиям «прочного и вечного мира», все чаще подвергались сомнению возможности Лиги наций обеспечить международную безопасность. Некоторые влиятельные круги норвежской буржуазии проявляли явные симпатии в отношении фашистских режимов в Германии и Италии, не говоря о прямом родстве партии Квислинга и подобных ей групп в Норвегии с национал-социализмом. Эти деятели считали, что, хотя гитлеровские методы террора против коммунистов и всех инакомыслящих не подходят для Норвегии, фашизм в мировой политике — явление вполне закономерное и даже «полезное», поскольку он-де представляет собой «естественную реакцию на наступление большевизма»⁹⁸.

Однако в целом для Норвегии как страны демократических традиций и развитого рабочего движения более характерным было резко отрицательное отношение широких слоев народа к фашизму и проповедуемой им политике насилия и войн. В рабочем движении и в кругах либеральной интеллигенции существовали сильные антифашистские настроения, вылившиеся на первых порах в движение протеста против преследования нацистами своих противников в Германии, а затем — в широкую кампанию против милитаристской, экспансионистской политики третьего рейха, против растущей угрозы войны.

⁹⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. XVI, № 235; *Danielson E.* Op. cit., s. 174.

⁹⁷ *Поффе А. Е.* Внешняя политика Советского Союза 1928—1932 гг. М., 1968, с. 342—344; Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.: Статистический обзор. М., 1960.

⁹⁸ *Dahl H. F.* Fascismen i Norge 1920—1940.— Kontrast, 1966, N 3.

Стремительное развитие событий международной жизни в середине 30-х годов поставило все норвежские партии перед необходимостью пересмотреть свои внешнеполитические программы. Для Норвежской рабочей партии, с ее традиционным антимилитаризмом, неприятием Лиги наций и радикальной разоруженческой линии, такой пересмотр оказался особенно сложным⁹⁹. Придя к власти и получив возможность для осуществления на практике своей радикальной программы, руководство Норвежской рабочей партии, однако, не решилось ставить под угрозу судьбу правительства. Не желая обострять отношений с буржуазными партиями в стортинге и с влиятельными капиталистическими кругами, оно по существу продолжило и внешнеполитический курс своих предшественников.

В самом руководстве НРП уже в первые месяцы пребывания партии у власти возникли острые разногласия относительно основных принципов внешней политики. На закрытом заседании съезда НРП летом 1936 г. развернулась бурная дискуссия о политике, которую должна проводить Норвегия в условиях обострения угрозы войны в Европе. В ходе дебатов раздавалась критика в адрес влиятельного министра иностранных дел, видного историка проф. Х. Куга за его пассивный пацифистский курс как явно изживший себя. Куг не только возражал против любых действий, грозивших осложнить отношения с Германией, но и осуждал пакты о взаимопомощи между миролюбивыми державами, например между СССР и Францией¹⁰⁰.

Наиболее радикально настроенные делегаты съезда, включая часть руководства НРП, доказывали, что место Норвегии — в рядах тех, кто борется за организацию коллективного отпора агрессии, за дело мира и социализма. Призывая к сотрудничеству с Советским Союзом, ряд делегатов отмечали, что это — единственная великая держава, последовательно защищающая интересы мирового рабочего движения, могучая сила, способная реально противостоять фашизму и войне. Поскольку вступление Советского Союза в Лигу наций изменило характер этой организации, придав ей больший авторитет и силу, говорили эти делегаты, нейтралистская позиция Норвегии не должна мешать ей участвовать в случае необходимости в коллективных акциях Лиги. Председатель НРП О. Торп, влиятельный Транмель, более молодые Ф. Му, Э. Герхардсен, Х. Манге квалифицировали безоговорочный нейтралитизм Куга в новых условиях как опасную иллюзию и призывали «сознательно стать на сторону СССР и Франции»¹⁰¹. Принципиальная программа довоенной НРП сохранила из револю-

⁹⁹ Lorenz E. Op. cit., D. 2, s. 79—80.

¹⁰⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. XVIII, № 237, 354; М., 1976, т. XIX, № 109.

¹⁰¹ Там же, т. XIX, № 184, с. 301.

ционного прошлого партии пункт об обязанности защищать «единственное в мире пролетарское государство»¹⁰².

Официальная точка зрения правительства на проблемы внешней политики Норвегии в складывавшейся мировой ситуации была изложена самим Кутом. Из его выступления следовало, что после выхода Германии и Японии из Лиги наций способность этой организации влиять на международное развитие ослабла. Кут не видел возможности какой-либо иной политики для малой страны, кроме «корректного» и «беспристрастного» нейтралитета, политики фактического изоляционизма. Отвлекаясь от растущей угрозы фашистской агрессии, Кут, называвший себя самым заядлым пацифистом среди членов правительства¹⁰³, верил, что последовательное соблюдение Норвегией принципов нейтралитета позволит ей сохранить добрые отношения со всеми ведущими европейскими державами и остаться вне военного конфликта. Из этого Кут делал вывод, что Норвегии нет нужды увеличивать ассигнования на свои вооруженные силы и как-либо изменять прежнюю оборонную политику.

Платформа Кута встретила, повторяем, резкий отпор левого крыла ПРП и так называемых активистов. Но эта критика ничего не изменила. Осуждение линии Кута заставило бы его уйти с поста министра иностранных дел и привело бы к правительственному кризису. Учитывая приближение выборов в стортинг, назначенных на октябрь 1936 г., руководство партии не хотело такого развития событий. В результате съезд принял внешнеполитическую резолюцию, составленную из очень общих положений: по существу правительство не получило от съезда четких установок и ясной программы. Все свелось к благим пожеланиям пацифистского нейтралитета.

Оппортунизм правых лидеров ПРП, их неспособность подойти к решению важнейших проблем с классовых позиций, с учетом национальных интересов трудящихся наложили отпечаток на все действия правительства. Его политика в канун войны по существу свелась к лавированию между западными союзниками и фашистскими государствами, к стремлению сохранить экономические и торговые связи с важнейшими европейскими партнерами, независимо от их политического лица. В силу этого нейтралитет Норвегии приобретал все более непоследовательный, двусмысленный характер.

Показательна позиция, занятая правящими кругами Норвегии в отношении итало-абиссинской войны. Борьба Абиссинии (Эфиопии) за свободу и независимость пользовалась симпатиями и находила широкую поддержку среди норвежской общности. В начале войны король Хокон VII направил абиссинскому негусу

¹⁰² Там же, с. 300.

¹⁰³ Там же, № 122 (слова Кута в беседе с советским полпредом).

послание, в котором заверял, что Норвегия не признает захвата Абиссинии. Норвегия участвовала и в экономических санкциях против Италии как агрессора. Однако вскоре после подавления итальянскими фашистами сопротивления абиссинских патриотов и аннексии Абиссинии норвежское правительство наладило отношения с Италией и осуществило ряд шагов в направлении фактического признания протектората Италии над захваченной страной.

Еще нагляднее раскрылось содержание политики «невмешательства» в отношении Норвегии к гражданской войне в Испании. Эта война вызвала четкое размежевание политических сил: буржуазные партии либо открыто выражали симпатии в адрес франкистских мятежников (как это делали правое крыло Крестьянской партии и квислинговцы), либо призывали к «невмешательству» и поддерживали с Франко лишь экономических связей (партия «Хёйре»). Симпатии рабочего класса были безраздельно на стороне республиканской Испании. Рабочие и радикальная интеллигенция понимали, что в Испании разворачиваются авангардные бои сил мира и прогресса против международного фашизма и реакции, и активно выступали в поддержку республиканцев¹⁰⁴.

Прогрессивная норвежская общественность создала Комитет помощи Испанской республике, развернула кампанию по вербовке добровольцев для участия в гражданской войне на стороне законного республиканского правительства. Считаясь с антифашистскими настроениями внутри страны и с международным движением солидарности с республиканской Испанией, норвежское правительство на первых порах не препятствовало этим мероприятиям. Затем, однако, под давлением правых буржуазных партий, которые выступали за нормализацию отношений с франкистами, требуя оградить интересы норвежской промышленности и внешней торговли, правительство приняло ряд мер, направленных против деятельности вербовочных комитетов.

19 марта 1937 г. министерство юстиции Норвегии издало циркуляр, в котором говорилось, что в связи с войной в Испании «норвежские граждане или иностранцы, не являвшиеся испанскими подданными до 17 июля 1936 г., не имеют права без особого разрешения выезжать из страны в Испанию или в испанские владения, включая Испанское Марокко». Одновременно было издано правительственное распоряжение, которым устанавливалось, что в Норвегии запрещено проводить вербовку на военную службу для участия в гражданской войне в Испании, а норвежским подданным — отправляться в Испанию или испанские владения, включая Испанское Марокко, чтобы присоединиться к той или иной стороне в указанной войне.

¹⁰⁴ Самотейкин Е. М. Расоптанный нейтралитет. М., 1971, с. 54 и сл.; *Ustedt Y. Op. cit.*

Когда определился перевес сил мятежников в Испании, норвежские правящие круги повели дело к фактическому признанию режима Франко (октябрь 1938 г.). Немалое значение, как указывается в норвежской официальной истории, имело в этом отношении «давление со стороны деловых кругов Норвегии»¹⁰⁵.

Проводя политику «несмешательства» и держа курс на нейтралитет в назревшей войне, норвежское правительство уделяло недостаточное внимание укреплению национальной обороны. Пацифистские программы Рабочей партии, неизменно подтверждавшиеся съездами, а также ряд внутривнутриполитических моментов обусловили, особенно на первом этапе пребывания у власти, пассивность правительства НРП в этом важном деле.

Ассигнования на военные нужды были весьма скромны. В условиях экономического спада правительство, с одной стороны, не решалось пойти на увеличение налогов на доходы крупных частных предприятий, а с другой — оно не могло идти на риск потери популярности среди избирателей, что неизбежно произошло бы в случае сокращения ассигнований на борьбу с безработицей и социальное обеспечение ради укрепления обороны. Кроме того, в Норвежской рабочей партии с большим недоверием относились к армии как аппарату принуждения, созданному и воспитанному прежними буржуазными правительствами. С приходом Рабочей партии к власти командный состав армии почти не изменился, среди офицерства были сильны реакционные настроения, вооруженные силы по существу продолжали оставаться политическим резервом крупной норвежской буржуазии¹⁰⁶.

Учитывая все это, правительство Рабочей партии с большой охотой отпускало средства на оборону, хотя тревожная обстановка в Европе требовала усиления боеготовности норвежских вооруженных сил. Уходя от решения назревших вопросов, руководители норвежского правительства как бы закрывали глаза на рост военной угрозы, на фактическую незащищенность страны. Только в конце 1936 г. был сделан первый шаг: правительство увеличило ассигнования на оборону, предоставив сверх бюджета 4 млн. крон на проведение ряда военных мероприятий. В основном же бюджет оставался неизменным вплоть до начала второй мировой войны. Норвежское правительство как бы стремилось показать, что воевать Норвегия не намерена¹⁰⁷.

После прихода к власти руководство Норвежской рабочей партии заявило о пересмотре своей прежней отрицательной позиции в отношении Лиги наций на том основании, что вступление Совет-

¹⁰⁵ Norges krig 1940—1945. Oslo, 1947, Bd. 1, s. 64; Документы внешней политики СССР, т. XXI, № 310.

¹⁰⁶ О профашистских симпатиях в буржуазной среде 30-х годов см.: *Sovgaard N. A. Fire fortællere og norsk fascism*. Oslo, 1973.

¹⁰⁷ *Саморейкин Е. М.* Указ. соч., с. 66 и сл.; *Ørvik N.* Op. cit., Bd. 2, passim.

ского Союза в Лигу в 1934 г. и выход из нее Германии и Италии изменили характер этой международной организации и теперь ее можно использовать в интересах упрочения всеобщего мира. Однако практическая деятельность Норвегии в Лиге по существу противоречила этому декларативному заявлению.

Норвегия совместно с другими странами — членами «группы Осло», которые накануне войны взяли на себя как бы роль выразителя интересов малых стран, выступила с рядом предложений, направленных на ревизию статута Лиги наций. Фактическим результатом их активной деятельности был подрыв и без того слабых возможностей Лиги в обеспечении мира и борьбы против угрозы войны¹⁰⁸.

Как известно, несмотря на довольно широкое возможности ущемления агрессора, вытекавшие из ст. 16 статута Лиги, применение санкций в отношении Италии в связи с ее вторжением в Абиссинию имело весьма ограниченный характер и не нанесло ей существенного ущерба. Из-за противодействия западных держав Лига не пошла на принятие таких эффективных мер, как, например, запрет поставок нефти в Италию. Более того, даже принятые Лигой решения об эмбарго на поставку оружия и военного снаряжения, а также о некоторых финансовых мероприятиях и запрете ввоза итальянских товаров фактически саботировались западными странами, а 1 июля 1936 г. эти решения вообще были отменены.

Прогрессивная норвежская общественность расценила эти действия западных держав как серьезный симптом кризиса Лиги наций и выступила с требованиями укрепления Лиги, чтобы превратить ее в действенный инструмент мира. Однако торгово-промышленные круги и судовладельцы Норвегии оценили ситуацию иначе. Не желая подвергать риску связи с каким-либо из своих крупных европейских партнеров, они воспользовались провалом санкций против Италии как поводом для постановки вопроса об отказе от участия в санкциях Лиги вообще.

Одним из инициаторов и активных сторонников пересмотра положений статута Лиги о санкциях был министр иностранных дел Кут, которого поддерживали некоторые члены правительства, а также руководство буржуазных партий. Зондаж Норвегии в скандинавских и других нейтральных странах показал, что те готовы выступить вместе с Норвегией против безоговорочного распространения на них обязательств, вытекавших из ст. 16. 1 июля 1936 г., т. е. в тот же день, когда Лига наций приняла решение о снятии санкций против Италии, министры иностранных дел Норвегии, Дании, Финляндии, Швеции, Испании, Швейцарии и Голландии опубликовали совместное заявление (так называемое «За-

¹⁰⁸ Jones S. S. The Scandinavian States and the League of Nations. Princeton, 1939.

явление семи нейтралов»), которое по сути дела означало открытый отказ даже от ограниченного участия в коллективных санкциях.

Отсутствие интереса у норвежского правительства к проблеме коллективной безопасности нашло отражение в беседах, которые вел Кут в течение 1936 г. в столицах ряда восточноевропейских государств. В Москве в апреле 1936 г. его приехали представители Советского правительства. Наркоминдел М. М. Литвинов имел с Кутом обстоятельные беседы по широкому кругу вопросов, в том числе и о путях упрочения европейской безопасности. Норвежский министр заявил себя убежденным противником участия Норвегии в любых антисоветских комбинациях. Однако при обсуждении проблемы коллективной безопасности Кут высказал мнение, суть которого сводилась к тому, что «окружение Германии стеной союзов непременно повлечет к возникновению войны». По всем обсуждавшимся вопросам, включая даже возможное присоединение Норвегии к международной конвенции об определении агрессии, норвежское правительство заняло по существу отрицательную позицию под предлогом, что принятие советских предложений не соответствовало бы норвежскому нейтралитету¹⁰⁹.

31 мая 1938 г. стортинг проголосовал за резолюцию, в которой подчеркивалось «право Норвегии соблюдать полный и безусловный нейтралитет в любой войне, которую она сама не признает акцией Лиги наций». Это решение по существу провозгласило односторонний отказ Норвегии от обязательств по ст. 16 статута Лиги. Несколькими днями раньше, 27 мая 1938 г., Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия подписали в Стокгольме новые правила нейтралитета на случай военного конфликта (взамен устаревших, от 21 декабря 1912 г.), которые, в частности, предусматривали запрет военного использования их территорий воюющими державами.

23—24 июля 1938 г. в Копенгагене по инициативе Дании состоялась первая политическая конференция государств «группы Осло» с участием министров иностранных дел скандинавских стран, Финляндии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Конференция приняла решение, в котором говорилось, что страны-участницы считают систему санкций Лиги наций в сложившихся условиях (п учитывая способ ее применения в последние годы) не обязывающей. В связи с этим участники конференции высказали мнение, что Совету Лиги надлежит лишь рекомендовать применение санкций, а вопрос об их осуществлении на практике должен решаться каждым государством-членом по своему усмотрению. В духе указанных решений конференция разработала предложение

¹⁰⁹ См.: Документы внешней политики СССР, т. XVIII, № 428, 460; т. XIX, № 39, 184, прил. 68; Внешняя политика СССР, М., 1946, т. IV (1935—июль 1941 г.), № 104.

ния к сентябрьской сессии Лиги наций. Выступая в Лиге 16 сентября 1938 г. с обоснованием отказа Норвегии от соблюдения ст. 16 статута, Кут призывал Лигу наций внести вклад в дело мира, опираясь на ст. 8, 11 и 19 (о полюбовном решении спорных вопросов, об ограничении вооружений и пр.). Эти призывы Кут наивно именовал «активной политикой мира».

Незадолго до мюнхенской капитуляции западных держав в северных странах довольно широко обсуждались планы создания северного оборонительного союза нейтралов. В частности, выдвигалась идея региональной организации отпора в первую очередь гитлеровской агрессии. Такая идея встречала понимание и сочувствие с советской стороны¹¹⁰. Однако эта идея натолкнулась на решительное сопротивление датской и особенно норвежской социал-демократических партий. Самое большее, на что был готов пойти Кут, это создание мало к чему обязывающего «блока мира», т. е. блока нейтральных государств, осуществлявших параллельные мероприятия по изолированной охране своего нейтралитета и выступавших с единой платформой в Лиге наций¹¹¹. В результате длительных обсуждений и консультаций между Норвегией и Швецией была достигнута договоренность лишь об ограниченном сотрудничестве в деле снабжения и перевозок на случай войны, обмена разведывательными данными военно-морских сил и унификации некоторых видов вооружения.

Весной 1939 г. Гитлер предпринял ряд шагов, которые имели целью замаскировать его агрессивные замыслы в отношении западных стран. 18 апреля 1939 г. германский посланник в Осло поставил перед министром иностранных дел Кутом вопрос, считает ли он, что Германия угрожает Норвегии. Кут ответил на неожиданный вопрос отрицательно, но добавил, что если начнется война, Норвегия, разумеется, окажется в опасности. Вскоре после этого, 28 апреля 1939 г., Риббентроп в беседе с норвежским посланником в Берлине официально предложил норвежскому правительству заключить пакт о ненападении с Германией.

В Норвегии против принятия предложения Гитлера выступило подавляющее большинство политических и общественных деятелей. Даже та часть правой буржуазной прессы, которая в свое время приветствовала мюнхенский договор, вынуждена была признать, что заключение малой страной пакта с Германией может завести слишком далеко. 17 мая 1939 г. норвежское правительство опубликовало официальное сообщение относительно предложения германского правительства. В сообщении говорилось: «Исходя из того, что Норвегия не считает, что ей угрожает Германия, и что Норвегия, придерживаясь принципов нейтралитета и независимо-

¹¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1976, т. XX, № 135, 147, 184.

¹¹¹ Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967, с. 18—24.

сти, не намеревается заключать пактов о ненападении с какой-либо другой страной, норвежское правительство сообщило правительству рейха, что оно не считает необходимым заключение соглашения в предложенной форме. Оба правительства согласились прекратить дальнейшую дискуссию по этому вопросу»¹¹².

В самый канун второй мировой войны Норвегия совместно с другими странами предприняла попытки противостоять катастрофическому развитию событий и в какой-то степени обезопасить свое положение, а после начала войны в Европе — помирить Германию с Англией¹¹³. Однако, представляя собой изолированные акции, лишённые реальной силы, эти попытки не увенчались успехом.

Подытоживая вышеизложенное, следует сказать, что уязвимость норвежской политики в конце 30-х годов состояла в том, что ее нейтралитет не делал по существу различия между агрессором и его жертвами, что Норвегия и другие нейтралы под лозунгами «невмешательства» и «равного отношения» ко всем не осуждали агрессивные силы и в то же время уклонялись от поддержки подлинно миролюбивых начинаний. Ратуя за «полный» изолированный нейтралитет, норвежское правительство игнорировало хищнический характер политики гитлеровской Германии, ту угрозу, которую нес миру международный фашизм. Поэтому практическая политика Норвегии по всем актуальным вопросам международной жизни не только не содействовала коллективному отпору агрессии, но, напротив, дезориентировала общественность и тем самым ослабляла борьбу демократических сил за упрочение мира и безопасности.

Влиятельные норвежские политические и экономические круги успокаивали себя и общественность своей страны утверждениями, что Норвегия, как и в первой мировой войне, останется вне военных действий и что для этого нужно лишь соблюдение «корректного» и «беспристрастного» нейтралитета. В числе первых жертв этой близорукой политики оказалась сама Норвегия.

¹¹² Norway and the War. September 1939 — December 1940. London, 1941, p. 26; Самогейкин Е. М. Указ. соч., с. 64 и след.

¹¹³ *Berggrav E. Forgivevs for fred vinteren 1939—1940.* Oslo, 1960.

НОРВЕГИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НОРВЕГИЯ В ПЛАНАХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ КОАЛИЦИЙ

В начале второй мировой войны Норвегия стремилась, как и в первую мировую войну, придерживаться политики нейтралитета. Предметом особых забот правительства в условиях начавшейся войны было урегулирование торговых и других отношений с враждующими империалистическими группировками таким образом, чтобы ни та, ни другая не смогли упрекнуть его в односторонней ориентации. Именно это, по мнению правительства Нюгорсволла — Кута, являлось залогом сохранения нейтралитета.

Расчеты на повторение сравнительно благоприятной ситуации 1914—1918 гг. подрывались, однако, новыми условиями войны в Европе. Если в первую мировую войну гигантские сухопутные битвы на континентальных фронтах поневоле отвлекали воюющих от европейского Севера, то в условиях «странной войны», когда на Западном фронте царил затишье и главным оружием новой Антанты стала так называемая периферийная стратегия, когда морское господство Великобритании существенно ослаблялось германскими ВМС, Скандинавия сразу же оказалась важным объектом внимания империалистических коалиций.

Господство на скандинавском плацдарме приносило определенные преимущества каждой из враждующих сторон. В частности, оно открывало перспективы расширения системы базирования военно-морских и военно-воздушных сил и улучшало условия для их использования в Северном, Порвежском, а также Баренцевом и Балтийском морях. Уже 4 сентября 1939 г. военный кабинет Англии обсуждал вопрос об использовании нейтральной Норвегии в своих интересах; 19 и 29 сентября военно-морской министр Черчилль выступил с предложением блокировать Нарвик и поставить минные заграждения в территориальных водах Норвегии¹. Такому замыслу сочувствовал и французский премьер Даладье².

¹ Public Record Office (далее — PRO), Cab. 79/4, p. 35; *Churchill W. The Second World War*. London, 1949, vol. 1, p. 479—482.

² *Bédarida F. France, Britain and the Nordic Countries.*— *Scandinavian Journal of History*, 1977, vol. 2, N 1/2, p. 10.

Оказавшись недостаточно подготовленными к войне с фашистской Германией, Англия и Франция стремились использовать скандинавский плацдарм, где Норвегия занимала ключевые позиции, как удобное место приложения своей периферийной стратегии, направленной на проведение экономической блокады Германии и отвлечение сил вермахта от Западного фронта. Считалось, что приморский характер плацдарма даст им возможность применить там тот вид вооруженных сил, в котором они имели над противником неоспоримое превосходство, — военно-морской флот. «В континентальной Европе, — говорилось в меморандуме имперского генерального штаба Англии, — Германия имеет перед западными союзниками значительные преимущества. Находясь в центре континента и располагая развитой системой коммуникаций, она может наносить удары в любом направлении. Однако на скандинавском театре военных действий, где большую роль играют морские сообщения, она потеряет эти преимущества и, следовательно, станет наиболее уязвимой... Поэтому скандинавские страны являются тем районом, который предоставляет нам наилучшие возможности»³.

План вовлечения Норвегии и Швеции в войну, по мнению начальника британского генерального штаба, имел «много преимуществ и мог оказаться решающим. Он, безусловно, заставит немцев действовать немедленно, вынудит их расплыть свои силы и ввязаться в военные действия за пределами собственной страны... Это будет наиболее эффективным средством предотвращения наступления немцев на других фронтах»⁴.

Возросшее значение скандинавского плацдарма учитывало и правительство Советского Союза. Наша страна, благодаря своему временно заключенному договору о ненападении с Германией, оставалась вне начавшейся войны. Мирная передышка требовала, однако, неусыпной бдительности. Важным средством укрепления внешней безопасности СССР его руководители считали создание барьера, преграждающего выход возможного агрессора к западным, а значит и северо-западным, границам страны. Советские предложения о заключении пактов взаимопомощи с прибалтийскими государствами, о пересмотре советско-финляндской границы в октябре 1939 г. были необходимыми в сложившейся обстановке.

Военно-дипломатические мероприятия СССР по ограничению сферы германской агрессии и укреплению безопасности своих границ на Балтике были представлены дипломатией и средствами массовой информации западных держав в искаженном свете. Теперь у буржуазии западных стран появились новые «благовидные» основания клеветать на советскую внешнюю политику, из-

³ PRO, Cab. 80/104, p. 64, 68, 72.

⁴ The Ironside Diaries 1937—1940. London, 1963, p. 176.

ображая СССР агрессором, союзником фашистской Германии, угрозой для Скандинавии. Более того, англо-французские стратеги, ослепленные антикоммунизмом и антисоветизмом, сами готовили антисоветскую военную экспедицию, в частности на европейский Север.

31 октября 1939 г. по заданию правительства Чемберлена заседание начальников штабов английских вооруженных сил было посвящено обсуждению вопроса об объявлении войны Советскому Союзу под предлогом «защиты скандинавских стран от советской агрессии», хотя одновременно призывалось, что «не может быть и речи о том, чтобы Советский Союз напал на Норвегию и Швецию через Финляндию»⁵. В начале января 1940 г. военный кабинет Англии обсуждал предложение комитета начальников штабов о превращении Скандинавии «в решающий театр военных действий». Тем самым «вопрос о безопасности нашей территории, Франции и других районов будет отодвинут на второе место»⁶. Однако британское политическое руководство относилось к плану высадки войск в Норвегии с известной настойчивостью. Что касается руководства Франции, то, начиная с самого премьера Даладье, оно заявило себя безоговорочным сторонником такой экспедиции. По мнению Даладье, это было бы «триумфом периферийной стратегии», в которой скандинавский плацдарм и Финляндия «сыграли бы решающую для исхода войны роль»⁷.

Стратегические и экономические интересы фашистской Германии, не готовой к длительной войне и зависевшей от иностранных поставок важнейших видов сырья, диктовали Берлину заинтересованность в скандинавском нейтралитете. Эту позицию германского МИДа разделяло в осенние месяцы 1939 г. и командование сухопутных сил Германии. Однако в высших инстанциях рейха тогда же появились сторонники захвата скандинавского плацдарма, а точнее — Норвегии⁸.

Стратегические соображения подсказывали немецкому командованию, что кампанию против Франции и Англии — великих морских держав — нельзя было начинать без предварительного улучшения своих позиций на морях, прилегающих с севера-запада к Европе. Улучшить же эти позиции, по мнению гросс-адмирала Редера, можно было за счет захвата выгодного плацдарма — Норвегии, который дал бы Германии возможность комбиниро-

⁵ PRO, Cab. 79/1, p. 273.

⁶ PRO, Cab. 66/4, p. 179.

⁷ *Bédarida F.* Op. cit., p. 18.

⁸ Здесь и ниже см. также: *Gemzell G. A.* Raeder, Hitler und Skandinavien. *Der Kampf für einen maritimen Operationsplan.* Lund, 1965; *Самоейкин Е. М.* Растоптанный нейтралитет. М., 1971; *Loock H.-D.* Weserübung — a Step towards the Greater Germanic Reich. — *Scandinavian Journal of History*, 1977, vol. 2, N 1/2.

вать свою слабость на море посредством широкого применения береговой авиации на важнейших морских коммуникациях противника и в то же время сковать действия его флота. Сам Гитлер твердо придерживался мысли, что перед тем, как начать наступление на западе, северный фланг должен быть в руках немцев⁹. И не случайно план «Гельб» готовился одновременно с планом «Везерюбунг», а нападение на Данию и Норвегию фактически слилось с кампанией против Франции и Англии.

Немецкие военно-морские базы, расположенные в «мокром треугольнике» — на северном побережье Германии, были весьма уязвимы и с моря, и с воздуха. Между тем перед германскими ВМС ставилась задача вести борьбу на море с великими морскими державами — Англией, Францией, а в последующем с СССР и США. С этой целью еще в феврале 1939 г. была разработана долгосрочная программа широкого строительства ВМС (план «Z»), которая предусматривала довести силы флота до 13 линкоров, 33 крейсеров, 4 авианосцев, 267 подводных лодок и большого числа эсминцев и вспомогательных кораблей¹⁰. Часть создаваемого флота намечалось разместить в многочисленных незамерзающих фьордах Норвегии. В этом немецкое командование видело залог успеха в предстоявшей войне на море.

В подчинении Скандинавии рейху было заинтересовано и внешнеполитическое ведомство нацистской партии во главе с балтийским немцем А. Розенбергом. Согласно нацистскому мировоззрению, одним из главных творцов которого был Розенберг, наиболее «чистые» представители «пордической расы» — скандинавы — были призваны влить свежую кровь в жилы самих немцев. Повышенный интерес к Скандинавии способствовал усилению и без того тесных связей ведомства Розенберга с североευропейскими нацистскими организациями как немецких нацменьшинств, так и собственно скандинавскими. Розенберг и начальник северо-европейского отдела внешнеполитического ведомства НСДАП Шейдт были не только дирижерами и финансистами этих мелких групп, но и порой их рупорами. Одной из таких «пятых колонн» была партия Квислинга, потерпевшая перед войной полное политическое поражение в своей стране.

В первой половине декабря, после начала советско-финского военного конфликта и отсрочки германского наступления на Западе, Редер и Розенберг объединили свои усилия с целью убедить Гитлера в необходимости овладения Норвегией. Приглашенный в Берлин Квислинг оказался для них весьма полезным. Его сообщения о предстоявшей англо-французской высадке в Норвегии, об угрозе «демократического» государственного переворота, о под-

⁹ *Loock H.-D.* Germany and the Nordic Countries 1939—1945.— International Symposium of Historians. Oslo, 1976, p. 25.

¹⁰ *Brassey's Naval Annual.* London, 1948, p. 33.

готовке им, Квислингом, «национал-социалистической революции» в поддержку германского десанта, при всей их в основном ложности, дали последний толчок к принятию соответствующего решения. После беседы с Квислингем Гитлер в тот же день, 14 декабря 1939 г., отдал приказ о планировании в глубокой тайне операции по захвату Норвегии (так называемой «*Studie Nord*»). Соответственно в конце 1939 г. в германском генеральном штабе была создана специальная группа из офицеров трех видов вооруженных сил для разработки стратегического плана операции¹¹.

НОРВЕГИЯ В КАМУН ФАШИСТСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Что касается самой Норвегии, то ее руководители и до, и после начала войны ожидали нарушений нейтралитета воюющими сторонами, но не нападения как такового. Соответственно военная мощь страны была нацелена на охрану нейтралитета, а не на отражение агрессии. Правда, расходы на оборону, включая гражданскую, с 1934/35 до 1938/39 бюджетных лет почти удвоились, однако все еще составляли менее 2% национального продукта¹². По заключению послевоенной следственной комиссии стортинга, обороноспособность страны к началу войны в Европе была крайне слабой. Не хватало квалифицированных офицеров, военнообязанные были либо совсем не обучены, либо — в большинстве своем — обучались всего 48 дней, боеприпасы рассчитаны лишь на несколько недель настоящих боев. Три четверти боевых кораблей были спущены на воду до 1918 г. Сравнительно крупные военные затраты 1938/39 и 1939/40 бюджетных лет могли оказать свое действие не ранее 1940 г., например заказы на строительство военных самолетов за границей¹³.

В сентябре 1939 г. правительство Нюгорсволла — Кута ограничилось лишь частичной мобилизацией — 7 тыс. человек (полная мобилизация вместе с территориальными войсками, «хемверном», дала бы 100 тыс. человек), а в декабре дополнительно мобилизовало одну бригаду на крайнем Севере на случай советского «вторжения» в Норвегию.

Правительство военного времени было озабочено в основном подвозом продовольствия и других необходимых товаров извне, поддержанием существующего уровня производства и занятости.

¹¹ *Hubatsch W.* «Weserübung». Die deutsche Besetzung von Dänemark und Norwegen 1940. Göttingen, 1952.

¹² *Historisk statistikk* 1968. Oslo, 1969, s. 452—453 (tab. 234).

¹³ *Midgaard J.* 9. april 1940. Dagen og forspillet. Oslo, 1963; *Skodvin M.* Norwegian Neutrality and the Question of Credibility.— *Scandinavian Journal of History*, 1977, vol. 2, N 1/2, p. 127—129.

Норвежские фирмы усиленно торговали с обеими воюющими сторонами. Воюющие, главным образом англичане, зафрахтовали основную часть громадного торгового флота Норвегии. Флот этот терпел постоянный урон от военных действий на море, преимущественно от немецких мин и торпед. Заключение соглашений об условиях торговли военного времени с Германией и особенно с Англией затянулось почти на весь период «странной войны» и составило, повторяем, предмет особых забот правительства Нюгорсволла — Кута¹⁴.

В случае нарушений нейтралитета воюющими державами правительство стремилось руководствоваться нормами международного права и общескандинавскими правилами нейтралитета 1938 г., однако с учетом своих ограниченных реальных возможностей. Общественное мнение страны, за малым исключением, сочувствовало западным демократиям.

Советско-норвежские отношения и после пачала мировой войны остались вполне добрососедскими. Нейтралитет обеих стран и трудности с импортом даже оживили интерес Норвегии к деловым связям с Советским Союзом. «Зимняя война» между СССР и Финляндией заметно ухудшила эти взаимоотношения: Норвегия на этот раз не провозгласила нейтралитета и приступила к оказанию помощи финнам, преимущественно, впрочем, невоенного характера. Значительная часть общественного мнения страны поддавалась антисоветским настроениям, хотя число норвежских добровольцев в Финляндии далеко уступало числу шведов¹⁵. 11 января 1940 г. норвежское правительство по примеру шведского отклонило англо-французские предложения о совместном оказании помощи Финляндии, согласившись лишь на транзит военных материалов и технического персонала. В Осло отказались также обсуждать предложение союзников об их помощи самой Норвегии в случае советского (!) или германского нападения¹⁶.

СССР был искренне заинтересован в сохранении норвежского нейтралитета и всячески старался его соблюдать в ходе военных действий близ норвежской границы. Советский протест против норвежского пособничества Финляндии (январь 1940 г.) отрезвил правительственные круги Осло. Министр иностранных дел Кут пытался посредничать между СССР и Финляндией, но его инициатива оказалась излишней ввиду параллельных шведских усилий.

¹⁴ См. особенно: *Ørvik N. Norge i brennpunktet*. Oslo, 1953. Bd. 1. Handelskrigen 1939—1940.

¹⁵ *Danielsen E. Norge-Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917—1940*. Oslo, 1964; см. брошюру Компартии Норвегии: *Vil du krig med Sovjetunion? En advarsel og en appell*. Oslo, 1940.

¹⁶ *Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны*. М., 1967, с. 65—67.

На рубеже января — февраля 1940 г. тучи над Норвегией сгустились, вовлечение Норвегии в войну приблизилось: гитлеровцы вплотную занялись составлением оперативного плана вторжения в Норвегию, а западные союзники, особенно под давлением Франции, приняли решение о подготовке прямой вооруженной интервенции в Финляндию через Скандинавию. Усиливался дипломатический нажим англичан, стремившихся помешать немецкому экспорту шведской железной руды через незамерзающий Нарвик и норвежские территориальные воды. Известное нападение английских ВМС на немецкий пароход «Альтмарк» с британскими военнопленными в норвежских водах 16 февраля (нормы международного права были нарушены всеми тремя сторонами)¹⁷ дало Гитлеру дополнительный толчок для перехода от планирования «учения на Везере» к его практической подготовке. Формировался и экспедиционный корпус англо-французов. Однако предварительный двукратный запрос союзников о пропуске их войск в Финляндию был в начале марта 1940 г. отклонен шведским правительством и по его примеру — норвежским.

Между тем 1 марта 1940 г. Гитлер подписал директиву на проведение одновременной операции против Норвегии и Дании под кодовым названием «Везрюбунг» («учения на Везере»). С помощью морских и воздушных десантов намечалось занять Осло, Арендаль, Кристиансанн, Ставангер, Эггесунн, Берген, Тронхейм и Нарвик. В операции фактически участвовал весь действующий военно-морской флот Германии. Боевые корабли должны были осуществить и переброску десанта сухопутных войск в район высадки. С помощью воздушных десантов предполагалось захватить важнейшие аэродромы противника и тем самым усилить оборону подступов к побережью Норвегии.

Учитывая специфику скандинавского театра, командование вермахта выделило для осуществления операции мощную авиационную группировку, способную не только обеспечить господство в воздухе, но и нейтрализовать превосходство британского морского флота над немецким. С этой целью был создан 5-й воздушный флот (500 боевых и 500 транспортных самолетов). Его ядро составил 10-й авиационный корпус, который специализировался на борьбе с морскими целями¹⁸.

Гитлеровское командование делало особую ставку на скрытность подготовки операции и быстроту ее осуществления. О плане знал ограниченный круг лиц. С самого начала вводилась в действие сложная система дезинформации противника. В приказе Кейтеля от 2 февраля 1940 г. предписывалось, чтобы все мероприятия по разработке планов вторжения и подготовке войск

¹⁷ *Knackstedet H.* Der Altmark-Zwischenfall. 1940.— *Wehrwissenschaftliche Rundschau*, 1959, Н. 7/8, S. 391—414; 466—485.

¹⁸ *The Rise and Fall of the German Air Force (1933 to 1945).* Old Greenwich (Conn.), 1969, p. 59.

создавали впечатление направленных против Англии. Широко-вещательные заявления западных союзников о «помощи» Финляндии, о скорой высадке экспедиционных войск в Норвегии в огромной мере помогли гитлеровской верхушке создать правдоподобную версию об «агрессивности» Англии и Франции и, напротив, о «миролюбии» фашистской Германии в отношении скандинавских стран. Германскому флоту предписывалось маскироваться под английские суда. Каждый немецкий корабль получал наименование английского.

Стремясь добиться наибольшего успеха при внезапности нападения, гитлеровское командование планировало нанесение одновременного удара по важнейшим экономическим и политическим центрам Норвегии. Этот удар согласовывался с действиями местной «пятой колонны». Немалое значение придавалось пропагандистскому воздействию на население и армию противника, от которых гитлеровское командование ожидало в целом «лояльного отношения».

Заключение Московского мира 12 марта 1940 г. замедлило дальнейшие приготовления англо-французов к их северной экспедиции. Между тем германские вооруженные силы уже были готовы к выполнению приказа Гитлера о вторжении в Норвегию и Данию. Морские инциденты в норвежских водах участились, но правительство Нюгорсволла — Кута по-прежнему уповало на пещдую заинтересованность в сохранении нейтралитета Норвегии. Советско-норвежские отношения с прекращением «зимней войны» вновь улучшилось. Норвежское правительство весьма сдержанно встретило финский проект северного оборонительного союза и легко согласилось с советскими возражениями против него.

В конце марта 1940 г. западные союзники по инициативе Франции вновь приняи решение о военных мерах в Скандинавии. На этот раз речь шла о минировании отдельных участков норвежских вод, а в случае германского вторжения или его прямой угрозы также о высадке небольших союзных сил в Норвегии (операция «R-4»). Десант союзников предполагал сочувственное к нему отношение со стороны норвежских властей. Норвежское правительство все еще не знало о действительных планах воюющих сторон, особенно Германии, но в случае вовлечения страны в войну твердо намеревалось быть на стороне союзников¹⁹.

1 апреля Гитлер утвердил окончательный вариант операции «Везерюбунг» и назначил вторжение на 4 часа 15 минут утра 9 апреля 1940 г. Для захвата Норвегии было сформировано два эшелона кораблей. Первый эшелон состоял из тихоходных судов, замаскированных под грузовые пароходы, которые должны были доставить к местам высадки десантов, начиная от Ставангера и кончая наиболее отдаленным Нарвиком, тяжелое вооружение,

¹⁹ *Skodvin M. Op. cit.*, p. 143.

снаряжение и продовольствие. Перед ними была поставлена задача прибыть заранее к месту назначения и под различными предлогами ждать высадки десантов. Второй эшелон — из самых быстроходных военных кораблей — был предназначен для непосредственной перевозки морского десанта численностью в 8850 человек²⁰. В ночь со 2 на 3 апреля в Норвегию отправились первые суда с тяжелым вооружением и снаряжением, и 8 апреля вышли последние группы судов. За несколько часов до начала операции на аэродромах Северной Германии стали сосредоточиваться воздушно-десантные войска и авиационная техника. Предупрежденные противниками Гитлера из германской военной разведки о грозившей опасности за четыре дня до вторжения²¹, норвежское правительство не оценило ее серьезности и первые решения об усилении боевой готовности приняло только вечером 8-го; выполнение их было сорвано вторжением. Западные союзники, со своей стороны, газетной шумихой, речами, демаршами в скандинавских столицах и, наконец, почти символической установкой мин в норвежских водах (8 апреля) отвлекли норвежских политиков от подлинной опасности и невольно дали Гитлеру благоприятное оправдание для уже начатой им агрессии — преступления против мира.

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1940 Г. В НОРВЕГИИ

9 апреля в 4 часа 30 минут утра германский посланник Бройер вручил правительству Норвегии меморандум и список из 13 требований; главное из них — немедленно прекратить сопротивление и обеспечить лояльное сотрудничество армии и флота с вермахтом. В это время гитлеровские войска уже вторглись в страну. Отвергнув ультиматум германского посланника, норвежское правительство тем не менее колебалось: вступать ему в борьбу с агрессором или начать переговоры и капитулировать. Генеральному штабу был дан приказ о проведении лишь «частичной и притом скрытой мобилизации». Многие норвежские патриоты, узнав о нападении гитлеровских войск, сами являлись на призывные пункты, однако там их еще не ждали. Такая перспительность норвежских правящих кругов объяснялась прежде всего их нежеланием вступить в серьезную вооруженную борьбу с агрессорами и готовностью, хотя и на собственных условиях, примириться с оккупацией. С этой целью норвежское правительство, спешно покинув Осло в тот же день, 9 апреля, согласилось на переговоры с немецким посланником. Стортинг, также выехавший

²⁰ Подробнее см.: *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977, с. 70 и след.

²¹ *Knudsen K.* Advarslen om 9. april. Forudsetninger og motiver.— *Jyske samlinger*, 1964, Н. 2.

Посадка немецких самолетов близ Осло 9 апреля 1940 г.

из столицы, назначил специальную делегацию, уполномоченную заключить соглашение с германскими властями²². Место заседания стортинга в течение одного дня менялось — сначала он собрался в Хамаре, потом в Эльверумс. Здесь по инициативе председателя стортинга — консерватора К. И. Хамбро правительству без голосования были даны так называемые эльверумские полномочия на принятие от имени парламента нужных для безопасности страны мер. После 9 апреля стортинг до конца войны более не собирался на пленарное заседание.

Замешательство, нерешительность и стремление правящих кругов достичь компромисса с Германией сказались и на действиях вооруженных сил Норвегии, которые не имели ясного представления, вступать ли им в борьбу с агрессором или нет. В день вторжения — 9 апреля — батареи береговой обороны в Осло-фьорде сумели потопить немецкий тяжелый крейсер «Блюхер», но вскоре получили приказ прекратить огонь. Путь к столице был открыт. На столичных аэродромах приземлялись самолеты с десантниками. В тот же день немецкие части, не встречая сопротивления, на реквизированных автобусах и грузовиках въехали в Осло. Норвежское правительство, король, парламент и командование успели, повторяем, эвакуироваться в глубь страны.

²² Кан А. С. Указ. соч., с. 109—114.

Без какого-либо сопротивления были в тот же день захвачены Берген, Кристиансанн, Тропхейм. Лишь на подступах к Нарвику два норвежских корабля береговой обороны «Эйдсволл» и «Норге» пытались преградить путь немецким кораблям к причалам Нарвика, но были потоплены фашистскими эсминцами. Сам же город, для обороны которого имелось достаточно сил и средств, был сдад противнику без единого выстрела. Вместе с главными городами были захвачены основные склады с оружием и продовольствием, а также мобилизационные и другие документы генерального штаба и штабов округов²³.

Замешательство первого дня вторжения усугубилось действиями Квислинга — ставленника внешнеполитического ведомства НСДАП. Составив список собственного «кабинета», он вечером 9 апреля был допущен немцами к центральному радио Осло, по которому «распорядился» о немедленном прекращении мобилизации и призвал к миру с Германией. На следующий день король Хокон VII и норвежская правительственная делегация отклонили германское требование о создании нового правительства страны во главе с Квислингом. Переговоры были прерваны, и норвежские руководители решительнее взялись за организацию отпора агрессору: 11 апреля новый командующий — генерал Отто Рюге издал первый приказ разрозненным частям и подразделениям об отпоре врагу в ожидании помощи союзников. Тем не менее и Рюге держался стратегии пассивного «сдерживания». В его приказе категорически подчеркивалось, что норвежские войска должны вести только сдерживающие бои и не давать втягивать себя в решающие сражения²⁴.

Типичными были действия первой норвежской дивизии под командованием генерала Эриксона. На подступах к Осло, вместо того чтобы нанести удар по противнику с фланга, Эриксен приказал подчиненным ему частям отступать к шведской границе. Смешавшись с потоками беженцев, охваченных паникой, дивизия откатывалась на юго-восток. Рушилась дисциплина. Началось массовое дезертирство. К вечеру 14 апреля в дивизии, не вступившей в бой, осталось всего около тысячи человек²⁵. В тот же вечер генерал, считая личный состав дивизии небоеспособным, приказал своим подчиненным перейти границу и укрыться в Швеции; 2, 3 и 4-я дивизии, оборонявшие районы Осло, Кристиансанна и Бергена, также не оказали противнику заметного сопротивления. Большая часть личного состава этих дивизий во главе с командирами в первые же дни сдалась в плен. Без боя капитулировал гарнизон Хортсела — главной военно-морской базы страны.

²³ Bjernsen B. Det otrolige døgnet. Oslo, 1977.

²⁴ Lindbäck-Larsen O. Krigen i Norge 1940. Oslo, 1965, s. 56.

²⁵ Norsk militært tidsskrift, 1963, N 4, s. 278.

Особое значение немецкое командование придавало захвату Трошхейма, расположенного в Центральной Норвегии. Оборона всего района возлагалась на 5-ю пехотную дивизию под командованием генерал-майора Я. Лаурантсона. Вместо принятия срочных мер по отводу частей из города и мобилизации оставшихся в его распоряжении людских и материальных ресурсов командир дивизии подчинился призыву Квислинга, отдал приказ о прекращении мобилизации в военном округе, которым командовал, и приказал сдать без боя важнейший по своему значению аэродром в Вернесе²⁶. Оставшиеся от дивизии небольшие и разрозненные подразделения отступали в горы — на север или в сторону шведской границы. Только у старого форта Хегра гитлеровцам было оказано упорное сопротивление. Гарнизон из добровольцев во главе с майором Р. Хольтерманом отбивал атаки немцев на протяжении четырех недель. Однако в целом фашистам удалось в течение четырех-пяти дней разгромить основные силы 5-й дивизии, выйти к шведской границе и изолировать Южную Норвегию от Северной, а также подбрасывать подкрепление по воздуху в Нарвик с аэродрома в Вернесе, хотя это и было связано с большими трудностями.

Западные союзники также были застигнуты врасплох и лишь в отдельных местах оказали противодействие высадке немцев. Утром 10 апреля отряд из пяти английских эсминцев атаковал корабли противника в фьордах у Нарвика и потопил два из десяти немецких эсминцев, один транспорт с оружием и шесть торговых судов; 13 апреля английский флот нанес еще один удар по немецким эсминцам у Нарвика. При поддержке с воздуха были уничтожены остальные восемь эсминцев и одна подводная лодка²⁷. Высадившийся в Нарвике 139-й немецкий горноегерский полк под командованием генерал-майора Э. Дитля оказался в затруднительном положении. Однако Дитль использовал захваченные в городе военные склады. Вместе с экипажами потопленных эсминцев его силы составили около 4500 человек. Немцы срочно приступили к захвату и укреплению береговой полосы Офот-фьорда (Офьорда), в глубине которого располагался Нарвик, чтобы отразить возможный десант союзников. Дитль также стремился захватить железную дорогу, соединяющую Нарвик со Швецией, и тем самым ослабить блокаду. 14 апреля немцы, не встречая серьезного сопротивления, вышли к шведской границе.

После продолжительных дискуссий союзники наконец решили выбить немецкий десант из Нарвика и прилегающих к нему стратегически важных районов, где немецкая авиация пока еще не могла проявить большой активности.

²⁶ Dagbladet, 1948, 1 mars.

²⁷ *Ватлер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 137.

12 апреля на крейсере «Саутгемптон» в Нарвик были направлены две роты шотландских стрелков из 24-й пехотной бригады. За ними вскоре последовали 146-я территориальная пехотная бригада, а также 5-я французская альпийская полубригада. Планы англо-французского командования были не согласованы с норвежским правительством и командованием. 14 апреля первые подразделения бригады шотландских стрелков высадились в 60 км севернее Нарвика, однако из-за возникших разногласий внутри самого британского командования они бездействовали. Между тем западные державы переключили основное внимание с Нарвика на потерянный Тронхейм. 146-я бригада и французская альпийская полубригада были перенацелены на высадку в районе Намсуса (135 км севернее Тронхейма). 17—19 апреля в Намсусе высадились 146-я английская пехотная бригада и 5-я французская альпийская полубригада. Не встречая сопротивления, союзные войска стали продвигаться в сторону Тронхейма. 20 апреля господствовавшая в воздухе немецкая авиация начала бомбить Намсус и его портовые сооружения. В ночь с 30 апреля на 1 мая англо-французские войска были вынуждены покинуть Намсус.

В Ондальснесе 17 апреля высадились 148-я английская территориальная бригада с задачей быстро овладеть важным железнодорожным узлом Думбосом (90 км юго-восточнее Ондальснеса) и тем самым перерезать коммуникации, по которым немецкие войска могли продвигаться к Тронхейму со стороны Осло. В районе Думбоса находился штаб командующего норвежскими войсками генерала Рюге и около 5 тыс. солдат и офицеров норвежской армии²⁸.

Англичане погрузились на специально подготовленный для них железнодорожный состав и направились в Думбос. Они смогли норвежцам уничтожить выброшенный немецкий десант.

Первое крупное столкновение англо-норвежских войск с противником на этом направлении у озера Мьёса 20—21 апреля закончилось их поражением из-за несогласованности действий и взаимного недоверия. Однако в ночь на 23 апреля под прикрытием двух авианосцев в Ондальснесе высадились 15-я пехотная бригада англичан, что вместе с обещанием новых союзных подкреплений вызвало прилив надежды у норвежского главнокомандующего. В те дни Рюге записал в дневнике: «Кризис прошёл»²⁹.

Всего с 17 по 27 апреля в районе Тронхейма союзники высадили около 13 тыс. солдат и офицеров, однако не смогли использовать благоприятное для них соотношение сил. Немцы господствовали в воздухе, имели лучшую подготовку, больше артиллерии и танки, которых у союзников не было. В конце апреля в Лондоне было решено эвакуировать союзные войска из Цепт-

²⁸ Derry T. K. The Campaign in Norway. London, 1952, p. 99, 102—103, 105, 114.

²⁹ Norges krig 1940—1945. Oslo, 1947, Bd. 1, s. 254.

Король Хокон VII и кронпринц Улаф в лондонской эмиграции

ральпой Норвегии. Последний корабль с войсками союзников вышел из Ондальснесса в ночь с 1 на 2 мая. Утром 3 мая был подписан акт о капитуляции норвежских войск в Центральной Норвегии³⁰. Отныне борьба продолжалась только в Северной Норвегии, куда была перебросена часть эвакуированных из района Тропхейма союзных войск. К 10 мая численность союзных войск в районе Нарвика достигла 25 тыс. человек³¹. Здесь же сосредоточились значительные силы флота. Была достигнута договоренность о взаимодействии с норвежскими войсками и заняты выгодные позиции для захвата Нарвика. Между тем 10 мая началось германское вторжение в Бельгию и Нидерланды, поэтому уже 23 мая союзники решили вывести свои войска из Норвегии. Вместе с тем было признано необходимым сначала захватить Нарвик, чтобы ослабить противника и улучшить условия для вывода войск. 28 мая город был взят штурмом. Гитлеровский гарнизон в 5 тыс. человек оказался прижатым к шведской границе. Союзники, однако, немедленно начали эвакуацию из района Нарвика, закончив ее в ночь на 8 июня. 10 июня после отъез-

³⁰ Ibid., s. 266.

³¹ Norsk militaert tidsskrift, 1965, N 5, s. 422.

да в Англию Хокона VII и правительства сложила оружие норвежская армия. По условиям капитуляции на границе с Финляндией были сохранены норвежские воинские части («пограничная полиция») — под немецким командованием и на случай «советской угрозы»³².

ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО СОВЕТА К ФАШИСТСКО-КВИСЛИНГОВСКОМУ РЕЖИМУ

Самозванное «правительство» Квислинга не получило ни официального германского признания, ни поддержки населения, включая столичную буржуазию и чиновников, которые уже в первые недели войны лояльно относились к оккупантам. 11 апреля начались переговоры о создании высшего органа гражданской власти в оккупированной части страны — Административного совета из умеренных коллаборационистов, заручившихся согласием короля и законного правительства. 15 апреля Квислинг «ушел в отставку», и совет начал свою деятельность³³.

В совет, назначенный Верховным судом Норвегии, вошли семь человек, среди них — губернатор столичной области, директор Норвежского банка, бургомистр и полицмейстер столицы, ректор университета Осло³⁴. Во главе департаментов были поставлены видные чиновники, предприниматели, профессора. Председателем совета стал фюлькесман (губернатор) области Осло И. Кристсен. Норвежская буржуазная пресса и гитлеровская печать представляли церемонию 15 апреля как «восстановление независимости» Норвегии в условиях «вынужденной» оккупации.

Германская оккупационная администрация во главе с заместителем (рейхскомиссаром) И. Тербовеном, бывшим гауляйтером, не проявляла, таким образом, поспешности в насаждении «нового порядка» в Норвегии. После прекращения военных действий в стране были оставлены в силе норвежские законы, конституция и местная администрация. Легально действовали все политические партии, включая Коммунистическую партию Норвегии. Оккупанты не ввели в Норвегии официальной цензуры печати и лишь «в помощь норвежской прессе» предложили получать «основную информацию» у немецкой администрации³⁵.

Органом сотрудничества правящих кругов страны с оккупационными властями стал Административный совет. Он разработал ряд мероприятий, значительно укрепивших позиции рейха в

³² *Hartmann S. Søkelys på 1940. Var Sovjet farligere enn fienden?* Oslo, 1971.

³³ *Kan A. C.* Указ. соч., с. 120 и след.

³⁴ *Hambro C. J.* *De første måneder.* Oslo, 1945, s. 50.

³⁵ *Johansen P.* *Men — vi lever.* Stockholm, 1945, s. 47.

Норвегии: норвежские банки выдавали крупные кредиты оккупантам; была запрещена приостановка работы любого предприятия без особого на то разрешения. Заводы и фабрики, железные дороги, автомобильный транспорт, электростанции, оставшиеся в портах суда были подключены к обслуживанию гитлеровцев. Поощрялось участие норвежцев в строительстве немецких военных объектов. Хозяйственный спад, вызванный боевыми действиями в стране, постепенно преодолевался.

Восстановление (как оказалось, временное) привычных материальных условий жизни, осторожная на первых порах политика оккупационных властей, растерянность перед лицом внушительных германских побед удерживали массу норвежцев от противодействия оккупантам. До осени 1940 г., подчеркивают норвежские историки Сопротивления, «народ в основном оставался пассивным»³⁶. Гитлеровские власти устраивали пропагандистские кампании вокруг отдельных случаев саботажа, обращаясь к «здравому смыслу» норвежцев.

Удерживая со своей стороны норвежцев от противодействия оккупантам на захваченной ими территории, Административный совет дошел до того, что изображал СССР как более опасного врага, чем Германия³⁷. В решении Административного совета от 20 августа 1940 г. говорилось, что «в данной обстановке норвежские интересы прежде всего состоят в том, чтобы защищать страну от нападения с востока, даже если в этом случае придется сотрудничать в военном отношении с немцами»³⁸.

В одном отношении Административный совет не удовлетворял требованиям германских властей: он не соглашался стать правительством. Между тем оккупанты, убедившись в непопулярности Квислинга, добивались расширения своей политической базы в Норвегии, стремились использовать разочарование народа в социал-демократическом правительстве, сполные материальные условия и ошеломляющее впечатление от побед вермахта. Для достижения этой цели Тербовен вступил в переговоры с ведущими норвежскими политиками — членами Административного совета, президиума стортинга, Верховного суда. Рейхскомиссар требовал низложить находившихся в Англии короля Хокона VII и правительство Нюгорсволда и заменить последнее новым, приемлемым для оккупантов правительством. Взамен норвежцам обещали упразднить немецкое наместничество (рейхскомиссариат), заключить мирный договор и сохранить их привычные порядки.

Переговоры велись с конца весны до сентября 1940 г. Норвежские умеренные коллаборационисты полемному уступали:

³⁶ Riste O., Nökleby B. Norway 1940—1945. The Resistance Movement. Oslo, 1970, p. 16.

³⁷ Friheten, 1955, 15 okt.; Arbeiderbladet, 1965, 23 aug.

³⁸ Friheten, 1955, 15 okt.; Munthe-Kaas O. H. Norges grensevakt i nordøst fra 1918 til 1963. Oslo, 1964, s. 110.

27 июня 1940 г. президиум стортинга призвал короля Хокона VII отречься от престола, но тот наотрез отказался³⁹. Одновременно вновь окрепло положение Квислинга, которого все активнее поддерживали в Берлине Редер и Розенберг. 10 сентября партийные фракции стортинга большинством голосов согласились на временное отстранение от престола короля Хокона и на замену его и эмигрантского правительства так называемым государственным советом («риксродом»). Теперь торг шел о составе этого совета и конкретно о том или ином числе «государственных советников» — квислинговцев⁴⁰.

Между тем решение Гитлера о подготовке к нападению на СССР вместе с отказом Англии пойти на мир с Германией еще более усилили значение Норвегии как стратегического плацдарма. 18 августа 1940 г. начальник генерального штаба Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Следует занять гарнизонами все побережье до Киркепеса. В связи с этим войска Фалькенхорста должны быть соответственно пополнены. Это мероприятие может рассматриваться лишь как направленное против России»⁴¹. В конце августа была оккупирована губерния Филмарк, куда отныне морем и через Финляндию перебрасывались силы вермахта. Одновременно оккупационные власти усилили репрессии против населения Норвегии. 16 августа Тербовен объявил о запрете компартии и устроил первую облаву на коммунистов. Готовясь к наступательным операциям с норвежского плацдарма, гитлеровское руководство решило прервать переговоры с умеренными коллаборационистами и сохранить в оккупированной стране всю полноту власти.

25 сентября 1940 г. Тербовен выступил по норвежскому радио с изложением новой политики немецких властей в Норвегии: запрещались политические партии, за исключением партии Квислинга «Нашунал самлинг», король был объявлен лишенным престола, стортинг распущался. Административный совет заменялся 13 комиссарами, которые подчинялись непосредственно Тербовену. 9 из 13 назначенных комиссаров были членами квислинговской партии, а остальные 4 — «беспартийные», представители норвежских промышленников, сотрудничавших с немцами. Вскоре были распущены и реорганизованы все выборные городские и муниципальные управления — их возглавили «фюреры», в основном из партии Квислинга, назначенные Тербовеном. Сам Квислинг пока не получил официального поста, но был провозглашен «вождем норвежского народа». Газеты, издававшиеся теми или иными партиями, были запрещены, и многие из них переданы в ведение «Нашунал самлинг».

³⁹ «Kjaere landsmenn». Kong Haakon den VII's taler under krigen 1940 til 1945. Oslo, 1965, s. 17—21.

⁴⁰ *Pviltboka om 1940*. Oslo, 1975, s. 127—128.

⁴¹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 105.

Переход оккупационных властей к новой политике — полного подчинения и фашизации Норвегии — положил конец широко распространенным даже среди левых кругов иллюзиям о возможности ужиться с германской администрацией и сохранить минимум демократии. «Туман замешательства, — пишут историки движения Сопротивления У. Ристе и Б. Нёкклобю, — начал рассеиваться»⁴². Именно после 25 сентября началось организованное сопротивление норвежцев оккупантам и их пособникам — квислинговцам.

ХОЗЯЙСТВО ОККУПИРОВАННОЙ НОРВЕГИИ. ЕЕ МЕСТО В ФАШИСТСКОМ «НОВОМ ПОРЯДКЕ»

Оккупация Норвегии решительно изменила и ее экономическое положение. Крайне зависимая от импорта страна оказалась отрезанной от своего главного традиционного партнера — Великобритании, от заокеанских рынков, и сама подверглась английской блокаде. Прекратился подвоз пшеницы, кукурузы, фосфатов, бензина. Валютные доходы от фрахта больше не поступали в оккупированную фашистами страну — основная часть громадного норвежского торгового флота (20% мирового тоннажа) подчинилась эмигрантскому правительству и занялась обслуживанием в первую очередь англосаксонских держав. Золотой запас Норвегии был своевременно вывезен в Англию и также находился в распоряжении правительства Ньюгорсволла.

В гитлеровском «новом порядке» норвежцам, несмотря на многократно использованный фашистами тезис об их «расовой ценности», была в конечном счете уготовлена роль экономически и политически подчиненного партнера — фактически германской полукolonии⁴³. Повседневная же политика оккупантов в Норвегии менялась в зависимости от текущих целей Гитлера, от положения на фронтах, от реакции самих норвежцев на действия оккупантов. Эта политика в целом прошла два неравных по времени этапа: этап сотрудничества с буржуазно-демократическими и социал-реформистскими силами в период существования уже известного Административного совета (апрель — сентябрь 1940 г.) и этап открытой фашизации с сентября 1940 г. практически до самого конца войны в Европе. Но и на этом этапе были свои поворотные пункты: оккупационная политика стала еще жестче после нападения Германии на СССР; с 1943 г., после перелома в ходе войны, значение Норвегии, как и всей Северной Европы, для слабейшего рейха выросло⁴⁴ — с той поры Тербовен и нор-

⁴² Riste O., Nøkleby B. Op. cit., p. 14.

⁴³ Milward A. S. The Fascist Economy in Norway. Oxford, 1972, p. 294—295.

⁴⁴ Menger M. u. a. Nordeuropa unter der Vorherrschaft des faschistischen deutschen Imperialismus 1940—1945. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, N 5, S. 525 usw.

вежский «фюрер» Квислинг добивался не столько дальнейшей фашизации тех или иных сторон норвежской общественной жизни, сколько выжимания новых материальных и людских ресурсов.

Поручив своим квислинговским сообщникам после переворота 25 сентября 1940 г. добиваться политической и духовной фашизации страны, германский рейхскомиссариат оставил за собой полный верховный контроль над ее народным хозяйством. Государственно-капиталистические тенденции, еще сравнительно слабые в довоенной Норвегии (не считая, например, ограбительский при использовании иностранной валюты), теперь превратились в жесткую систему военно-государственного капитализма. Главными сферами германского контроля и диктата стали внешняя торговля и цены как на внешнем, так и на внутреннем рынках. На страну с трехмиллионным населением было взыскано содержание 200—400 тыс. вражеских военнослужащих. Расходы на их содержание составили в 1940 г. 25% национального дохода страны, в 1943 г.— 40% и росли вплоть до капитуляции рейха. В расчете на душу населения эти расходы были в Норвегии в 1940—1942 гг. выше, чем в остальных четырех оккупированных странах Западной Европы⁴⁵. Норвежские промышленность, транспорт и связь оказались заваленными немецкими заказами. На немецком военном строительстве в 1942—1944 гг. были заняты 100 тыс. человек, т. е. более 7% экономически активного населения Норвегии. Норвежская внешняя торговля, переведенная на начала клиринга, переключилась на рынки «великой Германии». Почти все норвежские промышленники стали членами созданной оккупантами осенью 1940 г. Немецкой торговой палаты в Норвегии, подчиненной, в свою очередь, германскому министерству хозяйства⁴⁶.

Норвежская буржуазия обогатилась за годы оккупации, но в отличие от 1914—1918 гг. обогатилась в местной валюте, а не в золоте или долларах. Цели оккупационных властей и крупной норвежской буржуазии временно совпадали: и те и другие желали обеспечить полную загрузку местных производственных мощностей и беспрепятственную эксплуатацию трудящихся. Недаром прогрессивный норвежский публицист назвал промышленников немецкой «шестой колонией» в Норвегии⁴⁷. Уже в конце 1940 г. промышленность превзошла свой довоенный (1938 г.) уровень производства. Поскольку накопленную выручку трудно былоратить в устойчивые ценности, курс акций норвежских промышленных компаний продолжал расти до конца войны, обгоняя даже

⁴⁵ *Milward A. S. Op. cit., p. 279—280; Aukrust O., Bjerve P. J. Hva krigen kostet Norge. Oslo, 1945, s. 45.*

⁴⁶ *Hvitboka om 1940, s. 148.*

⁴⁷ *Krog H. 6te kolonne? Oslo, 1946.*

такие благополучные страны, как Швеция и Швейцария⁴⁸. Об устойчивом положении частных собственников в промышленности и сельском хозяйстве говорит также заметное сокращение в военные годы числа банкротств и принудительной распродажи с аукциона⁴⁹.

Налоговая политика квислинговских властей, проводившаяся по указке германского рейхскомиссариата, поощряла крупных собственников. Доходы трудового населения регулировались в пользу сельскохозяйственного, лесозаготовительного и рыболовного секторов и в ущерб промышленности, точнее — промышленным рабочим⁵⁰. Исчезновение — с весны 1941 г. — безработицы способствовало неожиданному на первый взгляд росту рождаемости в течение всей оккупации⁵¹. По сравнению с другими, в том числе даже западноевропейскими, жертвами фашистской агрессии (кроме «образцового протектората» — Дании) оккупационная политика в Норвегии проводилась более осторожно — норвежцы, например, почти совсем не посылались на работу за пределы своей страны. Норвежская крона официально обесценилась внутри страны лишь на 55% за военные годы. В конце войны норвежцы сильно недосади, но избежали настоящего голода, постигшего голландцев или греков.

Тем не менее начиная с 1941 г. в Норвегии неуклопно снижались реальная заработная плата, уровень питания и потребления промышленных рабочих и служащих. Вслед за продовольствием была нормирована также продажа текстильных изделий, обуви, топлива. Качество продуктов резко упало. Появилось множество заменителей. Нормы продаваемых по карточкам товаров становились все ниже норм, действовавших в Германии⁵².

Открытое ограбление страны оккупанты осуществляли в виде получаемой ими из Государственного банка Норвегии «в кредит» местной валюты, в виде безвозмездных реквизиций и конфискации норвежского имущества для нужд вермахта, наконец, посредством недопоставок товаров в Норвегию по клиринговым соглашениям⁵³. Скрытой формой ограбления были продиктованные оккупантами цены на вывозимые и ввозимые товары, а также иные внешнеэкономические условия, например то или иное направление товарного потока, навязывание немецких посредников и пр. Главным средством было при этом взвешивание цен на импортные товары. Сильное превышение стоимости норвежского

⁴⁸ Statistisk årbok for Norge 1949. Oslo, 1949, s. 397, 415; *Valen T.* De tjente på krigen. Oslo, 1974, s. 57.

⁴⁹ Statistisk årbok, s. 286.

⁵⁰ *Milward A. S.* Op. cit., p. 292.

⁵¹ *Milward A. S.* Op. cit., p. 294; Historisk statistikk 1968, s. 47.

⁵² *Milward A. S.* Op. cit., p. 297; *Valen T.* Op. cit., s. 47.

⁵³ *Aukrust O., Bjerve P. J.* Op. cit., s. 28.

ввоза пад вывозом в Германию объяснялось невыгодным для слабейшего партнера соотношением цен⁵⁴.

Из Норвегии оккупанты вывозили в первую очередь цветные и редкие металлы: медь, молибден, ванадий, алюминий, серный колчедан, — а также серу, далее рыбу и рыбопродукты, продукцию животноводства и деревообрабатывающей промышленности. Норвегия поставляла рейху электроэнергию через подводный кабель и обслуживала морские сообщения с Германией своими судами. Оккупанты поощряли в стране производство сельскохозяйственной и рыбной продукции, дефицитного для рейха промышленного сырья и полуфабрикатов. В случае победы «нового порядка» Норвегии была отведена роль полуразвитого поставщика именно такой продукции.

По мере развертывания военных приготовлений против СССР и с пачала войны на Востоке германские заказы и закупки в Норвегии сильно возросли. Однако, чтобы обеспечить работоспособность норвежского народного хозяйства, рейху приходилось так или иначе покрывать норвежские потребности в продовольствии — зерне и сахаре, в кормах, минеральном топливе и машинах. В 1943 г. норвежские поставки в Германию достигли максимума. Тем не менее до 1944 г. включительно в торговле Норвегии с рейхом сохранялось традиционное довоенное превышение ввоза над вывозом⁵⁵. Объем производства с учетом строительства еще в 1944 г. был выше, чем в довоенном 1938 г.⁵⁶ Крутой спад наступил только весной 1945 г.

В сельском хозяйстве, несмотря на сокращение, согласно официальным данным, запашки, урожайности, поголовья крупного рогатого скота, производства животного масла и сыра, дела у зажиточных крестьян шли весьма неплохо. Уровень доходов и рентабельности в 1943/44 сельскохозяйственном году был выше, чем в 1938/39 г.⁵⁷ Крестьяне погасили свою задолженность банкам. Так же шли дела и у владельцев рыболовных судов и лесопромышленных участков. Производители продуктов питания наживались и благодаря черному рынку. Неучтенная часть продукции промышленников и крестьян тайно в конце войны шла на нужды Сопротивления. Несмотря на сокращение чистых прибылей и выплаченных дивидендов, норвежские банки накопили громадные ликвидные средства, главным образом в виде государственных ценных бумаг, покупавшихся промышленниками на полученные ими прибыли.

Гитлеровцы до перелома в войне много носились с планами включения Норвегии в создаваемое ими «великоевропейское хозяйственное пространство». Большую активность проявляли в

⁵⁴ Ibid., s. 26, 31—32.

⁵⁵ Historisk statistikk 1968, s. 328—329.

⁵⁶ Valen T. Op. cit., s. 24—27, 30—33, 35, 55—56.

⁵⁷ Ibid., s. 68.

то время германские частные концерны. «ИГ Фарбел-индустри» сумел овладеть большинством акций крупнейшей норвежской электрохимической компании «Норлик гидро»⁵⁸. Концерн Круппа вложил средства в расширение добычи цветных металлов в Норвегии. Среди планов хозяйственного освоения оккупированных стран одним из самых грандиозных был план расширения норвежской алюминиевой промышленности на базе дешевой электроэнергии для нужд в первую очередь германских ВВС. Стремление немецких промышленников прямо подчинить себе с помощью крупных капиталовложений норвежскую электрохимию и добычу цветных металлов покорило даже кислитинговское марионеточное правительство⁵⁹. Поражения на фронтах сделали подобные планы и замыслы несвоевременными в глазах фашистского руководства.

В целом норвежский «вклад» в германскую экономику был, по сравнению с прочими оккупированными странами Запада, невелик: в военную промышленность — менее 1%, в судостроение — около 2% (по данным 1943 г.)⁶⁰. Тем не менее именно Норвегия и Дания эксплуатировались рейхом вплоть до самой капитуляции вермахта. Важнее, особенно для войны против СССР, было стратегическое значение Норвегии — ее удобные, близкие к жизненным морским коммуникациям союзников гавани, а также аэродромы, ее положение тыла по отношению к германским войскам в Заполярье. Постоянно считаясь с опасностью союзнического десанта в Скандинавии, Гитлер держал в Норвегии крупные наземные силы и форсировал там строительство, в частности, средств сообщения, нещадно эксплуатируя труд военнопленных и пригнанных сюда иностранных рабочих, преимущественно советских и югославских⁶¹.

Гитлеровцам не удалось сколько-нибудь успешно использовать захват Норвегии в политико-пропагандистских целях. Умеренно буржуазные силы вокруг Административного совета оказались недостаточно послушными, а квислинговская партия — слишком непопулярной в своей стране. Правда, возможность сделать карьеру и облегчить тяготы военных лет привлекли в ряды «Национал самлинг» известное число мелких служащих, крестьян, рыбаков, неквалифицированных рабочих и домохозяек: осенью 1943 г. партия достигла своего «потолка» и насчитывала 43 тыс. человек (т. е. 1,5% взрослого населения)⁶². На

⁵⁸ *Eichholtz D.* Expansionsrichtung Nordeuropa.— *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1979, N 1, S. 20.

⁵⁹ *Ibid.*, S. 23.

⁶⁰ *Eichholtz D.* Kriegswirtschaftliche Resultate der Okkupationspolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939—1944.— *Militärgeschichte*, 1978, N 2, S. 147.

⁶¹ *Milward A. S.* *Op. cit.*, p. 294.

⁶² *Krigen i Norge*, s. 180—181.

Восточном фронте в составе дивизии СС «Викинг» и в особом «Норвежском легионе» до конца войны сражалось 5—7 тыс. норвежцев⁶³. Тем не менее Норвегия не внушала доверия Гитлеру. Он не считал нужным пойти навстречу марионетчному «главе государства» Квислингу ни в заключении мира с Норвегией, ни в принятии ее в пресловутый «антикоминтерновский пакт», ни тем более в заключении военного союза с немцами⁶⁴. Тут сказались и прифронтовое положение Норвегии, и острое соперничество Квислинга и Тербовета, но главное — упорное сопротивление норвежского народа навязываемым ему фашистско-квислинговским порядкам.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Движение Сопротивления в Норвегии прошло несколько этапов. Организация Сопротивления облегалась громадной береговой линией, морскими сообщениями с Англией в первую очередь, и протяженной сухопутной границей с нейтральной Швецией. Положительным фактором было и массовое занятие спортом населения, привычка к морю и лыжным походам, ориентированию и почевкам в горах. Имелись, однако, и серьезные помехи пародной борьбе с оккупантами и их пособниками. Прежде всего численность вермахта в Норвегии — от 10 тыс. весной 1940 г. до 180 тыс. весной 1941 г., 200 тыс. осенью 1942 г., около 400 тыс. осенью 1944 г. и 350 тыс. перед капитуляцией⁶⁵. Суровые природно-климатические условия возвышенных частей страны, к тому же в значительной мере безлесных, затрудняли длительное пребывание там партизан. Прекрасно картографированные пути сообщения, редкие населенные пункты, хутора были легко доступны контролю. У населения отсутствовал опыт как подпольной, так и вооруженной борьбы. В наследие от довоенных лет и катастрофы 1940 г. остались острые политические противоречия между Норвежской рабочей партией и буржуазной оппозицией, внутри самого рабочего движения. Наконец, большую опасность для норвежского Сопротивления представляли фашисты-квислинговцы — с осени 1940 до весны 1945 г. единственная легальная партия в стране. Квислинговцы с одобрения оккупаторов заняли официальные руководящие посты в управлении и общественных организациях. Мало в какой из оккупированных

⁶³ *Norsk militært tidsskrift*, 1978, N 4, s. 184—185; *Blindeheim S. Nordmenn under Hitlers fane*. Oslo, 1977, s. 7 etc.

⁶⁴ *Menger M. u. a. Op. cit.*, S. 520; *Loock H.-D. Weserübung — a Step towards the Greater Germanic Reich.* — *Scandinavian Journal of History*, 1977, vol. 2, N 1/2.

⁶⁵ *Riste O., Nökleby B. Op. cit.*, p. 46; *Jensen M. Norges historie. Fra 1905 til våre dager*. Oslo, 1974, s. 204.

страп гестаповцам и местным фашистам удались столь крупные по масштабам страны провокации, как в Норвегии. Недаром один норвежский публицист назвал годы оккупации «эпохой предательства».

Лето и ранняя осень 1940 г. прошли под впечатлением германских успехов и под знаком переговоров с оккупантами. Государственный переворот 25 сентября стал начальным рубежом Сопротивления. Еще никак не организованные, патриоты совершали одиночные акты саботажа, собирали разведывательные данные об оккупантах. Налаживались связи с норвежским правительством в эмиграции и с британским Управлением специальных операций, созданным летом 1940 г. для организации диверсионно-партизанского движения в оккупированной фашистами Европе. На Британских островах уже обучались и готовились к переброске на родину норвежские патриоты. В Норвегии появились первые подпольные листовки и бюллетени, «цепные письма», отпечатанные на ручных множительных аппаратах.

Однако еще долго, вплоть до лета 1941 г., главной формой Сопротивления оставалось легальное противодействие массовых неполитических организаций, пока терпимых оккупантами, попыткам самих немецких властей и в особенности квислинговцев фашизировать Норвегию. Первыми очагами такого легального Сопротивления стали молодежные организации, ученические и спортивные.

Уже осенью 1940 г. квислинговский комиссариат по делам школы и церкви стал припуждать учителей под угрозой увольнения вступать в «Нашунал самлинг», давать подписку о лояльности к новому режиму, доносить на своих коллег и учеников⁶⁶. В феврале 1941 г. было объявлено об обязательном участии мальчиков и девочек от 10 до 18 лет в квислинговских «молодежных дружинах» и учрежден фашистский «Союз учителей Норвегии». Подавляющее большинство учителей отказывалось участвовать в фашизации школьного дела. Во многих школах прекратились занятия. Юнцов, склонных вступить в фашистские дружины, бойкотировали, а то и били. В комиссариат по делам школы за две недели поступило около 300 тыс. протестов от родителей и учителей. Встрепоженные власти, опасаясь общенациональной забастовки учителей, временно отступили. Соответственно большинство членов спортивных организаций отказались вступить в квислинговский спортивный союз и бойкотировали устраиваемые им соревнования.

Квислинговский комиссариат просвещения и культа требовал от служителей государственной лютеранской церкви более не упоминать в молитвах короля, а проповедовать послушание новой

⁶⁶ Riste O., Nøkleby B. Op. cit., p. 24; Norges krig 1940 -1945. Oslo, 1950, Bd. 3, s. 73, 76.

власти, доносить о «предосудительном» содержании исповеди верующих и пр. В ответ Совет лютеранских епископов в особом пастырском послании от 16 февраля 1941 г. протестовал против произвола оккупационных и квислинговских властей, против навязывания норвежцам чуждой им нацистской идеологии⁶⁷. Положительное значение имел и протест последнего из еще действовавших в оккупированной стране высших государственных учреждений — Верховного суда — против узурпации квислинговским комиссариатом юстиции права единоличного назначения и увольнения судей и заседателей. После отклонения протеста Верховного суда Тербовеном его члены в декабре 1940 г. подали в отставку.

В первой половине 1941 г. в противодействие политике фашизации приняли участие крупные группы норвежской интеллигенции. Так, актеры бойкотировали норвежское радио, поставленное под полный контроль оккупантов и квислинговцев. В ответ на это «комиссар» по культуре, квислинговец Г. Лунде, издал декрет, где указывалось, что если какой-либо артист, ссылаясь на свои политические взгляды, откажется участвовать в публичных представлениях или празднествах, то он вообще потеряет право выступать на сценах страны. После очередного отказа группы видных артистов участвовать в концертах (май 1941 г.) им были запрещены выступления. В ответ забастовали актеры крупнейших театров в Осло, Бергене, Тронхейме — как раз 21 мая, накануне приезда в столицу Норвегии самого Гимmlера. Перед театрами соби­рались толпы. 14 ведущих артистов названных городов были арестованы. 5-недельная забастовка закончилась лишь под угрозой расстрела арестованных. На должности директоров национальных театров были назначены сторонники Квислинга. Однако теперь сама публика стала бойкотировать фашизированные театральные программы и кинокартины. Гражданское мужество, проявленное учителями и учащимися, спортсменами, священниками, артистами, сыграло важную роль на раннем этапе норвежского Сопротивления.

Весной 1941 г. с протестом против нарушения законов страны и международного права, против произвола квислинговцев выступили главные организации рабочих и служащих, крестьян и работников культуры. Формой протеста была подача коллективных петиций германскому наместнику (в апреле 1941 г. — от 22-х и в мае 1941 г. — от 43-х организаций). Оккупанты, поглощенные подготовкой к нападению на СССР, отвечали на эти выступления все грубее. 18 июня 1941 г., пригласив авторов второй петиции в свою штаб-квартиру (в помещении стортинга), Тербовец решительно отклонил их требования. Часть петиционеров была тут же арестована, одни организации были распу-

⁶⁷ The Norwegian Church Struggle. London, 1943.

щены, другие — поставлены под принудительное квислингское руководство.

Конец июня 1941 г. стал для Норвегии первым рубежом перехода от сопротивления легального к нелегальному. Отныне в одной общественной организации за другой возникали тайные руководящие центры, члены которых были известны лишь своим ближайшим помощникам⁶⁸. Большинство норвежцев чем дальше, тем неукоснительнее следовали их указаниям и лозунгам. Главной задачей гражданского Сопротивления и после ухода в подполье осталось противодействие фашизации. Норвежский историк Вюллер справедливо заметил, что квислинговцы как непосредственные враги народа служили для оккупантов своеобразным «громоотводом ненависти»⁶⁹.

После 22 июня 1941 г. фашисты пытались привлечь норвежцев на свою сторону назойливой пропагандистской кампанией по «борьбе с большевизмом». В целом эта кампания провалилась, если не считать поддавшихся на нее и упомянутых выше добровольцев, отправившихся на Восточный фронт служить в войсках СС. Основная масса норвежцев быстро прониклась сочувствием, а затем и восхищением к советскому народу, увидела именно в нем главную силу в борьбе с общим врагом. «Воля норвежского народа к сопротивлению, — писал впоследствии правый буржуазный историк, — повысилась в результате того примера, который ежедневно показывали русские своей бескомпромиссной и бесстрашной борьбой»⁷⁰.

Общая беда, общие национальные задачи постепенно сближали между собой ранее враждовавших буржуазных и социал-демократических политиков. Важной вехой на этом пути стали с лета того же 1941 г. периодические тайные встречи в Осло видных деятелей, преимущественно из среды крупной буржуазии, отчасти недавних членов Административного совета. Постепенно этот так называемый «Кружок» взял на себя связь с правительством от имени норвежского Сопротивления, направил в Лондон своего представителя Пауля Хартмана, вошедшего в число министров, стал распоряжаться денежной помощью правительства Сопротивлению. Наиболее видными участниками «Кружка» были члены Верховного суда Пол Берг и Фердинанд Шелдеруп, крупные предприниматели Том Шёнсберг и Ханс Халворсен, директор Норвежского государственного банка Гуннар Ян, адвокат Эйстейн Томмесен. От рабочего движения в «Кружке» участвовал секретарь НРП Эйнар Герхардсен, впрочем уже в сентябре 1941 г. арестованный и высланный в Германию⁷¹.

⁶⁸ *Gjelsvik T. Hjemmefronten. Oslo, 1977, s. 49.*

⁶⁹ *Wyller T. C. Nyordning og motstand. Oslo, 1958, s. XIX.*

⁷⁰ *Christensen C. A. R. Vårt folks historie. Oslo, 1963, Bd. 9, s. 284.*

⁷¹ *Grimnes O. K. Hjemmefrontens ledelse. Oslo, 1977, s. 121; Valen T. Op. cit., s. 166.*

Позже, зимой 1941/42 г., сложился непосредственно руководящий орган гражданского Сопротивления — Координационный комитет (КК), названный так в силу того, что он координировал деятельность разных общественных организаций, объединений и союзов, которыми всегда изобилвала Норвегия. Секретариат КК имел сеть своих людей по всей стране. Одним из двух «генеральных секретарей» КК был геолог Туре Ельсвик, так же как и члены «Кружка», человек сугубо правых взглядов. В отличие от «Кружка» с его весьма пожилым возрастным составом секретариат КК состоял из очень молодых людей. Независимо от КК и «Кружка», раньше их, еще весной 1941 г., возник подпольный центр военного Сопротивления по инициативе демобилизованных офицеров. Он получил сокращенное название «Милорг» и впоследствии непосредственно подчинялся не правительству, как гражданское Сопротивление, а норвежскому верховному командованию⁷². Структура «Милорга» с его 14 округами и подразделениями сложилась в течение 1942 г. Руководителем «Милорга» стал молодой буржуазный юрист Енс Кристиан Хауге — после войны министр обороны⁷³.

Свою главную задачу эти буржуазные организации видели в защите устоев буржуазно-демократического правопорядка и мировоззрения, в противодействии попыткам фашизации страны, в накоплении сил для освободительной борьбы в будущем, когда союзники высадятся в Норвегии. Преследуя такие задачи, гражданское Сопротивление прибегало в основном к различного рода протестам и пассивным средствам борьбы, т. е. гражданскому неповиновению, невыполнению призывов и приказов в первую очередь квислингских властей, к подаче в отставку и т. п. Военное Сопротивление ограничивалось в основном сбором и отправкой разведанных в Англию, оказанием помощи разведывательно-диверсионным действиям британского Управления специальных операций, а по мере увеличения военно-материальной помощи — накоплением оружия и обучением молодежи, приходившей в отряды «Милорга». Буржуазные центры Сопротивления настороженно, а то и враждебно относились к десантным операциям, к актам саботажа и диверсий, организуемым британским командованием. Три морских рейда с участием нескольких сот английских и норвежских солдат были весьма успешно проведены соответственно в марте и декабре 1941 г. в Северной и Западной Норвегии. Центры гражданского Сопротивления требовали согласования с ними подобных действий и добились от англичан такой координации⁷⁴, а впоследствии не раз возражали против

⁷² *Grimnes O. K.* Op. cit., pass.

⁷³ *Gjelsvik T.* Op. cit., s. 95, 100.

⁷⁴ *Kjeldstadli S.* Hjemmestyrkene. Oslo, 1964, pass.; *Petrick F.* Zum Verhältnis von antifaschistischem Widerstandskampf und alliierter Kriegsführung in Norwegen.—*Nordeuropa Studien*—10. Greifswald, 1977, S. 33—39.

воздушных налетов союзной авиации на промышленные центры оккупированной Норвегии. Особенно непримиримо буржуазные руководящие органы Сопротивления встречали попытки патриотов развернуть в стране партизанскую войну.

В первых рядах борцов с фашизмом, германским и местным, уже с осени 1940 г. находились норвежские коммунисты. Их нелегальная газета, еще стеклографированная, стала выходить в сентябре 1940 г.⁷⁵ В октябре того же года нелегальное собрание коммунистов Западной Норвегии — Вестланна — приняло резолюцию в поддержку руководства норвежских профсоюзов, добиваясь единства действий с социал-демократами⁷⁶. Терпя больше всех других запрещенных партий от арестов, компартия сумела создать свои ячейки на крупных предприятиях и сеть курьеров по всей стране.

Активное участие, несмотря на новые крупные аресты после нападения Германии на СССР, приняли коммунисты и в крупнейшем массовом выступлении рабочего класса — так называемой «молочной стачке» в сентябре 1941 г., первой и последней за годы оккупации. 30 июня 1941 г. реформистское руководство норвежских профсоюзов письменно потребовало от германского рейхскомиссара довести до конца переговоры о повышении зарплаты, освободить арестованных профсоюзных активистов, в том числе коммунистов, и вообще обеспечить профсоюзам нормальные условия деятельности⁷⁷. Протест ЦОПН получил широкую огласку и поддержку многочисленных профсоюзных организаций. Германские власти мелкими уступками попытались было успокоить рабочих. Вместе с тем 2 августа Тербовен объявил о возможном введении чрезвычайного положения и военно-полевых судов. Затем последовали распоряжения о сдаче радиоприемников, о введении трудовой повинности, а 8 сентября — о нормировании продажи молока и о прекращении продажи его по месту работы.

Распоряжение 8 сентября толкнуло рабочих норвежской столицы к выступлению против ухудшения питания, роста цен при почти неизменной зарплате, против вывоза полноценных продуктов в Германию. Уже 10 сентября, несмотря на угрозы лучше осведомленного о планах оккупантов профсоюзного руководства, стихийно забастовали коллективы крупнейших столичных предприятий, прежде всего машиностроители «Акерс механиске verkstad», в общей сложности около 25 тыс. человек. Немедленно начались новые аресты профсоюзных активистов, которых хватали прямо на собраниях. 10 сентября в Осло было введено чрезвычайное положение: забастовки и любое нарушение «мира на производстве» запрещались под угрозой военно-полевых судов; в «беспорядках»

⁷⁵ 50 år i kamp. Oslo, 1973, s. 36.

⁷⁶ Ibid., s. 40.

⁷⁷ *Skar A. Fagorganisasjonen under okkupasjonen*. Oslo, 1949, s. 322.

ложко обвинялись «коммунисты и марксисты». Улицы города патрулировались пемецкой и квислинговской полицией (норвежская полиция почти целиком присоединилась к «Нашунал самлинг»). В тот же день было объявлено об осуждении на длительные сроки нескольких профсоюзных активистов и о приговоре двоих — Вигго Хапстеена и Рольфа Викстрёма — к расстрелу. Юридический консультант ЦОПН Хапстеен был близок к коммунистам, социал-демократ Викстрём возглавлял профсоюз на вагоностроительном заводе «Скабо». Оба были против забастовки, но давно находились на плохом счету у фашистских властей ⁷⁸.

11 сентября забастовка прекратилась, чрезвычайное положение было отменено. Сентябрьские выступления и первые политические убийства стали, однако, рубежом окончательного перехода от легального Сопrotивления к нелегальному, способствовали сближению социал-демократов и коммунистов. Помещения и денежные фонды ЦОПН были захвачены фашистами, и немногие спасшиеся от арестов профсоюзные руководители перешли на нелегальное положение в соответствии с циркуляром ЦОПН, распространённым еще в июле. Сентябрьская волна арестов и особенно новая — в начале 1942 г. — настолько ослабили социал-демократическое руководство рабочего движения, что для его восстановления потребовались многие месяцы, и удельный вес НРП и профсоюзов в руководстве Сопrotивлением оказался весьма малым ⁷⁹.

Репрессии второй половины 1941 г. ударили и по компартии. В частности, были арестованы и высланы в Германию генеральный секретарь КПН Генри В. Кристиансен и руководитель партийной организации в губернии Осло — Акерсхус Ю. Странд-Юхасеп, причем первый из них вскоре умер в тюрьме от тифа. Позже погибли в Норвегии оргсекретарь ЦК Оттар Ли, руководитель норвежской коммунистической молодежи Арпе Гаусло, в общей сложности — 21 член ЦК партии.

Наиболее сильные позиции коммунисты имели в Вестланне — на предвыборных коммунальных выборах в Бергене они собрали 24% голосов ⁸⁰ — и в заповедном Фисмарке. В Бергене работал и член руководства КПН Педер Фюрботн, избранный на подпольном заседании ЦК в Осло (декабрь 1941 г.) генеральным секретарем ⁸¹. На заседании была определена общая линия партии в борьбе с оккупантами и квислинговцами. Она предусматривала создание единого фронта всех патриотических сил; заключение временного союза с буржуазными партиями на основе общих национально-освободительных и антифашистских целей; продолже-

⁷⁸ *Skar A. Op. cit.*, s. 346, 348.

⁷⁹ *Gjelsvik T. Op. cit.*, s. 58—59.

⁸⁰ 50 år i kamp, s. 43.

⁸¹ *Vårt partis politikk under krigen. Oslo, 1945*, s. 29—35; *Tillestad T. I kamp, i krig. Peder Furubotn 1942—1945. Oslo, 1977*.

ше раскола рабочего класса и достижение единства действий КПН и НРП; поддержку эмигрантского правительства, ставшего на путь вооруженной борьбы с фашистской Германией; всемерное развертывание активной вооруженной борьбы, создание диверсионных групп и партизанских отрядов.

Таким образом, в Норвегии существовали две линии Сопротивления — активная и пассивная. В своем неприятии «партизанской» линии коммунистов буржуазное руководство Внутреннего фронта было как раз очень активно. «Кружок» сумел убедить и эмигрантское правительство, и руководство «Милторга» в ненужности и недопустимости в Норвегии «югославских» методов борьбы⁸². Буржуазные руководящие органы норвежского Сопротивления упорно не пускали в свой состав коммунистов, неохотно делились с ними получаемой извне денежной помощью, оружием.

Эти обстоятельства обусловили такую характерную черту норвежского Сопротивления, как преобладание в нем — в отличие от соседнего датского — невооруженных форм борьбы. Разумеется, и для гражданского отпора фашистам нужны были организованность и мужество. Участники гражданского Сопротивления тоже постигала жестокая расправа. Так, аресты обрушились на инициаторов забастовки солидарности в университете Осло в сентябре 1941 г. — ректор профессор Д. А. Сейп, член того же «Кружка», был арестован и на все время оккупации отправлен в концлагерь. Несмотря на смертную казнь, грозившую издателям и распространителям подпольной печати, тираж и влияние ее неуклонно росли. Широкой популярностью пользовались газеты — издаваемый Координационным комитетом «Бюллетень» и реформистская «Фри фэгбевегельсе» («Свободное профдвижение»), «Лондон-нютт» («Новости из Лондона») и др. Всего учтено 300 разных периодических подпольных изданий с тиражом от нескольких сот до 15—20 тыс. экземпляров. Общий максимальный тираж их по стране (в конце 1943 г.) достигал 300 тыс. экземпляров в месяц, в распространении участвовало до 20 тыс. человек⁸³.

Важную, а временами и преобладающую часть этих изданий составляли газеты и бюллетени компартии: «Фрихетеп» («Свобода»), «Алт фор Норге» («Все для Норвегии»), «Радио-нютт» («Радио-новости»), «Саботёрен» («Саботажник»), «Норшк унгдом» («Норвежская молодежь»), «Квиннефронтен» («Женский фронт»), «Бюгд о бю» («Село и город»). Главные издания компартии уцелели от разгрома, постигшего в 1944 г. ряд буржуазных газет, и выходили до самого конца войны⁸⁴.

⁸² Regjeringen og Hjemmefronten under krigen. Oslo, 1948, s. 87, 109—111.

⁸³ *Luihn P.* De illegale avisene. Oslo, 1960; *Christensen C. A. R.* Norge under okkupasjonen. Oslo, 1965, s. 72.

⁸⁴ 50 år i kamp, s. 46—48; *Барсуков И. И.* Печать норвежских коммунистов в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. — Скандинавский сборник. Таллин, 1964, вып. 8, с. 132—150.

Подпольная печать поддерживала патриотический и антифашистский дух лишенного радиоприемников населения, что было особенно важно в пору германских военных успехов, до осени 1942 г. Ведя неравную борьбу, неся тяжелые потери, норвежские патриоты черпали моральную поддержку в известиях с Восточного фронта, принимавшихся подпольными радиоприемниками и распространявшихся антифашистской печатью. «В сообщениях подпольных газет слово „Сталинград“ занимало центральное место... — пишет исследователь этой печати. — Тракторный завод „Красная баррикада“ и металлургический завод „Красный Октябрь“ не сходили со страниц подпольных газет. Газеты были полны восхищения перед русскими солдатами»⁸⁵.

С согласия Тербовена объявив себя 1 февраля 1942 г. главой «национального правительства», Квислинг остался орудием оккупантов и удвоил свои усилия по созданию фашистского строя в Норвегии. Одна за другой проводились — и срывались Внутренним фронтом — кампании по фашизации школьного преподавания и детских организаций, по привлечению новых групп населения к трудовой повинности. В марте 1942 г. было арестовано и брошено в концлагерь 1300 школьных учителей (из общего числа 14 тыс. человек), не пожелавших вступать в фашистские организации. Подавляющее большинство лютеранских пасторов по примеру епископов отказались признать Квислинга светским главой церкви и ушли с государственной службы, оставив за собой лишь чисто духовные обязанности. Сорвана была в том же 1942 г. и попытка квислинговцев созвать корпоративное национальное собрание (рикстинг) взамен выборного парламента.

Важной составной частью гражданского Сопротивления была организация выезда за границу — в Англию и Швецию — норвежцев, опасавшихся арестов, трудовой мобилизации или желавших вступить в норвежские войска за рубежом. В Швецию таким образом было переброслено по лесным и горным тропам 50 тыс. человек, в Англию через Шетландские острова опасным морским путем — вывезено свыше 5 тыс. (более 300 человек при этом погибло), так что даже возникло название для этого маршрута — «шетланд-бусс» («шетландский автобус») ⁸⁶. В конце 1942 г. борцам Сопротивления удалось спасти от ареста и переправить в Швецию больше половины из 2 тыс. проживавших в Норвегии евреев — остальные были высланы в Германию и погибли ⁸⁷. Центры выезда и связи с Британскими островами, места приема агентов отсюда располагались на западном побережье страны, в рыбацких поселках. В апреле 1942 г. после убийства в стычке с патриотами двух гестаповцев в поселке Телавог (близ Бергена),

⁸⁵ *Luihn H.* Op. cit., s. 99 (в оригинале неточность. — *Ред.*).

⁸⁶ *Ulstein R.* Englandsfarten. Oslo, 1967, Bd. 2, s. 375.

⁸⁷ *Gjelsvik T.* Op. cit., s. 79.

последний был сожжен, 76 жителей-мужчин были отправлены в концлагерь Заксенхаузен, где половина погибла, а старики, женщины и дети интернированы в Норвегии⁸⁸.

Отдельные диверсии — взрывы на военных предприятиях и железных дорогах, нападения на гестаповцев, ликвидация особо опасных предателей — вызывали все более жестокие репрессии. Так, осенью 1942 г. было временно введено чрезвычайное положение в губернии Трённелаг, были взяты и казнены заложники из не причастного к вооруженной борьбе населения.

Всего за годы оккупации погибло более 2 тыс. участников Сопротивления. 20 тыс. норвежцев прошли через немецкий концлагерь Грини близ Осло, в том числе цвет норвежской интеллигенции⁸⁹. Еще страшнее были Заксенхаузен и женский лагерь Ра-венсбрюк в Германии.

Особенно жестоко фашисты расправлялись с членами диверсионно-разведывательных групп, прибывавших из Англии. Норвежцы прозвали их «парни Линге» (по имени первого командира такого отряда, артиста по профессии, Линге, погибшего в бою во время декабрьского рейда 1941 г.). Несмотря на форменную одежду, фашисты в случае захвата десантников не считали их за пленных и казнили. К числу наиболее успешных операций «парней Линге» принадлежал взрыв крупной электростанции в Гломфьорде, обслуживавшей алюминиевую фабрику (сентябрь 1942 г.), после чего, однако, семеро норвежцев были схвачены и казнены. 28 февраля 1943 г. другая группа во главе с Й. Рённебергом и Х. Хаукелидом после предыдущих неудачных попыток совершила успешную диверсию против фабрики тяжелой воды — незаменимого исходного материала при разработке ядерного оружия. Взрывом было уничтожено полторы тонны этого уникального в то время вещества и разрушена часть аппаратуры. Оставшийся запас тяжелой воды был взорван и утоплен патриотами при перевозке его в Германию в начале 1944 г.

В течение 1943 г. боевые группы, большинство которых возглавляли коммунисты, провели несколько успешных диверсий: против штаба оккупационных войск в Тропхейме, на железнодорожных путях и в тоннелях, взорвали бомбу в Национальном театре в Осло перед показом фашистской пьесы, устроили взрывы в конторе трудовой повинности и одном из полицейских участков Осло. За голову неуловимого «Освальда» (коммуниста Асбьёрна Сунне), организатора наиболее дерзких диверсий в районе Осло, гитлеровцы назначили награду в 50 тыс. крон⁹⁰. Норвежцы привыкли видеть в коммунистах наиболее решительных и активных борцов.

⁸⁸ NKS oppslagsbok. Oslo, 1946, sp. 1248.

⁸⁹ Norsk militært tidsskrift, 1971, N 11, s. 534; Norges historie. Oslo, 1979, Bd. 13, s. 393.

⁹⁰ Sunde A. Menn i mørket. Oslo, 1947.

Недовольство пассивностью буржуазных сил Сопротивления после перелома в войне заметно усиливалось.

В феврале 1943 г. квислинговцы, поддерживая курс гитлеровцев на «тотальную мобилизацию», объявили о принудительной регистрации всех трудоспособных мужчин и женщин, как оказалось, для военных заводов и немецкого военного строительства в самой Норвегии. Разногласия среди буржуазных руководителей Сопротивления, их нерешительность позволили фашистам успешно провести не только регистрацию, но и частично трудовую мобилизацию молодежи⁹¹. Ободренный этим, Квислинг осенью 1943 г., объявив перед тем «состояние войны» Норвегии с СССР, начал новую кампанию по вербовке норвежцев в войска СС на Восточный фронт и одновременно подготовку новой трудовой мобилизации молодежи как прикрытия для последующей военной мобилизации. Срыв получившего огласку замысла стал главной задачей всех организаций Сопротивления на рубеже 1943—1944 г. Для этого был создан особый подпольный комитет, в котором участвовали и представители компартии. Весной 1944 г. был совершен ряд успешных нападений, в том числе боевыми группами коммунистов, на архивы трудовых контор с картотеками мобилизуемых в Осло, Шене, Улефоссе, Сарпсборге. Для бойцов «Милорга» эти нападения были первым боевым опытом⁹². Зная о предстоявшей регистрации призывников 1921—1923 г. рождения, руководство Внутреннего фронта через свою печать в мае 1944 г. призвало население к бойкоту регистрации.

Плодом этих усилий было крупнейшее политическое поражение квислинговцев. Из 70 тыс. подлежащих регистрации явилось лишь 300 человек. Тысячи людей вынуждены были скрыться в лесах и горах, где из них создавались новые отряды «Милорга», уйти в Швецию. Для их снабжения по всей стране тайло собирались продукты, одежда, деньги. На базы «Милорга» теперь доставлялись продовольствие и военные материалы и из Швеции. Ушедшая в Швецию молодежь мужского пола пополнила формирующиеся там с 1943 г. отряды норвежской военной полиции, насчитывавшей во второй половине 1944 г. около 14 тыс. человек⁹³.

Боевой норв. порвежских патриотов сдерживался, однако, и после открытия второго фронта на Западе. Ввиду отсутствия у западных союзников плана наступательных операций в Скандинавии директива их командования — так называемая «директива Эйзенхауэра» — не поощряла открытых вооруженных действий в Норвегии. От «Милорга» по-прежнему ждали накопления сил, приема растущих поставок вооружения (с воздуха); крупные выступления допускались в случае применения оккупантами такти-

⁹¹ *Gjelsvik T.* Op. cit., s. 106.

⁹² *Norges historie*, Bd. 13, s. 432.

⁹³ *Ihlen J., Kugelberg B.* *Frendefolk*. Oslo, 1945, s. 69.

ки «выжженной земли». Союзное командование разрешало лишь ограниченные нападения на специально намеченные цели⁹⁴. Так, силы Сопротивления осенью 1944 г. уничтожили крупные немецкие военные склады и морские суда в районе Осло (50 тыс. тоннажка — операция коммунистической группы), провели две крупные операции по взрыву множества участков железнодорожного полотна в декабре — январе 1944—1945 гг. и в марте 1945 г. (в последнем случае действовали более тысячи бойцов «Милорга») с целью помешать отправке германских войск на Западный фронт.

Ведущую роль коммунистов в вооруженном Сопротивлении и на заключительном этапе войны признавали сами оккупанты. Так, штаб оккупационных войск в сообщении от 18 августа 1944 г. доносил в Берлин: «Коммунисты здесь хорошо организованы и представляют собой самую активную силу движения Сопротивления... Они создали особые, так наз. диверсионные и партизанские отряды, а также разведывательные отряды связи. В результате операций, проведенных охранной полицией, был арестован ряд руководителей таких отрядов. При этом выяснилось, что штабквартиры руководителей коммунистической партии большей частью находятся в высокогорной и болотистой местности... Наряду с этими главными организациями имеются также небольшие группы, которые по заданию из Англии выполняют шпионские поручения, ведут радиопередачи, переправляют беженцев в Швецию и выполняют отдельные диверсионные задания... Коммунисты развернули чрезвычайно активную деятельность по вербовке бежавшей молодежи в свои отряды»⁹⁵.

Среди коммунистов — героев Сопротивления получили известность ветераны интернациональных бригад Турвал Даллан и Пурман Иверсен из Бергена; руководитель коммунистов Вестланна, расстрелянный гитлеровцами Бьярне Даллан; руководитель коммунистов Осло в 1943—1944 гг. Торкиль Якобсен; руководитель боевой группы в Тронхейме коммунист Генри Тингстад, казненный немцами (с ним был казнен и учитель Педер Морсет, увековеченный вместе со всей семьей Морсетов в известной книге П. Ханссона⁹⁶); далее — это редакторы главного органа КПН «Алт фор Норге» Свале и Турольф Сулхеймы, редактор другой подпольной газеты коммунистов — «Фрихетен» Арне Густавсен; руководители диверсионных групп — уже названный ранее А. Сунне и Рагнар Сулли (по кличке «Пелле»). Некоторые из них встретили день победы в фашистской камере смертников, например Мартин Гуннар Кнутсен, нынешний председатель КПН. Назовем среди многих других казненного моряка-интербригадов-

⁹⁴ Riste O., Nökleby B. Op. cit., p. 75; Gjelsvik T. Op. cit., s. 222.

⁹⁵ Архив Министерства обороны СССР (далее — АМО СССР), ф. 6598, оп. 725168, д. 331, л. 323/4, л. 49—50.

⁹⁶ Русское издание: Ханссон П. Если даже отнимут жизнь... М., 1965.

ца Уле Карлсена, казненного Боргара Ауне Кнутссена — командира лесного лагеря коммунистов в Эггдале⁹⁷.

Участвуя в первой радиодискуссии о вкладе коммунистов в освободительную борьбу, виднейший норвежский специалист по военной проблематике, буржуазный профессор Магне Скодвин заявил в 1969 г.: «Одно несомненно: коммунисты имели в движении Сопротивления необычную для нашей страны, хорошо построенную и действенную организацию и, понеся большие и страшные потери, не дали себя сломить»⁹⁸.

Множество героев и просто мужественных патриотов выдвинуло и буржуазное Сопротивление; это уже названный командир первых десантников Мартиц Линге; «агент № 24» Гуннар Сёнстебю, организатор успешного взрыва артиллерийского завода в Конгсберге (сентябрь 1944 г.) и захвата крупного груза продовольственных карточек (август 1944 г.); специалист по прикреплению магнитных взрывных устройств к немецким судам Макс Манус; главный перевозчик беглецов Лейф Андреас Ларсен («шпетадский Ларсен»), 52 раза пересекавший Северное море; первые публичные застрельщики отпора оккупантам осенью 1940 г. — врач Юхан Шарфелберг и журналист, социал-демократ Трон Хегна; организатор и руководитель первой крупной организации Сопротивления, почтовый экспедитор из Бергена Кристиан Стейн, казненный в 1943 г.; полковник Габриель Луни, проведенный 32 месяца в гестаповской камере смертников в Осло; скульптор Лауриц Санн (р. 1879 г.), пославший союзникам 5 тыс. микрофильмов с разведанными, проведенный затем 1395 дней в заключении и перенесший страшные пытки; организаторы союзной разведки в оккупированной Норвегии Свен Мидтскау, Малькольм Мунте, Кнут Хаугланн; патриоты, ради общего дела годами игравшие роль преданных квислинговцев и сотрудников гестапо, Гупвал Томстад и Свен Дюсте; многолетние узники фашистских концлагерей, писатели Рональд Фагген, Арнульф Эверланн и др.⁹⁹

Срыв фашистской мобилизации и учащение актов саботажа в 1944 г. укрепили авторитет центрального буржуазного руководства Внутреннего фронта, вполне сложившегося только к осени 1943 г. Весной и летом 1944 г. это анонимное руководство впервые выступило перед общественным мнением страны под сокращенным названием ХЛ (от «Hjemmefrontens ledelse», т. е. «руководство Внутреннего фронта») и получило широкое признание

⁹⁷ Правда, 1978, 29 септ.; 50 år i kamp, s. 43—46, 52, 54, 56, 61; *Grimnes O. K.* Op. cit., s. 468—477.

⁹⁸ 50 år i kamp, s. 53; *Titlestad T.* I kamp, i krig. Peder Furubotn 1942—1945. Oslo, 1977.

⁹⁹ *Christensen C. A. R.* Dåd. Med livet som innsats i krigstidens Norge. Oslo, 1965; *Kristian Stein* og hans menn. Bergen, 1948; *Hansson P.* Det største spillet. Oslo, 1965; *Haug K.* Lauritz Sand. Oslo, 1958; *Lund G.* Dødsdømt. Oslo, 1948; *Manus M.* Det vil helst gå godt. Oslo, 1945.

Советские военнопленные в Норвегии

народа¹⁰⁰. Его программное заявление, выдержанное в общедемократическом духе и облатородованное в мае 1944 г., было поддержано коммунистами. Программа включала следующие положения: 1) свободная и независимая Норвегия; 2) немедленное восстановление демократии, свободы, законности и проведение свободных выборов; 3) отмена всех законов, изданных оккупантами и Квислингом; 4) освобождение и восстановление в правах политзаключенных; 5) наказание военных преступников и активных квислинговцев; 6) восстановление хозяйства, расширение социального обеспечения и т. п.¹⁰¹

Компартия поддержала и следующую программную декларацию Внутреннего фронта — от марта 1945 г. Действия боевых групп компартии и «Милорга» стали согласованные к концу войны. Подпольные организации разного политического направления сотрудничали между собой, помогали друг другу. Тем не менее руководство Внутреннего фронта наотрез отказывалось включить в свой состав коммунистов либо создать новое объединенное руководство Соппротивлением с участием коммунистов по примеру датского Совета свободы. Такое руководство под названием Совет свободы было создано только в Вестланне в мае 1944 г. Несмотря

¹⁰⁰ Grimnes G. K. Op. cit., s. 320—323.

¹⁰¹ Regjeringen og Hjemmefronten, s. 403—404.

на его левобуржуазное большинство, новый Совет был встречен враждебно центральным руководством Внутреннего фронта в Осло¹⁰².

Неудивительно, что руководство Внутреннего фронта имело в левых кругах Сопротивления репутацию крайне правого. Действительно, Внутренний фронт, несмотря на демократическую фразеологию, был склонен установить на ближайший период после освобождения консервативный антипарламентский режим, не созывая стортинга в его составе 1940 г. и не восстанавливая выборного коммунального самоуправления, разрушенного квислинговцами. «Нам надо быть особенно бдительными в защите демократии в послевоенное время... Реакция стремится к диктатуре меньшинства», — предостерегали коммунисты¹⁰³. Буржуазное руководство Внутреннего фронта отвечало печатными нападениями на компартию.

Особой разновидностью пародного Сопротивления фашизму стала помощь советским и югославским военнопленным. Особенно много лагерей для военнопленных было в Северной Норвегии. Военнопленные жили в ужасающих условиях — 3 тыс. советских людей из 80 тыс., по норвежским данным, погибли. Рискуя подвергнуться наказанию и делаясь собственным скудным пайком, привлекая к делу помощи своих знакомых, рядовые мужчины, женщины, подростки спасали жизнь сотням людей. За такую помощь после войны были награждены советскими орденами и медалями «русская мама» Мария Эстрём и ее муж Рейнгольд, Сверре Бьерва, Ханс Вара, Ольга Викки, Карл Ульсеп, Софус Невершюнд, Руал Педерсен, Сигвард Ларсен, Бьярне Педдари, Харальд Кнютсен, Эйвин Хейде и другие — около 80 человек¹⁰⁴. Добрую славу спискала и «югославская мама» Хирстен Свиненг, саамская крестьянка из Карасйока.

Больше того, норвежцы помогали пленным бежать, укрывали их, переправляли к партизанам. Подпольные организации военнопленных устанавливали связь с норвежскими борцами Сопротивления. В 1943—1945 гг. на окраине норвежской столицы, в Эттерстаде, действовала смелая советско-норвежская подпольная организация. Организация помогла бежать из плена многим советским военнослужащим. Те, в свою очередь, нередко пополняли партизанские отряды Сопротивления. Можно назвать лейтенанта Лсонида Каалбу, Якова Половникова из Баку, Александра Веташева, Владимира Гудова из Анапы — командира

¹⁰² Krigen i Norge, s. 168—171; *Grimnes O. K.* Op. cit., s. 330 etc.

¹⁰³ Vårt partis politikk under krigen, s. 92—95; Regjeringen og Hjemmefronten, s. 551.

¹⁰⁴ Правда, 1958, 12 ноября; 1962, 3 февр.; 1964, 30 июня; 1966, 20 янв.: *Эстрём М.* Дневник «русской мамы» / Пер. с норв. М., 1959; За рубежом, 1979, № 4, с. 12.

Вокзальная площадь в Осло после взрыва в марте 1945 г.

«русского взвода» в составе партизанского отряда в районе Драммена, Платона Исакова с Алтая, Петра Голубчикова из Ленинграда¹⁰⁵.

На крайнем севере Норвегии, в восточном Финмарке, местные патриоты выполняли разведывательные задания советского командования. После фашистской оккупации большая группа коммунистов Финмарка с семьями на лодках бежала в Мурманск. Еще до фашистского нападения на СССР налажил лодочную связь с советской стороной рыбак Улаф Ларсен из Хиберга, упоминавшийся в первых сводках Совинформбюро о военных действиях. После 22 июня норвежцы просили дать им возможность участвовать в общей борьбе. Пройдя соответствующую подготовку, они тайно возвращались в родные края и с риском для жизни доставляли лично и по радио ценные сведения. Впоследствии советскими орденами и медалями были награждены члены семейства Халвари — Оге и Альфред, Трюгве Эрикссен из Хиберга и др. Смертью храбрых пали Ингольф Аспос, Ивар Эриксен, Альф Сиблуни¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Норвежские были. Воспоминания о борьбе против фашизма. М., 1964; *Искры* М. В борьбе против гитлеровских оккупантов Норвегии.— Новая и новейшая история, 1964, № 6, с. 133; *Он же*. Письма узников Эттерстада.— Вопросы истории, 1967, № 1, с. 100—107.

¹⁰⁶ *Eriksen H. K. Partisaner i Finnmark*. Oslo, 1969; 50 år i kamp, s. 44; *Sovjet-Nytt*, 1979, N 23 (воспоминания Н. П. Крымовой).

Советско-норвежское боевое содружество получило, таким образом, самое прочное и зримое воплощение. Вклад норвежцев в общее дело победы не ограничился, однако, борьбой против оккупантов на родине.

ВКЛАД НОРВЕЖЦЕВ В БОРЬБУ С ФАШИЗМОМ ЗА РУБЕЖОМ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЭМИГРАНТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Двухмесячная кампания в Норвегии отличалась сравнительно небольшими людскими потерями: 1700 норвежцев, более 5 тыс. западных союзников, более 5 тыс. немцев. Но операция стоила последним большей части их военно-морских сил, что помешало Редеру вести крупные операции против Англии летом и осенью 1940 г.¹⁰⁷

Капитуляция сухопутных сил Норвегии 10 июня 1940 г. не означала ни официального, ни фактического прекращения войны ее против фашистской Германии. Однако создавать вооруженные силы страны теперь предстояло за рубежом, в странах Британского Содружества, и в значительной мере запово.

Норвежское эмигрантское правительство и командование начали свою деятельность в Лондоне с малыми кадрами и в тяжелых условиях. Летом 1940 г. лондонское правительство решительно порвало с умеренными коллаборационистами-пораженцами в оккупированной Норвегии. При нем были запово аккредитованы посланники США и ряда европейских эмигрантских правительств. Наладились тайная связь с порабощенной родиной и антинацистская радиопропаганда на Норвегию. Отдельные попытки британских государственных ведомств использовать затруднительное положение норвежского правительства в своекорыстных империалистических интересах (заполучить норвежский торговый флот и золотой запас) удалось отбить.

Упавший после событий 9 апреля престиж Кута (несмотря на проявленные затем патриотизм и личное мужество), крушение политики нейтралитета, глашатаем которой он был, необходимость более тесного сотрудничества с Англией — таковы причины замены Кута другим членом кабинета — Трюгве Ли (ноябрь 1940 г.). Ли в отличие от Кута решительно отвергал политику былого нейтралитета и изоляционизма и был сторонником всемерного сближения с Англией не только на военное, но и на послевоенное время. Уже в конце 1940 г. Ли публично развивал идею атлантического блока Норвегии с англосаксонскими державами¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Носков А. М. Указ. соч., с. 122—124 (включая раненых).

¹⁰⁸ Кан А. С. Указ. соч., с. 189 и след.; *Udgaard N. M. Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy... November 1940 — February 1948. Oslo, 1973, p. 24 etc.*

Трюгве Ли

На протяжении 1940 г. вырос норвежский вклад в войну с Германией. Главным делом норвежцев стало обслуживание грузовых океанских перевозок из США в Англию, особенно нефти, из Англии в Африку. Реквизированный норвежским правительством торговый флот свободной Норвегии с его 4 млн. брутто-т был важным фактором в битве за Англию. Норвежские вооруженные силы пришлось создавать заочно. Сотрудничество с англичанами было оформлено первым военным соглашением в истории Норвегии (май 1941 г.)¹⁰⁹.

В первый период деятельности лондонского эмигрантского правительства советско-норвежские отношения оставались удовлетворительными. В Москве по-прежнему действовала норвежская миссия. Норвежские патриоты, покидавшие родину для присоединения к вооруженным силам в Канаде и Англии, беспрепятственно пропускались через нашу страну. В Лондоне контакт поддерживался через посла в Англии И. М. Майского, в Стокгольме, где обосновался ряд норвежских учреждений, — через посланника А. М. Коллоптай, давнего друга норвежского народа. Советское правительство заверяло норвежских представителей в своем желании вновь увидеть Норвегию свободной.

¹⁰⁹ *Кан А. С.* Указ. соч., с. 180 и след.; *Riste O.* «London-Regjeringa». Norge i krigsalliansen 1940—1945. Oslo, 1973, Bd. 1, s. 233 etc., Bil. II.

После нападения Германии на Советский Союз правительство Нюгорсволла — Ли немедленно заявило о поддержке им Советского Союза и призвало соотечественников в оккупированной Норвегии не помогать фашистам в их новом акте агрессии.

Вскоре Советское правительство предложило норвежскому, наряду с восстановлением дипломатических отношений, расторгнутых в мае 1941 г., заключить соглашение о взаимной помощи (по типу советско-чехословацкого) и организовать с участием Англии совместную оборону архипелага Шпицберген, лежавшего близ кратчайших морских путей между СССР и западными союзными державами. Однако норвежское правительство — не без подсказки из Форин оффис — предпочло ограничиться одним восстановлением дипломатических отношений. Это и было сделано в форме обмена письмами между Т. Ли и И. М. Майским в августе 1941 г. На Шпицбергене были лишь разрушены промышленные объекты во избежание использования их врагом и благополучно вывезено все местное население — советское и норвежское. До конца 1941 г. эмигрантское правительство в одностороннем порядке поддерживало дипломатические отношения с сателлитом Гитлера — Финляндией, хотя и пыталось вместе с Англией добиться выхода финнов из войны. Уклончиво вело себя норвежское правительство и в отношении советской просьбы о фрахте норвежских торговых судов.

В самом начале Отечественной войны Советское правительство предложило английскому совместный десант в Северной Норвегии с участием норвежской воинской части. Вопрос обсуждался и во время переговоров Идена в Москве (декабрь 1941 г.). Так возник в 1942 г. проект северонорвежской операции «Юпитер», участвовать в которой соглашалось и советское руководство. Проект, однако, был забракован англо-американскими стратегами, предпочитавшими ему десант в Северной Африке¹¹⁰. Просочившиеся в печать сведения об этих замыслах побуждали Гитлера сохранять значительные силы армии, морского флота, авиации в Норвегии.

После 22 июня 1941 г. активизировались военные действия на всех фронтах. Выросли и операции норвежского военно-морского флота, вступили в бой первые летные соединения. Однако главным вкладом норвежцев в общее дело была героическая работа моряков торгового флота по перевозке грузов, особенно нефтепродуктов, для союзников. Временами «Нортрашил» — крупнейшая судоходная компания мира, созданная при норвежском эмигрантском правительстве, обслуживала до 40% всех перевозок в Англию. По словам британского министра иностранных дел военного

¹¹⁰ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957, т. 1, с. 13, 23, 45, 48—49, 50—52, 70; *Guyer G. M. A., Butler J. R. M. Grand Strategy. London, 1964, vol. 3; Носков А. М. Указ. соч., с. 169 и след.*

Норвежские торпедные катера в Ла-Манше, 1942 г.

времени, норвежский торговый флот был для англичан полезнее, чем миллион солдат¹¹¹.

Необходимость восполнения понесенных потерь, особенно торговых судов, побуждала норвежское правительство искать возможно тесного контакта с США (поездка Нюгорсволла в Вашингтон весной 1942 г.). Условия двустороннего соглашения о ленд-лизе (июль 1942 г.) оказались для Норвегии благоприятнее, чем для большинства других равновесных партнеров США.

Важное место во внешней политике Норвегии по-прежнему занимала Швеция. Отношения с нею были противоречивы. С одной стороны, шведы разрешили транзит германских войск в Норвегию и, наоборот, свели до минимума свои официальные дипломатические отношения с эмигрантским правительством, задерживали у себя норвежские суда, реквизируемые им и зафрахтованные Англией. С другой стороны, шведские власти покровительствовали норвежским беженцам, не препятствовали налаживанию связей между норвежским подпольем и эмигрантскими кругами через Швецию. В Швеции росло общественное движение по оказанию гуманитарной помощи братскому народу, в печати проводилась кампания против фашистского террора в Норвегии.

В целом, пока шведы нарушали свой нейтралитет в пользу Германии, норвежско-шведские отношения оставались напряженными. Глубина расхождений проявилась в острой газетной поле-

¹¹¹ *Lindbaek I. Tusen norske skip. En antologi. Oslo, 1948.*

мике 1942 г. за (шведы) и против (норвежцы) планов так называемой северной федерации, союза нейтралов — планов, популярных в Швеции, Дании и Финляндии того времени (идеи нордизма, или неоскандинавизма)¹¹². В противовес им норвежские эмигрантские политики развивали свою излюбленную идею североатлантического блока, имевшая теперь в виду тесное сотрудничество участников будущего блока, в особенности самой Норвегии, с Советским Союзом. Советская сторона отнеслась к этим планам с интересом: достоинством норвежской точки зрения было, во всяком случае, решительное отклонение норвежцами антисоветских проектов европейских континентальных федераций всякого рода.

С переломом в ходе войны Норвегии в военных планах союзников отводилось все меньшее место. Приготовления к высадке в Норвегии — план «Бодигард» — в начале 1944 г. носили уже чисто маскировочный характер. Западные союзники не собирались специально тратить силы на освобождение этой «периферийной» страны. Соответствующие пожелания норвежского правительства неизменно отклонялись. По крайней мере с осени 1943 г. норвежское командование в своих планах исходило уже из предположки не вторжения туда англо-американцев, а эвакуации оттуда немцев. Попытка получить помощь западных союзников для собственной экспедиции в Северную Норвегию была тщетной.

После битвы на Волге, а еще больше со времени перехода Советской Армии в общее наступление лондонское правительство все больше прислушивалось к мнению Москвы. Пресловутый североатлантический проект мыслился теперь как региональное дополнение к будущей международной организации безопасности, а затем и вовсе был самими норвежцами отложен как несвоевременный — не без совета Форин оффис. Хотя норвежские политики были не чужды страхов перед «русской атлантической экспансией», они резко отрицательно отнеслись к антисоветским козням польских реакционеров в Лондоне.

Затяжные норвежско-американские переговоры велись в Вашингтоне о восполнении корабельных потерь Норвегии и улучшении условий фрахта норвежских судов. К моменту успешного окончания переговоров (февраль — март 1943 г.) в Вашингтон прибыл Т. Ли — первая поездка нового министра иностранных дел за границу. Он получил от Рузвельта обещание военно-материальной помощи, но был озадачен идеей президента об интернационализации портов Северной Норвегии. Норвежским политикам опять мерещилась «русская угроза», пока они не убедились в полной непричастности советской дипломатии к этому вскоре забытому проекту¹¹³.

¹¹² См.: *Hubatsch W. Die nordischen Unionsbestrebungen 1920—1940.* — In: *Hubatsch W. Die Unruhe des Nordens.* Göttingen, 1956.

¹¹³ *Riste O. Free Ports in North Norway. A Contribution to the Study of FDR's*

Подписание советско-норвежского соглашения
16 мая 1944 г. в Лондоне.
Слева — посол СССР В. З. Лебедев.

Весной того же 1943 г. по норвежской инициативе состоялись переговоры с английским правительством о будущих взаимоотношениях союзного командования с норвежской гражданской администрацией на освобожденной части страны. Англо-американские препирательства затянули разрешение вопроса, и соглашения были заключены отдельно с Англией, США и СССР лишь 16 мая 1944 г. на основе норвежского проекта. Норвежское правительство получало гражданскую власть на освобожденной территории, как только это позволяла военная обстановка. Тем самым великие союзные державы обязались всемерно уважать суверенитет Норвегии¹¹⁴.

Два из этих соглашений — с западными союзниками — серьезного значения не имели, ибо те уже твердо решили не появляться в Норвегии до общей капитуляции гитлеровцев. Освобождение страны начала Советская Армия в октябре 1944 г. Такой поворот событий не был для лондонского правительства полной неожиданностью. Уже в начале 1944 г., невзирая на возражения западных держав, норвежская сторона предложила Советскому правительству заключить соглашение о гражданской администра-

Wartime Policy towards the USSR.— Journal of Contemporary History, 1970, vol. 5, N 5.

¹¹⁴ Кан А. С. Указ. соч., с. 333 и след.

ции, апалогичное подготовляемым соглашениям с англо-американцами. На лондонских двусторонних переговорах весной 1944 г. между Т. Ли и советским послом В. З. Лебедевым норвежцы поставили также вопрос о заключении военного соглашения на предмет формирования в СССР норвежской воинской части и участия ее под советским командованием в боях с фашистами на Севере.

На протяжении 1943 г., по мере возврата Швеции к строгому нейтралитету в отношении Германии, улучшились и норвежско-шведские отношения. С осени началась подготовка норвежских воинских частей в Швеции под видом полиции. В апреле 1944 г. норвежское правительство получило от шведского крупный заем на оплату своих заказов шведским фирмам: заказы уже имели в виду послевоенное восстановление страны. Все больших размеров достигала шведская гуманитарная помощь соседу.

Паканупе итсамо-кирккенесской операции (см. ниже) Советское правительство дало согласие на использование норвежских войск в Заполярье и на учреждение там норвежской военной миссии при советском командовании. Лондонское правительство и король Хокоп VII официально приветствовали освобождение северо-восточного Финмарка советскими войсками, призывали население не верить запугиваниям квислинговской пропаганды и всемерно помогать русским воинам-освободителям. «Долг каждого норвежца,— сказал король по британскому радио 26 октября 1944 г.,— оказывать нашему советскому союзнику всю возможную помощь»¹¹⁵.

Вопросы, связанные с освобождением Финмарка советскими войсками, потребовали приезда норвежской правительственной делегации во главе с Т. Ли в Москву (ноябрь 1944 г.)¹¹⁶.

Особую тревогу норвежского правительства вызывали разрушения, производившиеся нацистами при отступлении. Возникшие в связи с этим норвежский план отрезать немцев с помощью десанта в их тылу был встречен советским руководством сочувственно. Однако соответствующие советские предложения в Ялте не получили поддержки англо-американских представителей по уже известным причинам (пехватка морского транспорта)¹¹⁷.

Естественное ослабление внимания союзных держав к северному театру военных действий на завершающем этапе войны и растущие бедствия норвежского населения делали для лондонского правительства вдвойне важными дружеские отношения со

¹¹⁵ «Kjaere landsmenn». Kong Naakon den VII's taler under krigen 1940 til 1945, s. 152.

¹¹⁶ См. подробнее: Правда, 1947, 15—19 янв.; Mathisen T. Svalbard in the Changing Arctic. Oslo, 1954; Riste O. «London-regjeringa». London, 1979, Bd. 2, s. 315 etc., Bil. III.

¹¹⁷ Международная жизнь, 1965, № 6, с. 144 и след.; Foreign Relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta 1945. Washington (D. C.), 1955, p. 601.

Швецией — получение безвозвратных кредитов, согласие шведского правительства на использование «полицейских» войск, обученных в Швеции, против вермахта, регулярная продовольственная помощь десяткам тысяч норвежцев (особенно детям), наконец, забота шведского Красного Креста о норвежских политзаключенных в Германии ¹¹⁸.

Казавшаяся реальной возможность отчаянного германского сопротивления в Норвегии побудила норвежское правительство в феврале 1945 г. просить Стокгольм принять меры для возможной вооруженной интервенции в помощь норвежцам. Шведское правительство, рассчитывая на скорую капитуляцию оккупантов, отказалось дать какие-либо обязательства и ограничилось неопределенно угрожающими заявлениями по адресу Германии в риксдаге и составлением оперативных планов ¹¹⁹. Шведское вмешательство, впрочем, не понадобилось.

При всей своей малочисленности свободные норвежцы за рубежом выполнили свой союзнический долг. Из норвежцев состояли британские диверсионные отряды — знаменитая «рота Липге», — высаживавшиеся в оккупированной Норвегии с моря (март 1941 и сл.) и с воздуха. На Британских островах и в Канаде были заново восстановлены норвежские ВВС, непрерывно участвовавшие, особенно с 1943 г., в боевых действиях и понесшие большие потери. Норвежские ВМС, также действовавшие с Британских островов, насчитывали к 1945 г. 51 боевую единицу, включая минные тральщики и торпедные катера ¹²⁰. В конце войны норвежские вооруженные силы всех родов (в Англии) достигали около 15 тыс. человек. В наземных боевых действиях на Западном фронте норвежская бригада, впрочем, не участвовала. Общие потери Норвегии в войне, включая жертвы Сопротивления, составили около 10 тыс. человек. Из 22 тыс. моряков торгового флота погибли 3600 человек вместе с половиной тоннажа. Множество моряков, а также норвежских узников Заксепхаузена и Равенсбрюка стали инвалидами ¹²¹.

И в эту борьбу вдали от родины внесли свой вклад норвежские коммунисты. Национальным героем страны стал замечательный поэт и драматург, коммунист по своим убеждениям, Нурдал Григ, погибший в воздушном бою над Берлином в конце 1943 г. Григ был одним из организаторов успешного вывоза норвежского золотого запаса в Англию весной 1940 г. Патриотическую деятель-

¹¹⁸ См. шведскую «Белую книгу»: 1945 års svenska hjälpexpedition till Tyskland. Förspel och förhandlingar. Stockholm, 1956.

¹¹⁹ См. другую «Белую книгу»: Förhandlingarna 1945 om svensk intervention i Norge och Danmark. Stockholm, 1957; *Carlgrén W. M.* Svenska utrikespolitik 1939—1945. Stockholm, 1973, s. 557 etc.

¹²⁰ *Steen E. A.* Norges sjökrig 1940—1945. Oslo, 1959, Bd. 5, s. 76.

¹²¹ *Jensen M.* Op. cit., s. 190—192; *Derry T. K.* A History of Modern Norway 1814—1972. Oxford, 1973, p. 386 etc.

ность в составе норвежских вооруженных сил вели коммунисты — офицер разведки Юст Липпе, врач Адам Эгед-Ниссен, ветеран испанской войны, приговоренный к смерти еще франкистами Рандольф Даллан.

На завершающем этапе войны норвежские государственные деятели не раз — и притом единодушно — высказывались по актуальным проблемам послевоенной внешней политики. Они выступали за полное разоружение Германии, искоренение милитаризма и нацизма, против скрытых «адвокатов» германского империализма в Англии. Норвежское правительство поддержало проект международной организации безопасности, составленный в Думбартон-Оксе, включая принцип единогласия в Совете Безопасности. В целом конструктивную линию проводила норвежская делегация и на конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско¹²². Довоенный нейтралитет, изолированный и пассивный, по-прежнему решительно отвергался. Столь же решительно — и это следует подчеркнуть — были отклонены прежние планы военно-политического союза с западными державами. Обеспечение национальной безопасности норвежские государственные деятели связывали теперь с Организацией Объединенных Наций. В своем отчете стортингу норвежский министр иностранных дел летом 1945 г. указывал: «Эффективная оборона нашего длинного побережья и страны в целом может быть создана лишь в рамках всемирной организации по обеспечению мира и в сотрудничестве с атлантическими великими державами и Советским Союзом»¹²³.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ ВОСТОЧНОГО ФИНМАРКА

Начало освобождения норвежской земли от немецко-фашистского ярма пришло с востока. После выхода побежденной Финляндии из войны (сентябрь 1944 г.) создалась благоприятная обстановка для изгнания немецко-фашистских войск из Заполярья финского, советского и, наконец, норвежского.

Непосредственная подготовка Карельского фронта к наступлению на петсамо-киркенесском направлении началась 26 сентября 1944 г. На первом этапе наступления войска 14-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. И. Щербаков) во взаимодействии с Северным морским флотом, которым командовал адмирал А. Г. Головкин, должны были разгромить основные силы 19-го гор-

¹²² См.: Правда, 1945, 5 мая.

¹²³ Stortings forhandling 1945.— Stortingstidende. Oslo, s. d., s. 24—25; *Lange II. Norsk utenrikspolitikk siden 1945. Foredrag og debattinnlegg. Oslo, 1952, s. 6—7.*

нострелкового корпуса противника и выйти на новую государственную границу с Норвегией. Задача была чрезвычайно трудной, так как гитлеровское командование совершенствовало и укрепляло свою оборону в Заполярье с осени 1944 г., т. е. более трех лет, и считало ее неприступной крепостью. Начавшееся 8 октября 1944 г. мощное наступление 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом взломало эту «неприступную крепость». Противник, упорно сопротивляясь, был вынужден откатываться на запад, в сторону Норвегии.

В сложившейся обстановке командующий войсками фронта поставил перед 14-й армией новую задачу: развить наступление, завершить освобождение Петсамской области и овладеть норвежским городом и портом Киркенес. В числе первых, кто вступил 18 октября на норвежскую землю, были солдаты и офицеры первого батальона 253-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии¹²⁴. Ближайший норвежский поселок Тарнет являлся одним из наиболее мощных узлов сопротивления на левом фланге Киркенесского укрепленного района. Здесь гитлеровцы решили во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск. Вокруг укрепленного района они устроили «мертвую зону».

К исходу 22 октября 45-я и 14-я стрелковые дивизии овладели поселком Тарнет и вышли на рубеж Стурбукт, Карпбукт, а 24 октября развернулись ожесточенные бои на подступах к укрепленному Киркенесу¹²⁵. В ночь на 24 октября 61-й стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии на машинах-амфибиях форсировал залив Ярфьорден и захватил плацдарм на западном берегу залива. Местные жители предоставили в распоряжение нашего командования все имевшиеся у них средства переправы. Для содействия войскам 14-й армии в заливе Холменгрофьорден был высажен морской десант.

25 октября в 5 часов утра после 20-минутной артиллерийской подготовки части 45- и 14-й стрелковых дивизий начали форсировать залив Бекфьорден. Гитлеровцы осветили залив сотнями ракет и обрушили на переправлявшихся мощный шквал пулеметного и артиллерийского огня. Первая попытка форсировать залив была сорвана. Произведя перегруппировку сил и повторную артиллерийскую подготовку, части 45-й и 14-й дивизий влозь бросились на штурм переправы. Местные жители перевозили через фьорд наших солдат на своих моторных ботах.

Противник не выдержал натиска советских воинов и отступил. К 9 часам утра 14-я и 45-я дивизии вплотную подошли к городу Киркенес. К этому же времени, словив упорное сопротивление противника в районе поселка Сулхейм, к Киркенесу подошли также 24-й стрелковый полк 10-й гвардейской стрелковой дивизии

¹²⁴ АМО СССР, ф. 363, оп. 6208, д. 306, л. 74—75, 83.

¹²⁵ Там же, ф. 363, оп. 6208, д. 328, л. 80—83.

и 73-й гвардейский танковый полк. Киркенес, вспоминают местные жители, буквально топул в пламени пожаров и взрывов. Из тысячи домов уцелело всего лишь 28.

Применяя и в Норвегии тактику «выжженной земли», оккупанты при отступлении сжигали или разрушали большинство домов, мостов и других сооружений. Одновременно гитлеровцы и квислинговцы развернули яростную антисоветскую пропаганду, запугивая население. 28 октября последовал приказ Гитлера о принудительной эвакуации всего населения Финмарка и превращения этой части страны в «мертвую зону», чтобы «русские не смогли там закрепиться»¹²⁶. Однако, несмотря на антисоветские запугивания, норвежцы уклонялись от эвакуации, скрывались в горах и шахтах, не желая покидать суровый отчий край в преддверии полярной ночи. 50 тыс. человек были угнаны на запад, 23 тыс. сумели избежать принудительной эвакуации¹²⁷.

При отступлении из Киркенеса гитлеровское командование намеревалось взорвать штольню и живьем похоронить укрывавшихся там 3500 жителей города. Тогда норвежцы решили обратиться за помощью к Советской Армии. В район штольни срочно был выслан разведывод 65-й стрелковой дивизии. На рассвете 25 октября разведчики неожиданно попали на гитлеровцев и разгромили их. Норвежцы, среди которых было много женщин и детей, со слезами на глазах обнимали и целовали своих освободителей.

19-й горнострелковый корпус немцев, понеся большие потери, спешно отходил на запад, в глубь Норвегии, и закрепился у фьорда Лютген. С овладением Киркенесом и Найденом, с выходом наших войск на побережье пролива Корс-фьорд и полным очищением от врага Петсамской области стоявшая перед войсками Карельского фронта задача была выполнена. Поэтому Ставка отдала приказ: с 9 ноября 1944 г. 14-й армии перейти к обороне. Впоследствии командующий фронтом Маршал Советского Союза К. А. Мерецков вспоминал: «...приближалась полярная ночь. Начались сильнейшие снегопады, на дорогах появились заносы и почти непреодолимые завалы. Высланная из Найдена на северозапад разведка донесла, что движение сопряжено с огромными трудностями, а противника нет»¹²⁸.

Население освобожденных районов с большой радостью и теплотой встречало воинов Советской Армии. Разоблачая измышления оккупантов и местной реакции о «зверствах большевиков», выходящая в Южной Норвегии подпольная газета «Систе мотт» писала: «Жизнь снова началась в Киркенесе... Освободители были

¹²⁶ *Sandvik H. Frigjøringen av Finnmark 1944—1945. Oslo, 1975, s. 38.*

¹²⁷ *Norges historie, Bd. 13, s. 445.*

¹²⁸ *Мерецков К. А. Дорогами сражений. Карелия — Заполярье — Норвегия. — Вопросы истории, 1965, № 12, с. 114; Директива Ставки ВГК № 220260 от 9 ноября 1944 г. — АМО СССР, ф. 132-а, оп. 2642, д. 37, л. 100—101.*

Поселок Вадсё в Финмарке после ухода вермахта, ноябрь 1944 г.

встречены с огромной радостью. Между русскими и порвежцами установились прекрасные взаимоотношения»¹²⁹.

8 ноября в Северную Норвегию через Мурманск прибыли порвежская воспная миссия при советском командовании во главе с полковником А. Д. Далем, отряд норвежских войск, порвежская военная и гражданская администрация в Финмарке, а позднее из Швеции — подразделения норвежской военной полиции, наконец, отряд норвежских ВМС¹³⁰. Еще до прибытия указанных войск на освобожденной территории Северной Норвегии началось формирование подразделений из мирных жителей. 29 октября в местной прессе было опубликовано обращение правительства Норвегии к населению с призывом вступать в формируемые отряды. Командование 14-й армии и Карельского фронта оказывало всяческое содействие порвежским властям в этом деле. Подразделения порвежских войск (в мае — 3 тыс. человек) были зачислены в 14-ю армию на все виды материального обеспечения. В составе этих войск находился, между прочим, младший офицер Тур Хейердал, впоследствии знаменитый путешественник.

Наследие освобожденных районов оказалось в тяжелом положении: в разгар суровой полярной зимы многие остались без

¹²⁹ См.: *Imken H.* Op. cit., s. 257—258.

¹³⁰ *Sandvik H.* Op. cit., s. 47.

крова, продовольствия, топлива и транспорта. Советское командование и здесь пришло на помощь норвежцам. Были приняты срочные меры по обеспечению нормального питания населения освобожденных районов Финмарка. В ноябре 1944 г. в Северной Норвегии вспыхнула эпидемия дифтерии и дизентерии, занесенных сюда гитлеровцами¹³¹. Командование 14-й армии приняло срочные меры. Было открыто дополнительно шесть больниц. Тяжелобольные норвежцы были взяты на излечение в армейский госпиталь.

Особенно тяжелое положение сложилось с жильем. Киркенес был почти полностью сожжен, в Сёр-Варангере было разрушено 50%, в городах Вадсё — 65, Вардё — 85% зданий. В этих условиях советское командование приняло решение не занимать уцелевшие здания для своих нужд. Норвежский министр юстиции Т. Волд, совершавший в это время поездку по освобожденным районам Северной Норвегии, докладывал своему правительству в Лондон, что советские солдаты расположились прямо в поле. «По вечерам, — писал Т. Волд, — можно было увидеть сотни неболших костров, вокруг которых спали солдаты. Палаток мы видели немного. Благодаря такой изумительной выносливости советские войска предоставили норвежскому населению возможность пользоваться немногими уцелевшими от всеобщего уничтожения домами»¹³².

За время петсамо-киркенесской операции было убито и ранено 15 773 советских солдата и офицера, в том числе непосредственно на норвежской земле — 2122 человека¹³³.

Советское командование, которое, согласно заключенному с Норвегией соглашению, обладало в зоне военных действий на освобожденной территории Норвегии всей полнотой власти, помогало норвежцам восстанавливать местные органы самоуправления. В марте 1945 г. все шведские газеты поместили интервью, данное норвежским архиепископом Фьеллбю, который только что вернулся из поездки по освобожденным районам Северной Норвегии. «Многие спрашивают, — заявил Фьеллбю, — приветствуют ли русские деятельность церкви. Я могу отметить, что русские были не только корректны, но и любезны; они охотно помогали нам... Когда в одном месте не было помещения, где я мог бы прочесть свою проповедь, русские предоставили мне помещение. Так было и в других местах»¹³⁴. Советское командование делало все возможное, чтобы паладить в освобожденных районах нормальную жизнь. В короткое время наши саперные и инженерные

¹³¹ АМО СССР, ф. 214, оп. 1431, д. 152, л. 148.

¹³² Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 116, оп. 27, п. 19, д. 2, л. 67—69.

¹³³ АМО СССР, ф. 363, оп. 6208, д. 306, л. 88—89; оп. 6251, д. 111, л. 194, 195.

¹³⁴ АВП СССР, ф. 116; ТАСС, 29 марта 1945 г.

подразделения восстановили разрушенные причалы в Киркенесе, Тарнете, Якобнесе, Вадсё и Ботс-фьорде. В Киркенесе были восстановлены водопровод, телефонная станция. При разминировании жилых зданий, причалов и предприятий советские саперы извлекли 15 тыс. мин. Для мирных жителей организовывались лекции, показывались кинофильмы. Солдаты и офицеры выступали с концертами художественной самодеятельности, которые пользовались популярностью у норвежцев¹³⁵.

В оставшиеся военные месяцы норвежские подразделения, временно подчиненные командиру советской дивизии, вели патрульные действия на ничьей земле и на коммуникациях отступавшего противника. Ко времени фашистской капитуляции норвежцы контролировали уже весь Финмарк к западу от советских позиций на р. Тана-Эльв. Бригада английских войск высадилась в Норвегии (г. Тромсё) лишь в конце мая 1945 г.

Капитуляция вермахта в Норвегии, квислинговской полиции и военизированных дружин — «хирдов» произошла без вооруженной борьбы. 8 мая в Осло прилетела военная союзная миссия, которая и приняла в тот же вечер формальную капитуляцию у немецкого командующего — генерала Бёме. 40-тысячная армия «Милорга», выйдя из подполья, взяла на себя охрану порядка. Ненавистный рейхскомиссар Тербовеп взорвал себя. Покончили с собой палачи норвежского народа — начальники полиции норвежской — Ю. Ли и Рогстад — и немецкой — Редис и Фелис. Предатель Квислинг сдался. Страна торжествовала свое освобождение и наступление долгожданного мира.

¹³⁵ АМО СССР, ф. 363, оп. 6269, д. 148, л. 7-а.

НОРВЕГИЯ В 1945—1960 ГГ.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И ОКУПАЦИИ. «ОБЩАЯ ПРОГРАММА» НОРВЕЖСКИХ ПАРТИЙ

7—9 мая 1945 г. отряды «Милорга» взяли на себя охрану порядка в стране, не встречая сопротивления со стороны капитулирующего вермахта. Окончился пятилетний период фашистской оккупации, которая принесла народу много горя и страданий.

Война причинила огромный ущерб народному хозяйству Норвегии. Были разрушены, особенно в Заполярье, предприятия, электростанции, жилые дома. Сокращение основных фондов составляло 5 млрд. крон в довоенных ценах¹. Колоссальный урон был нанесен норвежскому торговому флоту, занимавшему до войны одно из первых мест в мире: он потерял почти половину своего тоннажа. Китобойный флот был уничтожен на три четверти. Рыбоперерабатывающая промышленность была разрушена на 41%². Государственный долг вырос в 4 раза³. Большой ущерб был нанесен также сельскому хозяйству, рыболовству, транспорту. Общая сумма прямых военных убытков составила 17,2 млрд. крон⁴. В стране была инфляция: за время войны количество денег, находившихся в обращении, увеличилось в 5 раз⁵.

В июле 1945 г. объем промышленного производства составлял 45% от уровня 1938 г.⁶ Особенно тяжело было положение алюминиевой промышленности. В конце 1946 г. в Норвегии работало лишь три из шести алюминиевых заводов⁷. За годы войны промышленное оборудование изнашивалось и устарело, по техническому уровню промышленность Норвегии отставала от промышленности многих других стран. Такое же положение наблюдалось и в судоходстве. Это ухудшало конкурентную способность нор-

¹ Det norske Arbeiderparti. 32. ordinære landsmøte 31. august — 2. september 1945. Protokoll (далее — Landsmøteprotokoll 1945). Oslo, 1947, s. 144.

² The Norway Yearbook. Oslo, 1950, p. 99.

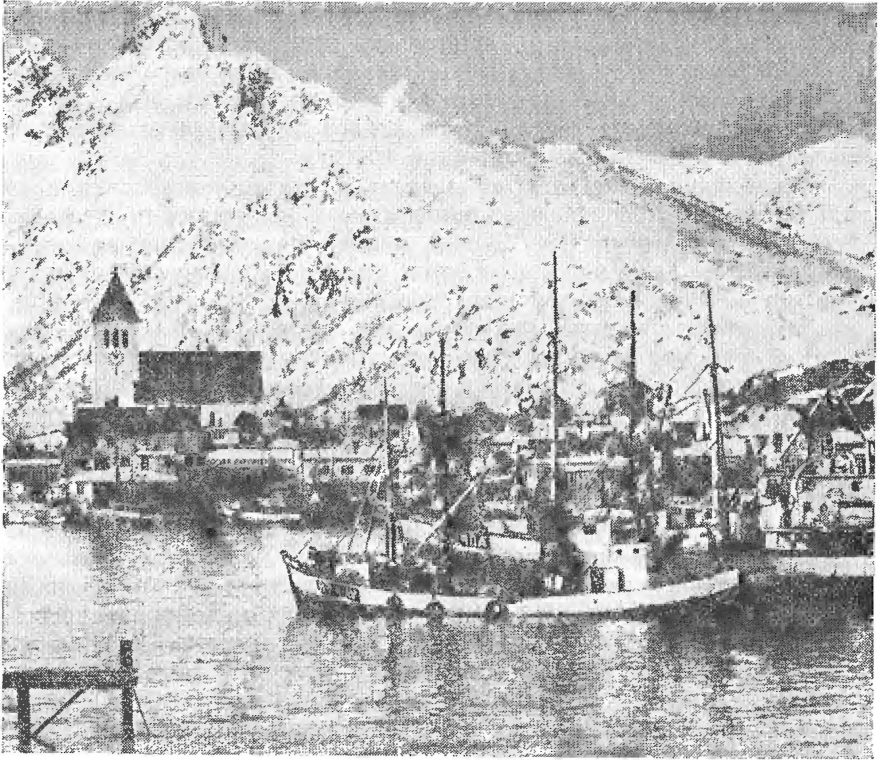
³ Aukrust O., Bjerve P. J. Hva krigen kostet Norge. Oslo, 1945, s. 146.

⁴ Zachariassen A. Fra Marcus Thrane til Martin Tranmael. Oslo, 1962, s. 458.

⁵ Scott F. D. The United States and Scandinavia. Cambridge (Mass.), 1950, p. 282.

⁶ Norsk næringsliv idag. Oslo, 1947, s. 11.

⁷ Ibid., p. 12.

Рыболовные суда в порту

вежской экономики и значительно осложняло проблему восстановления ее традиционных рынков.

Уровень жизни норвежских рабочих оставался таким же низким, как и в годы оккупации. Люди изголодались и обносились. Продовольствие, промтовары, электроэнергия — все оставалось нормированным. В декабре 1945 г. в стране было зарегистрировано 76 700 безработных. Особенно много было безработных среди промышленных рабочих и строителей⁸.

Несмотря на большой ущерб, причиненный народному хозяйству, норвежские предприниматели сумели в значительной степени сохранить свои капиталы.

Политическое положение в Норвегии, как и в других странах, освобожденных от фашистского гнета, характеризовалось подъемом демократического движения. Возросло влияние рабочего

⁸ *Leiserson M. W. Wages and Economic Control in Norway. 1945—1957. Cambridge (Mass.), 1955, p. 23.*

класса, который внес большой вклад в дело освобождения страны. Наиболее злободневным в жизни освобожденной страны стал вопрос о формировании нового правительства. Лидеры социал-демократов договорились с буржуазными партиями о том, что в составе нового правительства не будет членов предыдущего кабинета, скомпрометированного поражением 1940 г.

После неудачной попытки создать правительство, предпринятой бывшим руководителем движения Сопротивления председателем Верховного суда П. Бергом, король поручил формирование кабинета Э. Герхардсену, новому лидеру Норвежской рабочей партии. 22 июня 1945 г. правительство было создано. В него вошли представители всех политических партий, в том числе два коммуниста. Это правительство должно было находиться у власти вплоть до выборов в стортинг.

На выборах 8 октября Норвежская рабочая партия добилась крупного успеха. За нее голосовало 609 тыс. избирателей (41%), что обеспечило ей 76 депутатских мест. Правда, число голосов, поданных за ЛРП, абсолютно и относительно уменьшилось по сравнению с 1936 г., когда в последний раз проводились выборы в стортинг (за 9 тыс. голосов, или за 2%). Хорошего результата на выборах достигли коммунисты. Они получили 176 тыс. голосов (12%) и лишь 11 депутатских мест в силу недемократической избирательной системы⁹. Завоевание большинства народа на сторону рабочих партий создало предпосылки для новой, прогрессивной политики, которая ставила своей целью быстрое развитие производительных сил, повышение благосостояния людей и расширение демократии в Норвегии. За годы оккупации и Сопротивления рабочий класс Норвегии убедился в возможности успешной совместной борьбы различных слоев общества, выступающих под лозунгами защиты демократии, осознал, какая большая сила заключается в единстве действий коммунистов и социал-демократов.

За годы войны значительно вырос авторитет компартии. Резко увеличилась численность ее рядов. Если перед войной в партии было несколько тысяч человек, то в июне 1946 г. партия насчитывала 34 тыс. членов¹⁰. Усиление КПН, признают авторы-некоммунисты в книге, посвященной политической истории послевоенной Норвегии, «в первую очередь представляет собой результат вклада партии в войну и взятого ею курса на Сопротивление. Героическая борьба Советского Союза против пацизма бросала ответ и на КПН»¹¹.

Рост влияния компартии отразил общий сдвиг влево, происшедший в Норвегии за годы войны. Победа над фашизмом дала

⁹ Stortingsvalget 1945. Oslo, 1947, s. 130—131.

¹⁰ Правда, 1945, 3 июня.

¹¹ Vekst og velstand. Norsk politisk historie 1945—1965. Oslo, 1977, s. 339.

мощный толчок устремлениям трудящихся, ожидавших коренных общественных изменений. Эти настроения глубоко проникли в Рабочую партию. «Реакционный деспотизм, фашизм разбит, и широкие массы народа пришли в движение, чтобы создать новое общество», — подчеркивалось в решениях 32-го съезда Норвежской рабочей партии, состоявшегося в августе — сентябре 1945 г.¹² Выступая на этом съезде, заместитель председателя Центрального объединения профсоюзов Норвегии Г. Бротен признавал, что «в настоящее время на предприятиях наблюдается значительное волнение... Рабочие требуют не только усиления своего влияния на предприятиях. Речь идет не только о старых требованиях предоставить им право участвовать в определении тарифов, размеров зарплаты, продолжительности рабочего времени, отпусков и т. д., но и о праве участвовать в определении всех отношений между рабочими и работодателями на предприятиях»¹³. Г. Бротен призвал съезд НРП выработать такую политику, которая может привести Норвегию к социализму. «Народ созрел для социализма... Сейчас мы стоим перед задачей практического осуществления социализма»¹⁴, — так характеризовал один из делегатов съезда настроения, господствовавшие после окончания войны в норвежском рабочем движении.

Весьма показательным для настроений, существовавших в среде рабочего класса Норвегии, был рост симпатий к Советскому Союзу. Уже в середине июня 1945 г. в Норвегии возникли первые общества дружбы с СССР. За короткое время такие общества были созданы во многих городах страны, а в конце июня было учреждено центральное общество, в организации которого приняли участие премьер-министр Э. Герхардсен, министр иностранных дел Т. Ли, ректор университета в Осло Д. Сейп и многие другие видные политические и общественные деятели. Норвежцы оказывали самый радушный прием советским военным, профсоюзным и культурным делегациям. По всей Норвегии в 1945 г. была торжественно отмечена 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Вывод советских войск из Финмарка в сентябре 1945 г., проводы бывших военнопленных состоялись в обстановке манифестации дружбы и признательности норвежцев армии-освободительнице.

Еще до окончания войны Норвежская рабочая партия выступила инициатором демократической «Общей программы» политических партий страны. Эта программа была разработана в основном представителями НРП. Главная цель «Общей программы» 1945 г. заключалась в восстановлении народного хозяйства страны, поэтому ее поддержали, с оговорками, как буржуазные пар-

¹² Landsmøteprotokoll 1945, s. 113.

¹³ Ibid., s. 100.

¹⁴ Ibid., s. 122.

тии, так и коммунисты. Программа предусматривала принятие срочных мер для восстановления народного хозяйства страны и ликвидации причиненного войной ущерба путем усиления регулирующей роли государства. В области социальной политики намечалось оказание помощи в первую очередь наименее обеспеченным группам населения, унификация социального страхования, увеличение пособий многодетным семьям. Программа предусматривала также проведение важных мероприятий в области культуры и образования. Значительное место в программе было уделено вопросам послевоенного демократического развития. Подтверждались основные принципы конституции страны. Труд был объявлен правом и обязанностью всех граждан. Право голоса предоставлялось всем норвежцам, достигшим 21 года. Предусматривалось создание специальной комиссии для расследования деятельности стортинга, правительства, гражданских и военных властей накануне и во время оккупации.

В соответствии с «Общей программой» был создан Объединенный комитет всех политических партий, который должен был руководить их деятельностью по осуществлению программы. Вместе с тем каждая партия могла выступить на выборах со своей особой программой. Сотрудничество всех партий в Объединенном комитете продолжалось до коммунальных выборов 1947 г. Перед этими выборами буржуазные партии отказались от выдвижения совместной предвыборной программы. В начале 1948 г. заседания Объединенного комитета стали проводиться без коммунистов, а затем он вообще перестал собираться.

Общий сдвиг влево коснулся и буржуазного лагеря. Правые партии — «Хейре» и «Бунненарти» — потеряли значительную часть избирателей, а влияние Христианско-народной партии, подчеркивавшей свой «надклассовый» характер, усилилось. Этому в немалой степени способствовало активное участие представителей церкви в гражданском движении Сопротивления.

Одним из требований народных масс Норвегии было строгое наказание предателей родины. В 1945 г. были возбуждены судебные дела против 50 тыс. лиц; 26 мая 1945 г. начался суд над Квислингом. За государственную измену, за преступления против народа он был приговорен к смертной казни. Всего было казнено 25 человек и 20 тыс. приговорены к лишению свободы¹⁵.

ПОЛОЖЕНИЕ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ. ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1945 Г.

Норвежская рабочая партия вскоре после освобождения страны обновила свое руководство. В сентябре 1945 г. съезд партии избрал председателем НРП премьер-министра Эйпара Герхардсе-

¹⁵ *Jensen M. Norges historie. Fra 1905 til våre dager. Oslo, 1971, s. 211.*

на (р. 1897) взамен Оскара Торпа, бывшего министра лондонского правительства. Пюгорсволл, бывший премьер, скромпрометированный поражением 1940 г., вынужден был прекратить политическую деятельность. Герхардсен, многолетний секретарь НРП, один из членов руководства Внутреннего фронта, провел три года в фашистских концлагерях. Он пользовался заслуженным авторитетом в своей партии. Коммунистическую партию возглавлял и после войны генеральный секретарь ЦК КПН Педер Фюрюботн (1890—1975). Председателем КПН был избран в 1946 г. взамен престарелого ветерана Эгедэ-Ниссена секретарь партии Эмиль Лёвлиеп (1899—1973), вернувшийся из Швеции, до роспуска Коминтерна — кандидат в члены его Исполкома.

Эйнар Герхардсен

После окончания войны руководство НРП приняло решение о разработке новой принципиальной программы, которая и была одобрена на 33-м съезде НРП в 1949 г. Программу готовила специальная комиссия во главе с генеральным секретарем партии Х. Ли, ее основные идеи были предложены реформистским теоретиком Т. Эльстером¹⁶.

Программа развивала идеи реформистского пути к социализму по мере привлечения на сторону социал-демократии большинства народа. В качестве предпосылок выдвигались сильные демократические традиции, доказавшие свою жизнеспособность в годы оккупации, высокий уровень дисциплины и просвещения у норвежцев. Возможность мирного пути к социализму обосновывалась опытом деятельности государственных предприятий и кооперации, успешной практикой экономического регулирования. В программе говорилось, что формы будущей организации общества еще не ясны и что экономические преобразования должны проводиться с учетом конкретных условий в каждой отрасли производства при сочетании государственной и частной собственности во имя наибольшего экономического эффекта.

Проект программы вызвал на съезде многочисленные замечания слева. Делегаты съезда указывали, что в нем недостаточно

¹⁶ Lie H. ...Slik jeg ser det. Oslo, 1975, s. 11.

четко проанализированы процессы, происходившие в капиталистическом обществе. Указывалось, что программа недооценивает значения национализации, что трудящиеся не понимают своих руководителей, которые хотят строить социализм, не устранив частной собственности¹⁷.

Лидеры НРП использовали опыт общенародных действий во время войны для распространения иллюзий о благотворности классового сотрудничества в борьбе за социальный прогресс, общности интересов рабочих и предпринимателей и т. п. Как писал тот же Т. Эльстер, «национальное единство времен оккупации создало новые отношения между НРП и буржуазными партиями, сделавшие естественным решение текущих проблем, насколько это возможно, путем сотрудничества и компромисса»¹⁸. Такой курс НРП часто ставил ее политику в зависимость от буржуазных партий и затруднял применение действительного контроля над предпринимателями.

Линия на сохранение классового сотрудничества с буржуазией осуществлялась и социал-демократическим руководством ЦОПН. Последнее поддерживало политику правящей Норвежской рабочей партии. Руководители ЦОПН указывали, что эта поддержка поможет усилить влияние государства на экономическую жизнь и облегчить борьбу за улучшение экономического положения рабочих. Секретариат ЦОПН призывал всех членов профсоюзов голосовать на выборах за кандидатов НРП и проводил большую агитационную работу в пользу партии в период избирательных кампаний. Важнейшей задачей деятельности профсоюзов было объявлено участие в восстановлении народного хозяйства страны. Руководство ЦОПН призывало рабочий класс приложить максимум усилий для того, чтобы создать основу для развития экономики и значительного повышения уровня жизни народа. Рабочим внушали, что для этого необходимо пойти на временные жертвы и отказаться от требования немедленного улучшения их материального положения. Усилия профсоюзов должны были направляться в первую очередь на повышение производительности труда.

Самая массовая организация норвежских трудящихся, профсоюзы, оказалась к концу войны значительно ослабленной в результате политики «нацификации», проводившейся в период оккупации. При послевоенном возрождении и укреплении профсоюзов большое значение придавалось их реорганизации по производственному принципу. Эта реорганизация способствовала сплочению рядов рабочего класса. В решении Генсовста ЦОПН 1945 г. говорилось о необходимости произвести коренные изменения в

¹⁷ Det norske Arbeiderparti. 33. ordinære landsmøte 17.—20. februar 1949. Protokoll (далее — Landsmøteprotokoll 1949). Oslo, 1950, s. 70—71.

¹⁸ Socialist International Information, 1955, vol. 5, N 45, p. 795.

профсоюзах как организационного, так и идеологического характера с целью привлечь всех трудящихся к решению политических, экономических и культурных задач, которые встают при создании демократического общества.

В 1948 г. было проведено объединение ряда профсоюзов. Все союзы, действовавшие в одной отрасли экономики, были сведены в единое профсоюзное объединение. Работа по улучшению структуры профсоюзов продолжалась и в последующий период.

Вскоре после окончания войны была восстановлена довоенная численность профсоюзов, затем их ряды продолжали быстро расти. Вот как шел рост ЦОПН в первые послевоенные годы (для сравнения приводятся данные за 1934 г. — последний год правления буржуазных партий — и за 1939 г. — последний предвоенный год для Норвегии):

Председатель Компартии Норвегии
Эмиль Лёвлиен

Год	Число местных отделений профсоюзов	Число членов профсоюзов
1934	2211	161 133
1939	3833	356 796
1945, апрель		267 726
1945, декабрь	3704	339 920
1946	3998	407 029
1947	4265	442 445
1948	4346	456 297
1949	4443	473 629

Источник: Landsmøteprotokoll 1949, s. 20; Fagforeningskunnskap. Oslo, 1954, brev. 2 s. 24.

Уровень организованности норвежских рабочих повысился: на многих предприятиях в профсоюзе состояли все рабочие без исключения. Авторитет профсоюзов вырос в связи с их борьбой за повышение заработной платы, улучшение системы социального обеспечения и расширение влияния рабочих на дела предприятия. Основным принципом при заключении коллективных догово-

ров отпыле было осуществление «политики солидарности в отношении заработной платы», которая, как заявляли руководители ЦОПН, должна была способствовать выравниванию уровня доходов между различными категориями трудящихся. Руководители норвежских профсоюзов стремились всячески воспрепятствовать развертыванию стихийной бесконтрольной борьбы рабочих за свои экономические интересы. Г. Уусланд, один из руководителей ЦОПН, заявил летом 1945 г.: «Открытые конфликты мы будем рассматривать как пройденную стадию в развитии профсоюзного движения и идти дальше к политике солидарности, при которой договоры о заработной плате будут все более и более превращаться в крупные договоры между обществом и рабочим классом»¹⁹.

В первые послевоенные годы были проведены некоторые изменения в трудовом законодательстве. Ссылаясь на необходимость «соблюдения мира» в промышленности в период восстановления экономики, правительство провело через стортинг ряд законов, ограничивавших борьбу рабочих с предпринимателями за свои права. В 1947 г. был учрежден так называемый Совет по заработной плате, получивший функции принудительного арбитража по трудовым спорам. Стачки или локауты, проводимые вопреки решению Совета по заработной плате, считались незаконными²⁰.

В 1949 г. в связи с ослаблением послевоенной системы принудительного арбитража конгресс ЦОПН принял поправку к своему уставу, запрещающую отдельным союзам проводить переговоры о заключении соглашений с предпринимателями или отказываться от действующих соглашений без разрешения на то секретариата ЦОПН. Для проведения забастовки также требовалась его санкция. Эти меры стесняли свободу деятельности низовых профсоюзных организаций, снижали их боеспособность. В 1947 г. был принят «закон о бойкоте», который отменял запрет на эту форму борьбы рабочего класса, введенный в 1933 г. Однако в некоторых случаях бойкоты запрещались; в частности, если они наносили ущерб «важным интересам общества» или если повод к бойкоту не соответствовал возможному ущербу от бойкота²¹. Разумеется, подобная туманная формулировка давала широкий простор для ее толкования в интересах предпринимателей. Под «закон о бойкоте» могли быть подведены и стачки.

Курс реформистского руководства рабочих организаций на сотрудничество с буржуазией проявился в его отношении к массовым выступлениям рабочих. Вместо того чтобы всемерно использовать и развивать боевые настроения рабочих, руководители

¹⁹ *Bull. E. Norsk fagbevegelse*. Oslo, 1955, s. 133.

²⁰ *Ibid.*, s. 134.

²¹ *Henriksen K. E. Tariffavtale og fredsplikt*. Oslo, 1956, s. 44.

НРП и ЦОПН взяли курс на предотвращение забастовочной борьбы. Рабочих пытались убедить в том, будто бы их борьба против капиталистов в то время, когда у власти находится рабочее правительство, лишь мешает осуществлению его политики. Подобные призывы действовали на некоторые группы рабочего класса.

Забастовочное движение в Норвегии в первые послевоенные годы характеризовалось следующими данными:

Год	Число забастовок	Число участников	Забастовочные человеко-дни
1945	16	4074	65 000
1946	39	4658	79 019
1947	47	8250	41 294
1948	58	5919	92 278
1949	47	9010	104 759

Источник: Økonomisk utsyn øver året 1947. Oslo, 1948, s. 43; Yearbook of Labour Statistics 1953. Geneva, 1953, p. 345.

В первые послевоенные годы часто возникали политические забастовки, участники которых требовали наказания военных преступников или бывших квислинговцев, а также смены профсоюзного руководства или администрации предприятий, которые дискредитировали себя сотрудничеством с предпринимателями в ущерб рабочим.

Самая крупная после окончания войны забастовка состоялась в сентябре 1948 г. на заводе компании «Норск гидро» в Херойя. Забастовка была объявлена в поддержку требований рабочих об улучшении условий их труда, включая введение 42-часовой недели. Стачка, в которой участвовало свыше 1500 человек, продолжалась 42 дня. На ряде предприятий Осло рабочие собрания одобрили забастовку в Херойя, решено было проводить отчисления со своего заработка в фонд бастующих. На нескольких предприятиях страны были проведены забастовки солидарности с рабочими Херойя. 4 ноября 1948 г. бастующие вынуждены были вернуться на работу, получив обещание, что их требования будут рассмотрены при заключении тарифного соглашения весной 1949 г. Руководство ЦОПН выступило с резким осуждением бастующих. Члены профсоюза рабочих химической промышленности, принимавшие участие в стачке, были исключены из союза²². Непродолжительные «легальные» забастовки, как правило, были связаны с пересмотром тарифных соглашений и с требованиями улучшения условий труда.

²² Norway. Economic and Commercial Conditions. London, 1949, p. 50.

Радость достигнутой победы над фашизмом и радикализация рабочего класса сблизили социал-демократов с коммунистами. Отвечая желанию рабочих масс, руководство ЦОПН сразу же после освобождения Норвегии выступило инициатором новых объединительных переговоров между НРП и КПН. Такие переговоры начались в июне 1945 г., и партии быстро достигли соглашения о политической программе после объединения. Однако переговоры зашли в тупик, когда стал обсуждаться вопрос о том, как практически осуществить объединение партий. НРП предлагала пополнять руководящие органы объединенной партии пропорционально итогам успешных для нее и неудачных для компартии выборов в стортинг 1936 г., а коммунисты настаивали на том, чтобы объединение партии и формирование ее руководства проводились на основе предстоящих выборов. Компартия призвала социал-демократов выступить на них с общими списками.

30 августа 1945 г. открылся VI съезд Коммунистической партии Норвегии. Съезд обсудил вопрос об объединении с НРП и о ходе переговоров и обратился к руководству Норвежской рабочей партии с призывом возобновить переговоры и послал свою делегацию на открывшийся 31 августа 32-й съезд НРП для ознакомления его делегатов с позицией коммунистов в вопросе об объединении. Компартия предложила создать специальный комитет для достижения соглашения²³. Коммунисты считали лучшим путем к объединению солидарное выступление обеих партий по важнейшим вопросам внутренней политики.

На съезде НРП разгорелась жаркая дискуссия об объединении с компартией. Докладчик Оскар Торп упрекал коммунистов в том, что они затрудняют объединение, требуя для себя больше прав в объединенной партии, чем это позволяло им их фактическое влияние в массах. Поддержавшие Торпа другие лидеры партий в своих выступлениях извращали политику коммунистической партии, пытаясь опорочить ее деятельность в начале войны, и отказывались от каких-либо иных условий объединения с коммунистами, кроме своих собственных.

В дальнейшем переговоры об объединении возобновлялись, но в условиях уже начинавшейся «холодной войны» так и не дали результата.

В первые послевоенные годы четко обозначился рубеж между обеими партиями рабочего класса и буржуазией по экономической политике. Коммунисты поддерживали НРП по вопросам, связанным с осуществлением «Общей программы», в первую очередь по регулированию экономики, требуя точного и последовательного выполнения многих предложений самой НРП. Компартия выступила с конкретной социально-экономической программой, включая пятилетний план строительства новых промышлен-

²³ Landsmøteprotokoll 1945, s. 107—108.

ных предприятий, полную электрификацию промышленности, сельского хозяйства и жилищ. Особое внимание уделялось развитию электрохимической и электрометаллургической промышленности. Компартия считала, что промышленность должна по возможности развиваться без помощи иностранного капитала, на средства государства и народа. Иностранцы капиталисты должны быть вытеснены из ключевых отраслей экономики путем скупки государством их акций. КПН предлагала отказаться от иностранных займов, учитывая хорошее состояние норвежского платежного баланса. Компартия полагала, что успешная экономическая политика может проводиться только при отказе от односторонней внешнеполитической ориентации на Запад, мешающей экономической независимости Норвегии. Она выступала за развитие экономических отношений с Советским Союзом и странами Восточной Европы²⁴. Буржуазные партии уже в 1947 г. начали открытую борьбу против линии правительства. Поводом для этого стали временный закон о регулировании цен и первый «национальный бюджет». Буржуазные партии выступали против «шапковой экономики», против предоставления правительству больших прав контроля и регулирования хозяйственной жизни. Уже осенью 1946 г. партия «Хёйре» требовала «остановить начавшееся развитие в направлении государственного дирижирования экономикой»²⁵. Особенно упорно она добивалась ослабления государственного регулирования в промышленности и судоходстве. В начале 50-х годов «Хёйре» и «Бушпепарти» с общих позиций выступили против создания крупных государственных предприятий. Предложенные «Хёйре» меры — повышение уровня цен и сокращение количества денег, находящихся в обращении, — не нашли поддержки.

Острая внутрипартийная борьба развернулась в партии либералов — «Венстре» после освобождения страны. Она была прежде всего связана с определением линии партии в вопросах сельского хозяйства, а также отношения к партии «Хёйре». Только в ходе дискуссии по законопроекту о ценах в 1952—1953 гг., где партия выступила с радикальных позиций, было достигнуто относительное единство. Сплотив свои ряды, партия «Венстре» начала претендовать на роль объединяющей «третьей силы», стоящей между Рабочей партией и партией «Хёйре».

«Бушпепарти» начиная с 1947 г. выступила в качестве самой непримиримой оппозиционной партии. Она критиковала курс на преимущественное развитие промышленности и добивалась выделения больших средств сельскому хозяйству, а также

²⁴ См.: Пирогов Г. П. Рабочее движение в Норвегии в первые послевоенные годы (1945—1949 гг.). — В кн.: Рабочее движение в скандинавских странах и Финляндии. М., 1965, с. 84—116; *Vekst og velstand*, s. 334—350.

²⁵ *Kilder til moderne historie*. Oslo, 1972, Bd. 2. Norsk innenrikspolitikk, s. 122.

принятия мер для повышения доходов крестьян до уровня заработной платы промышленных рабочих. Она пропагандировала всемерную экономию в общественном секторе, осуждала тенденцию к концентрации капитала и особенно резко выступала против иностранных капиталовложений. Партия подчеркивала свое несогласие с политикой государственного регулирования.

Христианско-народная партия сделала ставку на завоевание части избирателей НРП, выдавая себя за представителя всех групп населения. В экономической политике ее лозунги были близки лозунгам НРП, но относительно к регулируемой экономике она заняла умеренную позицию. Партия активно выступала по вопросам культурной политики как защитник христианских «нравственных ценностей».

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Вскоре после формирования нового правительства оно разработало пятилетнюю программу восстановления народного хозяйства. Общая сумма капиталовложений, предусмотренных программой для достижения уровня 1939 г., составляла 6—8 млрд. крон, не считая расходов на жилищное строительство; в целях получения средств для финансирования экономики²⁶ предусматривалось также сокращение личного потребления и значительное превышение экспорта над импортом. Строгое регулирование экономики обеспечило в 1946—1948 гг. высокие среднегодовые темпы роста валового национального продукта (10,5%)²⁷.

Еще 1 августа 1945 г. в Норвегии был создан Совет экономической координации, в который вошли представители правительства, профсоюзов и предпринимателей. Времено Совет был подчинен премьер-министру. В его функции входило рассмотрение вопросов восстановления и расширения производства, регулирования цен, борьбы с безработицей, снабжения страны сырьем и материалами. Основное внимание уделялось заработной плате, стабилизации цен и внешнейторговой политике. Однако Совет представлял собой скорее место жарких дискуссий по проблемам экономической политики, чем действительный орган руководства народным хозяйством. Постепенно его функции взял на себя финансовый комитет стортинга, который тоже работал неэффективно. В 1947 г. функции экономического планирования и руководства внешней торговлей были возложены на реорганизованное министерство торговли.

²⁶ *Leiserson M. W. Op. cit.*, p. 17.

²⁷ *Vækst og velstand*, s. 13.

Осло — морские ворота Норвегии

Одним из важных рычагов регулирования экономической жизни со стороны государства были призваны служить подробно разработанные «национальные бюджеты», однако они не могли быть достаточно эффективными, поскольку не учитывали многих факторов, в том числе изменения конъюнктуры на мировом рынке, изменения размеров заработной платы, цен и др.

Правительство расширило государственный сектор путем строительства новых предприятий. В июле 1946 г. оно добилось принятия стортингом постановления о строительстве крупнейшего металлургического завода в Му-и-Раана и алюминиевого завода в Ордале. Металлургический завод имел большое значение для экономики страны: он должен был способствовать сбережению валюты, удешевлению импорта, обеспечивать рынок для местной руды и содействовать развитию отсталого Севера стра-

пы. Предполагалось, что после окончания строительства завод полностью освободит страну от необходимости ввозить железо²⁸. Эти и несколько других предприятий составили основу государственного сектора в промышленности. Кроме того, в руки правительства перешли акции ряда крупных предприятий, которые принадлежали раньше оккупантам. Однако от систематической скупки акций, которая усилила бы влияние государства, правительство воздержалось.

Национализация, проведенная правительством после войны, носила ограниченный характер и охватила лишь телефонную связь и авиационную компанию²⁹. В 1949 г. был национализирован Норвежский банк, однако он и до этого был фактически государственным: его правление и директор назначались правительством и стортингом.

Несмотря на то что восстановление экономики проводилось под лозунгом «терпения и жертв» со стороны всех слоев общества, норвежская буржуазия не склонна была поступаться своим богатством. Еще в 1945 г. буржуазные партии приложили много усилий для того, чтобы не допустить принятия закона о единовременном налоге на доходы, полученные в годы войны. Им удалось добиться отсрочки рассмотрения внесенного в стортинг законопроекта. Был создан специальный комитет для разработки нового проекта закона, который в июле 1946 г. после ожесточенных дебатов был принят стортингом. Налог на доходы, полученные во время войны, предусматривал много исключений, выгодных буржуазии.

Сильные позиции в послевоенной норвежской экономике по-прежнему занимал иностранный капитал. Он участвовал в промышленности, работающей на экспорт, преимущественно в отраслях, основанных на использовании дешевой электроэнергии (электросталлургической, электрохимической, электротехнической), в некоторых отраслях, обслуживающих внутренний рынок, в торговле и судоходстве. В крупнейшем химическом концерне «Норшк гидро» 98% капитала было в руках французских, германских, шведских, голландских и швейцарских капиталистов³⁰. Английский капитал был вложен в предприятия по производству карбида, твердых жиров и мыла. В промышленности, производящей алюминий, ферросплавы, титаний и никель, участвовал американский, канадский и английский капитал. Американский, шведский и швейцарский капитал был вложен в различные отрасли электротехнической промышленности.

Норвежское правительство предприняло некоторые шаги с целью ослабить влияние иностранного капитала на экономику

²⁸ Norway. Economic and Commercial Conditions, p. 28.

²⁹ Ibid., p. 48.

³⁰ Ibid., p. 25.

страны. В июле 1947 г. между правительствами Франции и Норвегии был подписан договор о передаче французских акций «Норшк гидро» Норвегии. После этого в руках государства оказалось 44% акций этой компании³¹. У иностранцев были выкуплены также некоторые другие крупные пакеты акций норвежских предприятий. В частности, у англичан правительство выкупило два больших горнодобывающих предприятия и акции деревообрабатывающей компании «Юнион». К государству перешли предприятия ряда германских концернов. Однако это не подорвало влияния иностранного капитала в экономике страны. Соответствующие мероприятия вызвали сильное сопротивление со стороны иностранных компаний.

В 1946 и 1947 гг. с целью обеспечить ввоз в страну дефицитных продуктов Норвегия значительно увеличила свой импорт, используя кредиты, полученные от Швеции, США и Канады. Однако с 1947 г., когда импорт достиг 55% национального продукта, была взята линия на его сокращение. Преобладающая доля внешней торговли Норвегии приходилась на США и Англию. Постепенно возрастала торговля с СССР и другими странами Восточной Европы, доля которых достигла к 1949 г. 10% норвежского экспорта и импорта. В 1948 г. Норвегия получила из СССР 40% всего ввезенного ею зерна³².

Одной из важных мер по регулированию экономики являлась система контроля над ценами. Был создан центральный контрольный орган, директорат цен, который устанавливал максимальные цены на наиболее важные товары и услуги. Для поддержания стабильных цен была введена система государственных субсидий предприятиям. В 1945/46 бюджетном году в виде субсидий было выдано 349 млн. крон, в 1946/47 г.—423 млн. крон и т. д.³³

Основным актом, определившим систему контроля над ценами, был закон от 30 июня 1947 г.³⁴, который ежегодно продлевался вплоть до 1953 г. Закон вызвал много протестов со стороны крупной буржуазии, которая считала, что он, стесняя условия конкуренции и ограничивая возможности «свободного ценообразования», препятствует получению максимальных прибылей. В ухудшении условий капиталистической конкуренции крупная буржуазия видела «ограничение прав личности». Особое негодование предпринимателей вызывало также запрещение останавливать производство в том случае, если владелец предприятия не был согласен с установленными ценами.

Несмотря на наличие разветвленной системы контроля, практика превышения установленных цен приняла широкое разме-

³¹ Ibid., p. 34.

³² Ibid., p. 39.

³³ Norsk næringsliv idag, s. 28.

³⁴ The Norway Yearbook, p. 222.

ры. Директорат цен только в течение 1946 г. рассмотрел 11 200 случаев нарушения закона о ценах. Используя спрос населения на многие товары, торговцы легко находили обходные пути, действуя через посредников, особые фирмы и т. п. Санкции, предусмотренные законом, применялись редко. До лета 1948 г. контроль за соблюдением закона осуществляла полиция, с 1948 г. — гражданские органы. Наиболее распространенной мерой наказания за нарушение закона был штраф, а часто — просто предупреждение³⁵. Таким образом, и в этом вопросе, который мог сыграть важную роль в проведении экономической политики, отрицательно сказалась половинчатая, реформистская линия правительства.

Несмотря на трудности, с которыми было связано послевоенное восстановление экономики, правительство стремилось не допускать повышения стоимости жизни. Правда, обещав трудящимся стабилизировать уровень цен, правительство потребовало от рабочих отказаться от требований повышения заработной платы и проведения забастовок.

Правительство и Объединение профсоюзов провели ряд мероприятий, направленных на улучшение экономического положения трудящихся. В сентябре 1945 г. было проведено «чрезвычайное» повышение заработной платы для всех рабочих в размере 58 эре в час в целях частичной (на 75%) компенсации за рост стоимости жизни с января 1940 по июль 1945 г. В июле 1946 г. заработная плата была увеличена еще на 15 эре. Рабочие в некоторых отраслях народного хозяйства, прежде всего низкооплачиваемые, получили дополнительные надбавки. Однако уже в 1948 г. ЦОПН решил отказаться от нового единовременного повышения заработной платы³⁶.

Значительное внимание было уделено жилищному вопросу. К концу войны без квартир оказалось около 100 тыс. семей. Однако ввиду нехватки материалов и рабочих рук строительство велось в ограниченных размерах. Одним из следствий жилищной нужды была высокая стоимость жилья и высокая квартирная плата.

В первые послевоенные годы было существенно изменено социальное законодательство: были введены пособия многодетным семьям (в 1946 г.), ежегодный трехнедельный оплачиваемый отпуск для всех рабочих и служащих и оплата праздничных дней 1 и 17 мая (в 1947 г.). Эти мероприятия содействовали некоторому повышению жизненного уровня трудящихся. Правда, пособия многодетным семьям выплачивались в размере 240 кроп в год на каждого ребенка, начиная со второго, что для рабочего с дву-

³⁵ Friheten, 1947, 26 mai.

³⁶ Norway. Economic and Commercial Conditions, p. 52.

мя детьми соответствовало лишь 2—3-процентной надбавке к его заработной плате³⁷.

В 1948 г. были приняты законы о введении на крупных судах трехсменной системы вахт, т. е. 8-часового рабочего дня, и о 48-часовой рабочей неделе для сельскохозяйственных рабочих, а также закон об охране труда домашних работниц. В 1949 г. была введена 40-часовая рабочая неделя для горняков³⁸.

Важное значение Норвежская рабочая партия и Объединение профсоюзов придавали так называемой экономической, или индустриальной, демократии, т. е. привлечению к участию в управлении предприятиями занятых на них рабочих и служащих, точнее — избранных последними доверенных лиц. Конкретно речь шла о создании так называемых производственных комитетов. Такие комитеты начали создаваться с 1946 г. на промышленных предприятиях с числом рабочих и служащих не менее 20 (с 1950 г. — не менее 50 человек)³⁹, из представителей администрации и рабочих и должны были заниматься экономическим положением предприятия, технологическим процессом, особенно рационализацией труда, охраной труда и квалификацией рабочих. На государственных предприятиях — железных дорогах, почте, предприятиях, находящихся в ведении управления по гидроэнергии, дорожного управления и других, — были созданы 28 так называемых оперативных комитетов, аналогичных производственным комитетам и подчиненных особому центральному совету. Производственные и оперативные комитеты на деле послужили интенсификации труда. Участие рабочих представителей, на деле весьма ограниченное, в решении вопросов производства и управления предприятием создавало лишь видимость, иллюзию «социализации» экономики.

К осени 1948 г. было создано лишь 1035 производственных комитетов⁴⁰. Они не имели авторитета, так как не представляли собой реальной силы, которую рабочие могли бы использовать в своих интересах. Многие комитеты вскоре прекратили деятельность.

Несмотря на то что политика правительства НРП до известной степени ущемляла интересы капиталистов, они были вынуждены скрепя сердце мириться с ней, понимая, что эта политика в конечном итоге не затрагивала их коренных интересов и позволяла по-прежнему эксплуатировать рабочий класс. Орган промышленных кругов — журнал «Фарманн» 18 мая 1946 г. писал: «... наличие рабочего правительства имеет свои преимуще-

³⁷ *Bull. E. Op. cit.*, s. 144.

³⁸ *Fagføreningskunnskap*. Oslo, 1954, brev. 3, s. 3, 6; *Norway. Economic and Commercial Conditions*, p. 50—52.

³⁹ *Munthe P. Some Structural Changes in Norway's Economy since the War.—Wirtschaftssysteme des Westens*. Tübingen, 1959, Bd. 2, s. 137.

⁴⁰ *Norway. Economic and Commercial Conditions*, p. 52.

ства. В принципе мы против каких-либо прочных связей между правительством и профсоюзами, но в период подпольства и волнений на предприятиях ясно, что рабочие больше слушают своих, чем кого-либо другого. Таким образом, когда дело касается трудовых отношений, необходимо без всяких оговорок признать, что палочке у власти рабочего правительства является предпочтительным»⁴¹.

Тем не менее крутые капиталисты втайне создали в 1947 г. организацию «Либертас», целью которой было «противостоять постоянно растущему наступлению плаповой экономики». С «Либертас» слились возникшие ранее пропагандистские организации промышленников и торговцев («Индустрия») и судовладельцев («Просветительный союз по вопросам экономической политики»). «Либертас» повела активную кампанию в защиту частнокапиталистического сектора и устоев капитализма вообще.

Меры, предпринятые в первые послевоенные годы в экономике и социальном развитии, были обеспечены поддержкой, которую оказывал мероприятиям правительства НРП рабочий класс. Компартия Норвегии прилагала все силы к тому, чтобы содействовать осуществлению демократической программы послевоенного развития. Она подвергала критике непоследовательность и оппортунизм руководства Норвежской рабочей партии. Коммунисты указывали, что НРП, несмотря на свои обещания, не проводит эффективного планирования. КПН предлагала всемерно развивать местный рынок, планомерно увеличивать покупательную способность населения и проводить более гибкую торговую политику. Коммунисты критиковали правительство за нежелание проявить необходимую инициативу в деле национализации предприятий, за пренебрежение к требованиям усиления роли рабочих в управлении производством и по многим другим вопросам социально-экономической политики.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К «ПЛАНУ МАРШАЛЛА» И ВСТУПЛЕНИЕ В НАТО

После окончания войны руководители Норвежской рабочей партии заявили о необходимости пересмотреть довоенные принципы внешней политики правительства. Были поставлены задачи укрепления обороны Норвегии и развития хороших отношений со всеми странами.

Одним из проявлений этой политики было развитие добрососедских отношений с Советским Союзом. Экономические и культурные связи между освобожденной Норвегией и СССР стали расширяться. В 1946—1948 гг. деятели советской культуры не-

⁴¹ Farmand, 1946, 18 mai.

однократно посещал Норвегию, а представители Норвегии приезжали в Советский Союз. СССР заключил с Норвегией экономическое соглашение, которое, как признавала газета «Арбейдербадет», свидетельствовало «о большой доброжелательности СССР к Норвегии» и облегчало положение норвежской горной и алюминиевой промышленности⁴². Когда в январе 1948 г. был подписан протокол о товарообороте между Норвегией и СССР, предусматривавший удвоение торговли, причем на выгодных для Норвегии условиях, та же газета отмечала, что этот факт «подтверждает добрососедские отношения между обеими странами... Мы можем быть довольными как самим соглашением, так и тем, что оно осуществлено в столь дружественных формах»⁴³.

Лидеры правящей Норвежской рабочей партии постоянно подчеркивали свое стремление развивать дружеские отношения с Советским Союзом, что вызывало самый благоприятный отклик у норвежского народа. Руководители ЦК и правительства участвовали в работе общества «Норвегия — СССР», выступая в нем с докладами и т. п. Влияние общества усиливалось. В марте 1948 г. оно имело 17 отделений, в которых состояли свыше 26 тыс. индивидуальных и коллективных членов. В числе коллективных членов общества было 46 рабочих и профсоюзных организаций, объединивших 20 тыс. человек⁴⁴. Под «Приветственным адресом» советскому народу к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции подписались 828 тыс. человек, или четверть всего населения страны⁴⁵.

Для послевоенных политических настроений в Норвегии были весьма характерны выступления против фашистского режима в Испании. В октябре 1945 г., когда в прессе появились сообщения о том, что некоторые норвежские фирмы возобновили торговлю с Испанией, профсоюзы и рабочие ряда предприятий страны провели митинги протеста. Наиболее активно антифашистская кампания велась в 1946 г., когда по всей стране состоялись сотни выступлений трудящихся, которые протестовали против режима Франко и требовали от правительства не восстанавливать отношений с Испанией, а, напротив, добиваться международных санкций против нее в ООН. Впоследствии норвежское правительство постепенно восстановило дипломатические и торговые отношения с Франко⁴⁶.

Как заинтересованность в развитии добрых отношений с СССР, так и антифранкистские демарши свидетельствовали о по-

⁴² Цит. по: Рысаков П. Агрессивная политика США в Северной Европе. М., 1952, с. 168.

⁴³ Цит. по: Правда, 1949, 14 янв.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 284, л. 52.

⁴⁵ Рысаков П. Монополии США и страны Северной Европы. М., 1956, с. 278.

⁴⁶ Правда, 1946, 7, 24, 30 марта; 5, 21 апр.; *Udgaard N. M. Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy... November 1940 — February 1948.* Oslo, 1973, p. 179—180.

ных тенденциях норвежской внешней политики, об отходе от довоенной политики самоизоляции и пассивности. Руководители Норвегии заявили о намерении оставаться вне блоков и группировок великих держав, служить связующим звеном, «мостом» (излюбленное выражение северных политиков того времени) между бывшими союзными державами Запада и Востока. Однако, как страна капиталистическая, экономически, политически и идейно издавна ориентированная на англосаксонские державы, Норвегия по-прежнему была тесно связана с ними⁴⁷.

Уже первые шаги империалистических великих держав к развязыванию «холодной войны» против Советского Союза привели к активизации правых элементов в руководстве правящей НРП, к усилению их влияния на внешнюю политику правительства. В середине 1947 г., когда на повестку дня встал вопрос об отношении к «плану Маршалла», правительство Норвегии испытывало определенные колебания. С одной стороны, трудности в осуществлении программы послевоенного экономического развития делали американскую помощь весьма желанной в глазах норвежских социал-демократических лидеров. С другой стороны, лидеры НРП не могли не видеть политических аспектов американской помощи, понимали суть «плана Маршалла» как зачатка западного блока. Отнюдь не хозяйственные трудности, а идейно-политическая солидарность с Западом решила дело. Норвежские буржуазные партии прямо-таки требовали принятия «плана Маршалла», истинной целью которого было свести европейский капитализм, ослабленный в результате войны и подъема рабочего движения.

На Парижской конференции будущих участников «плана Маршалла» летом 1947 г. норвежская делегация тем не менее старалась ослабить политический аспект помощи и придать будущему соглашению чисто экономический характер. Не отказываясь публично от политики «наведения мостов», норвежские руководители с осени 1947 г. тайно обескураживали возможность полного пересмотра внешнеполитического курса страны. Осенью 1947 г. министр иностранных дел Х. Ланге открыто заявил в стортинге, что норвежское правительство поставило перед собой задачу сотрудничества с «адекватно понимающими демократию» правительствами других стран и не одобряет политического устройства, существующего в странах Восточной Европы⁴⁸.

В апреле 1948 г. Норвегия официально присоединилась к организации «плана Маршалла» — ОЕЭС. Однако в рядах НРП не было единства по этому вопросу. На страницах партийной печати помещались статьи с резкой критикой в адрес руководства

⁴⁷ *Vaggaard N. M.* Op. cit., p. 11.

⁴⁸ *Pharo H. O.* Bridgebuilding and Reconstruction. Norway Faces the Marshall Plan.—*Scandinavian Journal of History*, 1976, vol. 1, N 1/2, p. 149—153.

партии. Лидеры НРП старались приуменьшить отрицательные последствия одностороннего развития экономики в рамках «плана Маршалла». В связи с этим показательно выступление тогдашнего министра торговли Норвегии Бруфосса, который в сентябре 1948 г. писал, что участие в «плане Маршалла» не означает присоединения к американской точке зрения в области экономической политики: «...Мы не согласны с США. Жизненно важным условием для нас является сохранение и расширение торговли с Восточной Европой, прежде всего импорт зерна из СССР, который уменьшает нашу зависимость от долларовых стран. Торговые связи с Восточной Европой дают нам также возможность экспортировать товары, которые не имеют рынка в Западной Европе»⁴⁹.

Американцы стремились использовать «план Маршалла» для усиления своего влияния в хозяйственной жизни Норвегии. Американское Управление по вопросам взаимного обеспечения безопасности под предлогом помощи норвежским предпринимателям пыталось контролировать горнорудную промышленность, в частности предприятия компании «Норшк бергверк», добывающие вольфрам, и предприятия по обогащению магнитного колчедана. Американская частная «Интернэшнл алюминимс компани» приобрела влиятельные позиции в алюминиевой промышленности Норвегии, а также в энергетике и электротехнике⁵⁰. В порядке восстановления своего торгового флота норвежцы получили устаревшие и тихоходные суда военного времени типа «Либерти», которые не могли содействовать повышению рентабельности и конкурентоспособности норвежского флота.

Коммунистическая партия Норвегии требовала отказа от «плана Маршалла» и проведения самостоятельной внешней и внутренней политики. Усилия норвежских коммунистов осложнялись антисоветской и антикоммунистической кампанией, вспыхнувшей в Скандинавии зимой — весной 1948 г. Поводом для ожесточенных нападок на СССР и КНР послужили установление рабочей власти в Чехословакии (февраль 1948 г.) и вынужденные меры, принятые Советским Союзом в ответ на односторонние действия США, Англии и Франции в отношении Берлина (1948—1949). В проведении этой пропагандистской кампании участвовала не только буржуазная печать, но и социал-демократическая. В городах организовывались антикоммунистические демонстрации. Из руководства социал-демократических организаций и профсоюзов устранились левые элементы, которых обвиняли в симпатиях к коммунистам.

Ссылаясь на «угрозу войны» со стороны Советского Союза, руководители НРП выдвинули на первое место вопрос об укреп-

⁴⁹ *Arbeiderbladet*, 1948, 9 sept.

⁵⁰ Рысаков П. Монополии США..., с. 75, 28.

лении обороны Норвегии. В центре внешней политики Норвегии в 1948 г. оказались переговоры между скандинавскими странами о сотрудничестве в вопросах обороны. Эти переговоры велись продолжительное время — с мая 1948 по январь 1949 г. — между представителями Норвегии, Дании и Швеции, но не имели успеха в связи с различным подходом их участников к вопросу о военно-техническом сотрудничестве скандинавского оборонительного союза с другими странами Запада. В отличие от своих партнеров норвежские представители настаивали на том, что будущий союз должен иметь прозападную ориентацию. Не найдя поддержки, особенно у Швеции, и убедившись в отрицательном отношении США к скандинавскому блоку, норвежское правительство приняло участие в переговорах о Североатлантическом пакте (НАТО)⁵¹.

Стремясь к укреплению мира и безопасности на Севере, Советское правительство в начале 1949 г. официально предложило Норвегии заключить двухсторонний договор о ненападении. В своем ответе от 1 февраля 1949 г. норвежское правительство отклонило советское предложение, пообещав вместе с тем не допускать размещения иностранных вооруженных сил в стране в мирное время⁵².

Внешнеполитические действия правительства вызвали в Норвегии мощное движение протеста, в котором участвовали представители всех слоев норвежского народа, многочисленные профсоюзные, молодежные, женские и другие организации. Коммунистическая партия Норвегии решительно выступала против планов включения страны в НАТО. В декабре 1948 г. ЦК КПН обратился с воззванием к норвежскому народу, призывая его к объединению для борьбы за мир, против гонки вооружений и военных блоков. Рабочие устраивали собрания, на которых принимались резолюции протеста против политики правительства. Представители рабочих посещали стортинг и передавали депутатам и правительству свои требования отказаться от участия в НАТО. Противники НАТО провели несколько многотысячных митингов протеста в Осло, Бергене, Тронхейме и других городах. 27 февраля 1949 г. был организован 10-тысячный митинг перед зданием стортинга, на котором выступали представители ряда профсоюзных организаций. Противники вступления Норвегии в НАТО организовали сбор подписей под петицией протеста, которая была представлена в стортинг. К апрелю 1949 г. под петицией было собрано около 100 тыс. подписей⁵³.

Еще зимой 1948/1949 г. большинство рядовых членов правящей партии выступало за нейтральный блок скандинавских дер-

⁵¹ *Skodvin M. Norden eller NATO? Utenriksdepartement og alliansespørsmålet 1947—1949. Oslo, 1971.*

⁵² Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953, с. 72—76.

⁵³ Правда, 1949, 29 февр.

жав. Сторонником скандинавской ориентации долго был и председатель НРП — премьер-министр Герхардсен. Однако накануне внеочередного съезда НРП (17—19 февраля 1949 г.) правое проамериканское крыло в руководстве партии — секретарь НРП Х. Ли, председатель ЦОПН К. Нурдаль, председатель парламентской фракции влиятельный О. Торп, министр иностранных дел Х. Ланге, внешнеполитические эксперты А. Урдинг и Ё. Саннес — одержало верх⁵⁴.

Поворот во внешней политике Норвегии был закреплен на съезде партии в феврале 1949 г. Выступивший на съезде с большим докладом Х. Ланге восхвалял «план Маршалла», уверял, что он не ставит никаких политических условий и даже во многом соответствует «социалистическим принципам плановой экономики»⁵⁵. Далее он утверждал, что ООН не способна содействовать разрядке международной напряженности и Норвегия должна искать иные пути для укрепления безопасности — сблизиться с США.

Ланге использовал в своей аргументации даже миролюбие Советского Союза, в которое верили широкие массы норвежских рабочих: «Правительство пришло к выводу, что Советский Союз не примет против нас или любого другого государства каких-либо шагов, ведущих, по его мнению, к новой всеобщей войне. Именно потому, что мы оцениваем позицию Советского правительства таким образом, мы убеждены, что солидарность, закрепленная в договоре с великими демократиями Запада, даст нам наибольшую степень безопасности, достижимую в этом несовершенном мире»⁵⁶.

Делегаты съезда, следуя рекомендациям руководства партии, единодушно высказались за вступление в НАТО.

В марте 1949 г. стортинг большинством голосов (130 против 11 при 7 отсутствовавших) принял решение о присоединении Норвегии к НАТО⁵⁷. Считаясь с общественным мнением страны, норвежское правительство неоднократно заявляло, что оно не будет содействовать никакой агрессивной политике и не предоставит в мирное время свою территорию и морские воды для длительного пребывания иностранных вооруженных сил. В этом и состояла отныне суть так называемой базовой политики Норвегии.

Вступление страны в НАТО привело к значительным изменениям в ее экономической и политической жизни. В том же

⁵⁴ *Eriksen K. E. DNA og NATO. En redegjørelse for debatten og vedtakene i det NAP 1948—1949.* Oslo, 1972, s. 260—264.

⁵⁵ *Landsmøteprotokoll 1949*, s. 123.

⁵⁶ Цит. по: *Miljan T. The Reluctant Europeans. The Attitudes of the Nordic Countries towards European Integration.* London, 1977, p. 33—34.

⁵⁷ *Aftenposten*, 1949, 30 mars. Сам договор был, как известно, подписан 4 апреля 1949 г.

1949 г. был принят «план укрепления обороны», рассчитанный на 1949—1955 гг. и предусматривавший значительное увеличение вооруженных сил и строительство многочисленных военных сооружений. В феврале 1950 г. Норвегия заключила соглашение о взаимной помощи с США, которое открывало перед американцами возможность контролировать вооруженные силы и военную промышленность партнера. Следующим шагом было заключение в 1951 г. соглашения об участии Норвегии в создании общего командования и общих вооруженных сил НАТО. Это соглашение передавало часть норвежских вооруженных сил в ведение руководства НАТО. Норвежский стортинг принял специальное постановление, по которому вся военно-материальная инфраструктура страны включалась в систему общего командования. Оборона островов Шпицберген, Медвежий и Ян-Майен также передавалась в ведение НАТО. В случае возникновения «угрозы нападения» в Норвегию могли быть введены войска стран Североатлантического блока.

Несмотря на поставки американского вооружения, резко возросли и военные расходы самой Норвегии⁵⁸, о чем свидетельствуют следующие данные:

Финансовый год	Млн. крон	% расходной части
1947/48	206	9
1948/49	314	11
1949/50	338	13
1950/51	435	15
1951/52	698	21

Источник: Økonomisk utsyn over året 1951. Oslo, 1952, s.100; Fakta om Norge 1951—1952, s. 77 (данные на 1951/52 г.— вместе с чрезвычайными военными расходами).

Подобные расходы оказались тяжким бременем для экономики страны, которая еще не оправилась после войны. В сентябре 1949 г. правительство Норвегии осуществило девальвацию кроны, но это привело лишь к росту импортных цен и серьезно осложнило экономическое положение. Для сохранения уровня импорта нужно было увеличить экспорт на 500 млн. крон⁵⁹. Однако в это время из-за изменения конъюнктуры на мировом рынке значительно ухудшились возможности торгового судоходства. Резко сократились и морские перевозки нефти. На доходы от судоходства можно было покупать лишь 60% того количества товаров, которое приобреталось до девальвации⁶⁰.

⁵⁸ Friheten, 1953, 28 aug.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 675, л. 73.

⁶⁰ Там же, ед. хр. 720, л. 12—13.

Норвежское правительство, связанное «планом Маршалла», не могло оказать сколько-нибудь значительного влияния на ход событий. Облегчая валютные трудности Норвегии, «план Маршалла» не помогал развитию и укреплению основных отраслей национальной экономики, поскольку 70% американской помощи шло на закупку американских же изделий. Большой вред принес навязанный условиями «плана Маршалла» отказ от свободной торговли со многими странами.

Агрессия США в Корею, начавшаяся в 1950 г., изменила конъюнктуру на внешних рынках. В 1951 и 1952 гг. норвежское судоходство смогло получить большие прибыли, перекрыв дефицит платежного баланса. Однако в начале 1952 г. ряд отраслей экономики переживал кризис. Из-за 20-процентного снижения цен на лес в Англии и Франции норвежская деревообрабатывающая промышленность очутилась перед угрозой потери своих рынков. Трудно стало сбывать шерсть. Кризис распространился также на текстильную и обувную промышленность⁶¹.

Милитаризация экономики соответствовала интересам норвежских монополий, в руки которых потекли крупные прибыли. Особенно сильно последние возросли в период корейской войны. Так, чистые прибыли судоходных компаний увеличились с 898 млн. крон в 1949 г. до 1184 млн. в 1950 г. и 2000 млн. — в 1951 г.⁶² За один 1951 г. прибыли всех акционерных обществ возросли на 1,8 млрд. крон, или на 40%⁶³. Прибыли гигантской «Норшк гидро» увеличились тогда на 25% (а по сравнению с 1948/49 г. — в 2 раза), «Фоллум фабрикер» — на 273%, «Тогте селлулозе» — на 275% и т. д. Три крупнейших банка страны увеличили свой капитал на 22%, и он достиг 643 млн. крон, что составляло 60% капитала всех банков Норвегии⁶⁴. Премьер-министр О. Торп особо подчеркивал в стортинге, что такие прибыли частные компании смогли получить лишь благодаря экономической политике правительства⁶⁵.

В целом промышленное производство возросло с 1949 по 1951 г. на 15%⁶⁶. Однако норвежские трудящиеся не получили никаких выгод от этого. Более того, рост военных расходов и крутой рост потребительских цен в начале 50-х годов ухудшил положение масс. Реальная заработная плата рабочих упала. В то время как цены на основные потребительские товары поднялись на 40%, номинальная заработная плата рабочих повыси-

⁶¹ Friheten, 1952, 2 mai.

⁶² Ibid., 21 febr.

⁶³ Холм Х. Заработная плата, жизненный уровень и классовые различия в Норвегии / Пер. с норв. М., 1959, с. 19.

⁶⁴ Friheten, 1952, 12 jan.; 11, 13 febr.; 13, 20 mars.

⁶⁵ Ibid., 4 apr.

⁶⁶ Ibid., 16 jan.

лась только на 23%. С 1949 по 1952 г. стоимость жизни увеличилась на 33%⁶⁷.

В 1951 г. были значительно урезаны правительственные субсидии, способствовавшие поддержанию устойчивого уровня жизни. Резко возросли государственные и коммунальные палогии. С 1948 по 1952 г. они увеличились с 3,6 млрд. до 5,3 млрд. крон, или на 45%⁶⁸. Косвенные палогии повысились за это время на 85%. Главная тяжесть налогового бремени легла на плечи трудящихся. Так, если палог на недвижимое имущество, т. е. в основном на буржуазию, припес государству в 1949—1950 гг. около 12 млн. крон, то подоходный палог на физических лиц дал 328 млн. крон⁶⁹. Лишь в 1953 г. большая группа налогоплательщиков была освобождена от государственных налогов. К концу 1952 г. в ответ на требования масс правительство и предприниматели были вынуждены увеличить заработную плату, после чего реальная зарплата мужчин, согласно официальным данным, достигла к концу года уровня 1949 г.⁷⁰ С 1 сентября 1952 г. были отменены введенные еще в 1939 г. карточки на сахар и кофе.

В условиях наступившего промышленного бума временно исчезла безработица, вообще низкая в послевоенные годы. Возросла напряженность труда рабочих. Курсу на интенсификацию труда служил лозунг «Чем больше труда мы вложим в производство сегодня, тем лучше будут условия труда завтра». НРП развернула кампанию за увеличение сверхурочной работы в экспортных отраслях производства. Сверхурочная работа на многих предприятиях доходила до 2—2,5 часов в день. В 1951 г. значительно сократилось жилищное строительство. Особенно тяжелым было положение с жильем в Северной Норвегии, где на начало 1952 г. свыше 30 тыс. человек жили в бараках и около 100 тыс. — в подвалах и перенаселенных квартирах⁷¹. Пользуясь жилищной нуждой, домовладельцы повышали квартирную плату.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ

В политической жизни страны вступление в НАТО ознаменовалось принятием мер, направленных на милитаризацию гражданского населения. В 1951 г. срок военной службы был увеличен до 12 месяцев и была создана военнизированная организация «Народ и оборона», а в конце 1952 г. — организация «Граждан-

⁶⁷ Scandinavia. Past and Present. Copenhagen, 1958, vol. 3, p. 813.

⁶⁸ Friheten, 1952, 22 mars.

⁶⁹ Fakta om Norge 1951—1952. Oslo, 1951, s. 206.

⁷⁰ Scandinavia. Past and Present, vol. 3, p. 814.

⁷¹ Friheten, 1952, 24 jan.; Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 243.

ская оборона», число членов которых достигло нескольких десятков тысяч человек. Тогда же бывшие квислинговцы создали собственную, по сути профашистскую, организацию «Союз социальной реабилитации». В декабре 1950 г. стортинг принял чрезвычайные законы «о поддержании готовности», которые предусматривали расширение полномочий правительства и ограничение гражданских прав и свобод, ужесточение уголовных наказаний в случае войны или ее угрозы. Предусматривалось также установление цензуры над всеми печатными изданиями. Законы могли вводиться в действие по усмотрению правительства⁷².

Одним из редких прогрессивных мероприятий этой мрачной поры был пересмотр избирательной системы, невыгодной для малых партий. В 1952 г. была несколько увеличена пропорциональность распределения мандатов относительно полученных голосов.

В условиях «холодной войны», милитаризации и антикоммунистической истерии правящая партия усилила пропаганду классового сотрудничества и национального единства. Социал-демократическая пропаганда внушала рабочим, что их интересы требуют лояльного отношения к буржуазии и соблюдения «мира» на производстве. Центральное объединение профсоюзов Норвегии пошло на прямое сотрудничество с капиталистами. В 1951 г. был создан общий комитет из представителей Объединения профсоюзов и Союза предпринимателей, который был призван заниматься широким кругом вопросов, связанных с взаимоотношениями предпринимателей и рабочих.

Одновременно буржуазия, ободренная проамериканским курсом правительства, усилила нажим на рабочее движение. Специальные частные организации, получавшие щедрую финансовую помощь со стороны промышленников, вели активную пропаганду против государственного регулирования, против той же правящей НРП. Важнейшей среди этих организаций была уже упомянутая «Либертас»: вопрос о ней ставился в стортинге, и было доказано, что она проводит подрывную работу против рабочего движения. «Либертас» вынуждена была для вида ограничиться чисто просветительской работой, однако по-прежнему оставалась центром, направляющим борьбу против профсоюзов.

Организации предпринимателей способствовали в целях ослабления ЦОПН созданию в 1951 г. Центрального объединения профсоюзов служащих, независимого от ЦОПН. Кроме того, за пределами ЦОПН оставались Союз мастеров и организации инженеров и техников. Всем этим организациям, нередко стоявшим в оппозиции к НРП справа, удалось внести некоторый раскол в профсоюзное движение страны⁷³.

⁷² Fakta om Norge 1951—1952, s. 27—29.

⁷³ Det norske Arbeiderparti. 34. ordinære landsmøte 22.—25. mars 1953. Protokoll (далее — Landsmøteprotokoll 1953). Oslo, 1953, s. 61.

Весной 1951 г. разгорелась ожесточенная борьба в связи с организационной принадлежностью инженерно-технических служащих в промышленности. Поводом для этого явились события на резиновой фабрике в Аскиме. Часть ИТР фабрики заявили о своем присоединении к Норвежскому союзу торговых и конторских служащих, входящему в ЦОПН, и потребовали от владельца заключить с ними коллективный договор. Это требование было поддержано ЦОПН, однако владелец предприятия, опираясь на поддержку со стороны Объединения предпринимателей, отказался вести переговоры, утверждая, что в принципе ИТР и рабочие одного предприятия не могут состоять в одном профсоюзе. Объединение предпринимателей даже потребовало от вновь нанимаемых ИТР письменного обязательства не вступать в профсоюзы рабочих. Это требование вызвало резкий протест ЦОПН. Некоторые инженерно-технические работники были уволены. Поддержка, оказанная им со стороны ЦОПН, привела к тому, что Объединение предпринимателей объявило локаут 39 тыс. рабочих на различных предприятиях и пригрозило довести это число до 140 тыс. человек⁷⁴. Ввиду опасности крупного конфликта в спор вмешалось правительство, создавшее смешанную комиссию для рассмотрения дела. В конце концов вопрос был поставлен в стортинге, который принял специальный закон, установивший полную свободу для инженеров, техников и мастеров присоединяться к любому профсоюзу или оставаться вне его.

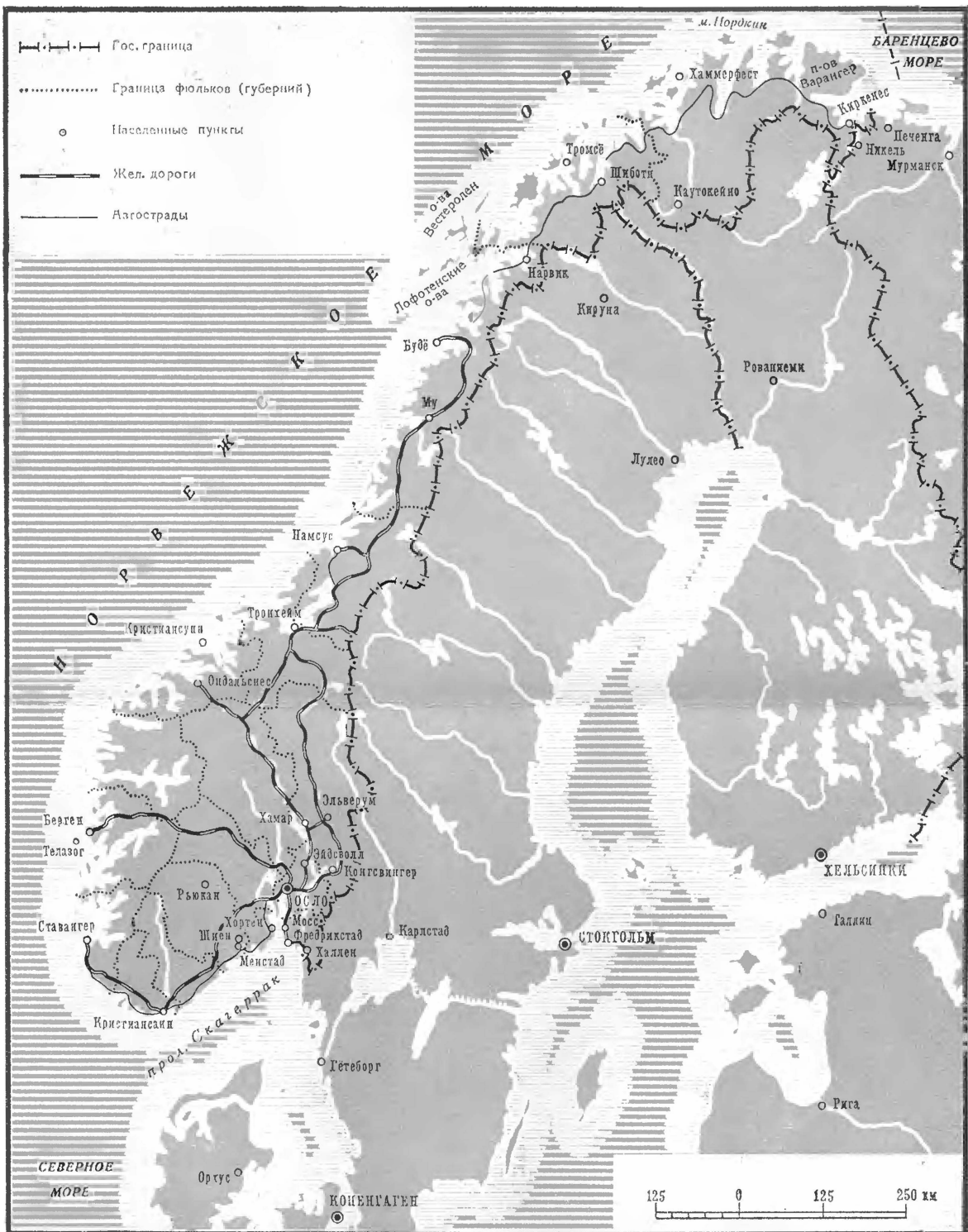
Боевой дух трудящихся подрывался, как уже было сказано, пропагандой «классового мира» и сотрудничества с предпринимателями, проводившейся самой НРП, стремлением руководства партии и ЦОПН не доводить трудовые споры до открытых выступлений, до стачек и локаутов. В целом число, продолжительность и размах трудовых конфликтов были значительно ниже их довоенного уровня⁷⁵.

Норвежские рабочие решительно выступали против посягательств на их право на забастовку и против деятельности принудительного арбитража — Совета по заработной плате, который больше служил интересам капиталистов. Рабочие требовали, чтобы профсоюзам было предоставлено право самим решать с предпринимателями вопросы оплаты и условий труда, считая это одним из основных принципов профсоюзного движения. Требования ликвидации Совета по заработной плате приняли широкий размах, охватив сотни профсоюзных организаций во всех отраслях экономики. В 1950 г. полномочия Совета были урезаны — членам ЦОПН и Объединения предпринимателей было предоставлено право объявлять забастовку или локаут без санкции Совета (но с согласия своих центральных организаций)⁷⁶.

⁷⁴ Fakta om Norge 1951—1952, s. 18.

⁷⁵ Historisk statistikk 1968, s. 84.

⁷⁶ Fakta om Norge 1951—1952, s. 21; Friheten, 1952, 1 mars.

Современная Норвегия

Борьба рабочих против Совета по заработной плате увенчалась успехом: летом 1953 г. он прекратил свою деятельность. Официально роспуск Совета объясняли достигнутым якобы взаимопониманием между рабочими и предпринимателями: было заявлено, что они сами могут решать спорные вопросы. Однако десятки ежегодных забастовок это опровергали.

Борьба между рабочими и предпринимателями велась постоянно, усиливаясь во время пересмотра тарифных соглашений. Показательно, что значительная часть забастовок объявлялась в поддержку требования рабочих о возвращении на работу уволенных в связи с рационализацией производства, т. е. не носила чисто экономического характера. Часть забастовок проводилась вопреки решению руководства ЦОПН. Власти обычно становились на сторону предпринимателей, стремясь любым способом сорвать стачку.

Участников забастовок часто регистрировали как безработных, однако без права получения пособий или работы. Сравнительно крупными были забастовки строителей и рабочих деревообрабатывающей промышленности летом 1950 г.

О большой активности масс в начале 50-х годов говорит их широкое участие в борьбе против внешней политики правительства и против реакционных «чрезвычайных законов». Сопротивление милитаризации страны сопровождалось развёртыванием движения за мир.

По инициативе компартии на предприятиях, в городах и рабочих поселках создавались комитеты борьбы за мир. В марте 1950 г. в Осло была созвана первая Национальная конференция сторонников мира. Сторонники мира выступали не только против антинациональной внешней политики, но и против реакционных мероприятий правительства внутри страны. Особое возмущение вызвали «чрезвычайные законы» — законы «о поддержке готовности». Против них выступали не только рабочие, но и многие представители интеллигенции. Известный буржуазный правовед Фреде Кастберг на собрании юристов объявил правительственные законопроекты нарушением конституции. В октябре 1950 г. было опубликовано открытое письмо стортингу 500 видных представителей общественности с протестом против этих законопроектов. В адрес стортинга ежедневно поступали протесты от организаций и отдельных лиц с требованием отклонить законопроекты. Стортинг, как уже говорилось, все же принял «чрезвычайные законы».

Политический курс руководства НРП на отказ от проведения социалистических мероприятий внутри страны и на приспособление ее внешней политики к интересам империалистических великих держав вызвал большое недовольство внутри самой Рабочей партии. Из партии начали выходить целые профсоюзы. В 1950—1952 гг. численность НРП уменьшилась с 200 тыс. до

179 тыс. человек⁷⁷. В последующие десять лет эта цифра неуклонно сокращалась. На собраниях первичных организаций НРП все чаще раздавалась резкая критика в адрес руководства. Наибольшие возражения вызывала внешняя политика правительства. Против нее высказывались видные деятели партии. Министр финансов Мейсдалъсхаген в знак протеста против огромной военной программы вышел из правительства в 1951 г. Его взгляды разделяли такие деятели партии, как О. Уксвик и Н. Педерсен⁷⁸.

На 33-м съезде НРП в 1949 г. выявилась сильная левая оппозиция. Вскоре после съезда группа оппозиционных членов партии стала издавать журнал «Вейен фрам» («Путь вперед»), который объявил своей главной целью добиться выхода Норвегии из НАТО. «Присоединение к этому военному блоку означает, что мы отказались от позиции мира в норвежской внешней политике. Одновременно это является окончательным разрывом с социалистической точкой зрения Рабочей партии»⁷⁹, — писал журнал в первом номере. В 1951 г. в партии возникла оппозиционная фракция — так называемая Независимая норвежская рабочая группа во главе с ветераном Якобом Фрисом. В 1958 г. группа оппозиционных членов партии стала издавать газету «Ориентринг», в которой резко критиковала внешнюю политику НРП.

Пытаясь активизировать работу партии, лидеры НРП в ноябре 1951 г. перераспределили между собой обязанности. Так, Э. Герхардсен, личный авторитет которого в партии был весьма высок, передал пост премьера О. Торпу с тем, чтобы заниматься исключительно партийной работой в качестве председателя НРП. Герхардсен предложил обсудить в местных организациях вопрос о сроках созыва партийных съездов, а также проекты школьной реформы и программы социальных мероприятий. Был выдвинут лозунг дальнейшего усиления регулирования экономики и ограничения конкуренции на основе существующего временного законодательства. Требование принятия специального закона в экономической области стало основным лозунгом партии на парламентских выборах 1953 г.

Представления руководства Норвежской рабочей партии о перспективах развития страны наиболее полно были выражены в ходе работы 34-го съезда НРП, который состоялся весной 1953 г. В отличие от съезда 1949 г. этот съезд был посвящен в основном вопросам внутренней политики. Лидеры партии уверяли делегатов съезда, что их политика привела к важным изменениям в экономике страны, позволяющим постепенно преобразовать общество в социалистическом направлении, но лишь в отдаленном будущем. В то же время они признавали, что в стране

⁷⁷ Arbeiderbladet, 1953, 28 mai.

⁷⁸ Friheten, 1952, 26 jan.

⁷⁹ Veien fram, 1949, N 1, s. 1.

почти ничего не сделано для демократизации трудовой и экономической жизни. Отказ от немедленного преобразования капиталистической экономики в социалистическую официальные докладчики объясняли тем, что норвежская экономика зависит от других стран Запада и поэтому длительное сохранение в стране капитализма неизбежно. В связи с этим делался вывод, что ни о каких существенных социалистических преобразованиях в стране в ближайшее время не может быть и речи.

В прениях многие выступающие подчеркивали, что победа над буржуазией может быть достигнута только в ожесточенной борьбе. Однако, призывая к усилению позиций рабочего класса, НРП в то же время побуждала трудящихся к сотрудничеству с буржуазией. И, наконец, съезд объявил борьбу с коммунистами одной из главных задач партии, особенно в ходе предвыборной кампании. Была принята специальная резолюция, запрещавшая членам Рабочей партии участвовать в каких-либо организациях, возглавляемых коммунистами. Генеральный секретарь НРП Х. Ли подчеркивал в речи на съезде, что борьба против коммунистов «в большой мере усилит нас и перед лицом колеблющихся избирателей, среди служащих и средних слоев»⁸⁰.

Коммунистическая партия играла активную роль в развернувшейся после вступления Норвегии в НАТО борьбе против милитаризации и внешней политики правительства, не отвечавшей национальным интересам. В неоднократных обращениях к народу руководство КПН призывало к усилению борьбы за мир, выступало против гонки вооружений. КПН решительно поддержала Стокгольмское воззвание, а затем и решения всемирных конгрессов сторонников мира. Пленум ЦК компартии в ноябре 1950 г. принял «Манифест к норвежскому народу и норвежскому рабочему классу». Манифест призывал трудящихся к сплочению в борьбе за мир и демократические права народа⁸¹.

Вследствие присоединения Норвегии к НАТО и наступления на демократию условия работы коммунистической партии в стране резко ухудшились. Коммунистов и членов Коммунистического союза молодежи нередко преследовали. Центр тяжести в работе партия перенесла на защиту своих взглядов, на борьбу против внешней и внутренней политики социал-демократического правительства. Для дискредитации компартии и ее изоляции от рабочего движения был использован мощный пропагандистский аппарат НРП, профсоюзная печать, государственное радио и т. д.

Проведенные в этой обстановке очередные парламентские выборы осенью 1949 г. оказались неудачными для компартии. Собрав 100 тыс. голосов, она из-за устарелого избирательного закона не получила ни одного мандата. Благодаря тому же за-

⁸⁰ Landsmøteprotokoll 1953, s. 216—217.

⁸¹ Friheten, 1950, 29 nov.

колу НРП, собрав 800 тыс. голосов, укрепила свое абсолютное большинство в стортинге — 85 мест из 150⁸².

Положение КПН осложнялось пережитыми партией именно в эти годы внутрипартийными трудностями. После VII съезда КПН (1949 г.), принявшего программу борьбы против внутренней и внешней политики правительства, группа членов партии, среди которых было несколько руководящих работников во главе с ее генеральным секретарем П. Фюрюботном, выступила фактически против линии партии с правооппортунистических позиций. П. Фюрюботн встал на путь нарушения норм партийной жизни и ограничения внутрипартийной демократии. Это вызвало резкий протест среди членов партии, ее актива. В феврале 1950 г. был созван высочередной съезд КПН, на котором Фюрюботн и наиболее активные его сторонники были исключены из партии. Признанным руководителем партии стал ее председатель Э. Лёвлинсн. В принятой съездом резолюции о политическом положении в стране ближайшими задачами партии были объявлены защита мира и независимости страны, борьба за повышение уровня жизни рабочего класса и всех трудящихся, укрепление единства и создание сильной компартии.

Через несколько дней после VIII съезда группа Фюрюботна опубликовала заявление о своей верности партии и обещала в будущем лояльно относиться к ней. Однако к этому заявлению коммунисты отнеслись с недоверием⁸³.

После неудачных и для буржуазных партий парламентских выборов 1949 г. расхождения между ними ослабли. «Крестьянское» крыло в партии «Хёйре» добилось проведения ею более активной аграрной политики, что позволило партии расширить влияние среди сельского населения. Новые руководители партии (Люнг, Линдебрекке и др.) добивались превращения ее в широкую общенациональную партию, признающую необходимость повышения роли государства в экономической жизни. Оппозиционные буржуазные партии неоднократно пытались наладить межпартийное сотрудничество, однако из-за тактических разногласий не могли договориться между собой.

Что касается внешнеполитического и внешнеэкономического курса НРП, участия в НАТО и организации «Плана Маршалла», то он пользовался единодушной поддержкой буржуазных партий. Прекращение военных действий, а затем и перемирие в Корее не изменили этот курс. Милитаризация Норвегии усиливалась. В июле 1953 г. был принят закон о гражданской обороне, в марте 1954 г. — закон о новом увеличении срока военной службы. В 1955 г. началось осуществление плана военного строительства на западном побережье Норвегии. Военные расходы продолжали

⁸² Statistisk årbok for Norge 1950. Oslo, 1950, s. 334.

⁸³ Friheten, 1952, 31 des.

расти и несколько снизились лишь в 1955—1956 гг. За 1952—1954 гг. Норвегия потратила на вооружение больше, чем с 1905 по 1940 г.⁸⁴ В ноябре 1954 г. стортинг ратифицировал парижские соглашения о перевооружении Западной Германии. В 1955 г. министерство обороны Норвегии начало изучать вопрос о вооружении норвежской армии атомным оружием.

Проводя пронаатовский курс, правительство, однако, вынуждено было учитывать стремление широких слоев народа к сохранению внешнеполитической самостоятельности. Неизменность базовой политики Норвегии была подтверждена в 1951 г. Уже в 1953 г. вновь оживилась торговля с Советским Союзом. В декабре 1953 г. было заключено торговое соглашение с ГДР.

Политические партии (кроме коммунистов) имели общие позиции по основным вопросам оборонной политики. Вместе с тем проявлялись существенные различия в подходе к проблемам северного и западноевропейского сотрудничества. В 1952 г. в стортинге разгорелась дискуссия об участии в создаваемом Северном совете — консультативной организации парламентариев скандинавских стран для согласования и сближения их социально-экономической и культурной политики. НРП выступала за участие в этой организации, «Буннепарти» была против, голоса депутатов партий «Хёйре», «Венстре» и Христианско-народной партии разделились. Противники Северного совета демагогически ссылались на необходимость сохранения суверенитета страны. За вступление в совет проголосовало 74 депутата, против — 39 (остальные отсутствовали).

Главным вопросом в области внутренней политики первой половины 50-х годов стал закон о ценах. После войны стортингом был создан специальный комитет по ценам и рационализации, который свыше пяти лет разрабатывал проект закона, призванного заменить временное законодательство, определявшее политику в области цен и регулирования производства. Согласно этому законопроекту 1952 г. правительство получало право издавать постановления, определяющие цены на отдельные виды товаров, размер заработной платы рабочих и условия производства, а также издавать многие другие постановления, целью которых объявлялось обеспечение полной занятости, наиболее эффективное использование всех возможностей производства, противодействие экономическим кризисам и «справедливое распределение» национального дохода⁸⁵.

Рабочий класс Норвегии выступил за принятие закона о ценах, рассматривая его как рычаг, с помощью которого можно добиться ограничения влияния буржуазии и провести важные преобразования в интересах трудящихся. Буржуазия, прежде

⁸⁴ Neue Zürcher Zeitung, 1954, 7 Juli; Historisk statistikk 1968, s. 468—470.

⁸⁵ Castberg F. The Norwegian Way of Life. Oslo, 1956, p. 78.

всего хёйре, развернула широкую кампанию против принятия закона, обвиняя НРП в стремлении установить «полную диктатуру» в стране. Венстре занимали несколько иную позицию, предлагая, чтобы закон регулировал лишь ценообразование, по не размеры заработной платы. «Буннепарти» и Христианско-пародная партия безоговорочно поддерживали хёйре. Острая борьба между политическими партиями завершилась принятием закона о ценах голосами одних депутатов НРП.

Принятие закона о ценах и заявления правительства НРП в пользу международной разрядки способствовали тому, что на выборах в стортинг осенью 1953 г. Норвежская рабочая партия одержала крупную победу, собрав 830,5 тыс. голосов, и сохранила абсолютное большинство мандатов (77). Несмотря на разгул антикоммунизма, компартия добилась на выборах определенного успеха, проведя в стортинг трех депутатов⁸⁶.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ПО ВОПРОСАМ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СЕРЕДИНЕ 50-Х ГОДОВ

Осуществление широкой программы экономического развития, выдвинутой НРП в период предвыборной кампании 1953 г., натолкнулось на большие трудности. После окончания войны в Корее конъюнктура на мировом рынке ухудшилась, сократился спрос на норвежские суда, что немедленно вызвало резко пассивное сальдо платежного баланса страны. Медленнее, чем ожидалось, росло производство. Крупные государственные капиталовложения, увеличение импорта и большие расходы на вооружение привели к тому, что бюджет страны оказался крайне напряженным. Рассчитывать на финансовую помощь извне, как это было в период действия «плана Маршалла» (1948—1952), Норвегия не могла. У нее не было крупных резервов золота и твердой валюты, не было и возможностей получить иностранные займы для уменьшения дефицита платежного баланса. В 1954 г. выяснилось, что четырехлетний план экономического развития, предложенный Рабочей партией в 1953 г., в своих основных пунктах не может быть выполнен.

В этих условиях вновь усилилась критика правительства со стороны буржуазных партий. Они заявляли, что политика, основанная на регламентировании и определенном стеснении деятельности буржуазии, заведет хозяйство в тупик. Буржуазия настаивала на коренном изменении всего экономического курса, прежде всего на предоставлении ей льгот в области капиталов-

⁸⁶ Statistisk årbok for Norge 1962, Oslo, 1962, s. 289.

вложений, кредитования и налогообложения, с целью увеличить накопление частного капитала. Добиваясь осуществления этих требований, буржуазные партии одновременно перенимали некоторые лозунги НРП, в частности такие, как полная занятость населения, усовершенствование системы страхования, расширение возможностей для получения образования и улучшение школьной системы, широкое жилищное строительство, увеличение регулярных отпусков для всех лиц наемного труда и ряд других.

Однако буржуазные партии были разобщены. Хёйре тщетно пыталась сплотить их на общей платформе. Наибольшие расхождения были у хёйре с венстре, однако среди пародных христиан и в Крестьянской партии также имелись значительные силы, решительно протипившиеся союзу с хёйре. Но и в таком виде буржуазная оппозиция сумела оказать сильное давление на Рабочую партию. Правительство не решилось воспользоваться законом о ценах для того, чтобы путем дальнейшей строгой регламентации экономической деятельности и национализации важнейших предприятий и банков получить средства, необходимые для реализации своей политики. Выход из создавшегося положения оно увидело в значительных уступках предпринимателям.

Приступая к пересмотру своей внутренней политики, руководство НРП сочло уместным в январе 1955 г. провести перестановку в правительстве. Вместо Торпа премьер-министром вновь стал председатель партии Э. Герхардсен. Предполагалось, что ему легче будет получить поддержку новой экономической политики от членов партии.

В январе 1955 г. Герхардсен изложил программу своего правительства. Она предусматривала продолжение прежнего курса в области военной и внешней политики и «в основном» прежнего курса внутри страны. Одновременно было объявлено о мерах по «либерализации» экономической политики, которые означали, что правительство выпускало из своих рук средства воздействия на хозяйственную жизнь. Герхардсен подчеркнул необходимость усилить сотрудничество правительства с различными партиями и «экономическими организациями»⁸⁷.

Благодаря новой политике доля частного сектора в экономике возрастала, а доля государственного и коммунального секторов снизилась. Если в 1946—1950 гг. доля общественного сектора в приросте капитала составляла около 53%, то в 1951—1955 гг. — только 39%⁸⁸. В 1956 г. газета «Ориентеринг» с полным основанием писала, что контроль правительства над частной экономикой, над ценообразованием ослаб⁸⁹. «В итоге, — отмечалось в другой статье, — частная экономика сейчас сильнее, чем когда-либо

⁸⁷ Arbeiderbladet, 1955, 25 jan.

⁸⁸ Orientering, 1956, N 8, s. 2.

⁸⁹ Ibid., s. 3.

после 1945 г., в то время как положение правительства и профсоюзного движения поколеблено»⁹⁰.

Буржуазные партии пытались сыграть на трудностях правительства и Рабочей партии, ослабить ее влияние в стране. В ноябре 1954 г. в связи с мерами по рационализации электроэнергии, вызванными нехваткой воды в Западной Норвегии, буржуазные партии попытались свалить правительство, поставив в стортинге вопрос о доверии ему, но кабинет Герхардсена получил во время голосования необходимое большинство.

Несмотря на успешные для НРП парламентские выборы 1949 и 1953 гг., число членов партии за 1950—1955 гг. сократилось с 200 тыс. до 170 тыс. человек⁹¹. Пытаясь удержать и расширить свое влияние в стране и решить организационные проблемы, НРП обратила особое внимание на быстро растущий слой служащих. В 1955 г. из 300 тыс. служащих только 125 тыс. состояли в ЦОПН, около 100 тыс. — в других профсоюзах, остальные были неорганизованными. Значительная часть служащих поддерживала буржуазные партии. Съезд НРП в 1955 г. объявил работу среди служащих важнейшей задачей партии.

В соответствии с линией съезда руководство НРП сделало упор на решение вопросов сельскохозяйственной, коммунальной, культурной политики. В области сельского хозяйства во главу угла был поставлен вопрос об увеличении производства, укреплении независимого положения отраслей. Был взят курс на поддержку наиболее рентабельных хозяйств. Предусматривалось укрупнение мелких хозяйств прежде всего путем расчистки новых земель и других мер. В целях повышения доходов населения сельскохозяйственных районов намечалось сделать более разнообразной их экономическую структуру, построить промышленные предприятия и т. д.

В условиях некоторого спада международной напряженности росло недовольство внешней политикой страны. Это недовольство охватило не только часть членов НРП, но и определенные круги венстре. В 1954—1956 гг. либеральная газета «Дабладет» неоднократно выступала с резкой критикой курса НРП. В июле 1954 г. газета писала, что министр иностранных дел Х. Ланге сделал страну «марионеткой США» и «Атлантический пакт не стал тем, что мы от него ожидали»⁹². Активизировалась антинаатовская публицистика (Масенг, Нурман, Фриис). Даже сам министр иностранных дел Х. Ланге, выступая в феврале 1955 г. в Стокгольме, косвенно признал, что норвежское общественное мнение не только осуждает, но и оказывает сопротивление участию страны в НАТО⁹³.

⁹⁰ Ibid., 1956, N 9, s. 3.

⁹¹ Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. Oslo, 1974, D. 2. 1930—1973, s. 245.

⁹² Цит. по: Правда, 1954, 26 июня.

⁹³ Dagens nyheter, 1955, 26 febr.

Недовольство зависимостью от США проникло и в норвежскую армию. Даже высшие офицеры выступили против «молчаливой оккупации» страпы американцами. Генерал-майор Улаф Хелсет, бывший главнокомандующий норвежской армией, подал в отставку с поста командующего военным округом, заявив, что ему не нравится положение, сложившееся в армии. По этой же причине со службы ушли и другие видные офицеры⁹⁴.

Тревогу вызывало и усиление зависимости внешней торговли страны от торговой политики ведущих держав НАТО. В ноябре 1954 г. в газетах появились статьи с призывом не закупать американский уголь, поскольку одним из условий сделки была перевозка 50% закупленного угля на американских судах, что было крайне невыгодно для Норвегии⁹⁵. Союз владельцев текстильных фабрик протестовал против того, что норвежский рынок все более завоевывают иностранные текстильные товары, и требовал оградить интересы отечественной промышленности⁹⁶.

Учитывая антинаатовские настроения, норвежское правительство было вынуждено внести некоторые поправки в свою внешнюю политику, что привело к определенному улучшению отношений между Норвегией и социалистическими странами. Вслед за расширением торговли с СССР и ГДР в декабре 1954 г. было заключено соглашение об увеличении товарооборота с Чехословакией. В начале 1955 г. Норвегия восстановила дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, прерванные во время корейской войны. В январе 1955 г. премьер-министр Герхардсен первым среди скандинавских руководителей совершил официальную поездку в Советский Союз, а летом 1956 г. СССР посетила делегация стортинга. В 1956 г. были заключены соглашения о воздушном сообщении и культурном сотрудничестве между Норвегией и Советским Союзом. В Москве норвежский руководитель заявил, что норвежское правительство «не будет содействовать политике, имеющей агрессивные цели, и не предоставит баз на норвежской территории иностранным вооруженным силам, пока Норвегия не подвергнется нападению или угрозе нападения»⁹⁷. Герхардсен подчеркивал готовность своего правительства к существенному улучшению отношений с СССР.

Однако новое обострение международной обстановки в конце 1956 г. было использовано определенными кругами в Норвегии для того, чтобы остановить процесс улучшения отношений с Советским Союзом. В связи с подавлением контрреволюции в Венгрии была развернута яростная антисоветская и антикомму-

⁹⁴ Правда, 1951, 9 янв.; Известия, 1954, 10 янв.

⁹⁵ Morgenbladet, 1954, 29 ноя.

⁹⁶ Aftenposten, 1954, 4 июня.

⁹⁷ Правда, 1955, 16 ноября.

нистическая кампания, целью которой было оправдать и укрепить ориентацию на НАТО. Вновь были приостановлены личные контакты, культурные, спортивные и другие связи между Норвегией и СССР. Летом 1959 г. первый официальный визит в Норвегию Председателя Совета Министров СССР был отложен в ответ на развернутую правыми кругами антисоветскую кампанию. Норвежское правительство поддержало империалистическую позицию Англии и Франции в суэцком вопросе. Вопреки мнению широкой общественности, оно отказалось осудить действия Франции в Алжире. Следуя общей программе НАТО, после 1956 г. вновь из года в год увеличивались расходы на вооружение. Однако главную долю военных расходов Норвегии по-прежнему покрывали США. За 1950—1959 гг. они предоставили ей на военные нужды 4,6 млрд. крон⁹⁸.

Одним из звеньев милитаризации страны было увеличение срока службы в армии. Впервые после 1888 г. были созданы кадровые части. Делались попытки ввести преподавание военных предметов в школах. Для учителей читались курсы лекций, популяризирующие НАТО. В крупных городах страны периодически проводились массовые учения по подготовке к отражению воздушного нападения.

Одним из важнейших вопросов внешней политики правительства стал вопрос о размещении в стране атомного оружия. Высшие офицеры армии, опираясь на правые круги, развернули пропагандистскую кампанию за ввод в Норвегию американских воинских частей с ядерным оружием. Правительство не определило четко своей позиции, выжидая реакции общественного мнения. Последнее большей частью решительно возражало против превращения страны в атомную базу.

В начале 1957 г. Советское правительство письменно предупредило правительство Норвегии, что размещение в стране атомного оружия НАТО будет иметь тяжелые последствия для всего норвежского народа в случае войны. Это предупреждение Советского правительства еще раз показало миролюбивым силам страны размер грозящей опасности. Перед лицом растущего протеста со стороны широких слоев народа норвежское правительство вновь подтвердило свою базовую политику — недопущения иностранных войск в мирное время — и высказалось против размещения атомного оружия в Норвегии. Тем самым базовая политика Норвегии была дополнена ее особой ядерной политикой.

Однако позиция правительства не была достаточно последовательной. Оно не возражало против размещения в Норвегии тактического ракетного оружия, способного нести ядерные заряды. Хотя в 1957 г. на парижской сессии НАТО премьер-министр Герхардсен выступил в поддержку идеи создания в Европе безъ-

⁹⁸ Arbeiderbladet, 1960, 25 febr.

ядерных зон, министр иностранных дел Х. Ланге позднее заявил о невозможности принятия осповашного на этой же идее так пазываемого плана Рапацкого — плана безъядерной зоны в Центральной Европе.

Все более широкие слои норвежского народа выступали теперь против милитаризации страны, против размещения на ее территории атомного оружия. Движение в защиту мира, ранее поддержанное среди политических партий страны одними коммунистами, теперь приобрело новых сторонников. В сентябре 1958 г. в Осло состоялась конференция, в которой приняли участие представители 35 профсоюзных объединений, 9 пацифистских, 10 политических и прочих организаций. Конференция призвала к прекращению на вечные времена испытаний атомного оружия, возобновлению переговоров о разоружении с целью добиться всеобщего контролируемого разоружения, к защите политических, социальных и экономических прав человека. Это воззвание было обсуждено во многих профсоюзных и общественных организациях и получило поддержку в общей сложности 100 тыс. человек⁹⁹.

Массовость и энергия движения сторонников мира особенно ярко проявились в выступлениях против милитаризации Западной Германии и усиления сотрудничества между Норвегией и западногерманскими реваншистами. Приезд в Осло в октябре 1957 г. бывшего гитлеровского генерала Шпейдсля вызвал в Норвегии взрыв возмущения. В адрес правительства поступили резолюции протеста от различных общественных и профсоюзных организаций. Во время встречи Шпейдсля на столичном аэродроме рабочие крупнейших предприятий Осло прекратили работу в знак протеста.

Наиболее крупным антимиитаристским выступлением 50-х годов явился «пасхальный бунт» весной 1958 г. Он начался с обращения Социалистического союза студентов к правительству с требованием норвежского вето в НАТО по вопросу о ядерном вооружении бундесвера. Резолюция получила поддержку не только левого оппозиционного крыла Норвежской рабочей партии, ее молодежного союза и ЦОПН, но и широких кругов партийного и профсоюзного актива, особенно среди парламентариев от НРП: 45 депутатов стортинга подписали резолюцию протеста против ядерного вооружения Западной Германии в рамках НАТО¹⁰⁰. Руководству правящей партии лишь с трудом удалось вновь подчинить фракцию своему контролю.

На исходе 50-х годов одно из центральных мест во внешнеполитической дискуссии заняла экономическая интеграция. От-

⁹⁹ Orientering, 1960, 26 mars.

¹⁰⁰ Ørvik N. Kampen om Arbeiderpartiet. Oslo, 1977, s. 34; Hoffmann F. Påskeopprøret 1958. Oslo, 1966.

вергнув вслед за Англией участие в «Общем рынке», Норвегия приняла смягченный вариант империалистической интеграции и в 1959 г. стала соучредителем Европейской ассоциации свободной торговли. За вступление в ЕАСТ высказывались и НРП, и все буржуазные партии, указывавшие на то, что на долю участников этой группировки приходилось 36% норвежского экспорта и 30% импорта (1959 г.). 22 марта 1960 г. стorting ратифицировал договор о создании ЕАСТ.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 50-Х ГОДОВ. ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЛОСУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА. СПЛОЧЕНИЕ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В НРП

В первой половине 50-х годов, несмотря на рост производства, положение рабочего класса изменилось мало. По официальным данным, реальный доход лиц наемного труда увеличился с 1950 по 1955 г. на 10%, однако за это же время сильно возросли прямые налоги¹⁰¹. Условия труда ряда категорий рабочих по-прежнему оставались тяжелыми. Так, рабочий день у части моряков продолжался по 60 часов в неделю¹⁰².

В ходе кампании по пересмотру коллективных договоров в 1953 г. рабочие потребовали улучшения своего положения. Но под предлогом необходимости стабилизации цен Объединение предпринимателей выступило против какого бы то ни было повышения заработной платы. В ответ в нескольких местах вспыхнули забастовки. В 1953 г. состоялось 55 забастовок, а число забастовочных человеко-дней составило 40,5 тыс. В 1954 г. этот показатель увеличился до 104,5 тыс., в 1955 г. — до 108 тыс.¹⁰³

В ноябре 1955 г. состоялась 13-дневная забастовка 10 тыс. работников транспорта, которая наложила отпечаток на всю жизнь в стране. Забастовка привела к перебоям в доставке продовольствия, под угрозой прекращения работы оказались многие промышленные предприятия. В итоге транспортники добились удовлетворения своего требования о повышении зарплаты до уровня промышленных рабочих.

Забастовочная борьба достигла наивысшей точки при перезаключении в 1956 г. коллективных договоров, когда было потеряно свыше 950 тыс. рабочих дней¹⁰⁴. Наиболее мощной в 1956 г. была забастовка 25 тыс. строительных рабочих — самая крупная с 1931 г.; впервые за 20 лет бастовали 15 тыс. лесо-

¹⁰¹ Orientering, 1956, N 7, l. 8.

¹⁰² Fri fagbevegelse, 1961, N 2, s. 35.

¹⁰³ Statistisk årbok for Norge 1958. Oslo, 1959, s. 224.

¹⁰⁴ Yearbook of Labour Statistics 1961. Geneva, 1961, p. 547.

рубков. Значительная часть новых тарифных соглашений была заключена лишь после вмешательства арбитражного комитета. Одновременно профсоюзам удалось добиться принятия некоторых важных мер в области социального обеспечения. В 1956 г. ЦОПН и Объединение предпринимателей заключили соглашение о выплате заработной платы рабочим в период болезни. В том же году было введено обязательное страхование по болезни для всего населения. Под влиянием подъема забастовочной борьбы в 1956 г. стортинг отменил положение антирабочего закона о трудовых конфликтах, предусматривавшее штраф для лиц или организаций, призывавших к «незаконным» забастовкам или поддержавших их.

Забастовочная борьба середины 50-х годов заняла особое место в политической жизни Норвегии. Впервые после прихода НРП к власти стачечное движение в условиях высокой конъюнктуры имело ярко выраженный наступательный характер. Массы рабочих требовали значительного улучшения условий жизни и проведения мероприятий, которые бы существенно изменили их социальное положение. Активное участие в борьбе за осуществление экономических требований трудящихся принимали коммунисты.

В марте 1953 г. состоялся VIII съезд Компартии Норвегии, который принял новую программу «Путь Норвегии к миру, демократии, национальной самостоятельности — к социализму». В программе отмечалась особая роль, которую призвано сыграть в борьбе за социализм народное правительство, сформированное стортингом, действительно представляющим интересы народа. Отмечалось, что для создания народной власти необходимо объединение всех трудящихся в широкий народный фронт во главе с рабочим классом. Намечались меры по социалистическому преобразованию различных сфер общественной жизни. В программе содержался призыв к рядовым социал-демократам, ко всему народу бороться за свои насущные требования, за социализм. Новая программа КПН указывала мирный путь строительства социализма на основе традиционных демократических институтов¹⁰⁵.

Антисоветская пропаганда, спекулировавшая на событиях в Венгрии, сумела оказать определенное воздействие на некоторых коммунистов. Усилились праворевизионистские настроения. Осенью 1956 г. развернулась дискуссия, в ходе которой были обсуждены основные вопросы политики партии. IX съезд КПН в марте 1957 г. подвел итоги дискуссии и определил задачи партии в борьбе за интересы трудящихся и социализм. В принятом съездом программном заявлении «На пути к социализму» отразилось стремление вовлечь в борьбу за социализм широкие

¹⁰⁵ Norges vei til fred, demokrati, nasjonal selvstendighet til sosialismen. Oslo, 1953.

слои общества, были выдвинуты лозунги борьбы за демократические права и свободы. Было отмечено, что ведущая роль в строительстве социализма, которую призвана играть компартия, не исключает, а, наоборот, предполагает участие в нем и других партий, позиции которых соответствуют воле большинства народа, строящего социализм. Демократизация избирательного закона позволила КПИ на выборах 1953 г. восстановить свое представительство в стортинге (три места) и удержать его на выборах 1957 г. (одно место).

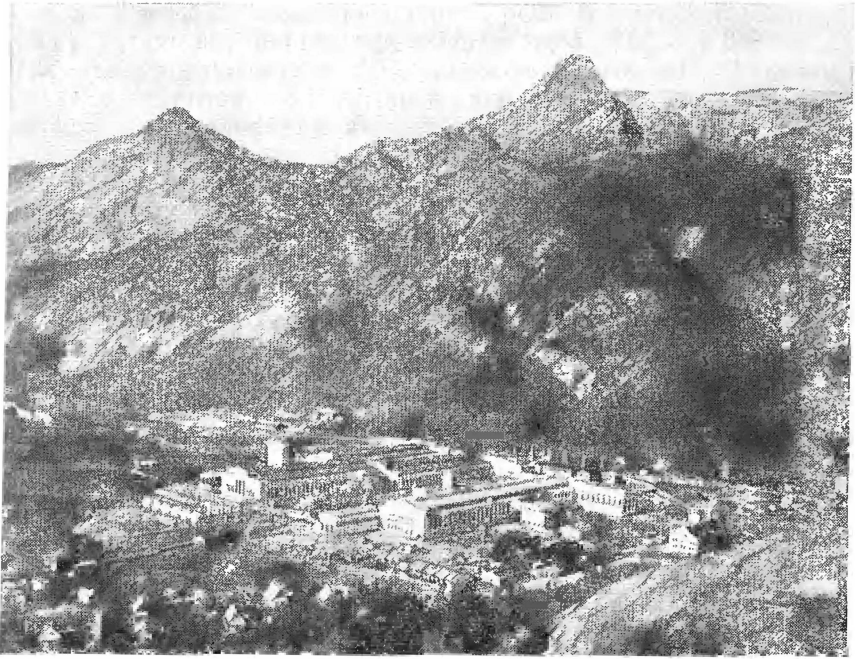
Начиная с середины 50-х годов против официального курса НРП все активнее выступала также оппозиция внутри самой правящей партии и примыкающих к ней организаций. Это проявилось на 19-м конгрессе ЦОПН и 36-м съезде НРП в мае—июне 1957 г. В центре их внимания оказались важные вопросы внутренней и внешней политики. Конгресс ЦОПН, хотя в целом и поддержал все предложения социал-демократического руководства, значительно отличался от предыдущих конгрессов более критическим подходом ко многим вопросам деятельности ЦОПН и свидетельствовал о появлении в профсоюзах свежих веяний.

На съезде НРП руководство партии делало упор на достигнутые страной крупные успехи во многих областях экономической и общественной жизни, на значительное «выравнивание» материального положения отдельных групп населения. Это расценивалось как «успех социализма». В принятой съездом новой рабочей программе по-прежнему выдвигались лишь задачи регулирования народного хозяйства без какого-либо изменения форм государственной деятельности в области экономики. В рабочей программе ни слова не говорилось о государственном секторе, о национализации важнейших отраслей экономики. Был также вновь поставлен вопрос об «экономической демократии», об улучшении положения групп с небольшими доходами, о равной оплате за равный труд, о максимальном расширении пенсионного обслуживания на предприятиях¹⁰⁶.

Линия руководства была подвергнута резкой критике со стороны некоторых партийных организаций, как не способствующая осуществлению коренных социальных преобразований. Большое число поправок к проекту рабочей программы, нацеленных на ее радикализацию, внесло руководство молодежной организации НРП. Однако руководство НРП добилося их отклонения.

Закреплению реформистского курса правящей НРП благоприятствовало дальнейшее улучшение экономического положения страны во второй половине 50-х годов (исключая кратковремен-

¹⁰⁶ Det norske Arbeiderparti. 36. ordinære landsmøte 30., 31. mai og 1. juni 1957. Protokoll. Oslo, 1958, s. 37.

Новое предприятие фирмы «Норпик гидро», 1950-е годы

ный застой в 1957—1958 гг.). Рост производства отмечался во всех отраслях, кроме судостроения, где признаки оживления появились только в конце 1960 г. Особенно значителен был рост в промышленности, доля которой в валовом национальном продукте продолжала увеличиваться. Быстрыми темпами росло производство электроэнергии. За 1950—1960 гг. оно увеличилось вчетверо, так что промышленность достигла весьма высокой энерговооруженности — 48 тыс. кВт часов в год на одного работающего¹⁰⁷.

С 1956 по 1960 г. общий тоннаж норвежского торгового и пассажирского флота увеличился с 7871 тыс. до 10 901 тыс. т, что означало удвоение тоннажа по сравнению с 1950 г.¹⁰⁸

Норвегия прочно заняла первое место в Западной Европе по росту объема капиталовложений, которые с 1956 по 1960 г. увеличились почти на 26%¹⁰⁹. При этом быстро росли частные

¹⁰⁷ По данным: Økonomisk utsyn over året 1960. Oslo, 1961, s. 89.

¹⁰⁸ Halvorsen A. Næringsliv og arbeidsliv. Oslo, 1971, s. 186.

¹⁰⁹ Økonomisk utsyn over året 1960, s. 89.

капиталовложения. В 1958 г. они составляли 35%, в 1959 г. — 45, в 1960 г. — 50% всех валовых инвестиций (не считая ипостранных)¹¹⁰. Во второй половине 50-х годов продолжался процесс роста и концентрации производства, который особенно ускорился после вступления Норвегии в Европейскую ассоциацию свободной торговли. В 1960 г. произошло частичное слияние двух крупных концернов — «Лиллеборг фабриккер» и «Де-Но-Фа». В том же году на базе трех фирм, на долю которых приходилось почти 50% продажи консервов, было создано новое общество — «Ассошиэйтед коннериз лимитед». В условиях острой конкурентной борьбы прекращали существование сотни мелких предприятий в различных отраслях производства. В 1960 г. 12 судоходных компаний владели 30% норвежского торгового флота, в то время как остальные 70% приходились на долю 380 компаний¹¹¹. Трех крупнейшим банкам в конце 1960 г. принадлежало 52,5% всего частного коммерческого банковского капитала страны¹¹².

В течение 50-х годов не ослабевал приток в страну иностранного капитала. Был создан специальный правительственный комитет, который разрабатывал меры по привлечению иностранных вкладчиков. В 1960 г. иностранным капиталистам принадлежало свыше 50% акционерного капитала в 65 крупнейших промышленных и горных компаниях.

Во второй половине 50-х годов в сельском хозяйстве произошла настоящая техническая революция. В 1960 г. в стране работало 57 тыс. тракторов (в 1949 г. — 9354) и 5 тыс. уборочных комбайнов¹¹³. С 1949 по 1961 г. применение основных видов химических удобрений возросло на 40%¹¹⁴. Благодаря проведению усиленной рационализации и механизации значительно возросло производство сельскохозяйственных продуктов. В 1959 г. оно было на 78% выше (в расчете на одного занятого), чем в 1938 г.¹¹⁵ В 1960 г. был собран рекордный в истории Норвегии урожай.

Продолжался процесс дифференциации крестьянских хозяйств. С 1950 по 1961 г. было ликвидировано 17 600 мелких хозяйств¹¹⁶. Число хозяйств с обрабатываемой землей свыше 20 га возросло. Политика правительства в области сельского хозяйства способствовала укрупнению хозяйств. Сельскохозяйственное население

¹¹⁰ Экономика капиталистических стран в 1960 г. М., 1964, с. 126.

¹¹¹ The Norseman, 1961, N 5, p. 21.

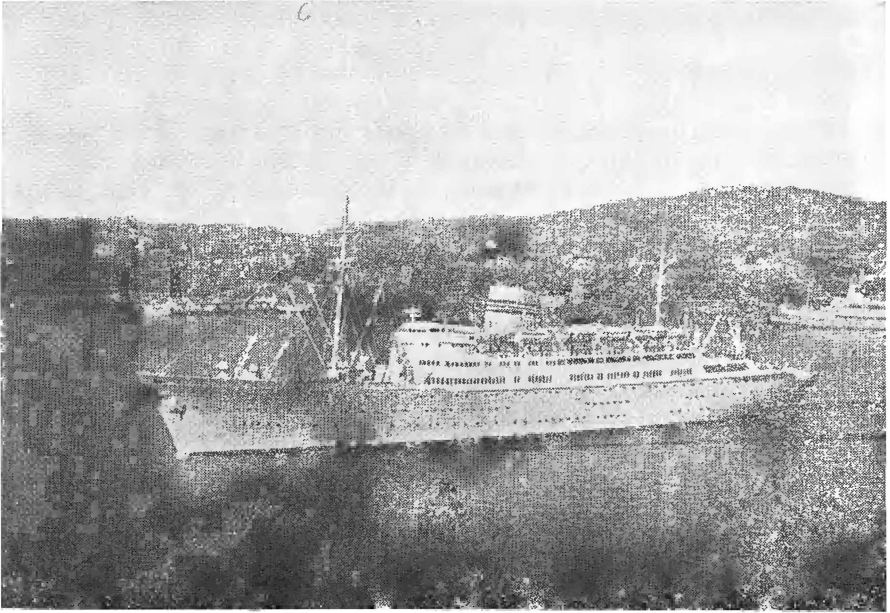
¹¹² Verdens Gang, 1961, 15 febr.

¹¹³ Demokratiske program av økonomisk utvikling 1962—1965. Oslo, 1961; Сельское хозяйство капиталистических стран. М., 1959, с. 493.

¹¹⁴ См.: Økonomisk utsyn over året 1961. Oslo, 1962, s. 8.

¹¹⁵ Orientering, 1960, 27 febr.

¹¹⁶ The Norseman, 1961, N 4, p. 27.

«Осло-фьорд» — флагман норвежской трансатлантической линии, 1955 г.

ежегодно сокращалось на 5 тыс. человек. В 1960 г. крестьянские дворы распределились по величине участков следующим образом:

1—10 га	169 080
10—20 га	15 597
20—50 га	4 809
свыше 50 га	379

Источник: *Orientering*, 1960, 27 febr.

Уменьшилось применение в сельском хозяйстве наемного труда. Если в 1950 г. на его долю приходилось 18% всего объема работ, то в 1959 г. — только 7—8%¹¹⁷.

Благоприятная экономическая конъюнктура привела к значительному росту курса акций промышленных и торговых фирм. В 1961 г. курс акций промышленных фирм возрос почти на 50% по сравнению с 1958 г.¹¹⁸ Правительство уступило тре-

¹¹⁷ *Orientering*, 1960, 27 febr.

¹¹⁸ *Friheten*, 1961, 17 juni.

бованиям хейре об отмене ограничения размера дивидендов и строгого регулирования цен на товары и услуги, что способствовало значительному обогащению монополий. С 1952 по 1960 г. число миллионеров увеличилось с 400 до 800 человек¹¹⁹.

50-е годы ознаменовались сильным ростом цен. Цены на продовольственные товары поднялись на 82%. Увеличилась стоимость услуг, подорожал проезд на транспорте и др. По признанию специального экономического комитета (так называемого «комитета Паульсона»), рост стоимости жизни в Норвегии был одним из самых высоких в Западной Европе. Тем не менее рабочий класс Норвегии в острой борьбе добился увеличения реальной заработной платы к 1960 г. на 27% по сравнению с 1949 г.¹²⁰ Значительные группы трудящихся переселились из тесных довоенных жилищ в собственные (одно- и двухквартирные) дома или более просторные кооперативные квартиры. Товарный дефицит первых послевоенных лет ушел в прошлое. Несмотря на практически полную занятость, положение отдельных групп трудящихся было далеко не одинаково. Заработная плата рабочих текстильной промышленности, лесопильщиков и некоторых других постоянно находилась ниже среднего уровня. Если в 1949 г. около трети всех налогоплательщиков имели годовой доход до 8 тыс. крон, т. е. значительно ниже прожиточного минимума так называемой индексной семьи (3,5 человека), то в 1957 г. эта группа составляла уже 41% всех налогоплательщиков, хотя прожиточный минимум на этот период еще более возрос. Вместе с тем увеличилось число лиц, получавших высокие доходы (свыше 30 тыс. крон в год), — с 1,1% всех налогоплательщиков в 1951 г. до 2,4% в 1957 г.¹²¹

Рост жизненного уровня трудящихся сдерживался значительным усилением налогового бремени. Налоги составили около 30% валового национального продукта страны¹²². Общая сумма налогов, собранных в 1960 г., достигла 10 млрд. крон, что примерно на пятую часть больше, чем в 1950 г. В 1960 г. был введен новый косвенный налог, увеличивший стоимость всех предметов розничной торговли на 11,4%¹²³.

Благоприятное развитие экономики в конце 50-х годов способствовало росту занятости. Усиление рационализации и автоматизации труда вызвало, однако, на ряде предприятий сокращение числа рабочих. В 1958 г. было около 50 тыс. безработных¹²⁴.

Изменения в структуре экономики вели к перераспределению населения по отраслям. Продолжала уменьшаться доля сельско-

¹¹⁹ Ibid., 14 aug.

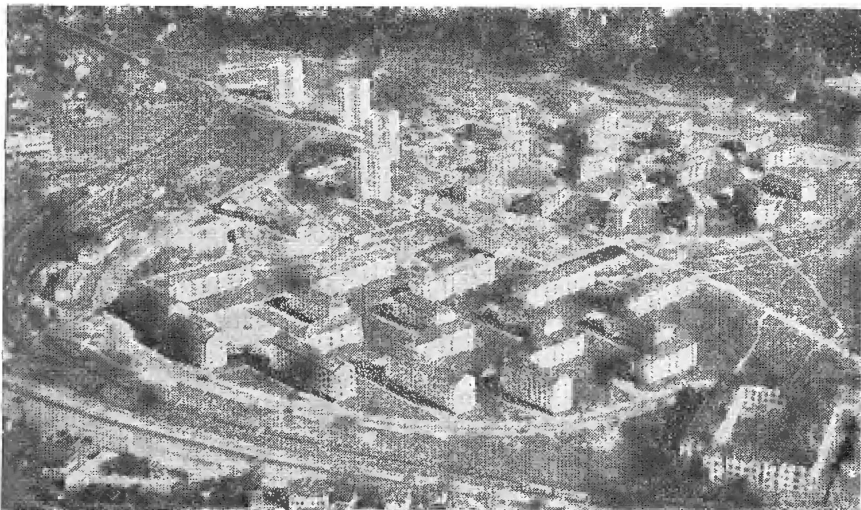
¹²⁰ Statistisk årbok for Norge 1960. Oslo, 1960, s. 206.

¹²¹ Ibid., s. 260.

¹²² Мировая экономика и международные отношения, 1961, № 12, с. 90.

¹²³ Fri fagbevegelse, 1961, N 7, s. 189.

¹²⁴ Statistisk årbok for Norge 1961. Oslo, 1961, s. 313.

Новый микрорайон Осло, 1950-е годы

го населения при сохранении прежнего удельного веса рабочих и служащих в промышленности. Вместе с тем во всех отраслях быстро возрастала доля служащих, на которых в 1960 г. пришлось уже около 20% самостоятельного населения страны. Согласно переписи этого года, население страны распределялось по отраслям экономики следующим образом: сельское и лесное хозяйство, рыболовство — 19%, промышленность, ремесла, строительство, энергетика — 37, торговля, управление, транспорт и другие сферы обслуживания — 44%¹²⁵.

Высокая экономическая конъюнктура и проведение социальных реформ обеспечили правящей партии новую победу на парламентских выборах 1957 г. На выборах НРП выдвинула лозунг сохранения «рабочего правительства», запугивая избирателей перспективой «победы буржуазии». Предложение компартии (после ее IX съезда) о совместном выступлении с согласованной предвыборной программой было решительно отвергнуто. Получив 865,5 тыс. голосов и 78 мест, НРП укрепила свои позиции в стортинге. В обстановке антикоммунистической кампании КПН собрала на выборах значительно меньше голосов, чем в 1953 г. (60 тыс. вместо 90,5 тыс.), и сохранила лишь один мандат. За партию «Хёйре» проголосовали 301 тыс. избирателей (29 мест), «Венстре» — 171,5 тыс. (15 мест), ХПП — 183 тыс. (12 мест)¹²⁶.

¹²⁵ Halvorsen A. Op. cit., s. 91.

¹²⁶ Arbeiderbladet, 1957, 5 mars.

В конце 50-х годов забастовочное движение стало менее активным. В большинстве случаев предприниматели были вынуждены сравнительно быстро принимать требования рабочих. Большое число конфликтных ситуаций не переросло в забастовки из-за вмешательства руководства Рабочей партии и ЦОПН.

Одновременно монополии укрепляли свои позиции по отношению к профсоюзным организациям, стараясь по-прежнему противопоставить ЦОПН другим профсоюзам, в частности Центральную организацию служащих, объединявшую большое число служащих коммунальных учреждений. Поддерживались сепаратистские тенденции внутри ЦОПН, поспрялись вышедшие из него профсоюзы, с ними заключались более выгодные соглашения. Важное место в борьбе против ЦОПН занимала организация предпринимателей «Либертас». В 1959 г. членами «Либертас» были 82% норвежских судовладельцев, около 70% промышленников. «Либертас» получала в виде взносов от 2 тыс. различных предприятий и судовладельческих контор около 1,8 млн. крон в год¹²⁷, на которые вела большую пропагандистскую деятельность. Она превратилась в главную организацию монополистического капитала, борющуюся против рабочего движения¹²⁸.

Соглашательская линия НРП и ЦОПН вела к ослаблению позиций профсоюзов. Ряды ЦОПН перестали расти: в 1960 г. в нем насчитывалось 540 тыс. членов по сравнению с 545,5 тыс. в 1956 г. При общем высоком уровне организованности рабочего класса имелись некоторые губернии, где было много неорганизованных рабочих. Так, вне профсоюзов оставалось свыше 50% рабочих провинций Упланд и Нурланд. Серьезную тревогу у руководителей ЦОПН вызывала пассивность молодых членов профсоюзов.

После победы на выборах 1957 г. лидеры НРП сочли возможным на 37-м съезде партии в 1959 г. внести новые поправки в свою программу, в том числе по так называемому вопросу о социализации. Этот вопрос на съезде был главным. Обсуждался доклад, представленный еще в 1954 г. комитетом по социализации и посвященный проблеме национализации частной собственности. Доклад комитета прозвучал как надгробное слово идее национализации. В нем утверждалось, что в Норвегии владельцы предприятий, акционерных обществ, кооперативов, как правило, не управляют ими и, таким образом, национализация не имеет смысла. «Комитет считает, — говорилось в докладе, — что общая социализация не занимает более того места в социалистической мысли и целях, как раньше»¹²⁹.

¹²⁷ Orientering, 1960, 9 apr.

¹²⁸ Fri fagbevegelse, 1960, N 3, s. 67.

¹²⁹ Det norske Arbeiderparti. 37. ordinære landsmøte 7.—9. mai 1959. Oslo, 1960, s. 151.

Отказ Рабочей партии от действительных мероприятий, направленных на глубокие социально-экономические преобразования, дальнейшее сближение позиций НРП с позицией буржуазных партий привели к заметному падению ее влияния. Это наглядно отразили результаты коммунальных выборов осенью 1959 г.: НРП получила на этих выборах на 136 тыс. голосов меньше, чем на выборах в стортинг в 1957 г. Группа левых социал-демократов, объединившихся вокруг газеты «Ориентеринг», теперь значительно усилила критику в адрес руководства НРП. «Ориентеринг» выступала за выход Норвегии из НАТО, за отказ от атомного оружия и разоружение, за установление дружественных связей со всеми странами, за участие в замкнутых экономических группировках. Сторонники «Ориентеринг» требовали также изменения внутренней политики Рабочей партии, выполнения данных после войны обещаний о проведении социалистических преобразований в Норвегии. «Ориентеринг» выдвигала лозунг ограничения власти монополий, национализации важнейших отраслей экономики, расширения прав рабочих на предприятиях. Выступая в целом против теории и практики норвежских коммунистов, «Ориентеринг», однако, не опускалась до грубого антикоммунизма. Газета придерживалась дружественного тона по отношению к СССР и другим странам социализма.

Руководство НРП пыталось игнорировать и замалчивать деятельность группы «Ориентеринг». Впервые деятельность группы была подвергнута острой критике на 37-м съезде партии в 1959 г., и руководству партии было поручено решить вопрос о ней. В ответ газета заявила о том, что приступает к разработке собственной программы и организационному сплочению своих читателей. 25 сентября 1960 г. центральное правление НРП приняло специальное решение о группе «Ориентеринг», обвинив ее членов во фракционной деятельности, наносящей ущерб партии, в нелояльном отношении к основной политической линии НРП. Деятельность членов группы была объявлена несовместимой с пребыванием в партии. В декабре члены правления и редакционного комитета «Ориентеринг» были предупреждены об ожидающем их исключении из партии, если до конца года не порвут с газетой, а затем этот вопрос был передан в соответствующие местные организации. Одновременно были предупреждены левые элементы в молодежной организации НРП. Эти репрессивные меры уже в 60-х годах повлекли за собой внутренний кризис в НРП¹³⁰.

¹³⁰ *Kvam R. DNA mot splittelse. Oslo, 1973.*

* * *

Таким образом, за послевоенное 15-летие экономическое положение Норвегии не только стабилизировалось; страна в своем развитии, особенно индустриальном и аграрном, ушла далеко вперед от довоенного уровня. Однако это развитие шло по линии государственно-монополистического капитализма. Правящая партия НРП как главный провозвестник и исполнитель этого политического курса сумела удержать свои позиции, осуществляя реформы, не выходящие за рамки капиталистического общества.

В области внешней политики Норвегия впервые в мирное время стала членом блока держав — империалистического блока НАТО, впервые провела столь значительные военные приготовления. Участие в НАТО было до известной степени ограничено неоднократно подтверждавшейся базовой, а затем и ядерной политикой правительства НРП. Тем не менее принятое в 1949 г. решение явилось отступлением от провозглашенной после войны политики дружбы и добрососедства с Советским Союзом.

НОРВЕГИЯ 60—70-Х ГОДОВ: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ «ОБЩЕСТВА БЛАГОПОЛУЧИЯ», КУРС НА ИНТЕГРАЦИЮ И ЕГО ЗАМЕДЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

60—70-е годы выделяются как отдельная полоса новейшей истории Норвегии. От послевоенного периода¹ они отличаются не только углублением неравномерности экономического развития, но и заметным усилением социальной напряженности, парламентской нестабильностью, обострением идейно-политической борьбы.

Именно в 60—70-х годах хозяйственный рост, и прежде всего продолжение политики индустриализации — политики, совместно разрабатывавшейся Норвежской рабочей партией и буржуазными кругами, привел к значительным изменениям в экономике, к уменьшению удельного веса сырьевых отраслей, концентрации производства и капитала, появлению новых, современных производств, сокращению числа мелких и мельчайших предприятий. Эти изменения сказались в свою очередь на структуре хозяйственно активного населения, демографических перемещениях. Социальные сдвиги, затронувшие как рабочий класс, так и средние слои, т. е. наиболее массовые категории населения, стали одним из источников недовольства, сопровождавшегося колебаниями в соотношении политических сил.

Другим источником недовольства явились также последствия утверждения государственно-монополистического капитализма, как разбухание бюрократического аппарата, усиление его вмешательства в хозяйство и частную жизнь граждан, неуклонный рост налогов, государственных и местных. Норвежскому, в недалеком прошлом мелкобуржуазному, обществу многие из этих примет времени претили и воспринимались болезненно.

Углубление неравномерности и противоречивости социально-экономического и общественно-политического развития подрывало

¹ 20-летие 1945—1965 гг. некоторые норвежские историки оценивают как время «роста и процветания», как «эру согласия» социал-демократии и буржуазных партий. См.: Vekst og velstand. Norsk politisk historie 1945—1965. Oslo, 1977.

руководящую концепцию правящей НРП: индустриальный и прочий экономический рост — регулирование и выравнивание распределения — повышение благосостояния — политическая стабильность и возрастающее влияние социал-демократии. В 70-х годах новые чувствительные удары по этой концепции напесли процессы, сопутствующие научно-технической революции, а также экономический спад в конце десятилетия. Закрытие или сокращение устаревших производств, замедленный рост или уменьшение числа рабочих мест стали повседневной реальностью. Наличие развитой системы социального страхования смягчало, но не снимало возникавших социально-экономических проблем.

В 60-х и особенно в начале 70-х годов стал назрывать кризис правореформистской, социал-демократической идеологии «роста» и «общества благосостояния». Настала пора возрождения общественного интереса к политике, к концепциям, предусматривающим глубокие преобразования в стране; пришло время радикализации настроений рабочего класса, учащейся молодежи и других социальных слоев.

Осложнились взаимоотношения правящей НРП и буржуазных партий. Социал-демократическое «лидерство» в политической жизни страны уже не удовлетворяло буржуазию как прежде. Преодолевая междоусобицу, буржуазные партии шли на взаимное сближение. Консерваторы, хейре, а вслед за ними другие буржуазные партии настойчивее прежнего стремились удерживать социал-демократов от поползновений решать возникавшие проблемы с помощью глубоких социально-экономических реформ.

Крупная норвежская буржуазия лишь отчасти соглашалась с мерами государственного регулирования, финансовой политикой, социальным законодательством, осуществлявшимися НРП. Опираясь на свои политические и экономические позиции, буржуазия больше прежнего стремилась непосредственно определять национальную экономическую стратегию и тактику. Предпринимателей тревожила проводимая НРП, хотя и в ограниченных размерах, линия на создание государственных предприятий. С начала 70-х годов в число экономических проблем, обостривших политическое соперничество, прочно вошла норвежская нефть: от того, кто и как распоряжается «нефтяными миллиардами», во многом зависело дальнейшее развитие страны.

Средняя буржуазия, наряду с другими проблемами, была озабочена ориентацией партийного руководства НРП и правительства на относительно открытую для иностранной конкуренции экономику, в особенности курсом на интеграцию и присоединение к ЕЭС. Эти обстоятельства изменили предпосылки своего рода «принципиального компромисса», закрепившегося между социал-демократией и буржуазным лагерем в послевоенный период.

На внутреннем положении сказывалось и все возрастающее вовлечение Норвегии в систему международных политических и

экономических связей. На ход политической борьбы в 60-е годы заметно повлияло также изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, а позже такие факторы, как начавшаяся разрядка или возмущение агрессией США в Индокитае.

Под воздействием всех этих сдвигов относительное внутриполитическое равновесие, давшее одно время повод буржуазным и социал-демократическим идеологам включить Норвегию в число «заповедников» гражданского мира, сменилось неустойчивостью, колебаниями в настроениях массы избирателей. За сравнительно короткий срок, 10—15 лет, в Норвегии появились пять новых политических партий или организаций, провозгласивших себя таковыми. НРП на протяжении одного десятилетия (1963—1973) трижды выпущдена была уступать правительственные кресла буржуазной оппозиции. Значительные события происходили и внутри отдельных партий: они раскалывались, меняли тактику, политических партнеров, обновляли программные документы.

Всего заметнее новые черты политического развития страны в 60-е и 70-е годы проявились в ослаблении влияния Норвежской рабочей партии и поддержки ее избирателями; в обострении соперничества между социал-демократами и буржуазными партиями; в подъеме вплоть до середины 70-х годов левых, демократических сил. В начале 70-х годов на почве борьбы против вступления страны в «Общий рынок» сложилась, хотя и на короткий срок, широкая коалиция национально-патриотических и леводемократических сил. Последние затем создали Социалистический избирательный союз (СИС).

Конец 60-х — начало 70-х годов — время перехода Норвегии от завершения индустриализации к этапу научно-технической революции. 60-е годы вместе с началом 70-х годов — это время постепенного подъема левых сил и ослабления правой социал-демократии в рабочем движении, налаживания сотрудничества левых партий и течений. Вторая же половина 70-х годов принесла с собой известный крен вправо как внутри самого рабочего движения, так и по стране в целом.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 60—70-Х ГОДОВ: ТЕМПЫ РОСТА, СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В 60-е годы на общем фоне конъюнктурного подъема в Западной Европе интенсивно развивалась и норвежская экономика. Если в 50-х годах среднегодовой прирост валового национального продукта составлял около 3,5%, то в 60-е годы он достиг 5%. Из группы западноевропейских стран со средним уровнем экономического развития Норвегия перешла в группу высокоразвитых государств и попала в число 10 самых богатых капитали-

стических стран мира, судя по величине валового национального продукта на душу населения². По данным Швейцарского банковского союза в 1976 г. страна по этому показателю обеспечила себе третье место в Западной Европе, уступая Швейцарии и Швеции³.

Валовой национальный продукт Норвегии, взятый в постоянных ценах, в 1977 г. более чем удвоился по сравнению с 1960 г., о чем свидетельствуют следующие индексы (1970 = 100):

Индекс	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1977 г.
Всего	62	80	100	126	138
На душу населения	68	84	100	121	133

Источник: Yearbook of Nordic Statistics 1976. Stockholm, 1977, p. 250; Yearbook... 1978. Stockholm, 1979, p. 243.

В течение рассматриваемого периода промышленность Норвегии росла особенно бурно, как видно из показателей выпуска промышленной продукции:

Отрасль	1959 г.	1966 г.	1968 г.	1970 г.	1972 г.	1977 г.
Добывающая промышленность	100	159	194	231	283	1018
Обрабатывающая промышленность	100	152	162	179	189	207

Источник: Yearbook... 1973. Stockholm, 1974, p. 95; Yearbook... 1978, p. 110—111 (наш расчет).

За 1973—1978 гг. выпуск добывающей промышленности Норвегии увеличился в 6,5 раза благодаря нефти и газу. Выпуск других видов добывающей промышленности вырос лишь на 10—15%, а добыча угля даже сократилась. Выпуск обрабатывающей промышленности вообще не увеличился за те же годы.

² Малые страны Западной Европы. М., 1972, т. 1, с. 19; Nordeuropa in der Gegenwart. Berlin, 1972, S. 221.

³ Der Spiegel, 1976, N 27.

Успешно развивались также сельское хозяйство, рыболовство и морской транспорт. Отраслевой процентный состав валового национального продукта Норвегии в 1960—1975 гг. изменялся следующим образом:

Отрасль	1960 г.	1970 г.	1975 г.
Промышленность, энергетика	28	28	32
Строительство	12	8	8
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	10	7	6
Транспорт и связь	17	17	13
Торговля	17	13	12
Управление и прочие отрасли	16	27	29
	100	100	100

Источник: *Тымашкова О. К.* Скандинавская социал-демократия на современном этапе. М., 1978, с. 21.

Производительность труда за 1962—1969 гг. повысилась в целом на 27%, в морском транспорте она почти удвоилась (на 91%) благодаря высокому уровню капиталовложений и резкому увеличению числа сверхмощных тапкеров. В горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, вместе взятых, производительность труда увеличилась на 40%, в строительстве — на 26, в торговле — на 14%⁴. Подавляющая часть выпускаемой продукции за тот же период была получена за счет производительности труда, так как рост числа занятых не превышал 3%. Важнейшей причиной увеличения производительности труда было повышение органического строения капитала, о чем свидетельствуют чрезвычайно высокие инвестиционные отчисления. По удельному весу инвестиций в валовом национальном продукте (около 30% в 1964—1968 гг.) Норвегия занимала первое место в Западной Европе и второе место в капиталистическом мире после Японии (соответствующий показатель — 34%)⁵. Хозяйственный рост сопровождался хронической инфляцией. Цепы за 60—70-е годы утроились. Поэтому даже в благоприятные 60-е годы реальная заработная плата росла значительно медленнее номинальной. Это следует из приводимых индексов цен на потребительские товары, номинальной заработной платы и реальных доходов

⁴ Подсчитано: Norway. Economic Surveys. OECD. Paris, 1971.

⁵ Ibid., p. 66, 67.

(1959 г. = 100):

Индекс	1965 г.	1970 г.	1978 г.
Цена на потребительские товары	122	156	301
Номинальной заработной платы	147	225	596
Реальных доходов	120	144	198

Источник: Økonomisk Informasjon. Landsorganisasjonen i Norge. Oslo, 1974, N 2; Statistisk årbok 1975. Oslo, 1975, s. 274; Statistisk årbok 1979. Oslo, 1979, s. 284, 455.

Общий экспорт Норвегии за 18 лет участия в Европейской ассоциации свободной торговли (1960—1977) увеличился с 809 млн. до 8709 млн. долл., импорт соответственно — с 1315 млн. до 12 891 млн. долл. Более высокие темпы роста экспорта говорят о том, что норвежским монополиям удалось использовать новые рыночные условия и развивать преимущественно экспортные отрасли экономики. С 1960 г. экспорт в страны ЕАСТ увеличился за 15 лет в 12,4 раза, в страны ЕЭС — 5,9 раза, импорт из стран ЕАСТ — в 7,2 раза и из стран Общего рынка — в 4,1 раза⁶. Опережение темпов роста товарообмена с ЕАСТ отчасти объясняется воздействием многолетней беспопытной торговли в рамках ЕАСТ. Внешняя торговля Норвегии за время участия в ЕАСТ развивалась быстрее, чем в странах зоны в целом, и даже быстрее, чем в странах Европейского экономического сообщества: доля норвежского экспорта в мировой торговле за 1959—1973 гг. увеличилась с 0,7 до 0,9%.

Периоду участия Норвегии в системе западноевропейской интеграции, в частности в ЕАСТ, свойственна усиленная перестройка хозяйства в целях приспособления к требованиям мирового рынка и достижения международной конкурентоспособности. Важнейшим мероприятием тут стала проводимая государством в интересах частномонополистического предпринимательства «новая структурная политика» — активизация процесса концентрации и централизации капиталов. В послевоенной Норвегии активный процесс концентрации и централизации капитала начался позже и имел более спокойный характер, чем в других скандинавских странах. За 1960—1969 гг. в Норвегии зарегистрировано лишь 187 слияний предприятий и 168 соглашений о сотрудничестве. В одном 1970 г. было зарегистрировано 89 слияний. Из всех слияний треть произошла в машиностроении, в виде горизонтальной интеграции отдельных или даже целых групп предприятий⁷. О распределении промышленных предприятий говорят

⁶ EFTA Trade 1974. Geneva, 1976, p. 41, 42.

⁷ Пискулов Ю. В., Градобитова Л. Д. Ссвер и интеграция. М., 1972, с. 10.

следующие цифры (1967 г.):

Величина предприятий, число рабочих	Число предприятий	% от общего числа предприятий	Созданный новый продукт, млн. крон	% созданного нового продукта
До 10	12600	68,9	1314	9,3
10—49	4300	23,6	2865	20,2
50—99	700	3,9	1865	13,2
100—199	380	2,1	2115	14,9
200 и более	270	1,5	5994	42,4

Источник: Norway's Industry. The Federation of Norwegian Industries. Oslo, 1968, p. 14.

Несмотря на ускорение процесса концентрации и централизации производства, промышленная база Норвегии остается, таким образом, относительно менее развитой, чем в других северных странах. В конце 60-х годов 90% составляли мелкие предприятия с числом рабочих до 50 человек. На них было занято 38% экономически активного населения (1,5 млн. человек), и лишь 20% трудилось на крупных предприятиях с числом рабочих более 300 человек. Даже самые крупные фирмы Норвегии являются в масштабах Скандинавии сравнительно скромными. В числе 40 крупнейших компаний региона значатся лишь три норвежских фирмы.

Процесс концентрации происходит также в морском транспорте. Как сухогрузный, так и наливной тоннаж флота все больше сосредоточивается в руках крупных судовладельческих компаний. В Норвегии 12 компаний владеют примерно 40% всего торгового флота.

В сельском хозяйстве число крупных ферм с высокомеханизированным процессом производства и площадью более 100 га к 1959 г. возросло в 1,5 раза и к 1969 г. — в 2 раза по сравнению с 1950 г. Число же ферм с сельскохозяйственной площадью от 5 до 50 га сократилось за это время почти вдвое. В 1977 г. из общего числа ферм с пашней более 2 га (выше 95 тыс. ферм) более 90% составляли хозяйства с пашней до 20 га⁸. Капиталистические отношения в сельскохозяйственном производстве по-прежнему развиты сравнительно слабо. Основная масса крестьянских хозяйств принадлежит к разряду небольших семейных ферм. Рыболовство также ведется главным образом на небольших сейнерах, и владельцы рыболовных судов, как правило, сами участвуют в промысле.

Вследствие структурной перестройки при государственно-мо-

⁸ Statistisk årbok for Norge 1973. Oslo, 1973, s. 100; см.: Сельское хозяйство Норвегии: Обзор литературы / Сост. В. Д. Мартынов. М., 1969; Yearbook of Nordic Statistics 1978. Stockholm, 1979, p. 77.

Рыбоконсервная фабрика

пополистическом регулировании отраслевая структура экономики существенно изменилась.

Доля первичного сектора — сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства — в национальном продукте упала с 9,6% в 1960 г. до 6,4 — в 1970 г. и до 5,9% в 1975 г.⁹ Доля вторичного сектора — горнодобывающей, тяжелой и легкой промышленности, строительства и гидроэнергетики — повысилась незначительно: за 1960—1970 гг. — с 34,9 до 36,3%. Быстрее всего развивался третичный сектор — обслуживание, включая транспорт и связь, в осо-

⁹ EFTA Bulletin, 1972, vol. XIII, N 6, p. 5; Yearbook... 1976. Stockholm, 1977, tab. 181, p. 251.

бенности морское судоходство. Доля этого сектора возросла за десятилетие с 55,5 до 57,8% ¹⁰. В фазу его преимущественного развития Норвегия вступила примерно на 10 лет позднее других западноевропейских стран.

Об изменении в структуре валового национального продукта Норвегии за 1950—1970 гг. свидетельствуют следующие процентные данные по стоимости факторов производства:

Сектор	1950 г.	1963 г.	1970 г.	1977 г.
Первичный	15	8	6	6
Вторичный	38	38	36	35
Третичный	47	54	58	59

Источник: Доросфеве С. И. Структурные изменения и темпы роста экономики капиталистических стран. М., 1974, с. 47; Statistisk årbok 1978. Oslo, 1978, p. 73.

Традиционные отрасли продолжают играть важную роль в экономике страны. Так, до настоящего времени Норвегия входит в число главных поставщиков деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности на мировом рынке, занимает пятое место по улову рыбы, четвертое — по производству и второе — по экспорту алюминия. По производству электроэнергии на душу населения Норвегия занимает первое место в мире.

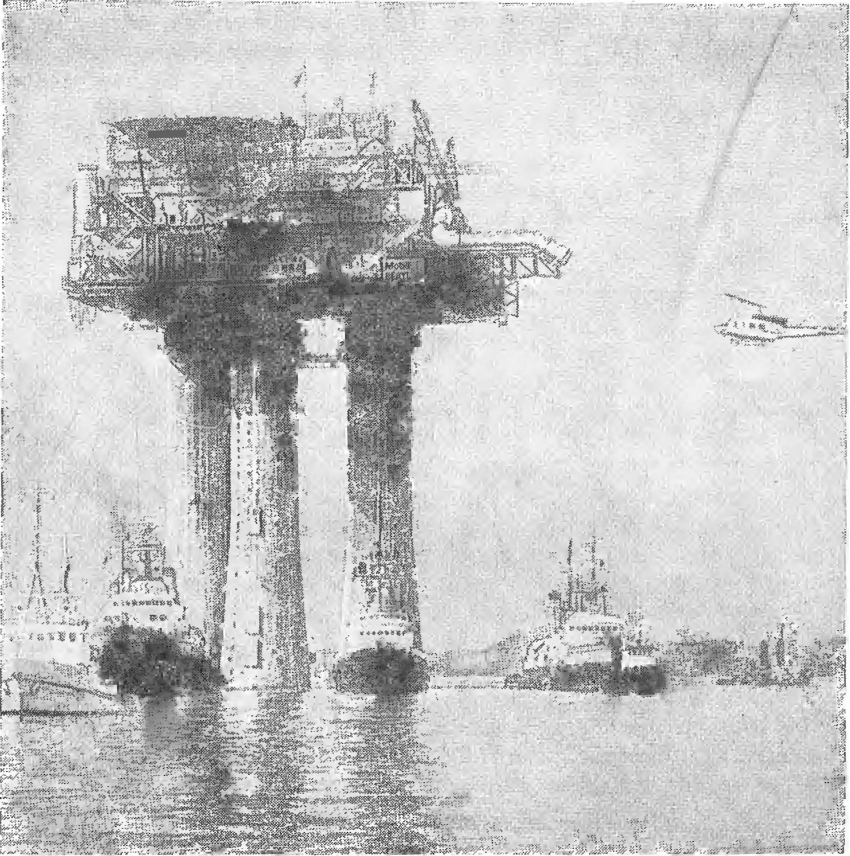
С начала 70-х годов возрастающее значение в экономике Норвегии начали приобретать нефть и газ, открытые в недрах норвежского континентального шельфа в Северном море. Поиск и эксплуатация нефтяных источников сопровождалась усиленным интересом к Норвегии со стороны международного монополистического капитала.

С первой заявкой на разведку нефти у норвежских берегов западные нефтяные компании обратились к Норвегии осенью 1962 г. Разведывательные работы начались год спустя. По решению норвежского правительства шельф к югу от 62-й параллели был разделен на участки площадью примерно в 500 км² каждый. К концу 1965 г. министерство промышленности выделило иностранным компаниям 78 участков (из размеченных 278). В конце 1969 г. разведывательная партия американской нефтяной корпорации «Филипс-петролеум» обнаружила в морском районе «Экофиск» на глубине около 3 тыс. м крупные залежи нефти. Это сенсационное событие стало рубежом вступления Норвегии в новую, «нефтяную эпоху» ¹¹.

По состоянию на 1978 г. запасы Северного моря южнее 62-й широты оценивались в 3—4 млрд. т нефти и 500—600 млрд. м³ природного газа. К концу 1978 г. в норвежском секторе Север-

¹⁰ EFTA Bulletin, 1972, vol. XIII, N 6, p. 5.

¹¹ Hellem R. Oljen i norsk politikk. Oslo, 1974, s. 30.

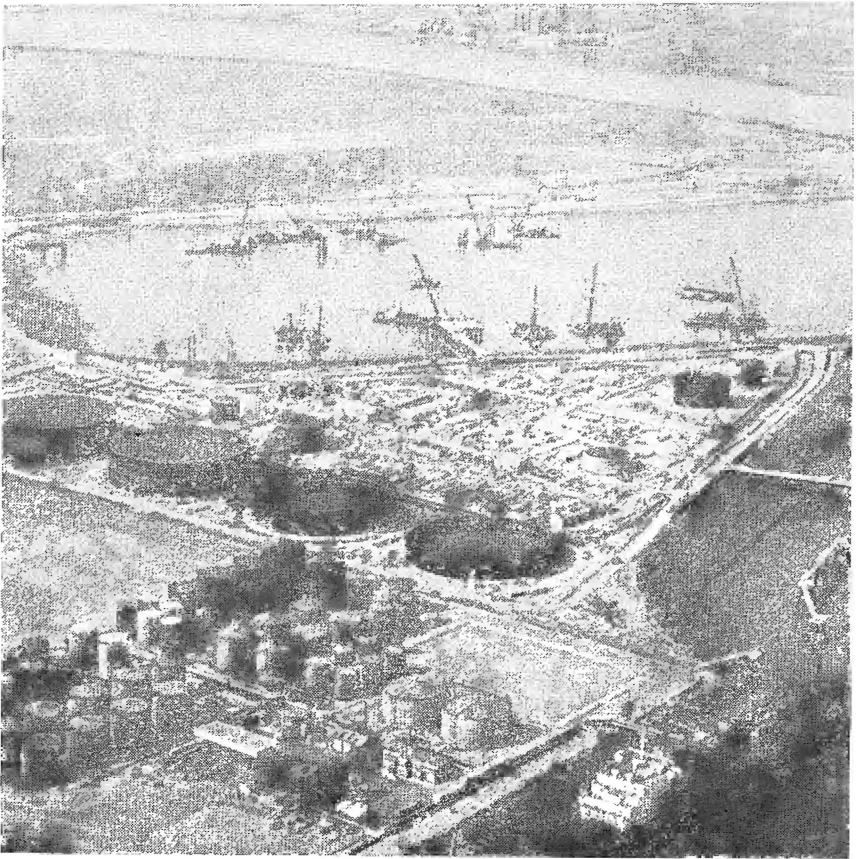
Морская нефтебуровая платформа. Перевозка

ного моря было найдено 35 месторождений нефти и природного газа, но только в двух месторождениях — «Экофиск» и «Фригг» — велась промышленная добыча. К этому времени на создание нефтедобывающей промышленности Норвегии было инвестировано около 30 млрд. крон (без учета изыскательских работ)¹². В 1975 г. Норвегия вошла в число нефтеэкспортирующих стран.

Норвежское правительство решило придерживаться умеренных темпов эксплуатации месторождений. Как подсчитали норвежские специалисты, при таких темпах разработки разведанных к середине 70-х годов запасов нефти и газа хватит на 30—40 лет¹³. Ожидаемые поступления в государственный бюд-

¹² *Jerman G.* Rising Production Costs and Structural Problems Cause Difficulties for Norwegian Industry.— EFTA Bulletin, 1978, vol. XIX, N 2.

¹³ *Ibid.*, s. 51—53.

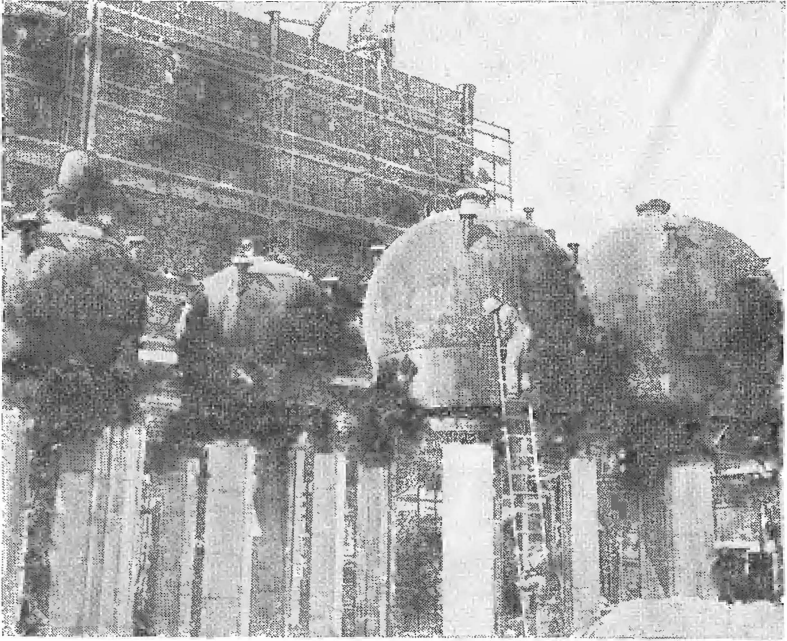

Нефте- и газохранилище на берегу Северного моря

жет должны были ежегодно составлять примерно половину доходной части бюджета страны уровня 1974 г.¹⁴

Для защиты норвежских интересов в отношениях с иностранными нефтяными монополиями, получившими концессии на добычу норвежской нефти, в 1972 г. была создана государственная компания «Статойл». Она получила право совместно с двумя норвежскими частными компаниями «Норшк гидро» и «Сага» организовывать добычу и переработку, транспортировку и продажу нефтепродуктов. Однако вплоть до конца 70-х годов эксплуатация нефтяных источников норвежского шельфа фактически велась иностранными концессионерами.

¹⁴ Arbeiderbevegelsens håndbok 1975. Oslo, 1975, s. 159.

Петрохимический завод в Монстаде

Открытие и разработка нефтяных и газовых месторождений подхлестнули деловую активность в стране, послужили основой расширения нефтехимической промышленности и отраслей, связанных с ней. Это помогло Норвегии в 70-х годах несколько отсрочить наступление экономического кризиса, охватившего развитые капиталистические страны. Кризис, однако, полностью предотвратить не удалось, и он явственно дал о себе знать, особенно с 1978 г. Кроме того, разведка и эксплуатация промыслов потребовали значительно больше средств, чем ожидалось. К началу 1978 г. внешняя финансовая задолженность Норвегии достигла 80 млрд. крон, в том числе нефтяного сектора — 34 млрд. крон. Чистый «нефтяной» доход государства составил лишь 16 млн. крон — в несколько раз меньше ожидаемого. Как сетовала крупнейшая газета страны «Аftenposten», Норвегия «не стала Кувейтом Европы»¹⁵.

В настоящее время экономика страны переживает, таким образом, процесс перестройки, что выражается в растущем значении новых отраслей промышленности, которые прежде либо вообще

¹⁵ Aftenposten, 1978, 10 juni.

отсутствовали, либо обслуживали сравнительно ограниченный внутренний рынок.

Вследствие свободного доступа на рынки ЕАСТ в 60-е годы особенно быстрыми темпами развивается машиностроение. Все большее внимание уделяется выпуску оригинальной инженерной продукции и новой технологии производства.

Структурные изменения и новая специализация экономики ведут к переменам в экспорте страны. Например, с 1960 по 1972 г. доля традиционных экспортных товаров снизилась: деревообрабатывающей промышленности — с 21 до 15%, рыбы и рыбопродуктов — с 22 до 13, химической промышленности — с 9 до 8%. Доля алюминия в товарном экспорте, несмотря на резкое увеличение его выпуска, постепенно падала и в 1972 г. составила 9,7%, а в 1973 г. — 9%. В экспорте постепенно возрастает роль новых товаров со сложной технологией производства. Так, в 1972 г. доля товаров с законченным циклом производства составляла 30% от всего экспорта по сравнению с 13% в 1960 г. Норвежские фирмы стали ведущими поставщиками продукции тяжелого и легкого машиностроения: специальных судов, танкеров, газовозов, морских буровых площадок, подъемников, порталного оборудования, систем навигации, судовой автоматики, радиоэлектроники и т. д. В начале 70-х годов машиностроение составляло 25% в общем экспорте, т. е. более чем втрое больше 1960 г.

О производстве и экспорте судов говорят следующие цифры (б = р.т):

Год	Производство	Экспорт
1960	252 000	8500
1972	804 000	135 000

Источник: Norway Export, 1973, N 3.

Норвежский товарный экспорт, особенно продукция тяжелого и легкого машиностроения, по-прежнему нацелен на рынки Западной Европы, куда в 1972 г. направлялось 76,6% экспорта (69,2% в 1962 г.). Наблюдалось перемещение экспорта из США (третий по значению внешний рынок Норвегии после ЕЭС и ЕАСТ) в страны Западной Европы. За 1959—1972 гг. доля экспорта в страны ЕАСТ возросла с 14 до 21,3%, в то время как доля ЕЭС снизилась с 53,1 до 50,2%, а доля США — с 10,3 до 7,2%¹⁶. Участие в ЕАСТ способствовало также расширению экспорта товаров, не охваченных Стокгольмским соглашением 1960 г.:

¹⁶ EFTA Trade 1973. Geneva, 1975, p. 40.

рыбы и продуктов сельского хозяйства. Экспорт норвежской рыбы — традиционной экспортной статьи — с 1962 по 1972 г. в зону свободной торговли утроился, в зону «Общего рынка» в целом удвоился.

Существенные изменения в структуре промышленного производства и внешней торговли имели своими важнейшими последствиями небывалый рост концентрации производства и сбыта, сосредоточение экономической власти в руках немногочисленных старых и новых промышленно-финансовых и судоходных концернов, сближение их с иностранным капиталом как в сфере производства, так и в сфере сбыта. Монополистический капитал Норвегии, как и других стран Скандинавии, неотделим от всемирного финансового капитала, участвует в международном разделении труда, используя также и сферу финансового сотрудничества, и тем самым является активной, хотя и малой составной частью капиталистического мира.

До 70-х годов вывоз капитала из Норвегии по сравнению с другими скандинавскими странами был невелик. Так, в 1970 г. прямые инвестиции за границей составляли около 240 млн. крон и уступали соответствующему показателю Швеции в 10 раз. Резкое увеличение прямых инвестиций за границей — в 4 раза — произошло за 1970—1975 гг., достигнув примерно 1 млрд. крон. Несмотря на многократное увеличение годового вывоза капитала, сумма зарубежных вложений все еще не превышает 2% суммы капиталовложений внутри страны. Растут также портфельные инвестиции за границей, главным образом в виде участия в банковских консорциумах Северной и Западной Европы. Так, в 1974 г. в страны Западной Европы направлялось около 60% вывозимых норвежских капиталов. Из них половина — в страны «девятки» — ЕЭС. Вторым по важности районом размещения норвежских капиталов стали США.

Преобладающей формой экспорта капитала является создание за границей производственных и сбытовых дочерних предприятий. В начале 60-х годов па создание этих филиалов шло лишь 30% всех прямых заграничных инвестиций, в 70-х годах — около половины. Доля сбытовых предприятий постепенно падает ввиду активного использования сбытовой сети, созданной в ходе регионального сотрудничества северных стран, в основном сбытовой сети шведских монополий. В 60-е годы норвежские компании основали за границей более 50 производственных филиалов, из них 8 — в США и 34 — в странах ЕЭС и ЕАСТ; вместе с ранее созданными за границей к 1970 г. было 86 таких филиалов, из них 70% находились в Западной Европе¹⁷.

Тем не менее до недавних пор Норвегия главным образом импортировала капитал. В 1974 г. импорт капитала в 3,5 раза

¹⁷ Пискулов Ю. В., Градобитова Л. Д. Указ. соч., с. 72, 88.

превышал его экспорт и составлял 3250 млн. крон по сравнению с 257 млн. в 1966 г.¹⁸ В 60-е годы около 15% инвестиций в экономику осуществлялось за счет иностранного капитала. За 1970—1977 гг. акционерный капитал Норвегии увеличился с 8,6 млрд. до 18,5 млрд. крон, или на 115,4%. За это же время акционерный капитал, находящийся в иностранном владении, увеличился на 89%, что привело к уменьшению его доли на 2%. В 1960 г. свыше 16%, а в 1977 г. 14,3% акционерного капитала страны все еще находилось в руках иностранных компаний, в первую очередь американских (25,6%), шведских (16,2%), швейцарских (13,2%) и французских (10,4%)¹⁹; 90% иностранных капиталов вложены в судоходство, электротехническую, электрометаллургическую, электрохимическую, а теперь также в нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность²⁰.

Являясь традиционным импортером капиталов, Норвегия имела за весь послевоенный период стабильно дефицитный платежный баланс. Уже с послевоенного восстановительного периода иностранные капиталовложения дополнялись заграничными займами, в частности для нужд торгового флота, электроэнергетической и электрохимической промышленности. В основном это были частные займы. Норвежское государство не занимало за границей до 1965 г.²¹

В связи с освоением нефтяных месторождений Северного моря финансовая политика государства резко изменилась. Объем заграничных займов государства растет из года в год, и внешняя задолженность достигла к концу 1977 г. 26 млрд. крон, или около трети валового национального продукта. Так как норвежское государство занимает за границей главным образом на пятилетний срок, задолженность предстоит погасить до середины 80-х годов²².

Финансовое положение страны в 70-х годах стало тревожить правительство: дефицит платежного баланса Норвегии составлял в 1975 г. 13, в 1976 г.— 20 и в 1977 г.— 19 млрд. крон. Несмотря на это, курс норвежской кроны остается весьма устойчивым. Запасы золота и иностранной валюты Норвегии достигли к концу 1975 г. рекордной суммы — 117 млрд. крон²³.

¹⁸ *Rostoft A.* Norwegian Direct Investments Abroad.— *Norges Bank Economic Bulletin*, 1976, N 2.

¹⁹ *Friheten*, 1979, 20 febr.; *Kleven H. I.* Klassestrukturen i det norske samfunnet. Oslo, 1965, s. 124.

²⁰ *Friheten*, 1979, 20 febr.; *Андреев Ю. В.* Экономика Норвегии. М., 1977, с. 123 и сл.

²¹ *Gjester T.* Norway. Oil Income Transforms the Prospects.— *EFTA Bulletin*, 1974, vol. XV, N 8.

²² *The Financial Times*, 1977, 17 May.

²³ *Norges Bank Annual Report 1977.* Oslo, 1978, p. 145.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ. НОРВЕГИЯ В СИСТЕМЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Качественные и структурные сдвиги в экономике современной Норвегии порождены как объективными факторами (благоприятная конъюнктура на международных рынках, научно-техническая революция, нефтеразработка и др.), так и целенаправленной политикой норвежского государства, которое различными средствами государственно-монополистического регулирования пыталось и пытается способствовать прогрессивным структурным сдвигам в экономике страны.

«Новая структурная политика» стала в центре внимания правящей НРП с начала 60-х годов и с тех пор проводится при всех правительствах, преследуя две главные цели: во-первых, рационализацию организационной структуры экономики, т. е. содействие процессу укрупнения производственных единиц, и, во-вторых, рационализацию межотраслевой и внутриотраслевой, а также региональной структуры национальной экономики.

Свою политику вмешательства в экономику страны государство ведет в трех главных направлениях: развитие инфраструктуры хозяйства; непосредственное поддержание и стимулирование структурных изменений в экономике; содействие внешнеэкономической экспансии монополий. Важнейшим результатом вмешательства государства была отмеченная выше активизация концентрации и централизации капиталов примерно с середины 60-х годов — так называемая «структурная рационализация». Эти же процессы, продолжающиеся и в 70-х годах, в порядке обратной связи действовали на государственно-монополистический механизм, поднимая его на более высокий уровень.

Из скандинавских стран Норвегия первой ввела льготную систему налогов с акционерных обществ (1961 г.), устраняя фискальные барьеры на пути слияния предприятий, приобретения недвижимости и увеличения капиталов путем эмиссии новых акций. Во избежание экстенсивного роста производства ставилось требование, чтобы льготное расширение капитала было нацелено на реорганизацию компаний. Параллельно были введены законы об освобождении дивидендов на новые акции от налогов и об отмене налогов на увеличение акционерного капитала, в случае расширения круга акционеров²⁴. Сходные льготы предоставлялись при перемещении капиталов в три северные провинции и некоторые центральные части страны, т. е. в районы, объявленные государством «развивающимися».

²⁴ Пискулов Ю. В. Многоликая Скандинавия. М., 1975, с. 59—60.

Форсированию структурной перестройки служила и налоговая реформа (с 1970 г.). Одноступенчатый налог с оборота (так называемый «омс») в размере 13,64% был заменен налогом на добавленную стоимость в размере 20% (так называемый «момс»). Доля косвенных налогов в государственных бюджетных поступлениях повышалась до 70% от всех налоговых поступлений, при этом 50% составил налог на добавленную стоимость. В муниципальных же бюджетах прямые налоги по-прежнему составляют 90% от всех налоговых поступлений. Реформа повышала удельный вес косвенных налогов, не изменяя общего уровня налогообложения. Обосновывалось это тем, что косвенные налоги позволяют устанавливать более эффективный контроль за производством и потреблением в государстве, чем прямые налоги на доходы и капитал. Реформа уравнивала предпринимателей обеих экономических группировок и поощряла перемещение производительного капитала из одной западноевропейской страны в другую. Реформа унифицировала взимание налога с оборота в масштабе не только Скандинавии, но и всей Западной Европы, включая «Общий рынок». Проведенные изменения в государственной налоговой политике 60-х годов косвенно стимулировали инвестиционную активность в частном секторе, смягчали разрушительные удары экономических кризисов и инфляции.

Государственный бюджет, средства которого на 85% образуются из налогов, является, таким образом, важным орудием воздействия на экономику страны. В начале 70-х годов в государственный бюджет поступало 47—48% валового национального продукта. То был максимальный уровень централизации, после чего был взят курс на понижение перераспределяющей роли государственного бюджета.

В 1977 г. по капалам государственного бюджета перераспределялось около 44% валового национального продукта Норвегии. Для сравнения можно указать, что еще в 1962 г. государственным бюджетом было охвачено лишь 32% валового национального продукта²⁵.

Хотя удельный вес государственного сектора в Норвегии меньше, чем, например, в Финляндии и Швеции, на финансирование экономики расходуются значительные бюджетные средства. Так, государство владеет большей половиной акций крупнейшей диверсифицированной компании «Норвик гидро», выпускающей электрохимическую и электрометаллургическую продукцию. В настоящее время «Норвик гидро» все больше специализируется на производстве оборудования для нефтяной промышленности. В вышеупомянутой нефтеперерабатывающей государственной компании «Статойл» главным акционером является само государство. Если

²⁵ EFTA Bulletin, 1974, vol. XV, N 9, p. 15; Norges Bank Annual Report 1978. Oslo, 1979, p. 7; *Адресс Ю. В.* Указ. соч., с. 51.

в 1970 г. государство вложило в нефтяную промышленность 313 млн. крон, то в 1974 г. эти инвестиции составляли 5,8 млрд. и в 1976 г. — 10,8 млрд. крон²⁶.

В послевоенные годы важным источником государственных поступлений все еще являлись таможенные сборы, а таможенная политика преследовала протекционистские цели. Эта устаревшая система была свернута в 60-е годы. Таможенные поступления в государственные доходы снижаются. О динамике импорта и таможенных поступлений в 1960—1974 гг. дают представление следующие цифры (в млн. норвежских крон):

Год	Импорт	Таможенные поступления	Доля таможенных поступлений в общих налоговых поступлениях
1960	10 446	499	5
1970	26 443	378	2
1974	46 556	350	1,2

Источник: EFTA Bulletin, 1975, vol. XVI, N 8, p. 11.

Как известно, послевоенная Норвегия была пионером в составлении подробных прогнозов развития национальной экономики. В начале 60-х годов государственное программирование поднялось на более высокий уровень. Четырехлетние программы, составленные в 1965 г. на 1966—1969 гг., а в 1969 — на 1970—1973 гг., охватывали как общественный, так и частный секторы производства, сферы обслуживания и социальных мероприятий. Целью программирования на государственном уровне является создание исчерпывающей оптимальной модели предстоящего развития всего общества²⁷.

Государственно-монополистическое регулирование экономики, создавая видимость служения общенациональным интересам, в действительности руководствуется интересами крупных, перспективных и в рамках интеграционных группировок более конкурентоспособных компаний. Структурные преобразования 60—70-х годов ограничивались в значительной степени ведущими отраслями промышленности на густонаселенном юге страны. Противоречия и диспропорции в региональном развитии капиталистической экономики страны так и остались нерешенными.

Несотъемлемую часть государственно-монополистической политики, нацеленной на расширение участия в международном разделении труда и внешней экспансии национальных компаний, составляет использование достижений науки и техники, а также

²⁶ Norges Bank Economic Bulletin, 1975, N 3, tab. 37; Norges Bank Annual Report 1977, p. 8.

²⁷ Андреев Ю. В. Указ. соч., с. 53 и сл.; Орлова В. Я. Новые направления в экономической статистике Норвегии: Автореф. канд. дис. М., 1974.

торговля научно-техническими знаниями. Если учесть весьма ограниченные возможности «крошечных» норвежских компаний, примечательен вклад норвежцев в мировую технологию. Норвежским компаниям принадлежит целый ряд технических открытий и технологических «ноу-хау». В качестве примера можно привести плавильные печи фирмы «Элкем», уникальное подъемное оборудование фирмы «Муник», силовые установки судов фирмы «Бергенс механиске веркстедер», технологию производства азотных удобрений из компонентов воздуха, разработанную компанией «Норшк гидро», танкеры сжиженного газа объединения «Акер-груп» и т. д. За последние 10 лет норвежские компании достигли немалых успехов в разработке уникального оборудования для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Самая распространенная в настоящее время полупогруженная нефтяная платформа «Акер Н-3» была создана судостроительной компанией «Акерс механик веркстед» на основе закупленной в США лицензии. В 1976 г. эксплуатировались 12 таких платформ, строились 16 платформ, из них 7 — на верфях самой Норвегии²⁸.

Норвегия затрачивает большие средства на научно-исследовательские работы, например 149 млн. долл. в 1970 г. и 240 млн. долл. в 1973 г., из них около 40% — частные предприниматели²⁹. До последнего времени 15—20% научных работ в Норвегии финансировались иностранными фирмами. Последние оплачивали в Норвегии примерно вчетверо больше научных исследований, чем норвежские компании за границей. Иными словами, торговля техническими знаниями является для Норвегии пока средством к укреплению промышленного потенциала и еще только превращается в самостоятельную статью норвежского экспорта. Экспорт технических знаний Норвегии все же значительно меньше их импорта. В 1975 г. Норвегия закупила за границей 4600 патентов и лицензий, 2600 которых были внедрены в том же году.

Как известно, Норвегия еще в конце 50-х годов выбрала формой участия в системе западноевропейской интеграции членство в ЕАСТ. Европейская ассоциация свободной торговли ставила своей целью содействовать посредством либерализации внешней торговли преобразованию производственной структуры и повышению международной конкурентоспособности национальных монополий отдельных своих стран-членов, имея в виду достижение более благоприятной платформы для перспективного присоединения к «Общему рынку». В 60-х и 70-х годах Норвегия участвовала в системе западноевропейской интеграции на трех уровнях: во-первых, на уровне северного сотрудничества, которое имеет подчерк-

²⁸ Бюллетень иностранной коммерческой информации, 1975, 22 апр.; 1976, 16 апр., 20 ноября.

²⁹ Yearbook... 1976, p. 287.

цую частномонополистический характер и координируется — после провала плана «Нордэк»³⁰ в 1970 г. — Северным советом; во-вторых, в рамках ЕАСТ; в-третьих, путем сотрудничества с ЕЭС. При этом интеграция на уровне частных норвежских монополий развивалась в отдельных отраслях национальной экономики быстрее, чем общегосударственная. Вместе с тем преобладающий частномонополистический характер сотрудничества сам создает противоречия, существенные разногласия между финансово-промышленными группами Норвегии и ее партнерами по Северному совету, ЕАСТ и др.

Отказ Норвегии в конце 50-х годов, а затем в 1971—1972 гг. от вступления в «Общий рынок» (с его наднациональными органами управления экономикой) и предпочтение ею участия в ЕАСТ были не случайны: они отразили предпочтение частномонополистической интеграции государственно-монополистическому объединению империалистических государств (участие в ЕЭС соответствовало интересам наиболее мощных экспортных компаний, которые в конце 50-х годов давали лишь четверть промышленной продукции страны). Однако для крупной норвежской буржуазии такое решение было и остается тактическим маневром временного характера. После присоединения Норвегии к ЕАСТ (1959 г.) правящие круги готовились к участию в более широкой европейской экономической интеграции. Достигнутый к началу 70-х годов уровень крупного специализированного производства в ведущих отраслях норвежской экономики требовал расширения географической диверсификации производства. На долю «Общего рынка» приходилось в 1972 г. 26% норвежского импорта и 24% экспорта, а в 1977 г. (после присоединения Великобритании, Ирландии и Дании к ЕЭС) соответственно 45% импорта и свыше 56% экспорта³¹. Монополистический капитал Норвегии все теснее перемещался с капиталом Западной Европы, в том числе с капиталом ЕЭС.

Вопрос о дальнейшем развитии отношений с ЕЭС вызвал острую внутриполитическую борьбу (см. подробнее ниже). Отрицательное мнение большинства норвежцев о присоединении страны к «Общему рынку», высказанное на сентябрьском совещательном референдуме в 1972 г., побудило правящие круги к расторжению ранее подписанного соглашения о вступлении в ЕЭС. После шестимесячных переговоров между Норвегией и ЕЭС 14 мая 1973 г. в Брюсселе был подписан лишь договор о свободной торговле промышленными товарами. Первый этап его действия завершился 1 июля 1977 г., а второй этап завершался 1 января 1980 г. Преференциальные ограничения во взаимной торговле промыш-

³⁰ План экономической унии стран Северной Европы см.: Пискулов Ю. В. Многоликая Скандинавия, с. 150 и след.

³¹ EFTA Trade 1974, p. 45, 46; Yearbook... 1978, p. 164—166.

ленными товарами должны быть полностью устранены к началу 1984 г. Норвегия, таким образом, вновь решила остаться вне «Общего рынка».

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ И РЕФОРМЫ

31 декабря 1977 г., при средней плотности 12,8 человека на 1 км², население Норвегии составило 4,05 млн. человек. Наиболее заселены (110 человек на 1 км²) три губернии южной части страны, примыкающие к Осло-фиорду: Акерхус с г. Осло, Вестфолл и Эстфолл. Наименее заселена северо-восточная губерния Финмарк — 1,7 человека на 1 км². Вне крупных, по норвежским понятиям, населенных пунктов, насчитывающих свыше 200 жителей, к концу 60-х годов все еще проживало свыше трети норвежцев³². В ближайшие десятилетия, согласно прогнозам норвежских ученых, прирост населения замедлится, а к 2050 г. оно даже сократится до уровня начала 70-х годов³³.

Возобновившиеся после войны демографические перемещения внутри страны продолжались и в третьей четверти нашего века. В 1967 г., например, почти в половине из 454 коммун страны были отмечены сокращения численности или более низкий, чем в среднем по стране, прирост населения. Одной из основных причин людской подвижности явились изменения в экономике и ее структуре. Свыше трети переселений были связаны с поисками новой работы³⁴.

Об изменении отраслевого состава самодеятельного населения Норвегии за 1960—1973 гг. дают представление следующие данные (в %):

Отрасль	1960 г.	1973 г.
Сельское хозяйство, лесные и рыбные промыслы	19,5	11,4
Обрабатывающая и горная промышленность, строительство, энергетика	36,4	33,9
Транспорт и связь	11,9	9,9
Торговля, банки, страховое дело	14,4	14,1
Обслуживание и управление	17,4	30,7
Род занятий неизвестен	0,4	0,0
Всего:	100	100

Источник: Det norske samfunn, Bd. 1, s. 112; Yearbook... 1976, tab. 15, p. 41.

³² Det norske samfunn. Oslo, 1975, Bd. 1, s. 5—6; Arbeiderbevegelsens håndbok 1975, s. 164; Yearbook... 1978, s. 34.

³³ Det norske samfunn, Bd. 1, s. 8.

³⁴ Ibid., s. 300, 303.

Как видим, в условиях научно-технической революции доля занятых в сфере материального производства сокращалась, особенно в традиционных сырьевых отраслях. Напротив, число занятых в сфере обслуживания и управления значительно выросло.

Социальная структура населения менялась, как и прежде, в направлении сокращения числа самостоятельных хозяев и роста числа наемных работников. Об изменении социального состава экономически активного населения можно судить по следующим цифрам (в тыс. человек):

	1960 г.	1970 г.
Всего	1406	1462
Из них:		
рабочих	689	1218
служащих	350	
предпринимателей	367	244
Из них:		
применяющие наемный труд	204	Нет свед.

Источник: Yearbook... 1976, tab. 15, p. 43; *Fivelsdal E. Funksjonærenes syn på faglige og politiske spørsmål.* Oslo, 1964, s. 8.

Отмеченная тенденция присуща и норвежской экономике в целом, и особенно несырьевым ее отраслям. В них объем годовых работ, осуществляемых наемным трудом, к началу 70-х годов более чем в 10 раз превосходил соответствующую долю работ самостоятельных хозяев. Что касается сырьевых отраслей — сельского хозяйства, рыболовства, лесопромыслов, то в них, как и прежде, преобладают самостоятельные хозяева³⁵. Меньшее, чем в среднем по стране, применение наемного труда в сырьевых отраслях связано с сохранением в них семейных ферм, мелких рыболовецких и других предприятий и является следствием как природных условий производства, так и государственной экономической поддержки мелких хозяев.

В промышленности рабочая сила переходила из текстильной, обувной, лесобработывающей отраслей в машиностроительную, химическую и прочие технически более передовые отрасли. В Норвегии, как и в других капиталистических странах, наблюдался особенно быстрый рост разных категорий служащих. В 1950 г. служащие составили 26% работающих по найму, десятилетием позже — около 30%³⁶. Последующие десятилетия принесли еще

³⁵ Det norske samfunn, Bd. 1, s. 112.

³⁶ *Fivelsdal E. Funksjonærenes syn på faglige og politiske spørsmål.* Oslo, 1964, s. 8.

более разительные перемены: в 1977 г., по данным профсоюзной статистики, служащие составляли уже 44% всего самодеятельного населения³⁷, следовательно, среди наемных работников их доля была еще выше, примерно 50%.

Изменения в социальной структуре означали, что Норвегия, половину населения которой до войны составляли мелкая буржуазия и крестьяне, приобрела в социальном отношении черты развитой капиталистической страны. Норвегия остается обществом глубокого имущественного и социального неравенства, разделенным на противостоящие друг другу классы,— это признают и реформистские авторы³⁸. Вместе с тем на положении населения страны сказываются меры социального обеспечения и материальной помощи нуждающимся в ней слоям и группам. В 1967—1971 гг. частичные реформы были сведены в единую систему социального обеспечения — так называемый «фолькетрюгден». Унифицированное законодательство включило в себя пособия по болезни, безработице, пенсия по старости, нетрудоспособности, в случае потери кормильца, матерям-одиночкам и т. п.

Выплаты пенсий и пособий осуществляются из единого фонда, средства которого складываются из трех источников: налогов с населения, взносов предпринимателей, поступлений из бюджета государства и коммун. В 1975 г., например, бюджет «фолькетрюгден» составил 21 415 млн. крон, в том числе налоги с населения — 6540 млн., взносы предпринимателей — 11 370 млн., поступления от коммун — 1600 млн., поступления от государства — 1780 млн., прочие поступления — 125 млн. крон. Доля социальных расходов в валовом национальном продукте выросла за 1962—1976 гг. с 10 до 20%, а индекс реальных социальных расходов на душу населения (1970=100) за те же годы поднялся с 54 до 171³⁹.

В итоге проведенных реформ Норвегия стала одной из тех стран, где социальная помощь предохраняет от крайней нужды и сглаживает наиболее тягостные стороны буржуазного строя. В определенном смысле, наряду с воздействием средств информации на настроения и сознание масс, социальная помощь является как бы залогом самосохранения существующего строя. В конечном счете функционирование этой системы оплачивается самими трудящимися. Поэтому буржуазные партии, включая «Хёйре», хотя и со многими оговорками, вынуждены были соглашаться с мероприятиями НРП в социальной области, и унификация «фолькетрюгден» была завершена буржуазным кабинетом П. Бортена, сменившим в 1965 г. социал-демократическое правительство Э. Герхардсена.

³⁷ *Зураблин К. С.* Рабочий класс и профсоюзы скандинавских стран в условиях научно-технической революции. М., 1979, с. 17—18.

³⁸ *Nyhamar J.* Demokratisk sosialisme. Oslo, 1976, s. 19—20.

³⁹ *Sosialtrygdene i Norge 1975.* Oslo, s. d., s. 8; Yearbook... 1978, p. 270—271.

Во второй половине 60-х и 70-х годах были проведены и другие реформы, отразившиеся на положении трудящихся. В 1968 г. рабочая неделя с 45 часов была сокращена до 42,5 часов, а в 1976 г. — до 40 часов. Увеличилась продолжительность оплачиваемых отпусков — до четырех недель (1964 г.). С 1976 г. рабочие и служащие, достигшие 60-летнего возраста, получили право на пятидневный отпуск⁴⁰. Пенсионный возраст, хотя и был снижен, остался весьма высоким — 67 лет как для мужчин, так и для женщин.

Осуществление различных социальных и других реформ на почве капитализма не устранило в Норвегии, повторяем, основных, свойственных капиталистическому обществу противоречий. Они проявлялись и проявляются, в частности, в вопросах реального обеспечения права на труд. В 1960—1976 гг. официальная безработица была низкой и колебалась в пределах от 1 до 2,5% от общей численности застрахованных членов профсоюзов⁴¹. Уровень ее снижался в летние месяцы (во время массовых отпусков) и заметно возрастал в зимний период. Меры властей по увеличению числа рабочих мест несколько разряжали обстановку. В середине 70-х годов, в связи с углублением мирового экономического кризиса, а также продолжавшимися структурными изменениями в национальной экономике, проблема занятости обострилась. Значительной, хотя и не охваченной статистикой, была безработица среди молодежи, закончившей школы и техникумы (так называемые высшие школы) и явившейся впервые на рынок труда⁴².

Позже других скандинавских стран Норвегия столкнулась и с проблемой иностранных рабочих. В 1977 г. здесь насчитывалось уже 74 тыс. постоянно проживающих иностранных граждан обоего пола⁴³. Положение «рабочих-гостей», выходящих главным образом из развивающихся стран Азии, было неслегким и вызывало протесты с их стороны, нередко приобретавшие широкое общественное и политическое звучание. Власти выделяли средства на улучшение профессиональной подготовки рабочих-иммигрантов, их жилищных условий, на обучение норвежскому языку и т. п. Ставился вопрос о предоставлении им права участвовать в коммунальных выборах. Однако они продолжали пользоваться, как правило, на подсобной и неквалифицированной работе и не принимались в собственно норвежскую социальную «среду»⁴⁴. Помп-

⁴⁰ Stortings meldinger N 75 (1976/1977). Finans-og tolldepartementet. Langtidsprogrammet 1978—1981. Oslo, 1977, s. 14.

⁴¹ Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969, s. 81 (tab. 57); Yearbook... 1976, p. 71.

⁴² Острые проблемы молодежи — одна из главных тем норвежского социального романа 70-х годов, например «Книги о Калле и Рейсере» Э. Ховардсхолма.

⁴³ Yearbook... 1978, p. 37.

⁴⁴ Det norske samfunn. Oslo, 1975, Bd. 2, s. 450, 449; см. также: Кан А. Г.

мо иммигрантов из развивающихся стран, в Норвегии в это же время работали также граждане скандинавских и других развитых капиталистических стран. Их условия труда и быта те же, что у норвежцев, и в категорию «иностранных рабочих» они не включались.

Первостепенное общественное значение приобрел и в Норвегии вопрос о положении женщины в обществе и ее равноправии с мужчиной. Социально-экономическая роль и политическая активность норвежских женщин заметно возрастали, их формальное равноправие охраняется законом, однако равенство их в оплате труда и некоторых других важных областях не достигнуто.

В начале 70-х годов 41% норвежских женщин (в возрасте свыше 16 лет) были заняты вне домашнего хозяйства, причем более трети женщин работали по найму. В составе самостоятельного населения в целом доля работающих женщин с 1960 по 1970 г. возросла с 23 до 29%, а к 1975 г. — до 37%. Из числа работающих женщин 2% были заняты в сельском хозяйстве, рыболовстве и лесодобывающей промышленности; 19% — в обрабатывающей промышленности; 25% — в торговле и финансовых учреждениях; в других видах обслуживания и сфере управления — 47%⁴⁵. Трудящиеся женщины, как правило, использовались на менее квалифицированных и хуже оплачиваемых работах. В 1972 г. почасовая заработная плата женщины-работницы в промышленности составляла 76,2% заработка мужчины; в категории низкооплачиваемых работников женщины составляли 80%. В 1960 г. 32% женщин (и 40% мужчин) имели образование выше пародной (девятилетней) школы. В университете Осло число студенток (в 1972 г.) достигло 44%. Однако в целом по стране среди получающих высшее образование женщины были в явном меньшинстве — 9%⁴⁶. Положение женщины-норвежки, суммируют норвежские социологи, прежде всего «характеризуется ее безвластием», для отношения женщины к общественным институтам типичны «безразличие и критический подход»⁴⁷. Именно женщины в первую очередь страдали от хронической нехватки детских учреждений: к 1979 г. только 12% норвежских детей соответствующего возраста было обеспечено местами в детских садах⁴⁸.

В 1970 г. 62% норвежских женщин старше 15 лет были замужем (в 1930 г. — 45%). Браки, однако, стали менее прочными: в начале 30-х годов расторглось около 5% брачных союзов,

Иностраные рабочие в Скандинавии. — В кн.: Расы и народы: Ежегодник. М., 1972, т. 2, с. 178, 186, 188—190.

⁴⁵ Det norske samfunn, Bd. 2, s. 455.

⁴⁶ Ibid., с. 458, 459, 460; Зурабян К. С. Указ. соч., с. 22.

⁴⁷ Det norske samfunn, Bd. 2, с. 485. См. также: Кан А. Г. Роль женщин в социально-экономической жизни Скандинавии. — Мировая экономика и международные отношения, 1975, № 11, с. 102—106.

⁴⁸ Friheten, 1979, N 1, 3 jan.

в 1970 г.— 11,7%. В 1974—1975 гг. число разводов было уже вдвое выше, чем средние цифры 60-х годов. Продолжала снижаться не только смертность, но и рождаемость. В 1960 г. в среднем число детей в норвежской семье составляло 2,3 человека (в 1900 г.— 4,8 человек)⁴⁹.

В рассматриваемый период успешно развивалось пародное образование, осуществляемое за счет государства. Начавшийся в 1959 г. переход от семилетнего к обязательному девятилетнему обучению сопровождался реформой школ и гимназий, демократической по своему характеру. Появились и новые высшие учебные заведения, среди них четвертый университет — в заполярном городе Тромсё. С 1950 по 1971 г. число студентов возросло более чем вчетверо — с 9,3 тыс. до 41,9 тыс. человек⁵⁰. Расширилась система профессиональной подготовки. Социальная группа «учащаяся молодежь» стала массовой, а ее экономические и другие проблемы, как и возросшая политическая активность, получали все больший общественный резонанс.

Новым для такой страны, как Норвегия, явлением стал рост числа правонарушений уголовного характера, далеко опережающий рост населения. По официальным данным, в стране в 1957 г. было зарегистрировано 34 тыс. уголовных преступлений, в том числе грубых, повлекших человеческие жертвы; в 1970 г.— 65 тыс. и в 1974 г.— 94 тыс.⁵¹ Государственный прокурор Норвегии Л. Дорсфельдт отмечал в 1977 г., что, хотя относительное число преступлений в Норвегии не выше, чем в других западноевропейских странах, страна «переживает период резкого увеличения преступности»⁵². Нельзя не поставить эти факты в связь с общим обострением социально-политического климата в стране, а также с углубившейся «вестернизацией» так называемой массовой культуры под влиянием культурного импорта с Запада, в первую очередь из США. В середине 70-х годов тревогу властей и общественности вызвал и рост употребления наркотиков, особенно молодежью и подростками⁵³.

За послевоенный период несколько изменилась структура личного потребления. С 1946 по 1973 г. доля личного потребления, расходуемая на пищевые продукты (в расчете на одного жителя), сократилась с 32 до 23%, на одежду и обувь — с 13,5 до 9%. «Средний» норвежец стал больше тратить на жилье и предметы длительного пользования (17% — в 1946 г. и 22% — в 1973 г.),

⁴⁹ Det norske samfunn, Bd. 2, s. 470—471.

⁵⁰ Ibid., Bd. 1, s. 214, 215, 223.

⁵¹ Aftenposten, 1977, 14 juli.

⁵² Ibid.; см. также: Ананиан Л. Л. Преступность несовершеннолетних в скандинавских странах. М., 1974.

⁵³ В 1979 г. правительство представило стортингу доклад о назревших мерах борьбы с преступностью. Доклад обсуждался и на последнем очередном съезде НРП. См.: Nordisk Kontakt, 1979, N 40, s. 677.

а также на образование, отдых и поездки внутри страны и за рубеж (рост соответственно — с 11 до 19%). В 1976 г. в стране насчитывалось свыше миллиона легковых и других автомобилей — один автомобиль в среднем на 4,2 жителя⁵⁴.

Частные лица и кооперативы осуществляли значительное жилищное строительство, финансируемое, как правило, банками под высокий процент. Жилой фонд за послевоенный период обновился на две трети. Число компат в расчете на одного жителя возросло с одной (в 1945 г.) до полутора (в 1975 г.). Широкий размах приобрело сооружение (обычно самостроем) так называемых «хютт» — загородных дач и домиков. В 60-х годах Норвегия занимала одно из первых мест в мире по продолжительности жизни, 29-е — по числу врачей (на тысячу жителей)⁵⁵.

Рост за послевоенные десятилетия как национального богатства, так и массового потребления очевиден⁵⁶. Однако вопрос о классовом характере этого накопления и его социальных последствиях был и остается предметом острых дискуссий. По подсчетам норвежских социологов, в 1967 г. в группе с годовыми доходами до 10 тыс. крон автомобили были у 6%, холодильники — у 50, телевизоры — у 28, стиральные машины — у 49% граждан. В группе с высокими доходами, более 50 тыс. крон, соответственно автомобили были у 79%, холодильники — у 91, телевизоры — у 83, стиральные машины — у 81% граждан⁵⁷. При этом статистикой не учтены различия в качестве тех или иных предметов длительного пользования.

В послевоенный период в национальном доходе заметно возросла по сравнению с другими видами доходов доля заработной платы. В 1938 г. она составила 49%, в 1960 г. — 63, в 1972 г. — 67% национального дохода⁵⁸. Рост доли заработной платы в национальном доходе объяснялся главным образом растущим применением наемного труда в секторе управления и обслуживания. Небольшой рост доли заработной платы в сфере материального производства (за четверть века примерно на 1,5%) произошел лишь в отдельных отраслях и был вызван структурными сдвигами — вытеснением в этих отраслях самостоятельных хозяев. В целом, по мнению норвежских исследователей, доходы наемных работников росли медленнее, чем доходы самостоятельных хозя-

⁵⁴ *Arbceiderbevegelsens håndbok 1975*, s. 157; *Hvem Hva Hvor 1977*. Oslo, 1976, s. 256.

⁵⁵ *Stortings meldinger N 75 (1976/1977)*, s. 11; *Det norske samfunn*, Bd. 2, s. 750—753.

⁵⁶ Норвежское «общество потребления» 60-х годов юмористически изображено в повести С. Хельмебакка «Андерссонам — ура!» (есть рус. пер.).

⁵⁷ *Det norske samfunn*, Bd. 1, s. 193.

⁵⁸ *Statistisk årbok for Norge 1952*, Oslo, 1952, s. 12; *Statistisk årbok for Norge 1962*. Oslo, 1962, s. 53; *Sosialistisk årbok 1975*. Oslo, 1974, s. 79.

ев, и внутри последней группы наиболее интенсивно росли при-
были крупных предпринимателей⁵⁹.

Для основной части наемных работников ежегодные изменения
зарплаты характеризовались следующими показателями (в %):

	1950—1963 гг.	1960—1969 гг.	1969—1973 гг.
Среднее увеличение зара- ботной платы взрослого рабочего-мужчины	7,2	7,5	10,1
Среднее увеличение цен на потребительские товары	4,6	3,9	6,4
Реальный рост заработной платы	2,6	3,6	3,7

Источники: Det norske samfunn, Bd. 1, s. 135.

Приведенные данные дают основание говорить о некотором
росте реальных доходов рабочих. Однако они не учитывают по-
стоянного возрастания налогов. В 1950 г. доля налогов и сборов
с доходов, получаемых в форме заработной платы, в среднем со-
ставила 18%, в 1971 г. — уже 36%⁶⁰.

Согласно одному из справочников НРП, реальные доходы боль-
шинства населения, включая рабочих, росли вплоть до послед-
них лет. Для среднестатистической семьи (супружеская пара с
двумя детьми) с годовым доходом (в 1973 г.), равным 50 тыс. крон,
реальное увеличение с 1959 г. составило примерно 23%⁶¹.

Известное, хотя не исчерпывающее представление о далеко не
равном распределении доходов можно получить на основе офи-
циальных сведений. В 1970 г. в Норвегии насчитывалось около
1,7 млн. налогоплательщиков. В их числе свыше 270 тыс. нало-
гоплательщиков получали ежегодно (до выплаты налогов) до
10 тыс. крон; около 400 тыс. человек — от 10 тыс. до 20 тыс. крон.
Наиболее крупной группой были лица с ежегодным доходом от
20 тыс. до 40 тыс. крон. Таких налогоплательщиков было свыше
770 тыс. человек. Около 185 тыс. человек располагали доходом
от 40 тыс. до 80 тыс. крон. Всего лишь у 18 налогоплательщи-
ков годовой доход превысил 1 млн. крон⁶². Семьи с годовым
доходом менее 10 тыс. крон принадлежали к разряду плохо обе-
спеченных. Авторы левосоциалистической брошюры «Миф о госу-
дарстве благосостояния», вышедшей повторным изданием в 1973 г.,
отнесли к категории бедняков около 8,5% порвейцев⁶³. По мпе-

⁵⁹ Statsøkonomisk tidsskrift. Oslo, 1956, N 4, s. 287—294.

⁶⁰ Sosialistisk årbok 1975, s. 88.

⁶¹ Arbeiderbevegelsens håndbok 1975, s. 152; Det norske samfunn, Bd. 1, s. 136.

⁶² Statistisk årbok for Norge 1973, s. 216.

⁶³ Myten om velferdsstaten. Søkelys på norsk sosialpolitikk. Oslo, 1973, s. 17.

ипно самих норвежских социологов, в 60—70-х годах какого-либо выравнивания доходов в стране не происходило⁶⁴.

Глубокое социально-экономическое неравенство проявилось в распределении накопленного имущества. К началу 70-х годов 50,4% населения не имели никакой налогооблагаемой собственности. Почти половина такой собственности (47,3%) принадлежала лицам, составляющим 4,3% населения, и около трети — узкому слою в 1,5%⁶⁵. Тенденция к концентрации собственности еще более четко прослеживается по акционерному капиталу. В 1963 г. 20 крупнейших акционеров имели большинство акций в 75% зарегистрированных и в 95% не зарегистрированных на бирже предприятий и обществ⁶⁶. Норвежские социологи, авторы фундаментальной работы «Норвежское общество», обоснованно заключают, что «относительно малочисленная группа собственников, администраторов и экспертов располагает и распоряжается большей и решающей частью имеющегося в стране частного капитала», а экономическая структура Норвегии, бесспорно, остается «главным образом частнокапиталистической»⁶⁷.

В «Принципиальной программе» норвежских коммунистов Норвегия определяется как малая капиталистическая страна, в экономике которой крупные предприятия играют возрастающую роль. На их долю приходится свыше половины занятых в производстве и производимой в стране продукции, большая часть инвестиций и оборотных средств. Концентрация финансового капитала не менее высока, чем концентрация промышленного капитала. В норвежском обществе господствует небольшая группа монополюстов, состоящая примерно из 90 семей. Она владеет или контролирует большую часть важнейших средств производства и фирм-банков. 80% населения страны трудится по найму, не располагая собственностью на те или иные средства производства, и 20% населения относятся к мелкобуржуазным слоям⁶⁸.

УСИЛЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ: ПОРАЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ «ОБЩЕГО РЫНКА»

Внутриполитическая обстановка в Норвегии в 60—70-е годы, как было отмечено, отличалась неустойчивостью, переменам в соотношении силы и влияния отдельных партий. Это, хотя и не полностью, отразилось в итогах парламентских выборов.

⁶⁴ Det norske samfunn, Bd. 1, s. 133.

⁶⁵ Ibid., s. 171.

⁶⁶ Ibid., s. 173.

⁶⁷ Ibid., s. 179.

⁶⁸ Prinsipp-program for Norges Kommunistiske parti. Oslo, 1974, s. 38—39. Более позднюю количественную оценку см.: *Киурсен М. Г.* Стратегия испитанная Октябрем. О классовых союзах пролетариата в аутимонополистической борьбе. — Проблемы мира и социализма, 1978, № 11.

Таблица 2. Итоги парламентских выборов в Норвегии в 60–70-е годы (в % поданных голосов)

Год	Коммунистическая партия	Социалистическая народная партия	Норвежская рабочая партия	Все партии рабочего движения	Партия центра	«Венстре»	
1961	2,9	2,4	46,8	52,1	6,8	7,2	
1965	1,4	6,0	43,2	50,6	9,4	10,1	
1969	1,0	3,5	46,5	51,0	10,5	9,4	
	Социалистический избирательный союз					Новая народная партия	
1973		11,1	35,3	46,8	11,0	3,5 3,4	
	Социалистическая левая партия						
1977	0,4	4,2	42,3	47,5	8,6	3,2	1,4
1979 *	0,4	4,2	36,0	41,3	8,5	5,2	1,0

Год	Христианско-народная партия	«Хейре»	«Партия А. Ланге» (Партия прогресса)	Совместные списки буржуазных партий	Все буржуазные партии	«Красный избирательный альянс»	Всего
1961	9,3	19,3	—	5,3	47,9	—	100
1965	7,8	20,1	—	2,0	49,4	—	100
1969	9,4	19,6	—	0,1	49,0	—	100
1973	12,3	17,4	5,0	0,1	52,7	0,4	100
1977	12,4	24,8	1,9	—	52,3	0,6	100
1979 *	9,8	29,1	1,9	0,8	58,7	0,7	100

Источник: Hvem Hva Hvor 1970. Oslo, 1969, s. 61; Arbeider Kalenderen 1975. Oslo, 1974, s. 46; Norges offisielle statistikk. Stortingsvalget 1977. Oslo, 1977, s. 19—21.

* Коммунальные выборы. Источник: Nordisk Kontakt, 1979, N 12, s. 805. В итоге для буржуазных партий учтены 2,8% голосов, поданных за мелкие группировки.

Итоги парламентских кампаний без малого за два десятилетия говорят о характерной для современной Норвегии весьма значительной политической дифференциации. Она находит проявление в возросшем числе партий, участвующих в парламентской борьбе. Политическая дифференциация по-своему отражает перемены в социальной структуре современного норвежского общества, различия и противоречия интересов отдельных классов и социальных групп.

Из итогов выборов видно, что партии, опирающиеся на рабочее движение, и буржуазные партии пользуются примерно равной поддержкой избирателей, поэтому даже незначительные ко-

лобания в доле голосов, получаемых социал-демократами или буржуазными партиями, создавали и создают предпосылки для смены правительства, шестикратной за 1963—1973 гг.

В лагере социалистических, или рабочих, партий оказалось в 60-х и 70-х годах не две, а три партии. В 1961 г. на почве антиналоговских и антиинтеграционных настроений возникла Социалистическая народная партия (СНП) (см. подробнее ниже). В 1975 г. в основном на базе СНП и порвавших с НРП социал-демократов — противники «Общего рынка» возникла Социалистическая левая партия. Парламентские позиции левых рабочих партий, однако, не расширились сколько-нибудь существенно, и преимущество оставалось на стороне Норвежской рабочей партии.

Буржуазный лагерь также стал более дробным, пополнившись двумя партиями правого толка — Новой народной партией из числа бывших венстре — сторонников «Общего рынка» (1973 г.) и так называемой «Партией А. Ланге — за сильное сокращение налогов, сборов и государственного вмешательства» (1973 г.). Последняя демагогически выступала против налогового гнета и бюрократизма с позиций «свободного предпринимательства», призывала к более тесному сотрудничеству с НАТО. Названная сначала в честь своего основателя — редактора Ланге, партия после его смерти переименовала себя в Партию прогресса. Наконец в 70-х годах оживились и неонацисты — «Норшк фронт».

Среди буржуазных партий наибольшую долю голосов получала «Хёйре», проводившая, как и прежде, интересы крупной буржуазии⁶⁹. У норвежских консерваторов не было, однако, и нет возможности единолично претендовать на правительственную власть, и лидеры «Хёйре», особенно в 70-е годы, активно выступали за сотрудничество с промежуточными буржуазными партиями. Из числа буржуазных партий, помимо «Хёйре», удалось удержаться Христианско-народной партии и Партии центра (бывшей Крестьянской). Старая либеральная партия — «Венстре», расколовшись, потеряла часть своих позиций. Правобуржуазная Партия прогресса после кратковременного успеха также резко ослабела.

Только на исходе 70-х годов в стортинге восстановилась традиционная для послевоенной Норвегии шестипартийная система: НРП, «Хёйре», Партия центра, ХНП, «Венстре» и СЛП. Каждую из них возглавляли новые люди, выдвинувшиеся с конца 60-х годов и позже.

Соотношение сил в стране давало социал-демократам возмож-

⁶⁹ Сохранение влияния партией «Хёйре» объясняется рядом причин. Укажем лишь на одну из них. Доля буржуазных партий в общем тираже норвежских газет составляет примерно 70—74%, в том числе «Хёйре» — 30%. Соответственно тираж социал-демократической прессы — около 25%, а газет левых рабочих партий — 1%.

ность добиваться недостающего им парламентского большинства путем частичных соглашений по текущим вопросам с левыми социалистами или с одной из буржуазных партий, чем НРП и пользовалась. В отличие от первых послевоенных десятилетий в 60-х годах временно укрепились парламентские позиции основных буржуазных партий («Хёйре», ХНП, Партии центра) — в стортинге периодически возникало абсолютное буржуазное большинство. Парламентские предпосылки для продолжения «принципального компромисса» между политическим руководством НРП и буржуазных партий тем самым сохранялись.

В 1961—1965 гг. социал-демократы находились у власти (за исключением трехнедельного буржуазного кабинета в 1963 г.), не имея парламентского большинства. В 1965—1973 гг. на базе буржуазного большинства в стортинге преобладали буржуазные же кабинеты. В 1973 г. незначительное большинство мест в целом у рабочих партий было восстановлено, и к власти вернулись социал-демократы — НРП. На протяжении рассматриваемого 20-летия менялись и главные предметы внутриполитической борьбы и споров. В 60-х и в начале 70-х годов такими вопросами были налоговая реформа, отношение к ядерному оружию, войне во Вьетнаме и особенно «Общему рынку». После 1972 г. в центре внимания все больше оказывались вопросы энергетической политики, поддержания занятости, финансирования убыточных предприятий — словом, борьба с последствиями мирового экономического кризиса.

От этой общей характеристики перейдем к последовательному обзору событий. Политическая обстановка в стране временно обострилась в самом начале 60-х годов. Весной и летом 1961 г. вновь активизировались забастовочные выступления трудящихся. Особое недовольство вызывал быстрый рост цен на товары повседневного потребления, который обгонял прибавки к заработной плате, предусмотренные тарифными соглашениями.

Одновременно в широких слоях общественности начали проявляться антимилиитаристские и антинатовские настроения. Особую тревогу среди населения вызывали сообщения о намерениях командования НАТО добиться изменения базовой политики Норвегии с тем, чтобы теснее подключить страну к планам размещения атомного оружия США в Европе. Под воздействием общественности, профсоюзов, многих активистов самой Рабочей партии правительство и руководство НРП при поддержке буржуазных партий подтвердили принцип неразменения атомных зарядов в Норвегии в мирное время. Полного успокоения в ряды общественности принятая формулировка, однако, не внесла (см. ниже о внешней политике).

Более важным фактором обострения внутриполитической борьбы и оживления леводемократического движения оказался вопрос об отношении Норвегии к «Общему рынку».

Весной 1962 г. стортинг большинством в 113 голосов (против 37) поручил правительству начать переговоры о вступлении Норвегии в «Общий рынок» в качестве полноправного члена. Уже первое парламентское голосование по этому вопросу выявило, таким образом, более глубокие расхождения, чем в свое время по отношению к НАТО. Идея присоединения к «Европе монополий» сразу же вызвала протесты левых партий и других демократических организаций. По не зависящим от Норвегии причинам (вето де Голля) вопрос был снят с повестки дня. К этому времени ряды противников интеграции и НАТО в норвежском стортинге усилились благодаря итогам выборов 1961 г. Новорожденная Социалистическая пародная партия добилась неожиданного успеха — собрала свыше 40 тыс. голосов избирателей и провела в парламент двух своих представителей (компартия свой мандат потеряла). В стортинге сложилось специфическое соотношение: 74—2—74. По 74 мандата оказалось у НРП и буржуазных партий. С одной стороны, это означало утрату Рабочей партией парламентского большинства, а с другой — повышалось «вес» двух мандатов народных социалистов: от их позиции зависело парламентское большинство как социал-демократов, так и буржуазной оппозиции. Выборы 1961 г. припели, таким образом, норвежской социал-демократии первую за 30 лет ощутимую парламентскую неудачу.

Сформированное после выборов очередное правительство Рабочей партии (1961—1963), которое снова возглавил Э. Герхардсен, в целом продолжало политику предыдущего социал-демократического кабинета. Вскоре, однако, подтвердилась его слабость. В ноябре 1962 г. на шпидбергеной угольной шахте Киингс-бэй произошла катастрофа, повлекшая гибель 21 норвежского рабочего. Угольные шахты на Шпидбергене принадлежат государству. Уже одно это обстоятельство привлекло к катастрофе повышенное внимание буржуазных партий. Кроме того, к этому времени в рядах НРП усилились требования введения «промышленной демократии» и НРП взяла на себя (на 38-м и 39-м съездах) определенные обязательства на этот счет. В создавшихся условиях буржуазная оппозиция, обвиняя правительство в некомпетентном управлении экономикой, использовала «дело Киингс-бэй» против правительственных планов расширения государственной промышленности и проектов контроля над частными предприятиями в виде «промышленной демократии».

При обсуждении в стортинге (август 1963 г.) катастрофы на Шпидбергене не только все буржуазные депутаты, но и оба представителя СНП демонстративно высказались за недоверие правительству. Правительство НРП ушло в отставку. Сформированное вслед за этим коалиционное буржуазное правительство, которое возглавил лидер хейре Й. Люннг, просуществовало всего три недели и было «свергнуто» благодаря перемене позиции тех

же двух депутатов от СНП. Многолетний лидер НРП Герхардсен сформировал свое последнее правительство. В стране в это время уже разворачивалась кампания по проведению коммунальных выборов (сентябрь 1963 г.). Выборы в обстановке возможной «смены системы» приобрели особое значение, НРП мобилизовала сторонников под лозунгом «восстановить рабочее правление». В противовес правительственной программе Й. Люнга НРП подготовила программное «контрзаявление». Принципиально не отличаясь от предшествующих документов партии, «контрзаявление» конкретнее и решительнее высказывалось за демократизацию экономики, улучшение пенсионного обеспечения, увеличение отпусков и сокращение рабочей недели, за предоставление молодежи равных возможностей для продолжения образования⁷⁰. В успехе НРП на коммунальных выборах отразилось стремление трудящихся не допустить закрепления буржуазных партий у правительственной власти.

В стране, однако, в том числе в самой Рабочей партии, чувствовали непрочность этого успеха. Полемика внутри НРП по вопросам «выбора пути» и тактики, несколько затихшая после отхода сторонников «Ориентеринг», к середине 60-х годов вновь усилилась. На этом этапе активизировались левые внутри НРП, хотя удельный вес их и не был значителен. Влияние правого крыла по сравнению с периодом разгара «холодной войны» пошло на спад. Ведущую роль в определении политики партии стало играть «центристское» направление. Новые лидеры — Т. Браттели, молодой в то время Р. Стееп и др. — усматривали выход из политических трудностей в том, чтобы, не меняя идеологию и стратегию НРП, активнее осуществлять социальные реформы, отвечающие интересам рядовых избирателей. В вопросах внешней и оборонной политики, сотрудничества в рамках НАТО эти политики были более сдержанны, чем такие ярые натовцы, как Хокон Ли и Халвард Лапге.

Трудности, с которыми столкнулись социал-демократы, явились одной из причин формальных изменений в руководстве Рабочей партии. На 40-м съезде в 1965 г. Э. Герхардсен, человек преклонных лет, на посту председателя НРП был заменен своим давним соратником Т. Браттели (р. 1910). Однако мер, принятых социал-демократическим руководством для того, чтобы придать НРП былую устойчивость, оказалось недостаточно. Ближайшие парламентские выборы в сентябре 1965 г. принесли партии серьезную неудачу — потерю еще шести мест. Не добились успеха и пародные социалисты, оставшиеся с двумя мандатами. Парламентское большинство оказалось у буржуазных партий, в общей сложности получивших 80 мест.

⁷⁰ Det norske Arbeiderparti. Beretning 1963—1964. Oslo, 1965, s. 72—73.

Пришедшее к власти буржуазное коалиционное правительство включало Партию центра, «Хёйре», «Венстре» и Христианско-пародную. Приход к власти буржуазного кабинета после продолжительного (1935—1940 и 1945—1965 гг.) однопартийного правления социал-демократов стал заметным внутривнутриполитическим событием, вызвал многочисленные отклики в Норвегии и по всей Скандинавии. В кругах НРП, как и в период правительственного кризиса 1963 г., его расценили как своего рода «смену системы». Напротив, представители буржуазного лагеря делали акцент на преемственности в управлении страной. Произошла не «смена системы», а «смена караула», отмечал по этому поводу лидер консервативной партии Й. Люнг⁷¹. Тактические соображения побудили буржуазных политиков предоставить место премьер-министра лидеру Партии центра агроному П. Бортену, а не представителю более влиятельной «Хёйре».

Существенных изменений в норвежской внутренней и внешней политике после перехода НРП в оппозицию не произошло. Буржуазия и ее партии после периода стычек с НРП по частным проблемам в целом «приняли» промышленно-экономическую политику социал-демократов и фактически продолжали ее во многих отношениях. Эта экономическая политика, во-первых, ставила задачей создание благоприятного экономического климата для развития промышленности в целом как частной, так и государственной. Во-вторых, она отдавала предпочтение промышленности на частнопредпринимательской основе с широким привлечением иностранного капитала и содействовала ее росту.

Однако расхождения по отдельным вопросам между правительством и социал-демократами все же имели место, в том числе по довольно крупному — о реформе налоговой системы, подготовка которой была начата в эти годы (см. выше). Более серьезно эти различия не проявлялись отчасти из-за сравнительно короткого срока пребывания у власти коалиционного кабинета — до 1969 г. и противоречий в самом буржуазном лагере, а также из-за того, что успех буржуазных партий на выборах лишь незначительно изменил общее соотношение политических сил. В других условиях буржуазное правительство действовало бы, вероятно, решительнее.

Буржуазных политиков сдерживало и то обстоятельство, что во второй половине 60-х годов, несмотря на «передвижку» парламентских мандатов и переход правительственной власти к буржуазным партиям, в профсоюзном, молодежном движениях наблюдался заметный подъем радикальных настроений и действий. Показателем нового подъема левodemократических сил послужили активные протесты населения страны против американского военного вмешательства в Индокитае. В 1965 г. при участии

⁷¹ Vekst og velstand, s. 444.

представителей КПН и СНП был сформирован Комитет солидарности с Вьетнамом. Создание Комитета и его деятельность пашли поддержку в кругах левых социал-демократов, молодежком и профсоюзном движениях. Учтя складывавшиеся в стране настроения, 41-й съезд НРП в 1967 г. осудил «грязную войну» и высказался за признание Фронта национального освобождения Южного Вьетнама равноправной стороной при будущем мирном урегулировании. Одновременно руководство НРП провело на съезде резолюции о продлении участия Норвегии в НАТО и о целесообразности присоединения к ЕЭС.

Маловрирование по острым политическим вопросам скорее усилило, чем приглушило оппозиционные настроения в Рабочей партии и примыкающих к ней организациях. Наиболее заметно они проявились в молодежной организации НРП. Активисты Рабочего союза молодежи (АУФ) от критики политики США перешли к критике внешнеполитического курса своей страны, стали высказываться за пересмотр участия Норвегии в НАТО, за обновление всей внешнеполитической концепции НРП. Внеочередной съезд союза (в 1969 г.) прошел под знаком сдвига влево в настроениях участников социал-демократического молодежного движения. Усиление внутривнутриполитической борьбы в стране отразилось на всем молодежном движении. Часть, в первую очередь студенческой, молодежи оказалась под влиянием леворадикальных взглядов. На маоистские позиции перешел в 1969 г. молодежный союз СНП, что фактически ослабило всю партию. О недовольстве среди трудящихся даже в эти «золотые» 60-е годы свидетельствовала и волна «диких», не санкционированных профсоюзным руководством забастовок. Забастовочные выступления участились и были направлены против централизованного определения тарифных ставок, фактически — против политики «классового сотрудничества».

Откликаясь на накопившееся, особенно в средних слоях, недовольство административной волокитой, буржуазное правительство приняло популярный закон об управлении, более известный под названием «закон маленького человека». Целью его было укрепить правовые гарантии частных лиц в их взаимоотношениях с государственными властями. Закон учредил новую должность полномочного контролера за администрацией — так называемого омбудсмана, несколько ограничил произвольные действия государственных учреждений и расширил доступ заинтересованных лиц к официальной документации. В том же 1967 г. был снижен возрастной ценз на парламентских и коммунальных выборах с 24 до 20 лет⁷². Однако наиболее заметным мероприятием в период первого правительства П. Бортона (1965—1969) стала реформа налоговой системы, аналогичная осуществленной в

⁷² Nordisk Kontakt, 1967, N 2, s. 111—112; N 13, s. 829.

Швеции и Дании. Одновременно с введением нового косвенного налога («момса») было снижено прямое налогообложение малоимущих и проведены некоторые мероприятия по увеличению социальных пособий, что должно было компенсировать рост розничных цен⁷³.

Социально-экономическая суть реформы состояла, главным образом, в поощрении капиталистического накопления. Реформа готовилась и осуществлялась в обстановке межпартийной полемики. НРП, не отвергая идеи «момса», предлагала ограничиться введением 15-процентного налога. Левые рабочие партии выступали с требованием отказаться от увеличения косвенного налога на продовольственные товары. Вопрос о налоговой реформе оказался в фокусе политической борьбы и при подготовке к очередным парламентским выборам. Они проходили в сентябре 1969 г. и снова показали зыбкость политических настроений избирателей. Для левых рабочих партий, отчасти из-за кризиса Социалистической народной партии, результаты выборов оказались неудовлетворительными. СНП потеряла свои два парламентских места. Социал-демократы вернули потерянные в 1965 г. шесть мандатов. Буржуазные партии, получив на два мандата больше, чем НРП, удержали правительственную власть. Главой коалиционного правительства остался П. Бортен.

В начале 70-х годов в центре национальной политической жизни вновь оказался вопрос об «Общем рынке». Еще в 1967 г. правительство П. Бортена высказалось за повторные переговоры с ЕЭС о вступлении в него Норвегии. Большинство голосов (136 против 13) стортинг поддержал рекомендацию правительства. В ходе дебатов уже тогда выявились, с одной стороны, оппозиция вступлению в ЕЭС, а с другой — совпадение курса руководства НРП и партии «Хёйре», которая поддерживала идею интеграции. Норвежских приверженцев «Европы монополий» вторично постигла неудача, так как правительство Франции подтвердило свое нежелание расширять ЕЭС.

Третий «тур» переговоров Норвегии, Англии и других членов ЕАСТ начался в 1970 г. в условиях обострения разногласий среди норвежских буржуазных партий, т. е. в самом правительстве П. Бортена. Хёйре как безоговорочные сторонники интеграции выступали за ускорение переговоров; Партия центра, представлявшая интересы мелкой и средней буржуазии, крестьян и рыбаков, а вместе с ней и другие «промежуточные» партии выражали опасения по поводу экономических и политических последствий этого шага. Высказывались мнения, что вступление в «Общий рынок», выгодное норвежскому судоходству, осуществлявшему международные перевозки, а также экспортным отраслям

⁷³ Hvem Hva Hvor 1970. Oslo, 1969, s. 248, 65. См. также раздел по регулированию экономики.

индустрии, губительно для рыбаков и сельских хозяев, которые не выстояли бы перед более сильными конкурентами из ЕЭС. В левых и патристически настроенных кругах перспектива интеграции порождала и серьезные опасения за будущее Норвегии как суверенного государства, даже норвежцев как нации.

После того как сам премьер-министр сознательно допустил «утечку» секретной информации о ходе брюссельских переговоров, буржуазная коалиция стала невозможной, и правительство в феврале 1971 г. ушло в отставку⁷⁴. К власти после шестилетнего перерыва вернулись социал-демократы. Сформированное правительство меньшинства возглавил Т. Браттели. Его кабинет выступил за продолжение переговоров с ЕЭС с перспективой вступления в «Общий рынок» без дальнейших оттяжек. Это решение правительства Т. Браттели подтвердило, что по вопросу о ЕЭС руководство НРП единодушно с партией «Хейре». Казалося бы, соединение этих двух наиболее крупных в стране политических величин предрешит дальнейший ход событий. Дело, однако, пришло совершенно иной оборот.

В стране за короткий срок произошла постепенно вызревавшая перегруппировка социальных и политических сил, беспрецедентная для послевоенной истории Норвегии. Образовались два политических лагеря — сторонников и противников «Общего рынка». «За» были правительство Т. Браттели, руководство НРП и ЦОПН, партия «Хейре», различные другие организации, представлявшие интересы крупного капитала, подавляющая часть газет. «Против» — КПП и СМП, левое крыло НРП, многие профсоюзы и отраслевые организации, например рыбаков, Партия центра, а также, хотя и не единодушно, две другие промежуточные партии — Христианско-народная и либералы — «Венстре».

В противовес искусной «информации» сторонников интеграции, «Общего рынка»⁷⁵ в стране быстро набирало силу «Народное движение против Общего рынка». Оно носило непартийный характер, получило поддержку многих видных представителей интеллигенции, демократической общественности. Противники ЕЭС провели ряд конференций и встреч общенационального масштаба, массовыми тиражами, используя собранные среди населения средства, выпускали брошюры и листовки. Соответствующее течение сформировалось и непосредственно внутри Рабочей партии. В январе 1972 г. был создан Информационный комитет рабочего движения против норвежского членства в ЕЭС (АИК), сплотивший своих единомышленников из рядов Рабочей партии по всей стране. Активную роль в мобилизации противников «Общего

⁷⁴ *Sorebo II. Slik sprakk koalisisjonen. Oslo, 1971.*

⁷⁵ См., например, пропагандистско-информационную серию брошюр МИД Норвегии: *De europeiske Fellesskap. En Orientering fra Utenriksdepartementet, Oslo, 1971, N 1—14.*

рынка» играли КПП и СМП. В ходе совместной работы противников интеграции были заложены предпосылки более тесного сотрудничества левых сил не только по вопросу о внешнеэкономической ориентации Норвегии, но и по ряду других проблем, волнующих рабочее движение⁷⁶.

Политический раскол в стране по вопросу о ЕЭС вынудил правительство вынести решение вопроса на общенациональный совещательный референдум, первый с 1926 г. Социал-демократическое руководство в целях воздействия на избирателей-трудящихся заранее заявило, что «нет» «Общему рынку» будет расценено как недоверие правительству НРП. Референдум, состоявшийся 24 и 25 сентября 1972 г., принес неоспоримую победу движению в защиту национальной экономики и суверенитета — противникам интеграции, собравшим 53,5% поданных голосов. Общественный подъем 1970—1972 гг. показал, сколь велики возможности демократических сил страны, когда они сообща выступают во имя коренных национальных интересов.

Понеся поражение на референдуме, правительство Т. Браттели ушло в отставку. По тем же причинам умерила на время свои политические притязания и партия «Хёйре». В октябре 1972 г. промежуточные буржуазные партии — противники интеграции — образовали кабинет меньшинства. Премьер-министром стал лидер ХНП Л. Корвалл. В период полномочий его правительства были продолжены переговоры с ЕЭС, на этот раз на условиях, исключавших полное членство, и подписан в 1973 г. соответствующий договор (см. раздел о регулировании экономики).

После успеха на референдуме коалиция противников ЕЭС фактически прекратила существование. Однако борьба, завязавшаяся вокруг интеграции, ее последствия продолжали оказывать значительное влияние на внутривнутриполитическую жизнь. В стране заметно усилилась поляризация общественных сил.

Буржуазная коалиция из-за разногласий между «Хёйре» и другими буржуазными партиями временно распалась. Отколовшиеся от партии «Венстре» сторонники «Общего рынка» объединились в так называемую Новую народную партию. В начале 70-х годов усилились впервые за много лет и праворадикальные настроения в буржуазных и мелкобуржуазных слоях страны («Партия А. Ланге», неонацисты). Компартия Норвегии, оценивая это оживление правого экстремизма, отметила, что проблему неонацизма в Норвегии нет необходимости преувеличивать, но в то же время следует всегда быть начеку⁷⁷.

⁷⁶ Ср.: Folkebevegelsen mot norsk medlemskap i Fellesmarkedet. Folkebevegelsen melding. Oslo, 1972; *Seierstad D.* EF — eller Norge. Oslo, 1972.

⁷⁷ *Knutsen M. G.* Veien fram for NKP og venstrekreftene. Beretningsforedrag på Norges Kommunistiske partis 15. Landsmøte. Oslo, 1975, s. 14—15.

В расчёте на избавление внутренних противоречий и сплочение на обычной для НРП идеологической и политической основе правление этой партии вскоре после референдума в специальном документе заявило, что вопрос об «Общем рынке» выяснен и утратил актуальность и что поэтому для существования оппозиционных групп внутри НРП нет больше оснований. В свою очередь левые социал-демократы, руководители Информационного комитета, пришли к выводу, что созданная ими организация должна продолжать работу. АИК расширил критику официального курса Рабочей партии, затронув новые стороны ее деятельности.

В начале 1973 г. представители АИК заявили о разрыве с НРП и о намерении впредь выступать в качестве самостоятельной организации «Демократические социалисты».

Выход из НРП новой значительной группы левых социал-демократов, заметная активизация других оппозиционных элементов в рядах Рабочей партии и в профсоюзах расширили предпосылки для более тесного сотрудничества левых сил. СШ, длительное время отвергавшая неоднократные предложения КПН о совместных действиях, пересмотрела свою позицию, оговорив, правда, новый, более конструктивный подход рядом условий. В обстановке известного подъема левых сил и наладившегося сотрудничества между КПН и СШ был создан в 1973 г. Социалистический избирательный союз.

При правительстве Л. Корвалла стортинг принял подготовленный еще социал-демократическим кабинетом закон о «производительной демократии». Закон, вступивший в силу с 1973 г., давал представителям персонала, состоявшим в правлениях отдельных промышленных предприятий и акционерных обществ или подлежавшим включению туда по определенной норме, право на получение более широкой, чем ранее, информации о производственно-экономической деятельности предприятия, а также право участия в процессе «принятия решений», относящихся к этой деятельности⁷⁸. Позднее, в 1974 и 1975 гг., законодательство было распространено на другие отрасли экономики, в том числе на строительство и сферу обслуживания. Аналогичная реформа проведена в сфере деятельности банков и других финансовых институтов. В середине 70-х годов по инициативе НРП правительством были также внесены предложения о включении выборных представителей коммунальных и областных властей в правления крупных предприятий, расположенных в пределах соответствующего административного округа. Депутаты от НРП в стортинге предложили конституционно закрепить права персонала на участие в принятии решений по вопросам деятельности

⁷⁸ Arbeiterbevægelsens håndbok 1975, s. 71—72.

предприятий и сделать необходимое добавление к § 110 конституции (к статье о праве на труд)⁷⁹.

Вопросы «производственной демократии», как и проблемы социализации, регионального развития и другие, были в 60-е годы и остались позднее темами политических дискуссий. К началу следующего десятилетия к ним добавился вопрос о том, как распорядиться «нефтяными миллиардами» (см. об экономике выше). Норвежская рабочая партия разработала нефтяную политику в духе основных социал-демократических концепций, предусмотрев привлечение к добычаванию нефти частного, иностранного и отечественного, и государственного капитала. НРП высказалась за то, чтобы примерно половина из ожидавшихся «нефтяных» бюджетных поступлений использовалась в форме капиталовложений внутри страны, а остающаяся часть — в форме инвестиций за рубежом для выплат по иностранным займам и т. п.

В буржуазном стане мнения не совпадали. «Хёйре» добивалась ускоренной разработки нефти с наибольшим привлечением частного капитала, «срединные» буржуазные партии проповедовали умеренный темп добычи.

За проведение нефтяной политики в интересах трудящихся выступила Компартия Норвегии. В программном документе «Обеспеченность, народовластие, демократизация экономики» КПН высказалась за то, чтобы разведка, добыча и переработка нефти и газа в дальнейшем осуществлялись исключительно норвежским государством; темп разработки нефтеносчиков определялся с учетом сырьевых потребностей следующего поколения и предотвращения загрязнения природной среды; добытые нефть и газ поступали непосредственно в Норвегию в целях наиболее полного обеспечения энергетических потребностей страны и занятости населения; доходы от нефти шли на нужды народа, и была исключена перекачка «нефтяных миллиардов» в военные статьи бюджета⁸⁰.

Непосредственно после референдума по вопросу о ЕЭС в центре политической борьбы оказались вопросы предстоящих парламентских выборов 1973 г. Выборы должны были показать, как повлияла «буря» 1972 г. на сложившиеся в 60-х годах соотношения сил.

Буржуазные партии, в особенности из-за недавних разногласий относительно ЕЭС, не смогли координировать свои предвыборные кампании. Норвежская рабочая партия выступила перед избирателями с обычной для нее идеей о важности для страны и трудящихся обеспечить в парламенте социал-демократическое большинство. НРП обещала добиться роста реальных доходов

⁷⁹ Nyhamar J. Op. cit., s. 27.

⁸⁰ Trygghet, demokrati og økonomisk folkemakt. Forslag til samarbeidsprogram for det arbeidende norske folk. Oslo, 1976, s. 14.

населения и уважать волю народа, выявившуюся во время референдума. Впервые за всю историю страны в избирательной борьбе участвовал блок левых сил — Социалистический избирательный союз. СИС шел на выборы с широкой демократической программой — «33 пункта» (см. также ниже). Помимо традиционных партий и СИС, в парламентской кампании участвовали праволиберальная Новая народная партия, маоистская «Коммунистическая партия рабочих», выступавшая на выборах под названием «Красного избирательного альянса», и праворадикальная «Партия А. Ланге».

Итоги выборов (см. выше табл. на с. 520) показали успех партий, бывших в числе противников интеграции. Сторонники участия в ЕЭС, напротив, потеряли часть голосов. Наиболее серьезное за все послевоенные годы политическое поражение понесла НРП, собрав лишь 35% голосов. Крупный успех выпал на долю левых рабочих партий, объединившихся в СИС: 41% голосов и 16 мест в стортинге.

Вместе с тем впервые за многие годы буржуазные партии собрали на выборах несколько больше голосов (но не мандатов), чем партии рабочего движения. В целом итоги выборов 1973 г. означали, что демократический подъем 1972 г. дальнейшего развития не получил и в общем соотношении политических сил существенных изменений не произошло. Восстановление минимального рабочего большинства в стортинге (один мандат) позволило НРП, проигравшей выборы и слувившей свой «интеграционный» флаг, тем не менее вернуться к власти: кабинет в последний раз возглавил Т. Браттели. Буржуазные партии с их взаимными расхождениями не претендовали на правительственную власть.

В новой обстановке основные партии несколько изменили свою тактику. Консерваторы теперь ратовали за воссоздание буржуазной коалиции, возобновили демагогические нападки на социал-демократов, возлагая на них ответственность за экономические трудности и приписывая НРП намерение исподволь вводить «социалистические порядки». Руководство НРП основной упор снова делало на том, что социал-демократы лучше буржуазных партий способны провести государственный корабль через бури надвигавшегося кризиса.

Второе правительство Браттели по-прежнему не имело парламентского большинства и придерживалось обычной в подобных ситуациях тактики — сотрудничества «от вопроса к вопросу», стремясь избегать ситуаций, которые могли повести к совместному вотуму недоверия со стороны буржуазных партий и СИС. После неудач 1972—1973 гг. вопрос о смене лидера НРП был предпринят. На съезде НРП в 1975 г. ее председателем был избран Р. Стеен, в прошлом журналист (р. 1939). Несколько позже, в январе 1976 г., Т. Браттели подал в отставку с поста премьер-министра, уступив место председателю парламентской фракции

НРП О. Нурдли (р. 1927), министру труда и коммунальных дел в первом кабинете Браттели.

Кабинет О. Нурдли с немного обновленным составом сосредоточил свое внимание в области внутренней политики на проблемах использования природных ресурсов и защиты среды, но прежде всего на мерах по обеспечению занятости. Правительство объявило о намерении усилить роль государства в области нефтедобычи. По заявлению О. Нурдли, основу экономической политики правительство, согласно традиционным установкам НРП, видит в развитии «гармоничного и способного выдержать конкуренцию хозяйства, базирующегося на взаимодействии частных и общественных интересов»⁸¹.

В первый период деятельности кабинета в стране до известной степени удалось ослабить отрицательные последствия неблагоприятной экономической конъюнктуры, притормозить рост безработицы. Эти и некоторые другие обстоятельства вскоре помогли НРП несколько укрепить свою пошатнувшуюся популярность.

Планируя и осуществляя те или иные мероприятия, правительство О. Нурдли не стремилось особо подчеркнуть свой социалистический «профиль». В большей степени, чем раньше, оно подчеркивало намерение НРП гарантировать те основы и принципы, на которых строятся современное норвежское общество и политический курс страны. Избрание этой тактической линии означало уступку нажиму со стороны буржуазных партий.

Основные буржуазные партии в свою очередь с середины 70-х годов пытались возобновить сотрудничество. В течение 1975—1976 гг. лидеры трех крупных буржуазных партий — «Хёйре», Христианско-народной и Центра — провели серию так называемых зондирующих политических встреч. На них рассматривались возможность и программа новой буржуазной коалиции, которая в случае успеха на выборах 1977 г. могла бы прийти на смену правительству социал-демократов. Инициатором переговоров снова выступили хёйре. Буржуазным политикам удалось достичь соглашения, и в апреле 1976 г. они опубликовали совместное политическое заявление относительно исходного базиса будущего коалиционного правительства — «общих ценностей» в виде «наследия христианской культуры, национальных и демократических традиций»⁸².

Признаки сплочения в буржуазном лагере и новое поправление внутривнутриполитического курса НРП делали особенно важным и плодотворным сотрудничество левых рабочих партий. К этому времени, однако, их сотрудничество прекратилось по вине народных социалистов, преждевременно добивавшихся организационного слияния леводемократических сил в единую партию, но добив-

⁸¹ Arbeiderbladet, 1976, 28 jan.

⁸² Hvem Hva Hvor 1977, s. 153.

шихся вместо этого распада Социалистического избирательного союза в 1975 г. (подробнее см. ниже).

В этой неблагоприятной для леводемократических сил обстановке развернулась парламентская кампания 1977 г. Среди буржуазных партий наибольшую активность в ней проявили домогавшиеся правительственной власти консерваторы. Они настаивали на углублении связей Норвегии с военным блоком НАТО, на укреплении правовой основы частной собственности, ограничении социально-экономической роли государственных органов и довольно искусно маскировали свои интересы демагогическими рассуждениями о защите демократии и народном благе⁸³.

Социал-демократы, выступив под традиционными лозунгами о «солидарном и демократическом обществе», на заключительной стадии избирательной кампании выдвинули вопросы обеспечения занятости и экономической конъюнктуры. Ввиду ухудшения экономического положения страны этот акцент, как не раз прежде, привлек к НРП значительное число трудящихся. Стремясь предотвратить приход буржуазного кабинета, «смену системы», многие избиратели-трудящиеся, отдавшие в 1973 г. голоса за кандидатов СИС, теперь поддержали НРП, а не левых социалистов или коммунистов, выступавших раздельно.

Об итогах парламентских выборов 1977 г. дают представление следующие цифры (в скобках — данные 1973 г.):

Партия	Голоса, в %	Мандаты
Норвежская рабочая партия	42,3(35,3)	76(62)
Новая народная партия	1,4(3,4)	0(1)
Партия прогресса	1,9(5,0)	0(4)
«Хёйре»	24,8(17,4)	41(29)
Христианско-народная партия	12,4(12,2)	22(20)
Коммунистическая партия Норвегии	0,4 —	0 —
Партия центра	8,6(11)	12(24)
Социалистическая левая партия	4,2 —	2 —
Социалистический избирательный союз	(11,2)	(16)
«Венстре»	3,2(3,5)	2(2)
«Красный избирательный альянс»	0,6(0,4)	0(0)
Прочие	0,2(0,6)	0(0)
Всего:	100(100)	155(155)

Источник: Norges offisielle statistikk. Stortingsvalget 1977. Oslo, 1977, s. 19—21; Politisk ABC. Oslo, 1978, s. 105.

⁸³ Et klart alternativ. Felleserklæringen fra Høyre, Kristelig Folkeparti, Senterparti om Langtidsprogrammet 1978—1981. Oslo, 1977. См. также: Nordisk Kontakt, 1977, N 11, s. 663—664.

На парламентских выборах в сентябре 1977 г. активность избирателей была очень высокой (82,9% имевших право голоса). Социал-демократам удалось восстановить свои позиции среди избирателей и в стортинге. НРП получила 42,3% поданных голосов и 76 мест в парламенте. В 1973 г. число мест в стортинге было увеличено со 150 до 155.

Буржуазным партиям, среди которых вновь и очень заметно выдвинулись хейре, удалось собрать 52% голосов и обеспечить себе 77 парламентских мандатов. Два места в стортинге получила СЛП. Расчеты правых кругов на восстановление буржуазного большинства в стортинге и сформирование буржуазного правительства, таким образом, не сбылись. Партии рабочего движения, т. е. НРП и СЛП, располагали в новом составе стортинга прежним большинством в один голос, что и дало социал-демократам возможность сохранить за собой правительственную власть. Лидером правительства остался О. Нурдлп. Итоги выборов 1977 г. свидетельствовали, что серьезных изменений в соотношении основных политических сил, которое сложилось и поддерживалось в течение последних двух-трех десятилетий, не произошло.

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: НОВЫЕ ПАРТИИ, НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В политической борьбе 60—70-х годов с нарастающей активностью участвовали массовые организации рабочих и служащих. Росла профессиональная организованность рабочих и работниц, и без того высокая в стране, совершенствовалась организационная структура профсоюзов. Поддерживалась тесная связь между профсоюзами рабочих и служащих, как входящими в ЦОПН, так и не входящими в него. В условиях научно-технической революции и первого послевоенного циклического кризиса норвежским профсоюзам пришлось вести борьбу с предпринимателями и по традиционным, и по ряду новых социально-экономических проблем, затрагивающих интересы паемных работников⁸⁴.

В середине 50-х годов совместными усилиями руководства НРП, ЦОПН и норвежского Объединения работодателей была введена в практику система так называемого коллективного пересмотра тарифных соглашений путем переговоров между представителями центральных профсоюзных и предпринимательских организаций. Общее тарифное соглашение, помимо пунктов о заработной плате, включало вопросы социального обеспечения, условий труда и служило основой соглашений между отдельными профсоюзами и предпринимателями. Заключение тарифных

⁸⁴ Здесь и ниже см.: *Зурабян К. С.* Указ. соч.

соглашений «сверху» чем дальше, тем чаще наталкивалось на протесты со стороны отраслевых и местных профсоюзов и рядовых членов. С критикой этого принципа выступали левые рабочие партии, требовавшие закрепления за отдельными профсоюзами права на самостоятельные тарифные переговоры со «своими» предпринимательскими организациями. Состоявшийся в мае 1977 г. съезд ЦОПН занял в вопросе о пересмотре тарифных соглашений несколько более гибкую, чем ранее, позицию, отметив, что методы пересмотра необходимо определять в зависимости от обстоятельств и пожеланий, высказанных с мест.

Практика централизованных тарифных соглашений не устранила забастовок как традиционной формы борьбы рабочего класса. Например, в 1966—1970 гг. ежегодно, по официальной статистике, в стране в среднем происходило восемь забастовок (19 тыс. рабочих дней); значительно больше было незарегистрированных забастовочных выступлений. По подсчетам одного из норвежских исследователей, на это же пятилетие «незаконных» выступлений было больше 50⁸⁵. В 70-х годах уровень стачечной борьбы вновь поднялся: вследствие забастовок и локаутов в 1970 г. было потеряно 47 тыс. человеко-дней, в 1974 г. — 318 тыс., в 1976 г. — 138 тыс. и в 1977 г. — 25 тыс. человеко-дней⁸⁶.

К числу традиционных предметов заботы и борьбы профсоюзов принадлежали такие, как улучшение положения низкооплачиваемых групп трудящихся, техническая безопасность на производстве в связи с ростом производственного травматизма, дальнейшее сокращение рабочего времени (с 1 апреля 1977 г. 40-часовая рабочая неделя распространена на все еще не имевшие ее группы трудящихся), внедрение в жизнь официально признанного принципа равной оплаты женщин и мужчин за равный труд, усовершенствование систем профессиональной подготовки и переобучения, снижение пенсионного возраста (с 1 января 1973 г. — до 67 лет) и удлинение ежегодных оплачиваемых отпусков (с 1 мая 1976 г. для лиц старше 60 лет — с четырех до пяти недель).

С конца 60-х и особенно с конца 70-х годов профсоюзы все больше внимания уделяли проблеме занятости. Сюда входили и гарантирование доходов трудящихся при учающемся закрытии предприятий (с 1 октября 1966 г. такая гарантия предоставляется трудящимся старше 50 лет), и создание новых рабочих мест в Северной Норвегии, где безработица гораздо выше, чем по стране в целом. Научно-техническая революция предполагает повышение образовательного уровня рабочих и служащих. Проф-

⁸⁵ Statistisk årbok for Norge 1972. Oslo, 1972, s. 54; Sosialistisk årbok 1974, s. 118.

⁸⁶ Yearbook... 1978, p. 74. Именно в 70-х годах после долгого перерыва вышли и стали бестселлерами романы о классовой борьбе трудящихся (см. с. 615).

союзы добивались создания такой системы народного образования, которая давала бы трудящимся, насколько это вообще возможно при строе частной собственности, равные возможности для использования своих способностей и препятствовала возникновению новых классовых различий; речь шла и об облегчении получения образования взрослыми и семейными людьми, об улучшении материального положения учащихся.

Злободневной для рабочего движения стала в 70-х годах проблема иностранных рабочих. Норвежские и скандинавские в целом профсоюзы, не возражая в принципе против въезда в их страны иностранных рабочих, предпринимали ряд шагов, учитывающих интересы скандинавских трудящихся и в то же время улучшающих положение мигрантов⁸⁷. ЦОПН, в частности, призывало иностранных рабочих из развивающихся и южноамериканских стран вступать в норвежские профсоюзы.

Рабочее движение продолжало бороться за изменение действующего в Норвегии законодательства по коллективным договорам — с юридическими ограничениями права на забастовку, с недемократическими порядками голосования в профсоюзах. На более высоком уровне возобновилась в 60-х годах уже упомянутая ранее борьба за демократию на производстве, т. е. за участие трудящихся в управлении предприятиями и учреждениями по месту их работы. Как уже сказано, в первой половине 70-х годов на этом важном направлении классовой борьбы достигнуты некоторые успехи — полномочия представителей персонала в высших советах предприятий значительно шире, чем в производственных комитетах послевоенных лет. Ныне от руководителей профсоюзного движения гораздо чаще, чем прежде, можно слышать высказывания в пользу «изменения структуры собственности» на норвежских предприятиях⁸⁸.

Знаменем времени был выход норвежских профсоюзов за пределы социально-экономических требований. Действуя бок о бок с рабочими партиями, профсоюзы все чаще направляют свои усилия на решение крупных политических и даже внешнеполитических вопросов, волнующих страну. При этом профсоюзы заметно радикализировались, чаще прежнего занимают более левые позиции, чем Норвежская рабочая партия, заставляют само партийное руководство приспосабливаться к ним. Профсоюзы активно и самостоятельно участвовали в массовых кампаниях против изменения атомной политики Норвегии (рубеж 50—60-х годов), против американской агрессии в Индокитае (вторая половина 60-х и начало 70-х годов), против вступления в «Общий рынок» (рубеж 60—70-х годов), против политического наступления правых сил (на исходе 70-х годов).

⁸⁷ Зурабян К. С. Указ. соч., с. 74.

⁸⁸ Зурабян К. С. Указ. соч., с. 111; см. также: Тимашкова О. К. Скандинавская социал-демократия на современном этапе. М., 1978, с. 64—71.

Профсоюзы как самые массовые организации сыграли свою положительную роль в определении позиции норвежского правительства относительно Общеввропейского совещания, в ускорении дипломатического признания ГДР. Участвуя в международном и внутрискандинавском профсоюзном сотрудничестве, норвежские профсоюзы с конца 60-х годов вопреки рекомендациям извне установили связи с профсоюзами социалистических стран, причем на все более высоком уровне. В 70-х годах состоялись взаимные визиты делегаций профцентров Норвегии и СССР — ЦОПН и ВЦСИС. Представители норвежских профсоюзов активно участвуют в ставших традиционными рабочих конференциях стран Балтики, Норвегии и Исландии.

Политическая борьба рабочего класса включала борьбу против буржуазных партий, которую разные организации трудящихся вели, естественно, исходя из несовпадающих идейных и политических предпосылок; деятельность и НРП, и примыкающих организаций по реализации установок социал-демократии и за влияние на трудящихся; борьбу левых рабочих партий против реформизма и за обновление политического курса страны.

НРП оставалась наиболее крупной политической партией страны. В ее рядах насчитывалось около 150—160 тыс. членов. В ее союзе молодежи было около 27 тыс., в ЦОПН — около 600 тыс. человек⁸⁹. В то же время рост рядов НРП в этот период прекратился, а примыкающих к ней организаций — замедлился. Неустойчивым, как мы видели, было и влияние социал-демократов среди избирателей.

Последние два десятилетия НРП боролась за сохранение и восстановление политического влияния, пыталась обновить свои концепции с учетом новых проблем. Идеологические и тактические поиски НРП происходили на традиционной основе привычного «демократического социализма». Сказанное относится и к принятой в 1969 г. повоз* программе НРП «Принципы и перспективы»⁹⁰. Во вступительной части, как и ранее, целью Норвежской рабочей партии провозглашалось социалистическое общество. Общественные органы, говорится в программе, должны иметь более значительное влияние во всех областях экономики без «бюрократического управления ею». Право частнокапиталистической собственности программой 1969 г., однако, не оспаривается, хотя и предусматривается возможность передачи ее в руки государства или коммун, если этого требуют общественные интересы⁹¹. Позже П. Клеппе, один из экономических авторитетов НРП

⁸⁹ DNA. Fra folkebevegelse til statsstøtte. Oslo, 1973, s. 238; Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. Oslo, 1974. D. 2. 1930—1973, s. 216; см. также: *Позгов П.* Норвежская рабочая партия: Теория и практика. — Мировая экономика и международные отношения, 1966, № 9.

⁹⁰ Det norske Arbeiderparti: Grunnsyn og retningslinjer. Oslo, 1965.

⁹¹ Demokratisk sosialistisk perspektiv. Oslo, 1976, s. 160—161.

Демонстрация против вступления Норвегии
в «Общий рынок», сентябрь 1972 г.

(министр финансов в правительствах Браттели и Нурдли до 1979 г.), высказываясь по одному из главных аспектов вопроса о социализации — отношению к банковскому капиталу, заявил, что «ключевым» понятием должна быть не «социализация», а «демократизация»⁹².

В принципиальной программе далее признается рост концентрации экономической власти и влияния «больших концернов», т. е. монополистического капитала, как в Норвегии, так и в капиталистическом мире в целом. Вместе с тем утверждается, что «концерны» в меньшей степени подвержены влиянию неконтролируемых сил рыночной экономики и проявили «большую способность к сотрудничеству с общественными органами»⁹³. В отношении частного капитала в целом ставится задача приспособления его к интересам всего общества, социального «облагораживания» его активности, а отнюдь не его ограничения и вытеснения.

В целом последующее разъяснение реального содержания программы свидетельствовало о том, что руководство Рабочей

⁹² Arbeiderbladet, 1972, 6 des.

⁹³ Demokratisk sosialistisk perspektiv, s. 156.

партии взяло установку на дальнейшую демократизацию политических структур, системы социального обеспечения, методов государственного регулирования хозяйственной жизни в рамках существующего капиталистического строя⁹⁴. Финансово-экономическая и индустриальная политика НРП по-прежнему состояла в том, чтобы с помощью государственного вмешательства через механизм цен, налогов, через финансовое законодательство, с помощью планирования государственного предпринимательства и государственных вложений обеспечивать экономический рост и занятость. Национальный доход должен был и впредь распределяться таким образом, чтобы сохранялись стимулы для частного предпринимательства и вместе с тем обеспечивался дальнейший рост реальной заработной платы и социального обеспечения.

В 70-х годах НРП пыталась освежить свои концепции с учетом новых политических и социально-экономических реалий, углубления научно-технической революции, противоречивого и кризисного развития капитализма. Р. Стееп, например, выделяет в этой связи три комплекса проблем. Это — вопросы природной и производственной среды, использования и сохранения ресурсов, их распределения внутри отдельных стран и между ними; вопросы осуществления «социального равенства» в сфере экономики, управления и повседневной жизни; вопросы демократизации административного управления, банков, страховых обществ, производственных предприятий⁹⁵. Однако и в новых вариантах реформизма, кратко выразивших себя в понятии «солитарного общества», задачи более глубоких социальных и политических преобразований, как и прежде, не ставятся⁹⁶.

По сравнению с ближайшим послевоенным периодом левая оппозиция внутри НРП, в профсоюзах, в молодежной организации социал-демократов усилилась и активизировалась. Особенно заметными были ее выступления по вопросам участия Норвегии в НАТО и отношения к ЕЭС. Дважды — в 1961 и 1973 гг. — левые элементы организационно порывали с НРП и содействовали созданию новых политических организаций. Оппозиция со стороны левого крыла оказывала известное влияние на положение внутри НРП и ее тактику, на уход с политической авансцены таких крайне правых деятелей, как Х. Ланге, Х. Ли, председатель ЦОПН К. Нурдаль.

Идейный и политический профиль НРП конца 70-х годов, а в известном смысле и внутренние проблемы Рабочей партии проявились на ее очередных съездах 1977 и 1979 гг. Основопо-

⁹⁴ См., например, программный документ съезда НРП в 1971 г. «Повседневная демократия»: *Demokrati i hverdagen*. — *Demokratisk sosialistisk perspektiv*, s. 168—178.

⁹⁵ *Ibid.*, s. 108.

⁹⁶ *Arbeiderbladet*, 1979, 28, 30 apr.

лагающими идеями политики, рассчитанной на перспективу, руководители НРП в 1977 г. называли задачи так называемого улучшения «качества жизни» и достижения «солидарного общества»⁹⁷. Провозглашенное в 1969 г. программной целью НРП социалистическое общество на съездах 1977 и 1979 гг. в выступлениях руководителей партии почти не упоминалось. Острые споры на этих съездах вновь вызвали некоторые вопросы внешней политики. Предложение о выходе страны из НАТО, внесенное от имени союза молодежи, поддержали 45 делегатов съезда; 100 из 245 делегатов проголосовали за предложение АУФ о демократизации страховых компаний.

В основном докладе на 47-м съезде НРП 6 мая 1979 г. председатель партии Р. Стеен говорил о том «вызове», какой представляют для рабочего движения проблемы 80-х годов. Достижения научно-технической революции могут быть использованы в интересах трудящихся только при условии общественного «управления технологией»⁹⁸. Лидер НРП поставил задачу «нового политического наступления» и подчеркнул необходимость размежевания с буржуазными партиями по самому жизненному вопросу — преодолению последствий экономического кризиса. Это преодоление лидер НРП мыслил на путях не «свободной рыночной экономики», а «разумной плановой экономики в сочетании с политической демократией и свободой личности». Ближайшей высшей целью партии, опять-таки в противовес давлению буржуазных кругов, была объявлена «надежность занятости и доходов», а одним из важнейших средств для этого — создание новых рабочих мест в общественном секторе и высокий уровень общественного потребления вообще. Правление НРП пополнилось руководящими деятелями профсоюзов — председателем ЦОПН Т. Халворсеиом (взамен его предшественника Т. Аспенгрена) и председателем крупнейшего профсоюза страны — коммунальных рабочих и служащих⁹⁹.

Программные установки НРП по вопросам мирового развития и международного рабочего движения принципиально не изменились. По сравнению с буржуазными партиями платформа социал-демократов отличалась большим акцентом на проблемах разрядки и разоружения, сотрудничества с развивающимися и социалистическими странами. Стремление к укреплению добрососедских отношений с СССР, к установлению связей с правящими партиями социалистических государств усилилось при новом руководстве НРП. Эти положительные тенденции сказались на съезде НРП в мае 1979 г., а вслед за ним — на первом, с 1923 г., приезде в Москву авторитетной партийной делегации во главе

⁹⁷ Ibid., 1977, 10, 12 mai.

⁹⁸ Ibid., 1979, 7 mai.

⁹⁹ Nordisk Kontakt, 1979, N 10, s. 676—678.

с председателем НРП Р. Стесном по приглашению ЦК КПСС. В итоге встречи выяснилось единодушие партий в главном вопросе современности — понимании необходимости упрочения мира и безопасности народов. Контакты между обеими партиями решено было развивать и в дальнейшем. Вернувшись на родину, председатель НРП говорил об имеющейся «широкой сфере для плодотворного сотрудничества и контактов»¹⁰⁰.

* * *

В 1961 г. на базе левой фракции НРП была создана (см. с. 524) Социалистическая пародная партия. Наряду с внутренними факторами косвенную роль в создании СНП сыграли также международные факторы, как рост могущества стран социалистического содружества, ликвидация «ядерного превосходства» Соединенных Штатов, дальнейший развал колониальной системы империализма, появление левосоциалистических партий и групп во многих западноевропейских странах, особенно в соседней Дании. Вместе с тем антикоммунистические кампании предшествовавших лет, трудности, с которыми сталкивались в начале 60-х годов норвежские коммунисты, послужили препятствием на пути возможного в иных условиях сближения радикализировавшихся групп трудящихся с Коммунистической партией Норвегии.

Последним толчком к созданию СНП явилось исключение группы ведущих сотрудников газеты «Ориентеринг» из НРП, одобренное на очередном съезде этой партии (апрель 1961 г.)¹⁰¹. Учредительным съездом новой партии стало генеральное собрание пайщиков газеты «Ориентеринг» 15 апреля 1961 г. в Осло. В принятом на собрании учредительном манифесте говорилось, что СНП намерена содействовать делу прогресса и социализма и выступать за обновление норвежской политики¹⁰². Председателем СНП был избран служащий К. Лёфнес, секретарем — аспирант столичного университета, историк Б. Фюрре, редакторами «Ориентеринг» — журналисты Ф. Густавсен и С. Эвенсму — также известный писатель. Свою первую парламентскую кампанию народные социалисты провели под лозунгами: «Нет атомному оружию в Норвегии — членству в НАТО и Общем рынке — 1500 миллионам крон ежегодно на военные расходы — налоговым льготам крупному капиталу — безграбичному обогащению владельцев акций: капитализму. Да норвежскому нейтралитету — полной независимости от великих держав, как Запада, так и

¹⁰⁰ Правда, 1979, 27 мая; Arbeiderbladet, 1979, 28 mai.

¹⁰¹ *Калитонов Л. А.* Борьба внутри норвежской социал-демократии и образование Социалистической пародной партии: Автореф. канд. дис. М., 1970; *Kvam R.* DNA mot splittelse. Oslo, 1973, s. 144 etc.

¹⁰² Nya SF mener. Oslo, 1968, s. 8.

Востока, — сотрудничеству североевропейских стран — плановой экономике — социальной обеспеченности — демократии на производстве: социализму».

Как уже говорилось в связи с выборами 1961 г., создание Социалистической народной партии нашло известный отклик среди трудящихся страны.

Дальнейшая деятельность СНП в 60-х годах была направлена на идейное и организационное сплочение собственных рядов, «отвоевание» позиций в рабочем классе, расширение представительства в парламенте страны. Своей основной задачей лидеры СНП назвали не больше ни меньше как «обновление норвежского рабочего движения и политики» на основе «третьей альтернативы». Существование этой альтернативы видно из программного «Заявления о принципах», принятого съездом СНП в 1962 г.: дальше механического соединения некоторых идей, заимствованных у коммунистического движения, и идей, фактически воспроизводящих определенные взгляды социал-демократии, дело не пошло. Несколько упрощая, можно констатировать, что принципиальная программа СНП стояла ближе к научному социализму в вопросах преобразования базиса общества, по ближе к реформистскому подходу — в трактовке надстройки, методов борьбы за социализм¹⁰³. Определяя организационные основы своей партии, лидеры народных социалистов сознательно задались целью противопоставить их организационным принципам, принятым в «старых» партиях рабочего движения. Они подчеркивали, что СНП не только партия, но и одновременно широкое «народное движение», открытое для свободного к нему присоединения. Вскоре после образования СНП сложились две примыкавшие к ней молодежные и весьма заметные в общественной жизни Норвегии 60-х годов организации — Социалистический студенческий союз и Социалистический союз молодежи. Спустя несколько лет они оказались в состоянии острого конфликта со своей партией. СНП пошла по пути демонстративного соперничества как с социал-демократами, так и с компартией¹⁰⁴. Политических союзников СНП в первые годы своего существования искала главным образом за пределами страны, устанавливая связи с левосоциалистическими партиями и группами в скандинавских и других капиталистических странах.

Несмотря на значительный прирост голосов за СНП на выборах в 1965 г. в стортинг, как уже говорилось, прошли только два кандидата народных социалистов. Надежды на расширение парламентской фракции и усиление роли партии в делах страны не оправдались. В последующие три-четыре года СНП оказалась в состоянии серьезного идейно-политического кризиса. Он вылился

¹⁰³ Hva SF mener, passim.

¹⁰⁴ Orientering, 1963, 25 mai.

ся в противоречие между «ядром» народных социалистов — основателей СНП и примыкавшими к ней студенческой и молодежной (СУФ) организациями. Ф. Густавсен, К. Лёфснес и другие «основатели» призывали придерживаться уже принятой левореформистской тактики. Молодежное же крыло требовало полного пересмотра программных установок и методов политической работы СНП, выработки «новой стратегии» во имя мобилизации «революционных ресурсов в целях осуществления социалистического переворота»¹⁰⁵. Платформа молодежного крыла представляла собой набор из воззрений Г. Маркузе, итальянской группы «Манифесто», буржуазных «исомарксистов» и маоизма. СУФ солидаризировался с пекинской «культурной революцией» и отверг идею мирного сосуществования двух систем. На съезде СНП в феврале 1969 г., сознательно спровоцировав внутривнутрипартийный конфликт, левая группа в составе 37 делегатов демонстративно ушла и вскоре начала подготовку к созданию самостоятельной, открыто маоистской, организации. Маоисты сочетали псевдорадикальные лозунги и тактику во внутренней политике с крайним антисоветизмом в вопросах внешней политики, дойдя до фактической поддержки участия Норвегии в НАТО. Их роль свелась к пособничеству антикоммунизму, наиболее реакционным империалистическим кругам. В 1973 г. маоисты объявили себя «Коммунистической партией рабочих (марксисты-ленинцы)»¹⁰⁶.

Раскол СНП сопровождался и сменой ее руководства: новым председателем партии стал журналист Т. Сулхейм. Активность местных организаций СНП падала. На парламентских выборах 1969 г. партия потеряла свыше трети сторонников, главным образом из рабочей среды, и все мандаты. Впоследствии СНП частично восстановила свою популярность, активно участвуя в народном движении против «Общего рынка» бок о бок с коммунистами.

С изменением внутренней и международной обстановки в 60-х годах начали складываться более благоприятные условия для деятельности норвежской компартии. Это поставило перед КПН новые задачи. Исходя из них, партия сосредоточила внимание на вопросах работы в массах, на организации сотрудничества левых сил, на развитии своих программных установок. В ходе этой деятельности возникли определенные трудности и проблемы в самой компартии. Норвежским коммунистам пришлось вести в эти годы напряженную борьбу с проявлениями левого и правого оппортунизма, с неустойчивыми элементами в собственных рядах, что, естественно, уменьшило возможности активной работы в массах.

С начала 60-х годов, поставив задачу повышения боеспособ-

¹⁰⁵ Kontrast, 1968, N 10, s. 112; Lorenz E. Op. cit., D. 2, s. 181.

¹⁰⁶ Prinsipp-program og vedtekter for AKP (m-l). Oslo, 1977.

ности трудящихся в отстаивании своих интересов, КПН выступила против реформистских установок на идеологизацию профсоюзного движения и «классовый мир». С учетом существующих условий коммунисты высказались вместе с тем за самостоятельность и внепартийный характер профсоюзов, против существующего поныне коллективного членства их в НРП. Коммунисты критически подходили к реформистским идеям в области «производственной демократии». Не отрицая значения расширения прав трудящихся на предприятиях даже в условиях капиталистической системы, КПН вместе с тем предупреждала против того, чтобы «производственная демократия» ослабляла самостоятельную деятельность трудящихся в отстаивании не только текущих, но и более перспективных требований.

В середине 60-х годов, когда обозначилась вероятность победы буржуазных партий на парламентских выборах 1965 г., в профсоюзах и других организациях трудящихся крепки настроения в пользу сотрудничества «всех организованных сил» рабочего движения. Под воздействием этих настроений были проведены публичные встречи-дискуссии между представителями НРП, СНП и КПН, которая выступила их основным инициатором. Призывы коммунистов к единым действиям трех партий на основе сохранения ими своей идеологической и организационной самостоятельности практической реализации, однако, не получили.

На XI съезде КПН в 1965 г. председателем партии вместо ушедшего по возрасту Э. Лёвлиена был избран Р. Ларсен, ранее в течение ряда лет — редактор центрального органа партии — газеты «Фрихетен». К тому времени трудности на пути сплочения рабочего движения вызвали разногласия в рядах самой КПН. Часть членов компартии полагали, что главное внимание следует уделять улучшению отношений с социал-демократами, поскольку их поддерживают профсоюзы и большинство трудящихся. Но были и мнения в пользу сближения в первую очередь с СНП, как более радикальной социалистической партией, высказывавшейся за обновление политического курса страны. После неудачных для КПН выборов 1965 г. эти споры усилились.

Расхождения внутри компартии порождались и новыми акцентами в ее международной политике. Еще до XI съезда в партии известное распространение получила точка зрения насчет «особой» позиции КПН по вопросу об отношениях международного коммунистического движения с компартией Китая. Распространилось ошибочное представление о «равной ответственности» братских партий и КПК за трудности, возникшие в коммунистическом движении. Согласно этой точке зрения, которую партия позднее отвергла, КПН должна была занять «нейтральную позицию» и сыграть роль «строителя мостов» между КПК и КПСС.

Колебания партийного курса привели к усилению дискуссий и разногласий. В конце 60-х годов небольшая группа членов КПН отошла от работы в партии. Партия в 1961—1973 гг. не была представлена в стортинге.

В складывавшихся нелегких условиях важное значение для КПН получила дальнейшая разработка теоретических, программных вопросов. В 1963 г. на конференции КПН был рассмотрен и одобрен программный документ «За мир, национальную независимость, демократию и социализм»¹⁰⁷. Этот документ развивал положения программы 1953 г. «Путь Норвегии к социализму». В центре программного документа 1963 г. были вопросы антимонополистической борьбы как важнейшей предпосылки обеспечения национальной независимости и демократического развития страны. В нем также отмечалось, что изменение соотношения сил на международной арене улучшает возможности мирного перехода к социализму, без гражданской войны.

Важным шагом в дальнейшей разработке теоретических и идеологических основ КПН явился XIV юбилейный съезд Коммунистической партии Норвегии в ноябре 1973 г. Съезд принял «Принципиальную программу» Компартии Норвегии¹⁰⁸. В программе КПН, в частности, отмечены историческая роль рабочего класса как создателя социалистического общества, значение коммунистической партии, ее марксистско-ленинской идеологии, демократического централизма как закона внутривнутрипартийной жизни. «Принципиальной программой» КПН отклонила так называемую третью альтернативу в рабочем движении и подчеркнула свою приверженность принципам пролетарского интернационализма, рассматривая социалистические страны как «наиболее мощный оплот мира и важнейшую силу в интернациональной классовой борьбе против империализма».

Одобрив «Принципиальную программу», КПН укрепила свою идеологическую основу, что в дальнейшем способствовало преодолению внутривнутрипартийных трудностей, сплочению рядов компартии.

В апреле 1973 г., в преддверии очередных парламентских выборов, был создан Социалистический избирательный союз. В него вошли СНП, КПН, «Демократические социалисты» (АИК) — противники «Общего рынка» из рядов НРП — и независимые (не состоявшие в какой-либо партии) социалисты. Предпосылки образования СИС складывались в ходе массовых леводемократических кампаний 60-х и начала 70-х годов. Свои плоды, вопреки первоначальной тактике народных социалистов, принесла борьба норвежских коммунистов за единство действий трудящихся.

¹⁰⁷ Program for Norges Kommunistiske parti. Vedtatt på landskonferensen 20.—21. april 1963. Oslo, 1963.

¹⁰⁸ Prinsipp-program for Norges Kommunistiske parti. Oslo, 1974.

На учредившей СИС конференции был принят Политический манифест. Манифест призывал к продолжению сотрудничества противников ЕЭС и выдвигал идеи национальной самостоятельности, международной солидарности, борьбы «за социалистическую Норвегию». Между партиями, объединившимися в СИС, имелись и серьезные разногласия (отношение к реальному социализму, международному коммунистическому движению, марксизму-ленинизму и др.). Несмотря на это, в манифесте была преждевременно выдвинута идея «полного организационного слияния» в ближайшем будущем и ликвидации «старых» партий¹⁰⁹.

На первой стадии сотрудничеству левых партий сопутствовали уже известные политические успехи. К выборам 1973 г. эти партии шли, имея за плечами победу на референдуме по вопросу о ЕЭС, опираясь на предвыборную платформу СИС¹¹⁰. Предвыборная платформа СИС «33 пункта» содержала демократические и антимонополистические требования. Она призывала к роспуску военных блоков, предлагала меры по социализации банков, ограничению иностранного капитала, в том числе в нефтедобыче. Среди наиболее заметных и вызывавших острые дискуссии социальных проблем 60-х и 70-х годов был и вопрос о так называемом свободном аборте. СИС высказывался за отмену его запрещения и за право норвежских женщин самостоятельно решать этот вопрос, как этого требовало прогрессивное женское движение. Такой закон ныне принят (с ограничениями).

После крупного успеха на выборах 1973 г. — 11% голосов и 16 мандатов из 155 — в СИС возобновились дискуссии о преобразовании союза в партию. Инициаторами «полного организационного слияния» выступили Ф. Густавсен и другие представители «старого» ядра СНП. Они полагали, что более широкая левая партия, независимо от ее названия, превратится в «большую СНП» и унаследует ее идеологические воззрения и политический курс. Коммунисты, участвуя в обсуждениях идеи о так называемом полном организационном слиянии, считали, что широкая организация типа союза, федерации или фронта обеспечивает условия для привлечения новых групп трудящихся, тогда как провозглашение СИС особой партией подобных возможностей не дает. В рядах КПН, однако, обнаружилось и ликвидаторские настроения, против которых партии пришлось повести напряженную борьбу¹¹¹.

В апреле 1974 г. в Осло была созвана все норвежская конференция СИС. На конференции представители компартии, стремясь сохранить сотрудничество левых партий, проголосовали за слияние составных частей союза в единую партию. На «объедини-

¹⁰⁹ Sosialistisk årbok 1974, s. 24.

¹¹⁰ 33-punktsprogram.— Sosialistisk årbok 1974, s. 27—33; *Risanger O. SV blir til*. Oslo, 1976, s. 20.

¹¹¹ См.: *Knutsen M. G. Op. cit.*, s. 24.

тельном конгрессе» в Тронхейме 14—16 марта 1975 г., где делегаты-коммунисты были в меньшинстве, СИС был объявлен Социалистической левой партией. Было избрано временное руководство СЛП, в которое вошли по представителю от СНП, КПН и АИК и один независимый социалист¹¹².

Документ, принятый в качестве программы, признавая марксизм «руководством к действию» рабочего класса всех стран, провозглашал целью СЛП создание «мирным путем» социалистического общества. Документ был во многих отношениях противоречивым, что отражало идейную неоднородность СЛП и повлияло и на ее последующие практические шаги¹¹³.

После Тронхеймского конгресса Социалистическая пародная партия объявила о самороспуске и призвала своих членов войти в СЛП. О своем самороспуске сообщили и члены АИК. Газета «Ориентеринг» была реорганизована и под названием «Ню тид» («Новое время») стала органом СЛП.

Социалистическая левая партия провела свой первый, после Тронхеймского конгресса СИС, съезд в феврале 1976 г. Подобно своей предшественнице, Социалистической народной партии, СЛП насчитывала в своих рядах лишь несколько тысяч членов. Съезд упразднил действовавший в СИС принцип «двойного членства», что означало размежевание с КПН¹¹⁴. Председателем СЛП был избран Б. Фюрре. Идеологические проблемы, вызывавшие особенно глубокие разногласия в период деятельности СИС, на съезде решено было не рассматривать¹¹⁵. В тактическом плане руководство СЛП высказалось за более гибкую, чем прежде, линию в отношении Норвежской рабочей партии, что выразилось главным образом в условной поддержке НРП в парламенте. Об отношении к КПН было записано, что разрыв между левыми партиями не должен привести к «состоянию войны» и что возможно деловое сотрудничество по отдельным вопросам¹¹⁶.

Имея в своем составе ряд сотрудничающих и взаимовлияющих фракций и течений, новая партия не стала простым «повторением» СНП или какого-либо другого левого течения из участвовавших в СИС. По сравнению со взглядами, например, народных социалистов в программе СЛП содержатся новые идеи, включая указание на значение марксизма, в тактике — новые черты, в руководстве — новые лица. СЛП выглядит радикальнее, чем СНП. Вместе с тем некоторыми чертами — «сознательным» отрицанием необходимости прочной партийной организации и дисциплины, идеологическим «плюрализмом» и т. п. — она по-

¹¹² Friheten, 1975, N 17, 24 apr.—3 mai.

¹¹³ Prinsipp-program. Sosialistisk Venstreparti. Oslo, 1975; *Risanger O. Op. cit.*, s. 42—43, 67—76.

¹¹⁴ SV. Landsmøte 20.—22. februar 1976, s. 5 (Stensil).

¹¹⁵ Nordisk Kontakt, 1976, N 5, s. 301—302.

¹¹⁶ SV. Landsmøte 20.—22. februar 1976, s. 7; *Risanger O. Op. cit.*, s. 118—121.

своему продолжает Социалистическую народную партию. Общими оказались и явная переоценка национального своеобразия развития Норвегии, а также, хотя и в модернизированном виде, концепция и тактика так называемой третьей альтернативы. Эта ориентация подталкивает норвежских левых социалистов на ложный путь конфронтации с реальным социализмом и теми коммунистическими партиями, которые СЛП объявила «зависимыми» и «несамостоятельными». СЛП, подобно своей предшественнице СНП, в большей степени является организацией левонастроенных служащих и интеллигенции, чем партией промышленных рабочих¹¹⁷.

Норвежские коммунисты, за исключением небольшой, ликвидаторски настроенной части во главе с Р. Ларсеном, не согласились с решениями Тропхеймского конгресса, поскольку идеологические расхождения в СИС преодолены не были. В окончательном виде позиция КПП была определена на XV съезде осенью 1975 г. Ко времени открытия съезда практически все местные организации компартии высказались за сохранение КПП. На съезде с отчетом Правления компартии выступил заместитель председателя М. Г. Кнутсен. Отчетный доклад содержал предложения о совместных действиях и укреплении сотрудничества с СЛП в местных организациях, коммунах, профсоюзах, выражал готовность бороться совместно с СЛП, «независимо от партийную принадлежность или идеологические различия»¹¹⁸. Вместе с тем доклад раскрывал принципиальную невозможность считать СЛП альтернативой компартии и делал четкий вывод о необходимости сохранения и укрепления КПП. XV съезд внес далее поправки к политическому курсу партии в духе пролетарского интернационализма. Новым председателем был избран Мартин Гуннар Кнутсен (р. 1918), историк по образованию, в юности — рабочий, участник движения Сопротивления, позже — учитель, директор школы под Осло.

Опираясь на решения XV съезда, коммунисты развернули

**Председатель Компартии Норвегии
Мартин Гуннар Кнутсен**

¹¹⁷ Vår Informasjon, Medlemsblad for Sosialistisk Venstreparti, 1977, N 3, s. 3.

¹¹⁸ Knutsen M. G. Op. cit., s. 38.

работу по укреплению своих рядов и повышению активности партии. Уже в 1976 г. КПН выдвинула новую программу сотрудничества широких слоев трудящихся в интересах борьбы за мир, за насущные материальные требования, за подлинную демократизацию и прогрессивные преобразования экономики¹¹⁹.

В феврале 1977 г. в Москве состоялась встреча делегации нового руководства КПН с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Суловым и кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым. Норвежские коммунисты рассказали о своей борьбе за жизненные интересы рабочего класса и всего народа страны, против безработицы и стремления монополий переложить тяготы начавшегося кризиса на трудящихся, о деятельности КПН по созданию широкого единства действий народных масс в интересах мира и разрядки. На встрече была единодушно признана настоятельная необходимость укрепления единства международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма при соблюдении полной самостоятельности каждой партии¹²⁰.

В целом XV съезд компартии явился поворотным пунктом в ее истории. Партия внесла свой вклад в подготовку и успешное проведение Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г. В парламентской избирательной кампании 1977 г. коммунисты боролись против перехода власти в руки буржуазно-консервативных сил, «за правительство, исходящее из рабочего движения», что отвечало бы «социальному составу норвежского народа и массовой силе профсоюзного движения»¹²¹.

На исходе 70-х годов КПН продолжала последовательно отстаивать жизненные интересы трудящихся, национальные интересы страны, вместе со всеми прогрессивными силами Норвегии вносила заметный вклад в борьбу за углубление разрядки, давая отпор проявлениям антикоммунизма и антисоветизма¹²². Состоявшийся в апреле 1978 г. очередной, XVI съезд КПН принял манифесты «За активную политику мира» (см. ниже) и политико-экономический — «Единство рабочего движения в борьбе против экономического кризиса». Компартия предлагала следующие конкретные мероприятия по преодолению последствий экономического кризиса: введение государственного контроля над внешней торговлей; осуществление практических мер против уклонения монополий от уплаты налогов; преодоление валютной зависимости от западногерманского финансового капитала; расширение внешней торговли со странами социализма; увеличение государствен-

¹¹⁹ 3x7 punkter for trygghet, demokrati og økonomisk folkemakt. Forslag til samarbeidsprogram for det arbeidende norske folk. Oslo, 1976.

¹²⁰ Правда, 1977, 27 февр.

¹²¹ NKP. Valg-Manifest. Ny kurs for Norge. Oslo, 1977.

¹²² Правда, 1978, 18 апр. (Приветствие ЦК КПСС XVI съезду КПН.)

ных расходов на социальные и культурные нужды; усиление влияния парламента и профсоюзов на руководство народным хозяйством; национализация банков, крупных судоверфей и иностранного капитала в важнейших отраслях норвежской промышленности; сокращение военных расходов и активная борьба за углубление разрядки¹²³.

Важнейшей своей задачей норвежские коммунисты считают создание широкого демократического союза в целях проведения коренных социальных и политических преобразований. Для решения этой задачи коммунисты стремятся наладить или восстановить единство действий с социал-демократами и социалистами, нарушенное неудачным опытом скороспелого организационного объединения. На коммунальных выборах 1979 г. партия получила больше голосов, чем на предыдущих выборах¹²⁴.

Несмотря на успешное экономическое развитие в 60—70-х годах, Норвегию настиг в 1977—1978 гг. мировой экономический кризис. Снизился, а в 1977 г. вообще прекратился рост промышленного производства, зарегистрированная безработица превысила 2%. Судоверфи лишились заказов. В 1978 г. фактически обанкротился радиоэлектронный концерн «Тандберг» — гордость норвежской индустрии. С тех пор положение несколько улучшилось: в течение 1979 г. сократился внешний долг страны, стоимость экспорта даже превысила импорт, темпы инфляции были ниже, чем в большинстве западноевропейских стран. Однако за годы спада заметно снизилась покупательная способность трудящихся, от чего особенно страдали отрасли внутреннего рынка. Хозяйственное оживление все еще не шло на пользу трудящимся: оставалось в силе замораживание зарплаты и цен. Предприниматели использовали ситуацию для невиданного уже в течение многих лет нажима на профсоюзы. В политической жизни этому нажиму соответствовала активизация и парламентские успехи партии «Хёйре». Обращаясь к мелким и средним собственникам, консерваторы демагогически обещали защитить их от «всесильного» государства, нападали на социальную и экономическую политику социал-демократов, приписывая им «насаждение социализма», призывали сокращать социальные и повышать военные расходы.

В противовес этому в рабочем движении страны на исходе 70-х годов усиливались настроения в пользу совместных действий всех трудящихся. Их отражением стало обращение «За тебя — против государства хёйре», подписанное группой профсоюзных активистов из разных партий и появившееся в печати в сентябре 1979 г. В конце 1979 г. под знаком сотрудничества демократических сил

¹²³ NKP. Informasjon. Landsmøtet 78. Oslo, 1978, s. 2 (stensil).

¹²⁴ Nordisk Kontakt, 1979, N 12, s. 804—805; *Кнутсен М. Г.* Стратегия, испытанная Октябрем, с. 9.

прошла активная народная кампания против новых ракетно-ядерных планов США и НАТО в Западной Европе. Рабочее движение на рубеже 80-х годов борется за то, чтобы «правая волна» осталась кратковременным эпизодом в современной истории Норвегии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — МЕЖДУ НАТО И РАЗРЯДКОЙ

За последнее 20-летие в мире и в самой Норвегии произошли важные изменения, отразившиеся и во внешней политике страны. «Одним из основных факторов международной жизни стала политика мира, проводимая странами социалистического содружества, их совместная борьба за разрядку и ослабление угрозы мировой ракетно-ядерной войны. В этой борьбе ныне — главный залог мирного будущего человечества», — говорил в своем предвыборном выступлении в феврале 1980 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Л. И. Брежнев¹²⁵.

С конца 50-х годов и особенно в последующие десятилетия фактором первостепенной важности стал переход от «холодной войны» к разрядке, теснейшим образом связанный с активной мирной дипломатией стран социализма, с советской Программой мира 70-х годов, выдвинутой XXIV съездом КПСС и развитой следующим съездом.

Еще с 1957 г. (см. гл. XIV) норвежское, в первую очередь социал-демократическое, руководство больше и чаще лидеров прочих стран НАТО (исключая разве что другого скандинавского члена — Данию) выступало в пользу разрядки, ограничения и сокращения вооружений. В частности, премьер-министр (до 1965 г.) и председатель НРП (до 1965 г.) Герхардсен неоднократно выступал против создания многосторонних ядерных сил НАТО, размещения ракет среднего радиуса и тактического атомного оружия в Западной Европе (и в этой связи — против ядерного вооружения бундесвера); он же еще в конце 50-х годов заявил себя сторонником сокращения вооруженных сил и вооружений обоих блоков в Центральной Европе. Министры иностранных дел 60-х годов — социал-демократ Х. Ланге и консерватор Й. Люнг — выступали за признание сложившихся в Европе границ, приветствовали советско-западногерманский договор 1970 г.¹²⁶

¹²⁵ Известия, 1980, 23 февр. См. также выступление Л. И. Брежнева на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий. — За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 4.

¹²⁶ Friheten, 1966, 1, 3 нов. (призыв заместителя председателя НРП Р. Стеена к признанию границы Одер — Рейссе); Голошубов Ю. И. Скандина-

Начавшийся по инициативе стран социалистического содружества процесс международной разрядки, шедший с перерывами и временными отступлениями, захватил и Норвегию. Она приняла участие в целом ряде международных договоров, направленных на ограничение опасности ядерной войны и укрепление международной безопасности в целом. Таковы договоры о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г., о принципах использования космического пространства 1967 г., о нераспространении ядерного оружия 1968 г., о неиспользовании морского дна (за пределами территориальных вод) в военных целях 1971 г., об Антарктике 1959 г.

В середине 60-х годов, раньше ряда других членов НАТО Норвегия вслед за Данией поддержала инициативу государств Варшавского Договора, направленную на укрепление безопасности в Европе, идею созыва общеевропейского совещания — министр иностранных дел Люнг в декабре 1966 г. В июле 1970 г. норвежское правительство приветствовало финскую инициативу по практической подготовке совещания¹²⁷. В 1971 г. стортинг единогласно одобрил резолюцию с рекомендацией правительству активно содействовать созыву совещания. В январе 1973 г. Норвегия установила дипломатические отношения с ГДР. В числе других стран Норвегия подписала исторический Заключительный акт Общеευропейского совещания 1975 г., а после Хельсинкского совещания правительство и правящая НРП высказывались за последовательное претворение в жизнь всех положений Акта¹²⁸.

Норвежское правительство неоднократно выступало в пользу контролируемого сокращения вооружений вообще и особенно в Европе, указывало на важность значения переговоров о разоружении. В этом смысле были весьма красноречивы, например, высказывания премьер-министра Герхардсена в связи с его официальным визитом в СССР летом 1965 г.¹²⁹ В 70-х годах правительство и общественность Норвегии приветствовали советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений и важнейшие их плоды — ОСВ-1 и ОСВ-2.

Поддержку получили в норвежской стороне венские переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе (с 1973 г.). «Норвегия самоочевидно и бесспорно заинтересована в создании стабильного порядка мира и сотруд-

вил и европейская безопасность, с. 48—49; *Он же*. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. М., 1974, с. 162—163; *Воронков Л. С.* Северная Европа: Общество и проблемы внешней политики. М., 1976, с. 196—197.

¹²⁷ *Голошубов Ю. И.* Скандинавия и европейская безопасность, с. 57—58, 72—73, 41.

¹²⁸ Правда, 1979, 27 мая.

¹²⁹ *Sovjet-Nytt*, 1965, 3 juni; Правда, 1965, 1 июля.

ничества в Европе», — писал в 1974 г. будущий заместитель министра обороны, а затем — министра иностранных дел — Ю. Ё. Холст¹³⁰. Норвежская делегация участвует в венских переговорах без решающего права голоса, придерживаясь при этом общей линии ведущих государств НАТО, из-за которой, как известно, совещание на протяжении длительного времени топталось на месте.

Судя по официальным декларациям, Норвегия и впредь готова поддерживать важное дело разрядки. На совещании 1975 г. в Хельсинки тогдашний премьер-министр Т. Браттели говорил, в частности: «Сегодня нет никакой разумной альтернативы терпеливому продолжению работы, направленной на содействие дальнейшему развитию взаимопонимания, сотрудничества, контактов и разрядки...»¹³¹. В одной из более поздних резолюций стортинга говорилось: «Учитывая местоположение и стратегическое значение Норвегии, содействие сокращению вооружений, усилению доверия, расширению сотрудничества и обеспечению безопасности находится в полном соответствии с национальными интересами»¹³². Из обсуждения стортингом весной 1978 г. парламентского доклада консультативного правительственного комитета по вопросу разоружения складывалось впечатление, что Норвегия впредь намерена уделять этому вопросу больше внимания. Расширенная военная комиссия стортинга в апрельском докладе 1978 г. выразила надежду на снижение военного потенциала в Европе¹³³.

Правительство и большинство членов парламента Норвегии отмежевались так или иначе от американских планов производства нейтронного оружия и размещения его в Западной Европе¹³⁴. Официальные круги страны с интересом встретили новую мирную инициативу СССР в области военной разрядки, выдвинутую в берлинской речи Л. И. Брежнева (октябрь 1979 г.)¹³⁵. Однако, заявляя о своем стремлении к разоружению, правительство Норвегии в проводимой им политике оказалось непоследовательным: несмотря на широкое движение протеста против американских планов размещения в Европе нового ракетно-ядерного оружия, норвежское правительство, ориентируясь больше на правые круги, чем на активных противников гонки вооружений, поддержало решения Совета НАТО о размещении американских ядерных ракет средней дальности в Западной Европе.

¹³⁰ Цит. по: Norge og rustningskontroll i Europa. Oslo, 1974, s. 72.

¹³¹ Цит. по: *Воронков Л. С.* Указ. соч., с. 198—199.

¹³² Цит. по: Коммунистическое движение: Проблемы теории и практики. Прага, 1978, с. 160 (статья председателя КПН М. Г. Кнутсена).

¹³³ Nordisk Kontakt, 1978, N 7, s. 442.

¹³⁴ Nordisk Kontakt, 1978, N 7, s. 440; Правда, 1978, 8 апр.

¹³⁵ См., например: Правда, 1979, 15 ноября.

Всемирный процесс разрядки напряженности отразился и на позиции норвежских представителей в ООН. Норвегия в рассматриваемый период оставалась активным участником ее коллективных мероприятий и обмена мнений как на сессиях Генеральной Ассамблеи, так и в качестве двукратного непостоянного члена Совета Безопасности. Подобно остальным северным странам, Норвегия охотно предоставляла в распоряжение ООН посредников, наблюдателей и специальные воинские подразделения. К концу 1973 г. в выполнении подобных миссий только на Ближнем Востоке участвовало в общей сложности 11 тыс. норвежцев¹³⁶.

При голосовании в органах ООН, прежде всего на сессиях Генеральной Ассамблеи, Норвегия, начиная по крайней мере с XIV сессии (1959 г.), неоднократно поддерживала вместе с большинством голосующих советские инициативы по вопросам разоружения и укрепления международной безопасности. На XXXIII сессии (1978 г.) Норвегия и СССР голосовали за резолюции о переговорах по ядерному разоружению и о механизме разоружения, о заключении договора о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия, о проведении Второй специальной сессии Ассамблеи по разоружению (первая такая сессия состоялась в 1978 г.), о создании безъядерных зон в Африке и на Ближнем Востоке.

Подъем национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке, образование в ООН внушительного большинства из развивающихся и неприсоединившихся стран, наконец, обострение энергетического кризиса — все это повысило значение проблем развивающихся стран в норвежской внешней политике, хотя в отличие, например, от Швеции экономические связи Норвегии с этим миром оставались сравнительно слабыми¹³⁷.

Общий процесс разрядки, радикализации рабочего и молодежного движения в Норвегии 60-х годов подталкивал внешнеполитическое руководство страны к определенным коррективам своей весьма противоречивой линии в отношении развивающихся стран. Еще в 1962 г. Норвегия довольно быстро уступила нажиму США и временно ввела эмбарго на перевозку грузов для Кубы. В 1964 г. норвежский делегат на конференции ООН по торговле и развитию выступил в защиту интересов международных судовладельческих компаний, против предложений развивающихся стран. Вскоре, однако, в стране развернулась кампания протеста против американской войны во Вьетнаме, антиамериканские настроения распространились среди молодежи. В 1967 г. это привело к отмене визита государственного секретаря США Д. Раска в Норвегию. Под нажимом массового движения

¹³⁶ Nordisk Kontakt, 1973, N 15, s. 1015.

¹³⁷ Vekst og velstand, s. 229.

буржуазное правительство и стортинг вынуждены были присоединиться к моральному осуждению США и солидаризироваться с Вьетнамом. После возвращения НРП к власти Норвегия первой среди членов НАТО полностью признала ДРВ («Хёйре» и Христианско-народная партия голосовали, однако, против)¹³⁸. В 1972 г. уже все представленные в стортинге партии протестовали против американских бомбардировок Северного Вьетнама¹³⁹.

Осенью 1973 г. Норвегия решительно осудила военно-фашистский мятеж в Чили, дала убежище преследуемым в своем посольстве в Сантьяго и приняла политэмигрантов-чилийцев. После перемирия в Индокитае псевдонная материальная помощь стала оказываться правительством социалистическому Вьетнаму. Орган НРП «Арбейдербладет» летом 1979 г. выступал против спекуляции на «проблеме беженцев» и призывал, особенно американцев, помочь экономическому восстановлению СРВ¹⁴⁰. В то же время правительство Норвегии, осуждая нападение Китая на социалистический Вьетнам, сопровождало свою позицию оговорками, но существовавшим жертву агрессии на одну доску с агрессором. В ближневосточном конфликте норвежское правительство держалось известных резолюций Совета Безопасности, отвергая приобретение земель силой оружия, призывая к решению палестинской проблемы. Вместе с тем оно приветствовало инициативу Садата и сепаратный мирный договор Египта с Израилем, уходило от признания прав арабского народа Палестины на самостоятельное государство.

На протяжении 60-х и особенно 70-х годов сильно выросла норвежская помощь развивающимся странам — за 1963—1977 гг. в 18 раз (без учета инфляции)¹⁴¹. В 1962 г. был создан особый орган для оказания такой помощи. В середине 60-х годов (по 1967 г. включительно) Норвегия заключила разного рода соглашения о сотрудничестве и содействии с такими странами, как Индия, Иран, Замбия, Кения, Малайзия, Нигерия, Сингапур, Южная Корея¹⁴². С тех пор число подобных соглашений выросло. В 1976 г. Норвегия достигла поставленной ООН цели — отчисления 0,7 своего валового продукта развивающимся странам¹⁴³. Заключение подобных соглашений облегчалось отсутствием у Норвегии колониального прошлого. Помощь оказывалась, естественно, с учетом интересов самой Норвегии предпочтительно странам, богатым сырьем, в частности источниками энергии.

¹³⁸ Nordisk Kontakt, 1971, N 5, s. 300; N 15, s. 1007.

¹³⁹ Arbeiderbladet, 1973, 2, 3 jan.

¹⁴⁰ Nordisk Kontakt, 1973, N 4, s. 258; Friheten, 1979, 25 jan.; Arbeiderbladet, 1979, 11 juni.

¹⁴¹ Yearbook... 1967. Stockholm, 1968, p. 127; Yearbook... 1978, p. 259.

¹⁴² Norges Traktater 1664—1666, Bd. 3, N 937, 950, 958, 973, 992, 993, 1001 etc.

¹⁴³ Nordisk Kontakt, 1972, N 4, s. 244; 1977, N 9, s. 55; Yearbook... 1978, p. 255.

В вопросах ликвидации колониализма и расизма, в отношении национально-освободительных войн Норвегия в ряде случаев уклонялась от поддержки других держав НАТО, избегая вместе с тем резкой критики в адрес своих союзников. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН она вместе с другими северными странами нередко занимала сравнительно прогрессивную позицию. В начале 60-х годов Норвегия прекратила продажу оружия Португалии, а затем, вслед за США, и Южно-Африканской Республике, но политически ограничилась моральным осуждением обоих режимов, а в отношении Родезии была еще умереннее¹⁴⁴.

В последующие годы норвежская позиция в отношении расистских режимов стала несколько жестче. Избегая односторонних действий и полного экономического бойкота ЮАР, Норвегия участвовала в принятии в 1978 г. совместной с другими северными странами программы борьбы с апартеидом. Программа включала запрет и противодействие новым капиталовложениям граждан Северной Европы в ЮАР; давление на скандинавских промышленников в целях сокращения их производства в ЮАР; усилия по прекращению культурных и спортивных связей с ЮАР; расширение помощи национально-освободительным движениям и жертвам апартеида — беженцам из ЮАР и Намибии¹⁴⁵. Подобные действия, а также оказание поддержки национально-освободительным движениям — ФРЕЛИМО, СВАПО и др. — использовались норвежскими правящими кругами для усиления своего идеологического влияния на правящую «элиту» молодых государств, для пропаганды идеалов и строя как буржуазной демократии вообще, так и «демократического социализма» в частности¹⁴⁶.

Основой норвежской «политики безопасности» и в рассматриваемый период оставалось участие в НАТО и в его военной организации. Нарращивание потенциала этого империалистического блока, военно-интеграционный процесс продолжались, захватывая и Норвегию.

Военные расходы Норвегии на протяжении последнего 20-летия более чем удвоились, будучи взяты в неизменных ценах и с неизменным курсом кроны¹⁴⁷. После 1960 г. значительно сократилась, а затем и прекратилась американская помощь вооружением и военными материалами. Общая стоимость этих поставок составила 6 млрд. крон¹⁴⁸. Поэтому на 60-е годы пришел-

¹⁴⁴ Vekst og velstand, s. 322—323.

¹⁴⁵ Nordisk Kontakt, 1977, N 3, s. 162; 1978, N 5, s. 280.

¹⁴⁶ Die Welt, 1971, 12 nov.; Nordisk Kontakt, 1972, N 4, s. 245; 1978, N 16, s. 1002; Тумашкова О. К. Указ. соч., с. 253.

¹⁴⁷ Yearbook... 1978, p. 253.

¹⁴⁸ Torsvik T. NATO of Norge. 20 år etter. Oslo, 1969, s. 16; см. также: Федунлаев Г. И. Военно-политические отношения Норвегии и США (60-е — середина 70-х годов). — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979, с. 36—54.

ся наибольший относительный рост норвежских военных расходов. Норвегия 70-х годов по размерам военных расходов на душу населения занимает в НАТО одно из первых мест.

Вооруженные силы страны оснащались современным, в первую очередь американским, оружием, в частности ракетами ПВО. Еще в 60-х годах численно вырос и качественно обновился норвежский военно-морской флот. В 1975 г. Норвегия, наряду с другими малыми членами НАТО, решила участвовать в так называемой сделке века — закупить 72 дорогостоящих американских истребителя Ф-16 для обновления своих ВВС. Поддержав решения Вашингтонской сессии совета НАТО (май 1978 г.), Норвегия обязалась вплоть до начала 90-х годов ежегодно увеличивать свои военные расходы на 3%.

Норвежское правительство в рассматриваемый период даже активнее прежнего участвовало в работе разных органов НАТО. Так, в 1966 г. Норвегия вошла в Комитет ядерной обороны НАТО, в 1968 г. — в так называемую Еврогруппу министров обороны стран — членов блока. Весной 1968 г. первой среди членов НАТО Норвегия объявила о продлении своего участия в нем и по истечении первого 20-летия. Необходимость долговременного участия в НАТО была вновь объявлена краеугольным камнем национальной политики безопасности в докладе военной комиссии стортинга, возглавлявшейся самим премьер-министром (март 1978 г.)¹⁴⁹.

Норвежская территория с 1963 г. регулярно использовалась для маневров НАТО. Основная часть норвежской армии и флота размещена в северных провинциях страны Нурланн и Тромс. На протяжении последних 20 лет в Норвегии — как за ее собственный, так и за счет организации НАТО — сооружались все новые портовые строения, склады для всех видов оружия, включая тяжелое, аэродромы и дороги, линии связи и предупреждения. Эти мероприятия предназначались для подготовки к использованию норвежской территории в случае так называемых кризисных ситуаций силами союзников Норвегии по НАТО. Норвежская военная, в частности судостроительная, промышленность обслуживала также и союзников, после 1960 г. включая ФРГ, участвовала в проектировании и производстве некоторых видов вооружения для НАТО.

В 60-е годы заметно выросло военное сотрудничество Норвегии с ФРГ. В условиях реваншистского курса и ядерных притязаний западногерманского правительства ХДС/ХСС это сотрудничество особенно тревожило демократическую общественность Норвегии. Поскольку оборона юга Норвегии строилась в расчете на поддержку ФРГ, указанная выше инфраструктура

¹⁴⁹ Nordisk Kontakt, 1978, N 7, s. 441.

предназначалась в значительной мере для нужд бундесвера и «бундесмарине», т. е. военно-морских сил. В состав северного командования НАТО в окрестностях Осло назначалось все больше западногерманских, в то время еще, как правило, бывших гитлеровских, офицеров¹⁵⁰. С 1976 г. подразделения бундесвера участвуют в маневрах НАТО на норвежской земле¹⁵¹.

Размах военного строительства НАТО в Норвегии, использование уже действующих объектов, регулярное появление иностранных вооруженных сил в стране вызывали тревогу и протесты норвежской общественности, возраставшие по мере успехов политики разрядки. Печальную известность получил в 1960 г. аэродром в Будё, использовавшийся для американских разведывательных полетов «У-2», как выяснилось, даже без ведома норвежского правительства¹⁵². В 70-х годах предметом резкой критики со стороны левых кругов, включая отдельных депутатов стортинга — левых социалистов, стали радионавигационные станции «Омега» и «Лоран-С», обслуживавшие, в частности, американский ядерный подводный флот, патрулирующий в Северной Атлантике. Протесты общественности послужили толчком для секретного парламентского расследования¹⁵³. Попавшие в печать сведения из соответствующего доклада стали поводом для острой дискуссии о содержании и границах норвежской «базовой» политики.

Итоги тридцатилетнего военно-интеграционного процесса — склады, маневры, службы оповещения и наведения — заставляли задуматься над вопросом, не осуществляется ли исподволь размывание базовой и атомной политики Норвегии, в общих чертах уже известной читателю из предшествующей главы. В своем интервью о состоянии советско-норвежских отношений министр иностранных дел социал-демократ К. Фрюденлунд говорил в мае 1976 г.: «Развитие ясно подчеркнуло стратегически выдвинутое положение Норвегии. Но нельзя говорить о принципиальных изменениях во внешнеполитической и оборонной ситуации Норвегии». Примерно в это же время тогдашний министр обороны Р. Хансен говорил в стортинге: «Базовая политика, как ее оценивает правительство, является важным вкладом в тот низкий уровень напряженности, какой все же господствует в Северной

¹⁵⁰ Кроликовский Г. Северный фланг НАТО.— *Международная жизнь*, 1968, № 11; Васильев П. Северные страхи и европейская безопасность.— *Международная жизнь*, 1969, № 8, с. 25.

¹⁵¹ См. выступление министра обороны Норвегии Р. Хансена на съезде НРП в 1977 г.: *Sosialistisk perspektiv*, 1977, N 3, s. 8.

¹⁵² *Keesing Contemporary Archive 17549 A — 17551; Kilder til moderne historie*. Oslo, 1972, Bd. 1. *Norsk utenrikspolitikk*, s. 162—163.

¹⁵³ *Loran C og Omega. Innstilling fra utvalget fra undersøkelse av sakene om etablering av Loran C. og Omega-stasjoner i Norge*. Oslo, 1977.

Европе. У правительства нет планов изменения политики в этом пункте»¹⁵⁴.

Отказ от размещения в Норвегии в мирное время иностранных вооруженных сил и от ядерного оружия неоднократно подтверждался руководителями Норвегии, как социал-демократическими, так и буржуазными. Принципы эти не ослабевали и в ходе неоднократных внешнеполитических дебатов стортинга на протяжении 70-х годов. Неизменности норвежской политики в отношении иностранных баз и ядерного оружия отдавалось должное и советской стороной в совместных коммюнике, в частности в коммюнике 1974 г. по итогам пребывания главы правительства Норвегии в СССР¹⁵⁵.

В то же время в последние годы заметно усилился интерес США и НАТО к Норвегии и примыкающим к ней районам мирового океана. Вызвано это было исключительно военно-стратегическими соображениями и общей направленностью политики американской администрации на расширение своих военных приготовлений. С Норвегией, как впрочем и с Данией, начались переговоры о размещении на ее территории складов тяжелого вооружения для войск усиления, предназначенных к переброске в Норвегию в «кризисных ситуациях». Норвегия была подключена и к системе воздушного контроля и слежения АВАКС, предусматривающей базирование, хотя и временное, самолетов этой системы на норвежские аэродромы.

Отмеченные активные военные приготовления НАТО с использованием норвежской территории сказывались на подходе Норвегии к решению проблем безопасности европейского Севера. Ни в 1963, ни в 1978 гг. Норвегия не поддержала известных предложений президента Кекконена о провозглашении Северной Европы безъядерной зоной¹⁵⁶. В конце 70-х годов идея безатомной зоны больше не отвергалась в принципе, однако делались нереалистические контрпредложения о распространении этой зоны на северо-западные районы СССР. Между тем «создание безъядерной зоны на Севере Европы способствовало бы дальнейшей стабильности в этом районе; укреплению безопасности всех европейских стран. Эта мера могла бы также иметь большое значение для решения актуальной проблемы нераспространения ядерного оружия в Европе и во всем мире»¹⁵⁷. Растущая интеграция Норвегии в военной организации НАТО, влияние этого процесса на сложившийся в Северной Европе баланс сил беспо-

¹⁵⁴ *Arbeiderbladet*, 1976, 21 mai; *Stortings forhandlinger 1975/1976*. Oslo, 1975—1976, s. 2349.

¹⁵⁵ *Правда*, 1974, 26 марта.

¹⁵⁶ *Комиссаров Ю.* Северу Европы — безъядерный статус. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 3.

¹⁵⁷ Из выступления А. Н. Косыгина. Цит. по: *Правда*, 1978, 15 сент.

коили соседей Норвегии, в частности руководителей миролюбивой Финляндии¹⁵⁸.

На протяжении двух последних десятилетий заметно расширилось сотрудничество Норвегии с ее ближайшими соседями — как и она, членами Северного совета — по вопросам, не связанным с их военно-политической ориентацией. Норвегия пошла на дальнейшее, весьма значительное согласование, сближение и сотрудничество со своими северными соседями в сферах рынка рабочей силы, транспорта, народного образования, социальной политики и законодательства вообще.

Существенным толчком к расширению северного сотрудничества явился для Норвегии быстрый рост ее ранее незначительного товарооборота со скандинавскими соседями, в первую очередь со Швецией, ставшей наряду с Англией главным торговым партнером Норвегии¹⁵⁹. В 1968 г. буржуазное правительство Норвегии поддержало датскую инициативу по вопросу создания северного таможенного союза (план Нордэк). Правящие круги Норвегии и Дании рассматривали Нордэк не как альтернативу «Общему рынку», а как средство подключения Северной Европы к более широкой и предпочтительной для них западноевропейской интеграции. Из намерения стать членами ЕЭС не делалось, как мы уже знаем, тайны. Указанные обстоятельства привели, как известно, к отказу Финляндии подписать договор о Нордэке и к провалу всего проекта.

70-е годы ознаменовались принятием множества общесеверных программ совместных мероприятий в области промышленности, энергетики, охраны среды и развития остальных районов¹⁶⁰. В 1971 г. Норвегия согласилась подписать пересмотренный текст Хельсинкской конвенции пяти северных держав от 1962 г., предусматривавший создание Совета министров северных стран¹⁶¹. В 1975 г. министр иностранных дел социал-демократ К. Фрюденлунд назвал это сотрудничество «центральным фактором норвежской внешней политики, независимо от различий в решении отдельными странами проблемы своей безопасности»¹⁶².

Выше уже говорилось о чисто экопомических аспектах участия Норвегии в процессе западноевропейской интеграции, в ЕАСТ, особенно о предыстории ее невступления в «Общий рынок», о внутривнутриполитической борьбе по этому вопросу — предмету наиболее острых и длительных разногласий в норвежском обществе за весь послевоенный период. Поэтому коротко остановимся на внешнеполитическом аспекте интеграционного вопроса для Норвегии.

¹⁵⁸ См. заявление президента Финляндии: *Aftenposten*, 1979, 8 okt.

¹⁵⁹ *Norden på världscenen*. Stockholm, 1968, s. 258—259.

¹⁶⁰ *Пискулов Ю. В.* Многоликая Скандинавия, с. 160 и сл.

¹⁶¹ *Котляр В. С.* Северный совет. М., 1973, с. 105.

¹⁶² *Nordisk Kontakt*, 1976, N 10, s. 676.

Присоединение Норвегии, по предложению традиционно близких ей Англии и Швеции, к числу учредителей Европейской ассоциации свободной торговли (Стокгольмская конвенция от 20 ноября 1959 г.) было единодушно поддержано всеми политическими партиями страны, кроме коммунистов как принципиальных противников империалистической интеграции. Председатель внешнеполитического комитета стортинга — влиятельный Финн Му назвал вступление в ЕАСТ важнейшим внешнеполитическим актом Норвегии после ее вступления в НАТО¹⁶³. Норвегия охотно участвовала в создании «зоны свободной торговли» с ограниченными задачами, предпочитая ее северному таможенному союзу — плану, разбившемуся, наряду с прочими факторами, и о норвежские возражения¹⁶⁴. По прошествии нескольких лет успешное, с точки зрения норвежских промышленников и судовладельцев, участие в ЕАСТ, перераспределение норвежской внешней торговли из Северной Америки и других регионов в сторону Западной Европы (ЕАСТ плюс ЕЭС)¹⁶⁵ усилили «европейскую» ориентацию норвежских правящих кругов. Последних подстрекали Великобритания и Дания, обратившиеся в ЕЭС с просьбой о приеме уже в 1961 г. Чтобы сделать последующую интеграцию возможной, стортинг в 1962 г. принял поправку к конституции (§ 93), допускающую передачу части полномочий государства международной организации, в которой участвует сама Норвегия, в случае согласия на то 3/4 депутатов парламента.

В 1962 г. норвежское социал-демократическое правительство, уполномоченное стортингом, обратилось в Совет министров ЕЭС с просьбой начать переговоры о вступлении Норвегии в эту организацию. Известное вето Франции на прием Великобритании обрекло ходатайство норвежцев на неудачу. По той же причине не имело успеха и вторичное обращение Норвегии в ЕЭС в 1967 г. при буржуазном правительстве¹⁶⁶. Смена политического руководства в Париже (1969 г.) сделала расширение «Общего рынка» делом более реальным. Перспектива вступления в ЕЭС — экономическую базу НАТО в Европе сулила, однако, норвежцам более серьезные и опасные политические последствия, чем участие в «семерке», наполовину состоявшей из нейтралов и не носившей характера блока. Под угрозу ставился государственный суверенитет страны.

Ни сторонники, ни в особенности противники интеграции не отрицали политического характера вступления в «Общий рынок»,

¹⁶³ Keesing Contemporary Archive, 17621.

¹⁶⁴ Vekst og velstand, p. 259, 249; *Stråth B.* Nordic Industry and Nordic Economic Cooperation. Stockholm, 1978.

¹⁶⁵ Пискулов Ю. В. Структурные изменения в экономике Норвегии. — Мировая экономика и международные отношения, 1971, № 4.

¹⁶⁶ Экономические группировки в Западной Европе. М., 1969, с. 248 и след.

натовской подоплеку интеграции¹⁶⁷. Сторонники ЕЭС то успокаивали население тем, что вступление не изменит традиционной базовой политики Норвегии в НАТО, то запугивали, что вне ЕЭС Норвегия рискует оказаться «на периферии» американских обязательств в отношении «Европы», то сулили особую заботу «больших» членов «Общего рынка» — Англии и ФРГ — о защите Норвегии. Идеологи народного движения противников ЕЭС, особенно в своей «Белой книге» (апрель 1972 г.), убедительно показали враждебность империалистической интеграции делу рядки, интересам малых суверенных государств, наконец, самому существованию норвежцев как нации. Интеграционной, а косвенно и официальной атлантической концепции была противопоставлена прогрессивная концепция активной внеблоковой политики для Норвегии. «Находясь вне подобных силовых блоков, наша страна бок о бок с другими малыми странами в Европе и остальных частях мира сможет выполнить весьма важную функцию по сохранению мира и развитию общества. Сейчас больше, чем когда-либо, есть необходимость в малых нациях и государствах»¹⁶⁸.

В соответствии с волей большинства голосовавших новое, буржуазно-центристское, правительство отказалось от своего ходатайства о приеме. Норвегия официально прекратила внешнеполитические консультации с центральными органами ЕЭС, сохранила свое членство в «остатке» ЕАСТ и ограничила сотрудничество с «Общим рынком» рамками торгового соглашения 1973 г., однотипного для всех членов ЕАСТ¹⁶⁹. Вернувшееся к власти после выборов 1973 г. социал-демократическое правительство Браттели, а позже — Нурдли заверяло общественность в отсутствии намерений втянуть страну в «Общий рынок» «с заднего крыльца», против чего вновь и вновь предостерегали противники интеграции.

Свой отказ от статуса полноправного члена ЕЭС норвежское правительство стремится возместить участием в иных формах совместной деятельности с членами «девятки» на двусторонней основе. Осуществляя это сотрудничество со странами ЕЭС в экономической области и поддерживая с ними тесные политические контакты, правящие круги Норвегии используют отмеченную ранее развиваемость своего торгового соглашения с ЕЭС от 1973 г. Серьезным препятствием для осуществления планов крупных норвежских монополий исподволь втянуть страну в орбиту империалистической интеграции является несовпадение интересов

¹⁶⁷ EF — Norges vei? Forhandlingsresultatet satt i perspektiv. Oslo, 1972, s. 11—12, 186, 191, 202, 203.

¹⁶⁸ Folkebevegelsen mot norsk medlemskap i Fellesmarkedet. Folkebevegelsens melding. Oslo, 1972, s. 203—204.

¹⁶⁹ Nordisk Kontakt, 1973, N 10, s. 654; 1979, N 5, s. 356.

крупного капитала с интересами средней и мелкой буржуазии. Благодаря победе левых и национально-патриотических сил на референдуме 1972 г. норвежские «европсиссты» не могут в настоящее время даже ставить вопрос о пересмотре официальных отношений Норвегии с «Общим рынком». Прогрессивная же общественность страны борется за проведение такого внешнеполитического курса, в основе которого лежал бы принцип свободного от дискриминации, широкого и взаимовыгодного международного экономического сотрудничества¹⁷⁰.

Как известно, успехи научно-технической революции необычайно расширили возможности использования живых и минеральных ресурсов моря и морского дна. Норвегия 70-х годов — не только нефте- и газодобывающая, но и экспортирующая страна. Она активно стремится полнее использовать открывшиеся возможности, обеспечить себе исключительное право на океанские ресурсы в стратегически важных районах, не дожидаясь согласованных решений международных конференций ООН по морскому праву. Быстрый рост мирового вылова океанских живых ресурсов, энергетический кризис 70-х годов, политические спекуляции на популярной кампании в защиту природной среды — все это подгоняло волну норвежского «морского империализма». В 1976 г. правительство объявило об установлении с 1 января 1977 г. 200-мильной экономической зоны вдоль берегов материковой Норвегии (1 морская миля = 1,85 км), а с 15 июня того же года — 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг архипелага Шпицберген в нарушение международного договора 1920 г. об этом архипелаге.

Односторонние действия Норвегии нередко ведут к возникновению споров с соседями. Свежий пример — разногласия с Исландией из-за норвежских планов установления экономической зоны вокруг норвежского скального острова Яп-Майен. Неудивительно, что левые круги самой Норвегии предостерегают в последнее время против «морского империализма». «Наша политика в области морей и ресурсов следовала по линии максимизации, которая может плохо кончиться, если мы не остановимся и немного не задумаемся», — читаем в теоретическом органе правящей НРП¹⁷¹.

Однако в целом за истекшее двадцатилетие, когда в мире произошли крупные перемены, когда в международном развитии все большее значение стала приобретать тенденция к разрядке напряженности, эта тенденция затронула и внешнюю политику Норве-

¹⁷⁰ *Воронов К. В.* Проблемы отношений Норвегии с ЕЭС на рубеже 1980-х годов. — В кн.: VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979, ч. 1, с. 63—66.

¹⁷¹ *Sosialistisk perspektiv*, 1977, N 2, s. 19.

Разгон антинатовской демонстрации в Осло, май 1976 г.

гии. Среди политических сил, организующих и вдохновляющих массы на независимый курс мира и разрядки, особое место занимают норвежские коммунисты. Несмотря на их малочисленность, это — испытанные борцы за независимость страны, в защиту ее национального суверенитета.

XVI съезд КПН (апрель 1978 г.) принял Манифест мира, в котором призвал партии, профсоюзы, организации крестьян и рыбаков, пацифистов и христиан создать народное движение за мир и безопасность на следующей платформе: отказ от складирования тяжелого вооружения для НАТО, от «провокационных» маневров НАТО в Норвегии, упразднение радионавигационных станций «Лоран-С» и «Омега»; противодействие производству и размещению в Европе нейтронного оружия; в переговорах с СССР (см. ниже) компартия требовала добиваться решений, которые бы упрочили тысячелетнее добрососедство народов Норвегии и СССР, противодействовать раздуваемой реакционерами антисоветской истерии; активная поддержка мероприятий ООН по разрядке и разоружению, усилия в целях параллельного роспуска НАТО и Организации стран Варшавского Договора; сокращение военных расходов и их переключение на борьбу с кризисом; полная поддержка освободительных и революционных движений, борьба против фашистских и расистских режимов; отпор всем видам пропаганды войны и антикоммунизма, направленной на возбуждение ненависти к социалистическим странам, всемерное

расширение сотрудничества с ними¹⁷². Национальная конференция КПН летом 1979 г. уточнила требования, направленные против опасности выхолащивания базовой политики страны. На рубеже 80-х годов норвежские коммунисты энергично выступили против попыток сорвать разрядку, против пагнетания напряженности на Европейском Севере¹⁷³.

* * *

Советско-норвежские отношения в 60—70-х годах развивались не изолированно от общих тенденций, характеризующих международную обстановку (см. выше), от факторов, влияющих на норвежскую политику. На эти отношения и в целом на международное развитие, в том числе и на Европейском Севере, возрастающее влияние оказывала внешнеполитическая линия СССР, ленинские принципы которой неизменно находили воплощение в конкретных делах нашей политики в отношении североευропейских стран, включая, разумеется, и Норвегию.

В Отчете докладом XXIII съезду КПСС Л. И. Брежнев указывал: «СССР всегда придавал большое значение отношениям с соседними странами, и мы довольны, что наша политика добрососедства дает хорошие результаты... Нормально складываются отношения со скандинавскими странами, хотя, конечно, нельзя еще сказать, что на пути их дальнейшего развития нет никаких препятствий»¹⁷⁴.

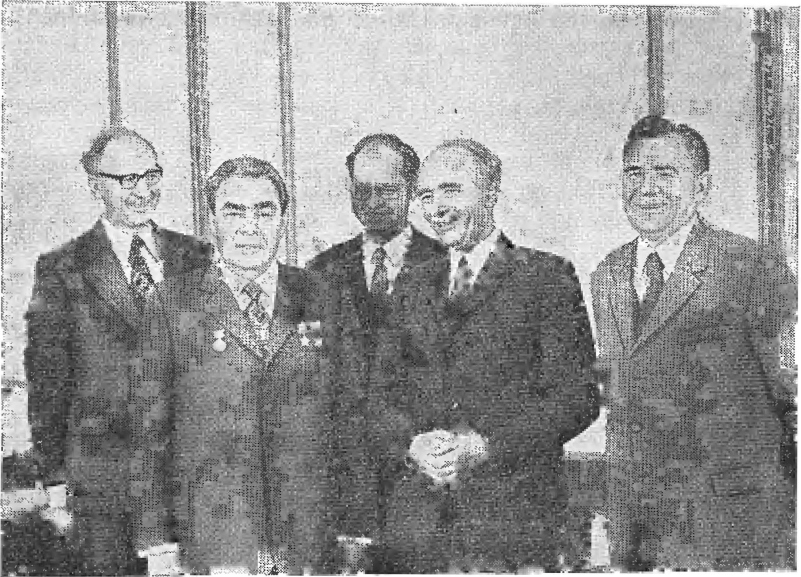
Одним из важнейших показателей развития отношений между СССР и Норвегией в благоприятном направлении явилась заметная активизация личных деловых контактов между обеими странами на различных, в том числе на самом высоком, уровнях. В 1964 и 1965 гг. состоялся обмен государственными визитами между СССР и Норвегией, в 1961 и 1966 гг. СССР посетили норвежские министры иностранных дел Х. Ланге и Й. Люнг. В 1963 г. по приглашению норвежского правительства в Норвегии с официальным визитом был министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Во второй половине 60-х годов визитами делегаций обменялись Верховный Совет СССР и стортинг Норвегии. Министр обороны Норвегии О. Г. Тидеманн посетил СССР в 1967 г.

Премьер-министр Норвегии Э. Герхардсен в интервью корреспонденту «Известий» накануне своего официального визита в СССР в 1965 г. высказывал удовлетворение существующими между нашими странами добрососедскими отношениями, подчеркивая, что эти отношения «являются хорошим примером сотрудни-

¹⁷² Friheten, 1978, 18 apr.

¹⁷³ Arbeiderbladet, 1979, 11 juni (интервью председателя КПН М. Г. Кнутсена); Friheten, 1980, 28 febr.

¹⁷⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 1, с. 296.

**Встреча премьер-министра Т. Браттели
с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым
в Москве 1974 г.**

чества государств с различными общественными системами по вопросам, представляющим общий интерес, на основе взаимного уважения точек зрения друг друга»¹⁷⁵. В речи А. Н. Косыгина в Кремле в честь Э. Герхардсена было высказано согласие с этой точкой зрения и отмечено, что в политическом плане обе страны одинаково заинтересованы в сохранении и укреплении мира и это во многом определяет характер двусторонних отношений. Вместе с тем глава Советского правительства подчеркнул, что «есть обстоятельства, затрудняющие более тесное сближение между Норвегией и Советским Союзом». А. Н. Косыгин выразил надежду на то, что отношения между нашими странами, которые являются хорошими, со временем станут еще лучше. «Мы будем стремиться к тому, чтобы пашу границу,— отмечал А. Н. Косыгин,— можно было назвать границей мира и дружбы, чтобы во всей Северной Европе закрепились обстановка спокойствия и разрядки напряженности»¹⁷⁶.

Развивающиеся контакты между обеими странами использовались для проработки ряда вопросов, решение которых способствовало советско-норвежскому сотрудничеству, укреплению его

¹⁷⁵ Известия, 1965, 29 мая.

¹⁷⁶ Правда, 1965, 1 июня.

договорно-правовой основы. Одним из наглядных примеров этому явилась практическая реализация достигнутой еще в 1955 г., во время первого визита Э. Герхардсена в СССР, договоренности о решении вопросов, связанных с использованием энергетических ресурсов пограничной реки Пасвик. После достижения соглашения о распределении энергетических ресурсов было осуществлено строительство Борисоглебской ГЭС, первый агрегат которой 12 сентября 1963 г. дал ток в Кольскую энергосистему¹⁷⁷. В строительстве ГЭС принимали участие норвежцы. Это, как отмечала газета «Фрихетеп», в условиях безработицы, довольно частого явления в Северной Норвегии, способствовало упрочению материального положения многих норвежских семей¹⁷⁸. В 1964 г. советская сторона, учитывая положительный опыт сотрудничества, дала согласие на то, чтобы норвежские фирмы приняли участие в строительстве новой электростанции на реке Пасвик. Сделано это было в связи с соответствующим обращением норвежской стороны¹⁷⁹. Это лишь один пример успешного развития советско-норвежского сотрудничества, которое с каждым годом распространяется на новые области. Можно сказать, что в 60-е годы закладывался фундамент советско-норвежского сотрудничества, которое поднялось на новую ступень в 70-е годы.

Крупнейшими событиями в области советско-норвежских отношений первой половины 70-х годов явились визиты Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина в Норвегию (декабрь 1971 г.), Т. Браттели, бывшего тогда премьер-министром Норвегии, в Советский Союз (март 1974 г.). Норвежский премьер-министр был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и имел с ним дружественную беседу.

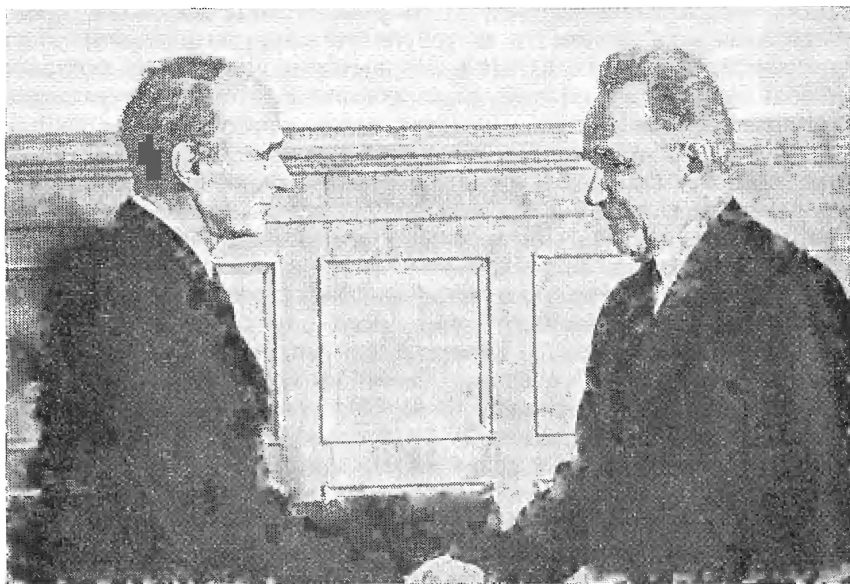
Во время переговоров в Москве и Осло, проходивших в духе откровенности и взаимопонимания, стороны констатировали совпадение или близость позиций СССР и Норвегии по многим международным вопросам. В совместном советско-норвежском коммюнике от 7 декабря 1971 г. главы правительств с удовлетворением отметили положительное развитие событий в Европе и подчеркнули важность работы, направленной на дальнейшее укрепление этого процесса в целях расширения сотрудничества и безопасности в Европе и во всем мире. При этом было указано на важное значение договоров СССР и ПНР с ФРГ и четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Стороны высказались в пользу скорейшей подготовки на многосторонней основе общеввропейского совещания и достижения практических результатов в решении взаимного сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Там же, 1963, 20 ноября.

¹⁷⁸ Там же, 4 ноября.

¹⁷⁹ Там же, 1964, 5 июля.

¹⁸⁰ Там же, 1971, 8 дек.

Встреча премьер-министра Т. Братели
с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным
в Москве, 1974 г.

Советско-норвежское коммюнике от 25 марта 1974 г., отражая важные сдвиги в международной обстановке со времени предыдущей встречи глав правительств СССР и Норвегии, дало высокую оценку итогам переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями западных держав. В нем подчеркивалась необходимость проведения в деловом и конструктивном духе общеевропейского совещания, второй этап которого в то время проходил в Женеве¹⁸¹.

На встречах в Москве и Осло, разумеется, большое внимание было уделено вопросам двусторонних советско-норвежских отношений. Отмечая активизацию связей между нашими странами, главы правительств в 1971 г. выразили взаимную готовность содействовать дальнейшему развитию отношений дружбы и добрососедства между СССР и Норвегией и констатировали, что контакты и консультации, которые осуществляются между представителями двух стран на различных уровнях, в том числе на уровне министерств иностранных дел, являются полезными и служат расширению взаимопонимания между Советским Союзом и Норвегией. Эта оценка была подтверждена и в совместном ком-

¹⁸¹ Там же, 1974, 23 марта.

мюнике от 25 марта 1974 г., в котором стороны выразили готовность и впредь развивать и углублять личные контакты государственных деятелей СССР и Норвегии и указали на большое значение продолжения регулярных консультаций между двумя странами как по широкому кругу актуальных международных проблем, так и по вопросам советско-норвежских отношений.

В последующие годы усилиями обеих стран было сделано немало для благоприятного, отвечающего интересам народов Советского Союза и Норвегии развития отношений между нашими странами. Продолжала расширяться сама сфера взаимного общения, укреплялось сотрудничество по ряду практических вопросов. В 1975 г. делегация норвежского парламента во главе с президентом стортинга Г. Хансеном посетила СССР. На следующий год делегация Верховного Совета СССР во главе с председателем Совета национальностей В. П. Рубеном побывала в Норвегии с ответным визитом. В 1976 г. в Нью-Йорке, во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел А. А. Громыко встречался с министром иностранных дел Норвегии К. Фрюденлундом. Такая же встреча состоялась в том же году в Копенгагене во время визита А. А. Громыко в Данию. Неоднократно в СССР приезжали для обсуждения вопросов торгово-экономического сотрудничества, рыболовства норвежские министры торговли и судоходства, рыболовства и другие представители правительства Норвегии. Эти контакты продолжались в ходе визитов в Норвегию их советских партнеров. Регулярный характер приобрели консультации по линии министерств иностранных дел для обсуждения широкого круга вопросов международной обстановки и двусторонних отношений.

Параллельно с процессом развития личных деловых контактов государственных деятелей, парламентариев, официальных представителей, расширения связей по линии общественных организаций, представлявшим хорошие возможности для уяснения точек зрения друг друга, поиска путей укрепления доверия, для определения областей практического сотрудничества, упрочивалась договорно-правовая основа советско-норвежских отношений, создавался механизм сотрудничества обеих стран в различных направлениях. Так, в 70-х годах между СССР и Норвегией было подписано около 20 межгосударственных и межведомственных соглашений, среди них — долгосрочное торговое соглашение (1971 г.), продленное впоследствии до 1980 г., соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве (1972 г.), соглашения о судоходстве и об автомобильном сообщении (1974 г.), программа торговли машинами и оборудованием (1975 г.), регулирующие отношения в области торгово-экономических связей. Советский Союз и Норвегия — крупнейшие «рыболовные» государства, обладающие особыми интересами в богатом рыбными ресурсами Баренцевом море, ресурсами, кото-

районах требует постоянных советско-норвежских контактов и переговоров»¹⁸³.

Некоторые вопросы советско-норвежского сотрудничества касаются архипелага Шпицберген, находящегося под суверенитетом Норвегии на условиях, предусмотренных Парижским договором 1920 г. С довоенных времен здесь живут и трудятся норвежские и советские шахтеры, поддерживающие тесные дружественные контакты и деловое сотрудничество, особенно ценное в сложнейших климатических условиях этого заполярного архипелага. Хорошие связи существуют между советским трестом «Арктикуголь», который ведет добычу угля на Шпицбергене, и норвежской государственной компанией «Стуре норшке Шпицберген кюлькомпани». С 1974 г., когда было заключено соглашение об использовании советскими воздушными судами норвежского государственного гражданского аэродрома Лонгир, улучшились условия связи между Советским Союзом и поселками, в которых живут советские шахтеры¹⁸⁴.

Вместе с тем и в Норвегии, и в других западных странах имеются круги, которые явно не заинтересованы в том, чтобы отношения между норвежцами и советскими людьми на Шпицбергене развивались в духе добрососедства и сотрудничества. Это находит свое отражение и на страницах правой печати, выступающей с инсинуациями в отношении деятельности советских граждан на Шпицбергене. Например, эти круги пытались одно время представить транспортные вертолеты треста «Арктикуголь» как якобы военные, а их посадочную площадку — выдать за вертолетную базу¹⁸⁵. Смысл таких инсинуаций предельно ясен — постараться бросить тень подозрения на советскую линию в отношении Шпицбергена в целом, представив дело так, будто бы не кто иной, как советская сторона, нарушает положения договора о Шпицбергене, запрещающие использование архипелага в военных целях. В этой связи хотелось бы ограничиться указанием на мнение видного норвежского специалиста-международника А. О. Брунтланна, отмечавшего, что «после вступления Норвегии в НАТО политика Советского Союза в данном вопросе состояла в последовательной защите положения о демилитаризации» архипелага¹⁸⁶. Этот же автор подчеркивает, что советская сторона «внимательно относилась к мероприятиям на Шпицбергене, которые имели гражданскую и экономическую направленность». И это понятно, так как некоторые вопросы в советско-норвежском сотрудничестве возникали иногда и вследствие отдельных мероприятий норвежских властей, выходящих за рамки,

¹⁸³ Stortingsforhandling 1977/1978, Bd. A, s. 684.

¹⁸⁴ См., например: Шпицберген. Страна острых гор. М., 1979, с. 44—47.

¹⁸⁵ См.: Крымов П. Советский Союз и северные страны.— Международная жизнь, 1979, № 8.

¹⁸⁶ Norsk utenrikspolitisk årbok 1974. Oslo, s. d., s. 51.

предусмотренные договором о Шпицбергене, и затрагивающих осуществляемую здесь советскими организациями хозяйственную и научную деятельность. К числу таких мероприятий относится, в частности, уже известное установление в одностороннем порядке норвежской рыбоохранной зоны вокруг архипелага.

Весьма важно то, что и норвежская сторона, как об этом было заявлено министром иностранных дел Норвегии К. Фрюденландом в стортинге, стремится решать неурегулированные вопросы в духе добрососедства, в спокойной и деловой обстановке, на основе строгого соблюдения положений договора о Шпицбергене. Конкретные дела в этом направлении всегда встречают полное понимание с советской стороны. Сошлемся в этой связи на слова норвежского министра рыболовства: «У Норвегии хороший опыт соглашений, заключаемых с Советским Союзом. Они соблюдаются»¹⁸⁷. Это касается не только вопросов Шпицбергена, но и всего комплекса советско-норвежских отношений. «Доброе соседство,— говорил тов. Л. И. Брежнев на приеме в честь представителя другого скандинавского государства,— это еще и активные политические связи государств, постоянно растущее сотрудничество в экономической области. Это — оживленный культурный обмен, который служит взаимному духовному обогащению. Это, наконец, объединение усилий в борьбе за упрочение мира»¹⁸⁸.

Последовательно в пользу развития добрососедских отношений с Советским Союзом выступает Компартия Норвегии, деятельность которой проходит в сложных условиях. Делегация Компартии Норвегии, посетившая СССР в 1977 г., подчеркнула, что КПН вместе с КПСС будут и впредь всеми силами способствовать «дальнейшему углублению разрядки напряженности, утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем». Обе партии решили «содействовать дальнейшему расширению взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства между Норвегией и Советским Союзом»¹⁸⁹.

Выше уже отмечалось, что в пользу добрососедских отношений между СССР и Норвегией выступает правящая Норвежская рабочая партия, официальная делегация которой в мае 1979 г. посетила СССР по приглашению ЦК КПСС. Делегации КПСС и НРП высказались совместно за дальнейшее расширение сотрудничества между СССР и Норвегией, за укрепление доверия и добрососедских отношений между советским и норвежским народами и выразили стремление содействовать этому¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Nytt fra Norge, 1979, 17 juli, N 28, s. 6.

¹⁸⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1979, т. 7, с. 366.

¹⁸⁹ Правда, 1977, 27 февр.; см. там же, 1972, 15 янв.

¹⁹⁰ Там же, 1979, 27 мая.

Развитие советско-норвежских отношений в социальной и культурной областях проходит при активном участии также и других общественных организаций, в первую очередь обществ дружбы «Норвегия — СССР» (учреждено в 1945 г.) и «СССР — Норвегия» (учреждено в 1958 г.). Норвежское общество в последнее время насчитывало 4 тыс. индивидуальных и 70 коллективных членов (данные 1978 г.). Председателем правления является видный профсоюзный деятель, секретарь союза металлистов Х. Эвсен. В актив общества входят известные общественные деятели и писатели, например бывший премьер-министр Э. Герхардсен, нынешний председатель ЦОПН Т. Халворсен, писательница Ингер Хагеруп, писатель Сигбьерн Хельмебакк и др. Общество организует обмен делегациями, туристские поездки, собрания и вечера, посвященные жизни Советской страны, выставки, кинопросмотры, лекции и гастрольные выступления советских артистов. Общество имеет и свое периодическое издание.

Таким образом, опыт последних двадцати лет свидетельствует о том, что дальнейшее развитие добрососедства и сотрудничества в отношениях между нашими странами полностью отвечает коренным интересам народов Советского Союза и Норвегии, способствует укреплению взаимного доверия, разрядки и мира на европейском континенте.

Советский Союз по-прежнему отдает должное норвежской политике неразмещения иностранных войск и ядерного оружия на своей территории в мирное время. Вместе с тем самые последние события рубежа 70—80-х годов показывают, что попытки нарушить сложившееся в Северной Европе соотношение сил и навязать Норвегии новые задания и обязательства в системе НАТО ведут к размыванию базовой политики, неоднократно подтвержденной всеми норвежскими кабинетами в минувшее двадцатилетие¹⁹¹.

¹⁹¹ Там же, 1980, 1 апр.

ИЗ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫК

Норвежский язык вместе со шведским, датским, исландским и фарерским принадлежит к северной, или скандинавской, подгруппе германских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью. В пределах скандинавской подгруппы выделяют языки западнскандинавские (исландский, фарерский) и восточнскандинавские (шведский, датский). Основным вариантом норвежского языка, так называемый букмол, занимает промежуточное положение между этими группами, другой его вариант — так называемый повонорвежский — относится к западнскандинавским языкам¹.

Приблизительно до IX в. н. э. в Скандинавии существовал более или менее общий язык для всех ее частей; он носит в науке название скандинавского языка-основы. Главным источником наших знаний о скандинавском языке-основе являются надписи, сделанные руническим алфавитом, так называемыми старшими рунами. На территории Скандинавии найдено около ста надписей старшими рунами; половина из них обнаружена в Норвегии. Они выполнены на оружии, амулетах, на могильных камнях или плитах, прибрежных скалах и т. п. Основная их масса содержит всего несколько слов, часто даже только одно (собственное имя). Назначение их по большей части было магическим. Древнейшей считается надпись на наконечнике копья из Эвре Стабу (*Øvre Stabu*, Юго-Восточная Норвегия, 200—350 гг.).

Начиная с эпохи викингов, когда постепенно складывается норвежская народность, можно говорить — хотя и условно — уже о собственно норвежском — древнорвежском языке. Первые памятники на нем — это надписи так называемыми младшими рунами, распространившимися в Скандинавии в IX в. До конца IX в. использовался так называемый шведско-норвежский вариант младших рун, с конца IX в. — так называемый датский (распространившийся потом и на Швецию). Надписей младшими рунами в Норвегии найдено около 350, и большая часть их датируется XI в. или еще более поздним временем.

¹ О вариантах современного норвежского языка см. ниже.

В эпоху викингов древненорвежский язык значительно расширил область своего распространения, в частности на нем говорили первопоселенцы Фарерских островов и Исландии.

Латинское письмо пришло в Норвегию из Англии, видимо, во второй половине XI в., однако древнейшие дошедшие до нас рукописные памятники восходят лишь к середине — второй половине XII в. Это небольшие фрагменты одного собрания легенд, земельной книги монастыря в Бергесе и записи Законов Гулатинга (см. ниже раздел «Литература»).

В Норвегии раньше, чем в других скандинавских странах, начала складываться канцелярская традиция. Однако становлению единообразной письменной нормы в известной мере препятствовало то обстоятельство, что политический и культурный центр страны неоднократно перемещался, а поскольку диалектные различия уже в то время были довольно значительными, изменение диалектной основы приводило к некоторым изменениям в письменной традиции. В XI—XII вв. центром Норвегии был Берген, затем Нидарос (теперь Тронхейм), а потом слова Берген. В Бергесе, в частности, при короле Магнусе VI Исправителе Законов было создано и записано в 1274—1276 гг. первое в Скандинавии общегосударственное уложение; язык его обнаруживает черты, характерные как для Трёнделага (т. е. северо-запада страны), так и для Западной Норвегии.

Политический и экономический упадок страны, начавшийся в XIV в., привел Норвегию к утрате самостоятельности. В 1319 г. страна входит в унию со Швецией, а с 1380 г. — с Данией. Эти политические события имели важные последствия для судьбы норвежского языка. С XV в. датский язык постепенно вытесняет норвежский из всех официальных сфер, становясь языком администрации, затем — после Реформации (1537) — языком церкви, еще позднее — судопроизводства и т. д. Вся литература, печатавшаяся в Норвегии, выходила только по-датски, и характерно, книгопечатание было введено в Дании около 1480 г., а первая норвежская типография открылась спустя более полутора столетия (1643).

Норвежские писатели второй половины XVI в. (Абсалон Педерссён, Педер Клауссён и др.) писали по-датски, хотя, естественно, их родной норвежский диалект оказывал известное влияние на их датский.

Таким образом, уже в XVI в. в Норвегии образовался значительный разрыв между письменной нормой (датской) и разговорным норвежским языком. Норвежская письменная традиция прекратила свое существование. В сельской местности по-прежнему говорили по-норвежски. В городах постепенно образовались смешанные говоры, у которых лексика и морфология были в основном датскими, тогда как синтаксис и фонетика (а фонетика — это та область, где различия норвежского и датского осо-

бешо велики) были в основном норвежскими. Такое положение сохранялось и в XVII—XVIII вв.

Когда Норвегия в 1814 г. получила самостоятельность (оставаясь, правда, в личной унии со Швецией), политическая основа для господства датского языка в стране была устранена. Однако должно было пройти около столетия, прежде чем был создан норвежский национальный язык.

Национальный литературный язык можно было создавать двумя различными путями. Первый из них состоял в приведении письменной нормы в соответствие с разговорным языком, с реальной речевой практикой образованного городского населения, т. е. в «порвегизации» литературного языка. Основными должны были быть здесь моменты чисто орфографические, но, кроме того, в этом случае следовало легализовать ряд специфически норвежских особенностей морфологии, а также лексики. Второй путь состоял в создании литературного языка на принципиально иной основе — на базе народных говоров. Как будет показано ниже, были использованы оба пути, что в конечном счете привело к возникновению в Норвегии языковой ситуации, не имеющей параллели во всем мире.

Борьба за «порвегизацию» литературного языка велась после 1814 г. фактически на протяжении всего XIX в. Вначале споры касались названия языка (часть порвежцев отстаивали название «норвежский» наряду с названием «датский») и права употребления отдельных специфически норвежских лексем. Видную роль в борьбе за свой язык сыграл один из крупнейших норвежских поэтов, Хенрик Вергеланн, который смело вводил в свои произведения лексические и грамматические норвегизмы и активно боролся за норвежское произношение в театре, где господствовала датская норма. Важным событием в развитии норвежского литературного языка явился выход «Норвежских народных сказок» (1841, 1844) в обработке Петера Кристена Асбьёрнсена и Ергена Му. Хотя орфография и морфология в них были датскими, весь стиль, синтаксис и отчасти лексика были норвежскими. В середине и второй половине XIX в. активно боролся за порвегизацию литературного языка педагог и языковед Кнуд Кнудсен (1812—1895), в частности выступавший за легализацию норвежского произношения в школе (где насаждалось датское) и на сцене. В словаре «Ненорвежское и норвежское» (1884) К. Кнудсен предложил ряд пуристических замечаний — множество чисто норвежских слов, которыми, как он считал, следовало заменить датские слова, заимствованные из немецкого и пр. За норвежское произношение в театре боролся и выдающийся норвежский писатель Бьёрнстjerne Бьёрнсон. Его повести из крестьянской жизни («Сюннёв Сульбаккен», «Арне», «Веселый парень»), созданные во второй половине XIX в. и написанные живым современным языком, ознаменовали собой новую эпоху в

порвежской прозе и оказали немалое влияние на литературный язык. Благодаря усилиям Вергеланна, Бьёрнсона, Кнудсена и других порвежских произношение победило на сцене, а затем и в школе.

Язык, на котором писали классики норвежской литературы Генрик Ибсен, Бьёрнстjerne Бьёрсон, Александр Хьелланн и Юнас Ли, носил в то время название «датско-норвежского» и рассматривался как более или менее норвегизированный вариант датского. Конечно, у этих авторов встречается немало чисто норвежских лексических единиц, особенно при описании крестьянского быта, а в речи персонажей из народа — ряд характерных норвежских грамматических форм и конструкций. (Например, в «Пер Гюнте» Ибсена употреблено множество порвегизмов.) В 1890 г. по предложению Б. Бьёрнсона эта форма норвежского литературного языка получила название «риксмол» (riksmål — буквально — государственный язык).

Таково было в общих чертах развитие в XIX в. одного из вариантов литературного языка Норвегии. Постепенно утвердился, хотя еще и не закрепились в орфографии, та форма языка, которая была характерна для речи образованных слоев городского населения, прежде всего в Кристиании (Осло) и Бергене.

Эти смешанные норвежско-датские городские говоры, конечно, не были единообразны: у них наблюдалась значительная социальная и географическая дифференциация. Но даже если их условно принять за одно целое, то на них говорила лишь сравнительно небольшая часть населения, так как до конца XIX в. Норвегия оставалась по преимуществу крестьянской страной. Норвежские диалекты XIX в. (как, впрочем, и до сих пор) разнообразны, и различия между ними (особенно между западными и восточными) весьма значительны, но в общем можно сказать, что разрыв между ними и существовавшей тогда формой литературного языка был велик. Вся эта стихия народных говоров, развившихся из средневековых диалектов (здесь традиция языка, естественно, не прерывалась), фактически не имела выхода в письменный язык. Поэтому возникла идея создания литературного языка на основе сельских диалектов.

Осуществил эту идею талантливый филолог-самоучка и поэт Ивар Осен (1813—1896). Собрав обширный диалектный материал, он издал «Граматику норвежского народного языка» (1848) и «Словарь норвежского народного языка» (1850). В этих работах он показал преемственную связь диалектов с древненорвежским языком. В 1853 г. Осен издал книгу, которой было суждено сыграть особую роль в истории норвежского языка. Она носила название «Образчики народного языка в Норвегии» («Prøver af Landsmaalet i Norge»). В ней были даны образцы диалектной речи, причем предпочтение отдавалось западнонорвежским говорам как более архаичным, более близким к древне-

норвежскому и потому, по мнению Осена, «более чистым». В качестве приложения к этим текстам Осен опубликовал образцы текстов, которые он сам составил на языке, синтезированном им из различных диалектных форм. При их отборе Осен ориентировался на наиболее архаичные западнонорвежские диалектные черты, которые, по его мнению, были «наиболее норвежскими», полагая, что тем самым он «восстанавливает» испорченный последующим развитием норвежский язык. Таким образом, Осен в этой работе употребил слово «landsmål» (в современной орфографии — «landsmål») в двух разных значениях: во-первых, в значении «язык сельской местности», «народный язык» и, во-вторых, как название созданной им искусственной нормы, основанной на сельских диалектах. Последнее название закрепилось.

Норма литературного языка, созданная Иваром Осеном, при всей ее искусственности, отвечала назревшей потребности. Уже через несколько лет после выхода «Образчиков» лансмол стал использоваться в художественной литературе. Завоеванию им престижа и популярности способствовало то, что ряд талантливых писателей крестьянского происхождения начали писать на нем (см. ниже о литературе). В 1868 г. создается общество «Депешке самлагге», ставящее целью борьбу за права лансмолла. Борьба за права этой формы норвежского языка была принята в качестве одного из пунктов программы партии «Вестре», и приход ее к власти в 1884 г. привел к легализации лансмолла. В 1885 г. лансмол уравнивается в правах с риксмоллом как школьный и официальный язык. В 1892 г. стортинг принимает закон, по которому администрации народных школ (тогда начальных семилетних школ) предоставляется право решать, какие учебники — на риксмолле или лансмолле — должны использоваться в данной школе и на каком из вариантов ученики должны выполнять письменные работы. Подчеркивается, что ученики должны уметь читать как на риксмолле, так и на лансмолле. В том же году при университете учреждается кафедра лансмолла, и в том же году стортинг принимает первый текст на лансмолле.

Итак, к началу XX в. в Норвегии уже сложились две письменные формы литературного языка: риксмол, представляющий собой результат развития датского языка в Норвегии, основывающийся на речевой практике образованных слоев городского населения, но сохраняющий еще датскую орфографию, и лансмол, созданный путем искусственного синтеза элементов сельских говоров Норвегии, преимущественно западной ее части, и сохраняющий ряд архаичных черт. Естественными задачами были, с одной стороны, приведение орфографии риксмолла в соответствие с произношением, с другой — «модернизация» лансмолла, переориентация его диалектной основы, так как имелся существенный разрыв между его тогдашней формой и говорами восточной, наиболее населенной части страны. Предполагалось, что в результате таких

реформ и дальнейших сознательных усилий обе нормы сблизятся и в будущем сольются в одну.

Впрочем, приверженцев идеи создания единого норвежского языка путем сознательно регламентируемого сближения обеих норм было немного. Напротив, между сторонниками риксмолла и сторонниками лансмолла шла долгая и ожесточенная борьба. Сторонники риксмолла выдвигали следующие аргументы: за их вариантом стоит длительная культурная традиция, авторитет крупнейших норвежских писателей и поэтов, тогда как, по их мнению, лансмолл — язык искусственный и культурно неразвитый, несущий па себе печать крестьянского происхождения. Сторонники лансмолла отстаивали тезис, что риксмолл, несмотря на его «норвегизацию», датский язык и, следовательно, чужд норвежскому народу. Эта борьба продолжается и по сей день, хотя и не в такой острой форме.

В XX в. были осуществлены три орфографические реформы риксмолла. Как уже говорилось, различия между датским и норвежским языками особенно велики в области фонетики, в силу чего использовавшаяся датская орфография во многом была далека от адекватного отражения норвежского произношения. Первая орфографическая реформа была проведена в 1907 г. Главным моментом в ней было введение глухих смычных (p, t, k) вместо звонких (b, d, g) после долгих гласных, т. е. легализация написаний типа: «аре» — «обезьяна», «got» — «корень», «lik» — «равный» вместо прежних «abe», «god», «lig». Проведенная в 1917 г. вторая орфографическая реформа ввела удвоение букв для обозначения долгих согласных в конце слова; одновременно был устранен ряд чисто датских орфографических моментов (немое d в словах типа «fjeld» — «гора», которые стали писаться фонетически — «fjell») и введены факультативные формы (формы с дифтонгами, формы женского рода с определенным артиклем — а и др.). Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Этот момент был отнюдь не только орфографическим, он затрагивал уже не написание, а фонетику и грамматику: в датском нет ни форм с историческими дифтонгами (вроде «stein» — «камень», «øу» — «остров», ср. дат.: «sten», «ø»), ни женского рода, а следовательно, их не было ни в датско-норвежском, ни в риксмолле начала XX в. Напротив, эти моменты характерны для разговорного норвежского языка, они многими считались (и в значительной мере считаются сейчас) пелитературными и даже просторечными, вульгарными. Реформа 1938 г. превратила эти факультативные формы в обязательные (более 900 существительных должны были непременно употребляться с артиклем женского рода).

В 1917 и 1938 гг. были также осуществлены реформы лансмолла. Суть их сводилась к приближению нормы к специфике восточнонорвежских диалектов (стоящих ближе к риксмоллу).

В 1929 г. были заменены названия обеих форм литературного языка. Риксмол получил официальное название «букмол» (bokmål буквально — книжный язык), лансмол — «новонорвежский» (nynorsk). Эти названия, разумеется, ни в коей мере не отражают специфики данных форм: букмол отнюдь не книжный язык, напротив, новонорвежский язык более книжный, так как, к примеру, в быту он используется очень мало (посетители новонорвежского чаще говорят в семье и т. п. на диалекте). С другой стороны, обе формы новонорвежские в том смысле, что представляют собой современный норвежский язык.

Языковая ситуация в Норвегии в настоящее время характеризуется, таким образом, следующими особенностями.

Во-первых, существуют две официально признаваемые равноправными формы литературного языка — букмол и новонорвежский. Удельный вес их различен. На букмоле издается около 90% всей печатной продукции страны и ведется преподавание более чем в 80% школ. Географическое распределение норм таково: новонорвежский более всего распространен на западе страны, букмол — на востоке и севере, а также во всех крупных городах. Например, в фюльке Хедмарк, в Восточной Норвегии, на букмоле в 1972 г. обучалось 100% учеников в городских школах и 99,8% в сельских, тогда как в фюльке Согн-о-Фьоране, в Западной Норвегии, цифры составляли соответственно 34,2 и 3,5%². 100% городских и сельских школ в том же году вели преподавание на букмоле в следующих фюльках: Эстфолл, Вестфолл, Тромс, Финмарк. В 96% всех городских школ и в 73% всех сельских школ преподавание велось на букмоле. В целом число обучающихся на букмоле составило 83%³.

Во-вторых, каждая из норм имеет множество параллельных форм, официально признаваемых равноценными и допустимыми. На самом деле, далеко не все они, конечно, употребительны в равной степени, а главное, совсем не просто альтернативны, но имеют дополнительную окраску: одни более литературны, другие ближе к просторечию.

В-третьих, наблюдается — особенно у букмола — большой разрыв между официально зафиксированной нормой (отражаемой орфографическими словарями, школьными учебниками и т. п.) и реальной языковой практикой. Например, во всей стране нет ни одной газеты на букмоле, в которой хотя бы наполовину соблюдались правила орфографической реформы 1938 г.

Орфографические реформы (особенно последняя) преследовали цель сблизить обе нормы норвежского языка, с тем чтобы облегчить их слияние в будущем. Действительно, наличие двух официально равноправных норм литературного языка у одного

² Statistisk årbok for Norge 1974. Oslo, 1974, s. 366.

³ Ibid., s. 366.

народа (к тому же относительно небольшого) доставляет множество неудобств и сложностей: все официальные тексты издаются как на букмолле, так и на новонорвежском, в школах изучаются обе нормы, радиопередачи ведутся на обоих вариантах и т. д. Однако благие попытки сознательного «языкового планирования» в целом не только не дали ожидаемых результатов, но, напротив, привели к ряду весьма нежелательных последствий⁴. Причин неудачи регламентации языка много, и здесь можно указать только на самые важные (при этом мы ограничимся букмоллом).

Новая официальная норма букмола признавала естественные правильными формы, свойственные только разговорно-просторечному стилю. Та же литературная норма, которая фактически уже сложилась и была представлена в языке литературы, науки и т. д., объявлялась консервативной, ненародной, датской и т. п. По сути дела, реформаторы языка ставили перед собой утопическую задачу: изменить речевую практику взрослых лиц, уже владеющих литературным языком и пользующихся им, и приучить к «радикальным» формам детей, приходящих в школу с уже сложившимися языковыми навыками. Новая официальная норма в общем не имеет престижа: не поддерживается авторитетом языка наиболее значительных писателей, ученых, деятелей культуры и политики. С другой стороны, сравнительно единообразный язык литературы, науки, периодической печати в значительной мере игнорирует орфографические правила 1938 г. со всеми их последующими половинчатыми модификациями (например, 1959 г.) и обладает для многих притягательной силой как «культурный» язык. Характерно, что многие «нормализаторы языка» (в первую очередь школьные учителя) сами очень часто в неофициальной обстановке говорят на довольно «консервативном» букмолле. Естественно, многие школьники вне уроков норвежского языка не пользуются искусственными «радикальными» формами.

Все это приводит, в частности, к тому, что в целом современный норвежский язык (точнее, каждая из его норм) характеризуется значительным разбоем. Выпускники норвежских школ владеют литературным языком менее уверенно, нежели молодежь в других странах. Речь среднего норвежца присущи непоследовательности, колебания и прямые ошибки в гораздо большей степени, чем это бывает у других европейских народов.

Тем не менее, повторяем, букмолл имеет реально существующую норму. Она сложилась стихийно, и ею фактически является язык образованных слоев Восточной Норвегии, прежде всего Осло. Она носит название «образованного восточнорвежского» (dannet østnorsk). В ней используются и многие «радикальные»

⁴ *Стеблин-Каменский М. И.* Возможно ли планирование языкового развития? (Норвежское языковое движение в туннике). — Вопросы языкознания, 1968, № 3.

формы, но не механически (как того требуют «нормализаторы»), а как альтернативные варианты с соответствующей стилистической окраской. Вопрос в большинстве случаев состоит не в том, «как правильнее сказать» (например, употребить ли форму с дифтонгом или монофтонгом, использовать ли форму женского рода или общего и т. п.), а в том, «в какой речевой ситуации уместнее та или иная из альтернативных форм». При такой речевой практике норвежский язык получает гибкую и богато нюансированную систему передачи тонких стилистических значений.

ЛИТЕРАТУРА

Раннюю историю норвежской литературы можно лишь с большим трудом и в значительной мере условно отделить от истории исландской литературы, и поэтому правильнее говорить о древнескандинавской словесности, объединяющей культурные течения обеих стран. Мифологические и эпические песни, несомненно бытовавшие в устной форме в Норвегии еще до заселения Исландии, были записаны, однако, в Исландии в XIII в. и в существующем виде — в составе сборника «Старшая Эдда» — представляют собой памятники исландской литературы. Это же относится и к сагам о конунгах: они повествуют об истории Норвегии, и значительная часть материала, использованного при их записи, была собрана в Норвегии. Тем не менее эти саги в своем большинстве были составлены исландцами и опять-таки принадлежат, строго говоря, к исландской литературе. Поэзия скальдов, возникшая еще в Норвегии, после колонизации Исландии стала по преимуществу исландской. Таким образом, раннее норвежско-исландское словесное творчество, уходя корнями в норвежскую культурную почву (если оставить в стороне наиболее древние общегерманские истоки эдических песней), в своей «окончательной редакции» — явление исландской культуры и здесь во всем своем объеме не может рассматриваться⁵.

Сюжеты норвежской скальдической поэзии IX—X вв. — битвы, подвиги конунгов, их славная смерть, сопровождавшаяся поездкой погибшего героя в чертог Одина Вальгаллу. Германский аллитерационный стих приобретает в скальдике изоцентричную форму, изобилует своеобразными метафорическими оборотами — кеннингами и хейти, в нем нередко встречается тмесис (переплетение двух или трех фраз). Формальная усложненность скальдических строф напоминает приемы норвежского изобразительного искусства

⁵ См. подробнее: *Стеблин-Каменский М. И.* Культура Исландии. Л., 1967; *Он же.* Мир саги. Л., 1971; *Он же.* Миф. Л., 1976; *Он же.* Историческая поэтика. Л., 1978; *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972; *Он же.* «Эдда» и сага. М., 1979.

ва того же времени (резьба по дереву на предметах из погребения в Усеберге, IX в.)⁶.

Древнейшим скальдом, нам известным, был Браги Старый, сын Бодда. В его «Песни о Рагнаре» (Ragnarsdrápa) (сохранившейся частично), воспевающей изображения богов и героев на боевом щите, который был ему подарен неким Рагнаром, уже палило основные отличительные признаки скальдической поэзии. Так как имя скапдиавского бога поэзии тоже Браги, то последующие поколения идентифицировали этого бога и Браги Старого и почитали его как создателя скальдической поэзии (что не мешало верить в то, что «мед поэзии» похитил для людей сам Олин).

Другой норвежский скальд IX в., Тьодольв из Хвина, также составил песнь, описывающую изображения на щите. Ему же принадлежит «Перечень Инглингов» (Ynglingatal), древних конунгов Швеции и Норвегии. В этой песни рассказывается о конунгах V—IX вв.; Снорри Стурлусон, автор «Круга земного», использовал песнь Тьодольва при написании «Саги об Инглингах», которой открывается этот свод саг о норвежских конунгах. События IX и X вв., в частности борьба Харальда Прекрасноволосого за подчинение Норвегии и подвиги его сыновей Эйрика и Хакона, воспеты скальдами. Среди них — Торбьёрн; Эйвинд по прозвищу Губитель скальдов; безымянный автор «Речей Эйрика» (Eiríksmál). Норвежская скальдическая поэзия этого периода всецело языческая по духу.

Скальды, которые воспевали норвежских королей в более позднее время, уже христиане, хотя их песни подчас изобилуют аллюзиями на языческую мифологию. Эти скальды были исландцами по происхождению, обычно они приезжали в Норвегию, где короли охотно принимали их в свою дружину, — функции скальда прославлять государя придавали большое значение, и у многих конунгов, например у Олава Святого и у Харальда Сурового Правителя, было по нескольку скальдов. Впрочем, поэтом был и сам король Харальд Суровый Правитель, посвятивший одну из своих песней дочери киевского князя, в которую он был влюблен.

Наиболее ранние прозаические литературные записи в Норвегии были произведены в XII в. христианскими клириками или монахами. То были характерные для средневековья сочинения житийного и проповеднического жанров. В центре внимания духовных авторов стояла фигура Олава Святого. На латинском языке были составлены и первые труды историографического содержания. Такова «История о древностях норвежских королей» («Historia de antiquitate regum Norwagiensium») монаха Теодрика (Теодорика). Это произведение охватывает события за период, начинающийся правлением Харальда Прекрасноволосого и завер-

⁶ См. гл. II.

шающий 30-ми годами XII в. Оборвав изложение на моменте смерти короля Сигурда Крестоносца (1130 г.), Теодрик заявляет, что отказывается повествовать о предательствах, клятвопреступлениях, брато- и отцеубийственной вражде, пренебрежении Господом, посягательствах на имущество церкви и мирян и «прочих злодеяниях, кои долго было бы перечислять»⁷. Теодрик писал свою историю в разгар гражданских войн между Сверриром и его противниками⁸. Ко времени написания истории Теодриком (предположительно около 1180 г.) в Исландии Сэмундом Мудрым и Арн Мудрым уже были созданы очерки истории норвежских конунгов, но Теодрик, видимо, не был с ними знаком — он опирался отчасти на устную традицию. Любопытно, однако, что и в качестве хранителей этой последней выступали исландцы и что норвежская скальдическая поэзия опять-таки сохранялась в их памяти. Другим источником для Теодрика послужили латинские повествования о святом Олаве.

Вскоре, видимо в самом конце XII столетия, появилось более широко фундированное источниками «Извлечение из истории норвежских конунгов» («*Ágríp af Nóregs konunga sögum*») на древнорвежском языке, написанное анонимным духовным лицом. Оно охватывало период начиная с правления отца Харальда Прекрасноволосого Халвдана Черного и вплоть до начала 60-х годов XII в. (возможно, впрочем, что в его первоначальном виде — «Извлечение» сохранилось не полностью — изложение доводилось до 1177 г., когда на арене норвежской истории появился Сверрир). Это сочинение, как и «История» Теодрика, воплощает воззрения людей церкви и оценивает норвежских королей в зависимости от их отношения к христианству. Несколькими позднее также норвежцем была написана по-латыни «История Норвегии» («*Historia Norvegiae*»); в ней немало внимания уделено характеристике природных условий Норвегии, а также Оркнейских и Фарерских островов и Исландии. Период, который охватывает этот памятник, начинается эпохой Инглингов и завершается прибытием в Норвегию Олава Святого (1015 г.).

Упомянутые сочинения брали за образец латинскую аппалистику и отчасти агнографию. Первой сагой исторического содержания была «Сага о Сверрире». Ее автором был исландский аббат Карл Йонссон, однако, как сообщается в прологе к саге, он работал над ней (точнее, над начальной частью саги) в Норвегии (во второй половине 80-х годов XII в.) в сотрудничестве с самим Сверриром, который давал ему советы, что именно следует писать. Таким образом, хотя сага была завершена, а отчасти и переработана в Исландии, ее едва ли можно исключить из корпуса средневековой норвежской словесности. Несмотря на

⁷ Monumenta Historica Norvegiae / Udg. G. Storm. Kristiania, 1880, s. 67.

⁸ См. гл. III.

прямое участие в создании «Саги о Сверрире» ее главного героя, она не может без известных пятажек быть сочтена «партийным документом» (оценка Х. Кута), якобы всецело выражающим пристрастия этого короля, который вел ожесточенную кровавую борьбу за захват престола и подчинение всей страны своей власти. Жанр саги требовал отказа от прямых оценок изображаемых событий и сдержанности и объективности в характеристике персонажей. И в «Саге о Сверрире» нет ни идеализации короля, какая присуща, например, житиям святого Олава, прославляющим его, ни осуждения противников, как в жизнеописаниях короля Олава Трюгвасона, составленном исландским монахом Одом. Сага дает убедительный и лишенный одностороности портрет Сверрира, не подгоняя его под эталон идеального государя. Значительное влияние «Саги о Сверрире» на последующую норвежско-исландскую историографию несомненно. Известно, что Сверрир вступил в острый конфликт с высшим католическим клиром Норвегии и самим папой, и в качестве литературного памятника этой борьбы осталась инспирированная Сверриром «Речь против епископов», в которой обосновывается идея верховенства короля над церковью.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что большие своды саг о норвежских конунгах, созданные исландцами в первой половине XIII в., — «Круг земной» («Heimskringla»), «Красивая кожа» («Fagrskinna») ⁹, «Гнилая кожа» («Morkinskinna») — завершали свое изложение той же датой, что и упомянутое выше «Извлечение из истории норвежских конунгов» (1177 г.), с которой начинается повествование в «Саге о Сверрире». Составители этих саг, нужно полагать, видели свою задачу в том, чтобы рассказать об истории предков и предшественников Сверрира, но не предполагали как-либо по-своему интерпретировать историю его правления — ее версия, изложенная в «Саге о Сверрире», видимо, считалась окончательной.

Что касается саг о конунгах XIII в. из рода Сверрира, написанных опять-таки исландцами, то «Сага о Хаконе Хаконарсоне» и почти целиком утраченная «Сага о Магнусе Хаконарсоне» представляли собой «политические биографии», продиктованные интересами королевской власти. К этой литературе примыкает и «Королевское зеркало» («Konungs skuggsjá») (вторая половина XIII в.), рисующее образ жизни знати и купцов. Этот диалог несет отпечаток официальной придворной и церковной идеологии ¹⁰. Как уже упоминалось в гл. IV, в «период величия» XIII в. в Норвегии переводится французская рыцарская литература, которая шагла свою аудиторию прежде всего в придворном

⁹ «Красивая кожа», как полагают исследователи, была записана исландцем в Норвегии.

¹⁰ См. гл. IV.

кругу. Среди этих произведений — и «Песнь о Роланде». Куртуазная литература на протяжении столетий оставалась излюбленным чтением норвежцев. Чужеземное влияние на норвежскую словесность усилилось, и латинские образцы живо чувствуются не в одних только художественных творениях этого периода, но и в эпистолярном жанре (от XIII и XIV столетий сохранилось немало писем и иных документов частного характера)¹¹. В XIII в. в Бергене со слов немецких купцов была записана «Сага о Тидреке» — обширный компилятивный пересказ древних героических сказаний, пользовавшийся большой популярностью и в последующее время.

В целом литературная продукция в Норвегии этого периода намного уступала исландской и по объему и по оригинальности; шедевры древнескандинавской письменности созданы были именно в Исландии, от которой норвежская культура находилась в явной зависимости. Исследователи отмечали, что даже в переводах церковной литературы (легенд, житий святых и т. д.) с латинского языка в Исландии и Норвегии можно заметить различия: норвежские переводы уступают исландским в стилистическом отношении¹².

Разложение традиционных форм древнескандинавской словесности, уходявших своими корнями в языческую древность, совпало начиная со второй половины XIV в. с общим упадком и примитивизацией культурной жизни в результате обрушившихся на Норвегию бедствий, резким сокращением населения, дезорганизацией хозяйства и общественных связей¹³.

* * *

В XV—XVI вв. Норвегия фактически не имела собственной литературы. От этих «темных веков» сохранились в устной традиции пародные сказки, баллады, предания, записанные много позже. Литературные памятники эпохи гуманизма и Реформации написаны сплошь на датском или на латыни и являются не столько художественными, сколько учеными произведениями.

Во второй половине XVI в. в крупнейшем норвежском городе того времени — Бергене — обосновалась группа лютеранских ученых-богословов и гуманистов, объединенных не только общей

¹¹ *Berulfsen B.* Kulturtradisjon fra en storhetstid. En kulturhistorisk studie på grunnlag av den private brevlitteratur i første halvdel av det 14. hundreår. Oslo, 1948. В это время в широком употреблении оставалось и руническое письмо: раскопки в Бергене обнаружили большое число дощечек и других предметов с руническими надписями делового и бытового содержания. См.: *Liestøl A.* Correspondence in Runes.— *Mediaeval Scandinavia*, 1968, N 1.

¹² *Paasche F.* Norges og Islands litteratur. Oslo, 1957, s. 457.

¹³ См. гл. V.

идеологией, по также интересом к истории Норвегии. Самой значительной фигурой среди них был Абсалоп Педерссён Бейер (1528—1575), с именем которого связаны первые публичные театральные представления в Норвегии. Его перу принадлежат «Дневник», в котором отразилась культурная жизнь Бергена, и трактат «О норвежском государстве», где паходим восхищение прошлым страны, грусть о ее настоящем и надежды на будущее. Педер Клауссён Фриис (1545—1614) писал трактаты об истории природы и животном мире Норвегии, Исландии, Гренландии, перевел на датский язык «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона.

Кружок лютеранских священников и ученых-гуманистов существовал во второй половине XVI в. и в Осло. Наиболее значительные произведения — это «Путевые дневники» епископа Енса Нильссёна (свидетельство о жизни тогдашнего общества) и «Книга духовных вопросов» Х. Гуннарссона — собрание библейских историй, в течение ряда столетий любимое чтение норвежских крестьян.

Главная фигура XVII в. — стихотворец, священник Петер Дасс (1647—1707). Он создал поэму «Труба Нурланна», живо передающую картины северной природы и суровую жизнь норвежских рыбаков, язык его произведения прост, оно полно юмора. Большой талант и широкая образованность, знание жизни позволили П. Дассу создать стихотворное переложение лютеранского катехизиса, которое пользовалось большой популярностью среди простого народа. Главный труд Дасса, как и вышеперечисленные сочинения гуманистов XVI в., был издан лишь посмертно, в XVIII—XIX вв.

Религиозные произведения остались в XVII в. частым видом творчества. Среди писателей, связанных с этой тематикой, можно назвать Дороте Энгельбретсдаттер (1634—1716), которую называли одиннадцатой музой. Большой популярностью пользовались также ее поздравительные стихотворения.

В XVIII в. Копенгаген по-прежнему остается центром общей культурной жизни двух стран, однако писатели-норвежцы начинают играть более значительную роль. В этот период вполне можно говорить об общей датско-норвежской литературе. Ярчайшим ее представителем является бергенец Людвиг Хольберг (1684—1754), получивший общеевропейскую известность и стоявший у истоков датской и норвежской просветительской литературы, в частности драматургии. Хольберг — норвежец по происхождению, по датчанин по образованию, мировоззрению и месту жительства. В Кристиании крупнейшая фигура этого времени — поэт-просветитель, последователь Руссо, Кристиан Б. Туллин (1728—1765), чьи лирические описания природы проникнуты теплым чувством и связаны с английским сентиментализмом.

Во второй половине XVIII в. растет стремление норвежцев к автономии в области духовной жизни. В 1760 г. в Тронхейме

создается норвежское Королевское научное общество. В 1772 г. студенты-норвежцы Копенгагенского университета создают в датской столице Норвежское общество — клуб патриотов антидатского направления, испытавших влияние французских просветителей и французского классицизма. Среди писателей — членов общества был силен интерес к жизни норвежского народа, его поэзии и национальному прошлому. Хотя основным направлением общества был классицизм, все же у его членов можно заметить чуждые классицизму тенденции. Особого расцвета в творчестве членов общества достигли драма и лирика. Ю. Х. Вессель (1742—1785) создал пьесу «Любовь без чулок» (1772) — пародию на классическую трагедию; Ю. Н. Брун (1745—1816) — классицист, автор первой драмы по мотивам саг «Эйпар Тамбсскельвер» (1772); вольтерьянец К. Фастинг (1746—1791) писал трагедии и стихи и высоко чтит Шекспира; в поэзии К. Фримана (1744—1829) воспроизводились картины народного быта и родной природы; как и П. Дасс, он писал не только о народе, но и для народа. К народному началу близка поэзия Э. Сторма (1749—1794), не входившего в Норвежское общество, особенно популярны его басни. Часть поэзии Сторма написана на норвежском диалекте — редкость в те времена.

Как следствие восстановления национальной государственности Норвегии происходят значительные изменения и в норвежской литературе: развивается оппозиционная политическая публицистика, особенно ярко представленная в газете «Патруль» (1824—1831 гг.), политическая лирика определяется прежде всего борьбой вокруг Эйдсволлской конституции — «поэзия 17 мая». Возникает так называемая литература «национального прорыва»; писатели этого этапа создают норвежский романтизм и несколько позднее становятся родоначальниками реализма. Национальной особенностью норвежского романтизма является обостренный интерес к прошлому страны, отраженному в сагах, к народной крестьянской жизни и народному творчеству: песням, балладам, сказкам, преданиям, повествующим о троллях и феях. Норвежский романтизм распадается на две волны. Первая — это 1820-е и начало 1830-х годов. Романтики «первой волны» во многом ориентировались на немецкий романтизм, в национальном прошлом их привлекало таинственное и мистическое, их более интересовали природа, философские идеи, чем проблемы современной общественной жизни. Среди романтиков «первой волны» следует назвать относящегося к старшему поколению Юнаса Рейна (1760—1824), его стихи «Бог в природе» (1810) передают романтическое мироощущение. Прозаик Мауриц Хансен (1794—1842) создает произведения под сильным влиянием В. Скотта и немецких романтиков. Хеприк А. Бьеррегор (1792—1842) писал пародные комедии с песнями, его же перу принадлежит драма на материале саг «Сыновья Магнуса Босоногого» (1829).

Но, безусловно, самыми значительными фигурами «первой волны» были Вергеланн и Вельхавен, стоявшие у истоков норвежской литературы XIX в. Хенрик Вергеланн (1808—1845) — республиканец и сенсимонист, борец за норвежское национальное искусство и норвегизацию языка. Социальной и интимной лирике Вергеланна свойственно жизнеутверждающее начало. Его поэтическая философская трилогия «Творение, Человек и Мессия», над которой он работал много лет (1830—1844), в романтическом духе представляет весь мир как противоборство сил созидающих и разрушительных, которые находятся в неразрывном единстве. Противоположности добра и зла, а в человеке — духовного и земного начал достигают гармонии в грядущем. Идеи поэмы, свойственные всему творчеству Вергеланна, оказали влияние на Г. Ибсена (см. также с. 280—281).

Вергеланну во многом противостоял Юхан С. Вельхавен (1807—1873) — гегельянец, эстет, в творчестве которого порой были сильные религиозно-мистические мотивы. Тонкий лирик, в своих стихах он передавал невысказанное, потаенное, те настроения, которые рождает воспоминание о пережитом. Особое внимание поэт уделял совершенству формы и музыкальности стиха, ориентировался не только на национальные, но на датские и немецкие традиции в литературе и культурной жизни. Он считал, что духовное обновление страны должно не изолировать ее от Европы, а объединить с общеевропейским движением. «Национальная романтика», основанная на передаче внешних аксессуаров народного быта, порой включающая в себя мистический элемент, ориентированная на идеализацию монархии, была возглавлена Вельхавеном.

«Вторая волна» в норвежском романтизме возникла после 1848 г. под влиянием европейских революций и усилившегося движения рабочих, руководимых М. Трапе (см. гл. IX). Романтизм «второй волны» отличается гражданским пафосом, вниманием к современности, стремлением, отразив прошлое, поставить его на службу настоящему. Романтизм «второй волны» несет в себе элементы, из которых в дальнейшем разовьется норвежский реализм.

К этому периоду относится собрание национального фольклора. Велик вклад в национальное искусство Ергена Му (1813—1862) и Петера К. Асбьёрнсена (1812—1885), в 1841—1844 гг. издавших норвежские народные сказки и предания, в которых собиратели сумели передать особенности народного мышления, языка¹⁴. В 1851 г. Му перепечатывает сборники, предварив их предисловием. Асбьёрсен выпускает еще одно издание в 1871 г. Из этих сборников Ибсен позднее заимствовал историю Пер Гюнта. Не менее велико значение изданных в 1852—1853 гг. «Нор-

¹⁴ Брауде Л. Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974, с. 32 и сл.

вежских народных песен», собранных Магнусом Б. Лаудстадом (1802—1880), куда вошли все основные типы баллад и рифмованных присказок, живших в устной поэзии. Немалое значение имеет творчество лирика и драматурга Андреаса Мушкя (1811—1884), автора исторических драм «Лорд Вильям Рассел» и «Герцог Стуле». Популярны у современников, они не выдержали соперничества с драматургией Ибсена и Бьёрнсона.

В 1850-е годы часть писателей-романтиков приходит к осознанию зыбкости «национально-романтических» иллюзий и преодолевает свойственную этому течению внешнюю декоративность. По инициативе Г. Ибсена и под председательством

Б. Бьёрнсона создается Норвежское общество (1860 г.) с целью содействовать национальному направлению в искусстве, особенно норвегизации театрального языка. В 1850 г. сначала в Бергене, а затем в Христиании были открыты национальные театры с актерами-норвежцами. В этом же году возник кружок «голландцев», организованный Паулем Боттен-Хансеном (1824—1869), куда входили Г. Ибсен и поэт-романтик Осмунд Винье (1818—1870). Эмпиризм «голландцев», ориентировавшихся на буржуазно-демократическое развитие, приводил их к резкой критике «национально-романтических» концепций и обращал внимание искусства на события реальной действительности.

Самым значительным фактом 50-х годов XIX в. было вступление в литературу Генрика Ибсена (1828—1906) и Бьёрнстjerne Бьёрнсона (1832—1910). В их лице норвежская литература не только достигает наивысшего взлета, но начинает оказывать влияние на судьбы европейской литературы, драмы прежде всего. Драматургия Ибсена и Бьёрнсона достигает вершин именно в тот момент, когда эти авторы обращаются к насущным вопросам современности. Расцвет их творчества приходится на 1860—1890 гг. — время, о котором Ф. Энгельс писал в 1890 г.: «...за последние 20 лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России»¹⁵.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351.

Генрик Ибсен

Ибсен и Бьёрнсон начали как романтики, восторженно приветствовали революционные и освободительные войны народов Европы в 1848—1849 гг., участвовали в социалистическом рабочем движении, возглавленном М. Трапе. Связи Ибсена с политическими организациями оборвались к концу 1850-х годов, хотя он всегда оставался на демократических позициях. Бьёрнсон на протяжении всей своей жизни активно боролся за государственную независимость Норвегии, за демократию, за высокие нравственные идеалы. Личная судьба Б. Бьёрнсона неотделима от норвежской истории.

Оба писателя черпают материал для своих первых произведений из истории страны, видя в прошлом примеры нравственного совершенства личности (Г. Ибсен: «Богатырский курган», 1850; «Фру Ингер из Эстрота», 1854; «Воители в Хельгеланне», 1857, и др.; Бьёрнсон: «Между битвами», 1856; «Хульда-хромоножка», 1857; «Король Сверре», 1861, и др.).

В 1860-е годы, однако, начинается переход Ибсена и Бьёрнсона к реалистическому истолкованию современности. И здесь особенно ошутимо становится их различие. Первый из них с большой глубиной проникновения в сущность конфликта ставит те основные вопросы времени, возможности скорейшего разрешения которых он не видит; второй чаще всего стремится показать пути уничтожения противоречий, видя их в нравственном совершенствовании личности. Это приводит к созданию драматургии резко отличных типов.

Глубочайшие конфликты своего времени, неразрешимые противоречия между личностью и обществом, в душе самой личности отразил Ибсен в связанных еще с романтизмом философских драматических поэмах «Бранд» (1865) и «Пер Гюнт» (1867). Перед главным героем первого произведения — священником Брандом возникает титаническая задача: разбудить в измученных голодом и постоянными унижениями бедняках гордое сознание того, что каждый из них прежде всего личность, а не раб божий и не покорный слуга власть имущих. Формулой, передающей главную цель героя, становятся слова «быть самим собой». Для Ибсена и его героя это означает развить в себе самое прекрасное задатки, заложенные от рождения. Произведение Ибсена, повествующее о священнике, по существу не связано с религией. Сам Ибсен утверждал, что Бранд мог бы быть и Галилеем, но при условии, что тот бы «не сдался, не признал, что земля неподвижна». В «Бранде» нашли отражение высокая требовательность к человеческой личности, уважение человека, высокий гуманизм — принципы, за торжество которых автор боролся своим творчеством всю свою жизнь.

«Пер Гюнт» во многом противоположен «Бранду», но это две стороны одного явления. Во второй философской драме Ибсен изображает фантазера, влюбленного в красоту мира, но лишенно-

го твердого представления о смысле жизни. Пер Гюнт, не привыкший размышлять о своих поступках, даже не замечает, что девиз человека «быть самим собой» он подменил девизом троллей «быть самим собой довольным». Драма изображает путь нравственного опустошения незаурядной личности и начало горького прозрения. Оригинальность поэтической формы «Пер Гюнта» определяется его близостью к пародной сказочной стихии, к национальному порвежскому характеру.

В этих драмах Ибсен впервые дает такое развитие конфликта, которое не может быть исчерпано в рамках самого произведения и требует от читателя или зрителя активного осмысления возникших проблем.

Теоретические основы такого драматического произведения были разработаны Ибсеном в статьях 1850-х годов. Особое значение имеет статья 1857 г. ««Лорд Вильям Рассел» на сцене Кристианопольского театра», где автор высказывает свое глубокое убеждение в том, что задачей драматурга должно быть изображение характеров сложных и что драматическое произведение обязано пробуждать активность мысли, а не давать ответы на все поставленные вопросы.

Философская направленность этих произведений заставляет Ибсена прибегнуть к символике, которая здесь предельно разнообразна. Однако специфические ее формы, характеризующие стиль Ибсена-реалиста, сложатся к концу 70-х годов. В 70-е годы в «Кесаре и галилеянине» (1873) Ибсен излагает свою идею «третьего царства» — некоего идеального негосударственного объединения гармонически развитых и духовно благородных личностей. Здесь раскрывается общественный идеал драматурга.

Теперь единственным материалом его драм становится современность. Драмы Ибсена от «Столпов общества» (1877) до последней включительно в разных вариантах представляют основной конфликт времени — столкновение естественных потребностей личности и мертвых законов, превратившихся в догмы, уродующих живую человеческую душу. В драмах последнего десятилетия, где основным героем окажется творческая личность, этот конфликт предстанет как столкновение творческих порывов с непонятым и чуждым художнику миром конкуренции.

Введение новой проблематики потребовало и создания нового типа драмы. Такая драма — реалистическая, социально-психологическая — начинает формироваться со «Столпов общества» и окончательно складывается в «Кукольном доме» (1879). Стремясь привлечь внимание к основным социальным и нравственным проблемам времени, к положению человека в современном мире, к самому человеку, видя, насколько сложны и трудно разрешимы эти проблемы, Ибсен, четко определяя конфликт, исключает необходимость разрешения его внутри рамок произведения, «высво-

боядая» тем самым активность зрителя. Его драма о современности всегда имеет ретроспективную композицию: т. е. основное ее событие происходит до начала действия, изображаемого на сцене. Сама драма ставится как бы кульминацией в прошлом возникшего конфликта, раскрытием тайны прошлого. Такое построение позволяет автору основное внимание сосредоточить на выяснении нравственной и социальной сущности совершенного в прошлом действия, обратиться к исследованию сложных процессов духовной жизни человека.

Драма Ибсена преимущественно камерная, в ней редко появляются народные массы. Развитие конфликта совершается в рамках семьи. Социальные действия персонажа осмысливаются как семейные, им дается нравственная оценка, при этом основной ареной борьбы идей оказывается душа героя. Таким образом, социальное у Ибсена осмысливается с нравственных позиций, а нравственное, перенесенное в сугубо личный план, выражается как психологическое. Так, осмысление истории с вкеселем в «Кукольном доме» — это история духовного развития Норы. Ибсеновский психологизм — одно из величайших завоеваний драмы, он стал возможен лишь при максимальном использовании подтекста. Возрождением внимания к подтексту драма XIX и XX вв. обязана Ибсену.

Основная идея драмы Ибсена, сущность которой выясняется по мере развития действия, получает «овеществленное» воплощение еще и в образной форме символа, что способствует, с одной стороны, ее большей доступности за счет своеобразной наглядности, а с другой — указывает на сложность и многосторонность проблемы благодаря многомерности самого образа и создаваемого им символа. К такому типу символов принадлежат «кукольный дом», «привидения» и «дикая утка» в драмах с тем же названием, «зараженные источники» во «Враге народа», «пистолеты генерала Габлера» в «Гедде Габлер», «белые кони» в «Росмерсхольме» и др. Эти символы формируются постепенно по мере развития действия драмы, и их содержание поддерживается всей образной системой произведения. Тема игры, например, в разных вариантах возникает постоянно в «Кукольном доме»: то это игра Норы с детьми, то игра с миндальным печеньем, то репетиция гарантелей, то танец наверху в гостях, то украшение елки; и лишь в финале сама Нора скажет о том, что вся ее жизнь была игрой — играли сю и играла она. Основой драматизма в его произведениях становятся борьба идей, развитие сознания персонажей, их прозрение, осознание ими своих действий и мира вокруг. Снижение роли интриги в развитии событий драмы и введение дискуссии о важнейших проблемах времени превращают драму Ибсена в начальный этап развития интеллектуальной драмы XX в.

Драмы Ибсена 1890-х годов сохраняют социальные мотивы, но все чаще изображают конфликты собственно психологические,

исследуют душу творческой личности, как это было свойственно символистам, но характеры персонажей по-прежнему социально детерминированы. Символика в «Женщине с моря» (1888) — Неизвестный и тема моря, в «Строителе Сольнесе» (1892) — бсы и тролль, в «Маленьком Эйольфе» (1894) — старуха - крысоловка — теряет реалистическую определенность и становится, по авторскому замыслу, нестерпаемо многомерна и неопределенна. В последней драме «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899) главный символ — описание скульптурной группы Рубека — снова обретает реалистические очертания, но в композицию драмы проникают символистско-психомантическая замедленность, статичность и любование красотой.

Бьёрнстjerne Бьёрнсон

Б. Бьёрнсон в 1860-е годы создаст не только историческую, романтическую драму, но и повести из пародной жизни. «Сюннёве Сьюлбаккеп» (1857) открывает новый этап в развитии норвежского повествовательного жанра, соединив простоту и поэтичность стиля с реалистической обрисовкой характеров.

Борьба Бьёрнсона за торжество справедливости отражается в его творчестве. Его драмы и романы имеют своей главной целью воспитать общество в нравственном отношении. Бьёрнсон стремился дать своим современникам урок правдивости и одновременно указать, как надо действовать, чтобы добиться торжества истины и высокой морали во всех областях жизни, в отличие от Ибсена, не видевшего в современном ему обществе возможности удовлетворить потребности развитой личности. При остроте социальной критики произведения Бьёрнсона редко затрагивают основы капиталистического общества.

В драматургии современность появляется у Бьёрнсона, как и у Ибсена, в 1870-е годы — это наиболее значительные пьесы с острыми социальными конфликтами: «Банкротство» (1874) — о бесчестных предпринимателях, «Редактор» (1874) — о безнравственности прессы и политических деятелях, «Король» (1876), где создается социальная утопия, во главе которой стоит высокопоставленный, просвещенный король-демократ, и «Новая система» (1879) — снова о нравственных и безнравственных средствах достижения успеха. Величайшей заслугой Бьёрнсона является то,

что он первым в Европе XIX в. счел современность подходящим материалом не только для комедии, но и для драмы.

Стремясь дать рецепт для исцеления социальных болезней, Бьёрнсон не изменяет традиционного типа драмы. Несколько облегчая конфликт, вводя благородных резонеров, драматург в финале наказывает зло и вознаграждает добродетель — особенно в «Банкротстве» и «Редакторе». Однако уже в «Короле» и в «Новой системе» старый тип драмы сковывает писателя. «Король» завершается гибелью главного героя, а в «Новой системе», появившейся за две недели до «Кукольного дома», Бьёрнсон делает попытку исключить из финала окончательное разрешение конфликта. Но прямолинейность и декларативность присущи и этим драмам Бьёрнсона.

Наиболее остро социальные противоречия — столкновения рабочих и хозяев — отражены в драме 1895 г. «Свыше сил» (ч. II), которую Ф. Меришг назвал «крупным прогрессом даже в сравнении с „Ткачами“ Гауптмана»¹⁶.

Однако неразрешимость конфликтов в рамках буржуазной демократии заставляет автора прибегнуть к условности, разрушающей напряженность и силу критики первых актов реалистической драмы.

Мастерство Бьёрнсона-психолога в полную силу раскрывается в драмах «Свыше сил» (ч. I, 1883) и «Пауль Лапге и Тура Парсберг» (1896). В реалистических романах писателя «Флаги над городом» (1884) и «По божьему пути» (1889) разрабатывается нравственная проблематика, даются широкие картины жизни.

В 80-х годах Энгельс называл превосходными романы норвежских и русских писателей, отмечая и одобряя присущую тем и другим тепденциозность¹⁷. Начало этому роману положила Камилла Коллетт (1813—1895), которая в «Дочерях амтмана» (1855) изобразила свобододобивый женский характер. Однако ее произведение еще не свободно от сентиментальности и идилличности, свойственных литературе начала века. В творчестве Юнаса Ли (1833—1908), Арне Гарборга (1851—1924), Амалии Скрам (1846—1905), Кристиана Эльстера-старшего (1841—1881) и особенно Александра Хьелланна (1849—1906) реалистический социально-психологический роман достигает вершины. Изображая суровую действительность, Ли в «Пожизненно осужденном» (1883) изображает трагедию нищеты и классовое неравенство, в «Семье из Гилбе» (1883) — судьбу приниженной законами женщины. А. Гарборг, писавший на лансмале, чутко реагирующий на изменения в общественной жизни, создал лучший роман о конфликте городского и крестьянского мировоззрения — «Кре-

¹⁶ Меришг Ф. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1934, т. 2, с. 285—286.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 333.

стьяце-студенты» (1883). Гарборгу принадлежит роман, раскрывающий гибель личности под гнетом условностей, — «Усталые люди» (1890). Им же написана лучшая драма на лансмолле — «Учитель» (1896), о поисках лучших путей служения людям. А. Скрам в четырех томах романа «Люди из Хеллемюра» (1887—1898) рассказывает историю бедных рыбаков, пытавшихся порвать со своей средой и добиться успеха. К. Эльстер-старший в «Туре Трондаль» (1879) показывает знаменательное для того времени столкновение эстета, норвежского «лишнего» человека датской ориентации, с тружеником, связанным с крестьянской жизнью, который становится учителем. Его основной роман «Опасные люди» (1884) воспроизводит реалистическую картину жизни капиталистического общества. Социально-критическая тенденция, сатирическая острота и психологическая глубина в особой степени присущи произведениям о современности А. Хьеллланна. Серия романов о небольшом городке — «Гармап и Ворше» (1880), «Шкипер Ворше» (1882), трилогия об Абрахаме Лёвдале — «Яд», «Фортуна», «Праздник Иванаова дня» (1883—1886) — передает картины жизни буржуазии от ее расцвета до нравственного и имущественного упадка, невыносимые условия существования простого народа, его талант, душевную щедрость и бесперспективность борьбы; мы видим отвратительное лицемерие и гнет клерикалов. Философская глубина романов Хьеллланна поддерживается его своеобразной реалистической символикой, в которой отразилась национальная специфика образного мышления писателя.

В 1890-е годы в норвежской литературе, так же как и в литературе Центральной Европы двумя десятилетиями раньше, становится заметнее борьба литературных направлений, разрабатывающих разную тематику и использующих и создающих различные формы отражения действительности. Социально-критическое реалистическое начало продолжает существовать и порождает произведения о классовой борьбе, активизировавшейся в Норвегии в конце века. Это уже упомянутая, резко разоблачительная пьеса о борьбе рабочих и хозяев «Свыше сил» (ч. II), написанная Б. Бьёрнсопом, роман Пера Сивле (1857—1904) «Стачка» (1891), в котором он с демократических позиций рисует борьбу рабочих за свои права, его же социальная поэзия середины 1890-х годов. Бьёрнсон в «Рабочем марше» обращается к забастовщикам, в оратории «Мир» он зовет все народы к единению и сохранению мира.

Натуралистические тенденции особенно сильно проявляются в творчестве Ханса Йегера (1854—1910). Роман Йегера «Из жизни христианской богемы» (1885), еще в середине 1880-х годов давший неприглядные картины разложения нравов общества, был запрещен правительством за безнравственность. Однако А. Гарборг приветствовал произведение Йегера: оно оказало

большое влияние на писателей 1880-х годов, прежде всего К. Гамсуна («Голод»), на некоторые произведения Х. Кинка.

Внимание к таинственному, необъяснимому в жизни, иррациональному в человеческой психике появляется у ряда писателей этого десятилетия. У Г. Ибсена тоже возникает интерес к непознаваемым глубинам человеческой личности. Ю. Ли видит теперь в основе человеческого поведения злое начало, он пишет о тролле, сидящем в душе каждого человека (сб. «Тролле», 1891—1892), символы и мистика вытесняют исследование социальной действительности.

Недоверие к буржуазной цивилизации и порожденным ею нормам человеческих отпоений объединяет писателей, в творчестве которых возникают, а иногда и сливаются черты натурализма, символизма, импрессионизма, неоромантизма. Их произведения полны неразрешимых вопросов, обращенных к таинственным силам души или к непознаваемой огромной вселенной; герой утрачивает порой четкие социальные контуры и представляет собой сложное сочетание взаимоисключающих импульсов. Новую эпоху открывает Вильгельм Краг (1871—1933) стихотворением «Фанданго» (1890). Его основная тема — иптимные переживания, выраженные с помощью ускользящих ассоциаций и символов. Сигбьёрн Обстфеллер (1866—1900) в своей музыкальной, насыщенной глубокими и грустными раздумьями поэзии впервые в Норвегии разрабатывает основы свободного стиха. Его новеллы «Лив», «Равнина» (1895), «Крест» (1896) рассказывают о любви возвышенной и земной одновременно, всегда полной тайны и недосказанности, его проза, как и стихи, музыкальна и ритмична. Ханс Кинк (1865—1926) издает сборники повелл «Крылья летучей мыши» (1896), «Перелетные птицы» (1899). В них человек предстает лишенным социальных связей, погруженным в таинственный и опасный мир своих страстей, он испытывает страх перед жизнью. Близок к Х. Кинку в раннем творчестве новеллист Трюгве Андерсен (1866—1920). Драматург Гуннар Хейберг (1857—1929), автор реалистических социально-критических пьес «Тетя Ульрикка» (1883) и «Король Мидас» (1890), созданных в традициях Ибсена, в начале 1890-х годов тяготеет к символизму и неоромантизму, о чем особенно свидетельствует его лирическая драма «Балкоп» (1894), в которой изображаются события вне времени и характеры вне социальной среды, ослабевает конфликт, жизнь предстает как повторяющиеся циклы.

Самым значительным явлением этого периода стало творчество Кнута Гамсуна (1859—1952), который в 1891 г. публично выступил против реализма «четырех великих» Ибсена, Бьёрнсона, Хьелллана и Ли (последнего — в меньшей степени) и противопоставил им концепцию нового искусства, которое не стремится рассматривать общественные проблемы и воссоздавать социально обусловленные характеры, но хочет проникнуть в таинственные глубины

вечно изменяющейся, таинственной человеческой души, предельно индивидуальной и неповторимой, нерасторжимо связанной с природой. Эти признаки нового для норвежской литературы психологизма, тшологически близкого к психологизму Достоевского, отразились в романе «Голод» (1890) и последовавших за ним «Мистериях» (1892), «Пане» (1894), «Виктории» (1898), им в большей мере свойственны натуралистические и импрессионистические черты при преобладающем в творчестве Гамсуна реалистическом направлении.

Роман «Голод», написанный от первого лица, воспроизводит размышления, страдания, едва уловимые перемены настроений,

тончайшие оттенки чувств и ощущений молодого непризнанного писателя, который хронически голодает. Физические страдания героя обуславливают психическую подавленность, приводят героя к бесконечным нравственным компромиссам, в свою очередь усиливающим угнетенность молодого героя. Новый подход к изображению человека соединяется с абсолютным неприятием современного буржуазного города и его антигуманных законов.

Антикапиталистическая направленность, отчетливо проявившаяся в этом романе, станет постоянным признаком мировоззрения и метода Гамсуна. В «Мистериях» и «Пане» развивается намеченный в «Голоде» тип героя. Нагель из «Мистерий» воплощает в себе характерные для гамсуновского персонажа импульсивность, кажущийся на первый взгляд алогизм поведения, который оказывается порождением целого комплекса самых разнородных воздействий внешней среды и самых неожиданных, предельно индивидуальных реакций на них персонажа. Симпатии автора вызывает человек, близкий к природе, в котором сильно руссоистское начало, который осознает свое родство не только с живыми существами, но и с камнями, деревьями, воздухом, светом — со всем сущим в мире. Таким героем становится лейтенант Глап из «Папа». Он, как большинство персонажей Гамсуна, деклассированный интеллигент, порвавший с городской цивилизацией. Однако персонаж Гамсуна не растворяется в природе: он духовно искалечен городом, и жизнь его — это бесконечная цепь страданий, реальных или им самим придуманных, ибо самомучитель-

Кнут Гамсун

ство становится неотъемлемым свойством такого персонажа. Глухая и необъяснимая, по разрушительная работа инстинктов и страстей идет в душе такого героя¹⁸.

Отрицательное отношение к буржуазному государству Гамсун ошибочно переносит на рабочих, что приводит его к антидемократическим идеям, особенно ярко отразившимся в его драматической трилогии об Иваре Карено, «У врат царства» (1895), «Игра жизни» (1896), «Вечерняя заря» (1897). Главный герой трилогии философ Карено представляет собой тип извращенного цивилизацией современного человека, из которого вытравлено природное начало, который склонен к предательству и компромиссу и не видит в этом ничего безпреступного. Для такого человека вполне естественными оказываются нищенские антидемократические идеи, которые автор развивает в первой части трилогии, заявляя, что рабочих как порождение капитализма надо уничтожить, задавив их высокими хлебными пошлинами. В конце трилогии, обнаружив свое полное ничтожество как личность, герой принимает высокий государственный пост и материальное благополучие от тех, кого он вначале по ошибке считал своими идейными врагами.

Драматургическое наследство Гамсуна велико, но весьма значительно. Если трилогия о Карено раскрывает ничтожество современного делового человека, философа, воспитанного городской культурой, то драма «Монах Венд» (1902) изображает своеобразное дитя природы, которое во всем почти противоположно требованиям и законам капиталистического мира. Действие драмы перенесено в XVIII в., что тоже характерно для Гамсуна, который свой идеал пытался найти в патриархальном и крестьянском прошлом. Однако и в патриархальном прошлом монах Венд оказывается чужим и обреченным на страдания, ибо естественность восприятий и страстей оказывается чуждой XVIII в., в который уже проникает стремление к богатству, где существует разделение на господ и слуг, определяемое имущественным положением.

Стремясь найти положительное начало в современности, Гамсун обращается к патриархальному крестьянскому укладу, что воплощается особенно ярко в написанном в годы первой мировой войны, зовущем к созиданию, а не к разрушению романе «Соки земли» (1917), за который он получил в 1920 г. Побелевскую премию. Роман был созвучен послевоенным настроениям уставшей от страданий Европы.

В послевоенные годы усиливается трагизм мироощущения писателя и соответственно возрастает сатирическое начало в его творчестве, но остается ориентация на патриархальное природное

¹⁸ См. также: *Евнина Е. М.* Западноевропейский реализм на рубеже XIX—XX веков. М., 1967, с. 81—99.

начало и человека, порожденного им и от него не оторвавшегося. Здесь особенно показательны роман «Последняя глава» (1923), рисующий безотрадную картину разлагающегося мира, концентрированным образом которого становится санаторий «Торахус», и последний роман «Кольцо замыкается» (1936), страшная судьба героев которого отразила отвращение автора к буржуазному прогрессу¹⁹.

Гамсуновский антикапитализм был консервативным. Свойственный ему идеал сильной личности, печелание разобратся в политической борьбе своего времени, ибо, по мысли Гамсуна, она вся порочна, так как порождена буржуазной цивилизацией, приводят писателя перед второй мировой войной в лагерь крайней реакции — фашизма. Гамсун в своем трагическом ослеплении звал народ оккупированной Норвегии не сопротивляться захватчикам и идти за Гитлером и Квислингом²⁰. Он оказался единственным крупным норвежским писателем, примкнувшим к фашистам, и лишь с опозданием, в конце войны, к нему пришло отрезвление. За связь с немецкими нацистами и Квислингом Гамсун был предан суду и должен был заплатить большой денежный штраф. Норвегия долгие годы не могла забыть предательства одного из своих великих писателей²¹. О своем пути и заблуждениях он писал в книге воспоминаний «По заросшим тропам» (1949).

Начало XX в. ознаменовалось для Норвегии целым рядом крупнейших исторических событий, что привело к изменениям в идеологической и литературной жизни. Наряду с усилившимся интересом к марксизму продолжает существовать влияние философии Шопенгауэра, Ницше, Бергсона. Некоторые писатели, переводя социальные столкновения в область морали, ищут разрешения конфликтов в христианском учении, однако одновременно в стране растет неверие. Исследования в области языка, истории, народного искусства порождают обилие исторических романов и романов становления характера; для Норвегии, как и для всей Западной Европы этого времени, характерен многогранный роман — история семьи на фоне истории общества. Напряженность общественной жизни приводит к усилению позиций реализма, который развивается в постоянных сложных взаимоотношениях с символизмом, импрессионизмом и натурализмом. Происходит переориентация писателей 90-х годов: в их произведениях усиливаются черты реализма. Г. Хейберг в драме «Я хочу защищать мою страну» (1912) обличает демагогию и своекорыстие политиков и буржуазной интеллигенции, пытается наметить положительные социальные и политические идеа-

¹⁹ *Bien H. Wege und Irrwege von Knut Hamsun.*— Brünner Beiträge zur Germanistik und Nordistik, 1977, Bd. 1, S. 153—174.

²⁰ *Simpson A. Knut Hamsuns Anti-Semitism.*— Edda, 1977, N 5, p. 273—293.

²¹ *Hansen T. Processen mod Hamsun.* Copenhagen, 1978. Bd. 1—3.

лы. К. Гамсун в произведениях начала века «Под осенней звездой» (1906), «Бенони и Роза» (1908) и др., изображая жизнь обитателей села, выступает против капитализации страны, обезличивающей человека; В. Краг создает сатирический роман в духе «Саги о Ёсте Берлинге» С. Лагерлёф — «Майор фон Кнаррен и его друзья» (1906).

Реалистические принципы («социальный реализм») объединяют прежде всего писателей, обращающихся к новой еще теме рабочего парода, классовой борьбы. Это Юхан Фалькбергет (1879—1967), который в романах о горняках, жителей бедных кварталов близок к социалистическому реализму; писатель рисует своих героев с большой симпатией, он глубоко изучил изображаемую среду («Жертвы огня», 1917). Особую известность ему принесли исторические романы «Четвертая почная вахта» (1923), «Кристиан Шестой» (1927—1935) и др. Кристофер Ушпдаль (1878—1961) в 10-ти томах эпопеи «Танец среди теней» (1911—1924) воспроизводит историю духовной жизни рабочего класса Норвегии — борьбы, развития сознания. Оскар Бротен (1881—1939) первым начал изображать в своих романах каждодневную жизнь промышленных рабочих, однако писатель не интересовался вопросами классовой борьбы.

Крупнейшим из реалистов поколения 900-х годов, писавших о современности, был Улаф Дуун (1876—1939). В шеститомном романе «Люди из Ювика» (1918—1923) он прослеживает путь развития норвежского крестьянства на протяжении столетия. Его произведения связаны с пародной традицией, окрашены юмором, характеры героев созданы с большим психологическим мастерством, автора порой интересуют неизведанные глубины человеческой души.

Сигрид Унсет (1882—1949), прославившаяся своими реалистическими историческими романами, волновали прежде всего проблемы морали, положения женщины в семье и обществе. Она продолжает линию К. Коллетт. Первые романы Унсет посвящены судьбам современниц. Однако ее самое значительное произведение — роман о средних веках — «Кристина дочь Лавранса» (1920—1922). Смысл существования и свободы женщины реализуется здесь и в любви, и в заботах о семье, и в помощи страдающим во время чумы. В этом произведении начинают сказываться католические убеждения Унсет, в религии пытается найти она положительное начало, которого не видит в современном капиталистическом мире. В дилогии об Улафе сыне Аудуна (1925—1927), прекрасно воспроизводящей события 1200-х годов, религиозные настроения становятся еще более явственными.

Тема городской культуры и интеллигенции возникает в романах Я. Кристенсена (1869—1925), Кристиана Эльстера-младшего (1881—1947). Тур Эрьясäter (1886—1968) начинает издавать в 1913 г. эпическую трилогию «Гудбранд Ланглейте»

Сигрид Унсет.
Картина Х. Слотт-Мёллера, 1919 г. Масло.

(1913—1927) о развитии характера поэтически одаренного юноши. В образной системе романа ощущается влияние символизма.

Близка к реализму так называемая «областническая» литература, появившаяся еще в конце XIX в. Ее отличают особое внимание к местному колориту, идеализация патриархального уклада и близкого к природе человека, антикапиталистическая направленность. Наиболее значительно творчество П. Эгге (1869—1959), Ю. Бойера (1872—1959), Г. Скотта (1874—1958) и др.

Важной чертой норвежской литературы стало еще с 50-х годов XIX в. ее двуязычие. О. Винье создал лирику и эссе на лансмолле, А. Гарборг — газету на этом языке (1877), множество стихотворений и первые романы (см. выше). В 900-х годах появилась большая литература на лансмолле, иначе на новонорвежском языке: проза Дууна, Уппдаля, Кроканна, Вессоса, лирика Эрьясэтера, Аукруста, того же Уппдаля, Нюгора, А. Во и др. Наконец, драматургия (первый театр на новонорвежском в 1913 г.). Забегая вперед, укажем, что такая драматургия сложилась в основном лишь после второй мировой войны (А. Во, те же Эрьясэтер, Вессос, а также Т. Скагестад). Весьма велик

вклад «новонорвежцев» в отмеченную «областическую» литературу, в социальную, особенно сельскую, тематику²².

В поэзии начала века особое место занимают Херман Вильдепвей (1886—1959) и Улаф Бюлл (1883—1933). Их объединяет ироническое мировосприятие, стремление философски осмыслить действительность, активные настроения в период первой мировой войны и вместе с тем рефлексия в интимной лирике, идеал слияния личности с природой; оба испытали влияние философии Бергсона, особенно У. Бюлл, у которого сильнее нестематические мотивы. В лирике Т. Эрьястера, У. Лукруста (1883—1929), А. Ларсена (1885—1967), У. Шюгора (1884—1924) и в прозе Т. Андерсена заметно влияние импрессионизма и символизма.

Великая Октябрьская революция, строительство социализма в СССР, мировой экономический кризис, усиливающееся рабочее движение, угроза фашизма привели к более резкому, чем раньше, размыванию творческой интеллигенции. Прогрессивные писатели объединились вокруг близкого к марксизму журнала «Мут даг», руководимого Эрлингом Фальком (1887—1940)²³. Переводчик «Капитала», Фальк оказал большое влияние на прозаика-реалиста Сигурда Хуля (1890—1960), драматурга Хельге Крога (1889—1962) и поэта Арнульфа Эверлана (1889—1968). В период между войнами С. Хуль писал реалистические психологические романы об ответственности интеллигенции за судьбы мира, об ее скептицизме, подменяющем собой активность. Х. Крог в своих камерных драмах об интеллигенции умело рисовал в ибсеновском духе тончайшие духовные движения персонажей, изображая через семейные отношения острейшие социальные противоречия. Его лучшая драма «Разрыв» (1936), написанная в период активизации фашистов в Европе, ставит вопрос об эгоизме и индивидуализме, которые делаются социально опасными. Поэт Эверланн в 30-х годах был убежденным антифашистом левого толка (сб. «Красный фронт», 1937). Основная идея его стихов выражена в словах: «Ты не должен спать». Близок к Эверланну поэт Гуннар Рейс-Андерсен (1896—1964). Социалистическим пафосом, вырастающим из глубокого проникновения в жизнь народа, из солидарности с идеями молодой Советской России, проникнуты стихи талантливое поэта из рабочей среды коммуниста Рудольфа Нильсена (1901—1929)²⁴.

Выдающимся явлением межвоенного периода стали жизнь и творчество близкого к коммунистам Нурдала Гринга (1902—

²² *Maehle L.* Den nynorske litteraturen — ein ny norsk litteratur? — In: *Det moderna Skandinavians framväxt*. Uppsala, 1978, s. 129—141.

²³ *Bull T.* Mot Dag og Erling Falk. 3-е utg. Oslo, 1968.

²⁴ См.: *Крымова Н.* Пионер протестарской поэзии. — В кн.: Нильсен Р. Песнь поколения. М., 1968.

1943)²⁵. В начале своего пути он отдал дасть экспрессионизму (пьеса «Варрава», 1927). Пребывание в Советском Союзе в 1932—1934 гг. оказало на него огромное влияние: в его творчестве в 1930-е годы появляются черты социалистического реализма. Лучшие его пьесы — «Наша честь, наше могущество» (1935), здесь автор рисует основное столкновение времени — конфликт между капиталистами и рабочими, и «Поражение» (1937), где возникают картины героической борьбы и гибели коммунаров Парижа, умирающих, но не сломленных. О боях в революционной Испании, свидетелем которых он был сам, рассказывают его очерки «Испанское лето» (1937). В 1930-е годы Н. Григ сплотил прогрессивные силы вокруг журнала «Вейен фрем» (1936—1937). Путь вперед — так переводится название журнала — видел писатель через борьбу с капитализмом и падвигающей угрозой фашизма. С начала оккупации Норвегии фашистами Григ сражался на севере страны, пока сопротивление не было сломлено, затем он сопровождал золотой запас Норвегии в Англию. Тонкий лирик, умевший до войны писать прекрасные стихи о любви, о суровой, но близкой сердцу каждого норвежца природе, теперь он звал па борьбу за свободу, против фашизма и славил тех, кто погиб за родину («Лучшие» и др.). Григ приобрел военную специальность и погреб во время воздушного налета па Берлин в декабре 1943 г.

После первой мировой войны в литературе вступают два сложных и значительных писателя — Терве Вессо (1897—1970) и Аксель Саннемусе (1899—1965), в творчестве которых интерес к современности, трудному пути развития личности сочетается с желанием дать обобщенное, философское осмысление событий; реалистические картины действительности переходят в их произведениях в многогранную символику. Т. Вессо в 1928 г. выпускает роман «Кони вороные» — первый в серии, законченной в 1938 г. и повествующей о трудном становлении личности. В 1932 г. он пишет пьесу со значительным элементом условно-

Нурдал Григ

²⁵ *Nag M. Nordahl Grieg og norske kommunister.*— Friheten, 1979, 31. juli.

сти — «Ультиматум», в которой указывает на угрозу фашизма и призывает к активности.

А. Саннемусе родился в Дании, жил в Канаде, смелил множество профессий, которые дали ему возможность познать жизнь разных слоев общества. Особенно значительной в творчестве Саннемусе является серия романов о Еспене Арнакке (1931—1938), наиболее удачен второй роман «Беглец пересекает свой след» (1933). История Еспена дается как формирование личности под тяжелейшим гнетом капиталистических отношений, кочевого быта, бедности, постоянного унижения простого человека. Писатель создает широчайшую палитру жизни трудового народа Норвегии, по главной задаче, как всегда в его творчестве, — самопостижение личности. Самопознание героя осложняется совершенным убийством, что тоже является отличительным свойством сюжетов Саннемусе. Смещение временных планов в романах писателя, давая возможность сопоставить причину и следствие, вместе с тем несколько усложняет повествование. Стремление Саннемусе к общению ведет его к использованию символики: корабль, где служит Еспен, унобляется человеческому обществу.

Традиционные религиозные нормы морали довлеют в творчестве пытавшегося заглянуть в необъяснимое, не поддающееся логическому анализу в мире и человеке Рональда Фангена (1895—1946), клерикала в политике, романиста и драматурга, в начале своего пути связанного с экспрессионизмом. Несколько особняком стоит Сигурд Кристиансен (1891—1947), в творчестве которого сказалось влияние психологизма Достоевского. Тема вины и искупления часто становится у него основной. Наиболее значительна его полувтобиографическая трилогия о развитии личности писателя: «Мечта и жизнь» (1935), «Одинокое сердце» (1938), «Человеческая судьба» (1945).

Исторический роман, кроме названных выше произведений Унсет, Дууна, Уппдаля и Фалькбергета, представлен в довоенные годы в творчестве близких к «областной» литературе Ингеборг Реффлинг Хаген (р. 1895), Улава Слетто (1886—1963) и др.

В области поэзии влияние модернизма заметно у Р. Якобсена (р. 1907), писавшего о городской цивилизации, Э. Бойсопа (р. 1899), стихи которого музыкальны, в переживаниях сильна рефлексия, и у К. Гиля (р. 1910), развивавшегося под сильным влиянием ирландского поэта **Йетса**.

Гуннар Ларсен (1900—1958) в 1934 г. создал самый значительный после Саннемусе экспериментальный роман «Уик-энд в вечности», действие которого происходит в воображении героя; роман особенно близок к модернизму. В целом модернистские тенденции только наметились в предвоенные годы.

Оккупация Норвегии фашистской Германией породила движение Сопротивления (преимущественно гражданское, невооруженное) и удивительную по силе духа литературу. Почти все

писатели, кроме К. Гамсуна и литераторов-квислинговцев, вне зависимости от политических убеждений приняли участие в борьбе: одни — своим творчеством, другие — лично, многие — и жизнью и творчеством. О деятельности Н. Грига говорилось выше. Р. Фалгеи осенью 1940 г. за свою статью «О верности», обращенной к патриотическому чувству сограждан, был арестован первым из норвежских писателей и находился под особым надзором до конца войны. А. Эверланн своими насыщенными суровой логикой стихами и статьями боролся с нацизмом. Его стихотворения «Мы переживем все» и «17 мая 1941» (1941) были известны всей стране. Летом 1941 г. он был арестован и с весны 1942 г. до конца войны находился в Заксепхаузепе. Большую известность приобрели стихи Г. Рейс-Андерсена, в поэзии которого призыв к Сопротивлению, восхищение героизмом борцов, тема солидарности с Советским Союзом неотделимы от возвышенного, в некоторой степени романтического восприятия родины и ее природы. В Швеции вышли его сборники «Боевые стихи из Норвегии» (1943) и «Норвежский голос» (1944). Полные страстной, убеждающей силы были стихи Ингер Хагеруп (р. 1905), издавшей в Швеции сборник «Дальше» (1944). Ее стихотворение «Ауст-Вогей» о бесчинствах фашистов и несломленном духе народа было известно каждому норвежцу. Сигурд Эвенсму (1912—1978), участник подпольных изданий, 22 месяца проведенный в немецкой тюрьме, чудом избежавший расстрела, по личным впечатлениям написал роман о рождении солидарности во время оккупации — «Беглецы» (1945).

Писатели, находящиеся под контролем цензуры, не могли призывать открыто к борьбе — лишь к исполнению долга, к нравственному совершенствованию, к укреплению своей веры, как И. Кроканн в историческом романе «Под знаком неба» (1941), но изображение борьбы крестьян с датскими захватчиками воспринималось как аналогия сопротивлению фашистам. В конце войны общая изоляция оккупированной страны и цензурно-издательская политика фашистских властей обрекли культурную жизнь на полный застой.

* * *

Норвежская послевоенная литература весьма разнородна. В целом она до середины 60-х годов развивалась в русле реализма, но разного рода «экспериментальные» произведения создавались и реалистами. Обычно эти произведения — с большой дозой условности, которая позволяет предельно обобщить противоречивые тенденции современности. Норвежской литературе издавна свойственно тяготение к символическому. Невозможность личного счастья и одиночество человека в буржуазном обществе, открывшиеся в результате оккупации «бездны» в человеческой душе, шат-

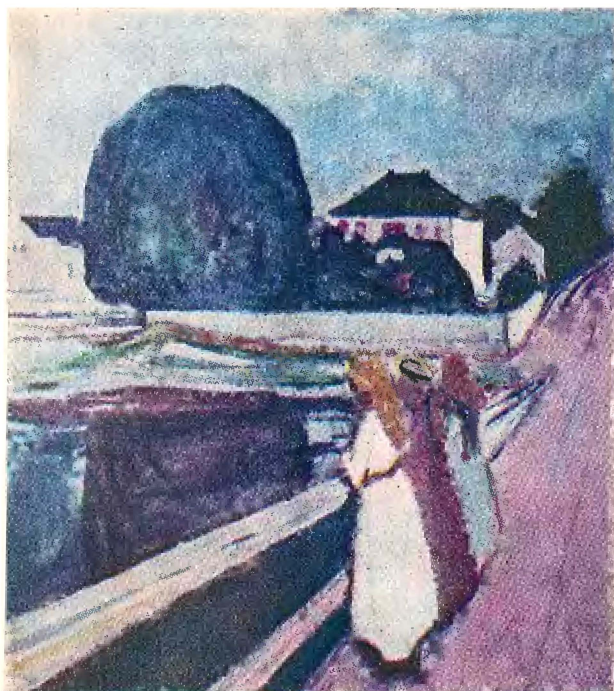
кость послевоенного мира создали и в Норвегии почву для распространения влиятельного в Западной Европе экзистенциализма. Идея «выбора», принятия решения, пограничная ситуация, связанная с антитезой этического и эстетического в учении Сёрена Киркегора (1813—1855), всегда были неотъемлемой частью духовного обихода Скандинавии, в частности Норвегии. На основе экзистенциализма 40-х годов возникли отдельные модернистские произведения. По сравнению с другими странами развитого капитализма, в том числе скандинавскими, норвежские проза и драматургия дольше и прочнее оставались на почве традиционного критического и социально-психологического реализма, а лирическая поэзия — в русле агитационно-рефлектирующих традиций межвоенного времени (так называемого неореализма²⁶).

Поначалу преобладали те же писатели, тот же общий настрой, те же художественные приемы, что и до войны: сопровождавший победу над фашизмом сдвиг влево и радость вновь обретенных мира и свободы позднее, в обстановке «холодной войны», сошли на нет. У норвежских литературоведов даже принято говорить о литературной реставрации конца 40-х годов.

Из признанных мастеров старшего поколения выпустили новые сборники рассказов Артур Омре (1887—1967), Инге Кроканн (1893—1962), писательница Кора Сандель (1880—1974)²⁷. Ю. Фалькбергер в исторической трилогии «Ночной хлеб» (1940—1959) рисует образ женщины-труженицы, превращающейся в символ борьбы народа с захватчиками. Тема сопротивления, философия углубляясь, перешла в послевоенную литературу. Постоянно ставится проблема ответственности за прошедшее и перед будущим. К этому типу произведений относятся заметки об эмиграции жившей вдали от родины, но ее бедами С. Упсет — «Назад к будущему» (1945), романы известных еще до войны С. Хуля «Встреча у верстового столба» (1947) (рус. пер. — «Моя вина») и Р. Фангена «Ангел света» (1945), раскрывающие путь одних людей к борьбе, а других — к предательству. Если консервативный Фанген пытается объяснить тот или иной выбор с позиций христианской морали, то «культурный радикал» С. Хуль в христианском учении о грехе и в общепринятой буржуазной морали, напротив, видит истоки нравственной деградации. Писатель не только обращается к прошлому, но предостерегает современников против эгоистической «надсоциальной» позиции, которая чревата повыми мировыми катастрофами. Т. Весос в

²⁶ Здесь и ниже см.: *Dahl W. Fra 40-tall til 70-tall. Norsk prosa gjennom et kvart århundres etterkrigstid.* Oslo, 1973; *Ordene og verden. Ti analyser av moderne norske dikt / Ved. W. Dahl.* Oslo, 1967.

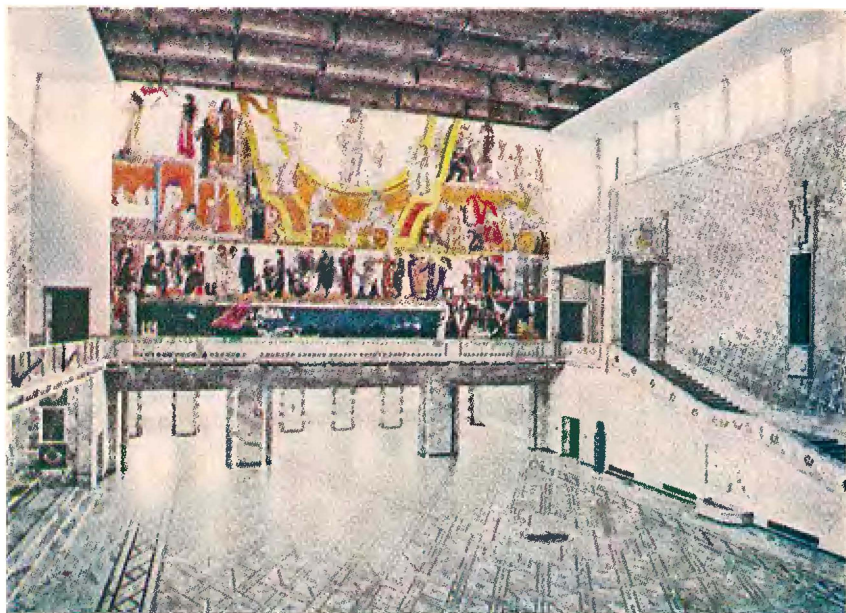
²⁷ См. переводные сборники: *Норвежская новелла XIX—XX вв.* Л., 1974; *Современная норвежская новелла.* М., 1977; *Омре А. Тепло в стужу.* М., 1962.

Белая ночь.
Картина Э. Мунка, 1903 г. Масло

Замерзающая река.
Картина Ф. Таулова, 1895 г.(?). Масло

Ратуша в Осло. Центральный холл.
Роспись Х. Сёрнсена

Ратуша в Осло. Центральный холл.
Фрески А. Рольфсена

романе «Дом во тьме» (1945) создает аллегорическую картину жизни Норвегии во время оккупации и Сопротивления.

Последствием модернистский элемент в творчестве Т. Весоса под влиянием экзистенциализма усилился. Символика и аллегория присущи его романам о послевоенной жизни — «Площадь Блейке» (1946), «Башня» (1948), «Сигнал» (1950), в дальнейшем в еще большей степени — романам «Птицы» (1957), «Ледовый замок» (1963); целиком символичен в духе Кафки «Пожар» (1961).

Хуль и в годы «холодной войны» остался верен теме интеллигенции (романы «Свидание с забытыми годами», 1954; «У подножья Вавилонской башни», 1956 — есть рус. пер.). Однако и он не избежал влияния модернизма и экзистенциализма. Повествование его фрагментарно, что, согласно концепции Хуля, соответствует разрывам, пустотам в человеческом сознании. Поиски его героев определяются идеей нравственной ответственности, которая стоит над социальной ответственностью; самопознание он считает равнозначным освобождению личности.

Нильс Ю. Рюд (р. 1908), романист, новеллист, многолетний редактор прогрессивного литературного журнала «Магасине», испытал сильное влияние Гамсуна и всего более был привержен теме «человек и природа». Но и он не обошел тему войны, возвращения с войны, ее влияния на людей (трилогия-роман «Дети мира», 1947, и др.). В отличие от Гамсуна Н. Ю. Рюд не ищет идеала в патриархальном прошлом, не бежит от современности — но ратует за личность социально активную и гуманистическую. Особенно характерен его сборник рассказов и очерков «Дороги для пешеходов» (1967). Прозу Рюда отличает лиризм, ей присущ музыкальный ритм.

Названный уже А. Саннемусс, резко ощущавший враждебность всей окружающей действительности человеку, продолжал писать психологические романы, в которых немалую роль играет иррациональное, загадочное, а также детективный элемент, — «Торговец дегтем» (1945), «Былое это соп» (1944), «Оборотень» (1958), «Свадьба Фелиции» (1961).

Наиболее значительным явлением послевоенной литературы стало творчество писателя и драматурга Юхана Боргена (1902—1979), начавшего печататься еще до войны, когда им были созданы социально-критические экспериментальные драмы: «Пока мы ждем» (1938) — лучшая среди них. В послевоенные годы Борген издал несколько сборников повелл, но самое значительное его произведение — трилогия о «маленьком лорде» Вилфреде Сагене (1955—1957 — есть рус. пер.). Удивительно тонко проникает автор в психологию ребенка, затем подростка и взрослого мужчины. Действие охватывает 1912—1945 гг., в трилогии изображается не только история и моральный крах личности художника, но и широкая картина жизни страны. Неспособность героя

сделать нравственный выбор объективно приводит его в ряды тех, кто творит зло. Трилогия Боргена — обличение социальной среды, порождающей крайних индивидуалистов.

Первые выступившие после войны новые писатели сначала шли традиционными путями, выделяясь преимущественно повизной сюжета, выстраданными впечатлениями и опытом. Таковы С. Эвенсму, О. Банг-Хапсен (р. 1908), Ф. Хавреволл (р. 1905), Т. Недреос (р. 1906), Э. Болстад (р. 1905), И. Свиссос (р. 1912), Л. Скоуен (р. 1913), Коре Холт (р. 1917).

С. Эвенсму в трилогии «Граница» (1947), «Летучие мыши» (1949), «Домой» (1951) воссоздает историю формирования характера человека с городской окраины, добившегося прочного положения в обществе, известного демократическими убеждениями и ставшего во время войны предателем. Эвенсму исследует социальные корни характера, главной причиной нравственного падения героя он считает отсутствие чувства нравственной ответственности, вызванное отрывом от породившей героя демократической среды. Холт в 40-е годы пишет роман о войне («Великое распутье», 1949), в 50-е годы — о рабочем движении. Самым значительным его произведением является историческая трилогия из эпохи гражданских войн XII—XIII вв. — «Король» (1965—1969). Терье Стиген (р. 1922) и Агнар Мюкле (р. 1915) сначала спискали известность как своеобразные повеллисты демократического толка. Жанр новеллы становится основным в творчестве Турборг Недреос — писательницы, близкой к коммунистам, топкой психолога²⁸.

Традиция социалистического реализма П. Грига жива в послевоенной прозе. Эйвин Болстад в своем романе «Спекулянт» и других дал резкую критику норвежской буржуазии 40-х годов, правдивую картину страданий жертв войны («Красная бегопия», 1947). Ипгвал Свиссос описал условия жизни и труда рабочего человека, развитие его классового сознания (трилогия: «В тени копра», 1949; «Пять лет», «Отгремели бои», 1950 — есть рус. пер.).

Начало 50-х годов ознаменовалось в прозе решительным обращением уже к послевоенному материалу, идийным размежеванием части писателей в связи с вступлением Норвегии в НАТО и разгулом антикоммунизма, общим распространением пессимистического мироощущения, а в чисто художественном плане — попытками порвать с довоенной традицией психологического реализма, тягой к эксперименту, к новым формам, стилизации, аллегории, символике. Формальное обновление началось с лирической поэзии. В обстановке известного идейного застоя, неясности общественных перспектив, намеренной аполитичности части

²⁸ Два романа Недреос и один — Стигела переведены на русский язык, как и романы Болстада.

литераторов широко распространился жанр новеллы, поднятый на новую высоту названным ранее Юханом Боргеном.

Наиболее решительным сторонником обновления в модернистском духе и романа, и лирической поэзии стал Пол Брекке (р. 1923), также влиятельный литературный критик. Мы имеем в виду прежде всего его сборник стихов «Фехтование с тенями» (1949), переводы стихов американского поэта-модерниста Элиота, роман «Стареющий Орфей» (1951). Норвежские поэты после войны испытали также сильное влияние пиведских «фюртиталистов»²⁹ — литераторов-экзистенциалистов 40-х годов. Свободный стих едва пробивал себе дорогу. Традиционной пародной поэзии привержены поэты старшего поколения — поэтесса А. Во, отчасти А. Прейсен (1914—1970). В русле Вильденвея — Эверланпа развивалось творчество Рейс-Андерсена.

Первые опыты модернистской прозы Брекке, названных ранее Т. Весоса и Н. Ю. Рюда, а также Финна Карлинга (р. 1925) уже содержали искаженное видение действительности, разрушение нормального синтаксиса, внутренние монологи в манере Джойсовского «поточка сознания». В прозе начала 50-х годов заметен отход от социальной тематики к индивидуальной, в частности к любовной, к теме одиночества, несоответствия действительности идеалу и пр. Среди новых имен наиболее громким оказалось имя прозаика Агнара Мюкле, чей роман о личной жизни молодого художника («Песнь о красном рубине», 1956) повторил судьбу пашумевшего до войны романа англичанина Лоуренса — тираж был конфискован, и автор привлечен к суду по обвинению в нарушении нравственности, по оправдан.

В целом 50-е годы напрасно считаются некоторыми левыми критиками чуть ли не «мертвым сезоном» в литературе. Указывают на сравнительную робость и редкость модернистских опытов в прозе, а также на возрождение и преобладание традиционного реалистического романа со второй половины 50-х до середины 60-х годов. В истории послевоенной Норвегии то была едва ли не самая «безмятежная» пора. Ей соответствовал тип спокойного романа-анализа социальной действительности, романа-серии, романа исторического. Высшим образцом этого рода можно считать названную уже трилогию Боргена о «маленьком лорде», норвежские «Будденброки» своего рода, другим — также известные советскому читателю романы Т. Недреос о развитии девочки Хердис — норвежской «Очарованной души». Широкую известность получили теперь названный выше Коре Холт, писатель христианского толка А. Хауге (р. 1915), создавший на документальной основе трилогию о норвежских эмигрантах в США, Б. Ронген (р. 1906) с его трилогией о железнодорожном строительстве и классовых конфликтах прошлого века.

²⁹ *Beyer E. Profiler og problemmer. Oslo, 1966, s. 84 etc.*

С. Эвенсму выступил с первым опытом научной фантастики («Загадка из года нуль», 1957), вообще довольно слабой в Норвегии. В 50-е годы выпустил свои первые романы и крупнейший современный писатель-мыслитель, больше других известный за пределами Норвегии, — Енс Бьёрнебу (1920—1976). Бьёрнебу явился продолжателем культурно-радикальной традиции межвоенных лет, ослабшей в годы «холодной войны» и патовской милитаризации. С самых первых своих романов — о фашистских опытах над узниками («Пока не закричит петух», 1952), о страданиях отстающего школьника («Йонас», 1955) — Бьёрнебу заявил себя непримиримым обличителем «узаконенного зла» — несправедливостей со стороны тех или иных государственных учреждений и целого режима против личности, однако не с классово-материалистических позиций, а с позиций анархистского антикапитализма и «аптитоталитаризма» вообще, в духе экзистенциализма и «глубинной психологии» Юнга и даже с элементами антропософской мистики³⁰. Наиболее известна его аллегорическая и аптисторическая трилогия по «истории зверств»: «Мгновение свободы» (1966), «Пороховая башня» (1969) и «Тишина» (1973).

Среди поколения 50-х годов назовем также весьма прогрессивного писателя для взрослых и детей С. Хельмбакка (р. 1922) (роман «Эмигрант», 1959 — о солидарности людей труда), не раз переводившегося на русский язык. Проблеме любви, ее неполноты, а также вины и искупления посвящены романы С. Кристов, Ф. Карлинга, Ф. Бьёрнсега — в основном в духе психологического реализма, нередко с возможностью аллегорического истолкования. Серии более или менее историко-реалистических романов на отечественном материале создали У. Беррок, Х. Брейен, К. Хауге, писательницы О. Холт, Р. Магерей и К. Банг.

В драматургии 40—50-х годов еще довлел авторитет реалиста, «культурного радикала» и левого социалиста Х. Крога, соратника Хуля и Эверланца по довоенному объединению «Мут даг». Постепенно, однако, в драматургии торжествует условный элемент, часто употребляется социально насыщенная символика.

Первым значительным явлением в послевосной драме стал «Христофорос» (1948) Т. Эрьясгера, в условной манере притчи проводящий мысль об ответственности человека за все происходящее в мире. Если «Христофоросу» присущи элементы экспрессионизма, то другие наиболее значительные драматурги современной Норвегии испытали непосредственное влияние творческой манеры Б. Брехта. Несколько особняком стоит Акс Хьелланн, чьи пьесы «Он сказал „нет“» (1959) и другие написаны в традиционном реалистической манере.

³⁰ Frihet! Sannhet! Temaer i Jens Bjørnboes forfatterskap / Ved Y. R. Otnes. Oslo, 1977.

Условность при остросовременной социальной проблематике свойственна пьесам Епса Бьёрнбеу, страстного полемиста и драматурга. Его «Любители птиц» (1966) в условной форме параболы напоминают о том, что фашизм сможет снова набрать силы, если ему не противостоять. Турмуд Скагестаг (р. 1920), используя символику и условность, в «Городе у моря» (1962) показывает, как пассивность каждого отдельного человека приводит в целом к пассивности народа, а следствием этого может стать новая мировая катастрофа. Творческий метод Г. Юханнесена (р. 1934), автора «Кассандры» (1967), как и двух названных драматургов, также близок к методу Б. Брехта.

Лирическую драму со значительным элементом символики создавала Аслауг Во (1889—1965). «Медососы и леопарды» (1965) — ее лучшая вещь, она повествует о столкновении европейской и африканской цивилизаций, о сложном переселении в них гуманизма и жестокости, о конечной победе гуманизма. Символика является неотъемлемой частью драмы, она выведена в заглавие.

В 60-х годах появляется новый жанр — радиопьеса³¹. Это чаще всего одноактные, иногда лирические, порой социально-критические произведения, ориентированные на восприятие только слухом, поэтому в них особую роль играет звуковое оформление. Радиодрама тяготеет к аллегоричности, она обращается к самым глубинам человеческого чувства и сознания. В этом жанре значительны произведения Хельге Хагерупа (р. 1932), которого интересуют социальные проблемы, вопросы мира и войны (сборник пьес «Кошачий замок», 1967), и Фиппа Хавреволла (р. 1905), сборники которого «Сердце Елены» (1966) и «Скамейка в парке» (1971) исследуют отражение событий современности в человеческой психологии. Стилъ Х. Хагерупа суров, Хавреволл обычно лиричен, его занимает духовный мир личности, однако дегуманизация современности вызывает его резкую критику: пьеса «Скамейка в парке» приобретает черты гротеска.

К театру абсурда могут быть отнесены пьесы Ю. Боргена «Дель освобождения» (1963) и Ф. Карлинга «Змея» (1969). Восприимчивый окружающий мир как не поддающийся анализу абсурд, они и отражение его в своих пьесах лишают логической стройности и упорядоченности, которых требует драма. Диалоги и монологи персонажей превращаются в набор бессмысленных звуков, сюжет исчезает. 70-е годы принесли радикальный социалистический агиттеатр с пьесами Б. Нильсена «Черный кот» (1971), М. Миккельсена «Агелгы» (1972), Э. Хема «Женщины у фьорда» (1973), Р. Кристенсена «Большой день» (1975) и др.

В поэзии на протяжении 50-х и большей части 60-х годов господствовала модернистская лирика. Ее главные представители

³¹ В сборнике: Сборник скандинавских радиопьес. М., 1974.

выступили после 1960 г.: Георг Юханнесен, переводчик Брехта, ярчайший представитель левосоциалистической антигатовской «ангажированной» поэзии (сб. «Арс мориенди, или Семь смертных грехов», 1965), и философски углубленный С. Мерен (р. 1935), изощренный интеллектуальный поэт и эссеист (сб. «В тиши ночи», 1960; «Гобелен Европа», 1965), стремящийся свободным и вместе с тем музыкальным стихом и петрадиционным поэтическим языком соединить, перебросить мостик между абстрактным и конкретным. Со второй половины 60-х годов в норвежской поэзии выступает группа поэтов-экспериментаторов, родившихся главным образом уже в 40-х годах, поборников «конкретной лирики» (например, стихи в виде фигур, из комбинаций цифр, из газетных текстов), «новой простоты», «новой деловитости». У «конкретистов» слова и звуки теряют лексическое значение. Вслед за рифмой и размером отбрасываются традиционные поэтические образы, описания, метафоры (сб. «Группа 68», 1968). Лирика демократизируется, ее предметом становится текущая политика, общественные противоречия, ее целью — изменить действительность, ее пафосом — антиимпериализм, антиколониализм и антикапитализм. В идейном смысле, таким образом, молодые поэты конца 60-х — начала 70-х годов солидарны с мастерами «классического» (интеллектуально-усложненного, в значительной мере еще символистского) модернизма — Юханнесеном и Мереном. Главные представители антисимволистского направления «новой простоты» в поэзии: Я. Э. Волл, Т. Убрестад, Э. Экланд, Э. Ховардсхольм, Х. Флегстад.

Середина 60-х годов ознаменовалась и «бунтом» в норвежской прозе — против традиционного реализма, прежде всего в формально-эстетическом духе: получили распространение экспериментальный язык и даже экспериментальные шрифты, прямое использование документальных жанров. Постепенно «бунт» принял и отчетливо политический, левосоциалистический характер протеста против капиталистического «общества благополучия», против войны во Вьетнаме, американского империализма вообще, против НАТО и «Общего рынка». Вслед за «ангажированной» лирикой рождаются и тесдепичная, социалистическая по духу публицистика и проза, однако с пресущими «новым левым» противоречиями и пороками (издательство «Пакс», основано в 1964 г.). Молодые авторы — обычно из университетской среды, их читательская аудитория — прежде всего учащиеся. Наряду с документальной прозой (образец: «Анна», 1968, П. Х. Хаугена (р. 1945) на новонорвежском языке) приходит проза фантастическая (ее предшественник — Т. Весос) и даже абсурдная, наконец, абстрактная — без повествовательного сюжета (предшественник — Г. Юханнесен и его первый роман «Осень в марте», 1957). От хронологически последовательного изложения отходит в своей новой, названной им «кибернетической», повествователь-

ной технике Э. Болстад (пятитомная серия «Танго смерти», 1967, и следующие — об упадке буржуазной семьи). Образцы фантастической прозы создают в 60-х годах и другие писатели старшего поколения — Т. Весос («Пожар», 1961), А. Хауге («Легенда о Свене и Марии», 1961).

Норвежская модернистская проза 60-х годов обращалась снова и снова к теме одиночества, отчужденности, неконтактности, взаимной враждебности людей в капиталистическом мире. Юмор здесь мрачный, ирония ледяная. Характерно название романа писательницы М. Люнгар «Пуль» (1970, с маленькой буквы). Сюда же можно причислить мрачный роман «Женщина мечты» (1970) и новеллы Гуннара Люнде (р. 1944), новеллы Анс Боргена (р. 1938), Гупнара Экланна (р. 1940). Модернизм, как политически радикальный, активный, так и аполитично-пессимистический, занимает прочные позиции в норвежской прозе. В Норвегии, как и в других развитых странах, вступивших в эпоху научно-технической революции, растет философская насыщенность художественной литературы (романы Ю. Боргена, начиная с «Я», 1959, и копчая «Моя рука, мой желудок», 1972).

Научная фантастика теперь, наконец, широко привлекает к себе писателей. Ее корифеями и вместе с тем пропагандистами явились Ен Бинг (р. 1944) и особенно Т. О. Брингсвядд (р. 1939), у которых научная фантастика совмещается с острой сатирой на современную империалистическую цивилизацию.

Уже 60-е годы принесли с собой смену поколений в литературе — ушли Хуль, Саннемусе, Омре, Эверланн, Весос, Рейс-Андерсен. Помимо ранее упомянутых, выдвигаются такие новые авторы, как Эспен Ховардсхолм (р. 1945), мастер документальной новеллы (роман «Уста», 1968; роман о молодежи «Книга о Калле и Рейнере», 1975), Т. Убрестад (р. 1938), обличающий манипулируемое монополиями общество потребления (роман «Марионетки», 1969), наконец, особенно популярный в 70-х годах Д. Сулстад (р. 1941) — его романы «Арпд Аснес, 1970» (1971) и «Улица 25 сентября» (1974). Этот «новый социальный реализм» сильно теряет от левацко-маоистской идеологии его представителей.

Экономические спады 70-х годов, политическая борьба вокруг вопроса об интеграции, асоциальные явления среди молодежи, усиление маоизма и неонацизма, дальнейшая экспансия международных компаний, продолжающееся культурно-языковое «падение» англосаксонского мира на Скандинавию — в этой нестабильной обстановке социальная нагрузка норвежской литературы остается весьма значительной. Писатели вновь и вновь обращаются к впечатляющему факту кризиса сознания, кризиса идейного и духовного в скандинавском «обществе благополучия». «...Стол и морозильник заполнены, но в душе человека пустота», —

признает социал-демократический критик романа Сулстада «Улица 25 сентября»³².

Норвежская литература в целом развивается теми же путями, что и вся западноевропейская, переживая особенный взлет во второй половине XIX — начале XX в. В этот свой «золотой век» она дает миру своих крупнейших романистов, а ее драматурги — Ибсен прежде всего — прокладывают новые пути европейской драме XIX и далее — XX в.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Древнейшие памятники, обнаруженные на территории Норвегии, входят в общий комплекс ранней художественной культуры Скандинавии. Таковы пещерные изображения эпохи неолита (II тысячелетие до н. э.), остатки древних жилищ I тысячелетия до н. э.

Черты, характеризующие норвежскую художественную культуру, проявляются в конце VIII—IX в., в так называемую эпоху викингов, когда началось политическое объединение Норвегии. К IX в. относится расцвет орнаментальной деревянной резьбы. Ей присущи динамичный четкий ритм и декоративное богатство. Великолепные образцы искусства резчиков (как и современных им ткачей) обнаружены в знаменитом археологическом комплексе погребальной ладьи из Усеберга (около 850 г.). Декор ладьи, сарней и других предметов из погребения представляет собой выполненный с высоким мастерством орнамент, в котором в сложных сочетаниях сплетены zoomорфные и геометрические мотивы, плетенка и петельный узор, условные фигурки людей и животных. Резная голова фантастического чудовища — Усебергского «дракона» — дает представление об искусстве мастеров, умевших с исключительным изяществом компоновать орнамент и на плоскости и на трехмерных объемах. Основные декоративные элементы этой резьбы долгие столетия продолжают жить в искусстве Норвегии.

Период с X по XIII в. — время расцвета средневековой Норвегии — ознаменовался подъемом творческих сил народа. В эпоху романского стиля (XI—XII вв.) искусство обогащается новыми чертами. Умножаются области, в которых работают мастера: появляются монументальная скульптура и живопись. Расширяется изобразительная тематика: она берется как из скандинавских саг, так и, по мере распространения христианства, из Библии. Художественная резьба по дереву покрывает теперь не только предметы, связанные с мореплаванием и войной, но и двери и

³² For og imot. En samling av pressens anmeldelser og omtaler. Dag Solstad. 25. septemberplassen. Oslo, 1974, s. 103.

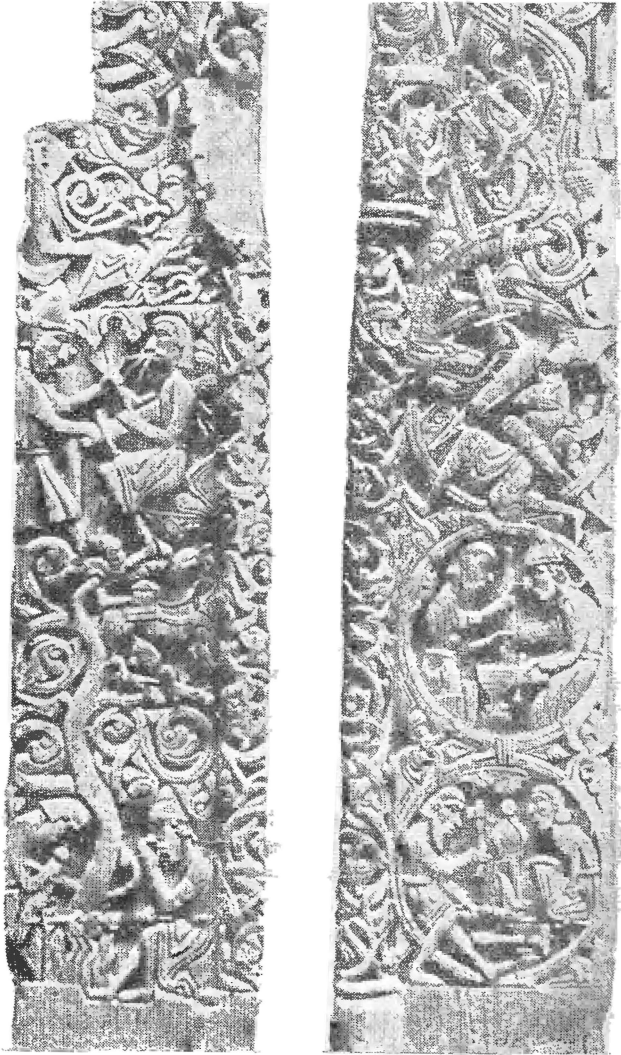

Деревянная церковь в Боргунне, XII в.

скамьи, церквей, кафедры, предметы культа. Самый характер резьбы также меняется: наряду с зооморфными элементами все больше места в декоре занимают растительные мотивы и человеческие фигуры, отвлеченный орнамент становится более повествовательным. Такова дверь церкви в Хиллестаде, исполненная в конце XII в.: в растительный орнамент вилстеены конкретные сцены из легенд о древнескандинавском герое Сигурде. Некоторое представление о живописи той поры, до нас не сохранившейся, может дать фрагмент ткацкой шпалеры из Балдисхола, изображающий аллегорические фигуры месяцев апреля и мая на фоне геометрических узоров (конец XII в.); тональность шпалеры свидетельствует о приверженности норвежских мастеров к чистым и светлым краскам.

Одновременно создаются своеобразнейшие памятники деревянной архитектуры норвежского средневековья — ставкирки (*stavkirke*). Это двухкаркасные сооружения, из которых внутренний состоит из двух ярусов тонких столбов, наружный — из стен, в рамы которых вставлены вертикальные, также деревянные пластины. Церковь обычно окружена крытой галереей и завершается башенкой со шпилем. Большое своеобразие придают общему силуэту церкви многочисленные покатые крыши, сооруженные над галереями, входами и другими частями здания. Волнистые коньки крыши увенчаны на концах головами «драконов», богатой резьбой украшены также крыльца, столбы, перила, иногда и стены. Свет проникает в церковь через небольшие круглые отверстия в верхней части стен и в апсиде, так что в нижней части здания постоянно царит полумрак. Эти небольшие по размерам сооружения благодаря своей строгой архитектонике производят монументальное впечатление. Примерно из 900 деревянных церквей, построенных в Норвегии к началу XIV в., сохранилось лишь несколько десятков, в том числе ставкирки в Урпесе (1060—1130), Боргунне (около 1150 г.), Голе (XII в., ныне в Народном музее на Бюгдэ, Осло) и др.

В наиболее крупных норвежских городах — Осло, Тронхейме, Бергене, Ставангере — наряду с деревянным начало развиваться строительство из камня. Сохранившиеся до наших дней отдельные церковные сооружения из камня — собор в Тронхейме (1140—1320, достроен в XIX—XX вв.), собор в Ставангере (1130—1300) — показывают влияние на церковное зодчество английской романской и готической архитектуры, элементы которой в Норвегии нередко выступают в неожиданных сочетаниях. Характерна архитектура собора в Ставангере, где тяжелый романский неф с мощными колоннами сочетается с готическим хором, со стрельчатыми окнами. Величественный собор в Тронхейме производит внушительное впечатление: это трехнефное сооружение, в котором над центром романского трансепта возвышается высокая башня; к готическому хору примыкает восьмигранная

Портал деревянной церкви в Сетесдале, XII в.

капелла «Октагон», увенчанная восьмигранной же крышей пирамидальной формы, а внутри хода видны пучки тонких колонн, профилированные арки, всея червюр.

Из готических сооружений гражданского назначения сохранились лишь немногие. Образцами их могут служить Королевский зал в Бергене (Haakonshallen, 1246—1261) — каменное зда-

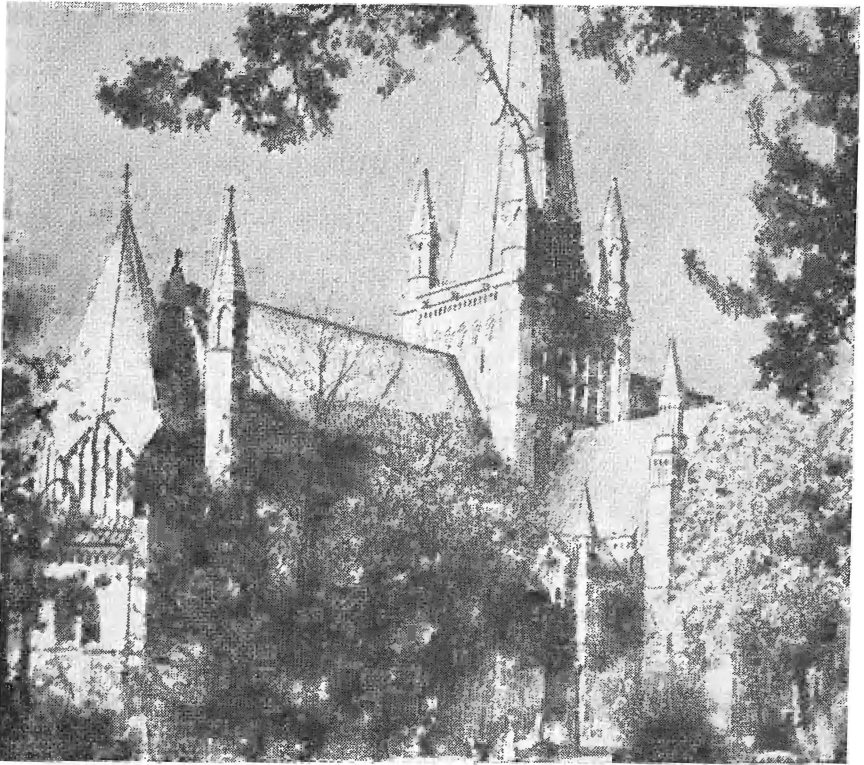
ние со ступенчатыми фронтонами на торцах, а также крепость Акерсхус в Осло (начата около 1300 г.) с ее суровой архитектурой, сооруженная на прибрежной скале.

Готический стиль в изобразительном искусстве Норвегии широко распространился в XIII—XIV вв. Его развитие можно проследить на дошедших до нас алтарных образах, произведениях скульптуры и миниатюрах рукописей. Для искусства этого периода характерна глубокая эмоциональность, выраженная крайне лаконичным изобразительным языком. Фигуры людей — напряженные, застывшие, насыщены интенсивными, глубокими, но как бы скрытыми переживаниями. Таковы миниатюры рукописи Магнуса Лагабётера (около 1300 г.), алтарный образ из церкви в Дале (начало XIV в.), скульптурное распятие из церкви в Студеберге (около 1260 г.), статуя Богородицы с младенцем из церкви в Эсбакке (середина XIII в.).

В XIII в. Норвегия по своей художественной культуре была ведущей среди скандинавских стран, причем ее искусство отнюдь не было провинциально замкнутым и органически входило в западноевропейскую готику. Однако ряд причин, среди которых немаловажное значение имела гибель значительной части населения от эпидемий, равно как и потеря Норвегией своей независимости (подчинение ее Дании), привели к упадку страны и оскудению ее художественной культуры. В связи с этим норвежское искусство надолго отойшло от общего русла европейской художественной жизни. Ренессанс и барокко нашли лишь слабое выражение в Норвегии в XV—XVII вв. С XIV по первую половину XVI в. живет в основном крестьянское искусство: резьба по дереву, вышивание, литье и другие виды работ из металла, плетение кружев и тому подобная художественная деятельность бытового характера. Ни один из норвежских мастеров не добился широкой известности, за исключением резчика по слоновой кости Магнуса Берга (1666—1739), работавшего на рубеже XVII—XVIII вв. преимущественно за пределами Норвегии. Однако скромная деятельность местных ремесленников помогла сохранить те национальные черты, которые легли в основу позднейшего развития норвежского искусства, обретшего новую жизнь после освобождения Норвегии от иноземной власти (1814 г.).

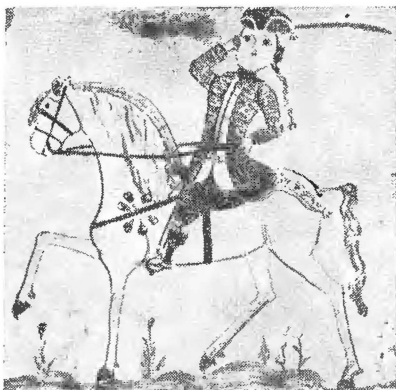
Некоторое оживление норвежского искусства начинается уже в конце XVI — первой половине XVII в., когда усиливаются торговые и культурные связи страны с Германией, Нидерландами, Англией. Черты стиля эпохи Возрождения проникают в этот период в Норвегию, но элементы его выражены не ярко и далеко не преобладают. Они перерабатываются норвежскими мастерами в духе местных художественных традиций, которые были сильны.

Черты архитектуры Возрождения в XVII в. проявляются в значительной мере в городских сооружениях, предназначенных для малочисленной местной знати, в усадьбах и имениях: Эстро-

Троингеймский собор XII—XIV вв.
После реставрации 1869 г.

те (Austråt, 1654—1656, в Эстланпе), Розендале (1661—1665, в Хардапгере) и в крепостных сооружениях Троингейма, Фредрикстада и др. Заметно растут крупные города — Осло (с 1624 г. — Кристиния), Берген, начинается их планирование. В XVIII в. в зодчестве начинают сказываться черты барокко и рококо, специфически трактованные норвежскими мастерами: строятся дома, окруженные галереями, увенчанные крутыми черепичными крышами с изломом, дающими место для чердачных помещений. Образцами могут служить здания, сооруженные архитекторами И. К. Эрпстом (1666—1750), С. Аспосом (Aspraas, 1736—1816) и др. Особенно сильно выражены новые черты во внутренней отделке помещений. Комнаты жилых домов покрываются росписями, интерьеры церквей украшаются пышной резьбой, лепкой, живописью, чему может служить примером богато отделанная церковь в Конгсберге, созданная архитектором И. А. Стуккенброком (1698—1756).

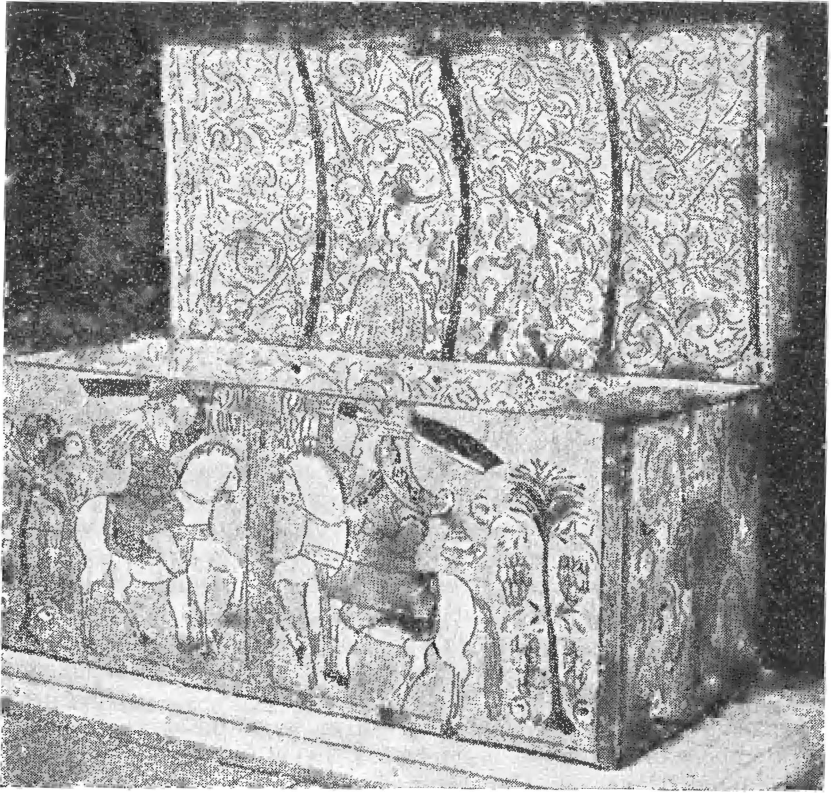
Кавалерист.
Роспись крышки сундука
(«розовая живопись»),
вторая половина XVIII в.

На рубеже XVIII—XIX вв. в Норвегии появляются сооружения в духе раннего классицизма. Королевская резиденция в Тропхейме (1774—1778) показывает норвежский вариант этого стиля: простые формы, крутая черепичная крыша, вертикальная дощатая обшивка стен придают зданию национальный колорит. Так же своеобразны и усадьбы в Богстаде (1759—1762), Улефоссе (1802—1807), построенные зодчим П. Х. Равертом (1751—1853), и ряд других.

Особенно разнообразна в XVIII в. деятельность мастеров в области прикладного искусства, производства и украшения бытовых предметов. Стены компат, мебель и т. д. расписываются в традиционном духе, но и в это искусство проникают элементы европейской моды, допесенной до уединенных хуторов из крупных центров побережья. Все более распространяется не только резьба, но и живопись по дереву. Среди живописных мотивов приобретают особо широкую популярность орнамент из листьев и побегов аканта, изображения цветов и фруктов, а также бытовые и библейские сцены, которыми украшались стены и потолки, сундуки, кровати и другие предметы мебели («розовая живопись»). Художественный спрос зажиточных слоев городского населения удовлетворяют третьестепенные иностранные художники, частично местные мастера, нередко начинавшие как ремесленники, а затем приобщившиеся к более широкой художественной культуре. Многие из них работали в различных областях искусства.

Из всех видов «большого» искусства шире всего был спрос на живопись — портреты и декоративные росписи, украшавшие частные дома и общественные здания.

Уже во второй половине XVIII в. можно говорить о двух группах живописцев — из Бергена и Кристиании. Для художественной жизни Бергена большое значение имела деятельность М. Блументаля (около 1719—1763 гг.), который делал декоративные росписи в стиле барокко и был также популярным портретистом и пейзажистом. В Кристиании сосредоточилась художественная жизнь всей юго-восточной части страны, плотно населенной и обладавшей наиболее развитой промышленностью. Здесь находили себе применение как живописцы, так и мастера прикладного искусства, часто совмещавшие различные области

Сундук из Халлингдала («розовая живопись»).
Роспись К. Рюгге, ок. 1780 г.

деятельности. Они использовались не только отдельными заказчиками, но и керамическими, стекольными и др. мануфактурами. Наиболее значительными из художников этой группы были П. Однес (Aadness, 1739—1792), портретист, пейзажист и декоратор, покрывший динамичными и яркими росписями стены многих домов в усадьбах вокруг озера Рандсфьорд, Ф. Хоссфеллер (Hosensfelder, около 1722—1805 гг.), переселившийся в Норвегию из Берлина. Он работал на керамической мануфактуре в Херребе, а после ее закрытия в 1772 г. выполнял портреты, пейзажи и декоративные росписи. Разносторонней была деятельность скульптора Г. Бека (ум. в 1776 г.), модельера на той же мануфактуре и резчика матриц для железных литых рельефов — литья, процветавшего в Норвегии более 300 лет. Резьбой по дереву прославился Я. К्लукстад (около 1715—1773 гг.), создавав-

ший великолесные резные алтарные преграды и кафедры в церквях Гудбрансдаля, Ромсдаля и др.

Таким образом, в Норвегии в XVIII в. создается наряду с крестьянским искусством более широкая художественная культура, говорящая о преодолении длительного периода застоя.

* * *

Общественно-политический подъем 1810-х годов, превращение Норвегии в самостоятельное и сравнительно передовое для своего времени буржуазное государство, с собственной столицей, университетом, государственным банком создали, естественно, более благоприятные условия для развития изобразительных искусств на основе столетиями накопленных культурных традиций. Это развитие увенчалось созданием национальной художественной школы. Произошло это далеко не сразу. Не имея своей профессиональной школы, норвежские, как и другие скандинавские, художники вынуждены были на протяжении всего XIX в. получать образование за границей, преимущественно в Дании и Германии, во Франции, а также в Италии.

Только в 1901 г. в историческом обзоре, посвященном искусству XIX столетия, выдающийся русский критик В. В. Стасов приветствовал как событие «крупное, важное и радостное»³³ включение Норвегии наряду с Данией и Швецией в русло европейского художественного движения.

Обостренное долгим пребыванием на чужбине чувство родины стимулировало развитие творчества первых живописцев самостоятельной Норвегии. Норвегия всегда оставалась ведущей темой их искусства.

Наиболее выдающийся художник прошлого века Ю. Даль (Dahl, 1788—1857) снискал славу основателя норвежской школы живописи. Даль учился в Копенгагене, жил некоторое время в Италии, с 1818 г. поселился в Дрездене, где работал в качестве профессора живописи в Академии искусств, и посещал родину наездами. Даль вошел в историю отечественной живописи как замечательный мастер-пейзажист. В своих картинах он стремился запечатлеть неповторимые черты норвежской природы, ее величие и первозданную красоту. Его романтически взволнованное искусство дошло до нас виды бурных водопадов и горных ландшафтов, тихих долин и лесистых холмов страны («Горный пейзаж в Норвегии», 1836; «Пороги близ Хаугесунда», 1839). Даль создал также многочисленные произведения — наброски и законченные полотна — на итальянские, датские и немецкие темы. Он был блестящим рисовальщиком. С его именем связано начало в развитии норвежской графики.

³³ Стасов В. В. Избранное: В 2-х томах. М.; Л., 1951, т. 2, с. 130.

Даль был инициатором создания в столице Национальной галереи, основанной в 1837 г. и спустя пять лет открытой для публики. Ныне это крупнейшее в стране собрание национального и европейского искусства. Даль одним из первых понял необходимость организационного объединения норвежских художников и содействовал ему: объединение художников столицы основано в 1839 г., общенациональное — в 1860 г. Его восхищали уникальные памятники средневекового деревянного зодчества Норвегии, и, заботясь об их сохранности, он написал о них книгу.

У Далиа было много учеников, прежде всего Т. Ферлея (1802—1842), унаследовавший от Далиа любовь к жанру пейзажа, а также романтическое и героическое истолкование норвежской природы («Лаброфоссен», 1837). Уже в первой половине XIX столетия изображение национального ландшафта становится содержанием пейзажа — ведущего жанра норвежской живописи.

Начиная с 40-х годов большинство норвежских художников учится в Дюссельдорфе. В это время живопись заметно обогащается темами из пародной жизни, и наряду с пейзажем самостоятельное место в искусстве занимает жанровая картина. Так, в картинах А. Тидеманна (Tidemand, 1814—1876), основоположника норвежской бытовой живописи, одного из наиболее видных представителей дюссельдорфской колонии художников, члена многих иностранных академий искусств, воспеваются самобытность крестьянского уклада жизни, любовно и этнографически точно изображаются интерьеры сельских домов и их обитатели за своими занятиями («Одинокие старики», 1849; «Сектанты», 1852).

Видной фигурой в Дюссельдорфе был и Х. Гуде (Gude, 1825—1903). Продолжительное время он занимал пост профессора в художественных учебных центрах Германии, где у него обучались многие известные норвежские мастера: Таулов, Крэг, Сиддинг. Пейзажную живопись Гуде определяют норвежские мотивы («Вид Осло-фьорда», 1874).

В 70-е годы XIX столетия выдвигается как новый художественный центр Мюнхен. У побывавших там северных мастеров обнаруживается большой интерес к историческим сюжетам. Однако пейзажная и жанровая живопись по-прежнему сохраняет свое первенствующее положение.

На смену Мюнхену вскоре приходит Париж. В напряженной художественной жизни французской столицы скандинавские мастера черпали новые идеи и, возвращаясь на родину, сначала экспериментировали, а потом смело утверждали их в своем творчестве. Художники начинают активно работать на открытом воздухе. Возникает пленэрная живопись, которая в качестве главных творческих проблем ставит взаимодействие света и цвета, «раскрепощение» колорита, передачу всего красочного богатства окружающего мира.

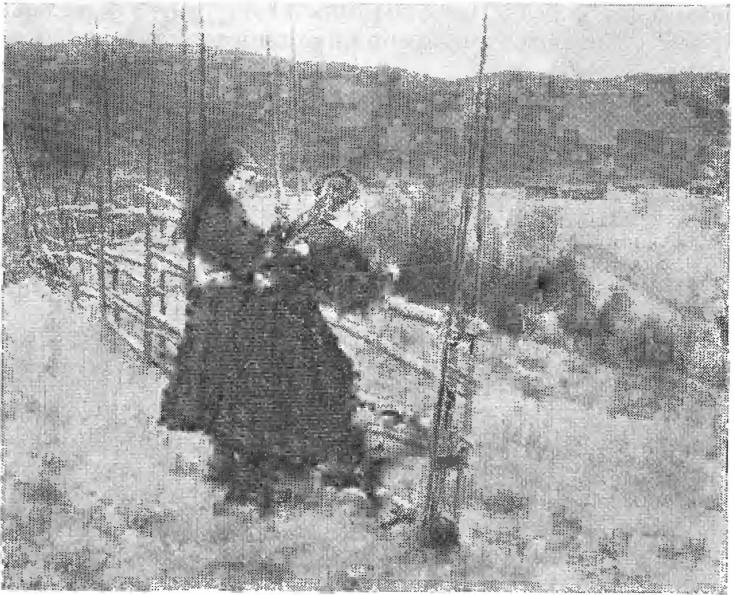
80-е годы XIX столетия вошли в историю национального изобразительного искусства как «золотое время». В 1884 г. впервые учреждается ежегодная национальная художественная выставка, которая проводится и поныне. В 1876 г. был основан Музей прикладного искусства, в 1894 г. — Норвежский народный музей, этнографический музей на открытом воздухе, в 1909 г. — Академия художеств.

Наступивший расцвет прежде всего связан с именами К. Крога и Э. Вереншёлля. Особого внимания заслуживает личность К. Крога (Krog, 1852—1925) — не только художника, но и видного писателя. Крог учился в Берлине, работал в Дании и во Франции, вернувшись в Норвегию, быстро стал вождем прогрессивно настроенной художественной интеллигенции, а позже профессором и первым директором национальной Академии художеств, председателем Союза художников. Творчество Крога охватывало все важные аспекты жизни современного общества, откликалось на самые острые проблемы эпохи. Наибольшей выразительности в обнажении социальных противоречий Крог достигает в картине «Альбертина в полицейском участке» (1886—1887).

Смелая кисть Крога создала также исторические полотна («Лейв Эйрикссон открывает Америку», 1893) и картины из жизни рыбаков («Лево руля!», 1879). Крог — автор замечательных портретов своих современников (портрет художника Г. Мунте, 1885). Человеческая личность всегда стояла в центре внимания художника.

Э. Вереншёллер (Werenskiold, 1855—1938) прославился прежде всего как портретист (портреты Г. Ибсена, 1895; Б. Бьёрнсена, 1900), хотя создал немало пейзажей и жанровых полотен («Девушки из Телсмарка», 1883; «Сельские похоропы», 1885). Вереншёллер иллюстрировал также «Норвежские волшебные сказки и народные предания» П. Асбьёрнсена и Е. Му.

В традиционных для норвежской школы жанрах — пейзаже и бытовой живописи — прославились и другие известные художники этого времени — Ф. Таулов (Thaulow, 1847—1906) и Г. Мунте (Munthe, 1849—1929). Таулов писал эмоционально выразительные, тонкие и красивые по колориту пейзажи («Улица в Крагерё», 1882). Его творчество испытало сильное влияние импрессионизма. Мунте — художник более разносторонний. Создавая жанровые сцены из жизни людей восточной Норвегии, воспевая природу этого края («Вечер в Эггедале», 1888; «Сад фермера», 1889), он одновременно показал себя как монументалист и художественный критик. Подобно Вереншёллеру, Мунте проявил большой интерес к сказочным и фольклорным сюжетам. Однако самый популярный в стране иллюстратор норвежских сказок — Т. Киттельсен (Kittelsen, 1857—1914), обладавший тонким и добрым талантом юмориста и редкой фантазией. Его графика и живопись, особенно пейзажи, также глубоко национальны.

Девушки из Телмарка.
 Картина Э. Верещаёлла, 1883 г. Масло

Все эти художники, творчески восприняв новейшие открытия современной им французской школы, создавали истинно патриотические произведения, составившие одну из лучших страниц в истории норвежской живописи. Их творчество легло в основу художественного развития Норвегии в XX столетии.

Менее интересна в XIX в. норвежская скульптура, в основном развивавшаяся в русле классицизма. Таково творчество Ю. Миддельтуна (Middelthun, 1820—1886), наиболее заметного скульптора своего времени. Созданные им портретные бюсты исполнены в традициях Б. Торвальдсена и его эпохи. От этой традиции решительно отступают Б. Бергслиен (Bergslien, 1830—1898) и С. Синдинг (Sinding, 1846—1922), долго работавший в Копенгагене и Париже. Их творчество, более динамичное по форме и эмоциональное по содержанию, с особой силой раскрылось в сфере монументального вааяния. Так, Бергслиен создал памятник Х. Вергеланну (1884), копный монумент короля Карла Юхапа перед Королевским дворцом в Кристиании (1875). Там же перед фасадом Национального театра установлены статуи Г. Ибсена и Б. Бьёрсона (обе — 1899) работы Синдинга. В Бергене им сооружен памятник музыканту Уле Булло (1901). На рубеже XIX и XX столетий достигает своего расцвета искусство такого круп-

ного ваятеля, как Ингебригт Вик (Vik, 1867—1927), чьи произведения отличаются тонким понимаемым пластической формы («Девушка», 1909).

Общий национальный подъем XIX в. оказал свое воздействие и на архитектуру. Уже в первой половине столетия, прежде всего в столице, стали строиться новые правительственные и общественные здания, оформляется центр города. Наиболее интересным сооружением, и ныне украшающим Осло, является Королевский дворец, построенный в стиле классицизма (1824—1848) по проекту датского архитектора Г. Линстова (Linstov, 1787—1851). Воздвигнутый в живописном парке на холме, он открывает перспективу улицы Карла Юхана — главной столичной магистрали. На той же центральной улице в 40-е годы К. Грош (Grosch, 1801—1865), обучавшийся в Копенгагенской Академии художеств, построил старое здание университета, отмеченное чертами того же строгого стиля. Плодовитый архитектор, Грош особенно много работал в Осло и принимал участие в строительстве Королевского дворца. Наиболее примечательным, хотя и подражательным, сооружением второй половины века является здание стортинга (1866). Спроектированное шведским архитектором Э. В. Ланглетом (Langlet) в псевдороманском стиле, оно отражает свойственный европейскому зодчеству того времени эклектизм.

Новый этап в истории норвежской архитектуры начинается в конце XIX в. В ходе индустриализации стали строиться промышленные здания, электростанции, вокзалы, банки. Эта архитектура носила несомнительный характер, отчасти потому что Норвегия еще не имела своего образовательного художественного центра. Попытки национальной самостоятельности в архитектурном стиле увенчались успехом лишь в XX столетии.

Современное изобразительное искусство Норвегии открывается творчеством Э. Мунка (Munch, 1863—1944), владевшего всеми жанрами живописного и графического искусства. Его имя принесло международную известность всей норвежской школе и прочно вошло в историю западноевропейской культуры. Мунка справедливо считают одним из предшественников европейского экспрессионизма. Это с особой силой подтверждают его работы преимущественно 90-х годов, составившие символический цикл «Фриз жизни» («В комнате умершего», «Крик», «Танец жизни», «Мадонна»). Основой цикла послужили собственные переживания художника. Мунк обнаженно показывает страх человека перед жизнью и смертью. Тема страдания пронизывает его произведения на протяжении всего творческого пути. Однако с наступлением 1900-х годов мотивы отрицания в творчестве мастера постепенно уступают место более жизнеутверждающему восприятию действительности. И в живописи, и в графике Мунка по-прежнему увлекают родные ландшафты («Скалы в море», 1912), жанровые («Белая ночь», 1903, один из вариантов композиции

Больная девочка.
Литография Э. Мунка, 1896 г.

«Девушки на мосту») и анималистические сюжеты («Галопирующая лошадь», 1912), портреты современников («Ибсен в кафе Гранд-отеля в Христиании», 1902) и многочисленные автопортреты («Автопортрет с сигаретой», 1895). Но диапазон его творчества расширяется. В его искусстве мы видим нового героя («Шкипер», 1899; «Рабочий», 1902; «За уборкой снега», 1911; «Землекопы», 1920). К станковой живописи, рисунку и гравюру теперь прибавляются монументальные росписи. Главные из них осуществлены в актовом зале университета («Мать», «История», «Солнце», 1910—1915). Мунк одержал победу в конкурсе к столетию университета. Наметившийся еще в начале века перелом в творчестве Мунка с особой силой сказался здесь. Созданные им образы идейно и композиционно ясны, они лишены налета индивидуалистического искусства 90-х годов. При всей своей противоречивости наследие прожившего долгую жизнь всемирно известного мастера проникнуто гуманизмом, любовью и состраданием к изображаемому человеческому существу.

Новые веяния, свойственные европейскому искусству XX в., по-прежнему проникали в Норвегию главным образом из Франции. Наибольший резонанс здесь получила школа Матисса. С 1907 по 1911 г. в парижском ателье этого мастера записались многие художники из Северной Европы, в том числе и из Норве-

гии. Унаследовав матиссовские принципы, они стали развивать их в монументально-декоративном искусстве у себя на родине.

Мы уже упоминали имя Мунка, пионера в этой области. После него выросла целая плеяда замечательных мастеров-монументалистов, создавших национальную школу, успехи которой теперь известны и за пределами Скандинавии. Ее ядро составили ученики Матисса: Х. Сёренсен (Sørensen, 1882—1962), Ж. Хейберг (Heiberg, 1884—1976), А. Револл (Revolv, 1887—1962), Пер Крог (Krog, 1889—1965), сын Кристиана Крога. Начиная в основном с 20-х годов произведения этих мастеров и присоединившегося к ним А. Рольфсена (Rolfsen, р. 1895) украсили многие общественные здания Осло и Бергена. Под руководством профессора А. Револла в Академии художеств (с 1924 г.) сложилась школа норвежской стенной живописи.

Яркая страница в развитии монументального искусства связана с созданием художественного комплекса Новой ратуши в Осло. Здание, задуманное еще в 30-е годы, было открыто только весной 1950 г. Война прервала и работы по оформлению ратуши, в которых принимал участие большой отряд ваятелей и живописцев, мастеров прикладного искусства — победителей конкурса 1938 г. Все было подчинено решению одной задачи: ратуша мыслилась как памятник национальной культуры. Естественным было стремление авторов создать единый художественный ансамбль, а вслед за событиями времени отразить и трагический опыт второй мировой войны. Выполненные как мастерами старшего поколения, чьи имена уже названы, так и более молодыми художниками (Р. Аули — Auli, р. 1904; В. Мидельфарт — Middelfart, р. 1904), росписи на стенах парадных залов ратуши представляют собой впечатляющую экспозицию норвежского искусства второй четверти нашего столетия.

Страна и народ нашли здесь свое многогранное воплощение — в сочетании исторического и современного, частного и общего, бытового и величественного, непосредственно повседневного и проблемно значительного. Тут и портретные зарисовки выдающихся норвежцев — Б. Бьёрнсона, Ф. Хансена и др., темы Эйдсволлской конституции и обретения национальной независимости (А. Стурстейн — Storstein, р. 1900), подъема рабочего движения (Р. Аули), тяжелых лет оккупации во время второй мировой войны и праздника освобождения (А. Рольфсен). Выполнены росписи в технике фрески или масляной живописи, в традиционной манере повествования или с преобладанием стилизованных элементов современного художественного языка. Их творцы стремились развивать традиции старинной пародной крестьянской живописи.

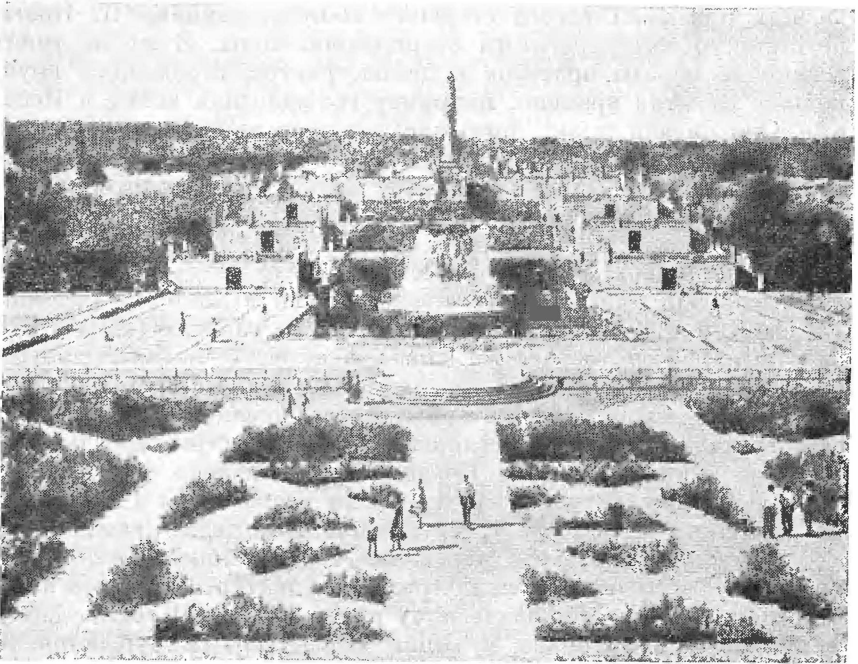
Общественно-политическая тема впервые отразилась в норвежском искусстве 30-х годов, когда фашизм угрожал миру и свободе, прежде всего в творчестве Аули и Мидельфарта, художников, занявших высокую гражданственную позицию и следо-

ваших призывам своего старшего соотечественника К. Крога, неустанного интерпретатора современной темы. В их картинах возникали образы ораторов и демонстрантов, отражались крупнейшие события времени, например гражданская война в Испании. Они писали также городские виды с вымершими окраинами или обезлюдевшие залы ресторанов. И в образах этой «пустоты» художники передавали тревожные предчувствия эпохи, неустойчивость общественной жизни, одиночество человека. Тема труда также звучала в их творчестве. Однако социальные мотивы впоследствии ослабевают в их искусстве.

Позже они нашли своего продолжателя в лице А. Эксланна (Ekeland, р. 1908), автора картин из жизни рабочих («Мы — безработные»). Его творчество, впитавшее черты экспрессионизма и сюрреализма, вместе с тем актуально и прогрессивно. Теме братства, солидарности угнетенных и поработенных народов в их освободительной борьбе посвящено полотно «Сестры свободы».

Современное искусство Норвегии представлено также монументальной скульптурой, прежде всего творчеством Г. Вигеланна (Vigeland, 1869—1943), крупнейшего ваятеля Скандинавии, художника универсальных дарований. Еще в конце прошлого столетия, в 90-е годы, Вигеланн создал скульптуры, по теме и настроению близкие символическому циклу Мунка. В группе монументальных памятников и серии скульптурных портретов он увековечил образы великих норвежцев: математика Н. Абеля, писателей Г. Ибсена, Х. Вергеланна, Б. Бьёрнсона, К. Коллетт, музыкантов Р. Нурдрока, У. Булля, шведа Альфреда Нобеля, путешественника Ф. Нансена. Памятники, созданные Вигеланном, украшают норвежскую столицу. Скульптор, однако, мечтал о монументальном искусстве. Для осуществления своего замысла Вигеланну не хватило даже долгой его жизни. Сорок лет трудился Вигеланн над сооружением Фрогнер-парка — скульптурно-паркового ансамбля, в настоящее время одной из главных достопримечательностей Осло. От фонтана — огромной бронзовой чаши на плечах шести гигантов (согласно первоначальному проекту) — до грандиозного художественного комплекса, воплотившего идею цикла человеческой жизни, — такова эволюция самого значительного создания Вигеланна.

Скульптор успешно решил почти градостроительную по своему размаху задачу, блестяще спланировал парк, органично сочетал его скульптурное «население» с окружающей природой, воплотил свое философское осмысление человеческой жизни как постоянной борьбы сил добра и зла. Но многие бронзовые и большинство гранитных фигур и групповых композиций Фрогнер-парка несут на себе печать символизма и модерна. Это снижает художественные достоинства памятника, в котором со всей очевидностью обнаруживается борьба тенденций в творчестве мастера.

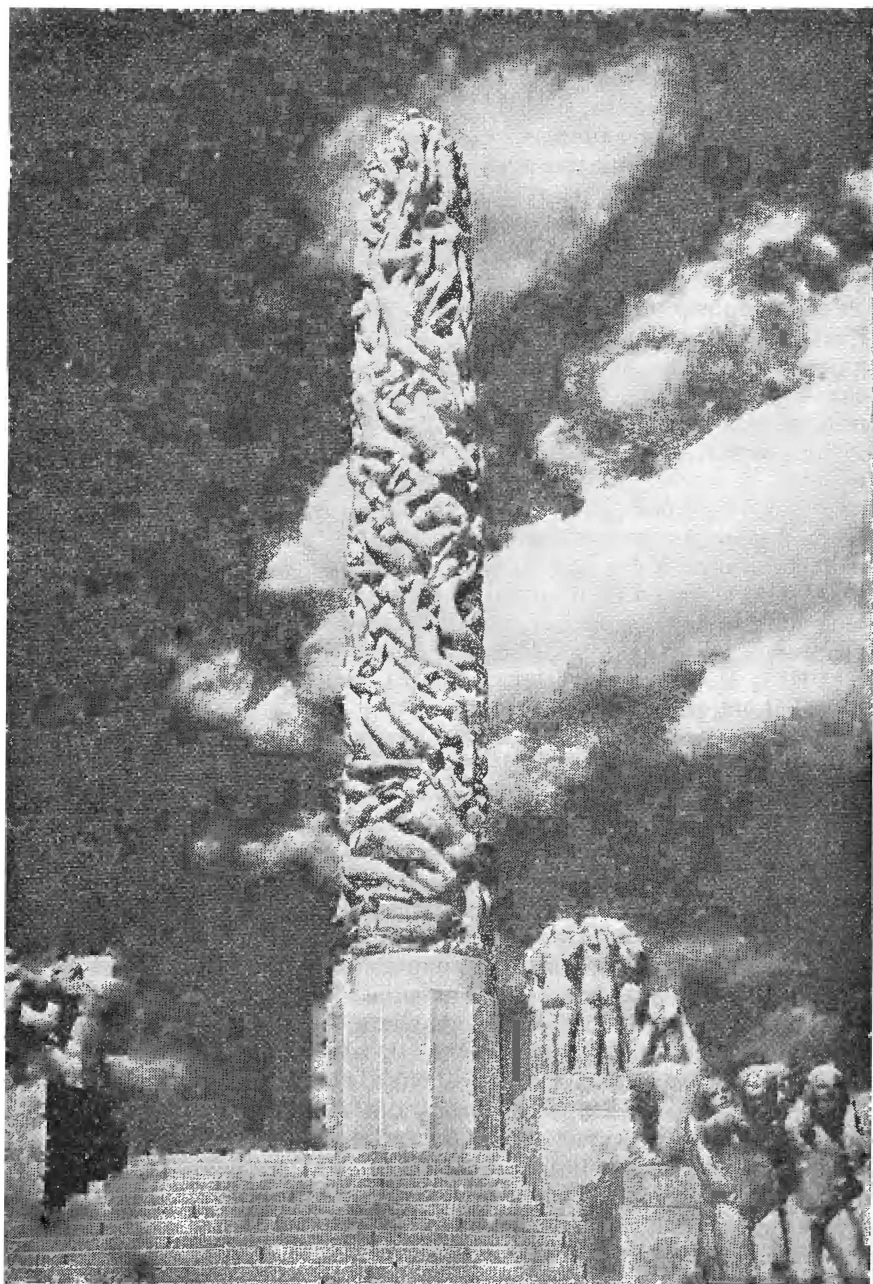

Скульптурно-парковый комплекс в Осло — Фрогнер-парк.
Автор Г. Вигеланн, 1900—1943 гг.

Высокий уровень развития современной архитектуры в стране способствовал стремительному подъему, с одной стороны, прикладной художественной промышленности, где еще сохраняются традиции ручного мастерства, с другой — монументальной скульптуры. Ряд ведущих норвежских скульпторов Э. Ли (Lie, р. 1897), А. Гримдален (Grimdalen, 1899—1961), Н. Шелль (Schjell, р. 1901), Д. Во (Vaa, р. 1903), Н. Флакстад (Flakstad, р. 1907), П. П. Сторм (Storm, р. 1910) декорируют здания или создают скульптуры для открытых пространств и площадей. Все упомянутые деятели приняли участие в создании художественного комплекса Новой ратуши в Осло. Искусство одних более эмоционально, других — классицистически спокойно, но каждый органично сочетает свои произведения с архитектурой.

Традиции народной крестьянской резьбы по дереву продолжает Д. Вереншёльд (Werenskiold, р. 1892). Его жанровые, религиозные, исторические сценки или композиции по мотивам скандинавской мифологии выполнены в технике рельефа и ярко раскрашены. Созданные им образы глубоко народны.

Со времен Мунка в самостоятельную сферу творчества вырастает норвежская графика. После Мунка наиболее значительным

Монумент. Фрогнер-парк.
Скульптор Г. Вигелани. Гранит

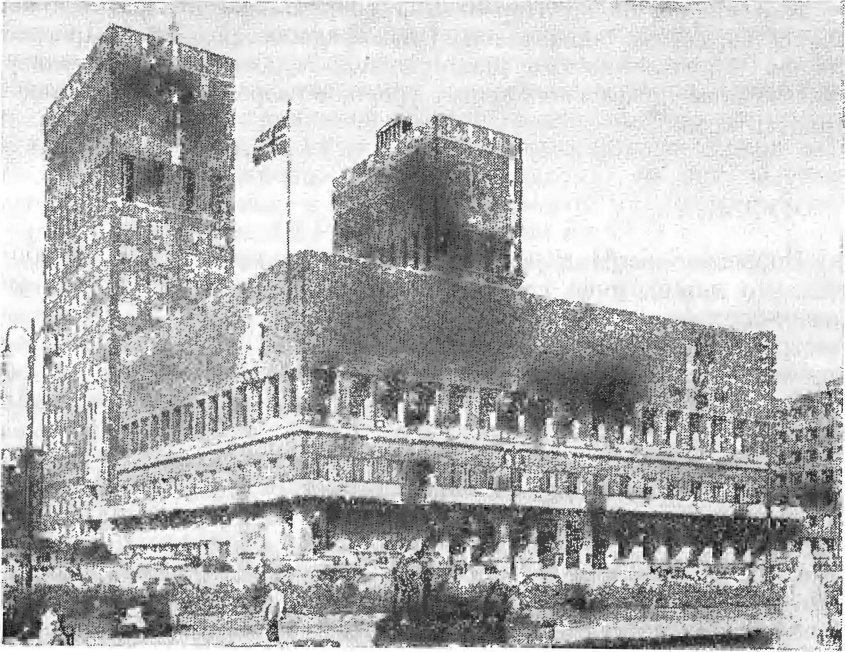
мастером в этой области был Н. Аструп (Astrup, 1880—1928). Великолепными граверами являются: Х. Финне (Finne, p. 1898), В. Тветерос (Tveteraas, p. 1898), С. Винге (Winge, p. 1909), П. Р. Гоген (Gauguin, p. 1914), А. Малмедал (Malmedal, p. 1937). Они работают в различных техниках, блестяще владея каждой из них, будь то черно-белые или цветные ксилографии и линогравюры, офорт и гравюра на камне. Их работы отличает высокое профессиональное мастерство. Изображая чаще всего национальный ландшафт, повседневный быт и труд рыбаков и лесорубов, графики стремятся передать своеобразие жизни северных народов.

Медленнее, чем в других странах Западной и Центральной Европы, в Норвегии «прививались» формалистические направления в искусстве (см. раздел о литературе). Поворотной вехой оказалась середина 50-х годов, когда, особенно в Швеции и Дании, началось увлечение авангардизмом.

Норвегии, с ее более «молодым» и сильным стремлением утвердить и отстоять национальную самобытность, это увлечение коснулось меньше. Сюрреализм, например, совсем не получил здесь почвы; не стал ведущим и экспрессионизм, хотя он и был предвосхищен Мунком. Наконец, абстракционизм, появившийся в Норвегии впервые примерно в 30-е годы, носил более декоративный характер и стал основой творчества лишь отдельных художников: Т. Херамба (Heramb, p. 1916), К. Румора (Rumohr, p. 1916), И. Ситтер (Sitter, p. 1929), скульптора А. Хаукеланна (Haukeland, p. 1920).

Возрождению национальных традиций в области зодчества способствовало создание в 1910 г. в Тронхейме Высшей технической школы с архитектурным факультетом. Уже в здании самой школы (архитектор Б. Греве — Greve, 1871—1931) отчетливо выражалось стремление автора использовать формы средневекового норвежского зодчества. Однако наиболее четко самобытность стиля в духе национального романтизма нашла свое выражение все в том же здании Новой ратуши в Осло, воздвигнутом по проекту двух выдающихся современных архитекторов — основоположников национального романтизма: М. Поульсона (Poulsen, 1881—1958) и А. Арпеберга (Arneberg, 1882—1961). Национальные традиции они сумели сочетать с достижениями современной им архитектурной мысли — одна из основных особенностей норвежской архитектуры XX столетия. Аскетичное по своему характеру здание ратуши возвышается на берегу Осло-фьорда и по своему местонахождению и внешнему виду ассоциируется с крепостью на море. Здание активно участвует в формировании силуэта столицы и ее архитектурного облика в целом.

Еще на рубеже 20—30-х годов архитектура Норвегии обогатилась идеями функционализма: строитель ресторана «Скансен» (1926—1927) Л. Баккер (Backer, 1891—1930) широко использовал новые строительные формы и материалы (железобетон).

Ратуша в Осло.
Архитекторы А. Арисберг и М. Поульсон, 1933—1950 гг.

Одной из характерных и замечательных особенностей послевоенной норвежской архитектуры, как и всего скандинавского зодчества, становится формирование эстетической среды, умение связать отдельные дома и целые микрорайоны с природным ландшафтом, порой очень сложным. Эта задача успешно решается при создании городов-спутников согласно долгосрочному проекту «Большого Осло», составленному в 1948—1950 гг. на 50 лет.

Ведущими архитекторами, активно воплощающими в своем творчестве традиции народного зодчества, являются известный проектировщик гостиничных зданий К. Кнутсен (Knutsen, р. 1903; гостиница «Викинг», 1948—1952), Ф. Риннан (Rinnan, р. 1905) и О. Тветен (Tveten, р. 1907). Два последних спроектировали спортивный комплекс Хольменколлен, законченный в начале 60-х годов. Расположенный в окрестностях Осло, комплекс включает трамплин, трибуны, отель и спортивный музей. Однако некоторые архитекторы в своей практике ориентируются на модернистские течения в мировой архитектуре: Э. Викше (Viksjø, р. 1910; Дом правительства в Осло, 1958), А. Корсмо (Korsmo, р. 1900; дом в Веттаколене, 1955), Дж. Энг (Engh, р. 1916; Норвежский экспортный совет в Осло, 1965).

Как видим, вклад Норвегии в современное изобразительное искусство весьма значителен. Он определяется общей прогрессивной направленностью национальной художественной культуры, высоким профессиональным уровнем творческих художников и архитекторов.

МУЗЫКА

Норвегия — страна древних и стойких музыкальных традиций. До наших дней сохранились в народном быту старинные песни-баллады, пастушеские песни-зовы, а также музыкальные инструменты, известные еще в средние века. И, что важнее всего, богатейший фольклор Норвегии доныне служит источником профессионального музыкального творчества, основой национальной композиторской школы.

Первые упоминания о музыкальных инструментах — рогах и трубах, старинной арфе — встречаются еще в «Старшей Эдде». В средневековых сагах есть сведения и о смычковых инструментах гитте и фидле — предках современной скрипки. Литературные данные подтверждаются археологами. На территории Норвегии найдены бронзовые рога, относящиеся еще ко II в. до н. э., изображения струнных инструментов, вырезанные на камне (II в. н. э.) и в деревянных орнаментах церквей (с XII в.).

К числу наиболее древних инструментов, сохранившихся в норвежском быту, относятся деревянные флейты, рожок (ириллар), козий рог и лур — длинная деревянная труба пастухов типа украинской трембиты. Менее стойкими оказались струнные щипковые инструменты: старинная арфа и лангелейк — инструмент, напоминающий гусли, доживший до XIX в., но почти не встречающийся в наши дни.

Первенствующее место в народном инструментарию, бесспорно, принадлежит скрипке — любимому инструменту норвежцев. Еще в XVI—XVII вв. в народной практике прочно установилась специфическая форма этого инструмента, напоминающего старинную виолу. Снабженная широким грифом, богато разукрашенная резьбой и перламутром, норвежская скрипка (феле) имеет, помимо четырех основных струн, несколько дополнительных резонирующих, что придает звучанию особую мягкость и сочность тембра. Особенно широкое распространение этот инструмент получил в Западной Норвегии, в районе Хардангера (отсюда его название — «хардингфеле»). В репертуар народных скрипачей — хардингфелеров с давних пор входят наиболее традиционные бытовые танцы, которыми так богат норвежский фольклор: оживленный спрингданс — танец вприпрыжку; энергичный халлинг — сольный мужской танец; медленный, чинный гангар — танец шествия. Очень популярны также и марши, которыми отмечаются

все события общественной и семейной жизни в крестьянском быту. Нередко народные танцы приобретают характер самостоятельных инструментальных пьес (так называемые слотты); в них проявляют свое искусство самые одаренные скрипачи. Различные жанры народной скрипичной музыки нашли широкое отражение в творчестве крупнейших норвежских композиторов. Имена многих талантливых исполнителей на хардингфеле, создателей своих слоттов, прочно вошли в историю норвежской музыкальной культуры (Т. Аугундсон, Н. Рекве, К. Люрсен и др.).

Богат и самобытен песенный фольклор Норвегии. Наиболее традиционные образцы эпических песен восходят к раннему средневековью. Одним из важнейших источников этой эпической песенной традиции была поэзия скальдов, тесно связанная с определенными метrorитмическими формулами стиха (см. раздел «Литература»). Сюжеты и темы скандинавского эпоса, мотивы северной мифологии отразились в народных песнях балладного жанра. Это так называемые Кжæmpreviser — «богатырские песни», «песни о великапах», записанные уже в XIX—XX вв. В сборниках Л. М. Липпемана и позднейших норвежских фольклористов собрано немало героических песен-баллад, распространенных преимущественно в горных районах Норвегии, в Телсмарке и Сетсдале. Их интонационный строй и поэтическая лексика свидетельствуют о древнем происхождении. Характерный отпечаток старинных ладов присущ и многим песням бытового характера: пастушеским песням-зовам (локки), колыбельным, свадебным, любовно-лирическим. Особенно колоритны пастушеские наигрыши и напевы, которыми пастухи сзывают стада на горных пастбищах — сетагах. Свободно развертывающиеся, импровизационные мелодии локков принадлежат к числу самых оригинальных и самобытных жанров норвежского музыкального фольклора. Их собирают и обрабатывают фольклористы и композиторы.

Норвежская народная музыка, при всем ее разнообразии и богатстве, долгое время не использовалась в композиторском творчестве. Трудные исторические условия, в которых складывалась культурная жизнь страны (см. предыдущие разделы), долго затормозили развитие профессионального музыкального искусства. В течение нескольких веков профессиональное композиторское творчество было по существу ограничено рамками церковного ритуала. Средневековая музыка норвежской католической церкви (XI—XVI вв.) развивалась сначала на основе общеевропейских традиций григорианского пения, а затем впитывала влияние полифонических школ Европы. Реформация припесла с собой традицию хорального пения, прочно укоренившуюся также и в народном быту. В больших городах работали в основном иностранные музыканты — датчане и немцы. Среди них в XVIII в. выдвинулись известные композиторы, органисты и дирижеры — И. Д. и И. Г. Берлин (отец и сын) в Тронхейме, семья

Линнеманов в Кристиании (с конца XVIII в.) и др. Во второй половине XVIII в. возникли музыкальные общества в Бергене, Кристиании и Тронхейме; появились местные любители музыки, занимающиеся композицией. Однако национальная композиторская школа сложилась только в XIX в.

Эпоха национального романтизма открыла сокровищницу народного искусства и заставила норвежских музыкантов по-новому осознать свои ближайшие задачи. Широкую популярность приобрели патристические песни на слова норвежских поэтов («Сыны Норвегии» К. Блума на стихи Х. Бьеррегора, 1820). В 1825 г. на сцене кристианийского театра с огромным успехом была поставлена первая норвежская опера-зипингшль «Приключение в горах» на музыку норвежского композитора Вальдемара Трахе (1790—1828), либретто Х. Бьеррегора. На основе народных традиций складывалась профессиональная композиторская школа Норвегии — окончательно в творчестве Грига. «Я черпал богатые сокровища в народных напевах моей родины и из этого, до сих пор не исследованного, источника норвежской народной души пытался создать национальное искусство», — писал Григ³⁴. Эти слова стали основным эстетическим кредо для всей норвежской композиторской школы и в сущности определили весь путь ее развития вплоть до наших дней.

Предшественниками Грига нужно считать трех замечательных музыкантов, по-разному и в различных аспектах решавших задачу создания национальной норвежской музыки: Булля, Хьерульфа и Нурдрока.

Первый из них, Уле Борнеман Буль (1810—1880), был не столько композитором, сколько выдающимся артистом и музыкальным деятелем, впервые открывшим образованному миру музыкальную «страну Норвегию». Уроженец Бергена, глубокий знаток народного скрипичного искусства, он привлекал слушателей прежде всего блестящими импровизациями на норвежские народные темы. В течение своей долгой артистической жизни (он начал в 9 лет) этот виртуоз, «норвежский Паганини», гастролировал во многих странах Европы (в том числе и в России — в 1838, 1841, 1866, 1867 г.), Америки и Африки (Египет). В 1850 г. Буль основал в Бергене первый норвежский театр «Национальная сцена». Среди его сочинений выделяется известная фантазия «Поездка на сстер», основанная на материале народных песен и танцев. Лирическая тема из этой фантазии вошла в быт со стихами Бьёрнсона и превратилась в народную песню.

В другом направлении развертывалась деятельность Хальфдана Хьерульфа (1815—1868) — тонкого, проникновенного лирика, мастера романса и фортепьянной миниатюры. Как и другие норвежские композиторы XIX в., Хьерульф был творчески

³⁴ *Johansen D. M. Edvard Grieg. Oslo, 1936, s. 301.*

**Памятник Эдварду Григу в Бергене.
Скульптор И. Вик, 1917 г.**

связан с немецким романтизмом. Однако музыка его (уже в ранних сочинениях 1840-х годов) несет на себе национальный отпечаток. Современник Вельхавена, Вергеланна и Бьёрнсона, он впервые сумел воплотить в музыке мир норвежской поэзии, во многом предвосхитив позднейшие достижения Грига.

Ближайшим предшественником, единомышленником и другом Грига был рано умерший композитор Рикард Нурдрок (1842—1866). Пламенный патриот, двоюродный брат Бьёрнсона, Нурдрок стремился выразить в музыке мужественный и стойкий дух норвежского народа, воспеть героике народным подвигам. В историю норвежской культуры он вошел как автор национального гимна «Да, мы любим край родимый» (1863) на стихи Бьёрнсона. В его небольшом по объему музыкальном наследии выделяются и другие произведения, навеянные творчеством писателя: музыка к драмам «Мария Стюарт» и «Сигурд Слембе», песни на тексты Бьёрнсона. Но брошенные Нурдроком семена упали на плодотворную почву. Его творческие стремления были созвучны всей атмосфере национального подъема 1860-х годов — той знаменательной поро национального возрождения, которая наряду с Ибсеном и Бьёрнсоном выдвинула крупнейшего норвежского композитора — Эдварда Хагерупа Грига (1843—1907).

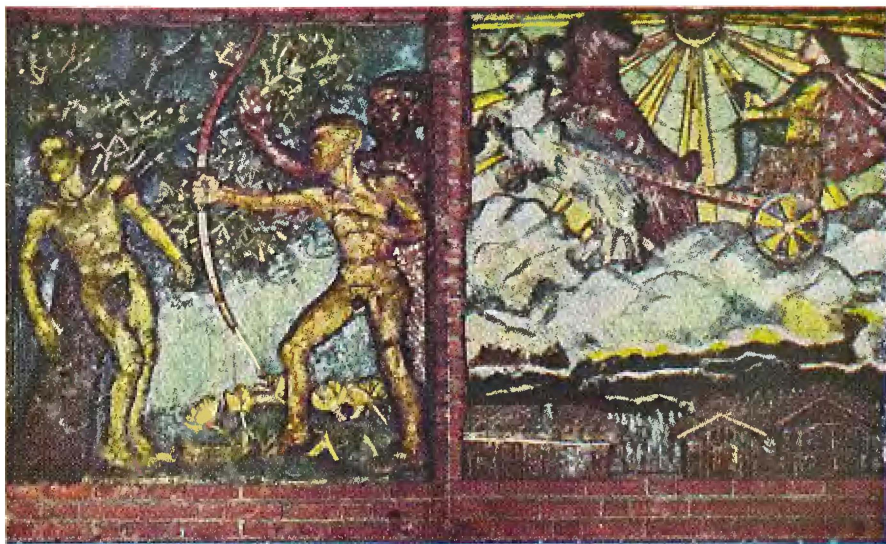
Имя «Григ» в широких кругах слушателей донныне является синонимом понятия «норвежская музыка». В его творчестве музыкальное искусство Норвегии впервые вышло за пределы своей страны и сделалось неотъемлемой частью мировой музыкальной культуры. Уже в 70-е годы прошлого века произведения Грига, «певца Норвегии», распространились по всей Европе и вызвали восторженный отклик у самой широкой аудитории.

Норвежские исследователи обычно связывают творчество Грига с движением национального романтизма. Однако по эстетическому значению его искусство шире. Воспитанник Лейпцигской консерватории, впитавший традиции Шуберта, Шумана, Мендельсона, он в то же время смело утверждал свое, самобытное направление в музыкальном искусстве и сумел подняться на ту ступень художественного реализма, какой достигли его литературные современники — Ибсен и Бьёрсон. Черты норвежского национального характера с поразительной правдивостью, но и с редкой поэтической чуткостью запечатлелись в романах Грига, в его «Лирических пьесах» и знаменитом фортепианном концерте.

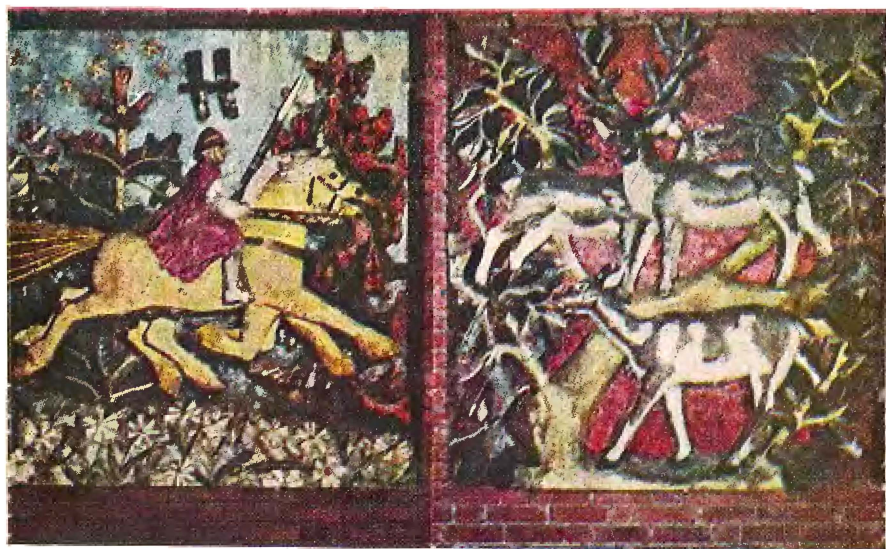
Григ оставил обширное музыкальное наследие. В созданных им 74 опусах он затронул почти все основные жанры: романсы и песни (в основном на стихи норвежских поэтов: Ибсена, Бьёрнсона, О. Винье, А. Мунка, В. Крага, А. Гарборга), кантаты и хоры («У врат монастыря», «Возвращение на родину» — на слова Бьёрнсона, баллада «Одинокий» — на старонорвежский народный текст), сценическую музыку к драмам Бьёрнсона («Сигурд Юрсальфар») и Ибсена («Пер Гюнт»). Огромное место

Ратунна в Осло. Роспись (темпера) Р. Аули

Ратуша в Осло.
Фриз-рельеф по мотивам скандинавской мифологии. Фрагмент.
Д. Веренищелль. Раскрашенное дерево

Ратуша в Осло.
Фриз-рельеф по мотивам скандинавской мифологии. Фрагмент
Д. Веренищелль. Раскрашенное дерево

в его творчестве принадлежит фортепянной миниатюре. В созданных им десяти тетрадах «Лирических пьес» раскрыт мир северной природы, порвежского быта и северной мифологии, «моззний эльфов и троллей». Среди произведений более крупных форм выделяются: трехчастный фортепянный концерт, принесший Григу мировую славу; струнный квартет соль минор, три сонаты для скрипки с фортепяно, соната для виолончели с фортепяно и ранняя фортепянная соната — одно из самых популярных сочинений композитора. Неоконченной осталась опера на текст Бьёрнсона «Олав Трюгвасон». Оперный жанр вообще почти не затрагивался норвежскими композиторами: до 1958 г. Норвегия не имела своего оперного театра.

Огромное место в творчестве Грига занимают обработки народных танцев и песен, которые он изучал, собирал и записывал в течение всей творческой жизни. На интонационной основе порвежского народного мелоса складывался оригинальный музыкальный стиль Грига, формировались характерные черты его музыкальной лексики: использование старинных народных ладов, красочное совмещение аккордов различных функций, обилие устойчивых, выдержанных звуков в басу («органый пункт»), динамичная, острая ритмика. Особенно богата гармония Грига, в которой он отчасти предвосхитил черты музыкального импрессионизма, красочную фактуру Дебюсси.

Демократ по своим взглядам, Григ был художником широких, разносторонних стремлений — не только композитором, но и артистом-исполнителем, пианистом и дирижером, основателем крупнейшей концертной организации Норвегии — «Музыкального общества» (ныне Филармоническое общество в Осло), музыкальным критиком и публицистом, всегда горячо откликнувшимся на запросы современной общественной жизни.

Свой вклад в развитие национальной музыкальной культуры внесли и ближайшие современники Грига: Ю. Свенсен, Ю. Сельмер, К. Синдинг, Ю. Хальворсен. Творчество близкого друга и сотрудника Грига Юхана Свенсена (1840—1911) по своей общей тенденции как бы оттеняет лирическую сферу григовской музыки. В начале 1870-х годов Свенсен вместе с Григом возглавлял «Музыкальное общество» в Кристиании, а затем был главным дирижером Королевского оперного театра в Копенгагене. Выдающийся дирижер, Свенсен тяготел к монументальным жанрам симфонической музыки. В своих симфониях и «Норвежских рэпсодиях» он стремился развивать классические, традиционные формы на основе норвежского мелоса.

Крупным мастером симфонической музыки, продолжателем романтической линии музыкального искусства явился Юхан Сельмер (1844—1910). Опираясь на традиции Листа, Берлиоза, отчасти Вагнера, он широко пропагандировал жанр программной симфонической поэмы. Особое значение Сельмер придавал темб-

рово-колористическим средствам музыкальной выразительности, увлекаясь сочностью и мощью вагнеровской оркестровки.

Учеником и последователем Грига был талантливый дирижер и композитор Юхан Хальворсен (1864—1935). Совместно с Хальворсеном, по его записям, Григ создал одно из своих последних сочинений — замечательный цикл норвежских народных танцев для фортепьяно «Слотты» (1901). Работая в течение многих лет в качестве дирижера Национального театра в Осло, Хальворсен ярко проявил себя в области театральной музыки (комедии Шекспира, пьесы норвежских драматургов).

Далеко за пределы григовской эпохи выходит творчество Кристиана Сипдинга (1856—1941). За свою долгую жизнь он оставил множество произведений различных жанров: 2 оперы, 4 симфонии, концерты, камерные ансамбли, более 250 романсов. Музыка Сипдинга, отмеченная сильным влиянием немецкой школы (по выражению норвежского исследователя, он «сочетал конструктивную технику Брамса с некоторыми аспектами оркестровки Вагнера»³⁵, не отличается особой самобытностью и оригинальностью стиля. Но присущая этому композитору крепкая композиционная техника, стремление к ярким эффектам, динамичности и силе контрастов доставили ей широкую популярность: произведения Сипдинга были особенно репертуарными в 1900—1910 гг.; нередко исполнялись они и в России.

К числу продолжателей григовской традиции нужно причислить многих норвежских музыкантов, работавших в первой половине XX в. Среди них: композитор и фольклорист Катаринус Эллинг (1858—1942), композиторы Арне Эггел (1881—1955) — автор оперы «Улаф Лильекранс» на сюжет драмы Ибсена, Эйвинд Альнес (1872—1932) — автор популярной песни «Последний рейс», Юханнес Хорклоу (1847—1925), Сверре Юрдан (р. 1889) и многие другие.

Завоевав признание за рубежом, норвежская музыка в 1910-х годах вступила в полосу напряженных исканий. Характерное для XIX в. сближение с немецкой романтической традицией теперь уступило место более разнородным течениям. Пристальное внимание норвежских мастеров (впрочем, еще у позднего Грига) вызвал французский музыкальный импрессионизм во главе с его вдохновителем Дебюсси. Эта «французская тенденция» пошла отражение в творчестве Альфа Хурума (р. 1882), Монрада Юханссена (р. 1888) — композитора и музыковеда, автора фундаментальной биографии Грига, Паулины Халль (1890—1969), Арвида Клевена (1899—1929) и многих других. У композиторов немецкой ориентации влияние Вагнера уступает место стилистическому воздействию Рихарда Штрауса и Макса Регера. В 1920-е годы заметно увлечение Бартоком, Хиндемитом, Стравинским. Влияние

³⁵ Данге К., Эствед А. Норвежская музыка / Пер. с норв. М., 1967, с. 49.

Бартока, а также французских композиторов XX в. Мийо и Онегера сказались в творчестве известного норвежского симфониста Бьярне Брустада (р. 1895). И наконец, наиболее радикальные искания приводят некоторых норвежских мастеров на путь отрицания тональной системы и увлечения творчеством Шёнберга, Берга и Веберна — представителей «нововенской школы».

Виднейшим в этой группе новаторов становится Фаргейп Вален (1887—1952) — композитор яркого индивидуального дарования, но крайне замкнутый и субъективший в своих художественных концепциях. Занимаясь в начале 1910-х годов в Берлине под руководством М. Бруха, он близко познакомился с творчеством А. Шёнберга, чьи произведения привлекли тогда общее внимание. Под воздействием Шёнберга Вален вступил на путь атональной музыки (фортепьянное трио, 1924). Однако впоследствии он отошел от строгих канонов шёнберговской системы и выработал свой стиль линейной «диссонантной полифонии», основанной на свободном движении голосов. В таком атональном полифоническом стиле написаны его симфонии и программные оркестровые сочинения 1930-х годов: «Пастораль», «Сопер Микельанджело», «Кладбище у моря», «Остров тишины». Утопичное, изысканное, интроспективное по своей природе творчество Валена уже в послевоенное время завоевало горячих приверженцев в среде норвежской интеллигенции.

Одновременно в норвежской музыке возникли течения, близкие к неоклассицизму. Рядом с Валеном выдвинулась фигура Людвиг Йенсена (1894—1969) — серьезного, вдумчивого музыканта, тяготеющего к строгим и чистым классическим формам. На это указывают уже названия его произведений: «Пассакалья» (1926), «Симфоническая партита» (1939), оратория «Возвращение на родину» (1930) на сюжет старинной легенды о короле Олаве Святом, где композитор использовал характерные обороты старинной церковной музыки и норвежских народных мелодий. Глубокая почвенность творчества Йенсена, присущая ему ясность стиля и стройность музыкальных форм делают его одним из самых значительных норвежских композиторов XX в.

События второй мировой войны оставили неизгладимый след в развитии норвежской культуры. Свой отклик они нашли и в музыкальном творчестве, пробудив новые возможности, новые прогрессивные силы. В период оккупации подавляющее большинство норвежских музыкантов отказались от исполнительской деятельности. Все публичные выступления были прекращены в знак протеста. Концертная жизнь, казалось, надолго замерла. Но творческая жизнь не прекращалась. Движение Сопротивления глубоко затронуло сознание виднейших норвежских художников, преданных родине и народу. Это касается прежде всего творчества двух выдающихся композиторов современности: Селверуда и Эгге.

Харальд Северуд (р. 1897) проделал сложную эволюцию — от позднеромантического стиля через поиски в области атональных выразительных средств к собственной яркой индивидуальности национального мастера, стремящегося «проникнуться здоровым духом народной музыки»³⁶. Эти самобытные черты во всей полноте раскрылись в произведениях Северуда, созданных в тяжелые годы оккупации. «Когда немцы вторглись в Норвегию, — писал Северуд, — то это в мгновение ока пробудило во мне ярость творчества. Я чувствовал, что мое творчество будет моей личной войной в войне с Германией»³⁷. Событиями военных лет почти целиком навеяна симфоническая трилогия Северуда: «Симфония Сопротивления», «Симфония скорби», посвященная памяти норвежского патриота Лудуна Лавика, расстрелянного фашистами в 1942 г., и «Симфония-гимн», законченная в 1947 г. В ряде произведений Северуд обращается к народному жанру слотта и точно передает характерный строй скрипичной игры хардингфелеров (как и Григ, он уроженец Бергена, постоянно живущий в Западной Норвегии). Таковы его сюиты для фортепиано или оркестра: «Гальдреслотты», «Сильюслотты» и «Слотты на темы богатырских песен» («Kjaempeslåtter»), посвященные борцам Сопротивления.

Среди прочих сочинений Северуда выделяется музыка к драматической поэме «Пер Гюлт». Вступив в соревнование с Григом, он дал совсем иную, антиромантическую трактовку сюжета: на первый план выступили не столько лирические, сколько обличительные и сатирические стороны пьесмовской драмы.

Выдающимся симфонистом, мастером крупных форм в современной норвежской музыке является Клаус Эгге (р. 1906) — композитор и музыкальный критик, активный музыкальный деятель, председатель Норвежского союза композиторов с 1945 г. Первым его значительным произведением явилась Симфония № 1, посвященная «норвежским морякам — участникам великой мировой войны» (1942), отмеченная высокой динамичностью, ритмической энергией и остротой драматических контрастов. Во многих сочинениях (концерты и соната для фортепиано, «Халлинг-фантазия») Эгге с большим разнообразием использует норвежские пародные темы, сочетая пародные интонации с новыми средствами композиционной техники.

Эта тенденция находит еще более радикальное выражение в творчестве энтузиастов народной музыки: Морица Ульфрстада (р. 1890), Эйвинда Грувена (р. 1901), Улафа Хьеллапна (р. 1901), Спарре Ульсена (р. 1903) и Гейра Твейта (р. 1908). Опираясь на традиции народной музыки, Грувен стремится воспроизвести характерный колорит норвежских народных инстру-

³⁶ Ланге К., Эствед А. Указ. соч., с. 69.

³⁷ Там же, с. 70.

ментов вплоть до использования патурального, петемперированного строя. В крупных сочинениях 30—50-х годов он широко применяет присущую народному инструментальному стилю технику вариантного развития коротких мотивов (так называемые цепочки — *vek*) и выразительно использует старинные лады норвежских народных песен (главная тема его симфонии «На высокогорных равнинах» служит позывным сигналом норвежского радио).

Такие же цели преследует в своем творчестве Гейр Твейт, автор теоретических трудов в области ладовой системы норвежской народной музыки. Общес вниманием не только в Норвегии, но и за ее пределами привлекли такие произведения Твейта, как «Сто хардангерских мелодий» для оркестра и концерт для народной скрипки (хардингфеле), пронизанный ритмами норвежских народных танцев.

Горячая увлеченность народным творчеством в его наиболее самобытных, почвенных формах, стремление выразить «душу народной музыки» в русле современных художественных средств — все это сближает ведущих норвежских композиторов с характерным течением послевоенного времени — неофольклоризмом. Важно отметить, что именно в середине XX в. в Норвегии усилился интерес к русской и советской музыке, к творчеству Мусоргского, а также Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна.

Значительно обогатилась в послевоенные годы музыкальная жизнь Норвегии. Широко развернулась деятельность симфонических оркестров в Осло, Бергене, Тронхейме и Ставангере. Крупнейшим среди них является оркестр Филармонического общества, возникшего в столице в 1919 г. на базе прежнего Музыкального общества, основанного Эдвардом Григом. На протяжении ряда лет этим коллективом руководили и продолжают руководить ведущие дирижеры Норвегии: О. Грюнсер-Хегге, Э. Фьельстад, М. Каридис. Оркестр постоянно гастролирует в различных странах Европы; систематически участвует он и в музыкальных передачах Норвежского радио. Творчество современных норвежских композиторов находит активную поддержку со стороны специальной организации «Новая музыка» — секции Международного общества современной музыки (ISCM). Большое значение для развития концертной практики имеет основанное в 1968 г. Национальное концертное общество, в ведении которого находятся в настоящее время не только большие симфонические оркестры, но и различные любительские организации, школьные, молодежные и клубные оркестры, вокальные, инструментальные ансамбли, оркестры легкой музыки и т. п.

Подлинным событием в культурной жизни страны явилось открытие в 1958 г. первого государственного оперного театра в Осло (до этого времени оперные спектакли в Норвегии ставились

лишь эпизодически, на сценах драматических театров). В настоящее время театр, под руководством главного дирижера А. Фладму, постепенно расширяет свою деятельность: наряду с оперными спектаклями он включает в репертуар также балетные постановки.

Не менее разнообразно представлено музыкальное искусство в другом крупнейшем центре Норвегии — Бергене, родном городе Грига. С 1953 г. здесь регулярно устраиваются музыкальные фестивали, имеющие широкий международный резонанс. В них принимают участие многие выдающиеся музыканты мира, в том числе советские артисты. С большими концертными программами выступает бергенский симфонический оркестр «Гармония» — старейший в Норвегии (основан в 1765 г.). Ежедневно устраиваются в дни фестиваля, в летнее время, камерные концерты в Доме-музее Грига в Трольхаугене. С большим успехом проходят в Бергене выступления пародных музыкантов, народных хоровых и танцевальных ансамблей.

Очень популярны в Норвегии, особенно среди молодежи, различные жанры легкой музыки. В стране насчитывается большое число эстрадных оркестров, вокально-инструментальных ансамблей, любительских музыкальных клубов, в которых широко пропагандируется джазовая музыка. Специальные фестивали джаза периодически организуются в разных городах, преимущественно в Кongsберге и в Моьде.

Заметная активизация музыкальной жизни естественно находит опору в творчестве современных композиторов. Среди них многие завоевали известность не только на родине, но и за ее пределами. В числе композиторов, выдвинувшихся в послевоенные годы, можно назвать К. Нюстеда, Х. Юнсена, Э. Соммерфельдта, Э. Х. Булля, Ф. Мортенсена, Э. Ховланна, Э. Ф. Брейна. А вслед за ними, уже в недавнее время, выступили представители нового поколения, родившиеся в 30—40-е годы: А. Пурхейм, К. Кольберг, Ф. Стрёмхольм, Р. Сёдерлини и др. Основной тенденцией этой творческой группы являются настоячивые поиски обновления выразительных средств, поиски новой музыкальной лексики, новых колористических элементов. «Современные течения, новые идеи потребовали и новых выразительных средств», — утверждает современный норвежский музыковед А. Эствед³⁸.

Однако эти новые выразительные приемы далеко не всегда отвечают насущным и прогрессивным задачам современности. Как и в других странах Западной Европы, поиски нового у многих композиторов послевоенного времени нередко приобретают внешний, формальный характер. Типичные для западного «авангарда» эксперименты в области так называемого пунантилизма,

³⁸ *Østvedt A. Music and Musicians in Norway Today. Oslo, 1964, p. 4.*

алеаторики, сонористики, электронной музыки паходят обильное и далеко не всегда оправданное применение в творчестве композиторов 50—70-х годов.

Тем ценнее каждое проявление народно-демократических традиций — черты жизнелюбивого и стойкого, энергичного «порвежского духа», не умирающего и в порвежской литературе наших дней. Эта жизнелюбивая струя не иссякает в лучших произведениях «певцов Норвегии XX века», по-своему и в новых условиях продолжающих традиции великого Грига.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ

Обретение Норвегией государственной самостоятельности, индустриализация и урбанизация сопровождались прогрессом научной жизни, высшей школы и музейного дела.

Успехам научных исследований способствовал высокий уровень народного образования. Неграмотность среди взрослого населения в XIX в. была редким исключением. Закон о всеобщем обязательном обучении был принят еще в 1827 г. К концу 60-х годов нашего века в стране завершен переход к единой девятилетней школе, в которой за три года обучения учащиеся приобретают одну из пяти основных специализаций, в том числе по сельскому хозяйству и лесному делу.

Первое высшее учебное заведение в стране было открыто в 1758 г. — Конгсбергский горный институт. На протяжении XIX столетия были учреждены Высшая техническая школа в Тронхейме, Высшая педагогическая школа в Ладе, Музыкальная академия в Бергене, Академия искусств, Консерватория, Высшая военная академия (все три в Кристиании). Для Норвегии характерно размещение ряда высших школ в провинциальных городах.

Еще в XVIII в. возникли планы создания университета в норвежской столице. Он был создан лишь в 1811 г. на средства от всенародной подписки и начал действовать в 1813 г. Длительное время это был единственный университет страны. Правда, фактически являлся университетом и открытый в 1825 г. Бергенский музей, бывший своеобразным высшим учебным заведением с естественнонаучным факультетом и отделениями геологии, океанографии, зоологии. В 1948 г. на основе этого факультета и его отделений был организован университет, второй в стране. В 1968 г. открыт университет в Тронхейме и в 1972 г. — самый молодой университет Норвегии в заполярном Тромсё.

В 1857 г. была учреждена Норвежская Академия наук и литературы (ныне Академия наук). Основывались научные общества: в Осло — Медицинское (1833), Изучения древностей (1844), Археологическое (1848), Политехническое (1852), Историческое (1869), Инженерное (1874), Географическое (1882), Химическое

(1893), Геологическое (1905), Математическое (1918) и иные. В Бергепе были основаны местное Историческое общество (1895), Медицинское, Поощрения наук (оба в 1927 г.).

Из научных учреждений страны мировое значение приобрел Метеорологический институт (основан в 1886 г.). В столице же расположены Институт химической физики, Полярный институт (основаны в 1948 г.), Институт сравнительного изучения культур (1920), Институт атомной энергии (1948), Научно-исследовательский институт министерства обороны и многие другие. Всего в Норвегии свыше 300 научно-исследовательских институтов, примерно столько же лабораторий промышленных и коммерческих фирм, около 40 научных обществ. Особо должен быть отмечен Нобелевский комитет стортинга, задачей его является подача рекомендаций стортингу для присуждения Нобелевской премии мира³⁹.

Примерно треть научно-исследовательских учреждений — государственные, 60% входят в систему высших учебных заведений, остальные являются независимыми от государства или же частными. Главные научные центры после столицы, насчитывающей около сотни научно-исследовательских институтов и лабораторий, — это Тронхейм и Берген. Государственные научно-исследовательские учреждения находятся в ведении министерств и ведомств. Институты атомной энергии, Полярный и ряд других управляются непосредственно правительством. Независимыми являются институты Онкологический, имени Микельсена (внешней политики) и иные. Наконец, немало институтов и лабораторий принадлежит концернам и предприятиям («Норник гидро», «Норатом» и др.).

Особо следует охарактеризовать организацию научных работ в сфере сельского хозяйства. Первая высшая Сельскохозяйственная школа была открыта в городе Ос (близ Осло) в 1859 г., в 1897 г. она преобразована в Высшую норвежскую сельскохозяйственную школу. Другой сельскохозяйственный вуз страны — Норвежская высшая ветеринарная школа. Кроме Высшей сельскохозяйственной школы, имеются отраслевые научно-исследовательские институты агрономического профиля (Норвежский институт защиты растений, Норвежский институт механизации сельского хозяйства, Институт экономики сельского хозяйства, Норвежский центр исследований мяса и мясопродуктов и др.).

В стране — около сорока агрошкол типа наших техникумов. При них имеются опытно-учебные хозяйства, животноводческие

³⁹ Нобелевские премии «за труды в деле пропаганды мира между народами» с 1901 г. присуждаются ежегодно норвежским стортингом по представлению Нобелевского комитета. Премии мира присуждаются государственным и общественным деятелям, порой весьма далеким от борьбы за мир.

фермы, фермы пушных зверей, пасеки. Широко поставлены научные работы опытных хозяйств, результаты их публикуются в трудах, издаваемых каждым опытным хозяйством. Развитая сеть сельскохозяйственных обществ (частных, по получающих субсидию государства) распространяет новые знания и методы с помощью института агрономов-консультантов, работой которых руководит министерство сельского хозяйства.

Освоением новых земель занимается специальное Общество по осушению земель Норвегии с постоянным штатом агрономов-мелиораторов. 50% бюджета общества дают взносы частных лиц. Имеются опытные станции по земледелию, овощеводству, садоводству. Лесным хозяйством руководят Главная дирекция (ведает частными лесами) и Дирекция государственных лесов. С 1917 г. функционирует Норвежский научно-исследовательский институт лесного хозяйства и эксплуатации леса в системе министерства сельского хозяйства. С 1898 г. существует Лесное объединение (частных лесовладельцев), здесь сосредоточены работы по облесению заболоченных земель и культивации леса. Объединение получает государственную субсидию. Имеются Государственный институт охотничьего хозяйства, Научно-исследовательский отдел пресноводного рыболовства и т. д.

Научными работами в области овощеводства ведают четыре государственных учреждения: Опытное хозяйство Кватамар (близ Троишейма), хозяйство Лангбек в Сирлапнет, Опытная станция Высшей сельскохозяйственной школы и Институт овощеводства при этой школе (руководит государственными сортоиспытаниями). Научные исследования и рекомендации в сфере животноводства — компетенция нескольких опытных станций (государственных и принадлежащих кооперации фермеров). Существуют общества животноводов, крупнейшее из них — Общество по разведению норвежского крупного рогатого скота. Государство оказывает обществу поддержку и ведет племенную книгу по каждой породе крупного рогатого скота.

Государство планирует научно-исследовательские работы, для чего существуют Государственный комитет по науке и технике и Консультативный совет по научным исследованиям (учреждены в 1965 г.). Стортинг утверждает разработанные этими учреждениями планы научных исследований, определяет размеры финансирования исследований и пр.

Важной чертой организации науки в Норвегии является ее участие в сотрудничестве стран Северной Европы. Существующий с 1952 г. межпарламентский Северный совет регулирует и вопросы координации в сфере высшего образования. В частности, обеспечено взаимное признание итогов государственных выпускных экзаменов в вузах стран Северной Европы; взаимно признаются ученые степени и звания и т. д. Улифицируется и патентное право.

С 1947 г. существует Северный совет по научным исследованиям в области технических и естественных наук («Нурдфоршк»), в который входят и представители Норвегии. Задачей совета является координация научных исследований и взаимная научно-техническая информация. Особо важна координация научных работ в области агрохимии, защиты природной среды, борьбы с коррозией металлов, ряда технологических процессов (например, химии жиров), теории и организации науки и пр. Осуществляется кооперация в области ядерной физики и атомной энергии.

Научные исследования в Норвегии в немалой степени финансируются из государственных и внебюджетных фондов. Таковы фонды Фритюфа Насена, А. Яре (создан крупным предпринимателем А. Яре для финансирования естественнонаучных работ), внебюджетный фонд для финансирования научных исследований, создаваемый из отчислений от своеобразного спортлото (так называемый «футбольный фонд»), фонд для поощрения сотрудничества промышленных предприятий и др. Особый культурный фонд создан из отчислений правительств северных стран, включая норвежское, для поощрения культурного сотрудничества этих стран в области гуманитарных, математических и педагогических наук.

Материальные условия научных работников вполне удовлетворительны, по трудоустройством молодежи, окончивающей вузы, не занимается ни одно учреждение, и безработица среди интеллигенции — обычное явление. В стране выходит много научных журналов, но цены на книги и научную периодику весьма высоки.

В небольшой Норвегии более пятисот музеев. Наиболее важные: в Осло — Норвежский народный музей (1894 г.), Государственный музей прикладного искусства (1876), Технический музей. На полуострове Бюгдэ, близ Осло, расположены один из крупнейших в Европе Музей деревянной архитектуры, Скансен, и Музей кораблей википгов. Здесь же — Музей «Коп-Тики» (доход от посетителей этого оригинального музея идет на стипендии студентам-антропологам и этнографам). Норвегия — первая страна, где стали бережно собирать и хранить памятники старинной деревянной архитектуры под открытым небом. О крупнейшем Бергенском музее, преобразованном в университет, по, конечно, сохранившем свои бесценные коллекции, уже говорилось. Имется и ряд мемориальных музеев: живописца Э. Мупка (основан в 1963 г.) и скульптора Г. Вигеланна (основан в 1947 г.).

* * *

О самостоятельной норвежской науке можно говорить лишь со второй половины XVIII столетия, когда в стране сложилась устойчивая прослойка интеллигенции, осознававшая и выражав-

шая особые, местные интересы в отличие от общегосударственных, датско-норвежских. Это произошло в прямой связи с зарождением капиталистических отношений и формированием буржуазной нации. Именно тогда появились первые труды, в которых раскрывались природные богатства страны и великое прошлое ее древней культуры⁴⁰. Таковы книги епископа Ю. Э. Гуннеруса (1718—1773).

Человек большой культуры и кипучей энергии, он явился организатором Королевского научного общества в Троицке в 1760 г. (в 1926 г. общество разделилось на Музей и Академию). Как натуралист Гуннерус оставил серьезный труд «Норвежская флора» («Flora norvegica», 1766—1776). Особая ценность труда — в гравюрах-таблицах (их 314). Много сделал Гуннерус для изучения полезных ископаемых страны. Итогом четырех экспедиций (1759, 1762, 1767, 1772 гг.) ученого явился трехтомный труд «Сообщения о минералах Нурланна и Финмарка» («Efterretninger over Mineralier i Nordland og Finmarken»), изданный уже после кончины автора. Труд шире названия — в нем немалое место занимает и фауна этих провинций.

В 20-х годах XIX в. при университете вокруг физика К. Ханстесна (изучавшего земной магнетизм) образовался кружок талантливой молодежи. Кружок издавал первый в стране «Естественно-научный журнал». Среди молодых людей — участников кружка находился Н. Х. Абель (1802—1829) — один из величайших математиков XIX столетия. Липения и скоротечная чахотка свели молодого ученого в могилу на 28-м году жизни, но вклад в математику обессмертил его имя. Следуя Эйлеру, Гауссу и Лагранжу, Абель начал свои исследования в области алгебры и перенес их в связанные с алгеброй отрасли интегрального исчисления. Этим он заложил основу современной теории эллиптических и гиперэллиптических функций. Установленные Абелем основные свойства этих функций привели его к созданию общей теории функций. Он оставил и неоспоримое доказательство неразрешимости в радикалах уравнений пятой степени. Хотя ранняя смерть обо-

Нильс Хенрик Абель

⁴⁰ Об исторической науке см. введение к книге.

рвала его исследования, последователи Абеля построили современную теорию функций на идеях замечательного норвежского математика⁴¹.

С началом промышленного переворота связан быстрый рост естественных наук, математики, физики и химии. П. К. Асбьёрсен (см. с. 590) — зоолог, лесовод, исследователь фольклора, опубликовал в шести томах «Естественную историю для молодежи» («*Naturlige historie for ungdom*», 1838—1848). Имя свое он, однако, прославил издавшем народных сказок Норвегии. Большое значение имели труды М. Н. Блютта (1789—1862) — ботаника и палеонтолога. Он занимался изучением лишайников Европы, флоры Пиренеев, но главным его трудом была «Флора Норвегии» («*Norges Flora*», Bd. 1, 1861). После смерти ученого этот труд продолжил его сын — ботаник А. Блютт (1843—1898), выпустивший 2-й и 3-й тома. Блютт-младший изучал фауну морских побережий Норвегии и субарктической зоны.

Исследователем ихтиофауны был М. Сарс (1805—1869), отец знаменитого историка. Бывший вначале ихтиологом, М. Сарс стал крупным зоологом. Он изучал фауну моря у побережья Бергена, особенно мир моллюсков и морских звезд. Фундаментальный труд «Фауна норвежских берегов» («*Fauna littoralis Norvegicæ*») начал выходить в 1848 г. Издание продолжил сын ученого Г. О. Сарс (1857—1927). Научные интересы Г. О. Сарса вышли за пределы Норвегии, он участвовал в знаменитой английской океанографической экспедиции вокруг света на корвете «Челленджер» (1872—1876), изучал органический мир Каспийского моря и Таганьики. Выдающимся последователем фауны и флоры моря был Я. Ю. А. Апелофф (1857—1921).

Физик и геофизик В. Ф. К. Бьеркнес (1862—1951) исследовал (под руководством знаменитого Г. Герца) явления электрического резонанса, обосновал теорему о циркуляции жидких тел и с ее помощью объяснил возникновение морских течений и ветров. Он разработал динамические методы прогнозирования погоды и основал норвежскую службу погоды (1917). Высокий уровень метеослужбы и ее авторитет у рыбаков, моряков и представителей иных профессий в значительной мере — заслуга Бьеркнеса.

По передкей у норвежских ученых традиции сын Бьеркнеса — Я. О. Б. Бьеркнес (р. 1897) — также метеоролог с мировым именем. Он выполнил классические исследования атмосферных фронтов, раскрыв их связи с осадками, открыл природу циклонов, выяснил роль циклонической активности в общей циркуляции атмосферы, изучал влияние океана на циркуляцию атмосферы и на климат.

⁴¹ *Оре О.* Замечательный математик Нильс Хсрик Абель / Пер. с англ. М., 1961.

Геолог Б. М. Кейлхау (1797—1858) создал геологическую карту Норвегии. Он исследовал горы Норвегии, Фишмарк, Шлицбергер и оставил ценный труд «Недра Норвегии» («Gaea Norvegica», Bd. 1—3, 1838—1850).

Математику после Абеля представлял Софус Ли (1842—1899). Творец теории непрерывных групп, возникшей из стремления внести объединяющее начало в разнообразные отрасли математики — дифференциальные уравнения, основания геометрии, теорию инвариантов, Ли оказал сильное влияние на современную математику и на такие ее ответвления, как топология и многомерная геометрия.

У. Я. Брок (1818—1889) — математик, физик, государственный деятель (был морским министром, руководил почтовым делом, ряд лет состоял депутатом стортинга) оставил крупное литературное наследие — труды в области математики, физики (механики, оптики). С 1880 г. он был директором Международного бюро мер и весов. Эта его деятельность приобрела международное значение.

К. М. Гульдберг (1836—1902) был математиком, натуралистом, химиком. Вместе с П. Воге он сформулировал один из основных законов физической химии — закон действующих масс (1864—1867). Этим законом установлены зависимость скорости химической реакции от концентрации реагирующих веществ, а также соотношение между концентрациями продуктов и исходных веществ в состоянии химического равновесия. На основе этого закона физической химии регулируются процессы химической индустрии — синтез аммиака, окисление сернистого газа и др.

В сфере медицины важным событием было открытие врачом и микробиологом Г. Х. А. Хансеном (1841—1912) лепрозной палочки, возбудителя грозной болезни — проказы.

С конца XIX в. происходит бурный рост норвежской индустрии. Развитие производительных сил определило темпы и характер научно-технического прогресса. Оформлялись новые отрасли науки, в первую очередь непосредственно связанные с запросами техники.

В 1900 г. К. Биркеланд (1867—1917) разрабатывает способ окисления азота атмосферы в дуговом разряде, ставший основой промышленного связывания атмосферного азота. В Норвегии, где электрическая энергия гидроэлектростанций сравнительно дешева, этот способ стал основой производства химических удобрений (калийной селитры).

Основа техники — математика была сферой плодотворной деятельности крупных ученых: А. Тве, А. Сельберга, В. Бруна. В области топологии выдвинулся П. Хёур. Отметим труды Э. Хилероса по квантовой механике, Ю. Хольтсмарка, Х. Вергеланпа и других — в сфере ядерной физики, Э. Гледича — в радиохимии. Интенсивный рост горнодобывающей индустрии сти-

мулировал успехи геологических наук (зоолог, минералог, палеонтолог и геолог В. К. Брэггер (1851—1940); П. Барт, разрабатывавший теорию петрографии; Ю. Г. Фогт — теорию рудообразования; В. М. Гольдшмидт — один из основателей геохимии и др.). Надо упомянуть С. Росселанна (р. 1894), исследователя перемещенных звезд.

Славой и гордостью норвежского народа является изучение произведенных регионов Земли. Норвегия еще в раннее средневековье заняла ведущее место в морских плаваниях (см. подробнее гл. II).

Среди путешественников начала нового времени было немало и норвежцев. Так, выдающимся полярным мореплавателем был Энс Мунк (1570—1628), плававший на Новую Землю (1609) и пытавшийся найти Северо-западный проход (экспедиция в Гудзонов залив, 1619—1620). С конца XIX в. Норвегия выдвинула крупнейших океанографов, отважных путешественников и исследователей полярных пространств.

На первом месте среди них стоит имя одного из величайших сынов Норвегии, Фритьофа Нансена (1861—1930). Зоолог по образованию (ихтиолог и конхиолог), Нансен еще студентом совершил первое плавание на зверобойном судне в Арктику. В 1888 г. Нансен с пятью товарищами предпринял лыжный поход по Гренландии с задачей пересечь гигантский остров с востока на запад. Смелый замысел удался. Были получены новые ценные данные по многим отраслям науки, в частности открыт второй полюс холода Северного полушария и собраны важные сведения по гляциологии, метеорологии и геологии. В 1890 г. Нансен выдвинул оригинальный проект путешествия к Северному полюсу. План исходил из мысли о существовании течения, идущего от берега Азии через Северный полюс. Предполагалась постройка непотопляемого судна особой конструкции, которое, вмерзнув в лед, продрейфовало бы к полюсу. Главная цель задуманной экспедиции была не установление рекорда, а исследование Арктики. Расчеты полностью подтвердились. Летом 1893 г. знаменитый «Фрам» («Вперед») вышел в открытое море из Осло-фьорда. Под $78^{\circ}50'$ с. ш. «Фрам» вмерз в полярные льды и начался его дрейф. Гипотеза о полярном течении также подтвердилась, но дрейф оказался медленным. К концу второй зимовки удалось достигнуть только 83° с. ш. и 102° в. д. В марте 1895 г. обозначилось устойчивое отклонение дрейфа и оказалось, что «Фрам» дрейфует на юго-запад от полюса. Нансен решил покинуть судно и вдвоем с лейтенантом Ф. Я. Иогансеном на лыжах достигнуть полюса. Нарты с продовольствием везли собаки.

«Фрам» поручался его капитану Отто Свердрупу. Нансен и его верный товарищ после пяти месяцев труднейшего похода достигли $86^{\circ}14'$, подойдя ближе к полюсу, чем все предшествовавшие экспедиции. До полюса оставалось всего $3^{\circ}46'$, когда отваж-

ные норвежцы открыли, что дрейф льдов относит их на юго-запад быстрее, чем путешественники двигались на север. Пришлось повернуть к Земле Франца-Иосифа. Перезимовав на острове Джексона, весной 1896 г. Нансен и его спутник близ мыса Флора, на острове Нордбрук, встретились с английской экспедицией Джексона и на ее судне в августе 1896 г. возвратились на родину. Спустя неделю Свердруп благополучно привел к берегу Норвегии «Фрам».

Экспедиция дала большие научные результаты: были определены глубины моря, доказано наличие течений и подвижки льдов в Северном Ледовитом океане с востока на запад, открыт ряд островов, выполнены ценные наблюдения по метеорологии, биологии моря, земному магнетизму, гляциологии.

В дальнейшем Нансен участвовал в нескольких экспедициях, в том числе в экспедиции 1913 г. к устью Енисея, завершившейся путешествием по Сибири. Свои впечатления он передал в книге, носившей знаменательное название «В страну будущего».

Нансен принимал также участие в борьбе за независимость родины — расторжении унии со Швецией (см. гл. XI) и был первым посланником независимой Норвегии в Англии. Глубоко потрясенный ужасами первой мировой войны, Нансен занял пост верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных и обеспечил репатриацию миллионов военнопленных многих национальностей, медицинскую помощь им, снабжение репатриантов деньгами и продовольствием. Он способствовал спасению оставшегося в живых армянского населения после злодейского истребления его младотурецкими властями. По инициативе Нансена были учреждены «нансеновские паспорта» для лиц, утративших связи с родиной и не натурализовавшихся на чужбине (см. также гл. XII, раздел о внешней политике).

Имя Нансена носят улицы, площади, школы городов СССР. Оно увековечено во многих географических названиях, например: его именем названы один из островов Земли Франца-Иосифа и мыс там же, острова у берега Харитона Лаптева (часть полуострова Таймыр). Имеется имя Нансена и на карте Луны⁴².

⁴² Ср.: *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце / Пер. с норв. Л., 1971.

Фридьоф Нансен

Выдающимся исследователем Арктики был и Отто Свердруп (1854—1930), спутник Нансена по лыжному походу через Гренландию и доблестный капитан «Фрама». В 1898—1902 гг. он возглавил экспедицию на борту «Фрама» в Канадском Арктическом архипелаге, открыв здесь ряд островов и исследовав архипелаг Парри. В 1914 г. Свердруп по приглашению русского правительства принял участие в розысках экспедиций Русанова и Седова. Арктику изучали и К. Ларсен (1860—1924) в 1893 г., Ю. Йорт (1869—1948) — в 1910 г., Х. У. Свердруп (1888—1957), совершивший в 1931 г. первое плавание в водах Арктики на подводной лодке «Наутилус».

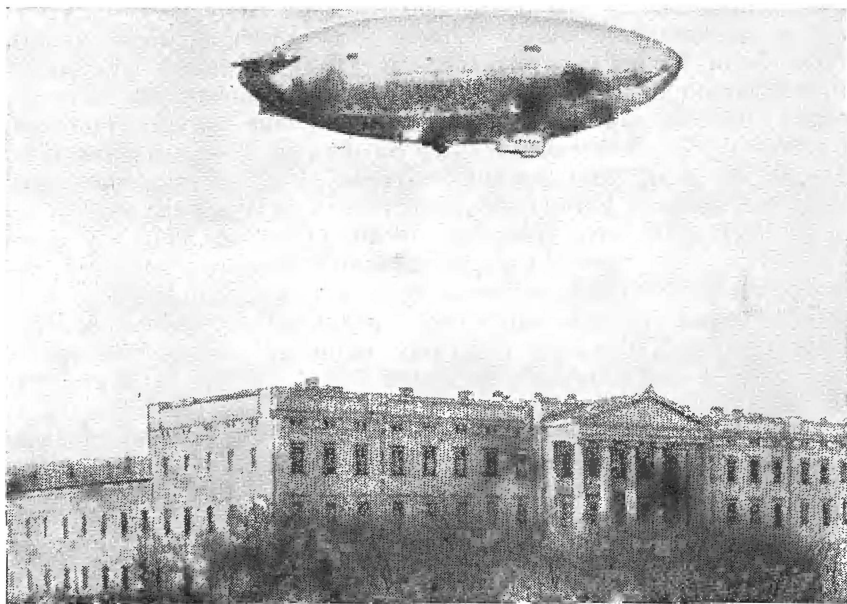
Громкое и славное имя в истории полярных путешествий составил себе Руал Амундсен (1872—1928). В 1903—1905 гг. на небольшом промысловом судне он проплыл Северо-западным проходом, что до него не удавалось никому. В этом плавании было определено положение магнитного полюса и обследованы берега островов Канадского Арктического архипелага.

В 1911—1912 гг. Амундсен штурмовал Южный полюс. На борту прославленного «Фрама» (дар Нансена) он отправился к ледовому барьеру Росса, где зимовал с группой спутников. Отсюда экспедиция благополучно достигла Южного полюса, где водрузила флаг своей родины. Р. Амундсен и Ф. Я. Йогансен были первыми людьми на Южном полюсе, на месяц опередив английскую экспедицию Р. Ф. Скотта.

В 20-х годах Амундсен замыслил смелое предприятие — достигнуть Северного полюса на самолете. 21 мая 1925 г. два самолета с экспедицией (Амундсен и семь спутников) стартовали со Шницбергена, взяв курс на полюс. Однако несовершенство тогдашней авиации и обнаружившийся большой перерасход горючего (его не хватило бы на обратный путь) заставили прервать полет под $87^{\circ}44'$ с. ш. и $10^{\circ}20'$ з. д. Неудача не обескуражила Амундсена. Северный полюс был им достигнут в 1926 г. в составе экспедиции на борту дирижабля «Норге». Это был первый беспримерный в истории авиации беспосадочный полет по маршруту Шницберген — Северный полюс — Аляска. Экспедиция была интернациональной — норвежско-америкапско-итальянской, и ею руководили Амундсен, Л. Элсуорт и У. Нобиле. Амундсен стал первым человеком, побывавшим на обоих полюсах Земли. Он погиб в 1928 г. при попытке вывезти на гидросамолете потерпевшую бедствие итальянскую экспедицию Нобиле.

Славное имя Амундсена носят залив, море и вершина в Антарктиде, залив в море Бофорта, котловина в Северном Ледовитом океане, научная станция (Амундсен—Скотт) в Антарктиде.

Выдающимся путешественником является Х. Ингстад (р. 1900). Заинтересовавшись проблемой локализации древнескандинавских поселений в Северной Америке — Винланде исландских саг, Ингстад после тщательных изысканий пришел к

Дирижабль Р. Амундсена над Королевским дворцом в Осло.
1920-е годы

выводу, что следы его нужно искать на острове Пьюфаундленд. В 1965 г. в северной части Ньюфаундленда ученому удалось обнаружить остатки поселения, по-видимому норманнского. Раскопки вскрыли фундаменты нескольких жилых домов, руины кузницы, куски шлака и крицы. Аборигены — индейцы и эскимосы — до появления в Новом Свете колонизаторов не знали ни металлургии, ни кузнечного дела. Радиоуглеродный анализ показал, что кузница действовала приблизительно в начале XI в., что согласуется со сведениями саг о Винланде⁴³.

Плеяду замечательных норвежских путешественников мы завершим именем Тура Хейердала (р. 1914). Участник второй мировой войны, после победы он отдал свои силы антропологии, этнографии, географии, археологии и реконструкции гипотетических плаваний древности.

Хейердал выдвинул гипотезу о первичном заселении Восточной Полинезии из Южной Америки, а не из Азии, как полагают большинство ученых. Для доказательства этой гипотезы он построил плот из бальзового дерева «Кон-Тики» (по имени божества древних перуанцев). На нем Хейердал с пятью спутниками в

⁴³ Инстад Х. По следам Лейва Счастливого / Пер. с норв. Л., 1969.

1947 г. проплыл за 101 день 4300 миль от Перу до атолла Рароа в архипелаге Туамоту (Полинезия). Высокая мореходность плота была полностью доказана. В 1952 г. ученый руководил норвежско-американской экспедицией на Галапагосские острова, собрав ценные материалы в подтверждение своей гипотезы. В 1955—1956 г. Хейердал исследовал острова Пасхи и Рала-Ити, работал он и на Маркизовских островах. Ему удалось раскрыть тайны создания и установки исполинских статуй острова Пасхи.

В 1969—1971 гг. Хейердал предпринял две попытки (вторую — успешно) пересечь Атлантический океан на ладье из папируса с задачей выяснить возможности трансатлантических рейсов из средиземноморского региона в древнейшие времена. Эпопея плаваний Хейердала и его спутников на папирусном судне, названном именем древнеегипетского божества Солнца «Ра», привлекла внимание всего мира.

Таков же характер последней экспедиции Т. Хейердала в ноябре 1977 — апреле 1978 г. на тростниковом судне — подобии судна древних шумеров — из Ирака в Персидский залив. Далее маршрут пролегал Аравийским морем и Аденским заливом. Целью экспедиции было доказать мореходные качества судна шумерского типа и показать, что древневосточные цивилизации могли сообщаться по морю. Экспедицию, чей интернациональный характер воплощался поднятым на судне (оно именовалось «Тигрис») флагом ООН, пришлось прекратить из-за военных маневров флота НАТО, но она подтвердила высокую мореходность судна.

Не все ученые согласны с воззрениями Хейердала. Однако его заслуги в обосновании возможностей и значения тростникового мореплавания древности бесспорны. Ныне норвежский ученый — почетный доктор наук Академии наук СССР.

* * *

После окончания второй мировой войны в Норвегии интенсивно развивались электротехника, радиотехника (телевидение), радиоэлектроника. В середине 60-х годов был построен первый в стране атомный реактор (проект Халлена, осуществленный совместно со Швецией, Данией, Финляндией и семью другими странами). В 70-х годах строятся суда с атомными двигателями. Интенсивно развивается химия. В 1969 г. О. Хассель (р. 1897), исследователь кристаллохимии, получил Побелевскую премию.

В области сельского хозяйства научные изыскания в послевоенный период направлялись на повышение урожайности, применение сельскохозяйственных удобрений новых типов, гербицидов, обновление сельскохозяйственной техники и т. д. Урожайность после войны значительно возросла. Весьма эффективны научные исследования в животноводстве. Они ведутся в направлении поисков новых методов кормления животных и условий содержания скота

**Первый экипаж «Ра» в Марокко, 1969 г.
Третий справа — Т. Хейердал.**

(испытания материалов для подстилки, различных конструкций полов, ступков, ограждений, отопления, вентиляции хлебов и стойл и т. д.). Важное значение имеют научные рекомендации по кормлению животных кормосмесями, получению высокой жирности молока и пр.

В рыболовстве научные работы содействуют развитию новых приемов лова, разведению рыбы в термальных водах предприятий (особенно карпа, угря), селекции (перспективно получение породы карпа без межмышечных костей), успехам зарыбления пресноводных озер и улучшению состава рыбы. Рекомендации ученых привели к полному прекращению норвежского китобойного промысла (с 1970 г.), и овечья романтика профессии китобоя исчезла.

Большие работы ведутся в лесном деле. Норвегия ежегодно высаживает миллионы деревьев (в основном хвойных пород). Много внимания уделяется уходу за лесом, санитарным рубкам, борьбе с вредителями леса и пр.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

около X тысячелетия до н. э.	Древнейшие следы человека на территории Норвегии. Поздний палеолит, ранний мезолит
V тысячелетие до н. э.	Стоянка Трепа (Хезгелани), древнейшее поселение из обнаруженных на территории Норвегии
III тысячелетие до н. э.	Неолит, мегалитические погребальные сооружения
вторая половина III тысячелетия до н. э.	«Культура боевых топоров»
середина II тысячелетия до н. э.	Переход к бронзовому веку
середина I тысячелетия до н. э.	Начало железного века
начало III в. до н. э.	Древнейшие рунические надписи
V—VI вв.	Курган Ракнсхауген (Раумарикп). Первые политические образования на территории Норвегии
793	Пападепис викингов на церковь Линдисфарн (Северная Англия)
IX — середина XI в.	Походы викингов
около 840	Подчинение восточной части Ирландии норвежским викингам
около 870	Начало заселения норвежцами Исландии
около 900	Битва в Хаврсфьорде. Подчинение Норвегии Харальдом Прекрасноволосым
около 933 — около 960	Хакон Харальдссон Добрый
около 974 — около 995	Яри Хакон Сигурдарсон
995—999 (1000)	Олав Трюггвасон
около 1000	Появление скандинавов в Северной Америке
1015—1028	Олав Харальдссон Святой
1030, 29 июля	Битва при Стиккластадирс. Гибель Олава Святого
1046—1066	Харальд Сигурдарсон Суровый Правитель
1066, 25 сентября	Битва при Стамфордбридже. Поражение норвежцев в борьбе за овладение Англией
1066—1093	Олав Харальдссон Спокойный
1103—1130	Спгурд Магнуссон Крестопосец
1152 (1153)	Основание архиепископства в Нидаросе
1163	Закон о престолонаследии
1163 (1164)—1184	Магнус Эрлингссон

1177	Начало движения «ланотников» (биркебейнеров)
1184	Битва при Фимрейте. Гибель Магнуса Эрлигссона
1184—1202	Сверрир Сигурдарсон
1217—1263	Хакон IV Хаконарсон Старый
1247	Закон о наследственной монархии
1250	Торговый договор Норвегии с Любеком
1251	Договор между Новгородом и Норвегией
1262—1264	Подчинение Исландии власти норвежского короля
1263—1280	Магнус VI Хакоарсон
1273	«Ландслов», первое общенорвежское законодательство
1277	Пожалование привилегий церкви («примирение в Тенсборге»)
1294—1296	Пожалование привилегий немецким купцам
1299—1319	Хакон V Магнуссон
1319—1355	Магнус VII Эрикссон
1319—1343	Уния Норвегии со Швецией
1326	Договор Норвегии с Новгородом
1349	Чума («Черная смерть»)
1355—1380	Хакон VI Магнуссон
1370	Штральзундский мир, подтверждение привилегий ганзейцев
1380—1814	Норвегия в унии с Данией
1389—1442	Эрик Померанский
1397, 13 (14) июля	Заключение Кальмарской унии
1436	Восстание под руководством Амунда Сигурдссона Болта
1438	Восстание в Телмарке под руководством Хальварда Гротоша
1448—1481	Кристиан I
1496—1502	Восстание под руководством Кнута Альвссона
1514—1523	Кристиан II
1523	Расторжение Кальмарской унии
1524—1533	Фредерик I
1536	Лютеранская реформация в Дании и Норвегии
1536, 30 октября	Утрата Норвегией самостоятельности
1537—1559	Кристиан III
1559—1588	Фредерик II
1563—1570	Северная Семилетняя война
1572	Учреждение должности статхольдера Норвегии
1588—1648	Кристиан IV
1604	Свод законов Кристиана IV
1611—1613	Кальмарская война
1612	Битва при Крингене
1642—1651	Статхольдер Гапнибал Сехестед
1643—1645	«Гапнибалова война» против Швеции
1645, август	Мир в Брёмсебру
1648—1670	Фредерик III

1657—1660	Война против Швеции
1658, февраль	Роскильдский мир
1660, май	Копенгагенский мир
1660—1661	Утверждение абсолютизма в Дании-Норвегии
1661	Собрание сословий в Кристиании
1662	Реформа административного деления
1663—1704	Наместничество У. Ф. Гюлленлёве (с перерывами)
1665	«Королевский закон»
1670—1699	Кристиан V
1675—1679	Война со Швецией (Сконская война, или «война Гюлленлёве»)
1688	«Норвежский закон»
1699—1730	Фредерик IV
1700—1721	Великая Северная война
1700	Переход на григорианский календарь
1716	Вторжение шведской армии. Осада Акерсхуса
1718	Второе вторжение шведов
1720	Фредриксборгский мир со Швецией
1730—1746	Кристиан VI
1730	Запрет на ввоз иностранного железа
1735	Введение датской хлебной монополии
1738	Организация «Норвежской компании»
1739—1742	Голод
1751	Окончательное разграничение со Швецией на севере
1746—1766	Фредерик V
1764—1765	Движение крестьян-рыбаков Западной Норвегии — «стриларей»
1765	Союзный договор Дании-Норвегии с Россией
1766—1808	Кристиан VII
1769	Первая перепись населения
1770—1772	Правление И. Ф. Струэнзе
1780—1783	Участие в первом вооруженном нейтралитете
1784	Устаповление регентства кронпринца Фредерика
1786—1787	Крестьянское движение под руководством К. Лофтхуса
1788	Отмена хлебной монополии
1795	Разрешение поморской торговли
1797	Либеральный таможенный тариф
1800—1801	Участие во втором вооруженном нейтралитете
1802—1829	Нильс Хенрик Абель
1807	Вступление в войну великих держав на стороне Франции. Присоединение к континентальной блокаде
1807—1809	«Годы несчастий»
1808—1809	Война со Швецией
1808—1814	Фредерик VI (в Дании до 1839 г.)

1807—1810	«Правительственная комиссия» для Норвегии
1810	Основание университета в Кристиании
1813—1896	Ивар Осеп
1814, 14 января	Кильский мирный договор
1814	Буржуазная национально-освободительная революция
1814, 19 февраля	Провозглашение независимости
1814, 10 апреля	Созыв Государственного собрания
1814, 17 мая	Эйдсволдская конституция; избрание принца Кристиана Фредерика королем Норвегии
1814, 14 августа	Мосская конвенция со Швецией
1814, 4 ноября	Уния со Швецией
1814—1894	Сёрсн Ябек
1816—1892	Юхан Свердруп
1817	Торговый договор Швеции-Норвегии с Россией
1818—1844	Карл XIV Юхан
1821	Введение норвежского торгового флага
1821	Отмена дворянства
1824	Начало празднования дня 17 мая
1826, 14 мая	Конвенция с Россией о разграничении на севере
1828	Договор о торговле и дружбе с Россией
1828—1906	Генрик Ибсен
1829, 17 мая	«Битва на рыночной площади»
1832—1910	Бьёрнстьерпе Бьёрнсон
1835—1917	Эрист Сарс
1837	Введение местного самоуправления
1842	Установление серебряного стандарта
1844	Введение герба и государственного флага
1843—1907	Эдвард Григ
1844—1859	Оскар II
1848—1851	Движение Маркуса Трапе
1854	Закон о всеобщей воинской повинности
1854	Первая железная дорога
1855	Полярский договор с Англией и Францией
1857	Учреждение общенорвежского частного кредитного банка
1857—1925	Кристиан Микельсен
1859—1872	Карл XV
1859	Отмена должности королевского наместника
1859	«Общество реформ»
1859—1952	Кнут Гамсун
1861—1880	Правительство Ф. Станга
1861—1930	Фрицьоф Напсен
1862—1951	Вильгельм Бьеркнес
1869—1943	Густав Вигеланн
1863—1944	Эдвард Мунк
1865	«Общество друзей крестьян»
1869	Закон о ежегодных сессиях стортинга

1872	Первый профсоюз (типографских рабочих)
1872—1928	Руал Амундсен
1872—1905	Оскар II
1873	Переход к золотому стандарту, введение кроны
1873—1965	Хальдан Кут
1884	Установление парламентской ответственности министров
1879—1967	Мартин Трансмел
1879—1952	Юхан Нюгорсволя
1884—1888	Правительство Юхана Свердрупа
1884	Основание партий «Венстре» и «Хейре»
1887	Основание Норвежской рабочей партии
1889—1968	Арцульф Эверланн
1894	Закон о страховании от несчастных случаев на производстве
1895—1973	Рагнар Фриш, экономист
1897	Эйнар Герхардсен
1898—1902	Правительство «чистых венстре» Юханнеса Стеена
1902—1943	Нурдал Григ
1902—1979	Юхан Борген
1905, март — июль	Коалиционное правительство К. Микельсена
1905, 7 июня	Расторжение стортингом шведско-норвежской унии
1905, август	Референдум о разрыве унии
1905, ноябрь	Референдум о форме государственного устройства
1905, 26 октября	Карлстадская конвенция о расторжении шведско-норвежской унии
1905, ноябрь — 1907, октябрь	Коалиционное правительство К. Микельсена
1905—1957	Хокон VII
1907, 2 ноября	Христианский гарантийный договор
1908, март — 1910, февраль	Первое правительство Г. Кнудсена
1909	Законы о концессиях. Закон о страховании пеннующих по болезни
1911	«Профсоюзная оппозиция 1911 г.»
1911	Амундсен на Южном полюсе
1913, январь — 1920, июль	Второе правительство Г. Кнудсена
1914 (род.)	Тур Хейсдал
1914, 4 августа	Официальная декларация о нейтралитете в мировой войне
1916—1927	Сухой закон
1917, 6 июня	Массовые демонстрации против дороговизны
1918, март	Национальная конференция рабочих советов в Осло
1919	Избирательная реформа
1919, июнь	Закон о 8-часовом рабочем дне
1919, июль	Решение второго чрезвычайного съезда НРП о вступлении в Коминтерн
1920—1976	Енс Бьёрнебу

1920, 9 февраля	Парижский договор о Шпицбергене
1921, 26 мая — 8 июня	Всеобщая забастовка
1921, 2 сентября	Соглашение с РСФСР о торговле
1921	Основание Крестьянской партии
1921	Основание Социал-демократической партии
1923, 4 ноября	Основание Коммунистической партии Норвегии
1924, 15 февраля	Установление дипломатических отношений с СССР
1925	Официальное присоединение Шпицбергена
1927	Воссоединение НРП и Социал-демократической партии
1928, 17 января — 15 февраля	Первое правительство НРП
1931, июнь	Невооруженная оккупация Восточной Гренландии
1931, 8 июня	Столкновение рабочих с полицией в Мюнстаде
1931, 24 сентября	Отмена золотого стандарта
1933	Основание фашистской партии Квислинга
1935	«Основное соглашение» между ЦОШН и Объединением предпринимателей
1935—1940	Правительство Ю. Нюгорсволла (НРП)
1936, 1 июля	Заявление о обязательном характере санкций по Уставу Лиги наций
1936	Законы об охране труда и о государственных пенсиях по старости для иждивенцев
1938	Вступление НРП в Социстерн
1938	Закон о государственной помощи безработным
1939, январь	Заявление притязаний на часть материковой Антарктики (Землю Королевы Мод)
1939, 1 и 3 сентября	Провозглашение нейтралитета во второй мировой войне
1939, 14 декабря	Приказ Гитлера о планировании операции по захвату Норвегии и Дании
1940, 8 апреля	Минирование норвежских территориальных вод английскими миноносцами
1940, 9 апреля	Нападение Германии на Норвегию
1940, апрель — 1945, июнь	Коалиционное правительство Нюгорсволла
1940, 14 апреля	Начало высадки англо-французских войск в Норвегии
1940, 8 июня	Выезд правительства и короля в Англию
1940, 10 июня	Капитуляция норвежских сухопутных сил
1940, 25 сентября	Роспуск политических партий (кроме фашистской)
1941, август	Восстановление дипломатических отношений с СССР (расторгнутых в мае 1941 г.)
1941, сентябрь	Массовая стачка в Осло. Казнь профсоюзных активистов
1941, декабрь	Незаконный пленум ЦК компартии в Осло
1942	Фашистская расправа с жителями рыбацкого поселка Телавог («норвежский Лидице»)
1943, 28 февраля	Уничтожение запасов «тяжелой воды» в Рjukanе

1944, май	Программное заявление Внутреннего фронта
1944, 25 октября	Начало освобождения восточного Финмарка Советской Армией
1945, 15 марта	«Битва на рельсах»
1945, 8 мая	Капитуляция вермахта в Норвегии
1945, 8 мая	Временное постановление о правительственных полномочиях в области цен и регулирования хозяйства
1945, июль—ноябрь	Коалиционное правительство Э. Герхардсена
1945, июнь	Участие в учреждении ООН
1945, октябрь	Первые послевоенные выборы в стортинг. Успех компартии
1945—1965	Правительство НРП во главе с Э. Герхардсеном (в 1954—1955 гг. во главе с О. Торпом)
1945	Закон о трехнедельном оплачиваемом отпуске
1946	Правительственный комитет по составлению «национального бюджета»
1948	Присоединение к «плану Маршалла» и вступление в ОЕЭС
1949, 4 апреля	Участие в учреждении НАТО
1950	«Чрезвычайные законы»
1952	Участие в основании Северного совета
1953	Постоянный закон о правительственных полномочиях в области цен
1955	Первое соглашение правительства с частными банками о рационализации кредитов
1955	Первый визит главы норвежского правительства в СССР
1956, июль	Массовая забастовка строительных рабочих
1956, 12 октября	Соглашение о культурном сотрудничестве с СССР
1957 —	Король Улаф V
1957, декабрь	Заявление Герхардсена в Совете НАТО о неизбежности базовой и атомной политики
1958	«Пасхальный бунт»
1959	Участие в основании ЕАСТ
1961	Создание Социалистической народной партии
1961, 11 сентября	Выборы в стортинг. Потеря Рабочей партией парламентского большинства
1962	Первое ходатайство о вступлении в «Общий рынок»
1965	Закон о единой народной пенсии
1965—1971	Буржуазное коалиционное правительство П. Бортена
1965	Начало демократического движения против агрессии США в Индокитае
1969	Налоговая реформа (введение «момса»)
1969	Открытие крупных залежей нефти у норвежских берегов Северного моря
1971	Возвращение НРП к власти (первое правительство Т. Браттели)
1971, декабрь	Официальный визит в Норвегию Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина

1972, 24—25 сентября	Референдум по вопросу о вхождении Норвегии в ЕЭС. Поражение сторонников интеграции
1973—1975	Социалистический избирательный союз. XIV съезд компартии. Принятие новой «Принципиальной программы» КПН
1974, март	Официальный визит в СССР премьер-министра Норвегии Т. Браттеля
1975	Образование Социалистической левой партии
1975, ноябрь	XV съезд компартии: решение о сохранении КПН как самостоятельной партии
1975	Избрание Р. Стесна председателем НРП
1976	Решение правительства об установлении 200-мильной экономической зоны вдоль побережья
1976—	Социал-демократическое правительство О. Нурдли
1977—1978	Кризисные явления в норвежской экономике
1979, май	Партийная делегация НРП в Москве
1979, декабрь	Поддержка решений Совета НАТО разместить новые американские ракеты в Западной Европе

БИБЛИОГРАФИЯ

К тому в целом

Библиография

Политическая история скандинавских стран и Финляндии в XIX и XX веках: Указатель литературы на русском языке. Турку; Тампере, 1973.

Шидловский А. Ф. Шпицберген в русской истории и литературе: Краткий исторический очерк русских плаваний и промыслов на Шпицбергене и подробный указатель литературы и архивных дел, относящихся к этим вопросам. СПб., 1912.

Bibliografi til Norges historie. Kristiania, 1916 (продолжается).

Industriens historie i Norge: En bibliografi. Oslo, 1972.

Just C. Litteraturen om Oslo 1654—1942. Oslo, 1943.

Norsk militærhistorisk bibliografi. Oslo, 1969.

Norske aviser 1763—1969. Oslo, 1973—1974. Bd. 1, 2.

Sande E. Skandinavia i sovjetisk historieforskning: En bibliografi. Trondheim, 1970.

Schjøtt H. Norsk historisk litteratur utkommet 1878—1909: En selektiv bibliografi. Oslo, 1970.

Wasberg G. C. Kurze Bibliographie der norwegischen Geschichte. Bonn, 1960.

Ørvik N. Norwegian Foreign Policy: A Bibliography 1905—1965. Oslo, 1968.

Ørvik N. Norwegian Foreign Policy: A Bibliography 1965—1970. Oslo, 1975.

Источники

Grunnloven vår med andre dokumenter av nasjonal viktighet / Utg. T. Andenæs. Oslo, 1953.

Historiske Samlinger. Udgivne af Den Norske Historiske Kildeskraftkommission. Christiania, 1900—1914. Bd. 1—3.

Huitfeldt C. Norge i andres øyne. Utdrag av utenlandske reisebeskrivelser gjennom 2000 år. Oslo, 1970.

Kilder til norsk historie 1560—1940 / Red. J. Nerbøvik. Oslo, 1968.

Norges lover 1682—1957. Oslo, 1958.

Norges offisielle statistikk. Statistisk årbok for Kongeriket Norge... Christiania; Oslo, 1906 (продолжается).

Norges traktater 1661—1966. Oslo, 1967—1968. Bd. 1—3.

Norsk lovsamling 1672—1900. Oslo, 1926.

Recueil des traités de la Norvège. Kristiania, 1907.

Samling af love etc. 1749—1887 vedrørende Kongeriket Norges handel og skibsfart. Christiania, 1890.

Справочники

Høeg T. A. Lov og dom. Lovregister til Norsk retstidende 1836—1968. Oslo, 1970—1971. D. 1—3.

Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1956—1978. Bd. I—XXII.

Norsk biografisk leksikon. Oslo, 1923—1962. Bd. 1—44.

Norsk historisk leksikon. Næringsliv, rettsvesen, administrasjon, mynt, mål og vekt, militære forhold, byggeskikk m. m. 1550—1850 / Red. R. Fladby. Oslo, 1974.

Литература

Энгельс Ф. Ответ господину Паулю Эрнсту.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.

Аношин Г. И. Общинные традиции порвежского крестьянства. М., 1971.

Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1971, 1980.

- Birkeland M.* Historiske skrifter. Kristiania; Oslo, 1919—1925. Bd. 1—3.
- Bull E.* Historie og politikk. Oslo, 1933.
- Bull E.* Grunnriis av Norges historie. Oslo, 1926; 2-c utg. Oslo, 1938.
- Castberg F.* Rett og revolusjon i Norge. Skrift, 1974.
- Festskrift til Halvdan Koht på sekstiårsdagen 7de juli 1933. Oslo, 1933.
- Polmsen A.* Nye studier i gammel historie. Oslo; Bergen; Tromsø, 1976.
- Hundre års historisk forskning. Utvalgte artikler fra Historisk tidsskrift. Oslo, 1970.
- Johnsen O. A.* Norges bønder. Utsyn over den norske bondestands historie. Kristiania, 1917; 2-t utg. Oslo, 1936.
- Johnsen O. A.* Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1939.
- Keilhau W.* Norway in World History. London, 1944.
- Koht H.* Norsk bondereising. Oslo, 1926; siste utg., 1975.
- Koht H.* Norsk vilje. Oslo, 1977.
- Makt og motiv. Et festskrift til Jens Arup Seip 1905 11 okt. 1975 / Red. O. Dahl et al. Oslo, 1975.
- Midgaard J. A.* Brief History of Norway. Oslo, 1963.
- Munch P. A.* Det norske Folks Historie. Christiania, 1852—1859. D. 1—4.
- Norges historie fremstillet for det Norske Folk. Kristiania, 1909—1917. Bd. 1—6.
- Norges historie / Red. K. Mykland. Oslo, 1976—1980. Bd. 1—15.
- Det norske folks liv og historie gjennom tiden. Oslo, 1929—1935. Bd. 1—10.
- Den norske sjøfartshistorie fra de ældste tider til våre dager. Kristiania; Oslo, 1923. Bd. 1—3.
- Nærsamfunnet i historisk lys. Utvalde artikler fra Heimen i 50 år / Red. H. Bjørkvik et al. Oslo, 1973.
- Sars J. E. W.* Udsigt over den Norske Historie. Christiania, 1873—1891. D. 1—4.
- Seip J. A.* Tanke og handling i norsk historie. Oslo, 1968.
- Selnes K.* Norge — Russland. Grannefolk gjennom tusen år. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.
- Skard S.* USA i norsk historie 1000—1776—1976. Oslo, 1976.
- Skeie J.* Norges forsvars historie. Oslo, 1953.
- Steen S.* Tusen års norsk historie. Artikler og avhandlinger. Utgitt til hans 60årsdag. Oslo, 1958.
- Store navn i norsk historie / Red. M. Skodvin. Oslo, 1973.
- Vårt folks historie. Oslo, 1961—1964. Bd. 1—9.
- Wasberg G. C., Svendsen A. S.* Industriens historie i Norge. Oslo, 1969.
- Worm-Müller J.* Idéer og mennesker. Utvalgte avhandlinger, artikler og taler utgitt til 70årsdagen. Oslo, 1954.

**Периодические
и продолжающиеся издания**

- Скандинавский сборник. Таллин, 1956—1979. Вып. 1—24.
- Excerpta historica nordica, 1955—1977, Bd. 1—9.
- Historisk tidsskrift. Oslo, 1870—1979.
- Scandia, 1928—1978.
- Scandinavian Journal of History, 1976—1979.
- The Scandinavian Economic History Review, 1953—1979.

**К историографическому
введению**

- Беседа с норвежским историком А. Ордингом.— Борьба классов, 1931, № 6/7, с. 157—158.
- Голубков В. С.* Норвежская официальная историография о послевоенной внешней политике Норвегии.— Вопросы истории, 1971, № 4, с. 97—110.
- Гуревич А. Я.* Основные проблемы истории средневековой Норвегии в норвежской историографии.— Средние века. М., 1960, вып. 18, с. 163—192.
- Кап А. С.* Изучение новой истории в скандинавских странах в XVIII — начале XX века.— Вопросы истории, 1965, № 8, с. 94—107.
- Кап А. С.* Обзор исследовавший и мемуаров о внешней политике Норвегии в годы второй мировой войны.— В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией: В 3-х кн. М., 1966, кн. 1.
- Кур Х.* Новые исторические работы в Норвегии.— Вопросы истории, 1947, № 11, с. 84—87.
- Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских истори-

ческих исследований в СССР.— Скандинавский сборник. Таллин, 1968, вып. 13.

Носков А. М. Норвежская историческая литература о движении Сопротивления в 1940—1945 гг.— В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии: Сборник статей. Л., 1967, с. 364—370.

Пирогов Г. Н. «Historisk Tidsskrift». Oslo: (Обзор).— Вопросы истории, 1965, № 1, с. 186—188.

Похлебкин В. В. О развитии и современном состоянии исторической науки в Норвегии.— Вопросы истории, 1956, № 9, с. 205—213.

Рогинский В. В. Архивные изыскания порвежского историка Ингвара Нильсена в России.— Скандинавский сборник. Таллин, 1975, вып. 20.

Сольхейм С. Изучение развития форм норвежской крестьянской общины.— Советская этнография, 1956, № 4, с. 73—76.

Шаскольский И. П. Изучение истории скандинавских стран советскими учеными.— В кн.: Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1976, с. 116—133.

Dahl O. Historisk materialisme. Historieoppfatningen hos Edvard Bull og Halvdan Koht. Oslo, 1952; 2-е utg. Oslo, 1974.

Dahl O. Norsk historieforskning i 19. of 20. århundre. Oslo, 1969; 3-е utg. Oslo, 1976.

Dahl O. Grunntrekk i historieforskningens metodelære. Oslo, 1967.

Elster J. Nytt perspektiv på økonomisk historie. Problemer og metoder i en samfunnsvitenskap. Oslo, 1971.

Mykland P. Grandeur et décadence. En studie i Ernst Sars historiske grunnsyn. Oslo, 1955.

Omstridda spørsmål i Nordens historia. København, 1940.

Omstridda spørsmål i Nordens historia. Helsingfors, 1950.

Seip A. L. Vitenskap og virkelighet. Sosiale, økonomiske og politiske teorier hos T. H. Aschehoug 1845 til 1882. Oslo, 1973.

Smith L. F. Modern Norwegian historiography. Oslo, 1962.

К главам 1—4

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970, с. 9—63.

Holmsen A. Norges historie. Fra de eldste tider til eneveldets innførelse i 1660. Oslo; Bergen; Tromsø, 1961.

Norsk middelalder. Utvalgte avhandlingar for historiestudiet / Red. A. Holmsen. Oslo, 1966.

К главе 1

Литература

Энгельс Ф. К истории древних германцев.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 472—474, 479—480.

Hagen A. Norges oldtid. Oslo, 1967.

Lougen B. Fra seter til gård. Oslo, 1948.

Gjessing G. Studier i norsk merovingertid. Oslo, 1934.

К главе 2

Источники

Norges gaardnavne / Utg. O. Rygh et al. Kristiania; Oslo, 1897—1936. Bd. 1—19.

Norges indskrifter med de aeldre runer / Utg. S. Bugge. Kristiania, 1891.

Norges innskifter med de yngre runer / Utg. M. Olsen, A. Liestøl. Oslo, 1941—1960. Bd. 1—5.

Литература

Энгельс Ф. Военно-морской флот.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 381.

Энгельс Ф. История Ирландии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 516—520.

Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого: Пер. с норв. Л., 1969.

Щепкин Е. Н. Варяжская вира. Одесса, 1915.

- Arbman H.* The Vikings. New York, 1961.
- Blindheim C., Tollnes R.* Kaupang. Vikingenes handelsplass. Oslo, 1972.
- Bronsted J.* The Vikings. London, 1975.
- Ellis Davidson H. R.* Scandinavian Mythology. London; New York; Sydney; Toronto, 1969.
- Foote P., Wilson D. M.* The Viking Achievement. The Society and Culture of Early Medieval Scandinavia. London, 1970.
- Herleig A. E., Lidén H. E., Blindheim C.* Archaeological Contributions to the Early History of Urban Communities in Norway. Oslo; Bergen; Tromsø, 1975.
- Klindt-Jensen O., Wilson D. M.* Vikingetidens kunst. København, 1965.
- Maurer K.* Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte. Osnabrück, 1966.
- Olsen M.* Ættegård og helligdom. Oslo, 1926.
- Olsen O.* Hørg, hov og kirke. København, 1966.
- Petersen J.* Vikingetidens smykker i Norge. Stavanger, 1955.
- Sawyer P. H.* The Age of the Vikings. London, 1962.
- Skaare K.* Coins and Coinage in Viking-Age Norway. Oslo, 1976.
- Ström F.* Nordisk hedendom. Göteborg, 1961.
- Turville-Petre E. O. G.* Myth and Religion of the North. The Religion of Ancient Scandinavia. London, 1964.
- К главе 3**
- Источники**
- Исландские саги / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.
- Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.
- Старшая Эдда. Древнеславянские песни о богах и героях / Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1970.
- Adam Bremensis.* Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Hrsg. R. Buchner. Darmstadt, 1961.
- Der Königsspiegel* / Hrsg. R. Meissner. Weimar, 1944; 1978.
- Fagrskinna* / Utg. F. Jónsson. København, 1902—1903.
- Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1941—1951. Bd. 1—3.
- Jonsson F.* Den norsk-islandske Skjaldedigtning. København, 1908—1915. Bd. 1, 2.
- King Alfred's Orosius / Ed. H. Sweet. London, 1883.
- Latinske dokument til norsk historie fram til år 1204 / Utg. E. Vandvik, V. Skånland. Oslo, 1959.
- Monumenta historica Norvegiac / Utg. C. Storm. Kristiania, 1880.
- Morkinskinna / Utg. F. Jónsson. København, 1932.
- Norges gamle Love indtil 1387 / Utg. R. Keyser et al. Christiania, 1846—1895. Bd. 1—5.
- Saxo Grammaticus, Gesta danorum / Utg. I. Olrik, H. Raeder. København, 1931—1957. Bd. 1, 2.
- Sverris saga / Utg. G. Indrebø. Kristiania, 1920.
- Литература**
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. Заметки и фрагменты.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 506.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немская идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 73.
- Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Порвегии. М., 1967.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972.
- Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневекье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М., 1979.
- Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Туандер К. Ф.* Посэдки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией.— Исторические записки, 1945, т. 14.
- Шаскольский И. П.* Русско-норвежский договор 1326 года.— Скандинавский сборник. Таллин, 1970, вып. 15, с. 63—71.

- Andersen P. S.* Samlingen av Norge og kristningen av landet, 800—1130. Bergen; Oslo; Tromsø, 1977.
- Bull F.* Folk og kirke i middelalderen. Kristiania, 1912.
- Gathorne-Hardy G. M.* A Royal Impositor. London, 1956.
- Johnsen A. O.* Fra acttesamfunn til statssamfunn. Oslo, 1948.
- Koht H.* Kong Sverre. Oslo, 1952.
- Norske historikere i utvalg. Oslo, 1967—1969, Bd. 1, 2.
- Paasche F.* Møtet mellom hedendom og kristendom i Norden. Oslo, 1958.
- Schreiner J.* Olav den hellige og Norges samling. Oslo, 1929.
- Steinnes A.* Gamal skatteskipnad i Norge. Oslo, 1932—1933. Bd. 1, 2.
- Steinnes A.* Husebyar. Oslo, 1955.

К главе 4

Источники

- Landrecht des Königs Magnus Hakonarson / Bearb. R. Meissner. Weimar, 1941.
- Stadtrecht des Königs Magnus Hakonarson für Bergen / Bearb. R. Meissner. Weimar, 1950.

Литература

- Helle K.* Konge og gode menn i norsk riksstyring ca. 1150—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1972.
- Helle K.* Norge blir en stat, 1130—1319. Bergen; Oslo; Tromsø, 1974.
- Kinck H. E.* Storhetstid. Oslo, 1922.
- Norske historikere i utvalg. Oslo, 1970. Bd. 3.
- (См. также источники и литературу к гл. 3)

К главе 5

Источники

- Diplomatarium norwegicum / Utg. C. C. A. Lange, C. R. Unger. Christiania; Oslo, 1847—1970. Bd. 1—24.
- Norges gamle love. Christiania; Oslo, 1914—1916. R. 2, Bd. 2—3.

Литература

- Bjørkvik H., Dybdahl A.* Øydegarder og øydegardsgransking i Norge.— In: Nasjonale forskningsoversikter. Det nordiske ødegårdsprosjekt. København, 1972.

- Blom G. A.* Kongemakt og privilegier i Norge inntil 1387. Oslo; Bergen; Tromsø, 1967.
- Bull E.* Byene i middelalderen.— In: Nordisk kultur. Oslo, 1933, Bd. 18.
- Hamre L.* Norsk historie frå omlag år 1400 til 1513. Førelcsingar. Bergen; Oslo; Tromsø, 1968.
- Hasund S.* Or Noregs bondesoge. Oslo, 1942—1944. Bd. 1, 2.
- Holmsen A.* Problemer i norsk jordciendomshistorie.— Historisk Tidskrift, 1947, Bd. 34, h. 3, s. 220—255.
- Norske historikere i utvalg. Oslo, 1968. Bd. 4.
- Sandnes J.* Ødetid og gjenreisning. Bergen; Oslo; Tromsø, 1971.
- Schreiner J.* Pest og prisfall i senmiddelalderen. Et problem i norsk historie.— Avhandlinger utgitt af Det Norske Videnskaps — Akademi i Oslo. iI. Hist.-filos. Kl. Oslo, 1948, N 1.
- Seip E. A.* Lagmann og lagting i senmiddelalderen og det 16de århundrede. Oslo, 1934.

К главе 6

Источники

- Danmark-Norges traktater, 1523—1750 / Udg. L. Laursen. København, 1907. Bd. 1. 1523—1560.
- Norske herredagsdombøker, 1578—1664. Christiania, 1896—1945. R. 1—4.
- Norske lensrekneskapsbøker, 1548—1567. Oslo, 1937—1943. Bd. 1—4.
- Norske regnskaber og jordebøger fra det 16. Aarhundrede. Christiania, 1887 — Oslo, 1972. Bd. 1—5.

Литература

- Энгельс Ф.* К «Крестьянской войне».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 417.
- Bjørkvik H., Holmsen A.* Kven åtte jorda i den gamle leilendingstida. Trondheim, 1972.
- Bugge A.* Den norske traclasthandels historie. Skien, 1928. Bd. 1, 2.
- Erslev K.* Danmarks-Norges len og lensmaend, 1596—1660. København, 1885.
- Fladby R.* Fra lensmannstjener til kongelig majestets foged. Bergen; Oslo; Tromsø, 1963.
- Holmsen A.* Gard, bygd, rike. Oslo, 1966.

- Koht H.* Olav Engelbriktsson og sjølvstende-tapet, 1537. Oslo, 1951.
Koht H. Inn i einveldet, 1657—1661. Oslo, 1960.
Schreiner J. Hanseatene og Norge i det 16. århundre. Oslo, 1941.

К главам 7—14

- Borgedal P.* Norges jordbruk i nyere tid. Oslo, 1966—1968. Bd. 1—3.
Bull E. Arbeiderklassen i norsk historie. 2-e utg. Oslo, 1948.
Hovde B. J. The Growth of Middle Classes. The Scandinavian Countries 1720—1865. Boston (Mass.), 1943.
Kleven H. I. Klassestrukturen i det norske samfunnet. Oslo, 1965.
Lorenz E. Arbeiderbevegelsens historie. Oslo, 1972—1974. D. 1, 2.
Мое Т. Demographic Developments and Economic Growth in Norway. 1740—1940. Stanford (Calif.), 1970.

К главе 7

Источники

- Aktstykker til de norske staendermøders historie 1548—1661 / Utg. O. A. Johnsen. Kristiania, 1917.
 Danmark-Norges traktater, 1523—1750 / Utg. L. Laursen. København, 1907. Bd. 2. 1561—1750.
 Innberetninger fra den franske legation i Kjøbenhavn (Correspondance consulaire) vedrørende Norge. Oslo, 1934. Bd. 1. 1670—1748.
 Kongelige rescripter, resolutioner og collegial-Breve for Norge / Utg. F. A. Wessel-Berg. Christiania, 1841—1871. Bd. 1—4.
 Lex regia det er den Souveraine Kongelov... København, 1709.
 Norske kongebrev 1670—1680. Oslo, 1968.

Литература

- Barfod J. H. P.* Danmark-Norges handelsflåde 1650—1700. København, 1967.
Drake M. Population and Society in Norway 1735—1865. Cambridge, 1969.
Gulowsen J. Gyldenløve feiden 1675—1679. Christiania, 1906.
Holm E. Danmark-Norges indre historie 1660—1720. København, 1885.
Holm E. Danmark-Norges historie

(1720—1814). København, 1891—1905. Bd. 1—5.

- Johnsen O. A.* De Norske stænder. Bidrag til oplysning om folkets deltagelse i satsanliggender fra reformationen til eneveldet (1537—1661). Christiania, 1906.
Jørgensen D. Danmark-Norge mellom stormaktene 1688—1697; dansk-norsk sjøfart og utenrikspolitikk under den pfalziske arvefølgekrig. Oslo, 1976.
Mykland K. Skiftet i forvaltningsordningen i Danmark og Norge i tiden fra omkring 1630 og inntil Frederik den tredjes død. Bergen; Oslo, 1967.
Nilsen H. Bergensernes handel på Finnmark i eldre Tid. Et bidrag til Bergens og Finnmarks handelshistorie. Oslo, 1966.
Nodtvedt M. Rebirth of Norway's Peasantry. Folkleader Hans Nielsen Haug. Tacoma (Wash.), 1965.
 Norge under eneveldet 1660—1720. Bergen, 1975.
 Norge under eneveldet 1720—1800. Bergen, 1976.
Tveite S. Engelsk-norsk trelasthandel 1640—1710. Bergen; Oslo, 1961.
Vea E. Likhetsiden i Norge i 1790 årene. Oslo, 1956.
Wasberg G. C. I takt med Europa. Larvik grevskap, Utvikling og struktur. Oslo, 1973.

К главам 8—15

- Derry T. K.* A History of Modern Norway. 1814—1972. Oxford, 1973.
 Det norske storting gjennom 150 år. Oslo, 1964. Bd. 1—4.
 Dette er Norge 1814—1964. Oslo, 1963—1964. Bd. 1—3.
Lindgren R. E. Norway — Sweden. Union, Disunion and Scandinavian Integration. Princeton, 1959.
Tveite S. Jord og gjerning. Trekk av norsk landbruk i 150 år. Oslo, 1959.

К главе 8

Источники

- Хрестоматия по новой истории: В 3-х т. М., 1965, т. 2, с. 258—259.
 Aktstykker vedkommende Konventionen i Moss 14de August 1814 / Utg. Y. Nielsen.— Videnskabselskabets Skrifter. II. Hist.-filos. Kl., 1894, N 4.

- Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjøbenhavn og Christiania i Aaret 1814. R. 1, 2./Utg. Y. Nielsen.— Videnskabselskabets Skrifter. II. Hist.-filos. Kl., 1895, N 1; 1897, N 3.
- Christian-Frederiks og Carsten Ankers brevveksling 1814 samt uddrag af deres breve fra 1801—1813 og fra 1815—17/Utg. C. J. Anker. Christiania, 1904.
- Forhandlingsprotokoll ført i Regjeringsraadet og Statsraadet Marts til December 1814. Utgitt fra det Norske Rigsarkiv. Kristiania, 1899.
- Aall J. Erindringer som Bidrag til Norges Historie fra 1800 til 1815. Anden udgave i et bind udgivet med nogle Rettelser og tillæg af Christian Lange. Christiania, 1859.
- Литература**
- Маркс К. Бернадот.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14.
- Алимова Т. А. Русская крестьянская поморская торговля с Северной Норвегией (первое десятилетие XIX века).— Скандинавский сборник. Таллин, 1977, вып. 22.
- Зак Л. А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах шатолеоновской империи. М., 1966.
- Павлова Л. Я. Шведско-датско-порвежский конфликт 1814 года в России (дипломатическая миссия М. Ф. Орлова).— Новая и новейшая история, 1972, № 1, с. 138—148.
- Рогинский В. В. Россия и скандинавские государства в 1801—1815 гг. (Обзор материалов серрийной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века»).— Скандинавский сборник. Таллин, 1976, вып. 21.
- Рогинский В. В. Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978.
- Bergsgård A. Året 1814. Oslo, 1943—1945. Bd. 1, 2.
- Eidsvold 1814. Kristiania, 1915.
- Kohl H. 1814. Norsk dagbok. Hundre aar etterpå. Kristiania, 1914.
- Linvald A. Kong Christian VIII Norges Statholder 1813—1814. København, 1952.
- Linvald A. Christian Frederik og Norge 1814. De store beslutninger mellem Kielfreden og Eidsvoldmødet januar—februar. København, 1962.
- Linvald A. Christian VIII. Før Eidsvolds grundloven. København, 1965.
- Nielsen Y. Lensgreve Johan Caspar Herman Wedel Jarlsberg 1779—1840. Christiania, 1901—1902. D. 1—3.
- Nissen B. Året 1814. Oslo, 1964.
- Omkring 1814. En antologi/Ved. K. Mykland. Oslo, 1967.
- Polak A. Wolffs and Dorville. Et norsk-engelsk handelshus i London under Napoleonskrigene. Oslo, 1968.
- Steen S. Det frie Norge. 1814. Oslo, 1951.
- Steffens H. K. Den norske centraladministrations historie 1814—1914. Kristiania, 1914.
- Til hetyning av 1814. Kristiania, 1914.
- Tønnessen J. N. Kaperlast og skipsfart 1807—1814. Oslo, 1955.
- Wasberg G. C. Historien om 1814. En beretning i dokumenter, sitater og illustrasjoner. Oslo, 1964.
- Weibull J. Carl Johan och Norge 1810—1814. Unionsplanerna och deras förverkligande. Lund; Oslo, 1957.
- Worm-Müller J. S. Norge gjennom nød-sårene (1807—1810). Christiania, 1918.
- Østvedt E. Christian Magnus Falsen. Linjen i hans politikk. Oslo, 1945.
- К главам 9—15**
- Источники**
- Norges offisielle statistikk. Historisk statistikk 1968. Oslo, 1969 (продолжается).
- Norsk sosialisme: En dokumentasjon / Utg. E. Lorenz. Oslo, 1970.
- Литература**
- Gjerlow O. Norges politiske historie. Høires innsats fra 1914 til idag. Oslo, 1934—1936. Bd. 1—3.
- Liebermann S. The Industrialisation of Norway 1800—1920. Oslo, 1970.
- Zachariassen A. Fra Marcus Thrane til Martin Tranmael. Oslo, 1962, 1977.
- К главе 9**
- Источники**
- Хрестоматия по новой истории: В 3-х т. М., 1965, т. 2, с. 264—266.
- Aktstykker frå oppgjerda millom No-

- reg og Danmark etter 1814/Utg. H. Koht. Oslo, 1925.
- Essen H. H.* Brev fra Grev H. H. von Essen til H. K. Kronprins Carl Johan/Utg. Y. Nielsen. Christiania, 1867.
- Hoel J.* Fra den gamle bondeopposisjon. Brev og innlegg fra Stortingene 1818, 1821, 1822 og 1833. Oslo, 1927.
- Mörner C.* Statholder Carl Mörners brev till Carl Johan 1816—1818. Oslo, 1938.
- Stormagternes Forhold til Norge og Sverige 1815—1819. Christiania, 1886.
- Thrane M.* Marcus Thrane og thraniterbevegelsen. Artikler av Marcus Thrane. I utvalg ved og med innledning av H. Johansen. Oslo, 1949.
- Thrane M.* Arbeider, forén dere! Politiske skrifter av Norges første socialist. Utvalg og innledning av E. Lorenz. Oslo, 1969.
- Литература**
- Энгельс Ф.* Конституционный вопрос в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 51.
- Энгельс Ф.* Гражданская война в Швейцарии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 350.
- Энгельс Ф.* Датско-прусское перемирие.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 420—421.
- Энгельс Ф.* Письмо К. Марксу, декабрь 1846 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 70—71.
- Григорьева Л. Г.* Творчество Хесприка Вергелашна и его место в норвежском романтизме.— В кн.: Неизученные страницы европейского романтизма. М., 1975, с. 129—155.
- Н и Чулков Н.* К истории разграничения России с Норвегией.— Русский архив, 1901, № 1, с. 141—157.
- Bergsgård A.* Ole Gabriel Ueland og bondepolitikken. Oslo, 1932. Bd. 1, 2.
- Bergsgård A.* Norsk historie 1814—1880. Oslo, 1975.
- Bjørklund O.* Marcus Thrane. En stridsman for menneskerett og fri tanke. Oslo, 1951.
- Blegen T. C.* Norwegian Migration to America. Northfield (Minn.), 1940; 2 ed. New York, 1969.
- Blomqvist T.* Den första unionskommittén (1839—1844). Lund, 1917.
- Falnes O.* National Romantism in Norway. New York, 1968.
- Heiberg H.* Så stort et hjerte. Henrik Wergeland. Oslo, 1972.
- Hoch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968.
- Koht H.* Stortings-oppløsninga i 1836. Opplyst med nye aktstykker. Oslo, 1937.
- Kraft S.* Nord-Norge i de förenade konungarikernas handelstraktater med Ryssland. Stockholm; Lund, 1954.
- Kraft S.* Pomorhandelen på Nordnorge under 1800—talets förra hälft. Tromsø; Oslo, 1968.
- Lund C. A. M.* Schweigaard som stortingspolitiker. Oslo, 1958.
- Mannsåker D.* Det norske presteskapet i det 19. hundreåret. Sosialhistoriske studier. Oslo, 1954.
- Mardal M.* Norge, Sverige og den engelske trelasttoll 1817—1850. Oslo, 1957.
- Mohr O. L.* Henrik Wergeland og arbeiderne. Oslo, 1958.
- Muhrvold J.* «Morgenbladet» og bondeopposisjonen 1838—1857. Oslo, 1949.
- Nielsen Y.* Af Norges nyere historie. Grev von Platens statholderskab 1827—1829. Kristiania, 1875.
- Nygaard K.* Nordmenns syn på Danmark og danskene i 1814 og de første selvstendighetsår. Oslo, 1960.
- Palmstierna C. F.* Sverige, Ryssland och England 1838—1855. Kring November-traktatens förutsättningar. Stockholm, 1932.
- Sanness J.* Patriotet, intelligens og skandinaver. Norske reaksjoner på skandinavismen før 1848. Oslo, 1959.
- Sars J. E.* Norges politiske historie 1815—1885. Kristiania, 1904.
- Seip J. A.* Utsikt over Norges historie. Oslo, 1974. Bd. 1. Tidsrommet 1814—ca. 1860.
- Skard S.* Til Marcus Thranes idéhistorie. Oslo, 1949.
- Skullerud Aa.* Bondeopposisjonen og religionsfriheten i 1840-årene. Borgen; Oslo; Tromsø, 1971.
- Solhaug T.* De norske fiskeriens historie 1815—1880. Oslo, 1976, Bd. 1, 2.
- Steen S.* Det gamle samfunn. Oslo, 1957.
- Steen S.* Lokalt selvstyre i Norges bygger. Første fase. Oslo, 1968.
- Steen S.* Grev Wedels stattholdertid. Oslo, 1972.

- Steen S.* Amt og stat. Oslo, 1973.
Steen S. Drømmen om frihet 1814—1905. Oslo, 1973.
Worm-Müller J. Christiania og krisen efter Napoleonskrigen. Oslo, 1922.
Overland O. A. Thranitterbevegelsen. Kristiania, 1903.

К главам 10—14

- Segal Я.* Рабочее движение в скандинавских странах (Швеция, Дания, Норвегия). М., 1927.
Agerholt A. C. Den norske kvinnebevegelsens historie. Oslo, 1973.
Bull E. Norsk fagbevegelse. Oversikt over fagorganisasjonens utvikling. Oslo, 1955; 2-е utg. Gjøvik, 1968.
Bull E. Arbeidermiljø under det industrielle gjennombrudd. Tre norske industristrøk. Oslo, 1958.
 Det norske Arbeiderpartis historie 1887—1937 / Red. H. Koht. Oslo, 1937—1939. Bd. 1, 2.
Klingman D. Social Change, Political Change and Public Policy. Norway and Sweden 1875—1965. Beverly Hills (Calif.), 1976.
Mathisen T. Svalbard i internasjonal politikk 1871—1925. Oslo, 1951.
 Moderne hvalfangsts historie. Oprinnelse og utvikling. Oslo, 1959, Bd. 1. Norges Kommunistiske partis historie. Oslo, 1963. Bd. 1.
Semningsen J. Drøm og dåd. Utvandringen til Amerika. Oslo, 1975.
Zachariassen A. På forpost. Oslo arbeidersamfund 100 år 1864—1964. Oslo, 1964.

К главе 10

Источники

- Энгельс Ф.* Извещение Организационной комиссии о созыве Международного социалистического рабочего конгресса.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 558.
Konrev A. Путевые заметки по Швеции и Норвегии до Норд-Капа в 1892 г. СПб., 1893.
Daas L. Politiske dagbøger og minder. Oslo, 1934—1952. Bd. 1—4.
Sars J. E. Brev 1850—1915 / Utg. H. Koht. Oslo, 1957.
Schønning J. M. Jacob Schønning's dagbøger fra Stortinget 1895—1897 og

fra Regjeringen 1903—1905. Oslo, 1950.

- Stang F.* Erindringer fra min politiske tid. Oslo, 1946.
Stang F., Sibbern G. Den politiske korrespondanse mellom Frederik Stang og Georg Sibbern 1862—1871. Oslo, 1956—1976. Bd. 1—3.

Литература

- Маркс К.* Политическое положение в Европе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 276—277.
Энгельс Ф. Армии Европы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 499—501.
Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши?— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 160.
Энгельс Ф. Международный рабочий конгресс 1891 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 78.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу 3 ноября 1882 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 83.
Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому 21 мая 1889 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 179.
Энгельс Ф. Письмо Лауре Лафарг 4 июля 1890 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 360—361.
Энгельс Ф. Письмо В. Либкнехту 22 июля 1890 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 362—363.
Энгельс Ф. Письмо Ф. А. Зорге 9 августа 1890 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 373.
Крюков Н. А. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899.
Мижусев П. Г. Народное образование и реформа средней школы в Норвегии. СПб., 1903.
Нансен-Хейер Л. Книга об отце: Пер. с норв. Я., 1971.
Неуструев В. П. Генрик Ибсен и идеи социализма.— Скандинавский сборник. Таллин, 1971, вып. 16, с. 167—190.
Свердруп-Лунден С. Из истории женского движения в Норвегии.— Скандинавский сборник. Таллин, 1959, вып. 4, с. 135—152.

- Bjork K. O.* West of the Great Divide. Norwegian Migration to the Pacific Coast (1847—1893). Northfield (Minn.), 1958.
- Fuglum P.* Ole Richter. Oslo, 1957—1964. Bd. 1, 2.
- Hjelm A.* Christian Birch-Reichenwald og ministerkrisen 1861. Et bidrag til den norsk-svenske unions historie. Oslo, 1927.
- Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionens upplösning. Tsar-diplomati och rysk-finländsk press-opinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo, 1969.
- Jörberg L.* The Industrial Revolution in the Nordic Countries.— In: The Fontana Economic History of Europe. The Emergence of Industrial Societies. London, 1970, pt 2.
- Kaarlvedt A.* Kampen mot parlamentarismen 1880—1884. Den konservative politikken under vetostriden. Oslo, 1956; 2-e utg. Bergen, 1967.
- Kohlt H.* Die Stellung Norwegens und Schwedens im deutsch-dänischen Konflikt. 1863—1864. Kristiania, 1908.
- Kohlt H.* Johan Sverdrup. Kristiania; Oslo, 1918—1925. Bd. 1—3.
- Lange H.* Fra sekt til parti. Det Norske arbeiderpartis organisasjonsmessige og politiske utvikling fra 1891 til 1902. Oslo, 1962.
- Lervik H.* Bjørnstjerne Bjørnsons politiske agitasjon 1880—1884. Oslo, 1969.
- Lindberg F.* Kunglig utrikespolitikk. Stockholm, 1966.
- Lund C. A. M.* Schweigaard som stortingspolitiker. Oslo, 1958.
- Mende F.* Die wirtschaftlichen und konsulären Beziehungen Norwegens zu China von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum 1. Weltkrieg. Köln, 1971.
- Nerbøvik J.* Norsk historie 1870—1905. Oslo, 1973.
- Nissen B.* Gunnar Knudsen. Oslo, 1957.
- Petré T.* Svenska regeringen och de norska frågorna 1884—1886. Uppsala; Stockholm, 1944.
- Piotrowski B.* Walka norwegów o rozwiązanie unii politycznej ze Szwecją (1884—1907). Poznań, 1974.
- Storm H.* Statsminister Emil Stang. Politikerens, statsmannen. Oslo, 1934.
- Sunnanå O.* Johannes Steen. Politika-ren frå 1880-åra. Oslo, 1969.
- Sunnanå O.* Johannes Steen. Statsminister og parlamentarisk førar. Oslo, 1967.
- Svare B.* Frederik Stang. Oslo, 1939—1950. Bd. 1, 2.
- Wasberg G. C.* Forsvarstanke og suverenitetsprinsipp. Kretsen om Aftenposten i den unionspolitiske debatt 1890 — mars 1905. Oslo, 1963.
- Worm-Müller J., Bergsgård A., Nissen B.* Venstre i Norge. Oslo, 1933.

К главам 11—14

Источники

- Castberg F.* Minner om politikk og vitenskap fra årene 1900—1970. Oslo, 1971.
- Colban E.* Femti år. Oslo, 1952.
- Egede-Nissen A.* Et liv i strid. Oslo, 1945.
- Gabrielsen B.* Martin Tranmæl ser tilbake. Oslo, 1959.
- Gerhardsen E.* Unge år. Oslo, 1974.
- Hornsrud C.* Artikler, foredrag og intervjuer i utvalg. Oslo, 1957.
- Hølaas O.* Norge under Haakon VII 1905—1907. Oslo, 1957.

Литература

- Björnberg A.* Parlamentarismens utveckling i Norge efter 1905. Uppsala; Stockholm, 1939.
- Факторганизasjonen i Norge. Oslo, 1949. Bd. 1—4.
- Furre B.* Norsk historie 1905—1940. Oslo, 1972.
- Jensen M.* Norges historie. Fra 1905 til våre dager. Oslo, 1971.
- Omang R.* Norsk utenrikstjeneste. Oslo, 1955—1959. Bd. 1, 2.
- Skagestad O. G.* Norsk polarpolitikk. Hovedtrekk og utviklingslinjer 1905—1974. Oslo, 1975.
- Stonehill A.* Foreign Ownership in Norwegian Enterprises. Oslo, 1965.

К главе 11

Источники

- Архив внешней политики России МИД СССР, ф. II. Департамент. 1—5, оп. 408, д. 1345, 1346; ф. Секретный архив Министра иностранных дел: д. 375/381, 377/383, 378/384.

- Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1874—1912. СПб., 1912.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. Сер. 3. М., 1934—1938. Т. 2, 5, 7, 9, 10.
- Призвание Россией норвежского независимого государства: Сборник документов. М., 1958.
- La Norvège. Ouvrage officiel... Kristiania, 1900.
- Norge og stormaktene 1906—1914 / Utg. R. Omang. Oslo, 1957. Bd. 1.
- Литература**
- Ленин В. И. В хвосте у монархической буржуазии или в главе революционного пролетариата и крестьянства? — Полн. собр. соч., т. 11, с. 205.
- Ленин В. И. Капитализм и народное потребление. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 467.
- Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 149.
- Ленин В. И. Тезисы реферата по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 389—390.
- Ленин В. И. О национальной программе РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 227.
- Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 69.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 289—293.
- Ленин В. И. Социализм и война. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 340.
- Ленин В. И. Тезисы по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28, с. 199.
- Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экспорте». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 99—106, 108—109.
- Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 23, 30—31, 42.
- Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 352.
- Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 131, 140—142.
- Ленин В. И. О лозунге «разоружения». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 151, 159, 160.
- Ленин В. И. Финляндия и Россия. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 7.
- Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, с. 46.
- Ленин В. И. Письмо М. Нильсену 27 января 1908 г. — Полн. собр. соч., т. 47, с. 124—125.
- Ленин В. И. Письмо А. М. Коллоптай 5 марта 1917. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 395.
- Ленин В. И. Письмо А. М. Коллоптай 19 марта 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 200—201.
- Ленин В. И. Письмо А. М. Коллоптай позднее 19 марта 1916. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 202.
- Бауис П. Э. Россия и нейтральная Норвегия (1914—1917 гг.). — Новая и новейшая история, 1972, № 6.
- Коссетт М. Триумф перевооруженных сил (1914—1918 гг.). М.; Л., 1941.
- Пасецкий В. М. Шпицбергенский вопрос в начале XX века. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVIII—XX веков. Л., 1964.
- Похлебник В. В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905—1907 гг. и влияние на нее первой русской революции. — Скандинавский сборник. Таллин, 1956, вып. 1.
- Pollze B. Sverige i britiska bedömningsgrunder under första världskriget. — In: Aktuellt och historiskt. Stockholm, 1971.
- Reithau W. Norge og verdenskrigen. Oslo, 1927.
- Lindberg F. Scandinavia in Great Power Politics 1905—1908. Stockholm, 1958.
- Luntinen P. The Baltic Question 1903—1908. Helsinki, 1975.
- Omang R. Norges mellomfolkelige stilling etter avslutningen av Integritetstraktaten. — Historisk tidsskrift, 1952, N 3.
- Riste O. The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965.
- Schreiner J. Norsk skipsfart under krig og høykonjunktur 1914—1920. Oslo, 1963.
- Vedung E. Unionsdebatten 1905. En jämförelse mellan argumenteringen i Sverige och Norge. Kristianstad, 1971.
- Weibull J. Inför unionsupplösningen 1905. Konsulatfrågan. Stockholm, 1962.

Worm-Müller J. Prins Carl blir Konge i Norge.— In: Haakon VII. Oslo, 1947.

К главе 12

Источники

Документы внешней политики СССР. М., 1957—1978. Т. I—XXI (продолжается).

Как спасали экспедицию Амундсона: Документы из истории советско-норвежских отношений.— Новое время, 1964, № 25.

Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг. М., 1933.

Arbeiderpartiets kriseplan 1934. Forslag for stortinget. Oslo, 1934.

Bull T. Mot dag og Erling Falk. Oslo, 1968.

De politiske partiers programmer ved stortingsvalget... Oslo, 1964.

Det norske Arbeiderparti. 2. extraordinære landsmøte, Kristiania 1919. Protokoll... Kristiania, 1919.

Det norske Arbeiderparti. 26. ordinære landsmøte, Kristiania 1923. Protokoll... Kristiania, 1923.

Det norske Arbeiderparti. Extraordinære landsmøte, Kristiania 1923. Protokoll... Kristiania, 1924.

Femti år i kamp. NKP 1923—1973. Oslo, 1973.

Pansen A. Fra Lassalle til Lenin. En historikk over den norske arbeiderbevegelse og Norges kommunistiske parti. Oslo, 1929.

Pöglund G. Moskva tur och retur. Stockholm, 1960.

Koht H. Norsk utanrikspolitikk fram til 9. april 1940. Synspunkt frå hendingstida. Oslo, 1947.

Кommunistische Internationale. Erweiterte Exekutive, Moskau 1923, Juni. Die kommunistischen Parteien Skandinaviens und die Kommunistische Internationale... Hamburg, 1923.

Lie T. Oslo — Moskva — London. Oslo, 1968.

Lindboe A. Fra de urolige tredveårne. Oslo, 1965.

Menstadslaget. Et 25-årsjubileum. Oslo, 1956.

Mot dag. Artikler i utvalg. Oslo, 1966.

Norges Kommunistiske parti. Landsmøte 2. Oslo, 1925. Beslutninger... Oslo, 1925.

Norges Kommunistiske parti. Landsmøte 3. Oslo, 1929. Beslutninger... Oslo, 1929.

Norges Kommunistiske parti. Sentralstyre. De likvidatoriske forhandlingene om et Norsk Labourparty... Oslo, 1925.

Scheflo O. Olav Scheflo som politiker og menneske... Oslo, 1974.

Skeie J. Grønlandssaken. Twisten mellom Norge og Danmark om Øst-Grønland. En kort historisk og juridisk redegørelse. Oslo, 1931.

Smedal G. Erhvervelse av statshøiher over polarområder. Oslo, 1930.

Tidshilder. Mellomkrigstiden i norsk diktning og debatt. Oslo, 1968.

* * *

Кommunistический Интернационал. Arbeiderbladet.

Det 20. Aarhundrede.

Klasskampen.

Social-demokraten.

Литература

Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 456.

Ленин В. И. План доклада о внутренней и внешней политике на IX Всероссийском съезде Советов.— Полн. собр. соч., т. 44, с. 485.

Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову 11 августа 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 53, с. 111.

Ленин В. И. Письмо В. А. Аванесову 1 сентября 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 54, с. 278.

Ленин В. И. Интервью норвежскому архивариусу Я. Фриису.— Ленинский сборник, XXXVI, с. 212—213.

Ленин В. И. Интервью норвежскому инженеру Ховарду Лангсету.— Ленинский сборник, XXXVIII, с. 324—325.

Ленин В. И. Распоряжение зампаркомфину С. Е. Чуцкаеву 30 апреля 1920 г.— Там же, с. 311—312.

Ленин В. И. Поручение секретарю СНК Н. П. Горбунову 28 мая 1921 г.— Там же, с. 362—363.

Ленин В. И. Письмо Г. В. Чичерину, позже 16 октября 1921 г.— Там же, с. 398.

В сетях шпионажа: Пер. с норв. и англ. М., 1965.

- Løvlien J.* Рабочий класс Норвегии и Октябрьская революция.— *Международная жизнь*, 1957, № 10.
- Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне 1940—1945. М., 1973, гл. 1.
- Проскуриц В.* Октябрьская революция и рабочий класс Норвегии.— *Учен. зап. Высшей школы профдвижения ВЦСПС*. М., 1968, выш. 3, с. 183—195.
- Самогейкин Е. М.* Растоптанный нейтралитет. Как и почему Норвегия стала жертвой фашистской агрессии. М., 1971.
- Blom I.* Kampen om Eirik Raudes land. Pressgruppolitikk i grønlandsspørsmålet 1921—1931. Oslo, 1973.
- Brevig P. O.* NS — fra parti til sekt 1933—1937. Oslo, 1970.
- Dahl H. F.* Norge mellom krigene. Det norske samfunn i krise og konflikt 1918—1940. Oslo, 1973.
- Danielsen E.* Norge — Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917—1940. Oslo, 1964.
- Fra idé til dom.* Noen trekk fra utviklingen av Nasjonal Samling. Bergen, 1976.
- Furue B.* Mjølk, bønder og tingmenn. Studiar i organisasjon og politikk kring omsetninga av visse landbruksvarer 1929—1930. Oslo, 1971.
- Hartmann S.* Fører uten folk. Quisling som politisk og psykologisk problem. Oslo, 1959.
- Langfeldt K.* Moskvatesene i norsk politikk. Oslo, 1961.
- Maurseth P.* Fra Moskva-tesene til Kristiania forslag. Oslo, 1972.
- Norland A.* Hårde tider. Fedrelandslaget i norsk politikk. Oslo, 1973.
- Petrick F.* Die 21. Aufnahmebedingung der Kommunistischen Internationale und die Norwegische Arbeiterpartei.— *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1976, N 3.
- Roset I. A.* Det norske Arbeiderparti og Hornsruds regjeringdannelse i 1928. Oslo, 1962.
- Rygg N.* Norges Bank i mellomkrigstiden. Oslo, 1950.
- Seim J.* Hvordan Hovedavtalen av 1935 ble til... Oslo, 1972.
- Steen S.* Frihet og liv er ett. Norge fra 1920-årene til 1950. Oslo, 1977.
- Tillestad T.* Peder Furubotn. 1890—1938. Oslo, 1975.
- Ørvik N.* Sikkerhetspolitikken 1920—1939. Oslo, 1960—1961. Bd. 1, 2.

К главе 13

Источники

- Архив внешней политики СССР (АВП), ф. 85, 116.
- Архив Министерства обороны СССР (АМО), ф. 40, 48-а, 132-а, 214, 327, 336, 363, 364, 373.
- Центральный военно-морской архив (ЦВМА): ф. 11, 12, 767.
- Public Record Office (PRO). London, Cabinet: 23/96, 23/97, 24/286, 39/105, 66/1, 66/2, 66/3, 66/4, 79/1, 79/2, 80/9, 80/66, 80/67, 80/104, 80/105, 84/346, 88/22, 88/34, 88/66, 99/3; Premier: 3/401/2.
- Апатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1971.
- Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946. Т. IV (1935—июль 1941).
- Норвежские были: Воспоминания о борьбе против фашизма. М., 1964.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 7-ми т. М., 1958—1959.
- Переписка Председателя Совета Министров с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 1, 2.
- Через фюреры: Военные мемуары. М., 1964.
- Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D. (1937—1945). London, 1954, vol. VIII. The War Years, September 4, 1939 — March 18, 1940.
- Gerhardsen E.* Fellesskap i krig og fred... 1940—1945. Oslo, 1970.
- Gjelsvik T.* Hjemmefronten. Den sivile motstand under okkupasjonen 1940—1945. Oslo, 1977.
- Hambro C. J.* De første måneder. Oslo, 1945.
- Hartman P.* Bak fronten. Fra Oslo og London 1939—1945. Oslo, 1955.
- Herzog B.* U-Boote im Einsatz 1939—1945. Oberhausen, 1970.

- Hvitboka om 1940. Norges kommunistiske parti. Oslo, 1975.
- Innstilling fra Undersøkelseskommisjonen av 1945. Oslo, 1946—1947. D. 1—2. Bil. Bd. 1—3.
- «Kjære landsmenn». Kong Haakon den VII's taler under krigen 1940 til 1945. Oslo, 1965.
- Koht H. For fred og fridom i krigstid 1939—1940. Oslo, 1957.
- Koht H. Fra skanse til skanse. Minne frå krigsmånadene i Noreg. Oslo, 1947.
- Lagevorträge des Oberbefehlshabers der Kriegsmarine vor Hitler 1939—1945. München, 1972.
- Lie T. Leve eller dø. Norge i krig. Oslo, 1955.
- Lie T. Med England i ildlinjen 1940—1942. Oslo, 1956.
- Lie T. Hjemover. Oslo, 1958.
- Regjeringen og Hjemmefronten under krigen. Oslo, 1948.
- Schjelderup F. På bred front. Oslo, 1947.
- Solheim T. I solnedgangstiden. Krigsminne 1940—1945. Oslo, 1976.
- Straffesak mot Vidkun Abraham Lauritz Jonsson Quisling. Oslo, 1946.
- Sunde A. Menn i mørket. Oslo, 1947.
- Vårt partis politikk under krigen. Norges kommunistiske parti. Oslo, 1945.
- Литература**
- Ачкасов В. И., Павлович Н. В. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973.
- Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959.
- Белли В. А., Пензил К. В. Военные действия в Атлантике и на Средиземном море. 1939—1945 гг. М., 1967.
- Блокада и контрблокада. М., 1967.
- Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., 1967.
- Дениц К. Немские подводные лодки во второй мировой войне. М., 1964.
- Древинг Д. Разгром конвоя PQ-17. М., 1972.
- Искрин М. В борьбе против гитлеровских оккупантов Норвегии. — Новая и новейшая история, 1962, № 6.
- История второй мировой войны 1939—1945. М., 1972—1979. Т. I—X.
- Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967.
- Морисон С. Битва за Атлантику. М., 1956.
- Посков А. М. Норвегия во второй мировой войне 1940—1945. М., 1973.
- Посков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977.
- Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия. М., 1976.
- Прозектор Л. М. Агрессия и катастрофа. М., 1968.
- Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974.
- Руге Ф. Война на море 1939—1945. М., 1957.
- Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941—1944). М., 1963.
- Andenes J., Riste O., Skodvin M. Norway and the Second World War. Oslo, 1966.
- Aukrust O., Bjerve P. J. Hva krigen kostet Norge. Oslo, 1945.
- Bjørnsen B. Det otrolige døgnet. Oslo, 1977.
- Christensen C. A. R. Norge under okkupasjonen. 2. oppl. Oslo, 1965.
- Cookridge E. Inside SOE. The Story of Special Operations in Western Europe 1940—1945. London, 1966.
- Derry T. K. The Campaign in Norway. London, 1952.
- Dönitz K. Deutsche Strategie zur See im zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1972.
- Eriksen H. K. Partisaner i Finnmark. Oslo, 1969.
- Gemzell C.-A. Raeder, Hitler und Skandinavien. Gjeerup, 1965.
- Grimnes O. K. Hjemmefrontens ledelse. Oslo, 1977.
- Partmann S. Nytt lys over kritiske faser i Norges historie under annen verdenskrig. Oslo, 1965.
- Partmann S. Søkelys på 1940. Var Sovjet farligere enn fienden? Oslo, 1971.
- Pubatsch W. «Weserübung». Die deutsche Besetzung von Dänemark und Norwegen 1940. (West) Berlin; Frankfurt a. M., 1960.
- Kjeldstadli S. Hjemmestyrkene. Hovedtrekk av den militære motstanden under okkupasjonen. 2. oppl. Oslo, 1959.
- Krigen i Norge / Red. H. F. Dahl. Oslo, 1974.

- Lindbäck-Larsen O.* Krigen i Norge 1940. Oslo, 1965.
- Loock H.-D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der national-sozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970.
- Meister J.* Der Seekrieg in den osteuropäischen Gewässern 1941—1945. München, 1957.
- Milward A.* The Fascist Economy in Norway. Oxford, 1972.
- Moulton J.* The Norwegian Campaign of 1940. London, 1966.
- Munthe-Kaas O.* Norges grensevakt i nordøst fra 1918 til 1963. Oslo, 1964.
- Norge og den 2. verdenskrig. Studier i norsk samtidshistorie. Oslo, 1968—1972 (серия из пяти монографий).
- Norges krig 1940—1945. Oslo, 1947—1950. Bd. 1—3.
- Riste O.* «London-Regjeringa». Norge i krigsalliansen 1940—1945. Oslo, 1973, 1979. Bd. 1—2.
- Riste O., Nökkeby B.* Norway 1940—1945. The Resistance Movement. Oslo, 1970.
- Sandvik H.* Frigjøringen av Finnmark 1944—1945. Oslo, 1975.
- Skodvin M.* Striden om okkupasjonsstyret i Norge fram til 25. september 1940. Oslo, 1956.
- Tillestad T.* I kamp, i krig. Peder Furubotn 1942—1945. Oslo, 1977.
- Udgaard N. M.* Great Power Politics and Norwegian Foreign Policy. November 1940 — February 1948. Oslo, 1973.
- Valen T.* De tjente på krigen. Hjemmefronten og kapitalen. Oslo, 1974.
- Wyller T. C.* Nyordning og motstand. En framstilling og en analyse av organisasjonenes politiske funksjon under den tyske okkupasjonen 25.9 1940 — 25.9 1942. Oslo, 1958.
- Ziemke E.* The German Northern Theater of Operations 1940—1945. Washington, 1959.
- Ørvik N.* Norge i brennpunktet. Oslo, 1953. Bd.1. Handelskrigen 1939 — 1940.
- Bull T.* Aerlig talt. Frimodige ytringer: om norsk politikk. Oslo, 1974.
- Gerhardsen F.* Med Einar Gerhardsen gjennom 20 år. Oslo, 1967.
- Gerhardsen E.* Samarbeid og strid. Erindringer 1945—1955. Oslo, 1971.
- Gerhardsen E.* I medgang og motgang. Erindringer 1955—1965. Oslo, 1972.
- Gustavsen F.* Rett på sak. Oslo, 1968.
- Hambro C. J.* Norsk og nordisk. Taler. Oslo, 1964.
- Kilder til moderne historie. Oslo, 1972. Bd. 1, 2.
- Larssen O.* Den langsomme revolusjonen. Oslo, 1973.
- Lie H.* Slik jeg ser det. Oslo, 1975.
- Nordahl K.* Minner og meninger. Oslo, 1967.
- Norge i FN 1945—1970. Oslo, 1970.
- Overenskomster med fremmede stater. Kristiania, Oslo, 1909 (продолжается).
- * * *
- Всемирное профсоюзное движение. Проблемы мира и социализма. Аftenposten. Arbeiderbladet. Friheten. Orientering. Vår vei til fred, demokrati og sosialisme (с 1965 — Verden og vi).
- Литература**
- Ананян Л. Л.* Преступность несовершеннолетних в скандинавских странах. М., 1974.
- Воронков Л. С.* Северная Европа: Ответственность и проблемы внешней политики. М., 1976.
- Голошубов Ю. И.* Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. М., 1974.
- Котляр В. С.* Северный совет: Структура, деятельность. М., 1973.
- Малые страны Западной Европы. М., 1972.
- Могучова М. А.* Скандинавские государства: Центральные органы власти. М., 1975.
- Прокофьев В.* Северная Европа и мир. М., 1966.
- Профсоюзы скандинавских стран и Финляндии. М., 1966.
- Рогов П.* Норвежская рабочая партия: Теория и практика. — Мировая экономика и международные отношения, 1966, № 9.

К главам 14—15

Источники

- Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957.
- Bjørnsen B.* Norge etter 1945. Oslo, 1975.

- Тимашкова О. К.* Скандинавская социал-демократия на современном этапе. М., 1978.
- Аукруст О.* Tjuе års økonomisk politikk i Norge. Oslo, 1965.
- Аукруст О.* Norges økonomi etter krigen. Oslo, 1965.
- Eckstein H.* Division and Cohesion in Democracy. A Study of Norway. Princeton, 1966.
- Enholm K.* Norge — en NATO-base. Oslo, 1967.
- Etterkrigshistoric. Oslo, 1970—1973. D. 1—4.
- Frydenlund K.* Norsk utenrikspolitikk i etterkrigstidens internasjonale samarbeid. Oslo, 1966.
- Johnsrud O., Sandberg T.* Politisk ABC. Oslo, 1978.
- Koritzinsky T.* Velgere, partier og utenrikspolitikk. Analyse av norske holdninger 1945—1970. Oslo, 1970.
- Nord Europa in der Gegenwart. Berlin, 1972.
- Det norske samfunn. Oslo, 1969, 1975. Bd. 1, 2.
- Politiske valg i Norge. En artikkelsamling. Oslo, 1966.
- Rokkan S.* Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism.— In: Political Opposition in Western Democracies. New Haven: Yale Univ., 1966, p. 70—115.
- Stavang P.* Parlamentarisme og maktbalans. Maktbalansen i det norske parlamentariske systemet særlig i åra 1945—1961. Oslo, 1964.
- Vekst og velstand. Norsk politisk historie 1945—1965. Regjering og opposisjon under arbeiderpartistyre. Oslo, 1977.
- Det norske Arbeiderparti. 33. ordinære landsmøte 17.—20. februar 1949. Protokoll. Oslo, 1950.
- Det norske Arbeiderparti. 34. ordinære landsmøte 22.—25. mars 1953. Protokoll. Oslo, 1953.
- Det norske Arbeiderparti. 35. ordinære landsmøte 19.—21. mars 1956. Protokoll. Oslo, 1956.
- Det norske Arbeiderparti. 37. ordinære landsmøte 7.—9. mai 1959. Protokoll. Oslo, 1960.
- Elster T.* Sosialismen under debatt. Oslo, 1950.
- Enhetsprogrammet for DNA og NKP. Oslo, 1945.
- Fellesprogrammet. Oslo, 1945.
- Johansen S.* Valgets lærdommer og kommunistenes oppgaver. Ett oppgjør med det partiløstlige sentrum. Oslo, 1949.
- Lange H. M.* Norsk utenrikspolitikk siden 1945 (taler og artikler). Oslo, 1952.
- Lange H. M.* Norges vei til NATO. Oslo, 1966.
- Lippe J., Løvlien E.* Nasjonalisering, «frihandelsområdet» og Norge. Oslo, 1958.
- Lyng J.* Brytningsår. Erindringer 1923—1953. Oslo, 1972.
- Løvlien E.* Hva vil Norges Kommunistiske parti. Oslo, 1957.
- Løvlien E.* Hva gjør regjeringen med Norge. Oslo, 1951.
- Norges vei til fred, demokrati, nasjonal selvstendighet — til sosialismen. Programklæring fra Norges Kommunistiske parti. Oslo, 1953.
- Program for Norges Kommunistiske Parti. Vedtatt på Landskonferansen 20.—21. april 1963. Oslo, 1963.
- Samlingsforhandlingene. En dokumentasjon. Oslo, 1945.
- Vårt partis politikk etter krigen. Fredspolitikken. Oslo, 1945.
- Amlid J.* Ut av kurs. En førstehåndsberetning. Oslo, 1966.

К главе 14

Источники

- XX съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1956.
- Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961.
- Труд при капитализме: Статистический сборник. М., 1964.
- Det norske Arbeiderparti. Grunnsyn og retningslinjer. Vedtatt på landsmøtet 1949. Oslo, 1949.
- Det norske Arbeiderparti. 32. ordinære landsmøte 31. august — 2 september 1945. Protokoll. Oslo, 1947.

Литература

- Гурков Г. И.* Государственный строй Норвегии. М., 1958.
- Кошентавский В. С.* Норвегия. Экономика и внешняя торговля. М., 1957.
- Пировов Г. Н.* Рабочее движение в Норвегии в первые послевоенные годы (1945—1949 гг.).— В кн.: Ра-

- бочес движение в скандинавских странах и Финляндии. М., 1965, с. 83—127.
- Пирогов Г. Н.* Рабочее движение в Норвегии на третьем этапе общего кризиса капитализма (1956—1968 гг.).— Скандинавский сборник. Тамзин, 1964, вып. 8, с. 184—192.
- Холм Х.* Заработная плата, жизненный уровень и классовые различия в Норвегии / Пер. с норв. М., 1959.
- Benum E.* Maktsentra og opposisjon. Spaniasaken i Norge i 1946 og 1947. Oslo, 1969.
- Bjerve P. J.* Planning in Norway 1947—1956. Amsterdam, 1959.
- Christensen C. A. R.* Norway a Democratic Kingdom. Oslo, 1955.
- Eriksen K. E.* DNA and NATO. En redegjørelse for debatten og vedtaket i det NAP 1948—1949. Oslo, 1972.
- Galenson W.* Labor in Norway. Cambridge (Mass.), 1949.
- Gronlie T.* Jern og politikk 1945—1955. A. S. Norsk Jernverk — beslutningsprosessen fra plan til produksjon. Oslo, 1973.
- Hoffman F.* Påskeopprøret 1958. Oslo, 1966.
- Modern Norway. A Study in Social-Democracy. London, 1950.
- Pharo H. O.* Bridgebuilding and Reconstruction. Norway Faces the Marshall Plan.— Scandinavian Journal of History, 1976, vol. 1, N 1/2, p. 125—153.
- Skodvin M.* Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og alliansespørsmålet 1947—1949. Oslo, 1974.
- Wyller T. C.* Frigjøringspolitikk. Regjeringsskiftet sommeren 1945. Oslo, 1963.
- Международное Собрание коммунистических и рабочих партий. М., 1969.
- For et sosialistisk Norge. Uttalelse vedtatt på NKP's landsmøte.— Vår tid, 1961, N 4.
- For fred — folkestyre — fremskritt. Arbeidsprogram for Norges Kommunistiske parti.— Vår tid, 1961, N 4.
- Knutsen M. G.* Veien fram for NKP og venstrekreftene. Beretningsforedrag på Norges Kommunistiske partis 15. Landsmøte. Oslo, 1975.
- Kommunistisk Pressekontor. Ny kurs for Norge. Oslo, 1977.
- NKP. Valg-Manifest. Ny kurs for Norge. Oslo, 1977.
- Norges vei til sosialismen. Prinsippprogram for Norges Kommunistiske Parti (vedtatt i april 1963). Oslo, 1963.
- Prinsipp-program for Norges Kommunistiske parti. Oslo, 1974.
- * * *
- Arbeids Aksjonsprogram S. V. Vedtatt på Samlingskongressen i Trondheim 16. mars 1975.
- Demokratisk sosialistisk perspektiv. Oslo, 1976.
- Det norske Arbeiderparti. Beretning. Oslo, 1961—1977 (продолжается).
- Det norske Arbeiderparti. Protokoll. Oslo, 1960—1976 (продолжается).
- DNA. Grunnsyn og retningslinjer. Oslo, 1965.
- Et klart alternativ. Fellesinnstillingen fra Høyre, Kristelig Folkeparti, Senterparti om Langtidsprogrammet. Oslo, 1977.
- Fornyelse i norsk politikk. Oslo, 1963.
- Hva SF mener. Partiets synspunkter på sosialismen, utenrikspolitikk, faglig poliitikk, industrielt demokrati, kommunalpolitikk og andre vesentlige politiske spørsmål. Oslo, 1968.
- Hva skal Sosialistisk Valgforbund bli? — SV Medlemsblad N 1. 1973, november.
- Kriseprogrammet.— Vår informasjon, 1976, N 2.
- Prinsipp-program og vedtekter for AKP (m-l). Oslo, 1977.
- Prinsipp-program. Sosialistisk Venstreparti. Vedtatt på Samlingskongressen i Trondheim 16. mars 1975. Oslo, 1975.
- Solidaritiet — Arbeid — Miljø. Arbeids-

К главе 15

Документальные источники

- XXI рабочая конференция стран Балтийского моря, Норвегии и Исландии. Ленинград, июнь 1978 г. М., 1978.
- Коммунистическое движение: Проблемы теории и практики. Прага, 1978.
- Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1977.
- Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

- program 1978—1981. Arbeiderparti. Oslo, 1977.
 Sosialistisk Valgforbund. «33 punkter». Oslo, 1973.
 Stortingstidende. Stortings forhandlinger 1975/1976, 1976/1977, 1977/1978. Oslo, 1976—1978.

Справочники.

Статистика. Пресса

- Arbeiderbevegelsens håndbok 1975, 1976. Oslo, 1975, 1976.
 Arbeider Kalenderen 1975. Oslo, 1974.
 Finans- og tolldepartementet. Langtidsprogrammet 1978—1981. Stortingsmeldinger N 75. Oslo, 1977.
 Hvem Hva Hvor. Oslo, 1962 (продолжается).
 Norges offisielle statistikk. Stortingsvalget 1977. Oslo, 1977.
 Norsk utenrikspolitisk årbok 1973, 1974, 1975. Oslo, 1973—1976.
 Sosialistisk årbok 1975, 1976. Oslo, 1974, 1975.

* * *

- Aftenposten, 1960—1979.
 Arbeiderbladet, 1960—1979.
 Friheten, 1960—1979.
 Kontrast, 1968—1978.
 Orientering, 1960—1975.
 Ny tid, 1976—1978.
 Sosialistisk Perspektiv, 1970—1978.

Выступления, воспоминания, публицистика

- Aspengren T. Foredrag om demokrati på arbeidsplassen. DNA. Protokoll. Oslo, 1965.
 Brox O. Hva skjer i Nord-Norge? Oslo, 1969.
 Brox O. Politikk. Bidrag til populistisk argumentasjon. Oslo, 1972.
 Bye R. Synspunkter og vurderinger. Oslo, 1975.
 Demokrati i arbeidslivet. Et debattopplegg i sentrum fra LO og DNA. Oslo, 1962.
 DNA. Fra folkebevegelse til statsstøtte. Oslo, 1973.
 Evang K. Fellesmarkedet. Et innlegg mot Norges deltakelse nå. Oslo, 1961.
 Fivelsdal E. Funksjonærenes syn på faglige og politiske spørsmål. Oslo, 1964.

- Folkebevegelsen mot norsk medlemskap i Fellesmarkedet. Folkebevegelsesmelding. Oslo, 1972.
 Gleditsch N. P. Krigsstaten Norge. Oslo, 1970.
 Hellem R. Oljen i norsk politikk. Oslo, 1974.
 Johannesen L. Sosialdemokratiet og nasjonaliseringen.—Veien Fram, 1962, N 2.
 Kampen om havet / Red. O. Brox. Oslo, 1974.
 Kleppe P. Bank- og kredittvesenet. Oslo, 1974.
 Kleven H. I. Vår parti-strategi. Oslo, 1974.
 Kleven H. I. Vår partiteori. Oslo, 1975.
 Lyng J. Vaktskifte. Erindringer 1953—1965. Oslo, 1973.
 Lyng J. Mellom øst og vest. Erindringer 1965—1968. Oslo, 1976.
 Myten om velferdsstaten. Søkelys på norsk sosialpolitikk / Red. L. G. Linggås. Oslo, 1973.
 Norsk populisme. Et bok frå populistiske arbeidsgrupper i Bergen. Oslo, 1972.
 Nyhamar J. Demokratisk sosialisme. Oslo, 1976.
 Risanger O. SV blir til. Dokumentarisk collage om utviklingen fra valgforbund til venstreparti 1973—1976. Sampress. Oslo, 1976.
 Sosial reform i 70-åra. Tre innstillinger fra Arbeiderpartiets sosialreformkomité og den sosialpolitiske uttalelsen som ble vedtatt på Arbeiderpartiets Landsmøte 1971. Oslo, 1971.
 Sosial trygghet i Norge. 3-c utg. Oslo, 1975.
 Trygve Bratteli. Slik meningene legner ham. Artikler og taler / Utg. T. Nilsen, A. Stand. Oslo, 1970.
 Veggeland N. Økopolitisk argumentasjon. Oslo, 1974.
 Velferdsstatens framtid og den demokratiske sosialisme / Red. G. Hermansen, J. Ø. Sørheim. Oslo, 1976.
 Winther L. Da partipisken smelt i Asker. Oslo, 1973.

Литература

- Амурсова М. Государства Северной Европы и страны Африки: О неоколониалистской политике капиталистических стран.— Азия и Африка сегодня, 1976, № 1.

- Андреев Ю. В.* Экономика Норвегии. М., 1977.
- Армии стран НАТО. М., 1974.
- Васильев П.* СССР — северные страны Европы: Плоды сотрудничества. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1976, № 3, с. 108—112.
- Воронков Л. С.* Советский Союз и страны Северной Европы. М., 1975.
- Зураблин К. С.* Рабочий класс и профсоюзы скандинавских стран в условиях научно-технической революции. М., 1979.
- Капитонов Л.* Норвежская социал-демократия и левосоциалистическая партия. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1969, № 8.
- Капитонов Л. А.* К вопросу о сотрудничестве рабочих партий Скандинавии. — *Рабочий класс и современный мир*, 1974, № 3.
- Комаров Ю.* Некоторые вопросы современного профсоюзного движения в Дании, Норвегии и Швеции. — В кн.: *Актуальные проблемы профсоюзного движения в капиталистических и развивающихся странах*. М., 1975, с. 107—130.
- Машкова Т.* Иностранный капитал в экономике Норвегии. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1975, № 12.
- Пискулов Ю. В.* Многоликая Скандинавия: Страны Северной Европы в системе современного мирового хозяйства. М., 1975.
- Похлебкин В. В.* Норвегия на пороге 70-х годов. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1970, № 8.
- Рогов П.* Норвегия в 70-х годах. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1975, № 10.
- Саар К.* Государственно-монополистическое регулирование экономики Норвегии в послевоенный период. — *Скандинавский сборник*. Таллин, 1977, вып. 22.
- Саар К.* Воздействие государственно-монополистического регулирования на социально-экономическое развитие Норвегии. — *Скандинавский сборник*. Таллин, 1978, вып. 23.
- Andenaes J.* Statsforfatningen i Norge. Oslo, 1976.
- Brundtland O. A.* Sikkerhetspolitisk omprøving? Oslo, 1968.
- Economic Planning in Norway. Methods and Models.* Oslo, 1970.
- EF — Norges vei? Forhandlingsresultatet satt i perspektiv. Oslo, 1972.
- Holst J. J.* Norsk sikkerhetspolitikk i strategisk perspektiv. Oslo, 1967. Bd. 1.
- Ingebritsen A.* De som styrer Norge. Oslo, 1968.
- Kvam R.* DNA mot splittelse. Da venstrefløyen ble ekskludert og SF stiftet. Oslo, 1973.
- Mjeldheim J.* Politiske prosessar og institusjonar. Bergen, 1974.
- Norwegian Foreign Policy Studies. Oslo, 1975.
- Sejerstad A.* et al. Norge og den internasjonale storkapitalen. Oslo, 1970.
- Sejerstad A.* Norge og oljen. Oslo, 1973.
- Skar A.* Norsk fagbevegelse. Dens oppbygging og virkemåte. Oslo, 1963.
- Sorebo H.* Slik sprakk koalisjonen. Oslo, 1971.
- Tangen D.* Makt og eiendom. Hvem styrer norsk industri? Oslo, 1975.
- Vasbotn P.* Lekkasje og forlis. Om regjeringen Bortens fall. Oslo, 1971.
- Wig K. A.* Det skjulte Norge. Oslo, 1969.
- Ørvik N.* Kampen om Arbeiderpartiet. Venstrefløyen og vestorienteringen. Oslo, 1977.
- Østreng W.* Det politiske Svalbard. Hvem har rettigheter på Svalbard? Aktuell bok om et arktisk område i brennpunktet. Oslo, 1975.

К главе 16

Язык

- Вессен Э.* Скандинавские языки. М., 1949.
- Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.
- Стеблин-Каменский М. И.* Возможно ли планирование языкового развития? (Норвежское языковое движение в тушике). — В кн.: *Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании*. Л., 1974, с. 80—96.
- Якуб В. Л.* Норвежский язык. М., 1962.
- Якуб В. Л.* Практический курс норвежского языка. М., 1966.

- Gundersen D.* Fra Wergeland til Vogt-komiteen. Et utvalg av hovedtrekk og detaljer fra norsk språknormering. Oslo, s. a.
- Haugen B.* Language Conflict and Language Planning. The Case of Modern Norwegian. Cambridge (Mass.), 1966.
- Haugen E.* Riksspråk og folkemål. Norsk språkpoltikk i det 20. århundre. Oslo, 1969.
- Indrebo G.* Norsk målsoga. Bergen, 1951.
- Lundeby E., Torvik I.* Språket vår gjennom tidene. Kort norsk språkhistorie. Oslo, 1956.
- Næs O.* Norsk grammatikk. Oslo, 1952—1965. Bd. 1—2.
- Om norsk språkhistorie. En antologi ved E. Haanssen. Oslo; Bergen; Tromsø, s. a.
- Sandøy H.* Språk og politikk. Oslo, 1975.
- Seip D. A.* Norsk språkhistorie til omkring 1370. 2-e utg. Oslo, 1951.
- Seip D. A.* En liten norsk språkhistorie. 15. oppl. Oslo, 1963.
- Skard S.* Målstrid og massekultur. Oslo, 1964.
- Skard V.* Norsk språkhistorie. Universitetsforlaget. Oslo, 1972—1973. Bd. 1—3.
- Western A.* Norsk riksmåls-grammatikk. Kristiania, 1921.
- Художественная литература**
- Адмони В.* Генрик Ибсен. М., 1956.
- Берков В.* Справка об авторах.— В кн.: Норвежская новелла. Л., 1974.
- Брауде Л. Ю.* Сказочники Скандинавии. Л., 1974.
- Брауде Л. Ю.* Скандинавская литература сказка. М., 1979.
- Горн Ф. В.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894.
- Крымова Н. И.* Нурдаль Григ. М., 1965.
- Лукина Л.* Александр Хьелманн.— В кн.: Хьелманн А. Избр. произв. М., 1958.
- Мелегинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.
- Мелегинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы героического эпоса. М., 1968.
- Неустроев В. П.* Норвежская литература. Генрик Ибсен.— В кн.: Исто-рия зарубежной литературы конца XIX — начала XX в. М., 1968.
- Неустроев В. П.* Норвежская литература. Нурдаль Григ.— В кн.: Исто-рия зарубежной литературы после Октябрьской революции. М., 1969.
- Наикратова Э. Л.* Предисловие в кн.: Боргсн Ю. Избранное. М., 1979.
- Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Л., 1974.
- Стеблин-Каменский М. И.* Древне-скандинавская литература. М., 1979.
- Хейберг Х.* Генрик Ибсен /Пер. с норв. М., 1975.
- Храповицкая Г. Н.* Ибсен и западно-европейская драма его времени. М., 1979.
- Шатков Г.* Предисловие в кн.: Бьёр-сон Б. Избранное. М., 1959.
- Beyer E.* Utsyn over norsk litteratur. Oslo, 1974.
- Bien H.* Zum Begriff der dänisch-norwegischen Gemeinschaftsliteratur. Versuch einer Kritik.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Jena, 1957/58, II. 4 (Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe).
- Bien H.* Weltoffenheit und Provinzialismus in der norwegischen Literatur.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald, 1965, H. 4 (Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe).
- Bien H.* Henrik Ibsens Realismus. Berlin, 1970.
- Bien H.* Wege und Umwege des Knut Hamsun.— Brüner Beiträge zur Germanistik und Nordistik. Brno, 1977, Bd. 1.
- Bille O.* Vår modernistiske lyrikk. En kritisk studie. Oslo, 1973.
- Blodflekkene på veien. Norsk ny-radikalisme fra Johan Borgen til Georg Johannesen. En antologi. Oslo, 1967.
- Dahl W.* Stil og struktur. Utviklingslinjer i norsk prosa gjennom 150 år. Oslo, 1975.
- Dahl W.* Fra 40-tall til 70-tallet. Norsk prosa gjennom et kvart århundres etterkrigstid. 2. rev. utg. Oslo, 1973.
- For og imot. En samling av pressens anmeldelser og omtaler. Dag Solstad. 25. september-plassen. Oslo, 1975.
- Frihet! Sanneheit! Temaer i Jens Bjerneboes forfatterskap. Oslo, 1975.

- Giersing M. o. a.* Det reaktionære op-rør. Om fascismen i Hamsuns forfat-ter-skab. Copenhagen, 1973.
- Ideas and Ideologies in Scandinavian Literature since the First World War. Reykjavik, 1975.
- Linjer i nordisk prosa. Norge 1965—1975. En antologi. Oslo, 1977.
- Machle L.* Den nynorske litteraturen. En ny norsk litteratur.—Det mo-derne Skandinaviens framvæxt. Upp-sala, 1978.
- Norduropäische Literaturen. Leip-zig, 1978 (Meyers Taschenlexikon).
- Norsk litteraturhistorie. Oslo, 1955. Bd. 1—6.
- Norges litteraturhistorie. Copenhagen, 1974—1975. Bd. 1—3.
- Øislebo O.* Etterkrigsprofiler. Evens-mo. Holt. Stigen. Oslo, 1957.
- Langaard J., Revold R.* Edvard Munch. Oslo, 1964.
- Liestøl A.* Osebergfunnet Album. Oslo, 1958.
- Moe O. H.* et al. The Art of Norway.—The Studio, 1953, N 727.
- Norges billedkunst i det nittende og tyvende århundre. Oslo, 1953. Bd. 1, 2.
- Norske målere. Album. Oslo, 1964.
- Parmann O.* Norsk skulptur i femti år. Oslo, 1969.
- Stang R.* Gustav Vigeland. Oslo, 1965.
- Timm W.* Edvard Munch. Graphik. Berlin, 1969.
- Østby L.* Modern Norwegian Painting. Oslo, 1949.
- Østby L.* Norges kunsthistorie. Oslo, 1938; 2-e utg. Oslo, 1962.

Изобразительное искусство

- Безрукова М. И.* О монументальном искусстве Норвегии.— Искусство, 1974, № 3, с. 50—55.
- Безрукова М. И.* Скульптурно-парко-вый комплекс Вигеланда в Осло.— Скандинавский сборник. Таллин, 1976, вып. 21, с. 201—217.
- Безрукова М. И.* Стапковая графика Норвегии.— Искусство, 1978, № 2, с. 46—52.
- Безрукова М. И.* Эдвард Мунк.— Ху-дожник, 1978, № 11, с. 49—54.
- Всеобщая история архитектуры: В 12-ти томах. Л.; М., 1966, т. 4, с. 586—594; М., 1969, т. 7, с. 475—480.
- Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энцикло-педия. М., 1971, т. 3, с. 118—140.
- Сренгерсен Р.* Эдвард Мунк / Пер. с норв. М., 1972 (Жизнь в искусст-ве).
- Askeland J.* Profiler i norsk grafikk. Oslo, 1958.
- Askeland J.* Norsk malerkunst. Oslo, 1963.
- Benesch O.* Edvard Munch. London, 1960.
- Bugge A.* Norwegian Stave-Churches. Oslo, 1953.
- Durban A.* Norsk skulptur. Oslo, 1942.
- Hauglid R.* Norway. A Thousand Ye-ars of Native Arts and Crafts. Oslo, 1959.
- Karli G.* Norwegian Architecture Past and Present. Oslo, 1958.

Музыка

- Benestad F., Schjelderup-Ebbe D.* Norsk musikk. Oslo, 1968.
- Bjørndal A.* Norsk folkemusikk. Ber-gen, 1952.
- Elling C.* Norsk folkemusikk. Kristia-nia, 1922.
- Gaukstad O.* Musikkleksikon. Oslo, 1962.
- Gründe N.* Norsk musikkhistorie. Oslo, 1971.
- Gurvin O.* Ny musikk i Norge.— In: Ny musik i Norden. Stockholm, 1953.
- Jazz i Norge / Red. O. Angell, J. E. Vold, E. Okland. Oslo, 1975.
- Kortsen B.* Contemporary Norwegian Orchestral Music. Bergen, 1969.
- Kortsen B.* Contemporary Norwegian Piano Music. Bergen, 1976.
- Kortsen B.* Norwegian Music and Mu-sicians. Bergen, 1975.
- Kvamme B.* Norwegian Music. Oslo 1941.
- Lange K.* Norwegian Music. A Survey. Oslo, 1971.
- Lange K., Østvedt A.* Norwegian Mu-sic. London, 1958 (рус. пер.: Лан-ге К., Østvedt A. Норвежская музы-ка. М., 1967).
- Niemann W.* Die Musik Skandinavi-ens. Leipzig, 1906.
- Sandvik O. M., Schjelderup G.* Norges musikkhistorie. Kristiania, 1922, Bd. 1—2.
- Østvedt A.* Music and Musicians in Norway Today. Oslo, 1961.

Наука

Источники

- Амундсен Р.* Собр. соч. / Пер. с норв. М., 1936—1939. Т. 1—5.
- Амундсен Р.* Завоевание полюсов / Пер. с норв. Предисл. Ф. Нансена. М., 1928.
- Нансен Ф.* Собр. соч. / Пер. с норв. М., 1937—1940. Т. 1—3.
- Нансен Ф.* В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Пер. с норв. Магадан, 1969.
- Нансен-Хейер М.* Книга об отце / Пер. с норв. Л., 1971.
- Фьельстад С.* Летела птица. М., 1974.
- Хейердал Т.* Экспедиция «Кон-Тики» — «Ра» / Пер. с норв. М., 1977.
- Heyerdal T.* The Art of Easter Islands. London, 1976.
- Heyerdal T.* Early Man and the Ocean. London, 1978.

* * *

Forskningens nytt. Oslo, 1956- 1979 (продолжается).

Литература

Анохин Г. И. Тур Хейердал. — Скандинавский сборник. Таллин, 1964, вып. 8.

- Белов М. И.* Путь через Ледовитый океан: Очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. М., 1963.
- Добровольский А. Д.* Фригтоф Нансен — выдающийся полярный исследователь. М., 1956.
- Мартынов В. Д.* Сельское хозяйство Норвегии: Обзор литературы. М., 1969.
- Оре О.* Замечательный математик Нильс Хейрик Абель / Пер. с англ. М., 1961.
- Таланов А. В.* Нансен. М., 1960 (Жизнь замечательных людей).
- Хейердал Т.* Фригтоф Нансен. Горячее сердце в холодном мире / Пер. с англ. — Скандинавский сборник. Таллин, 1964, вып. 8.
- Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972.
- Люби А.* Септор Кон-Тики / Пер. с норв. М., 1976.
- Яковлев А. С.* Гуал Амундсен. М., 1957 (Жизнь замечательных людей).
- Amundsen L.* Forskning og forskere gjennom 150 år.— In: Dette er Norge 1814—1964. Oslo, 1963. Bd. 1.
- Amundsen L.* Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo 1857—1957. Oslo, 1957—1960. Bd. 1, 2.
- Weil U. O.* Roald Amundsen. Ein Leben für die Polarforschung. Leipzig, 1972.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Эрнст Сарс	13
Наскальная живопись бронзового века	85
Клад серебряных монет из Орстада, XI в. Университет Осло. Собрание древностей	107
Корабль из Гокстада. Музей викингских кораблей в Осло. Фото раскопа	108
Олав Святой. Изображение на кости, XIV в. Национальный музей. Копенгаген	137
Гибель Олава Святого. Фреска, ок. 1300 г. Университет Осло. Собрание древностей	139
Городская печать Бергена 1276 г. Государственный архив Норвегии	165
Статуя списка из собора в Тронхейме, конец XIII в. Фрагмент. Дерево. Университет Осло. Собрание древностей	169
Землевладелец и лейслендиг. Миниатюра-заставка из рукописи Уложсния Магнуса Лагабётира, XIII в. Фото Арне Манн-Нильсена. Дания	171
Мужская голова из собора в Тронхейме, конец XIII в. Камень. Фото Иштвана Рача. Хельсинки	173
Крестьянская усадьба XIV—XV вв. Фото Иштвана Рача. Хельсинки	181
Крестьянское войско. Гравюра XVI в.	189
Король Кристиан II. Картина М. Ситтовса, ок. 1515 г. Масло. Государственный музей изобразительных искусств. Копенгаген	193
Карта Скандинавии И. Циглера 1532 г. Издательство «Каппелен». Осло	195
Священник Сёрсп Йенсен. Надгробное изображение с первой и второй семьями. Эпитафия XVI в. Национальный музей. Копенгаген	199
Ловля, вяление и копчение лосося. Гравюра XVI в.	201
Берген ок. 1570 г. Гравюра. Издательство «Каппелен». Осло	203

Крепость Акерсхус (ныне в Осло), XIV — начало XVII в. Реставрирована в середине XIX в.	243
Кристиан IV при закладке города Кристиании в 1624 г. Рисунок А. Тидеманна, 1875 г. Издательство «Каппелен». Осло	245
Чиновники с жепами. Рисунок 1762 г. Музей в Драммене	227
Крестьянин Бьёрн Фрейсак с семьей. Фреска 1699 г. Норвежский народный музей. Осло	229
Крестьянин из Вестланна. Гравюра ок. 1752 г. Издательство «Каппелен». Осло	230
Крестьянская усадьба. Гравюра ок. 1761 г. Издательство «Каппелен». Осло	231
Хаугеанцы. Картина А. Тидеманна, 1852 г. Масло.	233
Крестьянин — возчик руды. Перевозка дров. Рисунки начала XIX в.	243
Кристиан Фредерик	253
Заседание Государственного собрания в Эйдсволле, 1814 г. Картина О. Вергеланна. 1887 г. Масло	255
Кристиан Магнус Фальсен. Картина К. Фогта. Масло.	257
Титульный лист издания конституции 17 мая 1814 г. на французском языке. Из собрания М. Ф. Орлова. ЦГАОР, ф. 1714, оп. 1, д. 23, л. 1.	259
Набережная в Бергене с домами и складами ганзейцев. Акварель 1846 г. Университет Бергена. Исторический музей	269
Кристиансанн в 1824 г. Гуашь. Университет Бергена. Исторический музей	271
Хенрик Вергеланн. Литография	281
Уле Габриэль Уэланн	283
Маркус Тране. Литография	289
Юхан Свердруп	303
Политическая карикатура 1872 г.	307
Кристиан Хультерман Кнудсен. Архив рабочего движения. Осло	315
Рыночная площадь в Кристиании, начало XX в.	317
Правительство Кристиана Микельсена, 1905 г.	323
Рекламное объявление «Русско-норвежского торгового общества», 1917 г.	335
В ожидании удешевленной распродажи пицци из ресторана. Издательство «Тиден Норшк форлаг». Осло	337
Адам Эгед-Ниссен. Архив рабочего движения. Осло	341
Мартин Трапмель. Архив рабочего движения. Осло	342

Кюлле Гренп. Архив рабочего движения. Осло	343
Предвыборный плакат НРП 1933 г. Издательство «Тиден Норшк формат». Осло	365
Правительство Норвежской рабочей партии, 1935 г.	367
Посадка немецких самолетов близ Осло 9 апреля 1940 г.	397
Король Хокок VII и кронпринц Улаф в лондонской эмиграции	401
Советские военнослужащие в Норвегии. Издательство «Каппелен». Осло	423
Вокзальная площадь в Осло после взрыва в марте 1945 г. Издательство «Каппелен». Осло	425
Трюгве Ли	427
Норвежские торпедные катера в Ла-Манше, 1942 г.	429
Подписание советско-норвежского соглашения 16 мая 1944 г. в Лондоне	431
Поселок Вадсё в Финмарке после ухода вермахта, ноябрь 1944 г. Военно-исторический отдел вооруженных сил. Осло	437
Рыболовные суда в порту	441
Эйнар Герхардсен. Архив рабочего движения. Осло	445
Председатель Компартии Норвегии Эмиль Лёвлин. Редакция «Арбейдербладет»	447
Осло — морские ворота Норвегии	453
Новое предприятие фирмы «Норшк гидро», 1950-е годы «Осло-фьорд» — флагман норвежской трансатлантической линии, 1955 г.	485
Новый микрорайон Осло, 1950-годы	487
Рыбоконсервная фабрика. Фото Гарри Нур-Хансена. Ставангер	498
Морская нефтесбуровая платформа. Перевозка. Фото Гарри Нур-Хансена. Ставангер	500
Нефте- и газохранилище на берегу Северного моря. Фото Одне Бротхаммар, «Норшк гидро». Осло	501
Нефтехимический завод в Мопстаде. Фото «Де Норшке Веритас». Осло	502
Демонстрация против вступления Норвегии в «Общий рынок», сентябрь 1972 г. Фотохрошка ТАСС	539
Председатель Компартии Норвегии Мартин Гуннар Кнутсен	549
Разгон антипататовской демонстрации в Осло, май 1976 г. Фотохрошка ТАСС	565

Встреча премьер-министра Т. Браттели с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Москве, 1974 г. Фотохроника ТАСС	567
Встреча премьер-министра Т. Браттели с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным в Москве, 1974 г. Фотохроника ТАСС	569
Генрик Ибсен	591
Ъёрпстьерпе Вьёрсон. Литография 1860-х годов.	595
Кнут Гамсун	599
Сигрид Унсет. Картина Х. Слотт-Мёллера, 1919 г. Масло.	603
Нурдал Гряг	605
Деревянная церковь в Боргулис, XII в.	617
Портал деревянной церкви в Сетесдале, XII в.	619
Троицкой собор XII—XIV вв. После реставрации 1869 г.	621
Кавалерист. Роспись крышки сундука («розовая живопись»), вторая половина XVIII в. Норвежский народный музей. Осло	622
Сундук из Халлиндаля. Роспись К. Рюгге («розовая живопись»), ок. 1780 г. Норвежский народный музей. Осло	623
Девушки из Телемарка. Картина Э. Вереншёлля, 1883 г. Масло. Национальная галерея. Осло	627
Большая девочка. Литография Э. Мунка, 1896 г.	629
Скульптурно-парковый комплекс в Осло — Фрогнер-парк. Автор Г. Вигеланн, 1900—1943 гг.	632
Монолит. Фрогнер-парк. Скульптор Г. Вигеланн. Гранит	633
Ратуша в Осло. Архитекторы А. Арнеберг и М. Поульсон, 1933—1950 гг.	635
Памятник Эдварду Григу в Бергене. Скульптор И. Вик, 1917 г.	639
Нильс Хеприк Абель	651
Фритьоф Нансен	655
Дирижабль Р. Амундсена пад Королевским дворцом в Осло, 1920-е годы	657
Первый экипаж «Ра» в Марокко, 1969 г. Архив Ю. А. Сенкевича	659
ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ (ВКЛЕЙКИ)	
Белая почва. Картина Э. Мунка, 1903 г. Масло. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва	608
Замерзающая река. Картина Ф. Таулова, 1895 (?). Масло. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва	608

Ратуша в Осло. Центральный холл. Роспись Х. Сёрнсена	609
Ратуша в Осло. Центральный холл. Фрески А. Рольфсена	609
Ратуша в Осло. Роспись (темпера) Р. Аули	640
Ратуша в Осло. Фриз-рельеф по мотивам скандинавской мифологии. Фрагмент. Д. Верешёльмь. Раскрашенное дерево	641
Ратуша в Осло. Фриз-рельеф по мотивам скандинавской мифологии. Фрагмент Д. Верешёльмь. Раскрашенное дерево	644

КАРТЫ

Походы норвежских викингов. Atlas til historien, Stockholm, 1966, s. 13	160
Норвегия XIV—XV вв. Atlas til historien. Stockholm, 1966, s. 18	161
Норвегия около 1560 г. Norsk historisk leksikon. Oslo, 1975, s. 202	192
Норвегия около 1680 г. Norsk historisk leksikon. Oslo, 1975, s. 15	193
Современная Норвегия	468

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель Н. X. 73, 268, 631, 651
 Абрамов Я. В. 74
 Абрамович Н. Я. 74, 75
 Абсалоп Педерссен Бейер 576, 588
 Адлер Ю. Г. 258
 Адлерспарре Г. 245, 250
 Адмони В. Г. 76, 77
 Айхенвальд Ю. И. 75
 Александр I 241, 243, 249, 250, 263, 267, 278
 Александр Невский 157
 Аллимова Т. А. 71
 Алкуин 117
 Альбрехт Мекленбургский 186, 187
 Альнес Э. 642
 Альфред, король 104, 115, 116, 129
 Амира К. 21
 Амунд Сигурдссон Болт 190
 Амундсен Р. 73, 373, 656, 657
 Ананиан J. J. 70
 Андерсен П. С. 18
 Андерсен Т. 598, 604
 Андреев Ю. В. 70
 Анкер К. 252, 254, 256, 262, 263
 Анкер П. 252, 256
 Апокин Г. И. 8, 69
 Апелофф Я. Ю. А. 652
 Ари Торгиальссон (Мудрый) 99, 585
 Армфельт К. Р. 238
 Арнсберг А. 634, 635
 Арни Магнуссон 9
 Аса, королева (?) 109
 Асбьернсен П. К. 287, 577, 590, 626, 652
 Аскеберг Ф. 100
 Аскехоуг Т. X. 12, 28, 305
 Аспенгрэн Т. 541
 Аспос И. 425
 Аспос С. 621
 Аструп Н. 634
 Аструп Х. Р. 39
 Аугундсон Т. 637
 Аукруст О. 46
 Аукруст У., поэт 603, 604
 Аули Р. 630
 Байроп Дж. Г. 281
 Баккер Л. 634
 Банг К. 612
 Банг-Хансен О. 610
 Барсуков И. И. 69
 Барт П. 654
 Барток В. 642, 643
 Банис П. Э. 71
 Бек Г. 623
 Бек Ю. 254
 Велицкий В. Г. 73
 Белов М. И. 71
 Бёме Ф. 439
 Веспум Э. 49
 Берг А. 643
 Берг Е. К. 25
 Берг М. 620
 Берг П. 49, 413, 442
 Бергстор А. 33, 35—37, 54
 Берглиен Б. 627
 Бергсон А. 601, 604
 Берков В. П. 77
 Берковский П. Я. 76
 Берког У. 612
 Берлин И. Г. 637
 Берлин И. Д. 637
 Берлиоз Г. 641
 Бернарот Ж. Б. (см. Карл XIV Юхан)
 Бернадоты 322
 Бернсторф А. П. 234
 Бернсторф Ю. X. Э. 234
 Бернтсен Х. 52
 Вилг Е. 615
 Виргер Магнуссон 186
 Виркеланп К. 653
 Виркеланн М. 12, 28, 29
 Влан Л. 290
 Вланка Памюрская 184
 Блиндхейм III. 16
 Блум Г. П. 25, 28

- Блум К. 638
 Блументаль М. 622
 Блютт А. 652
 Блютт М. Н. 652
 Боден Ф. 21
 Бойер Ю. 603
 Войсон Э. 606
 Воливар С. 281
 Болстад Э. 77, 610, 615
 Боцдарь А. К. 8
 Боргедадь П. 36
 Борген А. 615
 Борген Ю. 77, 609—611, 613, 615
 Борген П. 53, 61, 513, 525—527
 Боттс-Хансен П. 591
 Браги Старый 122, 584
 Брамс И. 642
 Брандес Г. 74
 Братли Е. 325
 Браттели Т. 524, 528, 529, 532, 533,
 539, 554, 563, 567—569
 Бреггер А. 16, 85
 Брёггер В. К. 654
 Брежнев Л. И. 7, 552, 554, 566—569,
 573
 Брейен Х. 612
 Брейш Э. Ф. 646
 Брекке П. 611
 Брехт В. 612—614
 Бриггсвард Т. О. 615
 Бройер К. 396
 Брок У. 40
 Брок У. Я. 653
 Брокс О. 60
 Бротен Г. 443
 Бротен О. 602
 Брун В. 653
 Брун Ю. Н. 589
 Брунтлап А. О. 51, 572
 Брустад В. 643
 Бруффос Э. 461
 Брук М. 643
 Бук О. Э. 280
 Буль У. 627, 631, 638
 Буль Э. Х. 646
 Бустрём Э. Г. 309, 321
 Бутков П. Г. 64
 Буэн А. 351
 Бьерва С. 424
 Бьерве П. 46
 Бьёрвик К. 170
 Бьерксс В. Ф. К. 652
 Бьерксс Я. О. Б. 652
 Бьёрн Фрейсак 229
 Бьёрнебу Е. 612, 613
 Бьёрнсен Б. 57
 Бьёрнсет Ф. 612
 Бьёрнсон Б. 40, 74—77, 308, 309, 312,
 321, 329, 577, 578, 591, 592, 595—598,
 626, 627, 630, 631, 638, 640, 641
 Бьерретгор Х. А. 589, 638
 Бьярри Лодиссон 155
 Бьярри Херьюльссон 105
 Бюгге А. 14, 18, 149
 Бюль Т. 47
 Бюль У. 604
 Бюль Э. (младший) 36, 44, 47, 51
 Бюль Э. (старший) 15—17, 19—21,
 31, 34, 66, 149, 164, 356
 Вагнер Р. 641, 642
 Вален Т. 57
 Вален Ф. 643
 Валеш Х. 50
 Вальдсмар IV 186
 Вандерлиш Ф. 330
 Вара Х. 424
 Васберг Г. К. 38, 40
 Васботи П. 61
 Веберн А. 643
 Ведель-Ярлсберг Г. 28, 30, 32, 244—
 247, 249, 251, 256, 257, 285
 Вейбуль Л. 16
 Вейдеман Л. 258
 Вейм Х. 62
 Вейтлинг В. 290
 Вельхавст Ю. С. 282, 287, 590, 640
 Версннёль Д. 632
 Версннёль Э. 626, 627
 Вергеланн Н. 25, 32, 252, 255—257, 280
 Вергеланн Харальд 653
 Вергеланн Хенрик 25, 26, 31, 32, 280,
 281, 283, 287, 577, 578, 590, 627, 631,
 640, 653
 Весос Т. 603, 605, 608, 609, 611, 614,
 615
 Вессель Ю. Х. 589
 Веташв А. 424
 Вигсланн Г. 631—633, 650
 Вик Н. 628, 639
 Викил О. 424
 Викстрём Р. 416
 Викте Э. 635
 Вильденвей Х. 604, 611
 Винге С. 634
 Виноградов П. Г. 65
 Више О. 591, 603, 640
 Во А. 603, 614, 613
 Во Д. 632
 Воге П. 653
 Волд Т. 438
 Волл Я. Э. 614
 Ворм-Мюллер Я. 33, 35, 42

- Воронков Л. С. 70
 Вюллер Т. К. 40, 45, 49, 413
- Габриельсен Б. В. 53
 Гальдер Ф. 404
 Гамсун К. 74, 75—77, 598—602, 607, 609
 Ган К. П. 245, 264
 Ганслин Р. III. 71
 Гарборг А. 74, 75, 596, 597, 603, 640
 Гаусло А. 416
 Гаусс К. Ф. 651
 Гегель Ф. 76
 Герхардсен Р. 60
 Герхардсен Э. 49, 60, 62, 353, 380, 413, 442—445, 470, 475—478, 513, 523, 524, 552, 553, 566—568, 574
 Герц Г. 652
 Гиль К. 606
 Гиммлер Г. 412
 Гитлер А. 386, 391, 392, 394—396, 404, 405, 409, 410, 428, 436, 601
 Гледич П. П. 62
 Гледич Э. 653
 Гоген П. Р. 634
 Головки А. Г. 434
 Голошубов Ю. И. 70
 Голубчиков П. 425
 Гольдшмидт В. М. 654
 Градобитова Л. Д. 70
 Грехе Б. 634
 Грёпли Т. 60
 Грешп К. 327, 328, 342, 343, 352
 Григ Н. 77, 370, 433, 604, 605, 607, 610
 Григ Э. 638—642, 644—647
 Григорий IX 165
 Гримдалсен А. 632
 Гримм, братья 287
 Гримнес О. К. 57
 Громыко А. А. 566, 570
 Грош К. 628
 Грувен Э. 644
 Грюнер-Хегге О. 645
 Гуде Х. 625
 Гудов В. 424
 Гульдберг К. М. 653
 Гульдберг Х. 234, 235
 Гуннарссон Х. 588
 Гуннерус Ю. Э. 234, 235, 651
 Гуппхильд, королева 88
 Гуревич А. Я. 68, 69, 126
 Густав III 239
 Густав IV Адольф 240, 245
 Густав Эрикссон Васа (База) 194
 Густавсен А. 421
 Густавсен Ф. 61, 542, 544, 547
 Густавссон Г. 16
- Гюldenшерна А. 214
 Гюлленлёве У. Ф. 223, 237
- Даладье Э. 388, 390
 Даллан Б. 421
 Даллан Р. 434
 Даллап Т. 421
 Даль А. Д. 437
 Даль О. 17, 36, 52
 Даль Х. Ф. 48, 54, 56, 360, 361
 Даль Ю. 624, 625
 Дашмельсен Э. 48
 Дасс П. 588, 589
 Де Герс Л. 304
 Де Голль III. 523
 Дебюсси К. 641, 642
 Дезин М. П. 244
 Де Польм Ж. Л. 257
 Де Ла Барт Ф. 74
 Джаксон Т. Н. 69
 Джексон Ф. 655
 Дирикс К. 256—258
 Дитль Э. 399
 Добров А. С. 66
 Доо К. 282, 283, 288
 Дорейфельдт Л. 516
 Дороте Энгельбретсдаттер 588
 Достоевский Ф. М. 599, 606
 Доэ А. 40
 Дуун У. 602, 603, 606
 Дюрвик С. 36, 38
 Дюсте С. 422
- Екатерина II 238
 Елизавета Ярославна 102
 Ельм Ю. А. 277, 278
 Ельсвик Т. 57, 414
 Енс Нильссен 588
 Энсен А. О. 21—23
 Энсен М. 36
 Энсен О. А. 14, 27, 35, 40, 168
 Эппесен К. 327
 Эргенсен Д. 38
- Жданов Л. Л. 8
- Закс В. А. 69
 Зигфрид, конунг 117
 Зурабян К. С. 8, 70
- Ибсен Г. 32, 73—77, 268, 301, 309, 578, 590—595, 598, 616, 626, 627, 631, 640, 642
 Ибсен С. 311, 321
 Иванов В. II. 8
 Иверсен II. 421

- Игнатов С. 76
 Иден А. 428
 Извольский А. П. 329
 Илен Н. 330
 Имсен О. 23
 Ингеборг, герцогиня 186
 Инглинги 127, 128, 585
 Ингстад Х. 106, 656
 Иннокентий III 149
 Йогансен Ф. Я. (Юхансен) 654
 Йордап 89, 95
 Иоффе А. Е. 72
 Иргенс И. 228
 Исаков П. 425
 Искрин М. Г. 8
- Йегер** Х. 597
 Йенсен Л. 643
 Йерлев О. 35
 Йетс В. Б. 606
 Йорг Ю. 656
- Каалба** Л. 424
 Кан А. С. 69
 Капитонов Л. А. 70
 Карл X Густав 238
 Карл XII 238
 Карл XIII (Карл Сюдерманландский, или Сёдерманландский) 246, 266
 Карл XIV Юхан 30, 249—251, 262—267, 275, 276, 278, 284—286, 289, 627, 628
 Карл XV 303
 Карл Великий 117
 Карл Датский (см. Хокон VII)
 Карл Ионссон 585
 Карл Кнутссон 191
 Каридис М. 645
 Карлинг Ф. 611—613
 Карлсен У. 422
 Каролина Матильда 235
 Каролинги 117
 Карпов Л. Н. 70
 Карпова Р. Ф. 72
 Каслри Р. 262
 Кастберг Ф. 52, 469
 Кастберг Ю. 314, 324, 359
 Кафка Ф. 609
 Кац Д. 50
 Кверини П. 182
 Квислинг В. 42, 66, 358, 363, 366, 379, 391, 392, 398, 399, 402—404, 406, 410, 412, 418, 420, 439, 444, 601
 Кейлхау Б. М. 653
 Кейлхау В. 33, 34, 41
 Кейсер Р. 41, 43, 162, 171, 287
 Кейтель В. 394
- Кеккопен У. К. 560
 Кинк Х. 598
 Киркегор С. 76, 608
 Киттельсен Т. 626
 Клевен А. 642
 Клевси Х. 49, 50, 52
 Кленге П. 538
 Клукестад Я. 623
 Кнудсен Г. 39, 324, 325, 330, 339, 345
 Кнудсен К. Х. (Хульгерман Кнудсен) 314, 315, 327
 Кнудсен К. 577, 578
 Кнудсон Х. 291
 Кнут Альвссон 193
 Кнут Могучий 138, 139, 142
 Кнутсен Б. А. 422
 Кнутсен К. 635
 Кнутсен М. Г. 421, 549, 565
 Кнютсен Х. 424
 Колбьёрнсен К. 236
 Коллетт Дж. 246
 Коллетт К. 596, 602, 631
 Коллетт Ю. 254
 Коллонтай А. М. 72, 328, 338, 427
 Колстад П. Л. 362, 378
 Колумб Х. 106
 Кольберг К. 646
 Корвалл Л. 529, 530
 Корицинский Т. 61
 Корсмо А. 635
 Корсунский А. Р. 68
 Кортведт А. 40
 Кос Ф. 248
 Костюшко Т. 281
 Косыгин А. Н. 560, 567—569
 Когляр В. С. 70
 Краг В. 598, 602, 640
 Кристенсен А. 55
 Кристенсен И. 402
 Кристенсен К. А. Р. 44, 56, 413
 Кристенсен Р. 613
 Кристенсен Я. 602
 Кристи В. 256
 Кристиан I 190—192
 Кристиан II 193, 194, 196
 Кристиан III 196, 199, 200
 Кристиан IV 209, 212, 214—216
 Кристиан V (последний принц Кристиан) 219—221
 Кристиан VII 234
 Кристиан VIII (см. Кристиан Фредерик)
 Кристиан Август Аугустенбургский 244—246, 248, 249
 Кристиан Фредерик 26, 30, 32, 35, 249, 252—254, 256, 258, 262—266
 Кристьянсен Г. В. 357, 369, 416

- Кристиансен С. 606
 Кривов С. 612
 Крог Г. А. 288
 Крог К. 276
 Крог К., живописец 625, 626, 630, 631
 Крог П. 630
 Крог Х. 604, 612
 Кроканн И. 603, 607, 608
 Кроу Д. Р. 280
 Круммедиге Х. 192, 193, 209
 Круммедиге, семья 209
 Крупп, семья 409
 Крунская Н. К. 328, 338
 Крымова Н. И. 8, 77, 425
 Крюйс К. 230
 Кунов В. 325
 Кут Х. 15—17, 19, 20, 31—34, 37, 38,
 42, 43, 66, 150, 162, 367, 380, 381,
 384—386, 388, 392, 393, 395, 426, 586
 Куусинен О. В. 353
- Лавик А. 644
 Лагерлёф С. 602
 Лагранж Ж. Л. 651
 Ланге А. 521, 529, 532
 Ланге К. А. 287
 Ланге К. Л. 373
 Ланге Х. М. 51, 60, 61, 380, 460, 463,
 476, 479, 524, 540, 552, 566
 Лангебек Я. 9
 Ланглег Э. В. 628
 Лангсет Х. 6
 Лангфельдт К. 47
 Лангхольм С. 52
 Ландмарк Х. 50
 Ландстад М. Б. 591
 Ларсен А. 604
 Ларсен Г. 606
 Ларсен К. 656
 Ларсен Л. А. 422
 Ларсен Р. Т. 545, 549
 Ларсен С. 424
 Ларсен У. 425
 Лассаль Ф. 42
 Лаурантсон Я. 399
 Лаурицсон М. 225
 Лебедев В. З. 431, 432
 Лёвеншёльд С. 282, 286
 Лёвланн Е. 324
 Лёвлиен Э. 369, 445, 472, 545
 Лёвос Х. 50
 Лейв (Эрикссон) 105, 106
 Лейнг С. 280
 Лёкен Э. 51
 Ленин В. И. 4, 6, 42, 64, 267, 308,
 309, 316, 319, 322, 338, 342, 352, 373
 Лервик Х. 40
- Лёфснес К. 542, 544
 Ли О. 369, 416
 Ли С. 653
 Ли Т. 44, 367, 426—428, 430, 432, 443
 Ли Х. 44, 60, 445, 463, 471, 524, 540
 Ли Э. 632
 Ли Ю., писатель 74, 75, 578, 596, 598
 Ли Ю. 439
 Лиан У. 327, 343, 352
 Либерман С. 318
 Линге М. 419, 422
 Линдбекке Ш. 472
 Линнеман Л. М. 637
 Линнеман, семья 638
 Линстов Г. 628
 Лише Ю. 48, 434
 Лист Ф. 641
 Литвинов М. М. 385
 Лоренц Э. 36, 53, 59
 Лоуренс Д. Х. 611
 Лофтхус К. Е. 25, 231
 Лукиш Н. М. 15
 Луначарский А. В. 74—76
 Лунде Г. 412
 Лунден К. 22—24, 52, 168, 171, 175
 Лунн Г. 422
 Лучицкая М. 65, 74
 Лучицкий И. В. 65
 Люкке И. 348
 Льюнг Й. 62, 472, 523—525, 552, 553, 566
 Люпгар М. 615
 Люпге В. 180, 194
 Люнде Г. 615
 Людовик XIV 237
 Люросен К. 637
 Лютер М. 194
- Магерей Р. 612
 Магнус VI Хакопарсон (Лагабётир,
 т. е. Исправитель Законов) 154, 155,
 158, 166, 209, 214, 576, 586
 Магнус VII Эрикссон 184, 186
 Магнус Голоногий (Босоногий) 143,
 589
 Магнус Добрый 102, 142, 143
 Магнус Эйрикссон 167
 Магнус Эрлингссон 147—149
 Мадсен А. 225
 Майский И. М. 427, 428
 Мак-Робертс С. 330
 Малмедал А. 634
 Манус М. 422
 Маргарита, королева 184, 186—188
 Маркузе Г. 544
 Маркс К. 4, 55, 261
 Марселис, братья 228
 Маргънов В. Д. 70

- Маршалл Д. К. 62, 458, 460, 461, 463, 472, 474
 Масеж Э. 476
 Матисен Г. 40
 Матисс А. 629, 630
 Маурер К. 21, 67, 146
 Мсурсет П. 55
 Мейер J. 327
 Мейер X. 352
 Мейсальсхаген У. 470
 Медельсон Ф. 640
 Мережковский Д. С. 75
 Мерен С. 614
 Мерепков К. А. 436
 Меринг Ф. 596
 Мёрпер К. К. 245
 Мидельфарт В. 630
 Миддельгун Ю. 627
 Мидтскау С. 422
 Мийо Д. 643
 Микельсен К. 39, 55, 321, 322, 324
 Миккельсен М. 613
 Мишский Н. М. 74
 Мирович Н. 74
 Миронов А. 69
 Могунова М. А. 70
 Мольтке Г. 244, 247
 Мошрад М. 288
 Монтеस्कье Ш. 257
 Морсет П. 421
 Морсет, семья 421
 Мортсенсен Ф. 646
 Мопфельдт К. 305
 Мопфельдт П. 257
 Му Ё. 287, 577, 590, 626
 Му Ф. 380, 562
 Мувишкель Ю. Л. 348, 356, 359, 361, 366, 378
 Мунк А. 591, 640
 Мунк Е. 654
 Мунк Л. 211
 Мунк П. А. 11, 13, 15, 149, 162, 168, 287
 Мунк Э. 73, 628—632, 634, 650
 Мунк Эрик 211
 Мунте Г. 626
 Мунте М. 422
 Мусоргский М. И. 645
 Мьелхейм Л. 60
 Мюклянн К. 38, 39
 Мюкле А. 610, 611
 Мюрволл Ю. 39
 Наг М. 41
 Нансен Ф. 6, 55, 73, 218, 334, 358, 373, 375, 376, 630, 631, 650, 654—656
 Нансен X. 218
 Наполсон Бонапарт 240, 241, 250, 251, 255, 261—263
 Неверлюнд С. 424
 Недросс Т. 77, 610, 611
 Неергор Е. 283
 Нёклею Б. 405
 Нербёвик Ё. 36, 40
 Нессельроде К. В. 263
 Неустроев В. П. 8, 77
 Неусыхин А. И. 67
 Николай I 289
 Николай II 320
 Нильсен Б. 613
 Нильсен И. 14, 28—30, 35
 Нильсен М. 351
 Нильсен Р. 77, 604
 Нильсон В. 225
 Нильсон С. С. 53
 Ниссен Б. 35, 38
 Ниссен О. 327
 Пишис Ф. 76, 601
 Нобель А. 313, 631
 Нобиле У. 656
 Носков А. М. 69, 70
 Нурдаль К. 60, 463, 540
 Нурдли О. 533, 535, 539, 563
 Нурдрок Р. 631, 638, 640
 Нурман X. 476
 Нурхейм А. 646
 Нюгор К. 39
 Нюгор У. 603, 604
 Нюгорсволл Ю. 58, 366, 367, 388, 392, 393, 395, 403, 405, 428, 429, 445
 Пюстед К. 646
 Обстфеллер С. 74, 598
 Однсс П. 623
 О'Коннел Д. 281
 Олав IV 187
 Олав Нильссон 191
 Олав Спокойный 143
 Олав Триугвасон 102, 134, 135, 138, 586
 Олав Харальдссон (Святой) 102, 135, 137—140, 142, 143, 149, 153, 193, 584—586, 643
 Олав Энгельбректссон 196, 198
 Оль П. 254
 Оль Я. 26, 28, 30, 35, 247, 256, 287
 Ольденбургги 190
 Омлид Ю. 50
 Омре А. 608, 615
 Онеггер А. 643
 Орлов М. Ф. 71, 263
 Осеп И. 287, 578, 579
 Оскар I 286, 288, 289, 301, 303
 Оскар II 304, 306, 308, 310, 321, 322

- Ослани Т. 40
 Оттар, норвежец 104, 105, 116, 129
 Оттар, скальд 121
 Отгон П 134
 Оуэн Р. 290
- Навел Диакон 117
 Навельс К. 253
 Павлова Л. Я. 74
 Пасецкий В. М. 72
 Педдари Б. 424
 Педер Клауссён Фриис 576, 588
 Педерсен Н. 470
 Педерсен Р. 424
 Петерсен Я. 16
 Петр I 230, 234, 237
 Петр III 238
 Петров Г. Д. 72
 Пирогов Г. Н. 70
 Пискулов Ю. В. 70
 Пифей из Массилии 86
 Платен Б. 250, 276, 277
 Плеханов Г. В. 75, 76
 Поздеева Л. В. 8
 Половинков Я. 424
 Пономарев Б. Н. 550
 Порсхольт Л. 50
 Поске Ф. 21, 42, 149, 164
 Поульсон М. 634, 635
 Похлебкин В. В. 66, 67, 73
 Прейсен А. 614
 Прокофьев В. (Юдинцев) 70
 Прокофьев С. С. 645
 Проскурин В. 72
 Прудон П. Ж. 290
 Птолемей 87
- Раверт И. X. 622
 Раск Д. 555
 Револл А. 630
 Регер М. 642
 Редер О. М. 288
 Редер Э. 390, 391, 404
 Редис В. 439
 Рейн Ю. 589
 Рейс-Андерсен Г. 604, 607, 611, 615
 Рекве Н. 637
 Рёнишберг Й. 419
 Риббептрон И. 386
 Ринг Г. А. 50
 Риннан Ф. 635
 Ристе У. 40, 51, 58, 334, 405
 Рихтер О. 39
 Рич В. 330
 Рогинский В. В. 71
 Рогстад Г. 439
 Родульф (Рольф) 95
- Розенберг А. 391, 404
 Розенкранц М. 244, 254
 Розенкранц Н. 263
 Роккан С. 50
 Рольфсен А. 630
 Ронген Б. 611
 Росет И. А. 47, 355
 Росслапи С. 654
 Рубен В. П. 570
 Рузвельт Ф. Д. 58, 430
 Румор К. 634
 Русанов В. А. 656
 Руссо Ж.-Ж. 257, 588
 Рыдзевская Е. А. 65
 Рыковская О. К. 67
 Рысаков П. П. 70
 Рюге К. 623
 Рюге О. 398, 400
 Рюд П. Ю. 609, 611
- Садат А. 556
 Сазонов С. Д. 333
 Сакариссеп А. 36, 44
 Самотейкин Е. М. 69, 72
 Сандвик Х. 59
 Сандель К. 608
 Сандельс А. 276
 Санн Л. 422
 Сапнемусе А. 605, 606, 609, 615
 Саннес Ен 39, 44, 463
 Саннес Ерен 23, 95, 168
 Сарс Г. О. 652
 Сарс М. 652
 Сарс Э. 12, 13—16, 19, 26—28, 30, 31, 33, 34, 37, 149, 168, 171, 308, 311
 Сваве Х. 218
 Свенсен Ю. 641
 Свердруп Г. 254, 256—258
 Свердруп О. 6, 654—656
 Свердруп Х. У. 656
 Свердруп Ю. 31, 302—304, 306, 308—310
 Сьеррир 16, 147—150, 152, 585, 586
 Свиненг Х. 424
 Свинсос И. 77, 610
 Северуд Х. 643
 Сегал Я. Е. (Гальсен С.) 66
 Сёдерлипп Р. 646
 Седов Г. Я. 656
 Сейерстад А. 60
 Сейерстед Ф. 38, 52
 Сейп А.-Л. 40
 Сейп Д. А. 417, 443
 Сейп Е. А. 20—23, 36, 37, 40, 59, 60
 Сельберг А. 653
 Сельмер К. А. 306, 308
 Сельмер Ю. 641

- Сельнес К. 3, 4, 41
 Семмингсен И. 36
 Сен-Симон К. А. 290
 Сёвстебю Г. 422
 Сёребё Х. 61
 Сёрен Йенсен 199
 Сёренсен Х. 630
 Сехестед Г. 216, 218
 Сиблушн А. 425
 Сивле П. 597
 Сигурд Крестоносец 143, 585
 Сименсен С. 342
 Синдинг К. 641, 642
 Синдинг С. 625, 627
 Ситтер И. 634
 Скагестада О. Г. 53
 Скагестада Т. 603, 613
 Скодвин М. 45, 46, 48, 49, 57, 58, 61, 62, 422
 Скотт В. 589
 Скотт Г. 603
 Скотт Р. Ф. 656
 Скоуен А. 610
 Скрам А. 596, 597
 Скрейпер Ю. 17, 18, 40, 47, 149, 179
 Скули 152
 Скуллеруд О. 39
 Слетто У. 606
 Слотт-Мёллер Х. 603
 Снорри Стурлусон 16, 109, 584, 588
 Сойер П. 113
 Соколов М. Н. 8
 Sommerfeldt Э. 646
 Sommerfeldt М. У. 254
 Спенсер Г. 13
 Ставанг П. 50
 Станг Ф. 39, 305, 306, 308
 Станг Э. 308, 310
 Стасов В. В. 624
 Стеблин-Намецкий М. И. 77, 121
 Стееп Р. 524, 532, 540—542, 552
 Стеен С. 33—35, 39, 43, 45, 54
 Стеен Э. А. 45
 Стеен Ю. 39, 302, 309, 310, 312
 Стейн К. 422
 Стейншес А. 168
 Стен Стуре 193
 Стёстад С. 353
 Стефенсон Р. 296
 Стиген Т. 610
 Стокланн Х. 50
 Сторм Г. 16
 Сторм П. П. 632
 Сторм Э. 589
 Стравинский И. Ф. 642, 645
 Странд-Юхансен Ю. 369, 416
 Стрёмбу Г. 235
 Стрёмхольм Ф. 646
 Струэнзе И. Ф. 234, 235
 Стуккенброк И. А. 621
 Стурлушн 104
 Стурстейн А. 630
 Сулли Р. («Пелле») 421
 Сулстад Д. 615, 616
 Сулхейм С. 421
 Сулхейм Т. 49, 57, 421, 544
 Суппе А. («Освальд») 419, 421
 Суппхелсен С. 212
 Суслов М. А. 550
 Сучков Б. Л. 77
 Сэмунд Мудрый 585
 Сэтра Х. 60
 Танген Д. 60
 Танк К. 254
 Тарангер А. 14, 21
 Таулов Ф. 625, 626
 Тацит Корнелий 98
 Твейт Г. 644, 645
 Твейте С. 38
 Тветен О. 635
 Твестерос В. 634
 Тёппенсен Ю. Н. 39
 Теодорих 95
 Теодрик (Теодорик) 584, 585
 Тербовен И. 402—405, 410, 412, 415, 418, 439
 Тиандер К. Ф. 65
 Тидеманн А. 233, 625
 Тидеманн О. Г. 566
 Тимашкова О. К. 70
 Тингстад Г. 421
 Титлестада Т. 55, 57
 Томмесен Э. 413
 Томстад Г. 422
 Торбьёрн, скальд 127, 584
 Торвальдсен Б. 627
 Торгильссон А. 99
 Торгисл 103
 Торлейв 194
 Тормёлен Е. 225
 Торп О. 353, 380, 445, 450, 463, 470, 475
 Торфеус Т. 9
 Трапе В. 638
 Трапе М. 35, 37, 289—291, 301, 313, 590, 592
 Трапе Ю. 252
 Транмель М. 327, 328, 342, 343, 352, 353, 355, 380
 Тресков Г. 225
 Тресков П. 254
 Трумэн Г. 59
 Трю Х. 38
 Туе А. 653

- Тулли К. Б. 588
 Турденшюльд П. 238
 Тьодольв, скальд 127, 584
 Тюгесон Н. Э. 252
 Убрестад Т. 614, 615
 Удгор Н. М. 58
 Уксви́г О. 470
 Улаф, крошприпц (король Улаф V)
 401
 Улсеп М. 16, 90
 Ульсеп К. 424
 Ульсен С. 644
 Ульстейп Р. 57
 Ульфрстад М. 644
 Уманг Р. 40
 Ушп Мудрая 103
 Упсет С. 77, 602, 603, 606, 608
 Уппдаль К. 602, 603, 606
 Урдинг А. (Ординг) 42, 66, 463
 Устведт И. 55
 Ууслаш Г. 448
 Уэлаш У. Г. 33, 283, 291, 302
 Файе А. 287
 Фальк Э. 352, 604
 Фалькбергет Ю. 602, 606, 608
 Фалькенхорст Н. 404
 Фальсен К. М. 9, 10, 25, 39, 256—258
 Фальсен Э. 244, 245, 256
 Фанген Р. 422, 606—608
 Фаро Х. 62
 Фастинг К. 589
 Фелис Г. 439
 Фернлей Т. 625
 Филипп Д. 369
 Филипп IV Красивый 162
 Фишве Х. 634
 Финстад А. 61
 Фладму А. 646
 Флакстад Н. 632
 Флегстад Х. 614
 Фогт К. 257
 Фогт Ю. Г. 654
 Фойн С. 296
 Форстен Г. В. 65
 Фостерволл К. 47
 Фрам К. (Брандт В.) 42
 Франко Ф. 382, 383, 459
 Франц I 262
 Фредерик I 196
 Фредерик II 199, 212
 Фредерик III 216, 218—220, 223
 Фредерик IV 234
 Фредерик VI (наследный принц Фре-
 дерик) 235, 241, 246—249, 251, 252,
 263, 278
 Фредерик Гессенский 247, 249
 Фридрих-Вильгельм III 262
 Фрисс Я. 470, 476
 Фриман К. 589
 Фрюденлунд К. 51, 559, 561, 570, 571,
 573
 Фуглум П. 38
 Фьеллбю А. 438
 Фьельстад Э. 645
 Фьёртофт О. 313
 Фюрре Б. 54, 542, 548
 Фюрюботт П. 55, 57, 353, 357, 416, 445,
 472
 Хавреволл Ф. 610, 613
 Хаген И. Р. (Росфлинг Хаген) 606
 Хагеруп Г. Ф. 312
 Хагеруп И. 77, 574, 607
 Хагеруп Ф. 321
 Хагеруп Х. 613
 Хакон IV Хаконарсон (Старый)
 152—154, 158, 167
 Хакон V Магнуссон 153, 155, 156,
 160—162, 186
 Хакон VI 184, 186, 187
 Хакон Добрый (Воспитанник Этель-
 стана) 131, 133, 138, 584
 Хакон Сигурдарсон 134
 Хакстхаузен Ф. Г. 254
 Халвари А. 425
 Халвари О. 425
 Хальвад Черный 585
 Халворсен О. Б. 344, 345
 Халворсен Т. 544, 574
 Халворсен Ф. 42
 Халворсен Х. 413
 Халлинг Х. 291, 292, 313
 Халль П. 642
 Хальвард Гротол 190
 Хальворсен Ю. 641, 642
 Хамбро К. И. 397
 Хаммер Э. 235
 Ханс Датский 189, 192, 193
 Хансен А. 42, 357
 Хансен Г. 570
 Хансен Г. Х. А. 653
 Хансен М. 589
 Хансен Р. 559
 Ханссон П. 57, 421
 Ханссен В. 416
 Ханстеен К. 651
 Харальд Прекрасноволосый (Хар-
 фогр) 9, 17, 103, 109, 127—129, 131,
 133, 134, 137, 138, 152, 584, 585
 Харальд Серый Плащ 133
 Харальд Сигурдарсон (Суровый Пра-
 витель) 102, 116, 130, 142—143, 584

- Харальд Синезубый 134
 Хартман П. 413
 Хартман С. 45, 49, 57
 Харфагры 128, 138, 147
 Хассель О. 658
 Хауге А. 614, 615
 Хауге Е. К. 414
 Хауге К. 612
 Хауге Х. II. 76, 232
 Хаугсен П. X. 614
 Хауглапн К. 422
 Хаукелаш А. 634
 Хаукелид Х. 419
 Хачатурян А. И. 645
 Хегна Т. 4, 422
 Хейберг Г. 74, 598, 601
 Хейберг Ж. 630
 Хейде Э. 424
 Хейердал Т. 73, 437, 657—659
 Хелле К. 19, 22, 162, 175
 Хеллевик О. 50
 Хелсет У. 477
 Хельмебакк С. 77, 517, 574, 612
 Хельстади С. 45
 Хсм Э. 613
 Херамб Т. 634
 Херцберг Э. 14
 Хейор П. 653
 Хилсрос Э. 653
 Хиндемит П. 642
 Ховардсхольм Э. 514, 614, 615
 Ховлаш Э. 646
 Хокон VII 46, 322, 381, 398, 401—404, 432
 Холмсен А. 18—20, 22, 36, 51, 138, 149, 174
 Холст Ю. Е. 51, 554
 Холт К. 610, 614
 Холт О. 612
 Хольберг II. 9, 588
 Хольтерман Р. 399
 Хольгсмарк Ю. 653
 Хорклоу Ю. 642
 Хорнсруд К. 47, 327, 355
 Хосенфеллер Ф. 623
 Хоффман Ф. 51
 Храповицкая Г. Н. 76
 Христофор Баварский 190
 Хуль С. (Хель) 77, 268, 604, 608, 609, 612, 615
 Хунсейд Е. 362
 Хурум А. 642
 Хьеллаш Аксель 612
 Хьеллаш Александр 74, 75, 77, 309, 578, 596—598
 Хьеллаш У. 644
 Хьерульф Х. (Кьерульф) 638
- Цезарь Кай Юлий 98
 Циглер И. 195
- Чемберлен Н. 390
 Черчилль У. 58, 388
 Чулков Г. И. 75
- Шарфенберг Ю. 422
 Шаскольский И. П. 65, 67
 Шагков Г. В. 77
 Швейгор А. М. 39, 282
 Швейгор К. X. 303, 305, 308
 Шейдт Г. В. 391
 Шекспир В. 642
 Шеллеруп Ф. 413
 Шельм Н. 632
 Шёнберг А. 643
 Шённиг Г. 9, 234
 Шёнсберг Т. 413
 Шетели Х. 16
 Шефло У. 42, 55, 328, 353, 357
 Шиллер Ф. П. 75, 76
 Шипкин В. А. 72
 Шопенгауэр А. 601
 Шостакович Д. Д. 645
 Шпейдель Г. 479
 Штакельберг О. 240
 Штраус Р. 642
 Шуберт Ф. 640
 Шуман Р. 640
 Шумахер П. (Гриффенфельд) 219
- Щенкин Е. Н. 65
 Щербakov В. И. 434
 Щербачев Ю. Н. 65
- Эвенсму С. 77, 542, 607, 610, 612
 Эверлаш А. 370, 422, 604, 607, 611, 612, 615
 Эвьен Х. 574
 Эгге К. 643, 644
 Эгге П. 603
 Эгген А. 642
 Эгде Х. 227
 Эгде-Писсен А. (младший) 434
 Эгде-Писсен А. (старший) 327, 338, 341, 342, 369, 445
 Эгилл Скаллагримссон 88, 107
 Эйвишд Губигель Скаллов 584
 Эйзенхауэр Д. Д. 420
 Эйлер Л. 651
 Эйрит Кровавая Секвra 88, 131, 133, 584
 Эйрик Магнуссон 159
 Эйрик Рыжий 105
 Экелаш А. 631
 Экланн Г. 615

- Экланн Э. 614
Эксендаль А. 57
Эллинг К. 642
Элсуорт Л. 656
Эльстер Э. 52
Эльстер К. (младший) 602
Эльстер К. (старший) 596, 597
Эльстер Т. 445, 446
Энг Дж. 635
Энгельбрект Энгельбректссон 189, 190
Энгельс Ф. 4, 75, 220, 261, 268, 283, 293, 301, 314, 591, 596
Энгестрём Л. 249, 277
Энстведт Р. Т. 52
Эпхольм К. 50, 62
Эрвик Н. 40, 45, 48, 53, 58
Эрик XIV 212
Эрик Магнуссон 186
Эрик Померанский 187, 188, 190
Эриксен А. 327
Эриксен И. 425
Эриксен К., генерал 398
Эриксен К. Э. 61, 62
Эриксен Х. К. 57
Эрикссен Т. 425
Эрлинг Кривой 147, 149
Эрнст И. К. 621
Эрнст П. 75, 261
Эрьясэтер Т. 602—604, 612
Эствед А. 646
Эстведт Э. 39
Эстерюд Э. 36
Эстрём М. 424
Эстрём Р. 424
Эстрем В. 53
Этольстап 131
Юнг А. 612
Юпсен Х. 646
Юрдая С. 642
Юхансен Г. 613, 614
Юхансен М. 642
Юхансен П. У. 55
Ябек С. 304, 308
Якобсен Р. 606
Якобсен Т. 421
Якович И. 65
Якуб В. Л. 8
Яп Г. 413
Янцен М. 313
Яре А. 650
Ярослав Мудрый 102, 139

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ	9
НОРВЕЖСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	9
Изучение древности и средневековья	9
<i>А. Я. Гуревич</i>	
Изучение новой истории	24
<i>В. В. Рогинский</i>	
Изучение новейшей истории	41
<i>А. С. Кан</i>	
РУССКИЕ И СОВЕТСКИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ НОРВЕГИИ	63
<i>А. С. Кан</i>	
(Об изучении норвежской литературы — <i>Г. В. Шапков</i>)	
Глава	
1 ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ	78
<i>А. Я. Гуревич</i>	
Глава	
2 ПОХОДЫ ВИКИНГОВ (КОНЕЦ VIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI В.)	97
<i>А. Я. Гуревич</i>	
(О русско-норвежских связях — <i>И. П. Шаскольский</i>)	
(Об открытии Северной Америки викингтами — <i>М. А. Кован</i>)	
Глава	
3 ОБРАЗОВАНИЕ РАИНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ IX — НАЧАЛО XIII В.)	126
<i>А. Я. Гуревич</i>	
Глава	
4 РАСЦВЕТ НОРВЕЖСКОЙ МОПАРХИИ В XIII В.	152
<i>А. Я. Гуревич</i>	
(О русско-норвежских связях — <i>И. П. Шаскольский</i>)	

Глава		
5	УПАДОК НОРВЕГИИ. ОТ УНИИ СО ШВЕЦИЕЙ К УНИИ С ДАНИЕЙ (XIV—XV ВВ.)	177
	<i>А. Я. Гуревич</i>	
Глава		
6	РЕФОРМАЦИЯ. НАЧАЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА. НОРВЕГИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКОЙ ДЕРЖАВЫ (1536—1600 ГГ.)	197
	<i>А. Я. Гуревич</i>	
	(О русско-норвежских связях — <i>И. П. Шаскольский</i>)	
Глава		
7	НОРВЕГИЯ В СОСТАВЕ ДАТСКО-НОРВЕЖСКОЙ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ	218
	<i>В. В. Рогинский</i>	
Глава		
8	БУРЖУАЗНАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1814 Г. В НОРВЕГИИ	241
	<i>В. В. Рогинский</i>	
Глава		
9	ОТ МАНУФАКТУРНОГО К «СВОБОДНОМУ» КАПИТАЛИЗМУ. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ (1815—1850-е ГОДЫ)	268
	<i>В. В. Рогинский</i>	
Глава		
10	НОРВЕГИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НАЧАЛО ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ	293
	<i>В. В. Рогинский</i>	
Глава		
11	РАСТОРЖЕНИЕ НЕРАВНОПРАВНОЙ УНИИ. НОРВЕГИЯ В ПЕРИОД ДОВОЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1900—1918 ГГ.)	316
	<i>И. Э. Бацис</i>	
Глава		
12	НОРВЕГИЯ В МЕЖВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ. НАЧАЛО ПЕРЕХОДА ОТ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА К ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ	339
	<i>Г. И. Пирогов</i>	
	Революционный подъем в конце и после мировой войны	339

Дальнейшее развитие монополистического капитализма. Экономические кризисы	345
Массовое рабочее движение 1920-х годов	349
Два раскола Норвежской рабочей партии. Образование Коммунистической партии Норвегии и ее деятельность в 20-х годах	351
Перегруппировка политических сил буржуазии. Новые партии	357
Поиски выхода из нового экономического кризиса	361
Создание правительства Норвежской рабочей партии	366
Отношения между НРП и Компартией Норвегии	369
Внешняя политика Норвегии между двумя мировыми войнами	371
<i>В. М. Самогейкин</i>	
Глава	
13 НОРВЕГИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	388
<i>А. М. Иосков, А. С. Кан</i>	
Норвегия в планах империалистических коалиций	388
Норвегия в канун фашистского вторжения	392
Военная кампания 1940 г. в Норвегии	396
От Административного совета к фашистско-квислинговскому режиму	402
Хозяйство оккупированной Норвегии. Ее место в фашистском «новом порядке»	405
Движение Сопротивления и его особенности	410
Вклад норвежцев в борьбу с фашизмом за рубежом. Внешняя политика эмигрантского правительства	426
Освобождение Советской Армией восточного Фипмарка	434
Глава	
14 НОРВЕГИЯ В 1945—1960 ГГ.	440
<i>Г. Н. Пирогов</i>	
Последствия войны и оккупации. «Общая программа» норвежских партий	440
Положение в рабочем движении. Объединительные переговоры 1945 г.	444

Послевоенное развитие государственно-монополистического капитализма	452
Присоединение к «плану Маршалла» и вступление в НАТО	458
Внутренняя и внешняя политика в первой половине 50-х годов	466
Обострение борьбы по вопросам внутренней и внешней политики в середине 50-х годов	474
Новые явления в рабочем движении 50-х годов. Вступление в полосу экономического подъема. Сплочение левой оппозиции в НРП	480

Глава

15 НОРВЕГИЯ 60—70-х ГОДОВ: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ «ОБЩЕСТВА БЛАГОПОЛУЧИЯ», КУРС НА ИНТЕГРАЦИЮ И ЕГО ЗАМЕДЛЕНИЕ	491
Общие черты периода	491
<i>Л. А. Капионов</i>	
Экономическое развитие 60—70-х годов: темпы роста, структурные сдвиги и качественные изменения	493
<i>К. А. Саар</i>	
Государственно-монополистическое регулирование экономики. Норвегия в системе империалистической интеграции	506
<i>К. А. Саар</i>	
Социальные перемены и реформы	511
<i>Л. А. Капионов</i>	
Усиление внутриполитической борьбы: поражение сторонников «Общего рынка»	519
<i>Л. А. Капионов</i>	
Рабочее и социалистическое движение: новые партии, новые проблемы	535
<i>Л. А. Капионов</i>	
Внешняя политика — между НАТО и разрядкой	552
<i>А. Серёгин, П. Деменков</i>	

Глава

16	ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	575
	Язык	575
	<i>В. П. Берков</i>	
	Литература	583
	<i>А. Я. Гуревич, Г. Н. Храповицкая, А. С. Кан</i>	
	Изобразительное искусство	616
	А. Е. Кроль , <i>М. И. Безрукова</i>	
	Музыка	636
	<i>О. Е. Левашева</i>	
	Организация и достижения пауки	647
	<i>М. А. Коган</i>	
	ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	660
	БИБЛИОГРАФИЯ	668
	СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	690
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	695

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
П. Л. Петрова

Художник
Ю. П. Трапачов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технические редакторы
Т. А. Прусакова, А. П. Гусева

Корректоры
Р. С. Алимова, Е. Н. Белоусова

ИБ № 15594

Сдано в набор 28.12.79.

Подписано к печати 10.07.80

Т-09871. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 45,25. Уч.-изд. л. 51,5.

Тираж 9300 экз. Тип. зак. 2684

Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

О. В. ЧЕРНЫШЕВ

ШВЕЦИЯ

В ГОДЫ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

20 а. л. 3 р. 60 к.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ АВТОРА — ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ, ВЫЗВАННАЯ ВОЙНОЙ, ВЗАИМОТНОШЕНИИ ЧАСТНОГО СЕКТОРА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВСЕХ СФЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ УДЕЛЕНО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ШВЕЦИИ: ВЗАИМОТНОШЕНИЯМ ПАРТИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОАЛИЦИИ, БОРЬБЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ, ПРОБЛЕМАМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИФАШИСТСКИХ ТЕЧЕНИЙ И ГРУПП.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	14 св.	Круг	Кут
502	7 сл.	16 млн.	1,6 млрд.
503	4 сл.	с 53,1 до 50,2%	с 26 до 24%
503	5 сл.	с 14 до 21,3%	с 43 до 47%
505	14 сл.	1977 г.— 19 млрд.	1977 г.— 26 млрд.
505	21 сл.	1977 г. 26 млрд.	1976 г. 54 млрд.
712	3 св.	О. В. Чернышев	О. В. Чернышева

История Норвегии

в р.60к.

ИСТОРИЯ
НОРВЕГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»